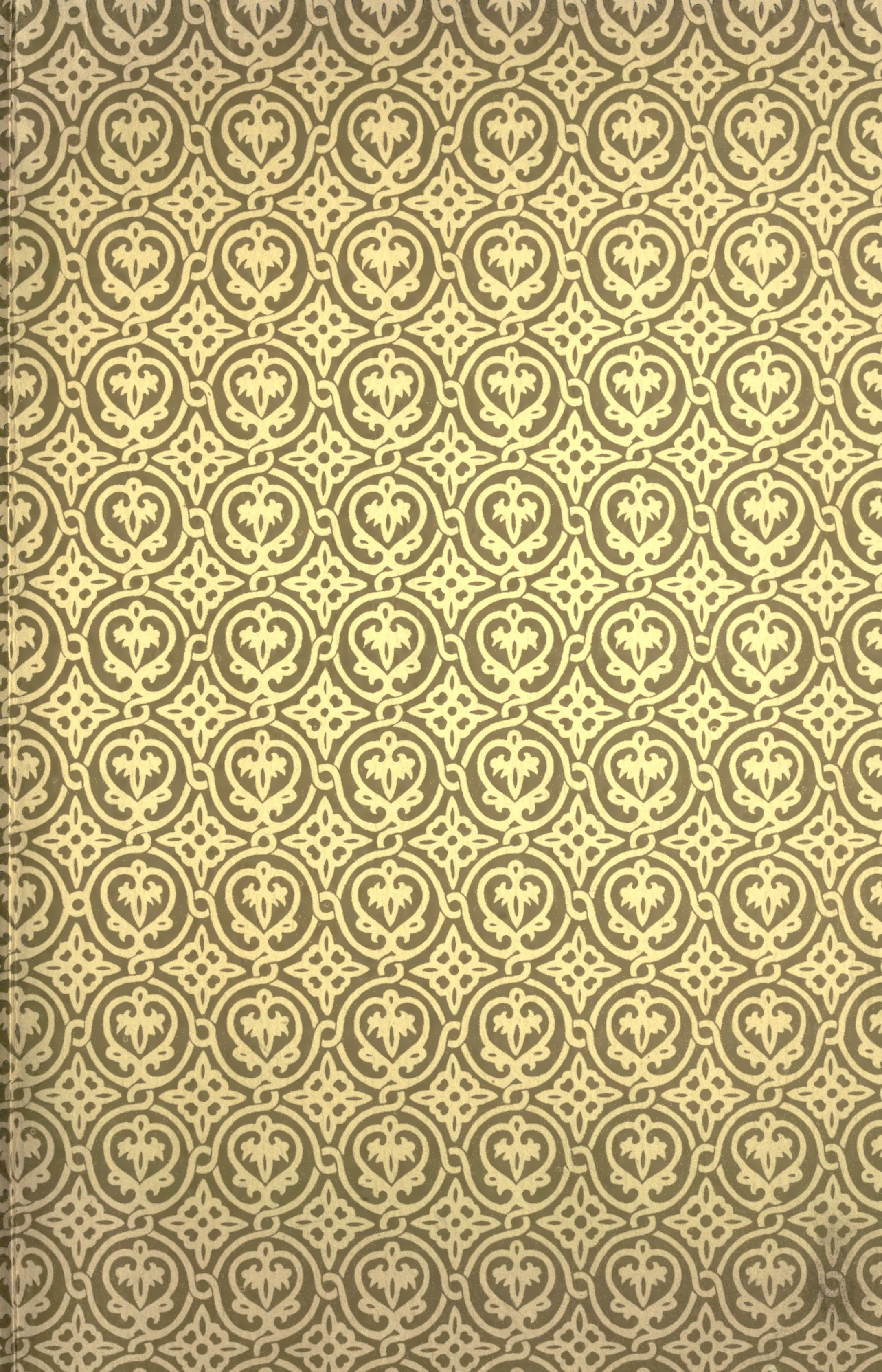
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00691565 6



Trachevskiĭ, Aleksandr Semenovich

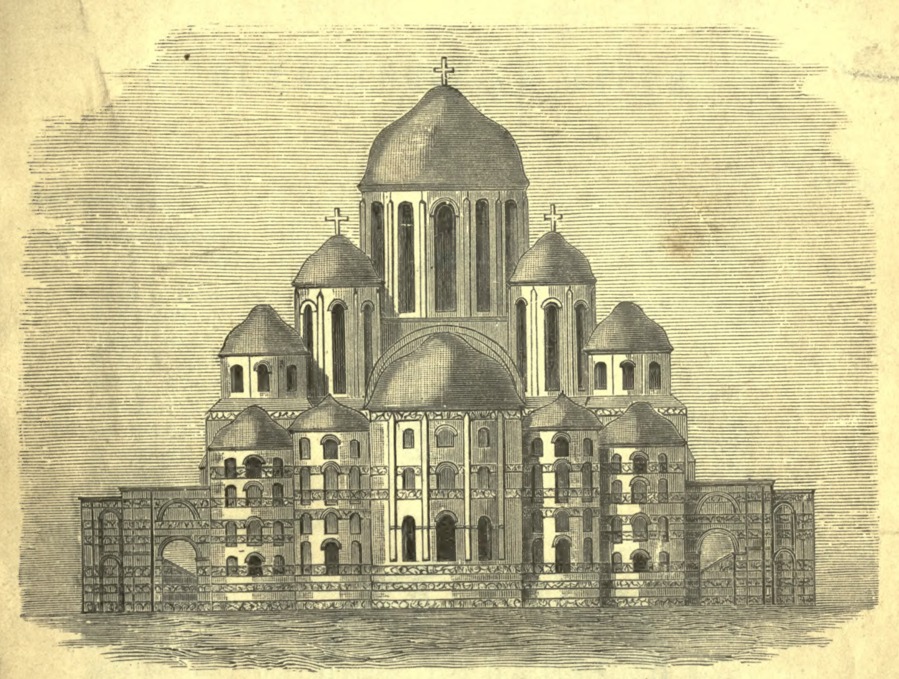
РУССКАЯ ИСТОРІЯ

Russkaia istoriia

ПРОФЕССОРА

А. ТРАЧЕВСКАГО.

ch. 1



Храмъ св. Софіи въ Кіевѣ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И РАСШИРЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

СЪ УКАЗАТЕЛЯМИ ИМЕНЪ, ГОДОВЪ И ПРЕДМЕТОВЪ, СЪ 96 РИСУНКАМИ, 6 КАРТАМИ, 6 ПЛАНАМИ И 3 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе К. Л. Риккера.
Невскій проспектъ, 14.
1895.

DK
41
T8
1895
ch. 1

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 28
2333

785768

Дозволено цензурою. Спб. 9 Іюня 1895 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ I-й ЧАСТИ.

Рисунки и планы въ текстѣ.

Раскрашенныя картины внѣ текста.

Настоящее изданіе *Русской Исторіи* не можетъ быть названо учебникомъ—какъ понимается это слово у насъ—ни по своимъ размѣрамъ, ни по своему изложенію: оно предназначается для взрослой молодежи, для учителей и для самообразованія.

Такое превращеніе, задержавшее выходъ сочиненія въ свѣтъ (первое изданіе истощилось года три тому назадъ), произошло само собой.

У насъ замѣчается возрожденіе интереса къ положительному, историческому знанію вообще и къ болѣе осмысленному ознакомленію съ судьбами родной страны въ частности: понятно всеобщее желаніе выйти изъ смуты противорѣчивыхъ воззрѣній, наставшей съ ослабленіемъ такихъ отчетливыхъ направленій, какъ западничество и славянофильство. Въ то же время задачи отечественной исторической науки становятся все шире и сложнѣе, переростая даже развитіе ея средствъ: въ ней, кажется, нѣтъ ни одного основнаго вопроса, который былъ бы рѣшенъ окончательно. Это замѣтно даже съ внѣшней, прагматической стороны, которую естественно наиболѣе разрабатывали до сихъ поръ; а настала очередь углубиться въ *бытовое* развитіе нашего народа, перейти къ *соціологическому* объясненію нашего прошлаго.

Предъ авторомъ, положившимъ культурную точку зрѣнія въ основу своего труда съ самаго начала [1]), невольно возникла за-

---

[1]) См. *Введеніе къ Древней Исторіи.*

дача—дать сочиненіе, которое представило бы, въ общедоступной формѣ, обработанный сводъ современныхъ знаній о прошломъ его отечества, которыхъ ищетъ теперь каждый образованный русскій. Онъ самъ, при своемъ университетскомъ преподаваніи, давно ощущалъ недостатокъ въ подобномъ изданіи, которое заняло бы мѣсто между тщедушными „руководствами" и многотомными Левіаѳанами, притомъ посвященными преимущественно внѣшней исторіи.

Такой трудъ долженъ обнимать, со всѣхъ сторонъ, полную исторію родной страны, съ ея сумеречныхъ зачатковъ до блеска текущаго дня. Если авторъ не коснулся царствованія Александра III, то лишь потому, что, къ крайнему своему прискорбію, онъ убѣдился, что дѣянія столь недавно почившаго императора еще не могутъ быть заключены въ рамки отечественной исторической науки. Зато онъ старался уяснить болѣе отдаленное прошлое до бытовыхъ мелочей: онъ надѣялся, что читатель не увидитъ ничего, кромѣ живого отношенія къ любимому дѣлу, даже въ объясненіяхъ многихъ любопытныхъ терминовъ нашего стараго быта и въ скромной попыткѣ дать, въ примѣчаніяхъ къ рисункамъ, намекъ на учебникъ отечественной археологіи.

Знатокамъ дѣла извѣстны трудности, сопряженныя съ исполненіемъ указанной задачи. Признательный имъ за строгую критику 1-го изданія *Русской Исторіи*, авторъ ожидаетъ и теперь товарищеской поддержки съ ихъ стороны. Они поймутъ, что порой ему приходилось поневолѣ, даже въ важныхъ вопросахъ, брать на себя тяжкую отвѣтственность — держаться самостоятельнаго взгляда. Онъ проситъ критику не забыть и картъ: ей извѣстно, какъ много трудностей все еще представляетъ и наша историческая географія.

Если бы многолѣтній трудъ, посвященный особенно исторіи развитія понятій нашего общества, хоть сколько-нибудь остановилъ на себѣ мысль соотечественниковъ, то закатъ дней автора былъ бы озаренъ сознаніемъ, что его вѣра въ Россію находитъ откликъ въ душѣ родного народа.

Авторъ приноситъ сердечную благодарность всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ ему совѣтомъ или указаніями. Никогда не забудетъ онъ услугъ, оказываемыхъ ему, наравнѣ со всѣми тружениками отечественной науки, гг. В. П. Ламбинымъ и К. Ѳ. Феттерлейномъ: они умѣютъ не только хранить безчисленныя сокровища соотвѣтствующихъ отдѣловъ Императорской Публичной Библіотеки, но и дѣлать изъ нихъ живое орудіе родной науки.

Увы, не благодарить только-что отошедшаго отъ насъ въ вѣчность, а съ благоговѣйнымъ сокрушеніемъ сердца долженъ вспоминать авторъ того идеальнаго издателя, котораго недавно лишились русская наука вообще и наша учащаяся молодежь въ частности въ лицѣ Карла Леопольдовича Риккера [1]). Но эта прекрасная личность не умерла совсѣмъ, какъ не исчезаетъ съ земли безплодно все, что̀ живетъ не для одного себя. Ея благородные замыслы на пользу русскаго просвѣщенія живутъ среди ея родныхъ, друзей и сотрудниковъ.

Окончаніе *Новой Исторіи* (съ 1750 г. до нашихъ дней), а также 2-е изданіе *Средней Исторіи*, готовятся къ печати и не замедлятъ выйти въ свѣтъ.

Буквы *Д. И.*, *С. И.*, *Н. И.*, при указаніи §§, означаютъ Древнюю, Среднюю и Новую Исторію *Учебника Исторіи*, причемъ подъ „Древнею Исторіей“ разумѣется 2-е изданіе.

Въ предупрежденіе недоразумѣній авторъ напоминаетъ, что *Указатель годовъ* преслѣдуетъ ту же цѣль, что и *Указатель именъ и предметовъ*. Для желающихъ составить себѣ

---

[1]) Авторъ пытался охарактеризовать покойнаго въ статьѣ „Памяти хорошаго человѣка“ (*Новости*, 1 марта) и въ надгробной рѣчи, переведенной на нѣмецкій языкъ въ *St.-Petersburger Zeitung* (2 Mars, 1895).

хронологическую таблицу, необходимые годы выдѣлены курсивомъ.

Римскія цифры въ *Указателяхъ* означаютъ первую и вторую части настоящаго изданія.

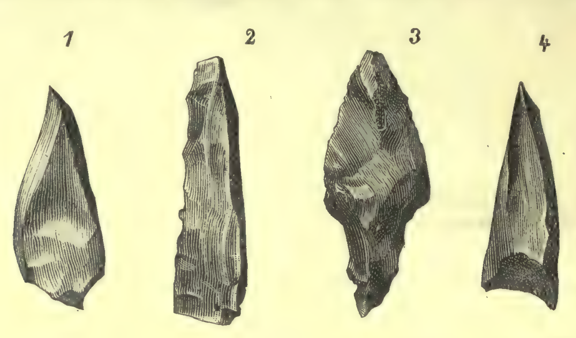
Царское Село.
1-го мая 1895 г.

I. ПЕРВОБЫТНЫЕ СЛАВЯНЕ И ИХЪ СОСѢДИ.

Около 500 л. до Р. Х.—850 л. по Р. Х.

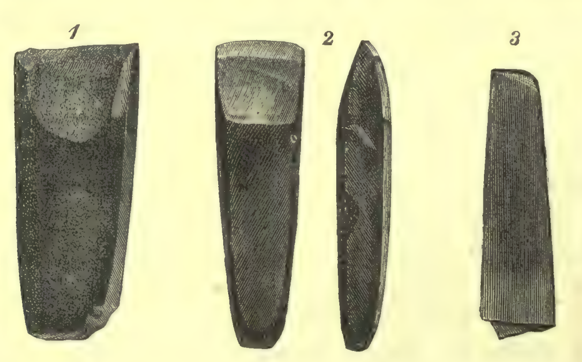
§ 1. **Первобытные европейцы.** — *Геологія* (наука о земной корѣ) и *палеонтологія* (наука объ окаменѣлостяхъ) доказываютъ, что земной шаръ и природа образовались постепенно, въ теченіе четырехъ періодовъ. Во 2-мъ періодѣ Европа была еще вся подъ водой, за исключеніемъ Альпъ. Затѣмъ сначала осушился Западъ: тамъ уже жилъ человѣкъ, когда на мѣстѣ Россіи еще бушевалъ первобытный океанъ, изъ котораго выдвигался только Уральскій хребетъ. Въ 4-мъ періодѣ земля населилась людьми: его называютъ «періодомъ человѣка и его *культуры*», или вліянія на природу, которое привело прежде всего къ появленію домашнихъ растеній и животныхъ. *Доисторическая археологія* (наука о костяхъ и вещахъ первобытнаго человѣка) доказываетъ, что люди, заселявшіе юго-западъ и сѣверъ Европы въ началѣ 4-го періода, еще не знали металовъ: у нихъ все было каменное. То время и названо *каменнымъ* вѣкомъ. Онъ раздѣляется на «старую» и «новую» эпоху: въ первой человѣкъ просто оббивалъ камень камнемъ, во второй онъ лощилъ, полировалъ его. Древнѣйшій европеецъ былъ дикаремъ *старокаменной* эпохи. У него не было *цивилизаціи*, или развитія, которое дается жизнью обществами: то были отдѣльныя семьи, которыя не имѣли постоянныхъ жилищъ, занимали пещеры и употребляли оббивныя орудія изъ неотесаннаго камня, кости и рога. Этотъ европеецъ принадлежалъ къ *желтой* породѣ (*Древн. Ист.*, *2 изд.* § 3); онъ прибылъ изъ Азіи, частью по берегамъ Средиземнаго м., частью чрезъ Сибирь. Позже въ Европѣ настала *ново-каменная* эпоха, или пора лощеныхъ (полированныхъ) орудій. Тогда люди жили уже осѣдлымъ общежитіемъ въ избахъ, которыя строили даже на озерахъ, на сваяхъ;

они знали земледѣліе, ткали одежду изъ льна, ставили «долмены» (каменныя гробницы). Это былъ человѣкъ *бѣлой* породы, также прибывшій изъ Азіи. Онъ занялъ юго-западъ Европ



Каменныя оббивныя орудія [1]).

и вытѣснилъ желтаго человѣка внутрь материка, въ дремучія дебри и непроходимыя болота, а потомъ далѣе на сѣверо-востокъ.



Каменныя лощеныя орудія [2]).

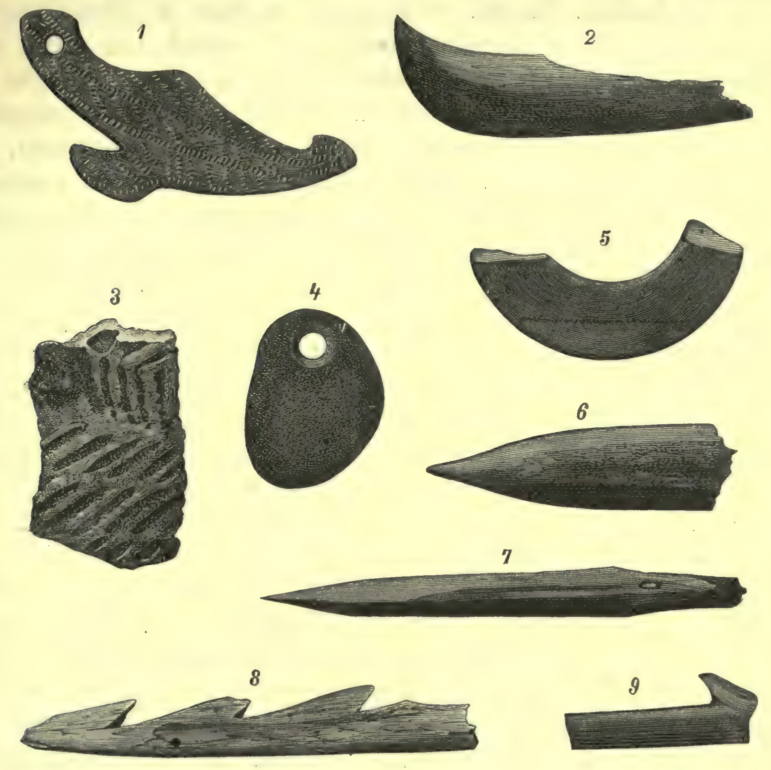
Но бѣлые не пошли тогда далѣе Стокгольма, за которымъ жили желтые, пришедшіе черезъ Сибирь и занимавшіе, кромѣ Скандинавіи, восточное побережье Балтійскаго м. до Вислы. А рус-

---

[1]) 1. *Скребокъ* — обломокъ камня; 1 вершокъ длины, ½ в. ширины. — 2. *Ножикъ* изъ камня; немного болѣе 1 в. длины и ок. ¼ в. ширины.—3. *Наконечникъ стрѣлы* изъ камня; не болѣе 1 в. длины. — 4. *Шило* каменное. — Нижніе концы всѣхъ этихъ орудій вставлялись въ древко.

[2]) 1. *Долото* изъ камня; 3 в. длины, ок. 1½ в. ширины и ок. ½ в. толщины.— 2. *Топоръ* изъ камня; 5 в. длины, ¾ в. толщины.—3. *Точило*—каменный брусокъ. Эти точила бываютъ отъ 1 до 3 в. длины. Нерѣдко на концѣ дырочка, чтобы привѣшивать точило къ поясу.

ская равнина все еще была безлюдною пустыней. Ея позднѣйшее заселеніе доказывается отсутствіемъ старокаменной эпохи: недавнія раскопки нашихъ археологовъ открыли въ южной и



Костяныя орудія. Глиняная посуда. Украшенія. Узоры [1]).

средней Россіи и въ Польшѣ лощеныя каменныя орудія и долмены, притомъ лучшей работы, между тѣмъ какъ на сѣверѣ, напр., у Ладожскаго оз., встрѣчается и старокаменная эпоха [2]).

---

[1]) 1. *Украшеніе* (могло служить и амулетомъ) изъ кости, съ узоромъ.—2. *Ножъ* изъ распиленнаго ребра большаго животнаго; 2½ в. длины.—3. *Глиняная посуда*; черепокъ съ узоромъ.—4. *Украшеніе* изъ плоской галечки; ¾ в. длины; нанизывались какъ бусы. — 5. *Кольцо* изъ камня; болѣе 1 в.; также нанизывались. — 6. *Наконечникъ стрѣлы* изъ кости; 1⅓ в. длины, ¼ в. ширины.—7. *Игла* изъ кости большаго животнаго; 2 в. длины. Меньшія иглы дѣлались изъ птичьихъ костей.—8. *Гарпунъ* изъ распиленной полой кости; съ рукояткой, болѣе 6 в. длины.—9. *Дротикъ* изъ кости, съ зубцомъ для задержки въ ранѣ животнаго; остріе и рукоятка обломаны; 6 в. длины.

[2]) Прилагаемыя здѣсь изображенія составляютъ снимки съ орудій, которыя были найдены, въ началѣ 1880-хъ гг., на побережьѣ Ладожскаго озера и хранятся въ петербургскомъ университетѣ.

Почти за 2000 л. до Р. Х. каменный вѣкъ въ Европѣ смѣнился *бронзовымъ*, за которымъ послѣдовалъ *желѣзный*, около 1000 лѣтъ спустя.

§ 2. **Арійцы. Скиѳы.** — Породы желтая и бѣлая составляютъ главную часть человѣчества. Въ первой изъ нихъ важнѣйшую роль играютъ *монголы*, которые распадаются на *алтайцевъ*, или татарское племя (татары, калмыки, китайцы, сибирскіе инородцы, киргизы, турки и др.), и *уральцевъ*, или финское племя (финны, мадьяры, мордва и др. наши инородцы на с.-в.). Во главѣ бѣлой, или кавказской, породы стоятъ *арійцы*, или индо-европейцы—самое молодое и самое развитое племя, которое господствуетъ надъ всѣми другими отдѣлами человѣчества. Родиной арійцевъ, «благородныхъ», былъ нынѣшній Туркестанъ, откуда они разошлись по всему свѣту. Уже тамъ (за 3000 л. до Р. Х.) они жили полуосѣдло, но употребляли еще каменныя лощеныя орудія: изъ бронзы дѣлали только украшенія. Бытъ арійцевъ обрисовывается *пережитками*, т.-е. слѣдами ихъ древнѣйшаго состоянія, до сихъ поръ сохранившимися въ языкахъ и народной поэзіи, въ суевѣріяхъ и обычаяхъ. Изъ общихъ всѣмъ арійскимъ народамъ самыхъ древнихъ словъ оказывается, что еще въ Туркестанѣ у нихъ были «рало» (соха) и телѣга; они сѣяли овесъ и ячмень, пекли хлѣбъ, варили медъ. Близкія семьи составляли *родъ*, подчиненный *князю*, «родителю», который былъ и жрецомъ, и судьей, и вождемъ. Главный богъ, или *дева* (латин. deus), Индра, истреблялъ все вредное своими молніями и громомъ. Отцы семей приносили жертвы богамъ на алтарикѣ, причемъ пѣли молитвы, ставъ на колѣна или поднявъ руки къ небу. Почти за 2500 л. до Р. Х. арійцы стали выселяться изъ своей родины, тѣснимые монголами. Занявъ Переднюю Азію, они перешли въ Европу, распадаясь на племена: греко-италики и кельты заняли побережье Средиземнаго м. и Атлантическаго ок., германцы—средину западной Европы, славяне и литовцы—балтійское поморье и восточную равнину. Такъ какъ послѣдніе позже всѣхъ покинули свою родину, то ихъ рѣчь особенно близка къ санскриту, языку индусовъ, отъ котораго произошли всѣ другія арійскія нарѣчія. Арійцы принесли ново-каменную эпоху въ Европу. Неизвѣстно, кто именно изъ нихъ ввелъ ее въ восточной равнинѣ. Мы знаемъ только, что за 1500—500 л. до Р. Х. по югу Россіи, который греки и римляне называли *Скиѳіей* и *Сарматіей*, проходили кельты и германцы; а послѣ нихъ при-

Скиѳская ваза. Въ Петербургскомъ Эрмитажѣ.

кочевали сюда литовцы и славяне. Литовцы остановились у Нѣмана и заняли болотистую землю по сосѣдству съ финнами. Славяне же, которыхъ древніе называли *вендами*, заняли среднюю Россію—къ сѣверу до верховьевъ Оки, гдѣ начиналась область финновъ, къ западу до Вислы и Днѣпра, отдѣлявшихъ ихъ отъ германцевъ, къ востоку до Камы и Волги, гдѣ утвердился монгольскій народъ, болгары. На югѣ они сливались со *скиѳами*, которые считаются ихъ соплеменниками, на основаніи столь хорошо сохранившихся остатковъ ихъ быта, какъ эрмитажная ваза [1]).

§ 3. **Литво-славяне**.—Въ то время славяне составляли одно цѣлое съ литовцами; и общія обоимъ племенамъ слова обрисовываютъ ихъ первоначальный бытъ. Обиталищемъ *литво-славянъ* была сырая, грязная „долина“: лужи, болота, волны воды и песковъ, ледъ, снѣгъ, градъ, сиверка—вотъ что было хорошо извѣстно имъ. Были и дремучіе лѣса елей, сосенъ, березъ, осинъ, ивъ и дубовъ, дикихъ яблонь, сливъ и грушъ. Они кишѣли звѣремъ: зубры, волки, вепри, олени, куницы, бобры, выдры, лисицы, бѣлки, лоси, рыси гуляли на дѣвственномъ просторѣ. По чащамъ, прудамъ и озерамъ сновали вороны, грачи, дрозды, кукушки, журавли, лебеди, дикіе гуси и утки, тетерева, ласточки и воробьи. Воды изобиловали лососью и осетромъ. Литво-славяне умѣли варить и жарить всю эту живность. Мясо было ихъ главною пищей наряду съ молокомъ и хлѣбомъ. Они умѣли также приготовлять медъ и пиво. Жили они „весями“ — дворами съ оградой и „вратами“. На дворѣ стояли „станъ“ (конюшня) и „парильница“ (баня), былъ вырытъ колодезь. „Жилитво“, снабженное дверью, крышей, потолкомъ и половицами, легко строилось изъ бревенъ и жердей съ помощью деревянныхъ гвоздей и „смолы“. Въ немъ были „скамьи“ и „ложа“, кожаные мѣха и плетенки, кувшины съ

---

[1]) Прилагаемый рисунокъ изображаетъ эту вазу и ея развернутый фризъ или весь верхній ободокъ съ выпуклыми рисунками, между шейкой вазы и нижнимъ ободкомъ съ украшеніями. Эти рисунки относятся къ цвѣтущей порѣ греческаго искусства (4 в. до Р. Х.). Они изображаютъ по порядку слѣдующія четыре сцены: 1) Царь (судя по діадемѣ, или повязкѣ на головѣ), сидя на степной кочкѣ, выслушиваетъ лазутчика, который сидитъ на землѣ, поджавъ ноги.—2) Скиѳъ натягиваетъ тетиву на лукъ.—3) Зубной врачъ. — 4) Перевязка раны. — Скиѳы въ узорчатыхъ тканяхъ и кожаныхъ штанахъ, съ ременными поясами въ металическомъ наборѣ; обувь кожаная, безъ подошвъ, какъ у восточныхъ кочевниковъ. У всѣхъ луки въ налучьѣ и сумка для стрѣлъ. Щитъ также кожаный. — Ваза золотая, вѣсомъ ок. 78 золотниковъ; $3^1/_2$ в. вышины, 3 в. въ поперечникѣ. Она называется *эрмитажною* или *куль-обскою*. Куль-Оба—курганъ подъ Керчью, гдѣ она найдена въ 1831 году.

ручками и чаши, ложки, ножи, сита и сковороды. У литвославянъ были уже *желѣзныя орудія*, — топоръ, скобель, пила, молотъ, долото. Они дѣлали сохи, ручныя „мельнички", уздечки съ удилами, стрѣлы съ луками и тетивами, копья, мечи и шлемы. Хлѣбопашество было у нихъ еще первобытное; но зато они были уже кузнецами, косили „сѣно", драли „лыко", вили веревки и плели силки, шили платье долгими зимними вечерами, при свѣтѣ „древка" (лучины). Ихъ жены мололи хлѣбныя зерна, готовили щи, кашу и жаркое, пряли „ленъ-конопель", ткали овечью „волну". Изъ весей составлялись деревни, подчиненныя „властарю" и сходкѣ. Уже были люди именитые и челядь, получавшая „мзду" за черную работу и выдѣлявшая изъ себя „татей" (воровъ). Торговали уже бойко, но посредствомъ мѣны: денегъ еще не знали. Религіей служило первобытное арійское почитаніе природы вообще, безъ ликовъ боговъ. Выдвинулось только стремленіе развѣдывать судьбу: появились „кудесники (колдуны), звѣздники, святцы".

§ 4. **Начало славянства.**—Приблизительно за 500 л. до Р. Х. славяне обособились отъ литовцевъ. Общія всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ слова показываютъ, что ихъ бытъ немного подвинулся впередъ. Улучшилась соха; стали разводить разное „жито", овощи и плоды. Развились скотоводство и „бортневое ухожье" (пчеловодство). Стали строить избы (истбы, истопки) съ печами и окнами, и уже изъ обтесанныхъ бревенъ, украшая ихъ иногда рѣзьбой. Ихъ снабжали лѣстницами, сѣнями и „пивницами" (погребами). Славяне жили тогда *родами:* всѣ семьи родичей обитали въ одной мѣстности и носили одно и то же имя (напр., Ивановичи). Когда становилось тѣсно, дѣлались выселки пососѣдству. Каждый родъ подчинялся старшему лѣтами,—„старшинѣ, старостѣ" или *князю* (§ 2). Старшина распоряжался общими дѣлами рода, чинилъ судъ и расправу, приносилъ жертвы. Умиралъ онъ—его замѣняли братья: старшій братъ становился „въ отца мѣсто" для младшихъ. Когда родъ черезчуръ разростался, и трудно было опредѣлить старшинство, тогда выбирали, „сажали" князя. Въ ту пору не было ничего личнаго: все принадлежало роду, который могъ изгнать и даже убить своего члена и его семью. Существовало только родовое оскорбленіе: отсюда родовая, или кровная, месть. Нынѣшнее общинное землевладѣніе даетъ понятіе объ общности имуществъ въ родовомъ быту; но еще лучше сохранился этотъ бытъ въ южно-славянской „задругѣ"—сожительствѣ родственни-

ковъ, которые хозяйничаютъ сообща, подъ руководствомъ дѣда, или „домоваго". Тѣмъ же характеромъ отличается „обычное" право, которое уже появилось тогда и отчасти сохранилось до сихъ поръ у южныхъ славянъ и въ воззрѣніяхъ нашихъ крестьянъ. Съ размноженіемъ населенія роды стали соединяться въ „племена", или „жупы". У „рода-племени" уже были „грады"—частоколы съ „окопами" (рвами), куда прятали семью и имущество въ случаѣ опасности. Имъ правилъ князь (жупанъ), избранный изъ старшаго рода: то былъ исполнитель воли племени, рѣшавшаго свои дѣла на *вѣчахъ*, или сходкахъ старшинъ въ градахъ. Но, чѣмъ больше размножались роды, тѣмъ труднѣе было соблюдать „лѣствицу" старшинства. Это вело къ усобицамъ, которыя подрывали родовой бытъ. Въ религіи славянъ той поры возникли первые, самые общіе лики боговъ, указывающіе на различеніе добра и зла (*Д. И.* § 8): то были *Богъ* и *Бѣсъ*, которымъ одинаково приносили жертвы. „Души" шли въ „рай": ада не знали.

Такъ какъ славяне жили тихо, довольствуясь дарами дѣвственной почвы, и разселялись мирно, то они быстро размножались, поражая современниковъ своею многочисленностью, и въ то же время распадались, по мѣрѣ разселенія на далекія разстоянія, на отдѣльные „народы" (нарожденія) съ особыми „нарѣчіями" ихъ общаго языка. Нельзя опредѣлить времени образованія этихъ нарѣчій. Можно лишь приблизительно установить его для разселенія славянъ, съ которымъ они связаны, тѣмъ болѣе что самое слово „славяне" стало употребляться, какъ общее имя всего племени, только съ 9 в. по Р. Х. Разселеніе славянъ совершалось болѣе тысячи лѣтъ — приблизительно отъ 500 г. до Р. Х. до 800 г. по Р. Х. Оно шло особенно живо въ концѣ этого времени, въ эпоху всеобщаго „переселенія народовъ", въ 4—7 вв. по Р. Х. (*С. И.* § 25), подъ давленіемъ напиравшихъ съ юго-востока алтайскихъ народовъ — гунновъ, аваровъ и болгаръ. Славяне дошли тогда на сѣверѣ до Новгорода и Ладоги, на востокѣ—до верховьевъ Оки и Донца, на западѣ—до Эльбы, Залы, Тироля и Истріи; а на югѣ—до Греціи и острововъ Архипелага. На Балканскомъ полуостровѣ эти переселенцы прославились своею воинственностью: на своихъ лодкахъ-однодеревкахъ они совершали морскіе походы до Малой Азіи и вели упорную борьбу съ Византіей; ихъ дружины нанимались также къ греческимъ императорамъ. Славяне попадали даже въ византійскіе сановники: императоръ Юстиніанъ I

былъ славянинъ Управда. Тогда же пала Западная Римская имперія, и изъ ея владѣній образовалось нѣсколько варварскихъ государствъ (*С. И.* §§ 28, 35—42). Франкское королевство простиралось отъ Атлантическаго ок. до Рейна, Лонгобардское занимало всю Италію до Альпъ; Восточная Римская имперія, или *Византія*, доходила отъ Архипелага до Нижняго Дуная; средина Европы, между Рейномъ, Эльбой и Дунаемъ, была занята германскими ордами, еще не образовавшими государствъ. Все же пространство къ сѣверу и востоку отъ германцевъ было занято славянскимъ племенемъ, которое уже распалось тогда на три отдѣла—на западныхъ, южныхъ и восточныхъ славянъ.

§ 5. **Южные и западные славяне**. — Южные славяне (къ нимъ принадлежатъ теперь сербы, болгары, черногорцы, словенцы и хорваты) первые выступаютъ въ исторіи, въ лицѣ поселенцевъ за Дунаемъ, въ особенности въ Мизіи (*Д. И.* § 246). Затѣмъ, въ началѣ 7 в., византійцы, одолѣваемые аварами, призвали на помощь хорватовъ и сербовъ, жившихъ въ Карпатахъ. *Хорваты* заняли долины Савы и Дравы и восточные берега Адріатики; *сербы* поселились подлѣ нихъ, въ нынѣшней Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ и Черногоріи. Тѣ и другіе признали себя подданными Византіи и жили мирно въ теченіе 2-хъ вѣковъ. Но у мизійскихъ славянъ произошелъ переворотъ: около 650 г. ихъ завоевали *болгары*, жившіе на Камѣ и вытѣсненные оттуда другими кочевниками желтой породы. Болгары вполнѣ слились съ славянами: они заимствовали ихъ языкъ и бытъ и дали имъ свое имя. Это было первое славянское государство, которое существовало около 700 л., до нашествія турокъ. Столицей *болгарскаго княжества* была Прѣслава (близъ Варны), а крѣпостью—Доростолъ (Силистрія). Вскорѣ болгары стали грозой Византіи. Ихъ владѣнія простирались отъ Адріанополя до средняго Дуная и Трансильваніи; имъ подчинялась большая часть южныхъ славянъ. Но тогда же противъ нихъ выступили германскіе франки со своимъ Карломъ Великимъ (*С. И.* § 56). Они совсѣмъ завладѣли-было *хорватами*, но до того угнетали ихъ, что тѣ возстали и основали независимое княжество (ок. 850).

Западные славяне занимали ок. Р. Х. долины Эльбы, Одера, Вислы и все Балтійское поморье. Изъ нихъ *чехи*, *мораване* и *словаки* соприкасались съ хорватами. У Эльбы (слав. Лаба) жили *бодричи*; у Одера — *лютичи*. Отъ Одера до Литвы обитали *ляхи*, или поляки (иначе—поморяне), подъ разными именами. Между лютичами и чехами жили *лужичане* и др. Запад-

ные славяне славились воинственностью, такъ какъ должны были бороться съ германцами; особенно отважны были жители балтійскаго поморья—морскіе разбойники и вмѣстѣ съ тѣмъ торговцы. Ихъ городъ *Волинъ*, на о. Рюгенѣ, долго славился въ преданіяхъ своимъ богатствомъ. Но они жестоко враждовали между собой, что дало возможность Карлу Вел. покорить бодричей и лютичей и распространить свои владѣнія до Одера. Изъ западныхъ славянъ важнѣе всѣхъ чехи и поляки. *Чехи*, по преданію, произошли отъ родоначальника *Чеха*. Они долго боролись съ монгольскими кочевниками, въ особенности съ *обрами* (авары), которые даже запрягали ихъ въ телѣги. Съ помощью франковъ, чехи истребили враговъ, такъ что у славянъ долго сохранялась пословица: „погибъ, какъ обръ". Около 700 г. у нихъ образовалось государство, съ княземъ *Крокомъ* во главѣ. По смерти его, народъ выбралъ его младшую дочь, *Любушу*, которую называли за ея умъ „вѣщею" (мудрою): ея справедливость воспѣта въ народной пѣснѣ „Любушинъ Судъ". Она построила столицу *Прагу*. Любуша избрала себѣ въ мужья крестьянина *Премысла*, и отъ нихъ пошелъ родъ *Премыславичей*. *Поляки*, по преданію, были переселенцы изъ Чехіи, выведенные братомъ Чеха, *Ляхомъ*. Они поселились на р. Вартѣ, подъ названіемъ „полянъ" (отсюда „поляки"). Ляхъ нашелъ здѣсь гнѣздо бѣлыхъ орлятъ и основалъ столицу *Гнѣзно*. Затѣмъ въ Гнѣзнѣ княжилъ какой-то *Попелъ*, надменный и дурной правитель, женатый на нѣмкѣ. Народъ возсталъ и возвелъ на престолъ добраго крестьянина, *Пяста* (ок. 850); Попела же заточили въ башню, гдѣ мыши съѣли его со всею семьей. Родъ Пяста управлялъ польскимъ государствомъ около 500 лѣтъ.

§ 6. **Восточные славяне**. — Восточные славяне занимали, въ первые вѣка нашей эры, сѣверо-восточную равнину Европы. Это была дикая страна, покрытая дремучими лѣсами и болотами. Сначала заселялась южная часть ея, обратившаяся въ степь, покрытую высокой травой, подъ которой скрывался богатый черноземъ; лѣса сохранились только у рѣкъ, особенно у Днѣпра. Эта степь доходила до Кіева, Курска и Воронежа. По ней шелъ торговый путь къ Византіи. Далѣе къ сѣверу равнина заселялась медленнѣе. Въ дебряхъ жители селились у рѣкъ, орошавшихъ сѣверо-восточную равнину, благодаря *Алаунской возвышенности*. Эти рѣки служили единственнымъ путемъ сообщенія, въ особенности зимой, когда жители спѣшили сбыть на югъ избытокъ отъ своихъ

промысловъ. Лѣтомъ перетаскивали лодки изъ одной рѣки въ другую черезъ безводныя пространства, „волоки". Рѣки сѣверо-восточной равнины, спокойныя и глубокія, играли ту же роль, что моря на Западѣ: онѣ служили главнымъ орудіемъ народнаго развитія. Различіе природы восточной и западной Европы отразилось на населеніи: западный европеецъ, обладатель горъ и морей, предпріимчивъ, отваженъ и независимъ; восточный — остороженъ, тихъ, малоподвиженъ; теряясь въ своей огромной равнинѣ, онъ ищетъ опоры въ сплоченіи; отсюда его стремленіе къ сильному самодержавію.

Соотвѣтственно главнымъ воднымъ областямъ, восточные славяне образовали 4 вѣтви, распадавшіяся на много племенъ (§ 4). 1). Въ области оз. *Ильменя* и р. *Волхова* жили собственно *славяне*, называемые еще новгородцами, потому что у нихъ издревле былъ городъ *Новгородъ*. Вслѣдствіе плохой почвы, они занимались не земледѣліемъ, а промыслами (ихъ даже называли „плотниками") и торговлей. Шайки удалой молодежи, „повольниковъ", снаряжали легкія лодочки, „ушкуи", и пускались бродить по рѣкамъ и лѣсамъ, торгуя, населяя и покоряя полудикій сѣверо-востокъ. Такъ Новгородъ распространилъ свои владѣнія до Бѣлаго м. и Оки; его колонисты основали *Ростовъ* и *Торжокъ*. Новгородцы торговали на востокѣ съ болгарами, хозарами и арабами, на западѣ — со скандинавами: о нихъ упоминаютъ преданія этихъ народовъ. 2) Къ юго-западу отъ Ильменя, въ области *Западной Двины* и *Чудского* оз., поселилась другая вѣтвь восточныхъ славянъ—*кривичи*, похожіе на новгородцевъ. У нихъ были города Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ; впослѣдствіи ихъ главнымъ городомъ сталъ *Псковъ*. Кривичи заводили колоніи среди финновъ и литовцевъ и вели торговлю съ Европой и Византіей. Эти двѣ вѣтви восточныхъ славянъ были самыми сильными и богатыми. 3) Далѣе на юго-западъ было много мелкихъ славянскихъ племенъ, сильно различавшихся между собой по быту. Они занимали область *Днѣпра*. У западнаго берега Днѣпра жили *поляне*, мирные земледѣльцы. Для защиты отъ монгольскихъ кочевниковъ въ южныхъ степяхъ, они построили города Переяславль и *Кіевъ*. Поляне ходили по Днѣпру торговать съ Византіей; но ихъ обогащенію мѣшали, какъ кочевники, такъ и ихъ сосѣди — *древляне*, жившіе между Припетью и Днѣпромъ. Древляне (обитатели лѣсовъ) были грубыми звѣроловами. У нихъ былъ лишь одинъ городъ, бѣдный *Коростень* (теперь Искорость). Отъ нихъ много терпѣли также

волыняне, жившіе по Бугу. Къ югу отъ Днѣпра помѣщались *тиверцы* и *уличи* (угольные), многочисленные и богатые. На восточномъ берегу Днѣпра жили *сѣверяне*, которые вели торговлю и имѣли нѣсколько городовъ, между прочимъ богатый *Черниговъ*. По р. Сожѣ жили *радимичи*. 4) Область *Оки* занимали *вятичи*. Къ нимъ примыкалъ заброшенный среди финновъ новгородскій *Ростовъ*, какъ передовой постъ славянства по верхней Волгѣ.

Въ каждой изъ четырехъ вѣтвей восточныхъ славянъ выработался особенный характеръ и говоръ: впослѣдствіи жителей Двинской области назвали *бѣлоруссами*, Днѣпровской — *малороссами*, Верхне-Волжской и Ильменской — *великоруссами*. Несмотря на эту внѣшнюю рознь, восточные славяне стремились къ одной цѣли—къ мирному распространенію путемъ торговли и колонизаціи. Въ ихъ кіевскомъ преданіи сохранилось воспоминаніе о всеславянской связи. Оно говоритъ, что *Русъ*, братъ Чеха и Ляха, пришелъ на Днѣпръ. Одинъ изъ его потомковъ, *Кій*, перевозившій народъ на плоту черезъ Днѣпръ, основалъ Кіевъ и поселился тутъ съ своими братьями, *Щекомъ* и *Хоривомъ*, и съ сестрою *Лыбедью*.

§ 7. **Сосѣди восточныхъ славянъ.** а) **Монголы.**—Восточные славяне были окружены попреимуществу монгольскими народами. На сѣверѣ жили *финны* (нѣмецкое имя; славяне называли ихъ чудью и чухною), принадлежащіе къ уральцамъ (§ 2). Это—многочисленное племя, раздѣлявшееся на множество народцевъ: куры, чудь, эсты, корела, весь, пермь, мурома, меря, мордва, черемисы и др. Они занимали сѣверъ Россіи до р. Москвы и Ильменя, а также берега Балтійскаго м. до Нѣмана. Западные и южные финны, торговавшіе со славянами и скандинавами, занимались земледѣліемъ и промыслами. Они отличались кроткимъ нравомъ и легко подчинялись пришельцамъ. Они поклонялись свѣтлому богу неба, *Юмалѣ*, жертвуя ему часть имѣнія покойника, которую зарывали въ священныхъ лѣсахъ и покрывали курганомъ. Его изображали въ видѣ большаго идола изъ камня, съ чашкой въ сложенныхъ рукахъ. Въ Финляндіи сохранилась древняя поэма, *Калевала*, гдѣ воспѣты финскіе богатыри-чародѣи, истребляющіе лопарей. Изъ раскопокъ въ Ярославской и Владимірской губ. видно, что меря имѣла довольно развитую культуру: у нея были желѣзныя орудія (мечъ, топоръ, соха, серпъ, багры, стремена, гвозди, замки), а также сундучки, глиняная посуда, украшенія (кружева, запонки, золотые снурки) и ви-

зантійскія шелковыя ткани (паволоки); на головѣ носили золотыя кички и подвязывали волоса на лбу ремнемъ съ серебряными бляхами. Финское царство *Біармія* (Пермь), которое доходило до Урала и устьевъ Сѣверной Двины и сохранялось до 13 в., славилось своимъ богатствомъ: до сихъ поръ находятъ дорогіе клады въ Пермской губ. Болѣе сѣверные финны были полудикари каменнаго вѣка. Сосѣди вели съ ними нѣмую торговлю мѣхами: складывали товары въ извѣстномъ мѣстѣ и уходили; то же дѣлали финны; если купецъ былъ доволенъ промѣномъ, то бралъ финскій товаръ, а свой оставлялъ; если же нѣтъ, то увозилъ свое добро назадъ. Сѣверные финны поклонялись камнямъ, медвѣдямъ, и вѣрили въ злыхъ духовъ, во главѣ которыхъ стоялъ ужасный *Кереметь*. Для умилостивленія демоновъ они прибѣгали къ заклинаніямъ и ворожбѣ: у нихъ было множество волхвовъ и кудесниковъ. Многіе финскіе народцы постепенно ославянились. Такъ, исчезла мурома, оставивъ только свое имя г. *Мурому*.

Отъ Біарміи начиналась Серебряная, или *Великая Болгарія*, доходившая до Каспійскаго моря, которое называлось *Хвалисскимъ* по имени народца *хвалиссъ*. Въ 9 в. болгары сосредоточились на Камѣ. Они принадлежали къ болѣе развитымъ алтайцамъ (§ 2), славились своими металическими и особенно кожевенными издѣліями, жили въ деревянныхъ домахъ, чеканили собственную монету. Но больше всего они занимались торговлей. Въ ихъ обширной столицѣ, *Великихъ Болгарахъ* (близъ Казани), сходились купцы финскіе, славянскіе, персидскіе и арабскіе: арабы даже обратили ихъ въ исламъ и строили имъ мечети, школы и дворцы. Болгарами управлялъ грозный ханъ, въ присутствіи котораго даже родственники стояли безъ шапокъ. Ихъ царство сохранялось до татаръ (13 в.); ихъ потомки живутъ и теперь близъ Казани, подъ именемъ *чувашей*.

Югъ Россіи занимали различные выходцы изъ Азіи тоже монгольскаго племени. До 9 в. здѣсь жили полудикіе *авары* (§ 5) или *обры*. Ихъ смѣнили *хозары*, которые не угнетали восточныхъ славянъ, ограничиваясь данью. Хозары образовали сильное государство у устьевъ Волги. Подлѣ Астрахани найдены остатки ихъ обширной столицы, *Итиля*, которая была узломъ ихъ торговли съ греками, славянами, евреями и арабами. Позже хозары распространились отъ Каспійскаго м., которое называлось также *Хозарскимъ*, до Кубани, Терека, Крыма и Днѣпра. Хозары были богаты, хотя жили въ войлочныхъ юртахъ, какъ теперь киргизы. Среди

нихъ было много мусульманъ, христіанъ и евреевъ. Во главѣ хозаръ стоялъ „каганъ“—духовный владыка еврейскаго закона. У него былъ свѣтскій помощникъ, „бегъ“, начальникъ постояннаго войска, которое удерживало славянъ отъ набѣговъ на Византію, за что греческіе императоры одаряли хозаръ и даже роднились съ каганами. Господство хозаръ подорвали *венгры* (угры), или *мадьяры* (§ 2)—свирѣпые кочевники, подобные обрамъ. Но, тѣснимые печенѣгами, они вскорѣ двинулись на западъ, покорили хорватовъ (§ 5) и образовали, въ долинѣ Тиссы, государство Венгрію. *Печенѣги*, полудикіе кочевники монгольскаго же племени, бродили по всей южной степи и долго тревожили восточныхъ славянъ и хозаръ, которые построили для отпора имъ крѣпость Саркелъ (Бѣлую Вѣжу). Ихъ богатство заключалось въ стадахъ; жили они въ кожаныхъ кибиткахъ на парѣ колесъ. Вѣчно на конѣ, вооруженные стрѣлами, копьями и арканами, печенѣги подстерегали, сидя по балкамъ, славянскихъ и хозарскихъ купцовъ, шедшихъ въ Византію, грабили и убивали ихъ. Иногда, собравшись большою шайкой и пользуясь днѣпровскими порогами, они подступали къ самому Кіеву. Византійцы подкупали ихъ для набѣговъ на восточныхъ славянъ, хозаръ и болгаръ. Но сами они, а также и всѣ христіане, считали ихъ „самымъ гадкимъ и свирѣпымъ“ народомъ среди язычниковъ.

§ 8. б) **Литовцы и варяги.**—Только на сѣверо-западѣ славяне соприкасались съ арійцами—съ литовцами и германцами. *Литовцы* распадались на много народцевъ — летты, зимгола, ливы, пруссы, жмудь, ятвяги и другіе. Они обитали по Нѣману съ его притоками до Двины и Буга, среди трясинъ и лѣсовъ. За исключеніемъ пруссовъ, жившихъ у моря и торговавшихъ съ германцами, литовцы, замкнутые въ своей непривѣтливой трущобѣ, очень долго сохраняли первобытную дикость (§ 3). Они были крайне грубы, грязны и несмѣтливы. Они приносили человѣческія жертвы, придерживались обычая кровной мести, умерщвляли престарѣлыхъ родителей, въ случаѣ народныхъ бѣдствій убивали женщинъ. Жены у нихъ были покупныя и служили, какъ рабыни: онѣ не смѣли ѣсть за однимъ столомъ съ мужьями и омывали ноги родичамъ и гостямъ. Но онѣ были обязаны, также какъ и гости, пить съ ними до одуренія. Литовецъ не заботился о своей одеждѣ: вѣчно грязный, оборванный, онъ зачастую накидывалъ ее навыворотъ. Но, какъ у всѣхъ полудикарей, у литовцевъ было развито гостепріимство

и не было нищенства: всякій бѣдняга могъ зайти въ любую избу и ѣсть, сколько хотѣлъ. Не было у нихъ и той лютости, которою славились они потомъ, въ разгаръ жестокой борьбы съ сосѣдями: вопреки всеобщему обычаю, пруссы даже не пользовались береговымъ правомъ на выброшенныя бурей суда и помогали потерпѣвшимъ кораблекрушеніе. Только жившіе на югѣ Литвы *ятвяги* уже составляли военную дружину и наводили ужасъ на волынянъ и ляховъ; да обитавшая за Нѣманомъ *жмудь* дольше всѣхъ смѣло и упорно отстаивала литовскую первобытность. При слабомъ развитіи земледѣлія (§ 3), литовцы жили попреимуществу лѣсными промыслами и рыболовствомъ: главное ихъ богатство составляла лѣсная добыча, въ особенности вѣники и медъ. Много занимались также коневодствомъ: подобно степнякамъ, литовцы были отличными наѣздниками, ѣли конину и пили кобылье молоко. На сѣверѣ они вели торгъ съ балтійскими славянами и скандинавами и дали свои названія разнымъ мѣстностямъ: „Балтика“ — политовски „бѣлая“, „Пруссія“ — отъ „пруссовъ“. У литовцевъ долго сохранялось первобытное почитаніе природы (§ 3): они боготворили солнце, мѣсяцъ, звѣзды и громъ, дубравы, огонь и воду, звѣрей, птицъ и даже жабъ. Они приносили имъ жертвы и хранили неугасимый огонь, на которомъ сожигали весь скарбъ покойника, съ его рабами и рабынями, представляя себѣ загробную жизнь продолженіемъ земнаго бытія. Главный кудесникъ, „криве“, игралъ роль духовнаго князя и служилъ связью между родами: не только онъ самъ, но даже его посланецъ, съ его палкой или шапкой, пользовался безпрекословнымъ повиновеніемъ. Зато криве былъ обязанъ кончать свою жизнь самосожженіемъ.

Къ сосѣдямъ восточныхъ славянъ должно отнести скандинавскихъ германцевъ, которыхъ славяне и греки называли *варягами*, отъ шведскаго слова, значившаго „соратникъ, дружинникъ“. Балтійское м. также было названо *Варяжскимъ*. Германцы заняли югъ Швеціи и Норвегіи задолго до Р. X. и завели сношенія съ финнами: на восточныхъ берегахъ Балтійскаго м. находятъ бронзовыя и желѣзныя вещи скандинавскаго издѣлія, а въ финскомъ языкѣ сохранилось много скандинавскихъ словъ. Съ 8 в. скандинавы начинаютъ играть важную роль. Тогда у нихъ были отличные желѣзные мечи и большіе челны[1]), на которыхъ они от-

---

[1]) Такой челнъ изображенъ на прилагаемомъ рисункѣ. Онъ найденъ въ 1863 г., на днѣ морскомъ, въ Шлезвигѣ. Въ немъ 77 футовъ длины и болѣе 10 ф. ширины.

важно пускались по морямъ. Они славились поэтическою религіей и ставили памятники, украшенные „рунами" (змѣевидными письменами). Ихъ „скальды" сочиняли чудныя „саги" (сказки) про удалыхъ „викинговъ" (родовые старшины), которые, съ своими дружинами, наводили ужасъ на весь Западъ, назвавшій ихъ „норманнами" (сѣверными людьми). Варяги завладѣли Англіей и основали государства въ Неаполѣ и Франціи. Въ Россію они проникали торговымъ путемъ „изъ варягъ въ греки": такъ называлась рѣчная система Волхова и Днѣпра, по которой норманны вели торговлю не только съ славянами, но и съ греками, а при случаѣ грабили тѣхъ и другихъ. Оттого въ южной Швеціи нахо-

дятъ арабскія и византійскія монеты, а въ Россіи—англо-саксонскія деньги и скандинавскія вещи; въ скандинавскихъ же сагахъ встрѣчаются воспоминанія о *Гардарикѣ*, или „странѣ городовъ", какъ называли варяги новгородскую область. Варяговъ было много въ городахъ восточныхъ славянъ; а Новгородъ до того былъ наполненъ ихъ купцами, что его жителей называли „варяжскимъ отродьемъ". У Финскаго залива и Ладожскаго оз. было уже нѣсколько варяжскихъ поселеній, и во главѣ ихъ городъ Старая Ладога. Финны называли варяговъ *Русью*—имя, которое усвоили потомъ и славяне. Около половины 9 в. варяги такъ усилились здѣсь, что наложили дань на новгородцевъ, кривичей и финновъ.

Челнъ сдѣланъ изъ 11 дубовыхъ досокъ и прилаженъ на 28 веселъ. Сохранились самыя весла, уключины и руль. Подобный же челнъ найденъ, въ 1880 г., близъ Христіаніи, въ одномъ курганѣ, со всѣми снастями, утварью и скелетами викинговъ 9-го в.; тутъ есть и длинный, совсѣмъ простой якорь, даже безъ кольца.

§ 9. **Византійская эпоха.**—У восточныхъ славянъ были еще сосѣди—*греки*, издавна основавшіе колоніи по берегамъ Чернаго моря: Тиру (Аккерманъ, Бѣлгородъ), *Ольвію*, Θеодосію (Кафа), Херсонесъ Таврическій или *Корсунь* (Севастополь), *Пантикапею* (Керчь), Фанагорію (Тамань), Тану (Азовъ) и др. (*Д И.*, § 98). Въ 4 в. по Р. Х. римская имперія распалась на Восточную и Западную (*Д. И.*, § 274). Восточная называлась еще греческою, или *Византійскою*, благодаря новой столицѣ, Византіи, или Константинополю. Тогда Византійская имперія была хранительницей древней образованности, „классицизма", и попреимуществу эллинизма, между тѣмъ какъ Римъ подвергся разгрому германскихъ варваровъ: тогда (500—900 г.) настала *византійская эпоха* въ европейской культурѣ (*С. И.* § 48). Греки собирали и списывали классиковъ и распространяли ихъ повсюду; особенно арабы много выписывали византійскихъ ученыхъ. Наиболѣе славился, какъ знатокъ древней письменности, патріархъ *Фотій*, который составилъ также „Номоканонъ", или сводъ церковныхъ законовъ. Даже въ искусствѣ господствовалъ *византійскій стиль*, особенно въ зодчествѣ: это—храмъ, съ куполомъ, хорами и папертью для оглашенныхъ; образцомъ его былъ *соборъ св. Софіи* въ Константинополѣ. Живопись же и ваяніе пали въ Византіи, подъ вліяніемъ иконоборцевъ; византійцы любили только украшать стѣны храмовъ *мозаикой*, а книги—*миніатюрами*. Византія была первымъ городомъ въ Европѣ: восточные славяне называли ее *Царьградомъ*. На ея заводахъ выдѣлывались шелковыя и золотыя ткани (паволоки), оружіе, предметы роскоши и искусства. Эти товары покупались по всей Европѣ и Азіи. Византійцы вели роскошную жизнь и увлекались зрѣлищами на ристалищахъ: ихъ политическія партіи назывались „зеленою" и „голубою" по цвѣту возницъ на скачкахъ. Они любили также религіозные споры: у нихъ было множество сектъ; особенное значеніе пріобрѣли *аріане*, отвергавшіе божественность Христа.

Въ Византіи возродилось самодержавіе римскихъ императоровъ, благодаря Константину Вел., которому духовенство служило опорой. Здѣсь же возникло *римское право*, основанное на идеѣ самодержавія. По закону греческій монархъ наслѣдовалъ свою власть отъ римскихъ императоровъ; по Св. писанію она была „Божіей милостью". Церковь вѣнчала и помазывала императора на царство; онъ носилъ почти церковное облаченіе съ царскими регаліями (корона, скипетръ и держава). Онъ былъ недоступенъ

народу, отъ котораго его отдѣляло множество царедворцевъ и чиновниковъ. Все это требовало огромныхъ средствъ, и народъ былъ угнетенъ крѣпостничествомъ да налогами, отъ которыхъ были избавлены духовенство и вельможи. Оттого, при внѣшнемъ блескѣ, государство было бѣдно и слабо: оно не могло само защищаться. Его армія была полна наемниковъ. При самомъ блестящемъ императорѣ, *Юстиніанѣ I* (ок. 550 г.), въ Византіи вспыхнуло страшное возстаніе. Благодаря придворнымъ интригамъ, бунты умножались; и въ нихъ большую роль играла варяго-славянская гвардія. Императоры быстро смѣнялись на престолѣ и становились деспотами. Изъ нихъ *иконоборцы* казнили и ссылали многихъ за почитаніе иконъ, пока иконоборство не было уничтожено императрицей *Θеодорой* (ок. 850). При ея сынѣ, ничтожномъ *Михаилѣ III*, Византія подверглась нападенію варяговъ-руси и стала обращать славянъ въ христіанство. По этому поводу между папой *Николаемъ I* и патріархомъ *Фотіемъ* возникъ споръ, который привелъ къ раздѣленію христіанской церкви на *греко-восточную* и западную, или *римско-католическую*. Съ принятіемъ христіанства восточные и южные славяне подчинились византійскому вліянію, а западные—римскому.

§ 10. **Римско-католическій Западъ**.—Варвары, разрушившіе Западную римскую имперію (476), быстро принимали христіанство и нуждались въ духовномъ единствѣ, что привело къ возвышенію римскаго епископа, или *папы*. Наконецъ они достигли и политическаго объединенія, образовавъ *франкское* королевство, съ *Карломъ Вел.* во главѣ. Папа возстановилъ для него титулъ римскаго императора; въ благодарность франки дали папѣ земли въ Италіи, и онъ сталъ свѣтскимъ государемъ. Съ тѣхъ поръ Европа совершенно распалась на восточную и западную, какъ въ политическомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи. Папа не только пересталъ подчиняться константинопольскому патріарху, но объявилъ себя главой всего христіанства. Владѣя землями, онъ считалъ себя равнымъ римскому императору, какъ „духовный мечъ" христіанства; держава Карла была названа „Священною" Римскою имперіей. Только при помощи папы Карлъ могъ объединить Западъ и расширить свои владѣнія на востокъ, между язычниками. Онъ крестилъ огнемъ и мечемъ многихъ балтійскихъ славянъ и аваровъ. По сосѣдству съ ними онъ устраивалъ „марки" (украйны) и защищалъ ихъ „бургами" (городками), заселенными нѣмецкою дружиной: такъ возникли марки *Бранденбургская* и *Австрійская*, или „Восточная". Карлъ уста-

новилъ самодержавіе на Западѣ: онъ издавалъ законы безъ участія народа, ввелъ подати, вмѣсто добровольныхъ приношеній, и завелъ придворную судебню, хотя допускалъ древнее народное рѣшеніе дѣлъ посредствомъ „ордалій“, или суда Божія. Чтобы подавить независимость дружинниковъ, онъ отнималъ *вотчины* (потомственныя владѣнія) у непокорныхъ и раздавалъ ихъ своимъ приверженцамъ въ *ленъ*, или пожизненное владѣніе (помѣстье), какъ жалованье за военную службу: тогда весь капиталъ состоялъ въ землѣ. Рядомъ съ имперіей Карла, обнимавшей Германію, Францію и сѣверную Италію, возникли другія государства по окраинамъ Запада, въ особенности германскія въ Англіи и Скандинавіи. Варвары старались заимствовать классицизмъ у разрушеннаго ими Рима. Карлъ выписывалъ изъ Италіи ученыхъ и мастеровъ и заводилъ классическія школы; латынь была языкомъ образованія; въ Англіи возникъ оксфордскій университетъ. Развивались и новые языки: въ 4 в. было переведено на нѣмецкій языкъ Св. писаніе. Христіанство утвердилось почти по всему Западу и уже имѣло обширную литературу; но рядомъ монахи усердно занимались перепиской классиковъ. Въ 8 и 9 вв. учителями Запада стали еще *арабы*, воспитавшіеся на классикахъ, добытыхъ изъ Византіи. Они построили въ Испаніи много школъ и университетовъ и распространяли въ Европѣ классицизмъ, особенно философію Аристотеля. Слабѣе другихъ странъ въ просвѣщеніи была Германія, въ особенности же Скандинавія, принявшая христіанство только въ 11—12 вв.

§ 11. **Общественное устройство восточныхъ славянъ. Города и торговля.** — За это время своеобразно измѣнился бытъ восточныхъ славянъ, удаленныхъ отъ прямаго воздѣйствія греко-римскаго Запада. Подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, въ немъ возникли черты, которыхъ не было въ общемъ составѣ славянства (§ 4). *Родовой бытъ разлагался*, какъ отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ причинъ. Разселеніе славянъ, эти многовѣковыя перекочевки, разбивали родовыя узы, тѣмъ болѣе, что на новыхъ мѣстахъ селились вразсыпную, гдѣ попадались, среди болотъ и лѣсовъ, лучшіе участки для пашни, лова и бортневаго ухожья: кровныя связи замѣнялись интересами сосѣдства. Затѣмъ начались нападенія монгольскихъ кочевниковъ съ юго-востока, особенно печенѣговъ, которые съ начала 9 вѣка подрывали легкое и даже выгодное для славянъ господство хозаръ. Родовой бытъ и въ себѣ самомъ носилъ сѣмена разложенія. Съ размноженіемъ населенія возрастали усобицы и за-

бывались родословныя „лѣствицы". Въ то же время расширялись потребности и формы жизни. Сначала обитателямъ сѣверо-восточной равнины приходилось расчищать первобытный боръ-дубравушку, шумѣвшій надъ болотами и кишѣвшій звѣрьемъ. Они жили въ жалкихъ избушкахъ, вразбросъ, какъ и теперь живутъ задруги Далмаціи въ горныхъ трущобахъ. При малѣйшей опасности они перекочевывали въ другое мѣсто, унося съ собой скудный скарбъ или зарывая его „кладомъ" въ землю. Но въ мѣстахъ болѣе удобныхъ славяне осѣлись и начали „промышлять"—превращать лѣсъ въ пашни и луга, да ходить за звѣремъ и пчелами, „кладя путики". Затѣмъ путики превратились въ широкіе „пути-дороги", избушки—въ избы съ дворами, „грады"—въ „города", гдѣ сидѣли „гости" (купцы) и власти, и куда при тревогѣ „затворялись" и окрестные жители.

Приблизительно съ 700 г., когда славяне стали мирными данниками охранявшихъ ихъ могучихъ хозаръ (§ 7), они превращаются въ замѣчательныхъ *торговцевъ*. Это доказывается свидѣтельствомъ арабскихъ и западныхъ писателей, а также раскопками отъ Волги до Вислы и Днѣстра, которыя вскрыли множество кладовъ изъ монетъ и вещей „куфическихъ" (арабскихъ), греческихъ, скандинавскихъ и англо-саксонскихъ 8—12 вѣковъ. Славянскіе гости добирались на верблюдахъ до Багдада, а на лодкахъ—до Царьграда, гдѣ они пріобрѣли особыя стоянки и гостинныя права. Они развозили дары своего лѣса-кормильца—пушный товаръ, медъ, воскъ, орѣхи, да кречетовъ; а къ себѣ привозили изъ Византіи паволоки, золотыя украшенія, кружева, цареградскій стручокъ, грецкій орѣхъ, мыло, губку, деревянное масло, вино; изъ Азіи—бисеръ, драгоцѣнные камни и пояса, сафьянъ, ткани Индіи и Китая, клинки Дамаска, ковры Персіи, пряности; съ Запада—янтарь, бронзовыя и желѣзныя издѣлія, олово, свинецъ, фризскія сукна, селедку. Они употребляли въ торговлѣ „диргемы", или „арабчики" (арабское золото), да византійскіе „золотники" и „шляги"; но больше мѣняли товаръ на товаръ. А такъ какъ главнымъ ихъ товаромъ были мѣха, особенно куньи, то и деньги назывались *кунами*. Главною торговою жилой былъ путь „изъ варягъ въ греки" (§ 8). По ней-то завязывались узлы „гостьбы" (торговли), или *погосты*, изъ которыхъ выработались, начиная ок. 700 г., древнѣйшіе города восточныхъ славянъ — Ладога, Новгородъ, Смоленскъ, Любечъ, Кіевъ. Отъ этой линіи вскорѣ пошли отростки—Ростовъ, Полоцкъ, Черниговъ, южный Переяславль и др.: къ 900 г. насчи-

тывалось болѣе 20 русскихъ городовъ. Города уже пріобрѣли большую силу: они устраивали колоніи, *пригороды*, и даже объединяли разныя племена подъ своею властью въ видѣ *волости*, или *области*. Средоточіемъ каждаго города служилъ градъ (§ 4), къ которому прибавилась „вѣжа" (развѣдочная, сторожевая башня); а вокругъ нихъ возникли „слободы", „посады", или постоянныя „мѣста", на которыхъ сидѣли *мѣщане*, или посадскіе.

Мѣщане, а также и сельчане были люди, связанные уже не родствомъ, а занятіями, вызывавшими сожительство. У нихъ сохранились только видоизмѣненныя формы родового быта. Въ селахъ господствовала *община* съ мірскою сходкой, которая распредѣляла земли, считавшіяся общимъ достояніемъ. Ее напоминалъ городской строй; но здѣсь, кромѣ *вѣча* (§ 4), состоявшаго подъ вліяніемъ „градскихъ старцевъ", былъ избираемый имъ *князь*. Онъ имѣлъ уже не родовое, а государственное значеніе; но власть его была не велика. Городъ походилъ на вольную общину, на республику. Вѣче было верховнымъ законодателемъ; и если князь не нравился городу, оно „показывало ему путь" и избирало другого. Князь творилъ „правду", т.-е. судилъ по обычному праву, самъ собиралъ дань, или „полюдье", и ходилъ за промыслами. Но главное—онъ оборонялъ городъ и его торговлю: поднималъ народъ при нападеніи врага, провожалъ купецкіе караваны, разставлялъ сторожевыя заставы въ опасныхъ мѣстахъ. Его главной помощницей и опорой была *дружина*, или „княжи мужи". Сначала и князь, и дружина были сами купцы изъ болѣе богатыхъ, вліятельныхъ мѣстныхъ гостей. Это была торговая знать, возникшая вмѣстѣ съ развитіемъ частной собственности: ее называли „нарочитыми людьми", и отсюда выходили градскіе старцы. Но къ концу періода князь съ дружиной стали обособляться, какъ военный и правящій классъ, особенно благодаря храбрымъ „витязямъ" (викингамъ, § 8), или варяжскимъ „находникамъ", съ усиленіемъ которыхъ, ок. 800—850 гг., миролюбивый славянинъ переходитъ въ наступательное положеніе, нападая даже на берега Каспійскаго и Чернаго морей.

§ 12. **Нравы и обычаи**.—Мирный промысловый бытъ, которымъ отличались восточные славяне сравнительно съ западными и южными, отразился и въ ихъ нравахъ. Правда, вообще эти нравы, какъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ, были еще очень грубы, въ особенности у такихъ трущобниковъ, какъ древляне, вятичи или угличи. Восточный славянинъ ставилъ выше всего физическую силу и злоупотреблялъ ею: на войнѣ онъ былъ лютымъ

звѣремъ, жегъ и грабилъ все, что ни попадалось подъ руку, сажалъ врага на колъ, вырѣзывалъ у него ремни изъ спины, зарывалъ его живымъ въ землю, оскорблялъ его женщинъ, жарилъ его дѣтей. Но въ то же время онъ славился гостепріимствомъ. *Гостемъ* одинаково называли и странника, и торговца. Все добро и даже семья хозяина были къ его услугамъ: для него дозволялось даже украсть. Гость наравнѣ съ княземъ первый получалъ долги; за него заступалась вся община. Оттого бывало много гостей: въ Кіевѣ и Новгородѣ знали про Біармію и Багдадъ, про Волинъ и Римъ. Восточный славянинъ не подчинялся безгранично власти главы семьи: она ограничивалась интересами общины и воспоминаніями родового быта, въ которомъ *женщина* первоначально имѣла первенствующее значеніе. Оттого славянка еще не сдѣлалась полною рабой, несмотря на многоженство и на обычай „умыканія“ (похищенія) невѣстъ во время „игрищъ“ (религіозныхъ празднествъ). Община не любила уступать дѣвушку, когда все богатство состояло въ ручномъ трудѣ: отсюда обычай платить за невѣсту *вѣно* (выкупъ). Славянка не сидѣла взаперти. Она принимала участіе въ дѣлахъ общины: ходила въ походъ вмѣстѣ съ ратниками, управляла государствомъ, какъ „вѣщая“ (§ 5). А „матерая вдова“ была окружена особымъ почетомъ, подобно старшинѣ. *Рабство* было смягчено: отработавъ извѣстный срокъ, рабъ становился свободнымъ и могъ сдѣлаться полноправнымъ членомъ семьи. Восточный славянинъ былъ крѣпкій и статный блондинъ съ рыжей бородой, отличался общительностью, проворствомъ и смѣтливостью: имъ дорожили, какъ рабомъ; ставъ вольноотпущенникомъ, онъ достигалъ высокихъ мѣстъ у халифовъ. По захолустьямъ онъ жилъ еще въ первобытной грязи; но въ городахъ уже стремился къ опрятности: мылся въ банѣ, расчесывалъ свои космы, носилъ холщевую рубаху, широкіе порты и шерстяной кафтанъ въ накидку на одно плечо, а на головѣ—шапку. Славяне были падки до украшеній—перстней, серегъ, браслетъ. Женщины особенно щеголяли ожерельями и цѣпями изъ монетъ, къ которымъ привѣшивалась коробочка съ талисманомъ и ножъ; но больше всего дорожили онѣ зелеными бусами. Восточные славяне любили веселиться: у нихъ было много пѣсенъ, „сопѣли“ или „свирѣли“ (дудки), рожокъ, бубенъ и балалайка. Оружіе и хозяйственныя вещи были у славянъ тѣ же, что у мери (§ 7). Славянскій *воинъ* представлялъ также осѣдлый типъ: онъ дрался пѣшій, желѣзнымъ топоромъ, ножемъ, дротикомъ и мечемъ, и искусно стрѣлялъ изъ

лука. Но, не имѣя правильнаго строя, славяне не любили открытаго боя: они были мастера дѣлать засады и отсиживаться въ окопахъ или подолгу лежать подъ водой съ камышинкой въ зубахъ. Славянинъ не объявлялъ войны, и съ нимъ невозможны были переговоры.

§ 13. **Духи предковъ и природы.**—Религія восточныхъ славянъ соотвѣтствовала ихъ мирному характеру. Въ ней сильнѣе всего сохранились воспоминанія родоваго быта. Главнымъ предметомъ поклоненія былъ *духъ предка* (*Д. И.* § 6), этотъ безсмертный дѣдъ, котораго величали *Щуромъ*, или Чуромъ (отсюда „пращуръ"), *Упыремъ* (вампиръ), а также *Оборотнемъ*, потому что онъ могъ переселяться въ любой предметъ. Духа предка почитали также подъ именемъ *Рода* и *Роженицъ*: это мертвецы, или привидѣнія, которымъ приносили жертвы отъ плодовъ земныхъ; ихъ вопрошали о судьбѣ гаданьемъ, такъ какъ они опредѣляли, что̀ кому „на роду написано". До сихъ поръ въ народѣ сохраняется воспоминаніе о духѣ предка, подъ видомъ дѣдушки „*Домового*", живущаго въ избѣ, за печкой, куда ему ставятъ пищу. Домовой даже имѣетъ человѣческій образъ, только онъ мохнатъ. Онъ смотритъ за домомъ и всѣмъ помогаетъ. При переселеніи семьи въ новую избу, хозяйка ставитъ на печь горшокъ съ угольями и говоритъ: „милости просимъ, дѣдушка, на новоселье". Восточные славяне вѣрили, что покойники на зиму улетаютъ въ *рай*, а весною воскресаютъ. При первомъ проблескѣ весны они говорили: „родители изъ могилъ тепломъ дохнули", и шли на могилы, чтобы покормить ихъ. „Покойнички" являлись въ видѣ русалокъ, а также „людковъ" (карликовъ) и разныхъ животныхъ. Всю эту „нежить" живые чествовали пирами, причемъ сами представляли оборотней, переряжаясь и бѣснуясь, особенно на перекресткахъ, гдѣ ставились сосуды съ прахомъ покойниковъ.

Вѣра въ духа предка сплеталась съ вѣрой въ духовъ природы, которые жили въ каждомъ предметѣ. Духи предковъ блуждали огонькомъ, цвѣли цвѣтиками, прилетали ласточками. Славянинъ боготворилъ также свою кормилицу, *Мать-Сыру-Землю*. Онъ прислушивался къ ропоту ключа, вытекавшаго изъ ея нѣдръ, къ шелесту листьевъ, къ звону въ ушахъ: все это были „примѣты" — вѣщія рѣчи духовъ природы. Самыми живыми олицетвореніями сельскаго быта служили Водяной, Лѣшій и Полевой. Дѣдушка *Водяной* страшенъ только въ гнѣвѣ, и его легко задобрить жертвой — гусемъ. У него жена русалочка и

много дѣтей-утопленничковъ. Русалка—свѣтлая душенька покойника, въ бѣлой одеждѣ, обвитой зелеными вѣтвями; съ вешнимъ тепломъ она выходитъ изъ земли играть въ водахъ и лѣсахъ. *Лѣшій* — веселый и добрый дѣдъ: онъ помогаетъ охотничкамъ, пасетъ стада. *Полевой*, или *Житный Дѣдъ* изображался послѣднимъ сжатымъ снопомъ. Восточный славянинъ особенно любилъ поле и луга. Въ его глазахъ каждая травка и цвѣтокъ имѣли свой нравъ: они ходили по полю, превращались, пропадали, издавали голоса. Собираніе цѣлебныхъ и чудодѣйственныхъ растеній сопровождалось извѣстными обрядами: подходили къ травкѣ вымывшись и съ добрымъ сердцемъ, кидали ей злато-серебро, брали ее въ шелки златотканные. А проходило веселое тепло, природа сковывалась льдомъ и убиралась въ глубокіе снѣга необозримой равнины, — значитъ наставало царство *Кощея* Безсмертнаго да *Бабы-Яги*—Костяной Ноги. Но эти мрачные духи блѣдны и далеко не всемогущи: восточный славянинъ вообще не зналъ ни ада, ни мрачной судьбы; только у западныхъ и южныхъ славянъ встрѣчаются намеки на грознаго *Чернобога*. У нашихъ предковъ болѣе ясными и обычными олицетвореніями зла были *черти* да ихъ подруги—*вѣдьмы*. Но они играли жалкую, нерѣдко даже смѣшную роль. И они пріурочивались къ юго-западу: у нихъ бывалъ шабашъ, или неистовыя празднества на Лысой Горѣ, у Кіева. Къ вѣдьмамъ подходятъ *дивы* южныхъ славянъ (у насъ Диво-Дивное)—злыя старухи-оборотни, летающія на оленяхъ, которыхъ онѣ погоняютъ змѣями.

§ 14. **Празднества и обряды, боги и богатыри.**—Значеніемъ рода и природы въ религіи славянъ объясняются ихъ празднества и обряды, заклинанія, заговоры и пѣсни, отчасти сохранившіеся до нашихъ дней. Празднества представляли теченіе жизни природы. Они начинались съ зимняго солнцестоянія,—праздника *Коляды*, слившагося потомъ съ Рождествомъ. Тогда гасили старый огонь и зажигали „баднякъ“—полѣно, изображавшее солнце; его головней окуривали ульи, а золой посыпали поле. Въ то же время обмолачивали Житнаго Дѣда и зерна раздавали мальчикамъ, которые ходили „колядовать“, осыпая зерномъ избы въ знакъ урожая. Празднество сопровождалось угощеніями (всѣ святки стоялъ столъ съ яствами для гостей), переряживаньемъ и гаданьемъ, т.-е. бесѣдой съ покойничками. Второй праздникъ (въ мартѣ, когда начинался новый годъ) былъ весенній, который разбился потомъ, вслѣдствіе поста, на масляницу и Святую. Тогда жгли и топили Зиму (соломенное чу-

чело), а Весна ѣхала въ саняхъ на колесѣ (солнце) въ видѣ разряженнаго мужика. Наставала „родительская недѣля". При мѣсяцѣ пекли блины и „шли на горы" (могилы), которыя поливали медомъ и уставляли яствами. Здѣсь „кумились" яйцами и „окликами покойничковъ" для ѣды. Молодежь пекла жаворонковъ и выходила на холмы звать Весну-красну. Отсюда названіе *Красной Горки*. Когда солнце входило въ силу, наставали *Зеленыя Святки* (троицына недѣля). Убирали зеленую березку лентами и лоскутками въ честь воскресенья русалокъ, которыя жили, пока листъ не падетъ съ дерева. Молодежь, особенно дѣвушки, которыя зимой грустно „хоронили золото", завивали вѣнки, мечтая о счастьѣ. „Вѣнъ" значило „союзъ": отсюда „брачный вѣнецъ". То была пора игрищъ, горѣлокъ, причемъ умыкали невѣстъ; то было царство *Ярилы*—бога плодородія. Оно продолжалось до начала лѣтнихъ работъ, наканунѣ которыхъ справляли праздникъ *Купалья*, или *Ивана Купалы*, пріуроченный потомъ ко дню Іоанна Крестителя: тутъ купались ночью, пировали, прыгали черезъ костры, собирали чудодѣйственныя травы. Затѣмъ наставала „страда", полевыя работы, вплоть до появленія Житнаго Дѣда, котораго несли съ веселыми пѣснями чествовать въ красномъ углу избы. Когда опадалъ листъ съ дерева, наставали проводы русалокъ въ могилу: бабы развѣвали по вѣтру соломенное чучело; дѣвушки жалко причитали, припадая къ землѣ.

Духи рода и природы составляли главную часть славянскаго язычества: боговъ было мало, и они не ясны. Древнѣйшимъ божествомъ былъ *Сварогъ* — небо со всѣми его явленіями; его дѣти, Сварожичи, представляютъ отдѣльныя небесныя знаменія. *Дажь-Богъ*, „горящій", изображалъ солнце: онъ выѣзжалъ изъ своего сіяющаго чертога, на золотыхъ коняхъ, къ своему брату, Мѣсяцу. Впрочемъ и онъ былъ уже почти забытъ. Послѣдніе славяне-язычники клялись не имъ, а Перуномъ и Волосомъ, которые были занесены къ нимъ варягами. *Перунъ*—верховное божество, уже носившее воинственный, дружинный характеръ. Это богъ тучъ, грома и молніи, или стрѣлъ. Народъ называлъ даже „перуновымъ камнемъ" наконечники стрѣлъ, оставшіеся отъ каменнаго вѣка. Игравшій на свирѣли *Волосъ*—богъ жатвы и скотоводства, а также торговли и богатства: его главный идолъ стоялъ въ Кіевѣ на рынкѣ. При клятвѣ передъ Перуномъ клали оружіе, передъ Волосомъ — золото. Также блѣдны и скудны были образы славянскихъ *бо-*

гатырей (героевъ), или полубоговъ. Изъ нихъ „старшіе“ напоминаютъ Сварога: это могучія, безпредѣльныя существа. Таковы Святогоръ, Егорій Храбрый, уничтожающій чудовищъ, подобно Геркулесу, Микула-Селяниновичъ—первый пахарь, къ которому упала съ неба „золотая сошка“. „Младшіе“ богатыри близки къ концу язычества и уже сливаются съ историческими воспоминаніями: они тѣснились во дворѣ князя Владиміра и воевали съ врагами Руси—половцами, татарами и др. Таковы Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и др.

Луговая могила [1]).

У славянина храмомъ были природа да *огнище* (домашній очагъ): онъ справлялъ свои обряды по рощамъ, на высотахъ, у воды, да по печамъ и печуркамъ. Идолопоклонство возникло лишь подъ конецъ язычества, въ особенности у западныхъ славянъ, которые ставили большихъ истукановъ страшнаго вида. У восточныхъ славянъ тогда же появились, кромѣ глиняныхъ походныхъ идольчиковъ, большія статуи Перуна въ Кіевѣ и Новгородѣ, а также *требища* (треба—жертва), или *капища* (копоть—дымъ), гдѣ ставили идола и камень, или колоду, для жертвоприношенія. Только у западныхъ славянъ встрѣчались храмы и жрецы; у остальныхъ были колдуны, которыхъ

---

[1]) Такъ называется одинъ изъ крупнѣйшихъ (150 саженей въ окружности и 10 с. вышины) кургановъ Новороссіи, у села Александрополя, Екатеринославскаго уѣзда. Онъ изъ чернозема и глины; внизу обложенъ дикимъ камнемъ; первоначально былъ конусомъ, на вершинѣ котораго стояла каменная баба. Вокругъ кургана видны слѣды широкаго рва и низкаго вала.

называли *волхвами* и *кудесниками*. Они изучали травы и занимались ворожбой да врачеваніемъ: оттого ихъ и называли еще „вѣдунами“ и „вѣщунами“. Богослуженіе же совершали старшины, а за все племя—князь. Служба состояла въ жертвоприношеніи отъ плодовъ земныхъ; впослѣдствіи явились пѣснопѣнія въ видѣ молитвъ на бездождіе. Человѣческія жертвы были обычны только у западныхъ славянъ; у восточныхъ онѣ явились лишь вмѣстѣ съ Перуномъ. При погребальномъ обрядѣ приносили въ жертву „тризну“, третью часть имущества. При этомъ въ знакъ скорби голосили, царапали ножами лицо и руки, а затѣмъ устраивали игры и веселились, такъ какъ провожали покойника въ рай: съ нимъ клали даже хмѣльные напитки и балалайку. Первоначально трупъ пускали въ лодкѣ на воду или зарывали его въ землю, позднѣе стали сожигать. На мѣстѣ сожженія насыпали курганъ (иногда до 3 саженей вышины) и зарывали въ него любимыя вещи покойника — его собаку, коня, пищу и питье, а также одну изъ его женъ или рабынь. Въ могилу закапывали горшокъ съ прахомъ. Иногда эти горшки ставили на перекресткахъ, на распутьяхъ, какъ на мѣстѣ сборищъ „нежити“.

II. НАЧАЛО ГОСУДАРСТВА И ХРИСТІАНСТВА У СЛАВЯНЪ.

Около 850—1050.

§ 15. **Романцы, германцы и Византія.** — Съ половины 9 в. до крестовыхъ походовъ (ок. 850 — 1050) на Западѣ падало политическое единство, но усиливалось христіанство. Монархія Карла Вел., слишкомъ быстро объединенная, распалась на двѣ главныя части: германское племя составило Нѣмецкую Имперію, а романское (народы, говорящіе языками, происшедшими отъ латинскаго)—Французское королевство. Италія, тоже романская, частью осталась у нѣмцевъ, частью подчинилась папѣ. Испанія была наполовину занята арабами, наполовину образовала романскія государства. Въ то же время пало единодержавіе. Пользуясь борьбой въ потомствѣ Карла, связанной съ обычаемъ императоровъ дѣлить землю между своими дѣтьми, ленники (§ 10) образовали сильную аристократію, превратившись въ наслѣдственныхъ владѣтелей съ верховною властью. Они стали называться *вассалами* или *рыцарями*, а императоръ—*сюзереномъ*, что̀ означало лишь перваго среди равныхъ. Этотъ политическій порядокъ называется *феодализмомъ*. Въ Германіи главные вассалы, или курфюрсты, присвоили себѣ даже право избирать императора. Феодализмъ развивался тѣмъ быстрѣе, что крестьяне сами закабаляли себя посредствомъ „рекомендаціи“, или передачи своей земли рыцарю съ тѣмъ, чтобы тотъ защищалъ ихъ отъ повсемѣстныхъ разбоевъ. Но въ то же время возвышалась духовная власть папы. Желая управлять всѣмъ христіанскимъ міромъ, онъ оспаривалъ права государей, не исключая самого римско-нѣмецкаго императора; и для этого сочинили „лжедекреталіи“, или законы, выводившіе папскую власть отъ самого Христа. Папа *Григорій VII* одержалъ побѣду надъ императоромъ Генрихомъ IV, заставивъ его унизиться передъ собой. По мѣрѣ

усиленія феодализма и папства, народъ окончательно превращался въ крѣпостнаго и страдалъ отъ тяжкихъ податей. Преобладаніе папства объясняется религіознымъ настроеніемъ Запада: тогда христіанство поглотило всѣ прежнія понятія; исчезли слѣды классицизма, даже ученые говорили искаженною, или „кухонною“, латынью и еле понимали древнихъ авторовъ.

Напротивъ, въ Византіи самодержавіе достигло крайнихъ размѣровъ: оно переходило въ восточный деспотизмъ, которому подражало и во внѣшней роскоши. Но внутри государство сильно страдало отъ дурнаго управленія и интригъ: однажды было разомъ 5 императоровъ. Впрочемъ вступившая на престолъ послѣ Михаила III (§ 9) Македонская династія нѣсколько обезопасила внѣшнее положеніе Византіи. Македонцы умѣли ловкою политикой возстановлять своихъ враговъ другъ противъ друга. Такъ, *Никифоръ Фока* навелъ на болгаръ русскаго князя *Святослава*, а его преемникъ, искусный полководецъ *Цимисхій*, разбилъ этого самаго Святослава и погубилъ его посредствомъ печенѣговъ. Изъ македонцевъ замѣчателенъ еще *Константинъ Мономахъ* (Единоборецъ): при немъ произошло окончательное отдѣленіе восточной церкви отъ западной (1053). Въ умственномъ отношеніи въ Византіи произошло то же, что на Западѣ. И здѣсь палъ классицизмъ. Греческіе писатели стали заниматься исключительно религіозными вопросами. Изъ свѣтской литературы процвѣтали только хвастливые хронографы (лѣтописи), образчикомъ которыхъ служитъ трудъ Георгія Амартола.

§ 16. **Кирилъ и Меѳодій.**—Еще важнѣе этотъ періодъ въ исторіи славянъ, которые перешли тогда къ государственному быту. Это связано съ появленіемъ у нихъ христіанства. Первоначально оно появилось у ближайшихъ къ Риму и Византіи славянъ. Латинскіе проповѣдники принесли Евангеліе къ чехамъ и хорватамъ, а греческіе — къ сербамъ и болгарамъ. Но его приняли лишь немногіе: народъ не понялъ его, потому что оно проповѣдовалось не на родномъ языкѣ. Настоящее введеніе христіанства у славянъ совершилось въ 9 в., благодаря братьямъ *Кирилу* и *Меѳодію*, которые поэтому и называются ихъ „первоучителями и просвѣтителями“. Они родились отъ знатныхъ греческихъ родителей въ *Солунѣ* (Ѳессалоникѣ). Такъ какъ тамъ было много славянъ, то они даже говорили пославянски. Кирилъ смолоду предался наукамъ и былъ взятъ во дворецъ, въ товарищи къ императору-ребенку. Его наставникомъ былъ патріархъ Фотій (§ 9). Но Кирилъ пожелалъ послѣдовать за своимъ

братомъ въ монастырь, на Олимпъ. Тамъ они не долго спасались. Братья услыхали, что евреи и мусульмане совращаютъ хозаръ въ свою вѣру, и рѣшились обратить ихъ въ христіанство. Они не успѣли въ этомъ, но зато посѣяли первыя сѣмена христіанства между восточными славянами, платившими тогда дань хозарамъ (ок. 860). Возвратившись въ Византію, братья задумали перевести св. писаніе на староболгарскій языкъ, который мы называемъ *церковно-славянскимъ*: тогда это былъ разговорный языкъ балканскихъ славянъ; теперь онъ существуетъ въ видѣ новоболгарскаго нарѣчія. Съ этою цѣлью Кирилъ изобрѣлъ славянскую азбуку, названную, въ честь его, *кирилицей*. Такъ какъ у славянъ были только намеки на буквы, въ видѣ „чертъ" и „рѣзовъ" на кумирахъ, то онъ заимствовалъ начертаніе своихъ буквъ изъ греческаго письма (частью изъ еврейскаго и армянскаго): оттого *уставъ*, какъ называютъ древнѣйшее церковно-славянское письмо, очень похожъ на византійское письмо того времени. Кирилъ и Меѳодій перевели на болгарскій языкъ самое необходимое для богослуженія и церковнаго устройства. Братьямъ помогалъ кружокъ товарищей и учениковъ изъ болгаръ и моравань.

§ 17. **Христіанство и государства у южныхъ славянъ, моравань и венгровъ.**—Меѳодій прежде всего крестилъ болгарскаго (§ 5) князя, *Михаила* (865), который былъ уже подготовленъ къ тому своею сестрой, воспитанною при византійскомъ дворѣ. Въ то же время Михаилъ сталъ самодержавнымъ: онъ истребилъ много *бояръ* (вельможъ), которые ограничивали его власть и не хотѣли принимать христіанства. Сынъ его, *Симеонъ*, уже получилъ титулъ царя и окружилъ себя пышностью и деспотизмомъ византійскихъ императоровъ. Онъ былъ грозой своихъ сосѣдей, грековъ и сербовъ, но въ то же время просвѣтителемъ своего народа. Симеонъ получилъ хорошее образованіе въ Византіи: его называли „полугрекомъ и книголюбцемъ". Онъ самъ переводилъ священныя книги съ греческаго; вокругъ него работали помощники Кирила и Меѳодія, основатели церковно-славянской письменности—*Іоаннъ*, экзархъ болгарскій, *Храбръ Черноризецъ* и др. Вскорѣ болгары усилились до того, что отложились отъ константинопольскаго патріарха: возмущенные притѣсненіями *фанаріотовъ* (греческаго духовенства), они образовали собственный патріархатъ. Но послѣ Симеона прекращается развитіе просвѣщенія въ Болгаріи, которое замѣнилось иночествомъ. Падало и православіе, подъ вліяніемъ сильной секты

попа Богомила, который распространялъ восточное манихейство, или ученіе о двухъ началахъ — о Богѣ и Дьяволѣ. Въ то же время византійцы призвали противъ болгаръ сначала венгровъ, потомъ русскаго князя Святослава. Затѣмъ императоръ Василій Болгаробоецъ нанесъ имъ страшное пораженіе, ослѣпилъ 15 т. ихъ воиновъ и присоединилъ Болгарію къ Византіи (1019). Греки владѣли болгарами болѣе 150 л. (до 1186).—Въ одно время съ болгарами приняли христіанство изъ Византіи сербы и хорваты (§ 5). Сербы сохранили восточное православіе; но хорваты, черезъ нѣсколько лѣтъ, перешли въ католичество. *Хорваты* сначала составляли блестящее государство: ихъ князья приняли титулъ царей; они владѣли даже итальянскими городами въ Далмаціи, изъ-за которыхъ удачно воевали съ Венеціей. Но ок. 900 г. хорватское царство исчезло, подъ ударами венгровъ. *Сербы* долго вели ожесточенныя войны съ греками и болгарами. Но такъ какъ у нихъ господствовали междоусобія среди многихъ жупановъ, то они подчинялись сначала Болгаріи, а послѣ ея паденія—Византіи. Наконецъ ок. 1050 г. имъ удалось образовать прочное государство, съ *Михаиломъ* во главѣ, который принялъ титулъ царя.

Тогда же выдвинулись западные славяне. Сначала объединились славяне Моравіи и западной Венгріи. Ихъ умный и рѣшительный князь, *Ростиславъ*, уничтожилъ гнетъ нѣмцевъ и латинскаго духовенства: онъ призвалъ Кирила и Меѳодія (862), которые обратили въ православіе моравань. Нѣмецкое духовенство должно было бѣжать. Оно пожаловалось папѣ на братьевъ-проповѣдниковъ. Папа призвалъ ихъ въ Римъ, но они оправдались; и Меѳодій, поставленный въ епископы, возвратился въ Моравію, а Кирилъ остался инокомъ въ Римѣ, гдѣ вскорѣ умеръ. Меѳодій еще лѣтъ 15 работалъ надъ просвѣщеніемъ мораванъ; но враги не переставали преслѣдовать его. Папа запретилъ ему служить на славянскомъ языкѣ, а нѣмцы снова завладѣли мораванами, взявши въ плѣнъ и ослѣпивъ Ростислава. Потерпѣвъ много обидъ отъ латинскаго духовенства, Меѳодій умеръ въ церкви, среди бесѣды со своей паствой. Моравія же дошла до высшаго процвѣтанія при племянникѣ Ростислава, *Святополкѣ*, которому добровольно подчинились чехи и даже славяне, жившіе въ Саксоніи. Но это большое царство, остановившее-было натискъ нѣмцевъ, пало по смерти Святополка (ок. 900), подъ напоромъ нѣмцевъ, призвавшихъ къ себѣ на помощь венгровъ.—Тогда венгры, съ Арпадомъ во главѣ,

только-что были отброшены болгарами, противъ которыхъ призвала ихъ Византія съ юга Россіи (§ 7). Они уже не возвращались назадъ, а бросились на сѣверъ и разрушили державу Святополка, а за нимъ и хорватское царство. Венгры нарушили цѣльность славянства, разбили его на западную и южную вѣтви. Западная вѣтвь, потерявъ связь съ Византіей, должна была подчиниться нѣмецкому и католическому вліянію. Тому же вліянію подпали венгры: они скоро стали осѣдлыми и приняли католичество при королѣ *Стефанѣ* (ок. 1000). Нѣмецкій феодализмъ (§ 15) проникъ и сюда и ослабилъ власть короля. Венгерскіе *магнаты* (вельможи), опираясь на католическое духовенство, закрѣпостили народъ. Благодаря тому же духовенству да раздорамъ среди магнатовъ, нѣмцы захватили торговлю и промышленность въ городахъ и обратили Венгрію въ вассальное королевство Нѣмецкой имперіи.

§ 18. **Христіанство и государство у чеховъ и поляковъ.**— Меѳодій успѣлъ присоединить къ православію и чеховъ. Онъ окрестилъ князя *Боривоя* и его жену *Людмилу*, прославившуюся своимъ благочестіемъ. Но вскорѣ у чеховъ возобладало вліяніе нѣмцевъ: при внукѣ Боривоя, *Вячеславѣ*, они обратились въ католицизмъ. И сюда проникъ нѣмецкій феодальный духъ: чешскіе *воеводы* (вельможи) постоянно устраивали козни противъ князей. Съ ихъ помощью, Вячеславъ, любимый народомъ за благочестіе, былъ убитъ собственнымъ братомъ, *Болеславомъ*. Народъ призналъ Вячеслава святымъ: его ликъ изображали на хоругвяхъ. Чехи почитаютъ его „патрономъ чешской земли“ и до сихъ поръ называютъ свое государство „короной св. Вацлава“. Болеславъ подавилъ могущество воеводъ и утвердилъ самодержавіе. Чехія стала сильнымъ государствомъ и присоединила къ себѣ моравань и словаковъ.

У поляковъ христіанство явилось столѣтіемъ позже, чѣмъ у чеховъ, при князѣ *Мечиславѣ I* (965). И здѣсь оно послужило основой для самодержавія. Преемники Мечислава, три *Болеслава* — Храбрый, Смѣлый и Кривоустый — были сильными государями; Болеславъ Храбрый пріобрѣлъ даже королевскій титулъ. Въ эту блестящую „эпоху Болеславовъ“ (1000—1139) Польша объединила ляшскіе народцы (§ 5): ея границы простирались до Эльбы, Балтики, Вислы, Карпатъ и Богеміи. Поляки даже пытались присоединить чеховъ, которые говорили однимъ языкомъ съ ними. Тогда же начались связи поляковъ съ русскими: многіе изъ ихъ королей роднились съ

нашими князьями и ходили на Волынь и въ Кіевъ, вмѣшиваясь въ ихъ внутреннія дѣла; русскіе князья отвѣчали имъ тѣмъ же и ходили далеко на сѣверъ по Вислѣ. Впрочемъ черезъ эти связи въ Польшу проникало лишь слабое византійское вліяніе. Гораздо сильнѣе было вліяніе нѣмцевъ, благодаря католицизму. Въ Польшѣ было даже нѣмецкое духовенство, подчиненное магдебургскому архіепископу; а города были заняты нѣмцами да евреями. Польскіе короли подражали императорамъ въ устройствѣ своего двора и войска, призывали нѣмецкихъ чиновниковъ, женились на нѣмецкихъ княжнахъ. У Болеславовъ былъ пышный дворъ, во главѣ котораго стояли правители дворца и секретари —*воеводы* и *канцлеры*. Страною управляли королевскіе служители—*паны*, жившіе въ замкахъ; и имъ должны были подчиниться потомки родовыхъ старшинъ—*шляхта* или рыцарство. ***Кметъ*** (крестьянинъ) былъ закрѣпощенъ за панами и шляхтой, которымъ король раздавалъ землю за военную службу. Короли также щедро одаряли духовенство, которое было ихъ главною опорой и усилилось до того, что архіепископъ гнѣзненскій или „примасъ“ сбросилъ съ себя зависимость отъ Магдебурга. Такъ образовалась свѣтская и духовная *аристократія*, подобная нѣмецкимъ феодаламъ. Подконецъ короли уже начали бороться съ нею, но неудачно. Въ то же время народъ сталъ возставать противъ пановъ и жечь ихъ добро. Возродилась и старая вражда между ***Великою*** и ***Малою*** Польшами, съ ихъ столицами Гнѣзномъ и Краковомъ. Польша стала распадаться, утратила Галицію, словаковъ и моравановъ; Поморье, хотя и принадлежало ей до Эльбы, но сохраняло своихъ князьковъ.

§ 19. **Начало государства у восточныхъ славянъ. Первые русскіе князья.**—Позже всѣхъ образовалось государство у славянъ восточныхъ. Началомъ его должно считать появленіе въ Новгородѣ и Кіевѣ варяжской дружины (§§ 8 и 11). Варяги наложили дань на новгородцевъ, кривичей и финновъ; но эти племена, соединившись вмѣстѣ, прогнали ихъ за море. Однако между союзниками пошли такія усобицы, что „возсталъ родъ на родъ“, и они рѣшили призвать къ себѣ князя для водворенія „правды“ (§ 11). Новгородскіе послы явились къ варягамъ-руси (§ 8), которыми правилъ *Рюрикъ* съ двумя братьями, и сказали имъ: „земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; придите княжить и владѣть нами“. Русскіе князья пришли со своими дружинами (862). Вскорѣ младшіе братья умерли, а Рюрикъ утвердился въ Новгородѣ. Онъ

уже вовсе не походилъ на мирнаго родоваго старшину-князя (§ 4). Это былъ государь-князь и воитель. Рюрикъ все время боролся съ сосѣдями и даже съ новгородцами, которые возстали подъ руководствомъ *Вадима Храбраго.* Онъ распространилъ свои владѣнія отъ Ладоги до предѣловъ хозаръ у верховьевъ Волги и до волока, отдѣлявшаго Западную Двину отъ Днѣпра. Онъ раздавалъ земли своимъ дружинникамъ или княжимъ мужамъ, размежевывая ихъ веревкой на „верви" или волости. Но варяговъ, этихъ бродячихъ купцовъ-воиновъ, искавшихъ лучшихъ торговъ и добычи, манилъ къ себѣ *Кіевъ* [1]). Этотъ украйный городъ восточнаго славянства, на рубежѣ хозарскаго царства, утопавшій въ южной зелени садовъ, омывавшихся тогда глубокимъ и широкимъ Днѣпромъ, былъ ключемъ къ сокровищамъ византійской торговли и службы. Къ нему уже тянули нарочитые люди всѣхъ славянскихъ городовъ; и въ немъ уже кишѣли предпріимчивые варяжскіе находники (§ 11) не меньше, чѣмъ

---

[1]) Прилагаемый планъ изображаетъ *языческій* Кіевъ. Посрединѣ, на правомъ, западномъ берегу Днѣпра, на Кіевой Горѣ, которая отдѣлялась отъ сосѣднихъ холмовъ глубокими оврагами, обозначенъ *Кыевъ градъ* или «градокъ Кія». Онъ имѣлъ не больше версты въ окружности и былъ обнесенъ частоколомъ и окопами (§ 4). Въ немъ помѣщалось жилище первыхъ князей, на *Дворѣ Теремномъ*; а подлѣ стоялъ истуканъ *Перуна.*—На западной сторонѣ были *Софійскіе Ворота*, выходившіе на мостъ черезъ оврагъ, за которымъ тянулось поле съ огородами. По полю вилась дорога въ *Бѣлгородъ*, по направленію къ рѣчкѣ Лыбеди, гдѣ Владиміръ построилъ теремъ для Рогнѣды. — Къ сѣверу отъ Кіева тянутся холмы *Щековица* и *Вышгородъ*, гдѣ находились древнѣйшіе поселки славянъ. Дорога къ нимъ проходила по ряду овраговъ, по которымъ сбѣгали къ Днѣпру многіе ручьи и рѣчка *Кыянка.* Между дорогой и Днѣпромъ разстилались покрытыя болотами и лѣсомъ низменности *Подолье* и *Оболонье*, которыя теперь примыкаютъ къ рѣкѣ, а тогда омывались рѣчкой *Почайной*, впадавшей въ Днѣпръ подъ Кіевой Горой, гдѣ находился перевозъ Кія. Это былъ пустырь: только на Оболоньѣ, гдѣ зеленѣли злачныя пастбища, стояло капище *Волоса* (§ 14), а поближе къ городку таилась въ лѣсу церковь *св. Ильи.* — Къ югу отъ Кіева также тянутся холмы по берегу Днѣпра. Они были покрыты дѣвственнымъ лѣсомъ, а овраги между ними представляли почти непроходимыя дебри. Здѣсь, подъ самымъ городомъ, находилось *Перевѣсище* (теперь Крещатикъ) — большой лѣсистый оврагъ, гдѣ былъ княжій „ловъ" звѣрей и птицъ. Черезъ него, по пескамъ и дебрямъ, извивался путь къ печенѣгамъ, на югозападъ, и шла, прямо на югъ, дорога въ сельцо *Берестовое*, гдѣ любилъ прохлаждаться лѣтомъ Владиміръ на своемъ княжемъ дворѣ, а теперь находится Лавра. Передъ Берестовымъ, надъ берегомъ Днѣпра, возвышались два холма: одинъ назывался *Аскольдовой Могилой*, другой *Угорьскимъ* урочищемъ, въ память одного изъ упомянутыхъ выше княжихъ мужей и венгровъ (§ 7). Тутъ же, у самаго берега рѣки, тянулись „варяжскія пещеры": это — первобытныя убѣжища предковъ кіевлянъ.

ПЛАНЪ КІЕВА въ X вѣкѣ во времена СВ КНЯГИНИ ОЛЬГИ.

Въ лѣто 881 Сѣде Олегъ Княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: се буди мати градомъ Рускимъ (Лѣт. Нестора)

Хромолит. Зав. К. Риктеръ СПб.

на другомъ концѣ пути въ греки — въ Новгородѣ. Викинги не могли обойтись безъ Кіева—и уже на зарѣ русской исторіи началась борьба изъ-за него, которая долго сплеталась съ княжескими усобицами. Она открывается при Рюрикѣ набѣгомъ двухъ „мужей", *Аскольда* и *Дира*, которые ушли изъ Новгорода со *своими* товарищами и заняли Кіевъ, гдѣ и остались княжить. Оттуда варяги, въ числѣ болѣе 10 т. человѣкъ, совершили первый набѣгъ на Царьградъ (865), на 200 большихъ лодкахъ съ парусами. Здѣсь *Русь* „нажила себѣ славное имя": оно впервые было записано тогда въ хронографахъ. Возвратившись, она принесла съ собой еще первыя сѣмена христіанства: надъ могилой Аскольда была поставлена церковь.

Между тѣмъ умеръ Рюрикъ, оставивъ новорожденнаго сына, Игоря, на рукахъ своего родственника, *Олега* (Helgi), который и сталъ княжить. Но и Олегу не сидѣлось въ Новгородѣ. Собравъ свою дружину и присоединивъ къ ней славянское и финское ополченіе, онъ отправился на югъ покорять новыя земли. Уничтоживъ Аскольда и Дира посредствомъ хитрости, Олегъ сталъ княжить въ Кіевѣ. Онъ занялся покореніемъ окрестныхъ племенъ (§ 6)—древлянъ, сѣверянъ, волынянъ, угличей, и заставилъ ихъ, также какъ новгородцевъ и кривичей, платить дань. Олегъ построилъ много городовъ и *острожковъ*, особенно на югѣ, на границѣ со степью, гдѣ проходили тогда *угры*. Владѣнія Олега, или *Русь*, обнимала тогда всю водную систему отъ Балтики до Днѣпровскихъ пороговъ. Кіевъ сталъ ея столицей и былъ названъ „матерью городовъ русскихъ". Олегъ былъ первымъ „нарядникомъ" (устроителемъ) русской земли. Онъ явился подъ Царьградомъ съ обширными силами уже объединенной Руси, побѣдилъ грековъ и заключилъ съ ними очень выгодный договоръ (912). Преданіе, сохранившееся даже въ Скандинавіи, назвало его „вѣщимъ", и сложилось поэтическое сказаніе о его смерти. Его преемникъ, *Игорь* (Ingvarr), человѣкъ безхарактерный, былъ менѣе счастливъ. При немъ на югѣ появилось „идолище поганое"—*печенѣги* (§ 7), которые разрушили хозарское царство и, расположившись отъ Дона до Дуная, стали тревожить кіевлянъ. Походы Игоря подъ Царьградъ были неудачны. Его суда были истреблены „греческимъ огнемъ", который византійцы бросали изъ трубъ. Онъ заключилъ съ греками договоръ, менѣе выгодный, чѣмъ Олеговъ. Подвластныя Игорю племена платили ему мало дани, и его дружина была бѣдна. Она даже нанималась на службу къ

грекамъ, дралась въ Малой Азіи и Италіи, грабила берега Каспійскаго моря, и по Курѣ заходила внутрь Закавказья, гдѣ опустошила городъ Бердаа. Наконецъ дружина побудила Игоря идти за большою данью; но угнетенные поборами древляне, руководимые своимъ старшиной-княземъ, Маломъ, убили его. Сынъ Игоря, Святославъ, былъ еще ребенкомъ, когда погибъ отецъ. Правленіе перешло къ его матери, *Ольгѣ* (Helga).

Ольга была псковитянка, княжескаго варяжскаго рода, одаренная здравымъ смысломъ, изобрѣтательностью и твердою волей. По обычаю родовой мести, она должна была наказать древлянъ за смерть мужа; притомъ надо было поддержать новую власть государя-князя. Ольга частью насмѣялась надъ знатнѣйшими мужами древлянъ, частью сожгла ихъ и закопала живыми въ землю. Затѣмъ она овладѣла Коростенемъ (§ 6) и обложила жителей тяжелой данью; часть древлянъ была принесена въ жертву, при тризнѣ на могилѣ Игоря. Ольга старалась ввести хорошее управленіе. Она назначила *уставы* и *уроки* (повинности) и устроила новые *погосты* (§ 11)—въ смыслѣ мѣстъ, гдѣ она останавливалась творить судъ и распредѣлять уроки; уѣзжая, она оставляла здѣсь княжаго прикащика, *тіуна*. Такъ погосты сдѣлались средоточіемъ управленія. Ольга объѣздила всю русскую землю, вездѣ оставивъ по себѣ благодарную память: болѣе 100 лѣтъ спустя, въ Псковѣ показывали ея хозяйскія сани. То была уже государыня цѣлой Руси, а не глава отдѣльнаго племени или варяжской дружины. Сынъ ея носилъ уже славянское имя, хотя былъ викингъ въ душѣ, а главными помощниками Ольги въ управленіи были все еще варяги. Во времена Ольги въ Кіевѣ уже прививалось христіанство: была даже церковь св. Ильи; часть Игоревой дружины присягала на крестѣ. Устроивъ свою землю, Ольга задумала креститься, и не иначе, какъ у самого греческаго патріарха. Она отправилась въ Царьградъ съ большою свитой и торговымъ караваномъ. Ее долго не пускали на берегъ. Однако она поступала такъ искусно, что не только приняла христіанство, но крестнымъ отцомъ ея былъ самъ императоръ. Вскорѣ по возвращеніи домой, Ольга передала правленіе своему сыну, Святославу.

§ 20. **Святославъ. Ярополкъ.** — Воспитанный варяжскою дружиной, *Святославъ* не походилъ на нарядниковъ Руси—на Олега и Ольгу. Это былъ витязь, грозный даже съ виду. Онъ былъ средняго роста, широкоплечъ; голубые глаза его смотрѣли сурово изъ-подъ нависшихъ бровей; подъ приплюснутымъ но-

сомъ торчали длинные усы; на бритой головѣ красовался клокъ волосъ, въ знакъ его благороднаго происхожденія; въ правомъ ухѣ висѣла серьга съ жемчужиной. Безстрашный, рыцарственный воитель, Святославъ не любилъ нападать врасплохъ: всегда посылалъ сказать врагамъ—„иду на васъ". „Какъ барсъ", онъ носился повсюду на своемъ боевомъ конѣ; спалъ на голой землѣ, положивъ подъ голову сѣдло; ѣлъ конину, изжаривъ ее на угольяхъ. Такъ какъ восточные славяне уже были покорены, то Святославъ ходилъ на финновъ и разорилъ Великіе Болгары, Саркелъ и Итиль (§ 7). У Азовскаго м. онъ побилъ кочевниковъ, *ясовъ* и *косоговъ*, и взялъ ихъ городъ, *Тмутараканъ* (Фанагорія, § 9). Затѣмъ Святославъ, получивъ большую сумму съ грековъ, двинулся, съ 60 тысячами воиновъ, на помощь къ нимъ противъ болгаръ (§ 15). Онъ тысячами сажалъ болгаръ на колъ, покорилъ всю ихъ землю и остался жить въ Переяславцѣ, на нижнемъ Дунаѣ. Между тѣмъ къ Кіеву подступили печенѣги; Ольга, затворившись тамъ съ внуками, послала звать сына домой. Святославъ вернулся. Не успѣвъ поздороваться съ своими, онъ ударилъ на врага и загналъ его далеко въ степь. Въ это время умерла Ольга, и Святославъ снова отправился въ свой любимый Переяславецъ. Но Іоаннъ Цимисхій не желалъ его сосѣдства: онъ возбудилъ болгаръ къ возстанію и прислалъ къ нимъ на помощь свои корабли на Дунай. Святославъ заперся въ Доростолѣ (§ 5). Русскіе удивили враговъ своими отчаянными вылазками, но должны были сдаться отъ голода. Заключивъ миръ съ греками, Святославъ принужденъ былъ вернуться домой; но у днѣпровскихъ пороговъ его стерегли печенѣги. Они поразили русскихъ и убили Святослава; черепъ его они обдѣлали въ золотую оправу и пили изъ него на своихъ пирахъ.

Отправляясь въ послѣдній разъ на Дунай, Святославъ раздѣлилъ свою землю между сыновьями: старшему, *Ярополку*, далъ Кіевъ, *Олегу*—древлянъ, а въ Новгородъ послалъ младшаго, *Владиміра*, мать котораго была рабыня изъ славянокъ. Это раздѣленіе вызвало междоусобія. Ярополкъ возсталъ на Олега и убилъ его, затѣмъ взялъ Новгородъ, откуда Владиміръ бѣжалъ къ варягамъ. Тутъ впервые упоминается еще одно варяжское княжество—Полоцкъ. Оно было основано незадолго передъ тѣмъ викингомъ *Рогвольдомъ* (Ragnvaldr). Ярополкъ осоюзился съ Рогвольдомъ и уже былъ помолвленъ съ его дочерью, *Рогнѣдой* (Ragnheidr), какъ вдругъ явились послы изъ Новгорода просить ея руки для Владиміра. Рогнѣда отвѣчала, что не хочетъ быть женой сына ра-

бнни. Тогда разгнѣванный Владиміръ, набравшійся храбрости и предпріимчивости въ Скандинавіи, бросился на Полоцкъ, перебилъ всю семью Рогнѣды и насильно женился на ней. Рогнѣда ненавидѣла Владиміра, и онъ долженъ былъ отослать ее на родину съ сыномъ, *Изяславомъ*. Впослѣдствіи Владиміръ хотѣлъ выдать ее замужъ за своего боярина, но гордая скандинавка постриглась въ монахини. Съ тѣхъ поръ Полоцкъ сталъ непримиримымъ врагомъ Кіева. Разгромивъ Полоцкъ, Владиміръ двинулся на Ярополка, который вышелъ къ брату для примиренія, но былъ убитъ. На Руси снова водворилось единодержавіе.

§ 21. **Владиміръ Святой**.—Насколько Ярополкъ, воспитанный Ольгой, былъ христіанинъ въ душѣ, подобно многимъ варягамъ, настолько же Владиміръ, сынъ славянки, былъ суровый язычникъ. Его дядя по матери, *Добрыня*, внушилъ ему, что онъ утвердится, только опираясь на язычниковъ противъ христіанъ, которыхъ было уже тогда не мало въ Кіевѣ. Прежніе князья, вообще подпадавшіе вліянію Византіи, были равнодушны къ славянскому язычеству: они держали его идоловъ только на княжемъ дворѣ. Владиміръ же поставилъ ихъ по городамъ; между прочимъ въ Кіевѣ красовался большой деревянный Перунъ, съ серебряной головой и золотыми усами. Язычники стекались къ истуканамъ съ женами и дѣтьми и стали приносить человѣческія жертвы. Однажды жребій палъ на сына одного варяга-христіанина. Но онъ объявилъ язычникамъ: „ваши боги—не боги, а дерево, сдѣланное руками человѣческими; не дамъ своего сына бѣсамъ“. Толпа умертвила несчастнаго, вмѣстѣ съ сыномъ: то были первые мученики христіанства на Руси; и ихъ примѣръ стойкости убѣжденій, запечатлѣнный кровью, долженъ былъ глубоко подѣйствовать на всѣхъ. Но покуда Владиміръ былъ язычникомъ и по жизни. У него было много женъ, въ томъ числѣ вдова брата. Онъ любилъ воинственные набѣги. Его окружала отважная дружина богатырей, воспѣтыхъ народомъ (§ 14). Это уже была не варяжская, а *славянская* дружина. Владиміръ, воспитанный славяниномъ Добрыней, не любилъ варяговъ. Утвердившись въ Кіевѣ, онъ отпустилъ свою варяжскую дружину въ Византію и просилъ императора не пускать назадъ этого буйнаго народа. Владиміръ боролся съ печенѣгами, усмирилъ возставшихъ вятичей и радимичей (§ 6), ходилъ на камскихъ болгаръ. Но ему не легко было бороться съ этимъ богатымъ народомъ. Разсмо-

трѣвъ болгарскихъ плѣнниковъ, Добрыня сказалъ князю: „они всѣ въ сапогахъ; отъ такого народа не жди дани; поищемъ лучше лапотниковъ“. И Владиміръ, заключивъ миръ съ болгарами, перенесся на Нѣманъ, гдѣ покорилъ полудикихъ ятвяговъ и дошелъ до Балтики. Затѣмъ онъ двинулся къ Карпатамъ: то было первое столкновеніе русскихъ съ западными славянами. Владиміръ отнялъ у поляковъ червенскіе города или *Червонную* (Красную) *Русь* (теперь Галиція). Послѣ всякой побѣды онъ предавался пирамъ съ своею дружиной: турій рогъ съ хмѣльными напитками обходилъ пирующихъ съ утра до ночи; а народные пѣвцы воспѣвали славу князя и его богатырей.

Между тѣмъ язычество все падало. Славянинъ былъ вѣротерпимъ и гостепріимно принималъ купцовъ всѣхъ исповѣданій. При Владимірѣ въ Кіевѣ были евреи, магометане и христіане (греки и даже нѣмцы). Выборъ одного изъ трехъ единобожныхъ „законовъ“ обусловливался для русскихъ ихъ *географическимъ положеніемъ*, ихъ торговыми связями съ Византіей, которая притомъ, по своему умственному превосходству, имѣла на нихъ особенное вліяніе. Оттого уже при Аскольдѣ, въ особенности же при Игорѣ и Ольгѣ, встрѣчаются христіане среди нашихъ пословъ и купцовъ. Святославъ привезъ греческую монахиню въ жены своему сыну, Ярополку; а когда онъ былъ въ Болгаріи, его дружинники переженились на плѣнныхъ болгаркахъ. Затѣмъ русскіе столкнулись съ западными славянами, которые были уже христіанами. Въ то же время слабѣли связи съ языческимъ варяжествомъ: Владиміръ прогналъ варяговъ въ Византію; и въ числѣ его женъ были гречанка, болгарка и чехиня. Сверхъ того, онъ понялъ, что язычеству не устоять въ борьбѣ съ христіанствомъ. Нарочитые люди совѣтовали ему принять греческое православіе, указывая на примѣръ его бабки, Ольги, которая была „мудрѣйшая изъ людей“. Но тогда у русскихъ возгорѣлась война съ греками на Таврическомъ полуостровѣ (Крымъ), часть котораго была присоединена Святославомъ при покореніи хозаръ. Владиміръ осадилъ сильный Корсунь (§ 9) и далъ обѣтъ креститься, если онъ падетъ. Одинъ грекъ, измѣнникъ, помогъ Владиміру овладѣть крѣпостью — и князь отправилъ въ Константинополь пословъ съ предложеніемъ мира и съ требованіемъ руки греческой царевны *Анны*. Анна отвѣчала, что не можетъ выйти за язычника. Тогда Владиміръ изъявилъ готовность креститься. Царевна, считавшая русскаго князя варваромъ, въ слезахъ прибыла въ Корсунь съ своими священ-

никами, которые и окрестили Владиміра, подъ именемъ Василія. Владиміръ возвратилъ грекамъ Корсунь и построилъ въ немъ церковь. Вмѣсто дани, онъ взялъ мощи св. Климента, иконы и церковную утварь да нѣсколькихъ священниковъ, въ томъ числѣ перваго русскаго митрополита, *Михаила.*

§ 22. **Христіанство при Владимірѣ и его смерть.**—Возвратившись въ Кіевъ, Владиміръ крестилъ свою семью и приближенныхъ; затѣмъ велѣлъ истребить идоловъ, а Перуна привязать къ хвосту лошади и стащить въ Днѣпръ. Княжьи приставники колотили истукана палками, приговаривая: „много ты ѣлъ и пилъ, Перунище, будетъ съ тебя!“ Толпа рыдала, но не заступалась за идола; а среди нея ходилъ, въ сопровожденіи самого князя, митрополитъ съ попами и проповѣдовалъ слово Божіе. На другой день, по приказу князя, на берегу Днѣпра собралась огромная толпа, чтобы принять крещеніе. „Еслибъ это не было добро, князь и бояре не приняли бы“, говорилъ народъ. Всѣ вошли въ рѣку; матери держали на рукахъ младенцевъ. Такъ *крестилась Русь* (988). Владиміръ былъ ревностнымъ христіаниномъ. Онъ принялся строить храмы на мѣстахъ прежнихъ требищъ; а тамъ, гдѣ пали наши первомученики (§ 21), соорудилъ каменную церковь Богородицы, въ которой помѣстилъ всю корсунскую святыню. На ея содержаніе князь опредѣлилъ десятую часть своихъ доходовъ: оттого она названа *Десятинною.* Для распространенія христіанства на Руси Владиміръ разослалъ по городамъ своихъ 12 сыновей съ дружинами и попами. Такъ образовались первыя епархіи, подчиненныя *кіевскому митрополиту*, который поставлялся греческимъ патріархомъ изъ грековъ или болгаръ. Чтобы создать образованныхъ поповъ, Владиміръ бралъ мальчиковъ изъ лучшихъ семействъ и отдавалъ ихъ въ школы, къ ужасу рыдавшихъ матерей.

Христіанство распространялось медленно, по великому водному пути изъ Кіева въ Новгородъ. Новгородцы оказали особенное сопротивленіе: подстрѣкаемые волхвомъ, прозваннымъ за краснорѣчіе Соловьемъ, они разрушили домъ Добрыни, присланнаго крестить ихъ, и убили его жену. Съ помощью тысяцкаго *Путяты*, Добрыня разбилъ новгородцевъ и сжегъ часть города; язычниковъ насильно потащили къ Волхову креститься. Долго потомъ новгородцамъ дѣлали такой упрекъ: „васъ Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ“. Но христіанство глубоко вкоренялось въ сердцахъ новообращенныхъ. Самъ Владиміръ сталъ ревнителемъ книжнаго ученія, бросилъ охоту и сдѣлался до того кротокъ,

что утратилъ всю свою былую предпріимчивость и ретивость. Чтобы избѣжать войны, онъ отдавалъ своихъ сыновей печенѣгамъ въ заложники; а дома даже боялся казнить разбойниковъ. Когда епископы представляли ему, что въ Греціи ихъ наказываютъ смертью, онъ отвѣчалъ: „боюсь грѣха". Владиміръ сталъ хорошимъ семьяниномъ, и хотя попрежнему любилъ пиры, но ими сопровождались уже не кровавые набѣги, а церковныя празднества, что̀ замѣняло, въ глазахъ народа, языческія тризны (§ 14). На дворѣ милостиваго князя толпились, кромѣ дружины, бѣдняки, которымъ раздавали деньги и одежду; а кто не могъ придти по старости или болѣзни, тѣмъ развозили на повозкахъ медъ и съѣстные припасы. Христіанство произвело переворотъ и въ политикѣ Владиміра: онъ заботился о внутреннемъ порядкѣ и безопасности и лишь оборонялся отъ печенѣговъ. На рубежахъ степи (по рр. Деснѣ, Сулѣ, Трубежу, Роси и Стугнѣ) вытягивались линіи *острожковъ*, соединенныхъ частоколомъ и валомъ, остатки котораго явственны и теперь. Тамъ и сямъ изъ нихъ выростали города. Владиміръ заселялъ ихъ *станицами* (отрядами) стойкихъ „верхнихъ воевъ", т.-е. сѣверныхъ людей, преимущественно новгородцевъ.

Конецъ жизни Владиміра былъ омраченъ распрями въ его семьѣ. Старшими сыновьями Владиміра были — сынъ гречанки, *Святополкъ*, занимавшій Туровскую область, и сынъ Рогнѣды, *Ярославъ*, сидѣвшій въ Новгородѣ; но любимымъ его сыномъ былъ кроткій и благочестивый *Борисъ* (отъ Анны), которому онъ назначилъ Ростовъ. Всѣ думали, что Владиміръ хочетъ отдать сыну христіанки, рожденному въ христіанствѣ, Борису, „старшій", „великокняжескій" столъ кіевскій; но Святополкъ рѣшился завладѣть насильно Кіевомъ, съ помощью *Болеслава Храбраго* (§ 18), на дочери котораго онъ былъ женатъ. Владиміръ узналъ объ этомъ и одно время держалъ сына въ тюрьмѣ. Затѣмъ ему пришлось бороться съ Ярославомъ. Это былъ достойный сынъ Рогнѣды, твердый, разсчетливый, предпріимчивый, хотя гнѣвный, запальчивый, некрасивый и хромой. Его поддерживала жена, Ингигерда, надменная дочь шведскаго короля. За Ярослава стояла вся „верхняя земля": какъ главные представители язычества и варяжества, новгородцы ненавидѣли кіевлянъ, перебивавшихъ у нихъ первое мѣсто, и Владиміра, который увеличилъ дани и бралъ съ нихъ много воиновъ для защиты южной Руси. Ярославъ призвалъ свѣжихъ варяговъ изъ-за моря и отказалъ отцу въ дани. Владиміръ сталъ

собирать войско противъ сына, но заболѣлъ и умеръ (1015). Личность Владиміра глубоко врѣзалась въ памяти русскаго народа. Это самый ясный и крупный путеводный столбъ въ заревыхъ сумеркахъ нашей исторіи. Въ немъ впервые воплотилось сознаніе національнаго единства. Народъ возлюбилъ его за то, что онъ любилъ его всего, отъ Ладоги до Кіева и Волги; за то, что онъ былъ его рачительнымъ нарядникомъ; за то, что не увлекаясь заморскими походами, онъ оборонялъ его оплотами отъ идолища поганаго, первый отчеканилъ всерусскую монету, наконецъ озарилъ всю Русь единымъ свѣтомъ христіанства. Народная поэзія назвала его Краснымъ Солнышкомъ; церковь величаетъ его Равноапостольнымъ. Въ глазахъ массъ онъ былъ такимъ уже въ слѣдующемъ поколѣніи, хотя лѣтопись именуетъ его Святымъ лишь съ 1254 г. Мощи его хранятся частью въ Печерской Лаврѣ, частью въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ.

§ 23. **Святополкъ I Окаянный и Мстиславъ Тмутараканскій.** Какъ ни скрывали кіевляне смерть Владиміра, поджидая 26-лѣтняго Бориса, который былъ тогда въ походѣ противъ печенѣговъ, злой и хитрый *Святополкъ I* провѣдалъ о ней и немедленно явился въ Кіевъ. Онъ ласкалъ кіевлянъ и раздавалъ имъ подарки, а тайно послалъ своихъ мужей убить Бориса. Кіевляне холодно отвѣчали на его милости, а дружина Владиміра предложила Борису княженіе. Но тотъ распустилъ свое войско, сказавъ: „не подниму руки на старшаго брата; онъ мнѣ вмѣсто отца“. Убійцы застали Бориса у р. Альты и пронзили его копьями въ то время, какъ онъ пѣлъ заутреню въ своемъ шатрѣ. Затѣмъ Святополкъ коварно умертвилъ единоутробнаго брата Борисова, *Глѣба*, который правилъ Муромскою областью. Борисъ и Глѣбъ причислены къ лику святыхъ; по выраженію современниковъ, „ихъ кровью благословилась земля“. Святополка же народъ назвалъ *Окаяннымъ*. Проповѣдники долго указывали князьямъ на эти примѣры святости съ одной стороны и злодѣйства — съ другой.

Святополкъ думалъ погубить и остальныхъ своихъ братьевъ, но встрѣтилъ сильнаго противника въ лицѣ Ярослава. Получивъ изъ Кіева вѣсть отъ своей сестры, *Преславы*, о злодѣйствахъ Святополка, новгородскій князь созвалъ вѣче и, утирая слезы, просилъ у народа помощи. Собралась большая рать изъ новгородцевъ и вновь нанятыхъ варяговъ, до 50 т. человѣкъ, и двинулась на ладьяхъ внизъ по Днѣпру. У *Любеча* Святополкъ, застигнутый врасплохъ, былъ разбитъ и бѣ-

жалъ въ Польшу; но вскорѣ онъ вернулся съ большимъ войскомъ, которымъ предводительствовалъ самъ Болеславъ Храбрый. Ярославъ, разбитый наголову, долженъ былъ бѣжать изъ Кіева, гдѣ поляки стали буйствовать, какъ завоеватели. Кіевляне возстали, и Болеславъ поспѣшилъ возвратиться домой. Поляки увезли съ собой сокровища кіевлянъ и увели много плѣнниковъ въ рабство. Болеславъ захватилъ бояръ заложниками и сестру Ярослава. По дорогѣ онъ взялъ назадъ Червонную Русь (§ 21). Между тѣмъ Ярославъ, вернувшись въ Новгородъ, собирался бѣжать за море. Но новгородцы, знавшіе, что побѣда Святополка была бы погибелью ихъ свободы, разбили его челны. Они заставили его нанять свѣжихъ варяговъ и снова идти на Кіевъ. Святополкъ бросился въ степи и привелъ своихъ лютыхъ союзниковъ. У Альты, гдѣ погибъ Борисъ, столкнулись силы славянскаго сѣвера и юга съ ихъ приспѣшниками — варягами и печенѣгами. „Верхніе вои“ опять показали свою превосходную крѣпость. Полчища Святополка были разсѣяны, послѣ жестокой сѣчи, длившейся цѣлый день. Самъ Окаянный, весь израненый, бѣжалъ на западъ и умеръ гдѣ-то на дорогѣ.

Ярославъ I „утеръ потъ со своею дружиной“ и сѣлъ княжить въ Кіевѣ. Но у него былъ опасный соперникъ, братъ *Мстиславъ* Тмутараканскій, сынъ скандинавки Адели, которому досталась самая далекая и дикая страна, населенная свирѣпыми кочевниками. Къ нимъ подходилъ и князь, напоминавшій своего удалого дѣда, богатырь съ налитымъ кровью лицомъ и большими грозными глазами. Онъ любилъ битвы, слылъ непобѣдимымъ; мирное время проводилъ въ пирахъ съ своею дружиной, для которой не жалѣлъ ни добра, ни питій, ни брашна. Мстиславъ разрушилъ царство крымскихъ хозаръ и взялъ въ плѣнъ самого кагана. Потомъ онъ сталъ ходить на прикубанскихъ косоговъ, князь которыхъ, Редедя, великанъ и силачъ, былъ зарѣзанъ имъ на поединкѣ. Мстиславъ требовалъ, чтобы Ярославъ подѣлилъ съ нимъ землю. Ярославъ не согласился. Тогда Мстиславъ собралъ войско изъ косоговъ и хозаръ и захватилъ *Черниговъ*. Ярославъ вызвалъ изъ-за моря варяговъ, но былъ разбитъ и вторично бѣжалъ въ Новгородъ. Однако Мстиславъ не хотѣлъ нарушить права старшинства. Онъ послалъ сказать брату: „ты старшій, садись въ своемъ Кіевѣ, а за мной пусть останется эта сторона“, т.-е. къ востоку отъ Днѣпра. Ярославъ согласился. Съ тѣхъ поръ прекратились усобицы. Черезъ 10 л. погибъ на охотѣ Мсти-

славъ, вѣрный союзникъ Ярослава, не оставивши наслѣдниковъ, и Ярославъ сталъ единодержавнымъ.

§ 24. **Ярославъ I**.—Въ теченіе 20-лѣтняго княженія, Ярославъ I почти не переставалъ воевать. Онъ прошелъ въ глубину Литвы и наложилъ на нее дань „лыкомъ и вѣниками"; затѣмъ пріобрѣлъ Чудское оз. и построилъ тамъ *Юрьевъ* (впослѣдствіи Дерптъ), въ честь своего христіанскаго имени, а на Волгѣ основалъ *Ярославль*. Изъ этихъ крѣпостей русскіе ходили до ю. Финляндіи и *Желѣзныхъ Воротъ* (Устьсысольскъ). Ярославъ ограждалъ Русь отъ набѣговъ дикарей постройкой укрѣпленій и заселеніемъ пустынь и покончилъ съ печенѣгами, жестоко разбивъ ихъ подъ стѣнами Кіева. При немъ былъ совершенъ *послѣдній* походъ на Византію. Онъ былъ неудаченъ. Вслѣдствіе греческаго огня, бури и раздоровъ между варягами и славянами, погибла почти сто-тысячная армія, причемъ греки ослѣпили множество плѣнниковъ. Ярославъ заключилъ „вѣчный" миръ съ греками и женилъ своего любимаго сына, Всеволода, на дочери Константина Мономаха (§ 15). Ярославъ особенно любилъ сношенія съ Западомъ. Его сыновья были женаты на королевнахъ англійской, греческой и польской; его дочери были за королями венгерскимъ, французскимъ и норвежскимъ. Ярославъ пріютилъ у себя изгнаннаго норвежскаго короля со всѣмъ его семействомъ, дѣтей англійскаго короля, венгерскихъ принцевъ и другихъ знатныхъ выходцевъ, особенно шведовъ, желавшихъ послужить Ингигердѣ (§ 22). Оттого слава Россіи прошла тогда по всей Европѣ, „даже до Рима", и Червонная Русь была возвращена съ помощью нѣмецкаго императора. Ярославъ относится къ числу „нарядниковъ" русской земли, установителей государственнаго порядка. Онъ уже принадлежалъ къ поколѣнію „ученому покнижному". Владиміръ только слушалъ чтеніе, а Ярославъ самъ читалъ и зачитывался по ночамъ, даже переписывалъ книги. На княжемъ дворѣ образовался цѣлый кружокъ, который читалъ, переводилъ съ греческаго и переписывалъ болгарскія книги. Такъ возникло первое *книгохранилище* на Руси, при храмѣ св. Софіи; а въ Новгородѣ было основано училище на 300 мальчиковъ. Ярославъ былъ очень благочестивъ: онъ даже вырылъ кости своихъ двухъ дядей-язычниковъ и окрестилъ ихъ. Повсюду, даже въ деревняхъ, строилъ онъ церкви и монастыри и обезпечивалъ ихъ содержаніе изъ собственной казны. Особенно Кіевъ и Новгородъ украсились святынями, во главѣ которыхъ стоялъ *храмъ св. Софіи* въ Кіевѣ,

получившій значеніе всероссійскаго собора[1]). Тогда же русская церковь стала *независимою* отъ Византіи: воспользовавшись войной съ греками, Ярославъ приказалъ собору своихъ епископовъ избрать митрополита, помимо константинопольскаго патріарха. Выборъ палъ на русскаго священника, Илларіона, извѣстнаго своею ученостью и строгостью жизни. Тогда же была издана *Русская Правда*, за что Ярослава назвали Правосудомъ. Ярославъ умеръ въ 1054 г. Прахъ его и теперь покоится въ Софійскомъ соборѣ. Ярославъ завѣщалъ дѣтямъ жить дружно

Храмъ св. Софіи въ Кіевѣ.

и *слушаться старшаго брата*, который долженъ былъ служить имъ „въ отца мѣсто" (§ 4). Старшимъ оставался *Изяславъ*, которому умирающій великій князь и отдалъ кіевскій столъ.

[1]) Прилагаемый рисунокъ изображаетъ храмъ св. Софіи, какъ онъ былъ построенъ (ок. 1037—1050) Ярославомъ, въ память побѣды надъ печенѣгами, на томъ самомъ полѣ, гдѣ происходило побоище. Высокій (27 саженей), каменный храмъ, съ мраморнымъ поломъ, пестрѣлъ множествомъ оконъ и прорѣзовъ въ стѣнахъ и пяти куполахъ: онъ былъ залитъ свѣтомъ, игравшимъ на мозаикѣ и живописи, которыми была изукрашена вся его внутренность, не исключая столбовъ и двухъ лѣстницъ, ведшихъ на хоры. Подвергаясь частымъ опустошеніямъ, онъ, съ тече-

§ 25. **Полоцкъ и Новгородъ.**—Предсмертныя слова Ярослава были первымъ на Руси закономъ о престолонаслѣдіи. Но не легко было исполнить ихъ, такъ какъ Ярославъ подѣлилъ Русь между сыновьями, изъ которыхъ каждый былъ независимымъ въ своемъ удѣлѣ и могъ не слушаться старшаго брата. Уже при Ярославѣ двѣ области, Полоцкъ и Новгородъ, составляли какъ бы особыя государства. Со времени изгнанія Рогнѣды съ Изяславомъ изъ Кіева (§ 20), *полоцкіе* князья, Рогвольдовичи, стали независимыми государями и даже врагами остальной Руси. Изъ нихъ особенно прославился внукъ Изяслава, *Всеславъ*. О немъ много говорится въ преданіяхъ, какъ о колдунѣ, который обращался, по ночамъ, то синею мглой, то сѣрымъ волкомъ: народъ считалъ чародѣйскимъ талисманомъ даже повязку, которую онъ носилъ на головѣ, вслѣдствіе какой-то язвины. Онъ былъ „безпощаденъ на кровопролитіе“, но любилъ также „судить и рядить народъ и города“. По смерти Ярослава, Всеславъ началъ „расшибать славу“ его и однажды разграбилъ Новгородъ, не пощадивъ даже святынь св. Софіи. Ярославичи соединились и разгромили Изяславль (Минскъ), избили его мужей, взяли въ рабство его женъ и дѣтей. Но Всеславъ подоспѣлъ съ войскомъ. Подъ самымъ городомъ, у р. Немезы, разразился упорный бой: здѣсь „снопы стлали головами, вѣяли душу отъ тѣла“. Ярославичи справились съ Всеславомъ лишь обманомъ: заманивши къ себѣ, они заточили его въ кіевскую тюрьму. Новгородъ также сталъ тогда какъ бы особымъ государствомъ. Обязанный ему кіевскимъ столомъ, Ярославъ даровалъ ему *льготную грамоту*, которая освобождала его отъ дани Кіеву и давала ему право избирать себѣ всѣ власти. Такъ образовался „Господинъ Великій Новгородъ“—родъ республики, въ которой избранный князь или его посадникъ были какъ бы президентами. При жизни Ярослава, благодарные новгородцы выбирали себѣ въ князья его сыновей. Самъ Ярославъ любилъ навѣщать ихъ и защищалъ отъ полочанъ; а Ингигерда подолгу заживалась въ Новгородѣ,

---

ніемъ времени, потускнѣлъ внутри отъ множества передѣлокъ, подпорокъ (контрфорсовъ) и пристроекъ, которыми облѣпили его со всѣхъ сторонъ до верху: отъ созданія Ярослава уцѣлѣло только то, что составляетъ сердцевину, внутренній квадратъ нынѣшняго собора. Этотъ соборъ и теперь занимаетъ господствующее положеніе надъ Старымъ Городомъ: издалека видны его выбѣленныя стѣны, увѣнчанныя зеленою крышей съ 11 вызолоченными куполами. На его внѣшности лежитъ отпечатокъ нѣмецко-польскаго зодчества конца 17-го в. Въ 1786 г. храмъ кіевской Софіи получилъ названіе кіевскаго каѳедральнаго собора.

гдѣ и умерла. При смерти Ярослава, тамъ княжилъ его старшій сынъ, *Изяславъ*. Онъ поспѣшилъ въ Кіевъ, а въ Новгородѣ оставилъ своимъ посадникомъ *Остроміра*.

§ 26. **Земля. Населеніе. Государство.**—Смертью Ярослава I оканчивается первый періодъ русской исторіи (862—1054). Къ концу его далеко раздвинулись *границы Руси*, которая обнимала сначала только полосу отъ Новгорода до Кіева: онѣ доходили до днѣпровскихъ пороговъ, Азовскаго м., Кавказа, камскихъ болгаръ, Печеры, Балтійскаго м. и Карпатъ. Это огромное пространство все еще представляло царство лѣсовъ, болотъ, степей и звѣрей: за исключеніемъ немногихъ болѣе плотно заселенныхъ мѣстъ у старыхъ городовъ или торговыхъ узловъ, *населеніе* было разбросано и крайне рѣдко. Но внутри его произошло чрезвычайно важное явленіе, которое способствовало его росту и развитію: это — появленіе *варяговъ* цѣлыми родами. Варяги не могли разсѣять восточныхъ славянъ: они пришли къ нимъ не всѣмъ племенемъ, а дружиной, и не были образованнѣе ихъ. Оттого варяги вступали въ браки съ туземцами и вскорѣ *ославянились*, подобно камскимъ болгарамъ за Дунаемъ (§ 5). Святославъ уже носилъ славянское имя, и въ его войнахъ пало потомство первой варяжской дружины. Владиміръ считалъ себя славяниномъ и врядъ-ли говорилъ поскандинавски. При Ярославѣ, у котораго мать и жена были скандинавки, случилось послѣднее нашествіе варяговъ, вызванное его упорною борьбой съ братьями: его образъ живѣе сохранился въ скандинавской сагѣ, чѣмъ въ русской лѣтописи. Но съ тѣхъ поръ прекращается приливъ варяжскихъ дружинниковъ, такъ какъ тогда, съ принятіемъ христіанства, утвердился порядокъ въ самой Скандинавіи и окончились походы викинговъ (§ 8). Только на сѣверѣ варяжество сохранялось долѣе: въ Новгородѣ были большіе торговые дворы норманновъ до 13 в., когда нѣмецкая ганза отбила у нихъ торговлю. Оттого варяжество оставило мало слѣдовъ въ бытѣ русскихъ: можно указать лишь на нѣсколько словъ, перешедшихъ отъ него въ нашъ языкъ — *гридь* (наемники), *кнутъ*, *ларь*, *лавка*, *стягъ*, *стулъ*, *тіунъ*, *ябедникъ* (слѣдователь), *якорь*.

Но варяжество имѣло великое значеніе для восточныхъ славянъ, способствуя водворенію у нихъ порядка или *государства*, которому оно сообщило и свое имя — Русь. Тутъ варяги совершили то же самое, что болгары среди южныхъ славянъ, франки среди галловъ, англы среди бриттовъ: они

окончательно подорвали родовой бытъ, соединивши роды и племена въ одинъ *русскій* народъ и поставивъ надъ нимъ одинъ княжескій родъ, съ *великимъ княземъ* во главѣ, сидѣвшимъ на главномъ столѣ, въ Кіевѣ. Но слѣды родоваго быта оставались долго, и даже въ самой великокняжеской семьѣ: лишь постепенно исчезали родовые старшины (§ 4), а вмѣстѣ съ ними падало и значеніе вѣча (§ 11). Сначала у городской общины сохранялось свое войско, которое и сражалось отдѣльно отъ княжеской дружины, притомъ только обороняло свою землю и не ходило съ княземъ за границу; потомъ земская рать слилась съ дружиной, подъ начальствомъ князя и его воеводъ. Вся Русь несла государственныя повинности, вызванныя объединеніемъ народа, изъ которыхъ главною была *дань*. Сначала, какъ и на Западѣ, при разобщенности областей и за недостаткомъ служителей, князь лично ходилъ за нею по своимъ людямъ. Это *полюдье* (§ 11) было внутреннимъ походомъ, тѣмъ болѣе, что непривыкшій къ государственнымъ повинностямъ нáродъ сопротивлялся. Князь ѣздилъ съ своей дружиной и съ цѣлымъ карованомъ телѣгъ, такъ какъ дани собирались не деньгами, а припасами (натурой). Возвратившись съ полюдья, которое происходило зимой, онъ весной и лѣтомъ продавалъ лишнее изъ собраннаго, обыкновенно сплавляя товаръ Днѣпромъ; а самъ отправлялся въ походы. Впослѣдствіи ближайшія земли сами доставляли дань въ Кіевъ, что̀ называлось *повозомъ*. Сначала, какъ и на Западѣ, дани были неопредѣленными „дарами"; и примѣръ Игоря доказываетъ, какъ иногда ими истощали населеніе. Поэтому введеніе наряда состояло прежде всего въ „уставахъ", въ опредѣленіи „уроковъ" или повинностей. Затѣмъ князья, при полюдьѣ, начали установлять „правду", т.-е. судить народъ; и это было вторымъ источникомъ ихъ доходовъ: въ пользу князя шли *виры*— штрафы съ виновныхъ. *Судъ* происходилъ на дворѣ князя или его намѣстника. „Челобитчикъ" (истецъ) представлялъ свидѣтелей. Если обвиняли въ убійствѣ, а свидѣтелей не было, то отвѣтчикъ подвергался суду Божію (§ 10), который состоялъ изъ „поля" (поединокъ между тяжущимися) и пытки желѣзомъ и водой: онъ долженъ былъ во время присяги простоять на раскаленномъ желѣзѣ или продержать на немъ два пальца, нето войти въ рѣку до глубины, причемъ замѣчали, одолѣлъ его страхъ или нѣтъ.

Кромѣ даней и суда, князю принадлежала *расправа* или распорядительная власть (администрація). Онъ разсылалъ дружинниковъ по городамъ и волостямъ, какъ своихъ *посадниковъ*

(намѣстниковъ), *тіуновъ* (судей и сборщиковъ податей) и *тысяцкихъ*, которые „кормились“ отъ своихъ должностей, т.-е. получали часть дани и виръ. Наравнѣ съ этими гражданскими служителями, князю подчинялись военные. *Войско* состояло изъ трехъ разрядовъ. Постоянною ратью была дружина князя. Она была вооружена мечами, копьями, стрѣлами, топорами, рогатинами, щитами и бронями (панцырями) и ходила подъ „стягами“ (знаменами), по „трубнымъ звукамъ“. Временно созывались „вои“ или „полки“—земская рать, которую распускали послѣ похода, отдавая ей часть добычи. Въ вожди воямъ князь выбиралъ изъ своихъ дружинниковъ *воеводу* или тысяцкаго, которому подчинялись земскіе „сотскіе“ и „десятскіе“. Дружинники начальствовали и надъ наемниками: на сѣверѣ это была варяжская пѣхота, на югѣ—печенѣжская конница.

Князю принадлежала, въ значительной степени, и та высшая власть, которая проявляется въ изданіи правилъ общежитія или писаныхъ *законовъ*, которыми, какъ вездѣ, замѣнялось тогда на Руси обычное право (§ 4). У насъ прежде всего явились законы международные — *договоры съ греками*: договоръ Олега (§ 19), занесенный въ лѣтопись — одинъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ письменности во всей Европѣ. Съ принятіемъ христіанства возникли законы для русскаго народа. Сначала они были *греческіе*, принесенные византійскимъ духовенствомъ. Владыки просто начали судить по Номоканону (§ 9) — и семейныя и наслѣдственныя дѣла стали переходить отъ вѣча и родовыхъ старшинъ къ церкви. Но русскихъ возмущали греческіе законы, въ особенности смертная казнь и тѣлесныя наказанія: они часто рѣшали тяжбы самосудомъ. Оттого Ярославъ сократилъ власть церковныхъ судовъ, а главное—издалъ свѣтскіе законы, которые были названы, въ отличіе отъ греческихъ, *Русскою Правдой*. Ея древнѣйшій списокъ относится къ концу 13 вѣка и представляетъ какъ бы сводъ законовъ отъ Ярослава до Мономаха. Основою Русской Правды послужило обычное право. Оттого ея главнымъ отличіемъ служитъ введеніе „виры“, въ смыслѣ выкупа за убійство, часть которой шла въ пользу родственниковъ убитаго. Если при этомъ еще допускалась уступка въ пользу кровомщенія, то дозволялось платить смертью за смерть только ближайшимъ родичамъ. Воръ также наказывался вирой; а поджигатель и конокрадъ изгонялись, добро же ихъ отдавалось на разграбленіе. Если виновный не могъ заплатить виру, ее вносила *вервь*, т.-е. община, къ которой при-

надлежалъ злодѣй: это называлось „дикою вирой". Опредѣлялось и наслѣдство: всякій располагалъ своимъ имуществомъ, какъ хотѣлъ, по „ряду", завѣщанію.

Законы, судъ, полюдье и повозы, не говоря уже о военной повинности, служили къ объединенію племенъ, наравнѣ съ городами, которые любили строить князья, особенно на югѣ, куда они переселяли „верховой" народъ. Великій князь, съ его дворомъ и дружиной, съ его стольнымъ Кіевомъ, съ его родственниками по всѣмъ областямъ, сталъ видимымъ узломъ Руси. На полюдьѣ онъ расчищалъ дороги, ставилъ мосты, заводилъ погосты, строилъ города. Сидя дома, онъ чинилъ судъ и расправу да „думалъ" объ устроеніи земли вмѣстѣ съ своею дружиной и съ епископами. Сначала въ княжескую *думу* призывались „градскіе старцы", эти представители общинно-родоваго быта (§ 11); но къ концу періода они исчезаютъ. Такъ водворялся новый порядокъ вещей—„государственный нарядъ". Онъ сглаживалъ областныя отличія, сливалъ мелкія племена славянъ и финновъ въ одну *Русь*: подконецъ области носятъ уже не племенныя названія (древлянская и др.), а городскія (ростовская и др.), хотя въ ихъ основаніе легло старое дѣленіе земли на волости (§ 11).

§ 27. **Дружина и земщина.**—Объединеніе восточныхъ славянъ было борьбой государства съ общинно-родовымъ бытомъ; поэтому князь съ своею дружиной жили особнякомъ, какъ верхній слой народа, чему сначала способствовало и ихъ иностранное происхожденіе. Дружина (§ 11) была многочисленна. Она сидѣла по городамъ гарнизономъ и составляла дворъ каждаго князя, занимавшаго отдѣльный столъ. Больше всего толпилась она при главномъ, кіевскомъ дворѣ: здѣсь у князя была своя дружина, у княгини—своя. Князья соперничали между собой многочисленностью и богатствомъ дружины; они одѣвали и кормили ее, давали ей оружіе и жалованье, пировали и совѣщались съ нею. „Сребромъ и златомъ не добуду дружины, а дружиною добуду сребра и злата", говаривалъ Владиміръ. Дружина стояла, наряду съ княземъ, во главѣ управленія (§ 26). Она получала за свою службу *жалованье, а не земли*: она сама пренебрегала бѣдною землей, которую не могла обрабатывать за недостаткомъ рабочихъ рукъ. Дружинники раздѣлялись на старшихъ и младшихъ. Старшіе, *бояре* (у болгаръ — „боляринъ", т.-е. „бо̂льшій"), были „думцами" и помощниками князя въ управленіи: ихъ-то „сажалъ" онъ по городамъ и волостямъ. Младшіе, *бояр-*

скія дѣти, „боярцы“ или „дѣтскіе“, находились при особѣ князя: ихъ называли еще *гридью*, а горницу во дворцѣ, гдѣ толпились они—„гридницею“. Самые младшіе, *отроки*, были прислугой князя и даже бояръ. Въ дружину могъ поступать всякій, не исключая самыхъ низкородныхъ, и даже не русскій: такъ она искореняла кровныя, родовыя и общинныя связи.

Дружинники назывались еще „мужами“, въ отличіе отъ массы населенія — *мужиковъ*, *людей* (простолюдиновъ), или *земщины*. Земщина раздѣлялась на горожанъ и сельчанъ, но только по занятіямъ: права у тѣхъ и другихъ были одинаковыя. Впрочемъ сельчане уже считались болѣе низкимъ сословіемъ и иногда назывались особымъ именемъ „смердовъ“. Горожане же богатѣли и подымались. Тогда значительно развились *города*, которые, наравнѣ съ дружиной, разрушали общинно-родовой бытъ: въ лѣтописи упоминается до 30 крупныхъ. Это связано съ *торговлей*, которая развивалась, благодаря объединенію русскихъ и ихъ далекимъ походамъ, тѣмъ болѣе, что князья не брали пошлинъ и никому не запрещали торговать.

Дружина и земщина были свободными людьми. Но подлѣ нихъ видимъ людей подчиненныхъ имъ, безправныхъ. Нерѣдко свободный человѣкъ изъ нужды поступалъ въ наймы къ другому, что̀ называлось *наймитствомъ* или *закупничествомъ*, напоминавшимъ западную рекомендацію (§ 15): за вину господинъ могъ побить его, но за побои безъ вины платилъ ему штрафъ. Также сильно было развито *холопство* (рабство). Холопъ былъ собственностью господина, который могъ продать и даже убить его; впрочемъ русскіе сравнительно мягко обращались съ своими рабами. Главнымъ источникомъ холопства были плѣнъ и обширная торговля рабами. Иногда свободный человѣкъ обращался въ холопа,—напримѣръ, неисправный должникъ. Такая важная движимая собственность, какъ рабъ, составляла главную отрасль хозяйства и была основой благосостоянія бояръ.

§ 28. **Церковь. Понятія. Нравы.**—Образовался еще классъ людей, стоявшій наверху, рядомъ съ дружиной, и входившій въ государственный нарядъ. Это—духовенство, связанное съ появленіемъ церкви. У насъ христіанство сразу слилось съ государствомъ, въ разрѣзъ съ исторіей Запада (§ 15). Оттого сразу же возникло прочное *церковное устройство* съ іерархіей или чиноначаліемъ. Во главѣ русской церкви сталъ кіевскій митрополитъ, который уже съ Илларіона (§ 24) сдѣлался русскимъ и независимымъ отъ Византіи. Митрополиту подчинялись 6 *епископовъ*; изъ нихъ

ближайшіе къ Кіеву пріѣзжали совѣщаться съ митрополитомъ и князьями. Церковь стала въ зависимое положеніе отъ князей, тѣмъ болѣе, что она получала поддержку отъ нихъ: приношенія прихожанъ были недостаточны; случалось, что въ церквахъ не служили за недостаткомъ просвиръ. Правда, церковь получала еще виры; но судебную власть давалъ ей также князь, отъ котораго зависѣли и ея размѣры. Сверхъ того, на Русь пришло духовенство греческое, которое, въ противоположность латинскому, было послушнымъ орудіемъ самодержавія. Его первою задачей было укоренить *понятіе о власти византійскаго императора* въ сознаніи народа, только-что слагавшагося изъ отдѣльныхъ родовъ-племенъ и общинъ. Оттого оно приняло прямое участіе въ правленіи: князь совѣщался съ епископами, которые руководили и его „думцами". Онъ далъ имъ обширную *судебную* (§ 26) и отчасти *полицейскую* власть: духовенство завѣдывало больницами и богадѣльнями, надзирало за торговыми мѣрами и вѣсами. Кромѣ того, былъ обширный классъ людей, который исключительно подчинялся церкви: это *изгои*, люди безпріютные, стоявшіе внѣ общины. Сюда относились: освободившійся холопъ, наймитъ, банкротъ, безграмотный поповичъ. Изгоемъ считался также князь, отецъ котораго не занималъ кіевскаго стола.

Слабѣе было умственное и нравственное вліяніе христіанства. Оно утвердилось только по пути отъ Кіева до Новгорода: здѣсь-то строились церкви (ихъ было уже до 60), въ которыхъ скоплялись иконы и мощи, доставляемыя изъ Греціи. Но въ сторону отъ этого пути христіанство проникало съ трудомъ. Первымъ епископамъ Ростова пришлось бѣжать: тамъ волхвы, при Ярославѣ, истребили много старухъ во время голода, утверждая, что онѣ прячутъ въ своемъ тѣлѣ хлѣбъ. Преданіе о Всеславѣ (§ 25) доказываетъ, какъ сильно было язычество на другомъ концѣ сѣвера. Въ крещеныхъ областяхъ сохранялись языческіе обычаи и обряды; и встрѣча съ попомъ, какъ съ врагомъ, считалась зловѣщею. У великихъ князей было еще по два имени—мірское (языческое) и христіанское. Еще болѣе гнѣздилось язычество въ нравахъ, отличавшихся прежнею (§ 12) грубостью, которая поддерживалась жестокою борьбой со степняками и отчасти подражаніемъ имъ: русскіе отличались неустойчивостью характера, переимчивостью и стадностью. Тогда больше всего почитали *физическую силу*, которую прославляли въ пѣсняхъ и сказкахъ. Нажитое насиліемъ добро проживалось на чувственныя удовольствія. Владиміръ самъ сказалъ, что

„Руси есть веселіе пити“; и его пиры славились обиліемъ яствъ и напитковъ. Женихъ все еще покупалъ невѣсту; отчасти сохранялось даже умыканіе, въ особенности же многоженство; за оскорбленіе женщины платили только полвиры. Но подъ вліяніемъ христіанства, уже начиналось *смягченіе нравовъ*. „Христолюбивая» церковь принимала подъ свой покровъ бездомныхъ нищихъ, калѣкъ и паломниковъ (странниковъ), а также изгоевъ. Она внушала, что человѣкъ—разумное существо, и наказывала даже за грубую брань. Въ понятіяхъ русскаго „хитрость“ становилась уже выше физической силы, и названіе „вѣщій“ было высшею похвалой. Церковь особенно вліяла на *семью*, которая была подчинена ей даже по закону и освобождалась отъ грубой общинно-родовой власти. Она искореняла многоженство и слѣдила, чтобы родители не устраивали насильственныхъ браковъ между своими дѣтьми. Она доставила „матерой вдовѣ“ наслѣдственныя права, такъ что та могла завѣщать имущество даже дочери, помимо сыновей. Тогда русская женщина не была замкнута, и жена участвовала вездѣ съ мужемъ — на работѣ, на пиру, иногда даже въ битвѣ. А княгини управляли государствомъ, владѣли городами, снаряжали своихъ пословъ, имѣли собственную дружину.

Христіанство уже становилось идеаломъ, образцомъ жизни: русскіе сознали, что нужно быть *благочестивыми*. Первыми примѣрами благочестія были Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ. Тогда же зародилось *монашество*; и хотя оно было посвящено внѣшнему благочестію, тѣмъ не менѣе „подвижники“ были герои нравственной силы, въ противоположность героямъ физической силы или богатырямъ (§ 14). Они сами налагали на себя лишенія, вмѣсто того, чтобы грабить другихъ для удовлетворенія своихъ страстей. Оттого у насъ не имѣли значенія первые, богатые монастыри, которые появились подъ Кіевомъ тотчасъ по принятіи христіанства. Народъ говорилъ про нихъ: „эти монастыри не таковы, какъ тѣ, что поставлены слезами, постомъ, молитвою, бдѣніемъ“. Онъ искалъ *отшельниковъ*, которые совсѣмъ отошли бы отъ „міра“ и истязали бы себя, какъ подвижники Востока. Первымъ изъ нихъ былъ простой любечанинъ, Антипъ. Онъ пошелъ на Аѳонскую гору въ Греціи, славившуюся своимъ монашествомъ, гдѣ его посвятили въ иноки, подъ именемъ *Антонія*. Возвратившись въ отечество, Антоній поселился въ пещерѣ, подъ Кіевомъ, и предался подвижничеству. Къ нему сталъ стекаться народъ. Однажды при-

шелъ изъ Курска молодой *Ѳеодосій*, сынъ богачей, рано лишившійся отца. Его мать, женщина тщеславная и грубая, была проникнута языческими предразсудками; Ѳеодосій же съ малолѣтства сталъ задумываться, самъ нашелъ себѣ учителя и началъ читать божественное. Ему опротивѣло богатство; онъ сталъ одѣваться, ѣсть и работать, какъ рабы его дома: мать била его за униженіе рода. Юноша бѣжалъ съ паломниками, шедшими въ Іерусалимъ: мать изловила его на дорогѣ, избила и нѣсколько времени продержала въ оковахъ. Ѳеодосій сталъ помогать попу печь просвиры: мать била его и за это. Ѳеодосій снова бѣжалъ неподалеку къ одному попу: мать вытащила его и оттуда. Ѳеодосій началъ раздавать одежды нищимъ, а самъ ходилъ въ лохмотьяхъ, подъ которыми тайкомъ носилъ „вериги“ (цѣпи): мать по крови узнала о цѣпяхъ и, сорвавъ ихъ, избила подвижника. Тутъ Ѳеодосій бѣжалъ уже въ Кіевъ, приставъ къ купеческому обозу. Ему не понравились богатые княжескіе монастыри, и онъ обратился къ Антонію, который постригъ его въ иноки. Черезъ четыре года отыскала его неугомонная мать: на этотъ разъ она сама приняла монашество.

§ 29. **Просвѣщеніе. Письменность. Народная поэзія.** —Третье вліяніе христіанства (послѣ государственнаго и нравственнаго) было *просвѣтительное.* Съ нимъ связано начало книжнаго образованія или письменности на Руси. Тогда письменность ограничивалась *списываніемъ* чужого, такъ какъ немногія школы служили лишь для приготовленія поповъ: въ этихъ школахъ, гдѣ дѣти князей сидѣли рядомъ съ крестьянскими мальчиками, обучались чтенію, письму и церковному пѣнію, да затверживали Евангеліе и Апостолъ; а кто зналъ Часословъ и Псалтырь, тотъ слылъ „книжнымъ“ (ученымъ) человѣкомъ. Къ счастью, священныя книги явились у насъ не на чуждомъ языкѣ, какъ въ латинской церкви, а въ переводѣ на болгарскій языкъ, который русскіе понимали безъ изученія. *Болгарское* вліяніе было первенствующимъ въ началѣ русской исторіи: наши первые епископы, священники, дьяконы, пѣвчіе, переписчики, переводчики съ греческаго были болгары; переписывались сначала произведенія болгарской письменности (§ 16). Но вскорѣ у насъ появились и собственные *переводы съ греческаго,* благодаря русскимъ инокамъ, жившимъ на Аѳонѣ. Они вырабатывали книжный (литературный) русскій языкъ, въ которомъ уже было мало норманскихъ словъ, а вскорѣ стали исчезать и греческіе обороты. Появились и собственные *гра-*

мотъи (писатели). До насъ дошли сочиненія митрополита *Иллар*іона, въ которыхъ защищается христіанство противъ евреевъ и прославляются Владиміръ съ Ярославомъ. Эти первыя русскія сочиненія отличаются ясностью изложенія и хорошимъ языкомъ. Хотя ученость была тогда церковная, но были уже взятые у болгаръ переводы византійскихъ сборниковъ общаго содержанія, преимущественно историческаго, почему они и названы *хронографами* (§ 15). Подготовлялось и начало собственнаго *лѣтописанія,* въ видѣ замѣтокъ о важныхъ для церкви событіяхъ, которыя заносились въ пасхальныя таблицы или святцы; сохранился даже отрывокъ настоящей русской лѣтописи, составленной *Іоакимомъ,* епископомъ новгородскимъ. До насъ дошло также нѣсколько *документовъ* или правительственныхъ бумагъ—договоры съ Византіей Олега, Игоря и Святослава; церковные уставы Владиміра и Ярослава; Русская Правда, въ языкѣ которой уже весьма мало иноземнаго.

Этимъ, т. е. прозою, исчерпывалась наша письменность. Поэзія была только устная или народная. Въ ней много языческихъ суевѣрій, иногда совсѣмъ непонятныхъ, тѣмъ болѣе, что духовенство подвергало ее запрещеніямъ, наряду съ „бѣсовскими игрищами“. Къ народной поэзіи относятся *пѣсни*, отчасти живущія и теперь въ устахъ народа. Среди нихъ есть *языческія,* сложенныя до христіанства, обрядовыя (въ особенности свадебныя), бытовыя (колыбельныя, хороводныя) и посвященныя временамъ года (веснянки, зимнянки). *Богатырскія* пѣсни, также сохраняющія слѣды язычества (Диво, Змѣй Горынычъ, Морской царь и др.), особенно развились на югѣ. Сюда пріурочены ихъ главные герои (§ 14), защищающіе русскую замлю, какъ отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ враговъ (Соловей Разбойникъ). Тогда же зарождался третій отдѣлъ пѣсенъ—*историческій.* На Руси уже былъ народный пѣвецъ, *Баянъ*; онъ пѣлъ „про стараго Ярослава“, „про Мстислава Тмутараканскаго“, про первыя усобицы между князьями. Къ тому же времени относятся историческія *преданія,* записанныя въ лѣтописи (Кій, смерть Олега и др.), и *сказки*, въ которыхъ сохранились отголоски язычества (Жаръ-птица, Баба-яга, Кощей безсмертный, мечъ-кладенецъ, драчунъ-дубинка и проч.). Были и сказки о звѣряхъ или *животный эпосъ,* слѣды котораго остались въ пословицахъ („отольются волку овечьи слезки“ и др.). Уцѣлѣло еще нѣсколько мелкихъ осколковъ эпоса, въ видѣ пословицъ, притчъ, загадокъ, заговоровъ, заклинаній („чортъ возьми!“). *Пословицы* наиболѣе раз-

виты и важны, какъ первобытная народная мудрость. Древнѣйшія изъ нихъ—языческія, частью совсѣмъ непонятныя: въ нихъ отражаются звѣроловство, пастушество и родовой бытъ. Затѣмъ въ пословицахъ рисуется паденіе язычества („взялъ боженьку за ноженьку, да о полъ"), христіанскія понятія („безъ Бога ни до порога"), даже мѣста изъ св. писанія („много званыхъ, да мало избранныхъ"). Изъ историческихъ пословицъ къ этому періоду относится много вымершихъ („погибоша, аки обрѣ" и др.). Съ принятіемъ христіанства и народная поэзія нѣсколько измѣнилась. Илья Муромецъ 30 л. сидѣлъ сиднемъ, не владѣя ни руками, ни ногами, но тотчасъ же вылечился, какъ только напоилъ двухъ жаждущихъ странниковъ. Алеша Поповичъ побѣдилъ прожорливаго и грязнаго Тугарина Змѣевича, съ помощью Бога, наславшаго дождь, отъ котораго промокли крылья Тугарина. Стали даже появляться особые духовные стихи или пѣсни, которыя пѣлись *каликами перехожими*—нищими слѣпцами, странниками Божіими; важнѣйшіе изъ нихъ—о *Голубиной книгѣ* и о *Страшномъ Судѣ,* гдѣ заключена дума народа о началѣ и концѣ міра.

§ 30. **Искусство.**—Четвертое вліяніе христіанства было *художественное.* Вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, на Руси появились греческіе каменьщики, зодчіе и живописцы. Они сосредоточились подлѣ великаго князя. *Кіевъ* сталъ однимъ изъ самыхъ большихъ и лучшихъ городовъ въ Европѣ: западные лѣтописцы сравниваютъ его съ Царьградомъ. Онъ такъ быстро разростался, что уже Ярославъ построилъ болѣе обширныя *каменныя стѣны* со многими воротами, изъ которыхъ главные назывались „Золотыми", какъ въ Византіи. Зодчество развилось при Ярославѣ, который строилъ церкви, крѣпостцы, *терема* (каменные дома или дворцы) и поставилъ два монастыря въ Кіевѣ. Главнымъ памятникомъ его строительства былъ *храмъ св. Софіи* въ Кіевѣ (§ 24), съ 5 куполами, изъ которыхъ 4 освѣщали обширные хоры, тянувшіеся вокругъ всего храма, опираясь на толстые каменные столбы съ 2-хъ этажными „пролетами" (арками). Храмъ былъ украшенъ внутри иконною *мусіей* (мозаикой) и *стѣнописью* (фресками), а лѣстницы на хоры были расписаны забавными картинами свѣтскаго содержанія. Эти картины, впрочемъ попорченныя подновленіемъ (реставраціей), представляютъ древне-греческій стиль, содержаніе же византійское, а не изъ русскаго быта; украшенія здѣсь звѣриныя—также византійскія, взятыя съ Востока. Вооб-

ще храмъ св. Софіи—сколокъ съ константинопольскаго собора (§ 9): для его постройки и убранства Ярославъ выписалъ мастеровъ изъ Греціи. Это—одно изъ самыхъ лучшихъ и древнихъ произведеній византійскаго искусства въ Европѣ; а его мозаика и фрески—единственные памятники живописи 11-го вѣка. Этотъ старѣйшій обращикъ русскаго зодчества такъ сохранился, что его возстановили теперь, отчасти даже со стѣнописью, которая была заштукатурена, что̀ и сберегло ее [1]). Отъ временъ Ярослава сохранились еще обломки *Золотыхъ Воротъ* [2]) и пещеры

---

[1]) На прилагаемой картинѣ представлены образцы остатковъ *мозаики* и *фресокъ* храма св. Софіи въ Кіевѣ. Мозаика состоитъ изъ цвѣтныхъ стекляныхъ и каменныхъ кубиковъ, въ 4 кв. сантиметра каждый, вставленныхъ въ незасохшую известку, причемъ подлинникомъ мастеру служилъ картонъ въ краскахъ. Краски особенно ярки и со вкусомъ подобраны въ узорчатыхъ украшеніяхъ, обращикомъ которыхъ служитъ *орнаментъ-медальонъ* на лѣвой сторонѣ нашей картины.—Подъ нимъ мозаичная икона *евангелиста Марка*, помѣщенная въ одномъ изъ четырехъ парусовъ храма. Маркъ сидитъ на плетеномъ стулѣ съ высокою спинкой, со свиткомъ въ лѣвой рукѣ и съ тростниковымъ перомъ въ правой. Передъ нимъ столикъ съ письменнымъ приборомъ и аналой съ раскрытымъ Евангеліемъ. Евангелистъ съ просѣдью въ черныхъ волосахъ и въ бѣлой одеждѣ. — На правой сторонѣ нашей картины три обращика стѣнописи, исполненной по „свѣжей“ (al fresco), сырой штукатуркѣ, внутри лѣстницы на лѣвые хоры, которые предназначались для женщинъ. 1) *Царица*, отличенная вѣнцомъ, а за нею—головки ея свиты, патриціанокъ, изображенныя со вкусомъ и даже съ выраженіемъ въ лицахъ. Это группа изъ верхняго ряда фресокъ, изображающаго дворъ, какъ зрителя. 2) *Орнаментъ-медальонъ* изъ звѣринаго отдѣла. Эта птица въ красномъ кругу—простое украшеніе; но иногда звѣри служатъ „символами“ или условными подобіями пороковъ и добродѣтелей. 3) *Охота на дикаго коня* — одна изъ группъ нижняго ряда фресокъ, изображающаго императорскіе ловы, зрѣлища ипподрома (ска̀чекъ), игры цирка, представленія во дворцѣ на подмосткахъ (тогдашній театръ), святочный пиръ съ колядами.

[2]) *Золотыми* именовались южные изъ четырехъ воротъ въ стѣнѣ, которою Ярославъ обнесъ, въ 1037 году, Кіеву Гору (§ 19). Названіе произошло, вѣроятно, отъ золотого купола церкви Благовѣщенія, которая была воздвигнута на воротахъ. Золотые Ворота были сдѣланы изъ кирпичей, перестланныхъ тесанымъ камнемъ и скрѣпленныхъ греческимъ цементомъ, и такъ прочно, что еще въ 17 в. сохранялись даже остатки Благовѣщенской церкви, несмотря на рядъ погромовъ, особенно при Батыѣ (1240). Въ 1750 г. сенатъ предписалъ засыпать ихъ землею „для сохраненія и вида древности“. Въ 1832 г. они были откопаны, по указу Николая I, и укрѣплены подпорами и желѣзными болтами. Разрушавшійся верхъ недавно задѣланъ кирпичемъ и покрытъ жестью. Въ настоящее время обломки Золотыхъ Воротъ имѣютъ видъ, изображенный ня нашемъ рисункѣ. Они находятся на возвышенной, обнесенной садиками площади, обнесены чугунною рѣшеткой и обращены къ Софійскому собору. Въ нихъ 30 аршинъ длины, 14—вышины и 2—толщины; ширина пролета—10 аршинъ.

Мозаики и фрески храма Св. Софіи въ Кіевѣ. XI. в.

Антонія и Ѳеодосія. Отъ Владиміра уцѣлѣли только основаніе Десятинной церкви да нѣсколько украшеній и буквъ съ ея надписей. Внѣ Кіева строились все деревянныя, хрупкія церкви: тогда нерѣдко падали крыши даже въ каменныхъ церквахъ отъ неумѣнья дѣлать своды. Только въ Новгородѣ былъ донынѣ сохранившійся храмъ св. Софіи византійскаго стиля, соперничавшій съ кіевскимъ и построенный при дѣтяхъ Ярослава. На-

Золотые Ворота въ Кіевѣ.

чаломъ ваянія на Руси можно считать подобныя византійскимъ саркофагамъ *гробницы* Владиміра, Анны и Ярослава [1]), украшенныя рѣзными изображеніями.

---

[1]) Нашъ рисунокъ изображаетъ гробницу Ярослава въ томъ видѣ, въ какомъ она находится сейчасъ въ алтарѣ одного изъ придѣловъ Софійскаго собора въ Кіевѣ, вполнѣ уцѣлѣвши подъ его развалинами. Она изъ бѣлаго мрамора, привезеннаго изъ Греціи. Длина ея—3 арш. 6 вершк., ширина—1 арш. 4 вершк., высота—2 арш. Это — настоящій византійскій саркофагъ, верхъ котораго представляетъ подобіе двускатной кровли. Крышка и бока украшены рѣзными рисунками съ символиче-

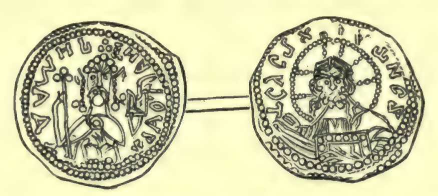
Тогда же проявилась страсть русскихъ къ украшеніямъ или *узорамъ* (орнаментамъ). Всюду пускали „рѣзь“ (рѣзьбу зубчиками, городками, звѣздками, грибками) и густо расписывали яркими, пестрыми красками (попреимуществу растительные узоры). Княжіе терема походили миловидностью на сказочныя ставки богатырей. Ихъ крыши щеголяли расписными и даже

Гробница Ярослава I.

золочеными „гребнями“; а на „щипцѣ“ непремѣнно красовался рѣзной „конекъ“, иногда же пѣтушокъ-золотой гребешокъ.

скимъ значеніемъ, какъ въ древне-христіанскомъ искусствѣ (*Д. И.* § 285): На нашемъ рисункѣ по длинѣ гроба высѣчены два креста, а по срединѣ звѣзды въ кругѣ и двѣ пальмы, означающія Христа; то же значеніе имѣетъ лоза, обвивающая крестъ на широкой сторонѣ гроба. На крышѣ пять рамъ съ изображеніями птицъ на деревьяхъ (правовѣрные, вкушающіе плоды ученія), рыбъ (Христосъ) и крестовъ. Шовъ между гробомъ и крышей задѣланъ замазкой.

Не меньше заботились о рѣзныхъ „подзорахъ“ (карнизахъ). Терема расписывались, какъ внутри, такъ и снаружи, причемъ старались, чтобы привѣтливо выглядѣли крыльца со столбами



Златникъ Владиміра св.

да „наличники“ уличныхъ, „красныхъ“ или „косящатыхъ“ оконцовъ. При Владимірѣ Св. началась и *чеканка монетъ.* Его пер-

Сребреникъ Владиміра св.

вые „златникъ“ [1]) и „сребреникъ“ [2]) — совершенное подобіе византійскихъ монетъ (§ 11), съ ликами Христа и князя и съ подписями кругомъ; только туземные мастера еще плохо рѣзали

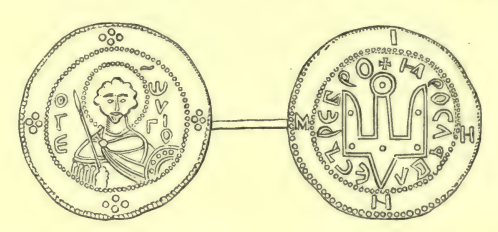
---

[1]) *Златникъ* Владиміра, какъ и почти всѣ монеты этого періода, найденъ въ кладахъ, изъ которыхъ главные открыты подъ Нѣжиномъ (1852) и въ Кіевѣ (1877). На его лицевой сторонѣ изображенъ князь, въ царскомъ вѣнцѣ, съ крестомъ въ десницѣ, а вокругъ—плохая надпись: „владиміръ на столѣ“. На оборотной сторонѣ—ликъ въ сіяніи и еще болѣе безграмотная надпись: „ісусъ христосъ“. Полное подобіе византійской монеты, златникъ былъ одного вѣса съ солидомъ, соотвѣтствовавшаго золотнику: отсюда нашъ „золотникъ“.

[2]) *Сребреникъ* Владиміра на нашемъ рисункѣ—позднѣйшаго типа. Онъ отличается отъ болѣе раннихъ не только лучшею работой, но и фигурой на оборотной сторонѣ, замѣнившей ликъ Христа и окруженной подписью: „а се его сребро“. Эта загадочная фигура составляетъ отличіе нашихъ монетъ того періода отъ ихъ византійскаго образца. На лицевой сторонѣ нашего сребреника изображенъ князь на престолѣ, въ вѣнцѣ, съ крестомъ въ десницѣ; кругомъ все еще плохая надпись—„владиміръ на столѣ“. Сребреникъ этого пошиба, а также „ярославле сребро“, стали извѣстны раньше всѣхъ русскихъ монетъ: они издавна хранятся въ московскомъ университетѣ. Сребреникъ Владиміра, наравнѣ съ его златникомъ, часто поддѣлывались.

штемпеля, хотя подконецъ, на монетахъ съ именемъ Василія (§ 21), они поправились и стали своеобразнѣе. Монеты Ярослава или „Ярославле сребро" [1]) еще болѣе изящны и самобытны. Онѣ послужили образцами для древнѣйшихъ скандинавскихъ монетъ.

§ 31. **Внѣшній бытъ.** — Подъ иностраннымъ же вліяніемъ явились нѣкоторые успѣхи во внѣшнемъ (матеріальномъ) быту. Въ каменныхъ *теремахъ* жили только князья да немногіе изъ ихъ мужей. Обыкновеннымъ жильемъ или *хоромами* была изба (теплый покой) и при ней *клѣти* (лѣтнія пристройки). Передъ ними были сѣни и крыльца, а вокругъ тянулся заборъ, ограждавшій дворъ. Службы состояли изъ бань, медушъ (кладовыя для меда) и голубятенъ. Мебель состояла изъ *бесѣдъ* (лавокъ), *столовъ* (стулья: отсюда „княжескій столъ" или „престолъ"),



Ярославле сребро.

одровъ. Лавки покрывались коврами. Посуда была деревянная, и лишь отчасти желѣзная и глиняная. За столомъ употреблялись ножи и деревянныя (иногда серебряныя) ложки; вилокъ еще не было. Ѣли, кромѣ хлѣба и овощей, всякое мясо, не исключая конины, но особенно любили свиней и гусей; мясо варили и пекли на угольяхъ; жарить еще не умѣли. Ѣли также рыбу и сыры, лакомились киселемъ съ сытой. Пили вино, меды и квасъ. Для ѣзды употребляли сѣдла съ уздой, *возы* (телѣги), *кола* (дроги) и сани. Изъ развлеченій въ большомъ почетѣ была *охота* съ соколами и кречетами. Одежда оставалась прежняя, только становилась богаче; распространилось употребленіе цвѣтныхъ сафьянныхъ сапогъ, *клобуковъ* (мѣховыя шапки, съ бархатнымъ верхомъ, которыхъ не снимали даже въ церкви), *убрусовъ* (платки), а также шерстяныхъ и шелковыхъ матерій. На рубаху надѣ-

---

[1]) На серебряной монетѣ Ярослава, на лицевой сторонѣ, погрудный ликъ св. Георгія, съ копьемъ и щитомъ, и съ подписью отвѣсными строчками: „о ге оргіо". На оборотной сторонѣ загадочная фигура, а кругомъ начертано: „Ярославле съребро". По ободку разбросано: „а-м-и-н-ь", какъ на византійскихъ печатяхъ.

вали *свиту* или *кожухъ*, съ рукавами, ниже колѣнъ, а сверху— разныхъ покроевъ *корзна* или *епанчи* (плащъ, надѣваемый на лѣвое плечо), которыми особенно щеголяли. Богачи дѣлали свиты изъ паволоки, особенно красной (багряница); подолъ и рукава обшивали золотомъ или узоромъ; воротникъ ставили блестящій, атласный; грудь украшали иногда золотыми петлицами, какъ на нынѣшнихъ венгеркахъ. Корзна дѣлали изъ такой дорогой ткани, какъ *оксамитъ* — золотая и серебряная парча съ шелковыми узорами. Русскіе бросали языческій обычай брить голову и бороду; подъ византійскимъ вліяніемъ, они запустили длинные волосы и бороды, которые сначала подстригали.

Основою матеріальнаго быта было *земледѣліе*, котораго не покидали даже горожане. Промышленность еще была слаба. Больше всего было развито *плотничество*, особенно на сѣверѣ, затѣмъ гончарное и кожевенное производство; приготовлялся и грубый холстъ. Быстрѣе развивалась *торговля* (§ 27). Предметы ввоза и вывоза были прежніе (§ 11). Особенно усилился вывозъ *рабовъ*, вслѣдствіе покоренія многихъ инородцевъ и связей съ варягами, которые привозили рабовъ изъ Европы. Явился также особенный спросъ на дорогіе *мѣха*, такъ какъ тогда на Востокѣ вошли въ моду женскія горностаевыя и собольи шубки. Отъ торговли сильно обогащался Кіевъ и Новгородъ. Черное м. стало называться „Русскимъ"; Балтійское же начало подчиняться, по торговлѣ, новгородцамъ, которые первенствовали на большихъ ярмаркахъ въ Ливоніи, откуда ихъ товары шли до Эльбы и Стокгольма. Обширныя сношенія привели къ замѣнѣ мѣновой торговли денежною. И русскіе уже не довольствовались чужою монетой (§ 11): они стали дѣлать собственныя деньги. Сначала онѣ были кожаныя: *куны* (мордочки куницъ), а также *рѣзани* (отрѣзки) и *ногаты*—лапки и ушки (отсюда „полушка") бѣлокъ съ серебрянымъ гвоздикомъ, бывшія въ употребленіи также въ Италіи,Франціи и на Востокѣ. Потомъ стали употреблять, для большихъ оборотовъ, необдѣланное серебро, въ видѣ слитковъ, а чаще — шейныхъ *гривенъ* (обручей), служившихъ сначала единицею вѣса. Подлѣ этой крупной монеты возникла, при Владимірѣ, и мелкая—*златники* и *сребреники* (§ 30).

§ 32. **Значеніе періода.**—Первый періодъ русской исторіи обнимаетъ два вѣка — съ половины 9 до половины 11. Тогда на католическомъ Западѣ, у романцевъ и германцевъ, пало политическое единство, подъ вліяніемъ феодализма и папства.

Стремленіе къ нему проявлялось только въ образованіи государствъ по народностямъ, но и они не имѣли еще опредѣленныхъ границъ, изъ-за которыхъ шла безпрерывная борьба. Внутри же каждаго государства, вмѣсто самодержавныхъ королей, были безсильные сюзерены. Но зато явилось умственное единство, въ смыслѣ господства христіанства, при которомъ слабо сохранялись слѣды классицизма или свѣтскихъ познаній и искусствъ. Оно выразилось и въ могуществѣ папы, который имѣлъ больше власти надъ католиками, чѣмъ мѣстные государи. Въ Византіи, у грековъ, не произошло такой перемѣны, какъ у католиковъ. Здѣсь продолжалось политическое единство и совершилось полное умственное объединеніе: исчезли послѣдніе слѣды классицизма, подъ вліяніемъ христіанской церкви. Въ Византіи единство достигло даже крайнихъ размѣровъ, стѣсняя всякое стремленіе къ новизнѣ, къ перемѣнѣ: отсюда застой политическій и умственный, т.-е. внутренняя слабость и паденіе, при внѣшней силѣ и блескѣ. Въ одномъ было сходство между греками, романцами и германцами: вездѣ народъ былъ одинаково порабощенъ. У славянъ также происходило политическое объединеніе: образовались государства по главнымъ народностямъ, и внутри каждаго государства было единодержавіе; но власть государя была ограничена. У западныхъ славянъ ее ограничивали папы и сильная аристократія, которая такъ развилась подъ вліяніемъ нѣмцевъ, что народъ уже страдалъ отъ ея гнета. На Руси же, гдѣ феодализмъ не развился, а покорное духовенство поддерживало князей, государственная власть была ограничена земщиной съ ея вѣчами; и порабощенія народа еще не было въ такой степени, какъ на Западѣ. Не могло быть и такихъ междоусобій, какъ тамъ: тогда на Руси происходили только временныя, неважныя смуты, которыя доказывали, что племена еще не слились и что общинно-родовой бытъ еще не исчезъ. Начиналось и умственное объединеніе у славянъ: съ появленіемъ христіанства возникло понятіе о „святой" Руси. Но это объединеніе было слабо, особенно у восточныхъ славянъ. Христіанство пришло къ нимъ, но было принято еще внѣшнимъ образомъ и не вездѣ. Подлѣ него сильно сохранялось язычество въ понятіяхъ и нравахъ. Но это язычество было не просвѣщенное, классическое, какъ на Западѣ, а первобытное, лишенное письменности. Оттого какъ ни мало оно потеряло силы, но все утраченное было утрачено навсегда. Славянское язычество не могло возродиться, какъ случилось потомъ съ классицизмомъ.

III. УДѢЛЬНЫЯ УСОБИЦЫ.

Около 1050—1250.

§ 33. **Романцы, германцы и греки.** — Время отъ половины 11 до половины 13 в. называется на Западѣ *средними вѣками* въ тѣсномъ смыслѣ. Тогда было полное господство всего, что отличаетъ эти вѣка, т.-е. феодализма, папства и религіозности. Такъ какъ религіозность ярче всего выражалась въ войнахъ съ сельджукскими турками изъ-за Гроба Господня, наполняющихъ это время, то средніе вѣка называются еще *эпохой крестовыхъ походовъ.* Крестовые походы были неудачны. Они способствовали только разрушенію арабской имперіи (халифата) и образованности въ Азіи. Этимъ воспользовались *монголы*, съ своимъ *Чингисханомъ* (Темучиномъ): они уничтожили багдадскій халифатъ, завоевали Россію и прошли на западъ до Силезіи. Крестоносцы, состоявшіе изъ католиковъ, вознаграждали себя за неудачи насчетъ Византіи, лежавшей на дорогѣ къ Іерусалиму. Крестовые походы были столько же борьбою христіанства съ исламомъ, сколько *борьбой латинянъ съ греками*, католичества съ восточнымъ православіемъ. Тогда въ Византіи продолжалось внутреннее паденіе (§ 15). Послѣ Македонской династіи долго происходили междоусобія, пока не воцарились *Комнены*, искусные политики и покровители просвѣщенія. Но положеніе Комненовъ было тяжело, такъ какъ у Византіи явилось тогда два новыхъ врага—норманны, отнявшіе у нея Неаполь, и сельджуки, захватившіе Малую Азію. Борьба съ турками была такъ тяжела, что Алексѣй Комненъ принужденъ былъ просить помощи у Запада, который помогъ, но за это самъ захватилъ Царьградъ. Рыцари истребили много народу и произведеній искусства, подчинили патріарха папѣ—и Византія стала столицей *Латинской имперіи* (1204). Но эта имперія вскорѣ погибла, вслѣдствіе

бунта, поднятаго Михаиломъ *Палеологомъ*, который основалъ послѣднюю византійскую династію. Крестовые походы принесли пользу только папѣ, какъ вождю религіознаго движенія католиковъ. То была истинно папская эпоха, породившая *Александра III* и *Иннокентія III*, похожихъ на Григорія VII (§ 15). Папа сталъ властителемъ Запада и духовнымъ самодержцемъ, такъ какъ исчезли вселенскіе соборы, ограничивавшіе его власть. Онъ измѣнялъ догматы и уничтожилъ „чашу", т.-е. ввелъ причащеніе подъ видомъ одного хлѣба. У папы явилось новое орудіе—монашество, которое изъ частнаго обычая превратилось въ церковное учрежденіе. Тогда возникли главные „нищенствующіе" ордена—францисканскій и бенедиктинскій; и бенедиктинцы завели жестокую „инквизицію" для истребленія всякихъ враговъ папства, въ особенности же еретиковъ. Явились и монахи-рыцари, цѣлью которыхъ было распространять католичество мечемъ. Одинъ изъ нихъ, *Тевтонскій* (нѣмецкій) *орденъ*, поселился у устьевъ Вислы, призванный поляками для борьбы съ язычниками пруссами (§ 8). Съ помощью такихъ орудій, папа успѣшно боролся повсюду съ государями, поддерживая мятежную аристократію. Такъ какъ, сверхъ того, государи отвлечены были крестовыми походами, то никогда *феодализмъ* съ его усобицами не развивался до такой степени. Могущественные вассалы (§ 15) окончательно сами стали государями въ своихъ вотчинахъ и совсѣмъ стѣснили власть своихъ сюзереновъ въ королевскихъ совѣтахъ. Феодализмъ особенно свирѣпствовалъ въ Германіи, гдѣ былъ глава свѣтской власти, императоръ, и царствовала гордая династія *Гогенштауфеновъ*, все время боровшаяся съ папствомъ. Папы поднимали противъ Гогенштауфеновъ вассаловъ, съ могущественными Гвельфами во главѣ. Жестокія усобицы раздирали Германію, которая разбилась на нѣсколько государствъ—Баварію, Саксонію, Бранденбургъ и др. Папство восторжествовало: послѣдній изъ Гогенштауфеновъ погибъ на эшафотѣ въ Италіи. Но къ концу періода слагается сила, которой суждено было подорвать основы средневѣковья: изъ закрѣпощенной массы народа начало выдвигаться среднее сословіе—купцы и ремесленники, богатѣвшіе отъ крестовыхъ походовъ, развившихъ торговлю съ Востокомъ.

§ 34. **Просвѣщеніе Запада.** — Въ умственномъ отношеніи это время на Западѣ было выше предшествовавшаго періода. Его называютъ „первымъ Возрожденіемъ" наукъ и искусствъ. Снова показалось вліяніе классицизма въ Италіи, въ Англіи,

въ особенности же во Франціи, куда онъ приходилъ отъ испанскихъ арабовъ. Начала развиваться грамотность среди міранъ; появилась даже частная переписка, чему помогла писчая бумага, замѣнившая дорогой пергаментъ. Бенедиктинскіе монахи стали составлять списки классиковъ и учили по нимъ въ своихъ школахъ. Латынь ученыхъ улучшилась, и ей учились даже священники и рыцари. Ученые знали даже по-гречески; а въ Италіи были греческія церковныя книги и живописцы. Въ Салерно, Болоньѣ, Парижѣ, Оксфордѣ и Кембриджѣ возникли обширные университеты, гдѣ начинали преподавать римское право, математику и медицину. Правда, преобладала *схоластика* (богословіе), но и въ ней тогда проявлялись слѣды классицизма. Схоластики знали не одного Платона, но и Аристотеля, всѣ сочиненія котораго явились тогда на Западѣ черезъ арабовъ, несмотря на запрещенія папъ. Среди нихъ были такіе смѣлые умы, какъ *Абеляръ*, возвѣстившій, что богословіе и наука—двѣ вещи разныя; а въ концѣ періода жилъ *Альбертъ*, названный *Великимъ*, лучшій ученикъ Аристотеля и арабовъ, отецъ свѣтскихъ наукъ. Свѣтское направленіе выразилось также въ развитіи новыхъ языковъ и народной поэзіи. Во главѣ ихъ стояло *провансальское* нарѣчіе южной Франціи (потомъ вымершее), на которомъ явилась рыцарская поэзія *трубадуровъ*; у нѣмцевъ возникла подобная же поэзія *миннезенгеровъ*. Веселая свѣтская поэзія проникнута сатирой на духовенство и ханжество. Тогда же настала вторая эпоха *ересей*. Еретики, вопреки папству, превратившему религію во внѣшній обрядъ, сами изучали Библію, искали теплой вѣры и старались жить, какъ христіане апостольскихъ временъ. Во главѣ ихъ стояли *вальденсы* южной Франціи: они приближались къ богомиламъ (§ 17), отвергали папство и требовали Библіи на народномъ языкѣ. Часть вальденсовъ называлась *альбигойцами*, которые составляли цѣлое государство: у нихъ были свои соборы, земли и свѣтская власть. Но они были истреблены Иннокентіемъ III, съ помощью французскихъ феодаловъ. Ересямъ соотвѣтствовало искусство. Тогда явился *готическій стиль* въ зодчествѣ, созданный *городами*, этими врагами рыцарства и духовенства, которые зарождались тогда; готическіе соборы сооружали мѣщане, помимо церкви, на свои деньги, собственными артелями каменьщиковъ. Въ ваяніи и живописи готическихъ храмовъ замѣчается изученіе природы и оживленіе. Города же создали сатирическіе разсказы—грубыя народныя произведенія, въ которыхъ осмѣивались папство и

феодалы; во главѣ ихъ стоитъ сказка о Кумушкѣ-Лисѣ, обошедшая всю Европу. Тогда, въ послѣдній разъ, появилось оживленіе и въ умственномъ быту грековъ. Царствованіе Комненовъ было одною изъ лучшихъ эпохъ византійской письменности.

§ 35. **Южные славяне и венгры.**—Съ паденіемъ болгарскаго царства (§ 17) почти всѣ южные славяне подчинились Византіи, но лишь временно. Въ 1186 г. *Асѣнь I* возстановилъ *болгарское царство*, съ новою столицей, *Терново*, и съ независимымъ патріархатомъ; но вскорѣ оно было ослаблено внутренними усобицами и борьбой съ сосѣдями. Одно время Болгарія даже подчинялась сербамъ, къ которымъ переходила первая роль среди южныхъ славянъ. *Сербы* стали возвышаться въ одно время съ возстановленіемъ болгарскаго царства, благодаря *Стефану Неманю*. Немань, при которомъ началась также сербская письменность, низвергъ византійское иго и присоединилъ къ своему царству сербовъ, населявшихъ православную (юго-восточную) часть Босніи и Герцеговины, а также нынѣшнюю Черногорію. Но положеніе Сербіи было затруднительно, вслѣдствіе междоусобій и нападеній сосѣдей—болгаръ, грековъ, въ особенности же венгровъ. *Венгры* усилились, благодаря хорошему правленію (льготная хартія), дарованному имъ св. Стефаномъ (§ 17), и задумали подчинить себѣ славянъ. Отсюда ихъ борьба съ сербами, греками и венеціанцами: у послѣднихъ они отняли *Далмацію*; а *хорваты* добровольно подчинились имъ, когда у нихъ вымерла своя древняя династія и настали междоусобія. Венгры привлекали къ себѣ славянъ умною политикой: они оставили имъ самоуправленіе, призывали ихъ депутатовъ на свой сеймъ и были вѣротерпимы. Вмѣстѣ съ хорватами, къ Венгріи присоединилась принадлежавшая имъ католическая (сѣверо-западная) часть Босніи и Герцеговины, а также *словенцы*. Такъ, границы Венгріи дошли, на Адріатикѣ, почти до Черногоріи. Здѣсь сохранила независимость только одна славянская земля—*Дубровникъ* (Рагуза), который сталъ тогда, на подобіе Венеціи, аристократическою республикой. Эта республика, сохранившаяся до 1808 г., когда она была присоединена къ Австріи, процвѣтала: у нея были торговыя конторы въ Венгріи, Болгаріи, Византіи, Египтѣ и Англіи, а въ Палермо—цѣлый „славянскій" кварталъ.

§ 36. **Западные славяне.**—Въ исторіи западныхъ славянъ этотъ періодъ былъ временемъ политическаго упадка. Чехія едва успѣла возвыситься при Болеславѣ (§ 18) и особенно при

Бретиславъ I, который завоевалъ-было всю Польшу, какъ распалась, по смерти этого князя. Бретиславъ умеръ въ одно время съ нашимъ Ярославомъ, и въ Чехіи, также какъ на Руси, начались *удѣльныя усобицы*. То-же случилось въ Польшѣ, ок. 100 л. спустя, по смерти *Болеслава Кривоустаго*. Усобицы продожались у русскихъ и чеховъ лѣтъ 200, у поляковъ лѣтъ 150, т.-е. именно въ средневѣковую эпоху на Западѣ, наполненную также безпорядками. Въ Чехіи паны и духовенство достигли почти верховныхъ правъ, такъ какъ князья ослабляли другъ друга усобицами и заискивали у нихъ: они получили много земель въ вотчинное (наслѣдственное) владѣніе, а также крестьянъ, и право суда надъ ними. Эта знать ограничила власть князей *сеймами*, закрѣпощала народъ и удручала его налогами. Такъ какъ и князья, и знать обращались за помощью къ Германіи, то тогда утвердилось *нѣмецкое вліяніе у чеховъ*. Чешскіе князья получили отъ императора королевскій титулъ, а также званіе „чашника Нѣмецкой имперіи“, съ которымъ было связано право избранія императора; такъ, чешскій государь сталъ „богемскимъ курфюрстомъ“ (§ 15), т.-е. вассаломъ Германіи. Тогда же у чеховъ завелись нѣмецкіе обычаи и даже сталъ проникать нѣмецкій языкъ. Наконецъ, начала развиваться *городская* жизнь, съ преобладаніемъ евреевъ, итальянцевъ, въ особенности же нѣмцевъ: въ Прагѣ даже завели нѣмецкіе суды съ нѣмецкими законами. Но, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ вліяніемъ, проникало западное просвѣщеніе: было искоренено язычество; возникла латинская письменность, съ первымъ чешскимъ историкомъ во главѣ, *Козьмою Пражскимъ*. Росло населеніе, причемъ въ новыхъ селахъ было личное землевладѣліе, а въ старыхъ сохранялось общинное. Въ Польшѣ, по смерти Кривоустаго, удѣлы дробились безъ конца, вслѣдствіе размноженія Пястовъ, и усобицы возрастали. Самодержавіе исчезло, и королевскій титулъ опять замѣнился княжескимъ. Панство и особенно шляхта становились независимыми, наравнѣ съ духовенствомъ, которое подчинялось только папѣ; кметъ обратился въ *хлопа* (почти раба). Смутами пользовались враги, особенно нѣмцы, которыхъ князья сами призывали къ себѣ на помощь. Силезія совсѣмъ онѣмечилась. Князь Мазовіи, *Конрадъ*, далъ Тевтонскому ордену (§ 33) землю, которую назвали *Пруссіей*, по имени туземцевъ. На сѣверо-западѣ нѣмцы захватили послѣднихъ полабскихъ славянъ (нынѣшняя Саксонія) и наложили дань на поморскихъ князей. Союзъ ихъ городовъ, *ганза*, овладѣлъ тор-

говлей всей Балтики; а къ концу періода господство на этомъ морѣ временно перешло къ датскому герою, *Вольдемару II Побѣдителю*, который завоевалъ берега отъ Голштиніи до Исландіи, превратилъ ганзу въ своего вассала и назывался „королемъ вендовъ“ (§ 2). Наконецъ, явились *татары*, которые 50 л. опустошали Польшу, даже сожгли Краковъ. Но, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ вліяніемъ, въ Польшу проникла западная культура. Было призвано изъ Германіи много ремесленниковъ и даже землedѣльцевъ. Появилось много городовъ, населенныхъ нѣмцами и евреями. Стали строить каменныя зданія, причемъ соперничали два стиля — романскій и византійскій. Началось и просвѣщеніе, но только церковное: оно было въ рукахъ францисканцевъ и доминиканцевъ. Изъ свѣтской письменности была только лѣтопись (Кадлубекъ). Но все это было латинское; притомъ всѣ успѣхи касались только высшаго сословія. Такъ какъ школы были латинскія, то народъ не могъ пріобрѣтать познаній: онъ оставался язычникомъ и забитымъ рабомъ; а при татарахъ онъ одичалъ, разбѣжался по лѣсамъ.

§ 37. **Причины и значеніе удѣльныхъ усобицъ на Руси.**—И у насъ, какъ у западныхъ славянъ, господствовали тогда внутренніе раздоры, названные *удѣльными усобицами*. Естественная причина усобицъ заключалась въ обширности Руси, состоявшей изъ частей, непохожихъ другъ на друга по природѣ и населенію и называвшихся то постарому „областями“ или „волостями“, (§ 11), то просто „землями“. Такъ, въ днѣпровской рѣчной системѣ (§ 6) безплодная *Смоленская* область была бѣдна и существовала только торговлей, пользуясь верховьями Днѣпра, Волги и Западной Двины. Напротивъ, *Кіевская*, плодородная и богатая, стала главною областью на Руси и держала въ подчиненіи у себя двѣ сосѣднія бѣдныя области—*Туровскую* (Припятьскую) и *Переяславскую*. У Днѣпра, по его притокамъ, Деснѣ и Сейму, тянулась область *Черниговско-Сѣверская*, которая уходила въ воронежскія степи, соединявшія ее съ *Тмутараканью*. Она была менѣе связана съ Кіевомъ и отчасти примыкала къ Окѣ, т.-е. къ волжской системѣ. Здѣсь были важные города, *Муромъ* и *Рязань*, которые позднѣе образовали самостоятельную область. Точно также выдѣлилась *Волынская* область, которая была посредницей между Русью, Галичемъ и Польшей, потому что захватывала притоки Днѣпра, Днѣстра и Вислы. Впрочемъ, Волынь слабо связывала Галичъ съ Кіевомъ: *Галицкая* область была отрѣзаннымъ ломтемъ въ нашей исторіи того времени,

точно также, какъ и *Полоцкая.* Болѣе была связана съ Кіевомъ *Новгородская* область, благодаря пути „изъ варягъ въ греки“; но по природѣ она была непохожа на Кіевскую и жила особою жизнію, съ своимъ сильнымъ вѣчемъ. Въ волжской системѣ важнѣе Мурома и Рязани была *Суздальско-Ростовская* область. Эта родина великоруссовъ была бѣдна и проросла дремучими лѣсами: тамъ города часто назывались „Залѣсскими“. Она должна была кормиться торговлей и начала раздвигаться по Волгѣ, въ борьбѣ съ болгарами и съ своей митрополіей, Новгородомъ. Она была тогда также самостоятельна и далека отъ Кіева, какъ Полоцкъ, Галичъ и Тмутаракань. Всѣ эти несхожія между собой области стремились составить особыя государства, возвратиться къ племенной независимости. Этому стремленію къ первобытной обособленности содѣйствовали: съ одной стороны, развитіе старѣйшихъ городовъ отъ торговли и промысловъ, вызвавшее новое усиленіе *вѣча* (§ 11); съ другой—паденіе слишкомъ ранняго единодержавія. Въ то время у славянъ, какъ и на Западѣ (§ 15), еще не могли выработаться такія отвлеченныя понятія, какъ государство, единство Руси: всякій отецъ, по родительскому чувству, а отчасти подъ вліяніемъ общинно-родовыхъ понятій, дѣлилъ наслѣдство между всѣми сыновьями. Лишь случайно, при первыхъ Рюриковичахъ, начиналось единодержавіе на Руси: уже у Святослава мелькаетъ мысль, что старшій сынъ долженъ быть „великимъ“ княземъ, а остальные —„удѣльными“; Ярославъ установилъ ее, какъ порядокъ княжей наслѣдственности. Но чѣмъ болѣе плодилось „княжье“ Рюрикова племени, тѣмъ болѣе дробилась его власть, подрываемая еще усобицами въ его средѣ: каждому князю хотѣлось „добыть“ себѣ лучшаго стола, тѣмъ болѣе, что великій князь не обладалъ особеннымъ перевѣсомъ средствъ для охраненія Кіева. Князья опирались въ этомъ стремленіи на первобытную рознь между племенами (§ 6) у восточныхъ славянъ. Этимъ-то пользовались старыя области (§ 11): изъ нихъ и образовались *удѣлы* или княжества, число которыхъ одно время доходило до 14. Главными изъ нихъ оставались 6 ближайшихъ къ пути изъ варягъ въ греки — Кіевское, Смоленское, Черниговское, Волынское, Галицкое и Новгородское.

Второю причиной удѣльныхъ усобицъ были пережитки *родового быта.* Въ этомъ быту власть принадлежала старшему въ родѣ; по его смерти, она переходила къ его братьямъ, а

не къ старшему сыну, т.-е. *дядя считался старше племянника.* Такъ, послѣ Ярослава оставалось 5 сыновей—Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ и Игорь; шестой, самый старшій, Владиміръ, умеръ при жизни отца, оставивъ сына, Ростислава. По родовымъ понятіямъ, великимъ княземъ становился не Ростиславъ, а Изяславъ. Только по смерти всѣхъ дядей, великое княженіе доставалось старшему изъ племянниковъ, и именно тому, отецъ котораго раньше другихъ занималъ кіевскій престолъ. Дѣти же князя, умершаго, не дождавшись очереди сидѣть въ Кіевѣ, становились изгоями (§ 28), удѣлы которыхъ дѣлились между остальными членами княжескаго рода. Лишь въ видѣ исключенія за изгоемъ оставлялся удѣлъ его отца, но въ такомъ случаѣ эта земля становилась совсѣмъ отдѣльнымъ владѣніемъ, какъ бы отрѣзаннымъ ломтемъ: таковъ былъ *Полоцкъ*, гдѣ постоянно княжили Всеславичи, и *Галичъ*, гдѣ княжило потомство упомянутаго Ростислава. При пережиткахъ родовыхъ понятій, князья постоянно передвигались съ низшаго престола на высшій по образу „лѣствичнаго восхожденія“ (§ 4). Князья самыхъ отдаленныхъ „племенъ“ (такъ называли тогда княжескія линіи) именовали себя „братьями“, не обозначая степеней родства, а великій князь назывался „отцомъ“ всѣхъ родичей. Великій князь долженъ былъ „имѣть весь родъ, какъ душу свою“. Онъ заботился о правахъ всякаго родича и наказывалъ ихъ нарушителей, а также руководилъ раздачей удѣловъ. Младшіе же князья обязывались „ходить въ его послушаніи, быть въ его волѣ, смотрѣть на него, ѣздить подлѣ его стремени“. Они являлись на войну по первому его призыву и обращались къ нему съ глубокимъ почтеніемъ, но не считали себя его подданными. Въ своихъ удѣлахъ они были независимыми государями, да и въ общихъ дѣлахъ слушались старшаго только пока считали его правымъ, иначе — даже выступали войной противъ него. Вотъ почему великій князь не предпринималъ ничего важнаго безъ совѣта съ удѣльными: отсюда *съѣзды князей* и частыя общія „думы“ о землѣ русской. Оттого и волости старшій раздавалъ съ согласія младшихъ, что̀ называлось „дѣлать рядъ“. Все это было построено на такихъ первобытныхъ и уже изветшавшихъ основаніяхъ, что привело къ 200-лѣтнимъ усобицамъ. Какъ ни старались лѣтописцы обозначать княжіи „племена“, на подобіе генеалогическихъ таблицъ у феодаловъ, сколько ни вырабатывалось въ русскомъ языкѣ названій степеней родства, линіи путались съ теченіемъ времени. Отсюда

вѣчныя пререканія въ средѣ князей: родичи все „считались отечествомъ и разрядомъ". Каждый почиталъ несправедливымъ просто то, что̀ было невыгодно ему, и наоборотъ. Наконецъ, права родоваго старѣйшинства обратились въ предлогъ къ „добыванію" столовъ: князья стали лишь прикрываться ими, подымая усобицы изъ-за личныхъ выгодъ.

Но въ родовомъ быту князей были и полезныя стороны. Вслѣдствіе того, что князья постоянно передвигались со всѣмъ своимъ дворомъ, повсюду, до отдаленныхъ концовъ Руси, распространялись первыя *сѣмена гражданственности*. Тѣ города, гдѣ жили князья, развивались. Въ нихъ увеличивалось населеніе, заводились промыслы и торговля; они старались подражать Кіеву. Такъ какъ родовой бытъ не дозволялъ князьямъ обращать свои удѣлы въ вотчины, то Русь, политически раздробившись на удѣлы, сохраняла *народное единство*. Оттого хотя она принадлежала цѣлому роду Рюриковичей, тѣмъ не менѣе у нея былъ одинъ „великій" князь. Каждый князь считалъ свою землю частью цѣлаго, котораго онъ не упускалъ изъ виду, вѣчно мечтая о старшихъ удѣлахъ, въ особенности о Кіевѣ. И это всеобщее стремленіе къ стольно̀му городу, къ столицѣ или средоточію Руси влекло князей къ постепенному сокращенію своего рода, къ самоистребленію, подготовлявшему единодержавіе. Въ свою очередь, народъ въ каждомъ удѣлѣ видѣлъ смѣну лицъ, которыя бывали въ разныхъ концахъ Руси и иногда сразу переносились изъ Тмутаракани въ Новгородъ. Онъ прислушивался къ ихъ разсказамъ объ общемъ отечествѣ; и если ему приходилось иногда изгонять одного князя, онъ бралъ себѣ другого все изъ одного и того же княжья Рюриковой крови.

§ 38. **Племянники и дяди.**—Послѣ Ярослава, Русь распалась на 5 областей. Двѣ изъ нихъ составляли независимыя владѣнія—*Полоцкъ*, гдѣ княжилъ племянникъ Ярославичей, Всеславъ (§ 25), и *Новгородъ* (со Псковомъ), гдѣ проживалъ другой племянникъ, *Ростиславъ* Владиміровичъ (§ 37). Молодой, предпріимчивый, даровитый Ростиславъ былъ красивъ и статенъ, храбръ, привѣтливъ и добръ къ бѣднякамъ; а ему, какъ изгою, приходилось сидѣть безъ дѣла и безъ правъ. Онъ рѣшился подражать Мстиславу тмутараканскому, который побилъ своего старшаго брата (§ 23). Въ такомъ же положеніи находился дѣятельный и способный Всеславъ, также изгой. Изгои-племянники готовились выступить противъ своихъ дядей—Ярославичей. Изъ послѣднихъ оставались въ живыхъ только трое старшихъ,

и наслѣдіе Ярослава раздѣлилось на 3 части. 1) Великое княжество *Кіевское*, къ которому присоединились Туровъ, Смоленскъ, Волынь и Галичъ. Здѣсь княжилъ старшій сынъ Ярослава, *Изяславъ I* (§ 37), человѣкъ злой и подозрительный, бездарный и малодушный. Онъ не отличался находчивостью въ несчастіяхъ; а никто изъ князей не испытывалъ столько бѣдствій, какъ онъ. 2) Княжество *Черниговское*, очень обширное: къ нему принадлежали, кромѣ самого Чернигова, Сѣверская область, Муромъ съ Рязанью и Тмутаракань. Имъ управлялъ второй сынъ Ярослава, *Святославъ* — князь умный, бойкій, воинственный, умѣвшій пользоваться всякимъ случаемъ для своихъ выгодъ, но также снискивать всеобщее уваженіе и любовь своею богобоязливостью, жалостливостью и страстью къ просвѣщенію. Самъ Святославъ сидѣлъ въ Черниговѣ, а въ Тмутаракань послалъ своего молодого сына, *Глѣба*. Вещественнымъ памятникомъ княженія Глѣба здѣсь остался „тмутараканскій камень“ — плита съ надписью объ измѣреніи по льду Керченскаго пролива. 3) Княжество *Переяславское*, къ которому были присоединены Ростовъ и Суздаль. Здѣсь княжилъ третій братъ, *Всеволодъ*. Это былъ любимый сынъ Ярослава. Онъ не отличался воинственностью, любилъ дѣйствовать мирными договорами и деньгами, чтобы не проливать крови своихъ подданныхъ: въ военныхъ дѣлахъ ему помогалъ сынъ, храбрый *Владиміръ Мономахъ*. Но зато Всеволодъ былъ богобоязливъ, уважалъ духовенство и одарялъ нищихъ. Онъ жилъ просто и воздержно, окружилъ себя монахами и заказывалъ имъ переводы книгъ. Онъ самъ зналъ пять языковъ, въ томъ числѣ греческій, которому научился отъ своей жены, греческой княжны. Лѣтъ 10 братья жили въ мирѣ и любви, какъ завѣщалъ имъ отецъ. Но вотъ, по преданію, показалась кровавая звѣзда на небѣ; Волховъ пошелъ вверхъ; изъ рѣки сѣти выволокли страшнаго урода. Народъ чуялъ бѣду — и начались кровопролитія. Разомъ съ двухъ концовъ появилась тревога на Руси—съ сѣверо-запада и юго-востока.

§ 39. **Изгои и половцы.**—Изгои начали междоусобіе. Имъ хотѣлось силой добыть себѣ если не Кіевъ, то новые и лучшіе удѣлы. Ростислава манила къ себѣ далекая Тмутаракань, съ ея привольными степями, гдѣ можно было отличиться подвигами въ борьбѣ съ кавказскими кочевниками и набрать храброе войско для войны съ дядями. Онъ бросился туда съ толпой новгородской вольницы и со множествомъ недовольныхъ, бѣжав-

шихъ изъ разныхъ княжествъ. Ростиславъ легко выгналъ юнаго Глѣба, укрѣпился въ Тмутаракани и началъ быстро покорять сосѣднихъ дикарей. Онъ уже становился богатымъ и могущественнымъ. Дяди собирались воевать съ нимъ; но ихъ избавилъ отъ опаснаго изгоя грекъ, правитель Корсуня. Страшась могущества такого сосѣда, какъ Ростиславъ, онъ вкрался къ нему въ довѣріе и отравилъ его на одной пирушкѣ, выпустивъ въ круговую чару ядъ, хранившійся у него подъ ногтемъ. У Ростислава осталось двое дѣтей, *Володарь* и *Василько*, которыхъ пріютили у себя сыновья Изяслава. Подросши, они также ходили на Тмутаракань, но неудачно: она осталась за Святославичами. Не успѣли Ярославичи отдѣлаться отъ одного изгоя, какъ поднялся другой—Всеславъ. Его освободила изъ кіевской тюрьмы новая бѣда, которая пришла на Русь съ юго-востока. То были страшные кочевники, смѣнившіе печенѣговъ—торки, берендеи, половцы, принадлежавшіе къ алтайцамъ или татарамъ (§ 2), какъ всѣ степняки, посѣщавшіе южную Русь. *Торки*, потѣснившіе печенѣговъ, вскорѣ исчезли, частью истребленные половцами, частью поселенные русскими князьями на южныхъ границахъ (г. Торческъ). Потомки торковъ и берендеевъ встрѣчались еще долго, подъ именемъ *Черныхъ Клобуковъ*, ходившихъ въ большихъ бараньихъ шапкахъ. *Половцы* распадались на множество родовыхъ ордъ и были полудикарями. Памятникомъ ихъ быта остались *каменныя бабы*, разсѣянныя во множествѣ на юго-востокѣ Россіи и отчасти въ Сибири: это—огромныя, грубыя изображенія „каменныхъ людей, болвановъ“, съ чашей на колѣняхъ, напоминающія Юмалу (§ 7); они ставились обыкновенно на могилахъ [1]). Половцы истребили печенѣговъ и утвердились на

---

[1]) Это—крупныя изваянія изъ простаго мѣстнаго камня, отъ 2 до 5 аршинъ вышины. Они изображали людей всѣхъ возрастовъ и обоего пола, но большею частью женщинъ, въ сидячемъ, нагнутомъ и прямомъ положеніи. Чаще всего они полуобнажены по поясъ, какъ на нашемъ рисункѣ, и съ босыми ногами, иногда замѣненными каменнымъ обрубкомъ или столбомъ, какъ у римскихъ терминовъ или греческихъ гермъ, которые ставились на перекресткахъ. Но встрѣчаются то совсѣмъ обнаженныя фигуры, то вполнѣ одѣтыя, въ узорчатыхъ, отороченныхъ тесьмой кафтанахъ, въ сапогахъ, въ шапкахъ, подъ которыми иногда видна узорчатая подкладка—родъ ермолки съ бахромой. „Бабы“ вообще причесаны, съ двумя заплетеными косами на спинѣ, съ повязкой на лбу, съ серьгами въ ушахъ (даже у мужчинъ). У нѣкоторыхъ гривны или крупныя бляхи на шеяхъ, браслеты и оружіе. Почти у всѣхъ въ рукахъ чашка или горшокъ, иногда просверленные. Каменныя бабы—мѣстное произведеніе: здѣсь нѣтъ слѣдовъ подражанія греческому ваянію. У всѣхъ общій типъ. Въ исполненіи видна только разница по времени: болѣе древнія,

Дону. Они построили тутъ шалаши на лѣто и юрты для зимовки и начали дѣлать набѣги на Русь. Ярославичи выступили противъ нихъ, но были жестоко разбиты на р. *Альтѣ*. Изяславъ прискакалъ въ Кіевъ, а слѣдомъ за нимъ разсыпались половцы по кіевской землѣ и начали грабить и мучить жителей. Кіевляне собрались на вѣче и сказали Изяславу:

Каменная баба.

„князь, дай намъ оружіе и лошадей; пойдемъ опять драться съ ними". Запуганный Изяславъ отказалъ. Тогда народъ бросился разбивать тюрьмы, гдѣ сидѣло много кіевлянъ, давно заточен-

---

встрѣчающіяся на востокѣ, изсѣчены грубѣе, менѣе умѣлою рукой, чѣмъ азовскія и днѣпровскія. Каменныя бабы и сейчасъ стоятъ въ Енисейской губ., въ Киргизской степи и въ Европейской Россіи—отъ Воронежа и Полтавы до Кубани и Кумы, отъ Волги до Буга и Калиша, наконецъ въ Галиціи. Изображенная на нашемъ рисункѣ находится въ Новочеркаскѣ.

ныхъ княземъ. Освободили также Всеслава и объявили этого удальца великимъ княземъ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу, къ своему племяннику, *Болеславу Смѣлому*.

§ 40. **Братья-соперники. Всеволодъ I и Святославичи.** — Вскорѣ Изяславъ возвратился съ польской ратью. По преданію, Всеславъ, „дотронувшись только копьемъ до золотаго стола кіевскаго, обернулся волкомъ и побѣжалъ ночью въ Полоцкъ". Оставшись безъ князя, кіевляне рѣшили: „или пусть Изяславъ вступитъ въ Кіевъ безъ поляковъ, или пусть Святославъ съ Всеволодомъ придутъ къ намъ княжить; иначе мы сожжемъ Кіевъ и уйдемъ съ семьями въ Царьградъ". Изяславъ согласился и снова сталъ княжить въ Кіевѣ; но, вопреки уговору, разставилъ поляковъ по городамъ и началъ притѣснять кіевлянъ, и даже Антонія (§ 28), за приверженность къ Всеславу. Многіе кіевляне бѣжали къ Святославу черниговскому, который тогда храбро сражался съ половцами, привлекалъ къ себѣ милостивымъ обхожденіемъ и тихонько, ночью, увезъ Антонія и спряталъ его у себя въ Черниговѣ. Въ то же время Святославъ успѣлъ привязать къ себѣ Всеволода; и они пошли на старшаго брата. Изяславъ снова бѣжалъ къ полякамъ съ большими сокровищами. *Святославъ* сталъ великимъ княземъ кіевскимъ, а свой удѣлъ отдалъ брату. Вскорѣ онъ умеръ, и въ Кіевѣ сѣлъ *Всеволодъ*, но не надолго. Изяславъ все это время искалъ помощи на Западѣ. Онъ обращался то къ Генриху IV, то къ его врагу, папѣ Григорію VII (§ 15). Генрихъ отправилъ посольство въ Кіевъ, которое возвратилось только съ богатыми дарами, изумившими Западъ. Папа также послалъ грамоту въ Кіевъ, а главное—побудилъ Болеслава помочь Изяславу, надѣясь обратить Русь въ католичество. Такъ Изяславъ возвратился на родину опять съ помощью поляковъ, которымъ отдалъ за это Галичъ. Всеволодъ безъ боя уступилъ ему Кіевъ и возвратился въ Черниговъ. Изяславъ княжилъ въ третій разъ всего года два. Загорѣлась новая усобица. Племянники, Святославичи, напали на дядю, Всеволода, получившаго ихъ отцовскій удѣлъ. Изяславъ пошелъ помочь брату и палъ въ битвѣ.

Великимъ княземъ сталъ послѣдній Ярославичъ, *Всеволодъ I*. Почти вся Русь соединилась подъ его властью; половину ея, Черниговскую землю, онъ отдалъ сыну своему, Владиміру Мономаху (§ 38). Но на Руси все еще было неспокойно. *Святославичи*, въ особенности *Олегъ*, напоминавшій отца отвагой и настойчивостью, продолжали искать своего наслѣдія. Они сильны были и сознаніемъ

права: Всеволодъ несправедливо представлялъ ихъ изгоями, основываясь на томъ, что ихъ отецъ насильно, не по праву, владѣлъ Кіевомъ; онъ самъ помогъ Святославу изгнать Изяслава и признавалъ его великимъ княземъ до самой его смерти. Лѣтъ 15 княжилъ Всеволодъ въ Кіевѣ, и почти не проходило года, чтобы Святославичи не нападали на него. Племянники не пренебрегали никакими средствами: они постоянно сходились въ Тмутаракани и нанимали тамъ всякихъ кочевниковъ, въ особенности же половцевъ. Правда, иногда Всеволоду удавалось перекупить половцевъ, и они отражали тогда князей-племянниковъ. Но большею частью послѣднихъ побивалъ мужественный и умный Владиміръ Мономахъ. Въ то же время этотъ замѣчательный князь дрался съ половцами, которые сами по себѣ часто вторгались въ предѣлы Руси. Онъ поразилъ ихъ 12 разъ; и повсюду на Руси стали съ любовью произносить имя этого защитника отъ нехристей. Напротивъ, отецъ его утратилъ любовь народа. Онъ состарѣлся и подчинился дружинѣ, приведенной имъ изъ Чернигова и Переяславля, которая отстранила дружину кіевскую, служившую Изяславу, и начала угнетать кіевлянъ. Въ концѣ его княженія насталъ голодъ отъ страшной засухи и лѣсныхъ пожаровъ, а за нимъ пришла опустошительная зараза; солнечное затменіе и землетрясеніе смутили умы. Всеволодъ умеръ въ 1093 г. Такъ, Ярославичи владѣли Русью 40 л. Затѣмъ настала пора *внуковъ Ярослава*, которая продолжалась 32 года (1093—1125).

§ 41. **Внуки-соперники. Давидъ и Василько.** — Вотъ главные изъ внуковъ Ярослава: Святополкъ Изяславичъ, Владиміръ Всеволодовичъ, Олегъ Святославичъ, Давидъ Игоревичъ. Изъ нихъ Давидъ былъ изгоемъ. Олегъ же считался изгоемъ, хотя и несправедливо; ктому же тогда онъ былъ заточенъ на о. Родосѣ греками, которымъ его выдали хозары. Слѣдовательно право на кіевскій столъ принадлежало только Святополку и Мономаху. Кіевляне хотѣли, чтобы у нихъ княжилъ прославленный Мономахъ, тѣмъ болѣе, что Святополкъ, жившій постоянно въ Новгородѣ, былъ незнакомъ имъ. Но Мономахъ самъ призвалъ въ Кіевъ Святополка, какъ старшаго въ родѣ. Русь раздѣлилась теперь на 3 части (не считая Полоцка и Новгорода): *Святополку II* принадлежали Кіевъ, Туровъ и Галичъ; Мономаху— Переяславль, Черниговъ, Смоленскъ, Муромъ съ Рязанью и Суздаль; Давидъ владѣлъ удѣломъ своего отца, Волынью. Олегу же, который успѣлъ возвратиться съ Родоса, ничего не дали, опа-

саясь его предпріимчиваго нрава. Безземельный Олегъ притаился въ Тмутаракани, отвуда бросился добывать свои отчины, по примѣру Мстислава и Ростислава. Онъ и по характеру напоминалъ, какъ этихъ князей, такъ и своего безпокойнаго отца, Святослава. У него былъ „смыслъ буйный, слова величавыя". Олегъ не признавалъ ни христіанскихъ заповѣдей, ни родовыхъ обычаевъ—ничего, кромѣ своей воли и выгоды. Онъ всю жизнь провелъ въ борьбѣ, „ища своего хлѣба". Для этого онъ пускался на всякія хитрости, убивалъ и обманывалъ родныхъ, наводилъ на Русь половцевъ. Ему удалось-таки пріобрѣсти Черниговъ и даже Смоленскъ съ Муромомъ. Успѣхи Олега объясняются тѣмъ, что великій князь былъ человѣкъ безхарактерный и трусливый, но алчный, властительный и вѣроломный: онъ самъ занимался торговлей, стѣсняя купцовъ, и дружилъ съ евреями, дома которыхъ народъ разграбилъ послѣ его смерти. Оттого 20-лѣтнее княженіе Святополка наполнено смутами и тревогой. Его часто побивали половцы, доходившіе до Кіева; и онъ принужденъ былъ откупаться отъ нихъ. Пользуясь этимъ, Олегъ 4 года мучилъ Святополка и его вѣрнаго союзника, Мономаха, своими разбойничьими набѣгами, въ которыхъ участвовали и половцы: вся Русь была въ огнѣ, отъ Новгорода до степи, отъ Волыни до Мурома.

Наконецъ, союзники предложили ему полюбовно рѣшить споръ. Для этого съѣхались въ Черниговской области, въ *Любечѣ* (1097), Святополкъ съ Мономахомъ, Олегъ, Давидъ Игоревичъ и Василько Ростиславичъ (§ 39). *Давидъ* напоминалъ Святополка корыстолюбіемъ, но былъ энергичнѣе его: онъ не остановился бы ни передъ какимъ злодѣяніемъ изъ-за своихъ выгодъ и былъ неспособенъ раскаиваться. *Василько*, напротивъ, былъ даровитъ, благороденъ и „высокоуменъ" (честолюбивъ). Занимая часть Волыни, рядомъ съ Давидомъ, Василько тревожилъ отсюда Польшу и Венгрію. У него уже сложился обширный планъ—завоевать ляховъ, чтобы отомстить имъ за походы Болеславовъ подъ Кіевъ, и переселить дунайскихъ болгаръ въ свою малолюдную область. Онъ надѣялся исполнить это при помощи половцевъ, а потомъ мечталъ броситься на этихъ хищниковъ, чтобы „либо славу себѣ найти, либо голову свою сложить за Русскую землю". Василько хотѣлъ стать стражемъ отечества: „думалъ я, говоритъ онъ, скажу братьямъ: дайте мнѣ дружину свою младшую, а сами пейте да веселитесь!" Любецкій съѣздъ, эта *первая попытка рѣшать мирно междоусобія*, вполнѣ удался. Князья-

соперники сидѣли на одномъ коврѣ и цѣловали одинъ крестъ, громко восклицая: „Если кто изъ насъ возстанетъ на кого-нибудь, то всѣ мы поднимемся на него, и съ нами крестъ честной и вся земля русская!“ На съѣздѣ рѣшили всѣмъ владѣть своими отчинами, т.-е. Святополку — Кіевомъ, Мономаху—Переяславлемъ, Смоленскомъ, Ростовомъ и Суздалемъ, Олегу—Черниговомъ, а Давиду и Васильку, съ его братомъ Володаремъ,—Волынью пополамъ. Всѣ были довольны; только въ корыстную душу Давида закралось подозрѣніе. Давиду, желавшему имѣть *всю* Волынь, показалось, что двое такихъ талантливыхъ князей, какъ Василько и Мономахъ, уже сговариваются погубить всѣхъ остальныхъ родичей. Тутъ же, въ Любечѣ, Давидъ сообщилъ свои опасенія Святополку въ такомъ видѣ, какъ будто заговоръ уже существуетъ и открытъ. Трусливый Святополкъ повѣрилъ, обманомъ схватилъ Василька, когда тотъ возвращался изъ Любеча черезъ Кіевъ, и выдалъ его Давиду. Несчастный былъ ослѣпленъ самымъ звѣрскимъ образомъ. Мономахъ заплакалъ, когда узналъ объ этомъ, и воскликнулъ: „Такого зла еще не было на Руси! Между насъ бросили ножъ“. Онъ склонилъ Олега загладить это преступленіе. Они заставили Святополка собственноручно выгнать изъ Волыни Давида и освободить Василька, который томился въ тюрьмѣ у своего палача. Затѣмъ князья устроили новый съѣздъ, гдѣ рѣшили Васильку съ Володаремъ оставаться въ своихъ старыхъ удѣлахъ, а часть Волыни, принадлежавшую Давиду, отдать Святополку. Давида помѣстили въ одну ничтожную волость, гдѣ онъ и умеръ.

§ 42. **Половцы и Мономахъ.**—Послѣ новаго съѣзда, Святополкъ II княжилъ еще 13 лѣтъ, и то было хорошее время на Руси. Удѣльныя усобицы прекратились, и князья стали на стражѣ русской земли противъ степняковъ, у которыхъ явился отважный вождь, *Бонякъ*, кровожадный и изворотливый, какъ тигръ. Часто подъ стѣнами украинскихъ острожковъ раздавался, по ночамъ, волчій вой: то вылъ Бонякъ, гадая о битвѣ, а на зарѣ пылалъ деревянный городокъ, облитый кровью своихъ жителей. Какъ сильны были тогда половцы и какъ ослабѣла Русь, видно изъ того, что Святополкъ самъ женился на дочери одного половецкаго хана, а Мономахъ женилъ своего сына, Юрія Долгорукаго, на половецкой княжнѣ и заключилъ съ половцами 19 мировъ, причемъ много ушло изъ его казны платья, денегъ и скота. Но ничто не помогало. Тесть Святополка погибъ въ одномъ набѣгѣ на земли своего зятя. Бонякъ однажды чуть не пробился

въ самый Кіевъ, истребивши окрестныя деревушки и обители, въ томъ числѣ Печерскій монастырь. Положеніе дѣлъ измѣнилось, какъ только замирились русскіе князья между собой. Они стали ходить на половцевъ, въ ихъ собственныя кочевья; и уже степняки начали просить мира и покупать его у русскихъ. Душой борьбы съ половцами былъ Мономахъ. Онъ побуждалъ своихъ вялыхъ товарищей къ набѣгамъ въ степь и измышлялъ искусные военные планы. Въ 1111 г. ему удалось соединить ихъ для похода, слава котораго разнеслась до Царьграда, Праги и даже Рима. Русскіе прошли *за Донъ*, недалеко отъ его устьевъ: до такой глубины степей доходилъ только храбрый Святославъ. Половцы потерпѣли неслыханное пораженіе: потеряли до 20 однихъ хановъ. Вся Русь твердила, что это — подвигъ Мономаха, что половцы падали кучами именно передъ его полкомъ: головы ихъ сѣкла невидимая рука ангела Божія. Повсюду ходили восторженные разсказы объ этомъ героѣ, который „пилъ Донъ золотымъ шлемомъ". Озаренный лучами славы и народной любви, вступилъ Мономахъ на кіевскій престолъ, черезъ годъ послѣ похода, когда умеръ Святополкъ. Онъ занялъ престолъ не по праву: Святославичи были старше его. Оттого Мономахъ нѣсколько разъ отказывалъ кіевлянамъ, которые призывали его къ себѣ, и согласился только тогда, когда они погрозили погубить свой городъ.

Владиміръ II Мономахъ былъ великимъ княземъ 12 л. Это время было продолженіемъ его полезной дѣятельности, хотя ему было тогда уже за 60 л. Онъ утвердилъ за собою значеніе *образцоваго князя древней Руси*, „страдальца (труженика) за русскую землю". Мономахъ былъ ласковъ и гостепріименъ, справедливъ и милостивъ: его называли „нищелюбцемъ" и „жалостливымъ". Онъ плакалъ на молитвѣ, плакалъ, когда видѣлъ человѣка въ несчастіи, не жалѣлъ своей казны для бѣдняковъ и прощалъ обиды, нанесенныя ему лично. Мономахъ пишетъ: „лишатъ тебя чего-нибудь—не мсти; бранятъ тебя — молись". Въ своемъ *Поученіи* онъ говоритъ дѣтямъ: „Путешествуя по своимъ землямъ, не давайте своей дружинѣ никого притѣснять. Не проходите мимо человѣка безъ привѣта: скажите каждому доброе слово. Но больше всего не забывайте убогихъ, кормите ихъ; одаряйте сироту, оправдывайте вдовицу; не давайте сильнымъ погубить слабаго, простаго смерда. Не убивайте ни праваго, ни виноватаго — никакой души христіанской. Особенно не имѣйте гордости ни въ сердцѣ, ни

въ душѣ своей, но говорите: всѣ мы смертны. Молитесь въ церкви, и дома, и верхомъ на конѣ". Мономахъ часто спалъ на голой землѣ и ходилъ „въ сиротскихъ одеждахъ"; но только для того, чтобы охранить себя отъ изнѣженности. Онъ почиталъ монаховъ, какъ образованныхъ людей; но въ немъ не было ничего монашескаго: по его словамъ, „покаяніемъ, слезами, милостынею должно побѣждать врага, а не одиночествомъ, не чернечествомъ, не голодомъ". Работайте, „творите мужеское дѣло", да учитесь—вотъ его внушеніе дѣтямъ. Мономахъ былъ отличный хозяинъ, встававшій съ зарею: оттого хотя онъ старался брать меньше податей и постоянно раздавалъ милостыни, казна его была полна. Мономахъ почти не сидѣлъ дома. Не перечесть его походовъ, а также путешествій, которыя были тогда тяжелы: однихъ большихъ поѣздокъ сдѣлалъ онъ 83, а жилъ-то всего 73 года! Два раза была разбита у него голова, ушиблены руки и ноги. Въ мирное время онъ ходилъ на охоту: „Я, говоритъ онъ, дикихъ коней вязалъ въ пущахъ своими руками; меня туры, олени и лоси поднимали на рога; кабанъ сорвалъ у меня мечъ, медвѣдь укусилъ за колѣно". Мономахъ не былъ изъ числа геніевъ, создающихъ новое. Онъ придерживался всего стараго и строго почиталъ родовые счеты: это былъ *лучшій представитель того времени.* Княженіе Мономаха было отрадною эпохой въ исторіи кіевской Руси. Усобицы прекратились, тѣмъ болѣе, что другія линіи Ярославова потомства вымирали. Среди этого спокойствія, Мономахъ исправлялъ суды и добавлялъ Русскую Правду, стараясь особенно объ облегченіи участи бѣдняковъ и должниковъ; а его храбрые сыновья ходили на половцевъ, на Донъ, да еще на Чудь, на волжскихъ болгаръ и ляховъ. Русь вспомнила и походы въ Грецію. Мать Владиміра была дочь византійскаго императора, *Константина Мономаха*; а дочь его была за греческимъ цесаревичемъ: это вовлекло его въ византійскіе споры за престолъ. Но дѣло вскорѣ кончилось миромъ; и Комнены (§ 33), по преданію, прислали Владиміру драгоцѣнные дары, въ томъ числѣ вѣнецъ и бармы (оплечье съ священными ликами) его дѣда, греческаго Мономаха. Когда въ Россіи установилось царское достоинство, этимъ вѣнцомъ, названнымъ „шапкой Мономаха", стали вѣнчаться на царство. Мономахъ умеръ въ 1125 г. По словамъ лѣтописи, „святители, народъ и люди плакали о немъ, какъ дѣти плачутъ по отцѣ или по матери". Въ пѣсняхъ сохранилась благодарная память о немъ, смѣшивающая его съ Владиміромъ Св. Въ вихрѣ

послѣдующихъ усобицъ твердо держалось одно только — пристрастіе русскихъ къ „племени Владиміра“: его многіе зовутъ къ себѣ княжить; противъ него никто „не можетъ поднять руки“.

§ 43. **Мстиславъ Великій. Разгаръ усобицъ.**—Потомство Мономаха около полвѣка занимало кіевскій престолъ (1125—1171), съ небольшими перерывами, и владѣло почти всею Русью, за исключеніемъ земель Святославичей черниговскихъ, Ростиславичей галицкихъ и Всеславичей полоцкихъ. Даже свободный Новгородъ придерживался Мономаховичей. Привязанность кіевлянъ къ племени Мономаха разрушала родовые счеты, ставила на ихъ мѣсто избирательное начало и подготовляла наслѣдственность въ одной семьѣ. Сначала кіевскій столъ занялъ старшій сынъ Мономаха, *Мстиславъ*, несмотря на то, что были живы болѣе старшіе въ родѣ: Святославичи съ своими дѣтьми,— племя, которое стали называть *Ольговичами* по крупной личности Олега Святославича,—да дѣти Святополка. Неутомимый и предпріимчивый Мстиславъ „наслѣдовалъ потъ своего великаго отца“ и былъ прозванъ *Великимъ*. Онъ удачно боролся съ половцами, не безъ выгоды вмѣшивался въ распри между Святославичами и покончилъ съ заклятыми врагами Ярославова потомства—съ полоцкими князьями. При помощи самихъ полочанъ, Мстиславъ схватилъ трехъ Всеславичей, посадилъ ихъ, вмѣстѣ съ семьями, въ три лодки и спустилъ въ Царьградъ, гдѣ они служили императору и отличались въ битвахъ съ арабами. Пріобрѣтеніе Полоцка вовлекло Мстислава въ борьбу съ Литвой, а Новгородъ, гдѣ сидѣлъ его сынъ, принуждалъ его воевать съ Чудью. Это былъ послѣдній князь, державшій въ повиновеніи своихъ родичей, строго оберегавшій единство Руси. Послѣ него Мономаховичи уже не прочно держались въ Кіевѣ: тогда насталъ *разгаръ удѣльныхъ усобицъ*. Каждый князь стремился овладѣть кіевскимъ престоломъ, опираясь или просто на свою силу, или на *договоры и союзы* съ другими князьями. Эти союзы происходили часто и измѣнялись по обстоятельствамъ, какъ между иностранными державами. Иногда противъ сильнаго и бойкаго князя подымалось разомъ болѣе десятка князей. Союзы и договоры замѣнили прежніе способы занятія престоловъ — и родовую „лѣствицу восхожденія“ или завѣщаніе Ярослава, и съѣзды князей, введенные Мономахомъ. Они доказывали окончательное разложеніе родового быта и служили выходомъ къ новой порѣ государственнаго развитія. Но сначала каждая линія Ярославичей старалась стать независимою,

каждая область стремилась обособиться (§ 37). Усобицы между князьями дошли до того, что нерѣдко ближайшіе родственники забывали свои родовые интересы и боролись между собой: въ это полстолѣтіе было 18 великихъ князей. Нигдѣ борьба не была такъ жестока, какъ въ самомъ потомствѣ Мономаха. Оттого иногда удавалось проскользнуть въ Кіевъ черниговскимъ Ольговичамъ, которые сохраняли свои семейныя черты—даровитость, пылкость и предпріимчивость. Одинъ изъ нихъ, хитрый и упорный *Всеволодъ II Ольговичъ*, даже умеръ на кіевскомъ престолѣ, ловко подымая враговъ другъ противъ друга—Ольговичей противъ Мономаховичей и Давидовичей, а среди самихъ Мономаховичей — дядей противъ племянниковъ. Но безконечная *борьба Ольговичей* съ своими двоюродными братьями, *Мономаховичами*, блѣднѣетъ передъ усобицами въ родѣ Мономаховомъ, гдѣ постоянно спорили то двоюродные братья между собой, то племянники съ дядями. Главнымъ образомъ враждовали между собой и чередовались на великокняжескомъ престолѣ двѣ линіи, происходившія отъ сыновей Мономаха—отъ старшаго, *Мстислава* Великаго, и младшаго, *Юрія* Суздальскаго, по прозванію *Долгорукаго*. Борьба между этими линіями и записана болѣе подробно въ лѣтописяхъ.

§ 44. **Ольговичи и Мономаховичи**. — Разгаръ удѣльныхъ усобицъ начался по смерти Всеволода II (1146). Тогда въ Кіевѣ сѣлъ братъ его, *Игорь Ольговичъ*, при помощи другого своего брата, Святослава. Но кіевляне только и думали, что о потомствѣ Мономаха. Они составили грозное вѣче, сѣвши на коней. Потомъ разграбили дворы княжихъ мужей и послали сказать племяннику Игоря, *Изяславу II* Мстиславичу: „Иди, князь добрый! Мы всѣ за тебя; не хотимъ Ольговичей. Гдѣ увидимъ твои знамена, тамъ и будемъ“. Изяславъ пришелъ, кіевскіе полки передались ему—и онъ сталъ великимъ княземъ, выгнавъ Игоря. Слабый на ноги Игорь былъ схваченъ въ болотѣ, гдѣ завязъ его конь, и заключенъ въ темницу. Никто не жалѣлъ объ немъ, кромѣ его родного брата, добраго толстяка *Святослава*, который сталъ изыскивать средства къ его освобожденію. Тотчасъ съ поля битвы, гдѣ былъ плѣненъ Игорь, Святославъ прискакалъ въ Черниговъ, принадлежавшій его двоюроднымъ братьямъ, сыновьямъ Давида Святославича. „Хотите-ли сдержать клятву, которую вы дали мнѣ и Игорю, пять дней тому назадъ?“ спросилъ онъ у *Давидовичей*. Тѣ отвѣчали, что хотятъ. Тогда Святославъ оставилъ у нихъ одного изъ своихъ бояръ, а самъ бросился въ

свой удѣлъ, Новгородъ Сѣверскій, чтобы изготовиться къ освобожденію Игоря. Едва успѣлъ онъ уѣхать, какъ его бояринъ, оставленный въ Черниговѣ, прислалъ сказать ему: „Давидовичи измѣняютъ тебѣ, хотятъ схватить тебя: не ѣзди къ нимъ, когда пошлютъ за тобой“. Оказалось, что Давидовичи изъ личныхъ интересовъ измѣнили своему роду и соединились съ Изяславомъ. Они мечтали получить много выгодъ отъ этого храбраго и любимаго кіевлянами великаго князя. Вслѣдъ затѣмъ новые союзники открыто потребовали у Святослава отказаться отъ своего несчастнаго брата. „Возьмите у меня все, только отпустите мнѣ Игоря“, отвѣчалъ Святославъ, заливаясь слезами. Онъ, въ свою очередь, долженъ былъ заручиться какимъ-нибудь союзомъ и послалъ въ Суздаль сказать своему двоюродному брату, *Юрію Долгорукому*: „Помилосердуй, пойди въ Кіевъ, сыщи мнѣ брата“. А Юрій давно уже мечталъ промѣнять свою непривѣтливую сторону на богатый и красивый Кіевъ. Ктому же онъ не могъ равнодушно переносить великую, по родовымъ счетамъ, обиду: племянникъ его, Изяславъ, занялъ великокняжескій столъ, попирая права дяди. Юрій уже не разъ пробирался къ Кіеву, занимая Переяславль то набѣгомъ, то обмѣномъ на другія области; но все неудачно, лишь на короткое время. Онъ тотчасъ же прислалъ Святославу на помощь своего сына, *Ивана*—и началась жестокая распря въ потомствѣ Мономаха.

§ 45. **Ольговичи и Давидовичи.**—То была самая любопытная борьба въ теченіе всего удѣльнаго періода. Она наполнена подвигами военной доблести и дипломатическаго искусства, проявленіями большихъ дарованій съ обѣихъ сторонъ. Она захватывала огромное пространство, касаясь не только востока, но и запада Европы. Въ ней участвовала почти вся Русь и много иноплеменниковъ. За Юрія стояли, кромѣ Ольговичей, Давидовичей и галицкаго князя, половцы, а также впервые появившіеся тогда отряды южно-русской вольницы—*бродниковъ*, тогдашнихъ казаковъ; за Изяслава тянули Волынь, Черные Клобуки, финны, венгры, поляки, чехи и нѣмцы. Кровь лилась по всей южной Руси. Были забыты правила нравственности, святость договоровъ и цѣлованіе креста. Союзники переходили съ одной стороны на другую. Тогда была въ ходу поговорка; „миръ стоитъ до рати и рать до мира“. Съ самаго начала, кромѣ Ивана Юрьевича, къ Святославу пришелъ помощникъ изъ молдавскаго города Берлада, куда, также какъ въ Тмутаракань, стекались бездомные выходцы: то былъ обдѣленный родичами галицкій князь *Иванъ*, по

прозванью *Берладникъ*. Онъ прибылъ къ Святославу показать свою удаль; а вслѣдъ за нимъ явились и половецкіе ханы, родственники Святослава по женѣ. Но еще лучше изготовились Давидовичи съ Изяславомъ. Они совсѣмъ ожесточились и говорили: „Мы начали злое дѣло; такъ ужъ довершимъ братоубійство! Пойдемъ, искоренимъ Святослава, а волость его возьмемъ себѣ“. Они жестоко опустошали владѣнія Ольговичей, не щадя даже церковныхъ сосудовъ и колоколовъ. Въ одномъ городѣ Давидовичи захватили домъ Святослава и нашли здѣсь множество бочекъ меду и вина въ погребахъ, желѣзо и мѣдь въ кладовыхъ, до 1000 скирдовъ хлѣба, нѣсколько тысячъ коней и 700 рабовъ. Выѣхалъ къ врагамъ духовникъ Святослава и сказалъ отъ его имени: „Жестокіе родичи! Довольны-ли вы вашими злодѣйствами? Разорили вы волость мою, взяли имущество и стада, истребили огнемъ хлѣбъ и запасы. Или вы хотите еще умертвить меня?“ Отъ Святослава потребовали отступиться отъ Игоря. „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: покуда душа моя въ тѣлѣ, не измѣню единокровному“.

Святославъ сидѣлъ въ своемъ Новгородѣ Сѣверскомъ и все поджидалъ Юрія, но тщетно: Изяславъ уже отправилъ степью гонца къ рязанскому князю — и тотъ вторгнулся въ Суздальскую область и задержалъ Юрія. А между тѣмъ, враги подошли къ Новгороду Сѣверскому. Святославъ захватилъ свою семью и жену несчастнаго Игоря и бѣжалъ въ „лѣсную землю“. Давидовичи бросились въ погоню за нимъ, всего съ 3.000 всадниковъ, и уже догнали; но онъ вдругъ обернулся и разбилъ ихъ, а самъ бѣжалъ къ вятичамъ. Давидовичи послали ему свое проклятіе: „Убейте его, объявили они вятичамъ—и получите въ награду его имущество“. Судьба преслѣдовала несчастнаго Ольговича. Ивану Берладнику не сидѣлось долго за однимъ дѣломъ: взялъ онъ у Святослава за свою службу 200 гривенъ серебра да 6 фунтовъ золота—и попалъ въ Грецію, гдѣ былъ отравленъ. При Святославѣ остался одинъ вѣрный союзникъ — Иванъ Юрьевичъ, и на немъ сосредоточилась его любовь. Вдругъ Иванъ заболѣлъ. Святославъ забылъ все, остановилъ войну и все молился, не отходя отъ постели больнаго. Иванъ умеръ — и Святославъ горевалъ до отчаянія, такъ что самъ отецъ покойнаго, Юрій, прислалъ утѣшать его, обѣщая дать ему другого своего сына. Въ то самое время Святослава сразила другая вѣсть: Игорь заболѣлъ въ тюрьмѣ и постригся въ монахи передъ смертью; но кіявляне убили его на молитвѣ,

выволокли трупъ веревками и бросили на рынкѣ. Но съ этихъ поръ насталъ переворотъ въ судьбѣ Святослава. Второй сынъ Юрія, *Андрей*, отогналъ рязанскаго князя отъ Суздаля — и Юрій перешелъ въ наступленіе. Вскорѣ враги не только были лишены всѣхъ своихъ завоеваній, но Давидовичи чуть не утратили своего Чернигова. Въ такой бѣдѣ они вдругъ измѣнили политику — заключили союзъ съ Святославомъ и Юріемъ противъ Изяслава. Радуясь счастливому обороту дѣлъ, Юрій призвалъ къ себѣ Святослава на свиданіе и пиръ (1147). Друзья съѣхались на границѣ своихъ владѣній, гдѣ было разбросано нѣсколько жалкихъ деревушекъ, среди которыхъ возвышался, на крутомъ берегу рѣчки, деревянный городокъ, окруженный дремучимъ лѣсомъ, по имени *Москва* [1]).

§ 46. **Борьба между Мономаховичами. Сѣверная Русь.** — Умерщвленіе Игоря ожесточило Святослава Ольговича. Въ то же время Юрій Долгорукій былъ оскорбленъ Изяславомъ II, который вытѣснилъ одного изъ его сыновей, княжившаго въ Новгородѣ, и началъ опустошать оттуда западные предѣлы суздальскаго княжества. „Племянникъ, воскликнулъ Юрій, осрамилъ меня, волость мою повоевалъ и пожогъ; либо стыдъ этотъ съ себя сложу, за землю свою отомщу и честь свою добуду, либо голову сложу“. Эта *борьба между Мономаховичами* была упорнѣе борьбы Ольговичей съ Изяславомъ. Она длилась болѣе пяти лѣтъ, съ перемѣннымъ счастьемъ: нѣсколько разъ *Юрій I* садился въ Кіевѣ и былъ снова изгоняемъ въ свой Суздаль. Но вообще перевѣсъ былъ на сторонѣ Изяслава: Юрій окончательно утвердился на великокняжескомъ столѣ только по его смерти. Это объясняется характерами соперниковъ. Юрій—представитель *сѣверной* Руси. Онъ былъ разсчетливъ, остороженъ и коваренъ, суровъ и властолюбивъ; онъ опасался битвъ и любилъ побѣждать терпѣніемъ, выжиданіемъ, военными хитростями; его выручалъ только сынъ, Андрей, который совершалъ чудеса храбрости и много разъ подвергалъ свою жизнь опасности. Изяславъ же—представитель *южной* Руси. Натура храбрая, горячая и предпріимчивая, онъ всѣмъ былъ обязанъ себѣ и признавалъ

---

[1]) Позднѣйшіе лѣтописцы сохранили такое преданіе о началѣ Москвы. Князь Юрій пріѣхалъ однажды на это мѣсто, застроенное селами богатаго боярина, Степана *Кучки*. Оно очень понравилось ему. Между тѣмъ, гордый бояринъ чѣмъ-то оскорбилъ Юрія, и тотъ убилъ его. Дочь его, красавицу Улиту, Юрій выдалъ замужъ за своего сына, Андрея, а среди селъ основалъ городокъ. Сначала, говорятъ, этотъ городокъ назывался „Кучково“, а потомъ уже Москвой, по имени рѣки.

однѣ личныя заслуги, презирая старое родовое право. Его любимою поговоркой было: „не идетъ мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣсту“. Изяславъ измышлялъ ловкіе военные маневры, устраивалъ для рѣчныхъ битвъ мудреныя лодки съ покрытіями для гребцовъ, заключалъ искусные союзы. Онъ ничего не жалѣлъ для дружины, былъ ласковъ съ народомъ, красно говорилъ на вѣчахъ, нерѣдко созывалъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ горожанъ, отъ мала до велика. Изяславъ напоминалъ кіевлянамъ своего дѣда, Мономаха, и они любили его. Противоположность между сѣверомъ и югомъ Россіи выразилась наглядно при кончинѣ соперниковъ. Когда умеръ Изяславъ, плакала вся Русь и даже Черные Клобуки. Кіевляне называли его своимъ „добрымъ господиномъ“, славнымъ „царемъ“, а больше всего „отцомъ“. Черезъ три года (1157) умеръ на великокняжескомъ столѣ суровый Юрій, правленіе котораго было тяжело для народа. Кіевляне разграбили его терема и дворецъ за Днѣпромъ, прозванный „Раемъ“, и избили его суздальскую дружину; тѣло князя похоронили за городомъ.

Тѣмъ не менѣе значеніе Юрія Долгорукаго важно: онъ положилъ *основаніе сѣверной Руси*; при немъ она выступаетъ на историческое поприще. Въ началѣ нашей исторіи (§ 7) сѣверовостокъ Россіи (губ. Московская, Тверская, Владимірская, Ярославская, Костромская) былъ занятъ финскими племенами, въ особенности *мерею*. Но сюда постоянно стремилось славянское переселеніе, особенно со времени принятія христіанства Русью: уже въ 12 в. финны почти утратили свою народность, вмѣстѣ съ язычествомъ, и *ославянились*; это доказывается и лѣтописями, и раскопками могилъ въ томъ краѣ. Здѣсь первымъ средоточіемъ славянства былъ извѣстный уже до Рюрика (§ 6), наравнѣ съ Новгородомъ и Кіевомъ, маститый *Ростовъ*, къ которому еще въ 9-мъ вѣкѣ присоединился *Суздаль*. Затѣмъ Ярославъ построилъ *Ярославль* (§ 24), а Мономахъ — *Владиміръ* на Клязьмѣ. Суздальско-Ростовская область, причислявшаяся сначала къ Новгороду, потомъ къ Переяславлю (§ 38), отошла на любецкомъ съѣздѣ (§ 41) къ племени Мономаха. Юрій Долгорукій былъ здѣсь первымъ независимымъ удѣльнымъ княземъ. И никогда еще русская народность не пріобрѣтала такого значенія въ этомъ краю, какъ при немъ. Когда Юрій возвращался изъ походовъ на югъ, за нимъ тащились оттуда толпы переселенцевъ, которыхъ онъ приманивалъ и одарялъ землями; приходили къ нему и недовольные изъ другихъ мѣстъ, особенно изъ

Новгорода, этого прародителя коренного славянства въ томъ краю. Юрій построилъ нѣсколько новыхъ городовъ (Юрьевъ Польскій, Переяславль Залѣсскій, по преданію—даже Москву), увеличилъ число церквей и священниковъ, проложилъ дороги въ дремучихъ лѣсахъ, осушилъ болота. Это былъ хозяинъ и устроитель края, въ которомъ онъ провелъ почти всю свою жизнь. Впрочемъ, Юрій не можетъ считаться полнымъ представителемъ сѣверной Руси. Онъ не предвидѣлъ ея великой будущности и все еще называлъ одну южную Русь „землею русской". Онъ переносилъ на свой сѣверъ южныя названія (Переяславль, рр. Лыбедь и Трубежъ). Его тянуло на югъ; и онъ не успокоился, пока не сталъ кіевскимъ княземъ. Не Юрій, а сынъ его, *Андрей*, по прозванію *Боголюбскій*, былъ истиннымъ *представителемъ сѣверной Россіи*.

§ 47. **Андрей Боголюбскій. Подготовка самодержавія.** — Андрей родился въ Суздальско-Ростовской области и прожилъ тамъ безвыѣздно до 30 лѣтъ. Онъ не видалъ другихъ русскихъ князей. Ему чужды были споры разныхъ линій Рюрикова потомства изъ-за „лѣствичнаго восхожденія". Юрій I спокойно княжилъ въ старыхъ городахъ, Ростовѣ и Суздалѣ, а Андрей столь же мирно управлялъ своимъ удѣломъ, даннымъ ему отцомъ — молодымъ пригородомъ, *Владиміромъ на Клязьмѣ*. Никто изъ князей не заявлялъ притязаній на эту непривѣтливую страну, закинутую среди финновъ. Андрей признавалъ только силу: для него тотъ былъ старше всѣхъ, кто могущественнѣе всѣхъ. Онъ зналъ только *одного государя* да подданныхъ, въ число которыхъ должны входить и его ближайшіе родственники. Прелести юга не могли очаровать эту сѣверную, разсудочную натуру: для нея столицей былъ тотъ городъ, въ которомъ сосредоточена власть. Презирая родовое старшинство, Андрей стремился къ *наслѣдственному самодержавію* „милостію Божіей". Въ личности Андрея была, правда, отчаянная храбрость, необходимая для такого переворота, какой произвелъ онъ; но отвага затмевалась въ немъ хитростью и непреклонностью политика, за что его называли „вторымъ Соломономъ". Андрей отличался еще набожностью. Онъ содержалъ много монаховъ, сооружалъ храмы и монастыри, приходилъ въ церковь по ночамъ, зажигалъ свѣчи передъ иконами и предавался слезной молитвѣ, раздавалъ милостыню, помогалъ больнымъ. Андрей даже воевалъ съ нехристями, сосѣдними болгарами, при участіи духовенства, которое шло съ образами пе-

редъ ратью и пріобщало ее св. тайнъ. Страна соотвѣтствовала своему князю. Въ Суздальско-Ростовской области не было такихъ ограниченій княжеской власти, какъ на югѣ. 1) Здѣсь не было соперничества между многими князьями, и народъ привыкалъ повиноваться одному князю и его потомству. 2) При отсутствіи соперничества, а также набѣговъ степняковъ, на сѣверо-востокѣ князья мало нуждались въ дружинѣ: слѣдовательно, дружина или боярство не могло пріобрѣсти значенія и стѣснять власть князя. 3) На югѣ города привыкли управляться сами собой, посредствомъ своихъ вѣчъ, и держали себя гордо, даже сами избирали себѣ князей. На сѣверо-востокѣ былъ только одинъ маститый городъ, Ростовъ Великій, передъ которымъ даже старый Суздаль казался юнымъ; остальные же города были молодыми и слабыми, и они возникали не сами собой, а благодаря князьямъ. Новые города подчинялись старымъ, какъ ихъ „пригороды": у нихъ не было своего вѣча; ими даже управляли посадники или тіуны старыхъ городовъ. Они тянули къ князьямъ и помогали имъ укрощать строптивость старыхъ городовъ. Князья, въ свою очередь, благоволили къ новымъ городамъ: Юрій жилъ не въ Ростовѣ, а въ Суздалѣ; Андрей же поселился въ ничтожномъ Владимірѣ Клязменскомъ, который только-что началъ отстраиваться при немъ. 4) На югѣ не могло сосредоточиться въ однѣхъ рукахъ необходимое для власти богатство, особенно земельное: князьямъ, при ихъ перекочевкахъ, не было разсчета увеличивать и улучшать свои удѣлы, и они много тратились на дружину, на добываніе столовъ. На сѣверѣ же, гдѣ не было передвиженія со стола на столъ, князь старался передать своимъ дѣтямъ пріумноженное наслѣдство. Юрій неусыпно заботился о благосостояніи своей области, и Андрей былъ уже самымъ богатымъ изъ всѣхъ русскихъ князей. Это дало ему возможность раздавить Кіевъ, это гнѣздо старыхъ порядковъ.

§ 48. **Паденіе Кіева.**—Андрей до того невзлюбилъ Кіевъ, что не могъ ужиться даже подлѣ него, когда Юрій, овладѣвъ имъ, посадилъ его въ одномъ изъ ближайшихъ городовъ: онъ бѣжалъ на родину безъ позволенія отца. При этомъ онъ захватилъ съ собой чудотворную икону Божіей Матери, писанную, по преданію, евангелистомъ Лукой. Когда ее везли въ Суздаль, она остановилась на дорогѣ, близъ Владиміра. Андрей построилъ здѣсь церковь для нея и основалъ село *Боголюбово*, которое стало его любимымъ мѣстопребываніемъ. Затѣмъ онъ поселился во Владимірѣ, куда перенесъ и кіевскую икону, ко-

Владимірская Божія Матерь. XII. в.

торая стала одною изъ именитѣйшихъ нашихъ святынь, подъ названіемъ *Владимірской Божіей Матери* [1]). Здѣсь-то услыхалъ онъ о смерти своего отца и объ избіеніи суздальцевъ кіевлянами. Андрей еще больше возненавидѣлъ Кіевъ; но лишь 15 лѣтъ спустя удалось ему воспользоваться удѣльными усобицами на югѣ, составить союзъ изъ 11 князей и *взять Кіевъ* (1169), котораго до тѣхъ поръ никто не бралъ силою. Мщеніе суздальцевъ было примѣрное: три дня жгли они городъ и даже Печерскій монастырь; мужчинъ избивали, женщинъ и дѣтей брали въ плѣнъ; были похищены иконы, книги, даже колокола. Но важнѣе былъ политическій ударъ, нанесенный тогда матери городовъ русскихъ: Андрей даже не удостоилъ Кіева своего посѣщенія и остался на сѣверѣ, назначивъ кіевскимъ княземъ самаго младшаго изъ своихъ братьевъ. Такъ какъ Андрей былъ главнымъ княземъ не только по своему могуществу, но и по родовому праву, то онъ и сталъ великимъ княземъ, но *не кіевскимъ*, а *владимірскимъ* или *суздальско-ростовскимъ*. Такъ 1169 годъ ознаменованъ великимъ переворотомъ въ нашей исторіи: южная и сѣверная Русь обмѣнялись ролями; Владиміръ Клязменскій сталъ столицей „земли русской", въ смыслѣ всей Россіи, а Кіевъ превратился въ одинъ изъ удѣльныхъ городовъ.

Остальные южно-русскіе города Андрей роздалъ потомкамъ Мстислава Великаго, изъ которыхъ образовались князья смоленскіе, волынскіе и галицкіе. *Смоленскіе* князья выдавались своею даровитостью и энергіей, такъ что ихъ можно назвать распорядителями юга и послѣдними представителями старой Руси. Изъ нихъ особенно прославились два *Мстислава* — племянникъ Изяслава II и сынъ его, прозванные одинъ *Храбрымъ,* другой—*Удалымъ*. Но и эти замѣчательные дѣятели древней Руси находились въ зависимости отъ могущественныхъ князей суздальскихъ. А матерь русскихъ городовъ, забытый и опозоренный Кіевъ, съ каждымъ годомъ падалъ все болѣе и болѣе. Могущественные суздальскіе князья не заботились о немъ—и онъ сталъ игрушкой послѣднихъ удѣльныхъ усобицъ, безполезно

---

[1]) *Владимірская Божія Матерь* изображена на прилагаемомъ рисункѣ въ ея нынѣшнемъ видѣ. Она была доставлена изъ Царьграда въ Кіевъ около 1131 г. Андрей Боголюбскій перенесъ ее во Владиміръ въ 1155 г. и вскорѣ установилъ совершаемое понынѣ празднество, въ память приписанной ей побѣды надъ болгарами. Въ 1395 г. икона была перевезена въ Москву, въ Успенскій соборъ, гдѣ она находится и теперь. Письмо на ней поновлено въ 16 в. Въ настоящее время ликъ Божіей Матери прикрытъ слюдой, а одѣяніе—богатѣйшимъ окладомъ.

терзавшихъ южную Русь. До татаръ, въ теченіе 70 л. (1169—1240), въ немъ было до 20 князей, изгонявшихъ другъ друга и княжившихъ иногда лишь по нѣсколько мѣсяцевъ. При нашествіи татаръ, въ Кіевѣ сидѣлъ уже не князь, а намѣстникъ отдаленнаго потомка Мстислава Великаго, *Данила Романовича Галицкаго*. Быстрая смѣна князей окончательно погубила Кіевъ. Въ пылу борьбы, князья не думали о благосостояніи города и спѣшили дробить кіевское княжество между своими дѣтьми. Народъ не успѣвалъ привязаться къ нимъ, и они держались только союзами съ Черными Клобуками, въ особенности же съ суздальскими князьями: южно-русскіе князья все болѣе и болѣе становились подручниками сѣверной Руси. Вмѣстѣ съ паденіемъ Кіева падала и вся „Русь", какъ называли тогда попреимуществу кіевскую землю или юго-западную Россію. Она до того ослабѣла отъ усобицъ, что не могла справиться даже съ половцами, которыхъ подстрекала ея соперница, сѣверо-восточная Россія. Половцы грабили ее съ небывалой дерзостью. Эти бѣдствія такъ врѣзались въ памяти народа, что онъ оставилъ намъ ихъ поэтическое описаніе въ „Словѣ о полку Игоревомъ". Оно разсказываетъ о походѣ (1185) князя новгородъ-сѣверскаго, *Игоря Святославича*, внука знаменитаго Олега черниговскаго (§ 41).

§ 49. **Андрей I Боголюбскій и Мстиславъ Храбрый.**—Между тѣмъ на сѣверо-востокѣ Россіи разцвѣла новая историческая жизнь. Андрей I Боголюбскій жилъ уже грознымъ и могучимъ великимъ княземъ въ своемъ красивомъ дворцѣ въ Боголюбовѣ. Онъ не любилъ ничего стараго, мѣшавшаго его замыслу утвердить самодержавіе. Онъ прогналъ маститыхъ бояръ и даже собственныхъ братьевъ и племянниковъ: три его брата съ матерью очутились въ Царьградѣ. Вскорѣ бѣжалъ и старый епископъ ростовскій, преслѣдуемый великимъ княземъ, который замѣнилъ его своимъ приверженцемъ, *Ѳеодоромъ*. Андрею даже хотѣлось имѣть собственнаго митрополита во Владимірѣ, чтобы еще болѣе придать этому городу значеніе русской столицы; но патріархъ константинопольскій не дозволилъ Ѳеодору даже называться владимірскимъ епископомъ. Впрочемъ Ѳеодоръ жилъ во Владимірѣ, хотя и числился епископомъ ростовскимъ. Подобно своему покровителю, онъ самовольно и жестоко управлялъ своею епархіей и знать не хотѣлъ своего начальника, кіевскаго митрополита. Андрею хотѣлось, чтобы вездѣ на княжескихъ престолахъ сидѣли назначенные имъ и покорные ему князья. Осо-

бенно слѣдилъ онъ за важнѣйшимъ тогда городомъ, Новгородомъ. Тотчасъ послѣ разгромленія Кіева, тѣ же союзные князья двинулись туда. Но они были разбиты, благодаря храбрости одного Мстиславича, оборонявшаго Новгородъ, которому, по преданію, помогло заступничество иконы Божіей Матери [1]). Новгородцы взяли въ плѣнъ такъ много суздальцевъ, что продавали ихъ въ неволю по 20 коп. за человѣка. Вскорѣ подобная же неудача постигла Андрея и въ Кіевѣ. Сначала онъ распоряжался здѣсь, какъ властитель, назначалъ и изгонялъ князей по своей волѣ. Но южная Русь, наконецъ, возстала, въ лицѣ даровитыхъ смоленскихъ князей (§ 48). Вождемъ юга или, какъ говорилъ Андрей, „зачинщикомъ всего“ выступилъ *Мстиславъ Храбрый*, отважный и гордый князь, который „не боялся никого, кромѣ Бога“. Андрей требовалъ, чтобы онъ „ходилъ въ его волѣ“, а иначе „казалъ ему путь вонъ изъ русской земли“. Мстиславъ остригъ голову и бороду послу Андрея, принесшему такіе приказы, и воскликнулъ: „Скажи своему князю, что если онъ прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князьямъ, а какъ къ *подручникамъ и простымъ людямъ*, то пусть Богъ насъ разсудитъ“. Андрей даже „опалъ въ лицѣ“ отъ ярости. Онъ собралъ большое воинство (болѣе 20 князей) и приказалъ: „схватите Мстислава и приведите ко мнѣ“. Но Мстиславъ съ своею небольшою ратью разбилъ враговъ. Упорный Андрей замышлялъ новое нападеніе на югъ, но внезапная смерть прекратила его неугомонную дѣятельность. Онъ палъ жертвой заговора приближенныхъ, вызваннаго его суровымъ правленіемъ. Во главѣ заговора стояли его родственники по женѣ, *Кучковичи*, одного изъ которыхъ онъ казнилъ. Андрей былъ убитъ въ своемъ любимомъ дворцѣ [2]), въ Боголюбовѣ (1174). Убійцы начали гра-

---

[1]) Эта икона, подъ именемъ *Знаменской*, стала одною изъ первыхъ русскихъ святынь. Новгородцы установили въ честь ея праздникъ, который соблюдается до нашихъ дней. И теперь поется у насъ въ церкви тропарь, составленный при осадѣ Новгорода.

[2]) Изображенные на нашемъ рисункѣ остатки лицевой стороны (фасада) этого дворца—единственные слѣды древняго посада, въ нынѣшнемъ селѣ Боголюбовѣ, расположенномъ у Клязьмы, въ 10 верстахъ отъ Владиміра. Это—прилегающая къ церкви „моленная“ или „молельня“ и подлѣ нея „сѣни“. Вся постройка изъ бѣлаго камня, длиной въ 16 арш., шириной—въ 7.—*Молельня* украшена вверху поясомъ (фризомъ) изъ „сухариковъ“, съ колонками подъ ними, между которыми прорѣзаны окна, всѣ закладенныя теперь, кромѣ одного. Внизу сквозная арка, также забранная теперь кирпичемъ. Справа полуколонна во все зданіе, съ вѣточною головкой; она отдѣляетъ молельню отъ сѣней.—*Сѣни* также украшены поясомъ изъ

бить княжескій дворъ; къ нимъ присоединились горожане. Во всей волости народъ избивалъ княжескихъ слугъ и правителей и грабилъ ихъ добро. А трупъ Андрея „бросили въ огородъ

Дворецъ Андрея Боголюбскаго.

собакамъ“, какъ выражались его враги. Лишь на шестой день схоронили его сжалившіеся попы; тутъ только народъ опомнился и зарыдалъ.

сухариковъ, который дѣлитъ ихъ на двѣ части. Вверху собственно сѣни, съ тремя окнами и колонками между ними; надъ окнами полукруглый сводъ, также съ сухариками. Внизу рядъ такихъ же колонокъ, какъ въ молельной, соединенныхъ вверху дугообразными перемычками; между ними видно одно еще не задѣланное

§ 50. **Всеволодъ III Большое Гнѣздо.**—Новый порядокъ вещей продолжалъ утверждаться послѣ Андрея I; но сначала ему пришлось выдержать борьбу со стариной, тѣмъ болѣе, что у Андрея остался только малолѣтній сынъ. Представителями старины были древніе города, *Ростовъ и Суздаль*. Они ненавидѣли Владиміръ, недавно заселенный людьми „малыми" и „новыми"—ремесленниками, которыхъ привлекалъ Андрей общественными постройками. Ростовцы и суздальцы съ презрѣніемъ смотрѣли на свой „пригородъ" и говорили про его жителей: „это—наши холопы, каменьщики". Особенно негодовали бояре, или старая дружина, у которой владимірцы, съ своимъ княземъ, отняли прежнюю власть. Они возстановили племянниковъ Андрея противъ его братьевъ, которые, по родовымъ счетамъ, были прямыми наслѣдниками владимірскаго престола. Вскорѣ братья побѣдили племянниковъ; даже сами ростовцы начали выдавать зачинщиковъ смуты, своихъ бояръ. Окончательнымъ торжествомъ новаго начала было вступленіе на владимірскій престолъ послѣдняго изъ братьевъ Андрея, *Всеволода III:* владимірцы цѣловали крестъ ему „и его дѣтямъ", т.-е. на Руси впервые признавалось *престолонаслѣдіе* по прямой линіи. Всеволодъ былъ способнѣе своего брата утвердить самодержавіе: Андрея погубилъ горячій, крутой нравъ; Всеволодъ же отличался мягкостью и ровностью характера. Онъ спасалъ плѣнниковъ и преступниковъ отъ ярости собственныхъ подданныхъ, былъ сдержанъ и умѣренъ, не выказывалъ своей власти такъ сурово, какъ Андрей. Не было у него и такой пылкой храбрости, какъ у брата: онъ любилъ сражаться за окопами да рытвинами и нападалъ только при вѣрномъ успѣхѣ. Этотъ способъ войны вообще былъ свойственъ русскимъ на сѣверѣ: они отлично *оборонялись*, между тѣмъ какъ на югѣ умѣли и нападать. Подданные любили Всеволода и гордились

щелеобразное окно. Въ самомъ низу дверь, ведущая къ кирпичной лѣстницѣ въ 33 ступени, которая шла на сѣни, извиваясь вокругъ толстаго каменнаго столба съ впадинами (нишами). Въ нижней впадинѣ спрятался израненый въ своей спальнѣ Андрей Боголюбскій. Но заговорщики нашли его по кровавому слѣду и прикончили. Тѣло его лежало подъ сѣнями безъ прикрытія, пока одинъ изъ нихъ не выбросилъ для него ковра и корзна (§ 31) изъ окна сѣней.—Сторона, затушеванная на нашемъ рисункѣ, также раздѣлена поясомъ; но отъ него уцѣлѣли только головки колонокъ съ перемычками да двѣ подставки къ нимъ. По угламъ видны двѣ полуколонны во все зданіе. Вверху закладенная теперь дверь съ полукруглымъ сводомъ, которая вела въ княжескіе покои. На противоположной стѣнѣ сѣней былъ входъ въ молельню, который притворялся желѣзною дверью.

имъ, называли его „Великимъ"; а умная, осторожная политика доставляла ему вліяніе почти па всѣ русскія области. Всеволодъ искусно пользовался раздорами между князьями, даже ловко самъ ссорилъ ихъ. Онъ почти повелѣвалъ Рязанью, Смоленскомъ и Кіевомъ; его слушались упрямые Ольговичи черниговскіе; къ его покровительству прибѣгалъ даже отдаленный Галичъ. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ" сказано про него: „ты можешь расплескать Волгу веслами и выпить Донъ шлемами". Утвержденію самодержавія помогала и многочисленность семьи Всеволода, котораго прозвали *Большимъ Гнѣздомъ*: на сѣверѣ не могло быть недостатка въ князьяхъ; и всѣ правители суздальско-ростовской, а потомъ и московской земли принадлежали къ потомству „Большаго Гнѣзда". Наконецъ, важно и то, что Всеволодъ княжилъ долго, 37 лѣтъ, и умеръ спокойно (1212). Во все это время на сѣверѣ не было усобицъ: народъ мирно переходилъ отъ стараго быта къ новому. Только подконецъ зашевелилась смута. *Новгородъ*, сначала подчинявшійся вліянію Всеволода, подобно другимъ городамъ Руси, понялъ, что дѣло касается его независимости, и рѣшился отстаивать свою старину.

§ 51. **Господинъ Великій Новгородъ.**—Новгородъ былъ лучшимъ образцомъ древнихъ городовъ; а по паденіи Кіева онъ сталъ *представителемъ стараго порядка вещей*. Этотъ порядокъ состоялъ въ томъ, что интересы земщины считались общимъ дѣломъ для всѣхъ: отсюда названіе *община*, которое на Западѣ переводили словомъ „республика". Такъ было вездѣ на Руси до появленія государства и отчасти при первыхъ князьяхъ, призывавшихъ даже въ свою думу градскихъ старцевъ (§ 26). Но въ другихъ мѣстахъ, по мѣрѣ обособленія и усиленія князя съ его дружиной, падало значеніе первобытной торговой знати, „нарочитыхъ людей" (§ 11), а также и городскаго вѣча. Въ Новгородѣ же эти старыя силы сохранялись и даже развивались въ удѣльную пору. Здѣсь уже до Рюрика (§ 6) возникла обширная торговля, а также много промысловъ, которые приводили къ замѣчательному *переселенію* (колонизаціи). И долго потомъ новгородцы развивали самостоятельно эту дѣятельность. Повольники (§ 6) доставляли имъ не только богатые товары, большія земли, но и ту славу, которою пользовались повсюду „верхніе вои" (§ 22). Они наводили страхъ повсюду и какъ отчаянные разбойники: грабили купцовъ по Волгѣ до самыхъ ея устьевъ, выжигали поселенія, набирали плѣнныхъ, продавали даже христіанъ въ Азію черезъ посредство болгаръ.

Удаленные отъ усобицъ и отъ набѣговъ степняковъ, новгородцы не нуждались въ князьяхъ; а князья часто искали у нихъ защиты, то укрывались въ ихъ городѣ, то собирали тамъ земскіе полки и нанимали сосѣднихъ варяговъ. Князья не засиживались долго въ Новгородѣ: имъ не люба была такая самостоятельность населенія, да и увлекала ихъ борьба за Кіевъ. А вмѣстѣ съ ними перекочевывала и ихъ дружина: она не могла мѣшать развитію мѣстной торговой знати, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ волостныхъ городахъ, гдѣ бояре усаживались плотными гдѣздами, на правахъ полныхъ собственниковъ, служилыхъ вотчинниковъ, помогая своимъ князьямъ искоренять слѣды общинно-родового быта. Такъ, если и въ Новгородѣ развивалось частное землевладѣніе, то оно скоплялось въ рукахъ „нарочитыхъ“ туземцевъ или „лучшихъ людей“, которые все росли, укрѣпляясь связью съ общиной, отстаивая противъ князей, за одно съ народомъ, вольности „Господина Великаго Новгорода“. Оттого-то, если въ Новгородѣ, который первый пожелалъ подавить родовыя усобицы (§ 19), должна была возникнуть княжеская власть, то она не нарушала первобытнаго самоправленія. Здѣсь *князь* сохранялъ лишь первоначальное значеніе исполнителя воли общины, сановника. Это былъ только наемный стражъ, „воевода кормленый“. Новгородцы брали себѣ князей „по всей волѣ своей, по своимъ старинамъ“ и предлагали имъ „рядъ“, договоръ: льготная грамота Ярослава (§ 25) была лишь узаконеніемъ изначальныхъ порядковъ. Если князь не исполнялъ ряда, община говорила: „ты собѣ, а мы — собѣ“; и ему „указывали путь“. А онъ былъ такъ безсиленъ, такъ чуждъ новгородцамъ, что однажды шепнулъ обиженнымъ нѣмецкимъ купцамъ, которые пожаловались ему: „если вы—мужи, отплатите имъ хорошенько тою же монетой“. Если изгнанный князь грозилъ новгородцамъ насильно водворить у нихъ собственнаго преемника, то они говорили: „коли у твоего сына двѣ головы, то присылай его“. На „кормлю“ князя собирали особую подать, которая называлась „даромъ“. Хотя у князя „на сѣняхъ“ была своя „судебня“, но кругъ ея вѣдомства былъ узокъ; да и тутъ сидѣли выборные изъ новгородцевъ. Князя ограничивали даже въ охотѣ и сѣнокосахъ. Требовали, чтобы ихъ волостей онъ „не держалъ своими мужьями, а новгородскими“: онъ и его дружинники даже торговать могли только на имя какого-нибудь новгородца. Князь принужденъ былъ назначать въ сановники новгородскихъ „лучшихъ

людей", которые хотя и назывались „боярами", но земскими, а не княжими. А по смерти Мономаха уже и сановники становятся избранниками „сонмища людскаго" или вѣча. Но и эти избранники находились подъ строгимъ надзоромъ общины: въ случаѣ провинности, она грабила и распродавала ихъ добро и челядь, истязала ихъ самихъ и даже кидала въ Волховъ, „яко разбойниковъ". Выбирали изъ лучшихъ людей, и даже съ соблюденіемъ очереди по „отечеству", какъ бы примѣняясь къ лѣствичному восхожденію (§ 37). Эти бояре были „купцы богатые", какъ пѣлось въ пѣсняхъ. Они владѣли огромными землями, по нѣскольку сотъ верстъ въ окружности, а главное—имѣли большіе капиталы, которые отдавали за проценты: у нихъ всегда хранилось въ „ларяхъ" много долговыхъ „досокъ".

Въ рукахъ этой торговой знати находилось управленіе общиной. Во главѣ его стоялъ *посадникъ*, который получалъ жалованье и сохранялъ „степень" (должность), пока былъ любъ народу. Онъ былъ важнѣе князя, который не могъ распоряжаться безъ него. Онъ руководилъ совѣщаніями сановниковъ, собиралъ дани, снаряжалъ пословъ, имѣлъ свою печать; его имя писалось въ началѣ грамотъ, вмѣстѣ съ именами владыки и тысяцкаго. *Тысяцкій* стоялъ вслѣдъ за посадникомъ. Его должность была первоначально военная, также какъ и должности подчиненныхъ ему *сотскихъ*; а потомъ всѣ они стали и гражданскими служителями. Посадники и тысяцкіе сохраняли за собой званіе и не мало власти даже „слѣзая со степени"; только тогда они назывались „старыми" (отставными), въ отличіе отъ „степенныхъ" или должностныхъ. Къ высшему управленію принадлежали еще „кончанскіе старосты" или главы пяти *концовъ*, на которые распадался обширный Новгородъ [1]). Концы представляли собой какъ бы отдѣльные города: они назывались „господами великими концами", имѣли свои „кончанскіе сходы", управлялись собственными старостами. Столь же независимы были въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ улицы, слободы и посады, а также гостинные „ряды" или купеческія

---

[1]) Прилагаемый рисунокъ представляетъ древнѣйшій планъ Новгорода, который находится подъ главною святыней города (§ 49), въ Знаменскомъ соборѣ. Здѣсь видимъ обѣ „стороны" Новгорода—Торговую и Софійскую, раздѣленныя между собой Волховомъ и его рукавомъ. Нанесены и всѣ пять „концовъ" — Плотницкій, Славенскій, Неревскій, Загородный и Гончарный или Людинъ. Къ берегамъ Волхова примыкаютъ главныя сооруженія, образующія средоточіе города—Кремль съ соборомъ св. Софіи на Софійской сторонѣ и Ярославово дворище—на Торговой.

Торговая сторона

Славенскій конецъ

Плотницкій конецъ

Ярославово дворище

Р. Волховъ

Волховъ

Рукавъ Волхова

Неревскій конецъ

Св. Софія

Кремль

Гончарный или Людинъ конецъ

Загородный конецъ

Софійская сторона

Планъ Господина Великаго Новгорода.

гильдіи. Отсюда изобиліе выборныхъ властей и путаница между ними. Ктому же чѣмъ дальше, тѣмъ чаще, почти ежегодно, смѣняли сановниковъ, но отставные сохраняли вліяніе въ своихъ углахъ. Подлѣ свѣтскихъ сановниковъ, и почти наравнѣ съ посадникомъ, пользовался властью *владыка*, архіепископъ. Это былъ не ставленникъ кіевскаго митрополита, а избранникъ вѣча. Съ виду владыка былъ словно государь: такъ и называли его иноземцы У него былъ большой дворъ, свой судъ, свой полкъ, свои послы, своя печать. Онъ принималъ иностранныя посольства, и на грамотахъ его имя стояло впереди всѣхъ. Могущество владыки опиралось на религіозность новгородцевъ. Они не жалѣли казны на постройку церквей и монастырей; многіе изъ нихъ принимали схиму и шли проповѣдниками въ невѣдомыя дебри къ „поганымъ“ (язычникамъ) сѣверо-востока, впереди удалыхъ „молодцовъ“, повольничковъ. Отсюда вышли соловецкіе просвѣтители; нигдѣ не было столько житій святыхъ, чудесъ и знаменій. Владыка предсѣдалъ, въ отсутствіе князя, и въ *боярскомъ совѣтѣ*, который и собирался у него „въ палатѣ“. Совѣтъ состоялъ изъ князя или его намѣстника и сановниковъ—степенныхъ и старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ, сотскихъ и кончанскихъ старостъ,—всего отъ 8 до 60 лицъ. При немъ состояли „биричи“ или „позовники“—исполнители его приговоровъ, полицейскіе. Совѣтъ собирался по мѣрѣ надобности, по призыву владыки, князя или посадника, на дворѣ князя или у „владыки въ палатѣ“. Онъ обсуждалъ дѣла по докладамъ посадниковъ и тысяцкихъ, издавалъ „думы“ или указы, подготовлялъ черновки новыхъ „строкъ“ (законовъ) для вѣча, велъ дипломатическія сношенія, творилъ судъ. Въ самыхъ важныхъ и трудныхъ дѣлахъ совѣтъ долженъ былъ „поговорить съ Господиномъ Великимъ Новгородомъ“, т.-е. обратиться къ вѣчу. *Вѣче* нигдѣ не достигало такого развитія, какъ въ Новгородѣ. Здѣсь оно имѣло высшій надзоръ надъ всѣми: ему принадлежала верховная, законодательная власть, а также и послѣдній, смертный судъ и расправа. Вѣче собиралось „на Ярославлѣ дворѣ“. Его созывали князь или посадникъ, а иногда просто кто зазвонитъ въ вѣчевой колоколъ: говорилось—„сзвонить вѣче“. На вѣче собиралась вся община, со своими боярами, сановниками и съ „вѣчнымъ дьякомъ“ для записей; а духовенство являлось лишь при разборѣ церковныхъ дѣлъ. По общеславянскому обычаю, весь „міръ“ и избиралъ властителей, и вершилъ дѣла единогласно; а кто противился общему приговору, того

нерѣдко топили въ Волховѣ, добро же его грабили. Но заправилами здѣсь, какъ и на кончанскихъ сходахъ, были „старые“ сановники, „лучшіе люди“: они держали въ своихъ рукахъ толпу силой своей опытности, соумышленія, а главное— своихъ неисчислимыхъ „досокъ“ на бѣдноту.

Новгородъ особенно процвѣталъ въ 12-мъ и началѣ 13 вѣка, т.-е. въ разгаръ удѣльныхъ усобицъ въ остальной Руси. Ему подчинялось много пригородовъ, и такихъ, какъ богатый *Торжокъ* и могучій *Псковъ*, который, даже ставши независимымъ въ 14 в., устроился совершенно по образцу своего старшаго брата. А „земля св. Софіи“, какъ называлась новгородская область, обнимала всю сѣверную Россію до Волги и Камы. Ближайшія земли раздѣлялись на 5 *пятинъ*: онѣ занимали огромное пространство отъ Пейпуса (Чудское оз.) и р. Великой до Мологи, отъ истоковъ Волги до Бѣлаго м. Дальнѣйшія, также пять, данническія земли или „волости“ углублялись безъ конца на сѣверо-востокъ: къ нимъ причислялась даже за-уральская Югра. Новгородъ былъ высоко чтимъ по всей Руси: кіевскіе князья женились на его боярыняхъ и боярышняхъ. Его знали тогда и на Западѣ: по своему богатству и торговлѣ, онъ соперничалъ съ первыми городами Европы. Но уже въ началѣ 13 вѣка силу Новгорода стали подрывать внутренніе раздоры. Чѣмъ больше богатѣли и властвовали бояре или лучшіе люди, которыхъ всего было съ полсотни семей, тѣмъ сильнѣе чувства зависти и справедливости овладѣвали людьми меньшими, *черными* (отсюда „чернь“) или „простою чадью“, состоявшею изъ рабочихъ и ремесленниковъ. Чадь голодала и плодилась до того, что уже только часть ея отливала въ невольничество: остальные тѣснились дома и начинали подымать смуты. Часто вѣче кончалось кровопролитіемъ; нето составлялось два вѣча, и между ними происходила свалка на мосту. Оттого тогда князья правили Новгородомъ среднимъ числомъ не больше, какъ по три года, а посадники и того меньше. Эти волненія были тѣмъ опаснѣе, что Новгородъ никогда не могъ выставить крупныхъ, геніальныхъ личностей. Ими-то и рѣшились воспользоваться суздальцы, которые не могли терпѣть подлѣ себя такое гнѣздо старины, помогавшее ростовцамъ во время волненій въ Суздальской землѣ, по смерти Андрея I. Всеволодъ, въ концѣ своего княженія, задумалъ сокрушить новгородцевъ; но къ нимъ на помощь приспѣли два знаменитыхъ Мстислава.

§ 52. **Мстиславъ Храбрый и Мстиславъ Удалой.**—Мстиславъ Храбрый и сынъ его, Мстиславъ Удалой—послѣдніе и лучшіе представители южной Руси и стараго порядка вещей. *Мстиславъ Храбрый* былъ призванъ новгородцами, вскорѣ послѣ того, какъ разбилъ рать Андрея близъ Кіева (§ 49). Онъ принесъ имъ много пользы, отстаивая ихъ независимость. Новгородцы причитали надъ его трупомъ: „зашло наше солнце, и остались мы беззащитными". Они похоронили его въ той гробницѣ, гдѣ покоился прахъ перваго изъ умершихъ у нихъ князей, построившаго Св. Софію: эта гробница стала предметомъ народнаго поклоненія. Лѣтописецъ говоритъ о Храбромъ: „онъ всегда стремился къ великимъ дѣламъ; и не было земли на Руси, которая не любила бы его и не желала бы назвать его своимъ княземъ". *Мстиславъ Удалой* прославился больше своего отца. Отвага была его отличительной чертой: война была его жизнью; съ нимъ маленькій отрядъ бросался на цѣлое войско. Но Удалой воевалъ только въ крайнемъ случаѣ, снарядивъ предварительно нѣсколько посольствъ къ врагу съ мирными предложеніями. Честной крестъ, защита земли русской да „правда", подъ которой онъ разумѣлъ старый порядокъ,—вотъ что было его „стягомъ". А такъ какъ тогда, въ переходную эпоху, старинѣ повсюду наносились удары, то его боевая пылкость постоянно находила пищу. Удалой выступаетъ въ исторіи уже не молодымъ. Долго безвѣстно сидѣлъ онъ въ своемъ удѣлѣ, *Торопцѣ*, гдѣ женился на дочери выкрещеннаго половецкаго хана, Котяна, и уже успѣлъ выдать дочь свою замужъ за сына Всеволода III. Между тѣмъ Всеволодъ пресѣкъ волжскій путь новгородцамъ и не пропускалъ къ нимъ хлѣба. Въ ихъ безплодной землѣ произошелъ страшный голодъ. А тѣмъ временемъ Всеволодъ сѣялъ раздоры между новгородцами. „Лучшіе" желали поправить свою торговлю дружбой съ Суздалемъ; разбогатѣвшій пригородъ, *Торжокъ*, враждовалъ съ своимъ матерымъ городомъ, и суздальцы хотѣли поставить его на мѣсто Новгорода. Но тутъ явился Удалой, никѣмъ не призванный. Онъ взялъ Торжокъ и послалъ сказать новгородцамъ: „Пришелъ я къ вамъ, услыхавши, что вы терпите насилія отъ суздальцевъ: жаль мнѣ стало своей отчины. Не быть Торжку Новгородомъ, а Новгороду Торжкомъ!" Новгородцы отвѣчали: „Иди, князь, на столъ!" Затѣмъ Удалой выступилъ противъ Всеволода; но тотъ согласился на всѣ его условія. Тогда онъ повоевалъ Чудь, и все, награбленное въ ней, отдалъ новгородцамъ да дружинѣ. Тутъ узналъ Удалой, что неугомонные Ольговичи

выгнали изъ Кіева его родственниковъ, Мономаховичей. Онъ просилъ помощи у новгородцевъ. „Куда ты, князь, взглянешь очами, туда мы обратимся своими головами“, отвѣчали они. Не успѣлъ Мстиславъ возстановить правду на югѣ, какъ съ запада пришла вѣсть о гибели земли русской: венгры захватили Галичъ, а поляки напали на волынскаго князя, Данила Романовича. Удалой прогналъ чужеземцевъ и, посадивъ Данила на Волыни и въ Галичѣ, выдалъ замужъ за него свою дочь. Еще не успѣвши окончить этого дѣла, онъ снова помчался въ Новгородъ.

§ 53. **Мстиславъ Удалой, Юрій II и татары.**—Тогда на сѣверѣ произошли важныя событія. Умеръ Всеволодъ III (§ 49), и въ Суздальской землѣ поднялась такая же смута, какъ по смерти Андрея. Теперь борьба шла между братьями. Всеволодъ завѣщалъ владимірскій столъ не старшему сыну, *Константину*, а младшему, *Юрію II*. Константинъ возсталъ на брата, въ союзѣ съ новгородцами, которыхъ Юрій притѣснялъ, подобно своему отцу. Мстиславъ снова внезапно явился въ Новгородъ и сказалъ: „Либо возвращу мужей новгородскихъ и новгородскія волости, либо голову свою повалю за Великій Новгородъ. И во многомъ Богъ, и въ маломъ Богъ и правда!“ Быстро двинулся онъ на Владиміръ и по дорогѣ соединился съ Константиномъ. У р. *Липицы* онъ увидѣлъ рать суздальскую. Юрій, у котораго было гораздо больше войска, уже праздновалъ побѣду шумнымъ пиромъ, приговаривая: „мы ихъ сѣдлами закидаемъ“. Но онъ былъ разбитъ на-голову. Честь побѣды принадлежала Удалому: онъ три раза пробивался сквозь ряды непріятельскіе, кругомъ нанося удары своимъ топоромъ, который былъ привязанъ у него къ рукѣ веревкой. Послѣ липецкой битвы, Мстиславъ опять появился въ Галичѣ, снова занятомъ венграми и поляками. Онъ вторично освободилъ его и не только милостиво поступилъ съ плѣнными, но даже простилъ бояръ, бывшихъ въ заговорѣ съ чужеземцами. Галичане называли Удалого „своимъ свѣтикомъ, сильнымъ соколомъ“ и выбрали его своимъ княземъ. Всѣ радовались и пировали, какъ вдругъ прискакалъ Котянъ. Онъ извѣстилъ о нашествіи съ восхода солнца невѣдомаго врага: то были *татары*. „Сегодня они отняли нашу землю, завтра возьмутъ вашу“, сказалъ Котянъ и звалъ русскихъ на помощь. Мстиславъ наскоро устроилъ княжескій съѣздъ. Собралось много князей, но Юрія II не было. Рѣшили не допускать татаръ въ предѣлы Руси и двинулись въ половецкія степи. Удалымъ овладѣлъ горячечный пылъ. Онъ избилъ татарскихъ пословъ и спѣшилъ впе-

редъ всего съ 10.000, не поджидая остальныхъ князей. У р. *Калки* (Калміусъ) его маленькій отрядъ попалъ въ засаду (1224). Мстиславъ былъ разбитъ и бѣжалъ впервые въ своей жизни. Ему удалось ускакать въ Галичъ. Съ тѣхъ поръ счастье и слава покинули его. Онъ поддался внушеніямъ коварныхъ и мятежныхъ бояръ галицкихъ, которые поссорили его съ Даниломъ Романовичемъ и свели съ королемъ венгерскимъ, Андреемъ. Мстиславъ отдалъ свою дочь замужъ за Андрея, а въ приданое пошло Галицкое княжество. Вскорѣ онъ понялъ интриги бояръ, раскаялся и сказалъ Данилѣ: „Сынъ мой! согрѣшилъ я, не далъ тебѣ Галича". Затѣмъ ослабѣвшій духомъ и тѣломъ Удалой поѣхалъ въ Кіевъ, но на дорогѣ умеръ. Передъ смертью онъ успѣлъ постричься въ монахи.

§ 54. **Мелкія княжества.** — Кромѣ Новгорода и княжествъ Кіевскаго и Суздальскаго, въ періодъ борьбы за удѣлы было много другихъ областей или мелкихъ княжествъ (§ 38). Почти каждое изъ нихъ вовлекалось въ общія усобицы и мимолетно украшало себя титуломъ великокняжескимъ; но въ сущности ни одно изъ нихъ не играло исторической роли. Изъ нихъ княжество *Туровское* постоянно принадлежало потомству Изяслава I, но не имѣло никакого значенія. Княжество *Переяславское* было тѣсно соединено съ кіевскимъ и раздѣляло его судьбу. *Смоленское* княжество подчинялось потомкамъ Мстислава Великаго, Ростиславичамъ. Оно тянуло къ Кіеву, вмѣшивалось въ его дѣла и защищало его. Старый порядокъ вещей сохранялся здѣсь строго: въ Смоленскѣ было сильное вѣче, которое нерѣдко горячо спорило съ своими князьями. Но въ то же время кипѣли усобицы, раздробившія его землю на много ничтожныхъ удѣловъ. Все это такъ ослабило Смоленскъ, что уже съ начала 14 вѣка онъ сталъ подчиняться окрѣпшей Литвѣ, помогая ей своею ратью въ борьбѣ противъ Москвы и ливонскихъ нѣмцевъ. Тѣми же самыми чертами отличается судьба *Черниговo-Сѣверской* области, этого древняго гнѣзда сѣверянъ (§ 6). И здѣсь глубоко укоренился старый вѣчевой порядокъ; но онъ лишь разжигалъ удѣльныя усобицы. Онѣ были здѣсь безконечны: извѣстные Ольговичи весьма правильно подвигались по „лѣствичному восхожденію"; оттого они упорно стремились въ Кіевъ, на который имѣли право по родовымъ счетамъ. При нашествіи татаръ, на черниговскомъ престолѣ сидѣлъ правнукъ Олега, *Мстиславъ Удалой*. Онъ палъ въ битвѣ при Калкѣ и оставилъ престолъ сыну своему, *Михаилу*. Вслѣдствіе удѣльныхъ усобицъ, княжество *Сѣверское*

отдѣлилось отъ Черниговскаго тотчасъ по смерти Святослава Ярославича: тогда извѣстный Олегъ (§ 41) сѣлъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ, который уже не выходилъ изъ его потомства. Впрочемъ, Сѣверское княжество постоянно было въ тѣсныхъ связяхъ съ Черниговскимъ, и нерѣдко князья передвигались изъ одного въ другое. Борьба съ татарами окончательно подорвала старые города: на мѣсто Чернигова и Новгорода Сѣверскаго выдвинулся ничтожный *Брянскъ*, окруженный лѣсною трущобой. Но смута все возростала—и ею воспользовалась окрѣпшая Литва.

За 100 л. до битвы при Калкѣ, тотчасъ по смерти Владиміра Мономаха, братъ Олега, *Ярославъ Святославичъ*, поссорился съ своими родственниками и ушелъ въ Муромъ, гдѣ не было отдѣльнаго князя со времени Глѣба (§ 23). Онъ основалъ тамъ самостоятельное владѣніе, которое послѣ его смерти распалось на два княжества—*Муромское* и *Рязанское*. Потомки Ярослава Святославича удержали за собой эти земли до нашествія татаръ; но они находились въ такихъ близкихъ связяхъ съ могущественными суздальскими князьями, что ихъ можно было назвать подручниками сѣверной Руси. Къ концу періода, на далекомъ сѣверѣ, на полпути между Суздалемъ и Новгородомъ, зародилось еще одно княжество, которому суждено было играть видную роль въ исторіи, хотя и недолго. Тамъ, на землѣ финской веси (§ 7), среди дремучихъ лѣсовъ и непролазныхъ болотъ, новгородскіе молодцы издавна вели торгъ и рубили поселки. Къ нимъ присоединились суздальцы: русское переселеніе усилилось при Юріи Долгорукомъ, который строилъ тамъ городки. Около 1200 г. выдвигается *Тверь*, какъ пограничный городъ между владѣніями Суздаля и Новгорода. Она быстро развивалась, благодаря бойкой торговлѣ съ финнами, литовцами и татарами: около 1250 г. она захватила вліяніе на верхнемъ Поволожьѣ и стала княжествомъ при внукѣ Всеволода III, *Ярославѣ*. Сынъ Ярослава, Михаилъ, уже вступилъ въ борьбу съ Москвой и Новгородомъ за великокняжескій титулъ, которая вскорѣ превратилась въ борьбу за независимость. Тогда же начался союзъ Твери съ Литвой противъ общаго грознаго врага: Михаилъ женилъ своего сына на дочери Гедимина.

О *Полоцкомъ* княжествѣ мало извѣстно, за отсутствіемъ мѣстныхъ лѣтописей. На немъ словно лежало проклятіе. Русскіе и послѣ чародѣя Всеслава (§ 25) долго считали его какимъ-то дьявольскимъ гнѣздомъ. Толковали, будто тамъ мертвецы ѣздятъ

по городу на коняхъ, такъ что ихъ-то не видно, только копыта сверкаютъ, и кого ударятъ эти копыта, тотъ умираетъ. До чего доходила ненависть русскихъ къ Полоцку, видно изъ поступка Мстислава Великаго съ потомствомъ Всеслава (§ 43). Правда, Всеславичи возвратились, но начали рѣзаться между собой. Существуетъ преданіе, будто нѣкоторые изъ нихъ, спасаясь отъ преслѣдованій Мстислава, удалились въ литовскіе лѣса—и отъ нихъ произошли литовскіе князья. Вѣрно одно: какъ только образовалось великое княжество Литовское, Полоцкъ подчинился ему. *Волынская* область сначала управлялась различными князьями Рюрикова рода, согласно съ „лѣствичнымъ восхожденіемъ". Но съ Мономаха она утвердилась за его потомствомъ. Здѣсь княжилъ Изяславъ II: Волынь-то и дала ему перевѣсъ въ борьбѣ съ Юріемъ Долгорукимъ за кіевскій столъ (§ 45). Внукъ Изяслава, *Романъ*, владѣлъ въ одно время и Волынью, и Галичемъ.

§ 55. **Галицкое княжество или Червонная Русь.**—*Галицкое* княжество или Галичина (отсюда—Галиція), какъ называлась тогди Червонная Русь (§§ 21, 23, 24), — одно изъ самыхъ своеобразныхъ и важныхъ явленій въ нашей исторіи. Оно, подобно Полоцку, было отдѣльною землей, связанною съ Русью только князьями (§ 38). Но здѣсь Рюриковичи подчинялись другимъ условіямъ, чѣмъ на Руси. Галичина, подобно Волыни, сохранила болѣе чистую кровь въ своемъ населеніи, подходившемъ къ западнымъ славянамъ. Это была плодородная земля, которая рано разбогатѣла, сбывая свои произведенія въ Олешье и поднимая чужіе товары по Днѣстру, берега котораго были усѣяны городами. На ней рано развился городской бытъ: Галичъ славился своимъ сильнымъ вѣчемъ, которое судило князей не только за ихъ правленіе, но и за частную жизнь. Но, чего не было нигдѣ на Руси, на этой же благодатной землѣ вскормился разрядъ крупныхъ вотчинниковъ, которые были также и богатыми купцами. Подъ вліяніемъ польскаго панства и венгерскаго магнатства, онъ превратился въ могущественное *боярство*, которое заправляло даже вѣчемъ, не говоря уже про князей. Свирѣпые и коварные бояре въ Галичѣ играли присягой, судили и изгоняли князей; однажды разомъ повѣсили троихъ. Разъ одинъ бояринъ даже „вокняжился", только ненадолго. Но сребролюбіе и сварливость подрывали ихъ могущество. Однихъ изъ нихъ подкупали поляки, другихъ венгры. Всѣ они вѣчно ссорились и даже дрались между собой, высасывая при этомъ

соки народа. Оттого „простая чадь“ тянула къ князю, какъ къ „Богомъ данному держателю“.

Галицкая область отдѣлилась отъ Руси, какъ самостоятельное княжество, когда ею овладѣли правнуки Ярослава I, *Василько* и *Володарь* (§ 38). Сынъ Володаря, *Владимірко*, изгнавъ своего племянника, Ивана Берладника (§ 45), сталъ единодержавнымъ въ Галичинѣ. Его можно считать основателемъ Галицкаго княжества, такъ какъ онъ сдѣлалъ *Галичъ* своимъ стольнымъ городомъ. Владимірке трудно было утвердить свое княжество, окруженное сильными сосѣдями — венграми, поляками и кіевскою Русью; но это былъ ловкій дипломатъ, „многоглаголивый лицемѣръ“. Когда было нужно, онъ притворялся умирающимъ и кроткимъ, а по минованіи бѣды становился дѣятельнымъ и свирѣпымъ, смѣялся надъ крестнымъ цѣлованіемъ и называлъ глупцами довѣрчивыхъ. Ему наслѣдовалъ сынъ, *Ярославъ Осмомыслъ*, также ловкій и сильный князь, женатый на дочери Юрія Долгорукаго; въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ восторженно описывается его внѣшнее могущество. Но внутри страны распоряжались бояре. Они нанесли много жестокихъ обидъ Осмомыслу: сожигали живьемъ близкихъ ему людей, изгнали его сына и призвали *Романа* волынскаго. Романъ напоминалъ Удалого: его назвали „Великимъ“. Лѣтописецъ говоритъ о немъ: „онъ бросался на враговъ, какъ левъ; пролеталъ по ихъ землѣ, какъ орелъ; гнѣвенъ былъ, какъ рысь; губителенъ, какъ крокодилъ; храбръ же, какъ туръ“. Романъ часто билъ половцевъ, ятвяговъ и литовцевъ: послѣднихъ запрягалъ въ плуги, заставлялъ пахать и расчищать лѣса. Тогда сложилась поговорка: „Романе, лихомъ живеши, литвою ореши“. „Не передавивши пчелъ, не съѣшь меду“, сказалъ Романъ, прибывъ въ Галичъ, и бросился на бояръ, призвавшихъ его: заманивъ ихъ знаками дружелюбія, онъ началъ жечь ихъ, четвертовать, зарывать живыми въ землю, сдирать съ нихъ кожу. Сила Романа чувствовалась далеко: онъ наврeмя подавилъ междоусобія въ южной Руси и распоряжался кіевскимъ престоломъ. Романъ погибъ въ битвѣ съ поляками. Его молодая вдова, съ двумя малютками, изъ которыхъ старшему, Данилѣ, было 4 года, испытала жизнь, полную приключеній. Ночью, черезъ проломъ въ стѣнѣ, она бѣжала отъ мятежныхъ бояръ и скиталась то въ Польшѣ, то въ Венгріи. Лишь 25 лѣтъ спустя, *Данилѣ* удалось утвердиться на галицкомъ престолѣ. Уже тогда онъ прославился геройствомъ: онъ храбро дрался при Калкѣ, не замѣчая опасной раны

въ груди. Данило оказался однимъ изъ знаменитѣйшихъ князей древней Руси: его слава прошла отъ Суздаля до Рима.

§ 56. **Нѣмцы.**—Передъ нашествіемъ татаръ у русскихъ возникли новые враги—*нѣмцы.* Наши предки еще до Рюрика находились въ сношеніяхъ съ чудскими *эстами* и литовскими *ливами,* жившими по берегамъ Балтики, отъ Финскаго залива до Нѣмана (§§ 7, 8). Ярославъ I построилъ здѣсь Юрьевъ (§ 24), переименованный нѣмцами въ *Дерптъ.* Послѣ него наши князья дѣлали походы въ эту страну изъ Новгорода и Полоцка. Нѣкоторыя изъ жившихъ тамъ языческихъ племенъ подчинились имъ и платили дань. Но они сохраняли свое язычество: наши князья отличались вѣротерпимостью, а проповѣдники обходили этотъ край, устремляясь на сѣверо-востокъ. Туземцы, жившіе у самыхъ береговъ моря и Западной Двины, начинали уже богатѣть: они торговали далеко, даже съ поселеніемъ *Висби* на о. Готландѣ. Вдругъ буря занесла нѣмецкихъ купцовъ изъ Бремена въ устье Двины (1150). Вскорѣ за ними прибылъ сюда священникъ *Мейнгардъ* для крещенія язычниковъ; онъ построилъ церковь и крѣпкій замокъ и былъ назначенъ епископомъ. Одинъ изъ первыхъ его преемниковъ, упорный *Альбертъ,* утвердилъ здѣсь нѣмецкое господство. Онъ основалъ братство духовныхъ рыцарей—полумонаховъ, полувоиновъ и назвалъ его *Орденомъ меченосцевъ* или *ливонскихъ рыцарей.* Рыцари носили бѣлый плащъ и вышивали на немъ красный мечъ съ крестомъ. Папа далъ имъ право владѣть землями новообращенныхъ. Начальникъ ихъ назывался „магистромъ". Столицей рыцарей стала *Рига,* построенная Альбертомъ (1200). Рыцари начали распространять христіанство огнемъ и мечемъ. Язычники крестились, но тайкомъ лазили въ Двину, чтобы „смыть съ себя крещеніе и отправить его въ Германію". Несчастные просили помощи у полоцкихъ князей, да послѣдніе должны были бы защищать и себя: ихъ волости въ Ливоніи были захвачены меченосцами. Но полочане, а также и новгородцы, занятые тогда борьбой съ Суздалемъ, не обращали вниманія на западъ. Нѣмцы безпрепятственно распространяли свои владѣнія. Впрочемъ, ливонскіе рыцари все-таки были слабы, потому что не умѣли привязать къ себѣ туземцевъ: они мучили и угнетали ихъ, даже мѣняли на собакъ; по смерти крестьянина, отбирали его имущество и почти ничего не оставляли его вдовѣ и сиротамъ. Оттого туземцы были заклятыми врагами рыцарей и нападали на нихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Ктому же они упорно сохраняли свои

языческія суевѣрія и говорили жестокимъ проповѣдникамъ: „убѣждайте насъ словами, а не палками". Сверхъ того, у нѣмцевъ были раздоры. Епископъ и магистръ враждовали между собой: каждому хотѣлось властвовать одному. У епископа были свои земли и рыцари, у магистра—свои. По этимъ причинамъ ливонскіе нѣмцы вскорѣ до того ослабѣли, что не могли существовать безъ посторонней помощи. Эта помощь пришла съ запада: тогда въ Мазовіи появились рыцари Тевтонскаго ордена (§ 33), съ которыми и соединились меченосцы (1237). Такъ, нѣмцы прочно засѣли по всей Балтикѣ, почти отъ Невы до Вислы. Соединившись, они стали еще больше тѣснить туземцевъ, въ особенности пруссовъ. Несчастные бѣжали въ литовскіе лѣса—и это движеніе выдвинуло на историческое поприще *Литву*, которая жила до тѣхъ поръ въ дикости и неизвѣстности. При появленіи татаръ, въ Литвѣ образуется сильное княжество, т. е. новый и жестокій врагъ древней Руси.

§ 57. **Земля и населеніе.**—Два вѣка удѣльныхъ усобицъ были неблагопріятны для увеличенія русской земли и ея населенія. Въ теченіе 1055—1228 годовъ было 80 л. съ усобицами и 93 г. мирныхъ, т.-е. войны свирѣпствовали почти черезъ годъ; и онѣ продолжались иногда лѣтъ по 15 и болѣе кряду. А чего стоили набѣги половцовъ: ихъ только самыхъ важныхъ насчитывалось до 40! Однажды половцы сразу увели изъ Россіи болѣе 10.000 плѣнныхъ, не говоря уже объ убитыхъ. А на сѣверо-западѣ Русь безпокоили безпрерывные набѣги литвы и чуди. Сверхъ того, ее часто посѣщали пожары отъ небрежности и отъ вражескихъ поджоговъ, а также голодъ и моръ—отъ неумѣнья обрабатывать землю и отъ невѣжества. Отъ голода больше всѣхъ страдалъ Новгородъ, особенно во время борьбы съ Суздалемъ (§ 51): тамъ, въ концѣ періода, „простая чадь" ѣла конину, псину, мертвичину; иногда рѣзали живыхъ людей и пожирали; отцы продавали дѣтей въ рабство изъ-за куска хлѣба. Немудрено, что *границы* Руси мало расширились. Начиналось только естественное движеніе русскихъ внизъ по Волгѣ, да еще мы пріобрѣли тогда нѣсколько пустынныхъ земель на сѣверо-востокѣ, у слабыхъ финновъ: Суздальско-Ростовская область раздвинулась до Устюга. Но зато мы потеряли Тмутаракань на югѣ, а поселеніе нѣмцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ угрожало намъ большою опасностью съ запада. При всемъ томъ Русь была слишкомъ велика для своего народа. Населеніе попрежнему (§ 26) было разбросано рѣдкими гнѣздами по обширной равнинѣ. Даже

города были пустынны. Хотя ихъ насчитывалась уже до 300, но, за исключеніемъ такихъ „старыхъ“, какъ Кіевъ, Новгородъ, Смоленскъ, Полоцкъ, все это были ничтожные „пригороды“, или „молодые“ города, мало отличавшіеся отъ селъ: многіе изъ нихъ даже представляли видъ первобытныхъ градовъ (§ 4). Князья все жаловались на малолюдство своихъ волостей и старались переселять къ себѣ плѣнныхъ, особенно Черныхъ Клобуковъ (§ 39), цѣлыми толпами. Оттого русскіе представляли пеструю картину. Славянство еще съ трудомъ всасывало въ себя кровь различныхъ племенъ. По большимъ торговымъ городамъ кишѣли евреи, армяне, влахи, мадьяры, греки, венеціанцы и нѣмцы, хозары, половцы, турки, берендѣи, болгары; на югѣ степняки осаживались до Чернигова; на сѣверо-востокѣ финны массами входили въ составъ нашего народа.

§ 58. **Князь.** — При такой неопредѣленности самаго состава населенія, при безпрерывныхъ усобицахъ, при борьбѣ съ пережитками общинно-родоваго быта, государство не могло представлять стройный видъ. Государственнаго „наряда“ въ строгомъ смыслѣ еще не было. Не установился даже *титулъ* государя. Въ разговорѣ князя величали „господиномъ, самовластцемъ“, даже „царемъ“; но въ бумагахъ титулъ „великій“ рѣдко употреблялся на югѣ: онъ утвердился лишь съ Всеволода III на сѣверѣ. „Великій князь *всея Руси*“ въ первый разъ встрѣчается при именахъ Мономаха и Юрія I. Не ясно было и право *наслѣдованія областей*. Многіе не признавали „лѣствичнаго восхожденія“. Иногда столы завѣщались; иногда вѣче призывало къ себѣ не того, кому слѣдовало княжить по родовому обычаю. Отсюда бѣдствія удѣльныхъ усобицъ (§ 37) и бродячая жизнь князя съ дружиной, кочевавшихъ съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за лучшими столами и „кормами“. При тяжеломъ переходѣ отъ стараго быта къ новому оставалось одно средство—*рядъ* (§ 37), скрѣпленный крестоцѣлованіемъ. Сначала князья старались порядиться между собой на „съѣздахъ“: но съѣзды были необязательнымъ совѣтомъ и происходили лишь въ крайнихъ случаяхъ. Вообще же каждый князь былъ независимъ въ своей волости. Онъ считалъ себя обязаннымъ слѣдовать за великимъ княземъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ общей опасности, которые самъ же опредѣлялъ. Иногда же, напротивъ, удѣльный князь самъ призывалъ половцовъ или поляковъ противъ великаго. Затѣмъ договоръ сталъ душой всего государства: вѣча „брали рядъ“ съ князя, а князь—и съ вѣча, и

съ своихъ родичей, и съ своей дружины. Но и договоры мало помогали. Князь попрежнему былъ не столько государь, сколько наемный стражъ земли и нарядникъ для внутренней тишины. Онъ не дорожилъ своимъ удѣломъ и глядѣлъ вонъ. Добывъ новый столъ, онъ спѣшилъ „посадить“ по городамъ и волостямъ своихъ дружинниковъ, которые также смотрѣли на свои мѣста, какъ на временный „покормъ“. Онъ съ легкимъ сердцемъ нарушалъ договоръ, какъ только это казалось ему выгодно: онъ не понималъ, что бродяжничество, не дававшее ему пустить корней нигдѣ, подрывало его власть (§ 37). Съ другой стороны, съ усиленіемъ вѣча отъ усобицъ граждане не въ одномъ Новгородѣ привыкали сами рядиться съ князьями и мѣнять ихъ по своему желанію. Но вѣча вездѣ перекоряются только съ личностью даннаго князя, судя его поступки въ смыслѣ ряда: нигдѣ они не возстаютъ противъ самой княжеской власти; были князья безъ земель, но не было земли безъ князя (или его намѣстника). Народъ считаетъ „княжье“ необходимостью, стараясь лишь воспитать его на пользу общины: безъ него онъ вяло дерется на войнѣ и плохо, сварливо правитъ свои внутреннія дѣла. Мало того. Безъ всякихъ грамотъ, само собою установилось исключительное *право на престолъ* въ потомствѣ Рюрика: нигдѣ и никто не думаетъ о княжьѣ изъ другого рода.

Оттого къ концу періода, и особенно въ сѣверо-восточной Руси, государственный нарядъ начинаетъ принимать болѣе стройный, опредѣленный видъ. Дворъ князя обособляется, какъ вершина волости и какъ средоточіе жизни населенія цѣлаго удѣла. Онъ обставленъ уже пышнѣе и торжественнѣе прежняго, какъ учрежденіе съ своими собственными порядками, съ своимъ особымъ чиномъ и обычаемъ жизни. У князя уже было большое состояніе—не казенная, а его *частная собственность*. У него было много земель, частью доставшихся ему черезъ заселеніе пустырей, частью купленныхъ имъ или отобранныхъ у провинившихся бояръ и у выгнанныхъ родичей. Здѣсь онъ заводилъ широкое сельское хозяйство, въ особенности же скотоводство. Здѣсь же князья устраивали свои богатые *дворы* или „жизни“ (§ 45): то были безчисленныя кладовыя для движимаго имущества, за которымъ ходила ихъ *челядь* или холопы. Вся эта „жизнь“ копилась княжьемъ; а текущіе расходы оно покрывало данями, или назначенными ему отъ народа сторожевыми кормами. Бытъ князя также становился стройнымъ чиномъ. При рожденіи князю давали два

имени: одно „княжье", свѣтское (то славянское, то варяжское), другое—церковное, по греческимъ святцамъ. Тутъ же давали ему волость или городъ. Когда ребенку было года три, совершали *постригъ*, т.-е. первую стрижку волосъ, причемъ сажали дитя на коня. Затѣмъ его сдавали на руки *кормильцу*; княженъ брали родственники къ себѣ на воспитаніе. Въ бракъ вступали рано—князья лѣтъ 14-ти, а княжны даже 8-ми. За невѣстой давали приданое. Обыкновенно князья брачились въ кругу Рюриковичей; но сначала они часто роднились со многими дворами Запада, съ князьками Кавказа и съ половецкими ханами, а потомъ изрѣдка вступали въ бракъ съ боярышнями и отдавали своихъ дочерей за бояръ. Княгини имѣли свои города, села и казну. Если нужно было, князь занималъ престолъ очень рано, даже пяти лѣтъ, причемъ совершался обрядъ *сажанія на столъ*. Князь вставалъ на зарѣ и шелъ въ церковь; потомъ завтракалъ и „оправливалъ людей" (судилъ) или „думалъ" съ дружиной. Въ полдень—обѣдъ и сонъ; вечеромъ—ужинъ, музыка, пѣсни и пиръ, на который приглашали дружину, а иногда и поповъ. Изрѣдка устраивались пиршества для всѣхъ гражданъ, которые отвѣчали тѣмъ-же. На пирахъ не жалѣли вина и меда: тогда говорили „пить" вмѣсто пировать. Любимымъ развлеченіемъ князя была охота, при которой употреблялось много собакъ и ястребовъ. Нерѣдко уѣзжали на охоту далеко и надолго, и тогда князья брали съ собой княгинь и дружину. Среди усобицъ трудно было слагаться кроткимъ и выдержаннымъ характерамъ. Мало помогало даже просвѣщеніе, котораго не лишены были князья: всѣ они, и даже княгини, были грамотны. Но и тогда встрѣчались возвышенные и благородные характеры, въ родѣ двухъ *Мстиславовъ* (§ 52), и жилъ образцовый князь, *Владиміръ Мономахъ* (§ 42).

§ 59. **Управленіе.** — Новый строй государства только-что начиналъ обнаруживаться въ концѣ періода. Въ теченіе же удѣльныхъ усобицъ князь былъ лишь однимъ изъ колесъ стараго наряда. Онъ правилъ волостями съ помощью дружины и земщины, передъ которыми его власть даже стушевывалась въ извѣстныхъ случаяхъ: его работа нарядника немыслима безъ княжеской или боярской думы и безъ вѣча. *Дума* (§ 26)—это всѣ придворные, военные и гражданскіе сановники; къ нимъ присоединялись иногда нѣкоторые областные правители, владыки и даже попы. Но обыкновенно сразу засѣдало немного—отъ 5 до 10 человѣкъ. Въ думѣ сосредоточивалась вся высшая власть.

Тѣмъ не менѣе она, какъ и все тогда, не была правильнымъ учрежденіемъ: тутъ не велось записей; все совершалось устно. Князь собиралъ думу, когда хотѣлъ; но обыкновенно онъ каждое утро „сидѣлъ о дѣлахъ“ съ боярами, ничего не предпринималъ, не „сгадавъ съ мужи своими“. Въ думѣ было оживленно, даже шумно, но безпорядочно. Всякій говорилъ, а чаще „горланилъ“, сколько хотѣлъ, причемъ и бояре, и князья привыкали къ гласности и краснорѣчію. При бурныхъ спорахъ брала верхъ та сторона, на которую становился князь. Вообще же рѣшеніе зависѣло не отъ установленныхъ взглядовъ или направленій, а отъ необходимости или внезапной случайности, чаще же всего просто отъ обыденныхъ выгодъ бродячаго стана. Оно не было ни для кого обязательнымъ: его исполняли только по нуждѣ. Но все-таки, по самому свойству своихъ дѣлъ, дума была постояннымъ колесомъ государственнаго наряда. Этимъ она отличалась отъ „сонмища людского“ или городской сходки, которая собиралась случайно. Эта сходка или *вѣче* вездѣ устраивалось на подобіе новгородскаго (§ 51). Тутъ участвовали всѣ свободные люди — отъ бояръ до чади; исключались только сыновья при жизни отцовъ; въ особыхъ случаяхъ являлись сами князья съ дружиной, на коняхъ. Говорить могъ всякій, взобравшись на бревно или на бочку. Но вообще орудовали „лучшіе“ люди (§ 51), пріѣзжавшіе на вѣче верхами: „черные“ или молчали, или неясно „галдѣли“. Не было ни записей, ни порядка обсужденія. Зачастую нынѣшняя сходка отмѣняла приговоръ вчерашней: люди сходились разные, такъ какъ это не было обязательно. Сходились, гдѣ попало: кіевляне держали вѣче въ четырехъ разныхъ мѣстахъ. Иногда цѣлый годъ не было сходки, иногда же собирались нѣсколько дней кряду. Такъ, вѣче еще меньше, чѣмъ дума, походило на правильное учрежденіе. Тѣмъ не менѣе оно играло видную роль. Между тѣмъ какъ на Западѣ, при раздорахъ въ императорской средѣ, развился феодализмъ (§ 15), у насъ, въ пору удѣльныхъ усобицъ, поднялось вѣче, какъ послѣдняя попытка изначальнаго народовластія (§ 11). Тогда вѣче держало въ своихъ рукахъ верховную власть „на всей своей волѣ“: чтобы упрочиться на столѣ, князь долженъ былъ „учинить рядъ“ съ горожанами, „утвердиться съ людьми“ обоюднымъ крестоцѣлованіемъ. Вѣче рѣшало вопросъ о войнѣ и мирѣ, когда князь призывалъ земскіе полки: только съ своею дружиной да съ добровольцами онъ былъ воленъ воевать, когда хотѣлъ.

Вѣче установляло нѣкоторые общіе *законы* въ своихъ рядахъ съ князьями: о нихъ можно судить по сохранившимся новгородскимъ договорамъ съ 13 вѣка. Но какъ учрежденіе непостоянное, вѣче не могло ни заниматься правильно законодательствомъ, ни чинить судъ и расправу. Князья, въ своей думѣ, измышляли новыя правила, по требованію обстоятельствъ: такъ кровомщеніе было совсѣмъ замѣнено вирами; былъ введенъ законъ о „рѣзахъ" (ростѣ), вслѣдствіе бунта кіевлянъ противъ евреевъ (§ 41). Вообще же свѣтскіе законы ограничивались Русскою Правдой. Въ *судѣ* также не произошло такихъ измѣненій, которыя указывали бы на развитіе дѣла. То же должно сказать о распорядительной власти. Она попрежнему (§ 26) сосредоточивалась въ рукахъ князя и его дружины. Но при ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, при ихъ перекочевкахъ и вѣчныхъ усобицахъ, она не могла быть удовлетворительна. Понятно, какъ вели себя дружинники, случайно сажавшіеся на землю для „кормли". Самъ Мономахъ совѣтуетъ своимъ дѣтямъ остерегаться собственныхъ посадниковъ и тіуновъ; о томъ же свидѣтельствуютъ лѣтописи и поученія владыкъ, а также мятежи въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ Кіевѣ. Тогда-то названіе должности, „ябедникъ" (§ 26), приняло позорный смыслъ, сохранившійся до сихъ поръ. Замѣтно улучшеніе только въ *военномъ* дѣлѣ. Русь уже могла выставить до 150.000 ратниковъ, помимо наемниковъ. Полкъ состоялъ изъ пѣхоты и конницы и дѣлился на стрѣльцовъ и копейщиковъ. Воины носили островерхіе щиты и шлемы съ „личиною" (забрало) и съ желѣзною сѣткой на шеѣ. Въ бою полкъ распадался на „чело" и два „крыла"; кромѣ того, были „передъ" (авангардъ) и „сторо̀жи" (развѣдчики). Дѣлали укрѣпленные частоколомъ „станы" (лагери) и „засѣки" (поваленныя деревья). Рѣчныя битвы и военныя хитрости усовершенствовались; но метательныхъ снарядовъ почти не знали: оттого рѣдко брали укрѣпленіе „копьемъ" (приступомъ); обыкновенно вымаривали его голодомъ и дрались у воротъ на вылазкахъ. „Бои" стали ожесточеннѣе: народъ сражался храбрѣе. Но уже рѣдко встрѣчались богатыри и отчаянные храбрецы, безъ пользы щеголявшіе презрѣніемъ къ жизни.

§ 60. **Дружина.** — Русскій народъ попрежнему (§ 27) распадался на дружину и „людей" или земщину. Дружина измѣнилась только съ виду. Она разрослась: въ ней насчитывалось болѣе 50.000. Помимо собственнаго распложенія, она попол-

нялась извнѣ. Такъ какъ къ постоянной борьбѣ со степняками присоединились безконечныя усобицы, то князья широко пользовались своимъ правомъ назначенія: какъ прежде они набирали въ дружину варяговъ, такъ теперь — наиболѣе ловкихъ и отважныхъ изъ торковъ, берендѣевъ, половцовъ, финновъ, угровъ, поляковъ, а отчасти и изъ русскихъ „людей". Но по существу дружина мало измѣнилась. Это былъ все тотъ же кочующій лагерь викинговъ, все тѣ же вольные товарищи бродячаго княжья. Усобная неурядица даже усиливала эту черту. Дружина перелетала съ мѣста на мѣсто вмѣстѣ съ княземъ-добычникомъ. А такъ какъ соперники очень нуждались въ ней и наперерывъ другъ передъ другомъ старались переманивать ее къ себѣ, то она получила право *отъѣзжать* — свободно переходить отъ одного князя къ другому, не считаясь измѣнницей, оставаясь на службѣ у русскаго княжья вообще: и иногда эти „отъѣзды" рѣшали судьбу княжескихъ столовъ вопреки родовой очереди. Тутъ былъ также „рядъ". Князь держалъ въ своихъ рукахъ судьбу каждаго отдѣльнаго дружинника, но долженъ былъ ублажать дружину. Онъ не скупился на жалованье ей и держалъ ее при себѣ. Онъ раздавалъ боярамъ придворныя, военныя и гражданскія мѣста. Бояре были опекунами князей и правителями при ихъ малолѣтствѣ. Они имѣли право сидѣть о дѣлахъ, а князь долженъ былъ совѣщаться съ ними, „являть имъ свою думу". Дружина сопровождала князя на вѣче и была необходимою участницей на съѣздахъ князей: она своею присягой скрѣпляла ихъ вѣроломное крестоцѣлованіе.

Но дружина не съумѣла воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами, чтобы составить аристократію или сплоченное властное сословіе феодаловъ (§§ 15, 33). Въ силу своей невѣжественности, она не могла возвыситься до пониманія, что только связь съ народомъ доставляетъ прочность всякому учрежденію. Она успѣла лишь обособиться больше прежняго (§ 11), какъ служащій, военно-правящій классъ, тѣмъ болѣе, что, при ея многочисленности, убывала нужда созывать земскіе полки. Но внутри она была связана самою гнилою нитью—личною выгодой, добычничествомъ. Эти сбродники изъ всякаго инородья попрежнему (§ 27) жили не столько землей, сколько своимъ служилымъ жалованьемъ. Они добивались „держать весь нарядъ" земскій ради своихъ „кормовъ". Земщина не могла не видѣть этого вовсе непотайнаго стремленія: и она еще сильнѣе тя-

нула къ князю, особенно тамъ, гдѣ, какъ въ Галичинѣ, шла открытая борьба между княжьемъ и боярствомъ (§ 55). Оттого князья старались, по мѣрѣ возможности, показывать, что ихъ зависимость отъ дружины была не узаконенною обязанностью, а случайною необходимостью: они то вовсе не являли своихъ думъ, то совѣщались съ „молодыми“ боярами. Даже могучіе галицкіе бояре согодня вѣшали своихъ князей, а завтра кидались имъ въ ноги съ воплями покаянія въ своихъ „прегрѣшеніяхъ“. Та же главная причина, которая придавала дружинѣ временное значеніе, губила ея будущность: благодаря удѣльнымъ усобицамъ и самому праву отъѣзда, дружинникъ нигдѣ не могъ осѣсться, пустить корней, присосаться къ земщинѣ. Только къ концу періода у дружинниковъ обнаружилось стремленіе обзавестись большими владѣніями: по волостямъ запестрѣли ихъ гнѣзда—*вотчины*, или земли съ посаженными на нихъ холопами; лѣтопись стала упоминать о боярахъ „галицкихъ, владимірскихъ (на Волыни), черниговскихъ“. Но было поздно. Чтобы не погибнуть, этимъ бродячимъ отщепенцамъ народа приходилось уже поддерживать зарождавшееся самодержавіе князей. Ихъ сила дробилась отъ ихъ многочисленности: предложеніе услугъ съ ихъ стороны возрастало. А спросъ на нихъ падалъ: княжеская власть сплачивалась въ немногихъ узлахъ, осѣдалась и пускала корни на излюбленныхъ мѣстахъ. Если сильно размножалось и княжье Рюрикова племени, зато въ немъ возникло важное примѣненіе къ новымъ потребностямъ жизни. Въ его средѣ выдѣлялись матерые патріархи власти, а мелочь нисходила на степень служилаго люда: главныя, сановныя должности становились достояніемъ младшихъ, безпрестольныхъ князей. Дружинникамъ уже доставались незначительныя, малоприбыльныя мѣста. Да еще начинали чествовать ихъ обстановочною ролью опоръ пышности и чинности будущаго самодержца: на сѣверѣ, со времени Андрея I, явилось новое названіе для дружины, сначала для низшей—*дворяне* или *дворъ*.

§ 61. **Купцы и „люди“.**—Въ пору удѣльныхъ усобицъ не одинъ высшій классъ окончательно обособился отъ „людей“, съ которыми онъ сливался первоначально. Выдѣлился еще средній классъ денежниковъ или *купцовъ*. Онъ развился изъ мѣщанъ (§ 11), благодаря скопленію капиталовъ отъ расширенія промысловъ и особенно торговли. Отсюда вліятельность на вѣчахъ, а мѣстами и участіе въ правленіи, „лучшихъ“ или нарочитыхъ людей, которыхъ называли также земскими боярами (§ 51); у нихъ

были даже огромныя села съ собственною челядью. Къ лучшимъ примыкали „житьи“ люди (зажиточные) — капиталисты средней руки, и „молодшіе“, которые частью занимали деньги у нихъ, частью были ихъ приказчиками. Съ возвышеніемъ и обособленіемъ двухъ высшихъ классовъ общества, низшій отдѣлъ народа становился сѣрою массой. Слово „люди“ стало принимать презрительный оттѣнокъ простолюдина, который слышится также въ названіяхъ *черные* или „простая чадь“ и *смерды* (§ 27). Черными именовалась городская рабочая бѣднота, изъ которой выходили и трудолюбивые ремесленники, и вѣчевые смутники, и удалые „молодцы“ (§ 51). Смерды—это мужики-оброчники, сидѣвшіе на княжескихъ, общинныхъ, монастырскихъ или частныхъ земляхъ. Съ возвышеніемъ городовъ и съ утвержденіемъ государственнаго наряда падало политическое значеніе сельской общины (§ 11); а право каждаго мужика стать купцомъ и даже дружинникомъ уже почти никогда не осуществлялось. Между тѣмъ смердъ несъ тяжелыя обязанности: онъ кормилъ своими данями и оброками князя, дружину и духовенство, да иногда ходилъ въ походъ. Бѣдствія опустошительныхъ усобицъ и набѣговъ степняковъ также обрушивались больше всего на него. Оттого уже развивалась утрата крестьянской свободы. Обнищалый смердъ все чаще и чаще обращался въ закупня или наймита (§ 27), а если онъ должалъ денежному человѣку, то, при безбожномъ ростѣ, почти всегда становился холопомъ. Да и закупничество уже приближалось къ холопству: Мономахъ снискалъ славу „нищелюбца“ и горячую любовь народа, между прочимъ, тѣмъ, что объявилъ наймита лично свободнымъ, не подлежащимъ суду господина, и обязаннымъ вносить ему лишь опредѣленную долю жатвы. Признаки холопства стали омрачать и такія явленія, какъ *половничество*. Оно вытекло изъ развитія частной собственности наряду съ общинной. Земли было сколько хочешь: и всякому дозволялось дѣлать „заимку“, т.-е. захватывать „новь“, „свѣжину“; да и покупать можно было участки очень дешево. Земля и стала переходить къ „лучшимъ“ людямъ. Но рабочія руки были въ рѣдкость отъ жидкости населенія— и хозяева стали заманивать ихъ на свои земли, обѣщая половину жатвы за ихъ обработку. Но тутъ половниковъ постигала участь наймита. За ними было одно преимущество: они могли свободно переходить, когда угодно, отъ хозяина къ хозяину. И половники, пользуясь соперничествомъ между переманщиками, бродили по русской землѣ, подобно отъѣзжимъ боярамъ.

§ 62. **Церковь.**—Въ религіозномъ быту появились важныя новыя черты. Число церквей значительно увеличилось. Вмѣсто 5 епархій стало 15, — приблизительно по одной на каждое княжество (§ 37). Всѣ онѣ попрежнему подчинялись кіевскому митрополиту; но самъ *митрополитъ снова подпалъ вліянію константинопольскаго патріарха* (§ 22), который съ презрѣніемъ смотрѣлъ на эту свою „70-ю" митрополію. Патріархъ назначалъ намъ митрополитовъ, и опять изъ грековъ, а также низлагалъ ихъ; созывалъ наши „синоды" или съѣзды епископовъ; имѣлъ „ставропигію" или право непосредственнаго завѣдыванія извѣстными монастырями и церквами помимо мѣстныхъ владыкъ. Князья до того были увлечены своими усобицами, что перестали оборонять независимость русской церкви отъ притязаній грековъ, да и само духовенство стояло за Византію, по укоренившемуся предразсудку. Предпріимчивый Изяславъ II хотѣлъ-было послѣдовать примѣру Ярослава I (§ 24), но неудачно. Онъ самъ, помимо патріарха, поставилъ русскаго митрополита, ученаго схимника *Климента*, но большинство епископовъ возстало; и ихъ сторону принялъ, изъ вражды къ Изяславу, Юрій I. Новый митрополитъ, грекъ, проклялъ Изяслава. Затѣмъ Андрею Боголюбскому пришлось испытать властолюбіе Византіи по поводу владимірскаго епископа *Θеодора*, который пытался сбросить съ себя зависимость отъ кіевскаго митрополита (§ 49). А чтобы не повторялись подобныя попытки, митрополитъ отрѣзалъ Θеодору языкъ и правую руку и выкололъ глаза. Такъ, греки еще крѣпко держали русскую церковь въ своихъ рукахъ. И напрасно латыняне пытались возобновить съ ними борьбу изъ-за нея (§ 9): при Всеволодѣ I (§ 40) и потомъ, около 1200 г., папы избрали-было новый путь для этого—объединеніе церквей, съ нѣкоторыми уступками нашему православію; но борьба съ императорами отвлекла на время ихъ вниманіе отъ Руси.

За исключеніемъ византійскихъ отношеній, во всемъ остальномъ участь духовенства не измѣнилась. Оно было главнымъ совѣтникомъ князей и ихъ помощникомъ въ управленіи страной; примиряло воюющихъ и отправляло посольскую должность; составляло высшій классъ общества наравнѣ съ дружиной. Духовенство продолжало пользоваться Номоканономъ и даже расширило свою судебную власть: оно стало разбирать свѣтскія дѣла людей своего званія, а также всякіе споры между женщинами. Съ этою цѣлью появились даже (ок. 1200) церковные уставы, освящен-

ные именами Владиміра св. и Ярослава I, на подобіе папскихъ лжедекреталій (§ 15). Возвысилось и богатство духовенства; появилась церковная недвижимость—села и города, населенные челядью и изгоями. *Владыки* и ихъ „викаріи" жили князьками, а ихъ правая рука, каѳедральное духовенство—пышными боярами. Жалки были только *попы* и *дьяконы*, выходившіе изъ бѣдноты, невѣжественные и забитые. Но недостатка въ священствѣ не было: это званіе было наслѣдственно, и община содержала попа, котораго она сама и избирала. Но, при всемъ своемъ богатствѣ и вліяніи, церковь попрежнему не думала присвоивать себѣ власть, а, напротивъ, *поддерживала князей*, проповѣдуя византійскую идею самодержавія. Попрежнему ея права и обязанности опредѣлялись властью князя: тогда развивались по княжествамъ, особенно на сѣверѣ, *жалованныя грамоты*, какъ даръ князей владыкамъ и церквамъ. Попрежнему князь назначалъ и изгонялъ епископовъ, окончательно устраняя участіе народа, вопреки каноническому праву.

§ 63. **Понятія и нравы**. — Въ понятіяхъ и нравахъ общества господствовали первобытныя черты. Христіанство все еще *медленно распространялось*, хотя наружно оно достигло тогда до Олонца и Вологды, до Камы, Вятки и Кубани. Ему противились даже такіе чистокровные славяне, какъ вятичи и радимичи; а на окраинахъ, особенно на сѣверо-востокѣ, язычники до того сохраняли свою силу, что избивали проповѣдниковъ до самаго Ростова. Въ Поволжьѣ, въ областяхъ ростовской, суздальской и новгородской, было множество *волхвовъ*, которые отличались большою дерзостью и забирались вплоть до Кіева. Новгородцы попрежнему ходили колдовать въ Чудь. Разъ они до того повѣрили волхву, что хотѣли убить епископа. Тогда владыка вышелъ съ крестомъ и воскликнулъ: „Кто за Христа, иди ко кресту!" Къ нему подошли только князь съ дружиной. Князь спросилъ у волхва: „Знаешь-ли, что̀ будетъ завтра?" Волхъ отвѣчалъ: „Все знаю". „А что будетъ нынче?"— „Нынче я сотворю великія чудеса". Тутъ князь разрубилъ волхва топоромъ, и народъ успокоился. Еще сохранялись въ чистотѣ *языческія вѣрованія, обряды и понятія*. Тамъ и сямъ приносили жертвы древнимъ божествамъ и ставили идоловъ, имѣли по двѣ жены и вѣнчались по языческимъ обрядамъ. Моровую язву считали ударами нежити (§ 13), летающей по воздуху. Женщины особенно „чародѣйствовали отравою и другими бѣсовскими кознями". Богачи заводили домашняго попа

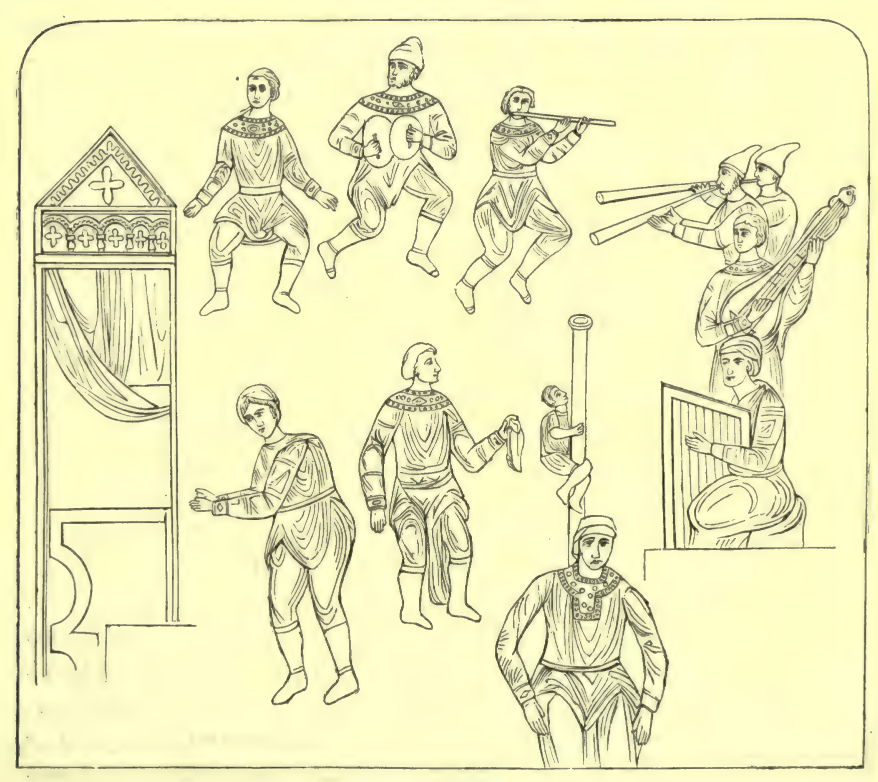
для каждодневнаго обряда, а держали его впроголодь, на положеніи холопа, и совершали на его глазахъ всякія непотребства. Народъ валилъ въ церкви, гдѣ поминалась „во Христѣ братія наша", а всякаго иноземца считалъ „поганымъ" и учинялъ дикія расправы съ поляками и евреями въ Кіевѣ, съ нѣмцами—въ Новгородѣ.

Въ *нравахъ* сохранялась прежняя грубость (§ 28). Мужчины пьянствовали, бранились и развлекались кровавыми кулачными боями. Столь-же груба была женщина: ненависть къ злымъ женамъ служила любимымъ предметомъ письменности того времени. Безнравственность проникала даже въ монастыри, гдѣ завелась частная собственность: ссора, зависть и алчность проявлялись особенно при избраніи игумена, которое принадлежало самой братіи. Иногда въ обителяхъ задавались пиры, на которые приглашали мірянъ, мужчинъ и женщинъ: тутъ гремѣли трубы, дудки, сопѣли и гусли; давали представленія ученые медвѣди и обезьяны; пѣли, плясали и отпускали грязныя шуточки „скоморохи", которые составляли цѣлыя артели [1]). Словомъ, уже вырабатывался типъ монаха-тунеядца и бражника. У бояръ и князей часто встрѣчалось только наружное благочестіе, а рядомъ съ нимъ — нарушеніе клятвы, убійства, преслѣдованія и ограбленіе монаховъ. Владимірко галицкій сказалъ на упреки въ измѣнѣ крестоцѣлованію: „Что мнѣ сдѣлаетъ этотъ маленькій крестикъ?" и пошелъ къ вечернѣ. Чѣмъ далѣе на сѣверо-востокъ, тѣмъ непривѣтливѣе нравы княжья. А о грубости дружины можно судить по поведенію галицкихъ сановниковъ (§ 55): чтобы показать свою боярскую спѣсь, они нарочно ѣздили къ князю во дворецъ въ одной рубахѣ, а на пирахъ плескали ему виномъ

---

[1]) *Скоморохи*—слово греческое (отъ σκῶμμα—шутка). Они хорошо изображены византійскимъ мастеромъ на фрескахъ кіевскаго собора св. Софіи (§ 30), какъ видно изъ прилагаемаго рисунка. Здѣсь представлена, на подмосткахъ во дворцѣ, вся труппа забавниковъ. Справа хороводъ музыкантовъ: одинъ играетъ на арфѣ, другой на гитарѣ или бандурѣ, двое на трубахъ, одинъ на сопѣли или свирѣли, одинъ бьетъ въ мѣдныя тарелки. Внутри хоровода два плясуна; изъ нихъ одинъ машетъ платочкомъ. Внизу акробатъ; сзади у него на поясѣ шестъ, по которому лѣзетъ мальчикъ, силясь достать блюдо, прикрѣпленное на его остріѣ. Налѣво входъ, въ видѣ павильона съ двускатною кровлей. Одинъ изъ скомороховъ поднимаетъ закрывающій его занавѣсъ, чтобы впустить паяца и арлекина, которые также нарисованы на фрескѣ, но не помѣстились на нашемъ рисункѣ. Одежды и убранство скомороховъ, въ особенности же подтыканныя туники (рубахи) и тюрбаны на головахъ, указываютъ на восточное вліяніе.

въ глаза. Война отличалась первоначальною лютостью: истязали пословъ, убивали плѣнныхъ, опустошали мирныя села, переводили цѣлые города съ мѣста на мѣсто. А охота стала даже болѣе жестокою: развилась травля. Ее напоминали подвиги повольниковъ (§ 51). Впрочемъ, язычество проявлялось у насъ въ нравахъ не сильнѣе, чѣмъ на Западѣ, куда христіанство было принесено гораздо раньше. И среди этого грубаго



Скоморохи.

общества уже образовался слой людей съ новыми понятіями и нравами. Во главѣ его стояло духовенство. Оно разрѣшало наивныя сомнѣнія своихъ духовныхъ чадъ. Такъ, на вопросъ: „Можно-ли одѣваться въ шкуру несъѣдобнаго звѣря?" отвѣчали: „Да ходи хоть въ медвѣжинѣ!" Владыки увѣщевали помягче обращаться съ холопами, не продавать въ рабство, не уродовать ходящихъ къ волхвамъ; они даже возбраняли „паломничество", хожденіе къ св. мѣстамъ. Среди нихъ появлялись та-

кія личности, какъ митрополитъ Климентъ (§ 62), который увлекался эллинизмомъ (§ 9).

Правда, пониманіе христіанства было внѣшнее. До того придерживались буквы догматики, что того же Климента поносили за внесеніе суемудрія или философіи въ богословіе. На первомъ планѣ стояло обрядовое благочестіе. Рядомъ съ византійскими *святыми* и *мощами*, явились собственные, и во главѣ ихъ *Борисъ* и *Глѣбъ* (§ 23). Тѣла братьевъ-мучениковъ лежали до тѣхъ поръ внѣ церкви, въ Вышгородѣ, пока не вышло пламя изъ-подъ ногъ одного иноземца, ставшаго на ихъ могилу: тогда они были вырыты и положены въ богатыя раки, въ особой церкви. У этихъ мощей стали совершаться чудеса, слава которыхъ разнеслась по всей Руси; и отовсюду стали стекаться богомольцы въ Вышгородъ. Храмы Бориса и Глѣба возникали почти по всѣмъ русскимъ городамъ и даже въ Византіи. Значеніе мощей видно также изъ того, что Изяславъ II, чтобы подавить сопротивленіе епископовъ, поставляя Климента въ митрополиты, благословилъ его главою св. Климента (§ 21). Столь же важное значеніе придавалось *постамъ*. При Боголюбскомъ суздальскій епископъ *Леонъ* постановилъ, что нельзя ѣсть мясо въ большіе праздники, если они случатся въ среду и пятницу. Онъ упорно сопротивлялся Андрею, который просилъ у него разрѣшенія ѣсть мясо въ эти дни, и былъ выгнанъ. Пошелъ великій соблазнъ по всей Руси: князья и духовенство раздѣлились въ мнѣніяхъ. Наконецъ, былъ созванъ соборъ въ Кіевѣ, на который съѣхалось до 150 іерарховъ. Внѣшній взглядъ на благочестіе выражался и въ прежнемъ почитаніи *монашества*, какъ идеала жизни, причемъ монахъ представлялся прежде всего подвижникомъ. Но и при такомъ взглядѣ, христіанство было нравственною силой: умерщвленіе плоти во имя идеи—первый и естественный выходъ изъ воззрѣній чувственнаго язычества. Сверхъ того, тогда возникало и болѣе глубокое пониманіе христіанскаго идеала. Объ этомъ свидѣтельствуютъ уже указанныя увѣщанія владыкъ. Тогда признали, что можно спасаться въ міру, и что хорошій человѣкъ долженъ быть *праведникомъ*, „ходить по правдѣ", т.-е. жить честно, не обижать ближняго. Женщина больше прежняго считалась другомъ и равною мужчинѣ: она работала, совѣщалась и пировала съ нимъ, какъ свободная, а не затворница. Всѣ осуждали кровопролитіе, алчность и „крестопреступленіе" или вѣроломство: убіеніе Бориса и Глѣба и ослѣпленіе Ва-

силька произвели потрясающее впечатлѣніе на народъ. Въ средѣ грубыхъ служителей власти видимъ тысяцкаго *Яна Вышатича* съ женой , которые жили, какъ праведники, и были отрадой св. Θеодосія (§ 28). У князей было сознаніе христіанскаго идеала и нерѣдко раскаяніе, которое выражалось въ стремленіи къ монашеству. Прежде, рядомъ съ Ярославомъ, жившимъ уже въ концѣ перваго періода, народнымъ героемъ былъ князь-богатырь, Святославъ; теперь же идеаломъ князя сталъ труженикъ и ревнитель просвѣщенія, Мономахъ.

§ 64. **Монашество. Кіево-Печерская лавра.**—Болѣе глубокое пониманіе христіанства выразилось въ судьбѣ нашего монашества, которая напоминаетъ судьбу монашества внѣ Россіи. Въ началѣ христіанства на Востокѣ появилось созерцательное, мечтательное *отшельничество*, задачей котораго было удаленіе отъ міра для спасенія собственной души. Черезъ нѣсколько вѣковъ, образовалось въ Европѣ собственно *монашество*, т.-е. дѣятельное житейское сословіе, составляющее общежитія, и не въ пустынѣ, а среди народа. У насъ эта перемѣна совершилась въ одно поколѣніе: Антоній былъ представителемъ нашего отшельничества (§ 28), *Θеодосій—основатель нашего монашества.* Конечно, это монашество еще высоко цѣнило подвижничество: иноки молились до изнеможенія и всячески умерщвляли свою плоть. Но рядомъ съ подвижничествомъ, наши монахи стали посвящать себя служенію народу, борьбѣ съ невѣствомъ и язычествомъ. Они занялись *церковнымъ ученіемъ*, въ которомъ заключалось тогда все образованіе общества. Монастырь сталъ школой, кабинетомъ писателя, библіотекой и переплетной. Онъ былъ и *благотворительнымъ* учрежденіемъ: здѣсь помѣщались богадѣльни и „страннопріемницы" (гостинницы), „лѣчецъ" (врачъ) и повивальная бабка. Запасшись нравственнымъ закаломъ и ученостью, монахи шли въ міръ, поучая народъ, исправляя неправду, руководя властью. Они распространяли христіанство даже цѣной собственной жизни среди финскихъ болотъ и дебрей, или между дикарями Кавказа. А за ними шелъ народъ—и монастыри становились первыми насельниками или *колонизаторами* славянства среди монгольскаго племени, пріобрѣтали государственное значеніе, объединяя Русь и расширяя ея границы. Наконецъ, подчиняясь князьямъ политически, монахи сохраняли однако нравственную власть надъ ними: они подавали примѣръ *стойкости убѣжденій и любви къ правдѣ.* Антоній упорно отстаивалъ Всеслава полоцкаго противъ Изя-

слава I. Когда Изяславъ былъ изгнанъ Святославомъ (§ 40) и всѣ признали, со страха, это насиліе, одинъ Ѳеодосій поминалъ за обѣдней его, а не похитителя престола, и даже писалъ Святославу обличительныя посланія. Обиженный въ судѣ шелъ жаловаться къ Ѳеодосію — и его дѣло вновь разсматривалось. Въ поученіяхъ монаховъ часто указывались злоупотребленія тіуновъ и намѣстниковъ. При такомъ значеніи монашества, понятно его широкое распространеніе во второмъ періодѣ нашей исторіи. Тогда возникло много обителей, какъ въ старыхъ городахъ, такъ и въ глуши; появились и *женскія*. Въ монастыри шли люди изъ всѣхъ слоевъ общества, не исключая бояръ, такъ что иногда князья ссорились съ иноками изъ-за своихъ слугъ. Сами князья, княжны и вдовыя княгини начали постригаться: кто не зналъ Николая черниговскаго *Святошу*, который провелъ всю жизнь въ обители, самъ стряпалъ на братію, кололъ дрова, носилъ воду? Другіе князья, оставаясь въ міру, всячески выражали свое почитаніе монастырей. Они слѣзали съ коней передъ обителью, смиренно ожидая, пока ихъ впустятъ; у себя на пиру, при появленіи инока, останавливали пѣсни и музыку и благоговѣйно выслушивали жесткое слово поученія; передъ важнымъ дѣломъ ходили въ обитель посовѣтоваться и принять благословеніе отъ подвижниковъ. Князья раздавали монастырямъ *земли съ челядью*, а за ними и народъ сталъ дѣлать щедрые вклады на поминъ души.

Всѣ эти обители были дочерьми великой матери нашихъ монастырей—*Кіево-Печерской лавры.* Она была созданіемъ первыхъ русскихъ подвижниковъ, „печерянъ“ (пещерниковъ),—Антонія и Ѳеодосія. Ихъ слава привлекла столько подражателей, что имъ негдѣ было помѣщаться. Антоній выпросилъ у Изяслава гору надъ пещерами (§ 19), гдѣ его иноки построили монастырь, прозванный народомъ Печерскою лаврой (1050). Игуменомъ Антоній поставилъ Ѳеодосія, при которомъ лавра быстро достигла цвѣтущаго состоянія. Ѳеодосій строго держалъ братію въ трудахъ, постѣ и молитвѣ. У него иноки списывали и переплетали книги, вили веревки, пряли, плели клобуки, мололи хлѣбъ: то была цѣлая фабрика разныхъ производствъ для себя и на продажу. Ѳеодосій ввелъ *студійскій уставъ*, заимствованный имъ изъ византійскаго монастыря Ѳеодора Студита, отличавшагося строгостью жизни. Онъ навѣщалъ также кіевлянъ и князей съ благочестивою цѣлью, а по ночамъ ходилъ въ „жидовскую“ улицу спорить о вѣрѣ. Ѳеодосій и Антоній умерли почти въ одно

время въ своихъ старыхъ пещерахъ. А лавра быстро богатѣла отъ щедрыхъ вкладовъ: одна княгиня завѣщала ей все, „до послѣдняго повойника", чтобы только прахъ ея положили тамъ. Народъ сталъ стекаться со всей Руси на богомолье къ мощамъ печерскихъ подвижниковъ; создалось много разсказовъ о подвижничествѣ и чудесахъ печерянъ, собранныхъ потомъ подъ именемъ „Патерика (отечника) печерскаго". Лавра стала разсадникомъ монашества на Руси и средоточіемъ умственной жизни русскихъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Отсюда вышли главные проповѣдники и 50 епископовъ; оттого владыки, которые прежде были изъ грековъ и болгаръ, теперь стали русскіе. Первымъ изъ нихъ былъ *Лука Жидята* въ Новгородѣ.

§ 65. **Просвѣщеніе.** — Такъ, подъ вліяніемъ христіанства, возникли новыя понятія и слой идеалистовъ — людей, занятыхъ не житейскими, личными, а отвлеченными вопросами: этотъ слой называютъ головой или „умомъ" общества, *интеллигенціей.* Второю причиной появленія образованности были *сношенія съ иностранцами*, у которыхъ просвѣщеніе значительно двинулось впередъ, подъ вліяніемъ „перваго Возрожденія" (§ 34). Тогда Русь находилась въ живомъ общеніи съ другими народами. Князья роднились съ западными дворами: духовенство даже начинало возставать противъ этого обычая. Но оно внушало народу, что можно ѣсть съ католиками, не оскверняясь. Мономахъ увѣщевалъ дѣтей особенно быть гостепріимными относительно иностранцевъ и учиться чужимъ языкамъ. Онъ самъ былъ женатъ на дочери англійскаго короля, своего сына женилъ на шведкѣ, одну дочь отдалъ за венгерскаго короля, другую—за греческаго царевича. Оттого наша лѣтопись знала о событіяхъ на Западѣ: въ ней записано о крестовыхъ походахъ. Тогда возникла еще страсть къ *путешествіямъ*: княжны и бояре, не говоря уже про купцовъ, ѣздили въ Византію; въ особенности же стремились въ Іерусалимъ. Страсть къ паломничеству до того усилилась, что духовенство начало даже налагать епитемьи за паломническіе обѣты. Наконецъ, завязались сношенія у Руси съ Польшей и Венгріей; а это проводило къ намъ вліяніе западной литературы и латинскаго языка.

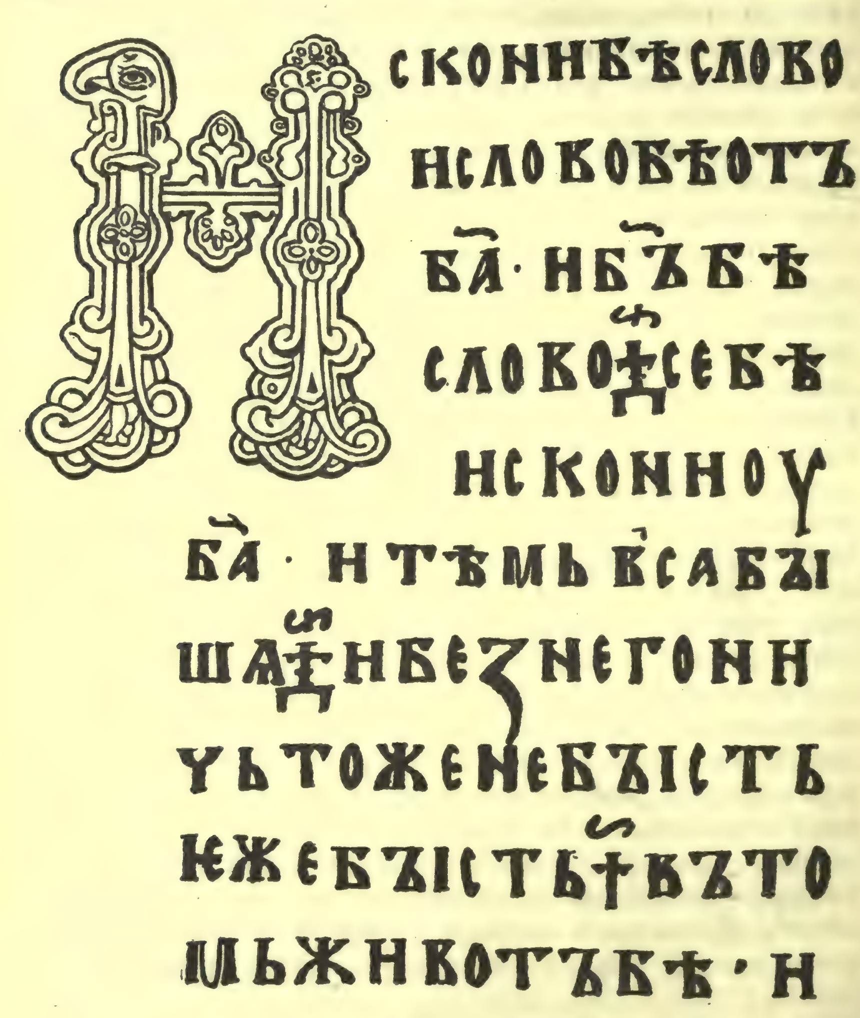
Вотъ слѣдствія указанныхъ причинъ.—1) *Грамотность значительно развилась.* Она уже считалась признакомъ благовоспитанности: всѣ князья и княгини были грамотны. Появилось много школъ при церквахъ, монастыряхъ и епископскихъ дворахъ, и даже на окраинахъ. Конечно, учили только грамотѣ: даже для

попа обязательно было одно чтеніе, за недостаткомъ письма. Но были и такія школы, въ которыхъ преподавали греческій языкъ для приготовленія собственныхъ іерарховъ, что̀ доказывается множествомъ переводовъ съ греческаго и примѣромъ такихъ ученыхъ, какъ Климентъ (§ 62). Оттого владыки, эти питомцы византійской образованности, были вождями русскаго просвѣщенія; и среди нихъ-то появились первые „книжники“ или сочинители.—2) Возникла *любознательность*—вкусъ къ чтенію и собиранію книгъ, особенно у князей. Святославъ Ярославичъ черниговскій (§ 38) наполнилъ свои клѣти книгами. Его братъ, Всеволодъ, выучился пяти иностраннымъ языкамъ у себя дома, просто изъ жажды знанія. Мономахъ самъ былъ писателемъ и завѣщалъ своимъ дѣтямъ: „не забывайте, что̀ знаете добраго; а чего не знаете, тому учитесь“. Мелкій князь, *Романъ* смоленскій, завелъ родъ высшаго училища съ латинскимъ языкомъ и потратилъ все свое имущество на просвѣщеніе, такъ что смольняне похоронили его на свой счетъ. Князья сами списывали книги и ласково принимали русскихъ ученыхъ, а съ иностранными спорили то на греческомъ, то на латинскомъ языкѣ. Нерѣдко, одаряя монастыри землями, они требовали, чтобы доходы съ этого имущества шли на устройство школъ. Вмѣсто знахарей, у нихъ появились лекаря, именно люди съ таинственными знаніями Востока — арабы да армяне. Можно сказать, что тогда князья стояли во главѣ просвѣщенія, соперничая съ духовенствомъ.—3) Устроилось *книжное дѣло*—конечно писанное. Тогда появилось столько книгъ, что завелись *библіотеки* у князей, у духовенства и при монастыряхъ, и онѣ были значительны: у одного князя было сверхъ 1.000 книгъ, тогда какъ, болѣе 200 л. спустя, въ первой на Западѣ библіотекѣ Карла V французскаго было только 900 томовъ. Но книгъ было много только сравнительно съ первымъ періодомъ: онѣ не могли быть слишкомъ распространены уже потому, что книжное дѣло было затруднительно. Работа *списателей* (переписчиковъ) была не легкая: *уставъ* (§ 16) — письмо съ преобладаніемъ угловатыхъ, прямолинейныхъ буквъ надъ круглыми—требовалъ большаго искусства и усидчивости. Переписчики затѣйливо украшали начальныя буквы, употребляли разныя чернила (при началѣ новаго періода обыкновенно красныя: отсюда „красная строка“), „выводили“ каждую букву, какъ печатную, „ставили заставки“ (узоры въ началѣ и концѣ книгъ и статей). Древнѣйшія грамоты сплошь написаны „киноварью“ (смѣсь сѣры съ ртутью), иногда

съ позолотой. Это скорѣе рисунокъ, чѣмъ письмо. Такъ какъ, сверхъ того, переписывали все священное, то эта работа почиталось святою: наступить на исписанный листокъ было такимъ же святотатствомъ, какъ раскрошить просвирку; списатель, съ благоговѣніемъ помолившись, принимался за работу и обозначалъ свое имя и время написанія въ концѣ рукописи, тогда какъ не было въ обычаѣ обозначать имя автора. Списываніемъ занимались даже князья и княжны. Владѣлецъ книги дорожилъ ею, какъ рѣдкостью. Да и дѣйствительно она часто существовала въ одномъ только экземплярѣ: оттого до насъ дошли не всѣ книги, бывшія тогда въ обращеніи. Книги цѣнились высоко, тѣмъ болѣе, что ихъ украшали дорогими переплетами, иногда даже заказанными въ Византіи и похожими на оклады Евангелій. Дорогъ былъ и матеріалъ, на которомъ писались книги — *харатья* или пергаментъ, а потомъ плотная хлопчатая бумага. Немудрено, что какой-нибудь молитвенникъ стоилъ до 80 р. с.—4) На Руси появились первыя *ереси*, а это доказываетъ, что народъ читалъ книги не механически. Онѣ возникли подъ иностраннымъ вліяніемъ. Монахъ Адріанъ занесъ къ намъ ученіе *богомиловъ* (§ 17); но оно скоро прекратилось, такъ какъ Адріана заключили въ темницу, а его главныхъ учениковъ сослали. Появилось ученіе русскаго епископа Леона (§ 63) о постѣ, которое значительно распространилось подъ именсмъ *леонтиніанской* ереси.—5) У образованныхъ людей замѣчались не только религіозныя, но и *политическія* сужденія. Въ письменности того времени часто встрѣчаются упреки князьямъ несправедливымъ, жестокимъ и клятвопреступнымъ; еще чаще нареканія на ихъ служителей. Въ „Словѣ Даніила Заточника“ сказано: „не имѣй себѣ двора близъ княжа двора, не держи села близъ княжа села, потому что тіунъ его, какъ огонь“. Лѣтописцы и поученія постоянно порицаютъ тіуновъ и посадниковъ, которые не хуже половцовъ разоряли цѣлыя области.

§ 66. **Церковная письменность.** — Письменность второго періода, сравнительно съ первымъ, можно назвать обширною. Но все-таки сочиненій было немного; и тогда не читали, а заучивали книги отъ доски до доски. Попрежнему письменность состояла главнымъ образомъ изъ *списыванія* болгарскихъ книгъ и изъ *переводовъ* съ греческаго. Важнѣйшимъ по древности памятникомъ списыванія служитъ *Остромирово Евангеліе*, написанное (1056), по заказу посадника Остромира (§ 25),

съ древняго болгарскаго списка [1]). Въ переводахъ замѣчается извѣстная самостоятельность: переводили уже не одно церковное, а все, что̀ было лучшаго въ византійской лите-



Остромирово Евангеліе. 1056.

ратурѣ; и русскій *книжный языкъ* освобождался отъ греческаго вліянія. Чѣмъ ближе къ концу второго періода, тѣмъ

---

[1]) *Остромирово Евангеліе* есть древнѣйшій памятникъ не только русской, но и всей славянской письменности. Это почти вполнѣ точный списокъ съ древняго болгарскаго перевода. Языкъ его—образчикъ почти нетронутой старо-славян-

больше самостоятельности въ нашей письменности, особенно въ южной. Зарождалась національная литература, притомъ не лишенная убѣжденій и характера. Возникъ знаменитый обычай *печалованія*, т.-е. заступничества за невинныхъ, который господствовалъ у нашего духовенства въ теченіе всей древней исторіи: митрополитъ *Никифоръ*, въ своемъ посланіи къ Мономаху, считаетъ долгомъ подать совѣтъ даже этому образцовому правителю. Письменность обогатилась тогда и нѣкоторыми *новыми понятіями*, какъ видно изъ поученій духовенства и изъ отвѣтовъ на житейскіе вопросы, съ которыми обращались къ нему. Владыки даже смѣло возставали противъ усобицъ и вообще стояли за единство руской земли.

Письменность второго періода была попреимуществу *церковная*. Если и встрѣчаются сочиненія свѣтскаго содержанія, то они проникнуты религіозной точкой зрѣнія: въ нихъ земная жизнь представляется „тлѣномъ и суетой“, а монашество — „ангельскимъ житіемъ“, иночество же — „ангельскимъ чиномъ“. Господствующимъ родомъ письменности были *поученія* или наставленія. Ихъ задача — объяснять православіе и бороться съ язычествомъ, а также съ латинствомъ, котораго тогда опасались точно также, какъ въ первомъ періодѣ—іудейства. Болѣе всего говорится въ нихъ о милосердіи, братскомъ равенствѣ и смиреніи,— качества, которыя трогали сердца нашихъ предковъ по своей близости къ гостепріимству родоваго быта и къ миролюбію славянина. Поученія печалуются о „сиротахъ“, „страдальникахъ“

ской рѣчи; но есть, хотя и не важныя, отклоненія отъ ея строя, въ которыхъ видны зародыши двухъ нарѣчій—южнаго, болгарскаго, и сѣвернаго, русскаго. Остромирово Евангеліе важно и по приложеннымъ къ нему древнѣйшимъ календарнымъ записямъ. Наконецъ, это старѣйшая русская рукопись съ обозначеніемъ года и съ хорошимъ начертаніемъ. Она написана на 294 листахъ, крупнымъ уставомъ (§ 65), на отличномъ пергаментѣ. На оборотѣ 1 листа раскрашенная и забранная золотомъ картинка, изображающая, какъ евангелистъ получаетъ свитокъ съ неба, читаетъ и пишетъ; она обведена крестообразно золотымъ цвѣточнымъ узоромъ, наверху котораго поставлена львица. На 2 листѣ такая же заставка, съ надписью внутри: „евангелие отъ иоана глава А“. Эта глава начинается золотою буквой; при другихъ главахъ заглавныя буквы также выведены затѣйливо, но только чернилами. Изъ записи въ концѣ рукописи видно, что она написана, въ 1056—1057 гг., дьякономъ Григоріемъ для посадника, который носилъ „мирское“ имя Остромира, а въ крещеніи нареченъ Іосифомъ. Остромирово Евангеліе напечатано (1883), посредствомъ свѣтописи, черта въ черту, съ подлинника, хранящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Отсюда взятъ нашъ снимокъ, который въ точности воспроизводитъ начало Евангелія (2-й листъ), только безъ заставки и безъ позолоты на заглавной буквѣ.

и обличаютъ богатыхъ и сильныхъ. Поученій было множество, въ формѣ посланій и проповѣдей. *Посланія* писались іерархами къ лицамъ разныхъ званій; есть даже посланіе къ папѣ. Иногда владыки вели между собой эту литературную переписку, что̀ напоминаетъ нынѣшнія открытыя письма между учеными. Часто посланіе составляло отвѣтъ на вопросы, предложенные книжнику; иногда же оно вытекало изъ потребности іерарха дать наставленіе своимъ духовнымъ дѣтямъ. Изъ отвѣтныхъ посланій весьма важно *посланіе митрополита Іоанна къ Іакову Мниху*, которое называли „церковнымъ правиломъ", такъ какъ оно долго служило руководствомъ для духовенства.

Проповѣди распадаются на сѣверныя и южныя. Образцомъ первыхъ служитъ поученіе *Луки Жидяты* (§ 64). Въ немъ всѣ примѣры взяты изъ русскихъ нравовъ; языкъ разговорный, слогъ краткій и простой; содержаніе нравственное. Здѣсь отразились свойства новгородца — человѣка торговаго, который не любитъ разглагольствованій и догматическихъ тонкостей. Напротивъ, въ южной проповѣди есть поэзія, живость, разнообразіе; но она посвящена догматикѣ и страдаетъ риторствомъ. Въ ней нѣтъ ничего народнаго: всюду общее содержаніе изъ Библіи, символизмъ, олицетворенія, доходящія до разговоровъ между думами. Здѣсь очевидно византійское вліяніе. Оттого южная проповѣдь привлекала немногихъ: самъ представитель ея, „второй Златоустъ", епископъ *Кирилъ Туровскій*, жалуется, что къ нему „приходило все меньше и меньше слушателей". Отъ втораго періода остался одинъ образчикъ свѣтскаго поученія. Это — „Поученіе Владиміра Мономаха" (§ 42), составленное по примѣру Василія Великаго. Оно служитъ началомъ ряда „Домостроевъ" —сочиненій, въ которыхъ заключаются правила житейской мудрости. Къ ихъ разряду относится, въ концѣ періода, „Слово отца къ сыну", которое говоритъ; „будь пониженъ главою; устремляй глаза въ землю; имѣй сомкнутыя уста; не стыдись преклонять главу предъ каждымъ". Во второмъ періодѣ церковная письменность обогатилась новымъ родомъ произведеній—*житіями святыхъ*. Это—церковная повѣсть, въ которой подробно разсказывается жизнь угодниковъ и описываются ихъ чудеса. Житія переводились съ греческаго; но уже явились и русскія. Во главѣ послѣднихъ стоятъ два житія — Бориса и Глѣба и Ѳеодосія. Они составлены, около 1090 г., печерскимъ инокомъ *Несторомъ*, который поступилъ въ лавру

17-ти л., вскорѣ по смерти Ѳеодосія (§ 28), и неизвѣстно когда умеръ. Эти житія отличаются хорошимъ языкомъ и яснымъ изложеніемъ. Они послужили основаніемъ „Патерику Печерскому“ (§ 64).

§ 67. **Свѣтская письменность. Народная поэзія.**—Въ письменности главное отличіе составляетъ возникновеніе *свѣтскаго* отдѣла. Появилось не мало *сборниковъ.* Въ нихъ много краткихъ статей наполовину церковнаго, наполовину свѣтскаго содержанія: встрѣчаются разсказы о троянской войнѣ и Александрѣ Македонскомъ, повѣсти изъ „Тысячи и одной ночи“, даже заимствованія изъ Платона и Аристотеля. Сборники были частью переписанные съ болгарскаго, частью переведенные съ греческаго; но уже встрѣчаются русскія добавленія, въ видѣ народныхъ поговорокъ и притчъ. Сборники носили разныя названія — „Пчела“ (сборникъ притчей и поученій), „Златая цѣпь“ (отрывки изъ отцовъ церкви), „Патерикъ“ или „Прологъ“ (житія святыхъ), „Палея“ (разсказы изъ Ветхаго Завѣта, часто подложные), „Хронографъ“, „Златой бисеръ“, „Купель Душевная“ и др. Сохранилось два *Изборника Святослава* черниговскаго (1073 и 1076), составляющіе списки съ болгарскаго подлинника; но въ нихъ уже значительно преобладаетъ русское правописаніе надъ болгарскимъ [1]). На статьи сборниковъ походило „Моленіе Даніила Заточника“. Это—жалобное посланіе какого-то заточеннаго молодаго человѣка къ своему князю. Собственно „Моленіе“ есть сборникъ статей, въ видѣ притчъ и народныхъ пословицъ; но онъ связанъ сатирическимъ тономъ, который направленъ особенно противъ приближенныхъ князя и противъ злыхъ женъ. Какъ чисто-народный сборникъ, даже съ пословичными риѳмами, „Моленіе“ имѣло множество списковъ съ добавленіями переписчиковъ. О немъ создалось даже преданіе, будто Даніилъ закаталъ его въ воскъ и бросилъ въ озеро, гдѣ его проглотила рыба, которую поймали для князя. Вмѣстѣ съ паломничествомъ возникли хожденія или *Паломники*—путешествія къ св. мѣстамъ. Изъ нихъ сохранился „Паломникъ игумена Даніила“ (ок. 1100) — религіозное и простодушное сочиненіе, изъ котораго видно, что наши богомольцы ходили въ Іерусалимъ цѣлыми

---

[1]) *Изборникъ Святослава 1073 года* есть переводъ греческаго сборника 9-го в., сдѣланный для болгарскаго царя Симеона (§ 17). Онъ списанъ однимъ дьякомъ для Святослава Ярославича черниговскаго (§ 38). Его нашли, въ 1817 г., въ библіотекѣ Воскресенскаго (Новый Іерусалимъ) монастыря. Теперь онъ хра-

„дружинами“, артелями. Въ немъ нѣтъ духа нетерпимости относительно католиковъ, владѣвшихъ тогда Гробомъ Господнимъ. Къ свѣтской письменности второго періода относится первый памятникъ искусственной, книжной поэзіи—*Слово о полку Игоревѣ* [1]), которое послужило образцомъ для позднѣйшихъ произведеній подобнаго рода. Въ немъ разсказывается походъ сѣверскихъ князей противъ половцовъ (§ 48). Оно написано княжескимъ пѣвцомъ, который заимствовалъ у древняго Баяна (§ 29) поэтическіе пріемы, языческіе образы и первобытныя пословицы. Въ сравненіяхъ и богатыхъ картинахъ много народной поэзіи, что̀ доказывается сходствомъ „Слова“ съ украинскими пѣснями. „Слово“ отчасти напоминаетъ встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ *сказанія* — разсказы, составленные иногда очевидцами событій, а иногда по наслышкѣ, по преданію: таковы повѣствованія о Владимірѣ и Ольгѣ, объ ослѣпленіи Василька и др. Составителя перваго изъ нихъ, инока *Якова*, должно считать древнѣйшимъ нашимъ писателемъ: онъ относится къ самому началу періода. *Народная поэзія* обогатилась новою чертой: пѣсня стала говорить про дѣйствительныя событія или быль. Отсюда названіе этихъ пѣсенъ — *былины*. Это какъ бы лѣтопись, разсказанная въ поэтической формѣ. „Слово о полку Игоревѣ“, близкое къ былинамъ, описываетъ событія согласно съ лѣтописью и даже короче. Герои былинъ,

---

нится въ Синодальной библіотекѣ, въ Москвѣ. „Изборникъ“ писанъ прекраснымъ письмомъ, на тонкомъ чистомъ пергаментѣ, на 266 листахъ, въ два столбца. На оборотѣ 1-го листа изображеніе семейства Святослава. На лицевой сторонѣ 2-го листа—Іисусъ Христосъ, а на оборотѣ, въ узорчатомъ четвероугольникѣ съ птицами по полямъ, помѣщено писанное золотомъ предисловіе. 3-й листъ весь занятъ изображеніемъ иконостаса; такія же двѣ картины вложены въ срединѣ рукописи, для раздѣленія двухъ ея частей. Всѣ эти миніатюры, а также заглавныя буквы, заставки, птицы и звѣри на поляхъ раскрашены и отчасти покрыты золотомъ. Первая часть „Изборника“ или „собраніе отъ многихъ отецъ на память и на готовый отвѣтъ“ представляетъ краткое богословіе 9-го в.; во второй помѣщены описанія народовъ, происшедшихъ отъ Ноя, исторія царей, космографія со знаками зодіака и т. под. Этотъ древнѣйшій, послѣ Остромирова Евангелія, памятникъ нашей письменности и искусства, наглядно представляющій образованность Руси при третьемъ поколѣніи ея христіанъ, изданъ въ 1880 г., посредствомъ свѣтописи, цѣликомъ, какъ точный „противень“ или снимокъ подлинника. Прилагаемый рисунокъ точно воспроизводитъ нижнюю часть оборота 5-го листа „Изборника“. Онъ служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, такимъ же образцомъ древнѣйшаго устава, какъ снимокъ съ Остромирова Евангелія (стр. 128).

[1]) Его единственный списокъ, сдѣланный ок. 1400 г., сгорѣлъ въ 1812 г.; но онъ былъ напечатанъ въ 1800.

ТРЄБНИꙖ ТВОРАЩЄБО
СЛАКЫБОЖЩЄ ЄДА ТО
ПОС ПР ЖЄРОДѢ ВЪБЖИ
ЄС ТЬСТВО: СИРѢЧЬ СЖ
ЩИИХЪНАЧЄСВѢТЬЛ
ИХЪЛИШАЖТЬЧЬС И
И: РОДИТЄЛЬꙖБОПАЧЄА
НЄТВОРЬЦА: ЛѢПОЄИС
ВѢДОВАТИ ЄДИНОЧАДА
АГООЦАНБА НЪСЄНѢКО
ЄОУБОПРѢПЬРИТЬСЛОВО
ВЛЖДРО ДОБРОСЛАВЬНО
БОꙖВИТЬСЄ СОУЩЄЄНА

ЛОЄНОИСТИНѢ БЖИЄ
ЄСТЬСТ О ПРОСТРАН
НШИЖЄН ѢКАКОН
БРОСЛАВНЄТЦАРЬ ꙖЖЄ
ЄИСПЪЛНЬМОЩИРАЖА
ТИ ИТВОРИТИСОУЩА
Ꙗ ОТЪРАЗЛИЧЬНЫꙖХЫ
ПРОСТИ ВЪСАѢДОУЄТЬ
ЖЄИРАЖДАТИ ЄЖЄЄСТЬ
ꙖВѢ ЄДИНОГОСВѢТЬЛѢ
Є ЗѢМЖСЛЖТОЄСТЬИ
БѢДЬНО ДОМЫСЛЬНАЗ
ЛОПОТРѢБАСИЄСТЬ НЄЖ

Изборникъ Святослава. 1073.

Василій Буслаевъ, новгородскій бояринъ *Ставръ* и купецъ *Садко*,—лица историческія: ихъ имена находятся въ лѣтописи. Буслаевъ—поэтическое олицетвореніе отважныхъ повольниковъ, которые грабили во всю свою жизнь, а потомъ спасали душу въ Іерусалимѣ или монастырѣ; Садко и Ставръ—олицетвореніе новгородскаго богатства, спасаемаго благочестіемъ.

§ 68. **Лѣтопись.**—Въ это время началась и *лѣтопись.* По преданію, отцомъ ея былъ Несторъ (§ 66), составившій „Повѣсть временныхъ лѣтъ", которая обнимаетъ событія отъ начала русской исторіи до 1110 года. Въ дѣйствительности „Повѣсть" сочинена неизвѣстнымъ лицомъ — вѣроятно игумномъ *Сильвестромъ*, котораго Мономахъ, самъ писатель, почтилъ саномъ епископа: во всякомъ случаѣ Сильвестръ „написахъ книгы си лѣтописецъ", какъ самъ онъ заявилъ въ концѣ. Составитель „Повѣсти" былъ человѣкъ любознательный, зналъ не только св. писаніе, но также болгарскія книги и переводы греческихъ хронографовъ, любилъ разспрашивать людей бывалыхъ, зналъ много ходившихъ въ народѣ преданій, пѣсенъ, пословицъ. Печеряне, помимо своихъ замѣтокъ въ святцахъ, могли сообщить ему много свѣдѣній о прошломъ: они были первыми „дьяками" (секретарями) князей и поддерживали сношенія съ епископами и проповѣдниками, расходившимися изъ лавры по всей Руси. Мономахъ могъ сообщить ему и древнѣйшіе документы (§ 29). Нашъ первый лѣтописецъ заимствуетъ вначалѣ изъ Георгія Амартола (§ 15) и изъ болгарскихъ книгъ; но съ Ярослава его работа становится самостоятельнѣе, достовѣрнѣе и идетъ хронологическимъ путемъ, подобно всѣмъ древнимъ лѣтописямъ. Онъ правдивъ и кратокъ; у него есть только наклонность къ поэтичности и даже драматизму, свойственная южнымъ писателямъ. Если онъ ничего не зналъ о какомъ-нибудь годѣ, то оставлялъ годовую помѣтку пустою; если заносилъ что-нибудь сомнительное, то прибавлялъ—„какъ сказываютъ". „Повѣсть" носитъ *дѣловой*, свѣтскій характеръ, какъ по содержанію, такъ и по языку — церковно-славянскому, но уже съ вліяніемъ древне-русскаго. Она попреимуществу *княжеская* или политическая: она стоитъ за единство Руси, негодуетъ на усобицы и осуждаетъ дурное управленіе. Но она не объясняетъ бѣдствій и успѣховъ, указывая на нихъ только какъ на гнѣвъ или милость Божію; явленія природы для нея—чудесныя знаменія или дьявольское навожденіе.

Послѣ „Повѣсти" появилось много другихъ списковъ, причемъ

каждый списатель добавлялъ и продолжалъ ее. Такъ составилось нѣсколько *лѣтописныхъ сборниковъ*, которые хранились въ „ларяхъ“, по церквамъ и монастырямъ. Уцѣлѣвшіе дошли до насъ подъ разными названіями: самый древній изъ нихъ, *Лаврентьевскій списокъ*, составленный инокомъ Лаврентіемъ, относится къ 1377 г. Эти сборники, продолжавшіеся до половины 17 в., сохраняютъ главныя черты „Повѣсти“, но различаются литературными особенностями, которыя доказываютъ существованіе отдѣльныхъ лѣтописей. Изъ нихъ новгородская (Іоакимовская) и волынская возникли еще въ 11 в., раньше кіевской; но начало ихъ утрачено, и потому древнѣйшею считается кіевская, къ которой приставлялись впослѣдствіи извѣстія изъ черниговской, полоцкой и, вѣроятно, другихъ южныхъ лѣтописей. Южныя лѣтописи, кіевская и волынская, напоминаютъ южную письменность: онѣ подробны, поэтичны; волынская особенно подходитъ къ „Слову о Полку Игоревѣ“ и знаетъ Гомера. Новгородская лѣтопись, подобно проповѣди Луки Жидяты (§ 66), кратка и суха, отличается чисто дѣловымъ характеромъ. Суздальская многоглаголива, лишена и сѣверной дѣльности, и южной поэтичности. Это напыщенная работа, наполненная церковными поученіями и слѣдами придворной оффиціальности: въ ней господствуетъ идея самодержавія и ненависть къ Новгороду. Чѣмъ позже, тѣмъ болѣе преобладаетъ суздальская лѣтопись, а кіевская прекращается въ концѣ 12 в., вмѣстѣ съ паденіемъ Кіева. Притомъ, чѣмъ позже лѣтописный списокъ, тѣмъ болѣе въ немъ заимствованій изъ византійскихъ хронографовъ. Ко второму періоду относится и первая изъ дошедшихъ до насъ подлинныхъ *грамотъ*: это — грамота Мстислава Великаго новгородскому Юрьеву монастырю (ок. 1130).

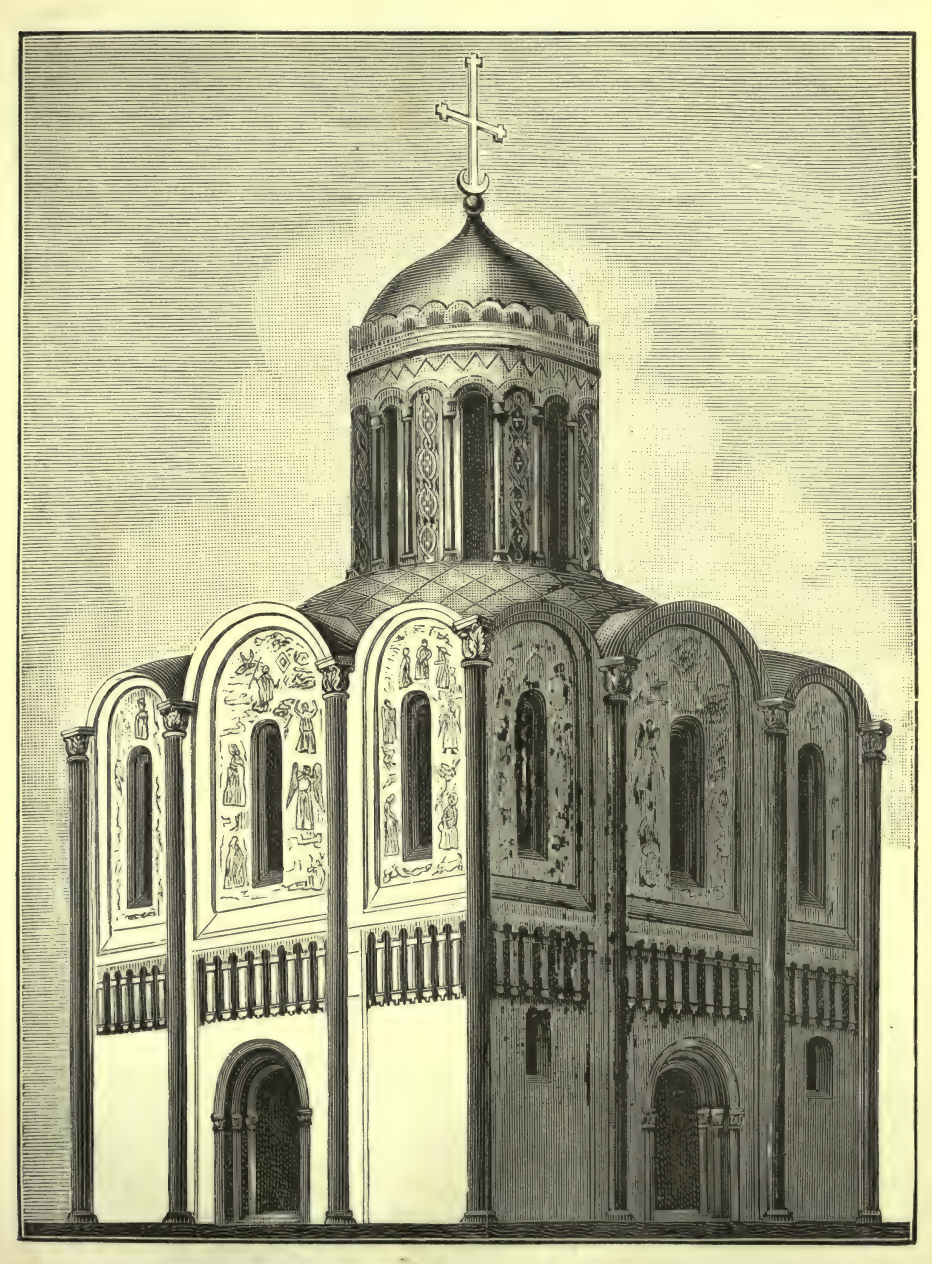
§ 69. **Искусство.** — Искусство также подвинулось впередъ во второмъ періодѣ. Впрочемъ, на первомъ планѣ все еще стояло *зодчество*, наиболѣе соотвѣтствующее религіознымъ цѣлямъ. Храмы уже были не рѣдкость; притомъ все увеличивалось число каменныхъ. Боголюбскій построилъ даже церковь во Владимірѣ изъ бѣлаго камня, привезеннаго изъ Болгаріи. По большей части церкви были небольшихъ размѣровъ, и строили ихъ весьма быстро: оттого рѣдкая могла простоять болѣе 50 л. Зодчіе все еще были греки на югѣ и нѣмцы на сѣверѣ, впрочемъ изрѣдка встрѣчаются и русскіе — *Милонѣгъ* и друг. Форма храма сохранялась византійская, но въ мелочахъ встрѣчается вліяніе романскаго стиля. Оно особенно замѣтно на сѣверо-

востокѣ, гдѣ къ нему присоединяется еще азіатское (персидское) вліяніе. Это — *суздальскій стиль*, образовавшійся къ концу 12 в. Его отличіе отъ византійскаго состоитъ въ одноглавіи храмовъ и въ изобиліи *прилѣпковъ* (барельефовъ) или *обронныхъ* (скульптурныхъ) украшеній, которыя удобно было дѣлать изъ мягкаго бѣлаго камня. Эти украшенія, называемыя „русскимъ орнаментомъ“ (§ 30), составляютъ первую своеобразную черту въ исторіи нашего искусства; они принадлежатъ русскимъ мастерамъ, изъ которыхъ извѣстенъ „хитрецъ“ *Авдій* въ Галичѣ, рѣзавшій узоры на камнѣ. Здѣсь выразилось пристрастіе нашихъ предковъ къ вычурнымъ и пестро раскрашеннымъ узорамъ, которыми покрывалась церковь, особенно ея наружныя стѣны. Узорами украшали дугообразные своды входныхъ дверей и подзоры; изъ нихъ дѣлали пояса (фризы) вокругъ всего храма, состоявшіе изъ столбиковъ съ арками, между которыми помѣщалось множество лѣпныхъ растеній, животныхъ и даже человѣчковъ и чудовищъ.

Лучшимъ образцомъ суздальскаго стиля служитъ *Дмитріевскій соборъ* Всеволода III во Владимірѣ на Клязьмѣ, который и сохранился больше всѣхъ [1]). Полъ въ церквахъ попрежнему

---

[1]) *Дмитріевскій соборъ* построенъ, въ 1194 г., на великокняжескомъ дворѣ, во Владимірѣ на Клязьмѣ, Всеволодомъ III, носившимъ еще имя Димитрія (§ 58). Онъ посвященъ его ангелу, Димитрію Селунскому. Это величественное (46 аршинъ вышины, съ крестомъ) сооруженіе изъ бѣлаго камня попорчено пожарами и погромами. Оно было подновлено, по приказу Николая I, причемъ, подъ штукатуркой, была найдена древняя стѣнопись. На нашемъ рисункѣ соборъ представленъ въ его нынѣшнемъ видѣ. При немъ нѣтъ колокольни. Онъ почти квадратный и съ четырехконечнымъ крестомъ, тогда какъ на Западѣ церкви того времени длинны и съ шестиконечнымъ крестомъ. Но въ остальномъ это—одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ, законченныхъ образцовъ романскаго „пошиба“ (стиля): онъ и построенъ странствующими артелями вольныхъ каменьщиковъ, которые еще раньше пришли съ запада въ Новгородъ и Псковъ и построили дворецъ Андрея Боголюбскаго. Дмитріевскій соборъ увѣнчанъ одною шлемообразною полуглавой, которая покоится на высокомъ кругломъ „барабанѣ“, прорѣзанномъ узкими окнами и возвышающемся надъ оловяною четырехскатною кровлей. Наружность самого собора, подобно дворцу Боголюбскаго, украшена узкими, съ дугообразными перемычками, окнами, которыя закрывались деревянными досками, за неимѣніемъ стеколъ. А подъ ними поясъ изъ сухариковъ и столбиковъ. Каждая стѣна раздѣлена на три части полуколоннами (пилястрами) съ лиственными головками. Со всѣхъ сторонъ, кромѣ восточной (алтарной), находятся врата (порталы), украшенные дугообразною узорчатою перемычкой, лежащею на трехъ колоннахъ и двухъ полуколонкахъ. Весь соборъ усѣянъ узорами изъ арабесковъ, растеній, животныхъ и человѣческихъ изображеній. Объ нихъ даетъ понятіе прилагаемый рисунокъ кусочка обороннаго пояса, на которомъ



Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ.

составлялся изъ мозаики или же изъ „кафлей“ (изразцовъ). Стѣны украшались фресками, изрѣдка мозаикой изъ разноцвѣтныхъ стеклышекъ. Въ храмахъ находятъ иногда княжескія гробницы. Нѣкоторыя церкви были съ золочеными главами и покрывались снаружи оловомъ, а внутри украшались богатыми серебряными паникадилами да шитыми золотомъ и жемчугомъ парчами. Иконы обкладывались золотыми и серебряными ризами, драгоцѣнными камнями, жемчугомъ, финифтью. Наряду съ церквами, начали обращать вниманіе и на сравнительно роскошную постройку дворцовъ, по крайней мѣрѣ къ концу періода, и именно въ Суздальской области, какъ свидѣтельствуетъ *дворецъ Андрея Боголюбскаго* (стран. 94).

Ваяніе состояло исключительно изъ прилѣпковъ. *Живопись* встрѣчается уже часто. Но иконописцы, среди которыхъ прославился *Алимпій Печерскій* (ученикъ грековъ), попрежнему отличались бѣдностью вымысла, наивностью рисунка, отсутствіемъ тѣней и перспективы: они не смѣли отступать отъ византійскихъ подлинниковъ. Зато суздальскій стиль проявлялся въ расписываніи церковныхъ стѣнъ, въ особенности же въ украшеніи рукописей, къ которому относятся и появившіяся тогда *миніатюры* (картинки). Образцами нашихъ первыхъ миніатюръ служатъ украшенія въ Остромировомъ Евангеліи (§ 66) и рисунки въ „Изборникѣ Святослава“, въ особенности же изображеніе князя и его семьи [1]). Суздальскій стиль проявился также въ узорахъ на полотенцахъ и рубашкахъ. Вѣроятно, онъ отразился и на *монетахъ.* Но ихъ не нашли до сихъ поръ — обстоятельство тѣмъ болѣе странное, что тогда

изображены событія изъ житія Димитрія Селунскаго. Не менѣе любопытна внутренность Дмитріевскаго собора, начиная съ „палатей“ (хоры) для княжаго семейства и кончая стѣнописью византійскаго пошиба работы греческихъ мастеровъ.

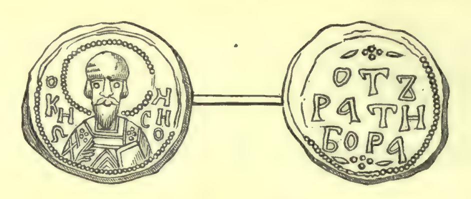
[1]) Прилагаемый рисунокъ воспроизводитъ съ точностью „выходную“ или заглавную картину на оборотѣ перваго листа „Изборника“ Святослава (§ 67), который теперь отдѣленъ отъ самой рукописи и хранится въ Оружейной Палатѣ, въ Москвѣ. Она написана на тонкомъ бѣломъ пергаментѣ; съ лѣвой стороны оторванъ кусокъ и подклеенъ также пергаментомъ. Наверху надпись изъ трехъ строкъ, сдѣланная золотомъ; но оно мѣстами потерто и подновлено красною краской. Первыя двѣ строки: „желания срдца моего ги (Господи) не прѣзьри нъ (но) приими ны вься и помилуй ны“. Въ третьей строкѣ поименованы всѣ члены семейства Святослава, въ томъ порядкѣ, какъ они нарисованы: „гълѣбъ. ольгъ. дад (Давидъ). романъ. ярославъ. княгыни. стославъ“. Самъ Святославъ — крайняя фигура направо, нѣсколько отдѣльно отъ группы, съ книгой въ рукахъ. Давидъ закрытъ княгиней: виденъ только верхъ его шапки.

Выходная картина изъ „Изборника“ Святослава. 1073 г.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 20 Іюня 1895 г. Хромолит. Штадлеръ и Паттинотъ, Спб.

Обронный поясъ Дмитріевскаго собора.

же у насъ стали чеканить, по византійскому образцу, собственныя свинцовыя *печати* [1]).



Печать Ратибора.

§ 70. **Внѣшній бытъ.**— Во внѣшнемъ быту замѣтны нѣкоторые успѣхи, но не особенно значительные. Города чаще прежняго обносились стѣнами, ворота которыхъ иногда богато украшались. Появились и *двойныя стѣны:* внутреннія (древній градъ, §§ 4, 19), которыя назывались сначала „дѣтинцемъ", потомъ „кремлемъ", и внѣшнія—„острогъ" или „околица". Въ лучшихъ городахъ онѣ уже были каменныя. Мѣстами даже посады обносились стѣнами: оттого большіе города представляли собою какъ бы связки нѣсколькихъ „концовъ" (§ 51). Жилища состояли попреимуществу изъ *избъ* (§ 31), которыя часто подвергались пожарамъ: оттого населеніе мало дорожило недвижимостью, легко перекочевывало. По селамъ каждый самъ „рубилъ" себѣ эти курныя конурки и прозябалъ въ нихъ съ доморощенной простотой: попрежнему каждая семья изготовляла все, что̀ нужно было для ея скуднаго обихода; даже все еще употреблялись ручныя мельнички для зерна. Но въ городахъ избы стали просторнѣе и лучше убраны. Тутъ развились разныя *ремесла*: нѣкоторыя изъ нихъ обособились, образовали артели или цехи съ своими старостами. Особенно плотники славились своимъ искусствомъ: они дѣлали „порубы" (тюрьмы-погреба) съ оконцами, куда спускались по лѣстницамъ, и перекидывали мосты разборные черезъ большія рѣки. Изобильна и красива становилась и деревянная посуда. А рядомъ развилось гончарное производство: въ Новгородѣ были плотницкій и гончарный концы. Много дви-

---

[1]) Нашъ рисунокъ изображаетъ древнѣйшій образецъ такихъ печатей. Его относятъ къ тому Ратибору, котораго Всеволодъ I (§ 40) назначилъ, въ 1079 году, кіевскимъ посадникомъ въ Тмутаракань. На лицевой сторонѣ этой печати ликъ св. Николая въ сіяніи, на оборотной — надпись: „отъ ратибора". Это—образчикъ „вислыхъ" печатей, которыя были во всеобщемъ употребленіи въ Византіи: онѣ привѣшивались къ шнуркамъ грамотъ или писемъ. Шнурки продѣвались сквозь свинецъ, который потомъ приплющивался штемпелемъ.

нулось впередъ кузнечное ремесло; но умѣли справляться только съ желѣзомъ. Мѣдь и олово употреблялись лишь для колоколовъ да церковныхъ крышъ; украшенія изъ золота и серебра встрѣчались только въ немногихъ церквахъ, еще рѣже у князей и богачей. Здѣсь же попадались предметы роскоши, приходившіе изъ Византіи и съ запада: стекло, матеріи, полотно, цвѣтная пряжа, сафьянъ, пергаментъ, иголки, четки, золотыя мужскія цѣпи, „перстатыя" рукавицы (перчатки). Иноземнымъ же путемъ доставлялись дорогіе затѣйливые „порты" (платье) для князей, которые иногда вѣшали ихъ, какъ цѣнный вкладъ, въ церквахъ на поминъ души.

Торговля вообще приняла значительные размѣры. Въ „старыхъ" городахъ купцы уже вели широкіе денежные обороты, о чемъ свидѣтельствуютъ еврейскіе погромы въ Кіевѣ и такія мѣры Мономаха, какъ изгнаніе евреевъ, которые брали до 120%, и лишеніе самого капитала того, кто взималъ болѣе 20% (§ 59). А въ Новгородѣ скопилось столько капиталовъ, что брали только ½%. Первая половина періода была порой процвѣтанія Новгорода. Смоленскъ, Полоцкъ и Витебскъ держали въ своихъ рукахъ двинскую торговлю, соединяя внутреннія земли съ рижскими нѣмцами, которымъ они давали большія льготы по договорамъ. Новгородъ и Псковъ захватили всѣ сношенія сѣверо-востока съ Западомъ. Они торговали также съ рижскими и особенно съ готландскими нѣмцами (§ 56). Пользуясь умиротвореніемъ Балтики, гдѣ прекратились разбои скандинавовъ, перешедшихъ въ государственный бытъ, новгородскіе купцы ходили до Даніи. Много ихъ проживало и въ Кіевѣ, гдѣ у нихъ была своя церковь, а также въ Суздальской области. Кіевляне лѣтомъ отправляли товары на югъ, зимой—на сѣверъ. Они ходили съ ними до Кавказа и Александріи; а въ Кіевѣ проживали греческіе, итальянскіе и „латинскіе" (нѣмецкіе) гости, которые иногда достигали Суздаля; тамъ содержалъ свою контору баварскій городъ Регенсбургъ. Около 1200 г. венеціанцы старались утвердиться на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей. Главными предметами вывоза оставались изначальныя произведенія земли (§ 11); прибавились только юфть, ленъ, хмѣль да строевой лѣсъ. Еще переправляли на западъ азіатскіе товары. А привозили больше всего матеріи (изъ Фландріи, Англіи, Германіи и Польши), красное вино, да соль (изъ Любека и Крыма), затѣмъ — хлѣбъ, мясо, соленую рыбу, металы и разную мелочь. Но не легко было вести торговыя сношенія вну-

три страны. Попрежнему сильно чувствовался недостатокъ *путей сообщенія.* Нерѣдко, передъ походомъ, случалось прорубать лѣсныя дебри и перекидывать мосты черезъ болота и рѣки, которыхъ тогда еще было великое изобиліе. Теперь многія рѣки стали рѣчками, а рѣчки совсѣмъ пересохли: оттого мы видимъ иногда древній городъ не при рѣкѣ, тогда какъ знаемъ, что въ старину всѣ населенія были при водахъ, а города строились на двухъ рѣчкахъ. Вода была и во второмъ періодѣ главнымъ путемъ сообщенія. Что же касается бойкихъ заморскихъ сношеній (§ 24), то они совсѣмъ пріостановились: сначала въ Кіевѣ, потомъ и въ Новгородѣ исчезли караваны торговыхъ судовъ. Варяги, ославянившись, утратили свою мореходную отвагу; южные степняки всегда отличались „водобоязнью"; а у новгородцевъ стали отбивать Балтику ганзеаты (§ 36). Сократилось и количество *монеты*: съ инородцами все еще велась мѣновая торговля, а монетъ русской чеканки не оказывается со смерти Ярослава I до половины 14-го вѣка.

Земледѣліе все еще находилось на первобытной ступени. Мужикъ шелъ на заимку (§ 61) съ топоромъ, косой и сохой. Онъ выжигалъ лѣсъ и жалъ, какъ Богъ на душу положитъ. Года черезъ три онъ истощалъ новь: она ужъ не давала плода — и пахарь шелъ дальше по простору. Такъ совершалось непрерывное движеніе народа на сѣверо-востокъ, а слѣдомъ за нимъ расширялась туда и степь, съ истребленіемъ лѣсовъ: она уже подбиралась къ муромо-рязанской области. Мужикъ сѣялъ то же, что и теперь: не было только гречихи. Овощи и сады разводились лишь на югѣ. *Скотоводство* падало: князья нуждались въ конной рати; въ походахъ противъ степняковъ первымъ дѣломъ было отбивать табуны лошадей. Подспорьемъ у мужика были прежніе промыслы. Охота, особенно на пушнаго звѣря, все еще составляла главный доходъ княжья и источникъ обогащенія „лучшихъ" людей. *Рыболовство* развилось до того, что образовался особый классъ рыболововъ: новгородцы наживались даже на Бѣломъ м. *Пчеловодство* также вызвало цѣлый классъ „древолазовъ"; и въ законахъ были особыя статьи насчетъ правъ собственности въ медовыхъ лѣсахъ; медъ и воскъ попрежнему составляли одинъ изъ главныхъ предметовъ вывоза и даней. Домашній бытъ отличался еще первоначальной простотой. Но зато старались щеголять дорогою, пестрою *одеждой* яркихъ цвѣтовъ, особенно въ боярскомъ кругу, гдѣ возникла строгая мода, замѣнявшая мундиръ. Тутъ образцомъ служилъ князь. Онъ но-

силъ цвѣтной кафтанъ съ золотою оторочкой, а сверху цвѣтной же плащъ, пристегнутый на плечѣ богатою запонкой. У него былъ золотой узорчатый поясъ и высокіе цвѣтные сапоги съ острыми носками; въ сапоги затыкались шаровары. На головѣ онъ носилъ высокую опушенную мѣхомъ шапку съ цвѣтнымъ верхомъ и съ наушниками. На княгинѣ красовалось длинное платье съ широкими рукавами, перехваченное золотымъ поясомъ. Ея ноги были обуты въ золотые же башмачки; а съ головы, по восточному обычаю, спускалось покрывало, подвязанное у подбородка. Изображеніе семьи Святослава въ „Изборникѣ" даетъ наглядное представленіе о княжей одеждѣ (§ 69).

§ 71. **Значеніе періода.** — Второй періодъ нашей исторіи обнимаетъ два вѣка — отъ половины 11 до половины 13. Это время одинаково важно, какъ для западной, такъ и для восточной Европы. Какъ тамъ, такъ и здѣсь зародыши новаго строя жизни боролись съ пережитками первобытнаго безначалія. Но во всемъ проглядываетъ *разница*, которая обусловливалась свойствами природы и населенія Руси, а также сравнительною запоздалостью ея выступленія на историческое поприще. При всей своей пестротѣ и сумятицѣ, жизнь на Западѣ представляла болѣе стройности и опредѣленности. Тамъ уже отчетливо выдѣлялись своеобразныя народности въ ясныхъ границахъ, намѣченныхъ самою природой, съ сознательными стремленіями и съ силой воли для ихъ достиженія. Почти на всѣхъ поприщахъ выступали и сильныя, предпріимчивыя личности съ рѣзкими чертами, которыхъ не могло быть раньше, при господствѣ общинно-родового быта. Осѣдались плотными группами сословія, съ ихъ явными правами и съ чутьемъ единства выгодъ. И среди нихъ среднiй классъ уже много сдѣлалъ для улучшенія внѣшняго быта, пользуясь скопленіемъ денегъ, этимъ плодомъ развитія частной собственности отъ широкихъ торговыхъ оборотовъ. Въ духовномъ быту все было скрѣплено необычайною силой христіанской религіозности, которая создала небывалое могущество папы, завела неслыханные ужасы инквизиціи и пролила потоки крови въ крестовыхъ походахъ противъ мусульманъ и еретиковъ. Если противъ этой силы уже выступало „первое Возрожденіе" (§ 34), то оно не могло разстроить ее: оно только помогало умственному развитію, вливая свѣжую и широкую струю въ русло христіанской образованности.

На востокѣ Европы царствовало еще полное безначаліе. На громадномъ просторѣ, лишенномъ твердыхъ естественныхъ

границъ, на болотной трясинѣ, все расплывалось, не давало опредѣленныхъ очертаній, не пускало глубокихъ корней. Населеніе представляло собой еще не перебродившую смѣсь разныхъ племенныхъ кровей, на днѣ которой лишь подконецъ подготовлялись два обличія — великоруссовъ и малороссовъ (§§ 6, 46). Его общею чертой было только славянское безволіе, душевная дряблость. Хотя всѣ считались свободными, но никто не думалъ отстаивать свою первобытную свободу, и каждый отъ нужды легко становился холопомъ. Личность еще не выбилась изъ оковъ общинно-родового быта, и частная собственность только начинала выдѣляться. Вездѣ еще замѣчалась власть „міра“: таковы сходки городскія и сельскія, дума боярская. За исключеніемъ нѣскольких князей съ рѣзкими обличіями (Святославъ и Олегъ черниговскіе, Мономахъ, Андрей Боголюбскій, трое Мстиславовъ), масса дала только рядъ подвижниковъ, которые теряли свои имена, уходя изъ міра. Свобода выражалась во всеобщемъ броженіи. Всѣ кочевали, какъ ихъ сосѣди—степняки Княжье перемѣщалось со стола на столъ, увлекая за собой дружину; смердъ и повольникъ могли попасть въ „лучшіе люди“ и даже подняться до степени боярина; половникъ переходилъ отъ одного хозяина къ другому; наймитъ и холопъ зачастую обрѣтались въ бѣгахъ; и самое земледѣліе представляло видъ постоянной перекочевки цѣлыхъ массъ. Отъ нищеты, пожаровъ, неурядицъ согласны были хоть сейчасъ все истребить, нето уйти цѣлымъ городомъ въ Царьградъ. При такомъ бродяжничествѣ, не могли осѣсться сословія: между людьми различныхъ занятій (§§ 60, 61) расплывались границы, и не было сознанія единства. Самыя занятія не обособились строго: князь и бояринъ все еще были и воинами, и правителями, и торгашами; купецъ велъ и сельское хозяйство, и вѣчевую политику; духовенство занималось и молитвой, и земледѣліемъ, и правленіемъ, а въ его судебняхъ свѣтскія дѣла смѣшивались съ церковными. Всеобщее безначаліе завершалось путаницей въ родовыхъ счетахъ княжья да удѣльными усобицами.

Съ этими усобицами связано главное отличіе Руси отъ Запада въ общественномъ и политическомъ быту. На Западѣ уже почти не было пережитковъ общинно-родового быта: развитіе частной собственности привело къ крупному землевладѣнію, къ образованію класса могучихъ вотчинниковъ, даже избиравшихъ своего императора; и ихъ поддерживало всесильное папство, которое стремилось поглотить свѣтскую власть и

воспитывало грозныхъ Гвельфовъ (§ 33). Каждый феодалъ, владѣя вотчинами и людьми, самъ сталъ государемъ и старался расширить свою власть. Отсюда вѣчныя войны вассаловъ между собой и противъ своего сюзерена. Феодалы были чужды другъ другу и сидѣли по своимъ вотчинамъ, замыкая ихъ отъ сосѣдей внутренними таможнями и другими заставами. Тутъ, въ своихъ прочныхъ гнѣздахъ, они развили деспотическую власть надъ покореннымъ населеніемъ. У насъ же усобицы приняли другой видъ. Удѣльные князья, подобно феодаламъ, боролись между собой и съ великимъ княземъ; но они не были прикованы къ мѣсту наслѣдственностью. Они были родственники и вѣчно передвигались, стремясь къ Кіеву, такъ какъ родовые пережитки давали нравственное освященіе ихъ алчности. Если эти слабые пережитки служили только предлогомъ, то выборная власть принадлежала не курфюрстамъ (§ 15), а народному вѣчу: поэтому не могло произойти такого закрѣпощенія народа, какъ на Западѣ; оно только начиналось въ силу экономическихъ причинъ (§ 61). У насъ не было ни папы, ни владыки-феодала въ рясѣ, при мечѣ: духовенство не только не поддерживало удѣльныхъ князей, но осуждало усобицы и стояло за единство Руси.

Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ условій было то, что на Западѣ монархизму труднѣе было утвердиться, чѣмъ у насъ. Тамъ онъ только начинался къ концу періода, и то не вездѣ; онъ долженъ былъ выждать освобожденія части населенія, городовъ, изъ крѣпостной зависимости феодаловъ, чтобы въ союзѣ съ ними отнять права у послѣднихъ. При этомъ онъ долженъ былъ сдѣлать уступки феодаламъ, сохранивъ за ними нѣкоторыя привилегіи, образовавшія изъ нихъ аристократію. Въ Россіи же видимъ только двѣ силы—незакрѣпощенный народъ и государственную власть. Оттого уже въ первомъ періодѣ замѣчается *единодержавіе*, т.-е объединеніе всѣхъ русскихъ подъ одною, хотя и сильно ограниченною властью. Во второмъ періодѣ оно не погибло отъ усобицъ. Самыя эти усобицы, съ ихъ передвиженіями князей, затрогивавшія всю Русь, развивали сознаніе національнаго единства. Оно росло такъ явственно, что стоило князьямъ подорвать другъ друга—и *самодержавіе* утвердилось. Уже около половины 12 в. оно ясно выступаетъ въ Суздалѣ; и не проходитъ поколѣнія, какъ этотъ ничтожный, лишенный преданій Суздаль уничтожаетъ маститый Кіевъ и тѣснитъ Новгородъ, съ ихъ вѣковыми преданіями, противными самодержавію.

Въ то же время исчезаютъ первобытныя „племена“ (§ 6): вездѣ установляется та смѣсь кровей, скрѣпленная славянствомъ, которая называется *русскимъ народомъ*. На Западѣ политическое единство не достигло такихъ успѣховъ. Тамъ мы не можемъ указать такого рѣшительнаго явленія, какъ у насъ паденіе Кіева. Это явленіе служитъ гранью двухъ періодовъ нашей исторіи. У западныхъ славянъ также господствовали усобицы; но ихъ слѣдствія походили на западныя, а не на русскія. Оттого состоявшій подъ ихъ вліяніемъ Галичъ (и отчасти Волынь) кажется такимъ страннымъ: въ поведеніи его бояръ, боровшихся въ одно время и противъ своихъ князей, и противъ народа, проглядывали задатки аристократизма. Но онъ не пошелъ дальше вельможнаго безначалія точно также, какъ новгородскій демократизмъ скоро долженъ былъ стушеваться подъ напоромъ самодержавныхъ стремленій въ остальной Руси. Византія представляетъ особенный міръ. Тамъ политическое единство уже достигло крайней степени, стѣсняющей жизнь: оттого развитіе остановилось, а застой — погибель народовъ. Уже во второмъ періодѣ нашей исторіи Византія начала терять свои области и однажды сама подчинилась Западу.

Въ духовномъ быту была такая же разница между востокомъ и западомъ Европы, какъ въ быту общественномъ и политическомъ. И здѣсь у насъ царствовало безначаліе—та смутность и путаница понятій, при которой рѣшающій голосъ принадлежитъ физической силѣ, коварству, личному вожделѣнію. И здѣсь оказалась слабость воли и чувствъ. У насъ не было того потрясающаго религіознаго увлеченія, которое доводило до всевластія папы, до ужасовъ инквизиціи, до безумной ярости крестовыхъ походовъ. На плоской, однообразной равнинѣ сѣверо-востока господствовало равнодушіе къ новымъ жизненнымъ началамъ и лишь страдательное сопротивленіе старыхъ основъ. Оттого-то тогда началось то *двоевѣріе*, которое тянется по всей древней исторіи Россіи. Это была печальная борьба первобытнаго язычества, т.-е. полнаго невѣжества, съ христіанствомъ. Финскіе волхвы могли только задерживать развитіе образованности. Западъ сильно опередилъ насъ на этомъ пути, благодаря первому Возрожденію. Тамъ уже было много свѣтскаго, классическаго въ наукѣ, искусствѣ и литературѣ. У насъ также видны слѣды свѣтскости даже въ искусствѣ, но весьма слабые—именно тамъ, куда заходило вліяніе Запада.

Но, при всемъ различіи, тогда было много и *сходства*

между Россіей и Западомъ въ существенномъ: таковы просвѣтительныя стремленія, новыя понятія, монашество, ереси, свѣтская письменность, торговое движеніе, самыя усобицы. Все это, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Запада и отчасти Византіи. Тогда Россія находилась въ дѣятельномъ общеніи съ ними. Бытъ ея высшихъ классовъ принималъ европейскій отпечатокъ, скрашивался западнымъ художествомъ. Начиналось многостороннее, богатое развитіе. Россія какъ бы хотѣла идти нога въ ногу съ своимъ болѣе просвѣщеннымъ старшимъ братомъ. Но принеслась новая буря изъ Азіи, которая оторвала ее отъ Запада—и наши успѣхи пріостановились.

То была татарщина.

IV. ТАТАРЫ И МОСКВА.

Около 1250—1450.

§ 72. **Романцы и германцы.**—Въ половинѣ 13 в. прекратились средніе вѣка въ тѣсномъ смыслѣ (§ 33), и началась переходная эпоха или *подготовка новой исторіи*, продолжавшаяся до конца 15 в. Тогда падали силы средневѣковья — папство и феодализмъ, и возвышались силы новаго времени — монархизмъ и низшіе классы. *Папство* падало оттого, что люди стали болѣе образованы и поняли его властолюбіе, тѣмъ болѣе, что оно испортилось подъ вліяніемъ богатствъ и всеобщей покорности. Въ то же время свѣтскіе государи настолько усилились, что духовенство ихъ странъ стало подчиняться имъ, а не Риму. Уже въ 14 в. папы попали въ 70-лѣтнее „плѣненіе вавилонское“ къ французскимъ королямъ (*С. И.* § 128). *Феодализмъ* падалъ подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ: на Востокѣ рыцари испортились, привыкли къ изнѣженной жизни; а между тѣмъ походы разорили ихъ, и они частью продавали свои земли королямъ, частью превратились въ разбойниковъ, грабившихъ купцовъ. Въ то же время возвысились *города*, съ ихъ богатою и дружною *буржуазіей* или *бюргерствомъ*, какъ называлось на Западѣ среднее сословіе (§ 33). Государи вступали въ союзъ съ городами и стали постепенно превращаться изъ сюзереновъ (§ 15) въ „королей“ или „монарховъ“. Они давали льготы городамъ, защищали ихъ оружіемъ противъ феодаловъ, отмѣняли крѣпостное право. Благодаря ихъ помощи, города стали процвѣтать и составлять сильные союзы противъ феодаловъ, съ нѣмецкою *ганзой* во главѣ (§ 36), которая достигла тогда необыкновеннаго могущества, захвативъ большую часть европейской торговли въ свои руки.

Вторая половина 14 в. была уже эпохой открытой и же-

стокой борьбы съ феодалами, которая называется *городскими войнами* (*С. И.* §§ 133—140). Она привела къ погибели феодализма и къ утвержденію монархизма въ слѣдующемъ періодѣ. Это политическое развитіе совершалось не вездѣ одинаково: сильнѣе всего шло оно на крайнемъ западѣ Европы, въ Англіи и Франціи, слабѣе всего въ Германіи. Во Франціи уже къ половинѣ 15 в. утвердился почти полный монархизмъ съ національнымъ и земельнымъ единствомъ: управлялъ только король да его слуги, „легисты", или „юристы",—законовѣды, люди низкаго происхожденія, которые замѣнили духовенство и вассаловъ и распространили самодержавную идею *римскаго права* (*С. И.* § 112). Въ Англіи развитіе пошло еще дальше. Вслѣдствіе особеннаго островнаго положенія, тамъ монархизмъ утвердился уже въ предшествовавшемъ періодѣ, и феодалы должны были вступить въ союзъ съ среднимъ сословіемъ для борьбы съ нимъ. Оттого въ описываемый періодъ англичане выработали *конституцію* (*С. И.* § 160) или парламентаризмъ, т.-е. ограниченіе монархизма участіемъ народа въ правленіи. Тамъ образовалась свѣтская власть не слабѣе, чѣмъ во Франціи, съ національнымъ и земельнымъ единствомъ, но подѣленная между королемъ и народомъ. Въ Скандинавіи феодализмъ, поддерживаемый удѣльными усобицами королей, былъ особенно силенъ; и тамъ не развились ни города, ни образованность. Оттого новый врагъ Скандинавіи, Россія, остановила распространеніе шведскаго владычества въ Финляндіи и датскаго—въ Эстляндіи. Столь же мало развилась политически Германія. Въ ней попрежнему господствовалъ феодализмъ; и императоры не имѣли значенія, а народъ былъ угнетенъ аристократіей. Здѣсь монархизмъ выработался только на восточной украйнѣ, въ Австріи (§ 10): въ концѣ 13 в. Рудольфъ габсбургскій сдѣлалъ наслѣдственными эрцгерцогство Австрію, Штирію и Каринтію и тѣмъ утвердилъ господство *австрійскихъ Габсбурговъ*, тѣсно связанныхъ съ исторіей западныхъ славянъ.

§ 73. **Просвѣщеніе Запада.**—Умственная жизнь Запада за это время раздѣляется на двѣ эпохи—*папскую и классическую*. Папская *реакція* (противодѣйствіе развитію, прогрессу) занимаетъ первое столѣтіе, отъ половины 13-го до половины 14 в. Въ умственномъ быту папство сохраняло свое владычество въ ту пору, когда уже началось его политическое паденіе. Пользуясь инквизиціей и нищенствующими орденами, оно уже въ разгаръ крестовыхъ походовъ начало жестокое преслѣдованіе образован-

ности и классицизма истребленіемъ альбигойцевъ (§ 33, 34). Затѣмъ папство убило „первое Возрожденіе“—и на Западѣ насталъ умственный мракъ, напоминавшій 10 и 11 вѣка (§ 15). Подъ вліяніемъ преслѣдованій, ереси вдались въ сумасбродство и ханжество: по всей Европѣ распространилась хлыстовщина (флягелянты). Испортилась и схоластика (§ 34): школа Абеляра разсѣялась и замолкла; ея свободные умы почти всѣ пострадали. Схоластика превратилась въ оружіе папства, благодаря „ангельскому доктору“, *Ѳомѣ Аквинскому*, который совершенно исказилъ Аристотеля. Ѳомизмъ-то и составляетъ ту жалкую пародію на науку, которую мы разумѣемъ подъ именемъ схоластики. Онъ воцарился и въ университетахъ, не исключая итальянскихъ (*С. И.* § 121). Классицизмъ былъ вытѣсненъ изъ преподаванія: снова воцарилась кухонная латынь; и въ знаменитой библіотекѣ Карла V (§ 65) не было ничего, кромѣ схоластическихъ рукописей. Эллинизмъ совсѣмъ былъ забытъ на Западѣ, тѣмъ болѣе, что послѣ раздѣленія церквей греческая рукопись считалась у католиковъ ересью, наряду съ арабскою. Даже грамотность пріостановилась: во Франціи стали встрѣчаться члены королевской семьи, не умѣвшіе писать, чего не было прежде. Поэзія трубадуровъ вдалась въ церковность и пала; исчезъ самый языкъ провансальскій, поглощенный французскимъ, который не произвелъ еще ничего важнаго. Англійскій языкъ только начинался, и интеллигенція говорила по-французски, а писала по-латыни. Нѣмецкій языкъ остановился въ своемъ развитіи, такъ какъ поэзія миннезенгеровъ (§ 34) пала, и онъ попалъ въ руки мистическихъ богослововъ да сухихъ юристовъ. Искусство также служило только церкви, не исключая живописи, которая тогда начинала подниматься. Самымъ почетнымъ живописцемъ былъ „ангельскій“ *да-Фіезоле*,—доминиканецъ, который обливался слезами, рисуя Распятіе. А забитый папствомъ народъ сталъ особенно вѣрить Сатанѣ—и повсюду пошли сожженія вѣдьмъ. Отуманенный еще *черною смертью* (чумой), которая (около 1350) унесла въ могилу въ 6 лѣтъ четверть населенія Запада (25 милліоновъ), народъ сталъ совершать дикіе „танцы смерти“ въ честь дьявола и вымещать свое горе на евреяхъ, которыхъ массами истребляли нѣмцы—самая невѣжественная тогда нація на Западѣ.

Съ половины 14 в. настаетъ второе, истинное *Возрожденіе классицизма*. Впрочемъ, оно дѣйствовало сначала только въ Италіи; полное его развитіе, а также распространеніе по Западу, относится къ слѣдующему періоду. Благодаря *Петраркѣ*, вторая

половина 14 в. стала въ Италіи эпохой открытія классиковъ и благоговѣйной страсти къ древности, а первая половина 15 в.—эпохой классическихъ библіотекъ и переводовъ. Тогда было отыскано и отчасти изучено все важнѣйшее, что дошло до насъ отъ античной образованности, и не только латинской, но и эллинской; тогда явились первыя каѳедры эллинизма на Западѣ. Возрожденіе отразилось повсюду, отъ искусствъ и наукъ до мелочей жизни. Создалась новая интеллигенція, направленіе которой называлось *гуманизмомъ* (*С. И.* §§ 168—172), т.-е. дѣломъ „человѣчнымъ", свѣтскимъ, въ отличіе отъ „божественнаго" познанія или схоластики. Масса новыхъ воззрѣній и разностороннихъ знаній, которыми была богата классическая образованность, овладѣла умами—и среди интеллигенціи возродилась жизнь просвѣщеннаго язычества. Вмѣстѣ съ свѣтскимъ взглядомъ на міръ и съ открытіемъ настоящаго *Аристотеля*, возникло естествовѣденіе, а съ нимъ и его спутники—*изобрѣтенія* и *открытія* (*С. И.* §§ 174, 175). Явился порохъ, помогавшій королямъ уничтожить феодализмъ; явился компасъ, помогшій португальцамъ открыть западъ Африки и морской путь въ Индію. Къ концу періода явился и вѣнецъ изобрѣтеній—*книгопечатаніе* (*С. И.* § 166), которое сдѣлало знаніе общимъ достояніемъ и создало общественное мнѣніе.

§ 74. **Византія и турки.**—Въ Византіи продолжался застой, политическій и умственный, и она падала съ каждымъ днемъ. *Палеологи* (§ 33) управляли также дурно, какъ ихъ предшественники. Народъ нищалъ и тупѣлъ, тѣмъ болѣе, что и здѣсь развился *феодализмъ*, завѣщанный Латинскою имперіей. Оттого тогда уже слагался типъ новаго грека, противоположный знаменитымъ эллинамъ,—существо забитое, невѣжественное, двоедушное и сребролюбивое. Былъ забытъ и языкъ древнихъ эллиновъ: его замѣнилъ *ново-греческій* или „ромайкосъ". Этому помогала сама византійская интеллигенція, состоявшая изъ духовенства, которое преслѣдовало эллинизмъ, какъ источникъ язычества. Въ Византіи уже рѣдко кто понималъ Гомера; и тогда погибло много остатковъ древнѣйшей поэзіи, непонятныхъ для невѣжественныхъ переписчиковъ. Лишь къ концу періода стали встрѣчаться болѣе образованные византійцы, которые принесли эллинизмъ въ Италію. Тогда же возобновлялись сношенія Византіи съ Западомъ; но они не могли принести пользы грекамъ. Тутъ столкнулись два властолюбія, которыя давно привели къ раздѣленію церквей (§§ 9, 15). Сначала гордая, нетерпимая Византія стремилась подчинить себѣ всѣхъ славянъ и даже

латинянъ; потомъ Римъ, пріобрѣтя могущество, пытался подчинить себѣ русскихъ подъ видомъ церковнаго объединенія. (§ 62). Теперь Византія, чувствуя изнеможеніе, сама обратилась къ Риму и пожелала возсоединенія церквей. Но это привело лишь къ *уніи*, на флорентійскомъ соборѣ (1439): такъ называется новая попытка папства подчинить себѣ восточное православіе, которая привела къ еще большей ненависти между греками и латинянами.

Унизительная роль Византіи уясняется ея несостоятельностью, въ виду новаго и самаго грознаго врага. То были *османскіе* или оттоманскіе *турки*. Тѣснимые татарами, они вышли изъ своихъ закаспійскихъ кочевокъ и уничтожили остатки сельджукской державы (§ 33). Ихъ вождь, *Мурадъ*, завоевалъ Малую Азію и вторгнулся въ Европу, благодаря своимъ непобѣдимымъ *янычарамъ*, т.-е. „новому войску", состоявшему изъ омусульманеныхъ христіанскихъ мальчиковъ. Бездарные Палеологи, окруженные придворными кознями и феодальными усобицами, и не думали о борьбѣ съ турками. Мурадъ встрѣтилъ сопротивленіе только со стороны сербовъ и болгаръ, которыхъ онъ побѣдилъ (1389) на *Косовомъ Полѣ*, хотя самъ палъ, вмѣстѣ съ сербскимъ царемъ, Лазаремъ. Сынъ Мурада, *Баязетъ Молнія*, уже осадилъ Византію, но ее спасла орда татаръ, нахлынувшая изъ аральскихъ степей на Малую Азію, подъ предводительствомъ *Тамерлана*, потомка Чингисхана (§ 33). Тамерланъ уже успѣлъ захватить Индостанъ и разрушить господство татаръ въ Россіи. Онъ разбилъ Баязета, но вскорѣ умеръ—и татары исчезли безслѣдно, а турки продолжали наступать на Византію. Опять не греки боролись съ османліями, а славяне да венгерцы. Воевода трансильванскій, *Гуніадъ*, въ союзѣ съ польскимъ королемъ *Владиславомъ*, далъ имъ рѣшительную битву подъ *Варной*, но былъ разбитъ (1444). Тогда султанъ *Магометъ II* покончилъ съ Византіей, хотя она долго сопротивлялась, благодаря храброму императору *Константину*, который погибъ на стѣнахъ своей павшей столицы (1453).

§ 75. **Южные славяне и румыны.**—Византія сама помогла туркамъ своею политикой относительно славянъ. Греческіе императоры опасались свѣжихъ силъ славянскихъ и старались разлагать ихъ: они не давали славянамъ эллинскаго просвѣщенія и стремились подчинить ихъ фанаріотамъ (§ 17) и своему патріарху. Въ то же время феодализмъ переходилъ изъ Византіи къ славянамъ, ослабляя ихъ смутами. Наконецъ, Византія старалась задобрить османліевъ, къ которымъ выказывала

довѣріе, пожертвовавъ имъ славянскія земли. Вотъ почему *Болгарія* постоянно падала, послѣ своего краткаго процвѣтанія (§ 35), и около 1400 г. стала легкою добычей турокъ. Османліи продолжали дѣло Византіи: они подчинили болгаръ константинопольскому патріарху; болгары изнывали подъ гнетомъ ихъ чиновниковъ и фанаріотовъ, которые старались истребить слѣды ихъ національности — славянскія книги и богослуженіе, даже самый болгарскій языкъ. Процвѣтаніе *Сербіи* (§ 35) также было кратковременно. Послѣ Неманя въ странѣ господствовали усобицы, такъ какъ сохранялись еще сильные *жупаны* и *властели* (бояре), какъ пережитокъ родоваго быта. Но около 1350 г. настала лучшая пора въ исторіи сербовъ: воцарился энергическій *Стефанъ Душанъ*, по прозванію *Сильный*. Душанъ достигъ самодержавія, уничтоживъ боярство: по образцу Византіи, онъ окружилъ себя пышностью и множествомъ чиновниковъ изъ народа, которыхъ назначалъ и „банами“ или „воеводами“ (начальниками провинцій) на мѣсто удѣльныхъ жупановъ. Душанъ устроилъ независимое сербское патріаршество и издалъ „Законникъ“—главный законодательный памятникъ южныхъ славянъ. Изъ Законника видно, что тогда въ Сербіи уже исчезъ родовой бытъ и даже общинная собственность: землевладѣніе состояло изъ „баштинъ“ или полной частной собственности, на которую всякій имѣлъ право. Здѣсь, какъ и во всемъ, „люди“ (масса народа) были сравнены въ правахъ съ властелями: крѣпостнаго права не существовало. Только духовенство, которое поддерживало царскую власть, пользовалось свободою отъ повинностей и богатѣло. Средняго сословія не было: городская жизнь не развивалась, и торговля находилась въ рукахъ „гостей“ или „латинянъ“, т.-е. иностранцевъ. Нравы отличались первобытною грубостью: свирѣпствовали дерзкія убійства и открытый разбой; воровъ ослѣпляли, душегубовъ вѣшали, поджигателей и фальшивыхъ монетчиковъ сожигали. Устроивши свое царство, Душанъ такъ усилился, что побивалъ венгровъ и даже грековъ. Ему принадлежали Македонія, Ѳессалія, Эпиръ и Албанія; болгарскій царь сталъ его вассаломъ; Душанъ принялъ даже титулъ „императора сербовъ, грековъ и болгаръ“. Но послѣ Душана настало быстрое паденіе Сербіи. Бояре снова подняли голову, подъ вліяніемъ византійскаго феодализма; народъ не поддерживалъ царей противъ крамолы, потому что они предавались византійскому деспотизму. Въ то же время греки и венгры выставляли Сербію орудіемъ своихъ козней въ борьбѣ съ тур-

ками. Оттого въ 1459 г. Сербія была обращена въ турецкую область, а затѣмъ турки захватили и часть Босніи и Герцеговины, принадлежавшую сербамъ. Изъ южныхъ славянъ одни *черногорцы* сохранили независимость, благодаря своимъ неприступнымъ ущельямъ. У нихъ еще при Душанѣ образовалось собственное *Зетское княжество* (по р. Зетѣ), которое управлялось своими „господарями" изъ рода *Черноевичей*, родственнаго Неманичамъ. Этотъ родъ, который завелъ первую у южныхъ славянъ типографію, гдѣ былъ напечатанъ кирилицей „Осмогласникъ", успѣшно боролся съ турками до самаго своего прекращенія (1516). Послѣ него господарство перешло, по избранію, къ „владыкѣ" *Рувиму* и его наслѣдникамъ, т.-е. водворилась ѳеократія.

Тогда господство турокъ коснулось и *румынъ*, судьба которыхъ связана съ славянами, по ихъ географическому положенію. Румыны гордятся своимъ происхожденіемъ отъ римскихъ колонистовъ, поселенныхъ императоромъ Трояномъ (100 л. по Р. Х.) въ нынѣшней Трансильваніи, Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи. Это — романская нація, но съ примѣсью венгровъ, грековъ, турокъ, въ особенности же славянъ, что̀ отразилось и на румынскомъ языкѣ латинскаго корня. Много румынъ перешло и на югъ, за Дунай, вмѣстѣ съ болгарами, гдѣ они живутъ разсѣянно и теперь, подъ именемъ *куцовлаховъ* и *цинцаръ*. Главное же ядро націи долго жило независимо въ горахъ Трансильваніи, укрываясь тамъ отъ набѣговъ кочевниковъ, приходившихъ съ востока, а также отъ папскихъ притязаній: оно исповѣдовало греческое православіе. Испугавшись татаръ Батыя, румыны вышли оттуда (1240), предводимые фамиліей *Басараба*, и устроили княжество *Валахію*. Другая партія основала вскорѣ княжество *Молдавію* (съ Бессарабіей), среди кумановъ и ногаевъ. Но ок. 1400 г. Валахія, а за нею и Молдавія, стали вассалами турокъ. Государство у румынъ было аристократическое, какъ въ Польшѣ. Господарь или воевода избирался „боярами", которымъ принадлежала почти вся земля. Остальной народъ состоялъ изъ рабовъ и крѣпостныхъ, да было немного арендаторовъ боярскихъ земель. Средняго, городскаго сословія вовсе не было.

§ 76. **Чехи.**—Въ исторіи западныхъ славянъ часть этого періода была лучшею порой. Около 1250 г. у чеховъ прекратились усобицы, и они хорошо воспользовались „великимъ междоусобіемъ" въ Германіи, наставшимъ послѣ погибели Гоген-

штауфеновъ (§ 33). Ихъ даровитый король, *Оттокаръ II*, возстановилъ монархизмъ, поддержалъ города и такъ увеличилъ казну, что на Западѣ его называли „Золотымъ Королемъ"; славяне же звали его „Желѣзнымъ" за его побѣды. Оттокаръ отнялъ у нѣмцевъ почти всю Австрійскую марку (§ 10) и, помогая полякамъ, ходилъ на пруссовъ, гдѣ построилъ *Королевецъ* (Кёнигсбергъ). Нѣмцы предложили ему императорскую корону; но онъ отказался—и тогда былъ избранъ *Рудольфъ Габсбургскій*, который уничтожилъ его. Съ тѣхъ поръ началось паденіе чеховъ. Около 1300 г. вымеръ родъ Премыславичей (§ 5), и на ихъ престолѣ утвердились нѣмецкіе Габсбурги: *королевство Богемія стало провинціей Нѣмецкой имперіи.* Папство нигдѣ не имѣло такого сильнаго вліянія, какъ здѣсь; нѣмецкій языкъ сталъ господствовать не только въ казенныхъ бумагахъ, но даже въ литературѣ и частной жизни высшихъ классовъ. Но зато, подъ западнымъ вліяніемъ, страна разбогатѣла и просвѣщалась. Габсбурги даже покровительствовали ей, стараясь опираться на чеховъ въ своей борьбѣ съ имперскими феодалами. Особенно много сдѣлалъ для чеховъ императоръ *Карлъ IV*, основавшій въ Прагѣ университетъ (1348), котораго еще не было въ Германіи. Нѣмцы должны были обучаться въ Прагѣ, куда молодежь пріѣзжала за наукой и изъ другихъ странъ Европы. Кромѣ того, чехи имѣли вліяніе на поляковъ и были руководителями и учителями всѣхъ западныхъ славянъ.

Оттого съ Карла IV у нихъ зародилось сознаніе своей народности, *началось національное движеніе.* Въ Прагѣ было возстановлено славянское богослуженіе. Возникли проповѣди на славянскомъ языкѣ; и онѣ были направлены противъ папства, подъ вліяніемъ сочиненій англійскаго богослова, *Виклефа* (*С. И.* § 133). Появилась стихотворная Далимилова хроника, проникнутая ненавистью къ нѣмцамъ, и подобныя же сочиненія философа, Ѳомы Щитнаго. Чехи стали вспоминать свое первоначальное, восточное христіанство, съ его роднымъ языкомъ и съ причастіемъ подъ обоими видами. Выразителемъ національнаго возрожденія явился сынъ крестьянина, *Янъ Гусъ*, профессоръ пражскаго университета. За него сталъ народъ, требуя искорененія всего нѣмецкаго, католическаго и феодальнаго: чехи начали причащаться у него изъ *чаши.* Нѣмцы и папа прокляли „ересь" Гуса и сожгли его на констанцкомъ соборѣ (1415). Тогда поднялся весь чешскій народъ — и начались *гуситскія войны* съ Нѣмецкою имперіей. Онѣ длились 15 лѣтъ, причемъ погибла 1/3 населенія

Чехіи и были истреблены 100-тысячныя арміи, присланныя многими католическими державами. Но гуситы распались на двѣ партіи—умѣренныхъ или „чашниковъ“, которые готовы были примириться, только съ сохраненіемъ причастія подъ двумя видами, и крайнихъ или „таборитовъ“, которые не только отвергали папство, но и всѣ обряды, жили по ветхозавѣтному и даже имѣли общее имущество. Чашники сложили оружіе, когда табориты еще ходили на нѣмцевъ до Баваріи и Бранденбурга. Наконецъ, замирились и табориты; только часть ихъ соблюдаетъ свое ученіе до сихъ поръ, подъ именемъ *чешскихъ и моравскихъ братьевъ* и *гернгутеровъ*, отвергающихъ всякое пролитіе крови. Чашники сохранялись недолго: большинство ихъ обратилось въ протестантизмъ, остальные возвратились въ католичество. Гуситское движеніе доставило чехамъ нѣкоторую самостоятельность. Высшія сословія начали говорить по-чешски. Вскорѣ чехи возстановили свое старое избирательное право; и королями у нихъ становились уже не нѣмецкіе императоры, а частью польскіе короли, частью собственные правители. Изъ послѣднихъ самымъ замѣчательнымъ былъ *Юрій Подъбрадъ*, избранный въ 1458 г. Это былъ умный и стойкій патріотъ, утвердившій въ Чехіи конституціонную монархію, на подобіе англійской. Его царствованіе было лучшею порой въ исторіи чеховъ. Юрія почитали иноземные государи, а нѣмцы хотѣли сдѣлать его своимъ императоромъ.

§ 77. **Поляки**. — Описываемый періодъ весьма важенъ въ исторіи Польши. Здѣсь вторая половина 13-го в. была еще наполнена послѣдними усобицами; но 14-й в. былъ одною изъ лучшихъ эпохъ, ознаменованною внутренними преобразованіями при *Владиславѣ Локоткѣ* и его сынѣ, *Казимірѣ III Великомъ*. Тогда Польша снова стала единымъ государствомъ и возвратила свой королевскій титулъ. Она освободилась отъ подчиненія папству, пользуясь его паденіемъ, и пріобрѣла Червонную Русь. Тогда же возвысилась королевская власть. Казиміръ (ок. 1350) занимался внутренними преобразованіями, стараясь утвердить самодержавіе. Онъ подчинилъ себѣ духовенство и уничтожилъ старыхъ, удѣльныхъ воеводъ, поставивъ на ихъ мѣсто собственныхъ служителей—старостъ; вотчинная полиція и суды пановъ были замѣнены королевскими чиновниками и судами. Было издано писанное законодательство: одинъ законъ и одна монета съ національнымъ орломъ господствовали по всей Польшѣ. Даже нѣмцы, въ городахъ, обладавшіе выгоднымъ *магдебургскимъ пра-*

вомъ и судившіеся въ Магдебургѣ, должны были теперь судиться въ королевскихъ судахъ. Казиміръ далъ селамъ и городамъ льготы и самоправленіе, защищалъ крѣпостныхъ, позволяя имъ свободно переходить отъ дурного помѣщика къ хорошему: его прозвали „королемъ хлоповъ". Казиміръ принималъ евреевъ, которыхъ выгоняли изъ другихъ странъ, и защищалъ галицкихъ русскихъ, не тронувъ даже ихъ стараго правленія, такъ что при немъ восточное православіе развивалось, а не падало въ Галиціи. Онъ особенно любилъ нѣмцевъ, черезъ которыхъ приходила въ Польшу западная культура: при дворѣ у пановъ одѣвались и говорили по-нѣмецки. Оттого въ Польшѣ возникло много ремеслъ, и она стала средоточіемъ торговли сѣверозапада Европы съ юго-востокомъ, богатѣя отъ „складочнаго права". Появилось много городовъ со стѣнами, которыя могли сопротивляться и европейскому войску. Даже частныя лица стали строить каменныя зданія, такъ что говорили: „Казиміръ превратилъ Польшу изъ деревянной въ каменную". Нѣмцы принесли готическій стиль (§ 34), живопись, рѣзьбу, золоченье, образцы которыхъ сохранились въ миніатюрахъ, королевскихъ печатяхъ и церковныхъ поминаньяхъ. Казиміръ положилъ также основаніе наукѣ въ Польшѣ: онъ устроилъ *краковскій университетъ* (1364), въ который стекались даже нѣмцы и чехи. Отсюда-то выходили юристы, которые поддерживали власть Казиміра и замѣщали духовенство и пановъ въ управленіи государствомъ. Но самодержавіе Казиміра было непрочно, потому что въ началѣ періода аристократія слишкомъ утвердилась, подъ вліяніемъ усобицъ. Паны, обладавшіе вотчинами, становились гордыми, подражая нѣмецкимъ феодаламъ, у которыхъ они заимствовали гербы и титулы. По смерти Казиміра, они стали еще сильнѣе, такъ какъ родъ Пястовъ (§ 5) прекратился, а призванный изъ Венгріи *Людовикъ* получилъ корону по договору, расширявшему права пановъ. Умирая, Людовикъ далъ права даже шляхтѣ за признаніе короны за его дочерью, *Ядвигой*: у поляковъ женщина не имѣла права наслѣдства даже въ частномъ быту. Въ 1386 г. паны заставили Ядвигу выйти замужъ за *Ягелла* литовскаго.

§ 78. **Великое княжество Литовское. Гедиминъ.** — Тогда Литва (§ 8) была уже сильнымъ великимъ княжествомъ. Переходъ отъ родового быта къ государственному совершился здѣсь изъ потребности противостоять сильнымъ сосѣдямъ—русскимъ и нѣмцамъ. Литовцы уже давно платили дань князьямъ полоцкимъ и

волынскимъ, по мѣрѣ усиленія этихъ удѣловъ. При Романѣ волынскомъ они даже подверглись сильнымъ угнетеніямъ (§ 55). Но около 1200 г. слабѣвшіе въ удѣльныхъ усобицахъ полоцкіе князья стали брать ихъ къ себѣ на помощь и пріучать къ войнѣ. Съ тѣхъ поръ литовцы начали нападать на своихъ сосѣдей, не исключая самихъ полочанъ. Паденіе Кіева, а затѣмъ вторженіе татаръ на Русь развязало имъ руки. У нихъ, среди множества старшинъ, выдвинулось четверо князьковъ, и подлѣ нихъ образовалась сильная дружина—бояре-вотчинники, обязанные военною службой. Одинъ изъ нихъ, *Миндовгъ*, уже построилъ себѣ столицу *Новогродокъ*, на русской землѣ, а его родственники сидѣли въ Смоленскѣ, Полоцкѣ (§ 54) и Витебскѣ (ок. 1250). Лютый, какъ волкъ, и хитрый, какъ лисица, Миндовгъ перебилъ своихъ родственниковъ и сталъ *великимъ княземъ* всей Литвы. Но нѣкоторыя изъ его жертвъ успѣли бѣжать и привели противъ него нѣмцевъ и Данила Романовича (§§ 55, 56). Миндовгъ отдѣлался тѣмъ, что крестился у нихъ, хотя продолжалъ приносить жертвы своимъ идоламъ. Папа такъ обрадовался этому, что даже повелѣлъ магистру меченосцевъ вѣнчать его королевскою короной. Затѣмъ Миндовгъ примирился съ Данилой, выдавъ свою дочь за его сына, *Шварна*, и уступивъ ему клочекъ земли по сосѣдству съ ятвягами, который навлекъ на русскаго князя вражду этихъ разбойниковъ и поставилъ его въ зависимое отношеніе къ Литвѣ. Заручившись помощью русскихъ съ этой стороны и заключивъ союзъ съ новгородскимъ княземъ, Александромъ Невскимъ, Миндовгъ отрекся отъ христіанства, разбилъ нѣмецкихъ рыцарей и сжегъ ихъ плѣнниковъ въ честь своимъ идоламъ. Онъ уже считалъ себя выше всѣхъ на свѣтѣ, какъ вдругъ палъ жертвой національной, языческой партіи, которая гнѣздилась въ Жмуди (§ 8). Но приближенные Миндовга призвали сына его, *Войшелка*. При жизни отца, Войшелкъ былъ назначенъ княземъ Новогродка. Здѣсь онъ совсѣмъ обрусѣлъ: обратился въ христіанство, построилъ монастырь, самъ постригся въ монахи, даже собирался съѣздить на Аѳонъ; его усыновилъ волынскій князь, а онъ самъ усыновилъ Шварна. Послѣ убіенія Миндовга, Войшелкъ явился въ Литвѣ и былъ признанъ княземъ. Онъ сбросилъ съ себя монашескую одежду и ревностно принялся за правленіе, какъ за божеское назначеніе. Но затѣмъ вдругъ снова ушелъ въ свой любимый монастырь, а Литву отдалъ Шварну. Такъ проникло въ Литву русское, христіанское вліяніе; но не надолго. Шварнъ вскорѣ умеръ

бездѣтнымъ. Ему хотѣлъ наслѣдовать въ Литвѣ братъ, *Левъ Даниловичъ*; но литовцы призвали Войшелка, и онъ еще разъ перемѣнилъ схиму на княжескій вѣнецъ. Левъ не хотѣлъ уступать; но одинъ родственникъ примирилъ противниковъ за пирушкой. Послѣ пира, Войшелкъ поѣхалъ ночевать въ монастырь. Къ нему пришелъ подгулявшій Левъ, чтобы еще выпить. Новые друзья сильно выпили, поссорились, и Левъ убилъ Войшелка.

Но убійцѣ не удалось владѣть Литвой: литовцы выбрали себѣ въ князья одного изъ своихъ вельможъ—*Гедимина* (1315). Это былъ храбрый воинъ, способный начальникъ, хитрый политикъ съ широкими замыслами, человѣкъ разсудительный, терпимый и незнавшій ни отдыха, ни отчаянія. Гедимина должно считать основателемъ могущественнаго *великаго княжества Литовскаго*, съ которымъ долго боролись русскіе. Можно сказать, что какъ московскіе князья „собрали“ сѣверо-восточную Русь, такъ Гедиминъ и его преемники собрали ослабѣвавшую южную Русь. Въ 1320 г. онъ, въ одинъ походъ, захватилъ *Волынь*, затѣмъ взялъ многіе другіе города южной Руси. Гедиминъ вездѣ оставилъ прежніе порядки, только посадилъ своихъ намѣстниковъ. Онъ переженилъ своихъ сыновей на русскихъ княжнахъ и самъ женился на какой-то русской, Ольгѣ, отъ которой родилось два сына, Ольгердъ и Кейстутъ. Связь съ Русью имѣла большое значеніе для Литвы. Необразованные язычники, литовцы, подчинились *русскому вліянію*. Тогда болѣе $^2/_3$ Литвы были населены русскими: Гедиминъ именовался „королемъ литовцевъ и русскихъ“. У него русскіе были воеводами и послами. Было много и русскихъ ратей: оттого литовцы вдругъ хорошо стали сражаться, даже осаждать города и побивать ливонскихъ рыцарей. Гедиминъ привлекалъ изъ-за моря нѣмецкихъ переселенцевъ и построилъ много городовъ (Гродно, Слонимъ, Ковно и др.), а самъ жилъ въ Трокахъ, на неприступномъ болотѣ. Онъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Новгородомъ, Псковомъ, Смоленскомъ, искусно поддерживая ихъ въ борьбѣ съ Москвой и нѣмцами. Онъ дружилъ и съ Локоткомъ (§ 77) и выдалъ дочь свою за Казиміра III, чтобы успѣшнѣе сопротивляться меченосцамъ. Онъ успѣлъ даже войти въ связи съ Римомъ и привлекъ папу коварными обѣщаніями креститься. Такъ Гедиминъ остановилъ нападеніе меченосцевъ; но самъ остался язычникомъ. У р. Виліи, въ густомъ бору, на холмѣ, было старое святилище литовцевъ. Криве (§ 8) переселился туда изъ Жмуди, удаляясь отъ нѣмцевъ, а за нимъ по-

слѣдовалъ Гедиминъ изъ Трокъ: такъ возникла столица всей Литвы, *Вильна*. Но тутъ же были воздвигнуты католическія и русскія церкви.

§ 79. **Ольгердъ и Ягелло.**—Гедимину наслѣдовалъ *Ольгердъ*; но онъ сидѣлъ въ обрусѣлой Вильнѣ, а строго-литовскою Жмудью правилъ его вѣрный братъ, *Кестутъ*, который почиталъ его, какъ отца, и сопровождалъ, со своею ратью, почти во всѣхъ походахъ. Здоровый, румяный блондинъ средняго роста, съ высокимъ лбомъ, мягкимъ взоромъ и пріятнымъ голосомъ, говорившій на разныхъ языкахъ, Ольгердъ имѣлъ видъ цивилизованнаго человѣка. Онъ отличался самообладаніемъ: не только не пилъ, но не зналъ ни развлеченій, ни побрякушекъ тщеславія, и проводилъ дни и ночи въ работѣ. Его терпѣніе и осторожность вошли въ пословицу. Онъ долго обдумывалъ искусные таинственные планы и нападалъ лишь въ случаѣ вѣрнаго успѣха: его считаютъ однимъ изъ первыхъ политиковъ средневѣковья. Высокій, худой, блѣдный, плѣшивый, съ лихорадочнымъ взоромъ, страшный въ гнѣвѣ, отважный и правдивый воинъ, Кестутъ былъ литовецъ тѣломъ и душой. Народъ горячо любилъ его: сочинили сказку, будто его жена, истая жмудинка, была жрицей, хранившей вѣчный огонь. Но его почитали и главные враги — меченосцы: онъ соперничалъ съ ними въ рыцарственности, не кривилъ душой, предувѣдомлялъ непріятеля о своемъ нападеніи. Кестутъ всю жизнь боролся съ ливонскимъ орденомъ и не уступилъ пяди литовской земли этимъ лучшимъ въ Европѣ воинамъ. Ольгердъ, помогая брату широкими планами и ловкими союзами, былъ занятъ преимущественно отношеніями къ русскимъ и татарамъ. Съ него начинается правильное противодѣйствіе Литвы быстрымъ успѣхамъ Москвы: въ его лицѣ воскресла *борьба южной Руси съ сѣверною*. Ольгердъ поддерживалъ въ Новгородѣ и Псковѣ противныя Москвѣ партіи: въ Псковѣ одно время княжилъ даже его сынъ, Андрей. Особенно сильно было его вліяніе въ слабомъ Смоленскѣ, и въ Твери, которая тогда упорно боролась съ Москвой за первенство на Руси (§ 54). Не разъ Ольгердъ побивалъ московскіе полки и однажды едва не взялъ самой Москвы. Но вообще на сѣверо-востокѣ Ольгерду трудно было удерживать свое значеніе, не говоря уже о своемъ усиленіи. На югѣ же его дѣла шли успѣшнѣе. Здѣсь онъ легко присоединялъ къ Литвѣ остатки старой Руси, являясь ея оборонителемъ отъ татарскаго ига. Ольгердъ велъ искусную политику

съ татарами. Онъ отправлялъ дружелюбныя посольства къ ихъ хану, возстановляя его противъ Москвы, и пользовался въ своихъ походахъ ихъ ордой, занимавшей почти независимо отъ хана, *Подолію*, которая называлась раньше Понизьемъ, разстилаясь по долинамъ между Бугомъ и Днѣстромъ. Затѣмъ Ольгердъ захватилъ Подолію, вытѣснивъ орду на югъ, къ Крыму. Онъ овладѣлъ также княжествами *Черниговскимъ и Сѣверскимъ*; и тогда легко подчинился ему самый *Кіевъ*, гдѣ татары ставили какихъ-то безвѣстныхъ русскихъ князьковъ подъ надзоромъ своихъ военачальниковъ. Наконецъ, Ольгердъ отстоялъ права Литвы на Волынь, послѣ упорной борьбы съ Польшей. Такъ онъ объединилъ всю юго-западную Русь; и литовцы стали совсѣмъ сливаться съ русскими. Литва стала походить на Москву, по своему политическому и общественному строю: ея „рада“ была сколкомъ съ нашей боярской думы. Самъ Ольгердъ женился на тверской княжнѣ. Десять изъ его 12 сыновей были крещены въ православіи. Его родственники владѣли землями и княжествами на Руси, совсѣмъ обрусѣли, приняли восточное православіе; даже при дворѣ великокняжескомъ, при сынѣ Ольгерда, господствовали обычаи и языкъ Руси.

По смерти Ольгерда, вѣрный Кестутъ призналъ великимъ княземъ сына его, *Ягелла*, который также участвовалъ въ походахъ отца и дрался рядомъ съ своимъ товарищемъ, *Витовтомъ*, сыномъ Кестута. Ягелло былъ грубъ, лѣнивъ, скрытенъ и трусливъ. Онъ ничего не дѣлалъ и подчинялся любимцамъ, во главѣ которыхъ стоялъ бывшій рабъ, свирѣпый *Войдылло*. По совѣту Войдылла, Ягелло осоюзился съ нѣмцами и отнялъ земли у своихъ родственниковъ, которые разбѣжались изъ Литвы и отчасти поступили на службу къ московскому князю. Одинъ старый Кестутъ предупредилъ своего племянника: онъ внезапно напалъ на Вильну, повѣсилъ Войдылла, а Ягелла сослалъ въ Витебскъ. Но вскорѣ Ягелло удавилъ его у себя на пиру. Витовта же, друга своего дѣтства, онъ посадилъ въ тюрьму. Но Витовтъ, спасенный своею женой, бѣжалъ къ нѣмцамъ и даже принялъ католичество. Онъ привелъ рыцарей въ Литву, въ то самое время, когда союзники Ягелла, татары, были поражены москвичами. Литва погибала; но вдругъ обстоятельства приняли другой оборотъ. Ягелло далъ Витовту много земель—и тотъ перемѣнилъ католичество на православіе и началъ, вмѣстѣ съ Ягелломъ, громить нѣмецкій орденъ. Вслѣдъ затѣмъ произошло событіе, которое должно было

совсѣмъ погубить этотъ орденъ: *великое княжество литовское соединилось съ польскимъ королевствомъ* посредствомъ брака Ягелла съ Ядвигой (§ 77). Это соединеніе было необходимо: оттого династія Ягеллоновъ правила обоими государствами около 200 лѣтъ. Польша и Литва только вмѣстѣ могли справиться съ такими врагами, какъ нѣмецкій орденъ, татары и Москва. Ихъ соединеніе тотчасъ же рѣшило 100-лѣтнюю борьбу нѣмцовъ съ славянствомъ у устьевъ Вислы: на полѣ *Грюнвальда* (1410) рыцари были разбиты и оставили 40.000 труповъ. Съ тѣхъ поръ Тевтонскій орденъ сталъ падать и не смѣлъ трогать Польшу. Надѣясь на свою соединенную силу, поляки и литовцы выступили даже противъ татаръ; но ханъ Едигей нанесъ имъ сильное пораженіе при *Ворсклѣ*. Тогда соединеніе Польши съ Литвой было далеко не прочно. Литва только при Ягеллѣ приняла католицизмъ и еще сочувствовала восточному православію: многіе литовскіе бояре или „князья“ имѣли земли въ Подоліи и на Волыни и роднились съ русскими. Въ Литвѣ не было шляхты, которая тогда усиливалась въ Польшѣ; а литовскіе князья не довѣряли полякамъ, которые презрительно смотрѣли на нихъ съ высоты своего западнаго образованія. Оттого тотчасъ по воцареніи Ягелла въ Польшѣ, даровитый и честолюбивый Витовтъ сталъ независимымъ великимъ княземъ литовскимъ и даже враждовалъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ. Но нужда, безсиліе и общіе враги заставляли эти два государства соединяться плотнѣе; въ 1413 г. была заключена *унія въ Городлѣ*, въ силу которой по смерти Ягелла и Витовта Польша и Литва должны были имѣть одного государя; литовскіе князья получили права польскихъ пановъ; польское правленіе было введено въ Литвѣ. Но и послѣ городельской уніи Витовтъ старался стать независимымъ и даже пріобрѣсти титулъ литовскаго короля, съ помощью нѣмецкаго императора. Такъ, въ 13—15 вв. Литва и Польша, соединившись вмѣстѣ, достигли высшаго могущества и остановили напоръ своего главнаго врага съ запада, нѣмцовъ. Этимъ онѣ были много обязаны тому стѣснительному положенію, въ которомъ находился тогда ихъ сильный врагъ съ востока — русскіе. Надъ Русью тяготѣло татарское иго.

§ 80. **Татары.** — Въ 1224 г. подвиги Удалаго были остановлены (§ 53) еще не виданными на Руси полудикарями — *татарами* или, какъ они сами называли себя, *монголами* (§ 2), „храбрецами“. Татары жили въ степи Гоби и въ Алтайскихъ горахъ родовымъ бытомъ, распадаясь на множество *ордъ*,

которыя управлялись старшинами или *ханами.* У нихъ постоянно происходили усобицы изъ-за стадъ, которыя составляли все ихъ имущество. Это были настоящіе степняки: они и время считали „по травамъ", не зная ни годовъ, ни мѣсяцовъ. Татары ѣли свой скотъ, пили его молоко (кумысъ), жили въ круглыхъ юртахъ, сплетенныхъ изъ хвороста и покрытыхъ войлокомъ, иногда прикрѣпленныхъ къ телѣгамъ (кибитка). Они были безобразны и грязны. Эти малорослые, но коренастые люди, съ кривыми ногами, съ плоскимъ, скуластымъ лицомъ, съ жидкою бородкой и рѣдкими волосами, съ подслѣповатыми, но острыми глазками, ѣли руками, и когда съ нихъ текъ жиръ, обтирали ихъ о платье, котораго они не смѣняли, пока оно не износится. Кто посильнѣе, тотъ хваталъ самые большіе и жирные куски, а хилые и старики подъѣдали, что̀ останется. Если не хватало баранины и конины, жрали всякую дрянь и дохлятину. Но у татаръ были и хорошія черты, какъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ. Они уважали женщинъ: женихъ покупалъ себѣ невѣстъ за дорогую цѣну; ханши участвовали въ правленіи; во время церемоній ханъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ, окруженный женами справа и слѣва. Татары не знали замко̀въ за отсутствіемъ воровъ, были строги въ домашней жизни, сообщительны, помогали другъ другу въ нуждѣ, рѣдко бранились, не дрались. Хотя они были не прочь попировать, но только въ случаѣ побѣды или для угощенія пріятеля; вообще же были воздержны и выносливы: не ѣвши два дня, татаринъ пѣлъ, какъ сытый. Но такимъ татаринъ былъ только съ своими: съ чужими же онъ былъ свирѣпъ, коваренъ, жаденъ. Татары были фетишистами (*Д. И.* Введ. § 6): они покланялись идоламъ, которые были у нихъ не изображеніемъ божества, а самымъ божествомъ, также какъ молнія считалась живымъ существомъ — огненнымъ зміемъ. Начиналось и поклоненіе природѣ, особенно огню, какъ очистительному божеству: оттого иностранныхъ пословъ проводили между костровъ. Загробная жизнь представлялась продолженіемъ земной. Общественныя жертвы приносились грязными *шаманами*, которые почитались также колдунами и предсказателями. Но татары были вѣротерпимы: у нихъ жили языческіе жрецы, магометанскіе муллы и христіанскіе проповѣдники; иногда въ семьѣ хановъ встрѣчались христіане. Съ двухъ лѣтъ татаринъ учился сидѣть на конѣ и бить изъ лука птицъ да крысъ; женщины также отлично ѣздили верхомъ и владѣли оружіемъ; мирное время мужчины проводили на охотѣ. Татары постоянно

носили лукъ, колчанъ со стрѣлами, топоръ и арканъ; у богатыхъ были, сверхъ того, кривыя сабли, шлемы и брони или панцыри; иногда вся лошадь убиралась въ кожаный панцырь [1]). Войско состояло только изъ конницы, и потому поразительна была быстрота его походовъ. Оно раздѣлялось на десятки, сотни и тысячи: рать въ 10.000 называлась *тьмой*, сторожевой отрядъ—*карауломъ*. Дисциплина у татаръ была самая строгая: если хоть одинъ изъ десятка дрался храбро, а остальные бѣжали, то ихъ казнили. Но всѣмъ бѣжать дозволялось: даже было правиломъ—какъ только непріятель выдерживалъ первый натискъ, тотчасъ всѣмъ скакать вразсыпную. Военное искусство татаръ было значительно по тому времени. Впереди шелъ авангардъ развѣдчиковъ. Встрѣтится рѣка—перераправляются на *бурдюгахъ* или кожаныхъ мѣшкахъ, наполненныхъ пожитками и привязанныхъ къ хвосту лошади. На порожнихъ коней сажали чучелъ, чтобы казалось побольше войска. Рукопашнаго боя татары не любили. Часто они нарочно обращались въ бѣгство, чтобы завлечь непріятеля въ засаду. Они искусно дѣлали подкопы, отводили или напускали воду, строили укрѣпленные лагери, мастерски и упорно осаждали города. Татары начинали съ окрестныхъ селъ, которыя зажигали, а плѣнныхъ гнали къ городу, нагрузивъ ихъ травой, землей, дровами, камнями, и заставляли ихъ рыть рвы и канавы; отсталыхъ приколачивали. Затѣмъ ставили метательныя машины и бросали на крыши домовъ греческій огонь и жиръ убитыхъ людей. Взявъ городъ, избивали всѣхъ жителей, кромѣ мастеровыхъ. Встрѣтивъ сильную крѣпость, предлагали защитникамъ пощаду; а когда тѣ отворяли ворота, ихъ всѣхъ избивали.

---

[1]) Нашъ рисунокъ изображаетъ татарскаго воина въ полномъ вооруженіи. Кольчуга состоитъ изъ густо насаженныхъ толстыхъ желѣзныхъ колецъ, нерѣдко изукрашенныхъ узорчато. Изъ нихъ же сдѣлана шапка, которая иногда замѣнялась неглубокимъ литымъ шлемомъ, а также наушники и назатыльникъ или „бармица". На груди сверхъ кольчуги прикрѣплялись стальныя дощечки, исписанныя арабскими изреченіями. Изъ такихъ же пластинокъ состояли „наручи" и „наколѣнки", скрѣпленныя на колѣняхъ толстыми бляхами. Изъ-подъ поручій выходили перчатки—сверху изъ мелкихъ колечекъ, снизу кожаныя съ мягкой, густо простеганной подкладкой. Хорошо выкованная сѣкира крѣпко насажена на прочное древко, рукоятка котораго часто украшалась рѣзьбой. Легкая сабля, также хорошаго достоинства, напоминаетъ видомъ черкесскія шашки. Нашъ рисунокъ снятъ съ вооруженія, принадлежавшаго царскосельскому музею. Въ настоящее время оно хранится въ Эрмитажѣ, въ Восточной залѣ Отдѣленія среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія. Тамъ же находится много другихъ подобныхъ образцовъ, а также татарское оружіе—лукъ, стрѣлы, колчаны, палицы, топоры и т. д.

Татарскій воинъ.

Татары не были опасны, пока коснѣли въ родовомъ быту. Но время отъ времени нѣкоторыя ихъ части соединялись подъ властью одного вождя, *великаго хана*. Тогда образовывалось какъ бы кочующее государство, которое устремлялось на завоеванія. Такъ случилось незадолго до Р. Х., когда татары наложили дань на Китай. Лѣтъ 300 спустя послѣ Р. Х., они появились въ Европѣ, сначала подъ видомъ гунновъ, потомъ другихъ кочевниковъ и, наконецъ, половцовъ (§§ 7, 39). Около 1200 г. въ монгольскомъ племени произошелъ новый переворотъ. Одинъ родовой князекъ, свирѣпый, самоувѣренный, суевѣрный, но разсчетливый, воздержный и умѣвшій выбирать помощниковъ, *Темучинъ*,

Великій ханъ и братья Поло.

соединилъ многія орды, сваривши ихъ хановъ въ котлахъ. Почти всѣ татары подчинились Темучину и образовали сильное государство, которое стало быстро развиваться, благодаря тому, что побѣдители подчинились вліянію завоеванныхъ ими уйгуровъ, одного изъ самыхъ образованныхъ турецкихъ народовъ у Байкала. Темучинъ принялъ титулъ *Чингисхана* — „великаго хана“, поселился въ столицѣ уйгуровъ, блестящемъ *Каракорумѣ*, и издалъ „Ясу“—книгу законовъ, которая вводила строгій порядокъ и единство между ордами: у него всѣ подданные были перечислены, и никто не смѣлъ проѣзжать по его странѣ безъ паспорта [1]). Чингисханъ рѣшилъ, что какъ солнце одно на небѣ,

[1]) Представленное здѣсь изображеніе великаго хана, снабжающаго венеціанскихъ купцовъ, братьевъ Поло, золотою дощечкой для проѣзда по его владѣніямъ,

такъ долженъ быть и одинъ владыка на всей землѣ. Онъ назвалъ себя „бичемъ Божіимъ" и сталъ все истреблять, что ни попадалось подъ руку: онъ перебилъ десятки милліоновъ людей и разрушилъ цѣлыя богатыя и образованныя царства. Народы приходили въ такой ужасъ, что ихъ богатыри припадали къ землѣ, и татарки рубили имъ головы безпрепятственно. Чингисханъ прежде всего наложилъ дань на китайцевъ, потомъ бросился на *Ховарезмъ* (Бухара), — одно изъ самыхъ богатыхъ царствъ Востока, бывшее притомъ средоточіемъ арабскаго просвѣщенія. Разрушивъ Ховарезмъ до тла цѣлымъ „потопомъ жестокостей", по словамъ очевидцевъ, Чингисханъ послалъ своихъ сыновей завоевывать Персію до самаго Инда, а одинъ отрядъ, подъ начальствомъ *Субудая-багадура* (богатыря), отправилъ на сѣверъ. Субудай опустошилъ Грузію и черезъ Дербентскіе Ворота проникъ въ южно-русскую степь. Онъ разгромилъ половцовъ, которые бросились къ русскимъ за помощью.

§ 81. **Нашествіе татаръ на Европу.** — При первомъ нападеніи на татаръ, русскіе потерпѣли безпримѣрное пораженіе (1224) при р. *Калкѣ.* Сначала былъ уничтоженъ передовой отрядъ Удалого (§ 53), потомъ была разсѣяна остальная русская сила; погибли и послѣдніе богатыри — *Александръ Поповичъ* съ 70 товарищами. Почти всѣ князья, участвовавшіе въ бою, были перебиты; а кто попалъ въ плѣнъ, тотъ былъ раздавленъ досками, на которыхъ татары усѣлись обѣдать. Затѣмъ врагъ двинулся на ближайшіе русскіе города. Жители выходили съ крестами и хлѣбомъ-солью, но всѣ были перебиты. Вдругъ татары повернули назадъ и пропали въ глубинѣ азіатскихъ степей: „не знаемъ, говоритъ лѣтописецъ, откуда приходили на насъ эти злые татары и куда они дѣвались". Русскіе начали поправляться. Они забыли и думать о свирѣпыхъ кочевникахъ, какъ вдругъ, черезъ 13 лѣтъ, снова явились татары, — и Русь должна была надолго подчиниться *монгольскому игу.*

По разрушеніи Ховарезма, Чингисханъ возвратился домой, чтобы родина видѣла его во всемъ величіи. Затѣмъ онъ бросился въ Китай, гдѣ и умеръ въ горныхъ тѣснинахъ. Родичи и богатыри тайно увезли прахъ великаго хана на родину, убивая по дорогѣ всѣхъ встрѣчныхъ. Тамъ его сожгли подъ могучимъ деревомъ, по назначенію самого покойника, и убили много рабовъ, дѣ-

---

взято изъ миніатюры 14 вѣка, которою украшено путешествіе *Марка Поло* въ Каракорумъ, написанное въ 1298 г.

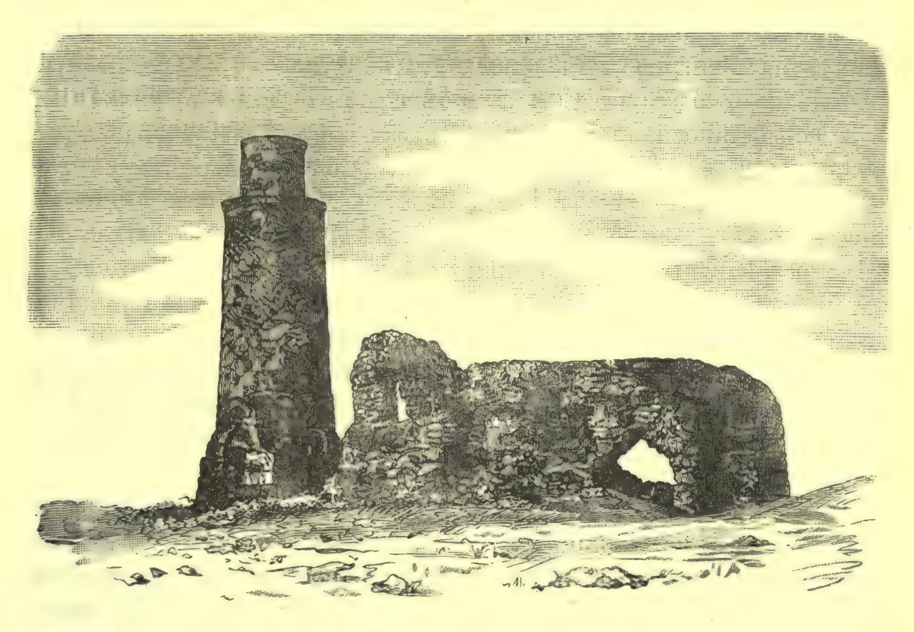
вицъ и коней, чтобы они служили ему на томъ свѣтѣ. Чингисханъ раздѣлилъ свое царство между своими сыновьями: старшему, *Джучи*, достался *Кипчакъ*, какъ называли татары степи къ сѣверо-западу отъ Каспійскаго м. или южную Россію. Но чтобы сохранить единство, Чингисханъ завѣщалъ своимъ дѣтямъ повиноваться „великому хану“, какого выберетъ народъ. Былъ избранъ младшій изъ нихъ, *Угедей*. Около 10 л. братья повиновались ему и вмѣстѣ совершали походы. Татары захватили Китай, которымъ владѣли около 100 л., впрочемъ совершенно поддавшись его культурѣ. Затѣмъ они подчинили себѣ всю Переднюю Азію, и Угедей сидѣлъ въ своемъ роскошномъ Каракорумѣ, уже какъ пышный восточный султанъ: онъ былъ окруженъ тысячью китайскихъ церемоній и толпой мандариновъ, магометанскихъ ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ, утопалъ въ роскоши, предавался наслажденіямъ, въ особенности пьянству. Угедей уже задумалъ образовать всемірную державу и повелѣлъ своему племяннику, *Батыю* (сыну умершаго Джучи), двинуться изъ Кипчака далѣе на западъ.

Батый поднялся съ 300.000 татаръ и прежде всего разрушилъ Великіе Бѹлгары (§ 7) [1]) и разсѣялъ волжскихъ болгаръ, бѣжавшихъ толпами къ Юрію II (§ 53), который охотно поселилъ ихъ въ своихъ безлюдныхъ земляхъ. Затѣмъ татары двинулись не на югъ, а на сѣверъ, слѣдуя своей охотничьей поговоркѣ: „дичь нужно гнать изъ лѣсу въ открытое поле“. Они вторгнулись въ *Рязанское* княжество, требуя десятины отъ всякаго имущества. Князья рязанскіе и муромскіе отвѣчали: „когда никого изъ насъ не останется, тогда все будетъ ваше“, и послали къ Юрію II за помощью. Но Юрій не тронулся, думая, что врагъ не доберется до его болотъ и лѣсовъ. Татары на Рязани показали русскимъ примѣръ своей жестокости. Она была выжжена до тла. Жителей жарили, сажали на колъ, медленно пронзали стрѣлами: такъ погибли и всѣ бояре съ своими князьями, съ ихъ матерями, женами и дѣтьми. Затѣмъ татары,

---

[1]) Развалины *Великихъ Бѹлгаръ*, часть которыхъ изображена на нашемъ рисункѣ, расположены въ 125 верстахъ отъ Казани. Это — стѣны съ обвалившимися сводами, заросшіе травой курганы да такъ называемая башня Малаго Минарета. Здѣсь и теперь находятъ много восточныхъ монетъ, серебряныхъ и мѣдныхъ, а также разныя вещи изъ золота, серебра и бронзы—браслеты, перстни, серьги, запонки, бляхи, замки, бусы, металлическія зеркала и т. под. Всѣ эти вещи и развалины—мусульманскаго происхожденія и относятся къ 12-му или къ началу 13-го в.

пользуясь зимнимъ временемъ, разрушили Суздаль, Ростовъ, Ярославль, Москву и самый Владиміръ, гдѣ избили семейство великаго князя. Юрій II собиралъ въ это время войска у Волги, на берегахъ р. *Сити*. Здѣсь онъ сразился съ Батыемъ (1238). Татары одолѣли только своею многочисленностью; самъ Юрій и нѣкоторые изъ его родственниковъ пали на полѣ битвы. Батый двинулся на Новгородъ, но испугался болотъ: уже настала оттепель. Онъ повернулъ на юго-востокъ, въ степь. На дорогѣ его задержалъ *Козельскъ*, павшій лишь послѣ замѣчательнаго



Великіе Болгары.

сопротивленія: татары называли потомъ Козельскъ „злымъ городомъ". Въ слѣдующемъ году татары снова двинулись на Русь, но уже на южную, гдѣ Рюриковичи заводили старыя усобицы даже передъ самымъ приходомъ татаръ, а потомъ убѣгали отъ нихъ въ Венгрію. Половцы, съ своимъ Котяномъ (§ 53), также бѣжали въ Венгрію, гдѣ имъ дали землю. Слѣдуя за ними, Батый дошелъ до *Чернигова*, сжегъ его и перебилъ жителей, пощадивъ только епископа. Въ 1240 г. татары обложили *Кіевъ*, который управлялся тысяцкимъ Данилы Романовича (§ 48), *Димитріемъ*. Они нѣсколько дней не могли взять города, хотя у нихъ были стѣнобитныя орудія, и ихъ

самихъ была такая тьма, что кіевляне не могли слышать собственнаго разговора отъ скрипа ихъ телѣгъ, ржанья коней и рева верблюдовъ. Послѣднимъ убѣжищемъ осажденныхъ были крыши церквей; но онѣ рухнули подъ ихъ тяжестью. Батый почтилъ храбрость Димитрія, раненаго на стѣнахъ: истребивши кіевлянъ, онъ сохранилъ ему жизнь и возилъ его за собой съ почетомъ, пользуясь его совѣтами. Послѣ Кіева, татары начали опустошать *Волынь* и *Галичъ*. Жалко стало Димитрію этихъ русскихъ земель—и онъ уговорилъ Батыя убраться въ Венгрію, куда скрылся Данило Романовичъ. Татары вступили въ предѣлы западной Европы, раздѣлившись на двѣ орды. Одна пошла на Венгрію и въ одно лѣто обратила ее въ безлюдную пустыню; отсюда она дѣлала набѣги на Иллирію и Далмацію, гдѣ ее остановили хорваты. Другая орда разрушила Краковъ и дошла до Одера въ Силезіи. Но Западъ было труднѣе завоевать, чѣмъ Россію: побѣда надъ нѣмецкими рыцарями при *Лигницѣ* дорого досталась татарамъ. Впрочемъ, они не думали останавливаться. Но пришло извѣстіе о смерти Угедея—и татары повернули назадъ, пронеслись, какъ ураганъ, по Богеміи и Моравіи и возвратились въ Россію. У устьевъ Волги Батый основалъ царство *Кипчацкой* или *Золотой Орды*. Въ его лицѣ династія Джучи образовала въ Россіи независимое монгольское царство, отложившееся отъ Каракорума. То же сдѣлали его родственники въ Китаѣ и Персіи.

§ 82. **Судьба татаръ на Руси**.—Кипчацкая Орда была сильнѣйшимъ изъ царствъ, на которыя распалась держава Чингисхана. Въ Персіи и Китаѣ татары продержались всего лѣтъ 100, а въ Россіи—болѣе 200. Быть можетъ, здѣсь они царствовали бы еще дольше, если бы ихъ не ослабляли постоянныя междоусобія, которыя происходили отъ двухъ причинъ. 1) Въ Сараѣ сохранялись пережитки *родового* быта, напоминающіе наши удѣльныя усобицы. Великій ханъ дѣлилъ Орду между своими сыновьями и раздавалъ своимъ родичамъ „улусы“ или племена, которыя и назывались по ихъ именамъ. Отсюда образовались своего рода удѣльные ханы, которые враждовали между собой. Борьба разжигалась *придворными кознями*, свойственными деспотическимъ правительствамъ. Вскорѣ по смерти Батыя, между Джучидами начались кровавыя распри за престолъ. По прекращеніи династіи Джучи, въ концѣ 14 в., борьба за ханство приняла особенно обширные размѣры. 2) *Кипчацкая Орда была слишкомъ велика.* Она простиралась отъ Тур-

кестана до низовьевъ Дуная. На востокѣ она смѣшивалась съ ховарезмійцами, на западѣ—съ остатками половцовъ и другихъ степняковъ, кочевавшихъ до нея на югѣ Россіи. Въ разныхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга, мѣстахъ вырабатывался своеобразный бытъ. Въ наше время татаринъ кавказскій, казанскій и крымскій—три различные типа даже по языку. Оттого уже въ концѣ 13 в. западные улусы отпали отъ Сарая, подъ начальствомъ *Ногая.* Впрочемъ, это былъ только намекъ на распаденіе Кипчацкой Орды: по смерти Ногая, его татары снова соединились съ сарайскими; и этимъ объясняется высшая степень силы Кипчацкой Орды, которой она достигла при ханѣ *Узбекѣ.* Но по смерти Узбека возобновилась кровавая борьба за ханство (1340). Тогда началось паденіе Орды. Она объединялась лишь временно, да и то не обладала прежнимъ могуществомъ. Такъ было при *Мамаѣ*; но Димитрій Донской разбилъ его, а въ Сараѣ его низложили съ престола (1380). При его преемникѣ, *Тохтамышѣ*, Орду поразило новое бѣдствіе: изъ степей Азіи принесся новый ураганъ, въ лицѣ монгола-же, *Тамерлана* или Тимура Хромаго, который смялъ Тохтамыша (ок. 1450). Вслѣдъ затѣмъ отъ Кипчацкой Орды совсѣмъ отпали сѣверные и западные татары, которые образовали два независимыхъ царства—*Казань* и *Крымъ.* Первое основалъ *Улу-Махметъ*, бывшій ханомъ въ Сараѣ, но изгнанный оттуда; начало крымскаго царства приписываютъ потомку Тохматыша, *Ази-Гирею.* Эти царства значительно пережили Сарайское. Послѣднее было разрушено Иваномъ III, въ 1480 г., при помощи крымскихъ Гиреевъ, заклятыхъ враговъ Сарая. Казанское царство пало два поколѣнія спустя (1552), при Иванѣ Грозномъ. Тогда же было разрушено *Астраханское* царство, возникшее-было на развалинахъ Сарайской Орды. Крымское царство исчезло позже всѣхъ: его послѣдній ханъ, *Шагинъ-Гирей*, былъ уничтоженъ при Екатеринѣ II (1783).

§ 83. **Бытъ татаръ.**—Золотая Орда представляла рѣдкій примѣръ кочевого государства. Татары все еще жили въ юртахъ и передвигались зимой къ морю, а лѣтомъ на сѣверо-востокъ, ища лучшихъ пастбищъ. Пережитки родового быта сохранялись только въ крѣпкомъ строѣ дворянства, хваставшаго чистотой крови. Но вся Орда была соединена тѣмъ неподвижнымъ государственнымъ нарядомъ, которымъ отличается восточный деспотизмъ: татары приняли его еще при Чингисханѣ отъ Китая, а отчасти отъ ислама, который былъ введенъ у нихъ около 1250 г.

Ядромъ государства былъ *Сарай* или „притонъ“, на лѣвомъ берегу Ахтубы, у нынѣшняго Царева. Здѣсь находилась самая *орда* или „станъ“, мѣстожительство главы татаръ. Въ ней-то обиталъ ханъ, этотъ земной богъ, по понятіямъ татаръ. Онъ жилъ невидимкой, окруженный строжайшимъ чиномъ, соблюдаемымъ массой царедворцовъ, во главѣ которыхъ стояли конюшій, сокольничій и казначей. Рѣдко смертному доставалось припадать къ его стопамъ, съ непокрытой головой, босикомъ, въ распояску, да и то на него накидывали покрывало, чтобы онъ не видѣлъ лика властителя; а передъ входомъ въ ставку его проводили, для очищенія, между двухъ костровъ. Ханъ ѣлъ на золотѣ, пилъ изъ серебра; а вокругъ раздавались пѣніе и игра на цитрѣ. Выѣзжалъ онъ—надъ нимъ держали зонтикъ на копьѣ. Ханъ выбиралъ женъ себѣ и своимъ приближеннымъ изъ всѣхъ дѣвицъ Орды, созываемыхъ на показъ въ опредѣленные сроки. Онъ бралъ изъ имущества подданныхъ все, что̀ ни понравится ему; назначалъ каждому мѣстожительство; казнилъ и наказывалъ кого хотѣлъ, безъ суда. Особенно любилъ онъ *тѣлесныя наказанія*,—кнутъ, плети, пытки, которыхъ не избѣгали ни его жены, ни первые сановники. У татаръ сохранялась, съ ничтожными перемѣнами, старая Яса (§ 80), которая знала только жестокую уголовщину да предписывала рабское повиновеніе. Холопами передъ ханомъ были не только простые воины или *казаки*, но даже обширное дворянство, распадавшееся на много степеней (мурзы, беки, уланы, тарханы и др.). Но оно имѣло безграничную власть надъ низшимъ классомъ, составляло совѣтъ подлѣ властителя, было свободно отъ податей, отличалось почетными титулами, собственными печатями, гербами и орденами, въ видѣ золотыхъ, серебряныхъ и деревянныхъ дощечекъ на шеѣ. Дворяне занимали также всѣ должности; а чиновничество было сильно развито въ Сараѣ, по китайскому образцу. Помимо кучи придворныхъ сановниковъ. было много воеводъ (темники—начальники „темъ“, тысяцкіе, сотники, десятскіе, есаулы, атаманы) и до 30 гражданскихъ должностей. Среди послѣднихъ первое мѣсто принадлежало финансовому вѣдомству; а во главѣ его стояли сборщики податей. Духовенство, съ появленіемъ ислама, также стало играть важную роль. Оно пользовалось почетомъ и свободою отъ податей. Муллы были законниками, судьями, врачами. Масса раздѣлялась на свободныхъ холоповъ хана, среди которыхъ было не мало купцовъ и ремесленниковъ, и на рабовъ, которые состояли изъ плѣнниковъ. Татары соблюдали вѣротерпимость: они

не брали даней съ нашего духовенства; въ Сараѣ христіане жили мирно въ особомъ кварталѣ; былъ даже сарайскій епископъ.

Но татары не могли освободиться отъ первобытной грубости. Она попрежнему проявлялась особенно въ отношеніи къ къ чужимъ. Участь рабовъ была невыносима. А Орда смотрѣла такъ на всѣ покоренные народы. Она требовала, чтобы русскіе князья *ѣздили на поклонъ къ хану*, иногда даже въ Каракорумъ, и привозили богатые дары. Иныхъ изъ нихъ ханы плѣняли, мучили и убивали; у другихъ брали сыновей или братьевъ въ заложники; третьихъ принуждали къ многоженству и кровосмѣсительству. Всѣ, отъ сановника до послѣдняго полицейскаго, брали съ нихъ безбожныя взятки. Когда даже простой татаринъ пріѣзжалъ къ покореннымъ, онъ велъ себя, какъ господинъ—развратничалъ, все бралъ, всѣхъ билъ. Татары какъ бы сговорились вносить нравственное растлѣніе среди русскихъ: понятіе о божескомъ и безбожномъ, о добрѣ и злѣ замѣнялось *ярлыками* или указами хана о дозволенномъ и недозволенномъ. Русскіе должны были еще *выходить на войну*, по первому призыву хана, и платить дани. Подати были безчисленны и тяжки: въ нихъ-то проявлялось, главнымъ образомъ, „монгольское иго“. Обыкновенною данью или *ясакомъ* была десятина со всего, даже съ юношей и дѣвицъ, которыхъ обращали въ рабство. Затѣмъ брали пошлину со всякихъ промысловъ и занятій и требовали подводъ и корма для служителей хана, а также даровъ, поминокъ и проч. Татарскія подати были тѣмъ невыносимѣе, что сборщики дѣйствовали безотчетно и сами наживались безбожно: они и назывались *баскаками*, т. е. „притѣснителями“. Жители прятали, что̀ у нихъ было, въ землю, а сами бѣжали въ лѣса: отсюда изобиліе кладовъ на Руси. Но баскакъ настигалъ несчастныхъ съ толпой свирѣпыхъ татаръ и вымучивалъ у нихъ дани: у нищихъ брали дѣтей. Малѣйшее ослушаніе приводило къ погибели цѣлыя деревни и города: баскакъ жаловался въ Ордѣ—и оттуда присылались отряды съ приказаніемъ все опустошать. Сборъ податей былъ тѣмъ болѣе тяжелъ, что нерѣдко онъ отдавался на *откупъ* азіатскимъ купцамъ. Чтобы знать, съ кого брать, при покореніи страны прежде всего присылались изъ Сарая *численники*, которые производили первое опустошеніе: они переписывали всѣхъ людей, начиная съ 10-лѣтняго возраста, кромѣ женщинъ. Русскіе впервые вздохнули свободно, когда ихъ князьямъ разрѣшено было самимъ доставлять дань въ Сарай или „выходы“.

§ 84. **Слѣдствія татарщины**.—Татары не могли имѣть прямого *бытоваго* вліянія на Россію, по тремъ причинамъ. 1) Они стояли гораздо ниже русскихъ по образованію и развитію; а только высшій бытъ воздѣйствуетъ на низшій. 2) Татары были вѣротерпимы, уважали христіанство и даже щадили духовенство: они не подрывали основы русскаго быта, религіи, съ которою была связана письменность и вообще просвѣщеніе нашихъ предковъ. 3) Татары жили особнякомъ въ своей Ордѣ: они не разсѣивались среди русскихъ и не вступали въ бракъ съ ними. Оттого къ русскимъ не перешло ни одного татарскаго обычая и ни одной пѣсни степняковъ. Напротивъ, наши пѣсни, также какъ пословицы („незваный гость хуже татарина" и др.) и вся наша письменность того времени, дышатъ ненавистью къ „поганой татарщинѣ", къ „злой татарвѣ", насланной Богомъ на Русь, какъ испытаніе за ея грѣхи; а это свидѣтельствуетъ о неприкосновенности русской народности, о цѣльности ея быта. *Теремъ* и *кнутъ* перешли къ намъ не отъ татаръ: женщина пользовалась у татаръ сравнительною свободой и извѣстнымъ почетомъ, а наши раннія пѣсни доказываютъ, что теремная жизнь существовала до татаръ; тѣлесныя наказанія перешли къ намъ изъ Византіи и были закрѣплены западнымъ феодальнымъ вліяніемъ; слово же „кнутъ" скандинавское (§ 26). Въ нашъ языкъ вошло весьма мало татарскихъ словъ—*алтынъ, алый, арбузъ, аршинъ, атаманъ, базаръ, балыкъ, деньга, есаулъ, кабакъ, казакъ, казна, караулъ, карій, кирпичъ, колпакъ, копѣйка, сундукъ, тюфякъ, халатъ, чемоданъ, чепракъ, ярлыкъ* и немногія др. Нѣкоторыя уже давно вышли изъ употребленія—*калита* (кошель), *улусъ* (удѣлъ), *шерть* (присяга) и проч. Въ бытовомъ отношеніи татары могли имѣть только косвенное, а именно *отрицательное* вліяніе. Опустошенія, производимыя баскаками, разрушали хозяйство жителей и загоняли ихъ въ трущобы. Съ другой стороны, русскіе князья должны были заботиться прежде всего о собраніи силъ для сверженія ига, а не о просвѣщеніи народа. Вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ, явился застой въ развитіи русскихъ. Успѣхи просвѣщенія остановились. *Удѣльный періодъ образованнѣе монгольскаго.* Точно также должны были огрубѣть нравы, но лишь вслѣдствіе того, что татары поддерживали нашу первобытную грубость и способствовали замѣнѣ нравственныхъ понятій холопствомъ.

Гораздо важнѣе прямыя *политическія* слѣдствія татарщины. 1) Въ *управленіе*, особенно финансовое, вошло много восточнаго.

Сверхъ того, закрѣпилось, развилось все, что было восточнаго въ перешедшихъ къ намъ византійскихъ законахъ. 2) Нашествіе татаръ окончательно *разорвало связь между сѣверо-восточною и юго-западною Русью*, которая уже начала нарушаться передъ тѣмъ. Татарщина тяготѣла главнымъ образомъ надъ Владиміромъ, Москвой и сосѣдними съ ними княжествами. Юго-западъ Россіи былъ свободенъ отъ нея. Тамъ начало усиливаться независимое *Галицкое* княжество и возникло великое княжество *Литовское*, развитія котораго не могла остановить южная Русь, гдѣ Кіевъ былъ окончательно разрушенъ татарами. 3) Татары *ускоряли дѣло политическаго и земельнаго объединенія*, начавшагося на Руси передъ ними. Они помогли усиленію князей суздальско-владимірскихъ. Русскіе, готовясь къ борьбѣ съ татарами, должны были объединяться, сосредоточивать свои силы вокругъ одного узла. Этимъ узломъ стала *Москва*, удаленная отъ Волги, занятой Ордою: безъ татаръ она не могла бы возвыситься такъ быстро. Русскіе не одолѣли бы татаръ, если бы Москва не поглотила постепенно другихъ сѣверо-восточныхъ княжествъ. Въ этомъ политическомъ поглощеніи слабыхъ сильнымъ смыслъ третьяго періода русской исторіи.

§ 85. **Борьба за первенство въ сѣверо-восточной Руси.**— Въ сѣверо-восточной Руси первая половина татарщины (1238—1328) была порой *борьбы за первенство* или *послѣднимъ періодомъ борьбы за удѣлы*. Но этотъ періодъ отличенъ отъ прежняго. 1) Теперь борьба за удѣлы распространялась не на всю Русь, а лишь на *Суздальскую землю*, гдѣ утвердились послѣдніе *пережитки общинно-родового быта*. Здѣсь еще показывали свою силу такіе маститые вѣчевые города, какъ Ростовъ и Суздаль (§ 50). Здѣсь же образовалось много княжескихъ линій, изъ которыхъ каждая старалась добиться великаго княженія: были князья московскіе, тверскіе, ростовскіе, ярославскіе, суздальскіе, костромскіе, нижегородскіе, углицкіе, бѣлозерскіе, городецкіе, переяславскіе, стародубскіе и происшедшіе отъ нихъ пожарскіе. Можно сказать—что ни городъ, то княжеская линія. Единство Суздальской земли выражалось только въ томъ, что всѣ эти линіи выходили ихъ „Большого Гнѣзда“ (§ 50), отъ Всеволода III. Эти княжества были по большей части ничтожны, и они дробились все болѣе и болѣе съ каждымъ поколѣніемъ. Гдѣ дробленіе было сильнѣе, тамъ раньше исчезла родовая независимость: такъ князья бѣлозерскіе и ярославскіе быстро превратились въ бояръ болѣе могущественнаго князя москов-

скаго. Самыми сильными изъ княжествъ Суздальской земли были *тверское* и *московское*: борьба между ними была особенно ожесточенна, и ею окончился послѣдній періодъ удѣльныхъ усобицъ. 2) Хотя сохранялся обычай дѣлить волости между родственниками, но вообще *родовой бытъ совсѣмъ падалъ*. Уже въ концѣ второго періода (§ 58) слабѣло понятіе о „лѣствичномъ восхожденіи"; теперь же окончательно всѣ права заключаются просто въ стремленіи каждой княжеской линіи къ первенству. Судьбу княжествъ иногда рѣшаетъ уже голый личный разсчетъ или даже капризъ владѣльца. Такъ внукъ Всеволода III, Михаилъ московскій (§ 54), отнялъ великое княженіе у своего дяди, тогда какъ онъ былъ даже однимъ изъ самыхъ младшихъ сыновей у своего отца; а правнукъ Всеволода III отдалъ Ярославль одному смоленскому князю въ приданое за своею дочерью—примѣръ небывалый прежде. 3) Подъ конецъ второго періода, когда ослабѣли родовыя преданія, споры рѣшались мечомъ, физической силой. Теперь же эта сила находилась на Волгѣ, у татаръ: князья, спорившіе между собой изъ-за первенства, стали ѣздить въ Сарай, чтобы хитростью и подобострастіемъ, а чаще всего подкупомъ, выхлопотать себѣ *ярлыкъ* на великое княженіе, т.-е. бумагу, утверждавшую за ними главный столъ. Конечно, это унижало Русь и усиливало Орду, которой давали поводъ вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла; но это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ усобицъ древней Руси. 4) Во второмъ періодѣ могущественный *Новгородъ*, отдаленный отъ средоточія борьбы, Кіева, почти не принималъ участія въ усобицахъ: онъ жилъ-себѣ мирно, богатѣлъ и сохранялъ свою свободу. Теперь же онъ былъ вовлеченъ въ борьбу, вслѣдствіе ея близости. Обыкновенно онъ становился за слабѣйшихъ, младшихъ князей противъ сильнѣйшихъ, которые всегда выказывали поползновеніе захватить его земли. Это разстроило мирную жизнь Новгорода, подорвало его торговлю и подготовило поглощеніе его сильнѣйшимъ княжествомъ, московскимъ. 5) Во второмъ періодѣ борьба сосредоточивалась вокругъ одного мѣста, Кіева; теперь же столица колеблется, переносится. Хотя великокняжескій столъ считается *владимірскимъ*, но значеніе Владиміра все падаетъ: сначала съ нимъ соперничаютъ *Кострома* и особенно *Тверь*, потомъ его преодолѣваетъ *Москва*.

§ 86. **Юрій II и Ярославъ II. Невскій въ Новгородѣ.**—Усобицы въ сѣверо-восточной Руси начались по смерти Всеволода III (§ 50). Онѣ остановились на-время при его сынѣ,

Юріи II, который спокойно княжилъ 20 лѣтъ и могъ расширить предѣлы Руси: онъ побилъ камскихъ болгаръ и основалъ *Нижній Новгородъ*. Но его успѣхи были остановлены татарами (1238), въ битвѣ съ которыми онъ и палъ (§ 81). Братъ Юрія, *Ярославъ II Всеволодовичъ*, сталъ великимъ княземъ владимірскимъ. Это былъ первый русскій князь, принявшій униженіе и смерть отъ татаръ. Онъ, а за нимъ и всѣ его родственники, поѣхали на поклонъ къ хану и должны были исполнить тамъ всѣ позорные обычаи (§ 83). Сверхъ того, Батый послалъ Ярослава къ великому хану въ Каракорумъ. Здѣсь русскому князю оказали больше почета, чѣмъ государямъ другихъ покоренныхъ народовъ: мать великаго хана накормила и напоила его изъ собственныхъ рукъ. Но Ярославъ умеръ тотчасъ же послѣ этого обѣда, и тѣло его страшно посинѣло. Въ Суздальской землѣ настали междоусобія. Особенно важно было соперничество между сыновьями Ярослава, *Александромъ* и *Андреемъ*. Даровитый Александръ—одинъ изъ самыхъ популярныхъ князей древней Руси: въ народной памяти его жизнь окружена преданіями; церковь причислила его къ лику святыхъ; исторія почтила его названіемъ *Невскаго* за военные подвиги. Послѣ Владиміра св. и Мономаха, ничье имя изъ отдаленныхъ временъ не врѣзалось такъ глубоко въ памяти народа. Александра Невскаго можно назвать представителемъ своего времени. У него была блестящая, внушительная наружность: онъ былъ высокъ и красивъ; онъ „гремѣлъ передъ народомъ, какъ труба“, по свидѣтельству очевидцевъ. Александръ, искусный полководецъ, обладалъ также дипломатическимъ умомъ и сдержанностью: онъ умѣлъ примѣняться къ обстоятельствамъ. Александръ походилъ на своего отца и дѣда суровымъ, крутымъ нравомъ: онъ требовалъ отъ всѣхъ строгаго повиновенія и не уживался съ новгородцами, привыкшими къ свободѣ и мягкому обращенію. А между тѣмъ ему суждено было провести всю свою юность въ Новгородѣ. Новгородцы хотя ссорились съ нимъ за его суровое правленіе, иногда даже изгоняли его, но постоянно выбирали въ свои князья, потому что онъ былъ необходимъ для нихъ, какъ хорошій полководецъ.

Никогда еще Новгородъ не находился въ такой опасности. Его тѣснили разомъ три сильныхъ врага. 1) *Нѣмцы* нападали на его западные предѣлы не только съ національнымъ, но и съ религіознымъ рвеніемъ. Упорные паписты, они считали православныхъ хуже язычниковъ. Они помогали язы-

ческимъ подданнымъ Новгорода противъ православныхъ, производили междоусобія и всякія злодѣянія въ новгородской землѣ, называли новгородцевъ „мятежниками папы“. Въ описываемое время нѣмцы стали особенно назойливы, потому что усилились, вслѣдствіе соединенія двухъ рыцарско-религіозныхъ орденовъ (§ 56). 2) *Литовцы* нападали на новгородскую землю съ юго-запада. Они усилились теперь, потому что къ нимъ бѣжало изъ Ливоніи много соплеменныхъ имъ пруссовъ, угнетаемыхъ нѣмцами. У нихъ уже были сильные князья, и дѣйствовалъ Миндовгъ (§ 78). Они овладѣли Полоцкимъ княжествомъ и нападали на Смоленскъ. Невскій былъ женатъ на дочери послѣдняго полоцкаго князя. 3) *Шведы* начали играть тогда европейскую роль. Прежде они были заняты внутренними междоусобіями, борьбой за престолъ двухъ королевскихъ семей. Теперь же, пользуясь этою борьбой, выдвинулся даровитый вельможа, *Биргеръ*, который основалъ новую династію. Биргеръ построилъ столицу Швеціи, *Стокгольмъ*, и ввелъ хорошее управленіе. Но ему нужна была слава, чтобы утвердить свою династію. Сверхъ того, онъ нуждался въ благословеніи папы, такъ какъ шведы были преданные католики. Биргеръ думалъ достигнуть этихъ цѣлей завоеваніемъ Финляндіи: папа давно проповѣдовалъ крестовый походъ противъ жившихъ тамъ язычниковъ. Но новгородцы еще раньше распространили свои владѣнія въ Финляндіи: у устьевъ *Ну* или *Невы*, на о. Котлинѣ, у нихъ былъ сторожевой постъ. Здѣсь-то они и столкнулись со шведами. Въ 1240 г. Александръ, княжившій тогда въ Новгородѣ, получилъ надменное письмо отъ Биргера изъ Финляндіи: „Если можешь, сопротивляйся! Знай, что я уже здѣсь и плѣню землю твою“. Преданіе говоритъ, что въ то же время прискакалъ къ Александру крещеный финнъ, сторожъ съ Котлина, человѣкъ очень набожный. Онъ разсказалъ, что послѣ безсонной ночи, на зарѣ, стоялъ онъ на берегу моря и всматривался въ туманную даль. Вдругъ проходитъ лодка. Посреди нея стоятъ свв. Борисъ и Глѣбъ, и первый говоритъ второму: „Брате Глѣбе! Вели грести, поможемъ сроднику нашему, Александру Ярославичу“. Александръ сказалъ стражнику: „Смотри же, никому не говори объ этомъ“. Не дожидаясь сбора новгородской рати, онъ бросился съ своей небольшой дружиной и засталъ шведовъ врасплохъ, на *берегу Невы*, гдѣ они отдыхали въ своихъ шатрахъ. Русскіе дрались примѣрно: одинъ молодецъ подскочилъ къ златоверхому шатру Биргера и подрубилъ его. Самъ

Александръ Невскій подавалъ примѣръ доблести: онъ добрался до Биргера и своимъ копьемъ „возложилъ ему печать на лицо". Много шведовъ пало на полѣ битвы; уцѣлѣвшіе ушли въ море ночью до разсвѣта.

Послѣ этой побѣды, Александръ пуще прежняго сталъ притѣснять новгородцевъ. Они возмутились — и онъ уѣхалъ отъ нихъ. А между тѣмъ, нѣмецкіе рыцари взяли ихъ пригородъ, Псковъ, и стали грабить ихъ предѣлы: они убивали купцовъ въ 30 верстахъ отъ Новгорода. Новгородцы послали къ великому князю Ярославу, во Владиміръ, съ просьбой опять дать имъ Александра. Герой прибылъ къ нимъ съ ратью, очистилъ ихъ землю отъ врага и выгналъ нѣмцевъ изъ Пскова. Много набралъ онъ плѣнниковъ и обращался съ ними милостиво. Затѣмъ Александръ быстро двинулся во владѣнія самихъ рыцарей и сразился съ ними на льду Чудскаго озера, почему эта битва и называется *Ледовымъ побоищемъ* (1242). Дѣло было весной. Ледъ ломался, и холодная вода пронимала ожесточенныхъ враговъ; во многихъ мѣстахъ не было видно льду подъ кровью. Нѣмцы были разбиты на-голову: высокомѣрные рыцари униженно шли пѣшкомъ за конемъ побѣдителя, когда онъ въѣзжалъ въ Псковъ, окруженный ликующимъ народомъ, оглушаемый радостными кликами и звономъ колоколовъ. Невская битва и Ледовое побоище остановили напоръ нѣмецкаго племени на востокъ, а также замыслы папы обратить Русь въ католичество. Съ этихъ поръ папы взялись за другое средство для достиженія своихъ властолюбивыхъ замысловъ: изъ Рима явилось посольство къ Александру съ просьбой признать папство; но оно ничего не достигло. Послѣ Ледового побоища Александръ успѣлъ нѣсколько разъ побить литовцевъ и загналъ ихъ въ ихъ первобытные лѣса. Такъ онъ оградилъ отъ враговъ и успокоилъ западные предѣлы Руси, когда смерть отца вызвала его на востокъ.

§ 87. **Новая политика и Александръ Невскій.**—По смерти Ярослава II настала пора, когда лучше всего обнаружились черты новаго періода въ русской исторіи—и разложеніе родового быта, и политическое вліяніе татарскаго ига (§ 84). Его братъ, *Святославъ*, сѣлъ великимъ княземъ во Владимірѣ, какъ слѣдовало по старинѣ. Но старшіе племянники, Александръ Невскій и Андрей, отправились на поклонъ къ хану. Они видѣли личное ничтожество дяди. Невскій могъ тѣмъ болѣе разсчитывать на успѣхъ, что слава его пронеслась и въ Сарай.

Батый, оглядѣвши его, сказалъ своимъ наперсникамъ: „что ни говорили мнѣ о немъ—все правда; нѣтъ другого такого князя". Онъ самъ требовалъ героя къ себѣ на поклонъ, если „онъ хочетъ сберечь свою землю".

Съ новыми временами на Руси, у ея князей должна была образоваться *новая политика*. Нельзя было горячиться, выказывать свое презрѣніе и ненависть къ татарамъ: приходилось выносить самое тяжкое иго—кривить душой, унижаться передъ поработителями, заискивать въ Сараѣ. Смѣтливый Александръ понялъ это. Съ него начинается новая политика владимірскихъ и потомъ московскихъ князей, которая возвеличила ихъ. *Они сдѣлали хановъ орудіемъ своего возвышенія*. Кланяясь и откупаясь въ Ордѣ, они получали помощь отъ татаръ для того, чтобы уничтожать соперниковъ и подавлять власть вѣча. Знаменитый побѣдитель шведовъ, нѣмцевъ и литовцевъ первый выгодно съѣздилъ въ Орду, т.-е. доказалъ, что тамъ можно не погибать, а извлекать себѣ пользу и не только сберегать свою землю, но и пріумножать ее. Братья нашли хана гдѣ-то на Волгѣ: онъ рѣдко жилъ подолгу въ Сараѣ, любилъ кочевать. Батый принялъ князей въ роскошномъ шатрѣ, какъ властитель, и нарочно велѣлъ братьямъ ѣхать къ великому хану, значенія котораго самъ не признавалъ. Мучительно было это путешествіе, среди холода и голода. Въ Каракорумѣ князья усердно били челомъ въ землю; зато возвратились домой съ ханскими ярлыками. Но въ ихъ долгое отсутствіе въ сѣверо-восточной Руси произошелъ великій соблазнъ. У нихъ былъ младшій братъ, *Михаилъ* московскій (§ 85), подававшій надежды своимъ мужествомъ и предпріимчивостью: его прозвали *Хоробритомъ*. Вопреки всякимъ обычаямъ, не имѣя никакихъ правъ, онъ выгналъ дядю Святослава изъ Владиміра и объявилъ себя великимъ княземъ. Что бы было, еслибы онъ сразился съ невскимъ героемъ? Но онъ вскорѣ палъ въ бою съ литовцами; а его роль продолжалъ старшій братъ. Александръ остался недоволенъ рѣшеніемъ Батыя, которое также было бы насмѣшкой надъ всякими обычаями: ему достался Кіевъ, а старшій столъ ханъ пожаловалъ младшему брату, *Андрею II*. О существованіи самаго старшаго въ родѣ, Святослава, всѣ словно забыли. Онъ тоже поѣхалъ въ Орду, но ничего не получилъ и вскорѣ умеръ. Но не радостно было и положеніе Андрея II. Александръ обидѣлся и поѣхалъ не въ Кіевъ, а въ Новгородъ, замышляя воспользоваться старымъ взглядомъ брата на политику: прямодушный Андрей не считалъ нужнымъ таить свою ненависть

къ татарскому игу и женился на дочери Данила Галицкаго, который знать не хотѣлъ татаръ (§ 55). Года черезъ три по возвращеніи изъ Орды, Александръ вдругъ снова прибылъ туда безъ призыва. Онъ жаловался на брата, который будто бы что-то затѣваетъ противъ татаръ. Сынъ Батыя далъ ему ярлыкъ на владимірскій столъ и, чтобы привести его въ исполненіе, послалъ толпы татаръ въ Суздальскую землю. Завидѣвъ ихъ, Андрей воскликнулъ: „Что это, Господи! Когда же мы перестанемъ ссориться и наводить татаръ другъ на друга! Лучше мнѣ бѣжать въ чужую землю, чѣмъ дружиться съ татарами и служить имъ". Онъ дѣйствительно бѣжалъ съ женою въ Швецію; но потомъ примирился съ братомъ, и, возвратившись домой, получилъ отъ него въ удѣлъ Суздаль.

Александръ сталъ великимъ княземъ и княжилъ 10 лѣтъ (1253—1263). Онъ много потрудился для русской земли. Время было тяжелое. У татаръ произошелъ переворотъ. Они приняли *магометанство* и начали покидать простыя привычки кочевой жизни, которыя удовлетворяются дешево. Они стали обзаводиться осѣдлымъ хозяйствомъ и принялись строить на Волгѣ богатую столицу, — *Сарай* (§ 83). Все это требовало разомъ много денегъ, и явились *бесермены* — изворотливые хивинскіе купцы, предложившіе хану огромную сумму, если онъ отдастъ имъ „выходы". Ханъ отправилъ ихъ на Русь съ баскаками, для составленія точной переписи, и съ темниками, которые должны были вести русскую рать на помощь татарамъ по первому вызову. Это значило, что татары хотятъ вмѣшиваться во внутреннее управленіе Русью и употреблять въ свою пользу даже кровь русскую. Ктому же до сихъ поръ сами князья возили выходы въ Орду, и народъ почти не видалъ татаръ; а теперь Орда пришла къ нему домой, и она такъ собирала дань, что у насъ явилось новое бранное слово—„бусурманъ". Русскіе не выдержали. Во Владимірѣ, Суздалѣ, Ростовѣ и другихъ городахъ постарому зазвонили на вѣче и, не слушая увѣщаній князя, перебили татаръ. Особенно волновался Новгородъ, который не имѣлъ понятія о татарахъ и еще ни разу не платилъ имъ выхода. Но тутъ подоспѣлъ Александръ: онъ уговорилъ новгородцевъ заплатить дань татарамъ. Впрочемъ, ханъ разрѣшилъ имъ впредь самимъ высылать выходы въ Сарай: Орда вообще была снисходительнѣе къ тѣмъ, которые давали ей дружный отпоръ. Но Александръ Невскій былъ безпощаденъ къ противникамъ новой

политики. Онъ жестоко наказалъ зачинщиковъ новгородскаго бунта противъ баскаковъ: кому обрѣзалъ носъ, кому выкололъ глаза. По той же причинѣ онъ выгналъ одного изъ своихъ братьевъ изъ Новгорода и поссорился съ сыномъ. Во все это страдное время Александръ часто ѣздилъ въ Орду хлопотать за свой народъ, и однажды прожилъ тамъ цѣлый годъ, унижаясь передъ поработителями. Онъ и умеръ на пути изъ Орды. Тѣло его привезли во Владимiръ. Здѣсь митрополитъ воскликнулъ: „Дѣти мои милыя! Зашло солнце земли русской!“ Мощи Невскаго покоятся въ Александро-Невской лаврѣ, въ Петербургѣ. А въ московскомъ Кремлѣ хранится его шлемъ [1]).

§ 88. **Борьба Москвы съ Тверью**. — У Невскаго осталось нѣсколько сыновей. Но у него было еще два брата, изъ которыхъ старшiй, по родовому праву, сталъ великимъ княземъ, подъ именемъ *Ярослава III* (§ 54). Ярославъ не любилъ Владимiра и жилъ по большей части въ *Твери*, гдѣ и похороненъ: отъ него пошли тверскiе князья. Ярославъ Ярославичъ старался сдѣлать столицей Руси Тверь, а братъ его, *Василiй*,—свою *Кострому*. Но оба они княжили недолго и не достигли цѣли. Падающее стольное значенiе Владимiра должно было перейти къ *Москвѣ*, какъ замѣтно было уже при племянникѣ Ярослава и Василiя, Данiилѣ Александровичѣ. Этотъ городокъ, облюбованный Юрiемъ Долгорукимъ (§ 45), въ теченiе двухъ поколѣнiй не имѣлъ никакого значенiя. Въ немъ никогда не было вѣча. Это была частная собственность владимiрскихъ князей, которые наѣзжали сюда лѣтнею порой „прохладиться“ свѣжестью безконечныхъ лѣсовъ, дремавшихъ въ дѣвственной прелести надъ излучинами тогда еще пышной, судоходной Москвы-рѣки. При нашествiи Батыя (§ 81), тамъ сидѣлъ „княжичъ“, сынъ Юрiя II, съ воеводой. Татары истребили городокъ огнемъ. Но при Невскомъ, ровно сто лѣтъ послѣ основанiя Москвы, мы видимъ въ ней уже перваго удѣльнаго князя, и такого бойкаго, какъ *Михаилъ Хоробритъ* (§ 87). Его преемникомъ былъ *Данiилъ*, младшiй сынъ Невскаго, оставшiйся ребенкомъ по смерти отца. Въ его лицѣ уже про-

---

[1]) Этотъ шлемъ вычеканенъ изъ красной мѣди. Онъ снабженъ наушниками и назатыльникомъ изъ семи пластинокъ золоченаго серебра. На немъ арабская надпись изъ Корана: „Богъ помощь! Близкая побѣда! Сообщи правовѣрнымъ“. Эта надпись, а также азiатскiй пошибъ работы и корона съ крестомъ указываютъ, что шлемъ относится ко временамъ крестовыхъ походовъ.

Шлемъ Александра Невскаго.

глядываютъ отличія московскихъ князей—терпѣливость, настойчивость и коварство пріобрѣтателей, суровость домовладыкъ. Пока Даніилъ незамѣтно подросталъ въ московскомъ затишьѣ, обстоятельства слагались въ пользу его скромнаго удѣла. Его старшіе братья, *Димитрій I и Андрей III*, около 20 лѣтъ боролись между собой изъ-за великаго княженія. Даніилъ ловко вмѣшивался въ борьбу братьевъ; а по смерти старшаго, Димитрія, самъ сталъ оспаривать великое княженіе у Андрея. Даніилу не удалось стать великимъ княземъ; но зато онъ искусно, исподоволь, расширялъ свой удѣлъ. Его племянникъ, князь *переяславскій*, умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ ему свою волость: обнесенный двойными стѣнами и глубокимъ рвомъ съ водой, снабженный дюжиной крѣпкихъ башенъ, Переяславль представлялъ хорошую опору въ борьбѣ съ Тверью. Самъ Даніилъ захватилъ въ плѣнъ *рязанскаго* князя и распоряжался его удѣломъ. Ему удалось также добыть *Коломну*—важное торговое мѣсто при сліяніи Москвы-рѣки съ Окой.

Такъ какъ Даніилъ ладилъ съ татарами, покорствуя предъ ними даже въ случаяхъ вопіющей несправедливости, то, умирая (1303), онъ оставилъ своимъ дѣтямъ, Юрію и Ивану, довольно закругленное, хозяйственное и огражденное владѣніе. Благодаря ему, Москва уже такъ окрѣпла, что его старшій сынъ, *Юрій*, началъ питать широкіе замыслы. Онъ еще больше отца отличался чертами московскихъ князей. Тотчасъ же въ его рукахъ очутился *Можайскъ*, этотъ ключъ къ Москвѣ-рѣкѣ и къ Смоленску. А какъ только умеръ Андрей III, Юрій затѣялъ добыть великое княженіе. Но всѣ права принадлежали его двоюродному дядѣ, *Михаилу тверскому*, сыну Ярослава III. По обыкновенію, соперники поѣхали въ Орду. Тверь была богаче и сильнѣе Москвы, и Михаилъ получилъ ханскій ярлыкъ. Но борьба не прекращалась; и такъ какъ силы были равныя, то соперники продолжали ѣздить въ Орду и жаловаться другъ на друга. Впрочемъ въ политикѣ тверскимъ князьямъ не совладать было съ московскими. Юрій умѣлъ набирать денегъ въ богатомъ Новгородѣ и ѣздилъ съ ними въ Сарай. Однажды онъ почти три года пробылъ въ Ордѣ, привлекъ хана *Узбека* на свою сторону и даже женился на его сестрѣ, *Кончакѣ*. Ханъ далъ ему отрядъ татаръ—и онъ двинулся на своего дядю, но былъ разбитъ. Кончака попала въ плѣнъ и вскорѣ умерла: говорятъ, ее отравили. Ханъ позвалъ Михаила въ Орду. Дѣти и бояре великаго князя уговаривали его не ѣхать, а послать

кого-нибудь изъ сыновей. Но онъ сказалъ: „Не васъ, дѣти мои, требуетъ ханъ къ себѣ: онъ хочетъ головы моей. Если я не послушаюсь, татары возьмутъ мою землю, перебьютъ много христіанъ — и все-таки мнѣ не избѣжать смерти. Такъ ужъ лучше положить свою душу за многія души!“ Михаилъ нашелъ хана у устьевъ Дона. Былъ наряженъ судъ, который обвинилъ его въ утайкѣ ясака и въ отравленіи Кончаки. Михаилу надѣли на шею тяжелую колоду и поставили его на рынкѣ. Это наказаніе перешло въ Россію, подъ именемъ *правежа:* у насъ неисправныхъ должниковъ выставляли на рынкѣ и били по ногамъ. Послѣ этого Юрій, который также прибылъ тогда въ Орду, послалъ убійцъ, которые покончили съ тверскимъ княземъ. Но у Михаила остался сынъ, *Димитрій*—пылкій юноша, по прозванію *Грозныя Очи*. Онъ поѣхалъ въ Орду и винилъ Юрія въ утайкѣ ясака. Замѣтивъ, что Юрій, привезшій много денегъ, оправдается, Димитрій поразилъ его мечомъ въ присутствіи хана, въ годовщину погибели своего отца.

Ханъ казнилъ убійцу, но великимъ княземъ назначилъ брата его, *Александра Михайловича*. Впрочемъ, не довѣряя ему, онъ послалъ въ Тверь своего родственника, *Чолхана*, съ отрядомъ. Татары начали хозяйничать въ Твери и угнетать народъ, который, наконецъ, перебилъ ихъ. Братъ Юрія, *Иванъ Даниловичъ*, воспользовался этимъ случаемъ и поспѣшилъ въ Орду: ханъ назначилъ его начальникомъ войска, посланнаго для наказанія Александра. Тверская область была такъ опустошена, что лѣтъ 50 послѣ того не могла поправиться. Александръ успѣлъ бѣжать въ Псковъ, который не выдавалъ его. Иванъ поднялъ всю Суздальскую и Новгородскую землю и пошелъ на Псковъ; митрополитъ наложилъ проклятіе на псковичей. Тогда Александръ сказалъ народу: „Братцы мои! Пусть не лежитъ на васъ изъ-за меня проклятіе! Я уѣду, а вы цѣлуйте крестъ не выдавать моей княгини“. Онъ бѣжалъ въ Литву, а Иванъ примирился съ псковичами. Вскорѣ Александру удалось возвратиться въ Псковъ, гдѣ онъ прожилъ лѣтъ 10, но наконецъ соскучился по своей родинѣ и принесъ Узбеку такую повинную: „Господинъ самовластный! Пришелъ принять отъ тебя либо жизнь, либо смерть—какъ Богъ тебѣ на душу положитъ: я готовъ на все“. Узбекъ простилъ его и даже далъ ярлыкъ на тверское княженіе. Иванъ Даниловичъ встревожился, снова поскакалъ въ Орду и больше прежняго оклеветалъ своего соперника. Какъ только онъ возвратился въ Москву, Александра позвали въ Орду. Тверской

князь послалъ впередъ сына своего, *Өедора*, развѣдать, зачѣмъ его зовутъ. Өедора задержали; но онъ успѣлъ извѣстить отца, что его ждетъ казнь. Тѣмъ не менѣе Александръ поѣхалъ, чтобы хоть спасти сына. На Волгѣ долго дулъ противный вѣтеръ, говоритъ преданіе. Өедоръ встрѣтилъ отца со слезами. Прошелъ мѣсяцъ. Наконецъ, Александру сказали, что его казнятъ черезъ три дня. Всѣ эти дни князь молился. Насталъ день казни. Александръ разъѣзжалъ верхомъ и все спрашивалъ, когда же будутъ казнить его. Наконецъ, ему сказали, что черезъ часъ. Онъ пошелъ въ свою палатку, обнялъ сына и своихъ бояръ, причастился. Пришли палачи и убили князя вмѣстѣ съ его сыномъ. Тѣла убитыхъ бояре привезли въ Тверь и похоронили рядомъ съ тѣлами двухъ другихъ тверскихъ князей, также погибшихъ въ Ордѣ. Тверь ослабѣла. *Настало господство Москвы*, началомъ котораго должно считать 1328 г., когда Иванъ Даниловичъ получилъ ярлыкъ на великое княженіе и началъ рядъ *московскихъ князей*.

§ 89. **Юго-западная Русь. Данило.** — Въ то время, какъ въ сѣверо-восточной Руси борьба за первенство привела къ возвышенію Москвы и утвержденію самодержавія, на юго-западѣ происходило совсѣмъ другое. Здѣсь не могло быть *земельнаго* объединенія по слѣдующимъ причинамъ. 1) *Кіевъ палъ окончательно.* Одинъ итальянецъ, проѣзжавшій тамъ лѣтъ пять спустя послѣ татарскаго разгрома, пишетъ: „Этотъ городъ обратился почти въ ничто: въ немъ врядъ-ли осталось 200 домовъ, жителей которыхъ татары держатъ въ величайшемъ рабствѣ“. За Днѣпромъ, на Волыни и въ Галичинѣ, остались подобные же слѣды опустошенія. Такъ, во Владимірѣ Волынскомъ жители были истреблены всѣ до одного: почти такая же участь постигла Галичъ. Долго потомъ многіе города были пустыми. Отъ нихъ несло смрадомъ гніющихъ труповъ; церкви были набиты грудами тѣлъ. Какъ только палъ Кіевъ, средоточіе юго-западной Руси передвинулось далѣе на западъ, въ Галицію: въ Карпатахъ было безопаснѣе отъ татаръ. Но князья галицкіе, которымъ не доставало почета, связаннаго съ кіевскимъ столомъ, и которые забрались слишкомъ далеко, не могли объединить юго-западную Русь.—2) Подлѣ единственнаго сильнаго княжества на юго-западѣ, Галича, образовались, тотчасъ послѣ нашествія татаръ, двѣ могущественныхъ державы — *литовская* и *польская*, которыя поглотили сначала Галичъ и связанную съ нимъ Волынь, а потомъ и остальную юго-западную Русь, не

исключая Кіева.—3) Это тѣмъ понятнѣе, что въ Галичѣ не могло развиться *политическаго* единства, подобнаго московскому самодержавію. Тамъ вблизи не было татарскихъ хановъ, которыхъ князья могли бы вовлечь въ свои интересы деньгами и покорностью. Въ то же время въ Галичѣ было сильно боярство (§ 55). Наконецъ, въ южной Руси упорно держались мелкіе князья, которые нападали на Галичъ и мѣшали ему усиливаться; а галицкій князь былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы подавить ихъ.

По этимъ причинамъ, Червонная Русь, въ одно поколѣніе поднявшаяся очень высоко, тотчасъ послѣ того пала. Процвѣтаніе галицкаго княжества соединено съ именемъ *Данила Романовича* (§ 55). Удивительны изворотливость и мужество этого послѣдняго изъ лучшихъ князей южной Руси. Данило разомъ справлялся съ татарами и венграми, съ поляками и Литвой, а также со своими неукротимыми соперниками—черниговскими князьями, то дружа съ собственными врагами, то подстрекая ихъ другъ противъ друга. Сверхъ того, онъ, подобно Андрею Боголюбскому, бросилъ старый Галичъ, съ его сильнымъ вѣчемъ, и сдѣлалъ столицей Червонной Руси *Холмъ*, который превратилъ въ неприступную крѣпость. Отсюда онъ искусно велъ постоянную борьбу съ крамольными боярами, которая возобновилась тотчасъ послѣ нашествія татаръ. Данило возвращался тогда изъ Венгріи, куда ѣздилъ сватать своего сына. Онъ пріѣхалъ на пустое пепелище: не нашелъ даже своей семьи, которая бѣжала въ Польшу отъ татаръ. Повсюду его встрѣчали развалины и трупы. А въ уцѣлѣвшіе города его не пускали: тамъ бояре завладѣли властью, и къ нимъ пристали внѣшніе враги — князь черниговскій и его союзники, венгры. Большой мастеръ на выгодные союзы, Данило разбилъ всѣхъ ихъ, съ помощью литовцевъ и поляковъ. Когда онъ утвердился въ своемъ княжествѣ, татары вдругъ потребовали отъ него покорности. Чувствуя свою слабость, Данило поѣхалъ на поклонъ къ Батыю, который пожурилъ его за опозданіе, впрочемъ обошелся мягко и утвердилъ за нимъ его земли. Но тяжело было вниманіе хана. Современный лѣтописецъ говоритъ съ негодованіемъ: „О злая честь татарская! Данило Романовичъ, князь великій, владѣлецъ Русской земли, Кіева, Волыни, Галича и другихъ странъ, нынѣ стоитъ на колѣняхъ, называется холопомъ, облагается данью, за жизнь трепещетъ и угрозъ страшится!“

Данило рѣшилъ посвятить свою жизнь сверженію татарскаго ига. Для этого началъ строить города: самъ онъ основалъ Холмъ; сынъ его, Левъ, заложилъ *Львовъ* (по-нѣмецки Лембергъ). Данило призывалъ полезныхъ людей — ремесленниковъ и торговцевъ: тутъ были нѣмцы, поляки, евреи, армяне, въ особенности же мастера, бѣжавшіе изъ Орды. Съ помощью ихъ, Данило отлично укрѣпилъ многіе города. Затѣмъ онъ сталъ расширять предѣлы своего княжества и заводить союзы. Данило подчинилъ себѣ дикихъ *ятвяговъ* (§ 8) и отнялъ часть земель у Литвы. Потомъ онъ женилъ Шварна на дочери Миндовга (§ 78), а другого сына, Романа—на вдовѣ нѣмецкаго императора; породнился также съ королями венгерскимъ и польскимъ. Впрочемъ это только вовлекало Галичъ въ дѣла Запада, который не думалъ помогать ему. Замѣтивъ это, Данило рѣшился испробовать еще одно средство: онъ объявилъ папѣ, что желаетъ отдаться подъ его покровительство, если тотъ подниметъ крестовый походъ противъ татаръ. Папа обрадовался случаю начать распространеніе католицизма среди русскихъ, о чемъ давно мечтали въ Римѣ. Онъ сталъ присылать въ Галичъ пословъ, монаховъ и множество льстивыхъ буллъ, въ которыхъ называлъ Данила „королемъ“; вскорѣ явился и папскій епископъ, который былъ назначенъ главой духовенства въ южной Руси и долженъ былъ стараться о „соединеніи церквей“ греческой и латинской. Папа издалъ даже буллу о крестовомъ походѣ и короновалъ Данила королевскимъ вѣнцомъ. Но тогда же явились татары, понявшіе, наконецъ, политику Данилы, и велѣли ему „разметать“ собственныя укрѣпленія. Никто изъ союзниковъ не присылалъ помощи, а литовцы даже напали на Галичъ: пришлось повиноваться. Вскорѣ Данило умеръ, не исполнивъ своихъ широкихъ замысловъ.

То былъ самый могущественный и дѣльный князь южной Руси: лѣтописцы искренно оплакивали его, какъ храбреца и „второго Соломона“. Почти въ одно время умерли лучшіе князья той поры—Данило Галицкій и Александръ Невскій. Оба они были дѣятельны и даровиты. У обоихъ было одно дѣло: на западѣ Александръ боролся съ нѣмцами и со шведами, а Данило съ литовцами; на востокѣ же оба одинаково страдали отъ татаръ. Но эти князья различны по характеру, а потому и по своей политикѣ. Данило былъ добродушенъ и правдивъ. Онъ любилъ своихъ родныхъ, и порядокъ царствовалъ въ его семьѣ. Въ противоположность князьямъ сѣверной Руси, онъ не выносилъ

татарскаго ига, стыдился своего униженія, открыто и неутомимо боролся съ Ордой. Политика Александра привела къ усиленію Москвы, а Галичъ палъ. Впрочемъ паденіе Червонной Руси зависѣло не отъ однихъ татаръ. Галичъ губило его географическое положеніе: оторванный отъ средоточія Руси, онъ былъ окруженъ Литвой и Польшей, которыя начали усиливаться съ нашествія татаръ. Эти государства должны были расширяться на счетъ юго-западной Руси, потому что она все слабѣла, а на сильный западъ нельзя было двигаться. Галицкое княжество стало добычей сосѣднихъ государствъ. Послѣ Данила въ немъ княжили его слабые потомки, да и тѣ ссорились между собой и даже наводили татаръ на свою землю. Въ 1320 г. Гедиминъ присоединилъ къ себѣ Волынь или восточную половину Галицкаго княжества (§ 78); въ 1340 г. Казиміръ Великій завоевалъ Галичъ (§ 77), который съ тѣхъ поръ уже никогда не соединялся съ остальною Русью. Это — нынѣшняя Галиція, перешедшая къ Австріи послѣ раздѣла Польши (1772).

§ 90. **Причины усиленія Москвы.**—Съ начала 14-го в. настаетъ *господство Москвы на Руси.* Только тогда вдругъ выдвинулся этотъ городишко, который такъ долго находился въ неизвѣстности. При Даніилѣ (§ 88), во всемъ московскомъ княжествѣ не было ни одного города, кромѣ самой Москвы; но въ 1300—1310 гг. къ нему были присоединены насиліемъ или куплей Переяславль, Можайскъ и Коломна; а съ 1328 г. Москва стала стольнымъ городомъ. Около половины 15 в. московское княжество занимало уже губерніи: Московскую, Калужскую, Тульскую, часть Рязанской, Владимірскую, Нижегородскую, Вятскую, Костромскую, Вологодскую, Ярославскую и Тверскую. Вотъ причины быстраго усиленія Москвы. 1) Окончательное *паденіе родового быта.* Такъ какъ „лѣствичное восхожденіе" было отброшено, то всякій, даже самый мелкій, князь могъ стать великимъ; всякія права на великое княженіе исчезли. — 2) Эти права замнѣнились милостью сарайскаго хана: самый ничтожный князь могъ стать великимъ, если умѣлъ ладить съ Ордой.—3) На сѣверо-востокѣ, вопреки обычаямъ кіевской Руси, *великое княженіе не было связано съ извѣстнымъ городомъ.* Всякій князь, становясь великимъ, не покидалъ своего роднаго гнѣзда: онъ не переѣзжалъ во Владиміръ, а присоединялъ его къ своей отчинѣ. Владиміръ утратилъ значеніе стольнаго города: съ нимъ соперничали то Тверь, то Кострома и наконецъ Москва. — 4) *Слабость сосѣднихъ* съ Москвою

княжествъ, а также *вѣча* въ Новгородѣ и Псковѣ, зависѣвшая отъ внутреннихъ раздоровъ. Эти раздоры господствовали повсюду, и съ ними было связано дробленіе земель. Въ Москвѣ же долго не было усобицъ въ княжеской семьѣ, да и семья эта была меньше другихъ; ктому же московскіе князья рано установили *престолонаслѣдіе* по прямой линіи, а этимъ устранялось дробленіе земель. — 5) *Духовенство* и *бояре* поддерживали московскихъ князей, какъ только тѣ начали возвышаться. Они понимали, что выгоднѣе да и почетнѣе служить сильнымъ, чѣмъ слабымъ князьямъ. Они желали еще прекращенія усобицъ, при которыхъ имъ приходилось много терять и трудиться: особенно теряло духовенство, имѣнія котораго были разбросаны въ разныхъ княжествахъ, враждебныхъ другъ другу. Бояре тѣмъ легче сосредоточивались въ Москвѣ, что имѣли право *отъѣзда* (§ 60), не теряя при этомъ своихъ отчинъ. — 6) *Естественныя условія* были въ пользу Москвы. Она лежала близко къ средоточію сѣверо-восточной Руси: это была сердцевина того треугольника между Волгой, Окой и Днѣпромъ, который составлялъ ядро русскихъ переселеній того времени. Москву ограждали кругомъ другія княжества отъ нападенія внѣшнихъ враговъ. Такъ какъ, сверхъ того, въ сосѣднихъ княжествахъ были усобицы, а въ Москвѣ было тихо, то сюда переселялись со всѣхъ сторонъ. Съ увеличеніемъ населенія возрастали доходы московскаго князя, который могъ давать переселенцамъ льготы, покупать цѣлыя княжества у бѣдныхъ князей и населять свои земли „ордынцами“ — плѣнными, выкуплеными въ Ордѣ. Москва обогащалась еще оттого, что была *узломъ торговаго пути изъ Европы въ Азію.* Черезъ нее доставлялся хлѣбъ съ Волги къ Ильменю. Черезъ нее новгородцы ходили въ Рязань, эту самую богатую изъ областей сѣверо-восточной Руси: здѣсь они покупали медъ и воскъ, которыми снабжали всю Европу. — 7) Но природа Москвы была бѣдна, что̀ служило въ пользу населенію въ *нравственномъ* смыслѣ: здѣсь нужно было трудиться, сдерживать себя, быть скопидомомъ; здѣсь вырабатывались желѣзные характеры, смѣтливые, практическіе люди. Лучшими представителями этого типа были *московскіе князья*—все народъ терпѣливый, скупой, осторожный и изворотливый. Не имѣя сначала ни правъ, ни денегъ, они должны были полагаться только на себя, должны были создать новую политику, основанную на самоуниженіи передъ ханами и на самодержавіи передъ подданными. Этотъ типъ вполнѣ опредѣляется съ Ивана Даниловича (§ 88).

§ 91. **Иванъ I Калита.** — Иванъ I извѣстенъ подъ именемъ *Калиты* — „кошеля“: онъ всю свою жизнь заботился о накопленіи денегъ. Главнымъ источникомъ его доходовъ былъ введенный имъ обычай *самому собирать выходъ*, не допуская откупщиковъ, причемъ онъ удерживалъ значительную часть дани. Это доставляло также случай Ивану самому ѣздить въ Орду, причемъ онъ льстилъ хану и представлялъ ему своихъ дѣтей, какъ вѣрныхъ слугъ. Оттого татары были всегда за него и поддерживали его въ борьбѣ съ внутренними врагами. „Перестали (говоритъ лѣтописецъ) поганые воевать русскую землю; отдохнули и опочили христіане отъ великой истомы и многой тягости, и отъ насилія татарскаго; и съ этихъ поръ наступила тишина по всей землѣ“. Эта тишина объясняется еще тѣмъ, что у Ивана былъ строгій порядокъ: онъ искоренилъ разбои бдительною стражей. Въ Москву переходили люди изъ слабыхъ, опустошаемыхъ Ордой княжествъ, откуда и бояре отъѣзжали къ Ивану; являлись даже иноземцы, особенно крещеные татары, и во главѣ ихъ мурза *Четъ*. За Кремлемъ возникли села и посадъ, обнесенный деревянною стѣной. Въ самомъ Кремлѣ были построены Успенскій и Архангельскій соборы, храмъ Спаса на Бору, отъ котораго сохранились стѣны, и церковь Ивана, на мѣстѣ которой воздвигли потомъ колокольню Ивана Великаго. Москва стала узломъ русской торговли: недалеко, при устьѣ Мологи, завелась *моложская ярмарка*, имѣвшая тогда такое же значеніе, какъ теперь нижегородская. Ивана уже боялись остальные князья: тверскіе угождали ему и даже прислали въ Москву, въ знакъ покорности, свой вѣчевой колоколъ; ростовскіе и суздальскіе стали его подручниками. Кромѣ того, Калита покупалъ или выгодно промѣнивалъ города и села. Но ему хотѣлось захватить всю Русь. Съ этою цѣлью онъ отдалъ одну свою дочь за ярославскаго, другую за ростовскаго князя и сталъ распоряжаться въ земляхъ своихъ зятьевъ. Особенно пострадалъ Ростовъ. Посланный туда московскій бояринъ грабилъ жителей и, для примѣра, повѣсилъ за ноги главнаго боярина. Иванъ уже замышлялъ овладѣть и Новгородомъ. Вопреки грамотамъ, которыя запрещали князьямъ покупать земли въ Новгородской области, онъ устраивалъ тамъ *слободы*, заселяя ихъ своими людьми. Затѣмъ Калита вздумалъ, безъ всякаго повода, наложить родъ дани на новгородцевъ, которые такъ усердно помогали ему въ борьбѣ съ Тверью. Новгородцы собирали много „закамскаго“ серебра въ *Заволочьѣ* (у Сѣверной Двины), въ *Перми*

и въ *Югрѣ* (Сибирь). Иванъ потребовалъ себѣ это серебро и, среди мира, началъ занимать новгородскіе города. Но новгородцы примирились съ Псковомъ и Тверью, выбрали себѣ въ князья сына Гедимина литовскаго, хорошо укрѣпились—и осторожный Иванъ замолчалъ.

Рядомъ съ политическимъ возвышеніемъ Москвы, при Иванѣ I шло и нравственное. Послѣ паденія Кіева, митрополиты Руси только назывались кіевскими, а жили уже въ другихъ городахъ, и именно тамъ, гдѣ князь былъ посильнѣе. По большей части они пребывали во Владимірѣ. *Митрополитъ Петръ* также жилъ сначала во Владимірѣ, но потомъ перешелъ въ Тверь, когда усилился Михаилъ Ярославичъ (§ 88). Этотъ іерархъ былъ родомъ изъ Волыни и ѣздилъ для посвященія въ Константинополь. Человѣкъ опытный, Петръ повелъ такую же политику, какъ московскіе князья. Онъ съѣздилъ въ Орду и получилъ отъ Узбека свободу духовенства отъ дани и обидъ татарскихъ. Замѣтивъ возвышеніе Москвы, онъ переѣхалъ туда, незадолго передъ тѣмъ, какъ Иванъ получилъ великое княженіе. Петръ помогалъ Калитѣ строить церкви въ Москвѣ и такъ пророчествовалъ ему: „Богъ поставитъ тебя выше всѣхъ князей и распространитъ городъ сей больше всѣхъ городовъ; и будетъ родъ твой обладать мѣстомъ симъ во вѣки, и руки его лягутъ на плечи враговъ вашихъ". Петръ остался въ памяти народа святымъ покровителемъ Москвы. *Перенесеніе мѣстопребыванія митрополита въ Москву*—одно изъ важнѣйшихъ событій въ исторіи Россіи: оно давало ей видъ столицы „всея Руси". Это способствовало также возрастанію Москвы: въ нее, какъ въ средоточіе церковнаго управленія, стекались отовсюду лица, имѣвшія нужду до митрополита. Иванъ I умеръ въ 1341 г., послѣ 13 лѣтъ великаго княженія, принявъ схиму на смертномъ одрѣ. Хитрый политикъ, искусный хозяинъ, крупный купецъ, онъ оставилъ хорошую казну и вшестеро увеличенныя владѣнія Москвы, которыя прикасались къ воднымъ путямъ, важнымъ для торговли съ процвѣтавшею тогда Ордой. Въ лѣтописи Калита названъ первымъ *собирателемъ Русской земли*; потомкамъ онъ представлялся основателемъ тишины и порядка на Руси. Дѣйствительно, слѣдующіе великіе князья походили на Ивана I и подражали ему въ своей политикѣ.

§ 92. **Семенъ Гордый и Иванъ II. Борьба двухъ Димитріевъ.**– Старшій сынъ Калиты, *Семенъ*, продолжалъ дѣло отца.

Если ему не удалось расширить предѣлы Москвы, зато онъ усилилъ самодержавіе. Семенъ даже съ братьями своими обращался, какъ съ подданными: они называли его уже не отцомъ или старшимъ братомъ, а „господиномъ великимъ княземъ". Оттого Семенъ получилъ прозвище *Гордаго.* Въ лѣтописяхъ сказано, что „всѣ русскіе князья даны были подъ руку Семену"; и тогда московскій князь впервые принялъ титулъ „великаго князя *всея Руси*". Семенъ дѣлалъ, что хотѣлъ, даже съ такимъ сильнымъ сосѣдомъ, какъ тверской князь: онъ прогналъ свою жену, дочь этого князя, просто потому, что ему иногда казалось, будто она — мертвецъ. Затѣмъ онъ вдругъ сталъ требовать дани съ новгородцевъ и послалъ къ нимъ своихъ бояръ, которые начали жестоко притѣснять жителей. Испуганные новгородцы согласились платить дань. Но Семенъ потребовалъ отъ нихъ небывалаго униженія,—чтобы ихъ знатнѣйшіе граждане пришли къ нему босые и пали на колѣна. Такая сила Семена объясняется ослабленіемъ сосѣдей Москвы и покровительствомъ татаръ, которыхъ онъ задаривалъ, самъ часто наѣзжая въ Сарай. Тогда во всѣхъ княжествахъ были усобицы; въ Новгородѣ боролись между собой боярскія партіи; Литва подвергалась нападеніямъ нѣмецкихъ рыцарей. А въ Москвѣ было тихо: родственники Семена трепетали передъ нимъ; татары не дѣлали набѣговъ. Семенъ умеръ отъ страшной заразы—„черной смерти" (§ 73), которая похитила его сыновей и брата. Уцѣлѣлъ только братъ *Иванъ II*, который и наслѣдовалъ ему. Это былъ князь тихій и скромный, но неспособный къ правленію. За него управлялъ митрополитъ *Алексѣй*, изъ рода бояръ *Плещеевыхъ.* Ивана не слушались мелкіе князья, и даже татары позволяли себѣ притѣснять москвичей. А въ самой Москвѣ возникали волненія отъ бояръ, которыя усилились при слабомъ княженіи. Особенно опасенъ былъ бояринъ *Алексѣй Петровичъ*, по прозванью *Хвостъ.* Онъ былъ тысяцкимъ, т.-е. самымъ важнымъ лицомъ въ городѣ: тысяцкій избирался на вѣчѣ, предводительствовалъ земскою ратью и былъ почти независимъ отъ князя и бояръ. Хвостъ еще при Семенѣ выказывалъ столько властолюбія, что князь выгналъ его. При Иванѣ онъ опять сталъ тысяцкимъ, и, опираясь на привязанность горожанъ, началъ притѣснять бояръ и гордо велъ себя съ княземъ. Однажды, послѣ заутрени, нашли его убитымъ на площади. Народъ волновался, крича, что это бояре убили Хвоста, точно также, какъ встарину Кучковичи зарѣзали Боголюбскаго (§ 49). Нѣ-

которые изъ бояръ бѣжали, но вскорѣ возвратились, съ помощью великаго князя.

Иванъ II княжилъ недолго. У него остался 9-лѣтній сынъ, *Димитрій*. Пользуясь его малолѣтствомъ, одинъ его родственникъ, младшій изъ князей суздальскихъ, тоже *Димитрій*, съѣздилъ въ Орду и получилъ ярлыкъ на великое княженіе. Онъ поселился во Владимірѣ. Но Москва не думала уступать. Здѣсь, за малолѣтствомъ Димитрія Ивановича, управляли *бояре*. У нихъ уже были большія *вотчины*, да и должности ихъ стали почти наслѣдственными. Они стеклись въ Москву со всѣхъ другихъ княжествъ и привыкли считать себя самыми важными боярами на Руси. Точно также стоялъ за Москву митрополитъ *Алексѣй*, а его уважали въ Ордѣ и даже считали чародѣемъ, послѣ того, какъ ему удалось вылечить одну ханшу. Наконецъ, къ Москвѣ былъ приверженъ преподобный *Сергій*, который основалъ при Семенѣ самый важный монастырь въ московской области, *Троицко-Сергіевскую лавру*. Сергій постоянно дѣйствовалъ въ пользу московскихъ князей и слушался приказаній митрополита Алексѣя. Московскіе бояре пріѣхали съ маленькимъ Димитріемъ въ Орду, чтобы отбить великое княженіе у князя суздальскаго. Они застали въ Ордѣ страшные безпорядки: тамъ было даже разомъ два хана. Москвичи повели дѣло такъ искусно, что оба хана дали Димитрію Ивановичу ярлыки на великое княженіе. Суздальскій князь испугался, призналъ власть соперника и даже выдалъ за него замужъ свою дочь. Вскорѣ Димитрій Ивановичъ сталъ совершеннолѣтнимъ и началъ подражать своему дѣду и дядѣ, пользуясь, между прочимъ, черною смертью, которая истребляла русскихъ князей. По словамъ лѣтописи, онъ „всѣхъ князей приводилъ подъ свою руку и началъ посягать на тѣхъ, которые не повиновались его волѣ“. Въ то же время была отмѣнена опасная должность тысяцкаго. Когда сынъ послѣдняго тысяцкаго, *Вельяминова, Иванъ*, бѣжалъ въ Тверь и былъ выданъ, ему отрубили голову: то была первая всенародная казнь въ Москвѣ.

§ 93. **Паденіе Твери и Рязани.** — Но Тверь все еще была сильна. Въ ней княжилъ тогда сынъ Александра Михайловича (§ 88), мужественный и неутомимый *Михаилъ*, который вступилъ въ союзъ съ предпріимчивымъ *Ольгердомъ* (§ 79), выдавъ за него замужъ свою сестру. Онъ до того вѣрилъ въ свои силы, что когда ѣздилъ въ Орду, то только по-

купалъ тамъ ярлыки на великое княженіе, но не бралъ войскъ, которыя предлагали ему татары. Въ началѣ надежды Михаила оправдались: Ольгердъ дѣлалъ такіе быстрые набѣги на москвичей, что тѣ не успѣвали изготовиться къ борьбѣ. Война Твери съ Москвой началась не по винѣ Михаила. Димитрій самъ вмѣшался въ его споры съ княземъ кашинскимъ и приказалъ митрополиту Алексѣю пригласить его въ Москву для полюбовнаго рѣшенія дѣла. Михаилъ повѣрилъ слову архипастыря и пріѣхалъ. Его заключили въ тюрьму; но вскорѣ выпустили, когда въ Москву пріѣхали послы Мамая. Михаилъ воскликнулъ: „Я больше всего любилъ митрополита и вѣрилъ ему; а онъ такъ посрамилъ меня и наругался надо мной!“ Съ этой минуты онъ поклялся мстить Москвѣ до самой своей смерти. Онъ бросился въ Литву—и Ольгердъ внезапно явился подъ Москвой. Димитрій съ боярами отсидѣлись въ Кремлѣ; но литовцы пожгли всѣ сосѣдніе посады и села: съ нашествія Батыя Москва не испытывала такихъ бѣдствій. Ольгердъ два раза опустошалъ Москву, но потомъ вдругъ бросилъ ее: онъ былъ вовлеченъ въ упорную войну съ нѣмцами. Тогда Димитрій, уже успѣвшій снова задобрить Мамая и дарами, и личнымъ поклономъ въ Сараѣ, рѣшился покончить съ Михаиломъ. Онъ собралъ большую рать. Тутъ были всѣ подручные князья Москвы (т.-е. весь сѣверо-востокъ Руси), а также новгородцы и князья смоленскіе и южные, которыхъ тѣснили литовцы. Русскій народъ благословлялъ эту рать потому, что считалъ Михаила другомъ враговъ Руси—литовцевъ и татаръ. Михаилъ покорился безъ боя и сталъ подручнымъ княземъ Москвы (1375). Народъ не ошибся, считая Москву защитницей Руси отъ татаръ. Въ договорѣ между Димитріемъ и Михаиломъ было сказано, что Тверь обязуется помогать московскому князю, если онъ захочетъ идти противъ Орды.

Въ то же время была подавлена *Рязань*, самая могущественная область послѣ Москвы и Твери. Она была особенно сильна личностями своихъ князей, которые находились постоянно подъ ударами татаръ, что̀ способствовало выработкѣ мужественныхъ характеровъ. При Димитріѣ Ивановичѣ княжилъ самый знаменитый изъ рязанскихъ князей, *Олегъ Ивановичъ*. Подобно тверскимъ князьямъ, онъ, такъ же какъ и его предки, питалъ непримиримую ненависть къ Москвѣ: его прадѣдъ былъ задушенъ Юріемъ Даниловичемъ. Народъ раздѣлялъ чувства своего князя. Рязанцы называли москвичей „трусами,

на которыхъ нужно идти не съ оружіемъ, а съ ремнями да веревками, чтобы вязать ихъ". Москвичи не оставались въ долгу у рязанцевъ: они называли ихъ „полоумными людищами". Олегъ воспользовался борьбой Димитрія съ Михаиломъ тверскимъ, чтобы возстать противъ могущества Москвы; но неудача тверичей погубила его. Воевода Димитрія разбилъ его на голову (1372), чему очень былъ радъ родственникъ Олега, князь пронскій, который тотчасъ же захватилъ Рязань. Впрочемъ, потомъ Олегъ снова утвердился въ Рязани, но уже какъ подручникъ московскаго князя.

§ 94. **Димитрій Донской и татары.** — На Руси стало спокойно: не тревожила ее и Литва, гдѣ, по смерти Ольгерда, свирѣпствовали смуты (§ 79). Этимъ затишьемъ воспользовалась Русь, чтобы начать *наступательную* войну съ татарами. Тогда въ Золотой Ордѣ наступило разложеніе. Тамъ, по обычаю азіатскихъ султанатовъ, начались дворцовыя козни и рѣзня между множествомъ наслѣдниковъ, связанная съ многоженствомъ: въ 25 лѣтъ смѣнилось 18 хановъ. Ихъ ставилъ и низвергалъ темникъ, *Мамай*, который наконецъ самъ воцарился въ Сараѣ. Но многіе татары не хотѣли признавать его—и Золотая Орда распалась. Не считая мелкихъ непрочныхъ владѣній, возникло пять главныхъ ханствъ: въ Сараѣ, въ Казани—на мѣстѣ болгарскаго царства, въ Астрахани, въ Крыму и за Яикомъ (§ 82). Замѣчая паденіе Орды и чувствуя свое усиленіе, русскіе уже не боялись своихъ поработителей. Со временъ Калиты они не видали баскаковъ, а московскіе князья привыкли отнимать удѣлы у своихъ родичей вопреки сарайскимъ ярлыкамъ. Димитрій Ивановичъ съ малыхъ лѣтъ приводилъ всѣхъ князей подъ свою руку и выдержалъ борьбу съ такими противниками, какъ Тверь и ея вѣрная союзница, Литва. Онъ былъ осѣненъ благословеніемъ уже могущественной церкви. Полный силъ, молодой князь былъ надеждой, представителемъ новаго гордаго поколѣнія, рвавшагося къ свободѣ. Русскіе уже съ бранью произносили имя какого-то Мамая. По городамъ вспыхивали бунты противъ ханскихъ пословъ, и народъ избивалъ татаръ. Нѣкоторые князья пускались внизъ по Волгѣ, съ своими ратями, и истребляли отдѣльные отряды врага. Димитрій Ивановичъ также ходилъ съ ратью за Оку, охраняя Русь отъ бусурмановъ. Однажды онъ даже разбилъ значительное полчище татаръ; и казанскіе ханы „добили ему челомъ" и заплатили дань. Тутъ разгнѣванный Мамай рѣшился разыграть роль Батыя. Онъ собралъ

всѣ силы татаръ, принанялъ зауральскихъ кочевниковъ, черкесъ съ Кавказа, даже генуэзцевъ изъ Кафы, а также вступилъ въ союзъ съ Ягелломъ литовскимъ и съ Олегомъ рязанскимъ. Онъ пошелъ вверхъ по Дону. Димитрій выступилъ навстрѣчу ему. Съ нимъ были всѣ русскіе князья, кромѣ рязанскаго и тверского, а также воинство со всѣхъ русскихъ земель, потому что всѣмъ хотѣлось сразиться съ бусурманами. Собралось до 200.000, и всѣ были одушевлены надеждой: св. Сергій благословилъ Димитрія и предсказалъ ему побѣду.

Побѣдное чувство овладѣло народомъ, когда вышелъ изъ Кремля, снаряженный въ походъ, великій князь — рослый, широкоплечій мужчина, лѣтъ 30-ти, съ темными кудрями, съ окладистой бородой, съ большими умными глазами. По всей Красной площади разнесся его звучный голосъ, когда онъ воскликнулъ: „Любезная братія! Не пощадимъ жизни за вѣру Христову, за святыя церкви, за русскую землю“. Толпа грянула: „Сложимъ головы за вѣру Христову и за тебя, государь великій князь!“ Русскіе встрѣтились съ татарами на *Куликовомъ Полѣ*, между Дономъ и его притокомъ, рѣчкой Непрядвой (1380)—къ счастью, съ одними татарами: Ягелло опоздалъ всего на одинъ переходъ. На протяженіи 10 верстъ враги сцѣпились другъ съ другомъ въ рукопашномъ бою. То была одна изъ самыхъ крупныхъ битвъ въ средніе вѣка. Здѣсь пало 15 русскихъ князей, и съ трудомъ нашли, подъ деревомъ, самого Димитрія, оглушеннаго ударомъ и спасеннаго только панцыремъ. Сначала татары одолѣли и погнали русскихъ, какъ вдругъ на нихъ напала сзади свѣжая русская конница, бывшая въ засадѣ, подъ начальствомъ двоюроднаго брата великаго князя, *Владиміра Андреевича* серпуховскаго, и выходца изъ Волыни, по прозванью *Боброкъ*. Татары потерпѣли полное пораженіе, побросали весь обозъ; едва ускакалъ самъ тучный Мамай со своими мурзами. Онъ такъ испугался, что бѣжалъ далеко въ степь; но тамъ натолкнулся на *Тохтамыша* (§ 82). На памятномъ для татаръ мѣстѣ, у Калки (§ 81), Мамай былъ разбитъ соперникомъ и бѣжалъ въ Крымъ, гдѣ вскорѣ его отравили генуэзцы. Тохтамышъ, между тѣмъ, быстро пошелъ къ Москвѣ, гдѣ побѣдители предавались полной безпечности: проводникомъ ему служилъ предатель—Олегъ рязанскій. Димитрій не успѣлъ собрать войско и удалился въ Кострому, а за нимъ и митрополитъ. Москвичи, предводимые однимъ литовскимъ воеводой, сожгли свои слободки и затворились въ Кремлѣ, который та-

тары взяли только хитростью. Никогда еще Москва не подвергалась такому опустошенію: въ ней не осталось живой души; сгорѣло и множество книгъ, снесенныхъ въ кремль со всего города. Народу погибло до 25.000, не считая сгорѣвшихъ и утонувшихъ. Но вскорѣ подоспѣлъ Владиміръ Андреевичъ и разбилъ одинъ изъ непріятельскихъ отрядовъ. На татаръ напалъ страхъ, и они поспѣшно ушли за Волгу.

Нашествіе Тохтамыша было временнымъ бѣдствіемъ, да и оно произошло отъ безпечности и легковѣрія москвичей. Въ сущности, *на Куликовомъ Полѣ русскіе освободились нравственно отъ татарскаго ига:* въ завѣщаніи Димитрія отразилась вѣра въ его близкое низверженіе. Оттого русскіе такъ высоко цѣнили эту побѣду: они воспѣли ее въ „Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ". Димитрій же, котораго назвали *Донскимъ*, пріобрѣлъ самое громкое имя въ исторіи сѣверной Руси, послѣ Невскаго. Такая народная оцѣнка особенно важна, въ виду того, что вообще княженіе Димитрія было временемъ тяжелыхъ испытаній. Русь подвергалась тогда нашествіямъ литовцевъ; москвичи постоянно дрались съ тверичами, рязанцами, смольнянами и новгородцами; свирѣпствовала *черная смерть* (§ 73). А главное — побѣда надъ татарами была только нравственная. На дѣлѣ Тохтамышъ закрѣпилъ ихъ иго на цѣлое столѣтіе, помолодивъ Золотую Орду свѣжими, воинственными выходцами изъ глубины Азіи. Надъ Русью снова налегъ гнетъ бусурманскихъ даней. Ея великій князь опять сталъ „улусникомъ" и слугой Орды, попрежнему началъ раболѣпствовать передъ нею. Но народъ понялъ, что, при всемъ томъ, княженіе Донского было зарей лучшаго будущаго. Сила татаръ была надломлена; и московскій князь сталъ попрежнему собирать выходы въ Орду (§ 83), что служило къ его усиленію. Объединеніе Россіи много подвинулось впередъ; и Димитрій оставилъ завѣщаніе, въ которомъ *впервые установилась на Руси правильная наслѣдственность власти.* Въ немъ было сказано, что Донской оставляетъ великое княженіе своему старшему сыну, Василію; а доблестный Владиміръ Андреевичъ, старшій въ родѣ, обязался считать Василія своимъ старшимъ братомъ: слѣдовательно *племянникъ былъ поставленъ выше дяди.* То была полная отмѣна родового быта. Оттого-то Димитрій обращался, какъ съ подданными, не только съ знатнѣйшими боярами, но и съ своими ближайшими родственниками. Владиміръ Андреевичъ, котораго народъ очень любилъ и называлъ также „Дон-

скимъ" и еще „Храбрымъ", служилъ Димитрію честно и грозно, безъ ослушанія, „билъ ему челомъ", дорожилъ „его пожалованіемъ". До сихъ поръ лѣтопись употребляла такія слова только относительно подданныхъ и холоповъ.

§ 95. **Василій I и Василій II Темный.** — Димитрій Донской умеръ внезапно, 39-ти лѣтъ. Онъ оставилъ 6 сыновей. Старшій изъ нихъ, 17-лѣтній *Василій I*, напоминалъ первыхъ московскихъ князей своею суровостью, осторожностью, подозрительностью и тою хитростью, съ которою онъ умѣлъ пользоваться слабостями людей. Онъ тихо, безъ шума, пріобрѣлъ *Нижній Новгородъ* и *Суздаль*, отчасти воспользовавшись измѣной тамошнихъ бояръ, отчасти съ помощью хановъ, которымъ онъ льстилъ и не жалѣлъ даней и подарковъ. Только разъ принеслась изъ Орды страшная бѣда. Въ 1395 г. Тамерланъ (§ 82), уничтоживъ Тохтамыша, захватилъ южную Русь и пошелъ на Москву. Онъ уже взялъ Елецъ, какъ вдругъ повернулъ назадъ, преслѣдуемый литовцами Витовта. Москвичи опять не были приготовлены къ отпору: они приписали свое спасеніе перенесенной тогда къ нимъ изъ Владиміра иконѣ Божіей Матери (§ 48). Но затѣмъ татары все слабѣли отъ усобицъ; и Василій I уже не столько интересовался Ордой, сколько Литвой, которая все усиливалась и забирала русскія области. Чтобы остановить грознаго врага, онъ даже женился на *Софьѣ Витовтовнѣ*. Но и это не помогло. По смерти Василія I, Витовтъ едва не подчинилъ себѣ всей Руси. Тогда въ Москвѣ правила его дочь, за малолѣтствомъ сына своего, *Василія II*. Старшій дядя ребенка, *Юрій Дмитріевичъ*, не хотѣлъ признать его великимъ княземъ. Ктому же Софья оскорбила Юрія тѣмъ, что на свадьбѣ сорвала съ его сына, *Василія Косого*, какъ съ вора, золотой поясъ, усыпанный драгоцѣнными каменьями.

Наступили небывалыя въ Москвѣ смуты, съ ихъ обычнымъ послѣдствіемъ—всеобщимъ нравственнымъ паденіемъ, среди котораго воспитался крайне суровый, вѣроломный и перемѣнчивый нравъ Василія Васильевича. Никто не пренебрегалъ никакими средствами. Престолъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Юрію удалось разбить своего племянника и захватить Москву, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. Василій Косой хотѣлъ наслѣдовать ему, но былъ разбитъ Василіемъ II и ослѣпленъ. Мстителемъ за него явился его братъ, *Димитрій Шемяка* галицкій. Соединившись съ тверскимъ княземъ, онъ схватилъ Василія II въ Троицкой лаврѣ и, въ свою очередь, ослѣпилъ его: съ тѣхъ поръ Василія Васильевича

стали звать *Темнымъ*. Но вскорѣ, опасаясь народнаго волненія, Шемяка выпустилъ несчастнаго изъ тюрьмы. Москвичи не любили Шемяку, который угнеталъ ихъ, съ помощью своихъ галицкихъ бояръ, и былъ до того пристрастенъ, что вошло въ пословицу называть всякую несправедливость „шемякинымъ судомъ". Шемяка вскорѣ былъ прогнанъ, и снова воцарился Василій II. Шемяка удалился въ свой Галичъ, но продолжалъ вредить Василію, который, наконецъ, пошелъ противъ него и присоединилъ Галичъ къ Москвѣ. Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ, но погибъ тамъ отъ отравы, подосланной изъ Москвы. Димитрій Шемяка—послѣдній удѣльный князь, который оспаривалъ первенство на Руси у прямыхъ потомковъ Владиміра Мономаха. Съ его смертью прекратилась смута въ Москвѣ. Василій II прокняжилъ еще лѣтъ 10, спокойно продолжая дѣло своихъ предковъ. Онъ захватилъ почти все, что̀ оставалось независимымъ вокругъ Москвы. Князья можайскіе и серпуховскіе лишились своихъ владѣній; суздальскіе принуждены были бѣжать. Князь рязанскій самъ отдалъ Василію II на воспитаніе своего сына, и его княжествомъ стали управлять московскіе намѣстники. Тверской князь, соумышленникъ Шемяки, призналъ себя подданнымъ Василія и выдалъ свою дочь, *Марію*, за его сына, *Ивана*. Новгородъ, помогавшій Шемякѣ и стѣснявшій Москву разбоями своихъ повольниковъ (§ 51), долженъ былъ не только заплатить Василію большую дань, но и отмѣнить свои вѣчевые порядки: онъ сталъ писать грамоты отъ имени великаго князя и употреблять его печать. Даже колоніи Новгорода почувствовали руку Василія: *Псковъ* сталъ выбирать себѣ въ князья московскихъ намѣстниковъ, а *Вятка* прямо подчинилась Москвѣ. Усилилась и церковная власть Москвы. Тогда русскій митрополитъ, жившій въ Кіевѣ, вступилъ въ „унію" (§ 74), подъ покровительствомъ Литвы. Москва воспользовалась этимъ и, отвергнувъ унію, отвергла и кіевскаго митрополита. Русскіе епископы, не спрашиваясь константинопольскаго патріарха, выбрали собственннаго митрополита Іону (1448). Съ этихъ поръ *русская церковь стала независимою отъ Византіи*. Русскіе митрополиты жили въ Москвѣ. Переходъ церковнаго главенства въ Москву былъ закрѣпленъ перенесеніемъ иконы Владимірской Божіей Матери, имѣвшей такое большое значеніе въ глазахъ сѣверной Руси. Такъ, Василій Темный, умирая (1462), оставилъ уже могущественное государство своему сыну, Ивану III.

§ 96. **Земля и населеніе.**—Третій періодъ русской исторіи (1250—1450) отличается отъ втораго во многихъ отношеніяхъ. Русь измѣнилась уже количественно. Въ государственномъ смыслѣ она сильно уменьшилась. Весь юго-западъ подчинился Литвѣ и Польшѣ; и за это не могли вознаградить ничтожныя пріобрѣтенія насчетъ шведовъ и ливонскихъ рыцарей. Сверхъ того, въ началѣ періода татары непосредственно управляли ближайшими къ нимъ украйнами. Но зато *границы народности* русской расширились на сѣверо-востокѣ, среди финскихъ инородцевъ. Причиной тому были знаменитыя *переселенія* съ юго-запада, начавшіяся уже въ прошломъ періодѣ (§ 64). Они шли сначала въ треугольникъ, средоточіемъ котораго была Москва (§ 90), упираясь въ земли новгородцевъ, мордвы и татаръ, потомъ разсыпались за Волгой и внизъ по ея теченію. Переселенцы садились на „сыромъ корню", по нагорнымъ берегамъ рѣкъ, по сухимъ, холмистымъ „раменамъ" или окраинамъ дѣвственныхъ боровъ и болотъ. Устроивъ свою „околицу", эти „старожильцы" перезывали сюда „новоприходцевъ", тягловый людъ „съ иныхъ сторонъ". А разродятся и станетъ тѣсно—дѣлаютъ „выставки" или „выселки" да „починки" въ лѣсу, какъ отроившаяся пчела: попрежнему садятся „на новяхъ", на свѣжихъ „займищахъ" (§ 61). При такихъ крѣпкихъ завязяхъ русской народности, она стала успѣшнѣе прежняго всасывать въ себя кровь вообще податливыхъ инородцевъ сначала уральскаго, а потомъ и алтайскаго отродья (§ 2). Такъ, благодаря переселеніямъ, *населеніе* Россіи *возросло*, что́ доказывается многолюдностью городовъ и такою арміей, какъ 200.000 воиновъ, выведенныхъ Донскимъ противъ Мамая, а также изобиліемъ слободъ, особенно въ сѣверо-восточной Руси, которая очень слабо была населена до татаръ.

Но увеличеніе населенія задерживали татарскіе погромы, войны съ литовцами, нѣмцами и шведами, а также внутреннія усобицы. Сверхъ того, вслѣдствіе невѣжества, необработанности природы и разбросанности населенія, Русь попрежнему (§ 57) подвергалась различнымъ временнымъ бѣдствіямъ,—наводненіямъ, пожарамъ, въ особенности же голоду и моровой язвѣ. *Голодъ* мѣстный былъ обычнымъ явленіемъ, уже вслѣдствіе недостатка путей сообщенія: въ одномъ мѣстѣ гнилъ избытокъ запасовъ, когда въ другомъ нечего было ѣсть. Но нерѣдко встрѣчался почти повсемѣстный голодъ отъ физическихъ причинъ. Часто въ лѣтописяхъ рисуется такая картина: стоитъ мгла; палитъ ужасный зной;

рѣки повысохли; лѣса, болота и земли горятъ; дымъ стелется по воздуху, такъ что едва можно видѣть другъ друга вблизи, и отъ него издыхаютъ рыбы и птицы; нето хлѣбъ поѣдаетъ мышь или „крылатый червь" (саранча). Лѣтописецъ прибавляетъ, что скорбь была великая: только и слышно было, что плачъ и рыданія по улицамъ и торжищамъ; многіе падали отъ голоду мертвые, многіе бѣжали въ Литву, къ нѣмцамъ, евреямъ и басурманамъ, или отдавались въ рабство богачамъ. Столь же безпощаденъ былъ *моръ*, особенно во второй половинѣ 14-го в. Человѣкъ вдругъ зачнетъ харкать кровью, или вскочитъ нарывъ, нападетъ костоломъ: несчастный корчится и испускаетъ духъ въ три дня. Обыкновенно вымирала вся семья, а нерѣдко цѣлыя села и даже города. Изъ многолюднаго Смоленска вышло только пять человѣкъ: они затворили за собой ворота мертваго города. Нѣкоторыя мѣста по нѣскольку разъ вновь заселялись и опять опустошались моромъ. Къ числу бѣдствій должно отнести *разбои*, которые свирѣпствовали особенно на Волгѣ, вслѣдствіе недостатка хорошаго управленія; сѣверо-востокъ больше всего терпѣлъ отъ новгородскихъ повольниковъ. Вслѣдствіе всего этого, Русь въ третьемъ періодѣ была все еще страною *бѣдной* и *малонаселенной*.

§ 97. **Князь.** — Татары имѣли лишь косвенное вліяніе на бытъ русскихъ, но прямо и значительно воздѣйствовали на ихъ политическое развитіе (§ 84). Оттого въ третьемъ періодѣ на Руси замѣчается болѣе перемѣнъ въ государственномъ, чѣмъ въ бытовомъ отношеніи. Тогда произошло *усиленіе самодержавія*. Но оно явственно обнаружилось лишь къ концу періода. Сначала, въ 13 — 14 вѣкахъ, было переходное время. Оно отличалось отголосками усобицъ, пережитками удѣльнаго строя. Но удѣлы на сѣверо-востокѣ уже были не тѣ, что на юго-западѣ, вслѣдствіе переселеній. Здѣсь все было ново, лишено преданій, общественныхъ установленныхъ связей. Вмѣсто старыхъ могучихъ городовъ, связанныхъ между собой перекочевкою князей по родовымъ счетамъ, раскинулись, на огромныхъ пространствахъ, села, связанныя между собой лишь общимъ кустарнымъ промысломъ новаго обзаведенія. Съ размноженіемъ линій ростовскихъ и ярославскихъ князей, изъ этихъ промысловыхъ округовъ составились мелкіе удѣлы. То были крохотныя княжества, безъ корней въ прошломъ, жалкія и зыбкія, какъ окрестныя болота. Нерѣдко тутъ не было не только городовъ, но и селъ: однѣ деревушки, а столица князька—простая боярская

усадьба, одинокій широкій дворъ съ избами, при церкви. Здѣсь все зависѣло отъ случайности, отъ того, куда ударится потомъ переселеніе, гдѣ скучатся перехожіе люди. Отсюда легкая смѣна значенія княжествъ и внезапный ростъ такихъ худшихъ, слабѣйшихъ городковъ, какъ Москва.

Въ этихъ передовыхъ сторожкахъ Руси, какъ и въ монастыряхъ-колонистахъ, все было уединенно, тихо и угрюмо. Смирно сидѣлъ здѣсь, въ своей „опричнинѣ", удѣльный князь съ суровымъ и замкнутымъ нравомъ. Оторванный отъ остальной Руси, онъ не зналъ перекочевокъ со стола на столъ; и дики были этому сельчанину удаль и честолюбіе нашихъ южныхъ витязей. Въ его узкихъ понятіяхъ блѣднѣлъ образъ государства и отечества: рѣдко собиралось княжье на съѣзды, да и то лишь для владѣльныхъ договоровъ или какъ подручники окрѣпшаго великаго князя; и въ письменахъ той поры рѣдко и холодно поминается имя „Русской земли". Сѣверный удѣльный князь думалъ только о своемъ большомъ гнѣздѣ (§ 50), промышлялъ о дѣтяхъ, которымъ и отдавалъ свою опричнину по завѣщанію, дробя ее семейнымъ раздѣломъ. То былъ еще не государь, а вотчинникъ: вся земля удѣла считалась его собственностью; и онъ распоряжался ею на правахъ боярской собственности, по Русской Правдѣ (§ 24), передавая ее дѣтямъ, нето князю-сосѣду, женѣ и даже дочери, по „душевной грамотѣ", совсѣмъ сходной съ завѣщаніемъ частнаго лица. Князь смотрѣлъ на свой удѣлъ только какъ на источникъ дохода и прокормленія своего гнѣзда; и дворцовыя должности у него занимали холопы, какъ у бояръ — тіуны. Князь отличался отъ боярина только тѣмъ, что имѣлъ еще государственныя права (§ 26); но смотрѣлъ онъ на нихъ такъ же, какъ и на землю съ холопами. Такъ вырабатывалась, въ каждомъ удѣльномъ углу, сильная власть. Она росла на просторѣ: ее не стѣсняли ни преданія, ни такія старыя силы, какъ маститые города съ вѣчами. Князь, на глазахъ котораго все подымалось на новяхъ, какъ изъ ничего, считалъ все своимъ созданіемъ и своимъ достояніемъ. Вліяніе татаръ, прямое и косвенное (§§ 84, 90), ускоряло ходъ дѣла, предъявляя готовый образецъ.

Къ концу періода самодержавіе уже почти совсѣмъ сложилось, когда возвысился великій князь въ Москвѣ. Смута въ малолѣтство Василія II (§ 95) была послѣднимъ проявленіемъ пережитковъ южнаго быта. Московскій князь сталъ быстро поглощать мелкіе удѣлы, гдѣ народъ не защищалъ своего княжья, связаннаго съ нимъ не нравственными узами, а не-

обходимостью, находя выгоднымъ поддаваться болѣе обширному средоточію. Онъ уже съ Калиты (§ 91) называется *самодержцемъ*, Божіей милостью великимъ княземъ „всея Руси“ и „господаремъ“ или „государемъ“. Если не по закону, то на дѣлѣ у него установилось *престолонаслѣдіе по прямой линіи*. Онъ уже рѣшалъ дѣла, какъ хотѣлъ, съ имъ самимъ назначенными боярами или и безъ нихъ, и даже самовластно вмѣшивался въ кругъ вѣдомства церкви. Въ предѣлахъ его княжества все уже трепетало передъ нимъ: при Донскомъ впервые подвергнутъ всенародной казни такой важный бояринъ, какъ сынъ тысяцкаго Вельяминова (§ 92). Его могущество уже далеко распространялась за предѣлами московскаго княжества. Самыя сильныя области, Тверь и Рязань, уже очутились въ подвластныхъ отношеніяхъ къ нему; а менѣе важные князья стали называться *удѣльными* и *помѣстными* и считались „подручниками“ великаго князя. Отношенія между ними опредѣлялись *договорными грамотами и духовными завѣщаніями*, которыхъ сохранилось много отъ того времени: это — основа нашего государственнаго права 14 и 15 вѣковъ. Удѣльные князья были независимы въ своихъ областяхъ, но подчинялись великому: они называли его „господиномъ“, „служили“ ему безъ ослушанія, „честно и грозно“, и „били челомъ“; они обязаны были ходить на войну по его первому призыву. Измѣнился и *бытъ* князя. Князь ходилъ на войну лишь въ крайнемъ случаѣ, больше сидѣлъ дома и старался кознями или деньгами „придобывать“ побольше земель и разнаго добра — одеждъ, драгоцѣнныхъ камней, золотыхъ вещей, мѣховъ, посуды и т. д. Князь велъ скромный и скучный образъ жизни: даже охота сдѣлалась болѣе простою, дешевой и рѣдкой. Пиры сохранились, особенно брачные или „каша“, но также въ болѣе скромныхъ размѣрахъ: все ограничивалось попойкой. Князья женились 14-ти лѣтъ на невѣстахъ своего рода или на литовскихъ и татарскихъ княжнахъ, изрѣдка и на боярскихъ дочеряхъ. Передъ смертью постригались въ монахи.

Княжая *казна* стала обильна, особенно къ концу періода, когда московскій князь сталъ собирать выходы въ Орду, вовсе не отправляя ихъ въ Сарай. Помимо этихъ выходовъ, она состояла изъ многихъ „мытъ“ или пошлинъ—судебныхъ или „присудъ“, брачныхъ (новоженная куница) и торговыхъ (гостиное, вѣсчее, побережное, пятно—за клеймленіе лошадей и др.). Кромѣ того, взимались разныя дани съ частныхъ владѣльцевъ — „путныя“, „туковыя“, за хлѣбъ, соль, медъ, рыбу и т. д. Значительны были

и доходы съ дворцовыхъ земель—какъ оброками и „издѣльемъ" (трудомъ) съ крестьянъ, такъ и сборами съ „ухожаевъ" или *путей* (§ 11), которыми „доходили" до прибылей. Путей стало много—сначала сокольничій (птичья охота), ловчій (звѣриная охота), конюшій (табуны лошадей и стада скота), потомъ—стольничій, „тянувшій въ поварню князя" (рыболовство, садоводство, огородничество), и чашничій (изготовленіе напитковъ и пчеловодство). „Путями" были и учрежденія, вѣдавшія эти хозяйственныя угодья. Изъ ихъ правителей составилось зарождавшееся уже въ удѣльную пору (§ 58) *придворное чиноначаліе* такъ же, какъ въ Византіи (§ 9) и на Западѣ. Болѣе почетными (боярскими) придворными должностями были: сокольничій, ловчій, конюшій, стольникъ, чашникъ, — сначала все „путные" или „путники", потомъ и „безъ путей", какъ свита князя. Сюда же причислялись тысяцкій и намѣстникъ—военный и гражданскій правители столицы. Низшіе царедворцы (иногда даже изъ холоповъ) были: дворскій или дворецкій, правившій дворцовыми слугами и дворцовымъ хлѣбопашествомъ, казначей, окольничьи, ключники, дьяки, подъячіе и др. Дьяки не только завѣдывали княжескою печатью и письмоводствомъ, но и употреблялись какъ послы.

§ 98. **Управленіе.**—Подлѣ князя попрежнему (§ 59) видимъ *думу*, какъ главное правительственное мѣсто. Она постепенно развивалась. Сначала она все еще мало походила на правильное учрежденіе. Составъ ея былъ случайный. Князь, бывало, „сгадаетъ" или „поговоритъ" съ кѣмъ хочетъ. Но обыкновенно это были одинъ-два царедворца изъ путныхъ бояръ, вѣдомства которыхъ касалось дѣло: лишь въ крайнихъ случаяхъ между-княжескихъ отношеній постановлялся приговоръ „общею думой всѣхъ наличныхъ совѣтниковъ". Всѣ эти „думцы" (§ 27) были наперсники, приближенные князя: среди нихъ уже не встрѣчалось областныхъ правителей, и рѣдко, по церковнымъ вопросамъ, призывались владыки. Они играли роль лишь приказчиковъ или свидѣтелей, какъ въ судебняхъ: приговоръ считался собственнымъ и окончательнымъ рѣшеніемъ князя, а бояре только „туто были". Ихъ свидѣтельство нужно было тѣмъ болѣе, что дворцовый дьякъ или печатникъ еще не записывалъ дѣлъ въ книгу, и князь не скрѣплялъ ихъ своимъ рукоприкладствомъ. Ходъ думскаго засѣданія былъ простой, хозяйскій. Спозаранку думцы „лазили" во дворецъ, „словесно" скликанные туда княземъ. Дьяки докладывали дѣла и писали

грамоты по приговорамъ думы: у каждаго изъ нихъ былъ свой „ларецъ“ для храненія болѣе важныхъ бумагъ. Попрежнему случайны были и приговоры думы: все государственное право составлялось изъ примѣровъ, изъ отрывочныхъ рѣшеній всплывшихъ по нуждѣ дѣлъ. Не было у думы даже опредѣленнаго вѣдомства. Она была и дворцовою конторой, и высшею судебней, и совѣтомъ князя по всевозможнымъ областнымъ дѣламъ, восходившимъ отъ низшихъ правителей. Но къ концу періода дума принимаетъ новый видъ. Въ Москвѣ она собирается правильнѣе и уже менѣе походитъ на дворцовую контору. Она точнѣе опредѣляетъ свои отношенія къ *областному управленію*, ослабляя его самостоятельность. Въ началѣ періода область жила еще обособленно отъ князя и его высшаго правленія. Въ земляхъ частныхъ владѣльцевъ, какъ свѣтскихъ, такъ и церковныхъ, вотчинникъ былъ почти князькомъ, а царедворцами были у него свои „приказчики“; только они сами судились княземъ или его дворецкимъ. На черныхъ земляхъ (§ 61), составлявшихъ „уѣзды“, дѣлившіеся на „волости“, такими же князьками сидѣли *намѣстники* и *волостели* со своими тіунами и доводчиками. Они безнадзорно пользовались властью князя, которому платили за нее, подобно половникамъ (§ 61), часть своихъ доходовъ; но съ усиленіемъ князя ихъ начали стѣснять путные волостели, которые заправляли княжескими путями въ волостяхъ, всюду пересѣкавшими частныя земли, а также были „даньщиками“ или сборщиками даней на этихъ земляхъ. Къ концу періода, въ Москвѣ, князь начинаетъ уже судить не только намѣстниковъ и волостелей, но и ихъ крестьянъ и холоповъ. Онъ беретъ отъ нихъ къ себѣ на докладъ самыя важныя тогда дѣла—поземельныя; отъ его думы исходятъ жалованныя, купчія, межевыя грамоты. Возникъ и цѣлый разрядъ „разъѣздчиковъ“ или межевиковъ.

Распорядительная власть князя возрастала и отъ развитія *военнаго* дѣла. Рать стала многочисленна, хотя лишь въ особыхъ случаяхъ (§ 94). Ядро ея составляли бояре, выходившіе, по первому призыву князя, „конно, людно и оружно“, т.-е. въ собственномъ снаряженіи, съ своими слугами, число которыхъ, впрочемъ, еще не было опредѣлено. Они несли также „сторожевую и станичную службу“ на пограничной чертѣ, установленной при Калитѣ отъ Оки до Дона и оттуда къ Волгѣ и Крыму. Эта черта состояла изъ „городковъ“, „острожковъ“ (крѣпостцы, обнесенныя острымъ тыномъ), курга-

новъ съ вышками и вѣстовыми колоколами, земляныхъ валовъ на нѣсколько верстъ, въ особенности же изъ *засѣкъ* (§ 59) у опушки лѣсовъ, которые становились „заповѣдными", неприкосновенными. Самая пограничная черта называлась „засѣчною", повинность народа строить ее — „засѣчнымъ дѣломъ", а ея охрана — „засѣчною стражей". Эта стража подчинялась „засѣчнымъ головамъ" и воеводамъ. Она день и ночь сидѣла дозоромъ на вышкахъ и по деревьямъ и, завидя татаръ, давала знать воеводамъ, стоявшимъ съ „полками" въ Коломнѣ и Каширѣ. Сверхъ того, далеко въ степь высылались разъѣзды *станичниковъ*, которые порой подолгу заживались тамъ. Но кромѣ бояръ, рать попрежнему (§ 26) состояла изъ земской пѣхоты. Она кормилась въ походахъ насчетъ мѣстнаго населенія. Боевой строй былъ также прежній (§ 59); но особенно стали выставлять „западные" отряды или засады да „сторожи" и „заставы", которыя задерживали непріятеля и „добывали языка" (плѣнника), что объяснялось медленностью сбора рати. Развилось также осадное дѣло: появились „туры" (корзины съ землей или паклей для прикрытія подступающихъ), „тараны", метавшіе, на полтора перестрѣла, камни въ подъемъ четыремъ силачамъ, и „пороки" или стѣнобитныя орудія. Осажденные первымъ дѣломъ сожигали посады, слободки, даже монастыри въ околицѣ (§ 70) и затворялись въ кремлѣ, откуда палили изъ самострѣловъ да лили кипятокъ и смолу на подступающихъ. Снаряженіе войска оставалось прежнее (§ 26); только подконецъ появились пушки у осажденныхъ городовъ, да стяги замѣнялись болѣе внушительными „знаменами". Русскіе были охочи до боя и стремительны, но не стойки. Кровопролитіе вообще было рѣдкостью: въ этотъ періодъ насчитывается до 250 войнъ (тутъ 90 усобицъ и по 40—45 войнъ съ татарами и литовцами), а битвъ было только 70.

Съ усиленіемъ княжеской власти и *вѣче* утрачивало свое прежнее (§ 59) значеніе. Народъ совсѣмъ отвыкъ отъ него: когда пришелъ Тохтамышъ (§ 94), покинутые княземъ москвичи вздумали-было собрать вѣче, но только перессорились. Старыя вѣча уцѣлѣли только въ Полоцкѣ, Псковѣ и особенно въ Новгородѣ. Въ Новгородѣ князья еще заключали ряды съ горожанами, обязываясь держать ихъ „въ старинѣ, по пошлинѣ (по обычаю), безъ обиды". Великій князь не могъ ставить посадниковъ и тысяцкихъ и клялся не слушать доносовъ; ни онъ, ни его бояре не должны были держать своихъ селъ на новго-

родской землѣ. Новгородъ платилъ князю только „черный боръ" или выходъ въ Орду. Но съ Калиты московскіе князья стараются и здѣсь установить дани. Тогда же появляются ихъ *намѣстники* подлѣ посадниковъ; а въ рядахъ новгородцы обязываются „держать княженіе честно" и даже „грозно".

§ 99. **Бояре**. — Вмѣстѣ съ измѣненіемъ государственнаго наряда въ третьемъ періодѣ нашей исторіи, на сѣверо-востокѣ измѣнялось и положеніе населенія. Здѣсь, какъ и тамъ, перемѣна особенно обнаруживалась подконецъ: сначала еще сохранялись пережитки строя удѣльныхъ усобицъ. Такъ боярство, по нѣкоторымъ своимъ преимуществамъ, казалось еще дружиной, кочевою ратью (§ 60). Бояре сохраняли право отъѣзда на личную службу къ другому князю, не теряя вотчинъ. Они служили еще по ряду, какъ вольные наемники. Но это былъ уже пережитокъ, противорѣчившій стремленію князя осѣсться самому и прикрѣпить своихъ сподручниковъ къ землѣ. Это прикрѣпленіе, начавшееся въ концѣ удѣльнаго періода путемъ вотчинъ, развивалось въ Москвѣ. Въ договорныхъ грамотахъ появляется запрещеніе держать закупней и оброчниковъ въ чужихъ удѣлахъ. Въ поученіяхъ переходъ отъ князя къ князю уже считается измѣной. Сами бояре стремились осѣсться: земля становилась главнымъ источникомъ богатства, а князья давали имъ почти намѣстничью власть въ вотчинѣ (§ 92), подчиняя ихъ своему суду только въ дѣлахъ по душегубству. Князья стали раздавать имъ, наряду съ вотчинами, еще *помѣстья* — земли въ пользованіе, покуда они числились на службѣ. Они попрежнему поручали имъ правительственныя должности и пути, доставлявшіе хорошее кормленіе. Но все это сильно связывало боярина съ его княземъ, дѣлало его зависимымъ. По праву, бояре были еще вольными сотрудниками князя, а не подданными: оттого въ важныхъ случаяхъ ихъ всѣхъ скликали въ княжескую думу. На дѣлѣ же они были уже не дружиной, а *служилыми* людьми, военнымъ сословіемъ, которое занимало также и гражданскія должности. Чѣмъ сильнѣе размножались они и чѣмъ меньше становилось княжья, тѣмъ болѣе они должны были поддерживать зарождавшееся самодержавіе.

Это особенно обнаружилось въ Москвѣ. Здѣсь скопилось множество бояръ, изъ которыхъ образовался обособленный классъ: рѣдки были случаи пожалованія въ бояре даже изъ богатыхъ гостей. Пользуясь правомъ отъѣзда, они стремились сюда, гдѣ богатѣли такъ, что удѣльные князья ста-

рались породниться съ ними. Къ концу періода въ Москвѣ зарождаются осѣдлые, землевладѣльческіе боярскіе „роды“, хотя у нихъ еще не было не только родословныхъ книгъ съ гербами, но и фамилій: каждый бояринъ назывался по имени и отчеству, но завелъ собственную печать. Сюда прежде всего относились „захудалые“ роды Рюриковичей и Гедиминовичей, которые отличались отъ остального боярства только титуломъ князя. Но ихъ было уже очень мало къ концу періода. Боярство стало пополняться выходцами, которые уже цѣлыми кучками прибывали отовсюду—какъ изъ разныхъ частей Руси, такъ и изъ-за границы. Тутъ были бояре съ Волыни (Волынскіе), изъ Кіева (Квашнины), Чернигова (Плещеевы, Оболенскіе); Смоленска (Всеволожскіе); затѣмъ—изъ Орды (Годуновы, Сабуровы, Уваровы, Юсуповы, Урусовы), Литвы (Патрикѣевы, Голицыны, Куракины), Пруссіи (Кошкины, Кобылины, Захарьины, Шеины, Морозовы, Козловы, Шереметьевы, Колычевы, Боборыкины, Неплюевы, Коновницыны, Хвостовы), Германіи (Кутузовы, Челищевы, Толстые, Васильчиковы, Дурново, Левшины); были даже неудачники изъ Швеціи (Суворовы), Даніи, Англіи, Франціи, Италіи, Греціи, Далмаціи, Сербіи, Валахіи и Богеміи. Всякій старался выдѣлиться изъ этой разнородной массы: бояре выслуживались передъ великимъ княземъ, ссорились изъ-за его милостей. Самые важные изъ нихъ назывались *большими* или путными и думцами, а также собственно боярами. Они судились не намѣстниками, а самимъ княземъ, и были военачальниками. Сюда относились дворцовые чины (§ 97). Но и они были только „старѣйшими“ служилыми, „знахарями“ порядковъ, которымъ князь „приказывалъ“, какъ своимъ „нарочитымъ поставленникамъ“, вершить извѣстныя дѣла правленія. За боярами слѣдовали *дѣти боярскія*, съ такими же правами, какъ у бояръ, только не участвовавшія въ думѣ князя. Ниже стояли *дворяне* (§ 60) или „вольные слуги“ князя, которые частью посылались на кормленье, частью завѣдывали работами на княжескихъ земляхъ. На эти должности назначались иногда и княжіе холопы.

§ 100. **Тяглые.**—Служилые отправляли свою службу; но они не несли государственныхъ „тягостей“ (налоговъ). Все остальное населеніе называлось *тяглыми* людьми. Всѣ они попрежнему (§ 61) были вольнымъ, бродячимъ населеніемъ, которое временно примащивалось къ землямъ князей или частныхъ владѣльцевъ—бояръ и монастырей. Ихъ высшій слой, *посадскіе*, при-

низились сравнительно съ горожанами южной Руси. Вмѣстѣ съ паденіемъ денежнаго хозяйства, исчезъ не только дружинникъ-торговецъ, но и богатый гость-промышленникъ. Пали крупные волостные города съ вѣчами. Такъ, Ростовъ и Суздаль утратили свои права въ борьбѣ съ новыми людьми (§ 50), пришедшими изъ Залѣсья за Окой, не знавшими древней гордой общины. Подконецъ московскій князь посягалъ даже на власть Новгорода (§ 95). Городами уже управляли служители князя; а если гдѣ посадскіе, по старой памяти, собирали вѣче, ихъ называли „крамольниками". Посадскихъ начинали приравнивать къ сельской массѣ, называя ихъ въ грамотахъ „черными сотнями и слободами". Но утративъ права, города понемногу поправлялись къ концу хозяйственно, отъ промысловъ и торговли, особенно тамъ, куда не достигало татарское иго. А на юго-западѣ появилось *магдебургское право* (§ 77), близкое къ вѣчевымъ порядкамъ: оно предоставляло посадскимъ самоправленіе и освобождало ихъ отъ торговыхъ пошлинъ. Литовское правительство покровительствовало горожанамъ безъ различія вѣръ и народностей. Оно сохранило вѣче Полоцку и давало разныя льготы нѣмцамъ, евреямъ и армянамъ; оно наказывало за обиду еврею также, какъ за обиду шляхтичу. На эти льготы не скупились и князья на сѣверо-востокѣ.

Но чѣмъ льготнѣе становилось посадскимъ, тѣмъ незавиднѣе было положеніе сельчанъ, на которыхъ падало тягло почти всею своею тяжестью: Русь и дѣлилась въ правительственномъ отношеніи на „сохи": Всѣ они стали называться тогда вообще *черными* или „черносошными", а иногда „хрестьянами", „сиротами" и „численными", т.-е. засчитанными въ татарскіе списки даней. Крестьянинъ попрежнему (§ 61) не имѣлъ своего угла: „своеземцы" лишь изрѣдка встрѣчались въ старыхъ вольныхъ городахъ. Крестьянинъ садился на чужой землѣ, снимая ее погодно „по ряду" и переходя въ *бобыли* или „непашники", когда „опадалъ животами", бѣднѣлъ. Онъ являлся только „душой да тѣломъ" къ готовому „крестьянскому заводу", т.-е. на полное обзаведеніе, со ссудой отъ владѣльца деньгами, а больше хлѣбомъ „на сѣмена и ѣмена" (прокормъ до жатвы). Все это одолженіе называлось „серебромъ", и за него платился процентъ или денежнымъ „ростомъ", или пашеннымъ „издѣльемъ". А за пользованіе землей „среброникъ" вносилъ оброкъ: онъ и назывался еще постарому половникомъ, хотя отдавалъ меньше половины валоваго дохода. Кромѣ

оброка, онъ становился „тяглецомъ“, какъ только „наставлялъ соху“ на тягломъ участкѣ: онъ несъ разныя дани князю и его служителямъ, ставилъ имъ дворы, возилъ ихъ и кормилъ въ походѣ, выходилъ по ихъ приказу на охоту и т. д. За крестьяниномъ сохранялось только драгоцѣнное право свободнаго перехода. И оно было въ большомъ ходу, благодаря помѣстьямъ (§ 99), — этимъ пустырямъ съ неистощенной новью, куда тянулся вереницей изъ селъ и городовъ голый бобыльскій людъ, приманиваемый ссудами и льготами. Но къ концу періода крестьянинъ уже могъ „отказываться“ или оставлять своего землевладѣльца только въ теченіе трехъ недѣль около осенняго Юрьева дня. А нѣкоторые монастыри стали совсѣмъ запрещать переходы. Бояре начали получать отъ князей право суда надъ своими оброчниками; а съ появленіемъ помѣстій возникаетъ и имя „помѣщика“. Подлѣ вольныхъ, перехожихъ черныхъ людей, продолжали существовать *холопы*, а также *закладни*, которые закладывались за богатаго по займу, а также чтобы избѣжать повинностей. Усиленіе холопства видно уже изъ множества его разрядовъ: были холопы „полные“ (по рожденію), „грамотные“ (отдавшіеся сами въ холопство по кабальнымъ грамотамъ), „купленные“, „ордынцы“ (§ 90). Княжая челядь (§ 58) стала называться „дворскими“ холопами и „страдниками“.

§ 101. **Церковь.** — Въ третьемъ періодѣ русская церковь *распалась на сѣверо-восточную и юго-западную.* Когда палъ Кіевъ, митрополиты стали „тянуть“ къ возвышавшейся Суздальской землѣ. Они часто ѣздили туда, потому что тамъ скоплялось много дѣлъ. Наконецъ, митрополитъ *Максимъ* совсѣмъ переселился во Владиміръ (ок. 1300), а преемникъ его, *Петръ*, переѣхалъ въ Москву. Съ этихъ поръ московскій митрополитъ старался стать церковнымъ главою всей Россіи и часто ѣздилъ на югъ. Но противъ этого возстала Литва. Церковныя дѣла при второмъ преемникѣ Петра, *Алексѣѣ*, хорошо объясняютъ отношенія между Москвой, Литвой и Византіей, а также между властью князя и митрополита на Руси. Въ 1354 г., Иванъ II просилъ патріарха назначить митрополитомъ Алексѣя, монаха дѣятельнаго, умнаго и ученаго, который зналъ погречески. Въ Константинополѣ-же, еще до пріѣзда послѣдняго, поставили грека, Романа. Но, чтобы не обидѣть Ивана, поставили и Алексѣя. Тогда впервые „сотворился мятежъ во святительствѣ“: оба митрополита требовали повиновенія отъ епископовъ и брали съ нихъ дани. Алексѣй появился въ Кіевѣ, а Романъ въ Твери.

Но Романъ вскорѣ умеръ, и Алексѣй возсоединилъ русскую церковь. Алексѣю хотѣлось сдѣлать своимъ преемникомъ Сергія, основателя Троицкой Лавры; но новому князю, Димитрію Донскому, понравился попъ *Митяй*, рослый, красивый мущина, умѣвшій красно говорить, но крайне честолюбивый и дерзкій. По смерти Алексѣя, Митяй присвоилъ себѣ власть митрополита и поѣхалъ за посвященіемъ въ Царьградъ, но тамъ умеръ. Его свита выхлопотала у патріарха поставленіе нѣкоего Пимена; но Димитрій, подозрѣвая его въ отравленіи Митяя, снялъ съ него бѣлый клобукъ и заточилъ его. Потомъ Димитрій призналъ Пимена митрополитомъ; но въ Кіевѣ, по просьбѣ Литвы, патріархъ поставилъ другого митрополита.

Такъ, церкви то соединялись, то распадались. Окончательное распаденіе совершилось при *Исидорѣ*, который былъ послѣднимъ грекомъ на митрополичьемъ престолѣ Россіи и ставленникомъ Византіи. Исидоръ, бывшій константинопольскій игуменъ, сталъ митрополитомъ „всея" Руси; но онъ поѣхалъ на флорентійскій соборъ (§ 74) противъ желанія Василія Темнаго. Послѣдній предупреждалъ Исидора „не приносить оттуда ничего новаго и чужого". Но Исидоръ, который особенно ревностно помогалъ папѣ на соборѣ, возвратился съ званіемъ папскаго легата, съ католическимъ крестомъ и съ причастіемъ безъ чаши, а за обѣдней сталъ поминать папу, вмѣсто патріарховъ, и читать о происхожденіи Духа Св. отъ Отца „и Сына". Онъ требовалъ на этихъ основаніяхъ *уніи* или соединенія восточнаго христіанства съ западнымъ. Василій назвалъ Исидора „еретикомъ и волкомъ" и посадилъ подъ стражу, а собору велѣлъ судить его. Исидоръ бѣжалъ въ Римъ, гдѣ былъ сдѣланъ кардиналомъ; а въ Москвѣ былъ поставленъ въ митрополиты русскій епископъ, *Іона*, и поставленъ соборомъ русскихъ епископовъ, помимо патріарха (§ 95). Вслѣдъ затѣмъ Константинополь былъ взятъ турками. Въ юго-западной Руси тогда же была объявлена унія и былъ поставленъ свой епископъ, а русское духовенство получило льготную грамоту отъ польскаго короля. Въ Москвѣ же былъ созванъ соборъ изъ епископовъ сѣверной Руси, который положилъ стоять за „московскую" церковь и самимъ избирать митрополита всея Руси, „по повелѣнію господина великаго князя, русскаго самодержца".

§ 102. **Духовенство**. — Значеніе духовенства возвысилось. Сохраняя большія права, оно стало болѣе *обширнымъ и плот-*

нымъ сословіемъ. Это доказывается появленіемъ книги церковныхъ законовъ: былъ выписанъ изъ Болгаріи (1282) полный переводъ византійскаго Номоканона, подъ именемъ *Кормчей Книги* („кормити“—управлять), и дополненъ русскими законами о церкви. Вліяніе духовенства увеличилось и матеріально. *Число епархій возрасло до 18*—одна изъ нихъ въ *Сараѣ*, гдѣ было много русскихъ плѣнныхъ и гдѣ вообще высоко почитали нашихъ поповъ и владыкъ. Съ расширеніемъ власти московскаго князя увеличивалось и государственное значеніе іерарховъ: они участвовали во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, какъ совѣтники, секретари, примирители и дипломаты; слово *дьякъ* (какъ западное „клеркъ“) показываетъ, что сначала правительственное письмоводство было въ рукахъ духовенства. Какъ единственное образованное сословіе, духовенство владѣло еще всѣмъ просвѣщеніемъ и имѣло большое нравственное вліяніе, пользуясь особою склонностью народа къ церкви, подъ вліяніемъ бѣдствій—татарщины, пожаровъ, голодовокъ и моровыхъ язвъ. Духовенство стало также *замкнутымъ* сословіемъ: правительство запретило ставить въ духовный санъ тяглыхъ и служилыхъ людей, чтобы не было ущерба казнѣ и службѣ; а права, данныя князьями духовному лицу, переходили и на его родственниковъ, если они не выдѣлялись изъ семьи. Наконецъ, духовенство *богатѣло* съ увеличеніемъ народонаселенія: оно уже владѣло большими землями, и отчасти съ крѣпостными крестьянами; у владыкъ были цѣлые города и волости, князья завѣщали имъ села на поминъ души. Церковныя имѣнія были тѣмъ богаче, что народъ стекался сюда охотно, подобно тому, какъ на Западѣ говорили: „подъ посохомъ хорошо живется“. Эти имѣнія управлялись умнѣе свѣтскихъ и пользовались большими льготами, которыя были узаконены, какъ *тарханами* или жалованными грамотами князей, такъ и ярлыками хановъ. Грамоты (ихъ насчитывается болѣе 200 въ этомъ періодѣ) освобождали церковныя земли отъ княжаго суда (кромѣ уголовщины), отъ нѣкоторыхъ даней, отъ торговыхъ пошлинъ, отъ содержанія княжихъ „ѣздоковъ“ (гонцовъ).

Особенно велика была власть *митрополита.* Патріархъ наказывалъ великому князю являть ему „благоговѣніе, послушаніе и благое повиновеніе“, и тотъ выѣзжалъ за нѣсколько верстъ навстрѣчу своему митрополиту. У митрополита былъ, какъ у князя, свой придворный штатъ — бояре, отроки и слуги, которые шли передъ нимъ. Въ свои

имѣнія онъ назначалъ, какъ князь, волостелей и десятниковъ; его подписи и печати были на княжихъ грамотахъ, договорахъ и духовныхъ завѣщаніяхъ, а на этихъ печатяхъ читаемъ: „Божіею милостью". У владыки была и своя дума изъ бояръ-иноковъ, мірянъ и дьяковъ, совершенно такая же, какъ у князя, и свой архивъ — „ларь" при соборѣ. Но при всей своей силѣ, русское духовенство не отступало отъ византійскихъ преданій *относительно свѣтской власти*. Митрополитъ, какъ тѣнь, слѣдовалъ за нею, проклиналъ непокорныхъ Москвѣ князей, объяснялъ новгородцамъ негодность вѣчевого порядка. Онъ предоставлялъ церковные выборы на волю великаго князя и уступалъ ему многое изъ своей судебной власти. Онъ заставлялъ владыку новгородскаго повиноваться Москвѣ и помогалъ заключить его въ тюрьму. Онъ доказывалъ псковичамъ, что ихъ Псковъ — отчина великаго князя московскаго. Церковь, которая, казалось, достигла высшей власти при Иванѣ II (§ 92), была уже рабой государства при Донскомъ: возвышеніе Митяя (§ 101) было рѣшено княземъ и боярами, которые „восхотѣша тако быти", а потомъ уже созвали русскихъ епископовъ для его рукоположенія въ санъ митрополита.

Монашество процвѣтало, какъ никогда, благодаря развитію религіозности. Оно попрежнему помогало развитію Руси заселеніемъ пустынь, распространеніемъ христіанства и просвѣщеніемъ народа. Монахи-то смѣло *печаловались о народѣ* (§ 66), а также помогали бѣднымъ, угнетеннымъ и странникамъ. Они углублялись въ дебри, жили сначала гдѣ-нибудь въ дуплѣ или на болотномъ островкѣ, потомъ строили обитель, которая служила богадѣльней, гостиницей и торговымъ домомъ для промышленниковъ. Они подвергались здѣсь нападеніямъ звѣрей, разбойниковъ, язычниковъ и даже окрестныхъ крестьянъ, которые боялись, какъ бы они не захватили ихъ земель. Съ распространеніемъ владѣній Москвы и съ ослабленіемъ татарскаго ига, во второй половинѣ третьяго періода, *число монастырей все возрастало*. Явилось болѣе 180 новыхъ или возстановленныхъ обителей, отчасти независимыхъ, отчасти митрополичьихъ и княжихъ. Впрочемъ, по большей части это были „монастырьки" съ 3 — 6 иноками; но иногда встрѣчались и монастыри съ 300 монаховъ и съ „приписными" обителями, которыя управлялись ими. Сначала каждый инокъ жилъ отдѣльно, своимъ хозяйствомъ; но съ конца 14 в. стало развиваться *общежитіе*, и монахамъ запрещалось имѣть частную собствен-

ность, даже съѣсть кусокъ хлѣба не за общей трапезой. Народъ шелъ въ монастыри не только ради спасенія души, но и по корыстнымъ побужденіямъ. Здѣсь не только избавлялись отъ государственныхъ повинностей, но и жили безопаснѣе отъ татаръ и московскихъ служителей. Распространенію монастырей способствовали *независимость и полная свобода ихъ основанія*: не требовалось никакихъ разрѣшеній отъ правительства. Устроившись, монахи просили у князя жалованную грамоту. Князья давали имъ льготы еще охотнѣе и щедрѣе, чѣмъ свѣтскому духовенству. Но они и здѣсь соблюдали свою власть: инокамъ было хорошо, только когда они поддерживали ихъ. Когда св. Григорій вологодскій пришелъ обличать Шемяку, тотъ велѣлъ сбросить его съ помоста.

Монашество такъ развилось въ третьемъ періодѣ, что въ сѣверо-восточной Руси появился свой царь монастырей, имѣвшій такое же значеніе, какъ Печерская Лавра для юго-запада. Это — *Троицко-Сергіевская Лавра* близъ Москвы (§ 92). Ее сновалъ св. *Сергій радонежскій* (1314 — 1391), сынъ ростовскаго боярина, бѣжавшаго въ лѣса Радонежа, близъ Москвы, отъ насилій московскихъ правителей. Сергій уже въ дѣтствѣ сталъ воздерженъ въ пищѣ, а по смерти родителей скрылся въ дебри, въ „мѣсто трудное, голодное и бѣдное“, гдѣ три года не видалъ никого, кромѣ медвѣдей да бобровъ. Къ нему стали стекаться иноки, которымъ Сергій служилъ, какъ рабъ. Вскорѣ онъ сталъ помощникомъ правителей: при Донскомъ онъ ходилъ посломъ въ Нижній, чтобы заставить его повиноваться Москвѣ, примирилъ Москву съ Рязанью и строго побуждалъ Димитрія къ битвѣ съ татарами. Слава Сергія разошлась далеко: константинопольской патріархъ прислалъ ему крестъ и монашескую рясу. Но святитель отклонялъ отъ себя почести и милости властителей: его жалкую одежду и деревянные церковные сосуды показываютъ въ Лаврѣ и теперь. Послѣдователи Сергія основали много другихъ обителей. Главнымъ изъ нихъ былъ *св. Кирилъ*, изъ бояръ Вельяминовыхъ. Онъ ушелъ въ пустыню Бѣлоозера и спасался тамъ въ подземельѣ, а когда собралась братія, основалъ *Бѣлозерскій монастырь*, самый важный въ московской Руси, послѣ Троицкой Лавры. Къ тому же времени относится начало *Соловецкаго* монастыря. Благодаря такимъ обителямъ, христіанство распространялось на сѣверѣ успѣшнѣе прежняго. Особенно прославился св. *Стефанъ Пермскій*. Сынъ причетника въ Устюгѣ Великомъ, Сте-

фанъ дома начитался священнаго, потомъ постригся въ Ростовѣ, гдѣ было много книгъ. Здѣсь онъ выучился погречески и позырянски и изобрѣлъ азбуку для зырянскаго нарѣчія, на которое перевелъ часть св. Писанія (переводъ утраченъ). Затѣмъ Стефанъ отправился на р. Вычегду и, несмотря на сопротивленіе волхвовъ, обратилъ въ христіанство многихъ пермяковъ, такъ что образовалась новая епархія.

§ 103. **Нравы. Понятія. Просвѣщеніе.** — Монастыри были единственнымъ убѣжищемъ нравственности, гдѣ встрѣчались такіе идеалисты, какъ свв. Сергій и Кирилъ. Монашество больше прежняго (§ 64) считалось образцомъ житія. Всякій мечталъ хоть передъ смертью принять схиму. Въ эту же великую минуту разставанія со свѣтомъ, именитые люди вписывали трепетною рукой въ свои духовныя наказъ отпустить холоповъ и простить серебро (§ 100) мужикамъ, „на поминъ души". Раскаяніемъ они хотѣли искупить тяжкіе грѣхи, цѣпью которыхъ была ихъ жизнь. Тогда *нравы пали*, сравнительно съ удѣльнымъ періодомъ. Правительство стало болѣе грубымъ и двоедушнымъ. Преступниковъ стали клеймить, имъ обрѣзывали носы и уши, отсѣкали руки, выкалывали глаза. Тѣлесныя наказанія, кнутъ вошли въ обычай; *смертная казнь* стала законнымъ и всенароднымъ явленіемъ (§ 92). Княжіе люди грабили и буйствовали, такъ что важною льготой было запрещеніе имъ дѣлать „наѣзды"; начались взятки и „шемякинъ судъ" (§ 95) даже въ Новгородѣ. Войны уже не блистали подвигами рыцарства: въ Орду больше шло денегъ, чѣмъ рати. Бои отличались не столько отвагой, сколько жестокостью и клятвопреступленіями; въ походахъ грабили и истязали даже своихъ. Вообще предавались *чувственности* и *своекорыстію*: грабили даже имѣнія духовенства; замѣчательна придворная исторія съ краденымъ поясомъ (§ 95). Грубость въ выраженіяхъ доходила до того, что впервые явилось *наказаніе за оскорбленіе словомъ*. Въ то время, какъ послѣдніе богатыри пали на Калкѣ (§ 81), мускульное удальство становилось обычною потѣхой: кромѣ кулачныхъ, развились *дрекольные бои*, причемъ платье убитыхъ побѣдители брали себѣ. Любили и судебныя тяжбы рѣшать *полемъ* (§ 26), даже женщины. Часто самовольно разводились съ женами, вступали въ четвертый бракъ, имѣли по нѣскольку женъ; самый бракъ нерѣдко совершался безъ церковнаго обряда. *Женщина* же только формально сохраняла старыя права: имѣла свою собственность

(мужъ покупалъ землю у своей жены), распоряжалась своимъ *приданымъ* (тогда появилось это слово), получала долю наслѣдства послѣ мужа и т. д. Но на дѣлѣ она болѣе походила на невольницу, чѣмъ прежде: ее даже заключали въ *теремъ* (какъ на Западѣ въ разгаръ феодализма), чтобы избавить отъ плѣна татарскаго, а отчасти въ силу грубаго византійскаго взгляда на женщину. Но, думая спасти чистоту женщины затворничествомъ, общество только портило ее, а само грубѣло, лишенное ея мягкаго вліянія. Даже *духовенство* пало нравственно. Іерархи были тщеславны, спѣсивы и жестоки съ подчиненными, раболѣпны передъ князьями; они брали мзду при поставленіи въ духовный санъ. Русскіе странники изумлялись простотѣ константинопольскаго патріарха: „не нашъ бо обычай имѣетъ!“—восклицали они. Священники вѣнчали женатыхъ, пьянствовали, занимались ростовщичествомъ, злоупотребляли вѣрой народа въ чудеса, мощи и иконы. То же видимъ у монаховъ, въ богатыхъ обителяхъ и въ многолюдныхъ городахъ. Противъ пороковъ духовенства уже возставали соборы и іерархи въ своихъ посланіяхъ („Поученіе попамъ“ митрополита Кирила и „Завѣтъ мнихамъ“). Безнравственностью духовенства объясняется отчасти нравственное вліяніе ереси стригольниковъ. Вообще состояніе нравовъ было таково, что когда папскіе послы хотѣли обратить Гедимина, онъ перечислилъ прегрѣшенія христіанъ и воскликнулъ: „пусть чортъ меня окреститъ“! Паденіе нравовъ объясняется мрачною, неподатливою природой сѣверо-восточной Руси, вліяніемъ татаръ, особенно въ смыслѣ опустошеній, и внутренними усобицами, основанными только на правѣ сильнаго, такъ какъ прежнія правила, замѣнявшія законъ и просвѣщеніе, исчезли вмѣстѣ съ родовыми понятіями.

Нравамъ соотвѣтствовали *понятія*. Только въ появленіи мысли о совершеннолѣтіи, которая раньше зародилась на Западѣ, видна потребность личности выдѣлиться изъ семьи и рода, избавиться отъ патріархальнаго ига, хотя у насъ вообще отцовская власть не была особенно сильною. Во всемъ же остальномъ замѣтна прежняя бѣдность и даже съуженіе мысли: пало сознаніе „русской земли“,—слово, которое рѣже прежняго встрѣчается въ письменности того времени. Старые предразсудки и суевѣрія продолжали господствовать въ умахъ; а новыхъ понятій не прибавилось, такъ какъ *просвѣщеніе* скорѣе *пошло назадъ*, чѣмъ подвинулось. Нѣтъ извѣстій объ устройствѣ новыхъ училищъ; а старыя были разрушены татарами, которые погубили и много

памятниковъ письменности. Самая грамотность встрѣчается рѣдко. Только на югѣ сохранялась старая образованность; на сѣверѣ же даже князь „книгамъ не ученъ бяше“ и только „книги духовныя въ сердцѣ своемъ имяше“. Духовенство и монахи были не только единственными писателями, но и почти единственными читателями; да и о нихъ греки говорили, что они „не книжны“. Духовенство само поддерживало народные предразсудки: въ посланіи епископа Василія (14 в.) доказывается, что на Западѣ адъ—„на дышущемъ морѣ червь неусыпающій, скрежетъ зубный и рѣка молненная Моргъ“. Недоставало даже богослужебныхъ книгъ; не знали, какъ совершать таинства; въ церковныхъ книгахъ было много языческаго (молитва о трясавицахъ). Поученія іерарховъ, правила соборовъ относятся къ азбучнымъ понятіямъ о церкви и благочиніи; но и они достигали только самаго внѣшняго пониманія христіанства. Идеалы народа были прежніе: его любимымъ чтеніемъ была повѣсть о „Варлаамѣ и Іосафатѣ“, со „стихомъ“ о прелестяхъ житія въ пустынѣ; тогда возникло много сказаній о чудесахъ и житій монаховъ и отшельниковъ. Съ упорствомъ придерживались внѣшнихъ отличій православія. Василій II обвинялъ Исидора (§ 101) въ томъ, что онъ принесъ изъ Флоренціи латинскій крестъ, гдѣ „обѣ ноги прибиты однимъ гвоздемъ“, и печаталъ свои посланія „зеленымъ“ воскомъ. Іерей, сопровождавшій Исидора на флорентійскій соборъ, до того возмутился присѣданіемъ „пофряжски“ своего митрополита передъ иконами, что осмѣлился выговаривать ему и, наконецъ, бѣжалъ домой. Псковичи допрашивали владыку, можно-ли употреблять въ пищу нѣмецкіе хлѣбъ и вино? Народъ погружался въ древнее язычество: „вѣнчались вокругъ ракитова куста“, сожигали колдуновъ и вѣдьмъ, вѣрили всякимъ знаменіямъ—встрѣчѣ, чоху, птичьему „граю“ и полету, въ особенности же *наузамъ* (ладонки, навязываемыя на шею). *Трясавицы* (лихорадки) считались дочерьми Ирода, отъ которыхъ можно избавиться, только нацарапавъ на яблокѣ волшебныя слова. Такому двоевѣрію (§ 71) предавались даже духовенство и книжники. Кіевляне, при солнечномъ затменіи, ждали свѣтопреставленія, рыдали, цѣловались, прощаясь на вѣки. Іерархи тоже писали, что приходитъ конецъ міра, ибо скоро должно было исполниться 7.000 л. отъ его сотворенія. Такое невѣжество усиливало даже физическія бѣдствія: моръ поддерживался похоронами людей среди населенія, у церкви.

А леченіе было таково, что Василій Темный сталъ зажигать у себя на тѣлѣ трутъ отъ сухотки, что̀ привело его къ смерти отъ воспаленія ранъ. Умственное движеніе проявилось въ первой обширной ереси. То были *стригольники*, послѣдователи растриженнаго дьякона *Карпа*, явившіеся въ Псковѣ при Донскомъ. Они напоминали богомиловъ (§ 17). Стригольники возставали особенно противъ духовенства за его порочность и алчность, а также противъ обряда погребенія, такъ что ихъ считали невѣрующими въ загробную жизнь. По ихъ мнѣнію, міряне сами могутъ учить вѣрѣ народъ и обходиться безъ духовенства. Стригольники отличались нравственностью, безкорыстіемъ и знаніемъ св. Писанія. Ересь распространилась изъ Пскова въ Новгородъ; но тамъ Карпъ былъ утопленъ, вмѣстѣ съ своими двумя учениками (1375). Ересь однако не исчезла: іерархи боролись съ нею до конца періода.

§ 104. **Церковная письменность.**—Бѣдна была наша письменность въ третьемъ періодѣ; однако же находились люди, иногда даже не духовные, которымъ хотѣлось подѣлиться своими знаніями съ „сыновьями рустіими". И книжное дѣло было попрежнему въ почетѣ: при нашествіи Тохтамыша, въ Москву свезли отовсюду много книгъ на сохраненіе; высшею похвалой было—„большой философъ" (книжникъ). Иноки трудились надъ книжнымъ дѣломъ и даже усовершенствовали почеркъ: съ 14-го в. образуется чисто-русскій *полууставъ*, съ болѣе круглыми, мелкими и изящными буквами, чѣмъ въ уставѣ (§ 65), и съ присоединеніемъ запятыхъ къ первоначальнымъ точкамъ. Писцы и въ немъ стали дозволять себѣ облегченіе, что̀ быстро привело къ *скорописи*. Рядомъ развивалась *вязь* — тѣсное сцѣпленіе буквъ, вытекшее изъ потребности умѣстить побольше на стѣнахъ и вещахъ, гдѣ оно доходило до затѣйливаго и нерѣдко красиваго рисунка, въ видѣ цѣльной фигуры изъ нѣсколькихъ буквъ. Вязь бывала иногда до того замысловата, что употреблялась, какъ позднѣйшія „шифры" (цифры), для сохраненія тайны писемъ. Съ 14-го же в. начали употреблять, вмѣсто кожаннаго пергамента (§ 65), болѣе дешевую и удобную *тряпичную* бумагу, попреимуществу голландскую. „Добро-писцы" списывали старое, дѣлали новые переводы съ греческаго, составляли сборники изъ мелочей византійской письменности. Впрочемъ переводами занимались больше всего на Аѳонѣ, въ одномъ русскомъ и въ одномъ сербскомъ монастыряхъ. Эта письменность ниже прежней по своему характеру:

ея главное отличіе—холодная *витіеватость*, заимствованная у византійскихъ и южно-славянскихъ книжниковъ. Содержаніе все еще было попреимуществу религіозное, въ особенности *поучительное*, въ формѣ словъ (проповѣдей), посланій и житій святыхъ. Чаще всего прибѣгали къ посланіямъ: обыкновенно ихъ писали наши іерархи; но встрѣчаются также безъименныя и переводныя. Важнѣйшія изъ сохранившихся посланій принадлежатъ *Кирилу Бѣлозерскому*, который писалъ Василію I и другимъ князьямъ о кротости и миролюбіи. Изъ проповѣдей важно „Слово Христолюбца" противъ пережитковъ язычества, поясняющее нашу миѳологію. Посланія и слова были направлены противъ безнравственности и суевѣрій, между прочимъ, противъ „поля" (§ 26) и „плесканія ручного, скаканія ногами и басенъ"; пьянство тоже составляло любимый предметъ поученій, съ Ѳеодосія Печерскаго до самаго конца древней Россіи.

Житія Святыхъ стали тогда любимымъ чтеніемъ народа, благодаря своему аскетизму и сказочнымъ описаніямъ. За печерскимъ Патерикомъ (§ 64), куда вошли житія всѣхъ печерскихъ угодниковъ, послѣдовали Патерики синайскій (или Лимонарь, т.-е. Цвѣтникъ) и скитскій или египетскій. Житія были сначала краткія, потомъ витіеватыя. Въ полномъ житіи помѣщались, кромѣ жизнеописанія, служба и акаѳистъ (похвала) святому, а также повѣствованія объ его чудесахъ. Житія даютъ мало матеріала для историка: они не изображали дѣйствительности, а сочинялись по византійскимъ и южно-славянскимъ образцамъ, примѣняясь къ вкусу читателей. Тогда появилось множество житій, что́ особенно отличаетъ письменность этого періода сравнительно съ удѣльнымъ. Описывали жизнь многихъ іерарховъ (митрополиты Петръ и Алексѣй), не говоря уже о подвижникахъ (Сергій, Стефанъ Пермскій, Кирилъ Бѣлозерскій и др.). Въ числѣ сочинителей встрѣчаются и русскіе; но больше занимались этимъ южные славяне, ученики греческихъ риторовъ. *Пахомій Сербъ* былъ призванъ новгородцами съ Аѳона собственно для этой цѣли: онъ сочинилъ много житій, за что ему платили деньгами и соболями; потомъ онъ былъ призванъ за тѣмъ же въ Москву. Изъ Сербіи же и Болгаріи приходили близкіе по своему сказочному характеру къ житіямъ *апокрифы* или „тайныя" книги. Это—религіозныя повѣсти изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, не принятыя вселенскими соборами и потому названныя еще „отреченными" (запрещенными) книгами. Апокрифы явились у насъ рано (ихъ слѣды встрѣчаются у Нестора и въ Палеѣ

§ 67); но ихъ господство относится къ третьему періоду, а древнѣйшіе списки—къ его началу. Къ нимъ принадлежатъ: Завѣты Адама, Моисея и 12-ти патріарховъ, Енохъ, Сиѳова молитва, Евангелія Варнавы и Ѳомы, Дѣянія Павла и др. Написанные живо, поэтично, апокриѳы выводили русскихъ изъ области церковно-догматической, доставляя пищу ихъ уму и фантазіи, снабжая ихъ разнообразными свѣтскими познаніями. Они входили даже въ устную поэзію народа, которая, въ свою очередь, отразилась въ нихъ. Особенно любили тогда „Хожденіе Богородицы по мукамъ“ въ сопровожденіи Архангела Михаила, что напоминаетъ Адъ Данта.

§ 105. **Свѣтская письменность.**—Третій періодъ бѣденъ и относительно свѣтскихъ познаній или науки. Они заключались попрежнему въ *сборникахъ* (§ 67), расположенныхъ по предметамъ (о мудрости, о дружбѣ и т. д.). Самыми важными сборниками были „Златая Цѣпь“ и особенно „Пчела“, состоявшая изъ переводовъ византійскихъ извлекателей, пользовавшихся какъ Евангеліемъ и Апостоломъ, такъ и классиками. Въ концѣ періода возникъ особый родъ сборниковъ—*Азбуковники* или алфавиты (словари), цѣлью которыхъ было истолковывать непонятныя слова въ священныхъ книгахъ; они старались объяснять и самые предметы, и для этого вставляли свѣдѣнія изъ всѣхъ наукъ. Еще важнѣе *Хожденія*, составляющія отличіе свѣтской письменности этого періода. Ихъ распространеніе связано съ страстью паломничества, развившеюся тогда, наравнѣ съ монашествомъ, подъ вліяніемъ тяжелой жизни и ожиданія конца міра. Хожденія писались съ поучительною цѣлью: оттого они наполнялись витіеватыми размышленіями и довѣрчивыми изложеніями всякихъ розказней монаховъ Аѳона, Царьграда и Іерусалима. Но Хожденія были также источникомъ свѣжихъ свѣтскихъ знаній, затрогивавшихъ умъ путемъ сравненія нашего быта съ образованнымъ Западомъ. Тогда мы познакомились съ католическою Европой: связи Византіи съ Римомъ, по поводу турокъ, и южной Руси съ Литвой и Польшей приводили русскихъ на соборы въ Констанцъ и во Флоренцію. Съ другой стороны, торговыя сношенія увлекали насъ далеко на Востокъ, до Индіи. Оттого сохранились, кромѣ обычныхъ Хожденій къ св. мѣстамъ, замѣчательное „Хожденіе“ *Аѳанасія Никитина* въ Индію и путевыя записки іеромонаха *Симеона*, провожавшаго митрополита Исидора во Флоренцію. При описаніи Запада вездѣ

встрѣчаются чувство изумленія и сознаніе своей нищеты умственной и матеріальной передъ чудесами цивилизаціи.

Важнѣйшимъ памятникомъ свѣтской письменности попрежнему остается *лѣтопись*, хотя и въ ней замѣтно паденіе. Сосредоточившись на сѣверѣ, она стала сухою, краткою и напыщенною; въ ней нѣтъ ни связи, ни живыхъ лицъ. Суздальско-московская лѣтопись была правительственною: самъ лѣтописецъ говоритъ (ок. 1400), что „первіи наши властодержцы повелѣли вся добрая и недобрая написовати". Оттого московскіе князья опирались на свою лѣтопись для доказательства своихъ правъ въ Ордѣ, Новгородѣ и Твери. Оттого же лѣтописецъ боится объяснять дѣла, молчитъ, даже когда знаетъ; и только замѣтитъ въ такомъ случаѣ: „много нѣчто нестроеніе бысть". Онъ уже рѣдко поучаетъ князей, больше восхваляетъ ихъ и проявляетъ патріотизмъ: москвичи у него правые, герои, а новгородцы—„непокорные вѣчники-крамольники". Но лѣтопись дополняютъ *грамоты*, число которыхъ все увеличивалось. И онѣ становились все разнообразнѣе: сначала были грамоты *договорныя* (между князьями) и *правыя* (оправданія частныхъ лицъ судомъ), потомъ размножились *уставныя* (установленіе суда въ разныхъ мѣстахъ) и *жалованныя* (льготы разнымъ сословіямъ и лицамъ). Подлѣ грамотъ возрастало число юридическихъ бумагъ (актовъ)—купчія, данныя, записи, духовныя, заемныя и др. Въ суздальско-московской лѣтописи видны слѣды лѣтописцевъ Владиміра, Ростова, Переяславля, Твери, Рязани, Нижняго. Всѣ эти мѣстныя лѣтописи вошли въ большіе сборники, которые составлялись въ Москвѣ; и съ Калиты въ нихъ преобладаютъ московскія извѣстія. Были также лѣтописцы въ Новгородѣ и Псковѣ, ненавидѣвшіе Москву, хотя враждебные другъ другу. Продолжалась и южная лѣтопись, болѣе напоминавшая старую, чѣмъ московскую: она знаетъ Гомера и старается бросить счетъ по лѣтамъ, чтобы перейти въ свободный разсказъ. Такъ какъ на югѣ и при литовцахъ сохранялся русскій языкъ, и письменный, и даже правительственный, то на немъ появлялись даже литовскія лѣтописи, начиная съ Гедимина. Третій періодъ важенъ для внѣшней исторіи лѣтописнаго дѣла. Къ нему относятся древнѣйшіе списки или *изводы* (редакціи) нашихъ лѣтописей—*Лаврентьевскій* (переведенъ на многіе иностранные языки) и *Ипатьевскій*. Первый написанъ Лаврентіемъ (доведенъ до 1305 г.); второй составленъ въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ (ок. 1400). Около 1400 г. начало года переносится

въ лѣтописяхъ съ марта на *сентябрь*, и вмѣсто пергамента употребляется бумага хлопчатая и тряпичная. На сѣверѣ мнѣнія частныхъ людей выражались не въ одной правительственной лѣтописи: были еще монастырскія лѣтописи, переводы византійскихъ *хронографовъ*, къ которымъ прибавляли русскія извѣстія, и отдѣльныя сказанія.

Сказанія (свѣтскіе разсказы) составляютъ отличіе этого періода нашей письменности. Содержаніе ихъ—дѣйствительныя событія, касающіяся борьбы съ нѣмцами, шведами и литовцами, въ особенности же съ татарами. Сказанія—неудачныя подражанія „Слову о полку Игоревѣ“ (§ 67). Они витіеваты, наполнены молитвами и сравненіями съ героями древности, иногда даже написаны библейскими фразами; ихъ направленіе хвастливо-патріотическое и поучительное. Сказанія прославляютъ литовскаго князя *Довмонта*, защитника псковичей отъ нѣмцевъ въ началѣ періода, *Михаила* и *Александра* тверскихъ и *Михаила* черниговскаго, погибшихъ въ Ордѣ; они описываютъ битву при Калкѣ, гибель Батыя, нашествія Тохтамыша и Тамерлана. Тутъ рязанскій богатырь, *Коловратъ*, побиваетъ кучи татарскихъ исполиновъ; а венгерскій король побѣждаетъ татаръ, перемѣнивши католичество на православіе; и когда онъ плакалъ на высокомъ столбѣ, среди своего города, осажденнаго Батыемъ, „слезы текли изъ глазъ его, какъ быстрины рѣчныя, и гдѣ падали на мраморъ, проходили насквозь, такъ что и теперь видны скважины на мраморѣ“. Самыя важныя сказанія относятся къ *Александру Невскому* и *Куликовской битвѣ*. Александръ уподобляется Александру Македонскому, Самсону, Ахиллесу, Соломону и Іосифу Прекрасному; также восхваляется Донской, который „аки фениксъ въ древесѣхъ процвѣте“. До насъ дошли еще „Повѣсть о Митяѣ“ (§ 101) и „Рукописаніе Магнуша“ или завѣщаніе шведскаго короля, который раскаивается въ своихъ войнахъ съ православною Русью и приписываетъ имъ всѣ свои бѣдствія. Къ этому періоду относится начало *историческихъ пѣсенъ*, въ которыхъ воспѣваются подвиги русскихъ въ борьбѣ съ татарами. Таковы пѣсни о татарскомъ баскакѣ *Щелканѣ* (Чолханъ, § 88), о „русской полоняночкѣ“ и др. Хотя пѣсни и превратились изъ языческо-богатырскихъ въ историческія, онѣ сохранили старый складъ и поэтическіе пріемы. Иногда онѣ даже берутъ старую былину и примѣняютъ ее къ новымъ обстоятельствамъ: такъ Илья Муромецъ побиваетъ Калина, татарскаго царя.

§ 106. **Искусство.** — Искусство медленно подвигалось впередъ, да и то преимущественно въ старыхъ южныхъ городахъ да въ Новгородѣ и Псковѣ. Успѣхъ замѣтенъ въ томъ, что увеличивалось число русскихъ художниковъ, хотя за ними осталось нѣмецкое названіе „мастеровъ“ (Meister). Особенно много явилось русскихъ *иконописцевъ*, которые составляли даже „дружины“ (артели), подъ руководствомъ „старѣйшинъ“ изъ грековъ. Среди нихъ прославился, въ 14-мъ в., *Андрей Рублевъ*: на его работу весьма походитъ стѣнопись Дмитріевскаго собора, какъ она была открыта при его подновленіи (§ 69). *Миніатюра* становилась изящнѣе, изобрѣтательнѣе прежняго (§ 69), стремилась превратиться въ историческую и бытовую живопись. Цѣлыя рукописи, какъ, напримѣръ, „Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ“ [1]), украшались картинками, хотя это все еще дѣтская попытка, въ иконописномъ пошибѣ, сравнительно съ одновременною миніатюрой на Западѣ (§ 80). *Зодчество* тихо развивалось по городамъ, да и то не въ сѣверо-восточной Руси, гдѣ даже Москва состояла все еще изъ плохихъ деревянныхъ домовъ и только при Донскомъ явился *каменный* Кремль, съ желѣзными воротами, украшенный, при Калитѣ, значительными соборами (§ 91). Въ остальныхъ городахъ крѣпости были дубовыя и дѣлались иногда недѣли въ двѣ. Церкви также строились изъ дерева, и часто это были „обыденки“—сколоченныя въ одинъ день ча-

---

[1]) „Сказаніе страстотерпцю Бориса и Глѣба“ черноризца Іакова составлено послѣ 1072 г., когда мощи мучениковъ были перенесены въ новую церковь. Самый древній его списокъ, на толстомъ пергаментѣ, относится къ 12-му в.; но отъ него уцѣлѣлъ одинъ только листъ, который хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Сохранился другой списокъ „Сказанія“, отъ начала 14-го в., въ сборникѣ извѣстнаго сотрудника Ивана IV, попа Сильвестра, находящемся въ синодальной библіотекѣ, въ Москвѣ. Этотъ списокъ снабженъ многими раскрашенными миніатюрами. Двѣ изъ нихъ представлены на нашемъ рисункѣ, въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ. 1) *Наверху*. Надпись: „володимиръ посылаетъ бориса противу печенѣгъ“ (§ 23). Владиміръ помѣщается на красномъ престолѣ съ зеленымъ сидѣньемъ и со скамейкой подъ ногами. Надъ его черноволосой головой сіяніе. Платье на немъ черное, плащъ красный. Борисъ одѣтъ такъ же, только верхъ шапки у юноши розовый, а у отца—темный. Воины въ черныхъ шишакахъ и кольчугахъ, въ желтыхъ латахъ, съ красными щитами. Полъ зеленый: дѣло происходитъ на дворѣ, передъ дворцомъ. Наверху протянута красная пелена, изображающая навѣсъ. — 2) *Внизу*. Надпись: „стополкъ потаи смрть оца своего“. Оба строенія зеленыя, но на лѣвомъ крыша красная, на правомъ—черная. Заборъ желтый. Святополкъ и его жена схожи между собой; оба черноволосы; но онъ въ черномъ платьѣ, она—въ красномъ. Покойникъ въ саванѣ, съ сіяніемъ на головѣ. Преступная чета вынимаетъ его изъ красныхъ саней.

совни и божницы. Только въ Новгородѣ и Псковѣ было много каменныхъ храмовъ, а также каменные остроги и монастырскія

Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ.

стѣны, а у владыки — даже каменныя палаты. Завелись и собственные каменщики, среди которыхъ славились ростовцы.

Впрочемъ, каменныя постройки часто разваливались, иногда при концѣ дѣла, такъ что каменщики едва успѣвали разбѣжаться. Суздальскій стиль (§ 69) развивался и разнообразился, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій. *Узорочье* овладѣло даже церковною крышей, которую стали покрывать разноцвѣтною „чешуей", или обойкой изъ олова, и украшать рѣзьбой. Появились кровельныя „полотенца",—прорѣзныя украшенія, съ коньками, протянутыя на самомъ верху крыши. Подъ ними начали ставить рѣзные чердачные балкончики, со столбиками. Все это по строгому подлиннику: мастера учились у дружинъ, составлявшихъ свои художественныя школы. Въ то же время стали

Псковскія деньги.

дѣлать золотыя *маковницы* (главы), мѣдныя и золотыя двери, полъ изъ краснаго мрамора. Иностранцы лили *колокола*, которые появились въ началѣ періода. Они же поставили (ок. 1400) первые *часы* съ боемъ въ Москвѣ, на княжемъ дворѣ, а затѣмъ и въ Новгородѣ. Иностранцы научили также нашихъ „денежниковъ" чеканить собственную *монету*, уже изящнѣе прежней (§§ 30, 31), какъ видно изъ исторіи псковскихъ „денегъ" временъ независимости Пскова и послѣ присоединенія его къ Москвѣ [1]). Подъ ихъ же вліяніемъ у насъ начали рѣзать

[1]) *Первый* изъ нашихъ рисунковъ представляетъ общій видъ псковскихъ серебряныхъ „денегъ" временъ независимости Пскова. Здѣсь на лицевой сторонѣ обычное изображеніе на дерптскихъ монетахъ 15-го в., свойственное вообще средневѣковой нумизматикѣ (наукѣ о монетахъ). Это—окруженная точками голова епископа, въ митрѣ, съ лентами отъ нея по обѣимъ сторонамъ. Но наши денежники прибавили къ ней руки и часть груди, обозначенной точками (запоны). Въ правой рукѣ мечъ, чтобы видѣли, что это — не епископъ, а псковской князь, получавшій при посаженіи на столъ мечъ Довмонта (§ 105), который теперь хранится псковитянами, какъ святыня, въ ризницѣ Троицкаго собора. На оборотной сторонѣ изображенъ барсъ, который встрѣчается и на другихъ нашихъ монетахъ, въ особенности тверскихъ, но наиболѣе привился въ Псковѣ: онъ и теперь сохранился въ гербѣ этого города. Вокругъ барса подпись: „деньга псковъская". Сначала была только эта подпись, безъ барса, въ 4 строки, какъ въ „новгородкахъ". Какъ только

штемпеля для оловяныхъ княжихъ *печатей*, которыя навѣшивались при грамотахъ, начиная съ Калиты.

§ 107. **Внѣшній бытъ.**—Внѣшній бытъ попрежнему (§ 70) основывался на *земледѣліи*. Его значеніе даже возрасло. Въ черноземномъ Приднѣпровьѣ русскіе предавались торговлѣ, а пересѣвши на верхневолжскій суглинокъ, они усиленно принялись за обрабатываніе полей. Здѣсь значеніе князя, вотчинника и служилаго, ихъ кормы и доходы—все связывалось съ землей. Сельское хозяйство было первымъ проводникомъ объединительной силы самодержавія: дѣла о немъ постепенно стягивались отъ намѣстниковъ и волостелей къ князю (§ 98). Съ другой стороны, служилые старались набрать побольше земель и населять ихъ страдниками, работить и кабалить вольныхъ, перехожихъ людей (§ 100). Правда, то было еще полукочевое хозяйство—тяжкая работа на новяхъ (§ 96), съ первобытными орудіями и способами: это—хозяйство „переложное" и „подсѣчное", при которомъ истощенная земля мѣняется на расчищенное изъ-подъ лѣса поле. Оно требовало большого простора и свободнаго перехода крестьянъ: отсюда малодворность поселковъ. Но уже развивался цѣлый рядъ сельскихъ *промысловъ*—тѣхъ кустарныхъ издѣлій, которыя только теперь поглощаются сосредоточенною силой фабрикъ. Ихъ богатство и разнообразіе видно изъ множества „путей" (§ 97), которыми обладали не одни князья, но также частныя лица и монастыри. Всюду попадались садовники, огородники, лыкодеры, бортники, рыболовы, звѣрогоны и т. д. Охота, какъ теперь у сибирскихъ туземцевъ, была не забавой, а важнымъ „доходомъ". Особенно цѣнились „бобровые гоны", которые встрѣчались даже подъ Москвой. Князья высылали свои „ватаги" за звѣремъ, рыбой, птицей и пчелой до Бѣлаго моря, поручая ихъ „ватагаманамъ" (атаманамъ). Тогда же усовершенствовалось изготовленіе

Псковъ лишился независимости (§ 119), тотчасъ лицевая сторона его монетъ приняла общій видъ „московокъ" третьяго періода. Псковского князя замѣнили московскимъ „ѣздецомъ", съ саблей въ рукѣ, означавшимъ вообще великаго князя. Вокругъ него надпись: „бжьею млтію гдрь (иногда—црь) всеа руси василеі". Но на оборотѣ сохранялось: „деньга псковъская". Затѣмъ, въ теченіе одного поколѣнія, эта надпись исчезаетъ, и только подъ ѣздецомъ обозначается „пск" и „пс". Съ Ивана Грознаго въ Псковѣ видимъ уже общегосударственную монету. *Второй* изъ нашихъ рисунковъ представляетъ ее въ испорченномъ, обрѣзанномъ видѣ. Здѣсь обычный московскій ѣздецъ. Вокругъ надпись: „сили ивановичь мос"... Подъ ѣздецомъ „іва"—обозначеніе денежника. На оборотной сторонѣ: „осп — одарь — всеар—уси".

разнообразныхъ напитковъ и завелись соляныя варницы. Менѣе развивались городскіе промыслы: они сохранялись въ прежнемъ (§ 70) видѣ, за исключеніемъ тѣхъ производствъ, гдѣ работали иностранные мастера.

Вообще торговое и денежное движеніе скорѣе сократилось, чѣмъ возрасло. Стало меньше капиталовъ и оборотовъ, привлекавшихъ драгоцѣнный металъ изъ-за границы. Это видно изъ высокаго роста и изъ вздорожанія денегъ: за исключеніемъ Новгорода, 14% считались легкимъ, простительнымъ взиманіемъ; а ходячая гривна (§ 31) отъ полфунта вѣса пала до $^1/_7$ фунта. Все это, вмѣстѣ съ усиленіемъ княжеской власти (§ 97), задерживало развитіе *городовъ*. Тѣмъ не менѣе они подымались понемногу, особенно подконецъ и въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ татаръ. Таковы были Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ, Полоцкъ и Вологда. А Кіевъ, Москва и Нижній, хотя и страдали тогда отъ баскаковъ (§ 83), сохраняли значеніе торговыхъ узловъ уже по своему географическому положенію. По обширности торговли, все еще выше всѣхъ стоялъ Новгородъ, который имѣлъ дѣла уже не съ Готландомъ (§ 56), а съ богатѣйшею ганзой (§ 72): его денежные обороты достигали Нижняго, Кіева, Любека и Стокгольма. Въ Смоленскѣ и Полоцкѣ жили гости изъ Риги, Мекленбурга и Мюнстера. Въ Кіевѣ сходились купцы изъ Польши, Австріи, Царьграда и Италіи. Галиція и Подолія торговали съ Венгріей и Молдавіей. Наши купцы встрѣчались въ Крыму и Греціи. *Хаджи-бей* (Одесса) былъ литовско-русскою гаванью, черезъ которую шла подольская пшеница въ Константинополь. Въ Москвѣ попадались гости изъ Персіи, Арменіи и Литвы. На развитіе торговли указываетъ и измѣненіе *монеты*. Вмѣсто „кунъ“ (§ 31), она начинаетъ называться по-татарски — „деньгами“; вмѣсто гривенъ, является счетъ на „рубли“. Впрочемъ, рубль былъ не монета, а кусокъ серебра болѣе четверти фунта вѣсомъ, и стоилъ онъ около 10 р. Изъ этого „рубленнаго“ серебра чеканились деньги: деньга была мелкою монетой (около 10 к.); въ рублѣ было 100 денегъ. Еще была серебряная „полушка“ (§ 31), въ $^1/_4$ деньги, и „алтынъ“, состоявшій изъ 6 денегъ (по-татарски „алты“—шесть). Начали чеканить и мѣдную мелочь или „пулы“. Такъ, послѣ перерыва при удѣлахъ (§ 69), у насъ возобновилась чеканка собственной монеты по отдѣльнымъ княжествамъ. Позже всѣхъ, въ концѣ періода, взялись за нее въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ сначала торговали на „пѣнязи“ (нѣмецкіе пфеннинги).

При такой торговлѣ, лучшіе города имѣли значительное населеніе: около 1400 г. въ Новгородѣ погибло отъ мора 80.000 человѣкъ. Обширны были и владѣнія такихъ городовъ: они раздѣлялись на уѣзды (уѣздъ, разъѣздъ—размежевка), которые распадались на волости, станы и околицы. Улучшался и ихъ внѣшній видъ. Въ Псковѣ появилась даже бревенчатая *мостовая* на рынкѣ. Здѣсь же и въ Новгородѣ видимъ длинные деревянные *мосты*. А юго-западные города походили на европейскіе. Говорили, что и у нѣмцевъ не видать такого города, какъ Владиміръ Волынскій. Въ Холмѣ была высокая башня, для обстрѣливанія окрестностей, и церкви, украшенныя статуями, подобно католическимъ храмамъ. Но зато московскій путешественникъ дивился у нѣмцевъ и грековъ, какъ чудесамъ, водопроводамъ, садамъ, каменнымъ домамъ, и особенно поражало его то, что эти дома не разваливались. Чудомъ казалась ему и чистота города: метлы сами метутъ; встанешь рано, а уже выметено.

Домашній бытъ былъ также простъ, какъ прежде. Даже князья жили въ небольшихъ деревянныхъ хоромахъ и спали на соломѣ. Вещей у нихъ было немного, и они дорожили каждымъ сосудомъ и кожухомъ, поименовывая ихъ въ завѣщаніяхъ: отсюда значеніе того богатаго пояса въ княжей семьѣ, съ которымъ связана цѣлая исторія (§ 95). У народа же было почти пусто въ избахъ: жители сносили, что́ получше, въ церкви, какъ мѣста, болѣе безопасныя отъ пожаровъ, грабежей и нашествія татаръ. Одежда оставалась прежняя, какъ можно судить по изображенію Василія Димитріевича и Софьи Витовтовны, вышитому на сакосѣ, который хранится въ синодальной ризницѣ.

§ 108. **Значеніе періода.** — Главная черта третьяго періода—*разница въ исторіи восточной и западной Европы.* До сихъ поръ между ними было много общаго, хотя въ основѣ лежали сѣмена различія, а именно: въ политикѣ — слабость феодализма на Руси, въ быту — наша связь съ Византіей, а не съ Римомъ. Эти сѣмена, развиваясь, должны были увеличивать различіе, но медленно; сверхъ того, въ быту оно сглаживалось бы вліяніемъ западной образованности. Татарщина, напротивъ, помогла усиленію различія, которое выразилось въ слѣдующихъ чертахъ.

1) Въ *политикѣ.* На Западѣ монархизмъ, продолжая борьбу съ первобытной разрозненностью, сдѣлалъ гораздо менѣе успѣховъ, чѣмъ въ Россіи. Сверхъ того, тамъ уже началось расчлененіе общественное и политическое. Въ борьбѣ съ феода-

лизмомъ короли опирались на города, которымъ давали даже политическія права: такъ образовалось сильное и богатое *среднее сословіе*, которое въ Англіи не только уничтожило феодализмъ, но достигло парламента, т.-е. раздѣленія власти между королемъ и народомъ. Въ Россіи же не было никакого расчлененія: все дѣло было въ развитіи политической сплоченности. И тутъ Русь пошла дальше Запада. Къ концу періода самодержавіе уже установилось въ Москвѣ, въ этомъ средоточіи ядра русской народности на сѣверо-востокѣ (§ 90): ему оставалось подавить самыхъ ничтожныхъ противниковъ и выработать лишь нѣкоторыя внѣшнія мелочи. Со смертью Шемяки кончается бурное, рыцарственное время, прекращаются средніи вѣка на Руси. Самодержавіе ложится въ основаніе государства прочнымъ устоемъ. И если государственное право еще не выдѣлилось изъ частнаго, гражданскаго, зато дума государева, превратившись изъ удѣльной дворцовой конторы въ высшее учрежденіе для земскаго строенія, вовсе не думала ограничивать волю властодержца, какъ королевскій совѣтъ на Западѣ (§§ 33, 72). Тогда же земельное и народное сплоченіе пріобрѣло особенную силу: къ концу періода въ управленіи, въ сословіяхъ, въ общежитіи—всюду очевидно дѣло осѣданія и установленія послѣ вѣковыхъ кочевокъ и переметчивости. Тогда явился терминъ—*собираніе Русской земли.* Слѣдовательно это была уже народная потребность, а не темный инстинктъ, въ видѣ каприза или алчности князей: она была такъ глубока, что византійское, татарское и тому подобныя вліянія были лишь подспорьями для ея проявленія. Впрочемъ, подъ вліяніемъ татаръ, отвлекшихъ вниманіе Россіи на востокъ, тутъ произошло замѣчательное явленіе: часть Русской земли отпала; южная Русь перешла къ Польшѣ и Литвѣ. Но это помогало сплоченію въ будущемъ; и если Россія третьяго періода была меньше Россіи второго и даже перваго періодовъ, то это значило только, что она сократилась для большей плотности. Сосредоточиваясь на сѣверо-востокѣ, она могла составить крѣпкое ядро: именно тогда явилось сознаніе необходимости собрать *русскую* землю, т.-е. все, чтò когда-либо принадлежало Россіи, чтò населено русскими. И то, чтò Москва успѣла пріобрѣсти къ концу періода, было гораздо большимъ успѣхомъ земельнаго сплоченія, чѣмъ гдѣ-либо на Западѣ.

2) Въ развитіи *быта* Западъ ушелъ далеко отъ Россіи, особенно съ половины 14 в. Тамъ начиналось Возрожденіе,

хотя покуда только у романцевъ, въ Италіи. Въ Россіи же видимъ не только умственный застой, но шагъ назадъ: бытовое развитіе удѣльной поры падало; общество становилось проще, бѣднѣе, безнравственнѣе, чѣмъ въ южной Руси. Отсюда-то начинается существенное различіе въ судьбѣ восточной и западной Европы. Причины отсталости въ быту Россіи ясны. а) Жгучая потребность въ политическомъ сплоченіи, это слѣдствіе географическихъ и этнографическихъ условій, поглотившее всѣ силы народа. б) Отпаденіе южной Руси, связанной съ Западомъ. в) Прекращеніе связей даже съ Византіей. г) Русь московская, узелъ Россіи, замкнулась въ дикихъ лѣсахъ сѣверовостока съ такимъ азіатскимъ сосѣдомъ, какъ татары. Но что эта умственная отсталость была временная, и что Россіи суждено было развиваться какъ націи европейской, а не азіатской, за это ручалось самое отдѣленіе южной Руси, которая вслѣдствіе того вошла въ тѣснѣйшія связи съ Западомъ. Въ южной Руси шла подготовка умственнаго развитія, которое стало переходить потомъ въ Москву. Эта подготовка шла и съ другой стороны. Новгородъ почти уже сливался съ Москвой, а онъ подчинялся западному вліянію: въ немъ уже видимъ первую серьезную ересь.

V. САМОДЕРЖАВІЕ И СМУТА.

Около 1450—1650.

§ 109. **Романцы и германцы.** — На Западѣ повсемѣстная борьба съ рыцарями (§ 72) привела, во второй половинѣ 15 в., къ погибели феодализма и къ *утвержденію монархизма*. Къ концу среднихъ вѣковъ монархизмъ особенно упрочился на крайнемъ Западѣ—въ Англіи (Генрихъ VII Тюдоръ), во Франціи (Людовикъ XI) и въ Испаніи (Фердинандъ Католическій). Въ Германіи же попрежнему господствовалъ феодализмъ, хотя императоры старались подавить его. Съ тѣхъ поръ до конца періода въ Испаніи монархизмъ держался твердо, во Франціи же и Англіи онъ подвергался колебаніямъ. Во Франціи пережитки феодализма дѣлали послѣднія попытки къ низверженію самодержавія: ея исторія за это время наполнена междоусобіями, извѣстными подъ именемъ религіозныхъ войнъ и фронды (возстаніе вельможъ). Борьба окончилась полною побѣдой монархизма, въ лицѣ кардинала *Ришелье* (*Н. И.* §§ 81 — 82). Въ Англіи самодержавіе Тюдоровъ и Стюартовъ было такъ тяжело, что народъ возсталъ на защиту своего парламента (§ 105), который короли хотѣли уничтожить. Произошла великая революція, которая восторжествовала, благодаря *Кромвелю*: Карлъ I Стюартъ былъ казненъ (*Н. И.* §§ 72 — 76). Въ Германіи, послѣ жестокаго междоусобія (Тридцатилѣтняя война), императоры, Габсбурги, не могли уничтожить вельможъ, но они усилились, какъ *австрійскіе* государи; а на сѣверѣ Германіи появилось, къ концу періода, сильное самодержавное государство (*Н. И.* § 67) — курфюршество *Бранденбургское* (теперь Пруссія). Утвержденіе монархизма сопровождалось смутами. Вездѣ были жестокія междоусобія; во многихъ мѣстахъ

появились самозванцы. Въ Испаніи была цѣлая эпоха самозванства (три Лже-Себастіана).

Эти смуты были связаны не только съ пережитками феодализма, но также съ общественнымъ, экономическимъ и умственнымъ переворотами. Шло быстрыми шагами впередъ дѣло освобожденія низшихъ классовъ отъ ига феодаловъ, въ особенности же возвышеніе средняго сословія (§ 72). Подъ вліяніемъ открытій и изобрѣтеній (§ 73), торговля и промышленность достигли небывалыхъ размѣровъ и переходили съ юга на сѣверъ, въ Голландію и Англію. Съ наплывомъ драгоцѣнныхъ металовъ изъ Новаго Свѣта, первобытное естественное хозяйство смѣнялось денежнымъ, съ свойственнымъ ему развитіемъ кредита или сдѣлокъ на вѣру (*Н. И.* §§ 58—59). Съ половины 15-го в. насталъ разгаръ классицизма или истинное *Возрожденіе наукъ и искусствъ*, которое распространилось изъ Италіи (*С. И.* §§ 168—176) по всей Европѣ. Слѣдствіемъ Возрожденія было развитіе свѣтскихъ наукъ— математики, естествознанія, философіи. Тогда появились такіе знаменитые отцы современнаго просвѣщенія, какъ Эразмъ, Рейхлинъ, Беконъ, Декартъ, Галилей, Коперникъ, Парацельсъ, а рядомъ съ ними такіе великіе политическіе мыслители, свободно разсуждавшіе о государствѣ и власти, какъ Макіавель (*Н. И.* § 53). *Открытія и изобрѣтенія*, начавшіяся въ предшествовавшемъ періодѣ, увѣнчались открытіемъ Новаго Свѣта (Колумбъ, Кортецъ, Магелланъ), усовершенствованіемъ книгопечатанія и введеніемъ болѣе вѣрнаго, грегоріанскаго календаря или *новаго стиля* (1582). Въ искусствѣ также возобладало свѣтское направленіе. Скульптура и особенно *живопись* достигли небывалаго развитія, подражая природѣ, дѣйствительности (*Н. И.* §§ 56—57). Они развились сначала (15—16 в.) въ Италіи и Германіи (Рафаэль, Корреджіо, Тиціанъ, Дюреръ, Гольбейны и др.), потомъ (17 в.) въ Испаніи (Мурильо, Веласкезъ). Но важнѣе всего было вліяніе Возрожденія въ религіозномъ отношеніи. Сбросивъ гнетъ папства, люди стали свободно осуждать его недостатки и, наконецъ, совсѣмъ отпали отъ него, убѣдившись въ его противорѣчіи съ Евангеліемъ. Это движеніе, названное *реформаціей* (*Н. И.* §§ 1—24), привело къ тому, что чуть не пол-Европы перешло въ *протестантизмъ*, отвергавшій папство (лютеране, реформаты, кальвинисты). Затѣмъ началась жестокая борьба протестантизма съ католичествомъ, которая наполняетъ всю вторую половину періода, начиная съ середины 16-го в., когда, для поддержанія папства, явился знаменитый орденъ *іезуитовъ*. Особенно ужасна была борьба въ Германіи.

Послѣ междоусобій 16-го в., она возобновилась подъ видомъ варварской *Тридцатилѣтней войны*, занявшей почти всю первую половину 17-го в. (*Н. И.* §§ 61—63). Къ концу періода сѣверная Германія, Скандинавія, Англія, Нидерланды и нѣмецкая Швейцарія стали протестантскими странами. Протестантизмъ побѣдилъ здѣсь съ помощью королей; поэтому протестантская церковь стала вѣрною слугой монархизма. Въ остальныхъ странахъ возобладало католичество, и также при помощи королей: оттого и здѣсь церковь помогала утвержденію монархизма.

§ 110. **Турки, южные славяне и румыны.**—*Османліи* (§ 74) тогда были сильнѣе европейцевъ своимъ единствомъ. У нихъ было самодержавіе, постоянная армія и одна религія. Коранъ замѣнялъ имъ законы; приказы султана утверждалъ „муфти“, глава религіи. Исламъ же требовалъ „священной войны“, истребленія „гяуровъ“ (невѣрныхъ); но какъ только *райя* (христіанинъ) принималъ магометанство, онъ пользовался всѣми правами. Тогда сложилась турецкая имперія. Въ глазахъ мусульманина это былъ громадный шатеръ. Входъ въ него, *Порта* (османская или „оттоманская“), составляла правительство; внутри его — „диванъ“, т.-е., засѣдающіе на софѣ думцы султана. Шатеръ поддерживаютъ 4 „столба“; во главѣ ихъ „великій визирь“, которому помогаетъ духовенство — улемы и имамы. Провинціями управляютъ паши и беги. „Высокая“ Порта распространяетъ исламъ огнемъ и мечемъ, съ помощью своихъ непобѣдимыхъ янычаръ (§ 74), которымъ даже запрещалось жениться, чтобы у нихъ былъ одинъ только интересъ—проливать кровь за луну, за султана и Коранъ. При *Сулейманѣ Великолѣпномъ* (ок. 1550) Порта достигла высшаго процвѣтанія. Ей повиновались Египетъ, Крымъ, Грузія и Передняя Азія до Багдада; у нея заискивали царьки Индіи; ея флоты грабили все Средиземное м. до Гибралтара. Сулейманъ ставилъ воеводъ въ Валахіи и Молдавіи, ходилъ за Днѣстръ опустошать южную Польшу, захватилъ Венгрію и едва не взялъ Вѣну. Но послѣ него началось ослабленіе Порты. Персія усилилась и вступила въ союзъ съ Европой; нѣмецкіе императоры нападали на Венгрію; Италія съ Испаніей уничтожили турецкій флотъ при *Лепанто* (1571). Османліи утратили воинственный пылъ. Султаны изнѣжились въ гаремѣ, подъ вліяніемъ женщинъ и евнуховъ: продажность, убійства, придворныя козни и дворцовыя революціи стали ихъ жизнью. Измѣнились и янычары: ихъ набирали уже изъ турокъ; они обзавелись семьями и занимались торговлей; вмѣсто

войны, они умерщвляли своихъ начальниковъ и бунтовали противъ султановъ.

Положеніе покоренныхъ становилось все тяжелѣе. Особенно страдали ближайшіе къ Портѣ, *южные славяне*, причемъ у болгаръ главными палачами были друзья османліевъ, фанаріоты (§ 17), съ константинопольскимъ патріархомъ во главѣ, а у сербовъ — турецкіе паши. Турки вырѣзывали у славянъ бояръ и поповъ, а крестьянъ ссылали десятками тысячъ въ Азію. У нихъ отняли оружіе и коней; имъ приказали носить особое платье; съ нихъ брали въ казну десятину (до нашихъ дней натурой) и еще „харачъ"—особую подать за свободу отъ воинской повинности, а каждыя пять лѣтъ производили наборъ мальчиковъ. Сверхъ того, крестьянинъ несъ „беглукъ" (барщину), такъ какъ вся земля была роздана бегамъ-помѣщикамъ. Райя содержалъ также все управленіе—пашу съ кадіями (судьями) и епископа-фанаріота; а эти лица покупали свои мѣста въ Портѣ и спѣшили вознаградить себя за убытокъ. Наконецъ, турки ежегодно совершали походы въ Венгрію и Польшу черезъ Болгарію и Сербію, которыя опустошались при этомъ безпощадно. Оттого стало развиваться *гайдучество*: гайдуки — удалая райя, бѣжавшая въ горы отъ турецкаго ига и ведшая партизанскую войну съ османліями; изъ нихъ отчасти образовались черногорцы. Съ другой стороны, болгары стали приходить на Русь за милостыней и съ мольбами о защитѣ; а съ конца 17-го в. начались сношенія Москвы съ сербами и черногорцами.

Бѣдственно было и положеніе *румынъ*. Турки брали съ нихъ дани и водили ихъ войска противъ поляковъ и венгровъ; они продавали ихъ престолы всякимъ проходимцамъ, безграмотнымъ деспотамъ, которыхъ убивали бояре. Но бояре истребляли также другъ друга, стремясь къ престолу, причемъ кто опирался на Порту или Венгрію, кто на Польшу и потомъ Москву. Въ тоже время шла борьба между Валахіей и Молдавіей, которыя хотѣли поглотить другъ друга. О цивилизаціи не могло быть и рѣчи. Долго у румынъ не было ничего своего: даже правительственныя бумаги писались поболгарски; богослуженіе также совершалось на болгарскомъ и отчасти греческомъ языкахъ. Лишь съ начала 17-го в. стало проникать къ румынамъ венгро-польское просвѣщеніе и появились лѣтописи. Но истиннымъ просвѣтителемъ своей націи былъ *Сербанъ II Кантакузенъ*, мечтавшій даже объ изгнаніи турокъ, въ союзѣ съ Вѣной и Москвой. Онъ издалъ (1688) переводъ Библіи на румынскій

языкъ, ввелъ румынское богослуженіе, основалъ типографію и первую гимназію въ Букарештѣ, призвавъ нѣмецкихъ и греческихъ учителей. Онъ же устроилъ первую суконную фабрику и развелъ кукурузу, которая стала главнымъ пропитаніемъ народа.

§ 111. **Чехи и поляки.**—Въ этомъ періодѣ чехи, подобно южнымъ славянамъ, лишились независимости. Ихъ погубили *нѣмцы* и собственные *паны*. Паны уже возставали противъ Подѣбрада (§ 76), который старался отнять у нихъ власть: они присоединились къ папѣ, который проклиналъ его, какъ „еретика“ (гусита). По смерти Подѣбрада, паны выбирали польскихъ королей, внуковъ Ягелла, при которыхъ они еще болѣе усиливались, подражая польскимъ панамъ, угнетали горожанъ и закрѣпощали крестьянъ. Съ 1526 г. на чешскомъ престолѣ водворились *Габсбурги*. Они хотѣли ввести монархизмъ и католичество въ странѣ, гдѣ $^{9}/_{10}$ населенія исповѣдывали протестантизмъ и отчасти гуситство. За искюченіемъ пановъ-католиковъ, остальной чешскій народъ около столѣтія отстаивалъ свою народность: онъ былъ тогда весьма образованъ, имѣлъ много школъ и національную литературу. Когда вспыхнула Тридцатилѣтняя война, чехи стали за протестантовъ, но были разбиты на *Бѣлой Горѣ*, у Праги (1620). Это пораженіе считается могилой чешской націи. Чеховъ осталось 800.000 изъ 3 милліоновъ, да и то нищихъ: крестьяне сами запрягались въ плуги. Книги чешскія были сожжены почти всѣ; чешскіе профессора въ университетѣ замѣнены нѣмецкими. Множество опустѣвшихъ земель было отдано нѣмецкой знати, которая приводила съ собою колонистовъ изъ Германіи. Крѣпостничество усилилось, такъ какъ сеймъ былъ уничтоженъ, и страной управлялъ нѣмецкій намѣстникъ. Явилась масса *іезуитовъ*, которымъ были поручены школы. Они завели строгую *цензуру* — и чешская литература прекратилась. Самый чешскій языкъ сталъ уступать мѣсто нѣмецкому.

Въ Польшѣ, какъ и на Западѣ, видимъ стремленіе къ утвержденію монархизма, но лишь на короткое время, при дѣтяхъ Ягелла (§ 79), *Казиміръ IV* и *Янъ Альбрехтъ*, которымъ помогало Возрожденіе. Тогда поляки ѣздили учиться въ итальянскіе университеты, а итальянскіе ученые пріѣзжали въ Польшу. Наука становилась свѣтскою и ускользала изъ рукъ духовенства. *Длугошъ* писалъ свою исторію не какъ монахъ, а подражая Ливію. Особенно изучалось *римское право*; и молодые

юристы стали поддерживать монархизмъ и занимать правительственныя мѣста. Съ помощью ихъ и шляхты, дѣти Ягелла смирили пановъ и даже сами назначали епископовъ. Польша окрѣпла. Нѣмецкій орденъ былъ подорванъ: по Торунскому миру (1466) Западная Пруссія и Померанія присоединились къ Польшѣ, которая пріобрѣла чрезъ это устья Вислы и Нѣмана и стала сплавлять хлѣбъ за-границу, что̀ послужило главнымъ источникомъ ея обогащенія. Въ тоже время потомство Ягелла воцарилось въ Чехіи и Венгріи; и поляки стали вмѣшиваться въ дѣла румыновъ, защищая ихъ отъ турокъ. Польша простиралась тогда отъ Балтійскаго до Чернаго м. и отъ Днѣпра до Дуная; никогда потомъ не достигала она такихъ размѣровъ. Но внутреннія связи огромнаго государства были слабы. Южная Русь и Литва стремились къ самостоятельности: при Альбрехтѣ, въ Литвѣ былъ даже свой великій князь, братъ его, *Александръ*. Но опаснѣе всего была *шляхта*, на которую опирался польскій монархизмъ. Шляхта — та же аристократія: она была врагомъ пановъ только потому, что желала присвоить ихъ права. Короли должны были уступать ей эти права, такъ какъ не имѣли постояннаго войска, этой опоры монархизма на Западѣ: въ Польшѣ продолжало существовать средневѣковое *посполитое рушенье*, т.-е. народное ополченіе, состоявшее изъ шляхты. Въ награду за войну, короли раздавали шляхтѣ свои земли въ вотчинное владѣніе, предоставляя ей въ нихъ полную власть надъ крестьянами. Шляхта получила даже право безпошлиннаго сплава своего хлѣба за-границу, что̀ подрывало развитіе горожанъ. Затѣмъ она пріобрѣла политическую власть: она стала собираться на *сеймики* для обсужденія своихъ дѣлъ; а около 1500 г. верховная власть перешла отъ короля къ *сейму*, который состоялъ не только изъ *сената* (паны и епископы), но и изъ *посольской избы*, гдѣ засѣдала шляхта. Сеймъ избиралъ и королей: такъ въ Польшѣ утвердилась *избирательная монархія*. Правда, на дѣлѣ она оставалась наслѣдственною; но за это короли все увеличивали права шляхты, которыя были распространены также на Литву и южную Русь. Оттого Польша ослабѣла къ концу 15-го в., когда усилились ея новые враги: тогда начались опустошительные набѣги *крымцевъ* (крымскихъ татаръ) на Южную Русь, а *Москва* перешла въ наступленіе.

Вслѣдъ затѣмъ въ Польшѣ сильно распространился протестантизмъ, особенно при *Сигизмундѣ II Августѣ*, когда онъ былъ признанъ сеймомъ. Вмѣстѣ съ нимъ развивалась западная

образованность. Въ Краковѣ началось печатаніе церковно-славянскихъ книгъ (1491). Явились поэты и ученые по всѣмъ отраслямъ наукъ, кромѣ политическихъ, и во главѣ ихъ знаменитый *Коперникъ*. Хорошая латынь распространялась среди шляхты, даже между слугами и женщинами; были въ модѣ также языки итальянскій и нѣмецкій. Но протестантизмъ увеличивалъ смуту, съ помощью которой шляхта еще болѣе усилилась. Она захватила королевскія имѣнія и церковныя мѣста; даже паны переходили въ ея ряды. Шляхта стала своевольна и изнѣженна: она „срывала сеймы" и не хотѣла воевать. Король уже откупался отъ татаръ. Габсбурги захватили престолы Богеміи и Венгріи. Нѣмецкій орденъ, избравъ *Альбрехта Бранденбургскаго*, перешелъ въ протестантизмъ (1525) и сталъ *герцогствомъ прусскимъ*, лишь по имени признавая себя вассаломъ Польши. Точно также магистръ ливонского ордена, *Кетлеръ*, сталъ *герцогомъ курляндскимъ* (1559), отдавъ Ливонію Польшѣ; а пріобрѣтеніе Ливоніи означало войну съ Москвой, которая уже захватила Смоленскъ, Полоцкъ и Нарву, т.-е. достигла Балтійскаго м. Это заставило Литву и Польшу подкрѣпить связь, которая была только династическая: устроили *люблинскую унію* (1569). Но она не помогла дѣлу: управленіе постарому оставалось раздѣльное; сверхъ того, Польша обидѣла литовцевъ, отнявъ у нихъ Кіевъ, Подолію и Волынь и навязавъ имъ Ливонію, т.-е. борьбу съ Москвой и Швеціей.

При такихъ обстоятельствахъ прекратилась династія Ягеллоновъ (1572)—и настало безкоролевье, омраченное борьбой католиковъ съ протестантами. Католики побѣдили, съ помощью явившихся тогда *іезуитовъ*. Они выбрали *Стефана Баторія* трансильванскаго, который долженъ былъ утвердить привилегіи шляхты. Умный и талантливый Баторій устроилъ хорошее войско и вынудилъ деньги у шляхты. Онъ оградилъ южную Русь отъ татаръ, благодаря казачеству. Затѣмъ Баторій ударилъ всѣми силами на Москву. Между тѣмъ, какъ шведы отняли Нарву у Ивана Грознаго, онъ выгналъ русскихъ изъ остальной Ливоніи и возвратилъ Полоцкъ. Но когда Баторій хотѣлъ, послѣ побѣды, утвердить монархизмъ, шляхта возстала; и онъ умеръ, говорятъ, отъ яда. Въ короли былъ избранъ сынъ шведскаго короля, *Сигизмундъ III*, воспитанный іезуитами, которые и управляли страной, въ союзѣ съ шляхтой. Тогда шляхта пріобрѣла право составлять *конфедераціи* или вооруженныя общества, а также liberum veto или право запрета, по которому

каждый шляхтичъ могъ срывать сеймъ, крикнувъ „не позволяю!“. Положеніе народа стало невыносимо: прежде польскіе холопы бѣжали въ южную Русь цѣлыми округами; теперь и тамъ господствовалъ шляхтичъ-помѣщикъ. Но сама властительная шляхта подчинялась іезуитамъ, которые воспитывали въ ней католическій фанатизмъ. Тогда столица была перенесена изъ протестантскаго и панскаго Кракова въ *Варшаву* — гнѣздо іезуитскаго фанатизма и шляхты. Литература пала, такъ какъ іезуиты уничтожали книги и школы 16-го в. Они задумали даже окатоличить русскихъ посредствомъ уніи, а для обращенія Москвы поддерживали Лжедимитрія. Когда малоросы отказались признать унію, ихъ стали принуждать жестокими насиліями. Отсюда возстанія и войны съ малороссійскими казаками въ теченіе всей первой половины 17-го в., а также стремленіе южной Россіи къ соединенію съ Москвой. Въ Москвѣ же погибло много поляковъ, вмѣстѣ съ самозванцемъ, и Польша принуждена была вести съ нею тяжелыя войны. Іезуиты замышляли еще уничтожить протестантизмъ въ Швеціи, посадивъ на ея престолъ своего Сигизмунда; но шведы горячо стали за собственнаго короля, *Карла IX*, и его знаменитаго сына, *Густава-Адольфа*. Отсюда жестокая 60-лѣтняя война между Польшей и Швеціей, которая ослабила оба государства. Такое положеніе дѣлъ продолжалось и при сынѣ Сигизмунда, *Владиславѣ IV*. Сверхъ того, разгорѣлось волненіе казаковъ. Всѣ эти неблагопріятныя для поляковъ обстоятельства давали возможность Москвѣ усиливаться.

§ 112. **Иванъ III. Собираніе русской земли**. — Василій Темный (§ 95) оставилъ сыну своему, *Ивану III*, готовыя средства для развитія самодержавія и объединенія Руси. Московское государство уже могло выдержать борьбу съ послѣдними пережитками первобытной разрозненности. Эта борьба наполняетъ цѣлый періодъ, такъ что его можно называть *смутнымъ временемъ*, хотя этимъ именемъ обозначается собственно разгаръ смутъ при самозванцахъ. Ивану III помогали счастливыя обстоятельства, сопровождавшія его долгое (43 г.) княженіе, а также его личныя свойства [1]). Этотъ красивый, высокій, но сутуловатый и худой человѣкъ напоминалъ нравомъ Людовика XI (*С. И.* § 149). Онъ былъ одаренъ смѣтливостью и желѣзною волей. Разсчет-

[1]) Когда папа прислалъ Ивану III портретъ его невѣсты, Софіи Палеологъ, и для нея былъ набросанъ портретъ жениха однимъ изъ ея посланцевъ-грековъ. Съ него-то сдѣлана гравюра въ сочиненіи извѣстнаго географа Тевэ (*Thevet*: La Cosmographie universelle. Paris. 1575). Всѣ другіе портреты Ивана III вымышлены

ливый, осторожный и настойчивый, онъ умѣлъ долго сдерживаться, но никогда не покидалъ разъ задуманнаго дѣла и не стѣснялся въ выборѣ средствъ, которыя нерѣдко отличались утонченнною жестокостью. Иванъ былъ недоступенъ чувствамъ: если онъ былъ ужасенъ въ гнѣвѣ, то и здѣсь отчасти дѣйствовалъ разсчетъ, отчасти сознаніе своего величія. Его не могла сломить и обычная тогда чувственность: онъ былъ вѣренъ своимъ обѣимъ женамъ и удалялся съ пировъ, когда начинался

Иванъ III Васильевичъ.

разгулъ. Его строгое благочестіе не переходило за предѣлы обрядности и не впадало въ суевѣрія: онъ смотрѣлъ и на религію, какъ на орудіе политики; поступалъ съ еретиками различно, по обстоятельствамъ; заставлялъ трепетать духовенство наравнѣ со всѣми и не принялъ схимы на смертномъ одрѣ. Вѣчно занятый разсчетами, Иванъ ежегодно объѣзжалъ свое царство-вотчину, чтобы все видѣть своимъ хозяйскимъ глазомъ. Но къ нему самому трудно было приблизиться. Онъ душевно и внѣшне жилъ особнякомъ, на недосягаемой высотѣ

въ 18-мъ в. На нашемъ рисункѣ, взятомъ у Тевэ, Иванъ изображенъ въ украшенной каменьями шапкѣ, въ видѣ колпака. На немъ мѣховой кафтанъ, съ длиннымъ овчиннымъ воротникомъ, въ родѣ бурки. Онъ застегнутъ спереди дорогими запонами

власти: его отдѣляли отъ міра мрачность, замкнутость нрава, строжайшая чинность быта и умышленная пышность представительства.

Всѣ силы этого терпѣливаго и неутомимаго политика были сосредоточены на пріумноженіи достоянія предковъ. Оттого при немъ *собираніе русской земли* шло хотя тихо, но безостановочно; и онъ уже думалъ о присоединеніи южной Руси. Тогда-то пало самое сильное изъ сѣверныхъ княжествъ, *Тверь*. Послѣдній тверской князь, Михаилъ Борисовичъ, предвидя свою погибель отъ усиленія Москвы, породнился съ Казиміромъ литовскимъ. За это Иванъ объявилъ ему войну. Тверскіе бояре покинули своего князя и начали отъѣзжать въ Москву. Самъ Михаилъ испугался и бѣжалъ въ Литву. Тверь безъ выстрѣла была присоединена къ Москвѣ (1485). Послѣ этого уже не могли удержаться слабыя удѣльныя княжества, тѣмъ болѣе, что тамъ сидѣли родственники и даже родные братья Ивана. Какъ ни угождали ему эти ничтожные князьки, Иванъ всегда находилъ предлогъ отнять у нихъ землю. Такъ, отдавъ свою родственницу замужъ за верейскаго князя, онъ вдругъ потребовалъ назадъ ея приданое и объявилъ, что засадитъ ихъ обоихъ въ тюрьму: молодые бѣжали со страха въ Литву, а *Верея* была присоединена къ Москвѣ. Другіе удѣльные князья изъ страха отказывали Ивану свои земли, особенно если умирали бездѣтными: такъ перешли къ Москвѣ часть *Рязани* и *Дмитровъ*. А кто сопротивлялся, того постигала участь брата Иванова, Андрея углицкаго, походившаго нравомъ на Шемяку (§ 95): онъ былъ внезапно схваченъ, когда пріѣхалъ погостить въ Москву, и вмѣстѣ съ своими сыновьями посаженъ въ тюрьму, гдѣ вскорѣ умеръ; а *Угличъ* былъ присоединенъ къ Москвѣ.

§ 113. **Паденіе Новгорода.**—Ивану III удалось захватить даже Новгородъ. Этотъ маститый представитель стараго строя не могъ существовать долѣе при той жгучей потребности русскаго народа въ сплоченіи, которая стала такъ очевидна уже къ концу прошлаго періода (§ 108). Ктому же онъ рѣшалъ борьбу, разгорѣвшуюся тогда между Москвой и Литвой. При такихъ условіяхъ, Новгороду нельзя было устоять, еслибы онъ былъ даже Карѳагеномъ (*Д. И.* § 39), Венеціей или гнѣздомъ рыцарства (*С. И.* §§ 84, 112). А въ немъ не было ни правильнаго развитія, ни прочнаго устройства, ни героизма. Онъ не додумался даже до самостоятельной торговой политики: вѣчно оставался лишь передаточнымъ мѣстомъ и потому зависѣлъ отъ сво-

его рынка, отъ Московской земли. Борьба партій достигла въ немъ крайнихъ размѣровъ (§ 51). Вѣче стало поприщемъ раздоровъ и переметчивости: его рѣшенія были случайны и узки. „Меньшіе“, черные люди, тѣснимые „лучшими“ или боярами, надѣялись поправить свое положеніе, подчинившись могучему московскому князю, который льстилъ имъ. Ихъ настроеніе раздѣлялъ Псковъ, который до того чувствовалъ свою силу, что не хотѣлъ считаться пригородомъ своего высокомѣрнаго отца на Волховѣ. Эту массу населенія связывало съ Москвой православіе, которымъ искусно пользовался Иванъ III: новоизбранный тогда владыка новгородскій не хотѣлъ быть ставленникомъ склоннаго къ уніи (§ 101) кіевскаго митрополита, котораго новгородцы называли „латинянином“, а москвичи — „еретикомъ“. Съ другой стороны, „лучшіе“ люди ненавидѣли Москву, отстаивая выгодныя имъ преимущества; и къ нимъ присоединялся всякій, кто дорожилъ древнею независимостью. Но эта, *вѣчевая*, партія утопала въ богатствѣ и роскоши, спутникомъ которыхъ являлись своекорыстіе и вообще недостатокъ нравственности. Здѣсь не было героическихъ вождей. Душой партіи оказалась женщина, *Марѳа Борецкая*, вдова недавно умершаго посадника, окруженная двумя молодыми сыновьями, внуками и боярами. Она отличалась умомъ, сильною волей, живостью и славилась своимъ достаткомъ даже въ богатомъ Новгородѣ: ея роскошный домъ назывался „чюднымъ“ и служилъ вѣчникамъ мѣстомъ сбора.

Эта партія понимала, что въ сѣверной Руси никто не поможетъ ей: мелкое княжье, которое, бывало, ходило съ новгородцами на Москву, бѣжало, вмѣстѣ съ своими боярами, въ Литву. Туда же должны были обратиться за помощью и вѣчники. Казиміръ обрадовался: подобно своимъ предшественникамъ, онъ самъ мечталъ о присоединеніи Новгорода. Онъ поспѣшилъ прислать вѣчникамъ своего, впрочемъ православнаго, подручника, князя Михаила Олельковича, котораго друзья Москвы считали женихомъ Марѳы. Но Казиміръ больше ничего не сдѣлалъ: ему помѣшали польскія дѣла да ливонцы. Между тѣмъ, новгородцы начали нарушать формальныя права великаго князя (§§ 91, 95). Они перестали платить пошлины Ивану III и оскорбляли его пословъ, говоря имъ, что „Великій Новгородъ — не отчина великаго князя, а самъ собѣ государь и извѣка вольная земля“. А Иванъ III крѣпко хватался за всякій намекъ на свои права, послѣдовательно орудовалъ въ самомъ Новгородѣ, хладнокровно готовился къ рѣшительному удару, извѣдывая слабыя стороны противника и усыпляя его добродуш-

ными переговорами. Наконецъ, онъ тихонько собралъ огромную рать, въ которой было не мало и татаръ. Раздѣливъ ее между своими братьями и псковичами и разрѣшивъ ей опустошать все дотла на своемъ пути, онъ началъ стягивать желѣзное кольцо вокругъ Новгорода. Жителей онъ гналъ въ городъ, чтобы тамъ разгорались уже начавшійся голодъ и зараза; плѣннымъ, сверхъ того, отрѣзывалъ носы и губы. Оторопѣлые новгородцы принуждены были принять бой, не изготовившись. Они потерпѣли жестокое пораженіе у р. *Шелони*, оставивъ множество убитыхъ и изувѣченныхъ: одинъ изъ сыновей Маrѳы былъ взятъ въ плѣнъ, и ему отрубили голову. Осторожный Иванъ III оставилъ Новгороду вѣче, только отнялъ часть земель и взялъ большой откупъ. Но онъ уже чинилъ въ немъ судъ и расправу черезъ своего намѣстника, ссылалъ его бояръ въ свои владѣнія, роздалъ высшія должности своимъ сторонникамъ, наѣзжалъ, какъ государь—и новгородцы устраивали ему пиры и несли дары.

Вскорѣ ничтожный случай привелъ дѣло къ концу. Пріѣхали въ Москву, по дѣламъ, новгородскіе послы и почему-то повеличали Ивана „государемъ“, тогда какъ прежде всегда называли московскаго князя „господиномъ“. Новгородцы поспѣшили объяснить, что это—ошибка, что они не желаютъ никакихъ измѣненій въ своемъ правленіи. Но Иванъ настаивалъ на томъ, что теперь онъ уже сталъ ихъ государемъ. На ихъ возраженія онъ отвѣчалъ: „Хотимъ такого же государства въ Великомъ Новгородѣ, какое у насъ въ Москвѣ: не быть въ Новгородѣ вѣчевому колоколу и посаднику, а быть намѣстнику великаго князя“. Въ теченіе этихъ переговоровъ, которые Иванъ III съ умысломъ затягивалъ, снова собралась большая московская рать. Она начала пустошить земли св. Софіи и, наконецъ, снова окружила желѣзнымъ кольцомъ Новгородъ, гдѣ опять появились голодъ и зараза. На этотъ разъ новгородцы не могли даже собрать войско. Они покорились безпрекословно, присягнули на подданство великому князю, выдали свой вѣчевой колоколъ и лари съ бумагами: оттого мы имѣемъ лишь одностороннія извѣстія московскихъ лѣтописей о паденіи Новгорода. Въ Москву послѣдовали также Марѳа Борецкая съ внукомъ и главные бояре. Остальные главари вѣчевой партіи были заточены по разнымъ городамъ (1478). Затѣмъ, въ теченіе десяти лѣтъ, еще сотни „лучшихъ“ были пытаны, казнены, разбросаны по тюрьмамъ; тысячи были переселены въ глубину московскаго государства. На ихъ мѣсто

былъ присланъ „презрѣнный народъ“, какъ говорили ливонцы, —холопы, купцы, боярскія дѣти поплоше изнутри Россіи. А чтобы и это безцвѣтное населеніе не разбогатѣло, Иванъ III, заручившись тайнымъ договоромъ съ Даніей и только-что утвердивъ права ганзы на много лѣтъ, внезапно закрылъ ея контору въ Новгородѣ, самихъ ганзеатовъ бросилъ въ тюрьму, а имѣнія ихъ отобралъ въ казну. Новгородъ сталъ лишь проходомъ въ Ливонію, которая теперь выдвинулась впередъ въ московской политикѣ.

§ 114. **Софья, самодержавіе и Западъ.**—Теперь на всемъ сѣверѣ Россіи только часть Рязани да Псковъ не были еще присоединены къ Москвѣ. Но Иванъ III собиралъ не одну русскую землю: онъ сдѣлалъ больше всѣхъ московскихъ князей и для собиранія власти или для утвержденія самодержавія. Этому способствовала, между прочимъ, его женитьба на греческой царевнѣ, имѣющая историческое значеніе. Первая жена Ивана, *Марія* тверская (§ 95), вскорѣ умерла, оставивъ сына, *Ивана Молодого*, и суевѣрный народъ приписалъ смерть ея ворожеѣ. Тогда проживала въ Римѣ сирота, *Софья Палеологъ*, племянница послѣдняго византійскаго императора (§ 74). То была красивая, изворотливая и упорная принцесса, съ гордымъ и властительнымъ нравомъ. За нее сватались западные принцы, но она не хотѣла соединять свою судьбу съ католикомъ. Папа предложилъ ей бракъ съ московскимъ княземъ, слава котораго, какъ искуснаго политика, проникла на Западъ. Онъ надѣялся, черезъ этотъ бракъ, ввести унію въ Москвѣ и съ помощью ея поднять крестовый походъ противъ турокъ: оттого, вмѣстѣ съ невѣстой, прибылъ къ Ивану папскій легатъ, который ходилъ въ красной одеждѣ кардинала и въ перчаткахъ, что̀ возмущало русскихъ. Ивану III было чрезвычайно лестно породниться съ домомъ, носившимъ титулъ, который считался у русскихъ высшею почестью на землѣ. Бракъ состоялся (1472). Но легатъ, который вздумалъ-было спорить съ русскими книжниками о вѣрѣ, долженъ былъ удалиться ни съ чѣмъ. Вскорѣ и папа разгнѣвался на Софью, которая строго держалась православія и не думала стать орудіемъ Рима. Не въ религіи, а въ политикѣ почувствовалось вліяніе Софьи. Тогда прямо, повизантійски, былъ поставленъ вопросъ о самодержавіи — и началась борьба старины съ новою властью, длившаяся полтора вѣка. Современники назвали то время *началомъ смуты*. Бояре говорили: „какъ пришла сюда Софья, то наша земля замѣшалася; ве-

ликій князь обычаи перемѣнилъ; онъ пересталъ совѣтоваться съ нами, а всѣ дѣла дѣлаетъ, запершись у себя самъ-третей со своею княгиней да съ наперсникомъ". Они называли Софью колдуньей и приписывали ей раздоры въ княжеской семьѣ. Дѣйствительно, когда умеръ Иванъ Молодой, оставивъ сына, *Димитрія*, на попеченіе своей вдовы, Елены молдавской, и родственныхъ ей князей Патрикѣевыхъ (§ 99), у Ивана III былъ уже сынъ отъ Софьи, *Василій*. Закипѣла вражда между двумя царственными женщинами. Врагамъ удалось очернить Софью, приписывая ей даже смерть Ивана Молодого. Иванъ III посадилъ Василія въ тюрьму, а своимъ наслѣдникомъ объявилъ внука, Димитрія. Приверженцы Софьи были жестоко казнены. Съ нею самою стали обращаться сурово: ночью хватали ходившихъ къ ней старухъ и топили ихъ въ Москвѣ-рѣкѣ, какъ колдуній. Но Софья вскорѣ возстановила свое вліяніе на мужа. Иванъ III возвѣстилъ, что его дѣло—рѣшить судьбу сына и внука, и что государство будетъ принадлежать тому, кому онъ скажетъ. Вдругъ враги Софьи подверглись страшнымъ опаламъ. Димитрій былъ заключенъ къ тюрьму; а Василій, который сталъ искусно льстить отцу, объявленъ наслѣдникомъ.

Ненависть бояръ къ Софьѣ объясняется тѣмъ, что эта надменная и лукавая гречанка способствовала *установленію самодержавія* въ Москвѣ. Она внушила Ивану обращаться съ боярами и князьями, какъ съ подданными, и окружить себя пышностью и почти церковною обрядностью византійскихъ императоровъ. Придворные обычаи и порядки Царьграда перешли въ Москву. Византійскій черный *двуглавый орелъ* сталъ московскимъ гербомъ. Появились греческіе *придворные чины*, подъ именемъ постельничаго, ясельничаго и окольничаго. Ивана стали называть „царемъ", били ему челомъ въ землю; при дворѣ совершались пышныя церемоніи. Иванъ сталъ недоступенъ, суровъ и гнѣвенъ. Онъ строго наказывалъ бояръ за малѣйшую провинность и не дозволялъ имъ отъѣзжать изъ Москвы; онъ уже казнилъ ихъ и лишалъ имущества. Казни начали постигать даже иностранцевъ, посѣщавшихъ Москву. Наконецъ, Иванъ III установилъ *престолонаслѣдіе*, назначивъ своимъ преемникомъ Василія и завѣщавъ, чтобы ему наслѣдовалъ тоже сынъ, а не братъ. Государство принимало стройный видъ. Бояре, лишившись права отъѣзда, перестали смутничать и исполняли свои обязанности. Подъ строгимъ надзоромъ князя, они стали завѣдывать дѣлами, которыя впервые были раздѣлены по своему

содержанію, разсортированы. Иванъ III однимъ боярамъ „приказывалъ вершить“ одни дѣла, другимъ—другія: такъ образовались *приказы* — родъ министерствъ. Явился порядокъ и въ сельскомъ и городскомъ управленіи. Всѣ должны были платить опредѣленную подать; и для этого *писцы* ѣздили по странѣ, составляя *писцовыя книги* (народную перепись). И судное дѣло приняло болѣе правильный видъ. Было издано (1497) лучшее, хотя еще скудное и отрывочное, собраніе законовъ — *Судебникъ*. Иванъ III былъ богаче всѣхъ прежнихъ князей. У него было много новыхъ земель, и онъ *прекратилъ выходъ въ Орду* (§ 83). Иванъ много получалъ съ богатаго Новгорода и со всѣхъ подданныхъ, которые становились зажиточнѣе прежняго. Кромѣ податей, онъ собиралъ много разныхъ *мытъ* — пошлинъ съ внутренней торговли. Тогда же появились на Руси *горные промыслы.*

Жизнь становилась шире и разнообразнѣе, развивались умственныя потребности, — и московская Русь впервые почувствовала необходимость войти въ связи съ Западомъ, чему содѣйствовала также Софья. Тогда *начались сношенія русскихъ съ иностранными державами* — съ Австріей, Даніей, Римомъ, Венеціей, Турціей и Греціей. Иванъ III любилъ призывать иностранныхъ мастеровъ изъ Германіи, Италіи и Греціи. Возникло небывалое въ Москвѣ умственное движеніе, которое охватывало значительный кругъ людей, послужившій истиннымъ *началомъ русской интеллигенціи* (§ 65): уже не одни рѣдкіе церковные книжники, но многія лица разныхъ классовъ задумывались надъ отвлеченными вопросами. Конечно, умственное движеніе должно было сосредоточиваться въ области религіи, за отсутствіемъ свѣтскихъ знаній. Это — *ереси*, которыя играли ту же роль и на Западѣ (§ 34). Первая обширная ересь на Руси, стригольники, явилась въ концѣ 14-го в. (§ 103); но гораздо важнѣе была ересь временъ Ивана III — *жидовство*, бывшее отчасти развитіемъ стригольничьяго движенія. Оно затронуло всѣ лучшіе умы, вызвало горячую борьбу и пріобрѣло даже политическое значеніе, когда перешло въ Москву. Оно привело къ сознанію потребности въ умственныхъ и нравственныхъ преобразованіяхъ.

§ 115. **Геннадій, Іосифъ Санинъ и Нилъ Сорскій.** — Жидовство быстро распространилось въ высшемъ обществѣ Москвы: ему сочувствовали многіе бояре, съ Патрикѣевыми во главѣ, и вдова Ивана Молодого; самъ Иванъ III не трогалъ еретиковъ. Но въ Новгородѣ оказался упорный защитникъ православія—архіепископъ *Геннадій*, человѣкъ смѣтливый, книжный и настойчи-

вый до неумолимости. Долго его усилія оставались тщетными: еретики, пользуясь вліяніемъ при дворѣ, даже произвели своего единомышленника въ митрополиты. Но Геннадій смѣло изобличалъ самого митрополита, осуждалъ даже излишнюю мягкость Ивана III и писалъ грозныя посланія іерархамъ. Наконецъ, и епископы стали требовать преслѣдованія еретиковъ. Чувствуя всю тяжесть борьбы, Геннадій призвалъ къ себѣ на помощь другого недюжиннаго человѣка, *Іосифа Санина*. Сынъ московскаго дворянина, Іосифъ смолоду удалился въ монастырь, гдѣ прославился подвижничествомъ. Онъ былъ такъ неумолимъ къ себѣ, что основалъ собственную строжайшую обитель, въ лѣсной глуши *Волоколамска*. Здѣсь, кромѣ иноческихъ подвиговъ, Іосифъ занимался священными книгами и сталъ первымъ начетчикомъ на Руси. Онъ началъ писать горячія посланія духовенству и обличенія противъ еретиковъ; его сочиненія были собраны потомъ въ одну книгу, подъ названіемъ „Просвѣтитель". Сверхъ того, Іосифъ получилъ доступъ къ Ивану III, который очень уважалъ его за ученость и святость жизни. Софья, ненавидѣвшая жену Ивана Молодого, помогала ему. Подъ вліяніемъ Геннадія и Іосифа, еретики потеряли умственное вліяніе: поставленный ими митрополитъ отрекся отъ престола, а Иванъ III созвалъ соборъ для суда надъ еретиками (1504). Ихъ вожди частью были сожжены, частью искалѣчены и заключены по тюрьмамъ и монастырямъ. Но самая ересь продолжала существовать, хотя тайно и въ слабыхъ размѣрахъ: до сихъ поръ встрѣчаются ея послѣдователи, которые съ негодованіемъ произносятъ имя *осифлянъ* (приверженцевъ Іосифа).

Жидовство возбудило умственную дѣятельность общества. Геннадій сталъ требовать учрежденія училищъ для духовенства и перевелъ недостающія книги св. Писанія съ латинскаго и еврейскаго, при помощи придворнаго переводчика и одного доминиканца, принявшаго православіе. Соборъ 1504 г. принялъ мѣры къ исправленію духовенства. Тогда же, подлѣ крупныхъ личностей Геннадія и Іосифа, выдвинулся *Нилъ Сорскій*. Это былъ крестьянинъ, смолоду поступившій въ Кириловъ-Бѣлозерскій монастырь, но вскорѣ ушедшій на Аѳонъ. Нилъ возвратился ученымъ человѣкомъ, съ знаніемъ греческаго языка и съ высокимъ идеаломъ монашества. Онъ основалъ, близъ Кирилова-Бѣлозерскаго монастыря, на р. *Сорѣ*, *скитъ* — нѣчто среднее между общежительнымъ монастыремъ и уединенной пещерой: въ скиту живутъ два-три монаха, каждый въ отдѣльной кельѣ;

но они помогаютъ другъ другу. Нилъ придавалъ значеніе не внѣшнему аскетизму, а внутреннему — удаленію отъ мірскихъ помысловъ, чтенію св. Писанія, молитвѣ: онъ требовалъ полнаго нищенства и возмущался тѣмъ, что монастыри владѣютъ землями и крестьянами. Какъ человѣкъ, уважаемый всѣми и самимъ Иваномъ III, онъ былъ призванъ на соборъ 1504 г., гдѣ первый поднялъ вопросъ о томъ, должны ли монастыри владѣть селами? Уже митрополитъ *Кипріанъ*, при Донскомъ, писалъ: „святыми отцами не предано, чтобы инокамъ держать села и людей; древніе отцы богатства не копили; пагуба чернецамъ селами владѣть и туда часто ходить". Но тогда только возникло сомнѣніе у одного іерарха насчетъ церковныхъ имуществъ; теперь же Нилъ прямо поставилъ этотъ вопросъ. Иванъ III, съ политической точки зрѣнія, сочувствовалъ Нилу: онъ самъ думалъ объ отнятіи монастырскихъ имуществъ. Но Іосифъ Санинъ и большинство отстояли право монастырей на владѣніе селами. Съ тѣхъ поръ Іосифъ и Нилъ стали заклятыми врагами. Нилъ упрекалъ Іосифа въ жестокостяхъ съ еретиками; Іосифъ называлъ самого Нила еретикомъ. Нилъ возставалъ противъ ложнаго благочестія, противъ ханжества, противъ монаховъ-попрошаекъ и ихъ чудесъ, очищалъ житія святыхъ отъ позднѣйшихъ вставокъ: Іосифъ уличалъ его въ невѣріи. Эта борьба, вызвавшая много литературныхъ произведеній, была прекращена смертью Нила, вскорѣ послѣ собора 1504 г. Около того же времени умеръ Геннадій, покинувшій свою должность, такъ какъ врагамъ удалось обвинить его во взяткахъ. Іосифъ пережилъ своихъ знаменитыхъ современниковъ и самого Ивана III.

§ 116. **Казачество**. — При такомъ умственномъ движеніи и при такой силѣ государства, немыслимо было чужеземное иго, хотя бы самое слабое. Внѣшняя политика должна была преслѣдовать болѣе широкія цѣли, чѣмъ прежде. Она сосредоточивалась на двухъ задачахъ уже не мѣстнаго, московскаго значенія: это, съ одной стороны, тогдашній восточный вопросъ, уничтоженіе татарщины, съ другой — вопросъ западно-европейскій, борьба съ Польшей.

Татарская сила постоянно слабѣла, по мѣрѣ развитія русскаго народа. Явственно сокращались даже ея внѣшніе предѣлы. Понемногу исчезало самое раздолье степняковъ, это безбрежное море роскошныхъ травъ съ переливчатыми цвѣтами, могильная тишина котораго нарушалась лишь пискомъ ястреба вверху да таинственнымъ шелестомъ внизу, когда не раски-

дывался на немъ случайный таборъ кочевниковъ. Здѣсь еще со временъ бродниковъ (§ 45) кишѣла наша вольница, въ родѣ молодцовъ-повольничковъ (§ 51). Позднѣе, когда у Оки и нижняго Днѣпра образовалась живая изгородь засѣчной стражи, вольница разросталась отъ притока станичниковъ (§ 98), слѣды которыхъ видны и теперь въ насыпяхъ и курганахъ южныхъ губерній. Это легкое воинство пріобрѣтало привычки степняковъ и заимствовало у бусурманъ названіе *казаковъ* (§ 83).

Казачество порождено двумя причинами — внутреннею и внѣшнею. Быстрое усиленіе самодержавія, къ которому еще не приспособилась первобытная вольность населенія, да бѣдность государства поддерживали изначальную привычку „разбрестись розно". Татары также заставляли народъ разбѣгаться, да еще придавали нравственную силу бѣглецамъ, освящая ихъ выходъ изъ русскаго строя знаменіемъ борьбы съ невѣрными иноплеменниками. Казаки — сбродъ всякихъ выходцевъ изъ Руси, въ особенности же холоповъ. Эти нищіе бѣжали на южныя окраины или Украйны, въ чисто-поле древнихъ богатырей. Тамъ встрѣчало ихъ привольное житье. Тамъ былъ полный просторъ для силы-волюшки, которая еще ходила ходуномъ по косточкамъ и просилась „полевать", охотиться. А продовольствія было достаточно для невзыскательной забубенной головы, которая не дорожила и собой: всегда можно было „показаковать" насчетъ татарвы, а въ крайнемъ случаѣ — и насчетъ своихъ. Бѣглецы составляли общины, связанныя крѣпкимъ духомъ товарищества и управляемыя сходкой или *кругомъ*, который избиралъ *атамана*. Съ ними ничего нельзя было подѣлать, при слабости государственнаго наряда, при отсутствіи границъ въ степяхъ. Ктому же они приносили существенную пользу своею борьбой съ татарами и заселеніемъ травяныхъ пустынь. Вотъ почему правительство вскорѣ бросило мысль „казнить ослушниковъ, кто пойдетъ самодурью на Донъ въ молодечество". Оно стало прощать казакамъ побѣги и принимало ихъ на свою службу, съ обязательствомъ жить въ пограничныхъ городахъ и сторожить границы. Такъ образовался среди этой вольницы осѣдлый отдѣлъ, — казаки *городовые* или „сторожевые". Они возникли преимущественно на *Дону*, и больше изъ рязанцевъ: лѣтопись впервые глухо упоминаетъ о нихъ при Василіи Темномъ. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ ослабленія татаръ, казачество распространялось по всѣмъ южнымъ окраинамъ, въ особенности же на низовьяхъ Днѣпра. Новые пришельцы, съ

характеромъ еще не установившимся, кочевымъ, уходили подальше въ степь и не признавали надъ собой никакого правительства. Это—*вольные* или „степные“ казаки, народъ опасный, отчаянный, грабившій все, что ни попадалось подъ руку: они одинаково охотно дрались и съ татариномъ, и съ своимъ братомъ, городовымъ казакомъ. Первоначально особенно отважна и многочисленна была донская вольница, которая господствовала на водахъ Волги, не давая проходу какъ азіатскимъ караванамъ, такъ и русскимъ купцамъ и царскимъ посламъ. Впослѣдствіи историческое значеніе перешло къ казакамъ днѣпровской Украйны. Они показались почти въ одно время съ донцами, подъ именемъ то *малороссійскихъ* казаковъ, то „украинцевъ“, то „черкасъ“ (по ихъ главному притону въ городѣ Черкасахъ). Сначала это были бѣглые польскіе холопы да русскіе, уходившіе отъ польскаго господства изъ Галича, Волыни, Подоліи и Кіева, въ особенности когда стала развиваться церковная унія. Подъ гнетомъ поляковъ и натискомъ татаръ украинцы превратились изъ мирныхъ рыболововъ въ отважную вольницу. Баторію (§ 111) удалось обратить ихъ въ правильное воинство, записавъ въ списки: отсюда названіе „реестровыхъ“ казаковъ, соотвѣтствовавшихъ городовымъ на Дону. Но около половины 16-го в. подлѣ нихъ вновь явилась такая же вольница, какъ на Дону, подъ именемъ *запорожцевъ*.

§ 117. **Прекращеніе татарскаго ига.** — Не одно развитіе русскаго народа подрывало силу татаръ. Она разлагалась внутренно. Въ началѣ періода татары уже распались на три самостоятельныя Орды (§ 82). Отъ нихъ отваливались другія частицы, въ родѣ разбойничьихъ шаекъ, которыя враждовали съ ними и поглощали другъ друга. Ханы Золотой Орды старались подчинить себѣ непокорныхъ подручниковъ: отсюда ихъ вѣчная борьба съ Казанью и Крымомъ, которые обращались къ русскимъ за помощью. Въ самомъ Сараѣ свирѣпствовали усобицы, вслѣдствіе козней разныхъ искателей престола. Московскіе князья искусно и неотступно разжигали ихъ: они ласкали татарскихъ князьковъ-перебѣжчиковъ, облекали ихъ въ высокіе саны, а больше всего поселяли ихъ, для сторожевой службы, въ пограничныхъ мѣстахъ, въ Касимовѣ, Каширѣ и Серпуховѣ. Видя такое ослабленіе татаръ, Иванъ III не обращалъ на нихъ вниманія, не исполнялъ никакихъ обязательствъ передъ ними и тайно поддерживалъ нападенія повольниковъ, которые однажды пробрались изъ Вятки до самаго Сарая. Ханъ Золотой Орды,

Ахматъ (Магометъ), рѣшился, наконецъ, наказать его. Понадѣявшись на союзъ съ Казиміромъ литовскимъ, который распалялъ его ненависть къ Москвѣ, онъ воскликнулъ, что, подобно Батыю, приведетъ великаго князя плѣнникомъ и покончитъ со всѣмъ христіанствомъ. Ахматъ началъ опустошать русскія области, требуя, чтобы Иванъ присылалъ ему выходы, кланялся его изображенію и выслушивалъ его грамоты, стоя на колѣ-

няхъ. Осторожный и боязливый Иванъ не зналъ, какъ поступить. Но убѣжденія Софьи и ростовскаго архіепископа, *Вассіана Рыло*, упрекавшаго его въ трусости, а также негодованіе народа заставили его собрать большое войско и выступить противъ Ахмата на р. *Угру* (1480). Дѣло не дошло до боя: противники боялись другъ друга и нѣсколько мѣсяцовъ стояли на разныхъ берегахъ рѣки. Настала зима; ударили жестокіе морозы, такъ что глаза слипались; а татары ободрались

почти до наготы. Литовцы и не думали нападать на русскихъ съ тыла, а позади татаръ, въ Сараѣ, было непокойно. Ахматъ внезапно ушелъ. Подъ Азовомъ онъ былъ зарѣзанъ, въ собственной ставкѣ, ногайскими и тюменьскими татарами. Сыновей Ахмата преслѣдовала ожесточенная вражда крымскихъ Гиреевъ. *Менгли-Гирей*, который задумалъ разрушить Сарай и сбросить съ себя зависимость отъ Порты, наложившей на него дань, сталъ вѣрнымъ союзникомъ Ивана III. Онъ напалъ на Золотую Орду. Сыновья Ахмата были перебиты; Сарай разрушенъ дотла, какъ свидѣтельствуютъ его развалины [1]. Такъ *окончилось* существованіе Золотой Орды, а съ нею и *татарское иго* въ Россіи. Въ то же время ослабѣло и новое царство *Казанское*, гдѣ кипѣла борьба за престолъ между двумя братьями. Одинъ изъ нихъ, *Махметъ-Аминь*, попросилъ помощи у Ивана и назвалъ его своимъ „отцомъ"; свергнувъ своего соперника, онъ сталъ подручникомъ Москвы.

§ 118. **Наступленіе на западъ. Смерть Ивана III.** — При Иванѣ III западный вопросъ уже сталъ важнѣе восточнаго. Литва, соединившись съ Польшей и захвативъ всю юго-западную Русь, стала опасною сосѣдкой. Она старалась остановить развитіе Москвы и соединялась со всѣми ея врагами. Съ своей стороны, Москва, уже въ силу потребности въ сплоченіи, вовлекалась въ смертельную борьбу съ Литвой изъ-за русскихъ земель. Ея властители теперь впервые высказали мысль, что всѣ русскія области должны составлять одно государство: въ сношеніяхъ съ иностранцами, Иванъ III сталъ называть себя *государемъ всея Руси* и съ замѣчательнымъ упорствомъ держался этого титула. Такъ около 1500 г. сѣверо-восточная Русь перешла въ *наступленіе* относительно Запада. Литовская политика Ивана III отличалась особеннымъ упорствомъ и искусствомъ. Во все его царствованіе, наряду съ громкими событіями, правильно шло дѣло тихихъ пріобрѣтеній насчетъ Литвы по мелочамъ. Этому содѣйствовало отвлеченіе на западъ вниманія Казиміра, который искалъ богемскаго престола для своего сына, а также неурядицы между литовскими панами. Но

---

[1] Эти развалины, планъ которыхъ представленъ на предыдущей страницѣ, — безпорядочныя кучи кургановъ и насыпей, пересохшія русла канавъ и водоемовъ, обломки стѣнъ, валовъ, изрѣдка кирпичныхъ построекъ. Кругомъ, на разстояніи 300 верстъ, видны слѣды татарскихъ поселеній. По самой срединѣ развалинъ Сарая цѣлый холмъ: по преданію, въ немъ и теперь сидитъ Мамай, живой, и сторожитъ зарытаго тамъ золотаго коня.

больше всего помогали Москвѣ мелкіе князья русскихъ пограничныхъ земель, принадлежавшихъ Литвѣ, которые такъ густо засѣли по Днѣпру, что верховья его назывались „краемъ князей.“ Эти православные князья ссорились съ своимъ правительствомъ; и многіе изъ нихъ, въ особенности черниговскіе, отъѣзжали въ Москву. Иванъ III ласкалъ ихъ, помогалъ имъ освободиться отъ литовской зависимости, а потомъ объявлялъ ихъ вотчины своими. Онъ вступилъ также въ постоянные союзы съ врагами Польши—Крымомъ, Венгріей и Молдавіей, господарь которой даже выдалъ свою дочь замужъ за Ивана Молодого (§ 114). Оттого литовцы съ поляками перестали побивать москвичей. Александръ Литовскій (§ 110) даже потерпѣлъ столько ущерба отъ русскихъ ратей, что просилъ руки дочери Ивана III и Софьи, *Елены*, за которую сватался самъ императоръ нѣмецкій, какъ за богатѣйшую невѣсту, славившуюся притомъ своею красотой и мягкостью нрава. Этимъ онъ надѣялся не только оградить Литву отъ нападеній съ востока, но и пріобрѣсти права на московскій престолъ. Но вышло наоборотъ. Иванъ заставилъ Александра уступить нѣсколько городовъ и признать за нимъ титулъ государя всея Руси. А Елена, сама по себѣ не болѣе, какъ хозяйка и щеголиха, стала орудіемъ его политики: она должна была сохранять православіе во что бы ни стало и стать опорой всѣхъ своихъ единовѣрцевъ въ Литвѣ. Немудрено, что этотъ бракъ только разжигалъ соперничество между сосѣдними государствами. Вскорѣ война вспыхнула съ новою силой. Александръ, несмотря на европейскую выправку своихъ войскъ [1]) и на помощь ливонскихъ рыцарей, былъ побѣжденъ: при р. *Ведрошѣ*, близъ Дорогобужа, его войско потерпѣло рѣшительное пораженіе (1500); самъ гетманъ, князь *Константинъ Острожскій*, попалъ въ плѣнъ. Было заключено перемиріе, по которому Москва получила *Сѣверскую область*.

Чѣмъ болѣе усиливалась Москва, тѣмъ своенравнѣе и суровѣе становился Иванъ III. Неизвѣстныя прежде пытки, смертная казнь и кнутъ стали обычнымъ явленіемъ. Нерѣдко сожи-

---

[1]) Представляемъ на оборотѣ изображеніе польскаго воина начала 16-го в. Его снаряженіе то же самое, что у западнаго рыцаря того времени. Оно только наряднѣе, затѣйливѣе, но и тяжелѣе. Въ особенности ножныя латы отличаются массивностью, напоминая шаровары. Относительно легкости это — противоположность татарскому снаряженію. Нашъ рисунокъ снятъ съ вооруженія изъ того же собранія, къ которому принадлежитъ нашъ татарскій воинъ (§ 80).

Польскій воинъ.

гали въ клѣткахъ даже потомковъ князей; мучили и грабили даже иностранцевъ, особенно врачей, если имъ не удавалось леченье. Наконецъ, стали казнить жидовствующихъ, и въ то же время внезапно умерла въ тюрьмѣ ихъ покровительница, Елена. Ивана стали называть Грознымъ. Женщины падали въ обморокъ отъ одного сердитаго взгляда великаго князя; челобитчики нѣмѣли, съ жалобами въ рукахъ, когда онъ появлялся на престолѣ; придворные трепетали за свою жизнь и не знали, какъ развлекать своего господина. Софья также становилась все болѣе недоступной. Наконецъ, черезъ два года послѣ ея смерти, умеръ Иванъ III, 65-ти лѣтъ отъ роду (1505). Не стало одного изъ самыхъ крупныхъ государей Руси и своего времени. Далеко не храбрецъ, не полководецъ и вовсе непривлекательная личность, Иванъ III вездѣ побѣждалъ и все стягивалъ къ себѣ, умѣя раздѣлять своихъ противниковъ, а самъ выступая всюду съ подавляющею силой, въ полномъ, тихо изготовленномъ снаряженіи. Постигнувъ потребность своего народа, онъ выставилъ правило, что вся власть на Руси, а также всѣ нѣкогда русскія земли должны примкнуть къ Москвѣ, которая должна стать оплотомъ православія и въ чужихъ краяхъ. И рушился старый строй въ лицѣ Новгорода, исчезъ позоръ татарскаго ига, русскія земли въ Литвѣ потянули обратно къ Москвѣ. А въ самой Москвѣ сильно шагнулъ впередъ внутренній нарядъ, скрѣпляемый самодержавіемъ. Подъ вліяніемъ Запада, развилось военное дѣло, въ особенности артиллерія; возникло небывалое умственное движеніе; обогатился внѣшній бытъ. Ивана боялись, но не любили: лѣтописи холодно отмѣчаютъ его кончину. Но чувствовалось его значеніе, какъ представителя главныхъ свойствъ и потребностей русскаго народа: въ этомъ народѣ зародилось тогда національное самосознаніе.

§ 119. **Василій III и самодержавіе.**—Ивану III наслѣдовалъ сынъ его, *Василій III* [1]). Онъ походилъ на отца постоян-

---

[1]) Прилагаемый портретъ Василія III взятъ изъ *Герберштейна* (Rerum moscoviticarum commentarii. 1549), въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ. Гравюра у Герберштейна исполнена по карандашному рисунку Гиршфогеля (1547), который хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Но у Гиршфогеля лицо Василія III еще болѣе сурово и менѣе красиво. И у него нѣтъ никакой обстановки, кромѣ герба: теремъ съ видами изъ оконъ и колонны московскаго пошиба прибавлены впослѣдствіи. На нашемъ рисункѣ Василій III сидитъ въ креслѣ. На немъ колпакъ съ мѣховой оторочкой и кафтанъ на запонахъ, съ мѣховымъ воротникомъ, маленькимъ сравнительно съ овчиной Ивана III (§ 112). Надъ портретомъ

Василій III Ивановичъ.

ствомъ, выдержкой, терпѣливостью; но былъ болѣе подозрителенъ, скрытенъ и благочестивъ: онъ принялъ схиму передъ смертью, вопреки совѣтамъ приближенныхъ. Онъ правильно продолжалъ дѣло своего отца, но былъ не такъ счастливъ, встрѣчая болѣе препятствій. Это—послѣдній „собиратель русской земли", т. е. сѣверо-восточной Руси: юго-западную надо было завоевывать, а не собирать. Василій мирно присоединилъ къ Москвѣ послѣднія области—Псковъ и остальную часть Рязани. Въ *Псковѣ* онъ внезапно назначилъ своего намѣстника, князя Репню-Оболенскаго, который „былъ лютъ до людей". Псковичи называли его Найденомъ, потому что онъ явился къ нимъ „не будучи прошенъ и объявленъ": его просто нашли неожиданно на загородномъ дворѣ. Псковичи послали своихъ посадниковъ и бояръ жаловаться на намѣстника. Но Василій оставилъ ихъ у себя заложниками, обвиняя псковичей въ томъ, что они „государское имя презирали". Онъ потребовалъ, чтобы они уничтожили вѣче, выдали его колоколъ и приняли московскихъ намѣстниковъ. Псковичи умоляли „не погубить ихъ до конца". Но Василій предсталъ къ нимъ самъ, съ большимъ войскомъ. Никогда не было такой скорби у псковичей: они плакали и стонали цѣлые сутки, бросаясь другъ другу въ объятія. Вѣчевой колоколъ былъ увезенъ ночью. Тогда же, безъ сборовъ, должны были потянуться въ Москву до 300 лучшихъ семействъ; а на ихъ мѣсто прислали поволжскихъ купцовъ. Деревни выселенцовъ Василій отдалъ своимъ боярамъ, а въ Псковъ прислалъ на кормъ и постой своихъ намѣстниковъ, дьяковъ и пищальниковъ. Такъ „отнялась слава псковская" (1510), говоритъ лѣтописецъ. Затѣмъ Василій покончилъ съ *Рязанью*. Уже Иванъ III распоряжался ею по произволу, въ малолѣтство ея владѣтеля, Ивана Ивановича. Теперь этотъ князь выросъ, а Рязанью продолжали управлять москвичи. Иванъ Ивановичъ возсталъ-было, но его посадили въ тюрьму, откуда онъ бѣжалъ въ Литву; а Рязань была присоединена къ Москвѣ. Такъ какъ рязанцы отличались храбрымъ и буйнымъ характеромъ, то ихъ цѣлыми толпами переселяли въ предѣлы московскаго государства. Та же тяжелая властная рука чувствовалась въ самой семьѣ великокняжеской. Василій III такъ угнеталъ своихъ

латинская надпись. Вотъ ея переводъ: „Я—русскій Царь и Господинъ по праву крови. Я ни у кого не покупалъ государственнаго титула ни просьбами, ни деньгами. Я не подвластенъ ничьему закону. Вѣрую только во единаго Христа и презираю пищенски вымаливаемыя почести".

братьевъ, что одинъ изъ нихъ бѣжалъ въ Литву. Когда умирали его родственники, онъ отбиралъ ихъ наслѣдіе.

Василій шелъ по стопамъ отца и въ развитіи *самодержавія.* Онъ былъ высокомѣрнѣе и неумолимѣе его. Иванъ III хоть изрѣдка совѣщался съ боярами; Василій же окончательно заперся въ своемъ дворцѣ, съ дворецкимъ *Шигоной Поджогинымъ* и нѣсколькими дьяками, такъ что боярская дума существовала только по имени. Вообще боярство клонилось къ упадку. Надъ нимъ возвышались ничтожные люди — боярскія дѣти и дьяки, которые всѣмъ были обязаны государю. Василій давалъ своимъ любимцамъ не вотчины, а помѣстья, какъ жалованье за службу, и отнималъ ихъ при малѣйшемъ нерадѣніи. Этихъ помѣщиковъ было уже до 3000. Бояре, которыхъ было немного, не могли и думать о сопротивленіи. Къ тому же у нихъ не было вождей. Самые сильные и умные изъ нихъ, князья *Патрикѣевы* (§ 114), были уничтожены еще при Иванѣ III. Они ненавидѣли Софью, какъ главнаго врага боярства, и за это были пострижены въ монахи. Старшій Патрикѣевъ скоро умеръ. Сынъ его, князь Василій, въ монашествѣ *Вассіанъ Косой,* былъ переведенъ изъ Кирилова-Бѣлозерскаго монастыря въ Москву. Онъ славился умомъ, начитанностью и непреклонною волей. Вассіанъ продолжалъ дѣло своего отца и своего учителя, Нила Сорскаго (§ 114): онъ горячо боролся съ жившими еще друзьями Софьи, особенно съ Іосифомъ Санинымъ. Казалось, возобновлялась борьба партій временъ Ивана III, тѣмъ болѣе, что еще былъ живъ, томившійся въ тюрьмѣ, племянникъ Василія III и его единственный соперникъ, Димитрій (§ 113). За Вассіана стояли нѣкоторые бояре, въ томъ числѣ *Семенъ Курбскій,* и у него явился хорошій помощникъ—*Максимъ Грекъ.* Это былъ весьма ученый и развитой монахъ съ Аѳона, который учился въ Парижѣ и путешествовалъ по Италіи. Василій III самъ выписалъ его для исправленія старыхъ церковныхъ книгъ и для перевода новыхъ. Максимъ исправилъ много ошибокъ въ церковныхъ книгахъ, сдѣлалъ много переводовъ и написалъ умныя сочиненія противъ предразсудковъ и суевѣрій русскаго народа. Понятно, что Максимъ подружился съ Вассіаномъ; и они вздумали возобновить умственное движеніе временъ Ивана III, поднявъ вопросъ Нила о непристойности монастырямъ владѣть селами. Но ихъ постигла неудача, связанная съ развитіемъ самодержавія. Друзья не нравились Василію III своей ненавистью къ „осифлянамъ", которые успѣли

угодить ему; но окончательно погубилъ ихъ случай. Не имѣя дѣтей, Василій рѣшился развестись съ своей женой, послѣ 22-лѣтняго брака, и жениться на другой. Митрополитъ (изъ осифлянъ), а за нимъ все духовенство и бояре одобрили замыселъ государя; но Вассіанъ Косой и Максимъ Грекъ горячо возстали противъ этого нарушенія церковныхъ уставовъ. Василій достигъ развода и женился на *Еленѣ,* дочери литовскаго выходца, князя *Глинскаго.* Максимъ былъ обвиненъ въ порчѣ церковныхъ книгъ, а Вассіанъ въ составленіи еретическихъ сочиненій, и оба были заточены въ монастыри.

Такъ были уничтожены послѣдніе слѣды партіи, опасной для самодержавія; въ то же время Димитрій умеръ въ темницѣ отъ истязаній. Тогда-то Василій пріобрѣлъ власть, которой не было ни у одного монарха въ мірѣ, по словамъ нѣмецкаго посла, *Герберштейна.* По малѣйшему подозрѣнію подвергались опалѣ самые приближенные люди, свергались съ престоловъ епископы и самъ митрополитъ. Всѣ подданные стали смотрѣть на себя, какъ на „холоповъ“ князя, а его называли „ключникомъ и постельникомъ Божіимъ“. Они служили ему безпрекословно и безъ жалованья: одинъ дьякъ, котораго отправляли посломъ въ Вѣну, сказалъ, что ему не на что ѣхать; у него отобрали имущество, а самого бросили въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Но при Василіи было меньше казней, чѣмъ прежде. Его политика была утонченнѣе. На словахъ и по внѣшности, онъ сохранялъ старые нравы и обычаи; но въ сущности тихо и искусно отмѣнялъ ихъ, пользуясь всякимъ случаемъ.

§ 120. **Внѣшняя политика. Глинскій.** — И во внѣшней политикѣ Василій III шелъ по стопамъ своего отца. У него то же *стремленіе къ Западу*, которое поддерживалось Еленой, воспитанной въ польскихъ понятіяхъ. Изъ любви къ молодой женѣ, которой онъ черезчуръ довѣрялъ, Василій даже сдѣлалъ преступленіе въ глазахъ русскихъ — сталъ брить бороду. Онъ поддерживалъ почти постоянныя сношенія съ Вѣной и даже съ папами, такъ что католики считаютъ его время лучшею для себя порой въ древней Россіи. Василія связывала съ Западомъ и главная опасность, которая сосредоточилась въ *Литвѣ*, тѣмъ болѣе, что крымцы измѣнили политику: видя усиленіе Москвы, они отстали отъ нея и вступили въ союзъ съ Литвой. Соотвѣтственно измѣнилась и политика Москвы: старый врагъ нѣмцевъ, она стала теперь союзницей бранденбургскихъ курфюрстовъ и тевтонскихъ рыцарей. Москва и Литва ждали только случая, чтобы возобно-

вить войну, тѣмъ болѣе, что Александръ литовскій (§ 118) уже умеръ, а братъ его, Сигизмундъ, сталъ принуждать его вдову къ переходу въ католичество. Случай представился въ лицѣ дяди Елены, *Михаила Глинскаго*. Это былъ потомокъ татарскаго князька, который бѣжалъ въ Литву, принялъ католичество и получилъ вотчину Глинскъ въ Малороссіи. Извѣстный и въ Европѣ, гдѣ онъ много путешествовалъ, этотъ князь славился богатствомъ, знатностью и военнымъ дарованіемъ, а еще болѣе образованностью и привѣтливостью европейца. Глинскій игралъ первую роль не только въ Литвѣ, но и въ Польшѣ: онъ былъ другомъ и правою рукой Александра, по смерти котораго мечталъ даже занять литовскій престолъ. Онъ возненавидѣлъ Сигизмунда, какъ счастливаго соперника, а тотъ отвѣчалъ ему пренебреженіемъ, опираясь на зависть къ нему остальныхъ пановъ. Глинскій передался къ Василію III, со своими братьями, единомышленниками и землями, и взволновалъ южную Русь противъ поляковъ.

Василій послалъ ему войско на помощь, которое взяло Смоленскъ, послѣ трехлѣтнихъ усилій, благодаря пушкарямъ, выписаннымъ черезъ Глинскаго съ Запада. Но война длилась цѣлыхъ 15 лѣтъ. Однажды князю Константину Острожскому удалось отомстить русскимъ за Ведрошъ (§ 118): онъ воспользовался раздорами ихъ воеводъ и превосходствомъ своей артиллеріи и нанесъ имъ жестокое пораженіе у *Орши* (1514). Литовцамъ помогло мимолетное соединеніе Гиреями татаръ крымскихъ, казанскихъ, ногайскихъ, которые такъ неожиданно напали на русскихъ, что захватили сотни тысячъ плѣнныхъ и доходили до Коломны. Но вслѣдъ затѣмъ Орды снова перессорились — и крымцы угомонились, а казанскій царь призналъ себя подручникомъ Москвы. Русскіе оправились, стали изъ года въ годъ опустошать литовскія земли и даже потребовали себѣ Кіева, Полоцка, Витебска и другихъ городовъ, которые польскій король „держитъ за собою неправдою". Кончилось тѣмъ, что ихъ завѣтная мечта, *Смоленскъ*, остался за Москвой. Глинскій надѣялся, что его вознаградятъ этимъ городомъ; но ему ничего не дали. Онъ задумалъ измѣнить Василію и снова бѣжалъ къ полякамъ; но его схватили на дорогѣ и бросили въ тюрьму. Заступничество племянницы и переходъ въ православіе спасли его впослѣдствіи: онъ даже сталъ другомъ великаго князя.

Война съ Литвой расширяла внѣшнія сношенія Руси

отъ Волги до Вѣны. Но они пошли еще дальше къ концу жизни Василія. Москва заключала миры, перемирія и союзы со шведами, ганзеатами и датчанами. Она переговаривалась съ Портой, которая хлопотала за казанцевъ и крымцевъ, и съ папой, который звалъ Василія въ крестовый походъ, чтобы отстаивать „свою отчину константинопольскую".

§ 121. **Правленіе Елены и бояръ.** — Василій умеръ внезапно, отъ язвы, 55-ти лѣтъ отъ роду (1533). Онъ оставилъ двоихъ сыновей, изъ которыхъ старшему, *Ивану IV*, было всего три года, на попеченіе своей „жены горемычной". Умирающаго тревожила мысль о смутахъ: „Молись, отецъ, о земскомъ строеніи", шепталъ онъ любимому игумену. На Руси впервые, послѣ Ольги (§ 19), настало правленіе женщины (1533—1538). Оно было прямымъ продолженіемъ княженія Василія III, благодаря строгимъ преданіямъ, хранившимся въ боярской думѣ, которую направлялъ сначала Михаилъ Глинскій, по желанію покойнаго великаго князя. Сама Елена Глинская оказалась женщиною безстрашной и проницательной. При ней развивалась удачная политика Москвы относительно сосѣдей, строились и укрѣплялись города, усиливались переселенія, даже пришло въ порядокъ денежное дѣло. Тѣмъ не менѣе никто не любилъ правительницы, какъ видно и изъ настроенія лѣтописцевъ. Въ этой суровой и рѣшительной иностранкѣ, чувствовавшей свое превосходство по воспитанію, русскіе видѣли ополяченную татарку, обязанную своимъ величіемъ дядѣ-перебѣжчику и помилованному измѣннику да браку, нарушенному ею дружбой съ княземъ Иваномъ *Овчиной-Телепневымъ-Оболенскимъ.* Ихъ враждебность разгорѣлась, когда Елена отдала всю власть этому честолюбивому потомку Рюриковичей, который оказался готовымъ на все для собственнаго благополучія. Бояре, мечтавшіе сами властвовать въ правленіе женщины, начали крамольничать тайкомъ, пріученные Василіемъ III къ молчанію и внѣшней покорности. Чтобы предупредить свою погибель, Оболенскій спѣшилъ уничтожить всѣхъ непріятныхъ ему людей, а сестра его, кормилица великаго князя, шпіонила во дворцѣ. Много бояръ и дѣтей боярскихъ было казнено, заточено, бито кнутомъ; нѣкоторымъ удалось бѣжать въ Литву. Двое дядей Ивана IV были брошены въ тюрьму, гдѣ одного задушили, другого уморили голодомъ. Та же судьба постигла Михаила Глинскаго, когда онъ высказался противъ этихъ жестокостей и хотѣлъ показать свою властную руку. Вдругъ

Елена скончалась, и такъ внезапно, что пошелъ слухъ объ ея отравленіи.

Настало девятилѣтнее (1538—1547) *правленіе бояръ*, двадцати членовъ думы, во главѣ которыхъ стоялъ Рюриковичъ *Василій Шуйскій*, правая рука Василія III, вѣшатель знатныхъ смольнянъ, стоявшихъ за Польшу. То былъ жадный до власти и скрытный старикъ: его называли Молчальникомъ. Онъ внезапно схватилъ Оболенскаго съ сестрой и уморилъ ихъ голодомъ въ тюрьмѣ, а самъ женился на молоденькой родственницѣ великаго князя. Но тотчасъ же поднялась смертельная борьба между Шуйскими и неменѣе сильнымъ родомъ бояръ Бѣльскихъ (Гедиминовичей). Она отличалась своекорыстіемъ и неразборчивостью въ средствахъ: всякій старался воспользоваться минутой самоуслажденія. Смута овладѣвала всею Русью: „люты были, какъ львы, намѣстники и ихъ люди; снова поднялось лжесвидѣтельство противъ хорошихъ людей", печаловался лѣтописецъ. Соперники попеременно то овладѣвали правленіемъ, то бросали другъ друга въ тюрьму. Года два управлялъ *Иванъ Бѣльскій*, оставившій хорошее воспоминаніе о себѣ: онъ не преслѣдовалъ своихъ враговъ, освободилъ заточенныхъ при Василіи III, разбилъ крымцевъ. Но Шуйскіе задушили Бѣльскаго, а его приверженцевъ бросили въ тюрьму, причемъ былъ избитъ и заточенъ въ монастырь митрополитъ московскій.

Между тѣмъ, Иванъ IV подросталъ, и въ немъ начали проявляться чувства: ему понравились дяди матери, Глинскіе, а еще больше бояринъ *Воронцовъ*. Опасаясь вліянія Воронцова, Шуйскіе исколотили его до полусмерти на глазахъ государя-мальчика и только по слезамъ его ограничились ссылкой несчастнаго любимца. Иванъ IV затаилъ месть въ своемъ дѣтскомъ сердцѣ. Но вскорѣ, ободряемый Глинскими и всеобщимъ внѣшнимъ раболѣпіемъ, онъ вдругъ всенародно бросилъ одного изъ Шуйскихъ на растерзаніе псамъ, остальныхъ сослалъ. Ему было тогда 13 лѣтъ. „Съ этихъ поръ бояре начали бояться государя", говоритъ лѣтописецъ. Въ немъ стала развиваться кровожадность. Въ слѣдующіе три года погибло въ мученіяхъ много жертвъ его свирѣпости, въ томъ числѣ самые близкіе къ нему люди; былъ казненъ, безъ всякой вины, и Воронцовъ. Въ то же время Иванъ, котораго ничему не учили, гнушался всякими занятіями, кромѣ церковныхъ обрядностей, и сталъ предаваться буйству и развлеченіямъ: сегодня онъ разъѣзжалъ по монастырямъ, завтра охотился; но больше всего любилъ мучить жи-

вотныхъ да скакать по Москвѣ, съ толпой отчаянныхъ сверстниковъ, и давить и бить народъ. Мальчикъ наблюдалъ еще кровавую борьбу наглыхъ и буйныхъ бояръ. „Помню — говоритъ Иванъ—какъ, бывало, мы съ братомъ играемъ подѣтски, а князь Иванъ Шуйскій сидитъ на лавкѣ, опершись локтемъ на постель отца нашего, да еще ногу на нее положитъ, а съ нами повластелински обращается, какъ съ рабами. Ни въ одеждѣ, ни въ пищѣ не было намъ воли. А сколько-то казны отца нашего и дѣда они перебрали!“

§ 122. **Иванъ IV. Добрая пора.**—Когда Ивану IV исполнилось 17 лѣтъ, онъ вдругъ объявилъ митрополиту, что хочетъ жениться и самолично править государствомъ. Владыка и бояре приняли его волю „съ великою радостью“,—и въ 1547 году Иванъ короновался, но не великимъ княземъ, а *царемъ*. Царями называли византійскаго императора да хана Золотой Орды; къ московскимъ князьямъ примѣняли этотъ титулъ только случайно, впрочемъ иногда даже на монетахъ (§ 106). Иванъ же принялъ его оффиціально и требовалъ признанія его со стороны иностранныхъ державъ. Онъ основывалъ свои права на происхожденіи по женской линіи отъ византійскихъ императоровъ. Кромѣ того, тогда составилось преданіе о томъ, что Мономахъ завѣщалъ хранить царскій вѣнецъ и бармы (§ 42), пока не явится на Руси князь, достойный царскаго титула. Наконецъ, Иванъ принялъ литовскую сказку о томъ, будто какой-то братъ римскаго императора, Августа, прибылъ въ Литву, и его потомкомъ былъ Рюрикъ. Вслѣдъ за коронованіемъ, Иванъ женился на *Анастасіи Романовнѣ*, дочери окольничяго, Романа Юрьевича *Захарьина-Кошкина*, выбравъ ее на смотринахъ боярскихъ невѣстъ, какъ дѣлалось при византійскомъ дворѣ. Онъ попрежнему буйствовалъ, а управляли Глинскіе—бабка его, *Анна*, съ сыновьями. Глинскіе дали волю своимъ людямъ, которые мучили народъ и были тѣмъ ненавистнѣе москвичамъ, что ихъ набрали изъ другихъ областей. Народъ роптал. Вдругъ упалъ колоколъ-благовѣстникъ; затѣмъ вспыхнули, одинъ за другимъ, три пожара, въ которыхъ погибли тысячи народу, особенно дѣтей, и даже дворецъ, причемъ самъ царь съ митрополитомъ спаслись какимъ-то чудомъ. Пронесся слухъ, что „княжна Анна со своими дѣтьми и со своими людьми вынимала сердца человѣческія и клала ихъ въ воду, да тою водою, ѣздячи по Москвѣ, кропила, и отъ того Москва выгорѣла“. Разъяренная толпа, подстрекаемая Шуйскими, бросилась къ царю требовать выдачи Глинскихъ. Иванъ, жившій тогда въ подмо-

сковномъ селѣ Воробьевѣ, пришелъ въ ужасъ; и тутъ явился передъ нимъ священникъ придворнаго Благовѣщенскаго собора, Сильвестръ, съ горячею укоризной за пороки и бездѣйствіе. Иванъ покаялся и обѣщалъ слѣдовать совѣтамъ человѣка, который показался ему святымъ. Между тѣмъ, толпу разогнали силой, причемъ было много убитыхъ.

Первый царь былъ юноша высокій, стройный, съ приподнятыми плечами, сухопарый, но съ крѣпкими мышцами и широкою грудью. Роскошные волосы и длинные усы украшали

Иванъ IV Васильевичъ.

его пріятное лицо, съ римскимъ носомъ, съ сѣрыми, проницательными и горячими глазами. Одаренный блестящими, но не глубокими способностями, этотъ несчастный человѣкъ былъ не на своемъ мѣстѣ. Рабъ необузданнаго воображенія и чувства, онъ могъ быть, въ лучшемъ случаѣ, журналистомъ, ораторомъ, пожалуй, даже поэтомъ. Но отсутствіе воспитанія и дурныя вліянія наложили на него печать проклятья, какъ на образецъ безграничной власти при безграничной неподготовленности къ ней. Основными свойствами Ивана IV стали страстность и впечатлительность до нервности: онъ не могъ сдерживать ни своей чувственности, ни слѣпого своеправія, ни

неумѣстной откровенности. У него все—порывъ, все—съ пѣной у рта, съ судорогами въ тѣлѣ. Вся эта, частью страшная, частью жалкая, жизнь прошла не по внушеніямъ разума, а въ какомъ-то удушливомъ чаду, по случайнымъ впечатлѣніямъ, которыя порождали въ его болѣзненномъ воображеніи фантастическія представленія и налагали отпечатокъ суевѣрія на всѣ его шаги. Эта неуравновѣшенная душа, видѣвшая въ дѣтствѣ только ужасы и незаконныя покушенія, прониклась страхомъ и подозрительностью ко всѣмъ, въ особенности же къ людямъ властительнымъ. И она пошла сама отъ преступленія къ преступленію, отъ ужаса къ ужасу. Но это подрывало ея послѣдніе устои: Иванъ IV чувствовалъ свое нравственное паденіе. Отсюда его вѣчныя всенародныя рѣчи, устныя и писанныя, то въ обличеніе враговъ, то въ оправданіе своего изувѣрства: его прозвали „словесной премудрости риторомъ". Но вначалѣ эта болѣзненно-впечатлительная натура боролась съ надвигавшимся на нее мракомъ: молодость отдавала дань добру. Оттого въ жизни перваго русскаго царя было нѣсколько душевныхъ переворотовъ. До 1547 г. онъ былъ дурнымъ юношей; съ 1547 по 1560—хорошимъ правителемъ; а съ 1560 по 1584—грознымъ больнымъ тираномъ, какъ видно и по его лицу [1]).

Добрая пора настала подъ вліяніемъ *Сильвестра.* Этотъ даровитый попъ служитъ образцикомъ того глубокаго пониманія, до котораго дошла тогда интеллигенція на Руси (§ 65). Смѣтливый, дѣятельный и крѣпкій волей новгородскій выходецъ, Сильвестръ многое видалъ на своемъ вѣку, зналъ людей и жизнь, а также отличался начитанностью не только въ церковныхъ, но и въ свѣтскихъ книгахъ, особенно лѣтописяхъ. Онъ проникся сознаніемъ идеальнаго величія своего званія, и именно долга печалованія (§ 66): его вліяніе замѣтно на Иванѣ Бѣльскомъ. Какъ придворный попъ, онъ приблизился къ царственному юношѣ, который томился страхомъ передъ загробною тай-

---

[1]) Иванъ Грозный служилъ благодарнымъ предметомъ для художниковъ, также какъ и для поэтовъ. Есть много его изображеній, но въ большинствѣ это—игра фантазіи живописцевъ и ваятелей. Болѣе достовѣрны только два современныхъ портрета, въ особенности же тотъ, который хранится въ вѣнской публичной библіотекѣ. Нашъ рисунокъ представляетъ значительно уменьшенный снимокъ съ вѣнскаго портрета, сдѣланнаго, вѣроятно, кѣмъ-нибудь изъ членовъ австрійскаго посольства въ Москвѣ. Здѣсь Иванъ IV изображенъ въ парчевомъ кафтанѣ и въ шапкѣ-колпакѣ, украшенной жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями и отороченной мѣхомъ.

ной и сгаралъ жаждой книжнаго знанія. Въ Воробьевѣ онъ предсталъ ему, какъ грозный учитель, и „повѣдалъ о чудесахъ и явленіяхъ", которыхъ сподобился онъ отъ Господа. „И вошелъ страхъ въ душу мою и трепетъ въ кости мои, смирился духъ мой, умилился я и познвлъ свои согрѣшенія", признается царь Иванъ. Юноша подчинился своему спасителю, какъ околдованный: онъ дѣлалъ и думалъ, ѣлъ и одѣвался по его наказамъ.

Настала одна изъ самыхъ свѣтлыхъ минутъ въ древней Россіи. Сильвестръ собралъ у престола „избранную думу", какъ выразился просвѣщенный *Андрей Курбскій*, внукъ Семена (§ 119), принадлежавшій къ ней. Тутъ были и князья (Курбскій, Воротынскій, Серебряный, Одоевскій, Шереметевъ), и темные люди. Особенно выдавались дарованіями послѣдніе, и во главѣ ихъ *Алексѣй Адашевъ*. Онъ случайно попалъ ко двору, въ одну изъ самыхъ низшихъ должностей. По словамъ Курбскаго, онъ „былъ невѣроятенъ среди грубыхъ людей и уподоблялся какъ-бы ангелу". Его умъ, въ особенности же доброта и честность, вошли въ пословицу. Сильвестръ выбралъ Адашева своимъ главнымъ помощникомъ и сдѣлалъ его окольничимъ. При дворѣ повѣяло словно духомъ отшельничества: церковные соборы слѣдовали одинъ за другимъ, для исправленія пастырей и паствы. А въ 1549 году совершилось небывалое событіе: былъ созванъ *земскій соборъ*, какъ бы всероссійское вѣче, чтобы думать о всемъ земскомъ строеніи. Въ Москву стеклись съ разныхъ краевъ Руси князья, бояре, служилые и горожане. Царь вышелъ къ народу на Красную площадь. Поклонившись съ Лобнаго мѣста на всѣ стороны, онъ сказалъ ему задушевное христіанское слово. Онъ покаялся въ своихъ прегрѣшеніяхъ, просилъ о забвеніи прошлаго и о всеобщемъ примиреніи. Онъ грозно обличалъ „бояръ и вельможъ", этихъ „неправедныхъ судей, лихоимцевъ и хищниковъ", и клялся „людямъ Божіимъ", что отнынѣ будетъ имъ „судьей и обороной", будетъ „неправды раззорять и похищенное возвращать". Передъ лицомъ народа онъ приказалъ Адашеву принимать челобитныя, не боясь „сильныхъ и славныхъ, губящихъ своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ".

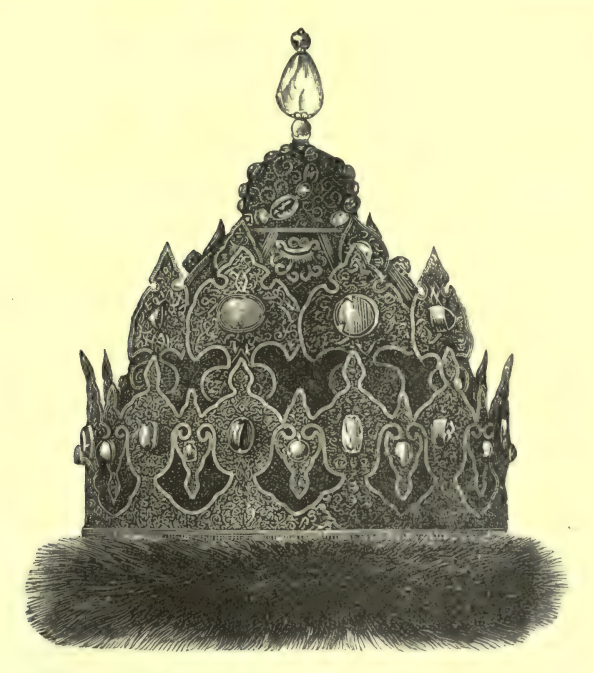
§ 123. **Преобразованія.**—Вслѣдъ затѣмъ была назначена особая дума изъ царя, его родныхъ и бояръ, которая составила новый *Судебникъ* (1550), взамѣнъ устарѣвшаго Судебника Ивана III (§ 111). Это первая книга законовъ со всероссійскимъ значеніемъ. Въ ней разоблачались царствовавшія всюду вопіющія злоупотребленія и указывались мѣры къ огражденію

отъ произвола власти. Подъ вліяніемъ новгородскихъ обычаевъ, Судебникъ Ивана IV стремился даже сократить власть, раздѣливъ управленіе на „государево“ и „земское“: онъ настаивалъ на томъ, чтобы народъ самъ выбиралъ себѣ *излюбленныхъ старостъ и цѣловальниковъ*, цѣловавшихъ крестъ (присягавшихъ) своимъ выборщикамъ; а для „разбойныхъ дѣлъ“ (уголовщины) народу предоставлялось выбирать особыхъ *губныхъ* старостъ. Тогда же было сокращено рабство: отмѣнили много случаевъ, когда свободный человѣкъ обращался въ холопа. Народъ полюбилъ свое излюбленное земское правленіе. Земскій судъ былъ даровой: при немъ не платилось царю судебныхъ пошлинъ. Онъ былъ и справедливѣе государева суда: при немъ не было „поля“, которое замѣнялось *обыскомъ*—спросомъ общины насчетъ личности подсудимаго. Улучшая судъ и управленіе, облегчая низшіе классы, Иванъ IV старался улучшить и боярство отмѣной вреднаго обычая *мѣстничества*, этого пережитка родового быта. Мѣстничество состояло въ вѣчныхъ спорахъ бояръ изъ-за „мѣстъ“, потому что всякій боялся „унизить“ честь своего рода. Получая должность, бояринъ справлялся прежде всего, кто у него начальникъ, и не подчинялся ли какой-нибудь предокъ этого начальника какому-нибудь его предку? Справки наводились по *разряднымъ* книгамъ, которыя велись для этого, какъ правительствомъ, такъ и боярами: въ нихъ записывали всѣ служебныя назначенія и всѣ случаи мѣстничества. Эти понятія были такъ укоренены, что противъ нихъ не дѣйствовали никакія казни: здѣсь сопротивленіе царской волѣ считалось законнымъ, гдѣ бы ни случился споръ — въ походѣ, приказѣ или при дворѣ. Нерѣдко за царскимъ столомъ происходили безпорядки, даже между боярынями: каждый доказывалъ, что онъ долженъ сидѣть ближе къ царю, на болѣе почетномъ мѣстѣ. Сплошь и рядомъ приходилось силой перетаскивать упрямца съ одного мѣста на другое; но тогда онъ кричалъ, что ему наносятъ кровную обиду, и уходилъ. Чаще всего *мѣстничались воеводы въ походахъ*, что́, понятно, сильно вредило ратному дѣлу: воеводы обыкновенно больше воевали между собой, чѣмъ съ непріятелемъ. Иванъ IV сначала хотѣлъ совсѣмъ отмѣнить мѣстничество; но среди бояръ поднялось такое смятеніе, что царь ограничился опредѣленіемъ, кому „быть безъ мѣстъ“, т. е. сокращеніемъ случаевъ мѣстничества. Такъ, въ походахъ дозволено было мѣстничаться только самымъ высшимъ чинамъ. Иванъ улучшилъ ратное дѣло еще тѣмъ, что завелъ постоянное

войско, *стрѣльцовъ*. Въ то же время принимались усиленныя мѣры къ привлеченію въ Россію полезныхъ иностранцевъ съ Запада—мастеровыхъ, рудознатцевъ, художниковъ, врачей и другихъ умныхъ и ученыхъ людей. Иногда заботы правительства объ улучшеніяхъ доходили до мелочей. Такъ, была введена для торговъ новая хлѣбная мѣра—„осмина“. Мѣдный образецъ ея былъ разосланъ въ отдаленныя мѣста, чтобы по нему дѣлали деревянныя мѣры; велѣно было штрафовать тѣхъ, которые стали бы мѣрить старыми мѣрами. Много было сдѣлано и въ церковномъ быту, который требовалъ серьезныхъ преобразованій. Тогда бѣлое духовенство подчинялось *владыкѣ* (епископу), который былъ царемъ въ маломъ видѣ. У владыки были свои служилые люди, которымъ онъ раздавалъ помѣстья, свои судьи, свои земли, въ которыхъ онъ собиралъ подати и пошлины. Владыка велъ роскошную жизнь, а низшее духовенство было забито, бѣдно и безграмотно. Церковныя книги переводились такъ, что въ нихъ трудно было доискаться смысла, который окончательно искажался ошибками переписчиковъ. Не лучше былъ бытъ чернаго духовенства. Подлѣ монастырей развелась масса *пустынь*, заводимыхъ тунеядцами и преступниками. У монаховъ былъ свой деспотъ — отецъ *игуменъ* (настоятель) или архимандритъ, управлявшій черезъ своихъ родственниковъ или „племянниковъ“. Онъ употреблялъ на себя богатую монастырскую казну, а братія нерѣдко разбѣгалась съ голоду и бродила по Руси, собирая подаяніе и воруя, подъ личиной юродивыхъ и пророковъ. *Церковный соборъ* 1551 г. выступилъ противъ зла, подготовивъ постановленія, извѣстныя подъ именемъ *Стоглава* (они раздѣлялись на 100 главъ). Стоглавъ далъ право попамъ выбирать изъ своей среды *поповскихъ старостъ и десятскихъ*, которые ограничивали власть владычныхъ „десятильниковъ“ и „намѣстниковъ“. Стоглавъ обязалъ владыкъ заводить богадѣльни и училища и смотрѣть за книгами, чтобы не соблазнять народъ апокриѳами. Онъ предписалъ также надзирать за иконописцами, которые писали Богъ знаетъ что, вмѣсто ликовъ святыхъ: владыки должны были издавать *подлинники* или образцы, отъ которыхъ тѣ не смѣли бы отступать. Стоглавъ запретилъ построеніе лишнихъ церквей и устройство мелкихъ пустынь, а также затронулъ старый вопросъ о церковныхъ имуществахъ. Впервые было ограничено право владыкъ и монастырей владѣть вотчинами: имъ запрещено было покупать вот-

чины безъ царскаго разрѣшенія и вовсе не дозволялось брать земли на поминъ души.

§ 124. **Гибель волжскихъ татаръ.** — Добрая пора ознаменовалась бодрою дѣятельностью и удачами и во внѣшнихъ дѣлахъ. Прежде всего нужно было оградить Русь отъ набѣговъ татаръ, которые привыкли грабить ее въ смутное время, послѣдовавшее за смертью Василія III. На очереди стояла ближайшая къ Москвѣ Казань. Тамъ свирѣпствовали смуты, сократившія число ея защитниковъ до 30.000. Но казанцами овла-



Корона Казанскаго царства.

дѣло предсмертное одушевленіе. Они отчаянно сопротивлялись, съ кликами: „Магометъ! Всѣ помремъ за нашъ городъ!“ Астраханцы, крымцы, даже обитавшіе между Волгой и Дономъ ногаи (§ 82) обѣщали выручить этотъ передовой постъ ислама. Два раза казанцы побѣдоносно отбивались отъ русскихъ. Въ третьемъ походѣ выступило 300.000 москвичей. Впервые послѣ Димитрія Донского (§ 93), въ числѣ рати шелъ самъ царь, по требованію народа и по увѣщаніямъ митрополита и Сильвестра. Полтора мѣсяца длилась осада, причемъ хорошую службу сослужили пушки и нѣмецкіе „размыслы“ (инженеры). Нако-

нецъ, когда Иванъ молился въ полевой часовнѣ, позади войска, пришло извѣстіе, что *Казань пала* (1552). Ея воины были перебиты всѣ до единаго; женщины и дѣти уведены въ полонъ. Драгоцѣнная корона Казанскаго царства [1]) стала однимъ изъ перловъ Оружейной палаты въ Москвѣ; слово „царь казанскій и касимовскій" увеличило длинный титулъ русскаго государя. Паденіе Казани—одно изъ важнѣйшихъ событій того времени, снискавшее славу Ивану IV даже на Западѣ. Оно показывало, что прекращалось постыдное торжество исламской луны надъ крестомъ, котораго не могъ охранить католическій Западъ. Русь придвигалась къ Кавказу и Сибири, и ей открывался путь къ богатому Востоку. Ея переселенцы, эти знаменосцы европейской цивилизаціи, шедшіе все на сѣверо-востокъ, теперь двинулись и на юго-востокъ: казанскія земли были розданы русскимъ служилымъ людямъ и духовенству. Впрочемъ потребовалось еще лѣтъ пять, пока перешли къ москвичамъ эти земли, принадлежавшія данникамъ Казани — черемисамъ, мордвѣ, чувашамъ, вотякамъ, башкирамъ. Зато въ то же время Иванъ IV успѣлъ легко покорить еще *Астраханское царство* (1556), пользуясь его усобицами. Многіе уже совѣтовали ему идти и на крымцевъ, но онъ на рѣшился. Это значило столкнуться съ сильною Оттоманскою Портой. Покуда довольно было того, что Русь защищали отъ крымцевъ малороссійскіе казаки, на которыхъ такъ подѣйствовала слава единовѣрнаго царя, что многіе изъ нихъ уже поступали къ нему на службу. Ивана больше всего занималъ *За́падъ*, такъ какъ стремленіе къ просвѣщенію усиливалось въ Россіи съ каждымъ днемъ. Но для этого нужно было имѣть берега Балтійскаго м. Отсюда задушевная мысль Ивана—пріобрѣсти *Ливонію*. Ливонскіе рыцари сами подавали поводъ къ нападенію на нихъ, не пуская къ намъ западныхъ ученыхъ и мастеровъ. Иванъ жестоко опустошилъ ихъ землю и забралъ до 20 городовъ. Но въ это время уже насталъ новый переломъ въ царствованіи Ивана.

---

[1]) Эта корона или *шапка казанская*, изображенная на нашемъ рисункѣ, весьма богата. Она подробно обозначена въ описяхъ Оружейной Палаты 1642 — 1702 гг. Это—золотая сканная (сѣтчатая), съ чернью, корона. На ней 14 „лаловъ" (рубиновъ), 38 бирюзъ, 12 крупныхъ жемчужинъ; на верхнемъ яблокѣ 12 искоръ краснаго яхонта; а на самомъ верху красуется большой желтый яхонтъ при двухъ крупныхъ жемчужинахъ. Шапка опушена соболемъ и подбита атласомъ. Вѣситъ она около 5 фунтовъ. Цѣна ей полагалась, въ 1702 г., 684 рубля. Она помѣщалась въ серебряномъ верхѣ, вѣсомъ 1⅓ ф., цѣной болѣе 10 р.

§ 125. **Подготовка бѣдствій. Курбскій.**—Успѣхи во внѣшнихъ дѣлахъ, послѣ испытаннаго страха, произвели потрясающее дѣйствіе на впечатлительнаго царя. Онъ почувствовалъ свою силу, когда, послѣ казанскаго похода, вступилъ въ Кремль, въ шапкѣ и бармахъ Мономаха, а передъ нимъ все падало ницъ, не исключая митрополита, который сравнивалъ его, во всенародной рѣчи, съ Константиномъ Великимъ, Владиміромъ св., Донскимъ и Невскимъ. Иванъ сталъ тяготиться опекой „избранной думы“, особенно подъ вліяніемъ царицы и Захарьиныхъ, которые сами желали управлять. „Избранные“, съ своей стороны, принуждены были заручиться поддержкой бояръ внѣ ихъ круга, между которыми были люди непріятные царю. Обстоятельства усиливали разладъ. Однажды Иванъ заболѣлъ горячкой и потребовалъ, чтобы бояре присягнули его сыну, вскорѣ умершему младенцу. Бояре собрались въ сосѣдней комнатѣ; и царь слышалъ, какъ многіе отказывались присягать, шумѣли, бранили Захарьиныхъ. Роптавшіе, и громче всѣхъ отецъ Адашева, заявляли, что наслѣдникомъ престола долженъ быть двоюродный братъ царя, *Владиміръ Андреевичъ*; и ихъ сторону явно держалъ Сильвестръ. Оправившись отъ болѣзни, Иванъ началъ странствовать по монастырямъ. „Избранные“, опасаясь внушеній своихъ враговъ, осифлянъ, направляли его къ Троицкой Лаврѣ, гдѣ жилъ ихъ пріятель, Максимъ Грекъ. Максимъ посовѣтовалъ Ивану не ѣздить по монастырямъ, а заниматься дѣлами. Но это не понравилось царю, и онъ поѣхалъ дальше. По преданію, въ одномъ монастырѣ закоренѣлый осифлянинъ, монахъ *Вассіанъ*, сказалъ ему: „Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника, который былъ бы умнѣе тебя, ибо ты лучше всѣхъ“. Вскорѣ Иванъ разошелся съ „избранными“ и во взглядахъ на внѣшнія дѣла: онъ предался мысли покорить Ливонію, а тѣ требовали прежде покончить съ Крымомъ. И эта ливонская война, которую Иванъ считалъ своимъ личнымъ дорогимъ дѣломъ, началась такъ бѣдственно, что имъ овладѣвали страхъ и негодованіе. Наконецъ, враги „избранныхъ“ убѣдили суевѣрнаго царя, что Сильвестръ—чародѣй, околдовавшій его нечистою силой; и Сильвестръ самъ поспѣшилъ удалиться въ монастырь, а Адашевъ уѣхалъ въ Ливонію, къ арміи. Въ 1560 г. въ Москвѣ опять страшный пожаръ, и умерла болѣзненная Анастасія. Иванъ былъ глубоко потрясенъ, а окружающіе нашептывали, что царицу извели враги чарами. Царь сослалъ Сильвестра въ Соловки, а Адашева заточилъ въ тюрьму

въ Дерптѣ, гдѣ онъ вскорѣ умеръ; затѣмъ онъ женился на злой и грубой дочери черкесскаго князька.

Тогда настала злая пора—цѣлое 20-лѣтіе бѣдствій, какихъ еще не испытывала Русь. Прежде всего были умерщвлены друзья Адашева съ ихъ женами и малютками; одинъ изъ нихъ былъ убитъ у алтаря, за обѣдней. Многіе были сосланы. Замѣтивъ, что остальные старались ускользнуть въ Польшу, Иванъ сталъ брать съ нихъ „записи“ о неотъѣздѣ, которыя укрѣплялись „поручными кабалами“, т.-е. имущественнымъ поручительствомъ со стороны людей разныхъ званій; иногда даже встрѣчались поручители за поручителей. Тѣмъ не менѣе многіе бѣжали, и не только бояре, но даже дѣти боярскія и мѣщане. Самымъ важнымъ, по своимъ послѣдствіямъ, былъ отъѣздъ въ Литву князя *Курбскаго* (§ 125). Это личность замѣчательная по уму, образованію и талантамъ. Государственный мужъ, полководецъ, писатель, любознательная и пылкая натура, Курбскій былъ предтечею новаго русскаго человѣка: онъ отличался рѣдкимъ для того времени свободомысліемъ и облагороженною любовью къ отечеству. Онъ скорбѣлъ о „Святорусской землѣ“ за ея невѣжество и за дурное правленіе, которое обращаетъ ее въ „землю лютыхъ варваровъ“. Его политическій идеалъ основанъ на миролюбіи и благѣ земщины. Въ добрую пору, Иванъ IV понималъ такого человѣка. Онъ дорожилъ имъ и за дѣловитость, особенно на войнѣ, и за любовь къ книгамъ: называлъ его „любимымъ моимъ“ и поручалъ ему самыя важныя дѣла. Но теперь сталъ подозрѣвать его и преслѣдовать. Гордый и горячій Курбскій мстилъ Ивану за себя и за своихъ друзей не однимъ оружіемъ, предводительствуя польскими войсками: онъ писалъ ему злыя укоризны. Царь вздумалъ оправдываться,— и возникла *переписка*, которая, вмѣстѣ съ сочиненіемъ Курбскаго о современныхъ ему событіяхъ, составляетъ главный источникъ для исторіи Ивана IV. Курбскій въ рѣзкихъ, горячихъ словахъ отвергаетъ самодержавіе, стоитъ за старые порядки, за *участіе бояръ въ правленіи* и за ихъ право отъѣзда; онъ порицаетъ горячность, угнетенія и безчеловѣчіе царя. Иванъ былъ подавленъ гнѣвомъ и ненавистью: онъ пригвоздилъ къ землѣ ногу посланца Курбскаго своимъ желѣзнымъ костылемъ, на который опирался, пока читали посланіе князя. Любитель рѣчей и изліяній, Иванъ отвѣчалъ Курбскому столь же безцеремонно и искренно, и съ такими же библейскими оборотами. Изъ этихъ страстныхъ отвѣтовъ, то богословскихъ, то циничныхъ,

то острыхъ, то натянутыхъ, полныхъ и высокомѣрія, и страха, видно, какъ душевное разстройство овладѣвало Иваномъ. Зло пошло отъ оскорбленнаго самолюбія властелина, по вопросу о престолонаслѣдіи, во время болѣзни царя. Въ отуманенной яростью головѣ гвоздемъ засѣла мысль объ „измѣнѣ вельможъ", которые будто бы „снимали власть" съ своего господина, задумали, чтобы онъ только „словомъ былъ государь", а нето— его „и съ дѣтьми извести". „За себя есми сталъ", отвѣчалъ Иванъ Курбскому. Онъ не отрицалъ обвиненій своихъ противниковъ, но ставилъ имъ въ вину свои прегрѣшенія, а свое безчеловѣчіе оправдывалъ, какъ божескую казнь преступныхъ крамольниковъ. Ему представилось, будто такую власть, какъ у него, должно являть какимъ-то особеннымъ, небывалымъ образомъ. Наконецъ, ему почудилось, будто вся русская земля—его тюрьма, а весь народъ—его тюремщикъ и палачъ.

И совершилось неслыханное, страшное дѣло. Русскій царь назвалъ русскихъ плутами, а себя—нѣмцемъ; онъ ушелъ изъ этой ужасной родной земли, скрылся отъ этого лютаго своего народа, чтобы „скитаться по странамъ".

§ 126. **Злая пора. Опричнина.**—Въ концѣ 1564 г. Иванъ внезапно покинулъ столицу, со всѣмъ своимъ гнѣздомъ, съ любимцами и ихъ семьями, съ отрядомъ головорѣзовъ, набранныхъ со всей Руси. Онъ захватилъ съ собой челядь, приказныхъ, коней, пожитки, казну, главныя святыни и драгоцѣнности Кремля. Невиданный таборъ переселенцевъ остановился въ любимой царемъ *Александровской Слободѣ*, въ 100 в. отъ Москвы, между Троицей и Владиміромъ. Черезъ мѣсяцъ въ столицу пришли отъ царя двѣ грамоты. Въ одной онъ жаловался на мятежныхъ бояръ и ихъ друзей изъ духовенства, которые будто бы сговорились погубить государство; въ другой говорилъ купцамъ и простонародью, что на нихъ не гнѣвается и не тронетъ ихъ; вообще же онъ не желаетъ править и поселится тамъ, гдѣ ему Богъ на душу положитъ. Народъ пришелъ въ ужасъ, оставшись безъ царя, тѣмъ болѣе, что тогда была въ разгарѣ война съ поляками и крымцами. „Увы, горе! — вопилъ онъ. Согрѣшили мы передъ Богомъ, прогнѣвали государя своего. Какъ могутъ быть овцы безъ пастыря?" Рѣшили „бить челомъ государю и плакаться", чтобъ „избавлялъ онъ ихъ отъ рукъ сильныхъ людей": а „за государскихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ они не стоятъ и сами ихъ истребятъ". Иванъ согласился, но съ условіемъ, что онъ устроитъ *опричнину* (§ 97), т.-е. отдѣль-

ное отъ остальной Руси правленіе („опричь“ — кромѣ, особо), чтобы лучше выводить крамолу изъ русской земли.

Такъ, въ русскомъ царствѣ образовалось враждебное ему царство, царь котораго былъ прозванъ трепещущимъ народомъ *Грознымъ*. Опричнина устроилась въ Александровской Слободѣ, окруженной валомъ и глубокимъ рвомъ, охраняемой отрядами стрѣльцовъ, которые никого не впускали и не выпускали безъ вѣдома царя. Она состояла изъ лицъ (до 6.000), выбранныхъ самимъ царемъ преимущественно изъ служилыхъ людей, т.-е. изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (§ 99). Во главѣ ихъ стояли любимцы Ивана — *Малюта Скуратовъ* изъ рода Бѣльскихъ (§ 121), *Басмановы* и *Аѳанасій Вяземскій*. Отличіями опричниковъ были топоръ, собачья голова и метла, привязанные къ сѣдлу: они защищали царя, какъ вѣрные псы, и выметали крамолу изъ Руси. Ихъ обязанностью было доносить о каждомъ словѣ, въ которомъ можно было подозрѣвать обиду для опричнины, а также бить и грабить земскихъ людей, съ которыми они не должны были ни пить, ни ѣсть. При вступленіи въ опричнину давали клятву повиноваться всѣмъ обрядамъ Александровской Слободы и, если нужно, не щадить никого, не исключая собственныхъ семей. Для содержанія опричнины были опредѣлены извѣстные города и села, а также часть Москвы: всѣ, кто не попалъ въ опричнину, немедленно изгонялись вонъ изъ этихъ земель, съ ихъ семьями; а ихъ добро отбиралось для новыхъ хозяевъ. Появленіе опричниковъ приводило жителей въ трепетъ. Для нихъ не было ничего святого: однажды они растерзали мощи чудотворца. Стоило опричнику сказать слово — и у оклеветаннаго отнималось имущество, а нерѣдко и самая жизнь. Чѣмъ свирѣпѣе и дѣятельнѣе былъ опричникъ, тѣмъ болѣе нравился онъ царю. Въ противоположность опричнинѣ, вся Русь была названа *земщиной*. У нея было отдѣльное, старое правленіе, съ боярскою думой во главѣ; но она была въ опалѣ у опричнины.

Жизнь въ Александровской Слободѣ шла по уставу, написанному самимъ Грознымъ. 300 главныхъ опричниковъ носили монашескія шапочки и черныя рясы сверхъ раззолоченныхъ кафтановъ, подъ которыми были длинные ножи. Съ полуночи шли въ церковь, гдѣ молились почти до обѣда: самъ Иванъ съ сыновьями звонилъ въ колокола и до изнеможенія, до шишекъ на лбу клалъ земные поклоны. За обѣдомъ царь читалъ Житія Святыхъ, и никто не смѣлъ проронить слова. Затѣмъ начинались

пытки и казни: жертвы приводились сотнями. По вечерамъ Грозный слушалъ въ постели сказки нищихъ слѣпцовъ и тревожно засыпалъ подъ распѣвы былинъ. Но чуть не ежедневно молитвы и кровопролитія смѣнялись шумными пиршествами, особенно по поводу свадебъ, которыя любилъ играть царь: онъ самъ былъ женатъ не менѣе пяти разъ, все жалуясь духовенству, что его женъ отравляютъ враги. Въ послѣдній разъ онъ женился на *Маріи Нагой*, всего за четыре года до своей смерти, и уже собирался развестись съ нею, чтобы вступить въ бракъ съ родственницей Елизаветы англійской. Пиршества при дворѣ становились все безобразнѣе и невыносимѣе для народа. Пресыщенность требовала изобрѣтенія новыхъ наслажденій, смѣны забавъ: красота молодежи всякихъ званій становилась проклятіемъ. Самъ Иванъ могъ привязываться лишь на короткое время къ такимъ красавицамъ, какъ *Василиса Мелентьева*. При такой-то жизни, Ивана грызло еще сознаніе стыда. Онъ наказывалъ своимъ посламъ въ Польшѣ говорить, если спросятъ про опричнину, что это—„людскія враки"; торжественное посольство Сигизмунда-Августа онъ принялъ въ Москвѣ, въ обычной боярской обстановкѣ, словно ничего не было. Этого не выдержало бы никакое здоровье. Уже въ 43 года Грозный самъ называлъ себя старикомъ. Нельзя было узнать прежняго красавца (§ 122) въ этой страшной, отвратительной фигурѣ, изможденной, какъ щепка, съ костлявыми плечами, съ выпавшими даже изъ бороды волосами, съ жидкими усами, съ дикимъ, лихорадочнымъ взоромъ подслѣповатыхъ глазокъ, съ ехидною усмѣшкой на глинистомъ лицѣ.

§ 127. **Война съ подданными.** — Не счесть всѣхъ жертвъ опричнины; а лѣтописцы говорятъ только о людяхъ именитыхъ. Желая оправдать свои злодѣянія и свалить вину на другихъ, Иванъ сначала пытками вынуждалъ у этихъ несчастныхъ записи о томъ, что они крамольничали заодно съ иноземцами. Затѣмъ онъ выбиралъ изъ дрожащей кучи приговоренныхъ свои жертвы на каждый день. Пресыщеніе сказывалось и въ кровожадности. Изобрѣтались все новыя казни: топили, душили, травили псами, сажали на колъ, допекали „поджаромъ",—какою-то „составною мудростію огненною". Утонченность пытокъ сопровождалась сатанинскими насмѣшками и злорадствомъ. Смутилась и дрогнула душа народная: не выдержалъ, запечаловался глава русской церкви, митрополитъ *Филиппъ*. Сердобольный владыка, причисленный впослѣдствіи къ лику святыхъ, отказалъ

Ивану, на соборной службѣ, въ благословеніи и потребовалъ, чтобы онъ бросилъ опричнину, какъ богомерзкое дѣло. Шайка опричниковъ сволокла его съ амвона и содрала облаченіе; потомъ старца возили по городу и били метлами. Народъ стоналъ и рыдалъ. Наконецъ Филиппа посадили, въ кандалахъ, въ монастырь, гдѣ его задушилъ Малюта Скуратовъ. Тогда же Владиміръ Андреевичъ (§ 125), съ своею женой и четырьмя дѣтьми, были призваны въ Слободу и отравлены; а потомъ были утоплены мать Владиміра и вдова царскаго брата, — обѣ монахини. Ближній къ царю человѣкъ, казначей, его жена и четверо дѣтей были разрублены на части. Наконецъ, Грозный сталъ подозрѣвать въ измѣнѣ собственную опричнину—и полетѣли головы Басманова и Вяземскаго: по приказанію царя, Басмановъ былъ убитъ собственнымъ сыномъ.

Но отдѣльныя казни уже не насыщали жадности кровопійцы: нужно было истреблять цѣлыя населенія. Грозный поднялся въ походъ противъ своихъ подданныхъ. Особенно тяжелъ былъ 1570-й годъ, когда царь пошелъ мстить Твери, Пскову и Новгороду за ихъ былую силу, за то, что ихъ предки когда-то сопротивлялись Москвѣ, какъ вычиталъ онъ въ лѣтописяхъ. Во время этого похода опричники получили приказъ бить и грабить все, чтó ни попадется по дорогѣ: всякій встрѣчный погибалъ уже для того, чтобы не открылся путь, по которому направлялось нашествіе. Въ Тверскомъ княжествѣ были обезлюднены всѣ города одинъ за другимъ. Особенно ужасны разсказы лѣтописцевъ о пяти-недѣльной расправѣ Грознаго на родинѣ Сильвестра, въ Новгородѣ, о которомъ ему былъ сдѣланъ вздорный подметный доносъ, будто онъ хочетъ поддаться Польшѣ. Городъ былъ окруженъ стрѣльцами, чтобы никого не выпускать. Собрали монаховъ и поповъ, заковали ихъ въ кандалы и нѣсколько дней избивали ихъ дубинками съ утра до ночи, потомъ взяли ихъ имѣнія и опустошили церкви до послѣдняго сосуда. Купцовъ „поджаривали“ и бросали въ Волховъ, вмѣстѣ съ семьями, а стрѣльцы сновали на лодкахъ, убивая тѣхъ, которые всплывали. Затѣмъ царь сталъ ѣздить по окрестностямъ и разослалъ опричниковъ кругомъ, верстъ на 250, все грабить и жечь, а людей истреблять. Годъ спустя, уцѣлѣвшіе новгородцы пошли къ обѣднѣ. Вдругъ имъ показалось, что Грозный возвратился: они разбѣжались, куда глаза глядятъ,—и городъ опустѣлъ. Послѣ этого погрома погибло вѣковое торговое значеніе Новгорода: край до того обнищалъ, что нѣ-

сколько лѣтъ былъ голодъ; люди ѣли мертвечину. Псковъ отдѣлался однимъ ограбленіемъ. Его спасли необычайная покорливость жителей, величавый трезвонъ массы колоколовъ да дерзкій поступокъ одного дурачка. Юродивый *Никола* подалъ Ивану кусокъ мяса, а былъ постъ. „Я христіанинъ и не ѣмъ мяса въ постъ“, сказалъ Грозный. „Ты хуже дѣлаешь, возразилъ юродивый: ты ѣшь человѣчье мясо“. Иванъ задумался и быстро удалился, но только для того, чтобы содрогнулось самое сердце Россіи отъ лютости своего царя, помраченнаго страхомъ крамолы, которой не было и слѣда.

Иванъ двинулся въ Москву. У него былъ лукъ за спиной, а на шеѣ коня болталась собачья голова; подлѣ ѣхалъ шутъ на быкѣ. Прибывъ въ столицу, онъ воздвигъ на Красной площади рядъ висѣлицъ и высокій костеръ съ огромнымъ котломъ наверху; кругомъ были разложены всевозможныя орудія пытки. Народъ весь попрятался; но опричники отыскали его и согнали батогами на площадь. Здѣсь, въ теченіе четырехъ часовъ, замучили 120 именитыхъ людей, въ томъ числѣ приближенныхъ и даже любимцевъ царя. Женъ мнимыхъ преступниковъ сначала приводили къ Ивану, чтобы онъ полюбовался ихъ муками, потомъ топили.

Вслѣдъ затѣмъ міръ увидѣлъ нелѣпое смиреніе паче гордости, служившее поруганіемъ самой власти: царь сдѣлалъ „великимъ княземъ всея Руси“ крещенаго татарскаго хана, *Симеона Бекбулатовича*, а себя назвалъ только „московскимъ княземъ“. Какъ подданный, онъ писалъ Симеону унизительныя прошенія. Наконецъ, Грозный, всегда ходившій съ желѣзнымъ костылемъ, ударилъ имъ по головѣ старшаго сына своего, Ивана, заступившагося за свою беременную жену, избитую отцомъ, который уже заставилъ его развестись съ двумя женами. Царевичъ умеръ на пятый день. Грозный долго убивался въ отчаяніи, вскакивалъ по ночамъ и кричалъ; даже объявилъ, что не хочетъ болѣе царствовать и пострижется въ монахи; потомъ снова принялся за казни. Но ему оставалось жить уже не болѣе двухъ лѣтъ. Его преслѣдовали тѣни жертвъ, мщеніе которыхъ предзнаменовалось, въ его глазахъ, хвостатою кометой. Онъ разсылалъ по монастырямъ деньги съ „синодиками“ (поминаніями), въ которые заносилъ дрожащею рукой имена казненныхъ, то отдѣльно, то огульно, причемъ приписывалъ насчетъ ихъ числа: „ты самъ, Господи, вѣси“. Вѣнчаннаго злодѣя грызли страхъ и подозрительность: въ завѣщаніи

онъ совѣтовалъ сыновьямъ „отъ людей беречься“ и, пожалуй, сохранить опричнину. Его подтачивала страшная болѣзнь,— награда за безпутную жизнь: тѣло гнило внутри и пухло снаружи; тяжелъ былъ духъ отъ него. Иванъ разослалъ грамоты по святымъ обителямъ, отъ Бѣлоозера до Царьграда, Іерусалима и Синая: здѣсь „великій князь“ (а не царь) „касался преподобію ногъ“ братіи и „билъ челомъ“, чтобъ молились объ „отпущеніи грѣховъ его окаянству“. А съ финскаго сѣвера были призваны во дворецъ 60 колдуновъ и звѣздочетовъ. На смертномъ одрѣ Иванъ сталъ ласковъ со всѣми и все призывалъ загубленнаго сына, Ивана. Онъ внушалъ живому сыну, Ѳедору, царствовать милостиво и благочестиво, даже избѣгать войнъ съ христіанами. А между тѣмъ кровь казнимыхъ поливала послѣдніе вздохи умирающаго; и потухающіе взоры приковывались къ невѣсткѣ, къ красавицѣ Иринѣ Годуновой. Грозный умеръ послѣ обряда постриженія (1584). Ему было тогда около 54 лѣтъ; царствовалъ онъ самодержавно 37 лѣтъ.

§ 128. **Сибирь. Ливонія и Польша.** — Разрушительна была злая пора Грознаго; но Россія до того окрѣпла передъ тѣмъ, что уже не могла возвратиться къ татарщинѣ, главный притонъ которой былъ погубленъ ею при Иванѣ же. У великаго народа образовался уже неистребимый запасъ силъ. Оттого мы встрѣчаемъ тогда какъ умственное движеніе, такъ и дальнѣйшее развитіе правительственныхъ мѣръ. Правда, дѣятельность по внутреннимъ дѣламъ относится преимущественно къ доброй порѣ (§ 123). Но во внѣшней политикѣ много дѣлалось до самаго конца, хотя и здѣсь все лучшее также относится къ доброй порѣ (§ 124). Тогда были успѣхи, потомъ послѣдовали неудачи да большія затрудненія. Впрочемъ важно, что въ добрую пору Иванъ воевалъ на востокѣ, а въ пору казней на западѣ. На востокѣ Россія могла брать верхъ, потому что превосходила азіатовъ образованіемъ. Тамъ дѣла шли хорошо даже позднѣе, когда силы царя были отвлечены на западъ. Русскіе сами, безъ помощи правительства, расправлялись съ заволжскими туземцами и продолжали завоеванія, начатыя покореніемъ Казани и Астрахани. Вождями ихъ были Строгановы да Ермакъ—люди простые, не боярскаго рода. *Строгановы* — образецъ смѣтливаго, предпріимчиваго и упорнаго русскаго переселенца. Эти богатые промышленники, вмѣсто того, чтобы проводить жизнь дома въ довольствѣ, употребляли свой достатокъ на самыя опасныя предпріятія, устремляясь къ

полудикимъ племенамъ. Строгановы выпросили у Ивана большое пространство земли на р. Камѣ и стали выводить туда русскихъ поселенцевъ, устроили обширное хлѣбопашество и соляныя варницы. Основавъ цѣлое промышленное государство у подошвы Урала, они обратили вниманіе на земли по ту сторону горъ, тѣмъ болѣе, что жившіе тамъ *татары*, съ ихъ предпріимчивымъ ханомъ, *Кучумомъ*, выказывали намѣреніе безпокоить ихъ владѣнія. Строгановы исполнили и эту новую задачу безъ помощи правительства, выхлопотавъ только у царя право строить крѣпостцы по р. Тоболу и его притокамъ, добывать желѣзо, лить пушки и нанимать ратныхъ людей. На Западѣ это явленіе возникло позже, подъ видомъ индійской компаніи англичанъ (*Н. И.* § 34). Запасшись огнестрѣльнымъ оружіемъ, котораго не знали за Ураломъ, Строгановы скоро нашли и армію, обратившись къ казакамъ (§ 116). Въ то время особенно славилась донская вольница. Иванъ IV не разъ посылалъ войска противъ нея и жестоко казнилъ пойманныхъ казаковъ, но не могъ искоренить ея. Особенно славилась удальствомъ и разбоемъ шайка атамана *Ермака Тимофеевича*, которая пробралась даже до Камы. Ее-то Строгановы пригласили на службу, обѣщая царское помилованіе. Ермакъ согласился и совершилъ то же самое, чѣмъ прославились немного раньше Кортецъ и Пизарро въ Америкѣ (*Н. И.* § 43). Собравъ свою шайку и прихвативъ съ собой еще плѣнныхъ нѣмцевъ, литовцевъ и другой сбродъ, служившій у Строгановыхъ (всего 850 человѣкъ), онъ пошелъ за Уралъ. Ему легко было справиться съ татарами, которые распадались на множество сварливыхъ родовъ, съ „князьцомъ" во главѣ каждаго. Кучумъ былъ тотчасъ же разбитъ и бѣжалъ, покинувъ богатства, собранныя имъ съ туземцевъ, и свою столицу, *Сибирь*, лежавшую на берегу Иртыша (1582). Впослѣдствіи онъ былъ убитъ ногаями, а его семья была отправлена въ Москву. Ермакъ послалъ къ Ивану своего помощника, атамана *Кольцо*, съ сибирскими сокровищами. Царь простилъ казакамъ старые разбои и принялъ ихъ на свою службу съ большимъ жалованьемъ, а въ Сибирь отправилъ своихъ воеводъ.

Но на Западѣ дѣла шли плохо въ теченіе почти 25 лѣтъ. Тамъ обстоятельства сложились крайне неблагопріятно для Москвы; и только горячее личное участіе къ *ливонскому* вопросу заставляло Ивана вести крайне тяжкую войну среди ужасовъ опричнины. Сначала Грозный думалъ хитростью вовлечь Сигизмунда-Августа въ свои интересы: онъ посватался за его

сестру. Но вышло наоборотъ. Король жестоко разгнѣвалъ его своимъ отказомъ. Въ то же время русскіе успѣхи въ Ливоніи были остановлены союзомъ нѣмецкихъ рыцарей съ поляками: въ виду погибели, грозившей съ востока, магистръ ливонскаго ордена, *Кетлеръ*, даже сталъ вассаломъ польскаго короля и уступилъ ему Ливонію, а себѣ оставилъ только Курляндію съ титуломъ герцога. Такъ ливонская война перешла въ *польскую*. Иванъ объявилъ, что выйдетъ самъ со всѣми своими силами для смертельнаго боя: онъ возьметъ съ собой гробъ, чтобы сложить въ него или свою, или королевскую голову. Но сразу были разбиты всѣ его три рати, посланныя противъ Ливоніи, Литвы и Кіева. Иванъ такъ растерялся, что рѣшился на небывалый шагъ: онъ созвалъ *земскій соборъ* (1566) для рѣшенія вопроса о войнѣ и мирѣ. На этомъ соборѣ были не одни ратные люди, но также духовенство и купцы. Рѣшили продолжать войну. Иванъ сдѣлалъ новыя обширныя приготовленія, собралъ большой „нарядъ“ и принялъ любопытную политику въ огражденіе себя отъ непріязни Даніи и Швеціи, которыя устремились тогда на востокъ. Пользуясь паденіемъ ливонскего ордена, шведы отняли у него Ревель, а датчане—о. Эзель, гдѣ поселился ихъ королевичъ, *Магнусъ*. Иванъ предложилъ Магнусу титулъ короля Ливоніи, если только онъ станетъ такимъ же подручникомъ у Россіи, какъ Кетлеръ у Польши: онъ надѣялся выставить Данію противъ *Швеціи*, которая тогда уже объявила войну Москвѣ. Магнусъ согласился и сталъ даже женихомъ царской племянницы. Но всѣ приготовленія Ивана были тщетны. Война продолжалась несчастливо. Шведы постоянно нападали въ одно время съ литовцами, поляками и нѣмцами. Кромѣ того, крымцы стали тогда вассалами Порты и съ ея помощью дошли-было до Астрахани; разъ даже сожгли Москву. Но хуже всего было появленіе *Баторія* (§ 111), этого смѣльчака, который мечталъ о „Восточной имперіи“. Баторій смирилъ и упорядочилъ шляхту и набралъ хорошую пѣхоту изъ венгровъ и нѣмцевъ, съ лучшими пушками и ружьями, — словомъ, выступилъ во всеоружіи образованнаго Запада. Онъ быстро дошелъ до Пскова, между тѣмъ какъ шведы отбили у русскихъ всѣ города у финляндской границы. Иванъ обратился къ папѣ съ просьбой примирить его съ врагами. Папа прислалъ въ Москву іезуита, *Антонія Поссевина*, который началъ съ попытки совратить царя въ латинство. Встрѣтивъ отпоръ, іезуитъ сталъ держать сторону Баторія въ переговорахъ, которые привели къ перемирію у

Запольскаго Яма. Иванъ уступилъ Баторію всѣ свои завоеванія въ Ливоніи и Литвѣ, а шведамъ отдалъ завоеванные ими города. Грозный хотѣлъ возобновить борьбу за Ливонію, но понялъ, что съ Западомъ нельзя воевать безъ помощи какой-нибудь западной же державы: отсюда его упорное желаніе вступить въ союзъ съ *Елизаветой англійской.* Онъ обрадовался, когда англійскіе купцы, отыскивая новыя земли на сѣверѣ, зашли въ устье Сѣверной Двины, обласкалъ ихъ и предложилъ Елизаветѣ за союзъ торговую монополію въ Россіи, чтò самъ же считалъ „тяжелѣе дани“. Въ то же время Иванъ сватался то за самое Елизавету, то за ея родственницу, и просилъ у нея убѣжища, въ случаѣ если „мятежные“ подданные выгонятъ его изъ царства. Елизавета ограничилась любезностями.

§ 129. **Ѳедоръ I и бояре.**—Когда закрылъ глаза многогрѣшный Грозный царь, народъ плакалъ и голосилъ, а лѣтописцы молчали. Надъ Русью носилось смутное предчувствіе бѣдствія, которое должно было родиться изъ такого всеобщаго разложенія, какъ опричнина. Ни для кого не было тайной вырожденіе Рюрикова племени. Было извѣстно, какъ ненадежны были его послѣдніе отпрыски—два сына Ивана IV, *Ѳедоръ*—отъ Анастасіи и *Димитрій*—отъ Нагой. Димитрій, которому отецъ завѣщалъ Угличъ, лежалъ еще въ пеленкахъ. Ѳедоръ, несмотря на свои 27 л., былъ также ребенкомъ. Малорослый, блѣдный, опухлый, онъ говорилъ невнятно, ходилъ нетвердо и вѣчно ухмылялся, особенно когда сидѣлъ на престолѣ и любовался скипертомъ и державнымъ яблокомъ. Онъ все молился да звонилъ въ колокола: его считали постникомъ, молчальникомъ и даже „чудотворцемъ“. Затѣмъ Ѳедоръ спалъ да забавлялся карлами, шутами, кулачными и медвѣжьими боями, „избывая мірской суеты и докуки“, т. е. дѣлъ.

Какъ въ малолѣтство Ивана IV, началась борьба между боярами, изъ которыхъ одни хотѣли захватить власть именемъ Ѳедора, другіе—именемъ Димитрія. Во главѣ послѣднихъ стоялъ смѣтливый, даровитый, но крайне честолюбивый и коварный *Богданъ Бѣльскій.* Но бояре противной стороны распустили слухъ, что онъ хочетъ извести Ѳедора и самъ сѣсть на престолъ. Взбунтовалась московская чернь, къ которой пристали буйные рязанцы Ляпуновы. Бояре тотчасъ же сослали Бѣльскаго въ Нижній, а царевича Димитрія отправили въ *Угличъ*, вмѣстѣ съ матерью и Нагими. Затѣмъ они собрали своихъ приверженцевъ, подъ видомъ земской думы, которая рѣшила

царствовать Өедору. Но неизвѣстно было, кто именно будетъ управлять его именемъ: нѣсколько боярскихъ семей были близки къ нему; и между ними должна была возникнуть смертельная борьба, такъ какъ, за бездѣтностью Өедора, вопросъ шелъ уже не о временномъ правленіи, а о созданіи новой династіи.

Самыми знатными изъ бояръ были Гедиминовичи *Мстиславскіе* и Рюриковичи *Шуйскіе*, а самыми близкими къ престолу—родственники Өедора, *Романовы-Юрьевы* [1]) и *Годуновы*. Бояринъ Никита Романовичъ доводился царю дядей по матери, а Борисъ Өедоровичъ Годуновъ былъ братъ жены царя, Ирины. Сначала власть перешла къ Никитѣ Романовичу. Но онъ былъ очень старъ и вскорѣ былъ пораженъ параличемъ, а затѣмъ умеръ. Уже во время его болѣзни власть сосредоточилась въ рукахъ *Бориса Годунова*, которому вполнѣ подчинялась царица Ирина, имѣвшая большое вліяніе на Өедора. Но главы знатнѣйшихъ фамилій, Иванъ Мстиславскій и Иванъ Шуйскій, считались соправителями Годунова и стѣсняли его. Они даже настраивали московскую чернь и собирались умертвить его. Борисъ предупредилъ враговъ. Онъ быстро расправился съ недалекимъ и вялымъ представителемъ рода Мстиславскихъ: по какому-то доносу, князя Ивана постригли въ монахи, а его друзей сослали. Труднѣе было одолѣть Шуйскихъ, которые всегда отличались мужествомъ, предпріимчивостью, дарованіями, а также славились блестящимъ прошлымъ. Иванъ Шуйскій, ознаменовавшій себя подвигами въ польской войнѣ, въ пору бѣдствій Руси, умѣлъ еще привязать къ себѣ московскихъ купцовъ и мѣщанъ, а также смѣлаго и упорнаго митрополита Діонисія. Шуйскіе составили искусный замыселъ развести царя съ Ириной и женить его на дочери Мстиславскаго. Но Борисъ, у котораго было множество шпіоновъ, узналъ все. Онъ подговорилъ слугъ Шуйскаго донести, будто ихъ господинъ хочетъ извести царя,

---

[1]) Они назывались сначала *Кобылиными-Кошкиными* (§ 99) и вели свое происхожденіе отъ знатной литовской фамиліи. Такъ какъ въ древности былъ обычай сохранять имена, то произошли сложныя фамиліи, за которыми тѣмъ труднѣе слѣдить, что прозвища, бывшія также въ большомъ ходу, въ свою очередь обращались въ фамиліи. Такъ внуки *Өедора Кошки*, породнившагося съ тверскими князьями при Василіи I, назывались еще Голтяевыми и Беззубцевыми; а дѣти и внуки *Захара* Кошкина, засѣдавшіе въ думѣ при Иванѣ III и Василіи III, назывались *Захарьиными-Кошкиными*. При Грозномъ является *Романъ Юрьевичъ*, отецъ царицы Анастасіи (§ 122): отсюда *Романовы-Захарьины-Юрьевы* или *Романовы-Юрьевы*, а потомъ просто *Романовы*.

и внезапно сослалъ соперника и его товарищей въ отдаленные города, гдѣ они были казнены втихомолку. Діонисія заточили въ захолустный монастырь, а на его мѣсто поставили архіепископа ростовскаго, *Іова*, покорное орудіе Годунова. Инымъ изъ гостей и посадскихъ московскихъ рубили головы, другихъ бросали въ тюрьмы и ссылали по дальнымъ городамъ. Вообще опять много крови было пролито и въ застѣнкахъ, на пыткахъ, и на эшафотахъ. И Борисъ сталъ единымъ правителемъ государства (1587), съ титуломъ „конюшаго, ближняго великаго боярина и намѣстника царствъ казанскаго и астраханскаго". Ему кланялись иностранные послы; онъ получалъ огромные доходы и жалованья: Годуновы могли выставить тогда на свой счетъ 100.000 ратниковъ. Борисъ самовластно управлялъ Россіей, именемъ царя, 11 лѣтъ, до смерти Ѳедора.

§ 130. **Годуновъ-правитель.** — Родоначальникомъ Годуновыхъ былъ мурза Четъ (§ 91), внукъ котораго получилъ прозвище *Годуна.* Цари одарили Годуновыхъ вотчинами, гдѣ татарскіе выходцы жили мирными помѣщиками, отличаясь благочестіемъ. Ихъ государственная роль создана случаемъ—женитьбой Ѳедора на Иринѣ, а также ловкостью Бориса, который чтобы болѣе приблизиться къ Грозному, женился на дочери Малюты Скуратова. Иванъ IV полюбилъ изворотливаго Бориса, хотя новый наперсникъ разъ чуть не умеръ отъ его желѣзнаго костыля. По смерти Грознаго, Борису было 32 г. Это былъ плотный, плечистый, круглолицый красавецъ, съ черными волосами и густою бородой; онъ только ходилъ съ трудомъ, отъ подагры [1]). Его повелительный видъ и темные проницательные глаза внушали страхъ и покорность; но это сглаживалось „сладкорѣчіемъ" и обворожительными улыбками. Знатокъ людей и опытный правитель, Борисъ умѣлъ властвовать: превосходно владѣя собой, онъ честилъ владыкъ и бояръ внѣшнимъ почтеніемъ, благосклонно выслушивалъ ихъ, разсуждалъ съ ними, а поступалъ посвоему. Но ему не хватало образованности и нравственнаго величія. Годуновъ поражалъ иностранцевъ широтой природнаго ума: онъ презиралъ тупое самодовольство москвичей, былъ „добрѣ потоковникъ ереси латинской и арменской"; а между тѣмъ трепеталъ передъ чародѣями. Это было олицетворенное коварство: смотря по обстоятельствамъ, Борисъ сегодня

---

[1]) Мы не можемъ приложить портрета Годунова: достовѣрнаго не дошло до насъ; а обычные портреты — не болѣе, какъ фантазіи на основаніи одного изображенія 18-го вѣка.

былъ „свѣтлодушенъ“, нищелюбивъ, обворожителенъ, завтра — свирѣпъ и кровожаденъ. Но всегда онъ былъ доступенъ подозрительности и наушничеству. Окруживъ себя массой шпіоновъ и обладая проницательностью, онъ все зналъ во-время, а при своей желѣзной волѣ могъ выжидать цѣлые годы, вырабатывая свои замыслы до мелочей. Въ этихъ замыслахъ не было ничего новаго; но даровитый правитель глубже своихъ предшественниковъ понималъ дѣло. Тѣ увлекались отрицательной стороной — истребленіемъ пережитковъ, мѣшавшихъ объединенію Руси и установленію самодержавія, причемъ иногда доходили до имъ же вредной опричнины. Борисъ же развивалъ положительную сторону: былъ „строителенъ зѣло, о державѣ своей много попеченія имѣя“, говоритъ современникъ. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ отдаленнымъ, хотя и мелкимъ, предтечею Петра Великаго.

Годуновъ занимался не истребленіемъ бояръ, а *возвышеніемъ низшихъ классовъ.* Его любимымъ дѣломъ было возстановленіе павшихъ городовъ (Курскъ, Воронежъ и др.) да постройка новыхъ (Архангельскъ, Саратовъ, Царицынъ, Цивильскъ, Яицкъ, Ливны, Березовъ, Томскъ, Тобольскъ и др.), а также заселеніе пустынныхъ мѣстъ, въ особенности на южной Украйнѣ; онъ построилъ крѣпости въ Астрахани и Смоленскѣ и обнесъ Москву новою стѣной. Борисъ былъ разумный *колонизаторъ*: онъ не насильно сгонялъ народъ въ пустыни, а привлекалъ его льготами и денежной поддержкой. Такъ, онъ устроилъ прочную цѣпь сторожевыхъ станицъ изъ *черкасъ* (§ 116), которымъ давалъ помѣстья, деньги, сукна, хлѣбъ, а также свинецъ и селитру для пороха. То же стремленіе къ развитію положительной стороны дѣла проявилось въ пристрастіи Бориса къ *миру и просвѣщенію.* Годуновъ, по самой своей природѣ, былъ политикъ, а не воинъ: плохой полководецъ, онъ не любилъ битвъ; осторожный лицемѣръ, онъ боялся прямаго образа дѣйствій. Ему хотѣлось достигать всего искусною дипломатіей: онъ даже у Баторія купилъ миръ деньгами и посылалъ мѣха цезарю въ Вѣну. Борисъ желалъ не воевать съ Западомъ, а устрашать его внутреннею силой, хорошимъ устройствомъ Руси. Но онъ понималъ, что для этого необходимо заимствовать у Запада его науку и гражданственность: у него стремленіе къ европейскому просвѣщенію было сознательнѣе, чѣмъ у Ивана III и Грознаго. Сдѣлавшись царемъ, Годуновъ задумалъ было основать цѣлую систему школъ, въ которыхъ учителями были бы иностранцы. Невѣжественное духовенство не допустило его до этого; но онъ

настоялъ на томъ, чтобы хоть посылать молодыхъ людей учиться за границу. Борисъ всячески выказывалъ свое пристрастіе къ иностранцамъ: давалъ льготы и привилегіи ихъ купцамъ; содержалъ ихъ ученыхъ, особенно врачей, какъ первыхъ бояръ; дорожилъ своимъ нѣмецкимъ отрядомъ болѣе, чѣмъ всею русскою арміей; завелъ при дворѣ много обычаевъ, а отчасти и обстановку Запада. Подражая ему, бояре также начали измѣнять свой бытъ на европейскій ладъ: заводили понемногу даже обычай брить бороды. Кромѣ иностранцевъ, Годуновъ старался лично привязать къ себѣ низшіе классы. Никто до него не выказывалъ столько заботливости о бѣднотѣ: не проходило дня безъ того, чтобы онъ не благотворилъ. Случится ли гдѣ пожаръ, грабежъ, моръ—отъ Бориса тотчасъ присылались деньги, кормъ, платья, врачи; самъ онъ часто ѣздилъ по областямъ и вездѣ кормилъ, поилъ, ласкалъ народъ. Но *народъ не любилъ Бориса.* Онъ вѣрилъ всякому дурному слову про него; при всякой внезапной смерти виднаго лица проносилась молва, что это—дѣло рукъ Бориса: даже когда ослѣпъ Симеонъ Бекбулатовичъ (§ 127), всѣ заговорили, что онъ подсунулъ несчастному какого-то зелья. Что ни дѣлалъ Борисъ, чтобы снискать любовь и довѣріе народа, народъ считалъ его злодѣемъ и чародѣемъ. Правда, невѣжественная толпа не могла понимать этого нарушителя ея вѣковыхъ предразсудковъ, какъ позже она не понимала Петра Великаго. Но у народа есть нравственное чутье: онъ благоговѣлъ передъ Петромъ за величіе его души и чуялъ, что въ лицѣ Годунова исторія поставила передъ нимъ мелкаго и лживаго честолюбца, способнаго на ехидныя злодѣянія, къ которымъ подталкивало его смутное время, когда на московскомъ престолѣ угасалъ родъ Рюрика. Народъ видѣлъ, что у этого выскочки не было великодушія генія, чтобы основать царственное значеніе своей семьи на правдѣ, на самоотверженной преданности общественному дѣлу. Годуновъ былъ, какъ говоритъ лѣтопись, „лукавою лисой“ и себялюбцемъ, когда пресмыкался у престола; онъ остался такимъ, когда овладѣлъ имъ. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ воспитанный опричниной потомокъ смѣтливаго татарина, а не предшественникъ Петра Великаго.

§ 131. **Крѣпостничество и патріаршество.** — Подозрительность народа часто оправдывалась и относительно мелкихъ преступленій Годунова. Но важнѣе всего основное противорѣчіе въ дѣятельности Бориса. Годуновъ старался подкупить низшій классъ грошовыми подачками на бѣдность; но гораздо важнѣе

вредныя для народа мѣры, которыми онъ подкупалъ высшія сословія.

Здѣсь важнѣе всего мѣры, которыя клонились къ лишенію *крестьянъ* свободы. Тогда все богатство служилыхъ людей заключалось въ землѣ. Но земля не могла прокормить ихъ, если не была населена земледѣльцами, притомъ работающими правильно и неустанно. А этого не могло быть, пока крестьяне имѣли право свободнаго перехода (§ 100), тѣмъ болѣе, что крестьянъ переманивали отъ служилыхъ льготами богатые землевладѣльцы, въ особенности же церковь, у которой поэтому были отняты льготы передъ правленіемъ Годунова. Для поддержки служилыхъ московскіе государи постепенно стѣсняли свободный переходъ крестьянъ. Но Годуновъ ввелъ самыя сильныя мѣры въ этомъ смыслѣ. И если, ставши царемъ, онъ нѣсколько ослабилъ ихъ, то только съ тѣмъ, чтобы крестьяне переходили не къ богатымъ, а къ мелкимъ помѣщикамъ. Соотвѣтственно съ этою участью крестьянъ, понизилось и положеніе *вольныхъ слугъ*, которые сразу обращались въ холоповъ. Такое закрѣпощеніе и закабаленіе вольныхъ людей дѣйствовало гибельно на благосостояніе главной массы населенія, которая была принесена въ жертву немногочисленному классу военныхъ: доказательствомъ тому служитъ немедленное появленіе бѣглыхъ массами и соотвѣтственное развитіе казачества и разбойничества. Но ближайшая цѣль, обезпеченіе государства арміей, была достигнута, а также служилые были привлечены къ Годунову.

Желая привлечь и духовенство, Борисъ покровительствовалъ, вопреки послѣднимъ соборамъ (§ 123), церковному землевладѣнію: онъ возстановилъ его льготы, давалъ владыкамъ и монастырямъ свободу отъ разныхъ повинностей. Онъ думалъ еще болѣе привязать къ себѣ духовенство, возвысивъ главу русской церкви въ санъ *патріарха*, не соображая, сколько вреда могло произойти отсюда въ будущемъ. Годуновъ видѣлъ только одно: патріаршество, склоняя къ нему духовенство, еще доставитъ ему новый блескъ, какъ царю государства, въ которомъ глава церкви имѣетъ значеніе какого-то восточнаго папы, такъ какъ царьградскій патріархъ сталъ рабомъ султана. Во всякомъ случаѣ, представитель русской іерархіи становился выше кіевскаго митрополита, а это должно было привлекать къ Москвѣ православныхъ въ Литвѣ. Соперничества же новой власти Борисъ не боялся: патріархомъ сталъ *Іовъ* (§ 129). Это случилось (1589) слѣдующимъ образомъ. Тогда пріѣхалъ на Русь соби-

рать милостыню бѣдный, угнетенный турками константинопольскій патріархъ, Іеремія. Годуновъ никого не пускалъ къ нему и не выпускалъ его слугъ, а въ то же время пожаловлъ ему щедрую милостыню. Іеремія посвятилъ Іова въ патріархи, хотя ему самому желалось занять этотъ постъ. Въ то же время четыре архіепископа были повышены въ митрополичій санъ, а шесть епископовъ стали архіепископами. Іеремія далъ еще благословеніе на то, чтобы впредь русскій патріархъ поставлялся русскими же владыками.

Опираясь на величавое съ виду, но покорное духовенство и на массу мелкопомѣстныхъ служилыхъ, Годуновъ старался еще обезопасить себя отъ сильныхъ людей. Онъ не разбиралъ средствъ, чтобы отдѣлаться отъ вліятельныхъ бояръ и владыкъ. Онъ истребилъ, пользуясь всякими случаями, и „лучшихъ людей" среди московскихъ посадскихъ, уничтожая въ зародышѣ то значеніе, которое они начинали пріобрѣтать при Грозномъ.

§ 132. **Смерть царевича Димитрія.**—Своекорыстная, преступная природа Годунова особенно обнаружилась въ мелкихъ средствахъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ для утвержденіи своей власти. Припомнимъ судьбу Бѣльскаго, Нагихъ, Шуйскихъ, митрополита Діонисія, а также быстрое обогащеніе Бориса, какъ только онъ захватилъ власть при Ѳедорѣ. Но еще важнѣе мѣры, которыя онъ принималъ, чтобы отдѣлаться отъ лицъ, имѣвшихъ больше правъ на престолъ, чѣмъ онъ. Въ то время, когда царевичъ Димитрій былъ заточенъ въ Угличѣ, случилось слѣдующее. Въ Ригѣ проживала родственница царя Ѳедора, вдова короля Магнуса (§ 128), *Марія Владиміровна*, съ своей маленькой дочерью. Годуновъ уговорилъ ее переселиться въ Москву, обѣщая ей горы золота. Марія пріѣхала, но вскорѣ ее разлучили съ дочерью и постригли въ монахини; немного лѣтъ спустя, внезапно умерла ея малютка.

Но самымъ важнымъ дѣломъ, которое навсегда врѣзалось въ памяти народа, была судьба *царевича Димитрія.* Этотъ ребенокъ представлялъ дѣйствительную опасность Годунову. У хвораго Ѳедора не было дѣтей, а Димитрія всѣ признавали царевичемъ: его имя поминалось на ектеніяхъ. Говорятъ, Нагіе воспитывали ребенка такъ, что онъ дурно говорилъ о приближенныхъ брата и даже лѣпилъ человѣчковъ изъ снѣга, называлъ ихъ боярами, и особенно Борисомъ, снималъ имъ головы палкой. По свидѣтельству всѣхъ русскихъ лѣтописей и большинства сказаній иностранцевъ, Годуновъ съ самаго начала задумывался о грозящей

ему опасности; и ему помогали совѣтами приближенные, въ особенности окольничій Клешнинъ да князь Василій Шуйскій. Въ 1591 г., когда царевичу было 7 лѣтъ, отъ Бориса пріѣхалъ въ Угличъ дьякъ Битяговскій, съ своимъ сыномъ, племянникомъ и сыномъ мамки Димитрія, чтобы помогать царицѣ Маріи въ хозяйствѣ. Мать почуяла бѣду и не спускала ребенка съ своихъ глазъ въ хоромахъ. Но однажды, въ полдень, когда всѣ обѣдали, мамкѣ удалось вывести царевича на дворъ, гдѣ сподручники Битяговскаго перерѣзали ему горло. Соборный пономарь, видѣвшій убійство съ колокольни, ударилъ въ набатъ. Сбѣжался народъ и въ остервененіи бросился на убійцъ: тутъ погибло 12 человѣкъ, въ томъ числѣ самъ Битяговскій.

Годуновъ назначилъ слѣдствіе, которымъ руководили Клешнинъ и Шуйскій. Угличане утверждали, что царевичъ убитъ подосланными Борисомъ людьми; на томъ же стояли Нагіе, претерпѣвая крѣпкую пытку въ Москвѣ, въ присутствіи самого Годунова. Тѣмъ не менѣе слѣдствіе, освященное признаніемъ патріарха Іова, рѣшило, что Димитрій, играя ножомъ въ тычку, самъ зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни, по небреженію Нагихъ. Царица Марія была пострижена въ монахини; ея три брата были заключены въ тюрьмы по разнымъ городамъ. Изъ угличанъ 200 человѣкъ поплатились головой; многимъ урѣзали языки; остальныхъ сослали въ разные города, но больше всего въ Сибирь, гдѣ изъ нихъ образовался Пелымъ. По преданію, даже колоколъ, давшій набатъ, былъ увезенъ въ Тобольскъ, откуда его возвратили въ Угличъ въ наши дни. А убійцы были похоронены съ большою честью, семьи же ихъ были одарены вотчинами и деньгами.

Смущенный народъ упорно вѣрилъ, что погибель царевича— дѣло рукъ Бориса. Онъ объяснялъ новый пожаръ въ Москвѣ желаніемъ лицемѣра задержать царя, который будто бы собирался самъ въ Угличъ. Говорили даже, что Борисъ подводилъ крымскаго хана подъ Москву, „боясь земли за убійство царевича". Вслѣдъ за гибелью Димитрія, у царя родилась дочь; она вскорѣ умерла — и въ народѣ слухъ, что это новая жертва Годунова. Вскорѣ скончался (1598) самъ Ѳедоръ — и опять толки, что его отравилъ Борисъ, чтобы самому сѣсть на престолъ.

Отъ Ѳедора не осталось ни дѣтей, ни завѣщанія. Несчастный вѣнценосецъ весь сказался въ своихъ послѣднихъ словахъ: „Въ семъ царствѣ воленъ Богъ; какъ ему угодно, такъ

и будетъ". Въ Литву писали изъ Москвы, будто Өедоръ сказалъ на смертномъ одрѣ, что въ цари должны выбрать не такого человѣка „подлаго рода", какъ Годуновъ, а представителя маститаго племени Романовыхъ, Өедора Никитича; но онъ внушалъ послѣднему ничего не дѣлать безъ совѣта Бориса, который „умнѣе всѣхъ". Доносили также, что какъ только Өедоръ закрылъ глаза, бояре стали бранить Годунова за убійство Димитрія, „который теперь очень нуженъ"; и Өедоръ Никитичъ даже бросился-было на злодѣя съ ножомъ. Съ другой стороны, шпіоны канцлера литовскаго, Льва Сапѣги, пріѣзжавшаго въ Москву посломъ при Өедорѣ и Борисѣ, извѣщали оттуда, будто Годуновъ „держалъ при себѣ своего друга, очень похожаго во всѣхъ отношеніяхъ" на Димитрія, и собирался выставить его царемъ, если не выберутъ его самого. Правда, по смерти Өедора власть, прежде всего, переходила къ вдовствующей царицѣ; но Ирина вдругъ постриглась и удалилась въ Новодѣвичій монастырь, подъ Москвой, куда послѣдовалъ за нею и братъ. Тогда внезапно былъ устроенъ *земскій соборъ*, преимущественно изъ подчиненнаго Іову духовенства и изъ московскихъ служилыхъ людей, щедро одаренныхъ Годуновымъ. Онъ избралъ Бориса на царство. Годуновъ два раза отказывался, по тогдашнему обычаю и по разсчету; но патріархъ пришелъ въ Новодѣвичій монастырь съ крестнымъ ходомъ умолять царицу Ирину, чтобы она благословила и уговорила брата. Привалила и толпа народа. Всѣ стояли на колѣняхъ, стонали, голосили, обливались слезами и все просили Годунова, пока онъ не согласился принять шапку Мономаха. При вѣнчаніи на царство, Борисъ сказалъ всенародно: „Богъ свидѣтель, что въ моемъ царствѣ не будетъ нищихъ и бѣдныхъ!" Затѣмъ, взявшись за воротъ своей рубашки, онъ прибавилъ: „И послѣднюю рубашку раздѣлю со всѣми!"

§ 133. **Борисъ-царь.** — Кровавою цѣной пріобрѣлъ Борисъ 5 лѣтъ спокойнаго царствованія и 2 года тревогъ, погубившихъ его. Это краткое царствованіе было безславно. Все важное въ политикѣ Годуновъ совершилъ правителемъ. Годуновъ-царь думалъ только о своей безопасности, вѣчно дрожа отъ мысли, что его изобличатъ, всюду видя мстителей. Впрочемъ сначала онъ попробовалъ оградить себя кротостью и полезными для государства мѣрами. Борисъ соблюдалъ миролюбіе и старался водворить порядокъ, искореняя мздоимство, разбои и воровство, преслѣдуя всякую вольницу, стѣсняя даже казаковъ на Дону и на Днѣпрѣ.

Онъ пытался просвѣтить и обогатить свой народъ, лаская ученыхъ иностранцевъ и ихъ гостей, давая даже полную свободу ихъ богослуженію. Цѣлый годъ не взимали податей и торговыхъ пошлинъ, закрывали царскіе кабаки, даже отчасти возобновили Юрьевъ день. Борисъ помогалъ нищимъ, выпускалъ заточенныхъ, возвращалъ опальныхъ; даже сдѣлалъ своимъ другомъ энергическаго Богдана Бѣльскаго (§ 129), а Романовыхъ ласкалъ, какъ родныхъ.

Но народъ продолжалъ выказывать недовѣріе: онъ все вспоминалъ и оплакивалъ безъ вины погибшій послѣдній отпрыскъ Рюрикова племени. Около 1600 года вдругъ пронесся, какъ утѣшеніе его наболѣвшей душѣ, новый слухъ, который тотчасъ проникъ до Польши. Стали перешептываться, будто въ Угличѣ зарѣзали подмѣннаго мальчика, а царевичъ былъ заранѣе скрытъ предусмотрительною матерью, съ помощью его врача и враждебныхъ Годунову бояръ: онъ живъ и цвѣтетъ непорочною юностью гдѣ-то тамъ, за литовскою границею. Борисъ пришелъ въ ужасъ и сбросилъ маску. Страна покрылась доносщиками, которымъ платили изъ имѣній оклеветанныхъ; даже родные доносили другъ на друга; мужчины наушничали царю, женщины — царицѣ. Съ литовской границы привозили въ оковахъ кучи людей: Борисъ разставилъ тамъ караулы и, не смѣя объявить, кого онъ ищетъ, приказалъ хватать всякаго проѣзжаго. Такъ какъ Годуновъ особенно боялся бояръ, то посыпались доносы холоповъ на господъ, будто бы желавшихъ извести царскую семью чарами. Пошли жестокія пытки, казни и ссылки въ Сибирь. Богданъ Бѣльскій вдругъ превратился въ преступника: ему выщипали бороду и сослали его въ южную Украйну. Особенно пострадали дѣти Никиты Романовича *Романова* (§ 129). Ихъ обвинили, по доносамъ, въ храненіи отравнаго зелья: ихъ пытали, со всѣми ихъ родственниками и холопами, но, ничего не допытавшись, сослали въ разные концы Россіи. Самый умный и упорный изъ пяти братьевъ Романовыхъ, Ѳедоръ Никитичъ, былъ постриженъ въ монахи, подъ именемъ *Филарета*, и сосланъ въ дальній монастырь, а жену его постригли въ монахини, подъ именемъ *Марѳы*, и сослали въ Заонежье. Сынъ же ихъ, маленькій *Михаилъ*, былъ сосланъ, вмѣстѣ съ своей теткой, на Бѣлоозеро. Только этотъ ребенокъ да его отецъ уцѣлѣли: остальные Романовы вскорѣ умерли отъ истязаній приставовъ, сопровождавшихъ ихъ въ заточеніе.

Чѣмъ больше лилась кровь, тѣмъ кровожаднѣе и подозри-

тельнѣе становился Борисъ. Онъ уже сталъ почти невидимъ: его дворецъ превратился въ замкнутую тюрьму, отъ которой прогоняли просителей палками и пинками. Но туда доходили упорные слухи о спасенномъ царевичѣ Димитріи, который скоро придетъ разсчитаться съ похитителемъ престола. Кругомъ стали совершаться мрачныя знаменія: тамъ и сямъ свирѣпствовали небывалыя бури; гдѣ исчезали птицы, гдѣ рыба; появилась комета, смутившая суевѣрный народъ. Наконецъ, вслѣдствіе неурожая, насталъ страшный голодъ, съ своимъ спутникомъ, моровою язвой. Въ одной Москвѣ умерло отъ голода болѣе 100.000. Проѣзжему опасно было останавливаться на постоялыхъ дворахъ: того и гляди, изжарятъ и съѣдятъ. Народъ бѣжалъ толпами, куда глаза глядятъ, а больше всего въ Сѣверскую Украйну (губерніи Орловская, Курская, Черниговская). Образовалось много разбойничьихъ шаекъ, которыя доходили до Москвы; да и въ самой Москвѣ не рѣшались выходить изъ дому ночью, опасаясь кистеня. Одна шайка, предводимая *Хлопкой Косолапомъ*, едва не одолѣла царскаго отряда подъ Москвой и убила его воеводу. Народъ волновался, роопталъ на царствованіе, котораго не благословляетъ Господь; и изъ устъ въ уста перелетало, въ сказочномъ освѣщеніи, имя царевича Димитрія. Борисъ мучился тяжелыми предчувствіями, даже началъ совѣщаться съ вѣдунами и ворожеями. Тутъ ему донесли, что царевичъ Димитрій вступилъ въ предѣлы Руси, сопровождаемый благословеніями народа (1604).

§ 134. **Условія смуты.**—Народъ признавалъ смерть царевича Димитрія. Онъ естественно оплакивалъ его, какъ святого мученика, и оттого не могъ сойтись съ подозрѣваемымъ убійцей, возсѣвшимъ на его престолъ. Тѣмъ не менѣе успѣхъ Лжедимитрія былъ поразителенъ. На это было много важныхъ причинъ. Во всей Европѣ свирѣпствовали бури перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новой исторіи, связанныя съ умственнымъ, хозяйственнымъ и общественнымъ переворотами (*Н. И.* §§ 45, 49, 58—60). Вездѣ господствовали смуты: были и смѣны династій, и самозванцы (*Н. И.* §§ 30, 37, 68). На Руси также происходилъ послѣдній разсчетъ между пережитками старины и новыми потребностями; а корень старины, племя Рюрика, вымерло, выродившись предварительно такъ, что оно само подготовляло смуту, въ лицѣ Ивана Грознаго. Люди еще не успѣли приладиться къ новому порядку, требовавшему и новыхъ навыковъ, и новыхъ жертвъ. Хозяйственный и общественный перевороты, съ измѣненіемъ

положенія бояръ и крестьянства, также потрясали страну; а подконецъ къ нимъ присоединились отуманившія народъ физическія бѣдствія—голодъ и моръ. Русь представляла разстроенное немощное тѣло и готовое поприще для всеобщихъ безпорядковъ. Оголтѣлые, голодные холопы и крѣпостные бѣжали, вспомнивъ изначальное правило предковъ — разбрестись розно. Особенно наполнялась бѣглецами пограничная Сѣверская земля. Они увеличивали и безъ того огромное число вольницы Украйны, черкасъ и донцовъ, казацкая удаль которыхъ не могла еще войти въ тиски новаго строгаго порядка. Внутри Россіи также все разваливалось, все спѣшило захватить власть, оброненную съ вымираніемъ старой династіи. Бояре были на ножахъ между собой, борясь уже не за выгоды временщиковъ, а за основаніе новой династіи. Горожане также тянулись къ кормилу правленія, почувствовавъ свое значеніе со временъ Грознаго (§ 123). Тѣмъ естественнѣе было воскресеніе преданій самоправленія въ старыхъ вѣчевыхъ городахъ, особенно въ Псковѣ, Рязани, Твери.

При такихъ условіяхъ новая династія могла утвердиться только при крупныхъ, блестящихъ подвигахъ, которые захватили бы всѣ силы народа. А осторожный Борисъ избѣгалъ ихъ даже въ свою лучшую пору. Народъ называлъ его царствованіе „несчастливымъ“, а подконецъ оно стало горькимъ напоминаніемъ ужасовъ опричнины. Ктому же этотъ нелюбимый, подозрительный и коварный царь былъ другомъ иноземщины, хотѣлъ, съ помощью „латинскаго“ Запада, просвѣщать свой народъ, который видѣлъ святотатство во всякомъ ученьи, ересь — во всякомъ „новшествѣ“. Невѣжество было превосходнымъ подспорьемъ смутъ. Источникъ легковѣрія, оно склоняло подозрительныя, забитыя нуждой массы внимать самымъ нелѣпымъ слухамъ, внезапно принимать всякія чудеса за дѣйствительность. При полномъ отсутствіи гласности, при плохихъ средствахъ сообщенія, при наклонности бродягъ къ розсказнямъ, не было и возможности провѣрять слухи. Все сказанное служило лучшею подготовкой той нравственной неустойчивости, безъ которой, какъ безъ воздуха, немыслима смута, сама составляющая колоссальную ложь. Всѣ извѣстія современниковъ, какъ туземныхъ, такъ и иностранныхъ, рисуютъ яркую картину паденія нравовъ въ пору самозванщины. Всякій стремился только къ самоублаженію; признавалось только право сильнаго; не цѣнились ни честь, ни добро, ни даже жизнь ближняго. Обманъ и лицемѣріе, клевета и доносъ, гдѣ

нельзя было пустить въ ходъ насиліе, считались признакомъ ума и даровитости. Личность не признавала общественныхъ сдержекъ: каждый жилъ „особѣ“, при одномъ внѣшнемъ, насильственномъ объединеніи Руси. Въ основѣ личныхъ сношеній лежала подозрительность, равная легковѣрію невѣжества въ общихъ дѣлахъ. Русскій очевидецъ прибавляетъ: „Впали мы въ объяденіе и въ пьянство великое, въ блудъ и въ лихвы, и въ неправды, и во всякія злыя дѣла“. А иностранцы изумлялись еще одному признаку невѣжества — „нестерпимому глупому высокомѣрію“ яко бы избраннаго Богомъ народа.

Отсюда недоброжелательство и недовѣріе къ Москвѣ заграницей, которыя способствовали смутѣ. Разложеніе Руси было выгодно ея сосѣдямъ—шведамъ и особенно полякамъ. Поляки, и еще больше литовцы, истомились отъ возростающихъ трудностей борьбы съ Москвой. Съ прекращеніемъ династіи Ягеллоновъ (§ 111), они стали помышлять о соединеніи съ Русью, надѣясь двинуть ее противъ турокъ. Царь, искавшій даже руки сестры ихъ короля (§ 128), также задумывался объ этомъ соединеніи, мечтая обратить поляковъ въ своихъ православныхъ холоповъ. Баторій (§ 111) намѣревался покончить съ Москвой однимъ ударомъ, съ помощью папы и іезуитовъ, давно мечтавшихъ окатоличить ее (§ 101). По смерти его, Θедоръ сталъ бы польскимъ королемъ, если бы поступился православіемъ или поставилъ Польшу выше Россіи. Но всѣ попытки прекратить мучительную сосѣдскую распрю единеніемъ приводили только къ новой враждѣ и недовѣрію. Поляки, іезуиты, папа не должны были упускать такого блестящаго случая къ завладѣнію Москвой, какъ смута. И если среди русскихъ, соединенныхъ началомъ самодержавія, героемъ, знаменосцемъ смуты могъ быть только представитель старой династіи, хотя бы и ложный, то онъ долженъ былъ показаться изъ-за польскаго рубежа. При первой молвѣ о спасеніи царевича Димитрія, въ народѣ заговорили, что онъ укрывается за литовскою границей (§ 133).

§ 135. **Самозванецъ и гибель Годуновыхъ.**—Въ 1603 г., въ свитѣ польскаго пана, князя Вишневецкаго, появился православный юноша лѣтъ 20-ти, статный, съ изящными руками, съ благородными манерами, но некрасивый: при смугломъ лицѣ, покрытомъ бородавками, у него были рыжіе волосы и толстый носъ. Но лобъ и глаза обличали умъ и проницательность. Онъ былъ вѣжливъ, краснорѣчивъ, съ порывами страсти, но съ умѣньемъ сдерживаться. Онъ обнаруживалъ даровитость, прямо-

душіе и мягкосердечіе, зналъ попольски, бойко говорилъ и красиво писалъ порусски, но полатыни понималъ плохо и писалъ, какъ ученикъ. Вскорѣ юноша открылся своему пану, какъ царевичъ Димитрій [1]); и тотчасъ его призналъ таковымъ слуга Льва Сапѣги (§ 132), бѣглый москвичъ. Вишневецкій свезъ самозванца къ сендомірскому воеводѣ, *Мнишку*, человѣку жадному и честолюбивому, у котораго была дочь, *Марина*, такая же разсчетливая и надменная, но легкомысленная, любившая наряды и роскошь, красавица, съ очаровательными манерами, худенькая, небольшого роста, съ холоднымъ взоромъ, съ тонкими губами и острымъ подбородкомъ [2]). Самозванецъ искренно полюбилъ Марину, обѣщалъ дать ей русскія земли и перешелъ въ католичество. Мнишекъ сталъ возить будущаго зятя

---

[1]) Происхожденіе этого лица остается загадкой. По русскимъ источникамъ, основаннымъ на слухахъ, это—смѣтливый, рѣшительный сынъ галицкаго служилаго, Юрій *Отрепьевъ*, который появился въ Москвѣ незадолго до смерти Θеодора I. Онъ проживалъ у разныхъ враждебныхъ Годунову бояръ, въ томъ числѣ у Романовыхъ; а когда они подверглись опалѣ, постригся, подъ именемъ Григорія, въ Чудовомъ монастырѣ и вскорѣ сталъ писцомъ у самого патріарха Іова. Но онъ позволялъ себѣ дерзкія выходки: однажды, говорятъ, хвастался даже, что будетъ царемъ въ Москвѣ. Затѣмъ Григорій вдругъ исчезъ и, послѣ долгихъ скитаній, пробрался въ Литву. Тамъ онъ поучился немного въ школѣ, съѣздилъ къ казакамъ на Украйну и, наконецъ, поступилъ на службу къ Вишневецкому. Изъ иностранныхъ источниковъ рѣдко кто принимаетъ его за Отрепьева: они считаютъ его то истиннымъ Димитріемъ, то побочнымъ сыномъ Баторія, то валахомъ и даже итальянцомъ. Русскіе историки вообще видятъ въ немъ самозванца, подставленнаго поляками и іезуитами, а отчасти и боярами. Иностранные историки склонны къ предположенію, что это былъ дѣйствительно сынъ Ивана Грознаго.

[2]) Наше изображеніе Лжедимитрія и Марины снято съ одного изъ двухъ достовѣрныхъ, схожихъ между собой, портретовъ 1605—1606 гг., блестяще гравированнаго Олещинскимъ. Здѣсь самозванецъ въ своемъ обычномъ одѣяніи — въ кафтанѣ польскаго гусара. Марина держитъ сына на рукахъ. Она въ парчевомъ платьѣ съ высокимъ лифомъ, длинными рукавами и огромнымъ воротникомъ изъ кружевъ въ складкахъ, какъ у Маріи Стюартъ; на головѣ у нея усыпанный жемчугомъ кокошникъ, а на немъ коронка. Подлѣ Марины ея отецъ, въ польскомъ кунтушѣ, съ медалью на цѣпи. Подъ портретами очерки битвъ поляковъ съ русскими. Ниже напечатано попольски: „Димитрій. Марина. Мнишекъ. 1605“. Въ самомъ низу французская надпись: „Димитрій, прозванный русскими историками Гришкой Отрепьевымъ, бѣжалъ изъ Чудова монастыря и прошелъ разныя мѣста Польши. Онъ рѣшился выдать себя за наслѣдника московскаго престола, Димитрія, убитаго Борисомъ въ Угличѣ, въ 1591 г. Его сходство съ нимъ тѣломъ и душой, его возрастъ, тѣ же качества и взгляды поддерживали вѣру въ его дерзкія заявленія. Георгій Мнишекъ, воевода сендомірскій, надѣясь, что онъ женится на его дочери, Маріи, снабдилъ его войсками и средствами для достиженія его цѣли. Но Димитрій пренебрегалъ обычаями націи и былъ убитъ народомъ въ день своей свадьбы“.

по панамъ, а также свелъ его съ папскимъ нунціемъ и іезуитами, которымъ самозванецъ обѣщалъ распространять католичество на Руси и поднять ее въ крестовый походъ, если ему удастся осчастливить страшно угнетенный московскій людъ. Наконецъ, загадочный юноша былъ представленъ *Сигизмунду III* (§ 111), которому онъ обѣщалъ отдать Смоленскъ и Сѣверскую

Лжедимитрій I, Марина и Мнишекъ.

землю. Король, послѣ таинственнаго разговора съ нимъ, не сталъ открыто за него, но далъ ему содержаніе и разрѣшилъ панамъ помогать ему. Паны собрали ему маленькій отрядъ изъ праздныхъ людей, особенно изъ бѣглыхъ русскихъ, которымъ хотѣлось возвратиться въ отечество; а самозванецъ разослалъ по Россіи подметныя грамоты, чтобы поднять народъ на возстаніе противъ Бориса.

Грамоты подѣйствовали на русскую Украйну, населенную

бѣглецами изъ внутреннихъ земель, въ особенности же на донскихъ и сѣверскихъ казаковъ. Вскорѣ въ самой Москвѣ бояре стали пить за здоровье царевича; а нѣкоторые воеводы уже поговаривали, что трудно будетъ биться съ „природнымъ государемъ". Борисъ обнародовалъ всю исторію „самозванца *Лжедимитрія*", а патріархъ Іовъ велѣлъ проклинать по церквамъ „Гришку Отрепьева". Но народъ подсмѣивался надъ этимъ именемъ и толковалъ, что Борисъ самъ сочинилъ всю эту исторію. Когда Лжедимитрій явился со своимъ отрядомъ въ южные предѣлы московскаго государства, сѣверскіе города стали сдаваться ему безъ боя, кромѣ Новгорода Сѣверскаго, гдѣ распоряжался мужественный воевода Басмановъ. Подъ стѣнами этого города самозванецъ разбилъ гораздо болѣе многочисленное войско Годунова, которое не хотѣло драться противъ „царевича". А къ Годунову онъ послалъ грозную грамоту, какъ бы вызывая его на судъ Божій за всѣ его окаянства. Патріархъ Іовъ отвѣчалъ грамотами духовенству, чтобы молились объ избавленіи Руси отъ Гришки Отрепьева, этого „вора, бѣглаго чернеца разстриги", котораго напустилъ „литовскій король Жигимонтъ, чтобъ православныхъ христіанъ въ латынскую и лютерскую ересь привести и погубить". Но черные люди и казаки вездѣ передавались самозванцу и вязали бояръ; начали измѣнять даже рати московскія. Борисъ заболѣлъ и скоропостижно умеръ послѣ сытнаго обѣда; но его нѣмецкіе доктора распустили слухъ, что онъ отравился (1605).

Пораженная Москва притихла. Бориса схоронили поцарски и безропотно присягнули сыну его, 16-лѣтнему *Ѳедору*, дебелому, красивому юношѣ, съ большими черными глазами, который получилъ прекрасное воспитаніе и отличался степенностью и краснорѣчіемъ. Къ войску послали самаго надежнаго человѣка, Басманова. Но тотъ, пріѣхавъ къ арміи, увидѣлъ, что она уже настроена въ пользу Лжедимитрія, и рѣшился измѣнить Годуновымъ, чтобы „быть въ чести" у самозванца. Въ войскѣ первые зашумѣли въ пользу Лжедимитрія рязанскіе дворяне, *Ляпуновы* (§ 129), которыхъ поддержали люди украинскихъ городовъ, а затѣмъ и вся армія. Между тѣмъ въ Москвѣ народъ волновался отъ грамотъ и посланцевъ самозванца. Годуновы сидѣли, запершись въ кремлевскихъ теремахъ, охраняемые немногими стрѣльцами, имѣвшими зловѣщій видъ. Наконецъ, двое дворянъ открыто привезли грамоту отъ „Димитрія Ивановича". Толпа заставила прочитать ее на Красной пло-

щади. Потомъ вытребовали Василія Шуйскаго, и онъ заявилъ, что царевичъ былъ спасенъ, а вмѣсто него похоронили поповскаго сына. Въ народѣ раздалось дружное: „Буди здравъ, царь Димитрій Ивановичъ!“ — и толпа бросилась въ Кремль „искоренять Годуновыхъ“. Ихъ перевезли, на водовозныхъ клячахъ, въ ихъ старый боярскій домъ и отдали подъ стражу стрѣльцамъ, перешедшимъ на сторону народа; а ихъ родственниковъ и друзей разсажали по тюрьмамъ. Къ Лжедимитрію послали повинную грамоту, во главѣ которой стояло имя патріарха Іова. Въ отвѣтъ на нее прибыли изъ стана самозванца двое бояръ. По ихъ приказанію, Іовъ былъ опозоренъ и сосланъ въ далекій монастырь. Ѳедоръ и его мать были удавлены; его сестру, красавицу Ксенію, постригли въ монахини, послѣ ряда тяжкихъ испытаній. Родственниковъ и друзей Годуновыхъ (до 25 семействъ) отправили въ пограничные города. Прахъ царя Бориса былъ выкопанъ въ Архангельскомъ соборѣ и похороненъ въ бѣдной обители. Дней десять спустя, Лжедимитрій съ торжествомъ вступилъ въ Москву.

§ 136. **Лжедимитрій I.** — Толпа ликовала, какъ опьяненная, и падала ницъ передъ „нашимъ солнышкомъ праведнымъ“. Она умилилась, когда увидѣла, какъ онъ горько плакалъ надъ гробомъ Грознаго; она довѣрчиво прислушивалась къ горячимъ словамъ Богдана Бѣльскаго (§ 133), который ручался, что это истинный царевичъ. Всякія сомнѣнія исчезли, когда царица Марѳа, послѣ таинственнаго свиданія съ Лжедимитріемъ въ шатрѣ подъ Москвой, всенародно приласкала его, какъ своего сына, а онъ окружилъ ее сыновнимъ почетомъ и сталъ каждый день навѣщать ее. Послѣ этого уже безпрепятственно совершилось весьма торжественное и свѣтлое вѣнчаніе на царство. Народъ радовался, видя милости, изливавшіяся на жертвы Годунова — на Нагихъ и Романовыхъ, изъ которыхъ Филаретъ (§ 133) былъ сдѣланъ митрополитомъ ростовскимъ. Былъ возвращенъ изъ ссылки даже „царь“ Симеонъ (§ 130). Лжедимитрій не преслѣдовалъ и враговъ: онъ не тронулъ одного владыку, который открыто молился за Бориса и проклиналъ „Гришку Отрепьева“. Еще великодушнѣе поступилъ онъ съ Василіемъ Шуйскимъ, который сталъ разглашать, что хотя царевичъ Димитрій и живъ, но этотъ — не царевичъ, а самозванецъ. Лжедимитрій отдалъ Шуйскаго на судъ самого народа и, несмотря на присужденіе къ смерти, сохранилъ ему не только жизнь, но даже имѣнія и боярскій санъ. Самозванецъ всегда оставался вѣренъ своимъ

словамъ: „Есть два образца держать царство — или всѣхъ жаловать, или быть мучителемъ. Я избралъ первый“. Все его 11-ти мѣсячное правленіе было проникнуто этимъ духомъ, а также правдивостью. Въ новомъ царѣ ничто не изобличало лжеца. Онъ велъ себя искренно, свободно, весело; смѣло отдавалъ свое дѣло на судъ всей землѣ, смѣло брался за важныя и необычныя на Руси дѣла. Онъ ненавидѣлъ доносы и доходилъ до крайности въ своей довѣрчивости. Онъ лично принималъ челобитныя, запросто толкался въ толпѣ и самъ работалъ въ мастерскихъ, хотя умѣлъ, гдѣ нужно, выказывать величіе и достоинство царя. Онъ старался облегчать всѣхъ: духовенство удостоилось новыхъ преимуществъ; служилые стали получать двойное жалованье; было запрещено потомственное холопство, а бѣглый крестьянинъ становился свободнымъ черезъ 5 лѣтъ. Правительство приняло новый видъ. Дума стала *сенатомъ*, въ которомъ Лжедимитрій присутствовалъ ежедневно, поражая бояръ и духовенство своими способностями и познаніями. Этотъ юноша казался учителемъ среди сѣдобородыхъ школьниковъ: онъ добродушно подсмѣивался надъ неуклюжестью и невѣжествомъ думцевъ и говорилъ, что пошлетъ ихъ дѣтей учиться за-границу. Судъ сталъ безплатнымъ; строго запрещалось брать взятки и грубо обращаться съ народомъ. Торговля и промыслы были объявлены свободными и безпошлинными, чего не было тогда даже нигдѣ на Западѣ. Всякому дозволялось безъ паспортовъ и разрѣшеній пріѣзжать въ Московское царство и выѣзжать изъ него. Тогда на Руси впервые явилась полная *свобода исповѣданій*. „Я не хочу никого стѣснять“, говаривалъ Лжедимитрій: „пусть мои владѣнія будутъ свободны во всѣхъ отношеніяхъ; и пусть повсюду разнесется добрая слава о моемъ царствованіи“.

Самая жизнь Лжедимитрія была какъ бы укоромъ скучному, обрядовому быту низенькихъ, душныхъ кремлевскихъ палатъ. Онъ любилъ непринужденность, шутки, дамское общество; говорилъ, что желаетъ, чтобы весь народъ веселился. Онъ даже устроилъ себѣ два высокихъ деревянныхъ дворца, блиставшихъ европейскими украшеніями и удобствами. Здѣсь впервые начала играть *музыка* за обѣдомъ, а по вечерамъ устраивались то *танцы* и пѣсни, то игра въ карты и шахматы. Особенно много было женщинъ при дворѣ, въ томъ числѣ Ксенія Годунова. Послѣ обѣда цари, бывало, ложились спать, а Лжедимитрій ходилъ пѣшкомъ по городу. Часто онъ занимался и охотой, самъ хо-

дилъ на медвѣдей: прежде травили ручныхъ звѣрей. Все это было проявленіемъ европейскаго вліянія на Руси. Лжедимитрій открывалъ собою *эпоху преобразованій* въ русской исторіи, о которой думалъ Годуновъ и которая достигла развитія при Петрѣ I. Но Лжедимитрій не былъ рабомъ Запада: его внѣшняя политика была основана на русскихъ выгодахъ. Папа былъ увѣренъ, что наконецъ-то Москва обратится въ католичество, а Сигизмундъ III разсчитывалъ превратить Русь въ своего вассала; но оба ошиблись. Лжедимитрій сталъ вести себя съ ними съ достоинствомъ и даже принялъ титулъ „непобѣдимаго" *цезаря* (императора). Онъ объявилъ, что не уступитъ ни пяди русской земли и не пуститъ въ Москву іезуитовъ, съ которыми разсуждалъ только о просвѣщеніи народа. Онъ даже склонялъ Марину къ принятію хотя обрядовъ нашей церкви и поддерживалъ русское братство во Львовѣ, цѣлью котораго было охранять православіе отъ папства. Но Лжедимитрій старался дружить и осоюзиться чуть не со всею Европой, мечтая о крестовомъ походѣ противъ турокъ, для котораго уже собиралъ рать, лилъ пушки и готовился даже посредствомъ воинскихъ потѣхъ. Особенно же его сочувствіе склонялось къ Генриху IV французскому (*Н. И.* § 38), т.-е. къ лучшему государю того времени. Народъ любилъ самозванца. Когда появлялись злоумышленники, Лжедимитрій отдавалъ ихъ на судъ ему, и онъ разрывалъ ихъ на части.

Но тѣмъ болѣе ненавидѣли его бояре, которые опасались, что, опираясь на массу, онъ отниметъ у нихъ значеніе. Нѣкоторые изъ нихъ сами мечтали о царскомъ вѣнцѣ, особенно властолюбивый и жестокій *Василій Шуйскій*, великодушно пощаженный Лжедимитріемъ. Онъ составилъ кружокъ заговорщиковъ, которые старались поселить въ народѣ недовѣріе къ самозванцу, пользуясь пристрастіемъ послѣдняго ко всему иноземному. Лжедимитрій завелъ во дворцѣ стражу изъ нѣмцевъ и французовъ, окружилъ себя поляками, рѣдко посѣщалъ церковь, необычно прикладывался къ иконамъ, не ходилъ въ баню, не соблюдалъ постовъ, одѣвался поиноземному, нарочно часто ѣлъ телятину, что считалось въ Москвѣ неприличнымъ; и передъ его дворцомъ красовался трехглавый песъ, Церберъ, который назывался у насъ Адомъ. Соблазнъ для толпы увеличился, когда Лжедимитрій женился на Маринѣ Мнишекъ, которой онъ не промѣнялъ на предлагаемыхъ ему царственныхъ невѣстъ. Сама высокомѣрная и образованная полячка презирала

русскихъ, какъ полудикарей: она даже долго откладывала свой пріѣздъ въ Москву и съ трудомъ согласилась одѣться порусски и подчиниться нашимъ обрядамъ при короновапіи. Съ нею наѣхало множество поляковъ, которые бражничали и обижали москвичей, врываясь въ ихъ дома. Ея свадьба сопровождалась безконечными шумными празднествами и заморскими потѣхами. Впрочемъ, народъ прощалъ эти увлеченія молодому царю. Заговорщикамъ оставалось прибѣгнуть къ хитрости. Весной 1606 г. Шуйскій, съ мечемъ въ одной рукѣ, съ крестомъ въ другой, повелъ ихъ на Красную площадь и закричалъ, что поляки хотятъ убить царя. Толпа бросилась на поляковъ, а заговорщики тѣмъ временемъ устремились ко дворцу, во главѣ преступниковъ, которыхъ они выпустили изъ тюремъ. Увидя ихъ въ окно, самозванецъ бросился внизъ, надѣясь выйти къ народу подъ защиту, но оступился и упалъ; тутъ его пристрѣлили. Домà поляковъ были разграблены, многіе иностранцы убиты. Вдругъ разнесся слухъ, что Лжедимитрій самъ признался въ самозванствѣ; тогда же Мароа объявила, что это—не ея сынъ. Толпа разсвирѣпѣла и начала кричать противъ „злаго еретика„. Тѣло Лжедимитрія выволокли на Красную площадь, надѣли на лицо безобразную маску, всунули въ губы волынку, потомъ бросили его въ яму, предназначенную для преступниковъ. Но, вотъ, заговорили, что покойникъ встаетъ изъ могилы и ходитъ по городу: тогда трупъ несчастнаго былъ сожженъ; пепломъ заряжали пушку и выстрѣлили на юго-западъ.

§ 137. **Царь Василій Шуйскій и Болотниковъ.**—Россія опять осталась безъ царя. Но бояре собрали толпу на Красной площади и „выкрикнули“ царемъ *Василія Шуйскаго*, который въ молодости служилъ Грозному (§ 121), а потомъ старался угодить всякому, кто занималъ московскій престолъ. Этотъ приземистый, изможденный, сгорбленный, подслѣповатый старикъ, съ большимъ ртомъ и рѣденькой бородкой, отличался алчностью, безсердечіемъ, страстью къ шпіонству и наушничеству; онъ былъ невѣжественъ, занимался волхвованіемъ и ненавидѣлъ все иноземное. Онъ проявлялъ мужество и крайнее упорство только въ отстаиваніи своей короны, за которую уцѣпился съ лихорадочностью скряги. Народъ не терпѣлъ Шуйскаго, который и былъ избранъ не земскимъ соборомъ, а московскими боярами, ставшими за него, какъ за потомка Невскаго и какъ за человѣка настолько бездарнаго, что они надѣялись управлять его именемъ. Ктому же бояре взяли запись съ Шуйскаго въ томъ,

что онъ ничего не будетъ дѣлать безъ ихъ совѣта. Бояръ поддерживала толпа московскихъ суевѣровъ и приверженцевъ старины, которые воображали, что Шуйскій хочетъ спасти Россію отъ дьявола и отъ иноземцевъ, съ помощью которыхъ Лжедимитрій замышлялъ будто бы уничтожить православіе: они ликовали, когда Василій сослалъ Мнишка съ Мариной въ Ярославль, а важныхъ поляковъ—въ другіе города, остальныхъ же выпроводилъ домой. Но вскорѣ обнаружилось всеобщее недовольство.

Тогда все вело къ *разгару смуты*, продолжавшемуся цѣлыхъ семь лѣтъ (1606—1613). Въ самой Москвѣ у Василія Шуйскаго не было корней. Новый патріархъ, Гермогенъ, держалъ его сторону, какъ вѣнчаннаго царя, но не долюбливалъ его лично и грубилъ ему. Бояре, среди которыхъ были и приверженцы Лжедимитрія, частью завидовали ему, сами стремясь къ престолу, частью старались пользоваться взятою съ него записью; а онъ началъ разсылать ихъ воеводами по далекимъ городамъ, а у нѣкоторыхъ отнималъ даже помѣстья и вотчины. Смутники изъ черни, выкрикнувшіе Василія на площади, тщетно ожидали наградъ отъ алчнаго старика. Еще хуже было внѣ Москвы. Тамъ менѣе всего могли довѣрять новому царю, избранному безъ вѣдома земли, одною Москвой, которая потеряла значеніе сердца Руси послѣ лжи и преступленій, терзавшихъ ее со временъ опричнины. Тамъ сожалѣли о Лжедимитріи. Когда Шуйскій и Гермогенъ разослали грамоты о томъ, что „Гришка Отрепьевъ“ былъ вѣдунъ и чернокнижникъ, народъ вознегодовалъ на очерненіе памяти „царя Димитрія“ и говорилъ, что самъ Шуйскій тайкомъ, „воровски“, занялъ престолъ. Еще хуже было впечатлѣніе, произведенное грамотой царицы Марѳы, которая вчера только признала Лжедимитрія своимъ сыномъ, а теперь говорила, что это—злодѣй, сынъ же дѣйствительно убитъ въ Угличѣ. Сами москвичи смутились, когда Шуйскій объявилъ царевича Димитрія святымъ и торжественно перенесъ его мощи изъ Углича въ Москву: они помнили, какъ самъ же онъ доказывалъ на слѣдствіи, что царевичъ зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни и потому былъ недостоинъ даже погребенія, какъ самоубійца (§ 132). Умы помутились отъ этихъ безтолковыхъ оповѣщеній, которыя перекрещивались съ кучей противорѣчивыхъ слуховъ, своихъ и заграничныхъ. Правительственное увѣреніе въ чародѣйствѣ Лжедимитрія облегчало вѣру въ новое спасеніе злополучнаго сына Ивана IV. А тутъ со-

сланные Шуйскимъ бояре стали увѣрять народъ въ его лживости и жестокости. Ихъ много было на рубежахъ Украйны, подлѣ казаковъ, которые не могли жить безъ покорнаго ихъ вольницѣ самозванца. Здѣсь-то, попреимуществу у донскихъ и терскихъ казаковъ, появилось тогда до десятка самозванцевъ, среди которыхъ были и Лжедимитріи, и небывалыя дѣти сыновей Грознаго, Ивана и Ѳедора. Всѣ они быстро исчезали, какъ настоящіе „воры“.

Но мѣсяца два спустя послѣ воцаренія Василія, возникъ болѣе опасный самозванецъ. Вдругъ разнесся слухъ, будто на югѣ появился спасенный вторично сынъ Ивана IV. Виновникомъ его былъ одинъ изъ приверженцевъ Лжедимитрія, который бѣжалъ въ Литву и по дорогѣ разглашалъ, будто царевичъ снова спасся. Москвичи начали вѣрить этому, потому что трупъ Лжедимитрія лежалъ на Красной площади съ маской на лицѣ. Вслѣдъ затѣмъ въ Сѣверской Украйнѣ явился какой-то человѣкъ, собиравшій рать для „царя Димитрія“, который будто бы поджидалъ въ Литвѣ. То былъ *Иванъ Болотниковъ*, бывшій холопъ, котораго турки взяли въ плѣнъ еще мальчикомъ. Отчаянный головорѣзъ, онъ отличался ловкостью, предпріимчивостью, умѣньемъ возбуждать къ себѣ довѣріе. Онъ теперь только возвратился въ Россію черезъ Польшу и, не видавъ въ глаза ни царевича, ни Лжедимитрія, повѣрилъ въ подлинность неизвѣстнаго человѣка, котораго принято называть *Лжедимитріемъ II*. По призыву Болотникова, чуть не вся Русь, отъ Сѣверска до Тулы, Пскова, Вятки, Перми и Астрахани, возстала за „Димитрія царя“ противъ Шуйскаго. Бѣдняки и холопы избивали богачей и помѣщиковъ, мѣщане и мужики—своихъ воеводъ и намѣстниковъ. Множество ратныхъ людей, стрѣльцовъ и казаковъ собралось къ Болотникову. Главаремъ ихъ сталъ душа храбрыхъ рязанцевъ, дворянинъ Прокопій *Ляпуновъ*, красивый, искусный, предпріимчивый воевода, но дерзкій и отчаянный мужикъ, ненавидѣвшій все иноземное. Полный кипучихъ силъ, онъ былъ высокомѣренъ, косился на бояръ, которые не пропускали наверхъ людей его званія, и готовъ былъ на все для своего возвышенія. Болотниковъ нѣсколько разъ разбилъ войска Шуйскаго и уже былъ недалеко отъ Москвы, какъ вдругъ счастье измѣнило ему. Самъ Лжедимитрій не являлся,—и русскіе, подозрѣвая обманъ, оставались въ нерѣшительности, а иные поспѣшили съ повинной къ Шуйскому: таковъ былъ самъ Ляпуновъ, котораго наградили саномъ думнаго дворянина. Въ то же время

у Василія явился прекрасный полководецъ — его племянникъ, Михаилъ Скопинъ-Шуйскій. Онъ разбилъ Болотникова, который былъ сначала лишенъ зрѣнія, потомъ утопленъ. Но вслѣдъ затѣмъ показался самъ Лжедимитрій II.

§ 138. **Лжедимитрій II. Тушино.**—Неизвѣстно, кто былъ новый самозванецъ. Одни считаютъ его литвиномъ или малороссомъ, другіе—евреемъ, поповичемъ и даже сыномъ князя Курбскаго. Его подослали изъ Литвы паны, и именно родные Марины. То былъ бездарный, невѣжественный мужикъ, грязный и сквернословный, котораго поляки тщетно обучали хорошимъ манерамъ. Тѣмъ не менѣе его появленіе въ Сѣверской области, въ началѣ 1608, было удачно. Не говоря уже про казаковъ, къ нему тотчасъ же пристали многіе поляки, у которыхъ случился тогда мятежъ, а также холопы служилыхъ, оставшихся вѣрными Шуйскому. Города и войска царя Василія стали переходить на его сторону. Во главѣ силъ, собравшихся вокругъ Лжедимитрія II, находились донской атаманъ Заруцкій и отважный литовскій наѣздникъ Лисовскій. *Заруцкій* сдѣтства былъ плѣнникомъ крымцевъ; юношей онъ бѣжалъ на Донъ, гдѣ плѣнилъ казаковъ своею отвагой, смѣтливостью, красотой и статностью. *Лисовскій*—непокорная натура, отчаянный головорѣзъ, который наводилъ страхъ на всю Польшу въ послѣднемъ бунтѣ и прославился даже за ея предѣлами, какъ неуловимый и безпощадный геній мелкой войны, этой охоты на людей. Теперь онъ начальствовалъ толпами набѣжавшихъ изъ Польши бунтарей, преступниковъ, нищихъ и должниковъ, которые совершали такіе ужасы, что одно имя „лисовчиковъ“ приводило русскихъ въ трепетъ. Подлѣ Лжедимитрія II было еще много пановъ съ ихъ свитами, которые помыкали имъ, какъ своимъ орудіемъ, и до того притѣсняли его, что онъ запилъ съ горя. Вскорѣ появился здѣсь и Мнишекъ съ дочерью. Шуйскій отправилъ его въ Польшу, вмѣстѣ съ поляками, захваченными послѣ убіенія Лжедимитрія I, думая задобрить этимъ Сигизмунда. Но Мнишекъ увѣдомилъ новаго самозванца о своемъ путешествіи и просилъ освободить его отъ московской стражи, сопровождавшей его; польскій удалецъ, *Янъ Сапѣга*, съ своими отчаянными „гусарами“, отбилъ Мнишка съ дочерью и привезъ ихъ къ Лжедимитрію II. Марина плакала, мучилась, не желая признать неизвѣстно кого своимъ мужемъ; но отецъ принудилъ ее, за что получилъ отъ самозванца 300.000 руб., съ которыми поспѣшилъ домой. Послѣ признанія Марины, русскіе окончательно увѣро-

вали въ Лжедимитрія II, и онъ расположился укрѣпленнымъ лагеремъ въ 15-ти верстахъ отъ Москвы, въ селѣ *Тушинѣ*. Враги и прозвали его *Тушинскимъ Воромъ*.

Вокругъ особаго дворца, построеннаго для „царика“, собралось множество всякаго сброда со всѣхъ краевъ Руси: были и московскіе служилые бояре, во главѣ которыхъ стоялъ отчаянный и грубый кутила, князь *Трубецкой*. Кто приставалъ къ самозванцу искренно, кто изъ страха или ненависти къ Шуйскому. Большинство же привлекала привольная жизнь въ Тушинѣ. Здѣсь былъ не военный лагерь, а скорѣе разгульная казацкая кочевка. Тушинцы, которые и сами не знали своего числа (ихъ было болѣе 100.000), распадались на множество шаекъ, каждая съ своимъ выборнымъ атаманомъ. Подлѣ лагеря устроился поселокъ торгашей, привозившихъ всякіе товары. Сосѣдніе крестьяне курили вино и варили меды, привозили хлѣбъ, масло, молоко, пригоняли скотъ. Шайки рыскали всюду, подбирая все, что̀ плохо лежало. Всѣ соперничали въ бражничествѣ и буйствѣ. Особенно отличались веселостью и сварливостью поляки да казаки, которые любили играть въ карты и кости, причемъ нерѣдко происходила потасовка. Лагерь оживлялся присутствіемъ женщинъ, которыхъ набралось множество: однѣ приходили сами повеселиться, другихъ пригоняли насильно изъ окрестныхъ селъ. У многихъ тушинцевъ водились деньжонки: они не разъ переходили на сторону Шуйскаго и снова возвращались, получая жалованье и въ Москвѣ, и въ Тушинѣ. Этихъ людей называли *перелетами*. Шайки тушинцевъ ходили далеко отъ Москвы и забирали города, которые „жили просто, безъ совѣту и обереганья“. Рѣдко гдѣ встрѣчали онѣ такое сопротивленіе, какъ въ Ростовѣ, гдѣ Филаретъ (§ 136) отчаянно отбивался въ соборѣ, пока не были перебиты сидѣльцы. Самого Филарета привезли въ Тушино и назвали патріархомъ; но онъ оставался „твердъ въ правой вѣрѣ“, по словамъ очевидцевъ, и за то содержался подъ крѣпкою стражей. Самые отважные атаманы, Сапѣга и Лисовскій, бросились даже на укрѣпленную Троицкую лавру, славившуюся своимъ богатствомъ.

Но вскорѣ положеніе тушинцевъ измѣнилось, по ихъ собственной винѣ. Они грабили и мучили людей, которые нерѣдко убивали себя и топились, чтобы избавиться отъ нихъ. Особенно отличались поляки, которые выказывали притомъ презрѣніе ко всему русскому и оскверняли святыни. Оттого, всего три мѣсяца спустя послѣ устройства лагеря, народъ сталъ бить и то-

пить тушинцевъ; села и города снова переходили на сторону Шуйскаго; сѣверскіе города, болѣе удаленные отъ Тушина, пересылались между собой грамотами насчетъ того, какъ бы истребить „воровское“ гнѣздо. Въ самомъ Тушинѣ завелись смуты. Перебѣжавшіе изъ Москвы спѣсивые бояре хотѣли играть первую роль, которой не уступали имъ поляки; а казаки своевольничали и знать не хотѣли никакого начальства. Всякій жилъ для себя, и всѣ забыли про самозванца; а польскіе паны даже обзывали его воромъ и грозили ему смертью, такъ что онъ прятался отъ нихъ. Марина мучилась все время, и, не зная, какъ отдѣлаться отъ ложнаго, противнаго мужа, хотя она имѣла отъ него сына, „Ивашку“, писала укоризны отцу, который продалъ ее и бросилъ на произволъ судьбы. Наконецъ Сапѣга съ Лисовскимъ встрѣтили замѣчательное сопротивленіе со стороны Троицкой лавры. Тысячи полторы ратниковъ, которымъ помогали крестьяне, монахи и ихъ служки, отсиживались 16 мѣсяцевъ отъ вдесятеро сильнѣйшаго врага, несмотря на заразу и такое истомленіе, что люди „обезножѣли“. Полякамъ пришлось снять осаду.

§ 139. **Гибель Тушина и царя Василія.**—Примѣръ Троицкой лавры отразился далеко. Истомленный „ворами“ народъ сталъ самъ заботиться объ устроеніи порядка. Пошла пересылка между городами и волостями; подымались возстанія противъ тушинскаго вора. Собирались даже общія рати, и князь Димитрій Пожарскій разбилъ отрядъ тушинцевъ подъ Серпуховомъ. А въ Москвѣ легко были подавлены попытки бунтарей уничтожить Шуйскаго— и москвичи начали биться съ тушинцами. Въ то же время царь Василій согласился, наконецъ, на предложеніе *шведовъ* выручить его за уступку Кореліи и за отступленіе отъ Ливоніи. Шведы дали ему отрядъ хорошаго войска, который присоединился къ русской рати, двинувшейся на Тушино отъ Новгорода. Этою арміей начальствовалъ Михаилъ *Скопинъ-Шуйскій* (§ 137), одна изъ самыхъ привлекательныхъ личностей въ русской исторіи. Скопинъ, которому было тогда всего 24 г., былъ рослый, статный красавецъ, съ привѣтливыми манерами; иностранцы единодушно хвалили его за учтивость и проницательный умъ, а русскіе любили его, какъ родного, и гордились имъ. Скопинъ уже успѣлъ обнаружить блестящія дарованія, какъ полководецъ и государственный человѣкъ. Лжедимитрій I приблизилъ его къ себѣ. Соединившись со шведами, онъ поразилъ тушинцевъ и, очистивъ путь отъ нихъ, съ торжествомъ вступилъ въ Москву. Народъ падалъ передъ нимъ на колѣни; тамъ и сямъ

уже поговаривали открыто, что ему, а не Василію, слѣдуетъ сидѣть на престолѣ. Василій, устрашаемый еще ворожеями, сталъ опасаться Скопина; но всего болѣе ненавидѣлъ юнаго героя братъ царя, *Димитрій Шуйскій*, ничтожный, но заносчивый человѣкъ, который надѣялся царствовать послѣ бездѣтнаго Василія. Черезъ нѣсколько недѣль по вступленіи Скопина въ Москву, родственникъ царя, князь Воротынскій, пригласилъ его крестить сына: на пиру Скопинъ внезапно заболѣлъ и вскорѣ умеръ на рукахъ любимой жены и матери. Говорятъ, его отравила жена Димитрія Шуйскаго, дочь Малюты Скуратова. Народъ оплакивалъ смерть своей единственной надежды, юнаго героя-человѣка, горючими слезами и увѣковѣчилъ его память именемъ „очистителя государства россійскаго".

Между тѣмъ тушинцамъ былъ нанесенъ послѣдній ударъ польскимъ королемъ, хотя онъ выступилъ противъ ихъ врага, Василія. Сигизмундъ не могъ смотрѣть равнодушно на союзъ Шуйскаго съ заклятымъ врагомъ Польши, Швеціей. Онъ надѣялся еще, пользуясь смутой, овладѣть московскимъ престоломъ: его послы увѣряли, что бояре изъ ненависти къ Шуйскому готовы провозгласить царемъ королевича Владислава (§ 111), какъ только войска Сигизмунда появятся въ предѣлахъ Россіи. Сигизмундъ перешелъ границу съ большимъ войскомъ, которое велъ лучшій его полководецъ, а также умный политикъ и мягкій, образованный человѣкъ, гетманъ *Жолкѣвскій*. Онъ обложилъ Смоленскъ, жители котораго объявили, что умрутъ „за домъ Пресвятой Богородицы"; а Жолкѣвскій разбилъ рать Василія, предводимую ненавистнымъ ей Димитріемъ Шуйскимъ. Это рѣшило участь Тушина. Какъ только здѣсь узнали, что Сигизмундъ подвигается къ Москвѣ, поднялось страшное смятеніе. Самозванецъ бѣжалъ въ Калугу, въ навозныхъ саняхъ, переодѣвшись мужикомъ. Марина осталась-было, но видя, что тушинцы хотятъ передаться Сигизмунду, переодѣлась гусаромъ и бѣжала туда же, съ отрядомъ казаковъ, подъ начальствомъ ея друга, Заруцкаго. На дорогѣ ее схватили; но она угрожала битвой и вообще вела себя мужественно и гордо, не переставая именоваться „царицей всея Руси". Людямъ, совѣтовавшимъ ей возвратиться въ Польшу, она отвѣчала, что обязана защищать свое царское достоинство. Тушинцы, между тѣмъ, сами сожгли Тушино и присоединились къ Сигизмунду. Тутъ были и русскіе, съ митрополитомъ Филаретомъ во главѣ,—какъ князья и бояре, такъ и дьяки и такіе люди, какъ расторопный торговый мужикъ, Ѳедька Андро-

новъ. Но они признали Владислава царемъ на условіяхъ. Королевичъ обязывался: вѣнчаться въ Москвѣ по старому обычаю и сохранять нерушимо православіе; не давать должностей на Руси польскимъ и литовскимъ панамъ; увеличить права духовенства и бояръ, безъ которыхъ никого не казнить, не перемѣнять законовъ и не вводить податей, а также не дозволять крестьянскихъ переходовъ и не давать вольности холопамъ; не понижать невинно людей великихъ чиновъ, но и возвышать меньшихъ людей по заслугамъ; „для науки вольно каждому изъ народа московскаго ѣздить въ другія государства христіанскія".

Такъ, новая бѣда шла на царя Василія, который сталъ совсѣмъ противенъ народу послѣ смерти Скопина, порвавшей послѣднюю связь между нимъ и родомъ Шуйскихъ. Бѣшеный, безстрашный Ляпуновъ хотѣлъ „ссадить" Василія еще при жизни Скопина, которому онъ предлагалъ корону; но его остановила вѣрность царю зарайскаго воеводы, князя Димитрія Пожарскаго. Теперь онъ готовъ былъ идти, съ своими рязанцами, на Москву, гдѣ его единомышленникомъ былъ близкій къ царю человѣкъ, бездарный и трусливый воевода, князь Василій Голицынъ. Москвичи, поднятые братомъ Ляпунова, вдругъ составили сходку всякихъ чиновъ и, вопреки увѣщаніямъ Гермогена, низложили Шуйскаго за то, что онъ „не по правдѣ, не по выбору всей земли русской сѣлъ на престолъ и былъ несчастенъ на царствѣ" (1610). Затѣмъ заставили его принять схиму. Во время постриженія, Василія держали за руки, и одинъ бояринъ произносилъ за него согласіе, а онъ кричалъ: „Не хочу, не хочу!" Правленіе, до выбора новаго царя, было передано *боярской думѣ*, съ первымъ бояриномъ, княземъ Мстиславскимъ, во главѣ.

§ 140. **Иноземщина. Владиславъ и Сигизмундъ.** — Дума разослала по городамъ грамоту о томъ, чтобы избрать царя „всею землею". Многіе мечтали, конечно, о государѣ изъ русскихъ: такъ увѣщевали и Гермогенъ, и Филаретъ, пріѣхавшій въ Москву послѣ разгрома Тушина. Имѣлось въ виду выбрать или Голицына, или же юнаго сына Филарета, Михаила. Но подъ обезсиленной столицей стояла сила короля и сила царика. Если чернь, съ Ляпуновыми во главѣ, еще сочувствовала самозванцу, надѣясь, что онъ, опасаясь бояръ, станетъ ласкать ее, то дума и именитые люди, къ которымъ склонялся и Гермогенъ, предпочитали поляковъ, особенно послѣ условій тушинцевъ съ королемъ. Но они хотѣли воцарить не самого Сигизмунда, который не могъ отлучиться изъ Польши и былъ опасенъ своимъ

могуществомъ, а *Владислава*. Они требовали также, чтобы королевичъ подтвердилъ всѣ условія отца, кромѣ возвышенія меньшихъ людей и поѣздокъ за-границу. Стоявшій подъ Москвою Жолкѣвскій понялъ, что иначе поляку и нельзя сѣсть на русскомъ престолѣ: онъ согласился на условія бояръ и былъ впущенъ въ Москву. Жолкѣвскій принялъ отъ москвичей присягу Владиславу и отправилъ отъ ихъ имени посольство къ Сигизмунду съ просьбой прислать королевича и уговорить его принять православіе, а также отступить отъ Смоленска. Чтобы удалить изъ Москвы опасныхъ лицъ, онъ отправилъ послами Филарета и Голицына. Жолкѣвскій строго смотрѣлъ за поляками, заступался за москвичей, вообще обходился со всѣми такъ справедливо и ласково, что привлекъ къ себѣ даже чернь и такихъ ненавистниковъ иноземщины, какъ Гермогенъ и Ляпуновъ, а наши стрѣльцы не чаяли въ немъ души. Въ то же время онъ успѣлъ расправиться съ самозванцемъ, войско котораго перешло на его сторону. Лжедимитрій II запилъ больше прежняго и сталъ такъ своевольничать, что свои же убили его. Отъ него остался сынъ, котораго непокорная Марина и не покидавшій ее Заруцкій провозгласили наслѣдникомъ русскаго престола.

Но вдругъ Жолкѣвскій уѣхалъ къ королю, подъ Смоленскъ, захвативъ съ собой бывшаго царя Василія и поручивъ Москву бездарному, чванному и жадному пану Гонсѣвскому. Тамъ онъ убѣдился, что его дѣло проиграно. Поляки выдвинули столь опасный тогда религіозный вопросъ, отклонивъ переходъ королевича въ православіе. Они даже собирались заправлять Русью, а іезуиты—обращать ее въ католичество. Сигизмундъ, одно имя котораго, по признанію самихъ поляковъ, было ненавистно москвичамъ, объявилъ, что самъ будетъ царемъ. Онъ отправилъ московское посольство въ Польшу, ограбленное, Филарета и Голицына—въ цѣпяхъ. Затѣмъ онъ разгромилъ Смоленскъ, сидѣльцы котораго сами взрывали себя на воздухъ, и устроилъ торжественный въѣздъ въ Варшаву, причемъ царь Василій игралъ унизительную роль, послѣ которой онъ вскорѣ умеръ. Гонсѣвскому былъ посланъ приказъ раздавать земли и должности полякамъ, а съ москвичами обращаться, какъ съ мятежниками. Главныхъ бояръ обидѣли тѣмъ, что стали возвышать тушинцевъ, людей незнатныхъ, и посадили въ думу Ѳедьку Андронова. Гонсѣвскій началъ распоряжаться, какъ въ завоеванномъ городѣ: часть казны онъ взялъ себѣ, часть отправилъ

Сигизмунду. Себялюбивая дума признала Сигизмунда царемъ и посылала ему унизительныя письма; именитые люди, съ Мстиславскимъ во главѣ, выпрашили у него вотчинъ и разныхъ милостей.

§ 141. **Ополченіе Руси. Троицкіе люди**.—Но народъ роп-талъ и готовился къ мщенію: съ погибелью Тушинскаго Вора, страхъ отпустилъ его разумъ, и стало ясно, что передъ нимъ единственный врагъ—иноземщина. Этотъ духъ проявился прежде всего въ двухъ видныхъ лицахъ. „Начальный человѣкъ", патріархъ, выдвигался на первый планъ среди безвластія. *Гермогенъ* былъ истый москвичъ той поры. Въ глазахъ русскихъ, его односторонность, грубость, подозрительность, доступность навѣтамъ искупались ненавистью ко всякой иноземщинѣ, ко всякому иновѣрію, да преданностью порядку. Онъ признавалъ только повиновеніе царю и церкви; онъ въ жизни каждаго видѣлъ одну только задачу — „все подъ руку покорять московскому царю". Презирая Шуйскаго лично и грубя ему, онъ защищалъ его отъ крамолы; ненавидя Владислава, онъ призналъ его, какъ орудіе истребленія воровъ и иноземцевъ. Но увидѣвъ свою ошибку, Гермогенъ поднялся, какъ стражъ русскихъ, которому „Господь велѣлъ стеречь, чтобы кого-нибудь изъ нихъ сатана не укралъ". Онъ началъ гремѣть, что поляки, какъ и всѣ иноземцы и „латыняне" — прирожденные враги Руси и православія. Страстный Ляпуновъ, который сначала также горячо стоялъ за Владислава, жаждалъ мести за обманъ. Въ одно время полетѣли по Руси *увѣщательныя грамоты*—изъ Москвы отъ Гермогена и изъ Рязани отъ Ляпунова. Онѣ взывали къ „чистотѣ душевной и братству"; онѣ требовали, чтобы вся русская земля соединилась и шла къ Москвѣ выручать православіе и избирать себѣ царя. По городамъ и селамъ звонили въ колокола, собирали народъ, списывали грамоты и разсылали ихъ дальше. Тамъ и сямъ показывались видѣнія, призывавшія къ покаянію, къ очищенію земли русской. Народъ налагалъ на себя посты. Всякій несъ пожертвованія, а способные носить оружіе снаряжались, какъ ни попало, и шли къ Москвѣ полками земскихъ людей. Такъ составилось, весной 1611 г., *первое* русское *ополченіе* (до 100.000). Національное чувство проснулось даже въ казакахъ, съ ихъ Заруцкимъ. Не зная, куда дѣваться по смерти самозванца, они приставали къ ополченію, руководимому Ляпуновымъ.

Какъ только подошло ополченіе, люди котораго тайкомъ

пробирались въ столицу, и въ томъ числѣ Пожарскій, москвичи возстали. Но такъ какъ они были безоружны и нестройны, то поляки избили ихъ до 7.000; раненый Пожарскій съ трудомъ укрылся въ Троицкой лаврѣ. Однако, смущенные бодростью москвичей, поляки выжгли часть столицы и заперлись въ Кремлѣ и Китай-городѣ: ихъ не было и 5.000. Отсюда они грабили городъ и обогащались до того, что стрѣляли жемчугомъ, вмѣсто дроби; въ то же время бражничали и тиранили русскихъ плѣнниковъ, въ особенности же обижали женщинъ. Больше всѣхъ принялъ страданій упорный Гермогенъ. Поляки и ихъ друзья, бояре, требовали, чтобы онъ приказалъ ополченію разойтись; но патріархъ въ глаза проклиналъ ихъ и благословлялъ ополченцевъ. Несчастнаго заточили въ подвалъ Чудова монастыря, мучили и, наконецъ, уморили голодомъ. Подъ стѣнами Москвы русскимъ патріотамъ также не счастливилось. Они учредили временное правительство: такъ какъ ополченіе состояло изъ земщины и казаковъ, то въ правители были избраны *Ляпуновъ*—земскій человѣкъ и *Заруцкій* съ *Трубецкимъ* — вожди казаковъ. Даровитый и прямой Ляпуновъ сталъ играть первую роль; а это не нравилось его товарищамъ, которые, какъ бояре, считали себя выше его; въ особенности негодовалъ пылкій Заруцкій, честолюбіе котораго разгаралось отъ близости къ Маринѣ. Ляпуновъ въ глазахъ всѣхъ былъ бдительнымъ, искуснымъ „воеводой всего войска“, который „скакалъ, какъ левъ, по полкамъ“. Онъ правилъ безпристрастно, необыкновенно строго, и не обращалъ вниманія на бояръ, которыхъ заставлялъ долго ждать себя передъ избой. Особенно допекалъ онъ своевольныхъ казаковъ: жестоко наказывалъ ихъ за разбои, топилъ цѣлыми десятками и попрекалъ службой въ Тушинѣ. Гонсѣвскій подослалъ казакамъ ложное письмо Ляпунова, въ которомъ тотъ будто-бы требовалъ, чтобы ихъ вездѣ топили, какъ разбойниковъ. Казаки повѣрили и убили Ляпунова, а съ нимъ и много земскихъ людей и дворянъ. Затѣмъ они стали грабить и бить народъ вокругъ Москвы, а Заруцкій провозгласилъ царемъ Маринина „Ивашку“ (§ 138). Теперь казаки стали въ глазахъ русскихъ такими же „ворами“, какъ поляки; и когда Русь вновь ополчилась, то уже разомъ и противъ тѣхъ, и противъ другихъ. Неладно было и далеко отъ Москвы. Шведы, ставшіе нашими врагами, когда Владиславъ былъ объявленъ царемъ, овладѣли Новгородомъ; неугомонный Лисовскій чуть не взялъ Пскова. Такъ окончилось неудачей первое ополченіе.

Но уже поднималось другое, болѣе счастливое ополченіе, по призыву чернецовъ. *Троицко-Сергіевская лавра* снискала тогда всероссійскую славу, благодаря своему архимандриту *Діонисію*. Сынъ зажиточнаго мѣщанина, Діонисій увлекся чтеніемъ священныхъ книгъ, и когда внезапно умерла его молодая жена, постригся. Красавецъ, веселый, краснорѣчивый и достаточный человѣкъ, Діонисій пожертвовалъ всѣмъ для своего призванія и сталъ образцовымъ монахомъ. Понимая монашество, какъ служеніе ближнему, онъ отлучался изъ монастыря для добрыхъ дѣлъ и часто навѣщалъ Москву, гдѣ подружился съ Гермогеномъ. Все время осады Москвы тушинцами Діонисій провелъ съ своимъ другомъ, поддерживая его въ патріотическомъ подвигѣ. Затѣмъ его сдѣлали архимандритомъ Троицкой лавры, когда подъ Москвой все обратилось въ какой-то адъ, наполненный трупами и голодающими, которые бродили, какъ тѣни. Одна лавра, отбившая набѣги Сапѣги и Лисовскаго, стояла твердыней, въ которой было много здоровыхъ и сильныхъ людей, много запасовъ и казны. „Что̀ у насъ ни есть хлѣба ржаного и пшеницы и квасовъ въ погребѣ—все отдадимъ раненымъ людямъ, а сами будемъ ѣсть хлѣбъ овсяной; и безъ квасу, съ одной водой, не умремъ!“ сказалъ Діонисій и поднялъ всю свою обитель на ноги. Монахи, подвергая свою жизнь опасности, разъѣзжали далеко по окрестностямъ, подбирали умирающихъ, строили въ лаврѣ больницы, богадѣльни и трапезныя. Впереди всѣхъ всюду поспѣвалъ одушевленный и кроткій Діонисій. Онъ, сверхъ того, рѣшился взять на себя всероссійскую роль, когда умолкъ голосъ его друга и главы народа въ безгосударное время, Гермогена. Въ его кельѣ „борзописцы“ начали писать увѣщательныя и ободрительныя грамоты въ духѣ патріарха, а монастырскіе служки скакали съ ними во всѣ концы Россіи. На грамотахъ значилось, подлѣ имени Діонисія, имя его вѣрнаго сподвижника, *Авраамія Палицына*. Этотъ дѣловой человѣкъ былъ добавленіемъ идеалиста Діонисія, своего друга и учителя. Знатный малоросъ, Палицынъ потерялъ свое богатство при Ѳедорѣ I за связи съ Шуйскими и попалъ въ монахи. При царѣ Василіи онъ сталъ келаремъ Троицкой лавры, т.-е. ея хозяиномъ и ходатаемъ во дворцѣ. Во время осады Палицынъ находился при Шуйскомъ, потомъ сопровождалъ посольство въ Смоленскъ. Изворотливый, краснорѣчивый и начитанный дѣлецъ, онъ вездѣ успѣвалъ и всѣхъ одушевлялъ своею бодростью и мужествомъ. Теперь Палицынъ былъ

правою рукой Діонисія, незамѣнимымъ заправилой текущихъ дѣлъ. Онъ заслужилъ память въ потомствѣ и описаніемъ событій смутнаго времени.

§ 142. **Очищеніе Руси. Мининъ и Пожарскій.** — Вслѣдъ за смертью Ляпунова, одна изъ троицкихъ грамотъ попала въ *Нижній-Новгородъ.* Здѣсь еще при Шуйскомъ стояли противъ воровъ: сюда часто наѣзжалъ Пожарскій изъ своей вотчины, лежавшей неподалеку. Когда читали грамоту въ соборѣ, нижегородцы рыдали и закручинились. Вдругъ выступилъ изъ толпы одинъ посадскій и сказалъ: „Будетъ намъ похотѣть помочи московскому государству, ино намъ не пожалѣть животовъ своихъ, да не пожалѣть и дворы свои продавать, и жены и дѣти закладывать“. То былъ выборный земскій староста, мясной торговецъ, *Кузьма Мининъ,* по прозванью *Сухорукъ.* Толпа откликнулась на призывъ своего старосты. Тогда Кузьма предложилъ выбрать начальника ополченія или ратнаго дѣла и указалъ на князя *Димитрія Пожарскаго.* Родъ Пожарскихъ шелъ отъ Рюриковичей, но „захудалъ“. Князь Димитрій также занималъ сначала одинъ изъ невидныхъ военныхъ постовъ и недавно сталъ воеводой зарайскимъ. Это былъ человѣкъ спокойный, медлительный, скромный и такой добрякъ, что прощалъ даже посягателямъ на его жизнь. Онъ не отличался дарованіями и не зналъ честолюбія; но зато его ничѣмъ нельзя было запугать или сбить съ пути. Его правиломъ было: „будетъ на Москвѣ царь Василій, ему и служити; а будетъ хто иной, и тому также служити“. Онъ прямилъ Шуйскому, не согласился съ Ляпуновымъ возвести на престолъ Скопина и боролся съ Тушинскимъ Воромъ (§ 139), за что едва не былъ убитъ собственными войсками. Пожарскій недавно возвратился отъ Троицы въ свою вотчину для излеченія отъ ранъ и еще не совсѣмъ оправился. Но онъ согласился на просьбу согражданъ, только потребовалъ, чтобы Кузьма былъ избранъ для сбора денегъ и для раздачи ихъ ратникамъ. Опасаясь, чтобы нижегороды не отстали отъ дѣла, когда остынетъ первый пылъ, Мининъ заставилъ ихъ составить „приговоръ“, въ которомъ они обязывались повиноваться ему и Пожарскому; и затѣмъ сталъ дѣйствовать строго и рѣшительно. Онъ потребовалъ отъ каждаго $^1/_5$ имущества на содержаніе ратниковъ: кто не давалъ, у того онъ бралъ силой, а самого утайщика, вмѣстѣ съ семьей, продавалъ въ кабалу. Впрочемъ, вообще давали, и даже больше, чѣмъ слѣдовало. Между тѣмъ, Пожарскій разсылалъ воззванія, подписываясь на нихъ и за себя,

и за безграмотнаго Минина. За осень и зиму собралось много денегъ и ратниковъ.

Весной 1612 г. двинулось къ Москвѣ *второе ополченіе*, сытое, конное и оружное. Но тяжело шло оно, дѣлая запасы, поджидая ратниковъ издалека. Въ Ярославлѣ совсѣмъ пріостановились. Здѣсь Пожарскій созвалъ соборъ выборныхъ отъ разныхъ городовъ, во главѣ котораго сталъ владыка ростовскій. Здѣсь же услышали о новыхъ врагахъ: шведы требовали, чтобы выбрали въ цари ихъ королевича, и собрались идти на Москву. Ходкѣвичъ шелъ къ столицѣ съ свѣжимъ войскомъ и съ запасами для поляковъ, осажденныхъ въ Кремлѣ. А казаки образовали что-то въ родѣ тушинскаго лагеря: они признали *третьяго самозванца*, въ Псковѣ, и принялись постарому грабить своихъ же; злодѣи даже чуть не погубили Пожарскаго, подославъ въ Ярославль тайныхъ убійцъ. Но изъ Троицкой лавры все приходили грамоты, убѣждавшія ополченцевъ спѣшить, чтобы опередить Ходкѣвича. Самъ Авраамій явился въ Ярославль и уже не отставалъ отъ ополченія. Наконецъ, подошли къ Москвѣ. Пожарскій сталъ подъ нею, отдѣльно отъ казаковъ Трубецкого, этихъ босыхъ оборванцевъ, которые много грабили, но все пропивали и проигрывали. Казаки тотчасъ же завели ссоры съ ополченцами, требуя жалованья и подсмѣиваясь надъ „богатыми дворянами". А тѣмъ временемъ подошелъ Ходкѣвичъ. Тогда только, тронутые грамотами Діонисія и рѣчами да денежными обѣщаніями Авраамія, казаки соединились съ ополченцами,—и Ходкѣвичъ былъ отброшенъ отъ Москвы, послѣ двухъ жаркихъ схватокъ, причемъ честь рѣшительнаго удара принадлежала Минину, племянникъ котораго былъ убитъ на его глазахъ. Общая защита и побѣда окончательно примирили земскихъ людей съ казаками, тѣмъ болѣе, что Пожарскій, человѣкъ мягкій и скромный, самъ уступилъ первое мѣсто Трубецкому, который былъ старше его званіемъ. Русскіе умилились: они обрѣли способность къ братству и всепрощенію. Казаки даже первые пошли на приступъ къ Кремлю. Поляки не могли долго сопротивляться: они были голодны, ѣли ремни, трупы и даже другъ друга. Зная кровожадность казаковъ, они вступили въ переговоры съ однимъ Пожарскимъ; и тотъ обѣщалъ сохранить имъ жизнь. Поляки сначала выпустили изъ Кремля забранныхъ ими бояръ и боярынь, въ томъ числѣ Ивана Романова съ его племянникомъ, Михаиломъ Ѳедоровичемъ. Казаки бросились-было терзать ихъ, но были оста-

новлены ополченцами, которые окружили несчастныхъ и бережно отвели въ свой станъ. Такъ же спасены были поляки, сдавшіеся Пожарскому: они были разосланы по городамъ, гдѣ ихъ хорошо содержали. Русскіе ликовали: Москва была освобождена; исчезли всѣ враги—и поляки, и „воры“.

§ 143. **Избраніе Михаила Θедоровича Романова.**—Послѣ восьми лѣтъ неслыханной смуты, русскій народъ долженъ былъ начать съ того, до чего дошелъ передъ ней: нужно было возстановлять единство Руси и самодержавіе. Такъ какъ прямая линія Рюриковичей вымерла, то приходилось повторить опытъ, бывшій въ началѣ нашей исторіи—призвать кого-нибудь для государственнаго наряда. Русскимъ не было нужды снова приглашать чужихъ изъ-за моря, какъ дѣлали поляки незадолго передъ тѣмъ (§ 111): у нихъ самодержавіе уже установилось такъ прочно, что смута была случайнымъ явленіемъ; они знали, что кого изъ своихъ ни посади на престолъ, она прекратится. При твердости государственнаго преданія, русскіе сознавали, что каждый изъ нихъ, такъ сказать, рожденный правитель и не испортитъ дѣла, притомъ сравнительно легкаго, установившагося. Вотъ почему, очистивъ землю отъ враговъ, они прежде всего занялись избраніемъ себѣ *царя изъ своихъ*.

Дѣло облегчалось тѣмъ, что народъ былъ подготовленъ къ нему исторіей: издавна существовали земскіе соборы, которыхъ было особенно много недавно, при Грозномъ. Русь быстро была извѣщена грамотами,—и *выборные отъ всѣхъ сословій*, не исключая крестьянъ, съѣхались въ Москву, всего черезъ три мѣсяца послѣ изгнанія поляковъ изъ Кремля. Первые дни соборъ представлялъ картину только-что кончившейся смуты. Было много споровъ, криковъ. Не обошлось и безъ козней притязателей на престолъ, безъ подкуповъ и подсыловъ. Но ни одна сторона не брала верхъ явно: лишь робко произносились тамъ и сямъ имена Голицына, Шуйскаго, Трубецкаго, Пожарскаго. Вдругъ выступилъ одинъ дворянинъ съ грамоткой, гдѣ говорилось о ближайшемъ родствѣ Романовыхъ съ прежними царями. То же сдѣлалъ одинъ донской атаманъ. Одинакій голосъ двухъ ратей смутнаго времени, ополченія и казачества, склонилъ соборъ къ избранію 16-тилѣтняго Михаила Θедоровича (§ 133). Но русскіе стали крайне осторожны послѣ жестокихъ испытаній: имъ хотѣлось наиболѣе прочно подвести новую основу подъ свое многовѣковое государственное строеніе. Рѣшили подождать многихъ еще не прибывшихъ соборянъ,

а покуда разослать надежныхъ людей по городамъ и уѣздамъ, чтобы вывѣдать мнѣніе всей земли объ избранникѣ. Посланные принесли вѣсть о всеобщей радости. Тогда еще разъ спросили соборъ—и всѣ подтвердили письменно начальный выборъ. Рязанскій владыка, келарь Авраамій и бояринъ Морозовъ спросили еще москвичей съ Лобнаго мѣста: кого похотятъ въ цари? Толпа грянула: „Михаила Ѳедоровича Романова!“ (февраль 1613).

Въ тѣ времена внѣшнее положеніе человѣка значило больше всего въ глазахъ народа. Но опасно было взять кого-нибудь изъ родовитыхъ княжескихъ фамилій: недавній опытъ показалъ, что другія подобныя же семьи будутъ завидовать и строить козни. Да среди нихъ и не было выдающейся личности, вродѣ Скопина. Въ такихъ случаяхъ, вниманіе народа останавливается на менѣе громкихъ, но извѣстныхъ ему семьяхъ высшаго сословія. Таковы были *Романовы*, люди скромные, не блиставшіе ни богатствомъ, ни безпокойною геніальностью, но зато не запятнанные столь обычною въ старой знати дурною славой и знакомые всей Руси, какъ сотрудники въ строеніи ея государственнаго хозяйства. То былъ маститый родъ. Предки его, Кошкины (§ 129), одни только изъ древнихъ бояръ уцѣлѣли у престола при наплывѣ къ московскому двору княжескихъ семей, Рюриковичей и Гедиминовичей. Они были заправилами, думцами и даже любимцами у обоихъ Василіевъ (§ 95) и у Ивана III. Еще ближе стали они къ престолу при Грозномъ и Ѳедорѣ I. Романовы вошли въ вымиравшую царскую семью черезъ царицу Анастасію (§ 122), которая доводилась двоюродною бабкой Михаилу Ѳедоровичу: при избраніи послѣдняго, старый царскій родъ какъ бы переходилъ только въ побочную, женскую линію. Была и нравственная связь между Романовыми и народомъ. Измученный угнетеніемъ и смутой, народъ представлялъ себѣ Романовыхъ въ привлекательномъ видѣ, какъ олицетвореніе своихъ страданій. Онъ зналъ, сколько претерпѣли они при Годуновѣ, и видѣлъ, какъ страдалъ Филаретъ въ польскомъ плѣну (§ 140), а его жена—въ монастырѣ, въ разлукѣ съ ребенкомъ, который чуть не погибъ подъ ножами поляковъ. Въ воображеніи народа носились кроткіе образы Анастасіи, смирявшей звѣрскіе порывы Грознаго, и Никиты Романовича (§ 129), печалованіе котораго за несчастныхъ передъ Иваномъ IV даже воспѣто въ пѣсняхъ.

Послѣ избранія отправили за новымъ царемъ знатное посольство съ грамотой земскаго собора. Михаилъ пребывалъ

тогда, съ своей матерью, инокиней Мареой, въ *Костромѣ*, въ монастырѣ, куда онъ скрылся послѣ освобожденія изъ Кремля. Какъ ни скромно жилъ онъ здѣсь, но въ окрестностяхъ, особенно въ селѣ Романовыхъ, Домнинѣ, знали о его мѣстопребываніи. Слухи привели сюда и шайку поляковъ, которая хотѣла умертвить Михаила, прослышавъ объ его избраніи на царство. Злодѣи не знали, гдѣ именно находится ихъ жертва, и требовали отъ попавшагося имъ домнинскаго крестьянина, *Ивана Сусанина*, чтобы онъ показалъ имъ дорогу. Тотъ отказался и былъ за это замученъ до смерти. Это было лучшимъ отвѣтомъ на сомнѣнія Мареы, которая сначала не хотѣла давать своего сына, упрекая русскихъ, передъ лицомъ соборнаго посольства, въ томъ, что они „измалодушествовались“, измѣняли своимъ царямъ—Борису, Лжедимитрію и Шуйскому. Но посольство объяснило ей, что то были не цари, а самозванцы; ея же сынъ—настоящій царь: онъ—избранникъ всей Руси, такъ какъ русскіе люди „наказались и пришли въ соединеніе“. Тогда Михаилъ съ матерью согласились. Но они долго ѣхали, посылая по пути грамоты въ Москву, въ которыхъ требовали поставить имъ золотую палату, собрать побольше запасовъ во дворцѣ и возвратить дворцовыя села, а боярамъ собраться встрѣтить царя. На увѣдомленіе, что еще мало собрано и казна бѣдна, они отвѣчали новымъ требованіемъ, причемъ Михаилъ писалъ: „учинились мы царемъ по вашему прошенью, а не своимъ хотѣньемъ“. Наконецъ, все было исполнено,—и въ іюлѣ произошло вѣнчаніе Михаила на царство.

§ 144. **Истребленіе „воровъ“.**—Оставалось въ живыхъ еще нѣсколько дѣятелей смутнаго времени. Въ Москвѣ проживали Мининъ и Пожарскій. *Мининъ* былъ возведенъ Михаиломъ въ званіе думнаго дворянина; но онъ умеръ черезъ три года, оставивъ сына, съ которымъ прекратился этотъ доблестный родъ посадскаго человѣка. *Пожарскій* пережилъ своего товарища на 25 лѣтъ; но незавидна была его участь. Хотя ему пожаловали боярство, однако онъ не былъ въ почетѣ: ему были даны маленькія вотчины, и на службѣ онъ занималъ не важныя мѣста. Вѣроятно, причиной тому были его скромность да неблестящія способности, которыя ослаблялись еще „чернымъ недугомъ“ (меланхоліей). Въ польскомъ плѣну томился царскій отецъ, *Филаретъ Никитичъ*. До сихъ поръ вся жизнь этого образованнаго (зналъ даже полатыни), вѣжливаго и ласковаго человѣка, когда-то перваго щеголя и красавца на Москвѣ, была страданіемъ.

Въ польскомъ плѣну онъ твердо отстаивалъ пользу Россіи и ободрялъ своихъ товарищей даже „принять смерть за отечество“. Филаретъ осуждалъ русскихъ за избраніе его сына. Лѣтъ шесть спустя, онъ былъ вымѣненъ на плѣнныхъ поляковъ, сталъ патріархомъ, и болѣе, чѣмъ сынъ, управлялъ Россіей въ теченіе 14 лѣтъ, до самой своей смерти. На краю Руси укрывались *Марина*, съ своимъ Ивашкой, и *Заруцкій* (§ 141). Они держались сначала въ Коломнѣ, откуда подсылали убійцъ, чтобы уничтожить Пожарскаго; потомъ бѣжали на югъ отъ преслѣдованій царскаго отряда. Бѣглецы укрѣпились въ Астрахани. Къ нимъ стекались всѣ худшіе соки смутнаго времени; но главную ихъ силу составляли черкасы, которые, ненавидя великорусовъ, слышать не хотѣли о сѣверномъ царѣ. Кромѣ того, Марина вошла въ сношенія съ персидскимъ шахомъ, съ ногайскими татарами и турками, и разослала прельстительныя письма къ волжскимъ и донскимъ казакамъ. Между тѣмъ, явилось царское войско, и астраханцы приняли его съ радостью. Марина съ Заруцкимъ бросались въ разныя стороны, ища спасенія — сначала вверхъ по Волгѣ, потомъ въ море; наконецъ, они очутились на одномъ островѣ р. Яика, прикрытые густымъ лѣсомъ. Тутъ ихъ схватили. Заруцкаго запытали и посадили на колъ; 4-лѣтняго Ивашку удавили; а самое Марину бросили въ тюрьму, гдѣ она и умерла съ тоски. Въ памяти народа „Маринка“ осталась кровожадною вѣдьмой; пѣсни называютъ ее „безбожницей и еретицей“.

Долгое царствованіе Михаила (32 г.) было посвящено борьбѣ съ вредными послѣдствіями смутнаго времени—искорененію внутреннихъ безпорядковъ и войнѣ съ Польшей. Въ то самое время, когда покончили съ послѣдними тушинскими вождями, пришлось усмирять „воровъ“ или *казаковъ*, какъ назывались тогда шайки разбойниковъ, состоявшія не столько изъ дѣйствительныхъ казаковъ, сколько изъ бѣглыхъ боярскихъ холоповъ, а частью изъ стрѣльцовъ. Этихъ кровожадныхъ шаекъ, осквернявшихъ даже церкви, было множество; и нѣкоторыя изъ нихъ доходили до 10.000. Казаки были „грубнѣе“ Литвы и нѣмцевъ, по словамъ очевидцевъ. Они не давали правительству собирать подати и, наконецъ, стали стекаться къ Москвѣ, чтобы осадить самого царя. Но царское войско истребило ихъ, въ теченіе трехъ лѣтъ. Тогда же избавились отъ *Лисовскаго* (§ 138), который оставался на Руси, какъ кровавое напоминаніе объ ужасной порѣ. Онъ прославился тогда по всей Европѣ быстро-

той и внезапностью своихъ набѣговъ. Какъ злой духъ, носился Лисовскій по русской землѣ, словно выростая изъ нея тамъ, гдѣ его не ожидали. Подъ лисовчиками, состоявшими изъ литовцевъ, поляковъ и русскихъ воровъ, падали лошади; но они пересаживались на свѣжихъ коней и мчались дальше, появляясь сегодня подъ Смоленскомъ и Орломъ, завтра—подъ Суздалемъ и Рязанью. Пожарскій долго гонялся за ними, пока усталость не свалила его въ постель. Только случай избавилъ Россію отъ лихого наѣздника: Лисовскій однажды упалъ съ лошади и умеръ отъ ушиба.

§ 145. **Польскія войны.**—Лисовчики были какъ бы передовымъ отрядомъ поляковъ, которые еще долго видѣли въ своемъ Владиславѣ московскаго царя. Черезъ три года по воцареніи Михаила, гетманъ *Ходкѣвичъ* вступилъ въ наши предѣлы съ королевичемъ. Борьба съ Польшей была крайне тяжела для Россіи, истощенной смутами. Денегъ въ казнѣ не было, а чрезвычайные налоги трудно было собирать съ обнищалаго народа. Служилые разбѣгались или же старались поскорѣе вернуться домой, чтобы поправлять разстроенное смутами хозяйство. Вооруженіе было самое жалкое. Крѣпости состояли изъ полуразрушенныхъ башенъ и бойницъ, изъ осыпавшихся валовъ и едва замѣтныхъ рвовъ. Оттого были посланы на Западъ иностранцы, прижившіеся въ Москвѣ, закупать орудія, ружья, сабли и порохъ; призывали за большое жалованье чужеземцевъ, умѣющихъ лить ядра, укрѣплять города, стрѣлять изъ пушекъ; нанимали и всякихъ европейскихъ солдатъ, только не католиковъ, и съ условіемъ оставлять Россіи свое оружіе по истеченіи срока найма. Старались преобразовать и собственную армію. Поручили наемнымъ иноземцамъ обучать ее иностранному строю, чего никогда не было. Обратили особенное вниманіе на *стрѣльцовъ*, напоминавшихъ иностранное войско, стараясь образовать изъ нихъ ядро постоянной арміи. Сюда набирали охочихъ людей, умѣющихъ стрѣлять; имъ давали хорошее содержаніе и много льготъ, въ томъ числѣ свободу отъ общаго суда и право выбирать себѣ начальника или „голову". Наконецъ, царь не разъ созывалъ земскій соборъ, т.-е. взывалъ къ отчизнолюбію всѣхъ сословій. Тяжесть борьбы съ Польшей объясняется еще невыгоднымъ положеніемъ нашей иностранной политики. У Михаила не было никакихъ союзниковъ, кромѣ турокъ. Но они обыкновенно опаздывали съ своими нападеніями на поляковъ; ктому же ихъ нужно было вѣчно задаривать со-

болями, да и то они легко обращались изъ союзниковъ во враговъ, такъ какъ донскіе казаки начали нападать тогда на ихъ азовскія владѣнія. У Польши же было много союзниковъ: помимо малороссійскихъ казаковъ и крымцевъ, ей помогала Австрія, какъ глава католицизма, который началъ тогда Тридцати-лѣтнюю войну съ протестантами (§ 109).

Михаилу пришлось выдержать двѣ войны съ Польшей, и обѣ неудачныя. Въ первый разъ Ходкѣвичъ съ Владиславомъ легко дошли до *Тушина*, куда прибыли и черкасы съ своимъ гетманомъ, *Конашевичемъ-Сагайдачнымъ*, воспѣтымъ въ украинскихъ пѣсняхъ. Но на Руси повторились сцены временъ второго ополченія: прислушиваясь къ грамотамъ Михаила, купцы отдавали послѣднюю копѣйку; служилые стремились къ Москвѣ спасать царя. Врагъ былъ оттѣсненъ отъ столицы, послѣ неудачнаго жестокаго приступа. Это заставило поляковъ согласиться на миръ, хотя и крайне тяжелый для Россіи: ей только возвратили плѣнниковъ, въ томъ числѣ Филарета; она же уступала Польшѣ земли *Смоленскую*, *Черниговскую* и *Сѣверскую*; и даже Владиславъ не отказался отъ титула московскаго царя. Россія должна была смыть этотъ позоръ новою кровью, тѣмъ болѣе, что поляки все еще не хотѣли именовать Михаила царемъ въ своихъ грамотахъ и даже грозили выпустить на Русь новаго самозванца. Лѣтъ 15 спустя, когда Польша замутилась по смерти Сигизмунда (§ 111), русскіе вторгнулись въ ея предѣлы. У нихъ была уже порядочная армія. Ими предводительствовалъ уже полководецъ новаго типа. То былъ даровитый, знакомый съ европейскими обычаями, извѣстный своими заслугами и знавшій себѣ цѣну бояринъ *Шеинъ;* онъ подсмѣивался надъ боярами, умѣвшими только „сидѣть за печами“, и держалъ себя гордо даже въ присутствіи царя. Но этотъ походъ сгубилъ высокомѣрнаго воеводу. Шеинъ отлично повелъ осаду *Смоленска*, какъ вдругъ узнали о нашествіи крымцевъ, поднятыхъ поляками. Ратники бросились домой защищать свои семьи отъ татаръ, а тутъ подошелъ Владиславъ. Шеинъ сдался на условіи бросить обозъ и пушки и преклонить знамена передъ шатромъ короля. Враги его зашевелились—и несчастному отрубили голову, какъ измѣннику; а его сынъ умеръ на дорогѣ въ ссылку. Затѣмъ послѣдовалъ миръ (1634) на р. *Поляновкѣ* (близъ Вязьмы), по которому прежнія завоеванія остались за поляками, и имъ была уплачена контрибуція; но зато Владиславъ отказался отъ московскаго престола и призналъ царемъ Михаила.

Ссоры между Россіей и Польшей не прекращались и послѣ того, но онѣ ограничивались мелкими непріятностями: такъ, одно время поляки выставляли шляхтича Луба Маринынымъ Ивашкой (§ 141) и величали его царевичемъ.

§ 146. **Швеція. Австрія. Азовское сидѣніе.**—Въ одно время съ польскими войнами шла борьба съ Швеціей, также завѣщанная эпохою смутъ. Тогда Новгородъ покорился шведамъ (§ 141), которые требовали даже назначить ихъ королевича московскимъ царемъ. Когда выбрали Михаила, они выступили противъ Россіи. Швеція была тогда главой протестантизма и сильнѣйшею державой въ Европѣ. Ею правилъ геніальный полководецъ, *Густавъ Адольфъ* (*Н. И.* § 39), который самъ явился въ Россію и гналъ наши войска, опустошая все на своемъ пути. Но *Псковъ* оказалъ непреодолимое сопротивленіе; а новгородскіе повольники, выбѣгая изъ лѣсовъ, жестоко мстили шведамъ за порабощеніе. Въ то же время подготовлялась Тридцати-лѣтняя война, и Польша собиралась напасть на Швецію. Все это заставило Густава Адольфа согласиться на миръ въ селѣ *Столбовѣ*, подлѣ Ладоги (1617). Шведы больше всего опасались появленія русскихъ на морѣ. Густавъ Адольфъ клялся, что не дастъ имъ перейти „черезъ этотъ ручеекъ“ (Ботническій заливъ), и получилъ по Столбовскому миру *приморскую полосу* (Ивангородъ, Ямъ, Копорье, Корелу). Русскіе могли утѣшаться только тѣмъ, что пріобрѣли друзей на сѣверѣ: вступившись за протестантизмъ въ Тридцати-лѣтней войнѣ, Густавъ Адольфъ долженъ былъ бороться съ католическою Польшей и дорожилъ союзомъ съ Москвой. Такъ, случайно мы въ первый разъ были нѣкоторое время въ дружбѣ съ нашимъ вѣчнымъ врагомъ, Швеціей.

Также случайно и временно находились мы тогда въ натянутыхъ отношеніяхъ съ нашей вѣчной союзницей, *Австріей*, у которой были общіе съ нами враги—поляки и турки. Какъ глава католичества, Австрія принуждена была вступить въ союзъ съ Польшей и дѣлала намъ дипломатическія непріятности, особенно взявшись посредничать между нами и поляками. Такое поведеніе Австріи вызвало столь же неестественныя отношенія между Москвой и турками. Чтобы вредить ей, Михаилъ старался льстить Портѣ: оттого остался безплоднымъ блистательный подвигъ русскихъ на южной окраинѣ. Тогда *донскіе казаки* поставили цѣлью своей жизни борьбу съ исламомъ, въ лицѣ турокъ, точно также, какъ ихъ днѣпровскіе то-

варищи посвятили себя истребленію крымцевъ. Они пускались даже на маленькихъ лодкахъ въ море и истребляли мусульманскія суда. Наконецъ, съ помощью черкасъ и астраханскихъ татаръ, донцы овладѣли важною крѣпостью, *Азовомъ*. Зная, что имъ не удержаться здѣсь (ихъ было менѣе 5.000), они послали сказать Михаилу, что отдаютъ ему крѣпость. Между тѣмъ, 200.000 турокъ и крымцевъ, съ сотней пушекъ, осадили Азовъ. Около полугода длилась осада. Мусульмане почти разрушили стѣны Азова и 24 раза бросались на приступъ; но были отбиты. Казаки молодецки „отсидѣлись" въ Азовѣ. Но Михаилъ, посовѣтовавшись съ земскимъ соборомъ, увидѣлъ истощеніе своей страны и послалъ соболей султану и хану, а казакамъ велѣлъ покинуть Азовъ. Обиженные донцы чуть-было не ушли на Яикъ. Подвигъ донцовъ доставилъ Руси только славу и былъ воспѣтъ народомъ, подъ именемъ „Азовскаго сидѣнія".

§ 147. **Далекій Западъ. Иностранцы въ Москвѣ.** — При Михаилѣ возстановились сношенія съ *далекимъ Западомъ*, прерванныя татарщиной. Тогда и мы искали Запада, и Западъ искалъ насъ. Московскіе послы появились въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ Европы; и они удивляли уже не своимъ восточнымъ длиннопольемъ и грубымъ высокомѣріемъ, а своимъ „учтивствомъ" и скромностью. Въ самомъ началѣ царствованія, во время войны съ Швеціей, русскіе просили помощи у морскихъ державъ—Франціи, Англіи и Голландіи. Представители Англіи тотчасъ же явились въ Москву съ предложеніемъ дружескихъ услугъ въ дѣлѣ примиренія съ Густавомъ Адольфомъ. Глава ихъ, англійскій купецъ *Джонъ Мерикъ*, уже прежде посѣщавшій Россію для торга, просилъ у царя, за ихъ услуги, безпошлинной торговли въ его государствѣ и свободнаго проѣзда въ Персію. Михаилъ разрѣшилъ англичанамъ только безпошлинную торговлю, да и на это роптали наши купцы, которые не были въ силахъ соперничать съ богатыми и ловкими иностранцами. Англичане сдержали свое слово, выступивши нашими защитниками въ переговорахъ со шведами. А потомъ, во время польской войны, ихъ король, Яковъ I (*Н. И.* § 68), даже далъ Михаилу значительную сумму денегъ: это былъ нашъ *первый иностранный заемъ*, который вскорѣ былъ уплоченъ. За это англичане снова просили свободнаго пути въ Персію. Но царь вторично отказалъ имъ, также какъ и голландцамъ, датчанамъ, французамъ и голштинцамъ, которые добивались того же.

Михаилъ, въ свою очередь, просилъ помощи у Франціи противъ

поляковъ; и хотя союза не состоялось, однако Москва впервые увидѣла въ своихъ стѣнахъ французскаго посланника. Тогда же появился у насъ первый шведскій „резидентъ“ (постоянный представитель), такъ какъ послѣ Столбовскаго мира шведы жили въ большой дружбѣ съ нами. А съ Даніей едва не завелись родственныя связи: Михаилъ, зазвавши въ Москву ея королевича, употреблялъ всевозможныя средства, чтобы женить его на своей дочери. Филаретъ хотѣлъ-было женить самого Михаила на датской или шведской принцессѣ; но Марѳа воспрепятствовала этому. Зато ничто не мѣшало призыву *иностранныхъ ремесленниковъ и солдатъ*. Михаилъ усердно нанималъ войска заграницей (§ 145). Въ то же время въ Россіи проживало довольно много иностранцевъ-тружениковъ, которые устраивали у насъ *заводы*—желѣзные, мѣдные, стеклянные и другіе, причемъ обязывались ничего не скрывать изъ своихъ ремеслъ и обучать имъ русскихъ. Подлѣ самого царя было много свѣдущихъ иностранцевъ — лекарей, аптекарей, алхимиковъ, органщиковъ. Михаилъ особенно не жалѣлъ денегъ для „географусовъ“, лишь бы они были „научены астрологіи и небеснаго круга и землемѣрію и инымъ подобнымъ мудростямъ“. Онъ чувствовалъ также пристрастіе къ часовщикамъ: за обѣдомъ подлѣ него всегда стояло двое *часовъ*.

§ 148. **Двоевластіе. Филаретъ.**—Внутреннее управленіе того времени представляло небывалое на Руси явленіе, связанное съ нравомъ перваго царя новой династіи. Михаилъ Ѳедоровичъ [1]), весьма тихій и неспособный по природѣ, былъ воспитанъ отшельникомъ, благодаря своей набожной и суровой матери, которой онъ подчинялся, какъ ребенокъ. Онъ все сидѣлъ дома, а если и выѣзжалъ, то только въ церковь да въ монастыри. Умственныя занятія были недоступны Михаилу: онъ едва умѣлъ читать. Оттого имъ овладѣвала „кручина“ (меланхолія). За него правили другіе; и сначала замѣчалось многовластіе, какъ бы печальный отголосокъ смуты. Дѣла попали въ руки бояръ *Салтыковыхъ*, большихъ друзей Марѳы. Люди злые, не-

---

[1]) Прилагаемое изображеніе снято съ гравюры при сочиненіи Олеарія (1647), которая послужила образцомъ для всѣхъ портретовъ Михаила Ѳедоровича. Здѣсь первый изъ Романовыхъ представленъ въ полномъ царскомъ облаченіи, со скипетромъ въ рукѣ и въ шапкѣ-коронѣ, отороченной мѣхомъ. Вокругъ портрета латинская надпись: „Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, великій князь московскій, 42-хъ лѣтъ“. Внизу: „Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, милостивѣе котораго не было князя, почему онъ и долженъ быть хранимъ“.

Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ.

вѣжественные и корыстолюбивые, они приносили много вреда и народу, и самому царю. Но вліяніе матери исчезло, какъ только возвратился изъ плѣна отецъ, *Филаретъ Никитичъ*, который тотчасъ же занялъ патріаршій престолъ, опустѣвшій съ кончины Гермогена (§ 141).

Незначительный съ виду, средняго роста и такой же полноты, Филаретъ былъ недюжинная личность. Онъ отличался большимъ здравымъ смысломъ, опытностью, знаніемъ людей, въ особенности же сильною волей. Безкорыстный, справедливый, онъ умѣлъ цѣнить полезныхъ дѣятелей: это былъ единственный защитникъ Шеина. Но старикъ былъ крайне строгъ къ своекорыстнымъ, въ особенности же къ сильнымъ людямъ и честолюбцамъ, которые называли его «опальчивымъ, мнительнымъ и такимъ владѣтельнымъ, что его боится самъ царь". Случайно попавши въ монахи (§ 133), Филаретъ не былъ гораздъ въ божественномъ: онъ лучше зналъ и любилъ земскія дѣла. Пользуясь покорностью мягкаго сына, онъ тотчасъ захватилъ власть въ свои руки: грамоты писались отъ имени Михаила и Филарета; иностранные послы представлялись обоимъ правителямъ вмѣстѣ, а въ церквахъ поминались рядомъ имена обоихъ „великихъ государей". Это время даже называли *двоевластіемъ.* Филаретъ немедленно сослалъ Салтыковыхъ и замѣстилъ ихъ любимцевъ новыми, лучшими слугами. Россія благословляла своего дѣльнаго патріарха, который оказался „царствію помогатель и строитель, сирымъ защитникъ и обидимымъ предстатель". Она чувствовала, какъ, съ появленіемъ Филарета, стала замѣтна наверху хозяйская рука, которая приводила въ порядокъ государство, дошедшее до плачевнаго состоянія.

Народъ обнищалъ и одичалъ во время смутъ, разбѣгался и прятался, чтобы не платить податей. Воеводы и приказные, не чувствуя надъ собой верховнаго надзора, были все своего рода Салтыковы. Всюду свирѣпствовало разбойничество, а на западной границѣ кипѣлъ неравный бой съ Польшей. Филаретъ началъ съ ознакомленія съ Россіей: онъ разослалъ *писцовъ* и *дозорщиковъ,* которые должны были составить народную перепись: тогда-то явилась сносная карта Россіи — исправленное изданіе „Большаго чертежа русской земли", составленнаго при Годуновѣ. Затѣмъ Филаретъ сталъ созывать *земскіе соборы*, на которыхъ самъ народъ объяснялъ свои нужды. Всему правленію была придана стройность развитіемъ системы *приказовъ.* Филаретъ много сдѣ-

лалъ также для укрѣпленія и заселенія нашихъ окраинъ, особенно южной, откуда вѣчно нападали на насъ крымцы: онъ привлекалъ сюда населеніе льготами, строилъ города, и такіе важные, какъ Тамбовъ, заводилъ новыя сторожевыя *линіи*. То же дѣлалось въ *Сибири*, гдѣ передовые нашей гражданственности, казаки (§ 128), продолжали пробираться все дальше и дальше черезъ дебри, промежъ дикарей, и присоединили къ Россіи еще до 70.000 кв. миль. Тогда же завелся обычай ссылать въ Сибирь преступниковъ. Филаретъ заботился и о просвѣщеніи страны, насколько могъ: онъ призывалъ изъ-за границы не только мастеровъ, но и ученыхъ, которые окружали престолъ. Филаретъ возобновилъ *книгопечатаніе*, возникшее при Грозномъ и погибшее въ смутное время, и велѣлъ извѣстному Діонисію троицкому исправить церковныя книги. Наконецъ, онъ основалъ *греко-латинское училище* по западному образцу, при которомъ естественно было появленіе переводовъ свѣтскихъ книгъ, вродѣ космографіи. Темнымъ пятномъ въ дѣятельности Филарета были *финансы*: денегъ требовалось много, а плательщиковъ податей было мало. Филаретъ прибѣгалъ ко всякимъ средствамъ для увеличенія казны. Явилось множество налоговъ съ предметовъ самыхъ необходимыхъ; завелось даже „пролубное“, т.-е. сборъ за водопой скота и за мытье бѣлья въ рѣчкѣ. Казна становилась *монополистомъ* или единоторговцемъ, захватывая въ свои руки даже продажу такихъ жизненныхъ предметовъ, какъ соль. Наконецъ, развилась *откупная система*: даже подати отдавались на откупъ. Такъ какъ винные откупа приносили большой доходъ, то казна старалась повсюду увеличивать число царскихъ кабаковъ.

§ 149. **Земля и населеніе. „Розруха“.**—Въ четвертомъ періодѣ нашей исторіи (1450—1650) внѣшній видъ Россіи сильно измѣнился. Ея *границы раздвинулись*, какъ никогда, хотя нѣкоторыя земли захватывались ею лишь временно (§§ 145, 146). При Михаилѣ Ѳедоровичѣ даже иностранцы считали „Московію“ самымъ большимъ государствомъ въ Европѣ: она раскидывалась уже слишкомъ на 3.000 верстъ въ длину и 1.500—въ ширину (не считая Сибири) и занимала пространство въ десять разъ больше, чѣмъ въ началѣ періода. Около 1650 г. границы Россіи на сѣверо-востокѣ уходили въ невѣдомую даль. На сѣверѣ онѣ простирались, благодаря открытію Бѣлаго м. англичанами (1553), до Соловецкаго о. и устьевъ Печоры, на востокѣ—до Лены, на западѣ—до Пскова и Смоленска, на югѣ—до днѣпров-

скихъ пороговъ, до устьевъ Дона и Терека, до Астрахани и Яицкаго Городка. Къ землямъ третьяго періода были присоединены Сибирь, Казань, Астрахань, нижній Донъ, Псковъ и Новгородъ; и тотчасъ послѣ завоеванія Астрахани, врѣзался клиномъ далеко на Кавказъ Терскій Городокъ, главное пристанище „терскихъ" казаковъ. Благодаря завоеваніямъ за *Камнемъ* (Уральскимъ хребтомъ), къ концу періода прибавилось около полмилліона квадратныхъ верстъ.

Эта громада земли поражала иностранцевъ не только своими размѣрами, но и природнымъ богатствомъ. За исключеніемъ самой Московской области, съ ея песками, суглинкомъ и суровымъ климатомъ, вездѣ красовалась благодать Божья. Во многихъ мѣстахъ почти дѣвственная почва была производительна на славу. По берегамъ Оки хлѣбъ родился самъ-тридцатъ. Въ Рязанской области не было мѣста, гдѣ бы не колосились высокія густыя нивы. Между Волгой и Дономъ неоглядныя „поля" (степи) злачныхъ травъ скрывали подъ собой толстый слой жирнаго чернозема. У Сѣверной Двины родился хорошій хлѣбъ, безъ удобренія, и его увозили въ Европу черезъ Бѣлое м. Всюду протягивались ленты глубокихъ рѣкъ съ такимъ изобиліемъ жизни, что рыба кишѣла на всѣхъ рынкахъ. Если большая часть Руси была покрыта лѣсами, то это были первозданные дремучіе боры съ соснами-великанами, поражавшими иностранцевъ. Въ нихъ хранились неисчерпаемые запасы дикаго меду и воску, въ такихъ дуплахъ столѣтнихъ деревьевъ, что ходили разсказы о мужикѣ, который утонулъ въ меду и былъ спасенъ медвѣдемъ. Лѣсъ былъ наполненъ всякою живностью и пушнымъ звѣремъ не въ Сибири только, а и подбокомъ. Берега Оки изобиловали бѣлками, куницами, горностаями. Въ Смоленской области водилось множество лосей, вепрей, куницъ, а бобровъ столько, что звѣроловы назывались тамъ „бобровниками". Сѣверъ славился еще отборными соболями, чернобурыми лисицами, соколами и кречетами. Иноземные „рудознатцы" много говорили подконецъ и о баснословныхъ горныхъ богатствахъ страны, особенно на Камнѣ и за нимъ.

Но эта необозримая и благодатная земля все еще представляла пустынный и нищенскій видъ. Попрежнему (§ 96) наростанію населенія мѣшали и физическія, и историческія бѣдствія. *Голодъ* и его спутникъ, *моръ*, не переставали свирѣпствовать, хотя и не были такъ повсемѣстны, какъ прежде. Приснопамятны были такіе ужасы, какъ трехлѣтнія голодовки при

Годуновѣ и Шуйскомъ, когда цѣна четверти ржи подымалась съ 20 коп. до 20 р. на тогдашнія деньги, особенно благодаря кулакамъ, которые устраивали цѣлую биржевую игру на хлѣбъ. Въ первомъ случаѣ погибло болѣе полумилліона въ одной Москвѣ, куда привалилъ народъ изъ голодныхъ мѣстъ: тамъ ѣли человѣчье мясо, которое продавалось, какъ говядина. И это несмотря на то, что Борисъ первый изъ нашихъ правителей взялся за государственныя мѣры для борьбы съ бѣдствіемъ: онъ открылъ всѣ хлѣбные запасы, завелъ общественныя работы, привезъ хлѣбъ съ окраинъ, билъ кнутомъ скупщиковъ, продавалъ ихъ запасы, установилъ обязательныя цѣны. То былъ голодъ отъ воли Божіей. Въ лѣтописяхъ продолжаются записи о неурожаяхъ и подобныя извѣстія: „пришла мышь малая изъ лѣсовъ тучами" и не оставила ни былинки. Но и безъ того голодъ всегда былъ наготовѣ уже отъ недостатка путей сообщенія. При уединенности мѣстностей, которая поддерживала невѣжество, съ свойственнымъ ему страхомъ и неразсчетливостью, рынокъ былъ очень пугливъ, нервенъ. Хотя въ общемъ цѣны были устойчивѣе нынѣшнихъ, въ силу медленнаго роста жизни, но онѣ легко подвергались мимолетнымъ колебаніямъ: даже въ урожай запоздаетъ привозъ хлѣба—и цѣны вдругъ возрастутъ впятеро; затѣмъ навезутъ—и онѣ страшно повалятся. Ктому же тогда Русь кормилась нечерноземною полосой: въ нашей житницѣ, на югѣ, хлѣбопашество только-что заводилось. Моръ былъ чистымъ наказаніемъ Божіимъ, такъ какъ попрежнему почти не было средствъ противъ болѣзней: только начали принимать мѣры противъ распространенія заразы. Съ Василія III кое-гдѣ, въ особенности въ Новгородѣ и Псковѣ, начали оцѣплять мѣста мора, загораживать подъѣзды къ нимъ, ставить заставы со сторожами для осмотра пріѣзжихъ, печатать опасные дома, хоронить заразныхъ за поселеніемъ; иногда даже сожигали покойниковъ со всѣмъ ихъ добромъ. Попрежнему много народу погибало отъ *пожаровъ* и *разбоевъ*. Даже въ Москвѣ, въ концѣ періода, не проходило недѣли, чтобы не сгорали цѣлыя улицы отъ неосторожности, пьянства и лихихъ людей. Оттого цѣнное имущество хранилось въ подземельяхъ. Въ Москвѣ страшно было ходить по улицамъ ночью отъ постоянныхъ душегубствъ. А по уѣздамъ разбойники разгуливали стройными шайками съ атаманами: противъ нихъ ходили царскіе отряды съ ратнымъ боемъ. Тутъ нерѣдко встрѣчались стрѣльцы и приказчики помѣщиковъ, въ особенности мелкихъ. Пограничныя мѣста подвергались нападеніямъ враговъ

въ мирное время. Поморскому сѣверу не было покоя отъ шведовъ, городамъ Двинской и Камской областей—отъ уральскихъ инородцевъ и калмыковъ, которые въ смуту угрожали даже Нижнему: только на крайнемъ сѣверо-востокѣ исчезли югра и смирилась самоядь, страшась городка Пустозерска, построеннаго въ началѣ періода.

Историческая жизнь также была почти безсмѣнно Божіей карой. Въ 16-мъ в. уже представлялось раемъ начало періода, когда мужикъ занималъ и бѣгалъ не такъ часто, когда пища его была сытнѣе и разнообразнѣе, когда не мало даже обучались грамотѣ, и страна была „и хлѣбна, и скоты велики, и ленъ, и желѣзо добро“. Затѣмъ настала тяжелая пора: русскій человѣкъ обливался кровавымъ потомъ. Сначала нужно было покончить съ Ордой; потомъ закипѣлъ безпрерывный бой съ крымцами. Тогда же шла борьба за существованіе съ остзейскими нѣмцами, съ польско-литовскимъ государствомъ и съ Швеціей, достигшими своего высшаго развитія. Впрочемъ, хотя войны стали обширнѣе, зато онѣ были менѣе опустошительны, чѣмъ прежде: русскіе вездѣ перешли въ *наступленіе*, и врагъ уже почти не вторгался въ наши владѣнія. Велики были и внутреннія бѣдствія, задерживавшія ростъ населенія, въ особенности опричнина и смутное время. При Грозномъ многолѣтніе неурожаи, сначала набѣги татаръ, въ силу которыхъ пустыня начиналась въ 100 верстахъ отъ Москвы, потомъ бремя наборовъ и повинностей для борьбы съ ними и за Ливонію, гнетъ помѣщиковъ, наконецъ, злая пора (§ 126)—все гнало русскаго изъ сердца Руси. Сначала онъ толокся внутри страны, слоняясь съ мѣста на мѣсто, потомъ бѣжалъ за ея предѣлы, куда глаза глядятъ—не только на благодатный южный просторъ, но и въ тѣсноту Литвы и Ливоніи, и даже въ невѣдомую суровую даль, „за Камень“. Всюду, даже по бойкимъ торговымъ дорогамъ, встрѣчались „селища, деревнища, пустоши“, какъ назывались тогда пепелища покинутыхъ поселковъ, порой даже помертвѣлый городъ. Перепись указываетъ на множество „порозшихъ земель“, чтд „лежатъ впустѣ, и не владѣетъ ими никто“, а также случайныхъ пашенъ, воздѣланныхъ „наѣздомъ“; даже въ ближнихъ къ Москвѣ уѣздахъ пестрѣли поросшія лѣскомъ пустоши, „чтд были деревни“. А затѣмъ настала смута или „розруха“ русской земли. Она терзала самую сердцевину Руси: Москва до конца періода была менѣе людною, чѣмъ до нея; въ богатыхъ вотчинахъ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря, гдѣ было 1.500 му-

жиковъ, стало 150. Начавшійся при Грозномъ отливъ населенія изнутри страны къ окраинамъ усилился. Цѣны даже на предметы первой нужды поднялись до неимовѣрной высоты и надолго застыли тамъ. Развилось въ небывалыхъ размѣрахъ бобыльство — захудалое крестьянство: мужикъ, потерявъ свои орудія отъ разгрома, совсѣмъ бросалъ землю или безжалостно дробилъ свою кормилицу на мелкія доли, тѣмъ болѣе маломочныя, что онъ не зналъ иныхъ способовъ хозяйства, кромѣ допотопныхъ. Этотъ „сирота", какъ все еще называли его, приравнивая къ древнимъ изгоямъ (§ 28), вносилъ подати по частицамъ и обросталъ недоимками, несмотря на „нещадный" правежъ. Между тѣмъ какъ лучшіе города превращались въ большія села, деревни состояли изъ 2—3 дворовъ. Дорога отъ Москвы до Новгорода поражала иностранца своею днкостью и затишьемъ. Нищіе встрѣчались зловѣщими артелями на каждомъ шагу въ самой Москвѣ, гдѣ обыватель носилъ съ собою запасъ грошиковъ, чтобы отдѣлываться отъ ихъ назойливости: отъ этой бѣды мало помогали монастыри и „богадѣльныя избы", которыя завелись передъ смутой. Во все теченіе 17-го в. московское государство не могло достигнуть той силы, какою оно пользовалось передъ розрухой.

§ 150. **Переселенія. Перепись.** — Только къ концу періода Русь начала поправляться. Населеніе возвращалось изъ лѣсовъ. Въ помѣстьяхъ и вотчинахъ поля уже не покрывались порослями; на цѣлинахъ копошились пахари, и бобыль обзаводился нивой. Въ средней полосѣ уже пошли деревни въ 5—6 дворовъ, а мѣстами и болѣе 20. Запашки становились крупнѣе, а семьи многочисленнѣе. Погустѣло и на посадахъ. Оживали торги и промыслы, особенно въ менѣе пострадавшихъ уѣздахъ: самая бойкая дорога, окаймленная людными селами, пролегала между Москвой и Ярославлемъ.

Но то были лишь ничтожные задатки лучшей участи. Общею же чертой всего періода было излюбленное выраженіе лѣтописей и челобитныхъ—„разбрестись розно" (§ 116). Пашенный мужикъ исчезалъ изъ средоточія земли: и служилые, и приказные гонялись за нимъ, какъ за рѣдкою рабочей силой, что̀ привело къ его закрѣпощенію. Русь представляла необычайную картину. Внутри ея пустота нѣсколько возмѣщалась разными инородцами и иноземцами, которыми кишѣла особенно Москва, гдѣ не было только евреевъ, которыхъ не пускали; а границы русской *народности* все расширялись. Развивалось знаменитое

переселеніе русака; только прежде оно шло на сѣверо-востокъ (§ 96), а теперь обратно. На сѣверо-западѣ уступали полякамъ и шведамъ людные города и столько земель, что литовская граница проходила въ 300 верстахъ отъ Москвы. А въ противоположномъ направленіи совершалась неудержимая тяга людская изъ середины страны. Двигались толпы бѣглецовъ на тотъ югъ, гдѣ красовалась извѣчная луговая паренина, которую когда-то покинули русскіе, ускользая отъ кочевниковъ, отъ „идолища поганаго" (§ 19). Онъ прочистился теперь отъ татарвы—и съ Оки потянулся народъ на Придонье, Поволжье и Пріуралье, перебираясь даже въ непривѣтливую Сибирь, гдѣ все-таки была „вольная воля", избавленіе отъ „тяготы мірской" среди дремучихъ лѣсовъ, снѣжныхъ пустынь и неоглядныхъ тундръ, среди полукочевыхъ вогуловъ, остяковъ, самоѣдовъ, тунгузовъ, якутовъ, юкагировъ, татаръ, башкиръ и калмыковъ. Сибирью дорожило само правительство: оно брало выгодный ясакъ съ инородцевъ, устроило тамъ много дворцовыхъ земель и служилыхъ помѣстій, ссылало туда на поселеніе пашенныхъ людей съ ихъ семьями и скарбомъ. Вельможи и монастыри также засылали чужихъ бѣглецовъ въ свои окрайныя пустынныя вотчины, гдѣ ихъ нельзя было сыскать. Всѣ эти переселенія были такъ громадны, что привели къ важному государственному дѣлу, слѣды котораго не изгладились до нашихъ дней: образовалось знаменитое казачество (§ 116).

Такъ совершалось странное явленіе: между тѣмъ какъ границы Руси быстро расширялись, населеніе ея скорѣе сокращалось, чѣмъ росло. Во всякомъ случаѣ, она попрежнему (§ 96) была *бѣдна и малонаселенна*; а соразмѣрно съ обширностью границъ представляется даже болѣе безлюдною. И народъ сознавалъ это: большая семья считалась Божьимъ благословеніемъ. Бездѣтные были во всеобщемъ презрѣніи: они мучились и ходили по монастырямъ молиться о дарованіи имъ чадородія. Въ концѣ періода не насчитывалось и пяти милліоновъ; и $^1/_{20}$ часть ихъ скучивалась въ Москвѣ. Конечно, это лишь приблизительныя цифры: въ Россіи и теперь затруднительно точное счисленіе. Но для четвертаго періода у насъ есть статистическій матеріалъ, какого не было прежде. Это—*писцовыя книги*, съ ихъ подраздѣленіями (книги перечневыя, разметныя, приправочныя, дозорныя, сотныя и т. д.), которыя появились съ начала періода (§ 114). Онѣ были плодомъ народной переписи, которая съ Димитрія Донскаго стала производиться правильно, ради татарскихъ

выходовъ (§ 91). Впрочемъ она совершалась не въ опредѣленные сроки и не вездѣ сразу. Изъ женщинъ писали только вдовъ. Правила были плохія, да и тѣ подрывались невѣжествомъ, своенравіемъ и плутнями „писцовъ, описчиковъ" или „бѣльщиковъ" изъ приказныхъ, которые получали съ обывателей сначала „писчую бѣлку", потомъ денежную плату и подводы. Запуганное населеніе, желая облегчить свое тягло, лгало, убѣгало, иногда даже убивало писцовъ или не пускало ихъ къ себѣ: оттого было много „неписьменныхъ мѣстностей". Прибавимъ путаницу и неясность отношеній въ самой жизни—и ненадежность писцовыхъ книгъ станетъ ясна. Но на Западѣ, за исключеніемъ Англіи, дѣло было еще хуже. На писцовыя книги положено много труда. Онѣ даютъ приблизительную оцѣнку земель, промысловъ и торговъ въ уѣздахъ и городахъ. Онѣ служили основой правительственнаго оклада, а мѣстами играли роль крѣпостей на землю и на крестьянъ до самаго 19-го в. Въ нихъ встрѣчаются ссылки на „чертежи" или „лубы". Въ царскихъ ларяхъ хранилось много этихъ чертежей и описаній мѣстъ, тогда какъ прежде владѣнія опредѣлялись такими выраженіями: „куда соха (топоръ, коса) ходила". А главное—писцовыя книги раскрываютъ финансовыя стремленія правительства. Цѣлью ихъ были выгоды казны: онѣ зорко слѣдятъ за тяглецами, за всякими капиталами и оборотами, которые можно было обложить.

§ 151. **Самодержавіе**.—Въ четвертомъ періодѣ происходила послѣдняя борьба новаго порядка съ старымъ (§ 97), которая привела къ смутамъ. Она была уже легка: съ самаго начала удѣльно-вѣчевой строй явно склоняется передъ самодержавіемъ, которое развивалось неуклонно. *Иванъ III* назывался уже, въ домашнемъ обиходѣ, „царемъ", даже „императоромъ" и учредилъ обрядъ вѣнчанія на царство, а также ввелъ новые придворные чины. Престолъ онъ считалъ своею личною собственностью: несмотря на то, что Москва уже привыкла къ наслѣдственности, съ 1303 г. (§ 88), онъ, по прихоти, ставилъ внука выше сына и восклицалъ: „Кому хочу, тому и даю царство!" Иванъ III признавалъ всѣхъ русскихъ и даже собственныхъ дѣтей своими холопами; совѣщался онъ не съ боярами, а съ любимцемъ-татариномъ. Благодаря Софьѣ, Иванъ устроилъ придворную жизнь, какъ церковный обрядъ, и отдѣлился отъ народа (§ 114). Онъ ставилъ себя только ниже крымскаго хана, помня свое подчиненное положеніе передъ Ордой; съ нѣмецкимъ императоромъ онъ держалъ себя на равной ногѣ, а Литву унижалъ—

писалъ грамоты туда не полатыни, а порусски (ему отвѣчали побѣлорусски). Съ Швеціей же и Ливоніей Иванъ гнушался даже входить въ прямыя сношенія: онѣ должны были обращаться къ его пограничнымъ намѣстникамъ. Такъ же гордо и упрямо вели себя наши послы заграницей. Тогда выработались строгія правила *посольскаго чина*. Посолъ былъ безчувственнымъ орудіемъ обряда величанія своего государя, ради котораго онъ переносилъ всякія мученія. Тонко развѣдывая обо всемъ чужомъ, какъ сыщикъ, онъ не смѣлъ проронить словечка о своемъ государствѣ. Но главною его службой было смотрѣть въ оба, чтобы не „умалить" достоинства своего господина. Отсюда вѣчные жестокіе споры изъ-за „величанія" или титула русскаго государя. И Москва, разъ пріобрѣтя малѣйшее преимущество въ международныхъ сношеніяхъ, уже не поступалась имъ, хотя бы за него приходилось вести рядъ неудачныхъ войнъ. Начавшаяся при Иванѣ III русская дипломатія сразу пріобрѣла прочное устройство, цѣпкость и упорство.

Василій III уже обладалъ невиданною властью (§ 119). Иностранцы называли его: „Imperator totius Russiae. Kaiser. König". На монетахъ онъ писался: „Божьею милостію государь (даже царь) всея Руси" (§ 106). Въ глазахъ подданныхъ онъ былъ „какъ бы Богъ", съ изумленіемъ доносили иностранные послы. Русскіе говорили, отказываясь отъ собственнаго сужденія: „То вѣдаетъ Богъ да великій князь", или—„Воля Божья да государева". Въ именины государя никто не работалъ, а церковные праздники зачастую не соблюдались. Разсказывать, что̀ дѣлается во дворцѣ, считалось не только преступленіемъ, но и грѣхомъ, — все-равно, что подымать голову при явленіи св. даровъ. Въ домашней бесѣдѣ, при имени государя, снимали шапки. Русскіе гордились божественностью своею владыки: „Мы, братъ, служимъ своему государю не по-вашему", говорили они иностранцу. Всякій считалъ себя, свою семью, свое добро достояніемъ своего господина, именемъ котораго замѣнилось старое выраженіе—„Русская земля". Въ обращеніи къ Василію бояре стали называть себя „холопъ твой Ивашка", „рабица твоя", купцы—„мужикъ твой", чернь—„сирота твой"; и сынъ его, уничижая себя въ самопомраченіи (§ 127), подписывался „Иванецъ Васильевъ". Государь окружилъ себя *рындами* — отборными, нарядными молодцами изъ дѣтей боярскихъ, съ копьями, саадаками и рогатинами; впрочемъ, они жили за Москвой-рѣкой, такъ какъ „зѣло бражничали" и обижали обы-

вателей: ихъ слободка называлась *Наливай-городъ*. Василій совсѣмъ не совѣщался съ боярами, которые даже возроптали на это; но боярину Беклемишеву отрубили голову, а дьяку Жареному подрѣзали языкъ и били его кнутомъ. Одинъ бояринъ отказался ѣхать посломъ (правительство не давало посламъ денегъ на издержки): его заточили навѣки въ тюрьму, а имѣніе взяли въ казну. Бояре ссорились изъ-за чести быть за столомъ государя, получить изъ его рукъ хлѣбъ и особенно соль: хлѣбъ означалъ благоволеніе, соль—любовь. Еще строже сталъ посольскій чинъ, особенно дома.

Иванъ III и Василій III сдѣлали больше всѣхъ для самодержавія. Пора *Ивана IV* была его испытаніемъ. Онъ приносилъ ему не мало вреда. Сначала онъ завелъ-было соборы и выборныя власти (§ 123); но никто и не подумалъ воспользоваться этимъ. Затѣмъ онъ устроилъ опричнину, это возстановленіе худшихъ нравовъ Сарая (§ 80): народъ безропотно перенесъ ее, какъ татарское иго, какъ кару Божью за общіе грѣхи. Съ тѣхъ поръ новое начало пошло прямымъ путемъ и пережило даже „розруху“ земли. Иванъ IV — первый признанный русскій *царь*. Въ его титулѣ цѣлая молитва и перечисленіе 26-ти покоренныхъ государствъ; его грамоты полны пышныхъ выраженій изъ бумагъ восточныхъ султановъ. Тогда выводили изъ Апокалипсиса, будто всѣ державы міра покорятся новому царю, этому владыкѣ „третьяго Рима“, такъ какъ второй Римъ (Константинополь) попалъ въ руки нехристей. „Страхъ овладѣлъ всѣми языческими землями“, говоритъ лѣтописецъ; и порабощенные турками христіане стали возлагать на Москву свои надежды. А Грозный произвелъ себя въ потомки Пруса, брата императора Августа,— сказка, которая слагалась уже съ пріѣзда Софьи Палеологъ, но теперь была внесена въ лѣтописи и въ грамоту къ польскому королю.

Иванъ IV посвятилъ себя утвержденію самодержавія и довелъ его до опасныхъ предѣловъ, когда еще не было полнаго единодержавія на Руси. Ради этого онъ всю жизнь боролся съ небывалою „крамолой“. Все выдающееся, сильное было въ его глазахъ грѣховнымъ и осуждалось на погибель. Онъ долженъ былъ оставаться единымъ властелиномъ, какъ солнце одно на небѣ: съ тѣхъ поръ исчезаютъ договорныя отношенія между князьями (§ 97). Грозный то давалъ служилымъ князьямъ и боярамъ дурныя земли на сѣверѣ, вмѣсто ихъ хорошихъ, то просто отнималъ у нихъ вотчины или захватывалъ ихъ по смерти вла-

дѣльца, несмотря на завѣщаніе. Надъ ними возвысились люди безправные, обязанные всѣмъ милости царя, въ особенности же поднялись *дьяки* и *подъячіе*. выходившіе изъ посадскихъ, а чаще всего изъ поповичей, какъ грамотныхъ людей. Они сидѣли въ приказахъ и намѣстничествахъ и заправляли воеводами. Бояре говорили про нихъ: „Есть у царя новые вѣрники, которые его половиною кормятъ, а бо̀льшую себѣ берутъ, которыхъ отцы нашимъ отца̀мъ въ холопство не годились, а теперь не только землею владѣютъ, но и головами нашими торгуютъ“. Точно также было унижено духовенство, при всей набожности Ивана IV: онъ уже самъ назначалъ митрополитовъ. Грозный обращался даже съ иностранными послами, какъ съ холопами или преступниками. Сила самодержавія при Грозномъ тѣмъ явственнѣе, что нерѣдко самъ онъ поступалъ вопреки собственнымъ замысламъ. Въ немъ еще сохранялись пережитки удѣльной поры. Онъ назначилъ большой удѣлъ младшему сыну, Ѳедору, при жизни старшаго, Ивана: хорошо, что Ѳедоръ пережилъ всѣхъ притязателей на владѣтельныя права. Безумная опричнина (§ 126) была возвращеніемъ вспять — изъ столицы и дворца въ деревню и избу, отъ единодержавія къ удѣламъ (§ 97). Она оставляла Русь старому порядку, боярскому правленію. Бояре говорили въ смутное время: „Видали мы отъ прежнихъ государей опалы себѣ, только во всемъ государствѣ справа всякая была на насъ“.

Иванъ IV сдѣлалъ все для подрыва новаго порядка. Онъ истощилъ московскую Русь непосильными войнами на западѣ (§ 128). Онъ оттолкнулъ Русь западную и косвенно помогъ люблинской уніи (§ 111), направивъ притокъ служилыхъ обратно изъ Москвы въ Литву (§ 125). Своимъ болѣзненнымъ звѣрствомъ и истребленіемъ собственной династіи онъ подготовилъ смуту. А самодержавіе все развивалось, какъ основа государства и нравовъ русскаго народа, какъ его неподавимая потребность, обнаруженная уже въ концѣ прошлаго періода (§ 108). При Ѳедорѣ I русскіе съ пренебреженіемъ смотрѣли на страны съ инымъ образомъ правленія. Сами бояре, погибавшіе подъ тяжелою десницей его отца, говорили полякамъ: „У насъ государи прирожденные изначала, и мы ихъ холопы прирожденные; а вы выбираете своихъ государей“. Вольные любечане, эти новгородцы Германіи, были въ ихъ глазахъ презрѣнными „мужиками торговыми“. Для нихъ самихъ званіе „слуги“ царскаго становилось верхомъ почести. Высочайшій

титулъ сталъ еще пышнѣе: такъ какъ тѣснимый турками и персіанами князь Иверіи искалъ подручничества у Москвы, Ѳедоръ назвался „государемъ земли Иверской, грузинскихъ царей и Кабардинской земли, черкасскихъ и горскихъ князей". Тогда же выяснилось, что *земскіе соборы не ограничивали самодержавія.* Чаще всего созывались они при Михаилѣ Ѳедоровичѣ; но никогда самодержавіе не было такъ сильно, какъ при немъ. Не больше значенія имѣли попытки *записей.* Массы народа были противъ вынужденной боярами записи царя Василія (§ 137): „въ московскомъ государствѣ того не повелось", говорили онѣ. И Василій дѣйствовалъ не менѣе произвольно, чѣмъ Борисъ. Запись Владислава (§ 139), которая ограничивала власть уже не думой, а земскимъ соборомъ, была случайностью, приличною польскому королевичу. А извѣстіе Котошихина о записи Михаила Ѳедоровича даже находится подъ сомнѣніемъ. Но еслибы она и была взята, все-таки несомнѣнно, что вскорѣ, съ пріѣздомъ Филарета, самодержавіе воскресло съ новою силой. Михаилъ объявилъ: „По нашему указу, сдѣлана печать новая, больше прежней, и прибавлено въ подписи— *Самодержецъ.* А надъ головами у орла корона". Даже желаніе увидѣть царя стало преступленіемъ. Одинъ попъ выдумалъ какую-то военную машину, но требовалъ лично переговорить о ней съ царемъ: его посадили, въ цѣпяхъ, въ монастырь, какъ смутника. Заточили также князя Хворостинина за слово „деспотъ", которое сочли унизительнымъ для царя: оно значитъ погречески только владыка, а не царь и самодержецъ. А отъ сына Михаила никто уже и не думалъ спрашивать записи.

Въ то же время самодержавіе уже подавляло все не только величіемъ своей власти, но и своимъ *богатствомъ.* Цари были все Калиты (§ 91). Они отличались скопидомствомъ и считали Русь своею вотчиной. Была только *царская казна*, а не государственная; и царь самъ окладывалъ своихъ подданныхъ, какъ хотѣлъ. Скопляемая вѣками, казна была очень богата. Земля также вся считалась царскою. Народъ говорилъ: „Земля эта великаго князя, а нашего владѣнія". Царь распоряжался участками, какъ хотѣлъ, „чья земля ни буди". Онъ отдавалъ „черныя" (§ 100) земли служилымъ или церковникамъ, перечислялъ ихъ въ разрядъ дворцовыхъ, превращалъ тарханныя (§ 102) имущества въ тяглыя. Онъ покупалъ земли за безцѣнокъ, нето отбиралъ ихъ по прихоти или за проступки владѣльцевъ, постепенно стѣсняя права вотчинниковъ и мона-

стырей. Онъ могъ отнять у каждаго и всякую другую собственность или право. При присоединеніи каждаго удѣла, въ казну шла самая значительная и лучшая доля земель княжескихъ, боярскихъ и церковныхъ. Такъ, у государей скоплялась куча лишней земли, которую они и употребляли на усиленіе своей власти, раздавая ее помѣщикамъ. Отсюда правило: у кого есть земля, тотъ обязанъ нести службу государеву или тянуть тягло. На Западѣ государи нуждались въ деньгахъ и давали за нихъ политическія льготы: у насъ цари сами одаряли бывшихъ дружинниковъ землями и крестьянами, превращая ихъ самихъ въ холоповъ. Лишь на минуту, въ концѣ періода, послѣ розрухи и послѣдовавшихъ за нею войнъ съ Западомъ, казнѣ пришлось обратиться за денежною помощью къ народу—и дѣло земскихъ соборовъ оживилось, какъ никогда.

§ 152. **Царскій чинъ. „Пресвѣтлое величество" и дворъ.**— Къ концу періода придворный бытъ сложился въ тотъ недосягаемый и строгій „царскій чинъ", который показывалъ, что новый порядокъ уже отдѣлался отъ пережитковъ старины. Прошли простодушныя времена, когда князь былъ „стражемъ земли", которая „рядилась" съ нимъ и „кормила" его, какъ „Божьяго слугу", что̀носитъ мечъ „въ месть злодѣемъ, въ похвалу же добродѣемъ" (§ 58). Навѣки миновала пора, когда вѣче говорило ему: „ты собѣ, а мы—собѣ" (§ 51); онъ же называлъ міръ „братьей моей милою". Уже съ Ивана III говорили, поглядывая на Верхъ: „Русь переставила свои обычаи". Но до половины періода тамъ еще сквозила отеческая простота: великій князь хоть послу подавалъ руку и садилъ его „противу себя близко". Съ Грознаго же образуется „пресвѣтлое царское величество". Его обиталище превратилось изъ „двора" или усадьбы вотчинника въ сказочныя „палаты" и „комнаты" съ златоверхими теремами, гдѣ жизнь текла чтивымъ, степеннымъ „обрядомъ", по уставамъ и положеніямъ Византіи.

Пресвѣтлое величество постепенно удалялось отъ народа на недосягаемую высоту, изобрѣтая для себя все новыя, неслыханныя клички. Старый *титулъ* измельчалъ: всякій владѣтельный князь сталъ называть себя „великимъ". И вотъ, московскій князь назначаетъ во вновь пріобрѣтенныя земли своихъ сыновей съ титуломъ великихъ, а самъ уже именуется „господиномъ". Но истрепалось и это слово: оно стало такимъ же выраженіемъ вѣжливости, почтенія, какъ „самъ", хозяинъ; monseigneur превратился въ monsieur. Тогда въ Москвѣ возникъ

„государь“ (господарь, государить),—титулъ, значеніе котораго ясно изъ спора Ивана III съ Новгородомъ (§ 113). Но и государями норовили всѣ величаться—и служилые князья, и митрополиты, и Новгородъ. Тогда объявился „великій“ государь, государь „всея Руси“ и, наконецъ „царь“,—послѣднее въ знакъ того, что московскій государь уже не данникъ Орды: царями называли татарскихъ хановъ. При Грозномъ уже въ дѣловыхъ бумагахъ стоитъ единое „царство русское“ или „государство Московское“: старинное перечисленіе „великихъ княжествъ“ сохранилось лишь въ полномъ титулѣ царя, какъ государственное тщеславіе. Такъ установился знаменитый титулъ, хотя всѣ эти клички издавна путались между собой, какъ и все въ древней Руси. Прозвище „самодержецъ“, переведенное книжниками съ греческаго, употреблялось издревле (§ 97), какъ знакъ почтенія: оно приличествовало всякому независимому князю, какъ слово „самъ“. Но государственное значеніе оно получаетъ лишь со временъ „царевны цареградской“: при Иванѣ III оно освящено благословеніемъ митрополита и церковнымъ обрядомъ „вѣнчанія на царство“, которымъ замѣнилось посаженіе на столъ татарскимъ посланцомъ. Въ титулъ же слово „самодержецъ“ входитъ только вмѣстѣ съ „царемъ“, а въ концѣ періода оно появляется и на государственныхъ печатяхъ. Этихъ печатей набралось цѣлыхъ три, большихъ и малыхъ; да при Михаилѣ возникла еще особая, „для скорыхъ и тайныхъ царскихъ дѣлъ“, которая хранилась у постельничаго, какъ личная собственность самодержца.

Возвеличенію имени сопутствовало возвышенное *обособленіе* самого государя. Онъ постепенно отдаляется даже отъ родни: старикъ-дядя называетъ себя холопомъ племянника-ребенка. Рюриковичи превращаются въ служилыхъ князей и трепещутъ даже въ предѣлахъ своей власти: чуть дѣло сомнительно, думецъ или начальникъ приказа „докладываютъ“ на Верхъ, „не смѣя указать безъ государева указу“. Прежде „страдали за землю“: теперь все „служитъ государю“. „Служилый“ стало высшимъ, почетнымъ званіемъ. Князья и вельможи, какъ дворня, не смѣли даже безъ спросу ни уйти въ гости, ни жениться: они безотлучно стояли на Верху, получая съ царскаго стола „поденную подачку“, а при милости—шубу или кафтанъ съ царскаго плеча. Къ концу періода „дворянинъ“ сталъ выше „дѣтей боярскихъ“, т. е. новая придворная услуга поднялась надъ старою вольною службой, холопъ (§ 97) возобладалъ надъ дружинникомъ. И

первымъ дѣломъ всякаго служилаго стало „обереганіе чести государева двора“, т. е. неукоснительное соблюденіе обрядовъ царскаго чина.

На Верху всюду наблюдались степенность, тишина и порядливость, какъ въ храмѣ: бояръ стегали кнутомъ за „непригожее“ слово на лѣстницѣ. Первые вельможи и даже послы слазили съ коней далеко отъ дворца, а мелочь даже въ Кремль входила пѣшкомъ. Холопъ, проведшій лошадь боярина черезъ царскій дворъ хотя бы по невѣдѣнью, наказывался кнутомъ. Было указано, до какихъ лѣстницъ или комнатъ доходить каждому чину. Простой народъ снималъ шапки, завидя дворецъ, какъ передъ церковью. Всѣ падали ницъ при видѣ царя и особенно царицы, которую встрѣтить нечаянно значило подвергнуться жестокому розыску. Царицу и царь видѣлъ только по вечерамъ: онъ обыкновенно обѣдалъ одинъ, какъ бы совершая торжественный обрядъ. Видѣть пресвѣтлое величество вообще было очень трудно. Лишь въ особыя торжества его выводили подъ руки въ соборъ; и всяческіе чины, кладя земные поклоны, „жаловались къ его рукѣ“, которую поддерживалъ дородный, облитый золотомъ, первый бояринъ. Рѣдкимъ счастьемъ, великою честью считалось „видѣть пресвѣтлыя очи государскія“, т. е. быть „пущеннымъ въ комнату“, гдѣ самые родовитые и сѣдовласые вельможи все „били челомъ“—за особую милость до 30 разъ. Удаленіе отъ двора было жестокою опалой, которая изсушала несчастнаго.

Эта необычайная возвышенность и обособленность величества ни въ чемъ не сказывались такъ ясно, какъ въ *брачныхъ* затрудненіяхъ. Прежде великіе князья женились на удѣльныхъ княжнахъ, а иногда на дочеряхъ дружинниковъ и даже новгородскихъ посадниковъ. Но теперь—всѣ холопы, а въ законахъ древней Руси „по робѣ холопъ“: по словамъ Котошихина, „князи и бояре есть холопы, а вѣчный позоръ — за раба выдать госпожу“. Иванъ III, самъ женившись на иноземной царевнѣ, сталъ искать своимъ дѣтямъ невѣстъ и жениховъ на Западѣ. Но тамъ боялись звѣроподобія Московіи. А намъ претило то, что „не одной вѣры“, да и наши царевны „иныхъ государствъ языка и политики не знаютъ, о отъ того бъ имъ было въ стыдъ“. И старались отдавать царевенъ хоть за крещеныхъ татарскихъ царевичей, лишь бы избѣжать родства съ собственными холопами. Но еще проще — ихъ сначала держали взаперти въ теремахъ, а потомъ отдавали въ монастырь. Для царевичей же пришлось, скрѣпя сердце, довольствоваться

боярышнями. Чтобы избѣжать опаснаго возвышенія вельможныхъ родовъ, рѣшились выбирать изъ дѣвицъ всѣхъ чиновъ: такъ бывало и въ Византіи; да къ этому велъ и вотчинный взглядъ на семьи подданныхъ, какъ на собственность государя. Уже Иванъ III призвалъ на смотръ для наслѣдника 1.500 лучшихъ дѣвицъ со всего царства. Забракованныя обыкновенно въ тотъ же день обручались съ сановниками, „по милости царя", а избранницу брали во дворецъ. Съ той минуты даже отецъ не смѣлъ называть ее дочерью. Она для всѣхъ становилась недоступною „великой государынею царицей", а ея родъ получалъ чины, деньги, кормленья, вотчины и помѣстья.

Обособленіе величества завершилось выработкой главнаго средостѣнія—*придворнаго чиноначалія*. Въ этомъ смыслѣ, дворъ установился именно теперь, причемъ его послѣдніе чины возникли въ самомъ концѣ періода, несмотря на розруху. Онъ сталъ блестящъ и многочисленъ, какъ въ сказкѣ. Тутъ были всѣ князья, бояре, княжата и дѣти боярскія. Всѣ лучшіе роды добивались чести попасть на Верхъ. Ихъ представители стояли „у крюка" (у дверей) „комнаты", прислуживали государямъ за столомъ, сопровождали ихъ въ качествѣ возницъ и „ухабничихъ", которые поддерживали возокъ царя на ухабахъ. Всѣ они, нѣсколько сотъ человѣкъ, каждый день спозаранку толпились на лѣстницахъ, на крыльцѣ и въ передней дворца. Всякій мечталъ о счастіи попасть въ „ближніе" или „комнатные" царя, чтобы сидѣть съ нимъ въ возкѣ, видѣть его пресвѣтлыя очи, подавать ему лекарства: „близъ царя, близъ милости". Въ концѣ періода придворныя должности уже стали обязательными ступенями ко всѣмъ высшимъ чинамъ въ государствѣ. Среди нихъ выше всѣхъ стояли нѣкоторые изъ путныхъ (§ 97) бояръ, этого гнѣзда именитыхъ родовъ, и особенно конюшій (оберъ-шталмейстеръ), этотъ первый бояринъ „чиномъ и честью", которому подчинялись ясельничіе. Затѣмъ больше всѣхъ поднялись бывшіе дворовые холопы—окольничій и дворецкій. Окольничіе сначала завѣдывали ѣздою царя, его путями и станами, а также являли ему иностранныхъ пословъ, а подконецъ занимали высшія должности, стали приближенными царя, вродѣ гофмейстеровъ: оттого число ихъ дошло до 17. Дворецкій (министръ двора) также сталъ близокъ къ царю, завѣдуя всѣмъ хозяйствомъ государя и его столомъ: онъ сидѣлъ, во время обѣда, за особымъ поставцомъ, оберегая высочайшее здоровье. Послѣднюю обязанность раздѣлялъ съ нимъ крайчій (оберъ-шенкъ), смотрѣвшій за на-

питками. Немного менѣе вліятельными были: оружничій (начальникъ Оружейной Палаты—арсенала и кладовой съ драгоцѣнностями), казначей (хранитель хозяйственныхъ запасовъ) и постельничій, который вѣдалъ платье государя, спалъ въ одной комнатѣ съ нимъ, водилъ его въ баню и былъ на его выходахъ „со стряпнею" или съ его необходимыми вещами (стряпать—дѣлать, служить). Далѣе слѣдовали ловчій съ сокольничимъ, вѣдавшіе охотниковъ, псарей, сокольниковъ, подсокольниковъ, ястребниковъ, кречетниковъ, бобровниковъ, подлазчиковъ, подледчиковъ, неводниковъ. За ними стоялъ печатникъ, который привѣшивалъ къ грамотамъ и указамъ печати на снуркѣ, вмѣсто рукоприкладства царя; но подконецъ эта обязанность перешла къ думному дьяку, который всегда носилъ на вороту малую государеву печать. Къ нижнимъ придворнымъ чинамъ относились стольники и чашники, которые „въ столы сказывали" (приглашали къ столу), стояли у государева стола и надзирали за стряпчими, какъ буфетчики. За ними шли стряпчіе, которые разносили блюда за столомъ и разливали напитки, подавали царю стулъ съ подушкой, скамеечку, подножье (коврикъ), полотенце (платокъ), шапку, солношникъ (зонтикъ), иногда замѣнявшійся балдахиномъ, а также одѣвали и раздѣвали его, въ качествѣ спальниковъ. Стряпчихъ была такая куча, что однихъ назначали, по именной росписи, къ разнымъ службамъ при особѣ царя, другихъ разсылали по полкамъ; и они пополугодно служили то при дворѣ, то въ дворцовыхъ деревняхъ. Наряду съ ними стояли „дворяне московскіе". Ихъ назначали по наряду, для дворцовой стражи, въ свиту государя при его отлучкахъ и на разныя послуги: 40 ночевали подлѣ царской опочивальни.

У царицы былъ свой дворъ, попреимуществу женскій. Здѣсь высшій чинъ составляли „дворовыя или верховыя боярыни" (фрейлины), и во главѣ ихъ „мамы" (гувернантки), по старшинству царскихъ дѣтей: это — вдовы, обыкновенно родственницы царской четы. За ними слѣдовали: кравчая, казначея, постельница, судья. Ниже стояли: ларешница и учительницы грамоты, кормилицы, псаломщицы и „сѣнныя боярышни" изъ дворянокъ, которыя стольничали и развлекали царицу; еще ниже—спальницы и „комнатныя бабы" (лекарки и повитухи), изъ мелкихъ дворовыхъ чиновъ. Всего до 150 женщинъ. Изъ мужчинъ упоминаются: приказные Постельнаго царицына приказа (дворецкій съ подъячими) да крестовые дьяки (дьяконы). Но больше всего было стольниковъ—до 250. Это—пажи царицыны, молодцоватые

и нарядные подростки (10—17 лѣтъ) изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Они служили своей госпожѣ за столомъ, при ея походахъ и выѣздахъ, а также на посылкахъ и караулахъ.

Этимъ не исчерпывалось населеніе кремлевскаго дворца. Кучи бояръ вызывались изъ своихъ усадебъ пополугодно, чтобы только придавать блескъ двору. Многіе вельможи и дворяне засѣдали въ думѣ. У Краснаго Крыльца (парадный входъ во дворецъ) думные дьяки принимали челобитныя отъ народа. На Постельномъ Крыльцѣ (площадь въ средоточіи дворцовыхъ зданій) съ утра до вечера толпились дворяне и приказные, кто по службѣ, кто изъ любопытства: здѣсь можно было узнать всѣ правительственныя новости и сплетни; здѣсь же объявлялись царскіе указы. Всюду сновали „жильцы", или низшіе придворные для разныхъ послугъ, а на „стойкѣ" вытягивались стрѣльцы. На кухнѣ орудовали кучи поваровъ, пирожниковъ, хлѣбниковъ, калачниковъ, курятниковъ и т. д., подвѣдомыхъ Дворамъ—Сытенному, Кормовому, Хлѣбенному и др. Были еще винокуры, пивовары, бочкари, сытники и проч., не говоря про цѣлыя „людскія" села, работавшія исключительно на дворецъ. У царицы было много мастерицъ и ученицъ, золотныхъ и бѣлыхъ (золотошвеи и бѣлошвеи), портомой, прачекъ, истопниковъ, сторожей и мастеровыхъ, которые жили особою слободою Кисловкою,—имя, сохранившееся до нашихъ дней въ серединѣ Москвы. Разной этой челяди при дворѣ насчитывалось болѣе тысячи.

§ 153. **Царскій бытъ.**—Не легка была жизнь повелителя среди этой пышности и строгой чинности. Усложненіе дѣлъ въ разросшемся государствѣ, первобытная путаница въ нихъ, мѣстничество бояръ, невѣжество и лукавство приказныхъ, общій духъ кляузничества, вѣчныя войны, наконецъ, кропотливое, фараоновское (*Д. И.* § 13) исполненіе малѣйшихъ обрядовъ царскаго чина—все требовало большой работы у кормила правленія. Вотъ поднимается его пресвѣтлое величество, съ зарей, часа въ 4. Постельничій „убираетъ" его, съ помощью спальниковъ и стряпчихъ. Государь выходитъ въ Крестовую, гдѣ крестовый попъ со своими дьяками встрѣчаетъ его и окропляетъ святою водой, затѣмъ читаетъ краткую молитву и приличное дню мѣсто изъ какого-нибудь „Златоуста". Помолившись, царь обсылается съ царицей насчетъ здоровья или здоровается съ нею въ ея передней, и вмѣстѣ идутъ въ верховую церковь къ заутрени. Между тѣмъ первые бояре уже толпятся въ Золотой Палатѣ. Они бросаются „бить челомъ" ему, когда онъ вступаетъ въ

нее, не снимая тафьи (шапки): то-же дѣлаетъ самъ патріархъ, который жалуется къ рукѣ. Начинается „сидѣнье съ бояры“ или дума, которая всегда была при царѣ, не исключая праздниковъ. Посидѣвъ часа 4, всѣ идутъ къ обѣднѣ, которая длится часа 2, причемъ царь слушаетъ доклады и отдаетъ приказы. Послѣ обѣдни—опять въ Золотую Палату, гдѣ происходитъ слушаніе челобитныхъ да начальниковъ приказовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свой день для докладовъ: тутъ бояре уже стоятъ; который устанетъ—тихохонько выйдетъ на площадку вздохнуть.

Въ полдень высочайшій обѣдъ, торжественный, по чину, блюдъ 70; но царь все это разсылалъ своею милостью, самъ же кушалъ умѣренно и просто. Послѣ обѣда государь „отдыхалъ“ часика 3 и, просыпаясь съ благовѣстомъ къ вечернѣ, опять шелъ въ церковь со вновь собравшимися боярами. Затѣмъ снова въ думѣ; и все-таки бояре „всходили въ Верхъ на докладъ“ еще въ неурочные часы, даже когда царь кушалъ. Вечеръ посвящался развлеченіямъ или у себя, съ „ближними“, или на половинѣ царицы, въ семьѣ; затѣмъ ужинъ и опять молитва въ Крестовой—на сонъ грядущій. Пресвѣтлое величество любилъ позабавиться, но тоже степенно, прилично сану. Главное развлеченіе—чтеніе божественнаго да лѣтописей, которыя нерѣдко подправлялись высочайшею рукой. Затѣмъ властелинъ Руси уносился тихою мечтой въ ея богатырскую и любомудрую первобытность, благоговѣйно вслушиваясь въ спокойное журчаніе сказки, былины и духовнаго стиха: для этого во дворцѣ жили „бахари“, „слѣпцы“ да „верховые богомольцы и юродивые“, а у царицы—бывалыя „старицы“. Много было также, на обѣихъ половинахъ, „дураковъ и шутовъ“, „дурокъ и шутихъ“, а также карловъ и карлицъ. Тамъ играли въ карты, шашки, бирки; но царь больше снисходилъ къ шахматамъ, къ этой мудрой и степенной игрѣ Аль-Рашидовъ (*С. И.* § 54). Въ Потѣшной Палатѣ его увеселяли скоморохи, музыканты и медвѣдчики. Зимой онъ смотрѣлъ „медвѣжье поле“—бой охотника съ дикимъ Мишкой. Охота была не только забавой, но и важнымъ государевымъ дѣломъ: это—„царская тѣшь“. Она вызвала особый обширный отдѣлъ двора. Царь охотился, гдѣ ему полюбится; и мѣстные жители должны были кормить всю его справу, давать дворы для ея постоя и подводы, выставлять проводниковъ, сторожей, облавщиковъ, забивать на рѣкахъ ѣзы—запруды для ловли рыбы. Государева охота была попреимуществу соколиная; на нее уходило много лѣтняго времени, которое проводилось больше въ загородныхъ дворцахъ.

Такова была обыденная жизнь дворца. Сказочною, восточною пышностью отличались его праздники. Тутъ сіялъ главный чертогъ—Грановитая Палата, гдѣ совершались пріемы пословъ и большія столованья, принимались поздравленія, собирались земскіе соборы. Тутъ все щеголяло парчами, атласами, шелками, соболями, которые возвращались, послѣ службы, въ дворцовыя кладовыя, вмѣстѣ съ безцѣнною утварью; а по стѣнамъ палатъ, по крыльцамъ и лѣстницамъ лѣпились толпы царедворцевъ, которые служили живымъ убранствомъ, стоя, какъ истуканы, не отвѣчая на поклоны знакомыхъ и гостей. При поздравленіяхъ только бояръ „пущали" въ палату, по разрядному списку: взойдетъ осчастливленный въ одну дверь, ударитъ челомъ передъ престоломъ и удаляется другимъ выходомъ. Дворяне же и остальная мелочь и тутъ видали государскія очи только въ сѣняхъ и на крыльцахъ, при проходѣ царя въ соборъ. „Вѣнчаніе на царство" было даже церковнымъ обрядомъ. Тутъ новый „помазанникъ" „облачался" въ храмѣ „въ царскій санъ," по византійскому обычаю. Это, прежде всего, — „платно", верхняя одежда изъ золотой парчи, безъ „стана" (таліи), съ короткими, широкими рукавами, какъ архіерейскій саккосъ, этотъ близнецъ византійской порфиры; оно было подбито горностаемъ, опушено соболемъ, обвѣшано жемчужнымъ кружевомъ, усыпано драгоцѣнными каменьями. На платнѣ красовались, какъ собраніе сокровищъ Шехерезады, бармы (§ 42) или „діадима", т.-е. оплечіе, и наперсный крестъ. Облаченіе довершали: сіявшая каменьями золотая „шапка" (корона) съ собольимъ околомъ, столь же богатые башмаки изъ бархата или сафьяна и царскій жезлъ, тоже облѣпленный каменьями. Все это такая тяжесть, что облаченному и не двинуться бы, еслибы не водили его бояре, поддерживая подъ руки.

Подобною же торжественною обрядностью сталъ посольскій чинъ. За-границу посылались уже не простые „гонцы", но „посланники" и даже „великіе послы". Послѣднихъ сопровождала цѣлая походная часовня и пышная свита, нагруженная подарками—безцѣнными мѣхами. Ихъ время шло главнымъ образомъ на неукоснительное исполненіе своихъ обрядовъ и обычаевъ да на переодѣванья. Когда къ намъ пріѣзжалъ посолъ, приказывали запирать лавки и сгоняли разодѣтый народъ на дорогу, чтобы Москва показалась гостю многолюдною, могучею, богатою и довольною. Пристава всячески „оберегали честь государя", заставляя посла перваго снять шапку и т. под.: оттого сразу завязывались ссоры и

чуть не драки. „Караульщики“ никого не пускали къ послу, который и выходилъ рѣдко, да и то въ сопровожденіи приставовъ. Его кучера водили коней на водопой въ особое мѣсто, и также окруженные стражей. Москвичамъ воспрещалось проходить мимо его жилья. Послу не позволялось писать домой, а письма къ нему прочитывались и уничтожались. Харчи давались ему готовые; но дѣло было не столько въ „ѣствахъ“, сколько въ питьѣ или „здоровьяхъ“, которымъ вели списокъ съ строгимъ соблюденіемъ титуловъ. При высочайшихъ пріемахъ посолъ слѣзалъ съ коня далеко отъ дворцовой лѣстницы, по которой спускалось множество царедворцевъ, одинъ другого пышнѣе. Особенно знатнымъ посламъ дѣлались, на Красномъ Крыльцѣ, „встрѣчи“ большія, среднія и меньшія: въ разныхъ мѣстахъ лѣстницы выстраивались „встрѣчники“ изъ царедворцевъ, а царь встрѣчалъ у ступеней трона. Въ огромной палатѣ, куда вводили посла, стояли у стѣнъ до 500 сановниковъ и длиннобородыхъ сѣдыхъ гостей въ богатѣйшемъ одѣяніи. Вокругъ разукрашеннаго престола размѣщались большія иконы, держава цѣльнаго золота, такой же посохъ царя и вызолоченная лохань съ рукомойникомъ и полотенцомъ. Все это охранялось кру́гомъ изъ рындъ съ серебряными бердышами. Царь, возсѣдая на престолѣ, давалъ послу цѣловать свою руку, потомъ обмывалъ ее и, посидѣвши молча, приглашалъ гостя къ обѣду, а самъ величаво удалялся. Обѣдъ длился съ 2 до 11 ч. пополудни, причемъ прислуживали до 150 стольниковъ, и всѣ переодѣвались по три раза. За столомъ подлѣ царя оставалось настолько мѣста, насколько онъ могъ обнять, разведя руками. Посолъ сидѣлъ за особымъ столомъ, и царь изъ своихъ рукъ посылалъ ему ѣства, за что тотъ долженъ былъ вставать и кланяться. Всѣ исполняли то же самое, при всякой подачкѣ съ царскаго стола кому-нибудь. Лишь изрѣдка царь оказывалъ послу особую честь — пилъ за здоровье его государя. Послѣ обѣда пристава „поили посла“ у него, а сами воздерживались, чтобы вывѣдывать у гостя. Наконецъ-то принимались за переговоры, причемъ бояре на каждомъ шагу произносили титулъ царя и рылись въ ларяхъ-архивахъ, истомляя посла формалистикой и придирками. Если дѣло налаживалось, послу дарили соболью шубу, сорока два соболей, сотни три горностаевъ, тысячи полторы бѣлокъ, а гость отдаривалъ монетой. Но чуть только рѣчи посла не нравились царю, ему дѣлали всякія непріятности, его не принимали во дворецъ, иногда даже не отпускали домой.

Величавы были и такія торжества, какъ „выходы" государевы или явленія царя народу. На стрѣлецкомъ караулѣ Краснаго Крыльца велись о нихъ, также какъ о погодѣ, „дневальныя записи". Особенно чинны были выходы „на богомолье". Они возвѣщались „выходнымъ" звономъ. Царь медленно выступалъ изъ комнаты во всемъ сіяніи своего пресвѣтлаго величества, въ сопровожденіи постельничаго съ 20 стряпчими и бояръ, разодѣтыхъ въ указанные по росписи кафтаны. Низшіе царедворцы, ударивъ ему челомъ на лѣстницѣ, шли впереди, по три въ рядъ, до Успенскаго собора, гдѣ выстраивались по обѣимъ сторонамъ пути. Въ придѣлѣ собора царь возлагалъ на себя царскій санъ. Если выходъ шелъ за предѣлы Кремля, государь ѣхалъ въ колымагѣ (каретѣ) или росписныхъ саняхъ, причемъ стольники стояли „на ухабахъ", а бояре „на оглобляхъ"; а впереди шли стрѣльцы съ батожками (прутьями)„ для тѣсноты людской". Самый пышный, всенародный выходъ былъ на Богоявленіе. Тогда со всего государства съѣзжались въ Москву поглядѣть на „водокрестіе". И вся эта масса, до 400.000 головъ, падала ницъ, завидя шествіе къ Іордани, въ которомъ участвовало болѣе 800 человѣкъ одной свиты. Впереди шагалъ цѣлый полкъ стрѣльцовъ и отрядъ рындъ, въ цвѣтныхъ платьяхъ, съ золочеными пищалями въ перламутровыхъ ложахъ, съ копьями въ золотыхъ галунахъ, съ золочеными алебардами на древкахъ изъ чернаго дерева съ серебряными кистями. Затѣмъ двигалось духовенство, въ преднесеніи святынь, — до 300 поповъ и 200 дьяконовъ со всѣхъ сорока сороковъ церквей столицы. Наконецъ, шли бояре и самъ царь; а за ними гости въ золотыхъ кафтанахъ, по наряду, и приказные. Іорданская сѣнь уподоблялась сказочной ставкѣ. А по Москвѣ-рѣкѣ пестрѣли, въ концѣ періода, солдатскіе полки въ цвѣтныхъ одеждахъ, со знаменами и барабанами. Въ воздухѣ раздовалось пѣніе церковныхъ хоровъ и причтовъ, разносился оглушительный звонъ колоколовъ.

Такъ, бытъ Верха доказывалъ побѣду новаго порядка. Здѣсь старина сохранялась лишь въ нравахъ и понятіяхъ. Царь оставался прежнимъ русскимъ человѣкомъ, вотчинникомъ, по своимъ привычкамъ, понятіямъ и образованію: онъ жилъ только въ большей „прохладѣ", былъ болѣе крупный „самъ", господинъ; у него было больше золота и „цатъ", сокровищъ. Кремль былъ усадьбой помѣщика, среди его деревень и слободъ на Москвѣ. Дворецъ даже назывался зачастую „избой".

Настроивъ роскошныхъ каменныхъ палатъ, цари держали ихъ для торжествъ, а сами жили постарому, скромно, въ тѣсныхъ, низкихъ хоромахъ и покояхъ, съ неизбѣжнымъ коникомъ, крюкомъ у дверей и краснымъ угломъ. Все еще непривычно, жутко было имъ на просторѣ, въ большомъ обществѣ: они сидѣли въ своей „комнатѣ", запершись самъ-другъ съ наперсниками. Иностранцы изумлялись нѣкоторымъ пережиткамъ родственныхъ отношеній къ народу: бояре, владыки, протопопы вѣчно при царѣ, и онъ все угощаетъ ихъ; при выходахъ мужикъ вправѣ подать ему челобитную, которая тотчасъ шла въ Челобитный приказъ, и рѣшеніе по ней читалось подъячими „всѣмъ людемъ" на площади, передъ государевымъ дворомъ. Но привѣтное величество уже ушло отъ народа на недосягаемую высоту, при которой трудно было обмѣниваться лучами взаимной любви. А уединенность, безпочвенность воспитывали жуткое чувство, которое поддерживалось суевѣріями. Верхъ сталъ юдолью страха, трепета и той подозрительности, того наушничества, при которыхъ часто пустое „слово и дѣло" вело къ сыскамъ, пыткамъ и гибели даже братьевъ, дѣтей и невѣстъ государя. Объ этомъ свидѣтельствуетъ весь складъ дворовыхъ порядковъ.

Здѣсь все было направлено къ „береженью государскаго здоровья". Забредетъ-ли кто случайно во дворецъ, не по росписи или наказу, его допрашиваютъ накрѣпко и даже подъ пыткой. При входѣ въ покои даже родственники царя снимали свое обычное оружіе, поясные ножи, и клали палки; обезоруживали и пословъ. Въ опочивальнѣ царя спалъ постельничій, по сосѣдству — цѣлый отрядъ стряпчихъ и спальниковъ, въ третьей комнатѣ—тоже; а у внѣшнихъ дверей сторожили молодые силачи-истопники. Высочайшее лекарство пилъ предварительно врачъ или наперсникъ, а кушанье отвѣдывали сначала поваръ, потомъ несшіе ихъ изъ кухни ключники, наконецъ дворецкій, стольники и крайчій; тоже продѣлывалось съ напитками, которые пробовалъ напослѣдокъ чашникъ, отливавшій изъ кубка въ ковшъ царю. На дворѣ денно и нощно держали караулъ 250 стрѣльцовъ, съ заряженными пищалями и дымящимися фитилями. А въ самомъ дворцѣ дневали и ночевали ихъ отборные товарищи—тысячи двѣ „стременныхъ", которыхъ разставляли по всѣмъ закоулкамъ именно „для обереганія" государя. Не довѣряли самимъ царедворцамъ, которые были мастера на всякія козни. Къ концу періода установилось общее „крестоцѣлованье", присяга на службу, которая прежде дробилась по отдѣльнымъ

случаямъ, вырабатываясь изъ самой жизни. „Крестоцѣловальная запись“ гласила: „Лиха никакого никакъ не хотѣти, не мыслити, ни думати, ни дѣлати никакими дѣлы, никоторою хитростію“; а что я такого „свѣдаю или со стороны услышу, мнѣ сказати государю“ или черезъ ближнихъ его „то слово донести до государя“. Каждый придворный чинъ дѣлалъ еще „припись“. Крайчій: „не испортити государя въ ѣствѣ и питьѣ“, а постельничій — „въ постеляхъ“. Ясельничій: „зелья лихаго не положити въ государскія сѣдла, узды, плети, ни въ полость санную, ни въ хвостъ у коня“, стряпчій—„ни въ полотенцо и ни во всякую стряпню“, верховыя боярыни и кормилицы—„ни въ сорочки, ни въ порты, ни въ постели“ и т. д.

§ 154. **Боярская дума.** — *Законодательство* все еще находилось въ первобытномъ видѣ. Судебникъ Ивана III (§ 114) былъ лишь скуднымъ добавленіемъ Русской Правды (§ 26). Здѣсь опредѣлялось, что судьями могутъ быть бояре и окольничіе, намѣстники и волостели; имъ давался процентъ съ дѣлъ или судебная пошлина, но уже запрещалось брать „посулы“ (взятки). „Поле“ допускалось лишь въ указанныхъ случаяхъ; вводилась пытка; наказаніе чаще всего состояло въ смертной казни. Судебникъ Ивана IV (§ 123) былъ справедливѣе, больше бралъ въ разсчетъ нужды народа, отличался болѣе государственнымъ, чѣмъ вотчиннымъ взглядомъ. Но и онъ былъ лишь скромнымъ развитіемъ прежняго Судебника и безсвязно дополнялся всяческими указами да уставными грамотами. Иностранцы дивились, какъ это въ Москвѣ нѣтъ законовъ, кромѣ одной этой тощей книжки. Тогда законъ все еще замѣнялся изустнымъ распоряженіемъ властей; а источникомъ его считалась воля государя: „именной указъ“ служилъ высшею законодательною формой. При каждомъ новомъ дѣлѣ приказные выписывали „примѣры и образцы“, а если ихъ не было, докладывали въ думу: указъ собственно означалъ приговоръ государя совмѣстно съ боярами.

Дума была высшею ступенью всѣхъ властей. Она руководила приказною расправой и принимала „извѣты“ на нее, а также „жалобы“ на такихъ судей, которые „просудились“, вершали дѣло „не дѣломъ“. Она даже опредѣляла такія мелочи, какъ подарки иностраннымъ государямъ и выдача впередъ жалованья дьякамъ. Но преимуществу она законодательствовала, поставляя образцы для рѣшенія необычныхъ дѣлъ. Она приняла болѣе опредѣленный видъ, стала учрежденіемъ постоян-

нымъ, окончательно превратилась изъ дворцовой конторы (§ 98) въ государственный совѣтъ всея Руси: съ 16-го в. въ этомъ смыслѣ употребляются слова—„дума, думцы" (въ переводахъ—министры), ихъ „приговоръ". Дума состояла уже не изъ случайныхъ бояръ, пути которыхъ касалось дѣло, а изъ всѣхъ (до 90) совѣтниковъ государя, къ которымъ причислялись не одни „думные" бояре, но еще окольничіи и „думные" дворяне. Дѣлопроизводствомъ у нея занимались не дворцовые дьяки, состоявшіе при путяхъ (§ 97), а собственные, „думные", которыхъ иностранцы называли государственными секретарями. Дума работала образцово. Она вѣчно засѣдала „въ Верху" (§ 153), и рѣдко не присутствовалъ въ ней самъ государь. Думцы часто слушали дѣло „вдругорядь", чтобы не ошибиться, навести справки, а также провѣрить приговоръ, который дьяки иногда умышленно „переправливали". Они вообще любили долго разжевывать дѣла и иногда вступали даже въ горячія пренія. Имъ только трудно было писать. Они даже не подписывали дѣлъ: приговоры думы, въ видѣ государевыхъ указовъ, или „крѣпили" всѣ думные дьяки, или „помѣчалъ" одинъ только дьякъ, смотря по ихъ важности.

Дума, этотъ „сенатъ" иностранцевъ и „синклитъ" духовенства, была съ виду маститымъ учрежденіемъ. Въ Судебникѣ Грознаго значилось, что законы издаются „съ государева доклада и со всѣхъ бояръ приговора". Дума была соучастницей власти, при которой стояла неотступно, даже при походахъ государей; а дѣла, которыя она вершила безъ государя, рѣдко шли къ нему на утвержденіе: оттого она не знала отвѣтственности. Дума блистала знатностью: ея члены назначались царемъ по очередямъ мѣстничества; ея „первосовѣтникъ", въ отсутствіе царя, казался иностранцамъ вице-королемъ. Но въ сущности дума была ничто. Это—невидимка, которую заслоняли отъ народа царь да дьякъ. Темна ея исторія; загадоченъ даже ходъ дѣлъ въ ней. У нея не было ни учредительныхъ грамотъ, ни хартій объ ея отношеніяхъ къ верховной власти и къ подчиненнымъ мѣстамъ; не видно даже установленнаго распорядка, правильной канцеляріи и архива. Знаемъ только, что низшія власти „взносили" сюда свои вопросы или „статьи", составлявшія иногда цѣлые „статейные списки". Думцы вчинали еще „сидѣть" о дѣлѣ по государеву указу да по челобитьямъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ классовъ общества. „Челобитныя" вели къ надзору надъ приказами и служили поводомъ къ весьма важ-

нымъ мѣрамъ: онѣ были однимъ изъ послѣднихъ отголосковъ прямого участія всего народа въ законодательствѣ. Сами же думцы не поднимали никакихъ вопросовъ: у нихъ не было законодательнаго почина, какъ у англійскаго парламента (*С. И.* § 160). Они только слушали да приговаривали, а доклады или предрѣшенія шли отъ государя да отъ дьяка: „царь указалъ, бояре приговорили“, писалось въ указахъ. Эти доклады сочинялись въ *комнатѣ* царской, въ „ближней“ или „тайной“ думѣ. Она завелась съ Ивана III, который „всѣ дѣла дѣлалъ запершись у себя самъ-третей“ (§ 114). Здѣсь родственники государя и его наперсники подготовляли дѣла, которыя онъ вносилъ въ боярскую думу для одного порядку, да и то когда хотѣлъ.

Не основанная на правѣ, законѣ, безсильная и безмолвная, боярская дума существовала лишь по обычаю, который поддерживался необходимостью для крупнаго вотчинника имѣть управляющихъ и сподвижниковъ. Сверхъ того, при вѣчныхъ войнахъ, она играла роль военнаго совѣта: ея члены разсылались на военачальство, а въ промежуткахъ совѣщались съ своимъ государемъ больше всего о военныхъ дѣлахъ да о связанныхъ съ ними вопросахъ дипломатіи и служилаго землевладѣнія.

§ 155. **Земскіе соборы.**—Выше боярской думы была великая земская дума или *земскій соборъ*. Онъ отчасти замѣнилъ вѣче, этотъ первобытный образъ народнаго правленія, съ его поголовнымъ участіемъ всѣхъ свободныхъ, съ его „одиночествомъ“ (единогласіемъ). Вѣчевой порядокъ, который замиралъ уже въ концѣ прошлаго періода (§ 98), прекратился съ паденіемъ Новгорода и Пскова (§§ 113, 119). Память о немъ сохранялась только въ сельскихъ сходахъ да въ челобитныхъ, которыя каждый былъ воленъ подавать царю. Когда московская Русь сбросила съ себя татарское иго, объединилась и раскинулась далеко, вѣчевой строй сталъ невозможенъ. Но и новый порядокъ еще не выработался: наверху боролись честолюбивые „хищники“; а народъ страдалъ отъ „несправедливыхъ судей и лихоимцевъ“ и „докучалъ“ государямъ челобитными, напоминая тѣмъ, что въ его душѣ еще мерцала память объ участіи въ „строеніи земли“. Все это особенно обнаружилось въ малолѣтство Ивана IV, когда дѣло дошло до мятежа въ Москвѣ. И власть рѣшилась приблизиться, какъ встарь, къ „людямъ Божіимъ“, къ народу, ко всей землѣ (§ 122).

Но поголовное участіе народа въ правленіи должно было

смѣниться представительствомъ — и съ 1549 г. возникли земскіе соборы, по образцу церковныхъ и по новгородскимъ воспоминаніямъ попа Сильвестра: эта мысль сродна „избранной думѣ“ (§ 122); за нее стояли Курбскій и его единомышленники. На соборахъ должна была участвовать „вся земля“, „люди всякихъ чиновъ“ или разрядовъ свободныхъ людей; только высшіе чины (владыки, бояре и царедворцы) призывались поголовно, а низшіе (попы съ монахами, дворяне съ дѣтьми боярскими, стрѣльцы съ казаками и тяглые) посылали, съ „наказами“, своихъ выборныхъ, которыхъ каждый чинъ избиралъ отдѣльно въ каждомъ городѣ съ его уѣздомъ. Но на дѣлѣ полныхъ соборовъ не бывало; и они вообще не представляли страны правильно. Свободные крестьяне (о крѣпостныхъ не могло быть и рѣчи) участвовали только разъ, при избраніи Михаила Ѳеодоровича. Купцовъ также было мало. Большинство состояло изъ церковниковъ, бояръ и служилыхъ. Имѣлись въ виду только чины, а не мѣстности. Не было никакихъ соотношеній между числомъ избирателей и выборныхъ. Самое число выборныхъ (300—500) вообще опредѣлялось правительствомъ произвольно; нето призывная грамота просто требовала прислать „сколько пригоже“. Иногда присылалось больше, чѣмъ слѣдуетъ, и даже ничтожными городами, а крупныя мѣстности никого не присылали. Больше всего давалъ „царствующій градъ“ Москва: многіе „земскіе“ соборы были самозванцами, чисто московскими вѣчами изъ случайно бывшихъ подъ рукою людей. Обыкновенные соборы созывались царемъ, когда ему было угодно, а избиравшіе на царство — боярскою думой или патріархомъ. Засѣдали они во дворцѣ, когда нѣсколько дней, а когда и съ полгода. Сначала царь читалъ свою многословную рѣчь, затѣмъ шли совѣщанія по чинамъ. Дьяки составляли письменные отвѣты, по чинамъ же. Но для общаго рѣшенія требовалось единогласіе, точно также, какъ при выборахъ губныхъ старостъ и цѣловальниковъ. Перечень засѣданій скрѣплялся печатями царя, патріарха и думцевъ, а со стороны низшихъ чиновъ — крестоцѣлованіемъ. Было и рукоприкладство; за неграмотныхъ подписывались грамотные. Царь обыкновенно утверждалъ приговоръ или „соборное уложеніе“.

При неопредѣленности самихъ соборовъ и при скудости извѣстій о нихъ, трудно опредѣлить даже ихъ число. До конца періода ихъ было не менѣе 20: круглымъ числомъ одинъ въ 5 лѣтъ, а при Михаилѣ—въ $3^1/_2$ года, и въ началѣ его царствованія лѣтъ 10

почти безмѣнно. Соборы имѣли свою печать и разсылали по странѣ грамоты отъ своего имени. Они избрали 6 государей— Ѳедора I, Бориса, Лжедимитрія I, Василія, Владислава и Михаила: изъ царей того времени только первый, Иванъ Грозный, былъ безсоборнымъ помазанникомъ. Соборы освящали участіемъ народа и болѣе обычныя, но крупныя мѣры по „устроенію государства". Они вѣдали вопросы о войнѣ и мирѣ, о казнѣ, торговлѣ и промыслахъ, даже о расправѣ съ „ворами" (§ 144). Ихъ плодомъ былъ улучшенный Судебникъ (§ 123). Соборы объединяли Русь, подобно полюдью (§ 26); только тамъ князь ходилъ по людямъ, а тутъ люди приходили къ царю со всѣхъ концовъ огромной страны. Они и прямо спасали свою землю, не жалѣя ни добра, ни животовъ своихъ въ пору бѣдствій. Наконецъ, черезъ соборы доносились до Верху голоса всей земли, „чтобы о всемъ разореніи было вѣдомо", какъ сказано въ грамотѣ Михаила: они подавали челобитныя „обо всякихъ нуждахъ своей братіи", которыя вскрывали язвы государства.

Такъ, соборы, подобно боярской думѣ, съ виду были однимъ изъ маститыхъ устоевъ строенія земли: въ своей полторасталѣтней исторіи (1549—1698) они касались первѣйшихъ дѣлъ и иногда вершили судьбу Руси. Но по существу, земскіе соборы не были представительнымъ учрежденіемъ, хотя наши послы и называли англійскій парламентъ ихъ именемъ. Они напоминали не это орудіе конституціи, а собранія государственныхъ чиновъ Франціи (*С. И.* §§ 128, 160), да и то въ болѣе блѣдномъ видѣ. Соборы не были полною картиной земли русской. Они представляли не цѣльную ея нужду, а выгоды разрозненныхъ „чиновъ", которые говорили каждый о своемъ дѣлѣ, отказываясь отвѣчать на вопросы, бывшіе имъ „не за обычай". Если и на материкѣ Европы собирались „чины", то это были крѣпкія, сплоченныя сословія, словно государства въ государствѣ: они упорно отстаивали свои политическія выгоды въ борьбѣ съ колеблющимся престоломъ. У насъ же, при всеобщей розни и уединенности на первобытномъ просторѣ, чины не только не представляли воли земщины, но и сами-то никогда не были представлены вполнѣ. Низшіе люди, отдаленные отъ Москвы, тяготились этимъ дѣломъ, какъ повинностью, вмѣсто того, чтобы дорожить имъ, какъ своимъ правомъ: это отдавало выборы въ руки мѣстныхъ властей, а поголовное призваніе высшихъ чиновъ было совсѣмъ въ волѣ царя. За исключеніемъ соборовъ, избиравшихъ на царство, которые были неизбѣжны и имѣли

рѣшающее значеніе, остальные не были даже учрежденіемъ. Они влачили жалкое существованіе. Здѣсь все запутано, неопредѣленно, все—случай, обычай, голый фактъ, а не право или сознанная мысль, не законъ или хартія. Никакое постановленіе не обязывало созывать соборы. Царь могъ вовсе обходиться безъ нихъ, также какъ онъ воленъ былъ поступать согласно съ ихъ приговорами или вопреки имъ. Соборное уложеніе начиналось словами: „по нашему указу и всей земли приговору", или— „мы, великій государь, приговорили на соборѣ". Главнымъ дѣломъ соборовъ было денежное вспоможеніе да обереганіе страны и ея главы: обыкновенно духовенство приговаривало молиться Богу о покореніи подъ нози супостата, служилые—биться, не щадя головъ, тяглые—не жалѣть своихъ животовъ и труда. Чаще всего созывались соборы при Михаилѣ, но только для того, чтобы „наказанная" земля исполнила свое обѣщаніе, при его избраніи,—поддерживать престолъ; и къ концу его царствованія мощная власть (§ 151) выдвигала обычай призывать „на совѣтъ" свѣдущихъ людей, которые обсуждали, вмѣстѣ съ думцами, мелкія правительственныя мѣры.

Соборы созывались лишь по необходимости, въ тяжкія минуты, въ силу войны и внутренней смуты, сопутствовавшей борьбѣ новаго порядка съ старымъ. Они были вызваны быстрымъ ростомъ государства, его непосильными задачами. Это— не уполномоченный общества, а временно пригодное орудіе правительственной расправы: это—тотъ же служилый да тяглецъ, потребованные на Верхъ для опроса и для лучшаго исполненія наказовъ въ своемъ углу. Мимолетная сила соборовъ заключалась въ слабости власти: они особенно процвѣтали во время самозванцевъ да въ началѣ царствованія Михаила и обратились въ простое орудіе престола, когда онъ утвердился съ прибытіемъ Филарета (§ 148). Наши земскіе соборы, какъ и государственные чины Франціи, были недозрѣвшимъ зародышемъ ограничительнаго представительства, народовластія. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, страна томилась глубокою потребностью единства (§ 108), вслѣдствіе своей разноплеменности и постоянныхъ войнъ на открытыхъ границахъ. У насъ эта потребность становилась страстью отъ обширности земли. Оттого соборы никогда не думали добиваться значенія англійскаго парламента: они, напротивъ, старались закрѣпить самодержавіе.

§ 156. **Приказы**. — Наряду съ думой и соборами, возникла высшая распорядительная власть для всей земли — мо-

сковскіе *приказы*. Прежде, у князей, были только путные бояре, которымъ они „приказывали" вѣдать извѣстный разрядъ дворцовыхъ дѣлъ (§§ 98, 99). Въ этомъ смыслѣ „приказные" также стары, какъ княжеская власть; но приказы, какъ подобія министерствъ (§ 114), обособились лишь въ теченіе четвертаго періода. Ихъ вызвало, съ одной стороны, такое накопленіе дѣлъ, что боярская дума уже не могла справиться съ ними, съ другой—быстрый ростъ самодержавія, желавшаго сосредоточить власть, сокращая число посредниковъ, которые, при плохомъ надзорѣ, тягостны для народа и опасны для престола. Такъ, дворцовые пути удѣльной поры, эти конторы вотчинника и канцелярія его думы, преобразились въ приказы, которые сначала даже назывались то „избами, подклѣтами, дворами, палатами" дворца, то „четями" (четвертями) или отдѣлами думы, состоявшими подъ вѣденіемъ четырехъ думскихъ дьяковъ. Главные приказы—Разрядный, Помѣстный и Посольскій—сохранились въ этомъ видѣ, и на нихъ некуда было жаловаться; Посольскій даже всюду слѣдовалъ за царемъ, какъ его походная канцелярія. Потомъ приказы совсѣмъ выдѣлились, подъ управленіемъ бояръ и окольничихъ, которые, впрочемъ, зависѣли отъ своихъ дѣловитыхъ „товарищей"—*дьяковъ*, между тѣмъ какъ письмоводствомъ въ нихъ занимались *подъячіе*.

Приказы постепенно вырисовываются съ начала періода. Прежде всего, при Иванѣ III, обособляются собственно дворцовыя дѣла—приказы Дворцовый (или Большаго Дворца, бывшее вѣдомство дворецкаго), Казенный (или Казенная Палата), Конюшенный, Холопій, Ямской и Земскій. Около того же времени являются думскія чети—приказы Посольскій, Помѣстный, Разрядный и Казанскаго Дворца. Передъ смутой было уже на лицо большинство приказовъ; къ концу періода (§ 148) ихъ насчитывалось десятка два. И здѣсь съ виду все было въ порядкѣ. Одни приказы предназначались для извѣстныхъ дѣлъ (Разрядный, Помѣстный, Посольскій, Сытенный, Каменный, Челобитный, Земскій, Разбойный и др.), другіе—для разрядовъ лицъ (Холопій, Стрѣлецкій, Пушкарскій и др.), третьи—для данныхъ мѣстностей (Владимірскій, Сибирскій, Костромская Четь, Казанскій Дворецъ – для Поволжья и др.). Но на дѣлѣ приказы представляли первобытный хаосъ. Они не заводились по мысли даннаго лица, по писанному плану, а выростали „по нужѣ", какъ кривыя улицы Москвы съ тупыми переулками. Такъ, приказы правили страной черезъ областныхъ властей, а иная во-

лость, даже иное помѣстье прямо вѣдались съ ними. Ихъ власть не была опредѣлена: они сами не знали, что̀ вершить самимъ, что̀ взносить въ думу. Предметы ихъ вѣдомства перепутывались до того, что трудно было находить дѣла. Отсюда знаменитая „московская волокита“, которая затягивала дѣла на десятки лѣтъ. Она поощряла лихоимство, хотя приказнымъ было чѣмъ жить: въ „вѣденіе“ каждаго приказа приписывались цѣлые города или разряды тяглыхъ. Приказные, люди елеграмотные, не могли понимать сущности дѣлъ, да имъ нужно было еще сдѣлаться необходимыми: оттого они изобрѣли мудреное бумажное крючкотворство. Такъ, высшая расправа была цѣпью ябедъ, кляузъ и взятокъ, встрѣчныхъ и поперечныхъ исковъ. Десятки челобитныхъ объ одномъ и томъ же „записывались“ въ приказахъ и клались подъ сукно или пересылались изъ одного приказа въ другой.

Безпорядокъ господствовалъ въ самомъ строѣ приказовъ. То не были строго очерченныя чиновничьи царства. Здѣсь грамоты составлялись по „боярскому докладу“, т.-е. по рѣшенію начальника: онѣ писались подъячими и только скрѣплялись подписью дьяковъ. Но начальникъ полагалъ рѣшеніе по совѣщанію „съ товарищи“, т.-е. требовалось обычное въ древней Россіи единогласіе. Часто бояре или окольничіе были только пышною вывѣской, а орудовали дьяки: иногда приказы даже прямо поручались дьякамъ и, какъ годы въ консульскомъ Римѣ (*Д. И.* § 191), назывались ихъ именами, которыя стояли на ларяхъ, куда складывались бумаги съ ихъ скрѣпами. Дьяки — первобытные „приказные“, ядро приказовъ.

Греческое слово *дьякъ* не раньше 14-го в.: прежде это были „писцы“, т.-е. письменные люди, которые обучали грамотѣ именитую молодежь, а главное—вѣдали письмоводство и „прибытокъ“ (казну) князя, по его „приказу“. Сначала дьяки были люди худородные—„страдничьи дѣти“, поповичи, вольноотпущенники да княжьи дворовые слуги. Они долго терли лямку въ подъячихъ или на посылкахъ — приставами, гонцами; затѣмъ сидѣли дьяками по приказамъ, переходя изъ низшаго въ высшій, пока не достигали званія думнаго дьяка въ первыхъ приказахъ — Разрядномъ или Посольскомъ. Въ промежуткахъ они ѣздили въ областной городъ или за-границу—въ „товарищахъ“ намѣстника, воеводы или посла; иногда получали особыя порученія, вродѣ описыванія земель. Такъ, дьяки становились знатоками государскихъ дѣлъ, вырабатывали своеобразные пріемы расправъ,

а также особый, приказный языкъ, какъ доказываетъ замѣчательное сочиненіе подъячаго Котошихина.

И они заняли положеніе западныхъ легистовъ (§ 72), предоставляя одинъ внѣшній блескъ безграмотнымъ боярамъ, которые вѣчно отрывались отъ дѣлъ для походовъ. Правительство не могло ступить шагу безъ нихъ. Оно дорожило ими еще потому, что эти выскочки снизу, всѣмъ обязанные ему, были его вѣрными опорами въ борьбѣ съ притязаніями боярства. Дьяки постепенно достигаютъ роли первой спицы въ колесницѣ. Въ началѣ періода, когда ихъ скрѣпа стала освящать всякую государственную бумагу, дьячество дѣлается чиномъ, который ведетъ до самаго окольничества. Передъ смутой является „думный" дьякъ, который продвигается въ рядъ „ближнихъ" или „великихъ" людей. Главные дьяки уже выходятъ изъ служилаго слоя, иногда даже изъ старыхъ родовъ удѣльнаго боярства. Они роднятся съ вельможами и сами мечтаютъ о наслѣдственности: зарождаются приказныя династіи. Дьяки получаютъ вотчины, помѣстья, большое жалованье, „дьячьи пошлины". Въ ихъ рукахъ сосредоточиваются мѣстническія, вотчинныя, межевыя дѣла, даже судъ, финансы и ратное дѣло. На Москвѣ стали говорить: „быть такъ, какъ помѣтилъ дьякъ". Въ уѣздахъ онъ уже гораздо полнѣе представлялъ власть царя, чѣмъ старый намѣстникъ-кормленщикъ. А въ глуши дьякъ, сидя въ съѣзжей избѣ рядомъ съ воеводами, не ломалъ шапки даже при имени государя и травилъ обывателей медвѣдями. Передъ смутой вся Европа дивилась могуществу братьевъ Щелкаловыхъ. Составились цѣлыя сказанія о „насильствахъ" и „самовольствѣ" одного изъ нихъ, Андрея. Этотъ смѣтливый и крайне работящій, но злой и „зѣло злохитрый" дьякъ скопилъ большое богатство и измѣнялъ даже приказанія Грознаго, хотя за это и удостоился плетей. Годуновъ называлъ его „своимъ отцомъ" и ничего не дѣлалъ безъ его совѣта. Онъ былъ лично обязанъ ему своимъ возвышеніемъ, но затѣмъ опалился на него—и Андрей постригся въ монахи. Лжедимитрій I указывалъ на Щелкаловыхъ, какъ на своихъ спасителей отъ убійцъ Бориса.

Щелкаловы — высшее проявленіе засилія дьячества. Они заправляли самымъ важнымъ изъ приказовъ — Разрядомъ, который иностранцы называли государственною канцеляріей: онъ былъ посредникомъ между царемъ и остальными приказами и вѣдалъ мѣстническія и служебныя дѣла. Здѣсь-то Щелкаловы искажали родословныя книги, вершили боярскіе споры, состав-

ляли списки должностныхъ назначеній, выдавали грамоты безъ государевыхъ указовъ. Передъ ними трепетали думцы и воеводы; ихъ ненавидѣли иностранцы. Зато все родовитое, все, помнившее былую независимость, не терпѣло дьяковъ. Знать гнушалась этими „новыми вѣрниками“ царя (§ 151). И напрасно Михаилъ запрещалъ принимать въ подъячіе поповичей, посадскихъ и пашенныхъ людей: дьяки, эти потомки дворни государевой, не сливались съ дѣтьми боярскими, потомками вольныхъ слугъ. Они оставались „неродословными“, у нихъ не было „отеческой чести“, ихъ должность считалась „худымъ чиномъ“. Думный дьякъ стоялъ въ думѣ, между тѣмъ какъ бояре сидѣли.

§ 157. **Областное управленіе.** — Приказные порядки столичнаго правленія тяжело отражались .на всей Руси черезъ *областное управленіе.* Намѣстники и волостели вполнѣ зависѣли отъ нихъ. Приказы назначали и смѣняли ихъ, снабжали ихъ всемогущими дьяками и, взамѣнъ прежнихъ разъѣздчиковъ (§ 98), разсылали по странѣ писцовъ (§ 114), этихъ царскихъ дозорщиковъ по податнымъ и крѣпостнымъ дѣламъ. Приказные учиняли всякія придирки, чтобы чаще смѣнять ихъ или получать съ нихъ откупы. Областные правители принуждены были удвоить посулы, чтобы утолить ихъ алчность; а такъ какъ ихъ стали смѣнять чуть не ежегодно, то они спѣшили „покормиться, быть сытыми“ насчетъ народа, мало заботясь объ охраненіи его отъ „лихихъ людей, татей и разбойниковъ“. Особенно въ смуту, при малолѣтствѣ Ивана IV, они уподоблялись „львамъ“, по выраженію лѣтописца: „многіе города и волости пустыми учинили, и много злокозненныхъ дѣлъ учинили, сдѣлались гонителями и разорителями“. Посадскіе и крестьяне жаловались царю: „отъ насильства, продажъ, татебъ многіе разбрелись безвѣстно кой-куда; а намѣстники и тіуны берутъ съ оставшихся свой кормъ и свой поборъ сполна“. Доходило до того, что нерѣдко населеніе избивало своихъ гонителей. Оттого въ Судебникѣ Ивана IV впервые положено *наказаніе за злоупотребленіе властью*: судьямъ штрафъ, дьякамъ тюрьма, подъячимъ кнутъ.

Мало того. Народъ сталъ обращаться въ Москву съ такими челобитьями: „государь бы пожаловалъ — намѣстника и тіуновъ отставилъ и велѣлъ бы управу чинить *во всякихъ земскихъ дѣлахъ выборнымъ* лучшимъ людямъ, кого мы излюбимъ“. Челобитчики обязывались сами собирать и переправлять въ

Москву „намѣстничій откупъ“ — переложенные на деньги законные поборы областныхъ властей: жалованныя грамоты въ этомъ смыслѣ и назывались „откупными“. Такъ, при Грозномъ возникло *выборное начало* въ областномъ управленіи (§ 123). „Губныя“ (губа—часть волости, судебный округъ) и „уставныя“ грамоты предоставляли городскимъ и сельскимъ общинамъ намѣстничьи дѣла, въ особенности же судъ надъ ворами и разбойниками, дозволяя имъ выбирать для этого *земскую избу* или „излюбленныхъ головъ и старостъ“, а въ помощь имъ — цѣловальниковъ, сотскихъ, десятскихъ и земскихъ дьяковъ. Земской избѣ поручалось даже надзирать за воеводами, „порочить“ ихъ передъ думой, т.-е. вести правильные иски и тяжбы: съ этою цѣлью предписывалось посылать въ избы списки воеводскихъ наказовъ. Наряду съ областными соборами, которые, впрочемъ, встрѣчаются только въ смутное время, земская изба была послѣднимъ развитіемъ первобытнаго народовластія.

Но новое областное управленіе не могло привиться. Какъ все тогда, оно было лишь случайнымъ дѣломъ, а не правомъ, закономъ или сознанною мыслью: оно вводилось, какъ опытъ, и гдѣ попало, по просьбамъ населеній. Больше всего видимъ его внутри страны, особенно въ старовольныхъ областяхъ Новгорода и Пскова. На окраинахъ, въ опасныхъ углахъ, при томъ же Грозномъ, появилась, напротивъ, власть болѣе сильная, чѣмъ намѣстникъ: это—*воеводы* пограничныхъ мѣстъ, которые заботились о ратномъ дѣлѣ, сидя въ „острогѣ“ (крѣпости), между тѣмъ какъ намѣстникъ завѣдывалъ „городомъ“ или гражданскою частью. А главное, земская изба противорѣчила крѣпостничеству и самодержавію, съ его сосредоточеніемъ власти въ столицѣ. Выборными правами могли пользоваться только свободные крестьяне; а они уже расплывались въ массѣ крѣпостныхъ и холоповъ. Самодержавіе могло допускать только ничтожныя, отнюдь не всеуѣздныя и всесословныя, самоправныя общины, и только для помощи ему, особенно въ сборѣ податей. Оно и схватилось за выборное начало въ видахъ сокращенія опасной власти намѣстниковъ и волостелей да увеличенія собственныхъ доходовъ: „намѣстничь кормъ“ и „присудъ“ пошли въ царскую казну. Самъ Грозный, въ злую пору, старался превращать новыя общины просто въ служебныя орудія высшей власти, такъ что выборы становились не правомъ, а повинностью. Ктому же бѣдное населеніе давало лишь ничтожную „подмогу“ своимъ излюбленнымъ, хотя имъ приходилось посвящать все свое время

земскимъ дѣламъ да еще собирать откупъ и везти его въ Москву, отвѣчая за просрочку и за каждую копѣйку. Оттого въ нѣкоторыхъ волостяхъ не находилось охотниковъ на такую службу; или же брался за дѣло пройдоха съ цѣлью нажиться. Вскорѣ начались такія же жалобы на земскихъ избранниковъ, какъ прежде на намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ.

Впрочемъ, вообще народъ дорожилъ своимъ выборнымъ правомъ и начиналъ привыкать къ нему, тѣмъ болѣе, что оно значительно распространилось при Годуновѣ и въ смутное время. Но при Михаилѣ правительство начало возвращаться къ прежнему порядку; а мѣстами ставило своихъ намѣстниковъ подлѣ земской избы, и они поднимали войну съ нею. Народъ жаловался, что безъ спросу насажали намѣстниковъ и приказныхъ тамъ, гдѣ прежде были свои старосты и головы, и даже соглашался увеличить оброки, если только освободятъ его отъ притѣснителей. Тогда стали соединять въ рукахъ *воеводъ* обѣ власти, и гражданскую и военную; и воеводская съѣзжая изба нерѣдко дѣлилась на столы. Къ концу періода въ областномъ управленіи видимъ почти вездѣ не намѣстниковъ и волостелей съ тіунами и доводчиками, а воеводъ съ приказными. Если въ намѣстникѣ сохранялись слѣды областной самостоятельности удѣльной поры (§ 37), то воевода былъ лишь орудіемъ московскаго сосредоточенія власти. Онъ безпрекословно тянулъ къ приказамъ, стараясь, какъ подчиненный, заручиться ихъ содѣйствіемъ.

При такомъ союзѣ властей, отношеніе областнаго управленія къ обывателямъ не могло измѣниться къ лучшему съ измѣненіемъ названія. Къ концу періода уже слышатся такія же жалобы на воеводъ, какъ прежде на намѣстниковъ. Воеводы смотрѣли на взиманіе податей, какъ на старую кормлю, причемъ потакали помѣщикамъ въ ущербъ тяглецамъ, а иногда просто забирали себѣ не малую толику казенныхъ сборовъ. Они „чинили насильства, убытки и продажи великія, брали посулы, поминки и кормы многіе". Они „правили" съ населенія „въѣзжее, посошный хлѣбъ, празднишныя деньги, вседневныя харчи, пивныя вари, винныя браги, конскій кормъ, лучину" и проч.; брали даже посуду, а при свадьбахъ „новоженный убрусъ". Они принуждали народъ работать на себя, какъ на барщинѣ: мужикъ былъ даже у нихъ деньщикомъ; мастеровой дѣлалъ имъ все даромъ; извощикъ возилъ ихъ безвозмездно. Воевода почасту звалъ къ себѣ посадскихъ на обѣдъ,

за который ихъ же заставлялъ дорого расплачиваться. Онъ задерживалъ продажу соли, даже грабилъ церкви, такъ что не было обѣденъ и въ храмовые праздники. Въ челобитныхъ посадскіе часто грозили „разбрестить розно", если не смѣнятъ воеводу; и разбредались или закладывались за сильныхъ людей. Тамъ и сямъ вспыхивали даже „безчинства" и „воровскіе заводы" или „мятежи".

Все это путанное разнообразіе областнаго управленія основывалось на сложномъ *правительственномъ дѣленіи* древней Руси. Здѣсь пережитки отдаленной старины переплетались съ попытками необходимыхъ новшествъ. Совсѣмъ исчезла только основа первобытности—взглядъ на родную страну, какъ на „Божью", народную, *землю*. Съ начала періода уже нѣтъ другой земли, кромѣ „государевой" (§ 151). Но она распадается на разряды по употребленію, которое дѣлаетъ изъ нея государь. Сначала слѣдъ старины виднѣлся въ томъ, что вся эта Божья благодать считалась „черною" или государственною, т. е. обиталищемъ народа—этой вольной черноземной силы, но обязанной тягломъ на общія нужды. Но съ 15-го в. государь все больше и больше раздаетъ ее служилымъ и духовенству: образуются частныя, „владѣльческія" земли, въ видѣ помѣстій, вотчинъ, церковныхъ и монастырскихъ имуществъ. Гораздо меньше было „дворцовыхъ" земель, гдѣ помѣщикомъ былъ самъ государь, если не считать необозримой массы „порозшихъ" земель, которыя принадлежали ему же непосредственно, за неимѣніемъ особыхъ хозяевъ. Но зато уже съ 16-го в. государи стараются подбирать владѣльческія земли, особенно у церковниковъ, встрѣчая тутъ сочувствіе со стороны народа. Таковы были разряды земель, какъ въ уѣздахъ, такъ и въ посадахъ: въ правительственномъ отношеніи село и городъ также мало различались между собой, какъ и въ бытовомъ.

Болѣе прочно сохранялся другой коренной пережитокъ — *община*. Если она падала политически (§ 61), зато, какъ мелкая, деревенская единица, еще оставалась обычнымъ видомъ сельской жизни вездѣ,—и у черносошныхъ, и у владѣльческихъ крестьянъ. Здѣсь уцѣлѣло исконное, поголовное, народовластіе. Здѣсь еще жилъ древній „міръ", съ его „земскою или схожею избой", съ его погодно избираемыми „старостами" и „десятниками", съ его „сходами", которые въ юго-западной Руси даже носили имя вѣчъ, пока оно не замѣнилось названіемъ „громадъ". Община участвовала и въ судѣ, отчасти кос-

венно, повальными обысками, отчасти и прямо, черезъ своихъ „судныхъ мужей“ (родъ присяжныхъ, какъ и на Западѣ въ средніе вѣка, *С. И.* § 4), на которыхъ ссылались, какъ на „правду“. Правительству и помѣщику было даже выгодно поддерживать міръ: онъ отвѣчалъ передъ ними круговою порукой и ограничивалъ своеволіе мѣстныхъ властей. Государи и крупные вотчинники иногда даже поручали управленіе своими имѣніями не своимъ прикащикамъ, а сельскимъ старостамъ. Одно время міръ даже высоко поднялся: когда было введено выборное начало въ областяхъ, сходы стали заниматься не однимъ „мірскимъ уложеніемъ“ (раскладка повинностей и назначеніе сельскихъ властей), но и выборомъ земской избы. Но затѣмъ общинный строй началъ падать, подъ давленіемъ приказныхъ порядковъ. Внутри страны онъ исчезъ, въ смыслѣ крупной единицы или „черной волости“, а на югѣ совсѣмъ замеръ среди однодворцевъ, которые составляли военныя поселенія.

Съ развитіемъ крѣпостничества, выдвигалось вотчинное начало въ низшемъ управленіи. Селами начинаютъ завѣдывать царскіе и помѣщичьи прикащики, съ вотчинною полиціей и судомъ, съ печатью владѣльца. Въ писцовыхъ книгахъ земли описываются уже не по общинамъ, а по вотчинамъ и помѣстьямъ. Самое имя „волости“, какъ части уѣзда (§ 98), напоминавшее свободное, бытовое дѣленіе страны, къ концу періода уступаетъ мѣсто правительственному, хотя и взятому изъ старины, названію—*станъ*. Самый уѣздъ подвергся государственному вліянію: прежде это было нѣчто неопредѣленное—все, что „уѣхано, заѣхано“ къ данному средоточію, къ городу: теперь же ясны межи; государевы разъѣздчики (§ 98) и „разводчики“, а то и писцы, дѣлаютъ „разрубы и разводы“ земель, „грани тешутъ, ямы копаютъ“.

Уѣздъ, станъ, *село* (большая деревня, съ церковью, съ общинными властями, съ помѣщиками и ихъ приказчиками и холопами), *деревня* стали болѣе отчетливыми единицами областного дѣленія. Но путаница еще видна даже въ названіяхъ. Гдѣ—станъ, гдѣ—волость и даже „губа“, а иногда губа значитъ часть волости. Гдѣ—село, а гдѣ—„погостъ“; но этимъ древнимъ именемъ (§ 19) иногда называется то рядъ деревень, то приходъ, или же, какъ теперь, церковь съ кладбищемъ. Вмѣсто „деревня“ говорятъ иногда „сельцо, слобода, поселокъ, починокъ, выставка“. Мѣстами даже сохранялось исконное дѣленіе на „земли и области“; а въ Новгородѣ еще не забыли своихъ пя-

тинъ (§ 51). Главари „міра" назывались гдѣ старостами, а гдѣ— сотскими, пятидесятниками, цѣловальниками, земскими „судей ками" „судецкими дьячками".

§ 158. **Казна. „Окладная роспись"**.—Важнѣйшая отрасль, финансы, находились въ такомъ же смутномъ состояніи, означавшемъ борьбу удѣльныхъ пережитковъ съ новымъ порядкомъ. Они путались между собой, въ силу разнообразія и изобилія ихъ источниковъ, которые открывались постепенно, причемъ старые обыкновенно не отмѣнялись, а только иногда принимали новыя названія. Финансовое управленіе представляло такой же хаосъ. Тутъ вотчинное начало перемѣшивалось съ государственнымъ, земельное — съ сословнымъ. Поступленія разбивались случайно и неотчетливо между разными приказами и, по слову царя, переводились изъ одного въ другой. Одна и та же подать съ одного и того же мѣста шла, въ разныя времена, въ разныя учрежденія. Иногда населеніе приписывалось, по взносамъ, къ приказамъ вовсе не казеннаго свойства. А приказы вели казенныя книги „по-купечески", т.-е. какъ ни попало, подомашнему.

Положеніе финансовъ всегда было печально, хотя народъ былъ отягощенъ непосильными поборами. Все бремя лежало на слабосильныхъ, за исключеніемъ безправныхъ и нищихъ холоповъ: „тяглецомъ" былъ крестьянинъ, даже бобыль, да посадскій „черныхъ сотенъ", а „бѣломѣстцемъ" и тарханникомъ— бояринъ, служилый, церковникъ, приказный да богатый „гость". Государь, смотрѣвшій на Русь, какъ на свою вотчину, старался наполнять свою казну, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Оттого страна была бѣдна и все управленіе было нищенское, а казна была полна: царь считался однимъ изъ богатѣйшихъ государей Европы.

Богатство государей тѣмъ болѣе росло, что они отличались скопидомствомъ и скупостью. Уже у Ивана III была большая казна: выходы въ Орду почти прекратились, а онъ все собиралъ ихъ, и если требовалось 70, онъ умѣлъ брать 700. У него прибавилось много земель, тѣмъ болѣе, что удѣльные князья не копили, зная, что умрутъ они—и ихъ добро достанется Москвѣ. Иванъ III не пренебрегалъ ничѣмъ для увеличенія своей казны: если узнавалъ, что есть въ Азіи дорогой коверъ или рѣдкая жемчужина, тотчасъ наказывалъ посламъ искать ихъ и пріобрѣсти подешевле. Онъ даже бралъ себѣ шкуры при выдачѣ посламъ корма баранами. У него скопилась куча одной „рухляди"—

дорогихъ одеждъ, мѣховъ, золота, серебра, драгоцѣнныхъ каменьевъ и хозяйственныхъ запасовъ. Она хранилась по многимъ городамъ. Въ случаѣ опасности, царскія сокровища увозились изъ Москвы въ Ярославль или Бѣлоозеро. Недвижимость росла соотвѣтственно. Этому помогала борьба царей съ вельможествомъ: вотчины бояръ то-и-дѣло „отписывались на государя“. А когда дочери умершаго служилаго достигали совершеннолѣтія, выдѣленная имъ часть помѣстья отходила въ казну за обычай. Основная, поземельная подать возросла при Ѳедорѣ I до $1^1/_2$ мил. р.,— сумма огромная по тому времени и по количеству населенія. Это обширное имущество государей потребовало особыхъ вѣдомствъ для своего управленія: явились приказы—Дворцовый (Большой Дворецъ), Большая Казна, Большой Приходъ, Счетный, Казенный Дворъ, Царская и Царицына Мастерская, Хлѣбный, Панафидный, Конюшенный и др. Изъ нихъ Большая Казна была главною кладовой государства. Она помѣщалась въ Кремлѣ. Въ ея подклѣтахъ, съ глубокими погребами и камнесводчатыми подвалами, хранились всѣ поступленія и всѣ деньги, ежегодно остававшіяся въ приказахъ. Отсюда же выдавались, въ крайности, большія средства, особенно на военныя нужды. Для провѣрки Казны и приказныхъ счетовъ состоялъ особый разрядъ подъячихъ.

Все это вѣковое дѣло накопленія казны рушилось въ смутное время. Казна опустѣла—и спѣшили собирать возможно больше съ обнищалаго населенія. Разсылали самыхъ рѣшительныхъ людей сборщиками, и все понукали ихъ. А сборщикъ такъ оправдывался передъ царемъ: „Я посадскимъ людямъ не норовилъ и сроковъ (отсрочекъ) не даю; я правилъ на нихъ твои государевы всякіе доходы нещадно, побивалъ на смерть“. Чтобы поскорѣе обогатить Москву, насильно переводили въ нее именитыхъ людей семьями изъ другихъ городовъ, а скрывавшихся отыскивали съ помощью пушкарей и разсыльщиковъ. Откупа достигли замѣчательныхъ размѣровъ: чего никогда не бывало — отдавали съ торговъ доходы дворцовыхъ земель, кабаки, квасъ, брагу, сусло, ботвинью, мыло, овесъ, деготь, а также извозъ, бани и другіе мелкіе промыслы. Оброки росли быстро; и они уже не только замѣняли натуральныя повинности, но сами становились новымъ налогомъ, котораго не могъ избыть ни служилый, ни бобыль „за худобою“. Земли уже рѣдко „обѣлялись“: напротивъ, вдругъ приписывались къ посаду нетяглыя слободы.

Строй казеннаго дѣла, безпорядочный тогда и на Западѣ, потрясенномъ приливомъ метала (*Н. И.* § 59), представлялъ у насъ особыя затрудненія. Если татарское иго, вызвавшее общую подать для хановъ, дало ему ранній толчекъ, зато быстрый ростъ государства, вѣчныя войны и смуты, да кочеванье населенія разбивали всѣ разсчеты. Нигдѣ не было такого рокового стремленія „избывать тягла", для чего было много способовъ помимо основного — бѣгства: многіе прятались, сами себя лишая правъ, за спиной бѣломѣстца или зажиточнаго тяглеца—поступали въ захребетники, закладни, сосѣди и холопы, иногда даже попадали въ попы и „затесывались" въ стрѣльцы. А между тѣмъ въ Москвѣ отражался и европейскій переходъ отъ природнаго хозяйства къ денежному (*Н. И.* § 59). Прежде великій князь кормился, какъ вотчинникъ, собственными „путями" (§ 97), все получалъ натурой и издѣльемъ отъ холоповъ своихъ „людскихъ" деревень, которые назывались „задворными", въ отличіе отъ „дворовыхъ" или дворни государя; тотъ же порядокъ былъ распространенъ постепенно на черносошныхъ. Теперь же натура стала перекладываться на денежный *оброкъ*, сначала въ посадахъ, потомъ и въ деревняхъ. Впрочемъ, это новшество прививалось туго до самаго конца періода и путалось со старымъ порядкомъ.

Трудно опредѣлить съ точностью казенное дѣло того времени, въ особенности расходы, которые зависѣли отъ любого слова, сказаннаго въ „комнатѣ". Доходы строились по простымъ правиламъ, имѣющимъ въ виду прежде всего выгоды и нужды правительства. Это—*окладные сборы*, при которыхъ сразу опредѣляется общая сумма поступленій. Они дешевы, не требуютъ хорошей описи имуществъ, а между тѣмъ даютъ заранѣе точную цифру каждогодной казны. Они обезпечивались общиннымъ строемъ, съ его круговою порукой и выборными властями, которыя лучше всѣхъ могли выправить сумму, наложенную на ихъ мѣстность безъ всякихъ соображеній объ ея податныхъ силахъ. Окладной порядокъ, связанный съ развитіемъ государства и поглощеніемъ личности народа, распространялся, въ четвертомъ періодѣ, даже на пятинныя, процентныя, деньги, а иногда и на таможни, гдѣ сборщики отвѣчали за недоборъ, чтò дѣлало возможнымъ переложеніе пошлинъ натурой на оброкъ. Основою обложенія были не лица, которыхъ не учесть, когда они разбредаются розно, а *имущество*—именно земля, а отчасти и промыслы.

Каждый годъ дума утверждала общегосударственную *оклад-*

ную роспись или „большую годовую смѣту“, выведенную изъ „приказныхъ смѣтъ“, составленныхъ на основаніи воеводскихъ „смѣтныхъ списковъ“ или отчетовъ за истекшій годъ. Роспись разсылалась по всему лицу земли русской для неукоснительнаго исполненія. И начиналась самая мудреная финансовая задача— „разрубъ, разводъ, разметъ“ оклада, причемъ наиболѣе шевелилась стародавняя жизнь общины: дѣло разруба называлось даже *мірскою раскладкой* и производилось сельскими старостами да выборными цѣловальниками — „разрубными, оброчными“ и др. Тутъ происходилъ цѣлый Содомъ, и возились круглый годъ, кромѣ лѣтней страды, такъ какъ разныя подати требовались въ разныя времена. Каждому хотѣлось, если не совсѣмъ избыть тягла, то свалить его добрую долю на чужія плечи. Люди именитые—„прожиточные, семьянистые, горланы и ябедники“— „воровствомъ и заговоромъ сбавливали съ себя и на молодшихъ накладывали“, пользуясь тѣмъ, что сами излюбленные цѣловальники были не прочь „корыстоваться“. Черносошные воевали съ бѣломѣстцами, стараясь „притянуть“ ихъ къ мірскому тяглу. То же норовили сдѣлать другъ съ другомъ всякіе разряды населенія. Волость боролась съ волостью, а всѣ онѣ—съ посадами, которые не выдѣлялись изъ уѣздовъ, а облагались „въ свалъ“ съ селами. Наконецъ, выборныя власти были на ножахъ съ воеводами и приказными, которые надзирали за раскладкой, вмѣшиваясь въ общинное самоправленіе.

Эта борьба двухъ политическихъ началъ обострялась при *взиманіи* податей. Оно поручалось тѣмъ же раскладчикамъ, а иногда особо выбраннымъ цѣловальникамъ и „ходокамъ“. Но тутъ воевода съ приказными уже работали ревностнѣе, такъ какъ сами желали покорыстоваться насчетъ казны да и отвѣчали собственною шкурой: не доправитъ чего воевода—берутъ съ него пеню, нерѣдко съ прибавкой кнута на торгу, ссылки и даже смертной казни. Круглый годъ, частями, отдѣльными податями свозились казенные сборы въ городъ, во всеуѣздныя избы, земскую и посадскую, гдѣ ихъ принимали подъячіе, выдававшіе платежные „отписки“ за воеводскою печатью. При недоимкѣ не смотрѣли на то, злостная ли она или по несчастью: каждый недоданный грошъ считался „воровствомъ“, и за него ставили на правежъ „нещадно“ да отбирали животы. Воевода „правилъ“ подати до изнеможенія, „весь день до вечера“, а на ночь „металъ“ виновныхъ въ тюрьму. Въ случаѣ смерти тяглеца, правили съ его вдовы и дѣтей, затѣмъ—съ остальныхъ

членовъ общины и съ самихъ сборщиковъ. Сборы доставлялись въ Москву цѣловальниками, рѣдко воеводой; еще рѣже насылался оттуда „нарочный сборщикъ“.

§ 159. **Подати и сборы.**—При всей путаницѣ даже въ названіяхъ налоговъ, видно, что окладная роспись обнимала основные, постоянные, доходы. Корнемъ ихъ были прямые налоги или собственно *подати*, а въ простонародьѣ—*тягло* (раньше—„тягость“), которое означало подконецъ, какъ и теперь, также надѣлъ, участокъ пашни. Сюда входили всякіе сборы—и натурой, и деньгами, а также издѣльныя повинности. Но первымъ дѣломъ было поземельное. Обычною единицей обложенія издревле считалась *соха* (§ 100). Но ея величина мѣнялась, возростая съ теченіемъ времени. Въ четвертомъ періодѣ считали „московскою“, большою, сохой, которая дѣлилась на „выти“ и означала уже не мѣру земли, а количество посѣва — „четей“ (четвертей) и „десятинъ“ [1]). Раскладка тягла по сохамъ была самымъ мучительнымъ дѣломъ. Приходилось разравнивать его по доходности земель и по разрядамъ владѣльцевъ, брать въ разсчетъ качество почвы и тяжесть другихъ налоговъ: само правительство предписывало подданнымъ верстаться самимъ „по животамъ и по промысламъ“, т.-е. по тяглоспособности плательщиковъ. Возможной справедливости достигали тѣмъ, что клали разное количество земли на соху, которая оттого и была, какъ въ Византіи, не дѣйствительною мѣрой поверхности, а вымышленною пашенною единицей. Землю дѣлили на худую, среднюю и добрую: чѣмъ хуже она, тѣмъ больше шло на соху. Чѣмъ меньше падало на мѣстность побочныхъ сборовъ, тѣмъ дробнѣе были сохи: такъ на черныхъ земляхъ на соху приходилось по 400 четей, на вотчинныхъ и дворцовыхъ, обремененныхъ оброками въ пользу помѣщиковъ и государя, — по 800 и 1.200. Всѣ эти

---

[1]) Первоначально соха была мѣрой пашни, осиленной хозяйствомъ средней руки. Старая, новгородская, соха состояла изъ трехъ обежъ; а „обжа“ — „одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ“ въ теченіе лѣта; московская соха была въ десять разъ больше. Въ концѣ періода въ ней полагалось уже отъ 400 до 1.200 четвертей или вполовину этого десятинъ (десятина—2 четверти или 2.400 кв. саженей). Въ выти считалось около 15 четвертей. Московская четверть равнялась ¼ бочки; но и она различалась по мѣстамъ и временамъ. Вообще она вѣсила 4 тогдашнихъ пуда (около 5 нынѣшнихъ) ржи, т.-е. была немного больше половины теперешней торговой четверти ржи, вѣсомъ въ 9 п. 5 ф. Рожь четвертаго періода соотвѣтствовала, по вѣсу, самой добротной ржи нашего времени. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли тогдашнія казенныя хлѣбныя мѣры—клейменныя „четверти, осмины, четверики“.

разрубы и разводы окладовъ совершались съ помощью „вервленія“: пашня измѣрялась волостными веревками, которыя вносились въ „веревныя книги“.

Но соха постепенно замѣнялась *вытью*, которая имѣла въ виду уже не столько землю, сколько трудовую способность владѣльца. А въ концѣ періода (ок. 1630 г.) выдвинулось *подворное* обложеніе, вызванное „розрухой“ и болѣе выгодное, какъ для правительства, такъ и для народа. Раньше оно встрѣчалось только на посадахъ, рядомъ съ „городскою сохой“; но теперь явились челобитныя о введеніи его и по уѣздамъ. При этомъ обложеніи дворы расписывались по разрядамъ: одна и та же сумма податей падала въ высшемъ разрядѣ на меньшее число дворовъ, чѣмъ въ среднемъ, въ среднемъ—на меньшее, чѣмъ въ низшемъ. Міръ бралъ въ разсчетъ также число работниковъ во дворѣ, сильнѣе накладывая тамъ, гдѣ ихъ было больше. Подворное обложеніе благодѣтельно подѣйствовало на населеніе и возвысило доходы казны.

Собранное такими путями „посошное“ составляло главную часть тягла. Остальное заключалось во множествѣ разнообразныхъ *повинностей*, которыя постепенно перелагались съ натуры и издѣлья въ денежный оброкъ. Такъ, „тягло къ дворецкому“, или дворцовыя барщины, и намѣстничь кормъ перешли въ „казначеевы, дьячьи и подъячьи пошлины“ и въ оброкъ. Съ появленіемъ стрѣльцовъ возникла новая, „стрѣлецкая подать“, а рядомъ собирались старинныя „данныя деньги“—бывшая „дань“ татарамъ, которая пріобрѣла государственное значеніе еще въ то время, когда всѣ другіе доходы казны носили вотчинный отпечатокъ. Къ этой дани подходили „полоняночныя деньги“ для выкупа плѣнныхъ, въ особенности же „пятинные сборы“—для войнъ съ татарами, поляками и шведами. Пятинные сборы, которые назывались иногда еще „полтинными, полуполтинными, 10-ою, 15-ою, 20-ою деньгою“, напоминаютъ подоходный налогъ; и взимались они даже съ бѣломѣстцевъ.

Но сохранялось еще не мало натуральныхъ и издѣльныхъ повинностей. Онѣ примыкали главнымъ образомъ къ военному дѣлу. Очень тяжела была сама „ратная“ повинность — выставленіе „даточныхъ“ или „посохи“, отъ которой не были избавлены даже вотчины, помѣстья и монастыри. Посоху „набирали“ по требованію обстоятельствъ и на разные сроки. Иногда брали ратника съ десяти дворовъ, а когда и съ двухъ, изрѣдка даже пятаго, третьяго человѣка. Общины

снабжали даточныхъ ратными орудіями—заступами, кирками, да какимъ попало вооруженіемъ. Онѣ справляли также „зелейное“ дѣло — изготовляли порохъ и свинецъ; иногда съ нихъ взимались и даточныя лошади (конскій наборъ). Сверхъ того, тяглецы поставляли припасы на кормленье войска, на полгода, а когда и на цѣлый годъ. Они сами возили въ Москву или на мѣсто военныхъ дѣйствій не только хлѣбъ и сухари, но даже соль, мясо, куръ, шубы, и несли жестокія наказанія за малѣйшее упущеніе. Населеніе обязано было также давать постой служилымъ, особенно въ городахъ и монастыряхъ, куда посылались даже кони ратниковъ на покормъ. „Городовое и острожное дѣло“ было такою тяжелою повинностью, что нерѣдко населеніе „не шло, чинилось непослушнымъ“. Тутъ приходилось и доставлять матеріалъ, и строить „остроги“ съ стоячимъ тыномъ, а гдѣ поопаснѣе — цѣлые „города“ съ бойницами и деревянными вѣнчатыми стѣнами, обмазанными глиной. Да еще давай разныя деньги—мостовщину, поворотное (на содержаніе воротъ), загонное (на ночные обходы) и т. д. Изумительна тягость „сибирскихъ отпусковъ“: такъ какъ служилымъ въ Сибири было не до паханья, то имъ посылали хлѣбъ поморскіе уѣзды—нынѣшнія Архангельская, Вологодская и Вятская губерніи. Зимой привозили его въ Верхотурье; а съ нимъ пріѣзжали и плотники, которые рубили суда для его сплава, лѣтомъ, по рѣкамъ, до Красноярска. Тамъ же, въ Азіи, съ инородцевъ взималась поголовная подать, ясакъ (§ 83),—по пяти соболей съ мужчины. Уцѣлѣла и такая древняя издѣльная повинность, какъ ремесленная служба. Ее несли посадскіе—плотники, кузнецы, каменщики и др., которыхъ высылали, по надобности, въ Москву или куда требовалось. Они имѣли собственныхъ старостъ и получали жалованье отъ казны; дворы ихъ были обѣльные. Едва-ли не самою тяжкою повинностью была ямская служба, плодъ татарскаго ига („ямъ“—потатарски дорога). Населеніе было обязано возить сарайскихъ пословъ и баскаковъ; потомъ оно откупалось „ямскими деньгами“. По прекращеніи ига, эти деньги пошли въ московскую казну; а ямщину сталъ отбывать особый разрядъ „ямщиковъ“, которые жили въ ямскихъ слободахъ на казенныхъ земляхъ, подъ началомъ старостъ, и получали жалованье. Помимо гоньбы, ямская община дѣлала дороги, давала подмогу ямщикамъ, кормила проѣзжихъ чиновниковъ и отводила имъ постои,—все это безъ всякихъ правилъ, по произволу проѣзжаго. Къ тяглу посадскихъ прибавлялось

полавочное обложеніе, по правилу: „кто больше торгуетъ, тотъ больше и даетъ“.

Къ *неокладнымъ сборамъ* относилась масса косвенныхъ налоговъ или собственно „сборовъ“, которые напоминали Западъ своимъ разнообразіемъ и назывались также, какъ тамъ, *пошлинами* (*Н. И.* §§ 44, 66, 122), т. е. обычаемъ, что̀ пошло по старинѣ. Увеличились всѣ прежнія мыта (§ 97), какъ судебныя, такъ и торговыя, для которыхъ всюду стояли внутреннія таможни. Проигравшій тяжбу платилъ 10% съ суммы иска; съ преступника шла въ казну половина имущества. При продажѣ брали помѣрное, поштучное натурой; брали со всего—съ рубля, съ воза и саней, съ куска мяса, съ соли, птицы и рыбы; съ лука, орѣховъ, золы и рогожъ; брали за провозъ, за остановку, за складъ и взвѣшиваніе, за проходъ по мосту и т. д. Нѣкоторыя пошлины отдавались, по татарскому образцу, на *откупъ*. Остальныя взыскивались черезъ выборныхъ „таможенныхъ головъ и цѣловальниковъ“ изъ купцовъ, которые отвѣчали своимъ имуществомъ за ихъ полность и, подобно откупщикамъ, не щадили торговцевъ.

Казна пользовалась еще многими *монополіями* или исключительнымъ торгомъ, и именно по предметамъ первой важности: пиво, медъ, хмѣль и т. д., а также продажа хлѣба за-границу были въ ея рукахъ. Одна казна содержала „кружечные дворы“, т.-е. изготовляла и продавала пиво, медъ, водку. Она продавала остатки оброка натурой, и пока не распродастъ всего, никто не смѣлъ торговать этими предметами. Запрещалось даже продавать персіанамъ лучшіе мѣха, чтобы не умалить цѣны царскимъ подаркамъ шаху. Наконецъ, изыскивались мелкіе и неуловимые доходы. Такъ, при смѣнѣ намѣстника, старались подольше не присылать новаго, собирая, однакожъ, въ казну кормъ намѣстничь. Подготовлялась новая война—правительство взимало „вспоможеніе“, т.-е. безпроцентный государственный долгъ, который не возвращался, если даже война не состоялась. При Грозномъ понадобились пищали—явились „пищальныя деньги“. Отдаленныя волости не могли поставлять посоху—съ нихъ стали брать „посошныя деньги“.

Казна, можно сказать, не упускала ни одного гроша, ни одного человѣка. Ея рвеніе и искусство въ извлеченіи доходовъ съ народа, избывавшаго тягла, стали замѣчательны къ концу періода. Но въ то же время начиналось улучшеніе казеннаго дѣла. Выдвигались выть и дворъ, какъ единицы обло-

женія. Привлекались къ тяглу помѣщики. Стѣснялось церковное землевладѣніе. Натура и издѣлье замѣнялись деньгами. Государственное начало брало верхъ надъ вотчиннымъ, новый порядокъ—надъ первобытностью. Ожидалось только улучшеніе ихъ вида и пріемовъ.

§ 160. **Войско**.—Не менѣе мучительно и безпорядочно было ратное дѣло. Войны собственно не прекращались. Даже въ мирное время населеніе несло *береговую службу*: каждую весну собирались полки на берега Оки стеречь Русь отъ крымцевъ. Самымъ труднымъ дѣломъ было начало войны. Постоянной арміи все еще не было: каждый разъ приходилось заново составлять войско, которое достигало уже иногда полумилліона. Основу арміи попрежнему (§ 98) составляли *служилые*, именно дворяне и дѣти боярскія, тогда какъ бояре занимали высшіе чины. Во главѣ ихъ числились московскіе дворяне (§ 152)—богатая гвардія царя и офицерскій штабъ. Но сила была не въ этихъ нарядныхъ нѣженкахъ, а въ рядовыхъ служилыхъ. Они были обязаны пожизненною службой; и ихъ было уже до 100.000, да каждый выходилъ по крайней мѣрѣ съ двумя людьми съ каждой четверти помѣстной земли. Служилымъ изрѣдка производили смотры. Но ихъ нелегко было поднять въ походъ. Тутъ было много хлопотъ главному учрежденію, вѣдавшему ратное дѣло—Разряду или Разрядному приказу, гдѣ хранились списки служилыхъ людей извѣстнаго возраста. Разрядъ разсылалъ по областямъ повѣстки о томъ, куда являться служилымъ. Затѣмъ онъ отправлялъ важнаго царедворца собирать людей по спискамъ и отводить ихъ къ воеводѣ. Поспоривши изъ-за мѣстъ съ воеводой, царедворецъ ѣхалъ по служилымъ, отмѣчая въ спискахъ „ести“ и „нѣти“. Ни старость, ни болѣзнь не оправдывали неявки; тѣмъ не менѣе много помѣщиковъ оказывалось въ *нѣтяхъ*, т.-е. откупались у приказныхъ дьяковъ, прятались, нето бѣжали съ дороги. Сыскавъ нѣтчика, стегали его кнутомъ и отправляли въ полкъ; если не отыскивался, держали въ тюрьмѣ его дѣтей, приказчиковъ и крестьянъ, пока не сыщется.

Пока такъ собиралась рать, врагъ вторгался въ наши предѣлы. Оттого воеводамъ приказывалось, въ опасныхъ мѣстахъ, сгонять семьи служилыхъ и ихъ крестьянъ въ городъ, „въ осаду“; кто не шелъ, того били кнутомъ и бросали въ тюрьму. По окончаніи похода, распускали служилыхъ „по волямъ“. Но иногда они проживали въ городахъ, особенно

украйныхъ, держа караулы и участвуя въ степныхъ разъѣздахъ станичниковъ; нето сидѣли, съ своими „дворниками“, въ своихъ осадныхъ дворахъ, превращая въ нихъ любой дворъ тяглеца за ничтожную плату. Служилые снаряжались на свой счетъ. Кормъ въ походѣ отпускался имъ деньгами или припасами которые доставлялись подрядчикомъ или обязательно населеніемъ. Но обыкновенно рать сама себя кормила, грабя своихъ же по дорогѣ. Болѣе зажиточные служилые привозили изъ дому собственныя лакомства: „кошъ“ (потатарски—обозъ) состоялъ попреимуществу изъ ихъ коней съ прислугой. Здѣсь, въ татарскихъ „вьюкахъ“, у нихъ хранились крупы, сыръ, ветчинка, сушеное мясо, соленая рыба, а также походная посуда, трутъ и огниво; а у *посохи* (§ 159) сухари и толокно (поджареная овсяная мука), лукъ да чесночокъ. Содержимая насчетъ своихъ бѣдныхъ общинъ, посоха была совсѣмъ плоха, напоминала легко вооруженныхъ древности (*Д. И.* § 189). Несмотря на ея многочисленность (до 30.000), ее рѣдко пускали въ чистое поле: она употреблялась для осадъ и черной работы. Посоха, въ свою очередь, то-и-дѣло оказывалась въ нѣтяхъ; и общины съ помѣщиками укрывали бѣглецовъ, нуждаясь въ рабочихъ рукахъ.

Были еще „приходцы“ или „охочіе“ люди — поселенные въ Россіи татары, стрѣльцы и московскіе казаки. *Стрѣльцы*, этотъ зародышъ постоянной арміи изъ своихъ (§ 123), подбирались изъ разныхъ слоевъ: тутъ были и дворяне, и дѣти боярскія, и даже отпущенные холопы дворовые. Они подчинялись собственнымъ головамъ, сотникамъ, десятникамъ, и состояли въ вѣденіи Стрѣлецкаго приказа. Ихъ было тысячъ 15. Стрѣльцы входили въ составъ дворцовой стражи, всюду слѣдуя за царемъ, а въ мирное время исправляли должность полиціи; часть ихъ была разставлена гарнизонами въ пограничныхъ городахъ. Они получали отъ казны жалованье и земли, могли заниматься торговлей и промыслами, проживая въ своихъ особыхъ слободахъ. Въ стрѣльцы поступали, изъ охочихъ, „добрые и рѣзвые“ люди, умѣвшіе орудовать „огненнымъ боемъ“: они стрѣляли изъ „самопаловъ“ или „ручницъ“ (ручныхъ пищалей)—тяжелыхъ, толстыхъ ружей съ маленькою пулькой, съ фитилемъ вмѣсто замка. *Московскіе казаки*, которыхъ строго отличали отъ казацкой вольницы (§ 116), были также правильнымъ отдѣломъ русской рати, который все разростался: ихъ насчитывалось уже до 25.000. Имъ давали жалованье и земли; въ ихъ ряды зачислялись бѣглые, которыхъ даже увольняли отъ повинностей.

Они жили на рубежахъ юго-восточныхъ степей — въ Рязани, Тулѣ, Смоленскѣ, Черниговѣ и др. Ихъ „станицы“, какъ встарь (§ 98), несли, на украйнахъ, „польскую (полевую) службу“, которая была теперь строго опредѣлена: онѣ частью гарцовали по степи, частью стояли „на сторожахъ“, наблюдая не только за татарвой, но и за казацкою вольницей.

Наконецъ, появились отряды *иностранцевъ*, которыхъ, впрочемъ, насчитывалось не болѣе 5.000. Сначала, при Грозномъ, это были выходцы изъ Литвы, потомъ голландцы, шведы, датчане, нѣмцы, даже шотландцы, греки и турки,—все охочіе наемники. При Михаилѣ являются еще полки русскихъ ратниковъ, обученныхъ *иноземному строю*, съ иноземцами-офицерами. Иностранцы завели *нарядъ* или артиллерію. Сначала было лишь нѣсколько неподвижныхъ крѣпостныхъ пушекъ (§ 98) изъ желѣза, въ обручахъ, съ каменными ядрами. Съ Ивана III итальянцы и нѣмцы стали отливать намъ много подобныхъ орудій, а также „пищалей“ или маленькихъ пушекъ, съ желѣзными ядрами; а англичане привозили, черезъ Нарву и Архангельскъ, готовый нарядъ. При Өедорѣ I русскій литейщикъ соорудилъ Царь-пушку. Къ концу періода завелась значительная полевая и осадная артиллерія, и даже съ мѣдными пушками; а „зелье“ мы приготовляли уже сами. При нарядѣ состояли „пушкари“ и „пищальники“, которыхъ набирали въ городахъ, по способностямъ. Они подчинялись Пушкарскому приказу.

Только иностранцы, стрѣльцы, да и то не всѣ, и посоха представляли зародышъ пѣхоты, которою уже щеголялъ тогда Западъ (*Н. И.* § 44); вообще же наша рать, состоявшая преимущественно изъ служилыхъ, была *конная*. Она сохраняла много первобытныхъ свойствъ. Значительно возвысившись надъ азіятскимъ воинствомъ, она еще стояла далеко ниже западной арміи: она наводила страхъ на татаръ, особенно нарядомъ; но поляки, литовцы, шведы смѣялись надъ нею и побивали ее въ открытомъ бою. Русскіе попрежнему были мастера только отсиживаться въ городахъ, причемъ употребляли еще „Гуляй-городокъ“— летучій лагерь, который живо скрывался въ крѣпости при неустойкѣ. Но они не любили ходить на приступы, а вымаривали врага голодомъ и опустошеніями при долгихъ осадахъ; не любили и укрѣплять лагерей, предпочитая отступать при малѣйшей опасности. Лишенный обученія, плохо вооруженный, съ такими пушками, что онѣ часто разрывались и вредили своимъ же, нашъ ратникъ плоховалъ вездѣ, гдѣ требовались

искусство, ловкость, храбрость и стойкость. Онъ отличался скоропалительностью ребенка, выносливостью нищаго и силою мускуловъ: нерѣдко онъ ходилъ въ-одиночку на медвѣдя съ одною рогатиной или даже съ дубиной. О строгости военнаго порядка и общаго подчиненія никто не имѣлъ и понятія. Воеводы жестоко мѣстничались между собой передъ лицомъ непріятеля; служилые разсыпались по окрестностямъ на грабежъ, хотя ихъ нещадно били за то кнутами на торгу; при взятіи непріятельскаго лагеря происходила всеобщая потасовка.

Вотъ идетъ московская рать. Она распоряжена уже не на четыре (§ 59), а на пять полковъ — большой, правая, лѣвая рука, передовой и сторожевой; а въ каждомъ полку нѣсколько „сотенъ“ или отрядовъ ратниковъ по уѣздамъ. Въ челѣ каждаго полка ѣдетъ свой воевода, назначаемый, по порядку мѣстничества, изъ думцевъ знатнѣйшихъ родовъ, хотя бы и неспособный. Онъ ѣдетъ щеголевато и спѣсиво, увѣренный въ наградѣ—въ золотой овальной деньгѣ-медали. Воевода въ полномъ блескѣ вооруженія. На немъ островерхій стальной „шеломъ“ или „шишакъ“ и желѣзный „доспѣхъ“—кольчуга, „панцырь“, „бехтерецъ“ съ стальными дощечками, а иногда и „зерцало“ (латы изъ булатныхъ досокъ), стальные же наручи и наколѣнки (§ 80). Сверхъ доспѣха нарядная ферязь изъ бархата; а подъ нимъ атласный подлатникъ—кафтанъ на ватѣ или шерсти. Въ рукахъ у него сабля, копье, иногда кистень; за поясомъ длинный ножъ; за плечами татарскій „саадакъ“ (лукъ) и колчанъ со стрѣлами. Подъ нимъ играетъ рѣзвый „аргамакъ“—турецкій или ногайскій конь. Подлѣ воеводы двигаются „набаты“ или „литавры“ (родъ мѣдныхъ котловъ, обтянутыхъ кожей) и множество музыкантовъ; мѣдныя трубы, сурны (дудки), бубны поднимали рѣзкій шумъ и наводили уныніе своимъ однообразіемъ. „Ставка“ (шатеръ) воеводы выдѣлялась своей величиной и богатствомъ; а у царя она покрывалась золотою пеленой, убиралась жемчугами и узорочьемъ. Послѣ воеводъ красовались сотенные „головы“—офицеры изъ лучшихъ служилыхъ своей сотни или изъ московскихъ дворянъ. Голова, какъ и всякій зажиточный служилый, подходилъ съ виду къ воеводѣ, но обыкновенно довольствовался желѣзною шапкой, стрѣлами, саблей да кистенемъ. Сѣдло у него татарское—высокое, съ короткими стременами. Тяжело, неуклюже, поджавши ноги, сидитъ онъ махиной, на понуромъ дробномъ меринѣ, который шагаетъ, безъ подковъ, на легкой уздѣ, пропитываясь подножнымъ кормомъ; а у слуги въ поводу

запасный конь [1]). Мелкопомѣстный служилый приближался видомъ къ своимъ людямъ, которые нерѣдко были вооружены одною рогатиной и носили простыя, но толстыя шапки и

Московскіе воины 16-го вѣка.

такіе же кафтаны. Только „нарядъ" имѣлъ внушительный, европейскій видъ; да стрѣльцы, съ саблями и бердышами (сѣкирами),

[1]) Нашъ рисунокъ взятъ изъ Герберштейна, только немного уменьшенъ. Это—служилые люди временъ Василія III (§ 119). На нихъ „тегиляи"—очень толстые стеганые кафтаны, замѣнявшіе кольчугу, съ короткими рукавами и высокими воротниками вмѣсто бармицы (§ 80). Ихъ желѣзныя шапки и стремена разукрашеныповосточному. Столь же красивы узорчатые саадаки и колчаны. У каждаго всадника въ рукахъ длинная узловатая плеть, на боку широкая сабля. За поясомъ у него кистень—желѣзное яблоко съ острыми шишками на ремнѣ или на желѣзной цѣпи, прикованной къ древку; а на древкѣ шнурокъ, чтобы вѣшать кистень на руку, какъ плеть. Иностранцы изумлялись, какъ ловко нашъ ратникъ справлялся съ такою

шли стройно и молодцовато, разсчитывая на серебряную медаль. Но позади плелась толпой посоха — голодная, полуодѣтая, съ топоромъ, а зачастую и съ одною рогатиной или дубинкой. Такъ подвигалась московская рать безпорядочнымъ таборомъ. Если врагъ выросталъ передъ нею въ чистомъ полѣ, она столь же безпорядочно, поазіатски бросалась на него съ гикомъ и ревомъ, какъ бѣшеная; но если непріятель выдерживалъ, тотчасъ разсыпалась. Еще пѣхота иногда выказывала стойкость. Конница же съ самаго начала словно говорила врагамъ своимъ видомъ: „бѣгите, нето мы побѣжимъ".

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, московская рать уже начинала спорить съ западнымъ войскомъ по своей многочисленности, а подконецъ и по задаткамъ улучшенія. Но о *флотѣ* еще не было и помину. Впрочемъ, и тутъ „розруха" остановила мысль, мелькавшую наканунѣ: Грозный пробовалъ, съ помощью иностранцевъ, завести кораблестроеніе то въ Архангельскѣ, то въ Астрахани; но онъ не имѣлъ удачи.

§ 161. **Великорусскіе казаки.**—Въ четвертомъ періодѣ развилось еще *казачество*, это зерно знаменитаго „иррегулярнаго" войска. Оно было плодомъ великихъ переселеній русскаго племени (§ 150).

Еще въ началѣ періода, тотчасъ за Воронежомъ разстилалась степь на необозримое пространство къ юго-востоку; конь съ трудомъ пробирался сквозь травяной уборъ этой пустыни, гдѣ лишь изрѣдка мелькали кочевья ногайцевъ. А въ половинѣ 16-го вѣка здѣсь уже стояла твердою ногой донская казацкая вольница (§ 116), пуская свои отрасли до Терека, Яика и Камы. *Донцы* набрались изъ самой сердцевины Московскаго государства, съ Оки; а подконецъ къ нимъ забѣгали и малороссы отъ притѣсненій поляковъ: эти гости нерѣдко приходили, на лодочкахъ, моремъ вверхъ по Дону, ускользая отъ грузныхъ турецкихъ кочермъ. Встрѣчались и переселенцы изъ татаръ. Въ концѣ періода донцы могли выставить тысячъ пять оружныхъ молодцевъ. Они раздѣлялись на „низовыхъ" и „верховыхъ";

кучей разныхъ орудій въ рукахъ. Малорослые, но крѣпкіе, выносливые кони нашихъ всадниковъ—въ наборной сбруѣ, повосточному. Богачи щеголяли убранствомъ коней, какъ въ Шехерезадѣ. Они покрывали ихъ гривы сѣтками изъ пряденаго серебра и золота; сѣдла и узды обтягивали бархатомъ, парчей, усыпали драгоцѣнными каменьями, особенно бирюзой. У иныхъ щеголей татарскій „чапракъ", съ узорочьемъ и бахрамой, покрывалъ всего коня; а иногда его замѣняла тигровая или леопардовая кожа.

границей между тѣми и другими служило большое село Раздоры, при впаденіи Донца въ Донъ. Низовые считали себя старшими. У нихъ, въ Черкаскѣ, было и главное управленіе казаковъ — войсковой атаманъ, есаулы и сотники, для письмоводства войсковой дьякъ. Но власть этихъ старшинъ, въ особенности атамана, съ его чародѣйкой — „насѣкой“ (трость), была велика только при исполненіи всеобщихъ приговоровъ да во время войны. Они избирались на годъ „кру́гомъ“, этимъ казачьимъ вѣчемъ, гдѣ всякій могъ участвовать, становясь въ кружокъ на „майданѣ“ (потатарски — площадь), и гдѣ, какъ на сходкѣ, требовалось единогласіе, бывало шумно и доходило до потасовокъ. Здѣсь голосъ самого атамана имѣлъ не больше значенія, чѣмъ мнѣніе послѣдняго казака: „у насъ большихъ нѣтъ; всѣ мы равны“, говорили донцы москвичамъ. Войско раздѣлялось на станицы, которыя управлялись станичными атаманами и имѣли „становыя избы“. Были и „городки“—остроги съ двойнымъ плетнемъ, среди болотъ, или на островкахъ. Бездомные удальцы ютились въ „зимовищахъ“—шалашахъ и землянкахъ, откуда они уходили, по веснѣ, на добычу.

Донцы не признавали никакихъ стѣсненій. Они свободно занимали всякія пустыя „юрты“ (потатарски—земля); отлучались, куда хотѣли и когда угодно. У нихъ не было и духовенства. Бракъ и разводъ состояли въ простомъ заявленіи кругу: сначала даже было мало женатыхъ, пока молодцы не обзавелись плѣнными татарками, турчанками и черкешенками. Донцы были связаны крѣпкими узами товарищества и побратимства. Этотъ духъ сказывался не въ одномъ общинномъ землевладѣніи, которое они вынесли изъ Руси: казаки всѣмъ дѣлились между собой, всегда выручали другъ дружку. Они вообще проводили время вмѣстѣ, собираясь въ кружки то на майданахъ, то въ становыхъ избахъ: здѣсь кто правилъ оружіе, кто чинилъ тенета или вязалъ сѣти, кто налаживалъ соху; и всѣ растабарывали о лихихъ походахъ да объ удалыхъ дѣлахъ. По праздникамъ—скачки, татарскія джигитовки (гарцованье на конѣ), стрѣльба въ цѣль, гоньба на „каюкахъ“ (потатарски—лодки). Зассорится пылкая молодежь—старики мирятъ: иной разъ самъ атаманъ повалится въ ноги соперникамъ, прося ихъ не порочить товарищества, не ѣздить тягаться въ Черкаскъ. Зато донцы были подозрительны и недовѣрчивы ко всему чужому: они даже запорожцевъ окружали почетнымъ карауломъ и не пускали въ Черкаскъ. А съ врагами они были жестоки, какъ разбойники. Ограбленіе и избіе-

ніе купцовъ и пословъ, какъ азіятскихъ, такъ и русскихъ, были обычнымъ дѣломъ. Оттого уже Годуновъ собирался расправиться съ ними, какъ вдругъ разразилась смута, когда казаки распоряжались Русью „грубнѣе Литвы и нѣмцевъ" (§ 138). Особенно свирѣпствовали донцы, избивая даже всѣхъ плѣнныхъ, въ вѣчныхъ стычкахъ съ азовцами, а подконецъ и съ калмыками, прикочевавшими изъ-за Волги въ задонскія степи. Но у нихъ же замѣчались признаки гражданственности. Они приближались къ городской жизни и богатѣли отъ мирныхъ занятій. Они даже торговали, сбывая русскія произведенія въ Азію, а азіатскія издѣлія—въ Москву; покупали же себѣ хлѣбъ, оружіе, суда. Но главнымъ ихъ пропитаніемъ было рыболовство да скотъ, который самъ находилъ себѣ подножный кормъ и зимой на этой благодатной почвѣ. Въ концѣ періода донцы азовскимъ подвигомъ (§ 146) какъ бы хотѣли показать свое значеніе для Руси и расплатиться съ нею за свои прегрѣшенія въ смуту. И народная пѣсня запечатлѣла его, съ благодарностью, на вѣчную память: въ глазахъ русскаго донцы были роднымъ отпрыскомъ и одною изъ надеждъ страны.

Донцы кучами пробирались и въ Поволжье, гдѣ они сливались съ другими бѣглецами изъ Московскаго государства. Такъ образовались *волжскіе казаки*, особенно послѣ покоренія Казани, когда переселеніе устремилось сюда. Здѣсь дѣло пришельцевъ облегчалось тѣмъ, что не требовалось очищать цѣлину отъ лѣсовъ и болотъ, какъ на сѣверѣ: садились по опустѣлымъ селамъ, которыхъ осталось множество послѣ бѣжавшихъ или истребленныхъ туземцевъ. Волжскіе казаки быстро усилились: они до того смѣло обижали царскихъ пословъ и грабили купеческіе караваны, что, послѣ Грознаго, правительство стало особенно усердно строить города въ томъ краю — Самару, Уфу, Царицынъ, Саратовъ и др. Средоточіями волжцевъ служили Переволока и Самарская Лука. Здѣсь добычникамъ привольно было строить свои орлиныя гнѣзда, скрытыя въ лѣсахъ, и пещерахъ, среди горныхъ утесовъ. На Лукѣ и теперь есть села Ермаковка и Кольцовка: по преданію, это—становища героевъ завоеванія Сибири (§ 128).

Между тѣмъ какъ эти удачники спаслись отъ опалы царя всенародною заслугой, ихъ товарищей постигъ разгромъ. Грозный послалъ ратныхъ людей противъ „воровскихъ казаковъ" на Волгѣ. Разбитые казаки бросились въ разныя стороны. Съ полсотни укрылись въ густыхъ камышахъ у устьевъ Яика. От-

сидѣвшись тамъ, они стали подниматься вверхъ по рѣкѣ, истребили столицу ногайцевъ, Сарайчикъ, и продвинулись до того мѣста, гдѣ Яикъ поворачиваетъ на востокъ. Здѣсь они стали *яицкими казаками*, признавъ власть московскаго царя на льготныхъ условіяхъ: уральское войско основываетъ свои права на грамотѣ Михаила Ѳедоровича, которая впрочемъ сгорѣла при Петрѣ I. Новые казаки начали быстро утверждаться. Тотчасъ соорудили городокъ, а когда татары разорили его невзначай, построили новый—Яицкъ (теперь Уральскъ). Сюда стекалось много донцовъ, бѣглыхъ изъ Руси и татаръ съ Кубани. Разселялись по правой сторонѣ Яика, въ благодатномъ краю, гдѣ шумѣли первозданные лѣса, покоились тучные залежи дѣвственнаго чернозема, зеленѣли неоглядныя пастбища, а главное—неслась величавая горная рѣка, полноводная и многорыбная, сопровождаемая безчисленными ериками, затонами и озерами. Яикъ, впадавшій тогда въ море множествомъ рукавовъ, протоковъ, тихихъ заводей, густо поросшихъ камышемъ, былъ кормильцемъ казаковъ. Они сначала жили, помимо грабежа, рыболовствомъ, которое не потеряло значенія до нашихъ дней, тѣмъ болѣе, что сбытъ рыбы былъ обезпеченъ близостью приволжскихъ городовъ. Потомъ стали заниматься еще коневодствомъ и хлѣбопашествомъ, усыпая черноземныя мѣста зимовками и хуторами. Яицкіе казаки упорядились такъ же, какъ ихъ старшая братья—казаки донскіе и волжскіе. Это была та же вольная община, съ атаманомъ, есаулами и кругомъ, на который сзванивали всѣхъ. И здѣсь все было общинное—земля, пастбища, сѣнокошеніе и даже рыболовство, сохранившее этотъ видъ до сихъ поръ. Только на Яикѣ больше сохранялось первобытныхъ чертъ, чѣмъ на Дону. Здѣсь долго не развивалась городская жизнь, съ ея неравенствомъ состояній, но также съ ея образованностью. Здѣсь неизвѣстна была грамотность: кругъ отвѣчалъ словесно на обычный вопросъ—„любо-ль, нелюбо?" Яицкіе казаки славились не только удалью, но и грубостью. Они любили буйныя забавы и выпивку; женщина была у нихъ рабой; грабежи не прекращались. Но въ глазахъ русскаго эти грѣхи искупались вѣчною и молодецкою борьбой со всякими инородцами, которые неслись къ намъ изъ Азіи, какъ тучи саранчи.

Въ четвертомъ періодѣ вполнѣ развилось малороссійское казачество (§ 116); но оно принадлежало Польшѣ.

§ 162. **Бояре.**—Наряду съ засиліемъ самодержавія (§ 151), главнымъ отличіемъ четвертаго періода нашей исторіи служитъ

развитіе высшаго сословія, съ которымъ прямо связана судьба крестьянства. Въ общественномъ быту, то была пора боярская попреимуществу: красною нитью проходитъ по ней вопросъ о судьбѣ нашей знати. А такъ какъ всеподавляющею силой становилось самодержавіе, то дѣло сводилось къ вопросу политическому — къ борьбѣ между боярствомъ и престоломъ. Оттого четвертый періодъ былъ какъ бы сплошнымъ смутнымъ временемъ (§ 112).

Эта борьба была неизбѣжна, какъ и на Западѣ (§ 109). Боярство было пережиткомъ удѣльнаго строя, съ его первобытною раздробленностью, съ кучей дворянскихъ гнѣздъ, этихъ опричнинъ (§ 97), гдѣ сидѣли все государи-вотчинники. Здѣсь копошились старыя преданія. Братъ Василія III (§ 119), Юрій Ивановичъ, былъ еще удѣльнымъ княземъ. До половины 16-го вѣка встрѣчались вельможи, которые сидѣли въ своихъ бывшихъ удѣлахъ, носившихъ ихъ имя (князья Микулинскіе въ Микулинскомъ уѣздѣ), и пользовались верховною властью, раздавая жалованныя грамоты, выставляя собственные полки. Но сначала эти преданія жили безсознательно, тускло, какъ искра тлѣетъ подъ пепломъ. Ихъ не расшевеливалъ новый порядокъ вещей, служившій отрицаніемъ удѣльнаго строя. Еще слабая и столь же безсознательная верховная власть осторожно, лишь по нуждѣ, вводила „московскій обычай“. Въ высшемъ управленіи долго сохранялись пережитки мѣстныхъ учрежденій: въ 16-мъ вѣкѣ въ Москвѣ были „дворцы“ (приказы) Новгородскій, Тверской и др., съ своими дворецкими. Пріобрѣтая новыя княжества, Москва не сразу сливала ихъ съ собой: цари посылали туда своихъ сыновей съ титуломъ великихъ князей, ограничивая ихъ во внѣшнихъ сношеніяхъ и въ правѣ бить собственную монету. Иногда „княжье“ назначалось въ намѣстничество туда, гдѣ оно занимало столы. Нѣкоторые Рюриковичи присоединяли къ фамиліямъ наименованія своихъ прежнихъ удѣловъ (Ромодановскіе-Стародубскіе и др.). Бояре получали, среднимъ числомъ, четей по 200 земель въ помѣстья и жалованья по 1.000 р.; и эти оклады увеличивались, по милости государя, при особой выслугѣ. Сверхъ того, они пользовались воеводскимъ кормленіемъ и вотчиннымъ судомъ и расправой. Правительство не касалось даже мѣстничества, при всемъ вредѣ этого прибѣжища боярской спѣси: государи часто даже самолично разбирали эти счеты. Недалекіе бояре воображали, что все идетъ постарому, и ударились въ погоню

за личными выгодами, которая была нелегка при ихъ наплывѣ въ Москву. Не замѣчая, что этотъ же наплывъ поднимаетъ самодержавіе, они даже гордились обширностью и богатствомъ своей Руси. Такъ, въ концѣ третьяго періода, боярство превращалось въ служилое сословіе и даже на перебой выслуживалось передъ великимъ княземъ (§ 99).

Безсознательный миръ между различными укладами жизни былъ нарушенъ, когда Русь собралась, низвергла татарское иго и даже перешла въ наступленіе на Западъ. Представитель такой силы, московскій князь, почуялъ главную потребность страны (§ 118). Западное вліяніе, съ византійскими преданіями, уяснило ему его новое положеніе. Съ тѣхъ поръ самодержавіе словно спѣшило жить: въ своей страсти изглаживать слѣды удѣльнаго строя, оно даже видѣло опасность, гдѣ ея не было, по русской пословицѣ—у страха глаза велики. Лихорадочная дѣятельность Грознаго, его опричнина означала ломиться въ открытую дверь. Власть отчасти сама создавала изъ бояръ политическую силу.

Боярство встрепенулось: пробудились его дремавшія преданія. И на немъ отражалось сближеніе Руси съ Западомъ: польское вліяніе уясняло ему его роль (§ 125). Боярство пользовалось обстоятельствами. Войны и усложненіе государстваеннаго наряда дѣлали его необходимымъ: хотя власть рано оцѣнила значеніе людей снизу (§ 151), ихъ было еще мало. На самомъ Верху порядокъ еще не наладился, тѣмъ болѣе, что частые браки и разводы государей вели къ ковнямъ между родственниками ихъ женъ: Василій III молился, умирая, о „земскомъ строеніи“ (§ 121). А съ Ивана III началось вырожденіе племени Рюрика, къ которому вело поведеніе самихъ его главъ (§§ 114, 119, 121, 127). Боярамъ случалось даже управлять Русью за малолѣтствомъ государя (§ 121). Безъ нихъ не обходится никакое дѣло государское. Они, какъ тѣнь, слѣдуютъ за верховною властью, въ качествѣ ея совѣтниковъ и исполнителей. При выѣздѣ царя, имъ „приказываютъ“ Москву и царицу. При вѣнчаніи государей на царство, они стоятъ на „чертежномъ мѣстѣ“ — возвышеніе въ 12 ступеней въ Успенскомъ соборѣ. Они „дядьки“ (воспитатели) царевичей, а ихъ жены—„мамы“ при высочайшихъ дѣтяхъ (§ 152).

Самый наплывъ знати въ Москву способствовалъ зарожденію политическихъ притязаній въ ея средѣ. Уже въ концѣ прошлаго періода, княжье и старые бояре образовали матерые „роды“

(§ 99). Когда повалили отовсюду новые выходцы, стараясь „заѣзжать“ ихъ, роды начали стремиться къ замкнутости: съ конца 15-го в. они принимаютъ фамиліи, которыя отчасти были связаны съ родовыми печатями. Такъ какъ новички брали дарованіями и личною выслугой, то старики выдвигали происхожденіе, преданіе, какъ право на исключительное унаслѣдованіе своихъ льготъ. А потомъ и выходцы старались превратить личныя льготы, которыми привлекалъ ихъ государь (§ 118), въ сословныя преимущества. Отсюда пресловутое *мѣстничество* (§ 123).

Это явленіе, блѣдное подобіе котораго можно видѣть во Франціи (*Н. И.* § 104), уходитъ въ глубокую древность, къ самому началу боярства: раньше Москвы, въ Рязани, Нижнемъ и въ другихъ удѣлахъ встрѣчаются мѣстническіе суды, съ ихъ „правыми“ грамотами; еще въ 14 в. каждый пріѣзжій бояринъ поднималъ вопросъ о своемъ „мѣстѣ“ среди туземныхъ товарищей. Ему указывалось мѣсто, по его богатству и вліятельности, а главное—по „отечеству“, по породѣ: родовитому было „невмѣстно“ стоять ниже иного безроднаго проходимца, который далеко не былъ ему „въ версту.“ Потомки и цѣплялись за это мѣсто: на его основаніи „держали счеты“, если только они не нарушались опалами или преступленіями. Сначала эти счеты велись по „памятямъ“ бояръ-старожильцевъ. Иванъ III учредилъ „разряды“ или „государевы разрядныя книги“ т.-е. списки всякихъ служебныхъ назначеній—военныхъ, гражданскихъ и дипломатическихъ. При Василіи III мѣстничество—уже установленіе: вчиналось много „счетныхъ дѣлъ“, и возникъ *Разрядъ* въ смыслѣ приказа (§ 156). Здѣсь-то велись разрядныя книги, по мѣрѣ того какъ кочующіе бояре и вольные слуги превращались въ холоповъ московскаго государя. Если онѣ утратились за первые полвѣка, зато сохранилось много списковъ у частныхъ лицъ, которыя любили „справливать“ ихъ въ свою пользу по памяти, а иногда даже по лѣтописямъ и разнымъ грамотамъ. Разрядъ составилъ (1555 г.) и „Государевъ Родословецъ“ изъ 43 главъ, или послужной списокъ родовитыхъ бояръ, съ котораго дѣлалось также много частныхъ списковъ, съ присоединеніемъ такихъ сказокъ, какъ: „выѣхалъ изъ Прусъ“ и т. под. Съ этими родословцами связано появленіе фамилій. Въ 16-мъ в. все рѣже и рѣже лицо опредѣляется только именемъ и отчествомъ, съ присоединеніемъ иногда имени дѣда (Иванъ Петровичъ Борисовъ): подлѣ ставится прозвище, съ окончаніемъ на „овъ“ для прозвищъ мужескаго рода и „инъ“—для женскаго (Волковъ,

Лисицынъ). Фамиліи стали такимъ же почетнымъ отличіемъ бояръ отъ простыхъ смертныхъ, какъ прежде „вичъ".

По Родословцу и разряднымъ книгамъ установилось цѣлое *чиноначаліе знати.* I разрядъ—служилое княжье или титулованное боярство, и именно потомки великихъ князей (Патрикѣевы, Мстиславскіе, Бѣльскіе, Шуйскіе, Долгоруковы, Волконскіе, Ромодановскіе, Одоевскіе, Вяземскіе, Рѣпнины, Щербатовы и др.). Несмотря на свое позднее появленіе, они занимали первое мѣсто при московскомъ дворѣ. Цари особеннно жаловали не столько своихъ родныхъ Рюриковичей, сколько литовскихъ князей (Хованскіе, Голицыны, Куракины, Трубецкіе и др.) да разныхъ инородцевъ (Урусовы, Мещерскіе, Юсуповы, Имеретинскіе и др.): въ походахъ ихъ ставили въ челѣ рати. Изъ нетитулованныхъ въ I разрядѣ держались только Кошкины (§ 129), да и то съ трудомъ. II разрядъ—потомки крупныхъ удѣльныхъ князей (Курбскіе, Глинскіе, Холмскіе, Оболенскіе, Воротынскіе и др.), а также главные изъ нетитулованныхъ (Воронцовы, Юрьевы, Бутурлины и др.). III разрядъ — потомки мелкихъ удѣльныхъ князей (Прозоровскіе и др.) и второстепенные изъ простыхъ бояръ (Сабуровы, Морозовы, Шеины, Шереметевы, Годуновы, Салтыковы и др.). Каждый изъ разрядовъ стремился къ наслѣдственности. Имъ соотвѣтствовали вначалѣ думскіе чины (§ 154). „Думные бояре" или старѣйшіе думцы, это—преимуществу княжье. Они были избавлены отъ тѣлесныхъ наказаній; за оскорбленіе ихъ взыскивалось особенно строго; служилые даже высокихъ чиновъ слѣзали съ коня передъ ними и били имъ челомъ; народъ, съ которымъ они обходились отечески, не отдѣлялъ ихъ отъ царя въ почестяхъ, считалъ ихъ своими „промышленниками", попечителями. Въ началѣ періода, въ думѣ подлѣ бояръ появляются окольничіи (§ 152), которые не имѣютъ ничего общаго съ бывшими „около" великаго князя царедворцами (§ 97): это — гнѣздо стараго московскаго боярства. Но такъ какъ половина боярства все-таки не попадала въ думу, то прибавили „думныхъ дворянъ". Это — дѣти боярскія, „княжата" и бояре по „отечеству", но не по разряду или службѣ; это — потомки „захудалыхъ" (не двигавшихся по службѣ) княжескихъ и боярскихъ родовъ (Ржевскіе, Татищевы и др.).

Такъ, съ виду боярство напоминало немного западную аристократію (*Н. И.* §§ 45, 100). Оно даже начинало задумываться, обнаруживать проблески сословнаго сознанія, подъ за-

паднымъ вліяніемъ. Въ глазахъ родовитыхъ писателей, Патрикѣева и Курбскаго (§§ 119, 122), московскіе государи—„издавна кровопійственный родъ“, который „губилъ своихъ братьевъ ради ихъ убогихъ вотчинъ“, а Софья и Елена (§§ 114, 121)—„чародѣйка“ да „жена законопреступная“, заводчицы смуты на Руси. Бояре почуяли врага и въ такомъ иночествѣ, какъ „вселукавые и многостяжательные мнихи, глаголемые осифлянами“ (§ 115). Они не знали, какъ проклинать Санина, этотъ „соблазнъ и смѣхъ всему міру“, который принесъ столько зла своими „шептаніями“ на Верху. Оттого они недолюбливали обогатившихъ монастыри „мужиковъ сельскихъ“ или чудотворцевъ. Ихъ ненависть возбуждали „писаря“ или дьяки, эти дѣти народа. Боярамъ претила и „автокефальность“ (самостоятельность) русской церкви, потому что она подчиняла ее престолу. Наконецъ, описывая ужасы власти, они пророчествовали о смутѣ, о гибели династіи, о частой смѣнѣ царей, о возстаніи чина на чинъ. Но все это была одна безполезная воркотня. По существу, боярство было ничтожествомъ. До самаго прекращенія Рюрикова племени на московскомъ престолѣ, оно не пошло дальше этихъ немногихъ озлобленій, думскихъ чиновъ да мѣстническихъ пререканій. Цѣлью его жизни была одна боярская спѣсь: каждый матерой бояринъ только и смотрѣлъ, какъ бы свой же братъ не „утянулъ“ изъ „чести“ его рода, да ухищрялся изсмыслить родословное „древо“ позабористѣе. Никто не думалъ объ обезпеченіи сословныхъ выгодъ, о дружной политической борьбѣ, въ виду растущаго самодержавія.

§ 163. **Борьба и крушеніе боярства.** — Пока бояре ворчали и усовѣщивали власть, она дѣлала свое дѣло неотступно, и чѣмъ дальше, тѣмъ рѣшительнѣе. Уже Иванъ III вышелъ безпощаднымъ побѣдителемъ изъ борьбы, проникавшей до глубины устоевъ (§§ 114, 118). При немъ начались казни вельможъ и частью „отписываніе“ вотчинъ въ казну, частью ограниченіе ихъ наслѣдственныхъ правъ. Тогда же падало право отъѣзда, на которое уже въ концѣ третьяго періода „опалялись“ московскіе государи: прежде они грабили вотчины отъѣздчиковъ, теперь вышелъ указъ объ отобраніи ихъ въ казну. Иванъ III даже бралъ съ подозрительныхъ бояръ записи о неотъѣздѣ и содержалъ ихъ подъ стражей, хотя еще не было закона о неотъѣздѣ и возвращавшіеся принимались съ ничтожнымъ наказаніемъ. Онъ облегчилъ задачу своему сыну и тѣмъ, что, съ паденіемъ Новгорода, могучій бояринъ этой

общины уже не стоялъ передъ московскимъ вельможей соблазнительнымъ примѣромъ (§§ 51, 113). Немудрено, что Василій III совсѣмъ губилъ зародыши боярскихъ притязаній. При немъ послѣдній удѣльный князь пошелъ въ тюрьму, сопровождаемый насмѣшкой московскаго юродиваго (§ 119); а бояре благодарили самодержца за „исправленіе", когда удостоивались отъ него побоевъ, и считали высшимъ несчастьемъ, если онъ, за какую-нибудь „встрѣчу" (возраженіе) въ думѣ, „отнималъ у нихъ свои государскія очи", воспретивши имъ „съѣзжать со двора" (домашній арестъ). Василій могъ перваго боярина низвесть на степень послѣдняго смерда.

Боярство уже подсѣкалось подъ корень: выдвигались низшіе слои общества. Противъ княжья и матерыхъ бояръ выставлялись княжата и дѣти боярскія, подъ видомъ думныхъ дворянъ. Вскорѣ сюда примкнула всякая неразрядная мелочь, которая всѣмъ была обязана государю и получала отъ него за службу уже не вотчины, а помѣстья. Это—„новики", выскочки, больше изъ „поповства" да „всенародства",—Сукины, Поджогины (§ 119) и т. под. Иванъ IV говорилъ, что „взялъ" Адашева (§ 122) „отъ гноища, отъ нищихъ и отъ самыхъ молодыхъ людей". Выскочки терли лямку, начиная съ подъячихъ, занимая самыя хлопотливыя и черныя должности (печатники, казначеи, стряпчіе, начальники самыхъ рабочихъ приказовъ), пока поднимались до думнаго дьяка, думнаго дворянина, иногда даже до окольничаго (Адашевъ, Щелкаловъ). Эти мастера приказныхъ дѣлъ становились все необходимѣе: управленіе было уже сложною и замысловатою машиной, а бояре знали только старый немудреный навыкъ; да они часто и уѣзжали изъ Москвы намѣстничать по городамъ или воеводствовать надъ полками. Такъ, у насъ, какъ и на Западѣ (*Н. И.* §§ 45, 100), подлѣ родового вельможества выросла служебная, правительственная знать. Въ то же время боярская дума затемнялась „комнатой" (§ 154). Званіе „комнатнаго", „ближняго" человѣка становилось особою „честью", доставляло право „видѣть очи государевы", котораго были лишены „рядовые" бояре; а оно давалось сначала спальникамъ да стольникамъ, т.-е. боярскимъ дѣтямъ, потомъ и неразрядной мелочи. Словомъ, царь произвольно „думу сказывалъ", т.-е. словесно жаловалъ думные чины, сообразуясь развѣ только съ возрастомъ: дума была буквально совѣтомъ старцевъ, сенатомъ. А отъ чина зависѣло все—и должность, и оклады помѣстнаго и денежнаго жалованья.

На такое-то боярство „опалился“ Грозный, принявъ себя за орудіе Провидѣнія для искорененія „измѣны вельможъ“ (§ 125). Онъ не только буквально истреблялъ бояръ, но даже многимъ запрещалъ жениться. Онъ окончательно подрывалъ кормленіе, которое ограничивалось уже въ третьемъ періодѣ уставными грамотами, гдѣ опредѣлялся списокъ доходовъ, а населенію давалось право челобитья, въ случаѣ превышенія его; Грозный сократилъ судныя пошлины кормленщика, а мѣстами передалъ судъ выборнымъ властямъ (§ 123). Иванъ IV искоренилъ и право отъѣзда: онъ бралъ не только записи съ подозрительныхъ бояръ и „поручныя“ съ ихъ присныхъ, но даже „подручныя“ съ тѣхъ, которые ручались за поручителей. При немъ случился небывалый соблазнъ: воеводы, поссорившись изъ-за мѣстъ, не пошли на непріятеля; царь послалъ дьяка да дворянина начальствовать надъ полками и подчинилъ имъ соперниковъ. Послѣ опричнины, слѣды верховной власти бояръ въ вотчинахъ стали невѣроятнымъ преданіемъ. Но сама опричнина была такимъ же возвратомъ къ старинѣ (§ 151), какъ титулы „царь казанскій, царь астраханскій“, или какъ завѣщаніе удѣла младшему сыну. Она—плодъ личнаго раздраженія и державной спеси больного человѣка. То была опала на весь народъ: „жаловать своихъ холопей мы вольны, а и казнить ихъ вольны же“, восклицалъ Грозный, подобно удѣльному державцу или вотчиннику. И въ его синодикѣ, рядомъ съ боярами, красуются подъячіе, монахи, псари, мастеровые—вообще „скончавшіеся христіане мужескаго, женскаго и дѣтскаго чина“; и летѣли головы самихъ заправилъ опричнины (§ 127). Этотъ „опричный“ всѣмъ (чужой, сторонній) царь только устами поминалъ иногда „людей Божіихъ, бѣдныхъ и немощныхъ“: „мы васъ, страдниковъ, приближали“, писалъ онъ Васюткѣ Грязному. На дѣлѣ же онъ оставилъ Русь въ управленіи бояръ. Они нужны были самодержавію, какъ помощники въ судѣ и расправѣ, какъ воеводы, сами выставлявшіе иногда цѣлые полки, какъ союзники въ дѣлѣ прикрѣпленія крестьянъ и отмѣны монастырскаго землевладѣнія. Грозный только способствовалъ расторженію этого союза. Онъ расшевелилъ удѣльныя преданія бояръ. Опричнина и связанное съ нею вырожденіе племени Рюрика на московскомъ столѣ уяснили имъ ихъ политическую задачу. Бѣгство бояръ изъ Москвы въ Польшу усиливало западное вліяніе, которое и безъ того производило умственное броженіе, благодаря наплыву иностранцевъ. Тогда-то разыгрывалась спесь бояръ. Они по за-

падному, словно державцы, завели свои гербы и родословцы, производя себя, по примѣру царя (§ 151), „изъ прусъ, изъ нѣмецъ“ и даже изъ Рима (Римскіе-Корсаковы).

Со смертью Грознаго начинаются высшія притязанія бояръ. Они борятся уже не за роль временщиковъ, а за основаніе новой династіи изъ своей среды. Въ 1598 г. имъ казалось, что русскій престолъ, подобно польскому, становится избирательнымъ (§ 132); и власть впервые была ограничена добровольно посуломъ Бориса никого не казнить смертью въ теченіе пяти лѣтъ, а затѣмъ—манифестомъ Лжедимитрія I, гдѣ обѣщано боярамъ „честь и повышеніе учинить“. Самозванецъ обращался съ думой, какъ съ польскимъ сенатомъ: былъ ласковъ и простъ съ боярами, даже заводилъ съ ними горячіе споры. При воцареніи Шуйскаго является первый государственный договоръ — ограничительная „запись“ (§ 137). Но она напоминала не „рядъ“ новгородцевъ (§ 51) или великую хартію англичанъ (*С. И.* § 99), а аристократическія конституціи Польши (§ 111) и Швеціи (*Н. И.* § 44). То былъ планъ олигархіи нѣсколькихъ высшихъ родовъ, которые погубили сначала Годунова, потомъ Лжедимитрія I, выдвигавшихъ народъ противъ ихъ притязаній. Въ записи говорилось только о выгодахъ бояръ, и Шуйскій былъ ихъ игрушкой; они же „ссадили“ его, когда онъ вздумалъ, наконецъ, стать самодержцемъ. Подобною же записью, быть можетъ, былъ ограниченъ и Михаилъ Ѳедоровичъ. Но въ смуту же (1610) возникъ и планъ болѣе народной конституціи, въ видѣ договора съ Владиславомъ (§ 139). Онъ принадлежалъ низшей знати, особенно служилымъ и дьякамъ, во главѣ которыхъ стояли Салтыковъ, Ляпуновы и „торговый дѣтина“, Ѳедька Андроновъ. Здѣсь ограждаются права разныхъ сословій, кромѣ крестьянъ, и царь ограничивается не только боярскою думой, но и земскимъ соборомъ. По низверженіи Василья, этотъ договоръ былъ принятъ и московскими боярами; но они выкинули статьи о возвышеніи меньшихъ людей и о правѣ ѣздить за границу.

Съ появленіемъ новой династіи Московское государство возвратилось къ тому строю, какимъ оно отличалось въ концѣ старой. И земскіе соборы, и боярская дума потеряли свое мимолетное значеніе. Волны смуты пронеслись безслѣдно надъ гранитомъ, который утвердила, въ 16-мъ вѣкѣ, великая народная потребность. А боярству онѣ нанесли послѣдній ударъ: между тѣмъ какъ самозванцы поднимали низшіе классы, вельможи

перекорялись изъ-за власти, а потомъ заперлись съ поляками въ Кремлѣ, такъ что „дошло до послѣднихъ людей“, которые спасли Русь и заправляли думой въ лицѣ мужика-кожевника, Ѳедьки Андронова. Теперь торжествующая власть добивала обломки величія вельможества: у бояръ отнимались помѣстья, а порой и вотчины, за все—за взятку, за мѣстничество при крестномъ ходѣ, за пріѣздъ ко двору лицъ, у которыхъ зараза въ домѣ, и т. под.

Боярство потерпѣло рѣшительное пораженіе въ борьбѣ съ самодержавіемъ. Къ концу періода, когда разсыпались прахомъ записи, оказалось, что нечего было и закрѣплять ими. Былая сила боярства, лежавшая въ обычаѣ, вывѣтрилась. Потускнѣли преданія удѣльной поры. Рушился самый составъ боярства: „прежніе большіе роды безъ остатку миновались“, говоритъ очевидецъ. Они частью „закоснѣли, захудали“, частью просто вымерли, какъ въ Польшѣ и на Западѣ. Давно уже не слышно про такихъ „столповъ“, какъ Патрикѣевы, Бѣльскіе, Ховрины, Воронцовы, Головины и др. Въ смутное время исчезаютъ Шуйскіе, Мстиславскіе, Воротынскіе; сошли со сцены Годуновы и Голицыны. При Михаилѣ уже заправляютъ безвѣстные Салтыковы. Маститая боярская дума становится формой безъ содержанія: она пережила русское вельможество. Родовитый бояринъ уже сохраняетъ за собой только воеводство, городовое или полковое; а въ думѣ, въ боярахъ и окольничихъ, сидятъ люди темныхъ родовъ (Чоглоковы, Хлоповы, Чаадаевы), да и тѣ исчезаютъ, какъ мыльные пузыри. Чтивую боярскую старину затираютъ растущіе, какъ грибы, „ближніе“, эти владыки дворцовыхъ должностей, люди „самые худые, дѣтишки боярскія, поповичи, мясники“ (Кузьма Мининъ), какъ подсмѣивались польскіе паны. Эти люди владѣютъ тысячами крестьянъ; а нѣкогда пышное княжье живетъ иногда уже подобно своимъ потомкамъ начала 19-го в., которые сами пахали, въ красныхъ фуражкахъ. Словомъ, чинъ, „государево жалованье“ становятся властью, а порода, „отечество“—древностями, увядшими мечтами придворнаго обряда.

Крушеніе боярства было неизбѣжно. Это — плодъ непреодолимыхъ условій, коренившихся и въ немъ самомъ, и въ средѣ. Боярство пало не отъ творчества враждебной силы. Самодержавіе также не отличалось сознательностью: оно столь же мало постигало народныя, а порой и свои собственныя выгоды; оно столь же лично ставило вопросъ и, случалось, рабо-

тало въ руку врагу. Но оно изображало собой новое, жизненное начало, въ сравненіи съ затхлымъ пережиткомъ русскаго средневѣковья. За него была глубокая потребность огромной страны въ единеніи для спасенія отъ могучихъ сосѣдей. Не видя другихъ путей, народъ неизмѣнно вѣровалъ въ избранное средство, которое сіяло въ его воображеніи вѣнцомъ божественности. Онъ вынесъ всевозможныя тяготы, и за одинъ мигъ теплаго слова объ „оборонѣ людей Божьихъ" простилъ весь адъ опричнины. Кромѣ чернаго люда, за новое начало стояли служилые и церковники — одни ради своихъ помѣстій, другіе — ради своихъ тархановъ. На Руси власть была богата землями, и это рѣшало вопросъ. Польскіе паны выставляли такое соображеніе противъ выбора царя въ короли: „мы погибнемъ; онъ переманитъ къ себѣ всю нашу шляхту помѣстьями". Захвативъ Новгородъ, Иванъ III роздалъ его земли въ помѣстья слугамъ бояръ. Государь прикрѣплялъ этимъ средствомъ и самихъ бояръ (§ 99); а когда собралась Русь, имъ и некуда было „отъѣзжать"; бѣжать же за рубежъ значило стать измѣнникомъ народу.

Потерявъ право отъѣзда, бояре попали въ самые крѣпкіе хозяйственные тиски. Вотчины у нихъ были небольшія, сравнительно съ знатью на Западѣ: онѣ дробились, за отсутствіемъ майората (права первородства), и таяли отъ размноженія бѣглыхъ, отъ царскихъ опалъ да отъ обычая завѣщать монастырямъ на поминъ души. Бояре были плохіе хозяева. У нихъ не было своихъ за̀мковъ, какъ у рыцарей (*С. И.* § 126); они не сидѣли, какъ англійскіе джентльмены (*Н. И.* § 100), по своимъ угламъ. Ихъ жилища, какъ у дружинниковъ, лѣпились подлѣ государевыхъ палатъ. Они толпились при дворѣ, какъ французскіе дворяне (*Н. И.* § 44): то были рѣдкіе гости даже въ „подмосковныхъ", а въ далекія вотчины они и не заглядывали. А боярину хотѣлось сладко пожить, да и почти царскій обиходъ такого важнаго чина требовалъ много тратъ въ столицѣ. И вельможа выпрашивалъ у власти помѣстій, а также указовъ для удержанія бѣглыхъ, для закрѣпощенія крестьянъ, хотя бы во вредъ самому государству: вопреки усиліямъ Грознаго на Стоглавомъ соборѣ, боярамъ удалось отстоять право принимать людей „въ закладъ", который освобождалъ ихъ отъ „государской подати и земской тягли". А это возстановляло противъ нихъ всѣ сословія.

Никому не было мило боярство и по своему нраву, этому плоду роковыхъ обстоятельствъ. То была алчная и спе-

сивая порода, дряблая смѣсь племенъ, отъ шведа до татарина (§ 99). Безъ корней въ странѣ, безъ историческихъ воспоминаній, она никого не любила и не понимала ни прошлаго, ни настоящаго. Она забыла судьбу новгородскаго боярина, который былъ силенъ только союзомъ съ земщиной (§ 51) и погибъ, когда она пошла навстрѣчу московскому самодержавію, чтобы избавиться отъ его притѣсненій (§ 113). Московскіе вельможи доводили народъ до бунтовъ своими насиліями. Они вели себя „вѣчными господами" съ служилыми, которыхъ приравнивали, на соборахъ, къ посадскимъ; а изъ посадскихъ даже „лучшіе люди" не удостоились ихъ вниманія, когда Иванъ IV и Годуновъ расправлялись съ ними не хуже, чѣмъ съ самимъ вельможествомъ. Подконецъ, когда жизнь государства кипѣла, дѣла росли, нагромождались приказы, бояре не хотѣли приложить своихъ бѣлыхъ рукъ къ этой черной работѣ, которая и ушла къ новикамъ: самые бѣдные и худородные предпочитали клянчить въ Разрядѣ, чтобъ ихъ „пустили покормиться" на воеводство, чѣмъ браться за должность губнаго старосты. Оторванные отъ народа, вельможи знали одно „лазанье на Верхъ"; но тамъ они, помня свое происхожденіе (§ 152), только раболѣпствовали, чтобы нахватать подачекъ и насытить свое тщеславіе. Они продремали въ думѣ свое времячко, не задумываясь о законодательномъ починѣ; они проявляли тамъ барскую спесь даже предъ своимъ худороднымъ братомъ. Мѣстничество, которое не доставляло выгодъ спорщикамъ и, вредя государству, возстановляло всѣхъ противъ нихъ, лучше всего доказываетъ ничтожество этой среды. Передъ нимъ блѣднѣли даже личныя выгоды, которыя всегда перетягивали часть вельможъ на сторону власти. Этотъ злополучный пережитокъ даже возрасталъ съ теченіемъ времени, словно зараза, такъ какъ число охотниковъ „заѣзжать" товарища прибывало, а достоинства предковъ забывались. При Михаилѣ „усчитывали другъ друга предками" уже и „неродословные, меньшіе" люди, до подъячаго и послѣдняго рынды. На половинѣ царицы также строго соблюдались „честь" и „мѣсто" между боярынями и боярышнями. Чѣмъ болѣе раболѣпствовали бояре на Верху, тѣмъ щекотливѣе становились они къ мечтательной чести. Повсюду, въ особенности же на Постельномъ Крыльцѣ, а иногда и на Красномъ, они „лаялись" неимовѣрно, „гоняли" другъ за другомъ, „съ лѣстницы кубаремъ летѣли". Царя закидывали челобитьями о такихъ кровныхъ обидахъ, какъ „недопись или прописка" въ

имени или чинѣ: *о* вмѣсто *а*, отчество безъ „вича", „князь" вмѣсто „князь Иванъ". Въ челобитьяхъ жаловались на такія выраженія: „холопъ, дьякъ, страдникъ, ребенокъ, бездушникъ, небылица; отецъ твой лапотникъ; не лай; у тебя въ лицѣ искра пьяная". Одинъ оскорбился тѣмъ, что соперникъ „посмотрѣлъ на него звѣрообразно". И только въ этихъ спорахъ исчезала дряблость породы. „Мѣстники" готовы были лишиться всей будущности, денегъ, здоровья: проигравшаго зачастую били батогами и метали въ тюрьму.

Боярство должно было пасть въ неравной борьбѣ. У него не было нигдѣ опоры: самыя его политическія мечтанія не коренились въ родной почвѣ, а были связаны съ ея „розрухой". Ограничительная запись Шуйскаго, которая обезпечивала только выгоды боярства, не встрѣтила сочувствія ни въ одномъ слоѣ общества: „здѣсь не Польша, есть и больше", самодовольно говорили русскіе. Какъ земскіе соборы походили скорѣе на государственные чины Франціи, чѣмъ на англійскій парламентъ, такъ и нашъ бояринъ напоминаетъ французскаго жантильома, а не англійскаго джентльмена (*Н. И.* §§ 87, 100). Но среди такого великаго страстотерпца, какъ русскій народъ, въ такой тяжелой судьбѣ, какъ его исторія, и боярство было притянуто къ общему тяглу. И оно пролило не мало крови, перенесло не мало горя, предводительствуя полками. И среди него встрѣчались Скопины, Пожарскіе и Шеины. А подконецъ оно тянулось къ образованію, обѣщая въ будущемъ послужить родной странѣ съ большею пользой.

§ 164. **Служилые. Дворяне.**—Если родовитая знать, бояре, были не политическою силой, а слугами самодержавія, то еще менѣе значенія могъ имѣть низшій слой знати, названный *служилыми людьми* попреимуществу. Служилые соотвѣтствовали западному рыцарству (*С. И.* § 84) и польской шляхтѣ (§ 111) только по своимъ правамъ надъ простонародьемъ. Въ государственномъ же смыслѣ, это — окончательное ничтожество. Служилые съ самаго начала были истинными „слугами" престола, который и создалъ ихъ для защиты Руси отъ враговъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самое ихъ происхожденіе.

Какъ московскій бояринъ произошелъ отъ матерого сподвижника князя, дружинника-отца, такъ служилый—отдаленный потомокъ „дѣтей боярскихъ" или гриди-мечниковъ (поскандинавски gred—мечъ), щитоносцевъ, первобытныхъ пажей (*С. И.* § 119). Сначала это были родныя дѣти бояръ, двухъ степе-

ней — „дѣтскіе“ и „отроки“ (§ 27), потомъ вообще менѣе именитые бояре, такъ какъ безъ единонаслѣдія (майората) дѣти были бѣднѣе отцовъ. Съ зарожденіемъ самодержавія на сѣверо-востокѣ, этотъ низшій слой дружины получаетъ названіе, въ которомъ отразилось перерожденіе стараго порядка. Прежде въ княжихъ договорахъ поминалось: „а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ—воля“. Теперь же низшій слой слугъ становится *дворянами* князя, составляетъ его дворъ, вмѣстѣ съ его холопами (§ 60): это—„дворные“ люди, дворня, домочадцы. Къ концу третьяго періода, когда уже вся старая дружина превращается, благодаря помѣстьямъ, въ служилыхъ московскаго государя, бояре и дѣти боярскіе начинаютъ отличаться отъ дворянъ только нѣкоторыми преимуществами, хотя на дѣлѣ всѣ они уже перестаютъ быть „вольными“ слугами (§ 99). Въ четвертомъ періодѣ еще бояре гнушались ролью государева холопа: хотя „дворянинъ“ сталъ чиномъ, они кричали о „потеркѣ“ своей чести, если ихъ называли этимъ именемъ. Но дѣти боярскія уже сливались съ дворянами, какъ *служилые* и помѣщики по-преимуществу. Передъ смутой изглаживается самое ихъ имя; и если оно употребляется иногда наряду съ „дворяниномъ“, то становится ниже его.

Въ концѣ періода, когда выработалось московское чиноначаліе, уже всѣ служилые—дворяне, раздѣленные на „московскихъ“ и „городовыхъ“. Первые — столичники и царедворцы, вторые — провинціалы и рядовые: цари жаловали городовыхъ дворянъ чиномъ московскаго дворянина. Московскіе дворяне (числомъ до тысячи), первоначально набирались изъ лучшихъ уѣздныхъ дворянъ, которыхъ переводили въ подмосковныя помѣстья. То было государево дворовое войско, конные тѣлохранители, которые держали караулы во дворцѣ и всюду слѣдовали за царемъ. Они занимали низшія придворныя должности (§ 152), стояли въ челѣ ратей и разсылались по областямъ „для всякихъ дѣлъ“ государевыхъ.

Если этотъ цвѣтъ служилыхъ былъ такимъ же безправнымъ слугою престола, какъ всѣ русскіе, то ему, по крайней мѣрѣ, жилось хорошо, наряду съ боярами. Но положеніе массы городовыхъ дворянъ было печально. Эта глубокая армейщина нищенствовала по областнымъ захолустьямъ. Она жила только помѣстьями, но обязывалась за нихъ вѣчною солдатчиной. Намѣстники и воеводы вели „разборныя книги“ служилымъ и посылали ихъ въ Москву. На основаніи этихъ описей, Разрядъ

снаряжалъ, передъ войной, въ уѣзды „разборщиковъ“ и „окладчиковъ“, которые смотрѣли и „верстали“ въ службу „новиковъ“ или „поспѣвшихъ недорослей“ (18-ти лѣтъ). За это служилый получалъ право на „испомѣщеніе“ — на помѣстный окладъ въ 100—200 четвертей земли. Но помѣстье принадлежало ему, только пока онъ служилъ и былъ исправенъ. А строгость была примѣрная. „За толчкомъ не гнались“: тогда и бояре мало обращали вниманія на тѣлесныя наказанія, которыя были обычнымъ явленіемъ сверху до низу. Но бѣда въ томъ, что умаляли помѣстья и совсѣмъ отбирали ихъ въ казну при малѣйшемъ поводѣ, не говоря уже о такихъ преступленіяхъ, какъ „нѣтье“ (§ 160), ложная сказка о количествѣ земли и крестьянъ, или отступленіе отъ православія. Ничтожная небрежность въ походѣ, опозданіе къ явкѣ за болѣзнью или старостью—все было поводомъ къ тому, чтобы пустить служилаго по-міру. Тогда помѣстье отдавалось сыновьямъ, но уже способнымъ нести полковую службу. Если ратникъ погибалъ на войнѣ, дѣтямъ его давалось денежное жалованье до возрасту, вдовѣ—до новаго замужества. Ратная служба была не постоянная, а ополченіями, по нуждѣ: въ мирное время дворянинъ проживалъ въ своей деревнѣ, занимаясь хлѣбопашествомъ, торгомъ, охотой, тяжбами да кутней. Но сабля рѣдко ржавѣла у него на стѣнѣ при почти безпрерывныхъ войнахъ; а постоянное ожиданіе призыва не дозволяло ему сдѣлаться хорошимъ хозяиномъ. Сверхъ того, царь всегда могъ употребить его на какія-нибудь „посылки“, чаще всего—на тяжкое городовое дѣло (§ 159). Самымъ жалкимъ слоемъ дворянъ была бѣднота, служившая въ украйныхъ и полевыхъ городахъ,—сначала стрѣльцы, копейщики, пушкари, станичники, воротники, позже—солдаты, рейтары и т. п. Это—однодворцы, которые сидѣли особняками и жили „легкимъ дѣломъ, съ большимъ опасеніемъ“: одной рукой они наставляли соху, въ другой держали оружіе. Наконецъ, служилые принимали нѣкоторое участіе въ тяглѣ, владѣя крестьянами. Немудрено, что многіе дворяне омужичивались, носили лапти; а иногда даже нанимались въ батраки къ зажиточному тяглецу. На земскихъ соборахъ служилыхъ причисляли къ посадскимъ.

Самодержавію нечего было опасаться такого забитаго класса. Всѣмъ обязанные престолу, тѣснимые мѣстною властью и церковью, невѣжественные и нищіе дворяне городовые прозябали разбросанно по своимъ медвѣжьимъ угламъ. Постоянно отры-

ваемые въ полки, они не имѣли никакихъ связей съ „своимъ мѣстомъ“, съ волостною общиной, не составляли сплоченныхъ землевладѣльческихъ обществъ, да еще враждовали съ народомъ, какъ помѣщики. Они тянули къ Москвѣ, какъ холопы царя, всегда готовые броситься исполнять его наказъ. Сверхъ того, самодержавіе справедливо видѣло въ служилыхъ свою главную опору въ борьбѣ съ боярствомъ. Оттого, если государи усердно набирали земель отовсюду (§ 151), то главнымъ образомъ для испомѣщенія дворянъ: передъ смутой имъ было роздано уже до 50 милліоновъ четвертей земли. Тогда же цари начали, хотя и съ большимъ трудомъ, уступать ихъ стремленію превращать свои помѣстья въ вотчины. Поэтому Разрядъ, гдѣ вершились поземельныя дѣла, сталъ важнѣйшимъ приказомъ; и въ думѣ „сидѣли“ уже преимущественно о вопросахъ службы и дворянскаго землевладѣнія. Сверхъ того, съ введеніемъ подворной подати (§ 159), дворяне стали бѣломѣстцами и постепенно начали получать жалованье изъ казны - до 20 рублей въ годъ.

Но положеніе служилыхъ все-таки было тяжело, особенно въ первую половину періода. Земля имѣла цѣнность, только когда при ней были безотрывочно руки. А ихъ-то не хватало попрежнему (§ 61, 100). Даже стало хуже: съ Грознаго цѣлыя массы народа дѣлаются „безъ вѣсти бѣгунами изъ отечества“ (§ 150). Остальные носятся съ мѣста на мѣсто пчелиными роями, но рѣдко садятся на землѣ служилаго: ихъ переманивали льготами въ свои вотчины бояре и особенно церковники. Помѣстья, лишенныя крестьянъ и владѣльцевъ, уходившихъ на войну, пустѣли. И вотъ, дворяне закидываютъ правительство челобитными насчетъ своихъ „великихъ нуждъ и тощеты“. Отсюда вопросъ о монастырскихъ имуществахъ (§ 115): попробовали уничтожить тарханы (§ 102), но неудачно. Тогда прибѣгнули къ закрѣпощенію крестьянъ (§ 131), примѣръ которому подавала Литва, гдѣ уже началось пожалованіе людьми и явился законъ, наказывавшій помѣщика за уменьшеніе барщинъ и оброковъ. Такъ создалось „господское“, владѣльческое сословіе по отношенію къ народу, но безправное передъ властью, которая, даровавъ ему эту льготу, стала еще строже относиться къ его служебнымъ обязанностямъ.

§ 165. **Крестьяне. Община.**—Крѣпостничество перевернуло судьбу крестьянъ почти на три вѣка. Передъ нимъ она была сносна. Въ началѣ періода, земля Московскаго государства

была занята сравнительно-вольнымъ народомъ, который сидѣлъ на ней старымъ порядкомъ. Основою быта служила *сельская община*, это преобразованіе родовыхъ узъ въ хозяйственныя связи (§ 11). Русскіе вездѣ селились кучками, деревнями, тогда какъ рядомъ финнъ ютился въ-одиночку, въ глухихъ мѣстахъ. Они дорожили исконнымъ строемъ общежитія, который замѣнялъ имъ важное при начальной безпомощности родство, укрѣплялъ ихъ взаимопомощью, спасалъ ихъ отъ нищенства, безземелья, отвѣчалъ чувству „правды" и братства, мало стѣсняя свободу: вступленіе и выходъ изъ общины были легки; займки (§ 61) оставались невозбранными; передѣлы заводились лишь къ концу періода; мужикъ былъ почти собственникомъ своего участка. Строгость родовыхъ нравовъ, отсутствіе личности, съ ея своеобразными понятіями и стремленіями, съ ея новыми способами и орудіями житейскаго дѣла, изобиліе свѣжины, куда уходилъ лишній приплодъ людской, — вся эта однообразная, застоявшаяся первобытность поддерживала общину. Сама власть Москвы, это ядро новаго бытового уклада, еще хранившее въ себѣ самомъ родовые пережитки, благоволила ей, въ виду обезпеченія тягла круговою порукой: она оберегала ее отъ ретивости намѣстниковъ и воеводъ и отъ внутреннихъ раздоровъ; она даже дѣлала рядъ попытокъ расширить ея государственное значеніе. И сельская община удержалась до конца періода, несмотря на такой коренной переворотъ въ быту крестьянъ, какъ ихъ закрѣпощеніе и почти полное обезземеленіе. Но она сохранилась не вездѣ и не во всемъ одинаково. Въ большей чистотѣ она уцѣлѣла по окраинамъ — на сѣверѣ да у южной казацкой вольницы, гдѣ хранились еще неоглядныя залежи пустырей, при рѣдкости населенія, и гдѣ новый порядокъ еще слабо втѣснялся въ первобытность; въ Сибири и сейчасъ много слѣдовъ этого какъ бы оледенѣвшаго быта нашей древности. Устойчивѣе всего общинный обычай былъ въ пользованіи угодьями — сѣнокосами и особенно выгонами и лѣсами, а также рыболовствомъ, бортными ухажаями, охотой, рудами, глинами, даже волоками (перевозами), дорогами, мостами, мельницами, площадями. Этою своею стороной онъ держался даже среди украйныхъ однодворцевъ. Общинный духъ проникалъ во всѣ отрасли хозяйственнаго быта. Въ промыслахъ, ремеслахъ, даже въ торговлѣ онъ проявлялся въ видѣ артелей или товариществъ „сябровъ", строй которыхъ напоминалъ сельскую общину. Сохранялись древнѣйшія ватаги (§ 107) звѣро-

лововъ и рыболововъ. Всюду возникали товарищества для покупки или арендованія земель, угодьевъ, мельницъ, для косьбы сѣна, для соляного промысла; заводились артели плотниковъ, каменщиковъ, колесниковъ, волочанъ, чернорабочихъ, а также „дружины“ иконописцевъ.

Но чѣмъ дальше отъ начала періода, тѣмъ больше видоизмѣнялась и слабѣла вся первобытность, а съ нею и сельская община. Это особенно замѣчалось внутри государства, въ этомъ родникѣ новой жизни, гдѣ нарождались иныя потребности и иные способы ихъ удовлетворенія. Населеніе росло, размножая лишнихъ людей, и земельные участки сжимались, дробились. Тягла тяжелѣли, и, при ихъ разверсткѣ, плодились внутренніе раздоры на сходахъ, съ ихъ начальнымъ „одиночествомъ“ (§ 155), невозможнымъ въ крупныхъ обществахъ: нерѣдко общины сами взывали къ вмѣшательству воеводъ для упорядоченія ихъ дѣлъ. Развитіе промысловъ и торговли выдвигало денежный людъ, который разъѣдалъ однообразіе первобытности и поддерживалъ стремленіе личности высвободиться изъ путъ родовыхъ пережитковъ. Частная собственность росла рядомъ съ общинной. Но важнѣе всего было воздѣйствіе такой ломовой силы, какъ государственный строй Москвы, который поднялся совсѣмъ на иныхъ устояхъ. Онъ каждымъ своимъ движеніемъ подавлялъ и разлагалъ общину. Ее подрывали уже раздачи земель и правительственныя дѣленія государства, которыя совершались безъ вниманія къ ея предѣламъ, въ выгодахъ только служилыхъ и казны. А развитіе самодержавія, съ его вотчинами, помѣстьями и кормленіями, съ тою смутой (§ 112), которая сопутствовала ему и увѣнчалась розрухой, подсѣкало общину въ корнѣ. Самый крѣпкій строй крестьянской старины не могъ устоять, когда пашенный людъ, чтобъ избыть тягла, разбредался розно, переходилъ въ батраки и бобыли; когда онъ норовилъ взять поменьше участокъ и дробилъ его; когда, при громадности земли, процвѣтало безземелье да малоземелье. Самыя попытки правительства поднять значеніе общины только роняли ее, выходя изъ потребностей новаго уклада жизни. Московская власть въ теченіе цѣлаго вѣка хваталась за общину, какъ за орудіе своихъ казенныхъ цѣлей, надѣясь найти въ ней лучшаго слугу, болѣе расторопнаго и дешеваго приказчика: выборные земщины (§ 123) должны были „быть къ нашему дѣлу пригожи“. Какъ въ черныхъ, такъ и во владѣльческихъ земляхъ, государи вручали общинѣ судъ и расправу, полицію и раскладку податей, даже надзоръ за намѣстниками и

право смерти надъ своими выборными,—словомъ, возлагали на нее обязанности своихъ кормленщиковъ, лишь для болѣе успѣшнаго взиманія тягла да для прикрѣпленія крестьянъ. Эти опыты прекращаются къ концу періода, когда управленіе снова было отдано воеводамъ и помѣщикамъ. Община сохранила власть только въ поземельныхъ дѣлахъ. Тогда же стали падать товарищества: на смѣну имъ выступали отчасти толстосумы, отчасти пошлины и единоторговля правительства (§ 148).

При всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ, сельская община лежала въ основаніи русской жизни четвертаго періода, образуя и единицу правительственнаго дѣленія (§ 157). Ядро ея составляли „пашенные“ мужики или крестьяне собственно, т.-е. христіане (§ 100). Это слово, съ конца 14-го в., постепенно вытѣсняетъ „смерда“ (§ 61), только не можетъ подавить имени „сироты“, которое въ началѣ Руси примѣнялось къ изгоямъ (§ 28), такъ какъ „хрестьяне“ мучились пуще прежняго, „тянули во всѣ потуги“. Въ отличіе отъ бѣломѣстцевъ, крестьяне назывались тяглецами и черносошными. Это—„сидѣльцы земли“, живущіе своимъ хозяйствомъ. Но теперь у нихъ ужъ почти нѣтъ собственнаго угла. Своеземцы (§ 100), владѣвшіе волостными или общинными землями на правѣ полной собственности, сохраняются только на сѣверѣ, въ областяхъ Новгорода, и то за рѣдкость: ихъ уже называютъ „опричными“, особь-статьей. Крестьяне почти сплошь сидѣли на владѣльческихъ или на дворцовыхъ земляхъ. Тѣмъ не менѣе, до половины 16-го вѣка положеніе ихъ было сносно. Они сохраняли право мѣнять арендуемыя земли, переходить отъ владѣльца къ владѣльцу. Крестьяне охотно пользовались этимъ правомъ, которое сдерживало алчность владѣльцевъ, такъ какъ ряды съ ними заключались не больше, чѣмъ на годъ: число „старожильцовъ“ (§ 96) все сокращалось. Рядились уже не по правиламъ половничества (§ 61), которое сохранялось только на сѣверной Украйнѣ, а по оброку и подконецъ по издѣлью, которое опредѣлялось не числомъ рабочихъ дней, а количествомъ обработанной земли. Впрочемъ нерѣдко всѣ способы соединялись; а оброкъ взносился то хлѣбомъ, то деньгами. Во всякомъ случаѣ, мужикъ платилъ не болѣе $^1/_5$ своего дохода. Сверхъ того, онъ пользовался правомъ имѣть лавки въ посадѣ и производить въ нихъ торгъ. У крестьянъ заводились деньжонки: они стали дѣлиться, по достатку, какъ посадскіе, на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ.

Съ половины 16-го вѣка видъ сельской общины мѣняется.

Быстрый ростъ государства, съ непомѣрнымъ возвышеніемъ тягла и ратной повинности, да внутреннія нестроенія гибельно отзываются на ея благосостояніи. Мужикомъ овладѣваетъ страсть избыть непосильнаго тягла. Кто могъ, бѣжалъ. Но оставшимся тѣмъ труднѣе было нести бремя окладныхъ податей (§ 158). Отсюда, наряду съ убылью тяглецовъ, необычайное размноженіе „затяглыхъ“ или безземельныхъ, которыхъ было мало въ началѣ періода. Явственнѣе всего развитіе бобыльства (§ 149), особенно внутри Россіи, близъ Москвы. Бобыли, избушки которыхъ лѣпились обыкновенно на церковныхъ земляхъ, были иногда пастухами, бортниками, сельскими ремесленниками и даже торговцами, но больше чернорабочими у пашенныхъ; ихъ наряжали для такихъ неземледѣльческихъ повинностей, какъ подводная; а иные кормились мірскимъ подаяніемъ. Бобыль часто кончалъ тѣмъ, что поступалъ въ холопы или бѣжалъ, куда глаза глядятъ. Были еще, особенно на сѣверѣ, „подворники“, захребетники“ и „подсусѣдники“. Они жили на чужихъ дворахъ или работали на чужой землѣ. Внутри страны развивался типъ бездомнаго перехожаго рабочаго на всѣ руки: это—„приходцы“, которыхъ иногда называли казаками.

Все чаще мужикъ лишалъ самъ себя не только собственнаго угла, бросая свой участокъ земли, но и правъ свободнаго человѣка. Бѣднякъ, избывая тягла, поступалъ къ зажиточному въ „послуживцы“ или въ „вольные слуги“; а до смуты всякій, не исключая холопа, имѣлъ право держать такихъ слугъ. Это—пережитокъ наймитства или закупничества, съ его послѣдствіями (§§ 27, 61). Послуживецъ исполнялъ всякія порученія нанимателя и обыкновенно бралъ плату впередъ, что̀ вело къ холопству: „нанялся — продался“. Но больше всего, послѣ бѣгства, развивалось закладничество (§ 100), бывшее какъ бы переходомъ отъ закупа къ холопу. Закладывали или себя лично, или свое имущество. При неуплатѣ долга въ срокъ, что̀ было почти неизбѣжно, закладень обращался въ холопа. Закладничество принимало такіе размѣры, что правительство начинало осторожно ограничивать его, чтобы не лишиться всѣхъ своихъ тяглецовъ.

§ 166. **Холопство и крѣпостничество.** — Закупничество и закладничество—болѣе легкіе виды *холопства*, съ котораго началась утрата крестьянской свободы. Холопство видимо развивалось. До сихъ поръ существовалъ только одинъ его видъ: можно было быть только „обѣлью“, т. е. полнымъ холопомъ

(хлопецъ—парень, слуга) или рабой (отъ работать), челядью (чадью—отъ чадь, домочадцы). Источники обели были прежніе—плѣнъ и самопродажа, а также женитьба на рабѣ да исполненіе рабскихъ должностей. Тіунъ или ключникъ „безъ ряду" (не оговорившій своей свободы), смотрѣвшій за холопами и ходившій по хозяйству „за ключемъ" господина, самъ становился холопомъ; также и другіе „приказчики" хозяина. Эта знать холопства у великаго князя управляла не только его частными, но и государственными дѣлами; то же значеніе имѣли тіуны и дьяки у намѣстниковъ и волостелей. Оттого въ Судебникѣ Ивана IV „холопья честь" (плата за безчестье) для „большихъ" рабовъ выше, чѣмъ честь свободнаго крестьянина. У холопской знати была своя „собина" (собственность), даже вотчины; иногда господа занимали у нея деньги. Но это было только „попущеніе". И тіунъ, и приказный—тотъ же обель: господинъ могъ отнять у нихъ собину и убить ихъ самихъ. Оттого государи возвели своихъ рабовъ-наперсниковъ въ придворный чинъ дворянъ; а „задворныхъ" холоповъ или рабовъ своихъ деревень (§ 152) и слободъ переводили въ черносошные и посадскіе. Развитіе холопства уже въ концѣ третьяго періода сказывается въ разнообразіи названій обели (§ 100), въ особенности съ появленіемъ „грамотъ" (прежде дѣло происходило словесно, при свидѣтеляхъ) различнаго вида, которыя стали вноситься, передъ смутой, въ „записныя книги".

Въ началѣ четвертаго періода установляется, подлѣ обели, новый видъ рабства—*кабальное* холопство. Мужику становилось не подъ силу вести хозяйство безъ чужой помощи: онъ занималъ деньги, съ условіемъ платить ростъ издѣльемъ, личною работой, или давалъ на себя „служилую кабалу". Кабала (потатарски—долговая росписка) или „крѣпость" крѣпила „заемщика" заимодавцу, который получалъ даже право суда надъ нимъ. Сначала кабала прекращалась сама собою со смертью господина; потомъ кабальный, а по его смерти и его семья, служили и наслѣдникамъ заимодавца. Такъ какъ денегъ негдѣ было достать для уплаты долга, то кабальные обращались на дѣлѣ въ обель: ихъ продавали то семьями, то врозницу. Избывали кабалы только бѣгствомъ. Кабальство развивалось быстро, тѣмъ болѣе, что всякій, не исключая помѣщичьяго крестьянина, имѣлъ право брать служилую крѣпость на вольныхъ людей: правительство старалось даже ограничивать его, чтобы не лишаться тяглецовъ. Въ подобное же положеніе попадали не только закладни,

но и „вольные слуги“: послѣднихъ господинъ превращалъ въ обель даже безъ займа, ссылаясь на то, что свободный всегда становился холопомъ, походивъ ключникомъ или тіуномъ. Столь же легко возникла мысль ссылаться на кабальство для прикрѣпленія крестьянъ: „серебро“—тотъ же заемъ, „издѣлье“—та же уплата роста личною службой (§ 100). Такъ, самый „рядъ“ становился дѣломъ, которое, помимо воли мужика, крѣпило его навѣки помѣщику, какъ господину, тогда какъ помѣщикъ могъ всегда развязаться съ нимъ — продать, заложить, промѣнять его съ землей или безъ земли.

Этимъ путемъ крѣпостничество постепенно, незамѣтно проникало въ жизнь задолго до вмѣшательства государства, какъ обычай. Уже въ концѣ прошлаго періода свободный „выходъ“ или „отказъ“ былъ ограниченъ Юрьевымъ днемъ (§ 100). Оба Судебника подтверждали это правило. Мужики сначала не обращали на него вниманія, а владѣльцамъ хотѣлось уничтожить самый Юрьевъ день. Крестьяне проиграли: къ концу 16-го в. вообще ихъ выходъ замираетъ самъ собой. Помѣщики самымъ дѣломъ крѣпили своихъ сребрениковъ—не давали имъ отказа: то „чинили зацѣпки“, насчитывая лишнее подъ видомъ какого-то „пожилого“, то просто задерживали ихъ насильно. Въ борьбѣ съ ними крестьяне прибѣгали къ разнымъ мѣрамъ: право выхода вырождалось въ своеобразныя явленія, которыя, впрочемъ, также исчезали съ теченіемъ времени. Чаще и проще всего былъ побѣгъ мужика: иногда составлялись даже разбойничьи шайки изъ бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ. Затѣмъ распространялся такъ-называемый „свозъ“. Не имѣя чѣмъ выплатить серебро, мужикъ рядился съ другимъ помѣщикомъ или „откащикомъ“, который выкупалъ его и свозилъ на свою землю. Сначала владѣльцы отпускали своихъ сребрениковъ безпрекословно; но съ Грознаго они стали избивать ихъ, вязать, ковать въ желѣзо и грабить ихъ добро: около Юрьева дня всюду пошли драки, ссоры, кляузы по судамъ. Въ то же время прекращался „сходъ“ сребреника съ своего участка. Подконецъ исчезала и „сдача“ участковъ другимъ „жильцамъ“, которые принимали на себя всѣ обязательства, между тѣмъ какъ сребреникъ уходилъ въ бобыли. Такъ, передъ смутой крестьянство обращалось въ холопство силою вещей, безъ законовъ. Правительство стало понемногу освящать этотъ порядокъ, чтобы выручить служилыхъ и соблюсти выгоды казны. Такимъ образомъ, постепенно сложилось законное крѣпостничество, — дѣло,

въ которомъ львиная доля грѣха принята на себя Годуновымъ (§ 131).

Главною подготовкой въ узаконеніи крѣпостничества были писцовыя книги (§ 150), которыя особенно усердно велись Годуновымъ да Филаретомъ (§ 148). За кѣмъ записали крестьянина въ этихъ книгахъ, тому онъ и былъ крѣпокъ; и по нимъ можно было издавать указы противъ *бѣглыхъ*. Это слово, какъ законное обозначеніе новаго разряда лицъ на Руси, является съ воцаренія Θеодора I. Вѣроятно, тогда же было отмѣнено право выхода и сложилась грустно-насмѣшливая поговорка: „вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день"! Но первымъ изъ дошедшихъ до насъ установленій крѣпостничества былъ указъ 1597 г. Онъ объявлялъ бѣглыми всѣхъ крестьянъ, которые ушли безъ отказу не ранѣе, какъ за пять лѣтъ до того. Онъ же узаконялъ существовавшее на дѣлѣ кабальное холопство. Если въ указѣ иски по кабаламъ ограничивались 10-лѣтнею давностью, и холопъ получалъ свободу со смертью господина, зато прибавлено, что вольный слуга, прослужившій не меньше полугода, становится кабальнымъ, ибо „господинъ кормилъ, одѣвалъ и обувалъ" его.

Законное закрѣпощеніе произвело такое потрясеніе въ народѣ, посыпалось столько жалобъ отъ несчастныхъ, что самъ Годуновъ, ставши царемъ, пытался ослабить это дѣло рукъ своихъ (§ 133); но косвенно онъ поддерживалъ его, запретивши свозы крестьянъ. Шуйскій успѣлъ, въ свое короткое царствованіе, положить государственныя основы крѣпостничеству, превративъ побѣгъ крестьянина изъ гражданскаго проступка въ уголовщину. Указъ 1607 г., подтверждая давность указа Θеодора I, предписывалъ областнымъ властямъ сыскивать бѣглыхъ, а за ихъ укрывательство налагалъ, кромѣ вознагражденія владѣльцу, 10 р. пени; за подговоръ же къ побѣгу назначалась, сверхъ пени, торговая казнь, т.-е. наказаніе кнутомъ на рынкѣ, всенародно. Свѣтлымъ лучемъ въ этой мрачной исторіи было мимолетное правленіе Лжедимитрія I (§ 136). Но послѣ него закрѣпощеніе развивается съ неудержимою силой. Въ условіяхъ избранія Владислава снова и рѣшительно была установлена суровая участь крестьянина и холопа (§ 139). При Михаилѣ и противъ своза приняты такія же строгія мѣры, какъ противъ побѣга; кабальный же лишался не только возможности жаловаться на своего помѣщика, но и права „собину копить". Закрѣпощеніе всячески облегчалось. Составленіе крѣпостей и вне-

сеніе ихъ въ книги допускалось не только въ Холопьемъ приказѣ въ Москвѣ, но и у намѣстниковъ по всѣмъ городамъ; а отпускныя грамоты можно было выдавать только въ столицѣ, Новгородѣ да Псковѣ.

Такъ, къ концу періода установилось крѣпостничество. Оно уже встрѣчается почти повсюду въ Московскомъ царствѣ: только на глухой сѣверной Украйнѣ, въ Поморьѣ, сидятъ исконные половники, какъ живой слѣдъ вольнаго крестьянства съ правомъ перехода. Крѣпостничество уже дѣйствуетъ въ жизни не только какъ обычай и быль, но и какъ освященное закономъ право. Изъ „порядныхъ“ (договоры крестьянъ съ помѣщиками) на насъ вѣетъ строгою новою жизнью, залегшею на тяжелыхъ пережиткахъ. Здѣсь ясны ея основные камни, скрѣпленные желѣзными выраженіями холопьихъ записей. Крестьянину „всякую страду страдать и оброкъ платить, чѣмъ онъ (помѣщикъ) изоброчитъ“. А владѣльцу — власть надъ личностью и „животами“ крестьянина. Онъ уже не знаетъ никакихъ „урочныхъ лѣтъ“ (правъ давности): крестьянинъ весь, съ своимъ скарбомъ, съ своею семьей и потомствомъ, становится вѣчною собственностью его и его потомства. Помѣщикъ продаетъ, закладываетъ, мѣняетъ своихъ мужиковъ, какъ холоповъ, съ землей и безъ оной. Онъ судитъ и наказуетъ ихъ, примѣняя и расширяя древнія вотчинныя права бояръ; даже ставитъ ихъ за себя на правежъ и руководитъ ихъ браками. Онъ дѣлитъ ихъ, по произволу, на оброчныхъ и барщинныхъ, на пашенныхъ и дворовыхъ; и дворня все размножается, съ развитіемъ роскоши и барской спеси. Подконецъ укореняется и новое примѣненіе двухъ старыхъ словъ: крестьянинъ сталъ именовать своего владѣльца „государемъ“, какъ говорили холопы о своемъ господинѣ; около 1630 года въ крестьянскихъ порядныхъ является названіе „крѣпостной“, которое прежде означало только холоповъ разнаго рода.

Къ концу періода стонъ стоялъ надъ русскою землей. Побѣги учащались отъ угнетенія крѣпостныхъ господами. Правительство, закидываемое жалобами помѣщиковъ, неустанно наказываетъ „сыскивать бѣглыхъ всякими сысками накрѣпко“. Между владѣльцами кипитъ борьба изъ-за пашеннаго мужика. Всѣ гоняются за нимъ, какъ за звѣремъ на охотѣ, сманиваютъ его, вырываютъ другъ у друга.

§ 167. **Горожане.** — Высшій слой тяглыхъ, посадскіе, выгодно отличались отъ крестьянъ только тѣмъ, что сохранили

личную свободу. Въ остальномъ ихъ положеніе было столь же незавидно. Они и назывались, какъ крестьяне, „черными людьми“, тяглецами, и были лишены политическихъ правъ, не составляли, какъ на Западѣ, средняго сословія, сильнаго своимъ единствомъ, сознаніемъ собственныхъ выгодъ. Государи не заботились объ ихъ развитіи, какъ на Западѣ (§ 72), за отсутствіемъ у насъ сильной знати, противъ которой власть выдвигаетъ среднее сословіе. Независимость горожанъ сохранялась только на юго-западѣ: въ польской Руси—въ Гроднѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ, Кіевѣ, Полоцкѣ — распространялось магдебургское право (§ 100), и литовскіе князья защищали горожанъ отъ притѣсненій своихъ намѣстниковъ жалованными грамотами. Въ московской же Руси, съ паденіемъ Новгорода и Пскова (§§ 113, 119), исчезли послѣдніе слѣды первобытной вольности посадскихъ: слово „вѣче“ стало означать сначала просто совѣщаніе, хотя бы двухъ лицъ, а затѣмъ—крамолу, бунтъ. Съ тѣхъ поръ, хотя число *городовъ* прибавлялось (передъ смутой ихъ насчитывалось болѣе 200), значеніе горожанъ не возвысилось. Новые города строились правительствомъ, и все по окраинамъ, въ военныхъ видахъ, особенно на югѣ и западѣ: Курскъ, Воронежъ, Тамбовъ, Царицынъ, Яицкъ, Саратовъ, Кромы, Бѣлгородъ, возобновленный Орелъ, Архангельскъ и др. Это были ничтожныя поселенія, для государственной расправы, безъ всякаго торговаго движенія. Здѣсь торгово-промышленные обороты были немного больше, чѣмъ въ сѣверныхъ „рядкахъ“ или торговыхъ поселкахъ, въ которыхъ сохранялись слѣды древней общины.

Съ Ивана III посадскіе теряютъ послѣднее значеніе: съ образованіемъ рати изъ служилыхъ миновала нужда въ городовыхъ полкахъ. Посадскіе начали-было подниматься только передъ смутой. При Грозномъ въ городскихъ „мірахъ“, точно также, какъ въ сельскихъ (§ 157), было введено выборное начало; посадскіе появились на земскомъ соборѣ, и царь жаловался имъ на бояръ (§ 122). При Ѳеодорѣ I торговые люди принимали горячее участіе въ борьбѣ Шуйскихъ съ Годуновымъ. Но это все московскіе торговые люди, и Годуновъ живо расправился съ ними (§ 129). А городскіе міры относились къ своей новой свободѣ такъ же, какъ села, которыхъ они напоминали мѣстами даже по своимъ общиннымъ порядкамъ. Они частью вовсе отказывались отъ нея, частью выбирали такихъ старостъ, что сами просили потомъ замѣнить ихъ царскими

намѣстниками. А ихъ „излюбленные“ пріобрѣтали лишь власть правительственныхъ слугъ: горожане не получали отъ этого ни облегченій, ни политическихъ правъ. Смута выдвинула-было горожанъ, наравнѣ со всею земщиной; и въ манифестѣ Лжедимитрія I обѣщаны посадскимъ льготы въ даняхъ и пошлинахъ. Но земщина ограничилась изгнаніемъ враговъ и возстановленіемъ стараго порядка, въ которомъ не было мѣста среднему сословію. Оттого хотя горожанъ призывали, при Михаилѣ, на земскіе соборы, но только для того, чтобы убѣдить ихъ въ неизбѣжности великихъ жертвъ послѣ „розрухи“.

А розруха гибельно отразилась на городахъ. Многіе изъ нихъ представляли развалины, и особенно тамъ, гдѣ они процвѣтали — на западѣ, благодаря войнамъ съ Польшей: изъ Литвы посадскіе шли толпами въ Псковъ, а тамъ служилые забирали ихъ въ кабалу и посылали, въ цѣпяхъ, просить милостыню. Торговля и промыслы пріостановились, тѣмъ болѣе, что разнузданность народа проявлялась долго послѣ смуты въ видѣ разбоевъ (§ 144). Ихъ подрывали непосильные поборы и монополіи правительства, спѣшившаго наполнить опустѣлую казну, а также произволъ и алчность воеводъ и приказныхъ, желавшихъ поскорѣе снова нажиться. Московская волокита наводила такой страхъ, что псковскіе богачи платили по 10 р. нахаламъ, призывавшимъ ихъ на судъ въ станицу по ложнымъ грамотамъ. Этихъ же богачей и ихъ новгородскихъ собратій насильно переводили въ Москву, лишая ихъ насиженныхъ доходныхъ мѣстъ. Таково было положеніе болѣе именитыхъ или „лучшихъ“ посадскихъ, которые вели весьма выгодную оптовую торговлю безпошлинно. А они встрѣчались только въ Москвѣ, Новгородѣ да Псковѣ.

Остальные города были наполнены „средними“ (мелочные торговцы) и „молодшими“ (ремесленники, земледѣльцы, чернорабочіе) людьми. Это — „черныя“ сотни. Онѣ были близки къ черносошнымъ сельчанамъ (§ 165), по своей безправности и бѣдственному положенію. Онѣ, кромѣ обычнаго тягла, вносили лавочный оброкъ. Онѣ были обязаны еще, по круговой порукѣ, платить за пустые дворы, которые числились по писцовымъ книгамъ. А этихъ дворовъ стало великое множество. Обнищалые посадскіе избывали тягла всякими способами: многіе закладывались за богатыхъ и знатныхъ или за монастыри, въ видѣ сосѣдей, или захребетниковъ (§ 165); грамотные выходили въ подъячіе; массы же, обыкновенно, пропадали безъ вѣсти. Часто доносили въ Москву:

„многіе посадскіе людишки разбрелись розно, покинувъ женъ своихъ, дѣтей и животы“. Угрозой разбрестись ровно оканчивались и безконечныя челобитья, со всѣхъ концовъ Руси, отъ „сиротъ, гостишекъ, торговыхъ людишекъ“, которые жаловались на погибель „промыслишковъ“. Михаилъ Ѳедоровичъ обыкновенно удовлетворялъ ходатайства сиротъ и, въ жалованныхъ грамотахъ городамъ, наказывалъ приказнымъ „оборонять ихъ отъ бояръ своихъ и отъ всякихъ людей“. Но онъ довершилъ прикрѣпленіе посадскихъ, которое шло медленнѣе прикрѣпленія крестьянъ. До него они все еще бродили „межъ дворъ“, несмотря на старанія правительства стѣснять мѣщанскую общину относительно поступленія въ нее и выхода изъ нея. Михаилъ же воспретилъ общимъ закономъ переходы посадскихъ. Высшій слой тяглецовъ прикрѣплялся къ городамъ такъ же, какъ низшій былъ закрѣпленъ за помѣщиками. Онъ „сидѣлъ“ теперь прочно, по своимъ лавкамъ, на „посадахъ“, подлѣ „городовъ“, гдѣ проживали служилые: самое слово *посадскіе*, возникшее въ прошломъ періодѣ (§ 100), вытѣснило старыя названія купцовъ, гостей, торговыхъ мужиковъ.

Только въ Москвѣ сохранялось старое почетное имя *гостей*, подобно тому, какъ служилые назывались у престола боярами и московскими дворянами (§ 162). Оно обозначало высшій слой посадскихъ, который зародился, подлѣ рядовыхъ, „черныхъ“ сотенъ, передъ смутой и сталъ развиваться къ концу періода. Гости распадались на „гостинную“ и „суконную“ сотню (родъ 1-й и 2-й гильдіи) и торговали въ Китаѣ-городѣ отдѣльными рядами, которые сломаны лишь недавно: разница между ними видна изъ поговорки—„съ суконнымъ рыломъ да въ гостинный рядъ“. Гости—чины (родъ коммерціи совѣтниковъ), связанные съ льготами и правами, но только личными: царь жаловалъ грамоту, съ красной печатью, на „гостинное имя“ за службу безмездную и разорительную, такъ какъ гость отвѣчалъ за казенные сборы, отдавалъ чужимъ веденіе собственныхъ дѣлъ. Торговые чины вытекли изъ потребности государства-монополиста въ опытныхъ людяхъ ради своихъ торговыхъ дѣлъ, непостижимыхъ для приказныхъ. Ктому же купцы владѣли землями, а съ землею связывалась служба. Правительство и сдѣлало какъ бы рекрутскій наборъ съ посадскихъ, зачисляя ихъ, противъ воли, въ „вѣрную“ службу или въ присяжные головы и цѣловальники по сбору пошлинъ, по надзору за взиманіемъ окладныхъ повинностей, по веденію казенныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій,

Обыкновенно ихъ назначали для этихъ дѣлъ въ тѣ мѣстности, откуда они были взяты: гости, этотъ финансовый штабъ правительства, набирались изъ сливокъ „лучшихъ" посадскихъ по всѣмъ городамъ, подобно московскимъ дворянамъ, этому военному штабу Москвы.

§ 168. **Иностранцы.**—Къ концу періода усиливалась новая причина тяжелаго положенія горожанъ. Посадскіе стали жаловаться на наплывъ *иностранныхъ* гостей, съ которыми они никакъ не могли „стянуть". Помимо высшаго развитія, образованности и опытности, иностранцамъ помогало право безпошлинной торговли, которое давало имъ правительство, наставившее внутри страны таможенъ на каждомъ шагу. Иностранцы становились уже неразрывною частью нашей исторіи. Они старались не пускать къ себѣ русскихъ, ни для торговли, ни для ученья; одинъ русскій попробовалъ самъ повезти мѣха въ Голландію; но у него и на рубль не купили. Сами же иностранцы стали во множествѣ наѣзжать въ Россію, въ качествѣ купцовъ, или селиться въ ней, какъ промышленники. Особенно много прибывало послѣднихъ: русскіе возставали только противъ чужихъ купцовъ, съ которыхъ правительство не брало даже подворнаго налога; промышленниковъ же они уважали, такъ какъ могли научиться у нихъ. Этихъ мастеровъ своего дѣла даже обязывали „людей государевыхъ научать и никакого ремесла отъ нихъ не скрывать".

Правительство вызывало ихъ почти изъ всѣхъ странъ Европы, съ самаго начала періода. Иванъ III привлекалъ изъ Италіи художниковъ, инженеровъ, мастеровъ, врачей, а изъ Венгріи — рудознатцевъ (§ 114). „У насъ есть золото и серебро, но мы не умѣемъ достать ихъ", признавался онъ европейцамъ, безъ всякой національной спеси. Грозный послалъ въ Германію нѣмца Шлитте, которому удалось набрать для Россіи болѣе сотни ученыхъ и мастеровъ; но сосѣди не пустили ихъ, испугавшись успѣховъ московитовъ, если они просвѣтятся. Тогда Грозный сталъ пользоваться мастерами изъ ливонскихъ плѣнниковъ. Онъ обрадовался появленію англичанина Ченслора (Chancelor) у устьевъ Сѣверной Двины (1553) и послѣдовавшимъ за нимъ другимъ иностранцамъ, особенно голландцамъ, которые начали заселять нашъ пустынный сѣверо-востокъ. Онъ одарилъ англичанъ торговыми льготами и вообще такъ ласкалъ ихъ, что наши завистливые и невѣжественные купцы стали называть его „англійскимъ царемъ" (§ 128).

Тогда же у Строгановыхъ, на Уралѣ, завелись иностранные мастера и ученые.

Годуновъ питалъ пристрастіе ко всякимъ иностранцамъ (§ 130), давалъ своимъ дѣтямъ новое воспитаніе, мечталъ выдать свою Ксенію за датскаго принца. Онъ окружалъ себя иностранцами, въ обществѣ которыхъ чувствовалъ себя особенно уютно. Онъ послалъ въ Германію за профессорами для московскаго университета, и ученые Запада начали прославлять его. При Лжедимитріи I, который хотѣлъ перенести въ Московію всю западную гражданственность, множество иностранцевъ переселось къ намъ. При Михаилѣ увеличивается ихъ наплывъ отовсюду, даже изъ Франціи: онъ посылалъ на западъ вербовать въ русскую службу тысячи солдатъ и мастеровъ. Больше всего наѣзжало сосѣдей, нѣмцевъ. Въ Москвѣ уже роптали, что они все забираютъ въ свои руки; а попы жаловались на опустѣніе приходовъ подъ ихъ вліяніемъ. Тамъ было, при Михаилѣ (§ 147), до 1.000 протестантскихъ семействъ, одаренныхъ всякими льготами, даже правомъ строить свои „кирки". Они составляли уже отдѣльную *Нѣмецкую Слободу* или *Кукуй-городокъ*, на ручьѣ Кукуѣ. Тогда же появились въ Москвѣ иностранные *резиденты*.

Въ четвертомъ періодѣ установляется и непрерывный рядъ *сказаній иностранцевъ* о Россіи. Раньше, съ 1412 г., встрѣчаются только бѣглыя замѣтки трехъ европейцевъ, случайно попавшихъ къ намъ: подобныхъ извѣстій много бывало и послѣ, но они имѣютъ лишь небольшое значеніе для географіи. Отъ 16-го в. имѣемъ уже 17 важныхъ описаній, сдѣланныхъ нѣмцами, англичанами и итальянцами. Они начинаются замѣчательною книгой посла нѣмецкаго императора, *Герберштейна* (§ 119), который два раза посѣтилъ Москву (1517, 1526). Съ половины 16-го в. выступаютъ англичане, которымъ, какъ соперникамъ португальцевъ и испанцевъ, хотѣлось открыть сѣверо-восточный проходъ въ Тихій океанъ. Они составили цѣлую „Московскую компанію купцовъ-искателей", которой мы обязаны многими записками о Московіи, преимущественно съ хозяйственной стороны: это—сухія наблюденія и голые факты; но нѣтъ ничего лучше ихъ, по обстоятельности и изобилію извѣстій. При Иванѣ IV важны и наблюденія итальянцевъ, особенно надъ религіозно-нравственнымъ состояніемъ Руси: папы замышляли тогда обратить ее въ католичество. Особенно замѣчательно сочиненіе *Поссевина* (§ 128), который два раза былъ въ Москвѣ

(1581, 1582). Смута вызвала нѣсколько любопытныхъ записокъ, и во главѣ ихъ трудъ француза *Маржерета*, который долго жилъ въ Россіи и состоялъ капитаномъ отряда иностранныхъ тѣлохранителей при Годуновѣ и Лжедимитріи I.

Четвертый періодъ начался и кончился самыми важными изъ сказаній иностранцевъ—книгами Герберштейна и голштинца *Олеарія* (§ 148), который описалъ два своихъ путешествія въ Московію (1634, 1636) и украсилъ ихъ, подобно Герберштейну, любопытными изображеніями быта русскихъ. Они описали видъ страны, ея бытъ и даже исторію, но больше всего, какъ послы, распространялись о государствѣ, дворѣ и Москвѣ. Герберштейнъ даже вставилъ, въ переводахъ, отрывки изъ русскихъ лѣтописей и разныхъ рукописей. Позднѣйшіе иностранцы много заимствовали у Герберштейна и Олеарія.

Сказанія иностранцевъ драгоцѣнны, какъ свѣденія людей свѣжихъ, образованныхъ и не скрывавшихъ недостатковъ Руси, которые бросались имъ въ глаза. Но въ нихъ не мало мелкихъ ошибокъ: за исключеніемъ Герберштейна, всѣ они весьма плохо были знакомы съ нашимъ языкомъ.

§ 169. **Церковь и духовенство.** — Среди всеобщаго разгрома, одна церковь осталась на Руси несокрушимою. Даже самодержавіе пошатнулось и было ограничено въ смуту; церковь же возвысилась въ ту гибельную пору, какъ единственная представительница народа, какъ его опора не только нравственная, но и матеріальная (§ 141). Процвѣтаніе, котораго достигла она прежде (§§ 101, 102), развивалось въ теченіе всего періода.

Неразрывно связанная съ государствомъ, русская церковь распространялась вмѣстѣ съ расширеніемъ его границъ: она была спутникомъ даже всякой вольницы, которая бѣгствомъ разрывала связи съ государствомъ. Гдѣ ни поселялся русскій, тотчасъ, подлѣ пашни и городка, заводилась своя часовенка и свой батюшка: при Михаилѣ уже въ Тобольскѣ появился архіерей. Наряду съ храмами, умножались святыя обители. Новыхъ *монастырей* возникло больше, чѣмъ даже въ татарскую пору (§ 102),—до 300. Правда, среди нихъ не было такихъ крупныхъ силъ, какъ Троицкая лавра; но самая эта лавра только теперь закрѣпила свое значеніе великою заслугой передъ отечествомъ; а Іосифовъ Волоколамскій монастырь (§ 115) сталъ родникомъ глубокаго движенія въ обществѣ. Если замирала колонизаторская роль обителей, то все-таки онѣ возвышали

достоинство православія, распространяя христіанство нравственными средствами на окраинахъ, не успѣвшихъ войти въ составъ епархій. Изъ нихъ еще выходили подвижники, напоминавшіе Стефана Пермскаго (§ 102). Таковъ былъ, при Грозномъ, святитель стараго закала, новгородецъ *Трифонъ*. Смолоду странствовалъ онъ по лѣсамъ, ища уединенія для молитвы, и добрелъ до Бѣлаго моря. Тамъ долго жилъ онъ, какъ звѣрь бездомный, и проповѣдовалъ. Лопари, настраиваемые колдунами, истязали его, гоняли съ мѣста на мѣсто; но онъ возвращался и все поучалъ. Трифонъ обратилъ много лопарей и отыскалъ какого-то попа въ Колѣ, который крестилъ ихъ и поставилъ имъ церковку. Не на однѣхъ окраинахъ монастыри еще имѣли вліяніе на народъ, хотя не такое глубокое, какъ при татарахъ. Почти всѣ они были общежительными. Въ нихъ сохранялось выборное начало: сама братія ставила игумена, или настоятеля, и келаря или хозяина. Обители показывали примѣръ зажиточности, въ силу хорошаго домоводства и земледѣлія. Онѣ обносились каменными стѣнами, съ башнями и „нарядомъ", и давали отпоръ врагу. Онѣ все еще были главными хранителями письменности, разсадниками грамотности, школами иконописи.

Еще больше, чѣмъ нравственное значеніе, росло внѣшнее могущество церкви. Чѣмъ пышнѣе расцвѣтало самодержавіе, тѣмъ болѣе блестящимъ и льготнымъ становилось ея положеніе. Русскіе уже не довольствовались тѣмъ, что со времени Іоны (§ 95) ихъ митрополиты избирались безъ поѣздки въ Царьградъ, хотя неизвѣстно, была ли и на то патріаршая грамота. Имъ хотѣлось узаконить независимость своей церкви, а кстати и повысить ее чиномъ. Явилось новое *патріаршество* (§ 131), которое было признано пятымъ на соборѣ патріарховъ въ Константинополѣ; но русскіе приписывали ему третье мѣсто, считая Москву третьимъ Римомъ (§ 151). Патріаршество придавало православію невиданную пышность. Оно принижало кіевскаго митрополита и нравственно подчиняло польскую Русь Москвѣ, а также подавляло насмѣшки іезуитовъ надъ зависимостью нашей церкви отъ султанскаго раба. Патріархъ, въ митрѣ съ крестомъ наверху, въ бархатной багряницѣ, возсѣдающій на амвонѣ съ 12 ступенями (у митрополита было только 8), окруженный „освященнымъ соборомъ" архіереевъ, который онъ собиралъ лишь въ особыхъ случаяхъ, представлялся набожному народу подобіемъ Саваоѳа съ его силами. Онъ былъ всегда подлѣ государя; и въ думѣ его сидѣлъ, больше одинъ, безъ

собора, рядомъ съ нимъ, по правую руку, только на особомъ мѣстѣ. По его печалованіямъ цари смягчали собственные приговоры преступникамъ. Онъ посылалъ на Верхъ „столы" (угощеніе), когда справлялъ свой „праздничный столъ", который былъ такъ же пышенъ и чиновенъ, какъ у государя. При поминовеніи государей, за почетнымъ столомъ духовенству, царь стоялъ передъ патріархомъ и подносилъ ему кубки и блюда; а въ праздникъ вшествія Господа въ Іерусалимъ онъ велъ подъ уздцы коня, на которомъ сидѣлъ святитель. А въ междуцарствіе патріархъ былъ „начальнымъ человѣкомъ", правилъ страной во главѣ думы и своего собора.

Священное имя этого собора было перенесено и на совѣщаніе всей земли, и на боярскую думу, когда въ ней являлись святители. Его члены, въ просторѣчьи *владыки*, назывались въ грамотахъ „властями", какъ при св. Владимірѣ. Они сохраняли великое право печалованія за народъ передъ государями; а государи совѣщались съ ними. явно или тайно; въ областяхъ же владыки были постоянными совѣтниками воеводъ и намѣстниковъ. Ихъ часто призывали въ думу, гдѣ они разбирали дѣла не одной церкви, но и всего огромнаго круга нравственности, всецѣло зависѣвшей отъ религіи: сюда относились всякіе вопросы—отъ женитьбы государя до мѣръ противъ иностранцевъ и до надзора за торговыми мѣрами и вѣсами. Важнѣйшіе законы, въ родѣ Судебника Ивана IV, были изданы при участіи церкви. Столь же широка была судебная власть владыкъ, еще не подточенная временемъ.

Но важнѣе всего хозяйственное могущество церкви. Среди всеобщаго обнищанія, она одна сохранила свои богатства и искусно умножала ихъ. Находясь въ близкихъ, часто даже въ родственныхъ отношеніяхъ съ земщиной, духовенство умѣло лучше всѣхъ прилаживаться ко всѣмъ ея прибыльнымъ угодьямъ. Оно участвовало во всякихъ промыслахъ, изрѣдка даже въ торговлѣ и ремеслахъ. Но главная его сила лежала въ землѣ. Люди, грѣшившіе всю жизнь любостяжаніемъ, не переставали, передъ смертью, удѣлять ей, изъ накопленнаго, на поминъ души. Тарханы продолжали привлекать крестьянъ на церковныя земли. Крѣпостничество, начавшееся здѣсь еще въ прошломъ періодѣ (§ 100), было особенно прибыльно для церкви: тайна богатствъ Троицкой лавры связана отчасти съ правомъ не пускать крестьянъ въ Юрьевъ день, дарованнымъ ей еще въ 1460 г. При развитіи денежнаго хозяйства среди оголтѣлой массы,

(§ 158), монастыри стали крупными банкирами: они совершали широкія денежныя сдѣлки посредствомъ земель съ крестьянами, что̀ напоминало биржевую игру.

Правительство, само хорошій счетчикъ, поняло таившуюся здѣсь опасность и пыталось ограничить хозяйственное могущество церкви (§§ 115, 123). Съ Ивана III государи отбирали у нея земли въ присоединенныхъ областяхъ и запрещали завѣщать вотчины на поминъ души. Василій III требовалъ отъ монастырей отчетовъ въ употребленіи денегъ и давалъ имъ наказы „какъ беречь казну и доволить братію“. Иванъ IV отбиралъ княжескія вотчины у монастырей и запрещалъ имъ покупать земли или брать ихъ въ закладъ. И тархановъ становилось все меньше и меньше. Но владыки грозили самому Грозному гнѣвомъ св. угодниковъ и требовали съ него записи о захватѣ церковнаго добра, для предъявленія потомству. И Годуновъ поспѣшилъ возстановить ихъ льготы (§ 131), чувствуя себя залетною птицей на престолѣ. Всѣ эти богатства, образцомъ которыхъ могла служить Троицкая лавра (§ 141), копились и не выходили изъ своего круга. Тарханы избавляли церковь отъ государева тягла; низшее духовенство было тяглецомъ только своихъ владыкъ, которые, какъ цари, раздавали помѣстья собственнымъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ. Духовенство уже становилось замкнутымъ сословіемъ (§ 102), тѣмъ болѣе, что его бѣлый отдѣлъ былъ брачный, т.-е. самъ собою пополнялся: уже рѣдко соблюдался обычай апостольскихъ временъ — чтобы сами прихожане избирали поповъ изъ вольныхъ грамотѣевъ, которымъ выстригали волосы на маковкѣ.

Единственная среда грамотная, съ у̀чительскимъ вліяніемъ, съ монастырями-за̀мками, богатая, одаренная льготами, сцѣпленная единствомъ и ясностью цѣлей, церковь казалась государствомъ въ государствѣ. Но на дѣлѣ она была такимъ же покорнымъ *орудіемъ государства*, какъ и всѣ другіе слои общества. Подобно пережиткамъ феодализма во Франціи (*Н. И.* § 100), она имѣла власть только передъ народомъ, но не передъ престоломъ. Если тогда можно было, напримѣръ, даже учреждать монастыри безъ разрѣшенія правительства, то лишь потому, что государство вполнѣ довѣряло церкви, которая оправдывала это снисхожденіе. То были двѣ власти, которыя продолжали развиваться рядомъ, но въ неизмѣнномъ соподчиненіи, точно такъ же, какъ при татарахъ (§§ 101, 102). Духовенство жило милостями престола: у него не было иной опоры.

Съ паденіемъ Византіи, исчезла его послѣдняя поддержка внѣ Россіи: константинопольскій патріархъ самъ обращался въ слугу царя и попрошайку, молящаго о милостынѣ и заступничествѣ передъ султаномъ. А московскіе государи стали, съ Ивана III, защитниками православія у всѣхъ славянъ и грековъ: у нихъ начались постоянныя *сношенія съ восточными церквами*, которымъ шла помощь изъ ихъ казны; а это возвышало ихъ религіозное значеніе, въ ущербъ русскимъ митрополитамъ, которые не могли ничего заявлять міру отъ себя. Не было у нашего духовенства опоры и внутри Россіи. Оно было на ножахъ съ боярами, какъ соперникъ свѣтской власти, въ ея борьбѣ съ ними, и какъ соперникъ по землевладѣнію. Погоня за пашеннымъ мужикомъ и вообще хозяйственныя льготы ставили его также во враждебныя отношенія къ служилымъ и посадскимъ. Между тѣмъ, какъ на Западѣ аристократы посвящали одного изъ своихъ сыновей церковному поприщу (*Н. И.* § 66), у насъ рѣдко служилый или тяглецъ поступалъ въ духовенство, да это запрещалось и правительствомъ, не желавшимъ терпѣть убыли въ войскахъ и доходахъ. На массу же духовенство не могло имѣть должнаго вліянія по своему невѣжеству, по своимъ семейно-хозяйственнымъ заботамъ, по непорядкамъ своего быта: съ 16-го в. на Руси даже замолкла проповѣдь. Это засвидѣтельствовано лучше всего церковными соборами и іерархами, которые, съ Ивана III, заботились объ „исправленіи“ духовенства. Митрополитъ Ѳеодосій дѣйствовалъ примѣрами и поученіемъ; онъ даже изгонялъ недостойныхъ поповъ, что̀, впрочемъ, привело только къ опустѣнію церквей и къ народному недовольству. Геннадій (§ 115) требовалъ народныхъ училищъ. Іосифъ Волоцкій старался исправить монашество строгими уставами, а Нилъ Сорскій — уничтоженіемъ церковныхъ имуществъ. Соборы издавали суровыя постановленія противъ пороковъ духовенства. Но ничто не дѣйствовало. Стоглавъ показалъ передъ лицомъ всей страны (§ 123), какъ „поисшатались“ добрые старые обычаи и „нарушились“ лучшія преданія церкви. А успѣхи еретичества (§ 119) доказывали справедливость этого приговора.

Оторвавшись отъ народа, это замкнутое сословіе тѣмъ плотнѣе прижималось къ престолу, что было обременено многочисленными семьями и страдало отъ внутреннихъ раздоровъ, какъ засвидѣтельствовалъ всенародно тотъ же Стоглавъ, не упоминавшій еще о соперничествѣ между двумя митрополитами — москов-

скимъ и кіевскимъ. А къ концу періода подготовлялся еще расколъ и начался наплывъ иностранныхъ ученыхъ, т.-е. разрывались послѣднія связи церкви съ народомъ: она утрачивала нравственное, учительское вліяніе. Такъ, духовенство окончательно превращалось въ одно изъ колесъ государственнаго строя, наравнѣ съ дьяками и помѣщиками. Оно даже стало выставлять, подобно служилымъ, по два ратника со 100 четвертей земли. Подобно служилымъ, оно уже получало денежное и хлѣбное жалованье, или „садилось на ругу", въ церквахъ казеннаго поставленья, да еще само ѣздило за нею въ Москву.

Оттого не имѣли успѣха рѣдкія попытки іерархіи придать значеніе духовной власти. Такова была борьба митрополита *Геронтія* съ Иваномъ III. Иванъ хотѣлъ отнять у него землю, но владыка воспротивился и приподнесъ ему свою владѣтельную грамоту: государь разорвалъ бумагу. Потомъ между ними возникъ споръ по одному церковному вопросу, и Геронтій уѣхалъ изъ Кремля, оставивъ свой посохъ въ Успенскомъ соборѣ. Почти все духовенство стало за митрополита—и государь поѣхалъ къ нему повиниться, обѣщалъ слушаться его. Но вскорѣ Геронтій отлучился изъ Кремля за немощью; Иванъ тотчасъ же назначилъ ему преемника, а его державъ въ монастырѣ. Геронтій не разъ уходилъ въ Москву, но его хватали и возвращали въ заточеніе. А попы и игумены не были избавлены при Иванѣ III даже отъ торговой казни. Василій III подчинилъ монастыри строжайшему надзору и самъ назначалъ игуменовъ. Немудрено, что уже съ тѣхъ поръ владыки стали величать государей „императорами".

Впрочемъ, въ началѣ періода владыки еще не забывали своего учительскаго долга: тотъ же Геронтій и архіепископъ Вассіанъ посылали къ Ивану III на Угру (§ 117) сильныя увѣщанія противъ трусливыхъ. Но вскорѣ замеръ этотъ возвышенный голосъ. Своею расправой съ митрополитомъ Филиппомъ (§ 127), Грозный отнялъ у духовенства даже вѣковѣчное и нерушимое, по заповѣди Христа, право печалованія. Онъ своимъ „повелѣніемъ" назначалъ владыкъ и самъ вручалъ посохъ митрополиту; даже дьяковъ въ церковныхъ судахъ стали держать „съ царскаго вѣдома". Новгородскаго владыку Грозный велѣлъ зашить въ медвѣжью шкуру и затравить собаками. Преемникъ несчастнаго уже обращался къ царю съ такими посланіями: „Пишу тебѣ не потому, чтобы хотѣлъ учить и наставлять твое остроуміе и благородную премудрость, но какъ ученикъ учителю,

какъ рабъ государю". Далѣе онъ уподоблялъ власть Ивана „власти Царя Небеснаго" и утверждалъ, что „царь выше солнца".

Съ тѣхъ поръ владыки только съ виду избирались освященнымъ соборомъ; въ сущности же все зависѣло отъ „изволенія" государя, на глазахъ котораго, въ думѣ, происходили самые выборы. Царь утверждалъ не только ихъ, но и патріарха, изъ трехъ кандидатовъ собора. Онъ созывалъ по своей волѣ церковные соборы; и если они учащались именно съ Грознаго (до него не было и 30, въ теченіе почти полтысячелѣтія), то лишь съ цѣлью упорядочить дѣло по указаніямъ свѣтской власти и на пользу ей: Стоглавъ былъ такимъ же обрядовымъ объединеніемъ Руси, какъ Судебникъ Ивана IV — гражданскимъ (§ 123); царская дума засѣдала на соборѣ 1551 г. Вообще эта дума принимала прямое участіе въ церковномъ управленіи, которое было подогнано подъ приказно-подъяческій порядокъ; а государь касался даже обихода церковной службы. Освященный же соборъ дерзалъ давать „встрѣчу" царю (возражать) только въ такихъ случаяхъ, какъ вопросъ о монастырскихъ имуществахъ при Грозномъ. Но вообще святые отцы на все соглашались, говоря: „его государева воля, а наша должная за него Богу молиться; а совѣтовати намъ непригоже". Учрежденіе патріаршества было плодомъ возвышенія Москвы въ чинъ „царства" и одолѣнія татаръ, а также убѣжденія русскихъ, что ихъ странѣ, какъ единственной независимой державѣ среди православія, суждено смѣнить господство мусульманъ и въ Царьградѣ. Личныя побужденія Годунова еще ярче обнаруживаютъ государственный смыслъ патріаршества, которымъ возвышалось одно внѣшнее значеніе церкви. Первый же патріархъ былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ временщика, будущаго царя (§§ 132, 135). И если царь велъ „осля" подъ уздцы, то обрядъ кончался тѣмъ, что онъ цѣловалъ святителя „въ мышцу", а тотъ его — „въ десницу".

Окончательное подчиненіе церкви государству выразилось и въ усиленіи *нетерпимости* въ то самое время, когда на Западѣ католическая реакція доходила до крайности въ томъ же направленіи (*Н. И.* §§ 25—63). Свѣтская власть приступила къ обращенію иновѣрцевъ, какъ къ сбору даней и войскъ, — посредствомъ внѣшнихъ мѣръ, причемъ владыки становились какъ бы духовными воеводами. Казанскому архіерею наказывалось всячески привлекать татаръ къ крещенію: „звать ихъ къ себѣ обѣдать почаще, поить ихъ у себя за столомъ ква-

сомъ, а послѣ стола—медомъ". Если провинившійся татаринъ убѣжитъ къ владыкѣ и похочетъ креститься, то „назадъ его воеводамъ никакъ не отдавать, а покоить у себя". Если вина не важная, и воевода не долженъ казнить, то пусть онъ грозитъ казнью и будто бы освободитъ отъ нея только по предстательству владыки. Съ помощью такихъ мѣръ, было крещено нѣсколько тысячъ мусульманъ и язычниковъ; пріѣзжали въ Москву даже черкесскіе князьки, увлекаемые выгодами. Но въ душѣ *новокрещены* сохраняли старую религію; да еще иновѣрцы стали „ругаться православной вѣрѣ", строить мечети даже тамъ, гдѣ ихъ никогда не было. Өедоръ приказалъ поселить новокрещенъ въ особой слободѣ и подчинить боярскому сыну, который долженъ былъ некрѣпкихъ въ вѣрѣ „въ тюрьму сажать, въ желѣза, въ цѣпи, и бить". Воеводы должны были „всѣ мечети посместь и въ конецъ ихъ извести", а также воспрещать русскимъ жить у татаръ и нѣмцевъ, которые живо совращали ихъ въ свою вѣру.

§ 170. **Пережитки въ нравахъ.** — При такомъ состояніи учительскаго сословія, при описанномъ государственномъ и общественномъ строѣ, при постоянной борьбѣ съ внѣшними врагами и съ внутреннею смутой, русскому народу почти не оставалось времени на самосовершенствованіе. Въ массахъ господствовало прежнее невѣжество (§ 103). Даже многіе бояре и князья ровно ничему не обучались. Грамотность все еще приличествовала только церковникамъ да приказнымъ. Но и подъячіе писали, „языкъ высуня"; а думцы сидѣли, „брады уставя", какъ подсмѣивался Лжедимитрій I. Сами попы нерѣдко служили на память, не одолѣвъ даже чтенія, не говоря уже про письмо; а владыки знали священное писаніе лишь настолько, насколько требовалось для обрядности. Единственные учителя, дьяки-грамотѣи, сами съ трудомъ разбирали письмена. Повелѣніе Стоглава заводить школы по городамъ, чтобы выходили „достойные" попы, поневолѣ оставалось однимъ добрымъ желаніемъ. Иностранцамъ, даже въ концѣ періода, казалось, что „во всей Московіи нѣтъ училищъ". Рукописей прибавилось противъ прежняго; но все еще ихъ берегли, какъ святыню, и списки сочиненій были наперечетъ. А главное—пошло „растлѣніе книгъ". Онѣ кишѣли ошибками не только доморощенныхъ переводчиковъ, но и невѣждъ-переписчиковъ, съ ихъ „прилогами" (вставками) и „разгласіями". Чѣмъ дальше, тѣмъ больше тексты искажались отъ небреж-

ности и умничанья „борзописцевъ“, этихъ промышленниковъ, которые постепенно замѣняли старыхъ „доброписцевъ“ или списателей-подвижниковъ (§ 65). Оттого всегда ссылались не на книгу, а на ея, полные разногласій, изводы (§ 105). А когда завели книгопечатаніе — новая бѣда. Невѣжественные „уставщики“ или первые печатники уставовъ, наплодили кучу ошибокъ. „Справщики“ книгъ, въ концѣ періода, были также еле-грамотны, не имѣли понятія „ни о православіи, ни о кривославіи“, по словамъ современника: они распространили болѣе 6.000 книгъ съ грубыми искаженіями. Такъ, поддерживалось мнѣніе, что грамота—таже пагуба. Отъ нея воздерживали молодежь: того и гляди „въ книгахъ зайдется“ (зачитается), нето ударится въ ересь. И заходились въ книгахъ: одна грамотность, безъ науки, безъ свѣтской школы, вела къ тому, что „книгочіи“ вдавались въ жалкое буквоѣдство. Ктому же книги зачастую были для нашего начетчика „мудростью запечатлѣнною“, не только въ силу безсмысленныхъ искаженій и буквальныхъ переводовъ, но и оттого, что онѣ говорили выспреннимъ византійскимъ слогомъ о византійскихъ вещахъ: у насъ, напримѣръ, называли доморощенныя суевѣрія обычаями „треклятыхъ еллинъ“, т.-е. классическою миѳологіей, которую изобличали Богословы и Златоусты.

Немудрено, что въ самомъ концѣ періода письма были рѣдкостью на Руси, да и тѣ отличались безсодержательностью: въ нихъ ничего, кромѣ обычныхъ поклоновъ, здоровій и благословеній. Наши послы увѣдомляли изъ-за границы о пустякахъ. Они дивились „каменнымъ мужикамъ и рыбамъ“, но не за ихъ красоту, а оттого, что изъ нихъ вода идетъ. Они описывали всѣ выходы актеровъ и издержки на пьесу, а о самой пьесѣ ни слова. Ихъ поражали огромные „яблоки“ съ „небесными богами“ (глобусъ). Всѣ народы у нихъ—„нѣмцы“ (не горазды говорить понашему) да „еретики“, а церкви ихъ — „мечети“. Чуть не всѣ имена у нихъ перевирались: Стокгольмъ превращался въ Стекольный, Майнцъ—въ Мецъ, Леопольдъ—въ Діопольдусъ, Людовикъ XIV—въ Алюисъ IV.

При прежнемъ невѣжествѣ неизбѣжно сохранялась первобытность нравовъ и понятій. Въ основѣ ея лежало *звѣроподобіе* или „звѣринскій“ обычай, какъ говорилъ Несторъ (§ 68), т.-е. отсутствіе человѣчныхъ, идеальныхъ чертъ. Оно поддерживалось отчасти вліяніемъ Азіи черезъ татаръ, а больше— войнами и смутами, неизбѣжными при исключительномъ ростѣ

государства, этой внѣшней, грубой стороны жизни. Попрежнему господствовали *жестокость* и чувственность. „Жесточь" власти достигла рѣдкой въ исторіи степени, въ видѣ опричнины (§§ 126, 127). Самъ Грозный, убійца собственнаго сына, однажды на пиру вылилъ горячіе щи на голову шута, потомъ пырнулъ его ножомъ и велѣлъ врачу „излѣчить добраго слугу"; когда оказалось, что шутъ уже мертвъ, онъ назвалъ его псомъ и продолжалъ веселиться. Но эти нравы не исчезли съ нимъ. На Верху росло число шутовъ, карловъ, калмыкъ, а подконецъ и араповъ обоего пола. Съ ними продѣлывались такія же кровавыя „потѣхи", какъ съ медвѣдями, а подконецъ со львами, слонами и другими звѣрями „псареннаго двора"; и на эти забавы смотрѣли даже царскія дѣти. При крайней подозрительности, на Верху казни и пытки были обычнымъ явленіемъ (§ 153). Войны все еще были узаконеннымъ разбоемъ и душегубствомъ. Смертная казнь укоренилась такъ, что уже казалась не византійскимъ (§ 22), а доморощеннымъ учрежденіемъ: къ ней привыкли съ тѣхъ поръ, какъ всенародность (§ 92) придала ей значеніе воспитательницы кровожадности. Она утонченно разнообразилась: даже сожигали живьемъ, а фальшивымъ монетчикамъ заливали горло растопленнымъ металломъ. Къ разнымъ способамъ членовредительства прибавилось урѣзываніе носовъ, даже у женщинъ, за нюханіе табаку. Казни особенно размножились въ смутную пору. Пытка стала обычнымъ дѣломъ даже при ничтожныхъ проступкахъ: тутъ узнавали „подноготную", вбивая деревянные гвозди подъ ногти. Тѣлесныя наказанія превратились во всеобщее средство исправленія, какъ у татаръ (§ 83), воспитывая рабскія чувства даже у вельможъ и родныхъ государя: они считались царскою милостью, за которую благодарили; наказанные скорѣе пріобрѣтали, чѣмъ теряли уваженіе, ибо „за битаго двухъ небитыхъ даютъ". Въ Москвѣ рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы кого-нибудь не полосовали на площади батогами или кнутомъ. Кнутъ былъ уже такимъ привычнымъ дѣломъ, что его не стыдились ни палачи, ни жертвы: онъ сталъ и всенародною, „торговою казнью", причемъ обнажали даже женщинъ на глазахъ у всѣхъ. Сами истязуемые какъ будто мало обращали на него вниманія. Онъ доставался всякому за ложную жалобу, а боярамъ—и за мѣстничество; чиновниковъ же стегали, какъ „воровъ и измѣнниковъ", за простыя оплошности по службѣ: тѣмъ не менѣе всякій лѣзъ съ кляузами и родовыми счетами; а приказная волокита счи-

талась правиломъ. И деньги выколачивали: поазіатски ставили „на правежъ“, т.-е. били палками по ногамъ, пока не выправятъ долга или недоимокъ; при взиманіи податей драли всѣхъ, отъ воеводъ до бобыля, а оно производилось круглый годъ.

Но, какъ вездѣ, нравы правительства служили лишь отраженіемъ нравовъ общества.

Въ древней Руси до самаго конца не откуда было взяться понятію о томъ, чтобы рукамъ воли не давать. Самосудъ долгое время признавался, въ видѣ „поля“. Кулачная расправа считалась первымъ средствомъ воспитанія, порядка, возмездія и даже забавъ. Въ думѣ иногда царь, а нето и бояре, собственноручно колотили челобитчика. Въ каждомъ домѣ стонъ стоялъ отъ побоевъ, которые даже добрый хозяинъ расточалъ всѣмъ домочадцамъ, начиная съ своей жены, за всякій пустякъ, въ особенности же за ослушаніе, чтобы учить ихъ „вѣжеству и смиренію“. Любимымъ развлеченіемъ были кулачные бои „съ убивствомъ“ да медвѣжьи потѣхи, причемъ звѣрь, случалось, задиралъ медвѣдчика. А объ Рождествѣ знатная молодежь бѣгала по улицамъ, въ видѣ „халдеевъ“, съ лучинами, и подпаливала бороды прохожимъ, если тѣ не откупались грошикомъ. Бѣднякъ отъ нужды и гнета ударялся въ разбойничество (§ 149), которое придало такое значеніе губнымъ старостамъ и достигло крайнихъ размѣровъ въ смуту (§ 144). Въ Москвѣ рѣдкая ночь обходилась безъ душегубства и поджоговъ. Населеніе, давая ратника, представляло поручителей въ томъ, что онъ не только не сбѣжитъ со службы, но и людей не побьетъ, грабить не будетъ. Сильный человѣкъ считалъ слабаго своею добычей. Не говоря о властныхъ боярахъ, ихъ слуги и мелкіе помѣщики, а также дьяки приказные, мучили тяглыхъ безнаказанно, иногда даже изъ одной спеси или звѣрскаго своенравія. Бояре и служилые, эти паши въ своихъ деревняхъ, не давали покоя ни посадскимъ, ни монахамъ, не говоря уже про мужиковъ, надъ которыми у нихъ была законная, вотчинная власть: они нападали на нихъ съ смертнымъ боемъ и грабежомъ, а потомъ брали съ несчастныхъ „мировыя записи“. Случалось, что знатный задиралъ бѣдняка медвѣдями, которые составляли принадлежность его двора, наравнѣ со сворами злыхъ псовъ. Царедворцы устраивали на Верху всякое тайное „лихо“, даже изводили царицъ и царскихъ невѣстъ. Бояре били и грабили даже иностранныхъ пословъ. Нето зазовутъ пріятеля на пирушку и продѣлаютъ съ нимъ то же. Дра-

лись и между собой: пирушки зачастую кончались убійствомъ, особенно когда проигрывались въ зернь (карты), кости или шахматы. Такой развитой человѣкъ, какъ Іосифъ Санинъ, требовалъ казни еретиковъ. Иностранцы говорили: „русскіе наслаждаются зрѣлищемъ помѣшанныхъ, калѣкъ, уродовъ, особенно, когда эти несчастные пьяны“. Тогда расплодилось множество калѣкъ перехожихъ (§ 29), которые, при случаѣ, не клали охулки на руку. Они сидѣли, лежали не только на папертяхъ, но и на торгахъ, путяхъ, мостахъ. Они кишѣли въ каждомъ достаточномъ домѣ, и на Верху, подъ видомъ благочестія, распѣвая духовные стихи.

Первобытная *чувственность*, грубая и грязная, проявлялась, главнымъ образомъ, въ „пьянственномъ недугѣ“, связанномъ съ чревоугодіемъ. Крестьянину было не до него: онъ работалъ даже по воскресеньямъ, послѣ обѣдни; да и по закону ему разрѣшалось пить только по большимъ праздникамъ. Но у людей именитыхъ эта „слабость“ была истиннымъ недугомъ. И наши предки считали ее какъ бы долгомъ и даже подвигомъ: тотъ былъ молодцомъ, кто могъ всѣхъ перепить; не пить значило „чваниться“ и прослыть не-русскимъ, не помнящимъ завѣта св. Владиміра (§ 28). Старались спаивать другъ друга: не щадили и не стыдились даже иностранныхъ пословъ (§ 153). Послѣ знатной пирушки обыкновенно „лѣчились“ или „отворяли кровь“ съ помощью нѣмецкихъ врачей, а „рожковую руду пускали“ свои бабки. Въ Москвѣ, по праздникамъ, не было проходу отъ „мертвецки“ пьяныхъ, которые валялись по улицамъ. Столь же убійственны и грязны были „братчины“—пиры вскладчину, этотъ пережитокъ языческаго побратимства, на который обратили вниманіе даже лѣтописи. Тутъ-то, среди разгула, было царство тѣхъ жалкихъ потѣхъ и „прохладъ“ (забавъ), которыми заправляли *скоморохи* (§ 63). Эти бездомные тунеядцы бродили по Руси ватагами въ 50—100 человѣкъ, грабя крестьянъ и забавляя помѣщиковъ „еллинскими кощунствами“—грязными плясками, пѣснями, прибаутками. Въ городахъ они были необходимою принадлежностью кабаковъ, куда ежедневно валилъ посадскій и приказный людъ, съ 3 часовъ, выспавшись послѣ грузнаго обѣда. Скоморохи были лучшими выразителями звѣроподобной откровенности,—этихъ непристойностей и особенно „сквернословія“, которое поражало иностранцевъ. Грязны и необычайны, дики съ виду были даже враги скомороховъ, прозванные „юродивыми“, уродами. А учителя нравственности, церковники,

и по существу не отличались отъ толпы. Монастыри были притонами безобразій. Грозный говорилъ: „многіе только по одеждѣ монахи; они по четкамъ скверными словами бранятся; любострастные разорили первоначальное крѣпкое житіе“. А Михаилъ Ѳедоровичъ нашелъ, что во многихъ монастыряхъ завелись харчевни, бани, табакъ, бражничанье и „всякое нестроеніе“. Даже у Троицы, послѣ осады, „благочестіе изсякло и монастырь оскудѣлъ“. Ея служки грабили окрестности на далекое разстояніе. Ею заправлялъ грязный, еле-грамотный монахъ, Логинъ, пользуясь своимъ крѣпкимъ кулакомъ и „громогласіемъ“, которое считалось первымъ достоинствомъ церковника. Онъ тиранилъ добряка Діонисія (§ 141). Такихъ примѣровъ самоуправства дерзкихъ проходимцевъ съ физической силой было множество, особенно въ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ постригались бояре, чтобы тунеядствовать и насильничать. Не лучше было бѣлое духовенство. Зачастую безграмотные попы и дьяконы поставлялись за мзду; а вдали являлись даже самозванцы, безъ владычныхъ грамотъ. Они вѣнчали въ пятый разъ, или при живой женѣ, и женили родственниковъ, ссорились изъ-за гроша всенародно, занимались всякими прибыльными дѣлами, даже отдавали деньги въ ростъ; а владыки обзывали ихъ „собаками, ворами, измѣнниками“. Обѣдню „отхватывали“ поскорѣе, безпорядочно, въ нѣсколько голосовъ разомъ, обыкновенно не понимая словъ, нерѣдко искаженныхъ въ книгахъ до утраты всякаго смысла. А православные прохаживались по церкви въ шапкахъ, рукоплескали, сквернословили, „ползали, пискъ творили“, учиняли драки, „мятежъ и соблазнъ“; въ поминальные дни храмъ превращался въ торжище. Эта картина лучше всего обрисовывается церковными соборами, въ особенности Стоглавомъ, да правительственными бумагами царя Михаила.

Таково было звѣроподобіе того времени, образцомъ котораго служитъ творецъ опричнины, утвердившій татарскій правежъ и предававшійся противоестественнымъ порокамъ Азіи. Но не меньше бросалась въ глаза *ложь*, въ широкомъ смыслѣ слова, — черта, вездѣ сопутствующая человѣку при его выходѣ изъ первобытности. У насъ она наиболѣе поражала иностранцевъ, такъ какъ ее поддерживало не одно невѣжество, но и особенно тяжкая борьба за существованіе. Ложь гнѣздилась во всѣхъ слояхъ общества,—гдѣ голая, гдѣ прикрытая разными видами. У правительства она проявлялась особенно наивно въ таинственности и обрядности быта Верха, въ посольскомъ

чинѣ и въ обращенiи инородцевъ (§§ 151, 153, 169). Въ сношенiяхъ съ иностранными державами до того лукавили, что даже снабжали своихъ сановниковъ громкими титулами, которыхъ они никогда не имѣли — „имени для", т.-е. для пущей важности. Иностранные послы больше всего дивились двуличности, отпирательству и непостоянству московскихъ дипломатовъ, которые, если уличали ихъ въ обманѣ, не краснѣли, а только самодовольно улыбались, поглаживая бороды. Та же первобытная дипломатiя выражалась въ „опричномъ" взглядѣ властей на свое дѣло, который велъ къ утайкамъ и къ полицейскому сыску. Онъ достигъ чудовищнаго проявленiя въ самой опричнинѣ, съ ея „великимъ княземъ" Бекбулатовичемъ, которая тѣмъ поразительнѣе, что она слѣдовала тотчасъ за полною искренностью доброй поры (§§ 122, 127). Такъ же рѣзка противоположность между лукавствомъ Годунова и правдивостью Лжедимитрiя I. Но самъ случайный представитель искренности былъ самозванцемъ, т.-е. олицетвореннымъ обманомъ. Все смутное время — чудовищная ложь, которою завершилась исторiя древней Руси. Она лежала въ основанiи всего правительственнаго строя. Лихоимство и волокита гнѣздились не въ одномъ мiрѣ приказныхъ и воеводъ. Ими было проникнуто и выборное начало: прихожане брали мзду съ избираемыхъ ими поповъ и дьяконовъ. Во всѣхъ слояхъ общества господствовала та же неправда. Всякiй норовилъ избыть повинностей, не исполнять долга, примоститься въ жизни такъ, чтобы тунеядствовать, казаться не тѣмъ, чтò онъ есть, выставлять внѣшность, лишенную содержанiя. Отсюда, рядомъ съ прямымъ обманомъ, тщеславiе, чванство, ханжество, противорѣчiе между словомъ и дѣломъ. Иностранцевъ поражало вообще „нестерпимое глупое высокомѣрiе" (§ 134), при крайней мелочности нрава и скаредности быта. Святые отцы совѣтовали кривить душой при нуждѣ. „Лучше солгавши животъ получити, нежели истинствуя погибнути", писалъ владыка Ивану III, побуждая его нарушить присягу хану. Въ случаѣ свары между слугами, колоти ихъ, „хотя бы они были правы", училъ попъ Сильвестръ. Трусливый, косный бояринъ становился героемъ при мѣстническомъ спорѣ (§ 123), забывался даже предъ лицемъ царя, когда задѣвали его ретивòе. Въ его домѣ пахло ладономъ, царствовали степенство и чинность монастыря; а жизнь его была сплошнымъ грѣхомъ; и случалось, что онъ пострижется въ монахи, когда хватитъ его карачунъ, а выздоровѣетъ—разстригается. Онъ выше

всего ставилъ порядокъ, чиноначаліе, повиновеніе, строго соблюдалъ весь обрядъ общежитія, до малѣйшаго поклона, и съ кривляньями отказывался трижды какъ отъ чарки вина, такъ и отъ престола. А на дѣлѣ у него все сводилось къ китайскимъ церемоніямъ, заглушавшимъ простоту и искренность; и самъ онъ былъ богатыремъ своеволія, самоуправства, нарушенія божескихъ и человѣческихъ законовъ. То же внѣшнее степенство соблюдалъ именитый купчина; а самъ руководился правиломъ—„не надуешь, не продашь“ и считалъ даромъ Божіимъ „изворотливость“, умѣнье „продать и отца роднаго“. Московскіе гости выводили изъ себя иностранцевъ своимъ плутовствомъ. Они продавали въ 20 разъ дороже, чѣмъ слѣдуетъ; клялись и божились, подсовывая бракъ и учиняя неуловимо-мелкія продѣлки. Они запрашивали „въ три дорога“ и плакались на разореніе, прикидывались „казанскою сиротой“: отсюда татарскій правежъ, который нерѣдко достигалъ цѣли. Плутовство вообще царствовало вездѣ, касаясь даже невозможнаго: былъ „большой обманъ на дѣвокъ“ — выдача больной и безобразной дочери вмѣсто здоровой и красивой.

Описанные нравы засвидѣтельствованы нашими правительственными бумагами, постановленіями соборовъ, памятниками письменности. Они лежатъ и въ основаніи *Домостроя*, этого учебника житейской мудрости, составленнаго однимъ изъ лучшихъ людей того времени, попомъ Сильвестромъ (§ 122). Здѣсь изображенъ идеалъ человѣка высшаго круга. Это—олицетворенное внѣшнее благочестіе, деспотизмъ и раболѣпіе родового быта, да сытость, съ ея орудіями — скаредностью и скопидомствомъ, съ ея заповѣдью—все выносить, „всякому угодить, никому не прекословить, обиду терпѣть и на себя вину полагать“, даже кривить душой; а о просвѣщеніи ни слова. Домостроевскій „самъ“ не пропускаетъ ни заутрени, ни обѣдни, ни вечерни. Да еще у него каждый день начинается на дому „часами“ и келейнымъ „правиломъ“ — молитвами, земными поклонами, чтеніемъ изъ „Златоуста“ или Житій. А на сонъ грядущій вся семья слушаетъ „навечерницу“, послѣ которой нельзя ни ѣсть, ни разговаривать. Не мѣшаетъ еще въ полночь тихонько подняться и со слезами помолиться. Пуще всего почитай духовныхъ лицъ. На молитвѣ стой чинно, не озираясь. Крестъ, образа, мощи цѣлуй, духъ въ себѣ удержавъ, губъ не разѣвая. Просвирку не кусай зубами, а ломай мелкими кусочками и жуй губами, а ртомъ не чавкай. Дѣтей учи рукодѣльямъ, а главное—„раны на нихъ возлагай, казни ихъ отъ юности; не ослабѣвай, бія мла-

денца; бей его жезломъ". Всегда будь строгъ съ ними: не смѣйся, даже „игры творя". Смотри накрѣпко, чтобы никто изъ домочадцевъ не сидѣлъ безъ работы, и все пріумножай доходы, откладывая ежегодно малую толику на приданое дочерямъ. „Домострой" наполненъ самыми мелочными совѣтами по хозяйству: онъ учитъ, какъ нужно обрѣзки при кройкѣ беречь и какъ собирать зелень отъ овощей и крошки со скатерти для корма домашнимъ животнымъ. Въ немъ помѣщается цѣлая поваренная книга.

Картина нравовъ четвертаго періода дорисовывается и уясняется иностранцами, этими свѣжими наблюдателями изъ другаго міра. Появленіе московскаго посольства въ Европѣ возбуждало всеобщее любопытство. На него сходились смотрѣть, какъ позднѣе бѣгали за китайцами. Но, вглядѣвшись, спѣшили уходить, особенно въ Италіи, которая утопала тогда въ блескѣ своего Возрожденія и элеганціи (*Н. И.* § 48). Вотъ что говорили тамъ единогласно о нашихъ посольствахъ конца періода (Ушаковъ въ Вѣнѣ, 1613, и Чемодановъ въ Италіи, 1657). Московиты отличаются „свинствомъ". У нихъ грязные халаты, длинные и тяжелые. Они ѣдятъ некрасивыми ручищами, насаживая ими куски на вилки; а спятъ на полу, въ одеждахъ. Особенно тяжелъ духъ отъ нихъ: послѣ нихъ ничего не подѣлаешь и съ окуриваніями. Они больше всего пьянствуютъ, затѣмъ насильничаютъ и предаются всякимъ излишествамъ, впрочемъ низшаго разбора: они бѣдны. Эти „полузвѣри, мамелюки" вѣчно грызутся между собой и сквернословятъ, а драки учиняютъ даже съ туземцами. А именно отъ всего такого крѣпко предостерегали ихъ царскіе наказы, которые обращались къ нимъ частью какъ къ дѣтямъ, частью какъ къ разбойникамъ. Но правительство снабжало ихъ плохо, и то не деньгами, а мѣхами. Московиты являлись въ Европѣ въ видѣ азіатскаго каравана — съ кучей сундуковъ, въ которыхъ хранились и собственные харчи. Гдѣ ни остановятся, сейчасъ заводятъ мелочной торгъ, какъ въ своемъ гостинномъ ряду, не обращая никакого вниманія на запрещеніе мѣстныхъ властей. При этомъ поднимаютъ шумъ, гамъ, торгуются, плутуютъ, запрашиваютъ и даже попрошайничаютъ. Затѣмъ выкладываютъ цѣлые иконостасы, устраиваютъ чуть не часовню и по десяти разъ въ день стукаются лбами въ землю или стоятъ со свѣчами, а сами зѣваютъ и перебраниваются. Они долго совершали свои обряды даже передъ балами, на которыхъ си-

дѣли, какъ истуканы, и молча прѣли въ своихъ парчевыхъ мѣшкахъ. Въ дѣлахъ московиты проявляли „глупость, спесь и невѣжество": даже въ ихъ наказахъ то пропущено имя царя, то названъ не тотъ государь, къ которому ихъ послали. А они боятся всякой мелочи, о которой не помянуто тамъ. Тѣмъ не менѣе показываютъ видъ, будто все знаютъ и сдерживаютъ свое удивленіе. Московиты невообразимо упрямы: ихъ нельзя переубѣдить ни въ чемъ: они чуть не дрались изъ-за буквы въ титулѣ своего царя. Они вездѣ видѣли свои порядки и лгали въ своихъ донесеніяхъ: всѣ-де государи считаютъ себя холопами царя. Въ Вѣнѣ императоръ не далъ своего портрета этимъ „негодяямъ и собакамъ".

Въ Россіи европейца также больше всего поражали грубость и ложь туземцевъ. Онъ дивился ихъ внѣшней и внутренней неопрятности, о которой свидѣтельствуетъ и совѣтъ Домостроя „носа не копать пальцемъ, ни сморкать, ни харкать, ни плевать; если же нужно, то, отошедъ въ сторону, устроиться вѣжливенько". Въ Москвѣ иностранца возмущала вонь отъ мясныхъ лавокъ, гдѣ лежало много протухлыхъ, ничѣмъ не прикрытыхъ тушъ. Онъ ступалъ, „какъ по подушкамъ", по волосамъ на Вшивомъ Рынкѣ (теперь — Вшивая Горка), гдѣ стриглось простонародье. Его слухъ былъ переполненъ сквернословіемъ, которое задѣвало всѣхъ родственницъ ругающихся и сопровождалось непристойными тѣлодвиженіями. Иностранцамъ брасались въ глаза двѣ крайности: съ одной стороны, неимовѣрная терпѣливость по отношенію къ старшимъ, съ другой—горячность, крайняя обидчивость и спесь съ равнымъ себѣ или съ низшимъ. Малѣйшая шутка своего брата принималась за „безчестное, непригожее" слово и вызывала въ отвѣтъ „неистовую, непристойную" брань. Мѣстническіе споры проникали до подклѣтовъ дворца: они вызывали потасовки между дворовыми бабами на кухнѣ и въ портомойнѣ. Каждый норовилъ „поддѣть, подсидѣть, подкузмить" пріятеля, подставить ему ножку, проявляя при этомъ большое пристрастіе къ кляузамъ и извѣтамъ, къ „слову и дѣлу", къ полицейскому сыску. Жадная завистливость не давала житья ничему выдающемуся: „искони на Руси если человѣкъ хотя мало прійдетъ въ славу и честь и въ богатство, не могутъ не возненавидѣти", говоритъ и Котошихинъ. Всѣ заклевывали своего брата, если онъ дерзалъ чѣмъ-нибудь выйти изъ ряду. Участь Хворостинина (§ 151) едва не постигла одну смѣлую боярыню, которая бросила румяны: всеобщее смятеніе

заставило смириться непокорную. А рядомъ — раболѣпіе, которымъ пропитались всѣ слои общества и всѣ житейскія отношенія. Даже равные между собой, друзья и родные употребляли такія правила вѣжливости: „князь Юшка (Юрій) Ромодановскій князю Голицыну челомъ бьетъ". Жена Голицына писала своему мужу: „женишка твоя, Дунька, много челомъ бьетъ до лица земнаго". Поведеніе вельможъ на Верху (§ 152) говоритъ само за себя. Они, въ дни своихъ ангеловъ, подносили именинные калачи царицѣ и ея дѣтямъ и получали подарки. Они наперерывъ предлагали свои руки „дѣвкамъ", которыя привозились въ невѣсты царю, но не удостоились его выбора (§ 152). Герберштейнъ говоритъ: „этотъ народъ имѣетъ болѣе наклонности къ рабству, чѣмъ къ свободѣ". А въ концѣ періода другой иностранецъ замѣчаетъ: „этотъ народъ благоденствуетъ только подъ дланью своего владыки, и только въ рабствѣ онъ богатъ и счастливъ".

Иностранцы приводили раболѣпіе, также какъ и взаимную грызню, въ связь съ татарскимъ игомъ. Но они не замѣчали болѣе глубокихъ причинъ. Этими чертами отличаются всѣ первобытныя, слагающіяся общества. Здѣсь всякъ за себя: личностями руководитъ одно только чутье животнаго существованія, безъ сознанія общенародныхъ или хотя бы сословныхъ выгодъ и правъ. Это—стадо; но стадность же помогаетъ основной потребности въ сплоченіи, которая удовлетворяется, въ такихъ случаяхъ, внѣшнею силой, могущественною властью. Стадность русскихъ, съ которою связана ихъ рѣдкая переимчивость, была изумительна. Всѣ спѣшили наперерывъ, не разсуждая, сдѣлать, что̀ прикажетъ спасительная внѣшняя сила, и тѣмъ вызывали у иностранцевъ сравненіе то съ баранами, то съ обезьянами. Безволіе, дряблость общества поддерживались у насъ громадностью земли, не потому только, что она развивала потребность въ сплоченіи: она давала возможность разбрестись розно, сбѣжать отъ тяготы и горя, схорониться „за тридевять земель", найти въ степи новую вольную волю, а не бороться на мѣстѣ, не отстаивать себя и своихъ ближнихъ.

§ 171. **Новыя черты нравовъ.**—Презрѣніе, негодованіе, брезгливость европейца объясняются не одною китайскою враждебностью къ нему русскаго. Онъ сознавалъ себя творцомъ высшей гражданственности. Тогда Западъ уже успѣлъ выработать различные образы правленія и глубокомысленныя ученія о государствѣ (*Н. И.* §§ 44, 53, 99, 113). Онъ выставилъ блестя-

щій рядъ подвижниковъ истины и бойцовъ за правду на пользу всему человѣчеству, создавшихъ цѣлыя новыя науки (*Н. И.* §§ 52—55, 111—115). Его бытъ украсился высокими созданіями искусства (*Н. И.* §§ 56, 57, 115—117). Подъ вліяніемъ этихъ успѣховъ идеализма, смягчались нравы Запада, особенно подконецъ, когда къ итальянской „элеганціи" и французской „галантности" прибавился духъ англійскаго пуританства; когда развились общительность и „филантропія" и умножились средства просвѣщенія (*Н. И.* §§ 48, 103, 106, 107). Съ своими Колумбами, Коперниками, Эразмами и Беконами, Сервантесами, Рабле и Шекспирами, Рафаелями, Ліонардами да-Винчи и Микель-Анджелами, Лютерами, Цвингли и Кальвинами, Карлами V, Генрихами IV, Ришелье и Кромвелями, западный человѣкъ чувствовалъ себя на героической высотѣ „цивилизаціи". Ему претила азіатчина „Московіи"; его возмущала какъ хозяйственная, такъ и душевная скаредность этого „варварскаго" конца свѣта, который былъ посрамленъ даже немного потершимся въ „Европѣ" Лжедимитріемъ I. При такомъ рѣзкомъ сравненіи, онъ забывалъ собственные грѣхи и пороки, созерцаніе которыхъ сломило подконецъ геній Шекспира (*Н. И.* § 51),—это тяжкое положеніе массъ, эти пытки инквизиціи, звѣрства тридцатилѣтней войны, тонкости макіавелизма и іезуитства (*Н. И.* §§ 29, 45, 53, 63, 100). А въ Россіи ему бросались въ глаза однѣ крупныя отрицательныя стороны: ему трудно было уловить черты иного рода, хотя мелкія и случайныя, но неизбѣжныя, если Московіи суждено было жить.

Эти новыя черты, задатки лучшаго будущаго, проглядываютъ въ нравахъ тогдашней Руси, особенно къ концу періода. Московская расправа смягчалась: повтореніе опричнины стало немыслимо. Правительство все строже надзирало за злоупотребленіемъ обельнымъ холопствомъ. При Иванѣ III „безхитростный" должникъ, жертва невзгоды, получалъ отсрочку и даже прощеніе роста. Потомъ злостный заемщикъ и даже тать выдавались головою потерпѣвшему уже не на продажу, а „до искупа", т.-е. до уплаты долга и возмещенія убытковъ. Холопы, бѣжавшіе изъ плѣна, становились свободными. Годуновъ и Шуйскій освобождали холоповъ, которыхъ господа или не кормили, или не женили. Облегчалась и участь кабальныхъ. Полоняночныя деньги (§ 159) связывали правительство съ земщиной въ подвигѣ благотворительности: въ этой „общей милостынѣ" участвовали и царь, и послѣдній холопъ. Въ то же время исчезаетъ

„поле“; и умноженіе приказовъ, тяжебъ доказываетъ вообще паденіе самосуда. Съ Ивана III идетъ непрерывный рядъ попытокъ власти и соборовъ исправить нравы: Стоглавъ представляетъ даже страстную критику растлѣнія Руси. При Грозномъ преслѣдовали распутство, азартныя игры и даже невинныя развлеченія: излюбленнымъ старостамъ предоставлялось не только штрафовать, но и „выбивать вонъ изъ волостей“ скомороховъ, наряду съ волхвами, ворожеями, зерньщиками, корчемниками и развратниками. Филаретъ (§ 148) запрещалъ даже кулачные бои подъ страхомъ кнута; и его пристава ходили по рынкамъ, чтобы тутъ же драть за сквернословіе. Онъ строго каралъ пороки церковниковъ и приказныхъ и истреблялъ разбойничество, а къ честнымъ людямъ былъ снисходителенъ: оскорбитель православія и самодержавія, Хворостининъ, подвергся временному заточенію въ монастырѣ и потомъ возвратился ко двору. При Михаилѣ иностранцы уже дивились „учтивствамъ“ московскихъ дипломатовъ. Тогда же, вмѣстѣ съ появленіемъ иностранныхъ порядковъ въ арміи, война превращалась изъ бойни и грабежа въ правильное, хотя и печальное, орудіе политики.

Въ обществѣ искры идеализма поддерживались попрежнему (§ 102) христіанствомъ, а къ концу періода къ нему шло на помощь просвѣтительное вліяніе Запада. Въ отворъ тлетворному примѣру богатыхъ и знатныхъ монастырей (§ 170), въ далекихъ, скудельныхъ обителяхъ да въ угрюмыхъ пустыняхъ не переводились подвижники, которые служили укоромъ мірской порочности. Прирожденное массѣ добродушіе ходило слѣдомъ за Горемъ-Злосчастіемъ людей Божіихъ (§ 122) и изувѣрствомъ входившихъ въ засиліе себялюбцевъ. Всюду признавалось *милосердіе* или сострадательное братство, этотъ лучшій даръ Спасителя, исцѣлявшій язву первобытнаго звѣрства. Оно проглядываетъ въ общинѣ и сельскихъ и городскихъ мірахъ, съ ихъ „одиночествомъ“, съ ихъ стремленіемъ къ справедливому уравненію всѣхъ въ общихъ тягостяхъ. Имъ согрѣты поученія пастырей церкви. Домострой внушалъ юношѣ не пьянствовать, чтобы не ссориться и не драться; а главное—быть милосердымъ: „людей своихъ держи такъ, чтобы они во всякомъ довольствѣ и благоденствѣ всегда были; нищихъ, малолѣтнихъ, бѣдныхъ, скорбныхъ, странствующихъ призывай въ домъ свой, по силѣ накорми, напой, согрѣй; милостыню давай въ дому, въ торгу, на пути. Домострой совѣтовалъ купцу торговать такъ честно, чтобы даже брать свой товаръ назадъ, если онъ не понравится.

Въ особенности онъ помнитъ о горькой долѣ подневольныхъ. Іосифъ Санинъ, требовавшій казни еретикамъ, писалъ лютому вельможѣ, что рабовъ нужно „какъ братію миловать“.

И то не были голоса въ пустынѣ. Нерѣдко „по душѣ“ (въ духовныхъ) давали „просгь“ кабальному, т.-е. прощали долгъ холопу, а также серебро—крестьянину (§ 100). Иногда владѣлецъ, „отходя сего свѣта“, даже наказывалъ „надѣлити, а не оскорбити“ его „людцовъ, мужичковъ и женочекъ“, дабы люди, покидая господскій домъ, „не заплакали“. Всюду встрѣчались „нищелюбцы, христолюбцы“, творившіе милостыню „отай“, тайкомъ. Самъ царь, подъ большіе праздники, дѣлалъ „тайный“ выходъ, въ сопровожденіи стрѣльцовъ и приказныхъ Тайнаго приказа: онъ ходилъ по тюрьмамъ и размножавшимся богадѣльнямъ (§ 149), гдѣ изъ собственныхъ рукъ раздавалъ милостыню, не забывая и нищихъ по дорогѣ. Рядомъ съ криками отчаянія, надъ Русью носились такія слова сердечной вѣры: „Въ рай входятъ святою милостыней. Нищій богатымъ питается, а богатый молитвою нищаго спасается“. Всеобщая страда и нищета, эта внутренняя связь бродившаго общества, выковывали узы всеобщаго братолюбія: „сирота“, какъ назывался каждый крестьянинъ, „калѣка перехожій“, „убогенькій“ были учителями нравственности. Въ такія минуты, какъ „розруха“, наряду съ душевною распущенностью, множились такіе примѣры истиннаго христіанства, какъ подвигъ Троицкой лавры (§ 141). И народъ припоминалъ слова древнихъ пастырей, что церковное богатство—нищихъ богатство. Подъ такими вліяніями, въ концѣ періода, лучшіе люди уже не съ тупымъ равнодушіемъ относились къ проявленіямъ звѣроподобія. Если встрѣчалась еще „жесточь“ въ правительствѣ, на нее смотрѣли лишь какъ на неизбѣжное и временное зло, при грубости массъ. И начинали гнушаться палачами, презирать битыхъ.

Слой лучшихъ людей возросталъ. Сначала это были больше тѣ странные и съ виду жалкіе люди, которыхъ называли *юродивыми*. Это — тѣ же невѣжественные нищіе, бездомные скитальцы, вродѣ каликъ перехожихъ. Но они были въ міру такимъ же ходячемъ укоромъ порочности, какъ въ обителяхъ—подвижники: они служили примѣромъ нестяжанія и незлобивости; своимъ правдивымъ, безкорыстнымъ словомъ они обличали пороки общества и даже властей. За это-то толпа считала своихъ доморощенныхъ Діогеновъ пророками и святыми, задумывалась надъ ихъ иносказательными, подчасъ нелѣпыми

изреченіями. Она цѣловала имъ руки, хранила, какъ святыню, клочки ихъ грязныхъ лохмотьевъ. Юродивые живали и на Верху въ подобномъ же почетѣ. Особенно прославились Никола въ Псковѣ (§ 127) и „праведный нагоходецъ“ Василій Блаженный—въ Москвѣ.

Наконецъ, Русь четвертаго періода выставила, хотя и короткій, но непрерывный рядъ лучшихъ людей новаго, болѣе человѣчнаго склада, на которыхъ замѣтны черты личности, въ благородномъ смыслѣ этого слова. Онъ тянется съ самаго начала періода,—съ той поры, когда, при Иванѣ III, зародилось умственное движеніе, которое коренилось въ семьѣ Патрикѣевыхъ и достигало престола (§ 115). Тутъ враги сходились между собой въ идеализмѣ. Геннадій требовалъ просвѣщенія; Нилъ Сорскій возставалъ противъ любостяжанія и хищничества; Іосифъ Санинъ защищалъ рабовъ, ибо „вси есми созданіе Господне, вси плоть едина“. Преданія этихъ ревнителей нравственнаго совершенствованія поддерживались, при Василіи III, послѣднимъ изъ рода Патрикѣевыхъ, Вассіаномъ Косымъ, да иностранными выходцами — Глинскимъ и Максимомъ Грекомъ. Ихъ расцвѣтъ представляетъ добрая пора Ивана IV. Тогда самъ царь былъ привлекательнымъ идеалистомъ; его окружалъ сонмъ подобныхъ же личностей, какъ туземныхъ, такъ и заѣзжихъ (§ 122). Тутъ были представители разныхъ слоевъ общества. Снизу вышелъ евангельскимъ примѣромъ „невѣроятный“ Адашевъ, который держалъ у себя прокаженныхъ и обмывалъ имъ язвы собственными руками. Открывшій его попъ Сильвестръ былъ также человѣкъ рѣдкаго нравственнаго закала: своею жизнью онъ очищалъ православіе въ глазахъ народа. Человѣколюбіе Домостроя было плодомъ этой жизни. Сочинитель самъ „заключенныхъ въ темницы, плѣнныхъ, должныхъ выкупалъ, голодныхъ кормилъ, рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и чужихъ рабовъ выкупалъ“; изъ дому его „никогда никто не вышелъ тощъ или скорбенъ“; многихъ несчастныхъ онъ „вскормилъ воспоилъ и научилъ“; у него служили все свободные люди. Тотъ же попъ Сильвестръ завѣщалъ потомству: „не богатствомъ жить съ добрыми людьми, правдою да ласкою, а не гордостью, и безо всякой лжи; погубитъ Богъ вся глаголющая лжу“.

Возвышенные облики Сильвестра и Адашева остались какъ бы преданіемъ. Если русскіе много грѣшили въ смутную пору, зато тогда же созрѣло сознаніе всероссійской лжи. Прежде митрополиты благословляли клятвопреступленіе въ видѣ отъѣзда

бояръ; теперь послѣдній мужикъ гнушался „перелетами“ (§ 138) и клеймилъ собственное коварство, восклицая съ сокрушеніемъ сердца: „мы измалодушничались!“ „Послѣдніе люди“ (§ 163) спасли отечество отъ „воровства“. Они соборно покаялись, „наказались“ (§ 143). Они выставили такихъ подвижниковъ любви къ общему дѣлу, какъ Мининъ, Сусанинъ, Гермогенъ. Тогда же очищалась духомъ и знать. Пожарскій—рѣдкій примѣръ скромнаго и честнаго исполнителя стараго склада; Шеинъ (§ 145)—новый типъ воеводы и боярина; Хворостининъ—невиданный образецъ юноши-идеалиста въ княжей семьѣ. Очаровательный обликъ Скопина придавалъ величіе маститому роду Шуйскихъ, опозоренному скаредною личностью царя Василія (§§ 137, 139), и покрывалъ своимъ свѣтомъ пятна всего вельможества. Тогда же именно въ нравственномъ смыслѣ поднимался еще одинъ древній родъ: сложившееся въ народѣ понятіе о немъ, какъ о страдальцѣ и печальникѣ за русскую землю, доставило престолъ Михаилу (§ 143). Первый правитель изъ новаго дома оказался, по тихости нрава, противоположностью Грознаго. И если онъ былъ болѣзненъ, зато отецъ его былъ на своемъ мѣстѣ, въ качествѣ правителя государства (§ 148). Филаретъ выступилъ съ высокими нравственными требованіями отъ русскихъ. Онъ доходилъ въ нихъ до суровости подвижника, омрачавшей свѣтлое впечатлѣніе его личности. Но это былъ другъ лучшихъ людей, единственный защитникъ Шеина. Отъ него вѣетъ Западомъ, какъ и отъ Скопина, Шеина, Хворостинина. Въ его дѣловитой неумолимости, въ его стремленіи къ просвѣтительнымъ преобразованіямъ мелькаютъ намеки на правнука, этого богатыря нравственной силы.

Такъ „розруха“, это рѣдкое въ исторіи бѣдствіе, эта великая всенародная ложь, не убила Руси нравственно. Напротивъ. Нашъ народъ чуялъ, что подъ ея развалинами погребалось его первобытное звѣроподобіе. Жестоко наказавшись за большіе грѣхи, за долгое круглое невѣжество, онъ стремился сбросить съ себя ветхаго, азіятскаго человѣка, рвался впередъ, къ самоочищенію, къ свѣту науки. Иностранцы замѣтили этотъ порывъ. И они возлагали надежды на русскаго человѣка, дивясь его смѣтливости, ловкости, переимчивости, а также его неимовѣрной выносливости и терпѣнію. Имъ были извѣстны также такія проявленія его отваги и предпріимчивости, какъ наши купцы въ Индіи, Персіи и Египтѣ, дьякъ Истома у береговъ Норвегіи, казаки у Ледовитаго океана и въ Камчаткѣ.

У народа съ такими душевными задатками было будущее, тѣмъ болѣе, что у него хранилась еще непочатая нравственная сила въ лицѣ русской женщины.

§ 172. **Женщина.**—На женщинѣ, какъ на основѣ семьи и житейскаго обихода, особенно ярко отражаются нравы общества. Здѣсь, у себя дома, человѣкъ безъ стѣсненій проявляетъ всѣ свои свойства и завѣтныя стремленія, и тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ менѣе развита среда. Въ первобытныхъ обществахъ, гдѣ женщина лишена всякихъ поприщъ, кромѣ семьи, и всякихъ средствъ умственнаго превосходства, она служитъ орудіемъ мущины, болѣе сильнаго тѣлесно и болѣе свободнаго въ выборѣ жизненныхъ путей. И на немъ, какъ на строителѣ семьи, лежитъ вся отвѣтственность передъ потомствомъ не только за внѣшнее, но и за нравственное состояніе его подруги, этого зеркала, въ которомъ онъ отражается весь.

Менѣе всего могло быть свѣтлыхъ чертъ въ положеніи женщины четвертаго періода нашей исторіи, когда душой общества были крѣпкіе пережитки первобытныхъ взглядовъ и звѣроподобія. Здѣсь еще процвѣтали порядки, вымершіе на Западѣ вмѣстѣ съ средними вѣками (*С. И.* § 118). Здѣсь во всей чистотѣ отражались языческія суевѣрія, родовыя преданія, отголоски Византіи и татарщины, — всѣ устои старины, которые сводились къ праву сильнаго, къ господству мышцъ.

Женщина попрежнему (§ 67) считалась вмѣстилищемъ чертовщины. Это — сама *вѣдьма*, колдунья, наперсница нечистой силы, или по крайней мѣрѣ ея сообщница и воспитанница. Вовсе не зная Марины, народъ видѣлъ еретицу въ этой „дѣвкѣворухѣ“ и ненавидѣлъ ее больше „Гришки Отрепьева“ (§ 144). Онъ истязалъ и истреблялъ вѣдьмъ и ворожей, хотя самъ прибѣгалъ къ ихъ искусству. Онъ едва терпѣлъ присутствіе женщины въ храмѣ, желая сохранить за собой преимущество и на небесахъ: ее пріобщали св. тайнъ не изъ царскихъ вратъ, а изъ боковыхъ дверей. Создавъ безчисленное множество житій, онъ рѣдко посвящаетъ ихъ женщинамъ, и только шесть княгинь призналъ святыми. Несчастная сама подчинялась взгляду, который преслѣдовалъ ее на каждомъ шагу, какъ лучшее средство воспитанія. Для облегченія своей горькой доли, она знавалась съ нечистою силой: вѣчно возилась съ знахарками и ворожеями, воруя деньги у своего мужа, чтобы заплатить имъ за самообмороченіе.

Бракъ не могъ освятить и возвысить такое существо. На-

родъ думалъ, что онъ нуженъ развѣ только князьямъ да боярамъ для пущей важности. Попрежнему (§ 103) часто встрѣчалось первобытное сожительство, особенно въ глуши: оно и дешевле; попу не платить, свадьбы не играть. Стоглавъ напоминалъ даже, чтобы бѣлое духовенство было женато. Онъ же дозволялъ не больше трехъ браковъ для одного лица и требовалъ, чтобы жениху было не менѣе 15 лѣтъ, а невѣстѣ—12-ти. Браки были плодомъ сдѣлокъ между родителями, при посредствѣ свахъ. Конечно они были обыкновенно несчастливы, тѣмъ болѣе, что вѣнчали почти дѣтей или незнакомыхъ другъ другу; да еще совершался „большой обманъ на дѣвокъ". Тогда женъ зачастую бросали и, при ихъ жизни, женились на другихъ, причемъ не разбирали степеней родства. Нето мужъ приневоливалъ жену истязаніями идти въ монастырь—лучшая тогда замѣна развода. А иногда отдѣлывались отъ своихъ подругъ отравой. Женъ, также какъ и дѣвицъ, продавали, воровали и закладывали.

Такъ, женщина была, прежде всего, самкой, необходимымъ предметомъ потребленія, живымъ товаромъ. Она имѣла значеніе только какъ *сама*, домохозяйка и добавленіе „самого". Надъ дѣвицею мудрилъ каждый въ семьѣ, какъ надъ домашнимъ животнымъ, которое составляло обузу: неспособная ни прокормить себя, ни привлечь кормильца, она считалась плохимъ товаромъ, который можно сбыть только обманомъ, съ прибавкой „приданаго" (§ 103). Засидѣвшаяся въ дѣвкахъ не была годна для жизни, какъ залежавшійся товаръ: она шла въ монастырь, если не хотѣла оставаться рабой, которою всякій помыкалъ въ домѣ, упрекая въ дармоѣдствѣ. Этотъ взглядъ поддерживался у насъ, помимо чувственности, чутьемъ малолюдности страны, которому отвѣчали первобытныя понятія Ветхаго Завѣта. Настоящая женщина—„жена", т.-е. родильница (санскритское „джан"—рождать). Только „матерая" вдова пользовалась почетомъ и властью въ семьѣ: бездѣтная же—человѣкъ „богадѣльный", церковный, наравнѣ съ сиротами, убогими и калѣками. „Безчадіе" было проклятіемъ женщины и поводомъ для мущины къ перемѣнѣ подруги. Постригая такую въ монахини, мужъ приводилъ слова Св. Писанія: „неплодную смоковницу измещутъ изъ вертограда". Нето злополучная чета странствовала по монастырямъ, къ угодникамъ и чудотворцамъ, служила молебны, пила св. воду; а не помогало—бросалась къ ворожеямъ и знахарямъ. Если родились только презрѣнныя дѣвочки—другая бѣда: тогда чета мо-

лилась, „съ великимъ плачемъ и рыданіемъ до изступленія ума“, чтобы „прижити чадо мужеска полу“.

Самка должна быть породиста, какъ Бобелина рыцарскихъ сказокъ. *Красавица*, это — большая нога при тонкой рукѣ, лицо—кровь съ молокомъ, а главное — полный станъ, такъ чтобы она ходила вперевалку, какъ утица. Худая да блѣдная—значитъ больная: чтобы растолстѣть, пили водку и валялись по цѣлымъ днямъ въ постели. Всѣ натирались неимовѣрно красками розовою, бѣлою, синею, красною, даже коричневою, — и все такими, „какъ на трубахъ нашихъ домовъ“, говорятъ иностранцы. Подводили брови, сурьмили рѣсницы; чернили зубы и даже бѣлки глазъ, подмалевывали шею и руки: бѣлила и румяна обязательно клались въ приданое. Разными снадобьями притирали морщины, рябины, прыщи и всякіе видные недостатки; налепливали мушки на лицо, вырѣзывая ихъ въ видѣ разныхъ предметиковъ. Словомъ, на тѣлѣ „писаной“ красавицы не оставалось мѣстечка для живой красоты, которую признавали иностранцы, восхвалявшіе стройность русскихъ женщинъ, ихъ нѣжныя руки, тонкіе пальцы, средній ростъ, „черные“ глаза. Красавица должна была еще походить на китаянку волосатостью, низкимъ лбомъ и узкими глазами. Оттого женщины тратили много времени сначала на отращиваніе длинныхъ и пышныхъ косъ, потомъ на уходъ за ними. Прическу и головной уборъ стягивали до того, что „бѣльмы выкатывались“, т.-е. нельзя было закрыть глазъ; а иной разъ съ франтихой дѣлалось дурно. Впрочемъ косой щеголяли только дѣвицы, для привлеченія мужчины, который и самъ былъ волосатъ. Вышедши замужъ, онѣ старались тщательно скрывать этотъ намекъ на грѣховные помыслы: онѣ уже до смерти носили „фату“—покрывало изъ батиста, иногда усаженное жемчугомъ. Даже случайно открыть волосы, „опростоволоситься“, считалось срамомъ и глупостью: въ глазахъ мужчины, долгій волосъ, который для него же ростили, былъ знакомъ короткаго ума.

Не одинъ волосъ: нужно было прятать всю женщину. Это—воплощенный соблазнъ, который, при первомъ взглядѣ, вызывалъ первобытнаго человѣка на грѣхопаденіе своею раскраской, своимъ богатымъ и вычурнымъ уборомъ: „зазорно“ было смотрѣть на женщину. Оттого „станъ“ не допускался въ ея одеждѣ: онъ не долженъ былъ обнаруживаться ни одною морщинкой и на ея верхнемъ мѣшкообразномъ одѣяніи. Исчезали и укра-

шенія, связанныя съ оголѣніемъ рукъ — браслеты и обручи. Даже роднымъ братьямъ не легло было видѣть сестеръ. Женщины лишь въ крайнихъ случаяхъ покидали свой домъ; да и то онѣ тащились въ крытыхъ колымагахъ со слюдяными оконцами. Всю жизнь онѣ были обречены сидѣть на задахъ дома, передъ высокимъ заборомъ, въ отдѣльномъ помѣщеніи, ключъ отъ котораго хранился у „самого". То была пора процвѣтанія *терема* (§ 103). Съ начала періода онъ окончательно замыкается, какъ монастырская тюрьма. Дѣвицъ никому не показывали до замужества. Жену лишь изрѣдка самъ хозяинъ выводилъ, при особыхъ торжествахъ, для высшаго почета гостямъ, какъ поднимаютъ большія иконы. То былъ обрядъ угощенія, напоминавшій рукоцѣлованіе на Верху. „Сама", во всемъ блескѣ убора и красокъ, становилась истуканомъ въ переднемъ углу, съ дорогими чарками на подносѣ; гости выстраивались у дверей. Она кланялась имъ „малымъ обычаемъ" (до пояса), они отвѣчали „большимъ" (въ землю). Тутъ „самъ" отвѣшивалъ гостямъ земные поклоны, прося цѣловать жену. Каждый гость снова кланялся хозяйкѣ въ землю, прикладывался къ ея губамъ и паки кланялся. Она подносила каждому по чаркѣ, пригубивъ сама. Гость выпивалъ и клалъ послѣдній земной поклонъ. Затѣмъ сама тихо уходила на свои задворки. Больше нигдѣ не было мѣста женщинѣ: если ей случалось выходить изъ этого заколдованнаго круга, она становилась „лицомъ зазорнымъ", а дѣло ея — „срамнымъ". Котошихинъ говоритъ про нашихъ женщинъ: „онѣ грамотѣ неученыя, а породнымъ разумомъ простоваты и на отговоры (отвѣты) несмышлены и стыдливы, понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и онѣ людей видѣти не могутъ". Немудрено, что наши послы были огорчены и изумлены, увидѣвъ французскую королеву съ открытымъ лицомъ, встрѣчая на Западѣ женщинъ, на разныхъ поприщахъ, замѣтивъ, что мелкая торговля въ ихъ рукахъ.

Въ затхлыхъ „тайныхъ покояхъ" лучше всего сохранялся коренной пережитокъ родового быта—родительская власть. Здѣсь не было уже никакого намека на личность, на самостоятельность членовъ семьи. „Самъ" изображалъ собой родового князя (§ 4). Даже домохозяйка была лишь исполнительницею его повелѣній, старшею рабынею-ключницей. Она отчасти лишилась даже своихъ исконныхъ имущественныхъ правъ (§ 103): Грозный ограничилъ, въ своихъ вотчинахъ, наслѣдованіе мужскимъ

потомствомъ. Всѣ обряды напоминали женщинѣ о рабствѣ, при самомъ вступленіи ея въ жизнь. При обрученіи невѣста получала желѣзный перстень, женихъ — золотой. Передъ вѣнцомъ ея отецъ вручалъ жениху „державу“ — новую плеть, причемъ слегка ударялъ ею дочь, заставляя зятя сдѣлать то же. Во время вѣнчанія ей внушали со всѣхъ сторонъ „бояться мужа“ и „повиноваться ему, какъ господу“. Лишь изрѣдка сердобольный отецъ вставлялъ въ свадебную рядную запись: „смирять ее, но не извѣчить“.

Участь женщины замужемъ отчетливо изображена въ *Домостроѣ*. Здѣсь цѣль ея жизни сводится къ тому, чтобы „Богу и мужу угодити, унѳровить ему и во всемъ покорятися“. Ей не дозволяется „тайкомъ отъ мужа ни ѣсть, ни пить; чужаго у у себя не держать безъ мужня вѣдома“. Она должна „обо всемъ совѣтоваться съ мужемъ“, всему учиться у него; знаться только съ кѣмъ онъ велитъ; даже въ храмъ Божій ходить, насколько онъ разрѣшитъ. А мужъ наставляетъ жену на путь истинный, но безъ сердцовъ и наединѣ: при большой винѣ, онъ сниметъ съ нея рубаху и „вѣжливенько постигаетъ плеткой, держа за руку“ и прося не гнѣваться за „ученіе“. Жена и въ людяхъ безмолвствуетъ, отвѣчая только, когда спросятъ, или осторожно прося совѣтовъ, за которые низко бьетъ челомъ; и тотчасъ все передаетъ мужу. „Сама“ всегда поглощена „всякою домашнею порядней“ — кухней, рукодѣльемъ да расправой съ челядинцами: у нея въ ларцѣ ключи отъ всего. Жизнь ея — что часы заведенные. Она подымается съ зарей, чтобы разбудить весь домъ; помолится — и раздаетъ челяди уроки, строго, безъ улыбокъ и разговоровъ; а сама минуты не сидитъ безъ дѣла, пока не кликнетъ ее самъ. Этотъ же идеалъ женщины лучшаго круга изображенъ въ житіи *Іуліаніи Лазаревской* — кроткой, цѣломудренной и набожной, но безграмотной и скучной хозяйки, окруженной только домочадцами и рабами.

Но на дѣлѣ нерѣдко семейный адъ кончался ужасами. Раба и нищая, тварь зазорная, по животному взгляду своего мущины, она оправдывала свое воспитаніе. Она привыкала утаивать добро своего властелина, сама таиться и лукавить передъ нимъ. Со скуки и въ подражаніе мужу, она тиранила домочадцевъ, предавалась пьянству и распущенности, при помощи „потворенныхъ бабъ“. Отъ отвращенія къ нелюбому мужу и отъ его побоевъ жена, случалось, пускала противъ него „слово и дѣло“, а иногда даже „избывала“ его съ помощью снадобій знахарокъ,

хотя за это ей доставались самыя жестокія муки, помимо обычнаго кнута: мужеубійцъ даже зарывали въ землю по горло.

Чѣмъ выше званіе, тѣмъ тяжелѣе была жизнь женщины, тѣмъ крѣпче и тѣснѣе становилась ея клѣтка. Въ крестьянствѣ она была такая же, какъ и теперь. Тамъ не было терема: бабы и дѣвки тянули тягло, страдали страду вмѣстѣ съ мужиками. Не то было на Верху, которому старались подражать бояре и даже гости. Здѣсь пережитки первобытности являлись во всей наготѣ, освященные обрядностью царскаго чина и преданіями Византіи; да еще они осложнялись кознями честолюбцевъ. Нигдѣ не обнаруживалось такъ ярко исключительное значеніе женщины, какъ орудія „чадородія". Царевны, протомившись лучшіе годы въ полномъ затворничествѣ, въ постѣ и молитвѣ, поступали въ монастырь (§ 152). Царица надобилась только для того, чтобы „не изсякъ корень государева рода". Ее выбирали изъ „дѣвокъ" всего царства по „росту, красотѣ, стыдливости и скромности". Съ этою цѣлью окольничіе и приказные разъѣзжали по уѣздамъ съ „мѣрой" роста, какъ было въ Византіи и въ сказкѣ о Замарашкѣ. Верховыя боярыни и комнатныя бабы (§ 152) осматривали привезенныхъ „до самой сокровенности" и годныхъ помѣщали на особую половину дворца, куда, иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ, приходилъ смотрѣть ихъ царственный женихъ. Наконецъ, онъ вручалъ избранницѣ ширинку (носовой платочекъ) и кольцо. Затѣмъ слѣдовалъ обрядъ „нареканія царевною", причемъ невѣстѣ давалось новое имя: съ той минуты она отрекалась отъ міра, теряла отца (§ 152), становилась дворцовою собственностью. Избранницу навѣки принималъ въ себя царскій теремъ, эта раззолоченная клѣтка со всякими прохладами, но безъ капли свободы. Вокругъ нея тотчасъ же клубкомъ обвертывались козни. Роды обойденныхъ невѣстъ и старые наперсники государя старались „испортить" ее, пользовались всякимъ ея легкимъ недомоганіемъ, иногда даже „изводили" ее до вѣнца. Про „неплодіе" и говорить нечего. Велика была радость цѣлой кучи родичей и друзей царицы, когда проносился слухъ, что она „непраздна". А царь ничего не могъ знать: онъ жилъ на другой половинѣ. Рѣдкому счастливцу удавалось лицезрѣть свою государыню. Верховыя боярыни принимали даже кушанья въ сѣняхъ, чтобы никого не допустить до нея. Когда нужно было врачу пощупать ей пульсъ, наглухо завѣшивали окна и окутывали высочайшую ручку тонкимъ покровомъ. Царица не присутствовала даже на

погребеніи братьевъ и сестеръ, а въ верховую или сѣнную церковь ходила по особой галлереѣ, закрытой со всѣхъ сторонъ, и стояла тамъ на особомъ „мѣстѣ“, завѣшанная тафтой, хотя церковь очищалась, на такой случай, отъ народа. Выѣзжала царица рѣдко, только на богомолье, на зарѣ или ночью, въ возкѣ, закутанномъ въ персидскую камку; а если случалось пройтись ей пѣшкомъ, со всѣхъ сторонъ несли суконныя полы, вродѣ подвижного ящика. На такія торжества, какъ пріемъ пословъ, царица, сидя въ „тайникѣ“ (чуланчикѣ наверху), глядѣла съ дѣтьми въ смотрительную рѣшетку, которая сохранилась до сихъ поръ въ Грановитой палатѣ. Жизнь государыни проходила по Домострою — въ молитвѣ, милостынѣ и рукодѣльяхъ. Только по годовымъ и семейнымъ праздникамъ были пріемы „пріѣзжихъ боярынь“ и „старицъ-монахинь“ (бывшія боярыни), по особому „зву“ и по списку царицына дворецкаго. Утромъ обыкновенно занимались рукодѣльемъ, даже шили куклы своимъ дѣтямъ; послѣ обѣда забавлялись въ большихъ сѣняхъ. Здѣсь, среди сѣнныхъ дѣвицъ, были искусныя „игрицы“ для хороводовъ. Лѣтомъ больше всего были въ ходу „рели“ (качели), зимой—ледяныя горы. Царицъ развлекали еще шутихи, карлицы, уроды, нищіе, а также занимали бесѣды съ юродивыми, инокинями, странницами и духовными отцами.

Бытъ русской женщины оказался самымъ вѣрнымъ хранителемъ старины. Только въ немъ не замѣчалось почти никакихъ перемѣнъ въ теченіе всего четвертаго періода. Лишь подконецъ царевны и нѣкоторыя боярышни начали обучаться грамотѣ; но читали онѣ въ своихъ свѣтлицахъ такіе сборники, какъ „Златоустъ“, изъ котораго много заимствовалъ Домострой. Боярыни начали выѣзжать чаще, и не въ одинъ храмъ или на Верхъ, но и въ гости. У нихъ уже развязывался языкъ: иногда онѣ засиживались во дворцѣ до поздна; и тогда ихъ сопровождалъ конвой. Это дѣйствовалъ примѣръ иностранокъ, число воторыхъ быстро увеличивалось. Рядъ ихъ начинается съ царственныхъ женщинъ— съ Софьи Витовтовны, Софьи Палеологъ и Елены Глинской (§§ 95, 114, 121), которыя не прятались отъ пословъ и лично занимались въ думѣ. Женщина, впервые послѣ Ольги (§ 19), даже показалась у кормила правленія: Софья Витовтовна и Елена правили государствомъ, за малолѣтствомъ своихъ сыновей; а Софья Палеологъ, такъ же какъ Марина (§ 136), имѣли вліяніе на государственныя дѣла. Просвѣтительное вліяніе Запада должно было вскорѣ охватить и русскую женщину, которую

сами иностранцы ставили высоко не только за красоту, но и за природный умъ. А объ ея добромъ сердцѣ свидѣтельствовали не одни дѣла милосердія, но также пѣсни и сказанія народа, который и повѣсти о „злыхъ и хитрыхъ женахъ“ не самъ сочинилъ, а взялъ изъ византійскихъ источниковъ.

Такъ, къ концу періода замѣчалось, что печальныя черты нравственности древней Руси были, какъ вездѣ, не прирожденными пороками, а данью времени, запоздалыми пережитками первобытности. Онѣ должны были постепенно сглаживаться, уступая мѣсто болѣе человѣческому подобію, подъ вліяніемъ лучшихъ понятій, приносимыхъ просвѣщеніемъ.

§ 173. **Пережитки въ умахъ.** — Лучшія понятія зарождались медленно, въ связи съ проблесками просвѣщенія. Сначала, при первобытномъ невѣжествѣ, сохранялась древняя основа умоначертанія — двоевѣріе (§ 71), которымъ поддерживалось двоедушіе, двуличность (§ 170). Оно никогда не вскрывалось такъ явственно, какъ на соборѣ 1551 года (§ 123).

Повсюду были еще живы многочисленныя *суевѣрія* и *обряды язычества* всякаго вида—славянскаго, финскаго, мусульманскаго, даже классическаго, связаннаго съ католичествомъ. Они не были чужды самимъ пастырямъ церкви: не только попы, но и владыки избѣгали проповѣдей отчасти именно изъ страха обмолвиться ересью. Это придавало силы волшебству точно такъ же, какъ и увѣренность народа въ его всевѣденіи и цѣлебности: волхвовъ, кудесниковъ, колдуновъ, ворожей называли „знахарями, вѣдунами, вѣдьмами и врачами“. Ихъ страшились попрежнему и, въ минуты отчаянія, истребляли, какъ „нечистую силу“, но больше чтили и ублажали. Безъ нихъ не обходилось ни одно событіе въ жизни русскихъ. Наши „прелестніе и падкіе на волхвованіе“ предки относили малѣйшее недоразумѣніе къ „дьявольскому навожденію“, къ сглаживанью, вынутію слѣда, напущенію болѣзни по вѣтру и т. п. Волхва ставили выше церковника. Обыватель возвращался домой, если, при выходѣ, встрѣчалъ „попа, инока, черницу, свинью или лысаго коня“. Тяжебники, бывало, поцѣлуютъ крестъ, въ знакъ примиренія, а потомъ учиняютъ поле (§ 26), по научѳенію чародѣевъ, которые гадаютъ имъ по „планидамъ“. Въ лѣтописяхъ опричнина приписываетси врачу-голландцу, „лютому волхву“, котораго подослали нѣмцы, чтобы внушить Грозному „на русскихъ людей свирѣпство“. При Годуновѣ, „фортуна“ котораго объяснялась также чарами, доморощенный

лекарь свалилъ на вѣдуновъ смерть одного вельможи — и ихъ сожгли послѣ истязаній, а надъ кострами „слетѣлись стаи сорокъ и воронъ". Въ смуту, въ Перми жгли огнемъ какого-то мужиченка, который „напущалъ на людей икоту".

Гдѣ не хватало волхвовъ, тамъ шлялись пророки и пророчицы. Босые, полунагіе, простоволосые, они били себя въ грудь, тряслись и именемъ Пятницы или апостоловъ отдавали нелѣпыя приказанія, которымъ безпрекословно повиновались. Православные предавались „чернокнижію". Никогда еще не было столько такихъ „гадальниковъ", оракуловъ, какъ Колядникъ, Альманахъ (календарь съ предсказаніями и примѣтами), Аристотелевы Врата (якобы написанныя Аристотелемъ для Александра Великаго и переведенныя сначала на арабскій, потомъ на латинскій языкъ), Звѣздочтецъ, Задей, Воронограй, Рафли (гадалка), Чаровникъ (книга объ оборотняхъ), Волховникъ, Остронумѣя и проч. Къ этому списку 1551 года церковный уставъ 1608 г. прибавилъ рядъ такихъ запрещенныхъ книгъ, какъ Острологъ, Землемѣріе, Громникъ, Путникъ (примѣты по встрѣчамъ), Сонникъ, Зелейникъ или Травникъ, Шестокрылъ (еврейскія таблицы), Птичьи Чары и пр. Наконецъ, было много анокрифическихъ молитвъ-заклинаній, особенно объ изгнаніи лихорадокъ или 12-ти „окаянныхъ дѣвъ", какъ-то: Тресея, Желтея, Пухлея, Знобея, Сухотея и др. Народъ еще придерживался первобытныхъ „бѣсовскихъ потѣхъ" съ „сатанинскими пѣснями" (§ 14). Ими сопровождались и христіанскіе обряды: при вѣнчаніи, скоморохи шли передъ попомъ съ своими играми (§ 63). Само духовенство нерѣдко совершало языческія требы.

Суевѣрія проникали всюду. Книжники жаловались, что не только „невѣжи, невѣгласы", но и „вѣжи" увлекаются „поганскими" обычаями, „бѣсовскими" пѣснями и прохладами. Суевѣрія проходили до самаго Верху, касались не однихъ доморощенныхъ невѣждъ, но и иностранцевъ, которые видѣли то же на Западѣ (*Н. И.* §§ 47, 102). Къ Софьѣ Палеологъ, во время борьбы за престолонаслѣдіе (§ 114), ходили „бабы съ зельемъ", и супругъ жилъ съ нею „въ береженіи"; Максимъ Грекъ почиталъ за грѣхъ обувать турецкіе сапоги; Андрей Курбскій описывалъ, какъ казанцы чарами напускали на русскихъ вѣтеръ и дождь. На Верху держали колдуновъ и ворожей. Передъ ними трепеталъ не только совсѣмъ больной, передъ смертью, Иванъ IV, но и прозорливецъ Годуновъ, мучимый сознаніемъ своей неправоты и холодности народа (§§

127, 130). До самаго конца Верхъ былъ наполненъ страхомъ не одной измѣны (§ 153), но и „порчи". Усмотрятъ ли дыру на царской сорочкѣ, пропадетъ ли грибъ съ высочайшаго стола — тотчасъ розыски о колдовствѣ, пытки стольникамъ, слугамъ и мастерицамъ. Особенно не знали, какъ уберечь отъ чаръ царскихъ женъ и невѣстъ, въ виду ихъ недолговѣчности и внезапныхъ болѣзней (§ 172). Въ крестоцѣлованьѣ царедворцевъ (§ 153) говорилось: „государя всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ, ни на слѣду, ни по вѣтру, не испортити". Въ смуту правительство искренно возвѣщало о чарахъ „разстриги". При Михаилѣ запрещали покупать хмѣль, подъ страхомъ смертной казни, такъ какъ прошелъ слухъ, что въ Литвѣ вѣдунья нашептывала на него. За нюханье табаку, какъ дьявольскаго зелья, было урѣзано много носовъ.

Живучесть суевѣрій была связана съ невозможностью, для неразвитого народа, проникнуть въ сущность новаго ученія. Христіанство все еще цѣнилось попреимуществу съ внѣшней стороны, какъ новая *обрядность*, которую перетолковывали опять-таки согласно съ пережитками язычества. Всюду чудилось сверхъестественное. Паломники видѣли въ Іерусалимѣ только такія дива, какъ случай съ Гагаринымъ: на Пасху, онъ возжегъ свою свѣчу отъ сходящаго съ неба огня, у Гроба Господня, и какъ ни жегъ ею себѣ бороду, ни одного волоска не опалилъ. Больше всего расходились книги, наполненныя сказками и чудесами, въ особенности апокрифы, эти склады предразсудковъ, съ которыми связаны отчасти и ереси. На площадяхъ, перекресткахъ, дорогахъ ставились кресты и иконы, мимо которыхъ никто не смѣлъ пройти, не снявъ шапки и не перекрестившись, такъ же какъ черезъ кремлевскія ворота. Во время такихъ бѣдствій, какъ моръ, выростали, какъ грибы, церкви-обыденки (§ 106). Въ лѣсныхъ чащахъ созидались обители — тамъ, гдѣ показывались явленныя иконы. Были признаны всероссійскими святыми многіе мѣстные подвижники.

При внутренней распущенности (§ 170), снаружи русскій казался просто инокомъ. Обителью вѣяло отъ его жилья, прокуреннаго ладономъ и постнымъ масломъ, осѣненнаго внѣшнимъ благочестіемъ и степенствомъ. У него всюду, даже въ мыльнѣ, стояли иконы, завѣшанныя тафтой, чтобы не видѣть имъ житейскихъ дѣлъ, а въ спальнѣ — „поклонный" крестъ, сокрушающій нечисть по ночамъ. Въ рукахъ у него висѣли четки

и лѣстовицы, ременныя и набранныя по атласу, „по которымъ кладутся поклоны“. Онъ возставалъ противъ всякихъ радостей жизни—противъ шахматовъ, „плясанія на пиру“ и „если басни баютъ“. Съ постническою мыслью строилъ онъ одежду своей женщинѣ (§ 172): поясъ допускался только на платьѣ низкихъ людей да холоповъ. Посты, противъ которыхъ наши предки воевали еще въ 12-мъ в., были доведены ими теперь до изувѣрства: не ѣли по три дня въ недѣлю; и мать лишала младенца своей груди. На Верху, довольно заглянуть въ Крестовую, чтобы замѣтить тоже умоначертаніе, только въ болѣе яркомъ видѣ. Она переполнена „святынями“. Не говоря уже про всякія иконы, кресты, „праздничную“ святую воду, ваіи и вербы, здѣсь такія рѣдкости: „камень, гдѣ стоялъ Христосъ на воздусѣ“; песокъ Іордани, „гдѣ Христосъ крестился“; ручка Богородицы; зубъ св. Антонія, зубнаго цѣлителя; лапти и онучи Пафнутія Боровскаго (основателя монастыря въ Боровскѣ, въ началѣ періода); „чудотворный медъ“. По всему дворцу развѣшаны, въ золоченыхъ рамахъ, „молитвы“, писанныя уставомъ на раскрашенныхъ доскахъ; вездѣ разставлены „поклонныя скамейки“ изъ бархата и золота, на которыя клались земные поклоны. Царь даже дѣлами занимался въ храмѣ и облачался поцерковному (§ 153). На коронѣ царицы возвышалось 12 башенокъ, по числу апостоловъ.

Но и внѣшняя сторона христіанства понималась превратно самими его учителями. При Иванѣ III всталъ большой соблазнъ изъ-за того, *по-солонь* (по солнцу), или наоборотъ, ходить вокругъ церкви, при ея освященіи: въ книгахъ ничего не нашли объ этомъ. Тогда же спорили жестоко о томъ—„сугубить“ ли (двоить) или троить аллилуя (въ припѣвѣ: „аллилуя, слава тебѣ, Боже!“), а также—креститься ли тремя перстами или двумя, какъ благословляютъ попы? Стоглавый соборъ сталъ за *сугубое аллилуя* и *двуперстное сложеніе*. Подобныя ошибки, роковыя въ неразвитомъ обществѣ, были освящены потомъ еще первопечатными книгами. А происходили онѣ оттого, что, по невѣжеству, толковали Св. Писаніе вкривь и вкось. Такъ, вообразили будто халдеи—слуги Навуходоносора (*Д. И.* § 45), поджаривавшіе трехъ отроковъ: и „халдей, халдейка“ стали бранью, которая не исчезла до нашихъ дней.

Крѣпости суевѣрій соотвѣтствовали *строгость обычая* и порождаемая ею *нетерпимость*. Всякій норовилъ жить по „пошлинѣ“ (§ 159) во всемъ, начиная съ кафтана и избы прароди-

телей. „Пошлый“ было почетнымъ названіемъ. Все старинное, начиная съ предковской рухляди, пользовалось особымъ почетомъ: дорожили даже старою книгой, хотя бы она была свѣтская, а не душеспасительная. За малѣйшій проступокъ противъ старины, за пустое слово карали опалой общества: по меньшей мѣрѣ отдавали „подъ началъ“, т.-е. на исправленіе въ монастырь, гдѣ виновный сидѣлъ на цѣпи и справлялъ всякую трудную работу, непрестанно замаливая свой грѣхъ. Самъ попъ Сильвестръ, сочинитель Домостроя, гонитель жидовствующихъ, оказался, въ глазахъ царскаго дьяка, опаснымъ „въ своихъ мудрованіяхъ“, такъ какъ дозволилъ какія-то „новшества“ въ спискахъ со старыхъ иконъ, сдѣланныхъ послѣ пожара 1547 года. А о судьбѣ людей съ новыми понятіями можно судить по примѣру Шеина и Хворостинина (§§ 145, 151): послѣдняго наказали, именно какъ „самомнителя“, который „высокоуміемъ вознесся“.

Старина особенно ненавидѣла все иностранное, чуя, что здѣсь-то врагъ, съ которымъ ей не стянуть (§ 168). Тутъ толпа, поддерживаемая церковниками и боярами (§§ 130, 140), рѣзко проявляла свое „глупое высокомѣріе“ (§ 170). При Грозномъ духовенство добилось закрытія единственной школы въ Москвѣ, гдѣ учились полатыни. Когда само правительство издало „козмографіи“ (географіи), она кричала, что и безъ нихъ понимаетъ движеніе планетъ, ибо „ангелы тварь (зодіакъ) водятъ“. Нечего говорить про евреевъ, которыхъ вовсе не пускали къ себѣ, тогда какъ въ Литвѣ они были сравнены, въ правахъ, съ шляхтой (§ 100). Но даже протестантъ и католикъ считались погаными и зловредными бусурманами. Про Марину говорили: это — „латынской вѣры дѣвка, луторка, кальвинка, еретица, безбожница; она сорокою обернулася и изъ палатъ вонъ вылетѣла“. Западные христіане должны были перекрещиваться, переходя въ православіе. Жутко приходилось иностранцамъ въ Москвѣ, особенно врачамъ, которыхъ приравнивали къ волхвамъ. Скелеты, анатомическіе препараты, зоологическіе предметы считались чертовщиной. При Иванѣ III, двое лекарей изъ нѣмцевъ были убиты, когда умерли ихъ больные, а итальянца Аристотеля держали, какъ въ плѣну, и ограбили и бросили его въ тюрьму, когда онъ попросился домой. Иностранцевъ не пускали въ церковь. Ихъ всячески оскорбляли въ Москвѣ, несмотря на то, что они стали одѣ-

ваться порусски. Наконецъ, ихъ перевели за городъ, въ Нѣмецкую Слободу, которая была истреблена въ „розруху".

Правительство принуждено было уступать этому жестокому духу нетерпимости. Даже Лжедимитрій I стѣснялъ католиковъ, вопреки своему обѣщанію (§ 136), такъ какъ ненависть къ „латынѣ", внушенная русскимъ Византіей, поддерживалась вѣковою борьбой съ Литвою и Польшей. Иностранныхъ пословъ, а однажды даже византійскаго патріарха (§ 131), держали какъ въ плѣну. И царь наносилъ торжественное оскорбленіе Европѣ, омывая руки послѣ пріема нѣмецкаго посла. А Стоглавъ объявилъ грѣхомъ носить иновѣрную одежду, брить бороду, подстригать усы, нюхать табакъ, ѣсть колбасу и зайца. Выѣздъ за границу былъ воспрещенъ до самаго конца періода. Сочиненія малороссійскихъ ученыхъ подвергались цензурѣ Филарета (§ 148); и она находила „папизмъ" во всемъ, что̀ „не сходилось со старыми переводами", а именно, что̀ приводилось, какъ примѣры изъ свѣтскихъ наукъ.

Старина поддерживалась пережитками *родоваго* быта. Въ политикѣ они слабѣли замѣтно съ самаго начала нашей исторіи (§§ 11, 37, 85). Но въ нравахъ и понятіяхъ они коренились до самаго конца древней Руси, въ видѣ первобытной силы родительской власти. По Домострою, „самъ, бо̀льшій"—такой же „государь дома", какъ царь—государь всей земли. Онъ—божество. Власть его не опредѣляется: остальной домъ существуетъ только для него, какъ его придатокъ. Въ тѣхъ книгахъ, откуда черпалъ попъ Сильвестръ, онъ называется „игуменомъ, апостоломъ дому своему", а въ Домостроѣ — „стражемъ надъ домочадцами, сосудомъ избраннымъ". Родовое, отеческое (патріархальное) начало проникало всюду. Ярче всего проявлялось оно въ положеніи женщины (§ 172). Но и у мужчины мысль о совершеннолѣтіи (§ 103) еще не утвердилась: она служила лишь для государственныхъ цѣлей (§ 164). Попрежнему передъ старшими всякій былъ недорослемъ до могилы и нуждался, какъ въ родительской опекѣ, такъ и въ отеческомъ наставленіи. „Самъ" дѣлалъ съ сыномъ, что̀ хотѣлъ: онъ возлагалъ на него раны до сѣдыхъ волосъ, женилъ его въ дѣтскомъ возрастѣ, отдавалъ его подъ началъ, до четырехъ разъ продавалъ его въ холопство. У него самого не было иной чести, кромѣ отеческой, ради которой онъ клалъ спину подъ батоги: самое слово „честь" происходитъ отъ слова „отецъ, отчить, чтить"; а преданіе называлось „отчиной", напоминая наслѣдственную землю.

По этому, домостроевскому, умоначертанію, а не по писаннымъ законамъ, разверстывались всѣ жизненныя отношенія, строился весь укладъ общества. Въ хозяйственномъ быту родовое начало царствовало въ видѣ общины. Въ нравственной жизни оно поддерживалось церковью, которая учила: „Господь бо гордымъ противится, смиреннаго любитъ, а покорному благодать даетъ. Всякъ возносяйся смирится, а смиряяйся вознесется". Наша лѣтопись—ничто иное, какъ поясненіе этого правила примѣрами. Въ политическомъ быту та же родительская опека и всеобщее послушаніе безъ разсужденій. Тутъ все построено на строгомъ чиноначаліи. Какъ пригороды стояли на томъ, „на чемъ положатъ" города, такъ вся земля ждала, что́ прикажетъ общій отецъ съ Верху. Земскій соборъ, также какъ и боярская дума, были сборомъ семьи, которая откровенно говорила и ничего не рѣшала, полагаясь на „самого". У каждаго русскаго въ отдѣльности не было собственнаго обличія, какъ не было и фамиліи: все Иванъ, сынъ Петровичъ, или Петровичъ. И когда у бояръ зародились фамиліи, онѣ по большей части происходили не отъ мѣстностей, какъ на Западѣ (*С. И.* § 177), а отъ предковъ (Семеновъ, Ивановъ). Всякій намекъ на личную или общественную самостоятельность считался ересью или, по меньшей мѣрѣ, непростительнымъ „умствованіемъ, высокоуміемъ, мудрованіемъ, гордыней". Въ учительныхъ писаніяхъ говорилось: „всѣмъ бѣдамъ мати—мнѣніе; мнѣніе—второе паденіе". Оно ведетъ къ развитію отдѣльнаго человѣка, а личность все еще казалась грѣхомъ и крамолой: всюду придерживались „одиночества" (§ 155), которое отвѣчало потребности въ государственномъ сплоченіи.

Отъ отеческой опеки, также какъ отъ „пошлины", некуда было укрыться. Въ „Повѣсти о Горѣ-Злосчастіи" описаны ужасные плоды „ослушанья родительскаго"—порыва добра молодца, „жить, какъ себѣ любо": молодецъ погибаетъ, какъ „гулящій", блудный сынъ, и спасается лишь въ монастырѣ, смирившись. Разгулъ воли, полный разрывъ съ домашнимъ гнѣздомъ, буйный переходъ отъ покорности раба къ беззавѣтности богатыря или казака—вотъ единственный выходъ изъ оковъ родовыхъ пережитковъ. Но сколько ни „разбредался розно" русскій народъ, за нимъ слѣдовало Горе-Злосчастіе: онъ самъ налаживалъ, на новыхъ мѣстахъ, старые устои быта.

§ 174. **Новыя понятія и просвѣщеніе. Максимъ Грекъ.** — Благодаря невѣжеству и пережиткамъ всякихъ суевѣрій (§§ 170,

173), умоначертаніе четвертаго періода — сумрачная нескладица. Нѣтъ отчетливыхъ понятій: всюду неясность мысли, неспособность къ точнымъ опредѣленіямъ. Рядомъ — боязнь обобщеній: вездѣ примѣры, образцы, да обычай—словомъ, „пошлина". У тогдашнихъ законниковъ на каждомъ шагу перечисленія и обозначенія, но они путаются между собой: и нѣтъ безспорныхъ требованій власти, какъ нѣтъ порядка въ самомъ государственномъ „строеніи", о которомъ больше всего заботились.

Новая жизнь могла возникнуть только съ новыми, болѣе соподчиненными, болѣе ясными и человѣчными понятіями. Они и мерцаютъ тамъ и сямъ. Съ открытіемъ періода зарождается небывая, свѣтская, интеллигенція (§ 114). Если это весьма тонкій слой надъ глубиной невѣжества, какъ бывало вездѣ въ началѣ, зато въ немъ ясны отрадные задатки. При всей тяжести условій жизни, въ первыхъ новыхъ людяхъ Руси много одушевленія и воли. Ихъ стремленія прямо связаны съ несокрушимой силой просвѣщенія, проникавшаго къ намъ отъ болѣе образованныхъ народовъ. „Возрожденіе" Запада коснулось и далекаго Востока. И если тамъ ему предшествовала подготовка, которую называютъ „первымъ" Возрожденіемъ (*С. И.* § 120), то у насъ она совершалась именно тогда. Наше первое Возрожденіе тѣмъ болѣе свидѣтельствуетъ о силѣ идеализма русскаго народа, что оно расцвѣло въ злую пору, въ опричнину.

Какъ прежде, въ церковную пору, Русь была ученицей Византіи, такъ теперь она подпала *вліянію Запада*, и прежде всего Италіи, гдѣ красовалось не „божественное" знаніе, павшее вмѣстѣ съ Константинополемъ и съ средними вѣками, а „человѣческая" наука или гуманизмъ (*С. И.* § 168). Это, „фряжское", вліяніе постепенно укрѣплялось, благодаря прямымъ сношеніямъ, начиная съ „цареградской царевны", которая была не только послѣднею представительницей византійства, но и воспитанницей Италіи. Впрочемъ, далекая Италія быстро уступила роль нашей наставницы нашимъ сосѣдямъ—полякамъ и нѣмцамъ.

Какъ только, въ лицѣ Софьи Палеологъ, лучъ Возрожденія прорѣзалъ мракъ Руси, тотчасъ „наша земля замѣшалася" не въ одномъ политическомъ отношеніи (§ 114). Немедленно началось великое дѣло перезыванія свѣдущихъ людей съ Запада (§ 168), а вслѣдъ затѣмъ и отправка русской молодежи къ самому источнику просвѣщенія: Грозный посылалъ ее еще въ Царьградъ и на Аѳонъ, а Годуновъ—уже на Западъ. И загорѣлась

жажда знанія и разсужденія, которую уже нельзя было ничѣмъ утолить; а она вызвала умственное движеніе, котораго никто не остановитъ. Древняя Русь заговорила въ смущеніи: „земля наша свои обычаи переставливаетъ“. И она спѣшила сберечь старину отъ порывовъ юности, собравъ ее въ свои Четьи-Минеи и Азбуковники, въ свой Домострой.

А все, что̂ было молодо душой, эти неизбѣжные въ каждомъ живомъ обществѣ новые люди, передовики, рвались къ свѣту, къ неизвѣданному, къ человѣчной жизни, какъ даровитые ученики. Въ кружкѣ Максима Грека одинъ бояринъ предпочиталъ турецкіе порядки московскимъ. Въ опричнину многіе жаловались на Москвѣ, что ни тебѣ самому съѣздить, ни дѣтей послать въ чужіе края. Тогда бѣжало не меньше народу, чѣмъ погибло отъ палачей,—бѣжало, по словамъ Курбскаго, изъ „отечества неблагодарнаго“, изъ „земли лютыхъ варваровъ“, туда, далеко, на западъ солнца, „слышачи о вольностяхъ и свободахъ“. За этими первыми выходцами не прекращался рядъ людей, очарованныхъ новою жизнью. Посланные Годуновымъ 14 юношей не возвратились, пристроившись за границей. Про поляковъ старички говорили, покачивая головами: „одно лѣто побываютъ наши съ ними на службѣ—и у насъ на другое лѣто не останется и половины лучшихъ людей; а бѣдныхъ людей не останется ни одинъ человѣкъ“. Въ смуту, князь *Хворостининъ* (§ 151) сошелся съ поляками, съ Лжедимитріемъ I,—и въ его письмахъ „объявились многія непригожія и хульныя слова о православной вѣрѣ, св. угодникахъ и о людяхъ московскаго государства“. Онъ сталъ говорить противъ воскресенія мертвыхъ, на Страстной ѣлъ мясо, на Пасху не явился на Верхъ, даже своимъ людямъ запретилъ ходить въ церковь. Еще доносили о такихъ похвальбахъ отщепенца: „На Москвѣ людей нѣтъ: все людъ глупый, жить не съ кѣмъ. Московскіе люди сѣютъ землю рожью, а живутъ ложью. Государь—деспотъ русскій“. Хворостининъ собирался, наконецъ, уйти въ Польшу или въ Римъ.

Между тѣмъ какъ одни бѣжали, а другіе ѣздили за границу, остальные работали дома, подъ тѣмъ же вліяніемъ и въ томъ же направленіи. При Иванѣ III и его сынѣ закипѣло небывалое умственное движеніе. Ему способствовалъ уже прямой примѣръ протестантовъ и католиковъ, появившихся на Руси: при Василіи III подымалось цѣлое дѣло о врачѣ царя, Николаѣ-нѣмчинѣ, который былъ завзятымъ папистомъ. Но больше всего броженіе сосредоточивалось вокругъ ересей, которыя выступали

теперь смѣлѣе и служили не обычнымъ церковнымъ споромъ, а отрицаніемъ старины вообще (§§ 115, 119). Во главѣ ихъ стояло *жидовство.* Это—вторая крупная ересь на Руси, послѣ стригольниковъ, съ которыми ее связывало общее вліяніе Запада (§§ 103, 114). Жидовство занесено изъ Кіева въ Новгородъ ученымъ евреемъ, Схаріей. Еретики, подобно лютеранамъ (*Н. И.* § 2), отвергали Троицу, святыхъ, иконы, монашество и многіе обряды. Люди краснорѣчивые и ученые, хотя, конечно, не пренебрегавшіе астрологіями, они увлекали мыслящихъ изъ православныхъ, въ особенности духовенство и бояръ, съ Патрикѣевыми во главѣ. Жидовство сплелось даже съ политикой и выдвинуло рядъ такихъ крупныхъ борцовъ, какъ Геннадій и Іосифъ Санинъ, съ одной стороны, Нилъ Сорскій, его вѣрный ученикъ, Вассіанъ Косой и Максимъ Грекъ—съ другой. Все это личности, озаренныя новымъ свѣтомъ, несмотря на печальныя увлеченія иныхъ изъ нихъ, въ пылу борьбы. Глава предстателей старины, Геннадій, требовалъ училищъ, чтобы хоть ставить поповъ-то грамотныхъ. На замѣчаніе, что наша земля не родитъ грамотѣевъ, онъ восклицалъ: „но вѣдь это — позоръ всей землѣ!“ Неприступный отшельникъ православія, Нилъ Сорскій, былъ пламеннымъ защитникомъ широкаго взгляда на церковь и образованіе и непримиримымъ врагомъ старины, которую онъ изобличалъ не хуже любого еретика и не щадя даже ея кощунственныхъ обителей. Требуя въ своемъ „Уставѣ о жительствѣ скитскомъ“, чтобы всѣ иноки работали, онъ говоритъ: „кто не хочетъ трудиться, тотъ пусть и не ѣстъ“.

Но важнѣе всѣхъ для новыхъ понятій и для просвѣщенія на Руси *Максимъ Грекъ.* И другъ просвѣщенія, Геннадій, и первый справщикъ рукописей, Нилъ Сорскій, и лучшіе начетчики своего времени, Іосифъ Санинъ съ Вассіаномъ Косымъ,—все это еще церковные дѣятели, даже подвижники. Геннадій, съ своимъ соратникомъ, Іосифомъ, прославились даже, какъ творцы „осифлянства“ (§ 115), этого церковнаго Домостроя, этого суроваго прибѣжища православной старины, откуда со скрежетомъ зубовнымъ толкали назадъ правительство, не знавшее сначала, на какую ногу стать ему съ еретиками. Максимъ же Грекъ, это—само западное Возрожденіе пришло къ намъ учительствовать: съ него должно начинать исторію просвѣтительныхъ началъ на Руси. Подобно своему русскому преемнику, Ломоносову, работавшему въ пору нашего настоящаго Возрож-

денія, этотъ иностранецъ, посвятившій всѣ свои силы Россіи, совмѣщалъ въ себѣ, при первомъ нашемъ Возрожденіи, цѣлый университетъ и академію. Онъ расшевеливалъ тяжелые умы косной страны не одними своими сочиненіями, которыхъ набралось до полуторы сотни почти за 40 лѣтъ, но также обаяніемъ своей благородной личности и своего дѣльнаго искренняго слова. Онъ былъ душой передовыхъ русскихъ людей эпохи (§ 119), которые гордились названіемъ его „учениковъ“ и дѣлали ему честь, въ лицѣ такихъ пылкихъ, безкорыстныхъ сподвижниковъ правды и свѣта, какъ Вассіанъ Косой. Эта душа отразилась, въ слѣдующемъ поколѣніи, въ „избранной думѣ“ и въ Стоглавомъ соборѣ.

Знатокъ древнихъ и новыхъ языковъ, питомецъ и поклонникъ гуманистической Италіи, Максимъ былъ такой же идеалистъ, какъ ея пророкъ, Савонарола, послужившій ему образцомъ (*С. И.* § 154). Живой, неугомонный и неутомимый южанинъ съ Аѳона, онъ былъ „разжигаемъ божественною ревностью“ и, не стѣсняясь своимъ плохимъ русскимъ языкомъ, возсталъ противъ всѣхъ пережитковъ въ умахъ на Руси (§ 173), поднялъ бурю противъ всякихъ ея „темнителей“. Словомъ и перомъ отзывался онъ на всѣ злобы дня, среди борьбы съ личными врагами, съ клеветой и кознями на Верху. Нетерпимость въ дѣлѣ жидовства, пороки духовенства и церковныя имущества, ложь, ханжество и звѣроподобіе міряиъ, „звѣздодвижное колесо счастья“ и апокрифы — все подвергалось нетерпѣливому бичеванію этого честнаго и талантливаго грека. Въ то же время онъ раскрывалъ глаза правительству. Онъ внушалъ: „нельзя только мѣнять заповѣди; обычаи же царскіе и земскіе перемѣнять слѣдуетъ, какъ лучше государству“. Въ „Словѣ о нестроеніяхъ и безчиніяхъ властителей“ обличаются козни, распри, сребролюбіе, лихоимство, роскошничанье, — словомъ, засиліе тѣхъ, кому много было дано, но съ кого мало взыскивалось. А другою рукой Максимъ непосредственно сѣялъ просвѣщеніе, призванный именно для того самимъ Василіемъ III. Человѣку, видѣвшему Лоренца Медичи, Полиціана, Пика делла-Мирандолу, Ліонарда да Винчи, Альда (*С. И.* §§ 154, 169; *Н. И.* § 56), приходилось объяснять такую азбуку христіанства, какъ „М. Ѳ.“ на иконахъ Богородицы: наши грамотѣи читали — „Марѳа“. На его долю выпало первому коснуться замѣчательнаго собранія греческихъ рукописей, валявшихся въ княжемъ книгохранилищѣ, чтобы сдѣлать много новыхъ переводовъ. Онъ же

началъ знаменательную борьбу съ „растлѣніемъ“ рукописей (§ 170): это — нашъ первый „справщикъ“, отецъ *исправленія богослужебныхъ книгъ.* Максимъ долженъ былъ спѣшить: подлѣ него не было ни типографій, ни школъ, о которыхъ онъ только мечталъ въ своихъ сочиненіяхъ. Понятны ошибки въ его исправленіяхъ. За нихъ-то схватилась старина, во время столкновенія ученаго съ властью (§ 119). Невѣжество отплатило просвѣтителю обычною данью: грекъ пострадалъ, вмѣстѣ съ своимъ родовитымъ другомъ и сподвижникомъ, Вассіаномъ Косымъ. Онъ трижды унижался передъ церковнымъ соборомъ, винился въ мнимыхъ преступленіяхъ, чтобы только облегчить свое суровое заточеніе, лишавшее его даже чтенія и письма. И какъ ни просился онъ домой, на Аѳонъ, его не пустили: онъ умеръ у Троицы. А одного изъ его учениковъ, Силуана, митрополитъ „уморилъ злою смертью“ у себя на дому.

А на обоихъ друзьяхъ еще лежала печать древняго благочестія. Одинъ былъ аѳонскій монахъ, другой — князь-инокъ. Максимъ посвятилъ большинство своихъ сочиненій защитѣ православія отъ еретичества. При всемъ своемъ гуманизмѣ, онъ не терпѣлъ лютеровой „ереси“ и армянскаго „зловѣрія“ наряду съ исламскою „прелестью“. Онъ превозносилъ „богодухновенное богословіе блаженныхъ мужей“, въ отпоръ „суесловію и латинскому ухищренію“, т. е. древней философіи. А одинъ изъ его учениковъ называлъ Аристотеля и Платона „мошкарниками, комедійниками“, т. е. шутами гороховыми. Въ слѣдующемъ поколѣніи умственное движеніе, очищенное гоненіемъ, становится еще болѣе свѣтскимъ, смѣлымъ и широкимъ, болѣе походитъ на гуманизмъ.

§ 175. **Политика и просвѣщеніе. Книгопечатаніе.** — Новое направленіе овладѣваетъ Верхомъ. „Избранная дума“, изъ передовыхъ людей церкви, боярства и „сиротъ“, это—его мимолетная побѣда. Добрая пора царя Ивана IV, Стоглавъ-обличитель, рядъ новыхъ мѣропріятій, все это — дружная работа его питомцевъ, кружка первыхъ русскихъ преобразователей, одушевленныхъ любовью къ правдѣ и знанію, состраданіемъ къ „людямъ Божіимъ“, государственнымъ сознаніемъ (§§ 122, 123). На мефистофельской фигурѣ Грознаго этотъ лучъ играетъ до конца: вообще хорошій начетчикъ, онъ не переставалъ читать и умствовать; и въ разгаръ опричнины его не покидало страстное стремленіе къ Западу. Когда онъ узналъ, что англичане, которыхъ онъ такъ ласкалъ, мѣшаютъ другимъ ино-

странцамъ торговать съ нами, у него вырвалось наивное восклицаніе способнаго ученика: „Можно ли отгонять иноземцевъ отъ насъ! Божью дорогу, Океанъ-море, какъ можно перенять, унять и затворить?“ Однажды онъ сказалъ англичанину: „Русскіе мои всѣ воры“. На замѣчаніе, что и онъ — русскій, царь возразилъ: „Я не русскій: предки мои были германцы“ (онъ вообразилъ, что „бояре“ значитъ „бавары“). Вообще Верхъ шелъ впереди на новомъ пути, встрѣчая прямое противодѣйствіе въ толпѣ и духовенствѣ. Онъ поневолѣ привлекалъ иностранцевъ, давалъ льготы ихъ гостямъ, въ особенности же ласкалъ ихъ врачей (§ 168). Онъ заботился и о первыхъ сѣменахъ просвѣщенія, хотя видѣлъ въ наукѣ только „хитрость“, орудіе для удовлетворенія житейскихъ нуждъ. Такъ, Стоглаву хотѣлось устроить церковныя училища, чтобы готовить „горазднныхъ“ въ грамотѣ и пѣніи поповъ и дьяконовъ, взамѣнъ старыхъ грамотѣевъ, которыхъ Геннадій называлъ „робятами глупыми“. Цари мечтали завести своихъ знатоковъ иностранныхъ языковъ, чтобы не отправлять послами фрязиновъ (итальянцевъ), англичанъ, нѣмцевъ да греческихъ монаховъ. Верхъ тщательно собиралъ не однѣ рѣдкія жемчужины (§ 158), но и книжныя сокровища. Его книгохранилище, знакомое Максиму Греку, было переполнено принадлежавшими византійскимъ императорамъ роскошными рукописями, на тонкой харатьѣ, въ золотыхъ окладахъ. Тутъ встрѣчались списки такихъ греческихъ и даже латинскихъ классиковъ, о которыхъ и въ Византіи, и на Западѣ знали только по ссылкамъ да понаслышкѣ [1]).

Въ обществѣ также развивалось стремленіе къ знанію, къ западному просвѣщенію, особенно среди молодежи. „За-граница“ становилась чарующимъ словомъ, возбуждавшимъ сладкія мечтанія. Курбскій знавалъ на Руси многихъ юношей, „тщаливыхъ къ науцѣ, хотящихъ навыкати писанія“. Возникла такая потребность въ чтеніи, что митрополитъ Макарій возымѣлъ смѣлую мысль собрать „всѣ книги, въ русской землѣ чтомыя“. Тогда же типографщики въ Германіи собирались печатать славянскія книги, надѣясь на хорошую прибыль въ Московіи. А

---

[1]) Эта библіотека хранилась близъ дворца, въ двухъ каменныхъ сводчатыхъ тайникахъ. Она рѣдко открывалась: при Грозномъ книги были покрыты густою пылью. По всѣмъ извѣстіямъ, тайники были завалены землей, въ 18-мъ в., когда вели ровъ отъ Тайницкихъ воротъ къ р. Неглинной. Еще не утрачена надежда, что тамъ найдутся такія сокровища классическаго просвѣщенія, которыя послужатъ какъ бы третьимъ Возрожденіемъ наукъ и искусствъ.

здѣсь уже Максимъ Грекъ совѣтовалъ завести собственную типографію, прославляя печатные станки Венеціи (*С. И.* § 166). То же внушалъ Грозному Макарій. Царь и самъ понялъ, что иначе новыя церкви, которыя онъ строилъ во множествѣ, останутся безъ книгъ, а растлѣнію рукописей не будетъ конца. Онъ договорилъ типографщиковъ въ Германіи; но ихъ не пустили. Тогда нашлись собственные первопечатники, ученики итальянцевъ. То были двое простыхъ людей, безфамильцевъ—восторженный любитель своего дѣла, дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ, и его подручный, Петръ Тимоѳеевъ. Они стали работать въ особомъ домѣ, построенномъ на счетъ царской казны: этотъ Печатный Дворъ—нынѣшняя синодальная типографія, на Никольской улицѣ въ Москвѣ. Болѣе двухъ поколѣній спустя послѣ первой книги, напечатанной славянскою кирилицей (краковская Псалтырь 1491 г.), вышла первая русская книга—*Апостолъ* 1564 года [1]).

Умственное движеніе захватывало все болѣе широкіе круги. Направленіе Нила, Вассіана и Максима проявлялось тамъ и сямъ, въ видѣ „руганій“ или порицаній старины вообще. Они связывались съ отпрысками жидовства, которые прозябали, послѣ разгрома 1504 года (§ 115), въ Новгородѣ, Псковѣ, да у „заволжскихъ старцевъ“, какъ называли монаховъ бѣлозерскихъ и вологодскихъ обителей. Ихъ оживляли связи съ Литвой и Ливоніей, куда проникло тогда протестантство. Главаремъ движенія объявился боярскій сынъ изъ Москвы, *Башкинъ*. Вчитавшись въ Евангеліе, онъ „что̀ было кабалъ, все изодралъ“ (отпустилъ своихъ холоповъ) и просилъ поповъ „пользовать его душевно“, разрѣшить его „недоумѣнные“ вопросы. Попы донесли на него. Грозный „содрогнулся душою“, тѣмъ болѣе, что за Башкина уже стояли одинъ епископъ и одинъ игуменъ. Онъ созвалъ церковный соборъ. Оказалось, что башкинцы признаютъ только разумъ и ученіе Христа, а Ветхій Завѣтъ и Житія Святыхъ у нихъ—басни, монашество же и посты—ханжество; они хулятъ всѣхъ православныхъ, и въ особенности духовенство, за неисполненіе заповѣдей; они осуждаютъ рабство и казни вообще, а жестокость осифлянъ въ частности; они называютъ иконы идолами, а причастіе—простымъ хлѣбомъ и виномъ; они ѣздятъ въ Нѣмецкую Слободу и восхваляютъ ея вѣру. Башкинъ отрекся отъ своихъ заблужденій и повинился въ сношеніяхъ съ „ла-

[1]) „Апостолъ“ 1564 года—одно изъ лучшихъ произведеній печатнаго искусства того времени. Его шрифтъ красивъ и четокъ; тискъ тщателенъ—вездѣ одинаковъ

тынниками". Неизвѣстно, что сталось съ нимъ. Его товарищей заточили по отдаленнымъ монастырямъ; впрочемъ, многимъ изъ нихъ удалось бѣжать въ Литву. Но ихъ ученіе жило среди немногихъ грамотѣевъ, иноковъ, заволжскихъ старцевъ и даже владыкъ. Его послѣднимъ отголоскомъ была ересь *Өеодосія Косаго*, бѣглаго холопа изъ Москвы, постригшагося на Бѣлоозерѣ. Она напоминала лютеранство, опиралась на Евангеліе да на слова Вассіана и Максима. Простота ученія и пріятная личность учителя очаровывали многихъ: самъ помѣщикъ подчинился вліянію своего холопа. Когда соборъ посадилъ Өеодосія въ тюрьму, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ своими сторожами. Ересеначальникъ пристроился на Волыни, гдѣ женился на еврейкѣ и успѣшно распространялъ свое ученіе.

Такъ, умы расшевеливались, а царь, ставшій-было въ челѣ движенія, малодушно измѣнилъ ему. Онъ началъ сожигать то,

---

и легокъ, какъ теперь на типографскихъ образцахъ; строка ровная, прямая отъ правильной отливки буквъ; приводка киновари (§ 65) къ черниламъ весьма исправна; бумага голландская—бѣлая, добротная и клееная. Азбука заимствована изъ крупнаго *полуустава* 16-го вѣка, для котораго употреблялись лебединыя перья. Киноварью сдѣлано все, что внѣ текста, а внутри его—прописныя буквы и подраздѣленія. Недурны, свѣжи и украшенія, тиснутыя съ рѣзныхъ обронныхъ (выпуклыхъ) досокъ. Это—киноварная *вязь* (§ 104), начальныя росписныя буквы, *заставицы* (§ 65) и рисунки. Къ сожалѣнію, слова то слишкомъ далеко другъ отъ друга, то сливаются; и пестритъ отъ множества надстрочныхъ знаковъ, хотя и ихъ меньше, чѣмъ въ рукописяхъ. Да знаки препинанія, какъ въ рукописяхъ: запятая, малая точка (внизу строки) и большая точка (посрединѣ строки), потомъ превратившаяся въ ;. Зато правописаніе лучше рукописнаго: здѣсь все нынѣшнее — и ударенія, возникшія съ начала періода, и „титла" или „взметы", и „звательцо" (придыханіе), и „ерокъ". Текстъ также приближается къ нынѣшнему: въ немъ много исправленій, и удачныхъ.

„Апостолъ" напечатанъ въ малый листъ, на 267 листахъ. Онъ снабженъ оглавленіемъ, съ изложеніемъ содержанія и послѣсловіемъ, которое объясняетъ работу. Нашъ рисунокъ представляетъ *1-й листъ* Дѣяній, почти въ величину подлинника. Но онъ считается 3-мъ, какъ указываетъ помѣтка (г҃) въ нижнемъ углу направо: на 1-мъ—только заглавіе („Сказаніе Дѣяній"), на 2-мъ—изображеніе евангелиста Луки. Въ верхнемъ углу направо „знаменанія"—означеніе древнихъ главъ текста (α=1). Подлѣ, тамъ же, киноварный счетъ „зачалъ" — начальныхъ словъ церковныхъ чтеній, съ указаніемъ дней и случаевъ, которымъ они присвоены (зач. α). Самое зачало напечатано внизу также киноварью: „на святую и великую недѣлю пасхи. и на вознесеніе господне". Наверху черная заставица, а подъ нею узловатая вязь киноварью: „Дѣянія святыхъ апостолъ списана святымъ апостоломъ и евангелистомъ Лукою глава". Нашъ рисунокъ взятъ изъ „Сборника памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи",—роскошное изданіе московской синодальной типографіи, сдѣланное, съ разрѣшенія святѣйшаго синода, по поводу 300-лѣтія первой русской книги.

Дѣяния святыхъ апостолъ, списания святымъ евангелистомъ Лукою

Первое оубо слово сотворихъ о всѣхъ, ———— зач а ———— А
о Ѳеофиле. о нихже начатъ Іс, тво
рити же и оучити. донегоже дне,
заповѣдавъ апломъ дхомъ стымъ,
ихже избра вознесеся. прѣнимже
и постави себе жива по страданіи
своемъ. во многихъ истинныхъ знаме
ніихъ. днми четыридесятьми являя
ся имъ, и глаголя яже о црствіи бжіи. сни
мже и яды, повелѣваше имъ от іеросали
ма не отлучатися. но ждати обѣтованіе
отчее, еже слышасте от мене. яко іоаннъ
оубо кртилъ есть водою. вы же имате кре
ститися дхомъ стымъ, не по многихъ
сихъ днехъ. они же оубо сшедшеся, вопрашаху

въ стоую и великую нлю пасхи. и на вознесеніе
гне

Г

Первая русская книга. 1564 г.

чему поклонялся, помогая вожделѣніямъ старины и невѣжественной толпы, хотя самъ стыдился просвѣщенныхъ людей: онъ отрицалъ опричнину передъ лицомъ иностранцевъ. Ему сталъ ненавистенъ кружокъ новыхъ людей: безвременно погибла избранная дума, а съ нею исчезли преобразованія. Стремленіе къ Западу выродилось въ войнолюбіе и дипломатическое коварство (§ 128); а для подданныхъ Грозный самъ „затворилъ Божью дорогу“ на Западъ. Типографія на другой же годъ была сожжена толпой, науськанной переписчиками; а наши первопечатники бѣжали, отъ обвиненій въ ереси, сначала въ Вильну, потомъ въ Острогъ и Львовъ, гдѣ издали много книгъ. Но мысли нельзя погасить, разъ она загорѣлась; просвѣтительнаго движенія нельзя остановить, разъ оно началось. Безъ типографіи уже нельзя было обойтись. Она работала снова въ Москвѣ, и даже въ Александровской Слободѣ: при Грозномъ же напечатано нѣсколько десятковъ богослужебныхъ книгъ. А Шуйскій успѣлъ построить большой домъ для типографіи и прибавить шрифту. И если это орудіе мысли служило еще старинѣ, зато сама мысль шла все дальше и смѣлѣе. Ее разжигали гоненія, подобно тому, какъ опричнина расшевелила притязанія боярства (§ 162). Она совсѣмъ вышла изъ очарованнаго круга церкви и ударилась въ *политику*. Среди интеллигенціи пошелъ глухой ропотъ; появились и открытыя заявленія противъ тиранства, увѣнчанныя жестокими письмами Андрея Курбскаго (§ 125).

Прекращеніе династіи и избраніе Годунова и Шуйскаго, въ особенности же смута, прямо связанная съ Западомъ черезъ поляковъ, окончательно расшевелили умы. При царѣ Василіѣ даже чернь московская готова была хоть каждую недѣлю ставить или „ссаживать“ царей (§ 139); а у мыслящихъ людей слагались политическіе идеалы, напоминавшіе планы Курбскаго. По словамъ иностранцевъ, Лжедимитрій I „давалъ чувствовать русскимъ, сколь счастливъ народъ свободный“. Бояре обвиняли даже его, неограниченнаго записью, за то, что онъ сносился съ Польшей безъ вѣдома московскихъ „сенаторей“. Приказные писали о земскихъ „депутятахъ“. Дьяки, вмѣстѣ съ боярами, похваливали избирательную монархію въ Польшѣ. Они толковали, что явись и впрямь царевичъ Димитрій—ему не быть царемъ, если „его на государство не похотятъ“. Самъ властолюбецъ Шуйскій настаивалъ на томъ, что онъ избранъ „людьми всѣхъ чиновъ“. И всѣ запримѣтили его крестоцѣлованіе „всей

землѣ", съ обѣщаніемъ ничего не дѣлать безъ ея собора,— „чего искони вѣковъ въ московскомъ государствѣ не важивалось". Шуйскій кричалъ, когда пришли ссаживать его, что этого нельзя сдѣлать „безъ большихъ бояръ и совѣта всей земли". Ополченіе Пожарскаго старалось окружить себя соборомъ: въ его грамотахъ поминались „указы, приговоры, совѣтъ всей земли". Даже въ станѣ Ляпунова дѣла рѣшались „всею ратью", казацкимъ кругомъ. Избравъ Михаила, соборъ остался при юномъ монархѣ, чтобы поддержать его силою всей земли. Послѣ разныхъ плановъ конституціи (§ 163), можно повѣрить, что право „обирать" царей не считалось прекращеннымъ съ этимъ выборомъ. Самъ Филаретъ, бывшій бояринъ, писалъ изъ плѣна, когда и не мечталъ о двоевластіи (§ 148), что возстановленіе самодержавія было бы гибелью отечества: чтобъ не видѣть ея, онъ готовъ былъ умереть въ польской тюрьмѣ. Наконецъ, множество „сказаній" изъ смутнаго времени представляетъ небывалое оживленіе русскихъ умовъ въ разныхъ слояхъ общества. Здѣсь кипятъ страсти и борются разныя мнѣнія, отчасти прямо связанныя съ ходомъ событій. Здѣсь доставалось и своимъ, и чужимъ. Протопопъ Терентій выпустилъ такую обличительную повѣсть противъ отечественнаго чревоугодія, что по всей Руси былъ установленъ 6-дневный постъ. Сигизмундъ польскій жаловался боярамъ насчетъ того, что̀ „писали" тогда у насъ о немъ.

Къ концу періода замѣчались предвѣстники близкаго торжества новыхъ понятій и просвѣщенія. При Михаилѣ поднимались всѣ нити образованности, брошенныя въ печальную пору, и къ нимъ прибавлялись новыя. Иностранцы, которыми Годуновъ и Лжедимитрій I дорожили даже больше, чѣмъ Грозный (§§ 130, 136), засѣли уже плотнымъ слоемъ въ столицѣ. Нѣмецкая Слобода (§ 168), съ ея кирками, съ ея собственными нравами и обычаями, была настоящимъ уголкомъ Германіи. Русскіе высшаго круга не только не чуждались ея, но любили посѣщать ее открыто и даже стыдились собственнаго прошлаго: въ своихъ частныхъ родословцахъ они стали выводить свои роды изъ-за границы (§ 163). Наши послы глубже знакомились съ Западомъ, входили во вкусъ его, присылали любопытныя свѣденія, привозили съ собой много книгъ и полезныхъ вещей. Поклонникъ иностранцевъ, Морозовъ, былъ дядькой царевичей и даже нашилъ имъ нѣмецкихъ платьевъ. На Верху, гдѣ съ Годунова появились клавикорды, раздава-

лись, на соблазнъ православнымъ, „треклятые органные гласы“: тамъ и часы играли. У предѣла древней Руси стоитъ цѣлый рядъ крѣпкихъ русскихъ людей съ западнымъ складомъ—Скопинъ, Шеинъ, Хворостининъ, Морозовъ, самъ митрополитъ, отецъ царскій. Филаретъ зубрилъ латинскую грамматику, написанную для него однимъ иностранцемъ русскими буквами. Онъ выписывалъ изъ-за границы не однихъ мастеровыхъ: Олеарій (§ 168) былъ приглашенъ въ качествѣ „остралома (астронома), географуса и землемѣра“. Наконецъ, первому Романову принадлежитъ честь основанія (1633 г.) перваго настоящаго, европейскаго, училища, подъ названіемъ „патріаршаго“ или *греко-латинскаго* (§ 148). Хотя цѣль училища была все еще религіозная, но первыми учителями въ немъ поневолѣ поставили иностранцевъ. А самое названіе его показываетъ, что это—классическая гимназія, т.-е. гуманизмъ, который составлялъ тогда душу свѣтскаго образованія на Западѣ (*С. И.* § 166).

При Михаилѣ была также возстановлена на прочныхъ началахъ типографія, погибшая въ смуту. И тотчасъ же снова выдвинулась безконечная борьба съ „растлѣніемъ“ рукописей. Послѣ Максима Грека дѣло *исправленія книгъ* поднималось вновь на Стоглавомъ соборѣ, но заглохло, за недостаткомъ умственныхъ силъ. Филаретъ поручилъ его Діонисію (§ 141). Но и теперь время еще не приспѣло для столь ученаго труда. Противъ добряка, троицкаго архимандрита, возстала старина, въ лицѣ дикаго инока Логина и невѣжественныхъ уставщиковъ (§ 170). Логинъ издѣвался вообще надъ „хитростью грамматическою“ и „философствомъ книжнымъ“, а Діонисія объявилъ еретикомъ за выпущенное въ одномъ переводѣ лишнее слово „огонь“. За доносчика стала царица-мать; толпѣ внушили, что справщикъ хочетъ „огонь въ мірѣ вывести“. И незлобиваго ученаго заковали въ цѣпи. Его били, оплевывали, выкуривали; а народъ выходилъ на него съ дрекольемъ, закидывалъ его грязью и камнями. Впрочемъ, правда взяла свое хоть на чужбинѣ: восточные іерархи признали исправленія Діонисія вѣрными.

Старина такъ же ожесточенно боролась за свое существованіе въ типографскомъ дѣлѣ. Не одни переписчики злоумышляли противъ творенія Гуттенберга, какъ первые извозчики—противъ желѣзныхъ дорогъ. Толпа косилась на него, отчасти отъ недовѣрія къ дѣлу, которое увѣковѣчивало ошибки справщиковъ, но больше отъ косности, по привычкѣ и изъ уваженія къ предкамъ. „Книга“ попрежнему значила рукопись. Дѣло

списателей даже сильно развивалось къ концу періода: среди писцовъ и владѣльцевъ книгъ нерѣдко встрѣчались посадскіе и крестьяне. Иностранцы даже при Петрѣ I дивились такому прилежанію русскихъ въ списываніи, „какого нѣтъ, кажется, ни у одного народа". Потребность въ чтеніи росла быстро. По церквамъ большихъ городовъ скоплялось до 2.000 рукописей, которыя обращались между обывателями; въ крупныхъ монастыряхъ возникла должность книгохранителя. Рукописи уже продавались на торжищахъ; и долго харатьями (§ 65) оклеивали типографскіе столы на Печатномъ Дворѣ въ Москвѣ. Оттого подлѣ типографщиковъ размножались „борзописцы", и настало царство безобразной *скорописи* (§ 104) — неразборчивыхъ, своенравныхъ, сливающихся другъ съ другомъ каракуль, съ кучей значковъ и росчерковъ [1]). Борзописцы выводили ихъ гусиными перьями, на Верху

---

[1]) По нынѣшнему, скоропись—письмо, уставъ и полууставъ—печать. Первая вытекла изъ послѣдней: это—постепенное и медленное упрощеніе, для обихода, старыхъ начертаній, которыя уподоблялись рисунку и „выводились" тихонько. Связь полуустава съ уставомъ очевидна при сличеніи нашихъ рисунковъ на страницахъ 128 и 432; а начальная скоропись 15-го и 16-го вѣковъ прямо примыкаетъ къ полууставу. Въ 17-мъ вѣкѣ она начинаетъ покидать видъ печати, превращается въ настоящее письмо, и чѣмъ дальше, тѣмъ скорѣе. Скоропись 18-го вѣка представляетъ лишь развитіе начертаній 17-го вѣка, доходящее до полнаго произвола и почти до уродливости и непонятности. Затѣмъ начинается, подъ вліяніемъ школъ чистописанія, выработка яснаго и красиваго почерка. Она и теперь далека отъ совершенства, до котораго дошла на Западѣ, гдѣ прежде также царствовали каракули вмѣсто письма. Тамъ отчетливый и изящный почеркъ, свидѣтельствующій объ уваженіи къ себѣ и къ другимъ, служитъ такимъ же признакомъ благовоспитанности, какъ умѣнье хорошо держать себя въ обществѣ; у насъ же еще недавно невозможный почеркъ считался чуть-ли не признакомъ геніальности писателя и сановитости крупнаго чиновника.

Чтобы видѣть, какъ быстро и любопытно скоропись превращалась, въ 17-мъ вѣкѣ, изъ печатнаго вида въ почеркъ, предлагаемъ два образца, которые требуютъ поясненія, какъ своего рода іероглифы. 1) Отрывокъ изъ челобитной 1610 г. читается такъ: „Царю государю і великому князю владиславу жигимонтовичю всеа русиі бьетъ челом и извещает холоп твой івашко зубатоі старог борисовсково двора на назара на блудова в том что дала государь за нег царица шуйская дѣвку свою приданку старог своево двора а дала за нею твоей государевы казны лѣтникъ ал камчатъ да два лѣтника тафтяных один червчат широкая тафта а другой желтъ да шубку накладную свѣтло зелену".—2) Отрывокъ изъ челобитной 1643 г. гласитъ: „Се яз семен іванов стрелецкого приказу подячей да яз герасим василевъ сынъ веригин торопченин да яз богдан ѳедоров сынъ коротневъ новгородецъ да яз яков михаилов сынъ елманов да яз зомятня ѳомин сынъ нозаревъ ружанин да яз сергѣй маркелов сынъ рукин таможенного приказу пристав да яз торас васильевъ сынъ сабанчѣев да яз максим тимофѣев сынъ дымов таможенного приказу все мы приставы да яз михаило борисовъ сынъ мансуров московской дворенин".

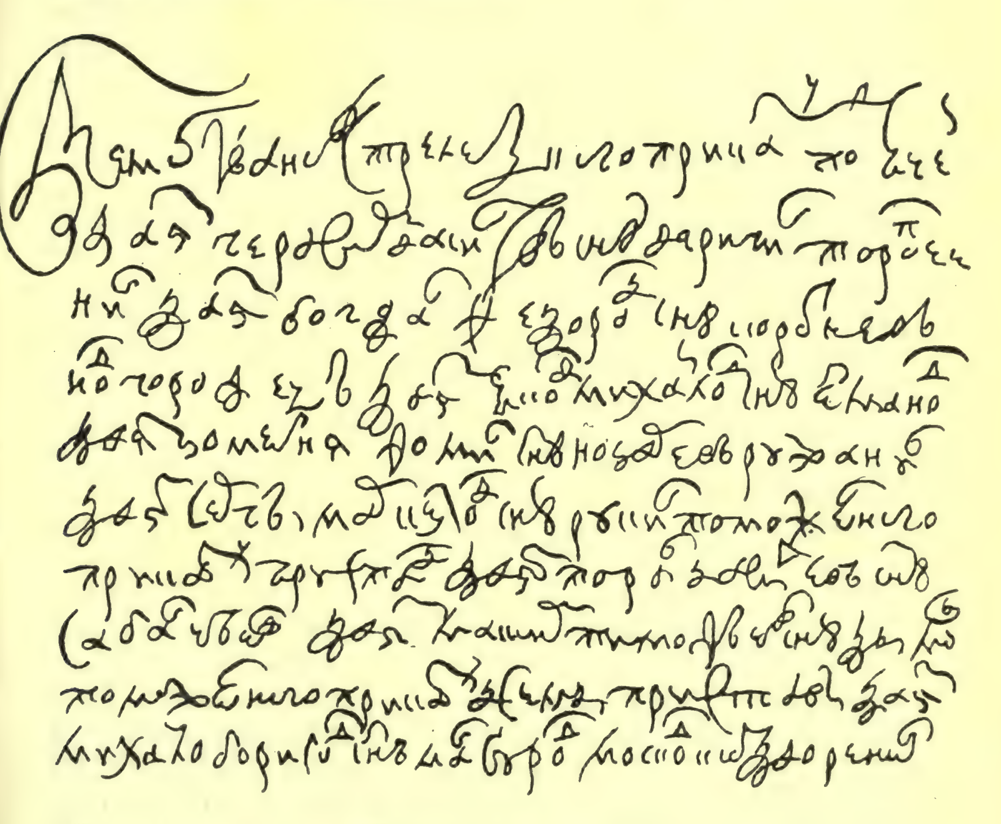
и у бояръ—лебяжьими; были и карандаши. Бумагу полосовали на „столбцы“, которые подклеивались по написаніи: у писаки всегда красовалась на столѣ „клеельница“, подлѣ чернильницы и песочницы. Употреблялись также „спица“ или грифель, иногда на золотой цѣпочкѣ, и „книжки“, иногда пергаментныя, а больше „каменныя“ (аспидныя), у богачей—въ дорогихъ оправахъ.

§ 176. **Новыя черты письменности. Публицистика.**—Новыя понятія и просвѣтительныя начала естественно отразились и

Скоропись 1610 года.

въ московской письменности. Она замѣтно развилась, обогатилась новыми чертами, сбрасывала съ себя исконный отпечатокъ косности, однообразія и ученичества. Время было живое, тревожное: чувствовалось, что Русь снимается съ многовѣковыхъ основъ и готова двинуться въ новый путь. Западныя вліянія и смута заставляли оглядѣться, задуматься и заспорить. Слово становилось такою потребностью общества, что понадобилась быстрота печатнаго станка. Оно норовило всюду вмѣшаться. Оно и поучало толпу, и указывало властямъ; оно и уязвляло само-

любіе, и превращалось въ народный судъ. Какой-нибудь попъ-вдовецъ, слыша огульное осужденіе нравовъ себѣ подобныхъ, защищался уже не доносами или самоуправствомъ, а „Написаніемъ вдоваго попа“. Словомъ, возникло *умственное движеніе* (§§ 114, 174), которое тотчасъ же отразилось въ письменности своими обычными чертами.



Скоропись 1643 года.

Въ такія, переходныя, времена мыслящіе люди стараются оглядѣться, подвести итоги прожитому, сравнивать его съ надвигающеюся новизной. Отсюда *всеобъемлющій* (энциклопедическій), *общественный* (публицистическій) и *воинственный* (полемическій) характеръ главныхъ произведеній письменности. Такъ было въ эпохи Цицерона (*Д. И.* § 250), Эразма (*С. И.* § 171) и Вольтера. Русскому человѣку четвертаго періода эти черты приличествовали тѣмъ болѣе, что на Руси возникло тогда, подлѣ Москвы, новое средоточіе письменности—Кіевъ. И вотъ, потом-

ство получаетъ отъ писателей того времени такіе итоги, какъ труды Максима Грека, библія Геннадія, Четьи-Минеи Макарія, Домострой Сильвестра, Азбуковники и Судебники: здѣсь вся Русь, съ ея вѣрой и нравами, съ ея любомудріемъ, познаніями и законами.

По условіямъ жизни Руси, новыя черты письменности сводились къ одной, самой важной и любопытной: это—ея рѣшительный поворотъ къ *свѣтскости*, который лишь робко начинался въ прошломъ періодѣ (§ 105). А такъ какъ первою свѣтскою задачей Руси было государство, то на немъ прежде всего сосредоточилась выходящая изъ пеленокъ русская мысль. Политическимъ оттѣнкомъ отмѣчена вся тогдашняя наша интеллигенція (§ 175). Онъ сквозитъ также повсюду въ ея литературѣ и блещетъ самобытною силой, въ отличіе отъ церковной письменности, этого сплошного перевода или незначительной передѣлки духовнаго наслѣдія Византіи. Таковы сочиненія даже всѣхъ крупныхъ церковниковъ четвертаго періода, начиная съ Вассіана Рыла (§§ 117, 169), который возбуждалъ храбрость Ивана III изреченіями классиковъ и примѣрами изъ отечественной исторіи, негодуя на „лжеименитыхъ развратниковъ", что̀ „шепчутъ въ уши льстивыя слова". Таковъ „Стоглавъ" (§ 123),—это горячее обличеніе пороковъ церкви и государства, въ формѣ царскихъ вопросовъ и соборныхъ отвѣтовъ. А къ нему примыкаетъ цѣлый рядъ наставительныхъ и критическихъ произведеній. Но самъ онъ тѣсно связанъ съ Максимомъ Грекомъ, этимъ заѣзжимъ отцомъ нашей *публицистики* и журналистики, къ которому жадно прислушивалось просыпавшееся общество: сохранилось много сборниковъ его сочиненій. Это значеніе Максима ясно изъ мыслей о задачахъ самодержавія въ его трехъ посланіяхъ Василію III и Грозному, а также въ „Словѣ о нестроеніяхъ" (§ 174).

Политическое направленіе письменности стало такою потребностью, что сама власть снизошла до литературнаго поприща для борьбы съ нимъ. Возникла знаменитая война публицистовъ, извѣстная подъ именемъ *переписки Курбскаго съ Грознымъ* (2 письма царя и 4—князя). Здѣсь лучше всего отразились главныя черты нашей интеллигенціи четвертаго періода (§§ 125, 175). Противники сходились въ стремленіи къ Западу и въ ревности къ ученію, которая у нихъ, какъ у новичковъ, доходила до ученой спеси или педантизма. Сначала они и работали сообща въ дѣлѣ преобразованія Руси (§ 123). Но вскорѣ царь сталъ „сопротивенъ" свѣжему направленію: въ этомъ и

состояла злая пора (§ 126). Грозный ударился въ старину: Макарій, Сильвестръ и другіе церковники помогали ему въ полемикѣ; сынъ Иванъ передѣлалъ одно житіе. Онъ возненавидѣлъ родную страну и, покинувъ ее, сталъ терзать ее изъ своей опричнины. Курбскій же тосковалъ по „Святорусской землѣ", убѣжавъ отъ безполезныхъ мученій. Онъ попрежнему видѣлъ виновника зла прежде всего въ духовенствѣ, ибо оно „больше въ болгарскихъ басняхъ или, лучше, въ бабьихъ бредняхъ упражняется", а „не обличаетъ злости, лукавства и лютости царей и князей", окружающихъ себя темнителями, которые „угождаютъ ласкательными слухами". Онъ, какъ всегда, требовалъ исправлять переводы да издавать самихъ отцовъ церкви, а не толкованія на нихъ. Ключемъ къ просвѣщенію были, въ его глазахъ, „философскія искусства", т.-е. гуманизмъ или свѣтская наука, за которою должно ѣздить въ далекіе края: онъ позоритъ Грознаго за то, что тотъ „затворилъ царство русское, аки въ адовѣ твердынѣ".

Еще разительнѣе несходство въ политическихъ идеалахъ противниковъ. Грозный взиралъ на свою власть, какъ на божественное преданіе, порой даже какъ на тяжкій долгъ: онъ гордился передъ поляками тѣмъ, что на Руси государи „по Божьему изволенію", а не „по многомятежному человѣческому хотѣнію". Въ отвѣтъ на мнѣніе Курбскаго, что онъ „растлѣнъ умомъ", царь не нашелся сказать ничего, кромѣ: „Я хотѣлъ владѣть вами, а вы не хотѣли быть подъ моею властью, за что и заслуживали мои опалы: кто же растлѣнны — вы или я?" Онъ требовалъ повиновенія во всякомъ случаѣ: „Господь повелѣлъ не противиться злу". А Курбскій писалъ: „Даръ духа дается не по богатству внѣшнему и не по силѣ царства, но по правости душевной. Царь, аще дарованій отъ Бога не получилъ, долженъ искати совѣта", и „не токмо у совѣтниковъ" (бояръ), но и у „всенародныхъ человѣкъ".

Въ длинномъ рядѣ политическихъ и религіозныхъ сочиненій Курбскаго, въ его краткой и стройной рѣчи, только испещренной полонизмами и латинизмами, виденъ разносторонній ученикъ Максима Грека, 20 лѣтъ прожившій въ Литвѣ, гдѣ онъ искусился „не только въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ". Терпимостью и гуманизмомъ вѣетъ отъ всѣхъ его жизненныхъ возрѣній. Въ пылу борьбы за русскую народность и православіе, онъ восхваляетъ католиковъ за ихъ образованность, пори-

цаетъ осифлянъ за жестокость, оправдываетъ башкинцевъ. Онъ пишетъ царю слезами, предстательствуя за жертвы опричнины. „Избіенные тобою просятъ, стоя у престола Господня, отмщенія на тебя. Посланіе сіе, измоченное слезами, я повелю во гробъ съ собой положити, грядуще съ тобою на судъ Господа моего“. Грозный же—начетчикъ-самоучка, который возросъ въ душномъ теремѣ на Верху, зналъ только церковно-славянскія книги да нѣсколько лѣтописей. Онъ на все смотрѣлъ повизантійски, словно отшельникъ: отсюда у этого падшаго нравственно человѣка злыя укоризны русскимъ за распущенность, которыми наполнены и „Рѣчи и Вопросы“ Стоглавому собору, и „Посланіе въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь“. У творца опричнины холодная, „кусательная“ насмѣшка, съ притворнымъ самоуничиженіемъ Иванца Васильева (§ 170), и грязная шутливость въ духѣ Даніила Заточника (§ 67). Его вдохновеніемъ была ярость больного властелина. Онъ стыдитъ Курбскаго поведеніемъ его посланца, замученнаго опричниками, досадуя, что господинъ ускользнулъ отъ ихъ истяза́ній. Взявъ Вольмаръ, гдѣ сначала укрывался Курбскій, Грозный самъ возобновилъ переписку, чтобы похвастать, что и безъ нихъ, умниковъ, „вездѣ коня нашего ноги были“. При этомъ, въ увлеченіи яростью и побѣдой, онъ самъ себя изобличаетъ во лжи и въ личной мести: онъ пишетъ, будто Курбскій попралъ христіанскую вѣру, а бояре довели его до убіенія сына и истребили Анастасію (§ 125), что̀ и вызвало „Кроновы жертвы“. Самая рѣчь Грознаго нескладна, порывиста, испещрена утомительными выдержками изъ Св. Писанія и лѣтописей: Курбскій удивлялся какъ можно посылать въ чужую, образованную страну такое „широковѣщательное и многошумящее писаніе“! Царь любилъ и говорить столь же широко, какъ „словесной премудрости ритор“; но только тамъ, гдѣ молчали: съ Поссевиномъ (§ 128) онъ не рѣшился препираться. Но есть страсть, колкость, находчивость въ придиркахъ, — словомъ, своеобразная сила въ его старо-русской рѣчи, пересыпанной мѣткими народными оборотами.

Новое направленіе не исчерпывается сочиненіями Курбскаго. Встрѣчаются еще такія произведенія, какъ *Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ* одного новгородскаго книжника, которая блещетъ яснымъ, теплымъ и самобытнымъ слогомъ глубокаго отчизнолюбца. Здѣсь подчеркивается и развивается мысль Курбскаго о земскомъ правленіи. Подлѣ царя долженъ стоять вселенскій

совѣтъ изъ всякихъ людей, отъ всѣхъ градовъ и уѣздовъ. Царь обязанъ, „безъ величества и безъ высокоумной гордости, съ христоподобною смиренною мудростію, безпрестанно всегда держати погодно при себѣ“ этихъ людей „и на всякъ день ихъ добрѣ и добрѣ распросити самому про всякое дѣло міра“. Тогда-то онъ „можетъ скрѣпити отъ грѣха власти и воеводы своя, и приказные люди своя, и приближенныхъ своихъ отъ поминка и отъ посула, и отъ всякія неправды, и сохранитъ ихъ отъ всякихъ льстивыхъ льстецовъ. И объявлено будетъ тѣми людьми всякое дѣло предъ царемъ, да правдою тою держится во благоденствѣ царство его“.

Еще явственнѣе проходитъ новая струя въ письменности послѣ смуты, которая такъ возбудила умы (§ 175). Въ 16-мъ в. все еще замѣтно предпочтеніе церковности и Византіи: самъ Курбскій прежде всего желалъ распространенія Св. Писанія. Онъ не терпѣлъ католичества и особенно протестантства; въ страхѣ за чистоту православія, онъ считалъ болѣе надежными отцовъ восточной церкви. Съ началомъ же 17-го в. русская мысль рѣшительнѣе, сознательнѣе обращается къ Западу, къ европейскимъ идеаламъ въ политикѣ, къ свѣтской наукѣ.

§ 177. **Свѣтская наука.** — Новое направленіе до того развивалось въ четвертомъ періодѣ, что свѣтская письменность становится уже богаче, разнообразнѣе церковной. Какъ ни жалки были зародыши свѣтской науки, но они явственны со всѣхъ сторонъ. Послѣ публицистики, больше всего выдвигается *лѣтопись*, какъ спутница главной злобы того времени — политики, государственнаго строенія. Она перестаетъ быть дѣломъ священнымъ, монастырскимъ: она переходитъ въ свѣтскія руки горожанъ. Въ ней зарождается гражданская точка зрѣнія — сначала, конечно, узкая, какъ отраженіе „нестерпимаго глупаго высокомѣрія“ (§ 134). Лѣтописцы уже стоятъ горой не за одно православіе, но и за „отечество“, за свою „землю“, за свое „государство“,—чувство, которое прорывается даже въ церковныхъ посланіяхъ. Но свѣтскость тотчасъ привела къ разборкѣ, къ различнымъ взглядамъ. О паденіи Новгорода (§ 113) одинъ лѣтописецъ говоритъ сжато, скрѣпя сердце: „сильная кручина“ не даетъ ему разглагольствовать. Другой же злорадствуетъ и проклинаетъ „отступниковъ, измѣнниковъ“ новгородцевъ. О походѣ на Угру (§ 117) встрѣчаются не одни кичливыя извѣстія. Въ лѣтописи говорится и такъ, что Иванъ III отступилъ, „слушая злыхъ людей, сребролюбцевъ богатыхъ и брюхатыхъ, пре-

дателей христіанскихъ, поноровниковъ бесерменскихъ". А когда дѣло кончилось, великая княгиня Софья „вернулась изъ бѣговъ: она бѣгала отъ татаръ на Бѣлоозеро, и съ боярынями, а не гонимая никѣмъ; и по которымъ странамъ она ходила, тамъ стало пуще татаръ отъ боярскихъ холоповъ, отъ христіанскихъ кровопивцовъ". Во время опричнины находились лѣтописцы, которые какъ бы вторили Курбскому. Въ смуту возникло особенно много разногласій, какъ видно изъ большого запаса лѣтописей и сказаній. Это разнообразіе взглядовъ показываетъ, что еще сохранялись частныя, мѣстныя лѣтописи, среди которыхъ выдѣляется *Софійскій Временникъ* (до 1534 г.), — сборникъ, найденный въ новгородской Софіи.

Но вообще продолжалось то паденіе областного лѣтописанія, которое началось въ прошломъ періодѣ (§ 105). Подконецъ оно прозябало только въ Новгородѣ и Псковѣ, подъ надзоромъ назначаемыхъ царями владыкъ, пока не замерло на отрывочныхъ записяхъ и житіяхъ святыхъ. Лѣтописное дѣло окончательно сосредоточивалась въ Москвѣ. Здѣсь, съ Ивана III, завелся и *архивъ* или собраніе государственныхъ бумагъ изъ разныхъ вѣдомствъ — грамоты, ярлыки, челобитья, судные списки, служебные наряды, мѣстническія дѣла, списки ямовъ, а также чертежи городовъ и уѣздовъ, лѣтописи и *статейные списки* или посольскіе отчеты, куда наши дипломаты старательно заносили все видѣнное и слышанное. Этотъ богатый запасъ источниковъ исторіи былъ разложенъ по ларямъ съ именами приказныхъ дьяковъ и хранился въ „казнѣ", вмѣстѣ съ царскою рухлядью (§ 151). Но онъ по большей части погибъ для потомства, а современники мало пользовались имъ. У нихъ лѣтопись пріобрѣла значеніе правительственнаго орудія. Царскіе дьяки дѣлали выборки изъ старыхъ лѣтописцевъ, хронографовъ, сказаній, даже изъ житій святыхъ, полагая въ основу начальную „повѣсть" (§ 68); затѣмъ они продолжали, все о Москвѣ, по кудреватымъ запискамъ, которыя выдавались имъ съ Верху. Таковы „Царственная Книга" (объ Иванѣ IV), витіеватая черновая „Рукопись Филарета" о смутѣ и „Никоновскій списокъ" (до 1630 г.). На эти лѣтописи ссылались государи и бояре въ своихъ земельныхъ и мѣстническихъ спорахъ, тѣмъ болѣе, что онѣ составлялись отчасти по разряднымъ книгамъ.

Важнѣе были статейные списки, которые съ каждымъ царствованіемъ становились дѣльнѣе и любопытнѣе. При Михаилѣ изъ нихъ стали дѣлать выборки, съ присоединеніемъ извѣстій

изъ голландскихъ газетъ: такъ возникли *Куранты*—первая газета на Руси. Впрочемъ, они составлялись въ Посольскомъ приказѣ для одного Верха и хранились въ строгой тайнѣ. Куранты и статейные списки—уже не русская, а всеобщая исторія. Вкусъ къ ней вообще развивался по мѣрѣ расширенія сношеній съ Западомъ. Въ обществѣ онъ удовлетворялся *хронографомъ*, который такъ полюбился, что мы имѣемъ до 150 его списковъ, въ разныхъ изводахъ; и они переходятъ даже въ 18-й вѣкъ. Онъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше не походилъ на свое жалкое начало (§ 105). Къ переводнымъ присоединился русскій хронографъ—сборъ примыкающихъ къ Палеѣ (§ 67) разныхъ извѣстій изъ византійскихъ и нашихъ лѣтописей, изъ повѣстей, апокрифовъ, житій святыхъ; все это отъ сотворенія міра, которое еще лежало въ основаніи нашего лѣтосчисленія. Къ концу періода хронографъ добавлялъ всеобщую исторію латинскими и польскими лѣтописями и космографіями. Но расширялся и русскій отдѣлъ, причемъ въ изложеніи смуты сквозятъ уже черты историческаго сочиненія.

Началась и настоящая *исторія* или самостоятельная обработка историческихъ извѣстій. Прямымъ переходомъ къ ней служитъ „Степенная Книга". Это—обширный лѣтописный сборникъ, начатый еще въ прошломъ періодѣ, но оконченный митрополитомъ Макаріемъ, который вставилъ въ него многое изъ житій святыхъ. Степенная Книга представляетъ собой витіеватую отдѣлку и подборъ извѣстій, съ цѣлью прославленія православія и русскихъ государей. Здѣсь наша исторія распредѣлена по 17-ти „степенямъ", т. е. по государямъ, въ нисходящей линіи, отъ Владиміра св. до Ивана IV. Тогда же возникла первая попытка исторической монографіи, или описанія отдѣльнаго событія, въ видѣ „Исторіи Казанскаго Царства" одного попа, который долго былъ въ плѣну у татаръ. Наконецъ, появился на Руси первый настоящій историкъ, въ лицѣ Андрея Курбскаго. Онъ написалъ „Исторію флорентійскаго собора", направленную противъ папистовъ, и „Исторію князя великаго московскаго". Послѣднее произведеніе, описывающее, въ 9 главахъ, жизнь Грознаго до 1578 г., замѣчательно. По свѣдѣніямъ, это—драгоцѣнный источникъ для исторіи Грознаго, а по ихъ обработкѣ, это—умный, живой и талантливый прагматизмъ (*Д. И.* § 172), который ставитъ сочинителя въ рядъ лучшихъ историковъ своего времени. Мысль сочиненія опредѣляется его цѣлью: Курбскій хотѣлъ разоблачить „презлыхъ и лукавыхъ

людей пагубныя и скверныя дѣла", а также отвѣтить на вопросы литовцевъ насчетъ роковой перемѣны въ Грозномъ. Эта перемѣна объясняется смѣной „избранной думы" клеветниками, „ласкателями, подобѣдами и трапезными товарищами". Но оба сочиненія Курбскаго не могутъ быть поставлены въ разрядъ строго-научныхъ произведеній: они страдаютъ тенденціей или предвзятою мыслью. Въ особенности сочинитель не могъ писать вполнѣ спокойно о событіяхъ, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ: Пушкинъ назвалъ его исторію Грознаго „озлобленною лѣтописью". Но это скорѣе мемуары или *записки* современника. Въ концѣ періода начинаетъ распространяться этотъ родъ историческихъ сочиненій, который уже давно дошелъ на Западѣ до совершенства (*С. И.* § 174). Первымъ намекомъ на него служатъ краткія „Памяти" Алексѣя Адашева и безсодержательныя, витіеватыя записки кн. Шаховскаго, который упражнялся также въ виршахъ, канонахъ и т. под.

Чертами записокъ отличается и множество *сказаній о мятежахъ* или о розрухѣ, составленныхъ при Михаилѣ людьми, близкими къ событіямъ. Здѣсь уже не погодныя замѣтки старой лѣтописи, а попытки разсуждать, высказывать свои чувства, даже обрисовывать личности дѣятелей. Это — цѣлая публицистика (§ 176), далекая отъ эпическаго однообразія и умственной плоскости прежнихъ лѣтописей. Но она еще въ младенческомъ состояніи. Подобно житіямъ (§ 104), сказанія о мятежахъ даютъ весьма мало, при всей ихъ многочисленности. Смута изображается въ нихъ вообще карой небесной за общіе грѣхи, хотя и прибавляются разныя свѣтскія причины. Кто чернитъ, кто превозноситъ Годунова; но у всѣхъ это—крупная личность, а Шуйскій—ничтожество. Къ героямъ розрухи также относятся различно: кто за „князей" Пожарскаго и Трубецкаго, кто за „мужика" Кузьму. Но всѣ они очерчены одинаково блѣдно. Вообще сказанія страдаютъ разнорѣчивостью, пустотой, риторическимъ многословіемъ. Таково и главное изъ нихъ, „Объ осадѣ Троицко-Сергіева монастыря и о мятежахъ" Палицына (§ 141)—произведеніе витіеватое, неясное, недостовѣрное, направленное противъ прегрѣшеній Годунова. Оттого смутное время—смута и въ нашемъ бытописаніи. Въ одномъ только согласны всѣ сказанія и лѣтописи—въ любви къ Скопину да въ ненависти къ Лжедимитрію I и особенно къ „Маринкѣ", которые представлялись высокомѣрію невѣждъ воплощеніемъ колдовства и ино-

земщины. Впрочемъ, всѣ свидѣтельствуютъ, что простонародье сочувствовало самозванцу.

Подлѣ исторіи, появились начатки другихъ наукъ, отчасти еще неслыханныхъ на Руси. Прежде такую роль игралъ *Азбуковникъ* (§ 105), который теперь сильно распространялся. Онъ понемногу удовлетворялъ любознательности, такъ какъ, объясняя „иностранныя рѣчи" (нерусскія слова), не пренебрегалъ свѣтскими знаніями. Но эта энциклопедія изъ византійскихъ источниковъ была сводомъ древняго домашняго русскаго чтенія до половины 16-го в.: цѣль ея—охранить „поисшатавшуюся" старину, истолковавъ „ухищренія (затруднительныя мѣста) божественныхъ писаній". Азбуковникъ возстаетъ противъ апокрифовъ, заодно съ Стоглавомъ.

А апокрифы входили во всѣ *сборники* назидательнаго чтенія, которые наиболѣе утоляли жажду знанія, возраставшую съ каждымъ днемъ. Тогда развелось множество сборниковъ, съ картинными названіями, столь обычными у новичковъ дѣла: Златая Цѣпь, Златая Матица, Златоструй (болгарскаго царя Симеона), Златоустъ, Маргаритъ (жемчугъ), Измарагдъ (изумрудъ), Пчела, Цвѣтникъ, Вопросы и Отвѣты, Бесѣды. Ихъ приписывали такимъ знаменитостямъ, какъ Давидъ, Соломонъ, ап. Павелъ, Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій и т. под. Сборники распространялись неимовѣрно, именно потому что давали отвѣты на „недоумѣнныя" вещи, и въ духѣ времени: они облечены частью въ церковную, частью въ поэтическую и суевѣрную форму. Въ нихъ говорится о всевозможныхъ предметахъ, которые только заманивали пытливость тогдашняго человѣка, отъ богословскихъ тонкостей и житій святыхъ до сказокъ, загадокъ и шутокъ. Здѣсь затрогиваются таинственные вопросы философіи о міротвореніи, міроправленіи и назначеніи человѣка; и готовъ замысловатый отвѣтъ, въ видѣ загадокъ, сказокъ и т. п. Есть и такія премудрыя бесѣды: сколько времени Адамъ пробылъ въ раю? Отъ 6 до 9 часовъ. Когда возрадовался весь міръ? Когда Ной вышелъ изъ ковчега. Кто родился прежде Адама, съ бородой? Козелъ. Какъ держится земля? Она „стоитъ на трехъ китахъ великихъ", и „пупъ земли" въ Іерусалимѣ. Или же объясняется, что звѣзды движутся ангелами, которыхъ видѣлъ св. Павелъ, восхищенный въ видѣніи до третины небесъ. Нето повѣствуется о птицѣ Алконостъ,—имя, которое произошло изъ неправильнаго чтенія фразы: „Ал-

кіонъ есть морская птица". Или птица Фениксъ смѣшивается съ финикомъ (§ 105).

Но въ этихъ же сборникахъ, чѣмъ позже, тѣмъ больше церковность уступаетъ мѣсто „физіологамъ" (естествознанію), и особенно „бестіаріямъ" (зоологіи), что связано съ усиленіемъ заимствованій изъ западныхъ источниковъ. Любимцемъ читателя сталъ Луцидарій или Просвѣтитель, напичканный всевозможными свѣденіями изъ разныхъ наукъ, изъ классической миѳологіи и средневѣковыхъ сказаній. Правда, по своему суевѣрію, Луцидарій былъ скорѣе Тенебраріемъ или „темнителемъ", какъ называлъ его Максимъ Грекъ; а подлѣ физіологіи было множество „математикъ" или астрологій и оракуловъ (§ 173). Но сборники давали и первыя крупицы наукъ. „Врачевальныя молитвы" знакомили съ трясавицами, а „Вертограды"—и съ другими болѣзнями, связывая ихъ съ тайнами украшенія тѣла. Съ помощью „математики" были составлены *пасхальныя таблицы*, около 1500 г., когда ждали кончины міра, съ истеченіемъ 7000 л. отъ его сотворенія.

Еще явственнѣе выдвигались свѣтскія знанія внѣ сборниковъ. Особенно посчастливилось *географіи*. Правда, и здѣсь главнымъ учителемъ былъ старинный Козьма Индикопловъ (*С. И.* § 48), у котораго земля — плоскій четыреугольникъ, окруженный океаномъ и стѣной, гдѣ она сходится съ небомъ; а свѣтила закатываются за высокую гору. Но зато даже статейные списки становились богатымъ источникомъ свѣденій о землѣ и народахъ. Развились путешествія, и не съ одною религіозною цѣлью, какъ прежде (§ 105). При Иванѣ III поѣхалъ купецъ Никитинъ, съ товаромъ, по Волгѣ. Его ограбили въ Астрахани: остался только дорогой жеребецъ, котораго онъ и рѣшилъ свести въ Индію. Года четыре бѣдствовалъ нашъ смѣльчакъ за Гималаями, гдѣ тогда еще не бывала нога европейскихъ путешественниковъ, и не хуже позднѣйшаго Васко де Гамы (*С. И.* § 175) описалъ все видѣнное въ своемъ „Хожденіи за три моря". Иванъ IV, убивши своего сына, послалъ купца Коробейникова въ Іерусалимъ, Египетъ и на Синай, съ милостынею,—и явилось новое „Хожденіе", которое живо распространилось въ сотняхъ списковъ. При Михаилѣ ходилъ въ Азію Котовъ „въ купчинахъ, съ государевою казною": онъ также оставилъ дѣльный „Ходъ въ персидское царство". Тогда же появился первый учебникъ „козмографіи" (географіи): это—сдѣланный, по заказу царя, въ Посольскомъ приказѣ переводъ

Меркатора. Одновременно была исправлена первая наша карта, „Большей Чертежъ земли русской“ (§ 148), составленный еще при Ѳедорѣ; при ней былъ изданъ текстъ — „Книга Большой Чертежъ“, важная по исчезнувшимъ съ тѣхъ поръ именамъ мѣстностей. Вслѣдъ затѣмъ явилось и пособіе для всеобщей географіи — карта Меркатора, подъ названіемъ „Чертежъ всего свѣта земель“.

Къ концу періода начиналась и *ариѳметика.* Появилась та нумерація, которая и теперь помѣщается въ азбукахъ. Но счетъ былъ еще первобытный, за отсутствіемъ арабской десятичности, и при употребленіи буквъ вмѣсто цифръ. Чтобы произвести простое ариѳметическое дѣйствіе, высчитывали порознь десятки, сотни и т. д. и приставляли выводы одинъ къ другому, а потомъ все складывали вмѣстѣ. За незнаніемъ дробей, прибѣгали къ убійственному словесному счету. Такъ $^1/_8$ сохи называлась пол-четь-сохи, $^1/_{16}$ — пол-пол-четь, $^1/_{32}$ — пол-пол-пол-четь, $^1/_6$ — пол-трети, $^1/_{12}$ — пол-пол-треть, $^1/_{24}$ — пол-пол-пол-треть; $^1/_2$ четверти—осмина, $^1/_3$ — третникъ, $^1/_6$ —пол-третникъ, $^1/_{24}$ — пол-пол-пол-третникъ, $^1/_{96}$ — пол-пол-пол-пол-пол-третникъ и т. д. И когда явилась первая рукописная „Ариѳметика, сирѣчь наука числительная“, издатель заявилъ, что это дѣло, „сладчайшее меду“, не богопротивно и даже полезно.

По заказу царя Михаила была составлена первая наша азбука—*Букварь* славянскій, гдѣ граматическія правила пересыпаны церковными изреченіями.

Наконецъ, возникъ цѣлый новый отдѣлъ письменности — *Вожди по жизни*, которыхъ было множество и на Западѣ, и въ Византіи. Это — тѣ же поучительныя „слова“, которыя иногда и назывались: „како жити христіаномъ“. Они заключались въ выборкахъ изъ священныхъ книгъ, которыя составляли ходячія присловія въ устахъ церковниковъ. Лучшимъ образчикомъ Вождей служитъ Домострой (§ 170), тѣмъ болѣе важный, что онъ преподавалъ правила житейской мудрости не для иноковъ, а для свѣтскихъ лицъ. Это — подборъ правилъ о вѣрѣ и о „мірскомъ и домовномъ строеніи“ изъ церковныхъ книгъ (особенно изъ Златоуста) да изъ „Поученій отца къ сыну“, которыхъ было много, начиная съ произведенія Мономаха (§ 42). Статьи въ немъ о женщинѣ напоминаютъ также старые сборники „о злыхъ женахъ“, идущіе изъ Византіи. Изложеніе сухое и самое обыкно-

венное. „Домострой“ имѣетъ значеніе, лишь какъ сборникъ свѣдѣній о домашнемъ бытѣ высшаго слоя общества, да какъ зеркало нравовъ и понятій того времени. Попъ Сильвестръ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей этого общества. Впрочемъ, онъ только сократилъ полный „изводъ“ Домостроя, который постепенно сложился къ тому времени въ Новгородѣ. Собственно его перу принадлежитъ только 64-я глава—„Наказаніе отъ отца къ сыну“. И это—самая привлекательная часть Домостроя: здѣсь описана жизнь самого Сильвестра, посвященная дѣламъ милосердія.

§ 178. **Поэзія.**—Такъ, русскій народъ переходилъ отъ господства церковной прозы къ прозѣ свѣтской. Но *народная поэзія* и въ четвертомъ періодѣ была скудна и блѣдна. Она даже ослабѣла противъ прежняго времени. Правда, тутъ многое утрачено. Поэтическія стремленія, конечно, были въ русскихъ массахъ, какъ и вездѣ въ юности народовъ. Ктому же они были общимъ достояніемъ арійцевъ (§ 2): между народною поэзіей Руси и Запада много общаго; у насъ встрѣчаются намеки на германскій эпосъ точно также, какъ въ этомъ эпосѣ есть черты Ильи Муромца. Но на Западѣ поэтическое творчество расцвѣло пышнѣе, какъ доказываетъ и миѳологія. Притомъ оно упрочилось тамъ, благодаря богатой книжной обработкѣ, которая увѣнчалась „Божественною Комедіей“ Данта (*С. И.* § 124). И затѣмъ оно уже стало тамъ предметомъ изученія, какъ пережитое міровоззрѣніе. У насъ же это настроеніе просуществовало до 18-го вѣка, а въ глубинѣ массъ не умерло до сихъ поръ. Но оно уцѣлѣло лишь въ ничтожныхъ обрывкахъ устной поэзіи—въ преданіяхъ лѣтописей, въ древнихъ намекахъ пѣсенъ, въ обломкахъ былинъ, въ духовныхъ стихахъ, да въ кучѣ такихъ мелочей, какъ повѣрья, примѣты, загадки, пословицы, колядки, заклинанія и т. под. (§ 29). Оно проявлялось еще въ пристрастіи ко всему чудесному,—къ гадальнымъ книгамъ, къ апокрифамъ и житіямъ святыхъ. Народная поэзія была убита у насъ книжниками, которые, принадлежа къ церкви, ненавидѣли ее, какъ язычество, какъ бѣсовское навожденіе, и проклинали ее наравнѣ съ потѣхами скомороховъ. А на мѣсто ея они вносили, для удовлетворенія народной потребности, христіанскую поэзію, въ видѣ житій и апокрифовъ.

Апокрифъ постепенно проникалъ всюду, какъ духовная сказка, какъ церковная поэзія, привлекая сердца и отголосками первобытности, и мѣстными, народными оттѣнками. Онъ прогля-

дываетъ и въ преданіи о крещеніи Владиміра, и въ Изборникѣ Святослава (§ 67), и въ былинахъ, служащихъ иногда просто его передѣлкой. Иногда онъ прямо шелъ за сказку: таковы апокрифы о царѣ Соломонѣ, о Китоврасѣ (центаврѣ), о Двѣнадцати Пятницахъ. Пятница—олицетвореніе постничества, сливающееся съ св. Параскевой, которую житіе называетъ „нареченною Пятницей", потому что такъ наименовали ее родители, постившіеся по пятницамъ. У насъ и теперь церкви во имя Параскевы называются „пятницкими"; и народъ говоритъ, что „св. Пятница бываетъ на св. Прасковью".

Но явственнѣе всего присутствіе апокрифа въ *духовныхъ стихахъ.* Эта древнѣйшая поэзія (§ 29) окончательно сложилась теперь, вѣроятно, какъ и на Западѣ, въ монастыряхъ, откуда ее разносили въ народъ калики перехожіе. Она представляетъ сліяніе старыхъ формъ поэзіи, народной пѣсни, съ церковнымъ содержаніемъ, искаженнымъ пережитками язычества. Такъ, въ стихѣ о Егоріи Храбромъ святой побѣдоносецъ оказывается „святорусскимъ могучимъ богатыремъ". Въ стихѣ о Женѣ милосердой или Аллилуевой (онъ съ припѣвами „аллилуія"), эта жена, чтобы спасти Христа отъ гоненій, взяла его на руки, а своего младенца бросила въ печь, гдѣ онъ остался невредимъ. Было еще множество стиховъ—о Страшномъ Судѣ, Плачъ Адамовъ, Сонъ Богородицы, Воскресеніе и Вознесеніе Спасителя, Разговоръ царевича Іосафа съ пустыней, объ Іосифѣ Прекрасномъ, о Варлаамѣ и Іосафѣ и др. Калики любили „пѣть Лазаря" да Алексѣя Божія человѣка, видя здѣсь собственную исторію. Стихи мало брали изъ русской жизни—объ Александрѣ Невскомъ, о Михаилѣ и Ѳедорѣ черниговскихъ, о Петрѣ митрополитѣ, о Борисѣ и Глѣбѣ и др. Однимъ изъ самыхъ древнихъ и наиболѣе распространенныхъ стиховъ была „Голубиная Книга", этотъ перлъ и вмѣстѣ загадка нашей народно-церковной поэзіи. Это—исторія сотворенія міра по апокрифу (Бесѣда трехъ святителей), который чудесно слился съ старѣйшими пережитками арійской космогоніи, мерцавшими въ памяти народа. Духовные стихи распѣвались не только нашими Гомерами, слѣпыми старцами, но и семьями, хоромъ, особенно въ постъ, взамѣнъ свѣтской пѣсни.

Поэтическое творчество массъ не могло удовлетвориться сказочнымъ міромъ духовнаго стиха. Если народная пѣсня давно перестала быть гимномъ божеству и воспѣваніемъ богатырей, то теперь она тѣмъ болѣе старалась овладѣть міромъ дѣйстви-

тельнымъ. *Историческія пѣсни* (§ 105) великоруссовъ никогда еще не были такъ разнообразны и содержательны. Онѣ примыкаютъ, главнымъ образомъ, къ страшной личности Ивана IV. Въ пѣснѣ о свадьбѣ Грознаго умирающая царица слезно проситъ царя „не быть ярымъ, а быть милостивымъ", и не жениться ни въ „проклятой" Литвѣ, ни у „поганыхъ" крымцевъ на чародѣйкѣ, сестрѣ Мастрюка Темрюковича. Но Грозный тотчасъ же поступаетъ напротивъ,—и дворомъ овладѣваютъ иноземцы. Впрочемъ, вскорѣ „дѣтина деревенскій", Вася Хромоногій, убилъ Мастрюка въ единоборствѣ, а царь долженъ былъ самъ пристрѣлить Темрюковну и вновь жениться „въ каменной Москвѣ, на св. Руси". Въ пѣсняхъ много говорится, какъ о вѣрномъ другѣ Грознаго, о большомъ бояринѣ, Никитѣ Романовичѣ, вокругъ котораго сплетаются ужасы опричнины. Онѣ поютъ, какъ Иванъ IV его за ногу жезломъ къ землѣ пришилъ, собственнаго сына казнилъ, а бояръ въ котлѣ варилъ, на колъ сажалъ, въ медвѣжины вшивалъ и по рѣкѣ пущалъ. Впрочемъ, пѣсни считаютъ Ивана IV „грознымъ, но справедливымъ", истребителемъ бояръ и лихоимцевъ, а также могучимъ завоевателемъ татарскихъ царствъ, „прозрительнымъ" (мудрымъ) основателемъ славы Россіи. Какъ народные герои, воспѣваются донскіе атаманы—Ермакъ и Мишка Черкашенинъ, который громилъ Азовъ. Много пѣсенъ посвящено розрухѣ. Онѣ проникнуты узкимъ отчизнолюбіемъ и ненавистью къ боярамъ. Здѣсь Лжедимитрій I — еретикъ, Гришка—Разстрига, „Маринка" — „проклятая" полячка, колдунья; а Скопинъ— „оберегатель міра крещенаго и всей земли святорусской", другъ бѣдняковъ, изведенный боярами и оплакиваемый даже „свейскими нѣмцами". Столь же тепло воспѣвается Ксенія Годунова (§ 135), „отроковица рѣдкой красоты и чуднаго домышленія": это—непорочная жертва Гришки; она плачетъ и томится, словно малая птичка-перепелочка.

Развивались и *историческія сказанія*. Если по поэтическому творчеству они не выше прежнихъ (§ 105), зато въ нихъ, какъ и въ лѣтописяхъ (§ 177), замѣтны различные взгляды и критика. Встрѣчаются сказанія и о паденіи Новгорода, съ восхваленіемъ Ивана III, и о Тамерланѣ, и даже о паденіи Царяграда. Но и здѣсь Грозный да розруха наиболѣе приковывали къ себѣ вниманіе русскихъ. Осторожно, иносказательно, но народъ всячески старался заклеймить мрачную личность Ивана IV. Въ „Сказаніи о царѣ турскомъ Магометѣ", султанъ представляется

идеаломъ, въ укоръ царю, напоминая Саладина и крестоносцевъ (*С. И.* § 97). Сочинитель, восхваливъ православныхъ, восклицаетъ: „еслибы къ той истинной вѣрѣ христіанской да правда турецкая была, то съ русскими людьми бесѣдовали бы ангелы; вѣра на Руси добра и всѣмъ полна, и красота церковная велика, а правды нѣтъ“. Въ „Повѣсти нѣкоего боголюбиваго мужа“ разсказывается о боголюбивомъ царѣ, котораго испортилъ злой чародѣй, вошедшій къ нему въ милость. Царь сталъ обижать неповинныхъ различными печалями. Онъ покаялся лишь послѣ того, какъ поднялись окрестные города и разорили его.

Съ начала періода появляется и преданіе о Московскомъ царствѣ, въ видѣ „Сказанія о великихъ князехъ владимірскихъ“, которое вызвало не мало подражаній. Оно примыкаетъ ко многимъ византійскимъ повѣстямъ, извѣстнымъ, впрочемъ, и на Западѣ, въ которыхъ описывается, какъ византійскій императоръ получилъ изъ Вавилона порфиру и вѣнецъ Навуходоносора (*Д. И.* § 45). Въ нашей передѣлкѣ одинъ „русенинъ“ доставилъ въ Царьградъ изъ Вавилона „шапку Мономаха“ и бармы, которыя Константинъ Мономахъ подарилъ нашему Мономаху (§ 42), въ знакъ „вольнаго самодержавства великія Россіи“. Значеніе этого вымышленнаго событія опредѣлилъ Макарій въ Степенной Книгѣ (§ 177): „преводяще славу греческаго царства на россійскаго царя“. А такъ какъ царей не было до Ивана IV, то явилась сказка о томъ, что Мономахъ завѣщалъ передавать знаки царскаго достоинства изъ рода въ родъ, пока Богъ не воздвигнетъ на Руси истиннаго царя-самодержца. При Грозномъ преданіе о Московскомъ царствѣ распространяется и украшается книжнымъ вымысломъ о томъ, что Рюрикъ—потомокъ Пруса, получившаго Пруссію отъ своего брата, Августа римскаго. И этотъ Прусъ, и Константинъ Мономахъ уже внесены, какъ историческая правда, въ Степенную Книгу и въ царскій Родословецъ. Разсказъ присылки вѣнца изъ Царьграда даже изобразили на затворахъ устроеннаго въ 1552 г. „царскаго мѣста, еже есть престолъ“. Тогда же начинаетъ ходить по Руси выраженіе: „два Рима пали, третій—Москва—стоитъ, а четвертому не быть“.

Но самое богатое развитіе, какъ и на Западѣ, выпало у насъ на тотъ отдѣлъ вымысла, который соотвѣтствуетъ нынѣшней *беллетристикѣ*, роману и повѣсти. Къ концу періода онъ все полнѣлъ и разнообразился, намекая на блестящую будущность·

здѣсь, въ свободной прозаической формѣ, представлялся безконечный просторъ для запечатлѣнія всѣхъ сторонъ дѣйствительной жизни и всей игры ума и воображенія; здѣсь открывалось настоящее поприще для свѣтскаго міровоззрѣнія. Впрочемъ, зарожденіе и этого отдѣла письменности было связано съ вездѣсущею тогда церковью. То были *притчи* или духовныя сказанія, съ назидательною мыслью, родъ духовныхъ стиховъ въ прозѣ. Онѣ повѣствовали о Благочестивомъ рабѣ, о Витязѣ и смерти и т. под. Особенно нравились тѣ изъ нихъ, которыя были переполнены чудесами, что̀ сближало ихъ съ апокрифами и житіями святыхъ. Притчи проникали къ намъ съ самаго начала распространенія грамотности, съ 12-го вѣка, изъ Византіи и отъ южныхъ славянъ.

Вслѣдъ за ними пошли свѣтскія *сказки* или „повѣсти“, которыя представляютъ лучшій примѣръ перехожей, странствующей, международной литературы. Сначала это были произведенія греческія и восточныя, даже индійскія въ арабской обработкѣ; они приходили къ намъ также изъ Византіи и отъ южныхъ славянъ. Уже съ 14-го вѣка къ нимъ присоединяются творенія рыцарскаго романтизма изъ множества сборниковъ средневѣковыхъ „новеллъ“ или повѣстей (*С. И.* § 123); они доходили до насъ черезъ посредство сербовъ и бѣлоруссовъ. Но настоящій наплывъ западнаго вліянія и здѣсь настаетъ въ четвертомъ періодѣ, благодаря связямъ съ Польшей.

Всѣ эти заносныя повѣсти представляютъ у насъ однообразную, застывшую массу, лишенную движенія и развитія. Безъ хронологіи, безъ именъ сочинителей и переводчиковъ, прозябаетъ она съ 12-го до половины 18-го в. Однородный во всѣхъ слояхъ общества, наивный читатель вѣрилъ сказкѣ, гдѣ встрѣчалъ своихъ святыхъ и богатырей, не мѣняя своихъ вкусовъ, не шевеля мыслью для новыхъ запросовъ. Только къ концу періода, подъ рѣзкимъ вліяніемъ Запада, повѣсть начинаетъ играть роль просто занятнаго чтенія; а наши книжники начали справляться съ этимъ чужеземнымъ богатствомъ: они уже переиначивали его, примѣняя къ русскимъ нравамъ, искажая собственныя имена, вставляя доморощенную пословицу, загадку, подчасъ даже сравненіе изъ нашего быта. Въ такихъ сказкахъ, какъ Бова и Петръ-Златые Ключи, только имена иностранныя, а содержаніе почти все русское. Наконецъ, съ началомъ 17-го в., возникаетъ собственная, русская сказка: какъ явленіе позднѣйшее, она наиболѣе свободна отъ слѣдовъ церковности. Это—вполнѣ

свѣтское произведеніе, какъ по своему разговорному, простонародному языку, такъ и по своему содержанію и тону. Русская сказка схватываетъ злобы дня нашего народа и подсмѣивается надъ отрицательными сторонами нашей жизни, обнажая ихъ иногда до грязноватой глубины. Она пытается даже, забывая всякое поученіе, просто забавлять, развлекать читателя художественною правдой жизненныхъ картинъ. Счастливый удѣлъ сказокъ у насъ, такъ же какъ и новеллъ на Западѣ, виденъ уже изъ того, что ихъ переписывали во множествѣ и щеголяли списками. Ихъ рукописи тщательно написаны и разукрашены затѣйливыми заставицами, мудреными заглавными буквами. Ихъ начинали даже снабжать лубочными картинами, которыя, съ своей стороны, стали обогащаться ихъ содержаніемъ.

Изъ древнѣйшихъ сказокъ, приходившихъ черезъ Византію, самыми любимыми были объ Александрѣ Македонскомъ и о царѣ Соломонѣ: отсюда присловья — „храбрость Александрова" да „мудрость Соломонова". „Александрія", распространенная также на Западѣ и въ Азіи, увлекала своими „дивами дивными" — центаврами, пигмеями, женами трехсаженными съ глазами-звѣздами, полчищами царей Гога и Магога, которыя были „заклепаны" Александромъ въ восточныхъ горахъ. Самъ герой сказки — идеалъ христіанина: онъ справедливъ, благочестивъ, смиренномудръ, милосердъ, врагъ стяжанія и лживости; спутникомъ ему служитъ пророкъ Іеремія. Много читались близкія къ Александріи „Троянскія сказанія". Не менѣе была распространена повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ, которую особенно любили за притчи. Это — отрывки изъ исторіи Будды (*Д. И.* § 61), который, подъ видомъ царевича Іоасафа, увѣровалъ въ христіанство, преподанное ему пустынникомъ Варлаамомъ. Одинъ изъ нихъ вошелъ даже въ духовные стихи. *Индійскія басни* (*Д. И.* § 63) привлекали нашихъ предковъ картинами животнаго эпоса и глубокою мыслью объ искусствѣ правленія. Но лучше всего эта мысль разработана въ „Сказаніи объ Индіи Богатой", гдѣ изображается царство загадочнаго пресвитера Іоанна (*С. И.* § 122), необыкновенно смиреннаго въ своемъ могуществѣ царя-папы, у котораго люди живутъ въ золотомъ вѣкѣ. Іоаннъ пишетъ византійскому императору: „Никто между нами не лжетъ и лгать не можетъ; всѣ мы слѣдуемъ по стезямъ правды и любимъ другъ друга; нѣтъ у насъ порока". На связи съ Востокомъ указываютъ еще многія заимствованія изъ „1001 ночи" (*С. И.* § 83), гдѣ Николай Чудотворецъ является подлѣ

Акира Премудраго, а также „Еруслан̀ъ Лазаревичъ“ и повѣсть объ „Иверской царевнѣ Динарѣ“ (Тамара грузинская). Западныя повѣсти только начинали прививаться у насъ къ концу періода. Очень полюбилось „Преніе живота со смертью“, которое овладѣло и лубочными картинами, подъ видомъ Аники-воина и смерти. Это—заимствованіе изъ весьма распространенныхъ въ Европѣ Плясокъ Смерти (*С. И.* § 176), прошедшее черезъ руки церковниковъ: Смерть совѣтуетъ исповѣдываться три раза въ годъ и творить милостыню. Но главнымъ любимцемъ народа сталъ пригнанный къ его быту итальянскій „Бова (Buovo) Королевичъ“ (*С. И.* § 123), съ его вѣрнымъ слугой, Личардомъ (Ricardo), и съ могучимъ Полканомъ-богатыремъ (Pulicane). Близка къ нему „Исторія о Петрѣ-Златые ключи“, которая представляетъ взятый съ польскаго переводъ французскаго рыцарскаго романа.

Самобытныя, чисто-русскія, повѣсти сразу обнаружили сатирическое направленіе, чутье дѣйствительности и политическій интересъ. Это—простонародная публицистика въ формѣ вымысла; а по тону и изложенію—знаменитый плутовской романъ (*Н. И.* § 50), это дитя народа и вполнѣ свѣтскаго реализма. Начало русскихъ повѣстей примыкаетъ къ Димитрію Шемякѣ (§ 95). „Шемякинъ Судъ“ заимствованъ, по внѣшности, изъ восточныхъ сказокъ: но это — чисто русская сатира на мѣстные судебные порядки. То же изобличеніе кляузничества и волокиты въ сказкѣ конца періода объ „Ершѣ Ершовичѣ Щетинниковѣ“. Повѣсть конечно не обошла Ивана IV, который возведенъ ею въ идеалъ царя-народолюбца, напоминающаго своими похожденіями Гаруна-ар-Рашида (*С. И.* § 54). Сказка о „Горшенѣ“ осмѣиваетъ бояръ и возвеличиваетъ простонародье, въ лицѣ умнаго и даровитаго горшечника, котораго понялъ грозный царь. Періодъ кончается двумя любопытными сказками, схожими между собой по слѣдамъ вліянія церковной книжности. „Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ“ правдиво рисуетъ бытъ и понятія 17-го в., но ея цѣль—назиданіе въ старомъ вкусѣ: купецкій сынъ, даровитый, бойкій сподвижникъ Шеина (§ 145), оказывается сильнымъ только оттого, что далъ на себя рукописаніе дьяволу, отъ котораго онъ спасается иночествомъ. „Горе-Злосчастіе“, „босо, наго, лычкомъ подпоясано, нечистое“, но „всѣхъ мудряя на семъ свѣтѣ“,—тотъ же дьяволъ-соблазнитель, только не съ рожками, хвостомъ и копытами, а въ видѣ доморощеннаго Мефистофеля (*Н. И.* § 51). И добрый молодецъ, такой же живой и вольнолюбивый, какъ Савва, избавляется отъ союза съ нимъ

также подъ сѣнью святой обители. Въ „Горѣ-Злосчастіи“, который представляетъ цѣлую бытовую поэму, мѣтко, тепло и насмѣшливо изображена родная печальная дѣйствительность; но, по замыслу, это — не болѣе, какъ отголоски Блуднаго Сына, или поэтическое воспроизведеніе Домостроя, прославленіе пережитковъ родового быта (§ 173). Жалкая судьба добраго молодца — олицетвореніе грѣховности человѣчества, „зазорчиваго къ отцеву ученію, непокорливаго матери“. Не такъ поэтичны, но столь же нравоучительны „Сказаніе о мерзкомъ зеліи, еже есть табацѣ“, „Повѣсть о происхожденіи виннаго питія“ и т. под. Тогда же у насъ стали записывать былины.

Появились и зачатки *драмы*, которые у насъ, какъ и вездѣ (*Д. И.* § 131; *С. И.* § 173), коренились въ народныхъ обычаяхъ и церковныхъ обрядахъ. Относящіеся сюда обычаи уходятъ въ сѣдую, языческую древность: таковы коляды съ ихъ ряжеными, проводы масляницы, въ особенности же Зеленыя Святки (§ 14), а также хороводныя пѣсни (§ 29), покупка невѣсты и т. под. Но въ четвертомъ періодѣ установляются, хотя и не надолго, три церковныхъ „чина“ или обряда, напоминающихъ западныя мистеріи (*С. И.* § 173). Чинъ „Пещнаго Дѣйства“ изображалъ трехъ отроковъ въ печи и совершался подъ Рождество, въ Успенскомъ соборѣ. У того же собора, передъ масляницей, исполнялось дѣйство „Страшнаго Суда“: патріархъ обмывалъ изображеніе Страшнаго Суда и кропилъ св. водой царя и народъ. Но наиболѣе сценическимъ „святымъ дѣйствомъ“ было „Шествіе на осляти“, въ память входа Христа въ Іерусалимъ, въ „цвѣтоносіе“ (Вербное воскресеніе).

„Шествіе на осляти“ состояло въ самомъ пышномъ и нарядномъ крестномъ ходѣ изъ Успенскаго собора въ Покровскій соборъ, гдѣ былъ придѣлъ Входа въ Іерусалимъ. Въ немъ участвовало духовенство всей Москвы и иногородные владыки — всего болѣе 500 человѣкъ, въ богатѣйшемъ облаченіи. Затѣмъ шествовалъ весь царскій чинъ (§ 153). По всему пути, кромѣ обычныхъ „надолбовъ“ (столбиковъ), обвитыхъ краснымъ сукномъ, стояли вербы въ писанныхъ кадушкахъ. А у Лобнаго Мѣста красовалась „нарядная верба“ — цѣлое дерево, въ цвѣтахъ, обвѣшанное нашими плодами, изюмомъ, финиками, „рожцами“ (цареградскіе стручки). Она возвышалась на особой колесницѣ, съ пестрыми перилами, обтянутыми краснымъ сукномъ. Въ сторонкѣ стояло „осля“ — конь въ бѣлой суконной попонѣ, которая покрывала и его голову, какъ теперь на по-

хоронахъ. Послѣ молебна въ Покровскомъ соборѣ, патріархъ становился на Лобномъ Мѣстѣ и подносилъ царю „ваію" (пальмовая вѣтвь) и вербу, съ черенкомъ въ бархатѣ, а простыя лозы раздавалъ причту и вельможамъ. Затѣмъ архидьяконъ читалъ Евангеліе. При словѣ „посла два отъ ученикъ", соборный протопопъ съ ключаремъ приближались къ патріарху, который благословлялъ ихъ „по осля идти". Они отвязывали коня. „Что отрѣшаете осля сіе"? спрашивалъ ихъ сторожившій коня патріаршій бояринъ. „Господь требуетъ", отвѣчали они, покрывали коня краснымъ сукномъ спереди и зеленымъ сзади и подводили его къ святителю. Патріархъ садился—и ходъ двигался обратно цѣлымъ лѣсомъ вербъ. Посреди двигалась нарядная верба, окруженная патріаршими пѣвчими—мальчиками въ бѣлыхъ одеждахъ. За нею государь, „въ большомъ царскомъ нарядѣ", велъ осля за конецъ повода, а его поддерживали подъ руки „ближніе". Патріарха окружали его бояре и дьяки. По всему пути дѣти стрѣлецкія, до сотни мальчиковъ, „стлали путь"—постилали предъ царемъ сукна разныхъ цвѣтовъ, суконные кафтаны и разнорядки яркихъ цвѣтовъ. Все это они получали въ даръ. Нарядную вербу ставили у Успенскаго собора. По „отпускѣ" царя, патріархъ благословлялъ ее, а ключари отсѣкали сукъ, для алтаря, и вѣтви, которыя частью отсылались на Верхъ, частью раздавались причту и боярамъ. На Верху, кромѣ того, устраивались нарядныя вербы для царской семьи. Обрядъ шествія на осляти исполнялся и по уѣзднымъ городамъ владыкой и воеводой. Онъ возникъ и исчезъ вмѣстѣ съ патріаршествомъ, для котораго имѣлъ особое значеніе (§ 169).

§ 179. **Церковная письменность.**—Четвертый періодъ былъ важенъ и въ исторіи церковной письменности. Она должна была клониться къ упадку, по мѣрѣ развитія свѣтскости. Чувствуя свою участь, она стремилась стянуть свои силы, осмотрѣться въ своей многовѣковой работѣ, строже опредѣлить себя. До тѣхъ поръ на ней, какъ и на всей русской жизни, отражалось двоевѣріе (§ 71). Въ особенности нарушали ея чистоту тѣ придатки свѣтскости и язычества, которые вѣчно вторгались въ нее подъ видомъ *апокрифовъ* (§§ 104, 178).

Апокрифъ былъ большою и опасною для церкви силой. Это — любимецъ народа, который льнулъ къ нему, и какъ къ отголоску древней поэзіи, и какъ къ намеку на науку: онъ договаривалъ недосказанное церковью, отвѣчая именно на самые тревожные, таинственные запросы бытія. Ктому же апо-

крифъ примыкалъ, по своимъ дивамъ, къ чудеснымъ житіямъ святыхъ, плѣнявшимъ воображеніе толпы. Онъ сливался и съ ересями, пріобрѣтавшими небывалое значеніе, какъ выходъ изъ вѣковыхъ оковъ православія. Такъ создалась какъ бы новая, христіанская, миѳологія, которая до того срослась съ душой народа, что проникала во всѣ слои общества. Церковные книжники тщетно боролись, во весь періодъ, съ этими „богоотметными“ книгами: требовали даже истреблять ихъ, а ихъ читателей проклинать; если же попъ вѣритъ имъ, то „написанная та на тѣлѣ его да сожгутся“. Они признавались, что даже „вѣжи“ зачитываются ими. Да и владыки нерѣдко пользовались этими „ложными словесами, что̀ написаны еретиками на пакость невѣждамъ попамъ и діаконамъ“.

Церковники сами не знали, гдѣ кончаются эти вымыслы христіанской поэзіи и гдѣ начинаются догматы богословія. Еще можно было отдѣлить такія плевелы, какъ оракулы и сказки (§§ 173, 178). Но первобытная основа апокрифа, идущая съ начала христіанства, была церковная, тѣсно связанная съ ересями гностиковъ и манихеевъ (*С. И.* §§ 16, 23), возродившихся въ болгарскихъ богомилахъ (§ 17). Подобно эсотерическому ученію „для мудрыхъ“ (*Д. И.* § 128), она была лишь „сокровенными, потаенными“ книгами, отвѣчавшими на самые смѣлые и глубокіе вопросы. Она говорила о сотвореніи міра, хотя здѣсь и участвовалъ аккадскій (*Д. И.* § 24) Сатанаилъ, въ видѣ плавающаго гоголя, и эллинскія Горгоны. Она описывала второе пришествіе, Страшный Судъ съ Антихристомъ, загробную жизнь. А главное — она чрезвычайно искусно добавляла Ветхій и особенно Новый Завѣтъ. Она срослась съ богословіемъ, проникла въ творенія отцовъ церкви и въ византійскія хроники, внѣдрилась въ такія учительныя книги, какъ Златоструй и Палея: у насъ Палея даже называлась Библіей и замѣняла ее до четвертаго періода; первые раскольники ссылались на неѐ такъ же, какъ нашъ первый лѣтописецъ (§ 68). И апокрифы приходили къ намъ, огромною, безразличною массой, съ началомъ христіанства, изъ самаго почтеннаго мѣста—все изъ Византіи, черезъ южныхъ славянъ („болгарскія басни“): въ 15—16 вв. они лишь немного пополнились прибавками съ Запада.

Правда, греческая церковь составила, наконецъ, свой канонъ (*С. И.* § 23), исключивъ изъ него апокрифы, какъ книги „отреченныя, ложныя“. Она издала и „индексъ“ — указатель

зловреднаго чтенія, гдѣ, наряду съ апокрифами, были перечислены оракулы и астрологіи. Но наши предки долго не имѣли о немъ понятія. А между тѣмъ наплывъ апокрифовъ, хотя и далеко не всѣхъ, сталъ подавлять церковную письменность и сливаться съ гадальными книгами. Ктому же у насъ они начали представлять кашу изъ разныхъ обрывковъ, перепутанныхъ между собой и искаженныхъ передѣлывателями и переписчиками: таковы были самые распространенные апокрифы— Хожденіе Богородицы по мукамъ, слова Ефрема Сирина, житіе Василія Новаго. Церковникамъ стало необходимо очиститься— и въ началѣ четвертаго періода явилась статья *О книгахъ истинныхъ и ложныхъ*, этотъ первый намекъ у насъ на цензуру, а также на исторію словесности. Она отличается отъ византійскаго индекса добавленіемъ о книгахъ „истинныхъ" и указаніемъ русскихъ суевѣрій. Статья расширялась по мѣрѣ развитія ересей и усиленія западнаго вліянія: съ конца 16-го вѣка въ нее вносятся переводы съ латинскаго, польскаго и нѣмецкаго. Но это же и погубило ее: западное просвѣщеніе становилось такою потребностью даже на Верху, что горе было всему, что̀ касалось его. Къ концу періода ослабѣваетъ гоненіе на „ложныя" книги, сокращается понятіе о нихъ; и замираніе статьи о нихъ наглядно свидѣтельствуетъ о паденіи церковной письменности въ борьбѣ съ свѣтской.

Но на помощь нѣкогда грозной статьѣ явились Великія *Четіи-Минеи*: та указывала плевелы, эта собирала пшеницу для пропитанія душъ православныхъ. Подобно тому, какъ Азбуковникъ (§ 177) стремился установить обиходъ свѣтскаго чтенія, чтобы охранить старину, исправивъ, истолковавъ ее, Четіи-Минеи старались опредѣлить обиходъ духовнаго чтенія, съ тою же цѣлью. Ихъ задачей было дать въ руки православному „всѣ книги чтомыя" въ цѣльномъ видѣ, создать энциклопедію церковной письменности того времени, какъ бы въ подражаніе московскимъ „собирателямъ Руси" (§ 108). Это богатырское дѣло предпринялъ крупный человѣкъ — *Макарій* (§ 175), который, уже будучи архіепископомъ въ Новгородѣ, прославился, какъ книжникъ, художникъ, проповѣдникъ и дѣльный хозяинъ. Съ погибелью Бѣльскаго (§ 121), онъ былъ сдѣланъ московскимъ митрополитомъ, такъ какъ Шуйскіе опирались на новгородцевъ. Макарій орудовалъ въ избранной думѣ (§ 122), наряду съ Адашевымъ и Сильвестромъ, котораго онъ зналъ еще въ Новгородѣ и приблизилъ къ царю. Онъ былъ и

душой церковныхъ соборовъ того времени, въ особенности Стоглаваго. Онъ внушилъ Ивану IV мысль о типографіи и благословилъ нашихъ первыхъ печатниковъ. Онъ же упорядочилъ московскую иконопись. Лучшій начетчикъ и собиратель книгъ, Макарій могъ увлечься смѣлою мыслью издать сразу всю нашу церковную словесность. Онъ не жалѣлъ „серебра и всякихъ почестей" для отысканія рукописей по епархіямъ и монастырямъ и для привлеченія переписчиковъ и книжниковъ. Самъ издатель выбиралъ лучшіе списки, переводилъ иностранныя и устарѣлыя выраженія, нерѣдко и передѣлывалъ сочиненія. Послѣ 12-лѣтнихъ трудовъ, въ 1553 г., явилось 12 „великихъ книгъ", по одной на каждый мѣсяцъ. Онѣ были сложены въ книгохранилищѣ новгородской св. Софіи; дополненіе къ нимъ попало въ московскій Успенскій соборъ.

Тутъ было все: Евангелія, Апостолъ и Псалтырь, Златоустъ, Василій Великій и Григорій Богословъ, Златоструй и Маргаритъ, Хожденія и документы. Но больше всего житій святыхъ: это—полная русская *агіографія.* Издатель увлекся ею преимущественно, соотвѣтственно съ тогдашнимъ умоначертаніемъ (§ 173) и съ всеобщимъ пристрастіемъ къ чудеснымъ повѣствованіямъ. Агіографія служила уже отличіемъ нашей письменности въ прошломъ періодѣ (§ 104). Но тогда было еще мало мастеровъ этого дѣла; и житія были кратки и „грубо, очень просто написаны", какъ жаловался Макарій, хотя оттого они были болѣе правдивы и близки къ дѣйствительности. Теперь же развелось много иноковъ съ новымъ пошибомъ письма, который называли „добрословіемъ". Это—напыщенность, „плетеніе словъ", которое доходило до того, что премудрый Епифаній подобралъ, для описанія нрава Сергія Радонежскаго, 18 прилагательныхъ, а для Стефана Пермскаго—25. Этотъ пошибъ, принесенный съ Аѳона такими добрословами, какъ Пахомій Логофетъ, истреблялъ бытовыя, жизненныя черты въ житіяхъ, замѣняя ихъ общими мѣстами, риторикой. Новые иноки-агіографы стали уснащать старыя житія слогомъ Ивана IV (§ 176), безконечными славословіями да чудесами, въ особенности же исцѣленіями.

Такъ, Макарію удалось собрать не менѣе 1.300 житій, русскихъ и греческихъ. На основаніи Четіи-Миней, тогда же соборы причислили къ лику святыхъ много нашихъ князей, владыкъ и отшельниковъ, о которыхъ ходили мѣстныя преданія въ народѣ. По способу Макарія легко было переиначивать, сколько угодно, старыя житія и сочинять новыя: этимъ дѣломъ стали

заниматься не только иноки, но и бояре, князья, даже царевичи (§ 176). Агіографія заполонила даже сборники, гдѣ ихъ почти не было прежде. Она косвенно указываетъ на новое направленіе умовъ (§ 174), служа какъ бы переходомъ отъ церковной письменности къ свѣтской, въ силу своихъ поэтическихъ и историческихъ подробностей. Люди утомлялись сухимъ однообразіемъ и отвлеченностью догматики, искали выхода въ ея примѣненіи къ житейскимъ примѣрамъ.

Если Четіи-Минеи служили, главнымъ образомъ, агіографіи, то четвертый же періодъ далъ и первое полное собраніе книгъ Священнаго Писанія на славянскомъ языкѣ, извѣстное подъ именемъ *Синодальнаго списка Библіи* (1499). Оно было вызвано борьбой съ жидовствующими (§ 115), которые ссылались на книги, незнакомыя православнымъ. Ихъ гонитель, Геннадій, занялся дополненіемъ недостающаго, съ помощью одного доминиканца изъ славянъ и одного дьяка Посольскаго Приказа. Они переводили больше съ латинскаго, за неимѣніемъ знатоковъ греческаго языка; но кое-что изъ Ветхаго Завѣта было переведено даже съ еврейскаго, благодаря одному крещеному еврею. Геннадіева Библія замѣнила Палею. Но и послѣ нея православные работали въ томъ же направленіи. Съ одной стороны, начиная съ Максима Грека, все исправляли нашу Библію, съ другой—переводили главныхъ церковныхъ писателей. Особенно хлопоталъ Курбскій, который для этого даже выучился полатыни, на старости. „Объятый скорбію", при видѣ недочетовъ нашей церковной письменности, онъ составилъ обширный планъ перевода твореній святыхъ отцовъ. Но ему не удалось образовать цѣлое общество переводчиковъ, за неимѣніемъ таковыхъ; самъ же онъ успѣлъ перевести только Дамаскина и немного изъ Златоуста. Съ началомъ 17-го вѣка, при развитіи книгопечатанія и исправленія книгъ (§ 174), дѣло церковной энциклопедіи приняло новый видъ.

Помимо этой сборной, издательской работы, къ которой должно отнести и множество „Златоустовъ" или душеполезныхъ словъ на каждый день, церковь не дала ничего особеннаго, если не считать богатой дѣятельности иностранца, Максима Грека, въ защиту православія, въ особенности же его сильнаго опроверженія „льстивыхъ писаній" Николая-нѣмчина (§ 174). Въ церковной письменности попрежнему (§ 104) преобладали *посланія*, которыя возмѣщали недостатокъ проповѣдниковъ: ихъ разсылали далеко и читали по церквамъ. Они писались не

только для духовенства, но и для городовъ, разныхъ сословій, даже для частныхъ лицъ. Оттого въ нихъ уже не столько толкованіе Св. Писанія, сколько обличеніе пороковъ, указаніе правилъ жизни, изрѣдка даже политическія задачи: митрополитъ Іона увѣщевалъ новгородцевъ не крамольничать. Но идеаломъ жизни все еще выставляются иноческія добродѣтели, въ особенности въ суровомъ „Уставѣ скитскаго житія", гдѣ Нилъ Сорскій (§ 115) требуетъ „внутренняго дѣланія", „умной (умственной) молитвы", помощи людямъ назиданіемъ, а не милостыней, — словомъ, полнаго порабощенія тѣла. Притомъ такихъ искреннихъ и пламенныхъ посланій было мало. Они встрѣчаются только въ тяжелыя минуты русской жизни. Таковы увѣщанія Геронтія и особенно Вассіана (§ 169), который называлъ Ивана III „бѣгуномъ" и ссылался на греческихъ философовъ. Еще задушевнѣе простыя грамоты и слова патріарха Гермогена, сослужившія не малую службу во время смуты (§ 141). Вообще же посланія страдаютъ недостатками своего времени — риторскою напыщенностью, невразумительностью, условностью изложенія. Вотъ, напримѣръ, объясненіе св. Троицы въ „Просвѣтителѣ" Іосифа Волоцкаго (§ 115): „Богъ рече: сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію. Почто не рече—сотворю, а сотворимъ? Того ради рече, яко не едино лицо Божества есть, но трисоставно. А еже по образу, а не образамъ,—едино существо являетъ св. Троицы. Сотворимъ, рече, человѣка. Кому глаголетъ? Не явственно ли есть, яко ко единородному Сыну и Слову Своему рече и св. Духу?" Тотъ же Просвѣтитель показываетъ духъ жестокой нетерпимости, которымъ проникнуты посланія противъ суевѣрій и особенно противъ ересей. Весь кружокъ осифлянъ негодовалъ на правительство за послабленія. Геннадій приводилъ, въ своихъ посланіяхъ, примѣръ „испанскаго короля, очистившаго свою землю отъ еретиковъ": онъ слышалъ о Фердинандѣ Католикѣ (*С. И.* § 153) отъ цесарскаго посла. Среди этой ярости человѣконенавистничества глохли такіе христіанскіе голоса, какъ „Посланіе заволжскихъ старцевъ", гдѣ приводился примѣръ Спасителя, который не осудилъ грѣшницу, а отвелъ отъ нея руки убійцъ. Посланіями соблазнялись и свѣтскія лица. Есть даже посланіе Грознаго къ братіи Бѣлозерскаго монастыря, гдѣ проявляются худшія черты его переписки съ Курбскимъ: здѣсь онъ поучаетъ иноковъ изъ бояръ, съ притворнымъ смиреніемъ, широковѣщательно уличая ихъ въ порокахъ, которымъ

предавался самъ. Напротивъ, задушевны и дѣльны посланія Курбскаго къ князьямъ Острожскому, Чарторижскому и др., направленныя къ поддержанію православія въ юго-западной Руси.

§ 180. **Языкъ древней Руси.**—Четвертый періодъ имѣетъ большое значеніе и въ исторіи орудія нашей письменности и просвѣщенія, или въ судьбѣ русскаго языка. И здѣсь отразилось стремленіе къ разрыву съ византійскою стариной, подъ вліяніемъ Запада.

Переворотъ совершался даже въ *разговорной* рѣчи, столь устойчивой у народа, хранящаго до сихъ поръ множество пережитковъ первобытности въ понятіяхъ и нравахъ. При всей трудности изученія этой рѣчи, разбитой на областные говоры и искаженной книжнымъ вліяніемъ даже въ памятникахъ народной поэзіи, видно, что она пережила двѣ главныхъ поры. Сначала господствовала юго-западная рѣчь, именно кіевское и новгородское нарѣчія, близкія къ древне-болгарскому языку, во многомъ даже тожественныя съ нимъ, а потому подверженныя византійскому вліянію. Потомъ, съ возвышеніемъ Москвы, выдвигается сѣверо-восточная рѣчь, или московское нарѣчіе, особенно къ концу четвертаго періода. То былъ разрывъ съ Византіей и подготовка самобытнаго „русскаго“ языка: московское нарѣчіе легло въ основу нынѣшняго литературнаго языка.

Разрывъ съ Византіей еще яснѣе въ исторіи нашего *книжнаго* языка, гдѣ видно и вліяніе Запада. Первоначально этотъ языкъ былъ старо-славянскій или, вѣрнѣе, языкъ Кирилла и Меѳодія (§ 16), который не былъ вполнѣ народнымъ даже у болгаръ и потому сразу сталъ нарѣчіемъ исключительно книжнымъ, церковнымъ: его можно назвать старымъ церковно-славянскимъ языкомъ. Но онъ такъ укоренился, что основы его, установленныя въ 10 — 11 вв., до сихъ поръ живутъ въ нашемъ литературномъ языкѣ, именно во множествѣ выраженій для отвлеченныхъ понятій. Тѣмъ не менѣе, весьма рано старо-славянскій языкъ подвергся борьбѣ съ народно-русскою рѣчью, которая все усиливалась съ развитіемъ нашего народа: всегда русское начало преобладало въ свѣтской письменности, а славянское—въ церковной. Уже въ Остромировомъ Евангеліи и въ Изборникахъ Святослава (§§ 66, 67) есть слабые слѣды русской разговорной рѣчи. Они яснѣе въ такихъ памятникахъ полународной поэзіи, какъ Слово о полку Игоревѣ. Они уже бьютъ въ глаза наблюдателю въ рукопи-

сяхъ 14-го в. А съ 15-го в. образуется новый *церковно-славянскій* языкъ, который употребляется и теперь въ нашемъ богослуженіи, а отчасти сохранился у нашихъ проповѣдниковъ и церковныхъ писателей: на немъ лежитъ яркая печать русской рѣчи, въ отличіе отъ старо-славянскаго языка. Эта побѣда народнаго начала тѣмъ важнѣе, что именно въ концѣ третьяго періода у насъ настало мимолетное возрожденіе византійства, благодаря оживленію болгаро-сербской письменности передъ ея замираніемъ: наши грамотѣи уходили на Аѳонъ и въ Константинополь; а въ Россію наѣзжали южные славяне и греки—Кипріанъ (§ 115), Пахомій Логофетъ (§ 104), Цамблакъ, — которые приносили, вмѣстѣ съ новыми переводами и новымъ, риторическимъ, слогомъ, южно-славянскіе оттѣнки рѣчи и правописаніе. Церковно-славянскій языкъ замѣтенъ уже въ Апостолѣ 1564 г. (§ 175), текстъ котораго очищенъ отъ устарѣвшихъ и инославянскихъ реченій. Но онъ сложился къ концу періода: въ 1619 г. онъ получилъ научное опредѣленіе, въ видѣ „славянской“ граматики Смотрицкаго. Тогда возникло даже сознаніе существованія двухъ языковъ на Руси: Азбуковники (§ 174) прямо отдѣляютъ „русскія“ слова отъ „славянскихъ“ и „болгарскихъ“; а нѣкоторые грамотѣи утверждали, что славянскій языкъ—сынъ русскаго.

Окончательное освобожденіе народнаго начала отъ церковнаго, византійскаго преданія совершилось подъ *вліяніемъ Запада*, которое оказалось сильнѣе всѣхъ другихъ иноплеменныхъ вліяній: въ русскомъ языкѣ мало слѣдовъ варяжской, греческой и татарской рѣчи (§§ 26, 29, 84). Такъ какъ оно шло, главнымъ образомъ, черезъ Польшу и во время господства латыни на Западѣ, то его первымъ отличіемъ было чужесловіе или варваризмы изъ языковъ польскаго и латинскаго. Это отразилось прежде всего въ книжной рѣчи юго-западной Руси, которая едва ли не походила тогда больше на какое-то польсколатинское (отчасти и нѣмецкое) нарѣчіе, чѣмъ на русскій языкъ. Въ московской Руси этотъ переворотъ совершился лишь въ концѣ періода, и въ гораздо меньшей степени. Въ ея письменности, начиная съ Курбскаго (§ 177), запестрѣли такія слова, отчасти не вымершія до нашихъ дней: алебарда, банкетъ, бестія, декретъ, докторъ, екзекуція, корректура, квестія, миссія, палацъ, папагалъ-птица и др. Иногда тутъ же ставили переводъ новаго слова: „композиторъ — складачъ, друкую — вытискиваю“ и т. под. Особенно кишѣло чужесловіе въ такихъ дѣлахъ, какъ

художество, которое заносилось къ намъ самими иностранными мастерами. Тутъ встрѣчаются: гзымцы (карнизы), шпренгели или шпренгери и даже шпленгери или скрыдла (украшенія сверху оконъ и дверей), цироты (украшенія вообще), ленгафты или левгаты (ландшафты) и т. д. Западное вліяніе стало проникать въ самый почеркъ: къ концу періода въ скоропечатныхъ книгахъ замѣчается стремленіе передѣлать нѣкоторыя буквы на латинскій ладъ.

§ 181. **Искусство.** — Подъ западнымъ же вліяніемъ подвинулось впередъ и искусство, хотя менѣе замѣтно, чѣмъ письменность. Постепенно заводились даже собственные „мастера“ или „хитрецы“ болѣе мудреныхъ и тонкихъ дѣлъ: они не только производили грубыя каменныя работы, но и дѣлали разныя украшенія, особенно ожерелья; среди нихъ встрѣчались и рѣзчики, и серебреники, и печатники, не говоря уже объ иконописцахъ. Въ началѣ періода въ самой Москвѣ церкви воздвигали новгородскіе и псковскіе каменщики, которые славились раньше (§ 106), такъ какъ они учились у западныхъ мастеровъ. Но ихъ не хватало даже для столицы; и они нуждались въ указкѣ и надзорѣ учителей, особенно когда доходило дѣло до болѣе изящныхъ работъ. Отсюда непрерывный приливъ *иностранныхъ* художниковъ, сначала изъ Италіи, потомъ изъ Германіи, а въ концѣ періода изъ Голландіи. Онъ начался, благодаря иноземкѣ, Софьѣ Палеологъ (§ 114). Иванъ III выписалъ фряжскаго „муроля“ (зодчаго) *Фіоравенти*, котораго прозвали *Аристотелемъ* за его искусство. И знаменитый итальянецъ принужденъ былъ не только ставить церкви и дворцовыя палаты, но также строить стѣны, лить пушки и колокола, наводить мосты, чеканить монету. Когда онъ сооружалъ Успенскій соборъ, народъ стекался смотрѣть, какъ на чертощину, на его умѣнье „чудно“ подымать камни колесомъ; а по окончаніи постройки, царь, съ радости, пировалъ цѣлую недѣлю. Иностранные художники, съ ихъ дружинами и учениками, не только построили каменные храмы, палаты и стѣны Кремля, но и украшали ихъ живописью, рѣзьбой, затѣйливою утварью. Они даже обучали насъ творить известь, бить и обжигать кирпичъ.

Болѣе всего успѣховъ замѣтно въ *зодчествѣ*: четвертый періодъ можно назвать золотымъ вѣкомъ въ исторіи архитектуры древней Руси. Но именно здѣсь выразилось смѣшеніе разныхъ вліяній, и самымъ любопытнымъ, своенравнымъ образомъ. Уже суздальскій пошибъ (§ 69) былъ сліяніемъ стилей

романскаго, византійскаго и персидскаго. Онъ держался въ каменныхъ церквахъ московской Руси еще въ началѣ періода. Даже итальянцы при Иванѣ III строили каменные храмы по его образцу, замѣняя только бѣлый камень болѣе прочнымъ кирпичемъ. Иванъ III послалъ самого Аристотеля во Владиміръ посмотрѣть на Дмитріевскій соборъ, и тотъ донесъ: „церковь хороша; это—работа моего земляка". Итальянцамъ пришлось брать суздальскій планъ и убирать его западными украшеніями. Отсюда еще болѣе *смѣшанный* пошибъ, который мѣстами дожилъ до 18-го в. Таковы кремлевскіе соборы, которые замѣнили изветшавшія церкви Калиты (§ 91) и сохранились до нашихъ дней съ небольшими измѣненіями. Во главѣ ихъ стоитъ „первопрестольное святило" Руси и слава Аристотеля—*Успенскій* соборъ (1480), гдѣ издревле помазуются на царство наши государи и поставляются іерархи. Созданный, въ старомъ видѣ, первымъ московскимъ митрополитомъ (§ 91), онъ служилъ усыпальницей его преемниковъ и патріарховъ: здѣсь и теперь находится 13 ихъ гробницъ. Въ Успенскомъ соборѣ уцѣлѣли богатая ризница и книгохранилище, гдѣ, за шкафами, недавно открыта дверь въ тайникъ съ западней подъ поломъ, куда прятали встарину опальныхъ и преступниковъ, а потомъ — сокровища. Въ немъ хранятся и теперь: яшмовая чаша для помазанія государей, присланная, по преданію, Мономаху изъ Византіи; Владимірская Божія Матерь (§ 48); мощи митрополитовъ Петра и Филиппа (§ 127) и другія святыни. Не менѣе маститъ *Архангельскій* соборъ (1509) такого же пошиба, какъ Успенскій, и сооруженный тѣми же итальянцами. Это—усыпальница русскихъ государей, съ Калиты до Петра I: здѣсь стоятъ устроенныя Михаиломъ Ѳедоровичемъ 47 каменныхъ гробницъ, на которыя всякій могъ положить челобитную, доходившую въ руки царя; а подъ ними, на стѣнахъ, сохранились портреты усопшихъ государей. Здѣсь же лежатъ мощи Димитрія царевича (§ 132) и Михаила и Ѳеодора черниговскихъ. Того же пошиба *Иванъ Великій* (1600), только онъ отличается замѣчательною простотой. Это—„звоница" (колокольня), въ видѣ огромнаго „столпа", въ 47 саженей, построенная царемъ Борисомъ на мѣстѣ церкви Ивана (§ 91), „чтобы людемъ питатися" во время голода. Для него былъ отлитъ „большой благовѣстникъ", который раскачивали 24 человѣка [1]).

---

[1]) Въ настоящее время Иванъ Великій мало измѣнился. Это — просто три восьмигранныя призмы, съ открытыми входами вокругъ каждой изъ нихъ. Подъ

Но рядомъ съ суздальскимъ пошибомъ, въ деревянныхъ церквахъ и звоницахъ развивались свои особенности. Онѣ строились туземными мастерами на подобіе хоромъ: высокая клѣть съ выступомъ для алтаря, а главное — крыша „шатромъ“ или башней, въ видѣ многогранной пирамиды, которая кончается маковицей въ видѣ луковицы, съ ребрами на узкой, длинной шеѣ, вмѣсто византійскаго шара. Это—нашъ изначальный *шатровый* пошибъ, образцы котораго сохранились повсюду, начиная съ 13-го вѣка. Только въ четвертомъ періодѣ его церкви стали обширнѣе и сложнѣе, число башенокъ и главъ доходило до 10. Съ покореніемъ Казани сюда присоединяются азіятскія черты— своды подковами, пузатые столбы, крыши бочками. Съ 16-го в. эти отличія шатроваго пошиба сливаются, въ каменныхъ храмахъ, съ смѣшаннымъ стилемъ — и создается общій для всей страны *русскій пошибъ*. Это — многогранникъ, съ шатровою крышей и съ папертью, въ видѣ крытаго крыльца вокругъ храма на кувшинныхъ столбикахъ; на крышѣ „кокошники“ — своеобразные фронтоны, въ видѣ арочекъ, ряды которыхъ съуживаются къ маковицѣ; всюду суздальское узорочье (§ 106).

Лучшимъ образцомъ русскаго пошиба служитъ весьма затѣйливая церковь *Василія Блаженнаго* въ Москвѣ, которая, по преданію, такъ восхитила Грознаго, что онъ ослѣпилъ зодчаго, дабы такая прелесть не повторилась гдѣ-нибудь [1]). Это—крайне

главой золотая надпись въ три строки о томъ, что „храмъ совершенъ“ Борисомъ. „Благовѣстникъ“ вѣсилъ всего 1,000 пудовъ; а въ 1737 г. былъ отлитъ *Царь-колоколъ* въ 12,000 п.; но онъ вскорѣ упалъ, при пожарѣ, и стоитъ теперь надъ ямой, съ отбитымъ краемъ.

[1]) Прилагаемое изображеніе Василія Блаженнаго взято изъ Олеарія, который представилъ тутъ же крестный ходъ и крестоцѣлованіе царя на Лобномъ Мѣстѣ. Въ то время храмъ былъ почти такой же, какъ при своемъ основаніи въ 1554 г., въ память покоренія Казани, на мѣстѣ деревянной церкви св. Троицы, гдѣ былъ погребенъ, въ 1552 г., блаженный нагоходецъ (§ 171). Онъ назывался сначала Покровскимъ соборомъ, пока Ѳеодоръ I не пристроилъ къ нему церкви во имя Василія Блаженнаго, по случаю чудесъ отъ мощей этого юродиваго. Тогда же его расписали красками, главы покрыли дощатымъ желѣзомъ, каждую особымъ образомъ, а деревянную паперть вокругъ всего храма—черепицей, на которой сдѣлали поливную надпись желтыми буквами о созиданіи этой святыни. Въ теченіи 17-го в., въ церковь Василія Блаженнаго были перенесены престолы нѣсколькихъ деревянныхъ церквей, разобранныхъ на Красной Площади, такъ что онъ представлялъ собой, наконецъ, скопленіе двадцати церквей въ два этажа. Въ 18-мъ в. черепицу замѣнили желѣзомъ, а слюду въ окнахъ — стекломъ; снесли 8 башенокъ, стоявшихъ по угламъ главной, срединной башни; поставили иконостасы изъ другихъ церквей; наконецъ, вездѣ, даже на куполахъ, подновили краски, но строго соблюдая старину.

своенравное произведеніе, которое словно стремилось затмить все на свѣтѣ чудовищностью роскоши и величія. Тутъ соединя-

Василій Блаженный въ Москвѣ. 1554 г.

лись десятка два церквей, въ два этажа, подъ десятью главами, а также неимовѣрная пестрота красокъ, безконечное разно-

---

Василій Блаженный красуется и сейчасъ, на Красной Площади, близъ Спасскихъ воротъ, почти въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при Олеаріѣ: только теперь

образіе узорочья и рѣзи (§ 30), смѣшеніе вліяній всякихъ странъ—Византіи, Италіи, Суздаля, Персіи и Индіи.

Между тѣмъ какъ Василій Блаженный постепенно принималъ нынѣшній видъ, были окончены и разукрашены иностранцами остальные соборы Кремля. Къ концу періода Москва и внѣ Кремля стала щеголять каменными храмами, которыхъ еще было мало въ 16-мъ в.; даже подъ столицей возникъ, еще при Василіѣ III, обширный *Новодѣвичій монастырь*. И вся московская Русь стала покрываться понемногу каменными церквами, на подобіе кремлевскихъ соборовъ. Но тутъ суздальскій и русскій пошибы путались и портились: особенно главы и колокольни становились, къ концу періода, непомѣрно большими и чудовищно-своенравными. Вообще же Русь пробавлялась все еще убогими деревянными церковками шатроваго пошиба. Впрочемъ онѣ уже становились прочнѣе, а мѣстами даже и теплыми, по примѣру Новгорода. И все чаще встрѣчались, по большимъ городамъ, горделивыя „хоромы“—высокіе, пестро разукрашенные деревянные дома, которые особенно щеголяли своими верхами и теремами, гребнями крышъ и „вѣтрилами“ (флюгеры).

Къ концу періода каменное дѣло развивалось. Русскій пошибъ примѣнялся уже не къ однимъ храмамъ, но и къ свѣтскимъ постройкамъ, и не въ одномъ Новгородѣ да Псковѣ (§ 106). Собственные каменщики заводились по разнымъ областямъ, и, благодаря надзору иностранцевъ, ихъ работа уже

въ немъ лишь 11 церквей, паперть каменная, и нѣтъ ни главокъ вокругъ средняго шатра, ни главки надъ придѣломъ внизу; а подъ шатромъ только три ряда кокошниковъ. Онъ сдѣланъ изъ бѣлаго камня и кирпича отчетливой и прочной кладки. Его длина и ширина—18 саженей; вышина главной башни, съ крестомъ—27 с. Въ противоположность простотѣ Ивана Великаго, который виднѣется на нашемъ рисункѣ направо, Василій Блаженный переполненъ маковицами, шатрами и придѣлами, переходами, дверями и окнами, арками, арочками, карнизами и впадинами, обронными поясами, разубранными кокошниками и барабанами (§ 69), столбами и столбиками—все это разныхъ пошибовъ. Внутри, стѣны усѣяны иконами, и по сторонамъ главныхъ изъ нихъ вьются винтами позолоченные столбцы. Снаружи все облѣплено геометрическими фигурами да сухариками, расписано цвѣтами да птицами, осыпано звѣздочками, крестиками, стрѣлочками. На башняхъ разноцвѣтная чешуя: на главной—зеленыя и красныя полосы, унизанныя бѣлыми звѣздами; а подъ ними 4 ряда зеленыхъ кокошниковъ, расписанныхъ вѣтками и звѣздами. Главы-луковицы щеголяютъ особенною пестротой своихъ выпуклыхъ украшеній. Это—гдѣ клубокъ волнистыхъ или букетъ змѣевидныхъ полосъ желтаго, розоваго, зеленаго цвѣта, гдѣ—огромныя шишки, красныя, зеленыя, желтыя, разбросанныя шашками.

не разваливалась, когда приходила къ концу. Тамъ и сямъ возникали *палаты* или каменныя зданія; и ихъ возводили уже свои мастера, а не греки да нѣмцы, какъ прежде. Таковъ недавно подновленный дворецъ царевича Димитрія въ Угличѣ, съ красивымъ кирпичнымъ узорочьемъ и галереей снаружи. Появлялись также *стѣны* и *мосты*. Въ Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ, Астрахани ставились новыя или расширялись старыя укрѣпленія изъ камня. Но главная работа шла конечно въ Москвѣ. Не только въ Кремлѣ встрѣчались уже палаты ближнихъ бояръ, но и внѣ его попадались такія роскошныя зданія, какъ уцѣлѣвшій доселѣ домъ Синодальной Типографіи на Никольской. Кремль, а также Китай-Городъ, были обнесены кирпичными стѣнами, начало которымъ положилъ Аристотель. На нихъ возвышались десятка два „стрѣльницъ„ или *башенъ* въ шатровомъ стилѣ, по большей части „глухихъ“: только треть изъ нихъ были проѣзжія“ (надъ воротами). Самою громадною и красивою башней была та, которая сохранилась до нашихъ дней, почти въ тогдашнемъ видѣ, подъ именемъ Спасской. На каждой сторонѣ стѣнъ были еще башенки съ „полошными“ колоколами для набата при пожарѣ или тревогѣ. Стѣны были уставлены пушками. Итальянскія башни въ Кремлѣ пришлись такъ по вкусу, что имъ подражали по всей московской Руси, хотя чѣмъ позже, тѣмъ хуже. Подъ ихъ вліяніемъ самыя церкви нерѣдко стали походить на неуклюжія колокольни, такъ что, въ концѣ періода, патріархъ запретилъ это безобразіе.

Больше всего работали надъ *Кремлевскимъ дворцомъ*, о которомъ мы имѣемъ смутное понятіе. Онъ строился болѣе двухъ вѣковъ, въ теченіе всего періода и до самаго Петра I [1]). Объ

---

[1]) Кремлевскій дворецъ былъ начатъ итальянцами при Иванѣ III и оконченъ при Василіѣ III, во вкусѣ старыхъ деревянныхъ хоромъ. Онъ былъ почти совсѣмъ истребленъ пожаромъ при Грозномъ (§ 122). Не успѣлъ Иванъ IV возобновить его, какъ онъ былъ разрушенъ крымцами (§ 128). Возстановленный при Ѳедорѣ I, онъ снова былъ истребленъ „розрухой“: остались буквально однѣ голыя стѣны. Михаилъ возобновилъ его въ прежнемъ видѣ, съ помощью иностранцевъ, для своего сына, и покрылъ мѣдною кровлей. Общій видъ дворца былъ таковъ. На бѣлокаменныхъ „подклѣтахъ“ (тайники, кладовыя, погреба, ледники) первоначально подымался такой же, но украшенный колоннами, нижній этажъ, который потомъ былъ почти скрытъ новою накладкой кирпичныхъ стѣнъ. Надъ нимъ стояли главныя палаты, выходившія частью къ соборамъ, гдѣ было Красное Крыльцо, частью на взгорье, къ Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ теперь лицо императорскаго дворца. Это—рядъ пріемныхъ, роскошныхъ залъ, во главѣ которыхъ красовались Грановитая Палата царя и Золотая Палата царицы. Съ двухъ другихъ сторонъ къ нимъ примыкали

его великолѣпіи можно судить по уцѣлѣвшей до сихъ поръ Грановитовой Палатѣ, которая замѣнила гридню (§ 27), въ качествѣ парадной залы. Впрочемъ цари все еще жили въ низенькихъ, тѣсныхъ, подслѣповатыхъ деревянныхъ постройкахъ (для каждаго члена семьи отдѣльно), считая ихъ болѣе здоровыми и уютными: Михаилъ, соорудивъ новый каменный дворецъ, отдалъ его царевичу. Вокругъ Верха тѣснились всевозможныя службы. Такъ, къ концу періода дворъ государевъ въ Кремлѣ, подобно дворцамъ фараоновъ (*Д. И.* § 10), представлялъ собой нестройную, лишенную лица, кучу большихъ избъ, каменныхъ палатъ и всяческихъ службъ помѣщичьей усадьбы, нагроможденныхъ какъ ни попало и разубранныхъ богато, но аляповато и рѣзко. Тутъ зданія насѣдали другъ на друга. Со всѣхъ сторонъ выглядывали крыши, „шатры, бочки, скирды“, съ прорѣзными гребнями, золочеными маковицами и узорчатыми трубами изъ поливныхъ изразцовъ. Мѣстами онѣ были покрыты золотомъ: отсюда—Золотая Палата, Золотой Теремъ, Золотая Рѣшетка. Изъ-за крышъ вытягивались башни и башенки, съ орлами, единорогами и львами вмѣсто флюгеровъ. Всюду пестрѣли узорочья и раскраска, какъ на Василіѣ Блаженномъ: отсюда—Красное Крыльцо. Ими были усыпаны карнизы и углы зданій, двери и окна; они проходили всюду, въ видѣ колоннъ и столбиковъ, поясовъ и наличниковъ. Дворецъ былъ огороженъ крѣпкою рѣшеткой, со многими воротами и башнями, на которыхъ висѣли иконы и часы. На Золотыхъ воротахъ красовался золоченый двуглавый орелъ, а на стѣнахъ гербы областей московскаго государства.

Живопись развилась больше всего, послѣ зодчества, несмотря на упорное сопротивленіе старины. Въ началѣ періода она все еще была „корсунскимъ письмомъ“, т.-е. исключительно византійскою иконописью, святымъ дѣломъ, и сосредо-

„постельныя“ хоромы (жилые покои) царя и „царицына половина“. Михаилъ надстроилъ третій этажъ для царскихъ дѣтей—терема или „чердаки“. Всѣ эти помѣщенія соединялись между собой „переходами“ и лѣстницами. Службы при дворцѣ назывались: Палаты—Оружейная (сначала арсеналъ, потомъ всякія мастерства), Истопничья и Портомойная; Дворы—Денежный, Сытный, Кормовый, Хлѣбенный, Житный, Лебединый, Конюшенный. Были также пивоварня, медоварня, воскобойня, свѣчная. Сохранившаяся понынѣ Потѣшная Палата стала собственно дворцомъ съ Петра I, когда тамъ жили въ уединеніи царевны и вдовствующія царицы. Оттого ее расширяли и украшали, между тѣмъ какъ остальныя дворцовыя зданія разваливались. Здѣсь жили и императрицы Анна и Елизавета.

точивалась въ рукахъ туземцевъ (Глаголь, Малый, Грабленый). Самымъ народнымъ событіемъ при Василіѣ III было перенесеніе изветшалыхъ иконъ изъ Москвы во Владиміръ, послѣ ихъ подновленія, а подновлялъ самъ митрополитъ. По Стоглаву, „подобаетъ быть живописцу смиренну, кротку, благоговѣйну, не празднословцу и не смѣхотворцу", подобно средневѣковымъ мастерамъ на Западѣ (*С. И.* § 176). Но тотъ же Стоглавъ жаловался, что пошлина падала и здѣсь. Мастера начинали „описывать божество отъ самомышленія и своими догадками". Они стали оживлять византійское однообразіе житейскими предметами и наклонностью къ выпуклости: глядишь, подлѣ Спаса написана „женка, кабы пляшетъ"; и лики все словно живые. Такими затѣями отличалась особенно новгородско-псковская школа, которая находилась подъ вліяніемъ творцовъ Возрожденія, пользовалась гравюрами даже съ Перуджино и Чимабу (*С. И.* §§ 125, 176). Она уже забывала старомодную школу троицко-московскую [1]). Грозный поручилъ ей, въ добрую пору, расписать своды и стѣны царскихъ палатъ, послѣ пожара; и она изобразила на нихъ не иконы, а Разумъ и Безуміе, Чистоту, Правду и т. под. Старина возмутилась—и Стоглавый соборъ постановилъ: „иконники должны писать съ древнихъ образцовъ", именно съ греческихъ живописцевъ да съ Рублева (§ 106). Владыкамъ поручено было строго слѣдить за иконниками. Появились *подлинники* (§ 123), это старовѣрство въ живописи (§ 173), напоминающее древній Египетъ (*Д. И.* § 10). Въ этихъ церковныхъ руководствахъ иконописи подробно излагаются правила, какъ изображать всякаго святого, а также какъ дѣлать краски, позолоту и т. под. Подлинники были „лицевые", съ одними рисунками, и „толковые"—съ объяснительнымъ текстомъ. Образцами имъ служили византійскіе подлинники, которые руководились иконописью аѳонскихъ монаховъ 12-го в. Туземные же угодники описывались въ нихъ по воспоминаніямъ, разсказамъ, а то и по вѣщему сновидѣнію.

Но уже нельзя было остановить зародившейся жизни. Въ концѣ 16-го в. возникла строгановская школа, въ Сольвычегодскѣ, отчинѣ Строгановыхъ (§ 128). Склоняясь сначала къ византійству, она быстро подпала „фряжскому" вліянію и стала переходною ступенью къ новому русскому искусству. Западное вліяніе

---

[1]) Обращикомъ троицкой школы могутъ служить фрески Благовѣщенскаго собора въ Кремлѣ, написанныя при Василіѣ III. Онѣ недавно очищены отъ позднѣйшихъ наслоеній.

ясно также у патріаршихъ и царскихъ „зоографовъ“ 17-го в., которыми населены были, въ Москвѣ, цѣлыя „иконныя“ улицы, хотя ихъ работы все еще признавались на Западѣ за искусство 10-го в. Въ то же время, какъ бы въ отпоръ подлинникамъ, умножались книги и листы съ итальянскими и нѣмецкими гравюрами, предназначенными собственно для живописцевъ. А на Верху, по стѣнамъ, рядомъ съ молитвами (§ 173), появились „парсуны“ (персоны) или портреты царей и иностранныхъ государей, да „фряжскіе листы“—свѣтскія гравюры, въ рамкахъ безъ стекла, которыя покупались, вмѣстѣ съ игрушками, для царевыхъ дѣтей. При Михаилѣ дворецъ былъ расписанъ внутри нѣмцами да поляками на соблазнъ старовѣрамъ. Здѣсь, вмѣсто иконописи, красовалось необычайное „бытейное письмо“ (изображенія изъ всеобщей и русской исторіи, по Хронографу), а также виды, аллегоріи, „звѣздочетное небесное движеніе“ да „чертежи“ (карты съ птичьяго полета), хотя все это вычурно, пестро, горѣло золотомъ и яркостью красокъ. То же видимъ въ хоромахъ Никиты Ив. Романова, В. В. Голицына, Морозова, Матвѣева.

Развивалась и мелкая живопись или *миніатюра*. Она больше прежняго (§ 106) становилась свѣтскою и подвергалась западному вліянію. Не довольствуясь церковными книгами, она проникала всюду, отъ духовныхъ стиховъ до повѣсти. Особенно украшались картинками „лицевыя“ житія святыхъ. Образцами ихъ служатъ житіе Сергія Радонежскаго (§ 102) и Царственная Книга (§ 177), которыя передаютъ всѣ бытовыя подробности 14-го и 16-го вв. Это—истинный зародышъ нашей исторической и бытовой живописи.

Столь же важны, въ этомъ смыслѣ, *лубки* или „простовики“— грубыя гравюры, возникшія въ концѣ періода. Онѣ рѣзались на деревѣ и сначала изображали церковные предметы корсунскимъ пошибомъ. Лубочныя картинки такъ полюбились народу, что церковь поспѣшила запретить имъ иконное содержаніе. Тогда онѣ стали передѣлывать на русскій ладъ „нѣмецкіе потѣшные листы“; сверхъ того, начали заимствовать изъ преданій, сказокъ, повѣстей, апокрифовъ, курантовъ, альманаховъ. Постепенно онѣ стали касаться всего и нерѣдко зло осмѣивали старину. Наряду съ лубками, возникла, вмѣстѣ съ книгопечатаніемъ, серьезная *гравюра* или „фряжское рѣзное дѣло“. Сначала это были отдѣльные оттиски миніатюръ, все церковнаго содержанія.

Свѣтскость и прямо итальянскій пошибъ убивали византійство и въ нашемъ своеобразномъ *узорочьѣ* (§ 106), какъ видно изъ рисунковъ, буквъ и заставицъ въ Апостолѣ 1564-го г., съ ихъ растительнымъ орнаментомъ временъ Возрожденія. Да и самое книгопечатаніе явилось у насъ вполнѣ плодомъ Запада (§ 175). То же должно сказать о возникшей тогда у насъ *травной*, „травчатой" живописи или о „травахъ", какъ называли ткань съ растительными узорами, изобрѣтенную итальянцами въ эпоху Возрожденія. Это непобѣдимое вліяніе проникало даже въ наше узорочье въ вышиваньѣ.

Менѣе всего развивалось *ваяніе*, гонимое восточною церковью, какъ одно изъ отличій латинства. Оно попрежнему (§ 69) рѣдко дерзало браться за цѣнные „болваны" (статуи) и даже за совсѣмъ выпуклую рѣзьбу (горельефъ). Оно ограничивалось плоскою рѣзьбой на деревѣ или камнѣ въ иконописномъ стилѣ. Но съ 16-го в. появляется „фрящина", какъ называли горельефъ и „травную" рѣзь, которую расписывали яркими красками и покрывали золотомъ и серебромъ. На Верху уже при Иванѣ III были иноземныя „каменныя изваянія, по образцу Фидіевыхъ" (*Д. И.* § 130); подконецъ появились художественные львы, единороги и т. под.

Гораздо успѣшнѣе распространялась такая мелочь, какъ украшенія на обиходныхъ вещахъ, особенно на сосудахъ, въ видѣ узоровъ, растеній и звѣрей: нерѣдко даже кубки и ковши представляли собой вола, пѣтуха, лодку, рогъ, а на ихъ крышкахъ изображались города, птицы и т. под. Сюда же относится множество рѣзанныхъ на деревѣ, камнѣ, кости, мѣди образковъ, а также металическихъ складней со створками, дорогихъ окладовъ на иконахъ и евангеліяхъ, ракъ для мощей. Тутъ искусная рѣзьба, и „половинчатая", и „на проемъ", а также мусія (§ 30), чернь, финифть (эмаль), драгоцѣнные камни соперничали съ обронною работой, со „сканью" (сученыя металическія нитки) и „филигранью" (серебряныя сѣтки). То же должно сказать о затѣйливой рѣзьбѣ на надпрестольныхъ „сѣняхъ" (балдахины), въ видѣ храмиковъ, и на „царскихъ мѣстахъ". Послѣднія напоминаютъ описаніе Соломонова трона, какъ видно по обращику въ Успенскомъ соборѣ сдѣланному при Грозномъ, хотя и приписанному Мономаху: здѣсь шатеръ, кокошники и западныя украшенія. На этомъ мѣстѣ цари слушали обѣдню и облачались, причемъ оно задергивалось камчатными завѣсами. Подобными работами уже

занимались и туземцы, подъ западнымъ руководствомъ: при Грозномъ славился цѣлый рядъ новгородцевъ Петровыхъ. Но самыя лучшія вещицы выдѣлывали, подконецъ, иностранцы: они и завели въ Москвѣ фигурную рѣзьбу.

Всероссійская *монета* четвертаго періода изготовлялась собственными мастерами посредствомъ довольно дѣтскихъ пріемовъ. Она имѣла прежній (§ 106), далеко несовершенный видъ; только съ Грознаго въ рукѣ ѣздеца стало изображаться копье. Зато нѣсколько улучшились „свинчатыя" *печати*. Образецъ государственной печати установился при Иванѣ III: сначала на ней были разныя вымышленныя изображенія; а съ 1497-го года является черный двуглавый орелъ въ коронѣ, съ распростертыми крыльями и выпущенными когтями, съ крестомъ между главами. Иванъ III далъ печати также Новгороду и Дерпту, для сношеній съ иностранцами.

Музыка находилась въ первобытномъ состояніи. Инструментальной совсѣмъ не существовало. Она считалась грѣхомъ, соблазномъ, признакомъ язычества: древняя Русь кончила тѣмъ, что однажды, въ порывѣ благочестія, собрали по домамъ 5 возовъ инструментовъ и сожгли ихъ. А эти инструменты ограничивались невиннымъ подъигрываніемъ при пѣсняхъ и пляскахъ. То были: скромныя доморощенныя балалайки или бандуры, волынки, свирѣли и дудки или сопѣли, да зудящія азіятскія сурны, бубны и набаты (барабаны). Но на Верху уже съ начала періода завелась Потѣшная Палата, съ потѣшнымъ „чиномъ", т.-е. цѣлое увеселительное вѣдомство. Здѣсь хранились невиданные „стременты", занесенные съ Запада. Съ Ивана III, который выписалъ „органнаго игреца", органъ сталъ любимою музыкой на Верху. Подлѣ него выдвинулись мѣдные рога и гудки — ящики со струнами. Но больше всего привились, у именитыхъ людей, цымбалы—грубый намекъ на фортепьяно, напоминавшій древніе гусли: это—рядъ металическихъ струнъ, по которымъ ударяли двумя деревянными молоточками, обтянутыми сукномъ. „Игрецы" на цымбалахъ были русскіе, а на органахъ—нѣмцы. „Веселые" (скоморохи) играли на своихъ первобытныхъ инструментахъ (§ 63). Они давали, сверхъ того, представленія, надѣвая „хари" или „личины" (маски): эти „позоры" или „дѣйства" были мелкими сценами, а иногда цѣлыми кукольными комедіями, въ родѣ нынѣшняго райка. Скоморохи были также плясунами, акробатами, фиглярами, фокусниками, хотя далеко уступали въ этихъ искусствахъ своимъ учителямъ, нѣмцамъ и

полякамъ. У Лжедимитрія I былъ уже настоящій европейскій оркестръ, который при Михаилѣ становится необходимою принадлежностью Верха. Но пляска до конца сохранялась старая, народная. То была лѣнивая, безжизненная перестановка однѣхъ ногъ, съ рѣдкими, осторожными жестами: словно и здѣсь совершался чинный обрядъ. Только у мужчинъ, особенно подъ пьяную руку, это степенство смѣнялось иногда дикою комаринскою или отчаяннымъ казачкомъ съ присядками и выворотами ногъ.

Важнѣе было пѣніе. *Народныя пѣсни* обнаруживали музыкальность, которая свойственна вообще славянамъ. Онѣ полны разнообразія и самобытныхъ напѣвовъ, которыхъ не мало сохранилось до нашихъ дней. Здѣсь—то дикое неистовство и бурное веселье, то мягкая миловидность и безъисходная тоска. Замѣчательно также своеобразіе въ строеніи пѣсни,—именно, полная свобода размѣра (ритма), доходящая до своенравія: здѣсь музыка подчиняется смыслу словъ. Сверхъ того, часто въ самой короткой пѣснѣ встрѣчаются неожиданные переходы изъ веселаго (мажорнаго) тона въ печальный (минорный) и обратно. Рядомъ съ новѣйшими, потрясающими напѣвами попадаются отголоски эпической древности — фригійскаго и дорическаго склада (Д. И. §§ 68, 102). Трудно сказать, какихъ пѣсенъ больше—хоровыхъ или одноголосныхъ; неопредѣлено также, какіе преобладаютъ напѣвы—веселые или унылые. Наконецъ, пѣсни разнообразятся по областямъ. Все это устраняетъ односторонность и выдвигаетъ русскую пѣсню изъ ряда посредственности. Ее оцѣнили не только туземные, но и иностранные музыканты: Бетховенъ бралъ ея напѣвы для своихъ квартетовъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь видна печать первобытности въ скудости нотъ, которыя поэтому растягиваются и повторяются.

Вила и здѣсь принадлежитъ, въ значительной степени, Византіи. Съ введеніемъ христіанства, развитіе народной пѣсни пріостановилось. Церковь проклинала ее наряду со скоморошествомъ, какъ пережитокъ язычества. Стѣсненный даже въ родной пѣсни, лишенный оркестровъ и хоровъ, музыкальный русскій человѣкъ, до самозабвенія увлекавшійся птицами пѣвчими, ударился въ *церковное пѣніе*. Его любимымъ развлеченіемъ стало послушать священное сладкогласіе, въ особенности архіерейскихъ пѣвчихъ. Церкви, монастыри и города, наперерывъ другъ передъ другомъ, заводили, наряду съ громогласными дьяками, звонкихъ клирошанъ, а при средствахъ—и хоры „демественниковъ“ или пѣвчихъ, щеголявшихъ почтенными бородами и на-

рядными кафтанами. Господа сами подпѣвали имъ въ церкви, а у себя устраивали, съ помощью наемныхъ дьяковъ, собственные хоры изъ своихъ дѣтей и домочадцевъ. При этомъ, какъ въ иконописи, старались держаться древнихъ образцовъ, хотя и преподанныхъ иноземцами.

Первыми уставщиками церковнаго пѣнія на Руси были болгары и греки, которые ввели у насъ „осмогласіе" по Октоиху Дамаскина. Это и есть настоящее „демество" или преданіе придворной капеллы въ Византіи—пѣніе, застывшее на первобытной однотонности (*Д. И.* § 156), чинное и скучное, какъ обрядъ. Съ начала 12-го в. уже появились „крюки" или „знаменія"—ноты, въ видѣ крючковъ, черточекъ, точекъ, крестиковъ и т. под. При татарскомъ игѣ заглохло и это дѣло; но затѣмъ оно оживилось. Повсюду возникло много пѣвцовъ, среди которыхъ особенно славились новгородцы. Каждый старался пріукрасить дѣло, но только портилъ его отъ неумѣнья распѣть застарѣвшіе крюки, подобно списателямъ, уснащавшимъ рукописи ошибками. Расплодилось множество „напѣвовъ, попѣвокъ, распѣвовъ, разводовъ", которые получили до сотни названій, по своему происхожденію, по мѣстностямъ и „дидаскаламъ" (учителямъ): напѣвъ болгарскій, греческій, кіевскій, казанскій, новгородскій, патріаршихъ дьяковъ, софійскій препѣтый и перепѣтый, леонтіевъ, герасимовскій, на рѣчь, хамовой, столповой и др. Были еще разные распѣвы отдѣльныхъ стиховъ: Аллилуія была „антіохійская, красная, скокъ, недоскокъ, перескокъ". Подконецъ „всякъ отъ себя" искажалъ; „учинилося веліе разгласіе"— до того, что даже двое пѣвчихъ не могли пѣть складно: кто удвоялъ гласныя, кто переиначивалъ ударенія; неукротимый Логинъ (§ 170) дошелъ до того, что пѣлъ вмѣсто „Аврааму о сѐмени"—„Аврааму и сѐмени́". Словомъ, пѣли „кто въ лѣсъ, кто по дрова" или „кто во что гораздъ". Нигдѣ хаосъ, своеволіе и невѣжество древней Руси не проявлялись въ такой степени.

Выработанная подконецъ крюковая азбука представляла истинную тарабарщину. Въ ней болѣе 500 названій, частью греческихъ, частью взятыхъ изъ самыхъ знаковъ, такъ что выходитъ родъ образнаго письма (*Д. И.* Введ. § 14). Тутъ встрѣчаются: ѳита, хамило, кулизма, тряска, змѣица, паукъ, борзой и тихой голубчикъ, дербица, нѣмка, стопица со очкомъ и т. д. Да еще былъ таинственный „толкъ" этимъ знаменіямъ, гдѣ каждое объясненіе начиналось съ той же буквы, какъ крюкъ: „змѣица—земныя славы и суеты міра сего отбѣганіе; нѣмка—

даже когда, съ паденіемъ Казани, соль пошла съ юга, она, въ силу высокихъ пошлинъ, была такъ же непомѣрно дорога, какъ хлѣбъ—дешевъ: въ 10 разъ дороже, чѣмъ теперь. Съ этимъ главнымъ, послѣ хлѣба, предметомъ первой необходимости могли соперничать только привозныя произведенія роскоши — мануфактурные и колоніальные товары. Наряду съ солянымъ промысломъ, развивалось „ямчужное" или селитряное дѣло; но оно было въ рукахъ правительства, а населеніе было обязано доставлять золу и дрова.

Только соляное и селитряное производство да пивныя и мыльныя варницы представляли намеки на заводское дѣло. Но настоящіе *заводы* возникли лишь въ концѣ періода, благодаря иностранцамъ: таковъ былъ знаменитый тульскій заводъ голландца Виніуса. Русскіе же крестьяне попрежнему больше всего занимались промыслами, связанными съ деревомъ, съ лѣсомъ. Они гнали много дегтя и выдѣлывали поташъ. „Древолазы" не переставали устраивать борти — искусственныя дупла для пчелъ, означая ихъ своимъ „знаменемъ" на деревѣ и взыскивая пеню съ того, кто „раззнаменовалъ борть". Они собирали въ „медуши" массу добычи, которую отдавали правительству, въ видѣ „медоваго", и продавали за грошъ на торгахъ. Медъ и воскъ все еще составляли важную статью вывоза за-границу. Усиливался и вывозъ въ Литву деревянной посуды, которую уже рѣзали весьма искусно и по очень сходной цѣнѣ: ею были завалены наши рынки такъ же, какъ и рыбой. Плотничество пріобрѣтало обширные размѣры: „рубленики" ходили большими артелями и имѣли хорошіе заработки, особенно благодаря развитію шатроваго пошиба (§ 181). Развивалась костяная рѣзьба, особенно въ Холмогорскомъ краю, гдѣ и теперь изготовляются точно такія же гребенки (§ 187).

Среди городскихъ промысловъ больше всего были распространены производства предметовъ первой необходимости: особенно кишѣли всюду мясники, соленики, сапожники, гончары, бондари, колесники, ларечники, коновалы, а кузнецовъ или „ковалей" развелось столько, что возникло не мало фамилій и селъ „Кузнецовыхъ, Кузнецкихъ". Но нерѣдко встрѣчались также и „швецы" или „швали", кочевавшіе по давальцамъ, „травники" (доморощенные лекаря), повивальныя бабки, стригольники, зубоволоки, кровопуски и кровопусницы, скоморохи, иконописцы, списатели и т. под. Значительно развилось кожевенное производство, которое примѣнялось къ обуви, платью, сбруѣ:

кожи умѣли выдѣлывать лучше прежняго. Тамъ и сямъ занимались обработкой металовъ, благодаря иностранцамъ, которые открыли, еще при Иванѣ III, серебряную и мѣдную руду близъ Печоры. Въ Устюжнѣ, которая и раньше называлась Желѣзнопольскою, плавили желѣзо, хотя и тѣмъ же первобытнымъ способомъ, какимъ пользуются до сихъ поръ. Значеніе этого промысла видно изъ его имени: имъ занимались „котельники". Но въ Тулѣ наши кустари уже выдѣлывали хорошее оружіе и замки съ 16-го в., когда тамъ нашли богатую руду. Они также искусно изготовляли брони, хотя и по азіатскому образцу. Женскій трудъ, который по всей Руси имѣлъ широкое примѣненіе въ пряжѣ, тканьѣ, шитьѣ, достигъ совершенства въ вышиваньѣ и кружевахъ. Наши мастерицы, не исключая боярынь и даже царицъ, въ особенности же монахини, такъ искусно выводили русское узорочье шелками, золотомъ и серебромъ, на пеленахъ, покровахъ, плащаницахъ и на бѣльѣ, что ихъ работы дорого цѣнились даже за-границей. Съ этою цѣлью въ свѣтлицахъ царицъ сидѣло множество золотныхъ и бѣлыхъ мастерицъ и знаменщиковъ (рисовальщиковъ); а ихъ „хамовыя" (ткацкія) села были обложены уроками пряжи и шитья. Наконецъ, съ распространеніемъ русскаго пошиба (§ 181), совершенствовались и каменщики, хотя попреимуществу въ такихъ мѣстахъ, какъ Новгородъ и Псковъ, гдѣ имъ помогало западное вліяніе. Тамъ же наиболѣе развивались производства рѣзное, иконописное, серебряное, красильное и т. под. Москва оттуда брала мастеровъ. Но вообще для болѣе научныхъ и тонкихъ дѣлъ выписывали иностранцевъ: таковы были больше всего рудознатцы, затѣмъ—оружейники, литейщики, отлившіе Ѳедору I Царь-пушку (ок. 2.500 п.), чеканщики, стекольщики, золотыхъ дѣлъ мастера, зодчіе, врачи, подконецъ даже часовщики.

Гораздо болѣе успѣховъ сдѣлала *торговля* въ четвертомъ періодѣ. Они особенно замѣтны въ заграничныхъ сношеніяхъ. Внѣшняя торговля, не погибшая и при татарахъ (§ 107), расцвѣла съ паденіемъ ихъ ига. Именно послѣ паденія Казани и Астрахани (§ 124), наша торговля съ Востокомъ быстро приняла небывалые размѣры. Астрахань, которая, въ началѣ періода, была кучей мазанокъ, стала однимъ изъ важныхъ узловъ международныхъ сношеній: оттуда потянулись караваны большихъ судовъ (въ 30.000 пудовъ) съ солью, рыбой, овчинами, съ пряностями и драгоцѣнными камнями Азіи, такъ что жемчугъ и даже рубины продавались въ Москвѣ на фунты.

Въ то же время въ Азовѣ турки и татары мѣняли азіятскія матеріи и сокровища на наши мѣха. Восточные купцы подымались и по Днѣпру караванами въ тысячу человѣкъ: въ Кіевѣ шелкъ продавался дешевле льна, а перецъ—дешевле соли. Съ турками мы торговали еще сухимъ путемъ черезъ Бессарабію. Завязывался торгъ и съ сибирскими инородцами.

Быстро росли и сношенія съ Западомъ, тѣмъ болѣе, что съ открытіемъ португальцами морского пути въ Ост-Индію (*С. И.* § 175), сѣверные народы, въ особенности англичане, стали искать сухопутной дороги туда черезъ Ригу, Москву, Астрахань и Дербентъ. Русскіе стремились къ Западу со страстью, которая олицетворилась въ Грозномъ (§ 128). Цари давали иностраннымъ гостямъ льготы (§ 168), которыя все расширялись: при Иванѣ III въ Москву пускали только купцовъ польскихъ, литовскихъ и восточныхъ, при Грозномъ—еще шведскихъ и англійскихъ, а при Михаилѣ уже по всей Россіи торговали ганзеаты, англичане, голландцы, датчане, шведы, поляки, татары, персіяне, армяне; европейцы могли проѣзжать въ Индію и Китай. Новгородъ и Псковъ развивали свое прежнее значеніе въ нашей внѣшней торговлѣ: ганзеаты держались ихъ постарому; англичане предпочитали ихъ Москвѣ; голландцы имѣли тамъ свое подворье. При Грозномъ выдвинулась-было русская Нарва или посадъ Иванъ-Городъ, куда приходило болѣе 60 иностранныхъ судовъ ежегодно; и они привозили, кромѣ обычныхъ товаровъ, оружіе, мастеровъ и художниковъ. Русскіе товары шли еще въ Европу Западною Двиной: у нашихъ купцовъ были складочныя подворья въ Ригѣ, Ревелѣ и Вильнѣ. Сюда отправлялось наше сырье: на Западѣ говорили, что изъ Московіи доставлялась туда большая часть лѣса, поташа и меда и весь запасъ воска, смолы и особенно мѣховъ, которыхъ тамъ покупали на милліонъ рублей ежегодно. Только хлѣбъ русскій былъ тамъ за рѣдкость: его вывозила почти одна казна, да и то боялись, что „оголодаютъ русскую землю". При Михаилѣ даже былъ воспрещенъ вывозъ хлѣба, мяса и рыбы.

Иностранцы, правда, негодовали на русскихъ, которые такъ обезцѣнивали ихъ деньги, что съ ними приходилось вести мѣновую торговлю; а тутъ они такъ надували чужеземцевъ, что нерѣдко продавали ихъ товаръ дешевле, чѣмъ сами покупали. Тѣмъ не менѣе западные купцы дорожили сношеніями съ Русью: они получали отъ нихъ до 50% барыша.

Особенно обогащались англичане, хотя сначала имъ пришлось нести одни убытки отъ московскихъ порядковъ и отъ соперниковъ. Составивъ особое товарищество (§ 168), они, съ безпримѣрнымъ упорствомъ и умомъ, осѣтили чуть не весь сѣверо-востокъ Руси. Съ 1555 г. у нихъ завелась своя факторія (торговый поселокъ) у устьевъ Сѣверной Двины, близъ маленькаго монастыря св. Николая, гдѣ вскорѣ выросъ Архангельскъ, куда стали приходить также голландскія, нѣмецкія и даже французскія суда. Англичане основали еще слободки въ Холмогорахъ, гдѣ устроили канатный заводъ, въ Вологдѣ и Ярославлѣ. Они очень выгодно обмѣнивали свои матеріи, металы, сахаръ, бумагу, оружіе, инструменты на наши мѣха, воскъ, сало, ворвань, ленъ и пеньку. На Мурманскомъ берегу, у устьевъ р. Колы, они брали у лопарей и корельцевъ мѣха, треску и рыбій жиръ. Съ другой стороны, наши купцы наѣзжали въ Англію, а также въ Копенгагенъ, гдѣ у нихъ была своя церковь, въ Любекъ, Антверпенъ и даже въ Испанію.

Внутренняя торговля сосредоточивалась на главныхъ водяныхъ жилахъ—на Волгѣ, Днѣпрѣ, Западной и Сѣверной Двинѣ. Узлами ея были Астрахань, Кіевъ, Новгородъ, Вологда, Ярославль и Нижній, гдѣ Василій III устроилъ макарьевскую ярмарку, въ подрывъ Казани. Молога также славилась своею ярмаркой, куда стекались шведы, ливонцы, финскіе инородцы. Не было города на Руси, который не торговалъ бы здѣсь, а также съ Вологдой, которая славилась своимъ льномъ и морскою солью, съ Устюгомъ Великимъ и Холмогорами, гдѣ были главные и самые прибыльные мѣховые рынки. Здѣсь наши купцы вели иногда еще нѣмую торговлю (§ 7), обмѣнивая инородцамъ свои издѣлія на такое богатое сырье, какъ шкурки соболя, горностая, куницы, бобра, не говоря уже про песца, бѣлку и зайца. Они получали, напримѣръ, за плохой топоръ столько соболя, сколько продѣнется въ ушко топорища, а въ Москвѣ соболій мѣхъ стоилъ до 100 р. Но сердцемъ всероссійской торговли была, конечно, Москва, подъ которой учреждена ярмарка при Иванѣ III. Она стала средоточіемъ какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ сношеній. Сюда свозилось отовсюду множество всякихъ припасовъ, чтò приводило къ рѣдкой дешевизнѣ жизни: здѣсь говядина продавалась не на вѣсъ, а на глазомѣръ; утку можно было купить за полушку, десятокъ яицъ—за полполу̂шки; извозчикъ везъ за 1 деньгу черезъ весь городъ. Въ Москвѣ стекалось множество купцовъ

армянскихъ, ногайскихъ, турецкихъ, бухарскихъ, персидскихъ, а также польскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и др. А ея гости ходили съ товарами до Архангельска, Астрахани и Риги, до Азова, Кафы, Константинополя и Лондона.

Внутри Россіи всюду кипѣлъ мелкій торгъ. Во всѣхъ городахъ, а также въ большихъ селахъ и рядкахъ, тянулись „рядами" лавки, оброкъ съ которыхъ былъ не высокъ, гостиные дворы съ постоялыми избами для пріѣзжихъ купцовъ и базары для крестьянскихъ возовъ; а на площадяхъ и „крестцахъ" (перекрестки) лѣпились будочки, шалаши и лотки съ переноснымъ торгомъ. „На торгу" продавалось все на жизненную потребу человѣка, до скородомовъ, а также холопы; здѣсь же совершались правежи и торговая казнь. Тутъ сновали также „мытчики" (сборщики пошлинъ) и особенно церковники. Духовенство принимало горячее участіе въ торговлѣ не потому только, что монастыри были сильнѣйшими купцами (§ 169), но и по древнимъ положеніямъ (§ 28). Оно наблюдало за ея правильностью. Въ церквахъ лежали образцовыя мѣры и вѣсы; тамъ же хранился, въ ларяхъ, торговый архивъ—договоры, книги, записи. По благословенію владыкъ устраивались купецкія артели, съ именами святыхъ, которымъ онѣ строили церкви.

Такое оживленное торговое движеніе было тѣмъ замѣчательнѣе, что оно попрежнему встрѣчало повсюду множество препятствій. Физическія бѣдствія и пожары, войны и разбои, невѣжество и кочеванье народа, плутовство торгашей (§ 170), бѣгство должниковъ и ихъ поручителей въ другія области, взятки и волокита воеводъ и приказныхъ,—все вело къ необезпеченности собственности. И немногочисленные капиталы прятались: деньги берегли, въ кубышкахъ, въ землѣ, если не удавалось пристроить ихъ по монастырямъ въ ростъ. Оттого кредитъ все еще былъ ничтоженъ, а ростъ высокъ—не менѣе 20%; только церковь ссужала иногда и по 10%. Много вредили торговлѣ также государевы монополіи, откупа и безконечныя пошлины, которыя все росли (§ 159). Внутреннія таможни были на каждомъ шагу: пока торговецъ доѣдетъ до мѣста, онъ переплатитъ десятокъ-другой пошлинъ, получая отъ мытчиковъ, вмѣсто росписокъ, узелки съ ихъ печатями. Во избѣжаніе ихъ, купцы внезапно мѣняли мѣста торговъ и даже ярмарокъ. Они до того привыкли къ этому вредному для торговли кочеванью, что удивлялись, какъ это въ Европѣ купцы сидятъ по городамъ на мѣстѣ.

§ 184. **Пути сообщенія. Монета.**—Торговля задерживалась и отъ плохого состоянія *путей сообщенія.* Заграничныя сношенія находились въ зачаткахъ. Было всего два порта, да и то лишь съ Грознаго,—Астрахань и Архангельскъ, въ которомъ находилась единственная внѣшняя таможня: Нарвой мы владѣли недолго. Отъ Москвы до Лондона ѣхали нѣсколько мѣсяцевъ: это разстояніе было тогда вдвое больше, чѣмъ теперь,—до 6.000 верстъ. Отправлялись изъ гавани св. Николая и слѣдовали мимо Норвегіи, доплывая иногда до Италіи, причемъ подвергались, въ Средиземномъ морѣ, нападеніямъ морскихъ разбойниковъ. Плаваніе вообще было подвигомъ, почти самопожертвованіемъ. Оно совершалось каботажемъ, вдоль береговъ, на первобытныхъ „корабляхъ", которые оправдывали свое названіе (отъ греческаго „коробъ"): то были большія лодки, человѣкъ на 50, только съ „мостомъ" (палуба), кормиломъ и вѣтрилами (паруса). Но особенно тяжко было на Бѣломъ морѣ, которое называлось „бѣднымъ, горькимъ". У Мурманскаго Носа (Норд-Капъ) погибали даже такіе искусные „корабельные гости", какъ англичане: тамъ, у главнаго изъ „роговъ", на которые расщеплена страшная скала, наши мореходцы приносили жертву духу — овсянку съ масломъ.

Не сладко было путешествіе и внутри матушки-Россіи. „Нелюбъ путь, золъ, нуженъ, тяжекъ, лютъ; страшно зѣло", говорятъ лѣтописи; и народъ вспоминалъ своихъ богатырей, которые заслужили передъ нимъ, прокладывая „дороги прямоѣзжія", очищая дебри отъ Соловьевъ-Разбойниковъ. Тутъ ѣзда была еще первобытная (§ 70): отъ Архангельска до Астрахани добирались, въ лучшую пору, почти въ два мѣсяца. Ѣздили на допотопныхъ „колахъ" или „телѣгахъ" въ 2 и 4 колеса (одноколки и двоеколки), а зимой—въ саняхъ и изрѣдка въ обшитыхъ рогожей „пошевняхъ". Тащились у Поморья на оленяхъ и собакахъ, на лыжахъ и конькахъ, въ остальной Руси — „на своихъ", т. е. на татарской породы космачахъ, неуклюжихъ, тощихъ, хотя выносливыхъ и рѣзвыхъ. Часто дѣлали „привалы" для кормежки лошадей и для собственныхъ харчей, которые возили съ собой, вмѣстѣ съ котелкомъ: постоялые дворы встрѣчались рѣдко, особенно подальше отъ Москвы; а въ селахъ зачастую трудно было достать хлѣба и за деньги. Старались пускаться въ путь зимой, когда, въ лучшихъ мѣстахъ, дѣлали до 200 верстъ въ сутки, хотя нерѣдко замерзали отъ жестокой стужи и отъ снѣговъ „человѣку въ пазуху".

Лѣтомъ ѣзда была сущая каторга: дѣлали не болѣе 30 верстъ въ сутки. Тутъ царило глухое безлюдье. Всюду разстилались болота, топи да „грязи великія“, черезъ которыя путники сами рубили мостики; а гдѣ попадались гати, то такія „живыя“, что по нимъ перебирались крестясь. Особенно мучительны были переѣзды черезъ „дебри пустынныя“; а онѣ встрѣчались на каждомъ шагу. Здѣсь извивались едва замѣтныя дорожки, такъ что нерѣдко „лѣшій“ заводилъ въ трущобу, гдѣ на путника нападали мошки, комары, оводы, осы, волки, медвѣди, а нето и разбойники, или путь преграждали неоглядныя топи и лѣсные пожары. На этихъ безвѣстныхъ дорожкахъ стояло много могильныхъ крестовъ. А на южной Украйнѣ только опытный глазъ распознавалъ тропочки среди безлѣсной и безводной степи; и не было проходу отъ донской и черкаской вольницы да отъ крымцевъ. Тутъ купцы ходили большими караванами, съ „боемъ“ (вооруженные); а больше ѣздили изъ Москвы въ Кафу и Азовъ черезъ Литву. Понятно, что лѣтомъ предпочитали переправляться по рѣкамъ на „лоткахъ“, лодьяхъ или „кораблецахъ“. Это были или легкіе челны и однодеревки, или „суды“ (въ Новгородѣ—ушкуи), въ родѣ кораблей. По большимъ рѣкамъ ходили, какъ теперь, струги, поднимавшіе до 2.000 пудовъ груза; ихъ тянули вверхъ лямками. На казенныхъ стругахъ ѣздили и частныя лица, по подорожнымъ. У грековъ, турокъ и шведовъ заимствовали для нихъ еще названія: барка, барказъ, лайба. Но тутъ другая бѣда: пока тащились неповоротливые струги, на нихъ нападали со всѣхъ сторонъ разбойники; особенно на Волгѣ докучали рѣзвыя лодочки донцовъ и степняковъ.

Впрочемъ, къ концу періода замѣчалось улучшеніе и въ путяхъ сообщенія. Тамъ и сямъ протягивались „пошлые“ или торные „пути“, торговые „шляхи:“ изъ Москвы на Бѣлоозеро, въ Кострому и Угличъ, изъ Ярославля въ Вологду и Устюгъ, отъ Устюга по Двинѣ и на Вятку, отъ Вологды къ р. Вагѣ, отъ Костромы на Вятку; изъ Москвы на югъ, по Волгѣ и Дону въ Азовъ, а черезъ Путивль или Кіевъ—на Перекопъ; шли дороги и по Днѣпру. Правительство старалось упорядочить внутреннія сношенія, взявъ ихъ въ свои руки, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ мѣстахъ. Объ этой заботливости свидѣтельствуетъ множество сохранившихся бумагъ о *ямскомъ гонѣ* или о казенной почтѣ между главными правительственными узлами, въ особенности между Москвой и пограничными городами. Та-

тарскіе „ямы“ и „дороги“ были заведены еще Иваномъ III, но приведены въ порядокъ при Михаилѣ, когда возникъ и Ямской приказъ съ его правилами гоньбы. При проведеніи новой дороги, приказный „стройщикъ“ разбивалъ ее на станы, на разстояніи 50—70 верстъ одинъ отъ другого, и къ каждому стану приписывалъ окрестное населеніе. Небольшой поселокъ для гоньбы, въ 1—4 двора, назывался ямомъ (станція), болѣе значительный—ямскою слободой. Каждый ямщикъ получалъ землю и жалованье отъ казны, а иногда и отъ сельской общины. Онъ освобождался отъ обычнаго тягла, но зато долженъ былъ держать тройку мериновъ, хотя ѣздили въ одну лошадь. Онъ возилъ царскихъ ѣздоковъ во всякое время, и шибко: гонецъ доѣзжалъ въ 3 дня изъ Москвы въ Новгородъ. Ямщиковъ били „нещадно“ за тихую ѣзду, загоняли ихъ лошадей. Вообще то была одна изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей (§ 159). Ямщики нерѣдко „брели розно“, и ихъ сыскивали, какъ бѣглыхъ крестьянъ. Но имъ дозволялось возить и купцовъ, которые брали подорожныя изъ приказа и платили прогоны. Впрочемъ купцы предпочитали ѣздить на обывательскихъ: пользуясь дорогами, каждый крестьянинъ радъ былъ свезти ихъ за безцѣнокъ, чтобы заработать лишній грошъ.

А по городамъ именитые люди уже хвастались своею ѣздовой справой. Здѣсь лѣтомъ передвигались въ богатыхъ „колымагахъ“ (каретахъ): у Морозова онѣ были обложены золотомъ снаружи и соболями внутри, а колеса были окованы серебромъ. Но предпочитали верховую ѣзду. Бояринъ садился на коня, хотя бы направлялся всего за три дома. Онъ ѣхалъ на красивомъ арабскомъ или персидскомъ жеребцѣ, увѣшанномъ золотыми и серебряными бляхами и колокольцами, перьями и звѣриными хвостами, съ литаврцами позади, въ которые онъ ударялъ, чтобы лошадь шарахалась, играла и звенѣла всею своею сбруей. Даже женщины ѣздили верхами по-мужски, за царицей—цѣлый отрядъ постельницъ и мастерицъ. Зимой ѣздили на саняхъ. Это—самая почетная ѣзда, особенно если въ разубранномъ возкѣ, съ лисьими и волчьими хвостами подъ дугою, ѣхала боярыня: тутъ впрягалось нѣсколько коней гуськомъ (у царицы 12 бѣлыхъ); на одной сидѣлъ возница; по бокамъ бѣжали десятки скороходовъ. А сани боярина облѣплялись холопами; и кругомъ шли тѣлохранители въ татарскихъ шапкахъ.

Торговлю затрудняла и *монета*, въ которой царствовалъ всеобщій безпорядокъ и плутовство. Она все еще была сере-

бряная: изъ золота встрѣчались только изрѣдка венгерскіе и рейнскіе червонцы; а мелкихъ мѣдныхъ пулъ (около 50 штукъ въ московкѣ) было немного, больше для раздачи милостыни, да и тѣ исчезли при Михаилѣ. Всюду ходили „деньги“ общегосударственнаго вида (§ 106). Но онѣ были четырехъ родовъ, что̀ и производило путаницу: московка была вдвое меньше новгородки, тверская деньга приближалась къ первой, а псковская — ко второй. Сверхъ того, при Василіѣ III расплодилась фальшивая монета, хотя за это виновнымъ вливали растопленное олово въ глотку и отсѣкали руки. Это—частью „рѣзанныя деньги“, обкромсанныя (§ 106), частью наполовину смѣшанныя съ оловомъ, такъ что изъ гривны (полфунта) серебра выходило не 250, а 500 новгородокъ, т.-е. не $2^1/_2$, а 5 рублей. Отсюда при каждой куплѣ клятвы, брань, потасовка. Чтобы устранить зло, при Еленѣ (§ 121) истребили порченую монету и выпустили новую—въ 300 новгородокъ на гривенку. А чтобы не смѣшивать одну съ другой, поставили на новой монетѣ новое „знамя“ (штемпель): тотъ же ѣздецъ (§ 106), но уже не съ саблей, а съ копьемъ въ рукѣ. Отсюда „копѣйная деньга“ или *копѣйка*; *деньга* же, какъ продолжала именоваться московка, стала означать полкопѣйки. А названія новгородки и московки постепенно исчезаютъ.

Такъ, къ концу періода установился рубль въ 16 золотниковъ чистаго серебра, въ которомъ заключалось: 100 копѣекъ, 200 денегъ и 400 полушекъ (полденегъ). Но ходячею монетой были только копѣйка, деньга и полушка, причемъ полушка имѣла свое особое знамя — сначала просто птицу, потомъ двуглаваго орла. Рубль же былъ только счетною единицей точно такъ же, какъ полтина (100 денегъ или 50 копѣекъ), гривна (20 денегъ) и алтынъ (§ 107). Мелкій счетъ въ деньгахъ былъ такъ же своеобразенъ, какъ въ мѣрахъ (§ 177): въ рублѣ числилось 800 полполушекъ, 1.600 пироговъ, 3.200 полпироговъ, 6.400 четей пироговъ. При дешевизнѣ жизни, полушки были въ большомъ ходу; но это такая мелочь, что на рынкѣ клали ихъ горстями въ ротъ, чтобы не потерять.

Монета чеканилась въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Твери. Правительство лишь подконецъ отдавало иногда чеканку на откупъ богатымъ купцамъ. Вообще же ею занимались почти всѣ золотыхъ дѣлъ мастера: къ нимъ приходили, какъ въ лавкѣ, мѣнять кусокъ серебра на равное, по

вѣсу, количество монетъ, съ ничтожной приплатой за трудъ. Да и трудъ-то былъ не великъ. Больше перечеканивали испанскіе реалы, въ особенности же „ефимки“—рейхсталеры, которые во множествѣ привозились, какъ товаръ, черезъ Архангельскъ. Нето, изготовивъ сплавъ серебра, превратятъ его въ проволоку и разрѣжутъ ее на куски, которые и штемпелюютъ. Цѣна рубля, опредѣляемая цѣнностью хлѣба, была разная въ теченіе четвертаго періода. Вообще хлѣбъ постепенно дорожалъ, а слѣдовательно падала цѣна рубля, который въ началѣ значилъ несравненно больше нашего, а подконецъ равнялся 15—17 нынѣшнимъ рублямъ.

§ 185. **Городъ**. — При такихъ условіяхъ торговли и промысловъ, нашъ городъ четвертаго періода представлялъ такую же нескладицу, какъ и все въ жизни тогдашней Руси. Изрѣдка онъ походилъ на средоточіе богатства и извѣстной гражданственности, и именно благодаря иностранному вліянію. Таковы были торговавшіе съ Западомъ Новгородъ и Псковъ да пріобрѣтенные отъ Литвы Смоленскъ, Полоцкъ, Вильна и Гродно, гдѣ были десятки тысячъ жителей, каменные дома и стѣны, иногда даже дворцы и типографіи. Англичане создали Архангельскъ (1584) и Холмогоры изъ монастырька и жалкаго мѣстечка. Они завели красивыя слободки, съ товарными складами и даже заводами, какъ здѣсь, такъ и въ Ярославлѣ и Вологдѣ, которую Грозный собирался даже сдѣлать своею столицей, чтобы придвинуться къ Европѣ. Они подымали изъ ничтожества даже такія захолустья, какъ Устюгъ, Пустозерскъ, Кемь, Кола. Но вообще московскій городъ мало отличался отъ своего прежняго вида. Начавшееся передъ тѣмъ (§ 107) улучшеніе его быта отчасти даже задерживалось войнами, розрухой и приказнымъ утѣсненіемъ посадскихъ (§ 167). Наши послы все еще, какъ дѣти, изумлялись, на Западѣ, „каменнымъ“ городамъ, ихъ шумной и веселой жизни, ихъ богатству и чистотѣ, ихъ роскошнымъ лавкамъ, фабрикамъ, бульварамъ, произведеніямъ искусства, поливанію и метенью улицъ, полицейской распорядительности. Поссевинъ говорилъ, что въ одномъ магазинѣ въ Венеціи больше богатства, чѣмъ въ цѣломъ гостинномъ ряду въ Москвѣ. Иностранцевъ поражали малолюдность, разбросанность, убожество нашихъ городовъ. Здѣсь считалось рѣдкостью 1.000 дворовъ (5.000 жителей): обыкновенно было 100—300 дворовъ; въ Твери, въ концѣ періода, числилось всего 700 душъ, а въ Холмогорахъ—1.200. Собственно это были большія села, только ого-

роженныя. При ничтожномъ раздѣленіи труда, городъ еще мало выдѣлялся изъ уѣзда. Горожане, по всему—тѣ же мужики, занимались земледѣліемъ. Они даже часто перекочевывали въ село, ради пашни, а крестьяне—въ посадъ изъ-за торга и ремеслъ. Часто тѣ и другіе состояли въ одномъ тяглѣ, во взаимной порукѣ, а также въ брачныхъ узахъ между собой. Старые города лишь къ концу періода начинали обособляться отъ уѣздовъ, благодаря развитію торговли, а отчасти и вліянію государства, какъ средоточія „тамги" (таможенныхъ сборовъ) и множества мытчиковъ. А новые были ничто иное, какъ крѣпостцы да жалкія правительственныя мѣста.

Впрочемъ, о городскомъ бытѣ должно сказать то же, что о сельскомъ (§ 182): онъ разнообразился по полосамъ Руси. И онъ представлялъ *три типа*. На сѣверѣ городъ еще мало обособился отъ земщины: онъ выросъ изъ села, къ которому пристроили кремль; и его значеніе опредѣлялось его дѣйствительною ролью въ уѣздѣ. Здѣсь населеніе состояло почти все изъ тяглецовъ, среди которыхъ было множество земледѣльцевъ; оно отличалось однородностью и усидчивостью. Въ срединѣ московскаго государства, въ подмосковныхъ городахъ, населеніе было пестрѣе и подвижнѣе. Здѣсь, рядомъ съ тяглецами, было много служилыхъ и церковниковъ при болѣе богатыхъ церквахъ, а также лично-зависимаго отъ нихъ люда; отсюда же шло усиленное бѣгство посадскихъ. Срединный городъ уже значительно обособился отъ „земли". Его сила заключалась уже не столько въ земледѣліи, сколько въ торговлѣ и особенно въ ремеслахъ: его кустари работали на Москву, которая сама вовсе не была крупнымъ средоточіемъ промышленности. На юго-восточныхъ окраинахъ городъ только что выросталъ изъ острога. Это еще былъ узелъ засѣчныхъ и станичныхъ линій (§ 98), населенный попреимуществу служилыми и ратными людьми. Его значеніе опредѣлялось „разрядомъ и полкомъ", т. е. приказнымъ распорядкомъ. Но у него были, въ зародышѣ, черты сходныя съ срединнымъ городомъ: та же пестрота и бродячесть жителей, этихъ выходцевъ изнутри же Россіи; то же преобладаніе ремесла и отчасти торговли надъ земледѣліемъ. Тяглецовъ было здѣсь еще меньше, какъ всегда въ военныхъ поселеніяхъ. Обнищалые бѣглецы „черные" обыкновенно закладывались за служилыхъ, превращаясь въ ихъ „дворниковъ". А Казань, какъ созданіе государственное, почти совсѣмъ была освобождена отъ повинностей: здѣсь даже торговцы были казенными „переведенцами" изну-

три Руси, и правительство давало имъ „бѣлые“ дворы и безоброчныя лавки.

Всѣ эти три типа городовъ, не исключая срединныхъ, находились еще на начальной ступени развитія. Во всей московской Руси не насчитывалось и двухъ дюжинъ городовъ, которые болѣе или менѣе заслуживали это названіе. *Городъ* все еще значилъ дѣтинецъ, кремль (§ 70): на Западѣ, это—нѣм. Burg, фр. bourg (отъ лат. burgus — башня) и англ. town. Оттого огороженныхъ мѣстъ было уже не мало: постройка ихъ составляла одну изъ главныхъ повинностей тяглецовъ (§ 159); существовалъ даже издревле особый разрядъ плотниковъ—„городники“. Но это и доказываетъ, что кремли были обыкновенно деревянные, а иногда и земляные, т. е. только ровъ да „осыпь“ (валъ). Иногда даже дѣлали, на скорую руку, одинъ или нѣсколько рвовъ съ водой или сваями: это— „острожки“. Рѣдко встрѣчались каменныя или кирпичныя стѣны, обыкновенно съ очень высокими зубцами; еще рѣже двойныя и даже четверныя стѣны съ тесовыми кровлями, причемъ пространства между ними или забирались бревнами, или засыпались землей. Каменными кремлями щеголяли преимущественно монастыри да такія иноземныя крѣпости, какъ Смоленскъ, гдѣ и теперь стоятъ толстыя стѣны 16-го в. Только послѣ розрухи, когда обнаружилось ничтожество деревянныхъ кремлей, стали выписывать много зодчихъ и каменщиковъ изъ Голландіи. Стѣны прерывались многими воротами. Главные изъ нихъ красиво убирались, и надъ ними возвышалась иногда часовня или цѣлая церковь. На стѣнахъ, даже деревянныхъ, ставили башни, которыя назывались по имени висѣвшей на ней иконы. Одна изъ нихъ, по близости рѣки или озера,—непремѣнно Тайнинская: изъ нея шелъ тайникъ или подземный ходъ саженей на 10. На главной башнѣ „полошный“ колоколъ, больше всѣхъ городскихъ, и вѣстовая пушка. Въ темныя ночи на башняхъ зажигались свѣчи въ слюдяныхъ фонаряхъ. Въ стѣнахъ, между башнями, прорѣзывались „бои“—отверстія для пальбы изъ пищалей и пушекъ. Кремль невеликъ. Въ немъ помѣщаются только казенныя зданія: соборъ съ дворами причта; намѣстничъ или воеводскій дворъ съ заборомъ; приказная изба, съ пушкой передъ нею; тюрьма; амбары для стрелецкихъ припасовъ; государева житница; избы пушкарей и стрѣльцовъ. Еще стоятъ „осадные дворы“ служилыхъ уѣзда, гдѣ въ мирное время жили одни дворники изъ бобылей. При тревогѣ въ кремль стекаются не только окрестные

нестяжаніе тлѣнныхъ имѣній" и т. под. Такъ подконецъ расплодилась запутанная до невозможности пѣвческая письменность по крюкамъ, которую называютъ еще „безлинейною", въ отличіе отъ западныхъ нотъ. Никто уже ничего не могъ разобрать въ нашихъ „знаменныхъ книгахъ",—въ этихъ Октоихахъ, Ирмологіяхъ, Обиходахъ, Кондакаряхъ, Стихираряхъ, Канонахъ, Тріодяхъ постныхъ и цвѣтныхъ. Православная Русь хвасталась своимъ благочиннымъ пѣніемъ, проклиная Западъ за его „ревъ" и „крявканье", а сама кончила такимъ соблазномъ, что владыки должны были запрещать это безобразіе, какъ запрещали они уродскія башенныя церкви.

§ 182. **Внѣшній бытъ. Земледѣліе. Село.** — Въ четвертомъ періодѣ внѣшній бытъ, въ свою очередь, подвергся измѣненіямъ, въ особенности къ концу, подъ западнымъ вліяніемъ. Но они замѣтны преимущественно въ высшемъ слоѣ общества и по большимъ городамъ; масса же народа жила все еще постарому.

Земледѣліе сначала находилось въ первобытныхъ условіяхъ. Воздѣланной земли было мало: она цѣнилась несравненно высоко. При старомъ просторѣ, все еще не любили вкладывать особый трудъ въ насиженное мѣсто: посидятъ не больше трехъ лѣтъ на нови—и идутъ дальше. Было выгоднѣе дѣлать новую гарь и подсѣку, чѣмъ удобрять старое поле. Оттого часто встрѣчались „перелоги", т.-е. брошенныя, одернѣвшія пашни, которыя обращались въ новь. Особенно много было ихъ въ новгородскомъ и тверскомъ краю, послѣ погромовъ Грознаго (§ 127). Но это кочевое, переложное и подсѣчное хозяйство (§ 107) постепенно стало замѣняться осѣдлымъ, „трехпольнымъ", которое развивалось по мѣрѣ стѣсненія переходовъ крестьянъ (§ 166): пашня дѣлилась на три поля—озимое (рожь), яровое (овесъ) и „паренину" (участокъ, отдыхающій подъ паромъ). Тогда же началось удобреніе земли навозомъ, и сталъ распространяться плугъ насчетъ сохи (рала), которая вообще плохо брала дѣвственную, дернистую почву. Сѣяли то же, что̀ и теперь: больше всего рожь или жито и овесъ, меньше—ячмень, просо, полбу, горохъ, чечевицу, ленъ и коноплю. Пшеница употреблялась, какъ лакомство — для „пироговъ", а гречихи вовсе не было. Убирали хлѣбъ и сѣно, какъ теперь. Мололи больше ручными жерновами: лишь изрѣдка встрѣчались маленькія водяныя мельницы. Пашни измѣрялись „четями".

При трехпольномъ хозяйствѣ, которому сопутствовало увеличеніе населенія, впервые замѣчается скученность люда, круп-

ность поселеній и жизненныя удобства, тѣмъ болѣе, что еще были живы родовыя воспоминанія: крестьяне селились общинами (§ 165), занимали другъ у друга вещи и запасы, сближаясь между собой также натуральными повинностями и круговою порукой. Скота и птицы было у нихъ вдоволь: подати вносились и бараньими лопатками съ овчинами, и масломъ, сыромъ, яйцами, курами. Не мало занимались еще рыболовствомъ, охотой и особенно бортью. При маломъ раздѣленіи труда, мужикъ занимался также разными ремеслами, чему способствовала долгая зима, удерживавшая его дома. Иногда онъ и торговалъ: встрѣчались, особенно въ Новгородской области, цѣлые „рядки"—поселки съ мелкимъ торговымъ людомъ. Жизнь крестьянина отличалась дешевизною, за исключеніемъ, конечно, голодныхъ годовъ. Земледѣльцу довольно было, для обзаведенія, трехъ тогдашнихъ рублей: изба съ клѣтью и овиномъ стоила 20 денегъ. А заработная плата была, среднимъ числомъ, 20 алтынъ въ годъ.

Но такъ было въ среднихъ областяхъ московскаго государства. Здѣсь, несмотря на суглинокъ и на главный притонъ крѣпостничества, было сравнительно многолюдно, и процвѣтало земледѣліе, а отчасти и кустарные промыслы съ торгомъ, связанные съ близостью столицы. По окраинамъ же крестьянинъ жилъ въ прежнихъ условіяхъ. На сѣверѣ, въ древней Новгородской области (§ 51), онъ былъ бѣднѣе, несмотря на малочисленность помѣщиковъ. Народу было еще немного, а земли—безъ конца. Здѣсь встрѣчались особенно часто пустоши, перелоги, выселки и починки въ 2—3 двора, займища (1 дворъ на свѣжинѣ); а въ селахъ еле насчитывался десятокъ-другой дворовъ, и между ними были десятки верстъ. Совсѣмъ плохая почва не пропитывала мужика: онъ торговалъ по близости городовъ, а больше поддерживалъ себя звѣринымъ промысломъ. А на югѣ, гдѣ разстилалась самая добротная, черноземная почва, земледѣлія почти не было: крестьянъ было меньше однодворцевъ; тамъ было царство служилыхъ, сидѣвшихъ, для обереганія Руси, на благодатныхъ пустыряхъ.

Село представляло кучу разбросанныхъ деревушекъ, изъ которыхъ оно и выростало. Избы лѣпились въ безпорядкѣ вокругъ неправильной, грязной площади, на которой возвышалась церковь—та же изба, только побольше, да съ шатромъ и луковицей наверху. Это все были „скородомы"—легкіе бревенчатые срубы, которые перевозились на лошадяхъ. Они часто истреблялись пожарами; а съ приближеніемъ врага, жители

сами сожигали ихъ и бѣжали въ города „отсиживаться въ осадѣ“, а хлѣбъ зарывали въ ямы. Во избѣжаніе пожаровъ, лѣтомъ даже запрещалось топить избы: мужики пекли хлѣбъ въ сараяхъ, на задворкахъ или огородахъ. Мѣста у нихъ было много. „Усадище“ или *усадьба* крестьянина отличалась просторомъ; только и здѣсь не было никакой правильности, планировки. Это—обширный „дворъ“, обнесенный плетнемъ, а иногда „столпьемъ“ или „тыномъ“, съ цѣльными воротами, на которыхъ водружался крестъ или образокъ. Посреди него стояла „клѣть“ — простой четвероугольный срубъ, служившій лѣтнимъ жильемъ и кладовой; при ней—чуланъ, а подъ нею—погребъ. Изъ нея образовалось теплое помѣщеніе или изба (§ 4). Она складывалась отлично, безъ скважинки, несмотря на отсутствіе гвоздей; и еще брусья прокладывались мхомъ, а иногда паклей или пенькой. Изба все еще была „черная“ — курная, безъ трубы, съ дымникомъ или отверстіемъ подъ потолкомъ, которое называлось „волоковымъ“ оконцемъ, такъ какъ оно заволакивалось доской, когда изба нагрѣвалась. Двери въ ней были очень низкія и узенькія. Изба соединялась съ клѣтью „сѣнями“, а также двускатною соломенною крышей. Отдѣльно были разбросаны: овечій хлѣвъ съ сѣноваломъ, „забой“ (обнесенное плетнемъ мѣсто для скота), амбаръ съ „сусѣками“ (закромами), мыльня, колодезь. Все это — „дворовый хламъ“ или „дворскій холуй“. А за нимъ шли: овинъ (строеніе для просушки хлѣба), гумно (загородка для скирдовъ), ямы и клѣти (для храненія зерна). Далѣе тянулись „капустники“ (огородъ), коноплянники, потомъ поля, выгоны, сѣнокосы и лѣсъ. Въ этой-то усадьбѣ тѣснилась куча народу,—3 или 4 семьи не въ раздѣлѣ, да семьи работниковъ, подсосѣдниковъ, захребетниковъ, бобылей (§ 165). Въ избѣ же зимой помѣщались и телята съ курами.

Въ селѣ встрѣчались также усадьбы зажиточныхъ крестьянъ и помѣщиковъ. Это—въ основѣ то же хозяйство, что̀ и у бѣдноты, но болѣе обширное и богатое. Оно уже подходило къ быту городовъ.

§ 183. **Промыслы и торговля.**—Какъ село, по внѣшнему быту, зависитъ попреимуществу отъ земледѣлія, такъ городъ— отъ промысловъ и торговли.

Промыслы мало подвинулись впередъ, по своему внутреннему достоинству. Они все еще были старыми добычными „путями“ (§ 97): при ничтожномъ раздѣленіи труда, обработка сырья встрѣчалась рѣдко; мастеровъ и „ремественниковъ“ едва

хватало для высшаго класса; болѣе крупное производство сосредоточивалось только по монастырямъ. Но количественно промыслы расширялись, вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія, тѣмъ болѣе, что, при всеобщей дешевизнѣ, довольствовались 2—3% съ промышленныхъ предпріятій. Промыслами начинали заниматься всѣ—не только церковники, но и служилые. Ихъ насчитывалось уже болѣе 200 названій. И если эти названія относятся больше къ ремесламъ, то это не значитъ, чтобы ими занимались исключительно посадскіе: тогда еще было мало различія между городомъ и селомъ; посадскіе не пренебрегали хлѣбопашествомъ, а крестьяне—ремеслами, которыя все еще составляли кустарный, домашній промыселъ.

Сельскіе промыслы были прежніе (§ 107). Еще не потеряли значенія ловчій и сокольничій пути: мѣха продолжали служить къ обогащенію; а кречеты, соколы, турманы-краснолеты, птицы пѣвчія составляли любимую забаву. Значительно расширились полотняное и шерстяное производства, которыми занимались крестьянки въ долгіе зимніе вечера. Валяли шапки, изготовляли сѣрмяги и онучи. Пряли ленъ и коноплю, ткали „красна“ (штуки холста), бѣлили полотно, какъ и теперь по деревнямъ. Шили изъ нихъ бѣлье, покрывала, одежды, чехлы, мѣшки, сумки; изготовляли тесьмы, снурки, ленты, канаты, веревки, сѣти, паклю, шатры, паруса, знамена. Эти издѣлія даже продавали на торгахъ; а отчасти они шли за-границу. Также двинулись впередъ рыболовство и соляной промыселъ. Рыболовство еще не было монополіей казны: имъ занимался всякій. Попрежнему оно велось на широкую ногу на сѣверѣ, особенно въ Новгородѣ, гдѣ были обширныя артели смѣльчаковъ, добывавшихъ въ Ледовитомъ океанѣ „рыбьи зубы“ (моржевые клыки), изъ которыхъ выдѣлывались дорогія вещицы. А съ завоеваніемъ Казани и Астрахани хлынула къ намъ рыба съ низовьевъ Волги и съ Камы. То же должно сказать о соли. Между тѣмъ какъ въ юго-западной Руси она доставлялась съ Карпатъ черезъ Галицію, и ею, бывало, торговали князья, въ московскомъ государствѣ жители свободно добывали ее сами, платя только пошлину правительству. Главнымъ образомъ она шла, до Грознаго, съ поморья Сѣвернаго океана. Были также варницы въ Солигаличѣ, затѣмъ въ Ростовѣ и у Троицы; а въ Новгородѣ существовала большая артель „прасоловъ“. Добывали соль первобытнымъ способомъ: рыли колодцы и дѣлали въ нихъ разсолъ, который разливали въ „салги“ (желѣзные котлы) и выпаривали въ нихъ воду. Но

дворяне и дѣти боярскія, но и мужики, которыхъ скликали „въ осаду“ черезъ бирючей. Впрочемъ, народъ предпочиталъ скитаться по лѣснымъ и болотнымъ трущобамъ, чтобы не „отсиживаться“ въ городѣ, гдѣ отъ людскаго скученія наставали голодъ и моръ, а воевода тѣснилъ хуже непріятеля.

Вокругъ кремля-города разстилался *посадъ*. Это—нѣм. Stadt, англ. city, фр. cité, итал. città (отъ лат. civitas, откуда „цивилизація“); у насъ же—мѣсто, гдѣ „сидѣли“ торгаши въ лавкахъ и ремесленники, обыкновенно работавшіе также внѣ дома. Въ опасныхъ мѣстахъ и посадъ огораживался, но только острогами или осыпями: попрежнему (§ 70) рѣдко гдѣ встрѣчались деревянныя стѣны. Бывали даже посады безъ кремлей, какъ и кремли безъ посадовъ. Посадъ наиболѣе подходилъ къ нашему городу, по своей оживленности, особенно если онъ находился при монастырѣ, который служилъ ему кремлемъ. Здѣсь стояли не одни „черные“ дворы тяглецовъ, которые въ землевладѣніи еще придерживались общинныхъ порядковъ (§ 165), но и „бѣлые“ дворы церковниковъ, служилыхъ и разныхъ бобылей. Тутъ же возвышались земская изба (§ 157) и много церквей, больше чѣмъ нужно, но зато маленькихъ; а также тянулись торговые ряды, гостиный дворъ для пріѣзжихъ купцовъ, кружечные дворы (царскіе кабаки), харчевни для гулякъ и бездомныхъ, царскія мыльни (бани), гдѣ взимались полушки въ казну. По близости отъ посада всегда находился выгонъ—частью „поскотинная“ земля, частью „луговая“ и „боровая“. Посады дѣлились на приходы или стороны, а иногда—на сотни и десятки.

Когда въ посадахъ становилось тѣсно, дѣлали выселки—предмѣстья или *слободы*, которыя облѣпляли ихъ со всѣхъ сторонъ. Это—франц. и англ. faubourg (foris burgum—за городомъ), нѣм. Vorstadt. Слободы сливались съ посадами и часто разростались больше ихъ, а также были средоточіями нѣсколькихъ приписанныхъ къ нимъ, селъ и деревень. Встрѣчались и слободы вдали отъ городовъ, заброшенныя среди земщины, чаще всего въ видѣ крупныхъ поселковъ владычныхъ и монастырскихъ людей, съ наемными рабочими. Въ слободахъ жили тѣ же посадскіе; но въ особенности земледѣльцы, ратные люди (стрѣльцы, пушкари, пищальники, затинщики, воротники, казаки), казенные ремесленники съ ямщиками, мелкіе промышленники и нищіе, которые приписывались къ церквамъ.

Кремль, посадъ, слободы—все это вмѣстѣ составляло нынѣшній городъ. Онъ представлялъ невеселый видъ, такъ какъ

посадскіе, особенно подальше отъ Москвы, были все мелочь, наполовину кормившаяся земледѣліемъ да „промыслишками“: „лучшіе“ переводились въ столицу (§ 167). Улицы кривыя, площади неправильныя; всюду царство предвѣчной грязи, такъ какъ бревенчатая мостовая была рѣдкостью. Зато на каждомъ „крестцѣ“ (§ 183)—икона въ большущемъ кіотѣ, а на воротахъ каждаго дома—крестъ или образокъ Это—противъ кары небесной. Но города часто становились ея жертвой. Спартански воспитанный, крайне выносливый и обтерпѣвшійся народъ, который зналъ только геморрой сѣвернаго климата да „шолуди“ отъ неопрятности, попрежнему (§ 96), вымиралъ иногда цѣлымъ городомъ отъ непостижимой язвы. А средства примѣнялись больше такія, какъ въ Новгородѣ при Грозномъ: когда объявился моръ въ Псковѣ, приходившихъ туда здоровыхъ псковичей жгли, вмѣстѣ съ попами, которые исповѣдывали заразныхъ. Тотъ же злополучный Псковъ выгорѣлъ до тла, въ концѣ періода. При пожарахъ не столько заливали, сколько ломали дома.

Понятно, что *дома* и въ городахъ были вообще немного лучше, чѣмъ въ селахъ. Въ большинствѣ это—тѣ же избы, и нерѣдко курныя. Но чѣмъ ближе къ концу періода, тѣмъ чаще встрѣчаются *хоромы* (§ 181), которыя достигали у богачей значительныхъ удобствъ и даже роскоши. „Хоромъ, храмъ“ въ древности означалъ одиночный покой, избу; „хоромы“—нѣсколько комнатъ или срубовъ, соединенныхъ сѣнями и крытыми переходами. Это—высокіе, свѣтлые, теплые дома, пестро разукрашенные. Они строились въ три этажа. Внизу „подклѣтъ“, обыкновенно „глухой“, съ кладовыми, а иногда и „жилой“—съ людскими и дѣтскими. Надъ нимъ поднимался „верхъ“ съ „горницами“ (горними покоями). Это—„житье“ для самого „господина“ и для гостей. Горницы отличались просторомъ и свѣтомъ; но ихъ было не больше четырехъ, въ томъ числѣ обширная столовая, или собственно клѣть, замѣнившая пиршественную гридницу (§ 27), а иногда еще крестовая. Подлѣ нихъ лѣпились каморки—спальни и чуланы для рухляди. Надъ горницами возвышался теремъ или „чердакъ“, „вышки“, при которыхъ были иногда „смотрильни“ (башенки). Вокругъ терема тянулось „гульбище“—галерея, огороженная „балясами“ (столбики-кувшинки) и „поручнями“ (перила).

Хоромы щеголяли снаружи и внутри „нарядомъ“, который иногда придавалъ имъ значеніе „чертоговъ“. „Крыльцо“ (крыло

зданія), откуда подымалась лѣстница на верхъ, было украшено „рундукомъ“ — площадкой съ 3—4 „всходами“ (ступенями), обнесенною точеными балясами и покрытою „шатрикомъ“. Передъ нимъ всегда было натрушено свѣжее сѣно или солома, а у порога сѣней постилалась рогожка или войлокъ. Крыльцо вело прежде всего въ обширныя „сѣни“, больше самихъ горницъ. Иногда было даже двое сѣней, и все теплыя: они служили залой, нарядною пріемной, и замѣняли столовую при большихъ пирахъ, особенно когда играли свадьбу. Верхъ славился своими окнами и „углами“ или внутреннимъ убранствомъ. Окна здѣсь уже не волоковыя (§ 182), а большія, „косящатыя“ — съ „косяками“ (рамами) или колодами, стесанными наискось по концамъ. Ихъ было много; и они прорѣзывались уже посрединѣ горницы, хотя и безпорядочно, на дѣтскій глазомѣръ. Они назывались „красными“, когда расписывались красками или уснащались рѣзьбой. Въ окна вставлялась, въ желѣзной сѣткѣ, слюда, которая подконецъ также расписывалась. Стекло встрѣчалось рѣдко, и все цвѣтное: оно привозилось изъ-за границы и было очень дорого. Внутри верхъ бывалъ „наряженъ“, какъ въ сказкѣ, особенно „красный уголъ“—передній, гдѣ „кивотъ“ съ иконами. Тутъ наличники оконъ расписывались подъ орѣхъ и дубъ, нето „аспидомъ“—подъ мраморъ; иногда они даже серебрились и золотились такъ же, какъ скобы и засовы; а на „затворахъ“ (ставни) знаменовали травы и звѣрей. Такъ какъ двойныхъ рамъ не знали, то окна обивали назиму войлоками, полостями и сукномъ. Стѣны, „подволоки“ (потолки) и „полати“, шедшія отъ печи поверху, какъ хоры въ церквахъ, забирались краснымъ тесомъ; а поверхъ его прилаживалась красная кожа или же сукно—то „багрецъ“ (красное), то „въ шихматъ“ (разноцвѣтными клѣтками). При особыхъ торжествахъ они обтягивались парчей, шелкомъ, бархатомъ, атласомъ; а двери и окна снабжались подобными же „завѣсами“. Полы дѣлались иногда подъ паркетъ, изъ особаго кирпича, и расписывались зеленью и чернью въ шахматъ или аспидомъ. Они покрывались рогожами, войлоками, нето и коврами персидскими и индійскими. Нарядны были и печи у богачей: онѣ были „муравленныя“ (изразцовыя), синія или зеленыя, на ножкахъ, съ подзорами и городками наверху; на изразцахъ пестрѣла роспись. Печей не было въ теремѣ, который отоплялся „проводными трубами“ изъ подклѣта. На теремъ вообще обращалось особенное вниманіе. Въ немъ было

уютнѣе: онъ отличался просторомъ, выступая иногда надъ горницами, и былъ залитъ свѣтомъ изъ множества красныхъ оконъ, иногда со всѣхъ четырехъ сторонъ. Тутъ-то попреимуществу были „свѣтлицы“, такъ кстати для кропотливаго женскаго рукодѣлья. Теремъ щеголялъ особенною нарядностью: „изба красна углами, а хоромы—теремами“, говорилось тогда. И надъ нимъ горделиво подымалась краса хоромъ—кровля. Она уже возводилась нерѣдко затѣйливыми „бочками“, вродѣ купола, а еще чаще устраивалась четырехскатнымъ высокимъ „шатромъ“ и покрывалась гонтомъ „въ чешую“. Ея „конекъ“ или „князекъ“ (верхній продольный брусъ), съ маковицами и вѣтрилами, ея „чердашные слухи“ (слуховыя окна) съ балкончиками пестрѣли красками и рѣзью; а „застрѣхи“ (нижніе брусья, у свѣса), подъ которыми висѣли желоба, украшались балясами и подзоринами.

Хоромы занимали видную часть двора, обнесеннаго заборомъ съ нѣсколькими воротами. „Дворъ красенъ воротами“, говаривали про главные изъ нихъ или „красные“. Широкіе, створчатые, съ калиткой, они были также украшены росписью и рѣзью и покрыты тесовою кровелькой съ затѣйливымъ конькомъ. Иногда они были съ жильемъ, на подобіе пилоновъ (*Д. И.* § 8); или же подлѣ нихъ лѣпилась „воротня“, гдѣ жилъ привратникъ, который запиралъ ворота, ночью, на замокъ и спускалъ цѣпныхъ псовъ. Дворъ былъ наполненъ службами, разбросанными въ безпорядкѣ вокругъ хоромъ: при маломъ раздѣленіи труда, при слабой торговлѣ, все запасали „въ прокъ“, на цѣлый годъ, и хранили въ кладовыхъ, чуланахъ, погребахъ съ напогребицами, ледникахъ, житницахъ, въ бочкахъ, кадкахъ, сундукахъ, коробахъ и просто наваленными кучами. У богачей всею этою благодатью завѣдывалъ дворецкій или ключникъ, на ежедневномъ отчетѣ у господина. У нихъ, и особенно по монастырямъ, ближе къ хоромамъ стояло много служебныхъ клѣтей на подклѣтахъ, гдѣ берегли массу платья и сбрую; а рядомъ тѣснились „холопьи избушки“, поварни, хлѣбни, пекельницы, пивоварни, иногда даже винокурни, „голубницы“ и „вѣжи“ (вышки). Къ самымъ хоромамъ примыкала обязательная „мыльня“, которая иногда отдѣлялась отъ покоевъ однѣми сѣнями. Это—главное развлеченіе и Силоамская купель у нашихъ предковъ: бывало, чуть занеможится, особенно послѣ обѣда, „самъ“ выпьетъ перцовки, закуситъ лучкомъ или чесночкомъ—и въ мыленку, гдѣ онъ парится невыносимо, а потомъ,

лѣтомъ, бултыхается въ рѣку, зимой же катается по снѣгу, а вымывшись, надувается медомъ. Еще чаще ходили въ баню госпожи отъ бездѣлья и скуки: оттого онѣ были хилы, обрюзглы, старообразы. Мыльня, какъ и теперь, была переполнена кадями, ушатами, шайками, мѣдными лужеными тазами, ковшами, въ особенности же вѣниками, которые употреблялись въ такомъ изобиліи, что ими изоброчены были всѣ подмосковные крестьяне. Вездѣ натрушивались также душистыя травы. Мылись на сѣнѣ, покрытомъ полотномъ; а для отдохновенія въ промежуткахъ пареній клались на лавки „мовныя постели". Обливались, какъ при Несторѣ, квасомъ, въ которомъ отмачивались кожи, а иногда виномъ и медомъ; поддавали пару также квасомъ да „ячнымъ" (ячменнымъ) пивомъ. Подальше, на „заднемъ" дворѣ, громоздились конюшни и амбары, съ „сѣнницами и сушилами" надъ ними, гдѣ хранился кормъ для скота, солилась говядина, вялилась рыба, а также прохлаждались люди въ лѣтнюю духоту. Тамъ же помѣщались сараи съ телѣгами и колымагами, съ санями и возками, затѣмъ — дровяники, хлѣвы, птичники. Иногда встрѣчались отдѣльно цѣлые дворы — конюшенные, скотные, житные. При каждомъ господскомъ дворѣ были колодезь и огородъ, иногда и садъ съ яблонями и грушами, и въ немъ прудъ съ рыбой.

Каменныя постройки назывались *палатами* (дворцами) или „зданіями" (отъ „зьдь"—глина). Выводились онѣ по большей части изъ „плитъ" или кирпича (греч. „плинтъ"), который часто перестилали дикимъ камнемъ и булыжникомъ: зданія изъ чистаго камня, или „бѣлокаменныя", встрѣчались рѣдко, вслѣдствіе ихъ дороговизны. По своему устройству, палаты — тѣ же хоромы. Даже ихъ „нарядъ" былъ подражаніемъ деревяннымъ украшеніямъ: онъ разнообразился только иногда прилѣпами да затѣями изъ цвѣтныхъ изразцовъ. Но такъ какъ еще не умѣли справляться съ зданіями, то ихъ считали не такъ здоровыми, какъ деревянныя строенія. Ихъ стали возводить лишь къ концу періода, благодаря иностранцамъ. Да и то чаще всего это были разныя кладовыя, или же каменныя ограды при хоромахъ.

§ 186. **Москва**.—Въ московской Руси городамъ городъ была Москва, но и то больше по своей громадности, чѣмъ по своимъ внутреннимъ качествамъ. Вѣрнѣе называли ее „сердцемъ" Руси: она не только была средоточіемъ нашей земли, ея народности, всѣхъ теченій ея жизни, но и узломъ ея судебъ, гдѣ отража-

лись всѣ ея многовѣковыя печали и мимолетныя радости. Лѣтопись Москвы — такой же скорбный листъ, какъ и исторія всей древней Руси. Какъ историческая святыня, Москва—рѣдкое явленіе: во всей Европѣ тутъ съ нею можетъ соперничать развѣ одинъ Римъ, котораго она напоминала и своимъ семихолміемъ (*Д. И.* § 183). Въ силу необычайной крѣпости пошлины (§ 173) отъ медленнаго развитія, она до нашихъ дней сберегла множество изначальныхъ названій, придающихъ ей частью жалкое, частью смѣшное старообразіе: но въ нихъ цѣлая живая и картинная лѣтопись, начертанная первобытнымъ поселенцомъ, съ его мѣткой наблюдательностью и поэтическимъ чутьемъ дѣйствительности.

Въ особенности драгоцѣнны имена *урочищъ*—древнихъ поселковъ, изъ которыхъ выросла Москва. Ихъ очень много: иное урочище носитъ нѣсколько названій, иногда по народной ошибкѣ (Драчи превратились въ Грачей, Палачи—въ Палаши, Таракановъ—въ Тарханово). Они разсказываютъ намъ про народность и исторію, про почву и бытъ далекой старины. Вотъ изъ какихъ приходцевъ наслоился москвичъ, земля котораго носитъ много именъ, исконныхъ въ разныхъ частяхъ Руси: Лубянка и Варвȃрка (улицы въ Новгородѣ), Тверская, Псковское подворье, Хлыновскій переулокъ, Моросѣйка (прежде Малоросейка) и Черкасскій переулокъ, Греческое и Іерусалимское подворья, Панскій рядъ (поляки), Грузины, Армянскій переулокъ и много остатковъ отъ татаръ—Ордынка, Арбатъ, Крымскій Бродъ, Толмачи, Таганка, Басманная, Болвановка (болваны—идолы) и др. Вотъ чѣмъ занимался москвичъ: Кузнецы (теперь Кузнецкій Мостъ—улица, гдѣ нѣтъ ни одного кузнеца и никакого моста), Мясники, Огородники, Столешники, Сыромятники, Кожевники, Сѣдельники, Плотники, Печатники, Псари, Гончары, Котельники, Трубники, Пыжи (мѣсто стрѣльцовъ), Старые и Новые Ворȏтники, Старыя Богадѣльни, Бронныя и др. Главная забота москвича сохранилась во множествѣ именъ, связанныхъ съ царскимъ чиномъ (§ 152): Поварская, Кисловка, Конюшенныя, Хлѣбный, Столовый и Скатертный переулки, Кречетники, Курьи Ножки, Остоженка (царскіе стога), Садовыя, Щепы (дровяной дворъ), Хамовники (швед. ham—бѣлье) и др. А вотъ и первозданная почва Москвы, величавая, но угрюмая: значительныя горки и холмы, съ ихъ косогорами и „юрами“, „черторыями и крутоярами“ (рвы и овраги); глубокія подолья, съ ихъ рѣками и рѣчками, озерками, топями, трясинами и мшистыми

болотами, прудами, студенцами (родниками) и колодцами; неоглядныя пространства то песковъ и глинъ, то полей и луговъ; а больше всего — пустыри въ крапивѣ и „драчіѣ“ (сорная трава), да дремучіе боры съ пчелой, птицей и звѣремъ, среди котораго было много дикихъ козъ. Сюда относятся такія доморощенныя имена: Воробьевы Горы, Вшивая Горка, Неглинная, Сивцевъ Вражекъ, Чертолье (Пречистенка), Прѣсненскіе Пруды и Ходынское Поле (гдѣ протекали рѣчки Сивка, Прѣсня и Ходынка, которыя исчезли такъ же, какъ Сосенка, Чечера и др.), Козье Болото, Козиха, Моховая, Пески, Полянка, Остоженка (гдѣ былъ лугъ со стогами), Лужники, Крапивники, Дѣвичье и Ширяево Поле; а также церкви — Никола на Мокромъ и на Ямахъ, Благовѣщенье на Болотѣ, Троица на Грязяхъ, Спасъ на Бору, Георгій на Яру и на Всполье и др.

Среди этой-то печальной, но раздольной природы, гдѣ ютились села новгородскаго боярина Кучки (теперь—Кучково Поле), Юрій Долгорукій поставилъ (1156), на самомъ высокомъ, Боровицкомъ холму, „малъ древянъ градъ“ и назвалъ его пофински *Москвою* (§ 45), по главной рѣкѣ, съ которою сливались тутъ Яуза и Неглинная. Этотъ дѣтинецъ уже черезъ 20 лѣтъ былъ испепеленъ рязанскимъ княземъ. Лѣтъ 60 спустя, Батый (§ 81) истребилъ всю Москву дотла. Но черезъ сто лѣтъ Калита (§ 91) срубилъ (1346) болѣе обширный „дубовый городъ“, съ бойницами и нѣсколькими воротами, чѣмъ и положилъ начало нынѣшнему *Кремлю*, вокругъ котораго уже раскинулся большой посадъ: толстыя бревна этой стѣны недавно найдены глубоко въ землѣ, такъ какъ нынѣшній Кремль почти весь состоитъ изъ насыпи. Поколѣніе спустя, послѣ страшнаго пожара, Донской уже „поставилъ городъ каменъ“, съ башнями, стрѣльницами и осадными стоками, изъ которыхъ лили на врага кипятокъ и растопленную смолу. Ольгердъ (§ 93) три раза опустошалъ посадъ, но этой крѣпости взять не смогъ. И Тохтамышъ взялъ Кремль только хитростью (§ 94); зато онъ истребилъ всю столицу. Съ тѣхъ поръ Москва уже не боялась татаръ. Но ее допекали пожары: при Василіѣ II она выгорѣла до того, что „ни единому древеси не остатися“.

Но пожары всегда служили къ украшенію Москвы: при Иванѣ III (1485—1492), фрязины обнесли Кремль „грозною“ стѣной, которая, въ главномъ, сохранилась до сихъ поръ (§ 181). Тутъ уже были башни въ три этажа: въ подошвенномъ палили изъ пушекъ, въ остальныхъ—изъ пищалей и муш-

кетовъ. Въ нихъ помѣщались избы ратныхъ людей, тюрьмы и застѣнки, а изъ Тайницкой шелъ ходъ къ р. Москвѣ. Ворота были снабжены желѣзными засовами и такими же опускными рѣшетками. Уже было два Кремля: въ подземномъ, въ которомъ были изрыты тайники, слухи, выходы, разныя палаты со сводами и „водныя течи“ (водосточныя трубы), хранились всякіе стрѣлецкіе припасы, отъ каменныхъ ядеръ до „пометныхъ каракуль“, кидаемыхъ подъ ноги конямъ непріятеля; туда прятались также при нашествіи врага и скрывали сокровища. Кремль уже сталъ жилищемъ знати: тамъ, подлѣ Верха, ютились хоромы вельможъ и высшихъ владыкъ. А вокругъ Кремля росли новыя слободы. Онѣ поглощались „великимъ“, самымъ богатымъ посадомъ, который сталъ новымъ городомъ, когда Елена обнесла его кирпичными стѣнами (1538), и получилъ названіе *Краснаго* или *Китай-Города*, потому что въ Кіевѣ былъ свой Китай. Здѣсь было много дворовъ „гостей“ и бояръ.

Тогда въ Москвѣ уже числилось до 200.000 жителей. Но она была истреблена, при Грозномъ, сначала жестокими пожарами (§ 122), потомъ (1572) Девлетъ-Гиреемъ (§ 128): тогда рѣка не проносила труповъ, которые приходилось спроваживать кольями; и москвичей осталось не болѣе 30.000. Кремль снова превратился въ жалкій поселокъ, гдѣ, въ кривыхъ уличкахъ, приводившихъ въ „тупикъ“, кишѣли скородомы (§ 182) захудалаго княжья (§ 162), курныя избы ихъ дворни да лачуги и избушки церковныхъ нищихъ. Но, вмѣстѣ съ внѣшнимъ ростомъ Руси, въ ея сердцѣ кипѣла жизнь. Вскорѣ, за Кремлемъ и Китаемъ, возникъ новый посадъ (1586), который Ѳедоръ I обнесъ бѣлокаменною стѣной съ дюжиной башенъ: это—*Бѣлый* Городъ; онъ же *Царевъ*, такъ какъ тамъ, среди мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ, были поселены царскіе дворовые и служилые. Вслѣдъ затѣмъ (1592) образовался самый бѣдный посадъ, населенный ремесленниками, ютившимися въ избушкахъ съ огромными дворами и садами: это — обнесенный деревянною стѣной *Скородомъ*, къ которому вскорѣ присоединилась обширная *Стрѣлецкая Слобода* за р. Москвой, гдѣ жили ратные, иностранцы и простонародье. Но онъ погорѣлъ въ смуту; и Михаилъ насыпалъ одинъ валъ, отъ котораго Скородомъ сталъ называться *Землянымъ* Городомъ.

„Розруха“ вообще тяжело отозвалась на Москвѣ, которая въ 16-мъ в. была больше, чѣмъ въ 17-мъ. Оттого, въ концѣ періода, столица Руси напоминала слова лѣтописца о началѣ

нашей исторіи (§ 19). Это было безтолковое смѣшеніе глухого Востока съ Западомъ, первобытности съ зачатками гражданственности. По словамъ Олеарія (§ 168), планъ котораго даетъ понятіе о внѣшнемъ видѣ Москвы [1]), она издали пред-

[1]) Прилагаемый *планъ Москвы* изъ путешествія Олеарія (1636) сходенъ съ болѣе старыми планами, которые тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что описанія столицы древней Руси сохранились только отъ конца 17-го в., хотя переписи ея были произведены еще въ 16-мъ в. Онъ поясняется описаніемъ въ самомъ текстѣ книги. Изъ этого плана явственно видно, какъ Москва, въ концѣ періода, распадалась на 5 частей, составлявшихъ 3 кольца вокругъ Москвы-рѣки, такъ что вся столица походила на паутину, съ Кремлемъ-паукомъ въ середкѣ.

I. Первое, внутреннее, кольцо омывается съ юга Москвой, съ сѣвера—Неглинной, которая протекала, гдѣ теперь Александровскій (Кремлевскій) садъ, и тянулась черезъ Трубу къ Дмитровкѣ. Обѣ рѣки сливались на западѣ, гдѣ обозначена на нашемъ планѣ (g) водовзметная башня. Это кольцо состоитъ изъ двухъ почти равныхъ частей—Кремля и Китай-Города. — *Кремль* (A), покрытый бревенчатою мостовой, уже вмѣщалъ въ себѣ, помимо Верха и палатъ знати, болѣе 50 каменныхъ церквей и 2 монастыря—мужской и женскій. Посрединѣ возвышается Иванъ Великій (b), а подлѣ него особая колокольня для большаго благовѣстника (c). Неподалеку обозначена „Михайловская церковь“ (d), т.-е. Архангельскій соборъ, а позади—„аудіенц-зала“ (a) или Грановитая Палата, Посольскій приказъ (e), дворы Денежный (f), Конюшенный (h), Патріаршій (i) и Житный (k), наконецъ, Оружейная палата (l). Въ Кремлѣ было больше воротъ, чѣмъ теперь, но главные тѣ же 5, только Спасскіе назывались Флоровскими, а Троицкіе — Куретными. Главными и тогда почитались Спасскіе, которые вели на Красную Площадь и были украшены большою башней съ часами: они затворялись, когда царя не было въ Кремлѣ. Подъ ними велѣно было снимать шапки въ 1647 г., когда привезли изъ Вятки образъ Нерукотворнаго Спаса, что̀ и послужило къ ихъ переименованію. Нѣкоторые изъ воротъ запирались тремя дверями. Передъ каждыми былъ перекинутъ мостъ черезъ ровъ, на сваяхъ. — *Китай-Городъ* (B), эта сердцевина Москвы, примыкаетъ къ Кремлю Красною Площадью, съ ея рынками (o, p), Василіемъ Блаженнымъ, который нѣмцы именовали Іерусалимомъ (m), и Лобнымъ Мѣстомъ, которое названо у Олеарія Театромъ Воззваній (n). На улицахъ Китая, покрытаго бревенчатою мостовой, помѣщаются: мелочныя лавки (q), Печатный Дворъ (r), Посольское подворье (s), а подлѣ „Вшивый рынокъ“—куча избушекъ, гдѣ стриглись. Далѣе обозначены: Монетный Дворъ (t), тюрьма (u) и Земскій Приказъ (w), съ земляной крышей, на которой стояли двѣ огромныхъ пушки, жерлами къ пловучему Москворѣцкому мосту, откуда, бывало, нападали татары. Много пушекъ стояло и по всей „красной“ стѣнѣ и на ея 10 башняхъ. Она была прорѣзана 6-ю воротами, отъ которыхъ сохранились одни названія, данныя по именамъ смежныхъ церквей и отчасти измѣненныя потомъ: Никольскіе, Ильинскіе, Варварскіе, Иверскіе и др. Недалеко отъ Василія Блаженнаго, у Москвы-рѣки, тянулся Персидскій Дворъ, гдѣ было до 200 лавокъ персіянъ, армянъ и татаръ. Въ Китаѣ было еще 2 гостинныхъ двора для иностранцевъ,—всѣ три каменные. А на другой сторонѣ, у Неглинной, помѣщалось до 200 погребовъ съ заграничными винами.

II. Второе кольцо образуетъ *Бѣлгородъ* или *Царьгородъ* (C), окружающій первое кольцо полумѣсяцемъ съ сѣвера, востока и запада и самъ раздѣленный Не-

ставлялась виликолѣпнымъ Іерусалимомъ, а вблизи — убогимъ Виѳлеемомъ. По обширности, это былъ одинъ изъ первыхъ го-

---

глинною на двѣ неравныя части. Въ немъ было много пекаренъ, мясныхъ лавокъ, кружалъ и разныхъ рынковъ—конный (y), рыбный (ς), мучной, зерновой, солодяный (v), телѣжный и санный (ε). Здѣсь же помѣщались: Аптекарскій садъ (α), Англійское подворье (Σ), а подлѣ Поганаго Пруда—большой литейный заводъ для пушекъ и колоколовъ (x), на которомъ работали голландцы. Напротивъ, за Неглинной, находился другой Конюшенный Дворъ царя на 1.000 лошадей, аптека и тюрьмы. „Бѣлая“ стѣна Царьгорода, съ 10-ю воротами и 28 башнями, сливалась, на югѣ, съ общею для Кремля и Китая стѣной, которая шла вдоль Москвы-рѣки. Она была разобрана, за ветхостью, при Елизаветѣ Петровнѣ, а Екатерина II насадила бульвары на ея мѣстѣ. Теперь отъ этой стѣны остались одни названія воротъ: Пречистенскіе—тогда Чертольскіе (1), Арбатскіе (2)—позже Смоленскіе, Никитскіе (3), Тверскіе (4), Дмитровскіе (5), Петровскіе (6), Устретенскіе (7), Мясницкіе—тогда другіе Флоровскіе (8), Покровскіе (9), Яузскіе (10). Здѣсь у Олеарія ошибка: на планѣ пропущены Петровскіе ворота, которые однако указаны въ именномъ спискѣ. Нужно поставить цифру 4, для Тверскихъ воротъ, между цифрами 3 и 4, затѣмъ 4 переправить на 5, а 5 на 6.

III. Третье кольцо — *Скородомъ* (D), который охватываетъ Бѣлгородъ съ трехъ сторонъ, упираясь въ Москву-рѣку съ запада и востока. Неглинная и Яуза разбиваютъ его на 3 неравныя части. Это — самая обширная и самая убогая часть Москвы, обнесенная землянымъ валомъ, который тянулся тамъ, гдѣ теперь Садовая и Новинское. Здѣсь находился громадный Дровяной Дворъ (ч), а также любопытная слободка Заяузье, съ ея рынкомъ для продажи скородомовъ (н).— Пятую часть Москвы составляла *Стрѣлецкая Слобода* (E), служившая продолженіемъ третьяго кольца, отъ котораго она отдѣлялась только рѣкой. Это — Замоскворѣчье, которое было населено стрѣльцами и отчасти разною бѣднотой. Оно соединялось съ Китай-Городомъ пловучимъ Москворѣцкимъ мостомъ и было обнесено, снаружи, деревянною стѣной, которая соединялась съ валомъ Скородома. Такъ какъ Стрѣлецкая Слобода служила передовымъ укрѣпленіемъ противъ крымцевъ, то его стѣна была снабжена бойницами и „раскатами“ (помосты для пушекъ). Въ ней было только двое воротъ, имена которыхъ сохранились,—Серпуховскіе (11) и Калужскіе (12), называвшіеся еще Водяными, такъ какъ они вели къ Іордани (λ). Напротивъ Іордани былъ разбитъ главный плодовый садъ царя (||) и раскидывались луга, гдѣ паслись государевы кони.—На юго-востокѣ, за валомъ Скородома, на нашемъ планѣ обозначены нѣмецкая кирка (13) и нѣмецкое кладбище (14). Здѣсь, въ верстѣ отъ вала, за полемъ, начинался чужестранный уголокъ,—нѣсколько слободокъ, гдѣ съ начала періода разселялись иноземцы, особенно нѣмцы, шведы и поляки, какъ плѣнные, такъ и призываемые въ качествѣ мастеровъ, художниковъ и ратныхъ людей. Главная изъ нихъ, возникшая при Грозномъ, называлась *Нѣмецкою Слободой* или *Кукуй-Городкомъ* (§ 168). Она помѣщалась между Яузой и ручьемъ Кукуемъ. Ея названіе уцѣлѣло до нашихъ дней. Ручей исчезъ; но его имя, которое значитъ по-фински „костеръ“, зажигаемый и теперь, подъ Петербургомъ, въ ночь на Ивановъ день, сохранилось въ „кикѣ“ или „кокошникѣ“, который подаютъ молодой послѣ вѣнчанія. Нѣмецкая Слобода щеголяла чистотой и веселенькими деревянными домами иностраннаго пошиба. Близъ нея работали 3 завода. — Наверху нашего плана, въ лѣвомъ углу, изображенъ русскій государственный гербъ

родовъ Европы, даже больше Лондона, если считать слободки, которыя во множествѣ были раскинуты вокругъ, особенно за Яузой, и составляли встарину урочища: безъ нихъ онъ занималъ, въ окружности, до 50 нашихъ и 25 тогдашнихъ верстъ (тогда въ верстѣ считалось 1.000 саженей). Издали онъ казался изящнымъ и „бѣлокаменнымъ“, благодаря высокимъ городскимъ стѣнамъ и церквамъ, утопавшимъ въ зелени, а также подгороднымъ монастырямъ и дачамъ. Но внутри это было частью большое село, частью азіятскій караванъ-сарай, живописный по своей пестротѣ и безпорядочности.

Москва славилась богатствомъ; но это была лишь горсть толстосумовъ, переведенцевъ (§ 167): прочій же обывательскій людъ кое-какъ перебивался почти однимъ хлѣбомъ, на который была наложена такса. Въ Москвѣ не было и 40.000 домовъ, а жителей не насчитывалось и 200.000; но зато тутъ встрѣчались всякія народности, кромѣ евреевъ (§ 183). Дома были раздѣлены между собой большими огородами, садами и пустырями, которые начинались отъ самыхъ Спасскихъ воротъ. Это были все скородомы, которые продавались тутъ же на площадяхъ — богатѣйшіе рублей за 25; было не мало и курныхъ избъ. „Сорокъ сороковъ“ церквей, которыми москвичи хвастались не меньше, чѣмъ Иваномъ Великимъ, Царь-колоколомъ и Царь-пушкой, были крохотными „церквицами“, часовнями и крестовыми въ домахъ, да и тѣхъ не насчитывалось 300: у татаръ „сорокъ“ значило „множество“. При церквахъ и монастыряхъ были неогороженныя кладбища, гдѣ трупы зарывались такъ, что торчали при дождѣ. Узкія улицы перепутывались въ безпорядкѣ: и теперь сохранились Кривые и Тупые переулки. Грязь на нихъ стояла невылазная: мѣстами протягивались мостки, чтобы не утонуть въ ней; даже женщины ходили въ огромныхъ сапожищахъ. Мостовыя попадались рѣдко; и это были набросанныя, несвязанныя между собой, круглыя бревна, ходившія подъ экипажемъ, какъ фортепьянныя клавиши. На ночь по концамъ улицъ устраивались, изъ такихъ же брусьевъ, рѣшетки и рогатки, въ предупрежденіе разбоевъ и пожаровъ, которые и при Михаилѣ случались чуть не каждую недѣлю и иногда истребляли заразъ треть

конца четвертаго періода (§ 181), которому недостаетъ только креста между головами. Въ правомъ углу нѣмецкая надпись: „*Москва*, русская столица великаго царя“.

города. Но стрѣльцы, караульщики и „огневщики“, обязанные никого не пропускать безъ фонарей, сами были бичами обывателей. Отъ нихъ, также какъ и отъ воровъ, проходу не было: они били, грабили, безъ дѣла таскали народъ въ тюрьму. Имъ помогали голодные и оборванные холопы, которыхъ бояре держали у себя сотнями, почти ничего не тратя на нихъ. А днемъ обывателей давили кучи верховыхъ, колымагъ (ихъ было до 300) и болѣе тысячи одичалыхъ извощиковъ: ѣзда была отчаянная—съ крикомъ, гикомъ и увѣчьями. Да и вся жизнь Москвы была такова, особенно на крестцахъ, куда иностранцы боялись и показываться, хотя тамъ ставились всегда кресты и даже часовни. Только въ полдень она принимала приличный видъ: вся столица обѣдала и затѣмъ „отдыхала“, т.-е. почивала.

Вотъ два главныхъ узла этой жизни. Знатное, прильнувшее къ Верху средоточіе Кремля и всей государственности древней Руси составляла *Ивановская площадь*, которая сохранилась до сихъ поръ. Маленькая, неправильная, грязная, она всегда была полна народу, шума и гама. Здѣсь былъ клубъ царедворцевъ, чиновниковъ и особъ, скликанныхъ на Верхъ, холопы которыхъ стояли тамъ же съ верховыми конями и колымагами. Они болтали о придворныхъ и приказныхъ новостяхъ. Надъ ними гудѣлъ большой благовѣстникъ (§ 181), а подлѣ дьякъ вычитывалъ царскіе указы громогласно, „во всю ивановскую“. Площадь служила и маклерскою конторой: „площадные подъячіе“, которыхъ брали и въ „послухи“ (свидѣтели), писали, въ палаткѣ, купчія и челобитныя, а больше всякія кляузы за взятки, за что ихъ тутъ же сѣкли нещадно и затѣмъ „отставляли отъ площади“. А вокругъ площади стояли приказы, гдѣ чинились судъ и расправа. Ихъ приговоры исполнялись неподалеку. Тотчасъ за Спасскими воротами шелъ ровъ до Никольскихъ воротъ, отдѣлявшій Кремль отъ Китай-Города. У этого-то рва валялись, на съѣденіе псамъ, обезглавленные трупы и отрубленные члены и торчали головы на желѣзныхъ рожнахъ,—работа палачей, которые жили отдѣльною слободой. Тамъ стояло 15 церквей „на крови и костяхъ“ да „у головъ“.

Китай-Городъ былъ тогда, какъ и теперь, сердцемъ Москвы. Это—самый оживленный уголокъ, средоточіе богачей, торговъ и промысловъ: тамъ насчитывалось до 40.000 лавокъ и лавчонокъ. Его *Красная Площадь* служила узломъ народной жизни, клубомъ толпы или караванъ-сараемъ. На нее выходили самые шумные крестцы—Никольскій, Ильинскій и Варварскій, гдѣ стояли без-

мѣстные попы и дьяки, поджидая зова служить въ крестовыхъ, а за ними—толпы наемныхъ слугъ; по праздникамъ же здѣсь совершались „сатанинскія игры“ съ сурнами, бубнами, пѣснями, плесканіями рукъ. Между этими крестцами тянулся безконечный Гостинный Дворъ, эта постоянная всероссійская ярмарка для крупнаго торга: для каждаго товара былъ свой „рядъ“. Передъ рядами, посреди площади, „на взлобьѣ“ холма, возвышалось бѣлокаменное Лобное Мѣсто, огороженное деревянною рѣшеткой, которая запиралась желѣзнымъ засовомъ. Это—всероссійская каѳедра, а также наша Голгоѳа, построенная по образцу іерусалимской. Это „взорное“, всѣмъ видимое, мѣсто называли священнымъ и „царскимъ“. Здѣсь москвичи собирались на вѣче, нарекали, а иногда и ссаживали царей (§§ 132, 137, 139, 143). Здѣсь патріархъ совершалъ шествіе на осляти (§ 178), принималъ привозныя святыни, возносилъ молитвенныя пѣснопѣнія да преподавалъ благословеніе и крестное осѣненіе царю и народу, а царь „оказывался“ народу, говорилъ съ нимъ (§ 122), „объявлялъ“ наслѣдника. Здѣсь же возглашались царскіе указы, „кликали кличъ“ къ походу, объявляли смертные приговоры передъ „Вратами правды“, какъ назывались Спасскіе ворота, гдѣ начинался роковой ровъ. По всей Красной Площади были разбросаны будочки, шалаши, скамьи, лари съ мелочнымъ товаромъ, съ калачами, снѣдью, квасомъ, сусломъ, а также „кружалы“ (кабаки), печуры и выносные „очади“, на которыхъ блинники пекли блины, оладьи и лепешки. Тутъ торговало много бабъ; стояли „на выставкѣ“ и нарядныя дѣвки.

На площади кишѣлъ всякій людъ, какъ дѣловой, такъ и праздношатающійся, и сновали до 200 извозчиковъ. И здѣсь-то бросалось въ глаза все убожество столицы Руси. Всюду нищіе, юродивые, леженки, калѣки, которые тянутъ своего заунывнаго Лазаря и Алексѣя-Божія человѣка. Подлѣ нихъ пищатъ голодные „богданы“—подкидыши, вывезенные сюда „божедомами“ или сторожами „убогихъ домовъ“, которые хоронили сиротъ и кормили мірскимъ подаяніемъ „зазорныхъ дѣтей“, пока кто-нибудь не возьметъ ихъ къ себѣ. А вотъ, тюремщикъ проситъ на погребеніе запытаннаго тюремнаго сидѣльца, трупъ котораго лежитъ тутъ-же, еле прикрытый, разлагающійся. Его товарищи водятъ голодныхъ и почти нагихъ колодниковъ, съ кляпами во рту: несчастные мычатъ, протягивая руки за милостыней. Показался иностранецъ—и толпа гогочетъ, указывая на него съ криками: „шишь, экая фря!“ (фрязинъ). Но хохотъ смѣ-

няется визгами и проклятіями: ѣдутъ бояре въ Кремль. Ихъ аргамаки давятъ народъ, ихъ холопы бьютъ его батожьями. Вдругъ крикъ: „языковъ ведутъ!"—и площадь мгновенно пустѣетъ. Языки—колодники, лица которыхъ закрыты грязными лоскутами сукна съ прорѣзями для глазъ: ихъ выводили, въ кандалахъ, чтобы они указывали соумышленниковъ. Закричитъ языкъ „слово и дѣло", указывая на перваго встрѣчнаго — и невиннаго прохожаго тотчасъ хватаютъ въ застѣнокъ.

Но къ концу періода и Москва готова была перейти на новый путь, благодаря иностранцамъ. Въ ней возникали улучшенія, хотя и немногія, но важныя въ смыслѣ измѣненія ея пошлаго (§ 173) вида. Прибавлялось число мостовыхъ и колодцевъ, каменныхъ заборовъ и заставъ. Берега Яузы унизывались мельницами. Завелась даже пожарная команда изъ стрѣльцовъ, съ бочками, лубками и парусами. При заразѣ трупы зарывались тщательно и дома заразныхъ оцѣплялись. Тамъ и сямъ, не въ одномъ Кремлѣ, возводились палаты съ такими же удобствами, какъ на Верху. Появилась даже царская аптека, откуда иногда выдавались лекарства и частнымъ лицамъ, хотя по особому челобитью, и что̀ подешевле. Михаилъ особенно увлекался садоводствомъ. Вопреки русскимъ, которые называли иностранцевъ скотами за разведеніе съѣдобныхъ травъ, онъ много потратился на выписку садовыхъ и огородныхъ растеній— салата, спаржи, цвѣтовъ, въ особенности махровыхъ розъ. При немъ уже привозилось не мало и табаку, который курили до безчувствія, а нюхали даже женщины, такъ какъ онъ „мозгъ прочищаетъ". Въ Кремлѣ, на взгорьѣ у Москвы-рѣки, были разбиты „красные" сады, террасами, на сводахъ, какъ у Семирамиды (*Д. И.* § 43). Въ нихъ били фонтаны, красовались цвѣты, произрастали арбузы, виноградъ, грецкіе орѣхи, лимоны, даже аптекарскія травы. Сверхъ того, при каждомъ отдѣленіи дворца появились „комнатные" или „что́ на сѣняхъ" садики. Они были разбиты на гряды и цвѣтники, между которыми извивались забранныя досками дорожки для прогулокъ, а на деревьяхъ висѣли клѣтки съ канарейками, соловьями, даже „папагалами", но больше съ любимицей русскихъ—перепелкою. Тутъ были также прудики, куда подымали воду. При Михаилѣ вырыты и Прѣсненскіе Пруды.

Но больше всего Кремль украсился послѣ розрухи: онъ одинъ напоминалъ Европу, по своему богатству и удобствамъ. Здѣсь было уничтожено много кружалъ, кузницъ, мазанокъ

и избушекъ; и на ихъ мѣстѣ поднялись палаты съ иностраннымъ „нарядомъ“. Улицы и площади были расширены и выпрямлены, овраги засыпаны; на грязяхъ перекинуты мосты; соборы ограждены надолбами, а дворецъ — рѣшетками. Крѣпость была исправлена и получила внушительный видъ, замкнутая со всѣхъ сторонъ рѣками Москвой и Неглинной да такими „канавами“ (рвами), что на нихъ работали мельницы. Она состояла уже изъ двухъ стѣнъ, въ $2^1/_2$ саж. толщины и до 10 саж. вышины. Онѣ были соединены деревянною кровлей, подъ которой шелъ ровъ; да въ срединѣ его тянулась третья стѣна. На стѣнахъ, уставленныхъ пушками, возносилось болѣе дюжины боевыхъ башенъ, не считая башенокъ съ колоколами. Онѣ были снабжены почти такимъ же количествомъ воротъ, хотя больше глухихъ: проѣзжихъ было только пять, какъ и теперь.

§ 187. **Нарядъ жилья.** — И въ домашнемъ быту древней Руси господствовали первобытность и убожество въ простонародьѣ, а рядомъ, подконецъ, стремленіе къ удобствамъ и даже къ роскоши, подъ вліяніемъ Запада, которое охватывало Верхъ и оттуда проходило къ вельможамъ, владыкамъ и богатымъ гостямъ.

Мужику было не подъ силу *обрядить нутро*, т.-е. обставить свое жилье красиво и уютно. Иностранцы удивлялись, какъ ничего-то не было у него въ полутемной избѣ, едва освѣщаемой волоковымъ оконцемъ да лучиной: только иконы, рогожи да неподвижныя, приросшія къ стѣнамъ лавки, которыя служили ему и стульями, и кроватями, гдѣ онъ спалъ, свернувшись на собственномъ зипунѣ, если не забирался на печь. Не то у именитыхъ людей, домъ которыхъ былъ „полною чашей“, особенно въ семейныя торжества да въ господскіе праздники, когда производилась всеобщая чистка. Тутъ гладко выметенный дворъ посыпался разными песками, а горницы устилались коврами (на новоселье еще травой) да яркоцвѣтными, златотканными наоконниками и полавочниками, которые свѣшивались до полу. Онѣ сіяли отъ „паникадилъ“ и стѣнныхъ „шандаловъ“, съ затѣйливыми „висюльками“ изъ метала, кости или хрусталя, гдѣ горѣли восковыя, хотя и тоненькія свѣчи, тогда какъ обыденнымъ освѣщеніемъ служили, даже на Верху, сальныя свѣчи въ слюдяныхъ узорчатыхъ фонаряхъ или въ мѣдныхъ „ношникахъ“. Горницы оглашались щебетаньемъ комнатныхъ птицъ и благоухали разною „вонью“—курительными свѣчками, ладаномъ, розовою водой и ячнымъ пивомъ, а иногда и „ароматами“ или „водками“, ко-

торыя покупались въ царской аптекѣ и поливались на жаровеньки.

Въ горницахъ выставлялся на показъ весь „хоромный нарядъ“. Правда, и тутъ еще пахло первобытностью: вкусы во всемъ отличались устойчивостью. Дѣло все еще было въ количествѣ и объемистости вещей. Роскошь попрежнему проявлялась, главнымъ образомъ, въ предметахъ вооруженія да выпивки, которые доставлялись арабами, татарами, греками и отчасти нѣмцами. Да и тѣхъ было немного: золото и серебро, которыя на Западѣ были дороги только до открытія Америки, у насъ до конца періода цѣнились почти въ 10 разъ выше, чѣмъ теперь. Все обиходное частью дѣлалось дома, большими количествами, частью пріобрѣталось оптомъ, годовыми запасами, тогда какъ бѣднякъ покупалъ на рынкѣ по мелочамъ въ три-дорога. Это грузное имущество все еще хранилось въ напоминавшихъ кочевки доморощенныхъ ларяхъ и погребцахъ, куда „ходили“ только сами хозяева, да въ бочкахъ, кадяхъ и лукошкахъ, въ берестяныхъ буракахъ, ситахъ и рѣшетахъ, въ татарскихъ сундукахъ, чемоданахъ и шкатулахъ, въ польскихъ скрыняхъ, въ греческихъ „коробьяхъ“, деревянныхъ и лубочныхъ, а украшенія—въ дорогихъ ларцахъ, переходившихъ по наслѣдству.

Но въ хоромахъ, палатахъ и на Верху весь нарядъ принималъ подконецъ болѣе богатый, затѣйливый и отчасти новый видъ. Если и здѣсь первое мѣсто занимали образа, особенно Богородица и Николай Угодникъ, которые ставились даже въ висячихъ колыбеляхъ, надъ кроватью, въ амбарахъ, и дарились пріятелямъ, зато они стали чрезвычайно нарядны. Они блистали дорогими окладами, „привѣсами“ (крестиками, старыми гривнами, червонцами, золотыми цѣпями, серьгами и перстнями), лентіями (полотенцами), рясками (жемчужными нитями) и пеленами, которыя унизывались если не драгоцѣнными камнями, то „дробницами“—металическими блестками. Передъ ними горѣли лампады и восковыя свѣчи, раскрашенныя, золоченыя, тяжелыя: на свадьбахъ свѣча жениха доходила до 3 пудовъ Иконы завѣшивались узорчатыми убрусцами. Къ Святой ихъ мыли грецкимъ мыломъ и губками, нето мѣняли на новыя. У богачей „крестовая“ была краше иной церквицы. Въ ней стоялъ цѣлый иконостасъ: при каждомъ событіи въ семьѣ прикупалось особое „моленіе“. Тутъ же красовался рѣзной аналой, съ книгами въ богатыхъ окладахъ, и всякія четки—ременныя, костяныя, янтарныя, изъ камней самоцвѣтныхъ.

Мебель отличалась вычурностью, яркостью и пестротой, но была бѣдна формами. Кругомъ стѣнъ тянулись древнія неподвижныя лавки, съ неизбѣжнымъ „коникомъ“—лавкой у входныхъ дверей, въ видѣ рундука или длиннаго ларя, въ которомъ хранилась одежда. Ихъ покрывали войлоками, тюфяками, а сверху—сукномъ. Были и свободныя скамьи, длинныя и иногда широкія, на которыхъ спали, подославъ войлокъ, матрацъ или шкуру. Но уже встрѣчались парадныя кровати, съ камчатнымъ „небомъ“, съ нѣсколькими огромными перинами и подушками изъ лебяжьяго и чижоваго пуха: на нихъ влѣзали по „колодкамъ“ (скамеечкамъ). Убранныя золотомъ, жемчугомъ, шелками, коврами, соболями, онѣ завѣщались изъ рода въ родъ. „Стулья“ (кресла) встрѣчались только на Верху; изъ нихъ славились „выходныя“, похожія на тѣ троны Михаила и Алексѣя, которые хранятся въ Оружейной Палатѣ и до сихъ поръ употребляются при коронаціяхъ. Въ хоромахъ стуломъ служилъ „столецъ“—табуретъ. Столы были длинные и узкіе, крашеные, иногда рѣзные и на точеныхъ ножкахъ. Они покрывались сукномъ, а при торжествахъ—золотными коврами, атласомъ и бархатомъ. Изрѣдка встрѣчались столики, украшенные камнями и пестрыми кусочками; на нихъ разставлялись дорогія бездѣлушки, въ родѣ выпуклыхъ видовъ, калейдоскопа, подзорной трубы, фигурокъ,— все хитрости и рѣдкости Запада: у царя лежали серебряныя „свистѣлка, зуботычка и уховертка“. Женская уборная была полна дорогими мелочами. Тутъ въ затѣйливыхъ ларчикахъ и шкатулочкахъ, украшенныхъ финифтью, а иногда и камнями, хранились: дорогія опахала изъ перьевъ, харатьи или атласа, а главное — бѣлильница, румянница, клеелница, суремница, ароматница, баночки, боченочки, чашечки, тазики и „фарфурныя скляницы“ съ итальянскими притираньями, ароматами, бальзамами (помадами), душистыми грецкими и индѣйскими мылами. А подлѣ виднѣлись рѣзные гребни и гребенки, иногда изъ слоновой или моржевой кости, съ одной стороны частые, съ другой— рѣдкіе; случались и „щети“. Тутъ же встрѣчались зеркала, которыя были дороги, заграничныя, и слыли еще неприличною, слишкомъ свѣтскою вещью. Они были только ручныя, маленькія, изъ хрусталя или булата (желѣза), завернутыя въ чахолъ или „готовальню“ (футляръ).

Столь же рѣдки были картины на стѣнахъ и часы. Карманные часы только подносились иностранцами въ подарокъ царю, вмѣстѣ съ обезьянами, попугаями и другими рѣдкостями.

Да и тѣ не годились. У насъ придерживались еще допотопнаго, византійскаго лѣтосчисленія и измѣренія времени, связаннаго съ церковью. Годы считались отъ сотворенія міра (5508 л. до Р. Х.). Стиль былъ старый, по юліанскому календарю, который уже отставалъ на 10 дней отъ исправленнаго новаго или грегоріанскаго (*Н. И.* § 52). Годъ начинался съ 1-го сентября. Часы дѣлились на денные и ночные. Такъ какъ вставали чуть свѣтъ, а ложились спать съ закатомъ солнца, то часъ восхода солнца считался 1-мъ часомъ дня, а часъ заката—1-мъ часомъ ночи; и каждыя 2 недѣли мѣнялось количество денныхъ и ночныхъ часовъ. Но башенные часы явились у насъ уже въ 1404 г., впрочемъ только для Верха. А къ концу четвертаго періода было уже нѣсколько часовъ въ Кремлѣ: главные, съ „перечасьемъ" (съ музыкой), помѣщались на Спасской башнѣ. Такіе же часы были уже въ каждомъ городѣ и почти въ каждомъ монастырѣ.

§ 188. **Нарядъ человѣка.**—Подобно жилищу и хоромному наряду, нарядъ русскаго человѣка четвертаго періода, въ основѣ, былъ первобытенъ (§§ 31, 70) и одинаковъ вездѣ до того, что даже названія почти одни и тѣ же отъ Верха до избы. Тутъ простонародье и именитые люди различались между собой только количествомъ, богатствомъ и пестротой одѣянія, въ особенности же украшеній.

Въ основѣ всей одежды лежало простое „платно, полотнище"—длинный и широкій кусокъ холста, безъ „стана" (таліи), часто даже не разрѣзанный на полы и лишь разставленный кое-гдѣ клиньями да „ластовицами". У мужика платье и состояло главнымъ образомъ въ холстѣ, который назывался у богатыхъ людей „бѣлою казной" (бѣльемъ), а затѣмъ—изъ „крашенины" (крашеная дерюга) и „сѣрмяги" (толстое сѣрое сукно). Оно было такое же, какъ изначала и какъ теперь. Только рубахи или „рубы" укоротились и чаще расшивались красною пряжей по подолу и косому вороту, на ластовкахъ и „зарукавьяхъ" или „запястьяхъ", которыя превратились потомъ въ обшлага рукавовъ. Онѣ подпоясывались „опояской" или цвѣтнымъ пояскомъ, въ веревочку, и выпускались поверхъ „портовъ"—имя, которое означало прежде вообще платье и даже ткань (§ 70), а теперь — штаны изъ холста или сѣрмяги. На это бѣлье надѣвались, одно на другое, два нижнихъ платья, зипунъ и кафтанъ, и одно верхнее—тулупъ. Они соотвѣтствуютъ камзолу или жилету, сюртуку или фраку и плащу, шинели или шубѣ.

Узкій и короткій зипунъ изъ сѣрмяги или крашенины служилъ домашнимъ платьемъ. Выходнымъ платьемъ былъ татарскій кафтанъ или армякъ, родъ халата, съ полами, которыя запахивались одна на другую, и съ рукавами до земли, которые замѣняли и перчатки, а у лихихъ людей служили складомъ уворованнаго, камней и кистеней. Тулупъ—нагольная шуба, или непокрытая овчина, которая надѣвалась въ непогоду шкурой вверхъ. На головѣ мужикъ носилъ татарскій островерхій „колпакъ", лѣтомъ бѣлый поярковый (войлочный), зимой—изъ овчины. На рукахъ у него зимой появлялись кожаныя рукавицы. А на ногахъ были изначальные лапти да портянки, а зимой—суконныя онучи, иногда даже кожаная подошва на ремняхъ.

У именитыхъ людей рубаха была шелковая, красная, съ богатымъ узорочьемъ даже на груди, въ особенности же щеголявшая „сорочкой", какъ называли „ожерелье" или воротникъ, который пристегивался дорогими запонами и далеко выпускался: онъ былъ расшитъ золотомъ, унизанъ жемчугомъ. Красой наряда были также шелковые или бархатные пояса, усыпанные каменьями, бляхами въ чеканныхъ фигурахъ и „висюльками" (брелоки); они переходили изъ рода въ родъ по завѣщанію. Пояса нерѣдко замѣнялись восточными ремнями длиной до 6 аршинъ, въ богатомъ наборѣ, и татарскими „кушаками" изъ разноцвѣтныхъ и разноузорныхъ полосъ, съ дорогими кистями. А за поясомъ былъ заткнутъ ножъ въ рѣдкостной оправѣ. Порты у богачей дѣлались изъ краснаго или желтаго сукна, шелка и атласа и кроились покороче, чтобы выказать сапоги, въ которые они затыкались. Сапоги, съ голенищами до колѣнъ, съ каблуками на гвоздяхъ, иногда серебряныхъ, и на желѣзныхъ подковкахъ, приготовлялись изъ кожи, юфти, персидскаго сафьяна и даже бархата. Они были всякихъ цвѣтовъ, но больше красные, и уснащались узорочьемъ, галунами, иногда жемчугомъ и каменьями. Щеголи носили также татарскіе „чоботы" — полусапожки съ длинными, загнутыми кверху носками; подконецъ появились столь же нарядные татарскіе башмаки, а съ ними— у кого сафьянныя наговицы, у кого шерстяные и шелковые чулки, зимой на мѣху. Но чулки были дороги: ихъ привозили изъ Германіи.

Платье у господъ отличалось подобнымъ же богатствомъ. Дороги были даже зипуны, которые шились часто безъ рукавовъ, какъ поддевка. Но особенно заботились о выходномъ кафтанѣ, который иногда назывался поперсидски „сарафаномъ".

Онъ дѣлался изъ легкой шелковой матеріи, обыкновенно изъ тафты, а зимой—на лисьемъ мѣху. Онъ былъ „становой“, съ перехватомъ, узкій, до колѣнъ, съ сборчатыми рукавами до земли, которые иногда кроились изъ другой матеріи. Застегивался онъ сначала татарскими завязками—кистями и снурками, потомъ петлями и пуговицами; но у горла былъ открытъ, чтобы показать богатую сорочку. Весь кафтанъ унизывался шитьемъ, украшеніями и „подпушками“—кусками изъ матеріи другаго цвѣта. Но главнымъ щегольствомъ былъ „козырь“ — высокій до ушей, гордо стоявшій на затылкѣ воротникъ изъ бархата или парчи, весь расшитый и усыпанный жемчугомъ и каменьями: иногда его называли „обнизью“ или низаннымъ ожерельемъ. Онъ приготовлялся отдѣльно и пристегивался дорогими запонами. Особаго рода кафтанами были персидская ферязь и татарскій тегиляй (§ 160), на которомъ красовалось до 70 дорогихъ пуговицъ. Въ тегиляяхъ пускались въ путь, повѣсивъ на грудь перевязь съ сулеей и заткнувъ за поясъ ножъ и ложку. Зимой употреблялись еще разныя фуфайки — греческая „фофудья“ или теплая одежда. Шубы, эти широчайшіе мѣшки съ безконечными рукавами, служили главною выставкой богатства и тщеславія: ихъ дарили низшимъ „съ своего плеча“; въ нихъ потѣли въ комнатахъ для показу. У богачей, обладавшихъ соболями, горностаями да чернобурыми лисицами, верхомъ щегольства было показать товаръ лицомъ — надѣть нагольную шубу, одинъ мѣхъ, безъ украшеній. Остальныя шубы—бобровыя, куньи, песцовыя, бѣличьи, медвѣжьи, наконецъ, волчьи и заячьи, но съ дорогими воротниками — покрывали сукномъ, шелкомъ, атласомъ, бархатомъ, парчей, уснащали богатыми пуговицами или шнурами съ кистями, снабжали поповскими рукавами. Лѣтомъ верхнею одеждой служили однорядка, опашень и особенно охабень — широкій плащъ до пятъ изъ дорогой матеріи, съ длинными рукавами и съ отложнымъ воротникомъ до таліи, который украшали, какъ козырь. Подобный же плащъ, но безъ рукавовъ, иногда подбитый дорогимъ мѣхомъ, кокетливо накинутый на плечи, назывался епанчей (§ 31) и служилъ къ украшенію молодцовъ, дѣлавшихъ проѣздку на народѣ. Епанча попроще, изъ сукна или верблюжьей шерсти, иногда съ капишономъ, употреблялась въ дорогѣ: она напоминала татарскую бурку съ башлыкомъ.

Но главнымъ дѣломъ былъ головной уборъ — вещь самая видная, когда человѣкъ служитъ „болваномъ“, вѣшалкой, для

показа нарядовъ и выставки чванства. „По Сенькѣ шапка“: по ней сразу узнавали чинъ и породу. Чѣмъ выше шапка, чѣмъ дороже она, тѣмъ важнѣе человѣкъ. Если всякій „сверчокъ зналъ свой шестокъ“, одѣвался въ приличное его званію платье, не побуждаемый къ тому никакимъ закономъ, то иногда спѣсь заставляла москвича нарядиться не въ свое платье и снести за то названіе „вора“. Но шапочныхъ обычаевъ никто не держалъ коснуться. Считая, какъ на Востокѣ, особымъ достоинствомъ и приличіемъ кутать свою голову, русскіе заимствовали преимущественно оттуда разные виды шапокъ. Почти не разставались съ татарскою „тафьей“, похожей на „скуфью“ духовенства: въ этой шапочкѣ, покрывавшей только маковку, ходили въ горницахъ, нерѣдко сидѣли въ гостяхъ. Она расшивалась узорочьемъ, а нерѣдко и унизывалась жемчугомъ. Иногда носили низкую шляпу, вродѣ котелка, но съ мѣховымъ „околомъ“ и съ цвѣтнымъ верхомъ изъ сукна. Но самымъ обыкновеннымъ покрытіемъ головы, даже у царей, служилъ колпакъ, такой же, какъ у мужика, только изъ атласа, бархата или парчи и богато убранный по околу, а зимой подбитый дорогимъ мѣхомъ; чтобъ насадить побольше украшеній, на немъ дѣлались иногда разрѣзы спереди и сзади.

Предметомъ всеобщей зависти была „горлатная“ или „душчатая“ шапка, которая служила знакомъ отличія: она была принадлежностью однихъ царей и думцевъ; лишь при особыхъ торжествахъ дозволялось явиться въ ней и извѣстнымъ дворянамъ, дьякамъ, иногда и гостямъ; она не снималась даже передъ государемъ. Въ противоположность колпаку, горлатка, подобно клобуку, шла раструбомъ кверху и была длиной въ локоть: иностранцы называли ее „башней“. Она была вся мѣховая, и именно изъ „горлъ“ или „душекъ“ соболей и чернобурыхъ лисицъ; а верхъ бархатный или парчевой. Спереди иногда дѣлалась прорѣха для украшеній, нето насаживалась запона—кокарда изъ каменьевъ, съ султанчикомъ изъ бѣлыхъ перьевъ или изъ жемчужныхъ зеренъ. Въ горлаткѣ сидѣли даже за званымъ обѣдомъ, причемъ подъ нею были иногда и колпакъ, и тафья. Дома она красовалась на виду, напяленная на расписной „болванецъ“.

Такой головной уборъ требовалъ короткихъ волосъ. Люди всѣхъ званій, за исключеніемъ духовенства, подстригали ихъ, именитые, потатарски, стриглись подъ гребенку, иногда даже брили волосы. Только при траурѣ да въ опалѣ отращивали

ихъ. Зато борода уцѣлѣла въ своей первобытной красѣ. Чѣмъ длиннѣе и окладистѣе была она, тѣмъ почтеннѣе человѣкъ: „по бородѣ — апостолъ". Вцѣпиться въ бороду значило тоже, что̀ въ Европѣ—дать оплеуху. У кого не росла борода, тотъ считался лихимъ человѣкомъ. Правда, и она подвергалась опасности, подъ западнымъ вліяніемъ. При Иванѣ III начинали бриться; Василій III самъ обрился, въ угоду своей женѣ-литвинкѣ. Но духовенство возстало, и Стоглавый соборъ спасъ бороду (§ 123). При Годуновѣ и особенно при Лжедимитріѣ I опять начали-было бриться, но соблазнъ снова былъ прекращенъ такими властями, какъ Палицынъ (§ 141), объявившій бритье бороды „ересью".

Борода и горлатка придавали особый почетъ и степенность человѣку, приближая его къ церковникамъ. Оттого дорожили и палками, которыя даже назывались „посохами". Это были длинныя дубинки, какъ у владыкъ, съ дорогими кистями, съ перламутровыми, чеканными и точеными набалдашниками: ими щеголяли, какъ туранцы Вавилона (*Д. И.* § 28). Впрочемъ, мужчины кокетничали даже рукавицами изъ сафьяна и бархата, съ золотымъ узорочьемъ, изрѣдка и перчатками (§ 70), а также платками изъ тафты, съ дорогими бахромками. Но платки держали въ шапкахъ и только мяли ихъ въ рукахъ для показу, а сморкались больше пальцами, вытирая ихъ, за столомъ, о полотенце.

Главнымъ же щегольствомъ, а также сберегательною кассой, наслѣдственнымъ капиталомъ, служили украшенія, на которыя никто не скупился издревле (§ 12). Сюда относятся, прежде всего, пестрота и яркость цвѣтовъ, въ особенности краснаго съ „червчатымъ" (фіолетовымъ) отливомъ, которымъ щеголяли даже рясы церковниковъ: царь приказывалъ боярамъ, при торжествахъ, облекаться въ самыя яркія одѣянія. Всюду ставили цвѣтныя ластовицы, подпушки, „вошвы", нашивки, прошвы, проймы или прорѣхи, кружева изъ паволокъ (§ 31) Греціи (парча, червленица или багряница, штофъ, аксамитъ), изъ шелковъ Востока (камка, обьярь, тафта, атласъ, бархатъ). Всюду проходило узорочье цѣлою чащей всевозможныхъ рисунковъ. Но важнѣе всего украшенія изъ драгоцѣнностей. Ихъ совали и низали повсюду, безъ всякаго вкуса и порядка; для нихъ дѣлали прорѣзы въ ненадлежащихъ мѣстахъ; и запястья превращались иногда въ „обручи" (браслеты). Сорочки, ожерелья и козыри, пояса, сапоги, шапки и палки,

также какъ иконы, оружіе и лошади, — все обвѣшивалось золотыми кружевами, бахромами и кистями, бляхами, „цатами или цацами“ (бляшки), даже монетами, а больше всего — бисеромъ и жемчугомъ, который часто ниспадалъ рясками (§ 187). Затѣмъ были въ большомъ употребленіи драгоцѣнные камни, въ особенности лалы (§ 124), изумруды и сердолики, но вообще плохіе: русскіе мало знали въ нихъ толку. А надъ этими украшеніями сіяли дорогія запоны и пуговицы, не меньше дюжины на платьѣ, которыя носили кучу названій, по виду и роду работы, и бывали величиной съ яйцо. На шеѣ висѣли греческія „мониста“ — золотыя кольчатыя цѣпи, съ крестами и гривнами. Въ ушахъ у мужчинъ висѣли длинныя серьги. На рукахъ у нихъ иногда не было видно пальцевъ отъ дорогихъ перстней, на которыхъ вырѣзывались также печати. Среди нихъ терялось скромное обручальное кольцо; но зато оно никогда не снималось, и приходилось распиливать его на ожирѣвшемъ пальцѣ.

Въ одеждѣ, какъ и въ пищѣ, противоядіемъ роскоши и чванству былъ постъ, который налагался добровольно по поводу смерти въ семьѣ. „Скорбное“ платье или трауръ состояло въ простенькомъ одѣяніи, вродѣ мужицкаго, притомъ „смирныхъ“ цвѣтовъ — чернаго или синяго, напоминая монаховъ, съ ихъ самодѣльными „власяницами“. Но тутъ вдавались въ другую крайность: нерѣдко носили поношенную, заплатанную и даже изодранную одежду. Сверхъ того, при траурѣ было обязательно „быть въ волосахъ“, т.-е. отращивать волосы, какъ у иноковъ, тогда какъ женщины, напротивъ, остригали ихъ.

Женскій нарядъ походилъ на мужской и носилъ почти тѣ же названія: нерѣдко мужское платье передѣлывалось съ женскаго. Но рубаха была длинная и съ такими же рукавами, а порты замѣнялись „понявой“ или „исподницей“ — холщевою юбкой. Зипуну и кафтану соотвѣтствовали „лѣтникъ“ или сарафанъ изъ крашенины и „сѣрникъ“ изъ сѣрмяги. Зимой надѣвался обыкновенный тулупъ. Бабы носили на головѣ платокъ, подвязанный подъ подбородкомъ, дѣвки — повязки съ длинными концами на спинѣ, въ лентахъ, а иногда кокошники изъ коры, въ видѣ короны. Крестьянки щеголяли иногда чоботами, въ особенности же серьгами, мѣдными и изрѣдка серебряными. Вообще у нихъ попадались такіе хорошіе наряды, какихъ не встрѣтишь теперь.

У богатыхъ рубахи или „шубки“ бывали цвѣтныя, съ

рукавами до 7 аршинъ длины и съ дорогими поясами. Лѣтники дѣлались изъ тафты, съ поповскими рукавами; спереди разрѣзъ, застегнутый до горла; назади пристегнуто богатое ожерелье. Лѣтникъ убирался узорочьемъ и вошвами, а зимой подбивался мѣхомъ. Опашень и охабень, съ рукавами до пятъ, связанными на спинѣ, но съ прорѣзями въ нихъ для рукъ, застегивались отъ пятъ до горла дорогими пуговицами и щеголяли ожерельями, покрывавшими всю спину и грудь. Зимой они подбивались мѣхомъ и назывались „тѣлогрѣями". Шуба походила на мужскую; но здѣсь часто употреблялся кошачій мѣхъ. При торжествахъ, сверхъ платьевъ накидывалась роскошно убранная „подволока" или шелковая мантія; а подъ лѣтникъ поддѣвали застегнутую до земли ферязь. Обувь была также мужская, но болѣе богато убранная, и съ такими высокими каблуками, что носки едва касались земли: нельзя было ходить скоро.

Женщины гораздо болѣе мужчинъ обращали вниманіе на головной уборъ, такъ какъ щеголяли большими волосами. Только дѣвочкамъ низко стригли волосы, какъ и мальчикамъ, для ихъ же рощенія. Дѣвушки же распускали волосы по плечамъ, иногда завитые, а больше заплетенные въ одну или двѣ косы; а надъ ними прилаживали вѣнцы, въ видѣ теремовъ, съ богатыми рясами и поднизями. Внѣ дома, онѣ надѣвали плоскіе колпаки съ мѣховымъ околомъ, а иногда „столбунцы" (родъ горлатокъ), изъ-подъ которыхъ падали на спину косы съ красными лентами, — знакъ дѣвственности. Замужнія женщины, напротивъ, тщательно прятали волосы, собирая ихъ подъ „повойникъ" —шапочка раструбомъ кверху, съ подзатыльникомъ, богато убранная камнями и переходившая по наслѣдству. Она называлась еще „подубрусникомъ:" ее искусно повивали убрусомъ—бѣлымъ полотенцемъ, которое закрывало уши и подвязывалось подъ подбородкомъ; его концы унизывались жемчугомъ. Сверхъ убруса накидывался „волосникъ" —золотая сѣтка, которую назвали потомъ чепцомъ, такъ какъ она дѣлалась въ „цѣпки" или чепки. А когда выходили изъ дому, надѣвали еще колпакъ, поменьше мужского, съ мѣховой опушкой. При торжествахъ, повойникъ замѣнялся кикой (§ 186), которая соотвѣтствовала дѣвичьему вѣнцу. Это — очень дорогой кокошникъ, изъ-подъ котораго ниспадали, по вискамъ, до плечъ, рясы изъ жемчуга и каменьевъ, а на лобъ свѣшивалась „поднизь" — золотая сѣтка, низанная жемчугомъ. Сверху надѣвалась бѣлая поярковая шляпа, съ полями и съ длин-

ными красными снурками назади, а иногда и горлатка. Въ дурную погоду появлялся еще мѣховой каптуръ (капоръ), какъ называлась и попона на конѣ. Его именовали и треухомъ, такъ какъ онъ покрывалъ уши и еще затылокъ. Наконецъ, выходя изъ дому, женщина покрывала лицо восточною „фатой"—прозрачною, унизанною жемчугомъ, бѣлою тканью, которая завязывалась у подбородка. Женщинѣ неприлично было сморкаться пальцами. У нея были простые „платочки", кромѣ парадной шолковой „ширинки", убранной узорочьемъ, жемчугомъ, дорогими кистями и бахромами. Подконецъ появились даже зонтики, которые, поазіятски, носили холопки надъ госпожами.

Вообще женщина, за исключеніемъ головного убора, щеголяла нарядами меньше, чѣмъ мужчины; но украшенія значили у нея больше. Съ своею головой, закутанной какъ копна, она была настоящимъ „болванцемъ". На ней висѣли безъ конца цѣпочки съ крестиками, цѣпи съ большими финифтяными образками, монисты изъ бусъ, гранатъ и монетъ, ожерелья и запястья съ каменьями, запоны и пуговицы, обручи, дорогія „занозки" (булавки), перстни и длинныя серьги съ „искрами" (мелкими камушками). Все это было такъ тяжело, что, послѣ китайскихъ церемоній, у несчастной болѣли ноги не меньше, чѣмъ голова отъ убрусника, а отъ серегъ—уши, которыя женщины даже сами вытягивали, такъ какъ длинныя уши считались красотой. Въ приданое везли въ домъ жениха возы съ большими сундуками, въ томъ числѣ иногда болѣе пуда „ссыпного" жемчуга для поправки нарядовъ.

Нарядъ человѣка имѣетъ важное значеніе въ исторіи (*Д. Й.* Введ. § 10). Въ немъ, какъ и въ манерахъ, отражается воспитаніе, внѣшнія вліянія, отчасти даже умоначертаніе народа: онъ тѣсно связанъ съ обрядовою стороной жизни. Покуда общество живетъ уединенно, онъ очень устойчивъ, въ особенности головной уборъ; затѣмъ ни въ чемъ такъ сильно, какъ въ немъ, не проявляется подражательность, въ видѣ быстрой смѣны модъ. Чѣмъ дальше въ первобытность, тѣмъ болѣе одинакова одежда у всѣхъ народовъ, а также у мужчинъ и женщинъ, и тѣмъ ближе она къ облаченіямъ, которыя вездѣ сохраняются упорнымъ пережиткомъ. Первоначально это—мѣшокъ или восточный халатъ, лишенный изящества и удобствъ, отнимающій свободу движеній, годный для лежебока. Его щегольство состояло въ одной показности — въ пестротѣ шута, въ блескѣ, яркости красокъ и въ побрякушкахъ дикаря. Всѣ эти черты ясны

въ нарядѣ древней Руси, который остановился отчасти на первобытно-славянскихъ основахъ, а больше заимствовалъ изъ Византіи и особенно съ Востока всѣ мелочи и самыя названія. Онъ—тотъ же Василій Блаженный (§ 181): тяжелое, ярко-пестрое смѣшеніе разныхъ пошибовъ и стремленіе брать количествомъ, а не качествомъ. Бѣдный покроями, онъ отличался у богача только тѣмъ, что обращалъ человѣка въ „болвана" для висюлекъ, узорочья и кричащихъ цвѣтовъ. И все это только для показа, изъ одного чванства: на торжествахъ, подъ пышнымъ нарядомъ, который иной оголтѣлый дворянинъ бралъ напрокатъ, скрывалось неопрятное бѣлье; въ будни и подомашности, даже вельможа ходилъ въ обноскахъ съ жирными пятнами и убогими заплатами, которыя одобрялись по тогдашнимъ понятіямъ о бережливости.

Черты первобытности въ нарядѣ древней Руси поражали иностранцевъ, какъ самое видное ея отличіе: они любили описывать и изображать нашу одежду, какъ диковину [1]). Такъ смотрѣли даже нѣмцы, — народъ тогда наиболѣе отсталый въ Европѣ, въ нарядѣ котораго было сходство съ московскимъ, и даже встрѣчались прямо „сарматскія" моды (*Н. И.* § 59). Льнувшій къ Россіи славянинъ, но воспитанникъ Рима, Крыжаничъ, говорилъ: „Русская одежда некрасива. Она мѣшаетъ достоинству, свободѣ, непринужденному движенію человѣка, производитъ впечатлѣніе рабства, стѣснительности, безпомощности. У русскихъ нѣтъ кармановъ: они прячутъ ножи за го-

---

[1]) Таковъ прилагаемый рисунокъ, взятый изъ Олеарія, въ немного уменьшенномъ видѣ. Онъ даетъ понятіе о всѣхъ главныхъ покрояхъ русской одежды конца четвертаго періода. Первымъ справа изображенъ мужикъ съ короткими волосами, въ *армякѣ*, съ *колпакомъ* въ рукахъ. Подлѣ него боярскій добрый молодецъ въ *охабнѣ* съ завязками, въ сапогахъ и колпакѣ съ мѣховымъ околомъ; на шеѣ *монисто* изъ бусъ. За нимъ дѣвица, съ косой, кончающеюся лентами, въ *лѣтникѣ* и плоскомъ колпакѣ съ мѣховымъ околомъ. Далѣе слѣдуетъ мать съ ребенкомъ. Она также въ лѣтникѣ или сарафанѣ; а на головѣ *кика* съ *рясками* и *поднизью*. Подлѣ нея молодуха въ застегнутомъ отъ пятъ до горла *опашнѣ*, къ которому приложено богатое *ожерелье*; на головѣ такой же колпакъ, какъ у дѣвицы, только болѣе скромнаго вида. Далѣе стоитъ богатыремъ „самъ", господинъ, вельможа. Онъ во всемъ парадѣ—въ *ферязи* съ богатымъ *козыремъ*, а на головѣ *горлатная шапка* во всей ея красѣ. За нимъ бояринъ попроще, а можетъ быть, и гость именитый, въ богатой *шубѣ* на дорогихъ застежкахъ и въ *шляпѣ* на мѣху. Послѣднимъ слѣва на нашемъ рисункѣ приткнулся скромный инокъ во *власяницѣ*, на которую накинута *ряса*, и въ монашескомъ *клобукѣ*, или покрывалѣ сверхъ камилавки; въ рукахъ у него четки.

леница, носовые платки въ шапки, а деньги — въ ротъ". На Западѣ, къ концу періода, въ нарядѣ ясны слѣды свѣтскости, личности, свободы и изящества (*Н. И.* § 120). У насъ же задерживались даже робкія попытки сбросить здѣсь гнетъ глубокой старины и церковности. Но онѣ были, и не прекращались, какъ на Западѣ, и опять подъ его вліяніемъ, предвѣщая близкій переворотъ. Сама борода подвергалась опасности

Русская одежда. 1636 г.

при Иванѣ III и особенно при Василіѣ III, когда щеголи даже завивались, румянились и чванились легкими, узкими сапожками. Годуновъ былъ плѣненъ внѣшностью Запада: его жену сопровождали, на гуляньѣ, боярыни верхами на коняхъ. Дворъ Марины совсѣмъ былъ европейскій: бояре даже вдругъ стали пестрить свой языкъ полонизмами. Но при Михаилѣ все это было сразу пріостановлено: онъ благоговѣлъ передъ матерью, которая была инокиней стараго закала (§ 148).

§ 189. **Пропитаніе человѣка.** — Отличительныя черты наряда человѣка древней Руси и его жилья отражаются и въ

пропитаніи того времени; только здѣсь старина держалась еще упорнѣе. Въ пищѣ и питьѣ, какъ во всемъ, масса народа была совсѣмъ невзыскательна, хотя находилась въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ позже (§ 165): она не любила „разносоловъ". Она не была лишена рыбы, мяса, дичи, меда, молочныхъ приправъ, хотя питалась попреимуществу ржанымъ хлѣбомъ: толокно (§ 160), овсяный кисель съ сытой, пшеничная кутья, въ особенности бѣлый калачъ („калачемъ не заманишь") были лакомствомъ. Но мужика часто мучили неурожаи (§ 149), когда онъ ѣлъ конину, лебеду, липовую кору и даже солому. Пилъ онъ больше квасъ: изготовленіе хмѣльныхъ напитковъ стало монополіей правительства съ Ивана III; крестьянамъ дозволялось варить пиво, медъ и брагу лишь въ особыхъ случаяхъ и въ большіе праздники, послѣ которыхъ кабацкій голова печаталъ оставшееся до другого случая.

Но у людей именитыхъ кухня отличалась количествомъ и богатствомъ, хотя основа ея была старомодная, и вкусъ вовсе не изощрялся. На нее обращалось главное вниманіе послѣ церковныхъ службъ. При отсутствіи политической свободы и идеальныхъ интересовъ, вся общественная жизнь сосредоточивалась въ ѣдѣ и питьѣ, а строгость обычая возводила ихъ въ неукоснительный обрядъ, который вездѣ совершался одинаково и былъ обязателенъ такъ же, какъ мѣстничество: отказываться отъ нихъ, даже упустить малѣйшую порядливость, значило оскорбить всѣхъ и навлечь на себя большія непріятности. Важны, чинны, длинны и отяготительны были даже обыденные „столы": богачъ много работалъ надъ составленіемъ росписи обѣдовъ на цѣлый годъ, по святцамъ. Цѣлый торжественный обрядъ представляли собой „столованія" съ гостями или пиры. А они были почти безпрерывны: это—обязанность при всякомъ семейномъ событіи, въ именины и по праздникамъ. Кромѣ того, были сильно распространены братчины (§ 170), которыя въ этомъ и состояли.

У именитаго человѣка пиръ былъ великою службой: честь хозяину, если гостьба была угодлива и толсто-трапезна. Оттого на званыхъ обѣдахъ подавалось до 50 перемѣнъ. Къ нимъ готовились спозаранку: вся семья и сотни домочадцевъ сбивались съ ногъ. На поварнѣ происходилъ цѣлый содомъ между поварами, стряпухами и судомойками, подъ началомъ ключника. „Поваренные", мѣдные и желѣзные, котлы, кострюли и сковороды, черепичные и деревянные горшки и лохани — все наполнялось всякою снѣдью. Изъ подклѣтовъ, погребовъ и чу-

лановъ приносились вороха всякихъ припасовъ, изъ которыхъ больше всего истреблялось масла (въ постъ—конопляное, льняное, горчичное, орѣховое и маковое), луку и чесноку: ихъ совали всюду столько, что иностранцевъ тошнило. Но главное въ русской кухнѣ были хлѣбъ да соль: отсюда „хлѣбосольство", какъ первое качество настоящаго православнаго. Хлѣбъ-соль участвовала во всякихъ подаркахъ. Во всѣхъ концахъ и классахъ Руси пожирались массами всяческія соленія, соленое мясо и особенно рыба — просто соленая, вяленая, копченая, провѣсная, вѣтряная, паровая, подвареная. Въ большомъ употребленіи была и икра разныхъ приготовленій. „Солоницы" царствовали и за столомъ, тѣмъ больше, что повара вовсе не солили кушанья: „недосолъ на столѣ, пересолъ на спинѣ"; „пересолить, разносолы"—говорилось и въ нравственномъ смыслѣ. Хлѣбъ употреблялся при всякихъ яствахъ и во всякихъ видахъ, отъ каши и ржаныхъ ломтей, которые ѣли и богачи, до толокна и водки, которую называли „хлѣбнымъ" виномъ въ отличіе отъ „винъ" или виноградныхъ напитковъ. Изъ пшеничной муки приготовляли множество блюдъ — разныя каши, кисели и „сдобины", особенно караваи, блины, оладьи, хворостъ, масляные орѣшки и проч. Но славою нашей кухни были пироги и пирожки—съ мясомъ, дичью, рыбой, визигой, съ кашей, саломъ, сластями и т. д.: говорилось, даже въ обиду хорошему наряду (§ 185), что „не красна изба углами, а красна пирогами". Любилъ русскій человѣкъ и молочную снѣдь—варенцы, сырники, разныя каши и сыры и т. п. Затѣмъ уже шли мясныя кушанья, въ перемежку съ рыбными, а иногда и сливаясь съ ними. Тутъ было и „холодное" (заливныя, студни, особенно солонина и ветчина), и „горячее" или „ушное" (ухи, щи, супы съ пряностями, разсолы или солянки, взвары или соусы). Особенно щеголяли жаркими, и именно бараниной, свининой да курами и гусями, которыхъ подпекали на „рожнахъ" (вертелахъ). Жарили и всякую дичь, отъ зайца и оленя до журавля и жаворонка, и ѣли ее съ уксусомъ, перцомъ и лимономъ; но ее не очень уважали, кромѣ лебедя въ сметанѣ. Мужчины мало забавлялись и сладостями — разными взварами съ пряностями, плодами въ меду, рѣдькой въ патокѣ, пастилой, коврижками или пряниками; изрѣдка лакомились заграничнымъ сахаромъ и леденцами.

Эта жирная, тяжелая, пряная пища возбуждала сильную жажду, которая утолялась множествомъ доморощенныхъ морсовъ,

березовцовъ (березовый сокъ) и особенно квасовъ—медвяныхъ, ягодныхъ и житныхъ, вареныхъ и сырцовъ. Чай появился подконецъ только на Верху: онъ былъ подаркомъ монгольскаго хана Михаилу. Но важнѣе всего были хмѣльные напитки. Русскіе и на Западѣ славились своими брагами, пивами и особенно медами, которые варились больше всего по монастырямъ, въ большихъ „пивныхъ" котлахъ, и хранились въ огромныхъ, иногда трехсаженныхъ, бочкахъ. Меды были ставленные и вареные, ягодные, красные, бѣлые, прѣсные, боярскіе и др. Въ нихъ клали пряности „для духу" и дрожжи для броженія. Это наше шампанское было вкусно, но съ ногъ сшибательно: его выдерживали въ засмоленныхъ бочкахъ. Пиво было слабѣе и съ мутью. Хлѣбное вино было разнообразно—простое, боярское, двойное; было даже четырежды-перегонное, такое крѣпкое, что отъ него умирали. Для женщинъ приготовлялось „сладкое" вино—водка съ патокой. Сверхъ того, было много наливокъ и настоекъ на ягодахъ, пряностяхъ, душистыхъ травахъ, даже на селитрѣ. Водки пользовались тѣмъ преимуществомъ, что ихъ пили безпрекословно во всякое время дня. Къ концу періода у богачей появились виноградныя вина изъ-за границы—церковное, ренское, венгерское, французское, романея, въ особенности же греческое, съ мальвазіей во главѣ. Ихъ тоже уснащали пряностями.

Пока готовились всѣ эти яства и напитки, столовая, а чаще сѣни обряжались, подъ началомъ дворецкаго, попраздничному, на показъ гостямъ. Столы приставлялись къ лавкамъ, а при многолюдствѣ еще располагались рядами. Ихъ застилали скатертями и подскатертниками; на нихъ раскладывали полотенца, которыя замѣняли салфетки. Ножей не клали; вилки встрѣчались рѣдко, и двузубыя; ложки были только серебряныя, понемногу. Только однимъ посламъ клали вилку и ножъ: ихъ свита обходилась пятерней. Для болѣе почетныхъ гостей ставили „тарели", оловяныя или серебряныя; и онѣ не перемѣнялись: остальные ѣли изъ мисъ и блюдъ, каждое на нѣсколько человѣкъ. Были и другіе „судки", каменные и деревянные,– блюда гусиныя, утиныя, лебяжьи и др., разсольники (соусники), солоницы, уксусницы, перечницы, изрѣдка горчичницы. Но больше всего столы ломились отъ сосудовъ для питья. Ими-то наполнялся „поставецъ", эта гордость столовой, — буфетъ въ видѣ пирамидальной этажерки, у которой стоялъ дворецкій, во время пира, разрѣзывая и отвѣдывая кушанья, отпускаемыя ключникомъ изъ поварни. Тутъ было не мало и боль-

шихъ вмѣстилищъ — ендовы (ведра съ носками), четвертины ($^1/_4$ ведра), кувшины, братины съ крышкой: изъ нихъ брали черпальцами и „судами" или ковшами. Но въ особенномъ изобиліи стояли сулеи (бутылки), корцы, кружки въ $^1/_8$ ведра, чаши, кубки, бокалы, чарки, „достаканы" обыкновенные и огромные или „стопы". Посуда только у бѣдныхъ была деревянная, да и то нерѣдко рѣзная. Вообще же ею щеголяли больше всего, послѣ иконъ: она служила и для подарковъ; цари жаловали ею, какъ знакомъ отличія. Она была серебряная и золотая, украшенная узорами, фигурами, эмалью, агатомъ, сердоликомъ, а также надписями; нерѣдко это было художественное произведеніе (§ 181). Подконецъ изъ Европы привозили стекляные и хрустальные сосуды; но они были рѣдки и дороги.

Но вотъ гости. Помолившись на иконы и отвѣсивъ земной поклонъ хозяину, они пьютъ водку, закусывая хлѣбомъ, и разсаживаются, въ шапкахъ, по указаннымъ мѣстамъ, самый почетный — по правую руку подлѣ хозяина. Тутъ-то случались мѣстническіе споры и даже потасовки. Является хозяйка, съ чаркой вина (§ 172), и уходитъ на свою половину, гдѣ идетъ женское угощенье. А „самъ" рѣжетъ куски хлѣба и раздаетъ ихъ гостямъ, вмѣстѣ съ солью. Слуги несутъ блюда голыми, нечистыми руками,—сначала холодное, потомъ жаркое, наконецъ ушное. Хозяину ставятъ блюда „опричныя", съ которыхъ онъ отсылаетъ куски инымъ гостямъ, въ знакъ пріязни. Когда „пиръ въ полупирѣ", входятъ молодухи, жены дѣтей и родичей хозяина, съ чарками, и продѣлываютъ то же, что „сама", которая иногда появлялась нѣсколько разъ, и все въ новыхъ платьяхъ. Эти чарки пьютъ особенно ухарски, „полнымъ горломъ" или залпомъ, чтобы не оскорбить хозяевъ. Послѣ стола идетъ попойка, которая тянется за полночь: отказываться нельзя; въ крайности, принудятъ даже побоями. Тутъ „пьютъ здоровье", начиная съ царя, имя котораго произносится съ полнымъ титуломъ. Глашатай тоста выходитъ на средину комнаты, осушаетъ чашу и опрокидываетъ ее надъ своею головой; остальные поютъ многолѣтіе. Послѣ многихъ здравицъ, начинались мѣстничанья, взаимныя задиранья, и случались „ножевыя убійства", такъ какъ у всякаго былъ ножъ за поясомъ. А иногда тутъ появлялись скоморохи и даже женщины. Ихъ и холоповъ, особенно же плѣнниковъ, заставляли плясать: сами не пускались въ такое грѣховное и неприличное дѣло.

Самыми скромными пирами были „поминальные кормы", ко-

торые совершались не только послѣ погребенія, но также въ 3-й, 9-й и 40-й день, когда „измѣняется образъ покойнаго, распадается его тѣло и истлѣваетъ сердце“, причемъ въ 40-й день, какъ „очистительный“, снимали трауръ. Тутъ на столѣ возвыщались кутья и просфора, за обѣдомъ пѣли дьяки, а послѣ него возносилась Богородичная чаша, т.-е. пѣли во славу Божіей Матери, а затѣмъ слѣдовали обычныя здравицы. На дворѣ кормили нищихъ и раздавали имъ монетки; въ монастыри посылались „братьи кормы“. Но и эти поминанія были сытны и пьяны, также какъ обыденные обѣды, послѣ которыхъ необходимо было „отдыхать“—до подобнаго же ужина. Иностранцы съ ужасомъ вспоминали объ угощеньяхъ московитовъ, объ ихъ зѣваньяхъ, потягиваньяхъ и рыганьяхъ за столомъ, объ этомъ тяжеломъ запахѣ отъ луку, чесноку, плохо просоленной рыбы и затхлой муки.

Отдыхомъ русскому желудку были посты. Но тутъ впадали въ другую крайность. Всѣ сидѣли на сухоядѣніи въ среду и пятницу, а иные еще „понедѣльничали“. Послѣдніе дни Страстной недѣли почти вездѣ ничего не ѣли, и дѣтей не кормили. При семейныхъ несчастіяхъ, налагали на себя „обѣтные“ дни, напримѣръ, столько-то пятницъ ничего не брать въ ротъ. То же происходило по всей Руси, въ случаѣ народныхъ бѣдствій: въ 1612 г. опредѣлили по понедѣльникамъ, вторникамъ и средамъ ничего не ѣсть, а по четвергамъ и пятницамъ—сухоядѣніе.

§ 190. **Юго-западная Русь. Запорожцы.** — Описанный внѣшній и внутренній бытъ еще не есть жизнь всего нашего народа въ древности. Это—только бытъ сѣверо-восточной Руси, сила которой лежала въ созданіи независимаго государства, „Московіи“ иностранцевъ. Богатые задатки бытового развитія хранились въ подвластной польско-литовскому государству *юго-западной* Руси; и безъ знакомства съ ними непонятна дальнѣйшая судьба самой Москвы. Впрочемъ, историческое значеніе принадлежитъ не всей этой Руси, долго бывшей отрѣзаннымъ ломтемъ для русскаго народа. Его лишена западная Русь или *Бѣлоруссія*, съ ея убогою природой и съ такимъ же, первобытнымъ, забитымъ, населеніемъ, которое почти никогда не пользовалось самостоятельною жизнью и безъ жалобъ сразу вполнѣ подпало вліянію поляковъ. Вся сила въ южной Руси или *Малороссіи*, историческое значеніе которой важно, какъ перепутья между Востокомъ и Москвой, съ одной стороны, Польшей, Германіей и Византіей—съ другой. Это—знаменитая въ

началѣ нашей исторіи *кіевская* Русь, которая была подорвана усобицами и татарами (§§ 48, 81), но не убита. Захирѣвшая отъ жестокихъ бѣдствій, она на два вѣка сошла со страницъ исторіи и стала частью польско-литовскаго государства, но только для того, чтобы собраться съ силами, запастись развитіемъ отъ болѣе просвѣщенныхъ поработителей и, передавъ его Москвѣ, помочь ей одолѣть общаго врага. Въ злую пору, въ душѣ малоросса сохранялись горделивыя историческія воспоминанія, тлѣли искры любви къ русской народности и къ своей благодатной, поэтической природѣ: отсюда, въ четвертомъ періодѣ, возрожденіе кіевской Руси.

Но въ этомъ возрожденіи южная Русь предстала въ новомъ, крайне своеобразномъ видѣ. Кіевская старина сохранялась только въ томъ, что̀ ближе къ природѣ,—въ землѣ и мужикѣ. Воспѣтая въ народной поэзіи, страстно любимая туземцемъ и теперь, *природа* Малороссіи представляла, даже въ концѣ четвертаго періода, первобытную прелесть. Сердцемъ ея былъ „казацкій шляхъ", по сторонамъ котораго тянулись вереницы „могилъ"—кургановъ съ казацкими костями. Такъ назывался казацкій „батько" или „Славута"—Днѣпръ, который протекалъ по ней верстъ 500 самою могучею своей частью. Сначала онъ широко и плавно катилъ свои глубокія воды въ Старой Малороссіи (Кіевская, Полтавская и Черниговская губерніи), потомъ наталкивался въ Запорожьѣ (Екатеринославская и Херсонская губ.) на гряды отроговъ Карпатъ, образующія 9 пороговъ. Здѣсь онъ вздымался сердитыми валами съ серебристыми хребтами, разсыпался цвѣтистою пылью, выкручивалъ омуты; и далеко въ степи слышались его стоны, заглушавшіе немолчный крикъ „крячекъ", которыя гнѣздились на торчащихъ со дна каменныхъ глыбахъ. Тутъ Днѣпръ образовалъ десятки острововъ, изъ которыхъ главнымъ была высокая *Хортица*—до 25 верстъ въ окружности. А берега его были усѣяны „плавнями" — огромными выбоинами, которыя были изрѣзаны ериками, заводьями, загогулинами, рѣчками, и окаймлялись то непролазнымъ камышомъ, кишѣвшимъ большими комарами и водяной птицей, то полѣсьемъ, „карчи" (пни) котораго иногда загромождали русло. Главная плавня, Великій Лугъ, на лѣвомъ берегу, противъ Хортицы, тянулась на 100 верстъ. По обѣ стороны Днѣпра разстилалась краса Малороссіи — открытая, безлюдная степь, убранная цвѣтами и такою травой, что едва виднѣлась красная шапка казака или зеленая чалма турка,

не говоря уже про бритую головку татарина. Надъ нею разстилалась безоблачная синева, въ глубинѣ которой кружился орелъ или вилась чайка. Степь оглашалась немолчнымъ свистомъ сусликовъ, кряканьемъ и пискомъ птицъ, шорохомъ змѣй и стрекотаньемъ насѣкомыхъ, а по ночамъ вся благоухала и сверкала свѣтляками. Зеленый коверъ прерывался тамъ и сямъ лѣсами да купами камышей, которые лоснились на солнцѣ, словно рощицы. Среди его „байраковъ“ (холмовъ) и кургановъ, балокъ и овраговъ ютилось множество дичи, бродили табуны дикихъ коней. Еще въ 16-мъ в. дикихъ воловъ, ословъ и оленей убивали только для кожъ, а мясо бросали, кромѣ филея; на козъ же и кабановъ не обращали вниманія. Газелей столько перебѣгало зимой изъ степи въ лѣса, а лѣтомъ обратно, что каждый крестьянинъ убивалъ ихъ тысячами. На берегахъ рѣкъ водилось множество бобровъ. Птицъ было столько, что весной мальчики нагружали лодки яйцами утокъ, гусей, лебедей, журавлей, а ихъ выводками наполнялись птичьи дворы; орлятъ держали въ клѣткахъ для оперенія стрѣлъ.

Впрочемъ, подконецъ степь уже сохраняла такой видъ только въ Старой Малороссіи; на югѣ же, съ исчезновеніемъ лѣсовъ, она превратилась въ Пустополе, какъ называли поляки Запорожье. То была мертвая пустыня, лѣтомъ опаленная страшнымъ зноемъ, который смѣнялся холодными ночами, зимой скованная морозомъ. Она лишь мѣстами оживлялась чахлымъ колючимъ терновникомъ, пыльнымъ камышомъ да пересохшимъ перекати-полемъ. Въ ней царствовали свирѣпые вѣтры и засухи, саранча, комары да черви; и слышался только вой голоднаго волка. Человѣкъ боялся умереть съ голоду во время безконечныхъ переходовъ черезъ пустыню, если онъ не зналъ, гдѣ ютятся островки луговъ да мѣста ловли дичи и рыбы. Не было даже соли: казаки вялили рыбу, натирая ее золой.

И нашелся человѣкъ, который могъ выносить всѣ эти ужасы и страстно любить Пустополе. Это—*запорожецъ*, который самъ пѣлъ про себя: „казакъ—сиромаха (голодный волкъ), сорочки не мае“. Горе-Злосчастіе загнало его сюда въ теченіе 16-го в. Передъ тѣмъ это былъ зажиточный украинецъ или черкасскій казакъ (§ 116) Старой Малороссіи. Онъ является въ лѣтописяхъ около 1500 г., какъ рыболовъ и разбойникъ, подлѣ Черкасъ и Канева. Затѣмъ тамъ, на тучномъ черноземѣ, онъ началъ пахать землю, которая была гдѣ общинною, гдѣ частною собственностью. Впрочемъ, казакъ больше получалъ хлѣбъ отъ

Польши (позже отъ Москвы), какъ жалованье. Его главнымъ занятіемъ оставалось рыболовство, къ которому присоединилось скотоводство: „черкасскій“ скотъ славится и теперь. Въ особенности любилъ украинецъ разводить табуны небольшихъ, но „вѣтроногихъ“ и выносливыхъ коней, которые проводили цѣлый день безъ пищи и рыскали за нею по степи, прибѣгая на свистъ хозяина. Было много и овецъ, шерсть которыхъ сбывалась въ Польшу. Въ большомъ почетѣ было пчеловодство: подъ старость, казакъ зачастую удалялся на пасѣку, къ „Божьей мушкѣ“, какъ въ монастырь, чтобы замаливать тамъ свои грѣхи въ торжественномъ уединеніи природы. Меньше всего занимались охотой и огородничествомъ.

Вся эта благодать нарушилась около половины четвертаго періода. Неудачники и вольнолюбцы начали перебѣгать въ свободное Запорожье, подобно московской вольницѣ (§ 161). Движеніе приняло размѣры народнаго переселенія, когда Малороссія перешла отъ Литвы къ Польшѣ (§ 111). Поляки, имѣя собственныхъ казаковъ, не нуждались въ черкасахъ и старались обратить это своевольное воинство въ хлоповъ (§ 36). Баторій далъ шляхетство только 6.000 украинцевъ, обративъ ихъ въ реестровыхъ казаковъ (§ 116), съ жалованьемъ отъ правительства и съ короннымъ гетманомъ. Остальные черкасы ударились въ Запорожье, унося въ своихъ сердцахъ ненависть къ полякамъ и распѣвая: „степъ да воля — казацкая доля“. Постепенно набралось до 100.000 запорожцевъ - степняковъ, которыхъ называли еще „низовыми“ казаками, въ отличіе отъ жившихъ выше по Днѣпру украинцевъ или „городовыхъ, семейныхъ“ казаковъ.

Запорожье было зерномъ цѣлаго государства, которое отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть. Тутъ были и простые обыватели или *поспольство*, и войско, которое называлось *лыцарствомъ* или „товариствомъ“. Поспольство составляли семьи, разсыпавшіяся по степному приволью въ „хуторахъ“ или „зимовникахъ“ — побѣленныхъ глиняныхъ избахъ, со всѣми службами, утопавшихъ въ зелени вербъ и вишневыхъ садовъ, окруженныхъ пашнями, пасѣками и „баштанами“ — огромными огородами, гдѣ красовались арбузы, дыни и чудовищныя тыквы. Онѣ промышляли тѣмъ же, чѣмъ и украинцы; но у нихъ развилось огородничество, и именно разведеніе табаку: безъ „люльки“ (трубки) лыцарство такъ же не могло жить, какъ безъ „горилки“ (водки), пива и меда. Но важнѣе всего была торговля. Запорожцы продавали рыбу полякамъ,

грекамъ, туркамъ и армянамъ. У нихъ была даже своя гавань у устьевъ Днѣпра, куда приходили турецкія кочермы. Особенно славилось ихъ артельное „чумачество“ (чумакъ — по татарски извощикъ), которое было и первообразомъ лыцарства. Чумацкая „ватага“, или безконечный обозъ, была подчинена своему „атаману“, который погонялъ, на переднемъ возу, пару громадныхъ воловъ, съ золочеными рогами въ лентахъ и со свѣчами; а на возу сидѣлъ пѣтухъ-будильникъ. Чумакъ не перемѣнялъ бѣлья, а отъ заразъ и насѣкомыхъ обмазывалъ дегтемъ рубаху и широчайшіе, турецкіе шаравары; деньги же пряталъ въ ободья колесъ. Онъ былъ вооруженъ и отбивался всѣмъ станомъ отъ грабителей, искусно образуя „таборы“—укрѣпленные лагери изъ возовъ. Идя на Перекопъ, чумаки получали отъ крымцевъ и турокъ конвой до границы и пропускные ярлыки. Они обыкновенно везли соль изъ Крыма въ Польшу. Чумачество служило и почтой. Запорожцы мало занимались ремеслами: вездѣ можно было встрѣтить только кузнецовъ да кожевниковъ. Все это народъ безграмотный, хотя и попадались школки, гдѣ монахи обучали немногихъ „молодиковъ“ читать Псалтырь да колядовать. Даже въ войсковой канцеляріи не вели журналовъ, да и календаря-то не знали. Оттого большую власть захватывалъ „лукавый пысуля“ (писарь)—бѣглый попъ или семинаристъ, выражавшійся кудряво, съ примѣсью Часослова и латыни.

Лыцарство тотчасъ же выдѣлилось изъ посполитства: нужно было защищаться отъ крымцевъ, „чабаны“ (пастухи) которыхъ тутъ же пасли огромные „коши“ (стада овецъ), подъ началомъ своего „атамана“. Самые отважные изъ запорожцевъ составили собственный *кошъ*, какъ назвали они подвижной лагерь изъ обозовъ. Затѣмъ они построили до десятка *Сѣчей* или засѣкъ (§ 59), окруживъ островки Днѣпра частоколами. Вскорѣ Сѣчью стало называться попреимуществу самое сильное и древнѣйшее (ок. 1550 г.) укрѣпленіе—на о. Хортицѣ. Про нее-то говорилъ запорожецъ: „Сичь — мате, Днипръ — батько“. Онъ ревниво охранялъ свою любимицу, какъ колыбель убогой казацкой воли. Болѣе недовѣрчивый и скрытный, чѣмъ донецъ (§ 160), лыцарь не терпѣлъ женщинъ и иновѣрцевъ, хотя допускалъ всякій народъ, лишь бы молодецъ былъ силенъ да удалъ. Въ Сѣчи кишѣли и „маловѣдомые“ люди—поляки, литовцы, татары, турки, калмыки, валахи, болгары, евреи, даже нѣмцы, французы, англичане, итальянцы и испанцы; много было бѣглыхъ хлоповъ и преступниковъ; даже воровали маль-

чиковъ по городамъ, какъ цыгане. А когда слава днѣпровскихъ лыцарей разнеслась далеко, сами украинцы стали отдавать къ нимъ своихъ юношей для военной выправки; и даже удалые польскіе panычи проводили по нѣскольку лѣтъ у нихъ, чтобы пріобрѣсти бранный опытъ и имя. Поступленіе въ Сѣчь было вполнѣ свободно; а надоѣло жить въ ней—плюнулъ да ушелъ. Но всякій новичокъ, подобно рыцарю (*С. И.* § 119), давалъ обѣты: онъ долженъ былъ принять православіе и защищать его, говорить помалороссійски, оставаться холостякомъ. Онъ перемѣнялъ фамилію, какъ семинаристы и монахи: его надѣляли прозвищами, въ которыхъ проявлялась грубая насмѣшливость малоросса—Задерыхвистъ, Шило, Метелица, Кисель, Сковорода и т. под. Такъ набиралось всего до 10.000 удальцовъ, хотя они хвастались, будто у нихъ „что байракъ, то казакъ".

Лыцарство распадалось на полсотни *куреней*—слово, которое означало и покрытую дерномъ или войлокомъ курную казарму, и полкъ. Оно составляло „громаду"—общину, съ полнымъ равенствомъ и общностью имуществъ, которыя хранились по куренямъ, а „скарбъ" (казна и оружіе) всего войска зарывался въ землю или въ водѣ подъ камышами. Рада (вѣче) созывалась кѣмъ угодно: стоило ударить въ литавры, стоявшія на площади. Она была молчалива, покорна, стояла потупивъ глаза и открывъ свои бритыя головы съ длинными „оселедцами" или „хохлами" (чубами), когда выслушивала приказанія начальства. Но если казаки собирались по собственному почину, они стояли съ шапками на-бекрень, руки въ боки, и орали, а нерѣдко и дрались. Особенно бывало шумно, когда выбирали войсковую *старшину*, т.-е. кошевого атамана, палица котораго имѣла такую же безграничную власть, какъ жезлъ гетмана на Украйнѣ, затѣмъ—судью, эсаула, писаря и куренныхъ атамановъ. Въ отсутствіе кошеваго выкрикивался „наказный" атаманъ. Всѣмъ имъ помогали совѣтами бывшіе старшины—„батьки" или „сивоусые, сизочупрынные диды".

Въ мирное время Сѣчь превращалась въ кабакъ. Казаки лишь изрѣдка занимались стрѣльбой, скачками, охотой, или разсыпались по хуторамъ, чтобы взяться за ремесло да обабиться. Обыкновенно они бражничали, покуда не спускали шинкарямъ и крамарямъ—кабатчикамъ и торгашамъ изъ евреевъ, армянъ и татаръ—всей своей добычи: серебряныхъ кружекъ, дорогихъ запястьевъ, парчей, дукатовъ, цехиновъ и червонцевъ. Иной „гулялъ", въ сопровожденіи пѣвчихъ сѣчевой церкви и бандури-

стовъ, отплясывая „казачка", съ гопаками и трепаками, покуда не оставался въ одной рубахѣ, которой онъ не мѣнялъ цѣлый годъ, и съ неизбѣжною люлькой въ зубахъ. При этомъ платили безъ счету; зато, когда все пропьютъ, грабятъ шинки, а при сопротивленіи, бросаютъ въ Днѣпръ самихъ шинкарей, хотя за малѣйшее воровство у своего брата подвергались смертной казни. А затѣмъ учиняли драки между куренями; но больше лежали вповалку по всему острову, кормя своимъ разжирѣвшимъ тѣломъ мошкару.

Тяжелый и лѣнивый, какъ его волъ, запорожецъ преображался при походѣ. Въ одну недѣлю снаряжалась вся Сѣчь. Тысячи удальцовъ радостно оставляли дòма свое добродушіе, веселость, поэтическую мечтательность, свои пѣсни и своихъ „кобзарей". Они уже сидѣли на добрыхъ конякахъ, съ запасными въ поводу, и смотрѣли исподлобья геніями смерти. Они уже не брали горилки въ ротъ и довольствовались жаренымъ просомъ, кашей да саламатой (густой кисель), забывая свои любимыя галушки, варенники и сало. Они становились вѣроломными и кровожадными, не лучше своихъ противниковъ—татаръ. Запорожцы прибѣгали ко всякимъ военнымъ хитростямъ, а при неудачѣ ссорились между собой и предательствовали. Они все истребляли, жгли и требушили, жарили и давили дѣтей, отрѣзывали груди у матерей, сажали на горячія сковороды стариковъ, обращали польскіе костелы въ конюшни, а ксендзовъ сѣкли плетьми передъ алтарями. Враги платили тою же монетой: сажали ихъ на колъ, вѣшали за ребра на крюкахъ, съ живыхъ сдирали кожу, сожигали на медленномъ огнѣ.

Запорожцы шли въ походъ въ простыхъ свитахъ, бараньихъ шапкахъ и самодѣльныхъ опоркахъ, а иной—босикомъ и съ тряпицей на головѣ. Рѣдко у кого встрѣчалась кольчуга, панцырь, мушкетъ; но у каждаго была сабля, пистоли, копье, пищаль, кинжалъ и арканъ,—все это польское да турецкое: въ Сѣчи умѣли только молоть порохъ. Насчитывалось съ полсотни легкихъ пушекъ для охраны самой Сѣчи и для степныхъ кургановъ на границѣ. Оттого запорожцы плохо вели осады: они любили потатарски живо расправиться, пограбить и удрать на своихъ вѣтроногихъ. Но сами они хорошо выдерживали нападенія въ своихъ подвижныхъ таборахъ. Особенно ловко подражали запорожцы татарамъ въ степи. Ихъ „бекеты" (пограничные разъѣзды) и сторожевыя могилы тотчасъ замѣчали врага по колебаніямъ травы, по стаямъ вороновъ, и извѣщали Сѣчь

смоляными бочками. Лыцарство отлично находило дорогу въ сухомъ морѣ—днемъ по курганамъ и балкамъ, ночью—„ухомъ да слухомъ“, да по звѣздамъ и вѣтру. Оно умѣло выть волкомъ, кричать перепеломъ, прятаться звѣремъ въ тернахъ и камышахъ. Но самыми удалыми походами были морскіе. На своихъ легкихъ „чайкахъ“ и „дубахъ“, гдѣ помѣщалось 50—70 человѣкъ, полунагіе запорожцы пускались въ Черное море осенью, въ пасмурные дни и воровскія ночи. Они доплывали до Азова и Бисовой Арапіи (Бессарабія), даже до Анатоліи и Бѣлой Арапіи (Египетъ). По пути, они давали битвы тяжелымъ турецкимъ галерамъ и нерѣдко возвращались съ самою богатой добычей, нето—съ немилосердымъ лганьемъ насчетъ своихъ подвиговъ. Одобычившись, запорожецъ становился неузнаваемъ. Онъ дралъ паволоки на онучи, а персидскія шали—на пояса, щеголялъ сафьянными чоботами съ серебряными подковками, бархатными фесками и шлыками, дорогими кафтанами и шубами, золотыми поясами. Кто походилъ на поляка, кто—на турка. Но подконецъ обычною модой въ Сѣчи становилось татарско-турецкое платье—„казакинъ“ (черкеска) алаго сукна, широкіе яркіе шаравары, цвѣтные чоботы, шапка-кабардинка, съ позументомъ накрестъ, и бурка.

Сначала у запорожцевъ былъ одинъ врагъ—„басурмане, татарва поганая“. Это—крымцы и ногайцы (§ 82), которые выставляли до 100.000 войска, во всемъ похожаго на запорожцевъ, только не знакомаго съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Они превосходно знали степь, умѣли замѣтать въ ней свои слѣды, скакали по 100 верстъ безъ отдыха, перелетая, на бѣгу, съ усталаго коня на свѣжаго, а зимой забираясь въ выпотрошенныя брюха лошадей. При такой ловкости, татары постоянно дѣлали набѣги на южную Русь и, истребивши все, уводили до 50.000 плѣнныхъ въ годъ. Иногда плѣнниковъ бывало больше похитителей, и дорогой они избивали ихъ поголовно. Такая жадность татаръ объясняется тѣмъ, что въ турецкой Кафѣ бойко торговали невольниками, которыхъ скоплялось тамъ столько (до 30.000 заразъ), что продавали десятокъ за красную феску или за саблю. Несчастныхъ вели туда, приковавъ руки къ шестамъ и выжегши на ихъ тѣлѣ тавро, какъ у скота. Въ Кафѣ напихивали ихъ на галеры такъ тѣсно, что они спали стоя, и развозили до Индіи, Египта, Мароко и Мальты. Тамъ ихъ „турчили, басурманили“, дѣвицъ разбирали по гаремамъ, юношей брали въ янычары (§ 74), стариковъ отдавали дѣтямъ для охоты, остальныхъ ско-

пили и отправляли на работы, гдѣ они спали въ ямахъ, ѣли червивую дохлятину, пахали, запрягаясь по два въ плугъ. Ихъ подстегивали кнутами и палками. Хуже всего была „каторга“— служба на военномъ суднѣ, съ кляпами во рту и почти нагишомъ: на турецкихъ галерахъ гребцами были почти сплошь русскіе. При малѣйшемъ непослушаніи, невольниковъ сожигали; да ихъ избивали сотнями и для одной забавы.

Съ половины 16-го в. сила и ненависть запорожцевъ обращаются въ другую сторону. Ихъ злѣйшимъ врагомъ становится свой братъ, христіанинъ, въ лицѣ поляка. Въ то время на Украйнѣ произошелъ великій переворотъ: настала „польщизна“ или ополяченіе.

§ 191. **Польщизна. Іезуиты и унія.**—Польское вліяніе стало рости съ люблинской уніи (1569), которая оторвала южную Русь отъ Литвы и подчинила ее непосредственно Варшавѣ. Господство литовцевъ въ Малороссіи не было замѣтно: какъ народъ менѣе развитый, они сами подпадали русскому вліянію (§ 79). Иное дѣло поляки, которые стояли тогда на высотѣ европейскаго образованія (§ 111) и съ кичливостью смотрѣли на малороссовъ, далекихъ отъ западной гражданственности. Они начали быстро проводить свое вліяніе, увлекая высшіе классы Украйны. Вскорѣ Малороссія стала противополагаться московскому государству, какъ „польская Русь“, не только въ политикѣ, но и по складу своей жизни. Сюда бѣжали изъ „варварской Московіи“, со стыдомъ и негодованіемъ въ душѣ, такіе „избранные“, какъ Курбскій (§§ 122, 176). Здѣсь все принимало европейскій отпечатокъ. Народъ даже по селамъ былъ опрятнѣе и вѣжливѣе москвитянъ. А города приближались, по быту, къ западнымъ, въ особенности такіе, какъ процвѣтавшіе даже раньше (§ 107) Смоленскъ, Полоцкъ, Холмъ, Владиміръ-Волынскій, не говоря уже про Кіевъ и Вильну. Всюду встрѣчались ровныя, выметенныя улицы, нарядные, нерѣдко каменные дома, утопавшіе въ зелени садовъ, пышные костелы, ограды, колодцы, мѣстами—памятники и произведенія искусства; каждый обыватель клалъ бревенчатую мостовую передъ своимъ жильемъ; мало слышно было про пожары и грабежи. Въ польской Руси, какъ на Западѣ, развилось „мѣщанство“ или среднее сословіе, съ его богатствомъ, ремеслами, торговлей и просвѣтительными стремленіями: эти блага обезпечивались за нимъ судомъ и закономъ, въ видѣ такихъ льготъ, какъ магдебургское право (§ 77) и литовскій статутъ Сигизмунда. Мѣщане и знать

до того цѣнили образованіе, что ихъ молодежь ѣздила въ университеты Кракова, Праги, даже Парижа и Италіи, или же обучалась въ польскихъ школахъ. Ученики естественно старались походить на своихъ блестящихъ учителей во всемъ, не исключая одежды и внѣшнихъ пріемовъ. Они обивали стѣны штофными матеріями, устилали полы персидскими коврами, носили нарядные кунтуши и сапожки со шпорами, шапки-конфедератки, а ихъ дамы — драгоцѣнныя діадемы, кашемирскія шали и нѣмецкія платья. Они ходили въ церковь съ молитвенниками въ рукахъ и звонили въ колокола, какъ въ костелахъ. Они говорили попольски, гнушаясь своимъ „мужицкимъ“ языкомъ. Нарушилась даже чистота говора простонародья: въ наплывѣ полонизмовъ главное отличіе малороссійскаго нарѣчія отъ великорусскаго. И письменность Малороссіи надолго стала какъ бы придаткомъ польской литературы.

Польщизна проникала всюду, съ помощью ловкаго правительства и образованнаго, изящнаго духовенства, руководимаго вкрадчивыми и многоопытными іезуитами. Если короли сами заводили города, присылая своихъ колонистовъ, нѣмцевъ и евреевъ, то давали имъ магдебургское право; города же съ неподатливымъ русскимъ населеніемъ притѣснялись до того, что они пустѣли и превращались въ помѣщичьи села. Поляки создали *русскую шляхту*, надѣляя этимъ званіемъ, съ его льготами и гербами, войсковую старши́ну реестровыхъ казаковъ; а кто не поддавался ополяченію, того приравнивали къ хлопамъ. Впрочемъ тутъ было тогда еще не столько туземныхъ именъ (Борозды, Галаганы и др.), сколько татарскихъ (Кочубеи), турецкихъ (Гамалѣи) и польскихъ же (Вишневецкіе, Оссолинскіе, Кисели и др.). Русскій шляхтичъ совсѣмъ повернулъ на „варшавскую сторону“. Онъ корчилъ изъ себя чистокровнаго польскаго пана. По примѣру такихъ „королятъ“, какъ Замойскіе, Потоцкіе, Любомірскіе, онъ учредилъ цѣлый дворъ, съ сотнями пышно-ливрейныхъ слугъ всякихъ племенъ, особенно изъ плѣнныхъ татаръ. Онъ содержалъ блестящій охотничій нарядъ и задавалъ сказочные пиры, гдѣ драгоцѣнная посуда то нарочно билась, то вытиралась рукавами раззолоченныхъ кунтушей. Уже заводились такія царственныя, по быту, фамиліи, какъ князья *Острожскіе*. Потомки Данилы Галицкаго (§ 89), они обладали несмѣтнымъ богатствомъ, отличались мужествомъ и военною доблестью: короли поручали имъ важнѣйшіе государственные посты. У того Константина Острожскаго, который побивалъ москвичей (§ 120),

было 80 городовъ, 80 мѣстечекъ, 2.760 селъ; и дворецкій получалъ у него 70.000 злотыхъ въ годъ. Онъ сыпалъ деньгами и изукрасилъ Острогъ, какъ достойную себя столицу. Послѣ него осталось въ наличности: 600.000 червонцевъ, 400.000 талеровъ, 29 милліоновъ остальной монеты, 30 бочекъ серебрянаго лому, 50 цуговъ выѣздныхъ лошадей, 700 верховыхъ коней, 4.000 заводскихъ кобылицъ, а рогатаго и мелкаго скота—безъ счета. Такія безобразныя чудеса возможны только при рабствѣ: русская шляхта на Украйнѣ усердно подражала польскимъ панамъ и въ превращеніи своего поспольства въ хлоповъ.

Такъ, польщизна, разнося по Украйнѣ западное просвѣщеніе, несла въ самой себѣ задатокъ погибели. Она отрывала верхъ народа отъ его корней. Воспитанная ею интеллигенція становилась поработительницей своего народа, сообщницей его иноплеменныхъ завоевателей. Польщизна несла въ себѣ и другой, еще болѣе важный, задатокъ погибели, другое преступленіе передъ человѣчностью. Подъ вліяніемъ іезуитовъ и непрерывныхъ войнъ съ Москвою, она была проникнута *фанатизмомъ*, нетерпимостью. Полякъ не только презиралъ своихъ русскихъ подданныхъ, какъ человѣкъ болѣе просвѣщенный, но и выказывалъ свои чувства, какъ врагъ Руси вообще. Его помѣщичьи привычки отражались тяжеле на русскомъ хлопѣ, чѣмъ на польскомъ. Каждый „хохолъ" былъ для него „быдломъ" (скотомъ), „канальей" (*Н. И.* § 100). Панъ распоряжался и свободнымъ мужикомъ, за убійство котораго онъ платилъ только пеню. Польскія войска, въ особенности наемные „жолнеры", разставленные по селамъ для кормежки, насильничали, какъ въ непріятельской странѣ. „Драгуны" панскихъ конвоевъ грабили деревни на своемъ пути. Королевскіе старосты и комисары, нахалы и сластолюбцы, были сами королятами въ своихъ округахъ, при поддержкѣ польскихъ судовъ, которые, съ помощью донощиковъ, гноили въ тюрьмахъ имущихъ, пока не высасывали у нихъ послѣдняго цехина. А при малѣйшемъ ослушаніи, быдло обливали водой въ трескучій морозъ, сажали на колъ, зарывали въ землю. Крѣпостной хлопъ былъ вещью господина. Онъ не имѣлъ права жаловаться на своего повелителя, а тотъ имѣлъ право убить его. И съ этимъ-то правомъ смертной казни панъ отдавалъ свои имѣнія въ аренду евреямъ, платившимъ ему впередъ извѣстную сумму, въ которой онъ всегда нуждался для своихъ барскихъ затѣй. Алчный, иноплеменный и иновѣрный арендаторъ выбиралъ съ хлоповъ свои деньги съ неогра-

ниченною лихвой. Кромѣ „панщины“, доходившей до того, что мужикъ работалъ почти всѣ 7 дней на помѣщика, онъ взималъ кучу податей и пошлинъ — подымное, роговое, спасное, жолудное и проч.: каждый волъ и каждый улей были обложены поборомъ. Были еще чрезвычайныя повинности, какъ у феодаловъ (*С. И.* § 58): содержать пана со всею оравой при его безпрестанныхъ проѣздахъ и охотахъ, снаряжать панича на рать, строить приданое паненкѣ.

Хохолъ сносилъ всѣ эти притѣсненія внѣшняго человѣка. Но польщизна сама подписала себѣ приговоръ, когда коснýлась человѣка внутренняго, что̀ вовсе и не требовалось для благополучія пановъ. Такъ какъ тогда вся душевная жизнь малоросса заключалась въ религіи, то здѣсь сосредоточивалась вся его человѣчная сила, и сюда-то направилась вся нетерпимость *іезуитства*, которое очаровало поляка съ конца 16-го в. (§ 111). Ослѣпленные національною враждой къ русскимъ, паны и шляхта, вопреки собственнымъ выгодамъ, стали жалкимъ орудіемъ въ рукахъ римскихъ патеровъ. Іезуиты задумали, съ помощью ихъ и власти, искоренить православіе на Украйнѣ. Была уничтожена галицкая (православная) митрополія: ее подчинили львовскому (католическому) архіепископу. Православные монастыри и церкви были частью закрыты, частью лишены своихъ земель; а на ихъ мѣстѣ возносились роскошныя коллегіи іезуитовъ и горделивые костелы на средства, которыя въ значительномъ количествѣ шли изъ самаго Рима. Польское духовенство стало необыкновенно пышно и высокомѣрно: отлично обставленный, блиставшій лоскомъ европейской гражданственности, краснорѣчивый ксендзъ смотрѣлъ на убогаго, неотесаннаго, безгласнаго, а иногда и безграмотнаго попа такъ же, какъ его пріятель, панъ, на презрѣннаго хлопа. Вышколенные въ Римѣ, ученые, говорившіе полатыни іезуиты захватили воспитаніе, а съ нимъ и письменность, въ свои руки, особенно благодаря паннамъ, въ сердца которыхъ не могъ вкрасться до такой степени ни одинъ дамскій угодникъ. Они воспрещали малороссамъ открывать училища, а сами завели много латинскихъ „коллегій“, для средняго, отчасти даже для высшаго образованія, и мелкихъ школъ даже по мѣстечкамъ, пріучая дѣтей къ службѣ въ костелахъ, въ видѣ изящныхъ и сладкогласныхъ ангелочковъ. Они устроили типографіи, гдѣ печатались ихъ искусныя и напыщенныя восхваленія папства да опроверженія „схизмы“ (ереси), т.-е. православія. Они выставили даже такихъ прославленныхъ проповѣдниковъ и сокру-

шителей православія, какъ *Скарга* и *Поссевинъ*. Когда не удалась попытка обратить Грознаго (§ 128), Поссевинъ заговорилъ о новомъ хитроумномъ средствѣ для искорененія православія,—о знаменитой *уніи* или „соединеніи“, которое оказалось потомъ, подъ перомъ іезуитовъ, не только божественнымъ, но и современнымъ св. Владиміру учрежденіемъ. Вздумали обмануть цѣлый русскій народъ — навязать ему папство и римскій катехизисъ, оставивъ одну внѣшность—обряды да церковно-славянскій языкъ. Планъ уніи былъ изложенъ Скаргою (1577) въ сочиненіи „О единствѣ церкви Божіей и о греческомъ отъ сего единства отступленіи“. Главнымъ дѣятелемъ въ его исполненіи былъ епископъ луцкій, *Терлецкій* — человѣкъ предпріимчивый, но тщеславный и алчный: рѣдкій панъ былъ такимъ палачемъ для крестьянъ, какъ онъ. Подбивши другихъ русскихъ епископовъ и самого кіевскаго митрополита, трусливаго старика *Рагозу*, Терлецкій явился въ Римъ съ заявленіемъ, что церковь польской Руси принимаетъ унію (1595).

Ободренные внѣшнимъ успѣхомъ іезуиты начали насильничать пуще прежняго. Они приступили къ окончательному искорененію православнаго духовенства. Митрополитъ и всѣ епископы въ польской Руси стали уніатами: некому было посвящать поповъ, и ихъ мѣста переходили къ уніатскимъ священникамъ. Православныя церкви превращались въ корчмы (гостиницы); кіевская св. Софія была обращена въ уніатскій каѳедралъ. Православныхъ не допускали въ города; попъ не смѣлъ идти со св. дарами къ умирающему. Безженные патеры впрягали хохловъ въ свои экипажи, а ихъ молодухъ и дочерей брали себѣ въ служанки. Наконецъ, стали отдавать русскія церкви въ аренду евреямъ, наравнѣ съ шинками. Съ тѣхъ поръ въ малороссійской пѣснѣ поется: „родится ли ребенокъ у бѣднаго мужика или казака, затѣется ли свадьба, не иди къ попу за благословеніемъ, а иди къ жиду и кланяйся, чтобы онъ позволилъ отпереть церковь, окрестить ребенка, обвѣнчать молодыхъ“. Евреи стали обращаться съ хохлами, какъ паны: они даже не дозволяли имъ на Святой ѣсть другой пасхи, кромѣ купленной у нихъ.

§ 192. **Отпоръ польщизнѣ. Острожскій и Могила.**—Въ то время паденіе предковской вѣры равнялось для малоросса погибели его души, его народности. Работа іезуитовъ переполнила чашу страданій, поднесенную панами и шляхтой,—и исторія юго-западной Руси послѣ татарщины стала лѣтописью борьбы

русской народности за свое существованіе. Самыя угнетенія закаляли малороссовъ и бѣлорусовъ. Они заставляли ихъ задумываться о средствахъ къ спасенію, и прежде всего о просвѣщеніи, такъ какъ безъ него нельзя было и мечтать объ отпорѣ ученымъ іезуитамъ. Оттого борьба православія съ католичествомъ началась на *умственной* почвѣ, а слѣдовательно съ *знати*, воспитанной на европейскихъ же началахъ. Русскіе вельможи воспользовались своимъ „патронатомъ“ — старымъ правомъ быть наслѣдственными покровителями, старостами церквей и монастырей. Среди нихъ „начальными людьми“, вождями народа, объявились князья Острожскіе: возбужденная образованіемъ совѣсть внушала имъ искупить свои несмѣтныя богатства, созданныя трудомъ народа. Самъ князь Константинъ, правая рука польскихъ королей, строилъ православныя церкви и заводилъ при нихъ русскія школы. Но истиннымъ столпомъ православія оказался его сынъ, *Константинъ Константиновичъ Острожскій*. Полвѣка игралъ онъ одну изъ первыхъ ролей среди литовскаго и даже польскаго панства и занималъ главный постъ въ польской Руси — кіевское воеводство. Подобно своему отцу, онъ вѣрно служилъ королю и, по своему быту, походилъ на пановъ, съ которыми водилъ дружбу; онъ даже любилъ бесѣдовать съ іезуитами, какъ съ учеными людьми. Въ его семьѣ говорили по-польски: его пріятель, князь *Андрей Курбскій*, другой столпъ православія въ польской Руси (§ 176), даже упрекалъ его въ пристрастіи къ польщизнѣ. Но Острожскій былъ русская душа и развитой человѣкъ. Онъ понялъ, что политическая борьба съ поработителями Руси была еще невозможна, когда на московскомъ престолѣ возсѣдала мрачная личность Грознаго, и сталъ во главѣ умственнаго возрожденія своего народа. Онъ помогалъ печатанію славянскихъ церковныхъ книгъ, которыя появлялись въ Прагѣ съ начала 16 в. Онъ пріютилъ Ѳедорова и Тимоѳеева (§ 175), и они устроили ему, въ Острогѣ, первую типографію въ польской Руси: отсюда-то стали выходить русскія книги противъ іезуитовъ, въ томъ числѣ замѣчательныя сочиненія Курбскаго (§ 179). Тамъ и сямъ появились общедоступныя русскія книгохранилища. Наконецъ, возникъ рядъ русскихъ школъ, во главѣ которыхъ стояло высшее училище въ Острогѣ. Въ захолустья, гдѣ не было даже церквей, Острожскій посылалъ, на свой счетъ, образованныхъ русскихъ учителей и проповѣдниковъ.

Князь Константинъ особенно оживился, когда затѣялась

унія. Онъ издавалъ горячія посланія къ соплеменникамъ, въ которыхъ разоблачались такіе „волки и супостаты", какъ Терлецкій и Рагоза. Онъ искусно обращался и къ польскимъ протестантамъ, приглашая ихъ выступить противъ „папежниковъ". Наконецъ, онъ извѣстилъ о бѣдѣ восточныхъ патріарховъ. Тѣ прислали уполномоченныхъ, изъ которыхъ Острожскій устроилъ *соборъ въ Брестѣ* (1596), присоединивши къ нимъ тѣхъ изъ русскихъ церковниковъ, которые еще не вовлеклись въ унію: соборъ лишилъ сана измѣнившихъ духовныхъ. Въ то же самое время, и въ томъ же Брестѣ, король и іезуиты устроили свой соборъ—изъ русскихъ владыкъ, перешедшихъ въ унію. Этотъ соборъ утвердилъ унію и проклялъ соборъ Острожскаго; а вслѣдъ затѣмъ, по смерти Рагозы, назначилъ кіевскимъ митрополитомъ уніата. Но князь Константинъ не бросалъ дѣла. Однажды онъ сказалъ королю, передъ лицомъ всего сейма: „Государь, вы нарушаете наши права, попираете нашу свободу, насилуете нашу совѣсть: опомнитесь! Я уже старъ и надѣюсь скоро покинуть этотъ свѣтъ; а вы оскорбляете меня, отнимаете у меня самое дорогое—вѣру православную: опомнитесь, ваше величество!" Но съ тѣхъ поръ Острожскій уже не рѣшался на сильныя мѣры: удручаемый годами и разгуломъ іезуитства, онъ сталъ внушать своему народу долготерпѣніе. Русская знать ослабѣвала: она совсѣмъ ополячивалась. Когда умерли князь Константинъ и его правая рука, Курбскій, даже ихъ дѣти стали католиками.

Туземная знать, въ польской Руси, первая кинулась въ борьбу и первая устала; но на смѣну ей выступило среднее сословіе. *Мѣщане* воспользовались другимъ древнимъ учрежденіемъ — *братствами*. „Побратимство, панибратство" или товарищество вездѣ было первоначальнымъ видомъ сообщества. Съ 15-го в., по всей Руси, отъ Москвы до Кіева и Галича, развиваются братчины (§ 170), вызвавшія такія пословицы: „съ нимъ пива не сваришь". Онѣ особенно процвѣтали тамъ, гдѣ были сильныя вѣча (Новгородъ, Псковъ) или общины магдебургскаго права. Такъ какъ попойки обыкновенно кончались ссорами, то братчики пріобрѣли право самосуда. Постепенно эти товарищества сложились въ учрежденія: они выбирали собственныхъ старостъ, составляли казну изъ взносовъ, даже покупали братскіе дома. Въ польской Руси братства съ начала четвертаго періода превращаются въ благотворительныя учрежденія, устраиваясь при церквахъ, сливаясь съ прихо-

домъ: ихъ называли уже „братствами любви и милосердія“. Самыми сильными были самыя древнія изъ нихъ — львовское (1439) и виленское. Эти братства утверждались восточными патріархами, которые даже даровали имъ право надзирать за духовенствомъ и судить его. Они-то взялись выручать православіе, когда появились іезуиты. Они создали русскую юго-западную письменность, устраивая типографіи (во Львовѣ, Вильнѣ, Могилевѣ) и школы не только низшія, приходскія, но и среднія, по образцу іезуитскихъ коллегій: болѣе даровитыхъ юношей даже посылали въ европейскіе университеты.

Тутъ снова поднялся Кіевъ, хотя опять мимолетно, и уже только какъ духовный вождь русскаго народа. Этотъ маститый, богатый, красивый, утопавшій въ вишневыхъ садахъ, омываемый батькой-Днѣпромъ, городъ не переставалъ привлекать сердца всѣхъ малороссовъ. Около того времени, когда была объявлена унія, онъ завелъ у себя сразу самое сильное братство, благодаря капиталамъ богатой мѣщанки, Гугулевичевны. Вскорѣ оно прославилось тѣмъ, что возстановило внѣшній чинъ попраннаго православія, уговоривъ проѣзжавшаго черезъ Кіевъ іерусалимскаго патріарха посвятить православнаго митрополита и нѣсколькихъ епископовъ. Въ то же время братство основало школу, которой суждено было играть крупную роль въ исторіи всей Россіи. Въ эту школу, гдѣ изучали не только латинскій и польскій, но также греческій и славянскій языки, принимали всякихъ дѣтей — отъ панича до послѣдняго нищенки.

Школа кіевскаго братства стала средоточіемъ русскаго образованія въ польской Руси, благодаря *Петру Могилѣ*. Этотъ потомокъ молдавскихъ господарей сначала воспитывался у своихъ родственниковъ, польскихъ пановъ, потомъ путешествовалъ по Европѣ и учился въ Парижѣ. Возвратившись, блестящій юноша, богачъ и красавецъ, попалъ-было въ польскіе офицеры; но потомъ вдругъ, когда ему было всего 28 л., постригся въ монахи Кіево-печерской лавры (1625). Вскорѣ его выбрали въ архимандриты лавры и въ старшины кіевскаго братства; а впослѣдствіи онъ сталъ кіевскимъ митрополитомъ. Эта рѣдкая душа отдала всю себя на пользу своего народа, пошла вся на общее благо, не проживъ и 50 лѣтъ. Но Могила успѣлъ много сдѣлать. Онъ издалъ рядъ богословскихъ сочиненій, которыя долго употреблялись по всей Россіи; его „Катехизисъ“ былъ переведенъ на европейскіе языки и снискалъ похвалы на Западѣ, а у насъ послужилъ образцомъ для

всѣхъ позднѣйшихъ катехизисовъ. Могила велъ также полемику противъ католичества, которая вызывала бури въ польскомъ лагерѣ. Но болѣе всего онъ заботился о распространеніи образованія въ польской Руси. Желавшихъ поступить въ попы онъ обучалъ въ Кіевѣ на собственный счетъ и самъ экзаменовалъ ихъ.

А въ помощь ему подростало имъ же созданное новое поколѣніе ученыхъ пастырей, на смѣну предшественникамъ, которые ослабѣвали, какъ доказывали примѣры князя Острожскаго и перешедшаго въ унію Смотрицкаго. Могила съ самаго начала послалъ отборныхъ юношей заграницу и, когда они возвратились, преобразовалъ школу братства въ *кіевскую коллегію*, по образцу краковской: ее должно считать матерью русскихъ университетовъ. Могила называлъ коллегію своимъ „единственнымъ залогомъ“ на землѣ. Онъ склонилъ мѣщанъ къ обязательству содержать ее, а казаковъ—защищать ее орудіемъ. Онъ обезпечилъ ее землями и книгами, завѣщалъ ей все свое имущество и подвергалъ свою жизнь опасности, защищая ее какъ отъ нападокъ поляковъ, такъ иногда и отъ невѣжества самихъ хохловъ. Онъ составлялъ для нея много учебниковъ и завелъ при ней монастырь, гдѣ жили наставники, которые были въ то же время проповѣдниками и главными писателями; лучшихъ изъ нихъ онъ отправлялъ, на свой счетъ, въ западные университеты. Для бѣдныхъ студентовъ Могила устроилъ особое помѣщеніе при коллегіи — „бурсу“, гдѣ они содержались на его деньги; а для подготовки въ коллегію тутъ же, и еще въ Винницѣ, завелъ низшія училища.

Воспитаніе здѣсь было іезуитское, преподаваніе—схоластическое, какъ и на Западѣ въ то время (*Н. И.* § 106). Свирѣпствовали „консулы, ликторы, авдиторы“, розги, плети и зубрежка. 8 классовъ коллегіи проходились съ трудомъ: перезрѣлые, бородатые мужи наполняли выпускное „богословіе“. Голодная, но хмѣльная бурса рыскала по улицамъ, садамъ и огородамъ Кіева, приводя въ трепетъ домохозяевъ, шинкарей и торговокъ. Преподаваніе велось на латинскомъ языкѣ, на которомъ студенты были обязаны говорить даже внѣ классовъ. Но изучались также языки греческій и церковно-славянскій. Господствовало богословіе съ лжефилософіей, но не пренебрегали свѣтскою наукой—риторикой, физикой, геометріей, астрономіей и музыкой. Постоянно устраивались диспуты, какъ классные, такъ и публичные, чтобы пріучиться къ краснорѣчивой защитѣ православія. Часто гово-

рились студентами проповѣди, о которыхъ тогда не имѣли понятія въ Москвѣ. Писалось много сочиненій, въ особенности всякихъ учебниковъ, которые печатались въ собственной *типографіи*, при коллегіи. Наконецъ, показались зародыши русской книжной поэзіи. И возникшій здѣсь нашъ литературный языкъ, сначала грубая смѣсь церковно-славянскаго съ малороссійскимъ, подконецъ сталъ очищаться отъ полонизмовъ: подготовлялся языкъ ломоносовскій. Словомъ, благодаря могилянской коллегіи, служившей лучшею опорой русскихъ въ борьбѣ съ польщизною, Кіевъ сталъ источникомъ нашего Возрожденія, которымъ жила вся Русь еще при Петрѣ I.

Русское Возрожденіе отражалось по всей польской Руси на тысячу ладовъ, отзывалось во всякой туземной душѣ,—гдѣ ярко, громко и чисто, гдѣ затаенно, глухо и въ мутномъ видѣ. Оно проникало отъ знати и мѣщанъ въ глубину хлоповъ. Такіе поборники русской народности, какъ Могила и князь Острожскій, призывали казаковъ къ защитѣ православія. И вѣнцомъ славы или мученичества за высшіе интересы жизни покрывался весь ужасъ звѣрской мести казаковъ своимъ поработителямъ. Чѣмъ злѣе и нахальнѣе становилась польщизна, чѣмъ высокомѣрнѣе подымалась церковная унія, тѣмъ больше ихъ лютость и жажда брани устремлялись съ юга на сѣверъ, отъ татарвы къ „ляхамъ“. Казаки называли унію „богопротивною“ и говорили: „жидъ, ляхъ да собака—вѣра одинака“. Въ душѣ народа уже бушевала такая ненависть и недовѣріе ко всякому „латинству“, что онъ оскорблялся даже полезными новизнами: когда папа ввелъ исправленный календарь (§ 109), и его захотѣли примѣнить въ польской Руси, поднялась такая буря, что Баторій велѣлъ оставить нелѣпый старый стиль для православныхъ. Тамъ и сямъ хлопы уже расправлялись самосудомъ съ фанатиками уніи. Въ Полоцкѣ уніатскій епископъ, Кунцевичъ, разрушалъ и отдавалъ на поруганіе русскія церкви, а поповъ истязалъ, какъ палачъ. Онъ дошелъ до остервенѣнія, когда тамъ явился православный владыка, извѣстный ученый Смотрицкій. И терпѣливый, забитый народъ растерзалъ его на улицѣ; а потомъ онъ услышалъ, что этотъ палачъ-жертва причисленъ папой къ лику святыхъ мучениковъ. За подобными самосудами, конечно, слѣдовала усиленная жестокость со стороны іезуитовъ, пановъ и жолнеровъ,—и русскіе хлопы начали массами убѣгать въ Сѣчь, принося съ собой небывалую жажду мести, распаляя ее преувеличенными разсказами. А между

Сѣчью и Украйной были постоянныя, дружественныя и родственныя, сношенія: начали волноваться даже реестровые казаки. Правительство спѣшило отнять у нихъ льготы и сократить ихъ число. Но это вывело изъ терпѣнія все казачество: конецъ 16-го и первая половина 17-го в. называются въ исторіи Польши порой *казацкихъ мятежей*.

Прежде всего понеслись по многострадальной Украйнѣ отряды запорожцевъ, словно тучи саранчи изъ вольной степи. Всюду, гдѣ чуялся „ляхъ“ или „жидъ“, они рыскали съ огнемъ и мечемъ, не давая пощады ни старому, ни малому. Особенно прославился удалью и лютостью кошевой *Наливайко*: въ годъ уніи (1595), ему удалось, чуть ли не съ помощью Острожскаго, застать врага врасплохъ и пройти до Бѣлоруссіи, подвергая „супостатовъ“ истязаніямъ, отъ описанія которыхъ щемитъ сердце. Правда, ватага Наливайка была сокрушена подоспѣвшими жолнерами, и самъ онъ былъ примѣрно замученъ въ Варшавѣ. Да такъ же кончались и другіе набѣги запорожцевъ. Но это только разжигало бранную страсть лыцарства. Одинъ за другимъ объявлялись преемники погибшаго за вѣру батька: изъ года въ годъ Сѣчь высылала своихъ неукротимыхъ головорѣзовъ въ польскую Русь, чтобы поливать ее польскою и еврейскою кровью. Наконецъ, поднялись и украинцы. Они слились съ своими низовыми братьями въ самомъ ужасномъ, еще неслыханномъ „мятежѣ“, подъ началомъ предпріимчиваго *Павлюка* (1618). То была уже цѣлая рать, которая дала настоящее сраженіе королевскому войску; но и она была разбита. Павлюку съ куренными атаманами и эсаулами отрубили чубатыя головы въ Варшавѣ.

И началась обратная месть. Полякъ словно желалъ посрамить европейскую гражданственность, старался превзойти степного сиромаху въ лютости и измышленіи пытокъ: ослѣпленный моремъ крови, онъ не видѣлъ, что передъ нимъ не простой бунтъ, а жизненный, историческій вопросъ. Побѣдители жарили дѣтей на сковородахъ и варили въ котлахъ, старикамъ засыпали уголья за голенища, женщинамъ давили груди досками и палили на нихъ порохъ. А истязуемые кричали своимъ палачамъ: „хотите казнить виновныхъ—повѣсьте заразъ всю правую и всю лѣвую сторону Днѣпра!“ И опять, изъ года въ годъ, вылетали изъ Сѣчи новые Наливайки да Павлюки; и каждый разъ къ нимъ примыкали черкасы и весь русскій людъ на Украйнѣ. Но это были отрывочныя вспышки отчаянія, а не

правильная война: казакамъ недоставало ни порядка, ни денегъ, ни вооруженія; терзали ихъ и раздоры между реестровыми гетманами и запорожскими атаманами. Иногда дикая отвага, осѣненная слѣпою вѣрой, брала свое: казаки не разъ побивали жолнеровъ и гусаръ, и въ цѣлыхъ сраженіяхъ. Но вообще перевѣсъ былъ на королевской, варшавской сторонѣ.

Первобытной страсти, степной удали не въ моготу было тягаться съ разсчитанною, стройною силой, руководимою наукой. Къ концу періода казаки уже искали спасенія далеко отъ своей любимой Украйны. Цѣлыми отрядами нанимались славные днѣпровскіе лыцари на службу къ французскому королю. Ихъ разбитые вожди уходили въ Москву помогать ей рости для сведенія послѣднихъ счетовъ съ ляхомъ. Но важнѣе было то, что туда же, къ своему кровному брату, великоруссу, уже несъ малороссъ свой умъ и свои знанія, которыя получилъ онъ отъ своего злѣйшаго врага, отъ поляка, озареннаго европейскимъ просвѣщеніемъ. Тогда насталъ расцвѣтъ русской письменности въ польско-литовской Руси.

§ 193. **Письменность юго-западной Руси.** — Это—совсѣмъ новая письменность. Въ противоположность старой, бывшей плодомъ Византіи и южныхъ славянъ, она родилась подъ вліяніемъ *Запада и западныхъ славянъ*. Оттого, если въ ней еще преобладала церковность, то только въ началѣ, притомъ въ видѣ *схоластики* (*С. И.* § 121), которая допускала, на ряду съ священными текстами, діалектику или доказательства отъ разума. Изложеніе ея было болѣе свѣтское, развязное и оживленное. Это—классическое краснорѣчіе, хотя оно было еще жалкимъ средневѣковымъ *риторствомъ*. Сочинитель усиливался озадачить читателя своею ученостью и остроуміемъ. Съ неимовѣрными натяжками и напыщенностью уснащалъ онъ свой слогъ всякими хитросплетеніями, неожиданными предложеніями и противоположеніями (пропозиціи, тезы и антитезы), изысканными сравненіями, уподобленіями и притчами (аналогіи, символы, аллегоріи), глубокомысленными изреченіями и толкованіями (афоризмы, интерпретаціи). Нечего и говорить про безконечные „прилоги“ (примѣры), надерганные отовсюду, и про всякіе цвѣты краснорѣчія въ словахъ и ихъ сочетаніяхъ: ими пестрѣли даже заглавія книгъ — Зерцало Богословія, Ключъ Разумѣнія, Руно Орошенное, Перло Многоцѣнное, Вѣнецъ Христа, Огородокъ Богородицы и др. Самый языкъ вовсе не походилъ на старый церковный: онъ становился богатъ, хотя и разладился

отъ наплыва новизны, запестрѣлъ полонизмами и латинизмами; не мало даже главныхъ произведеній русскихъ писателей увидѣли свѣтъ впервые на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Эта свѣтскость въ изложеніи проникала подконецъ даже въ проповѣди и церковные переводы, особенно въ видѣ предисловій, посвященій, объясненій къ аллегорическимъ гравюрамъ на заглавныхъ листахъ.

Свѣтскость прорывалась все рѣшительнѣе и въ содержаніи. Богословы не столько погружались въ догматику или вѣроученіе, сколько увлекались *полемикой*. Въ пылу брани они прибѣгали и къ свѣтскимъ писателямъ, и къ собственнымъ разсужденіямъ. А рядомъ развивалась съ каждымъ днемъ наука — исторія и философія, естествознаніе и математика; и царемъ мысли становился ея безсмертный отецъ, Аристотель (*Д. И.* § 155). Наконецъ, возникали *новые роды* изящной словесности, о которыхъ не имѣла понятія церковность и которымъ была суждена блестящая будущность: зарождалась бойкая жизненная поэзія; и стихи становились всеобщимъ безуміемъ. Отличіемъ новой письменности польской Руси служило еще то, что она вся — *печатная*. Тамъ появились первыя изъ русскихъ „старопечатныхъ“ книгъ — переводы Ветхаго Завѣта и Апостола на бѣлорусскій языкъ, сдѣланные русскимъ ученымъ, Скориной (1517—1525), а въ 1581 г. была издана Острожскимъ первая печатная славянская Библія, украшенная рисунками. Но хотя эта новая письменность зародилась въ 16-мъ в., она относится собственно къ *17-му столѣтію*, въ особенности же къ его второй половинѣ, которую можно назвать ея царствомъ по всей Руси.

На первомъ планѣ стояла, конечно, *церковная полемика*: „во времена, полныя брани, всего полезнѣе мечъ духовный, глаголъ Божій на помощь церкви воюющей“, говорили кіевскіе ученые. Тутъ писатель вставлялъ даже стихи и разговоры, прилагалъ картинки, осыпалъ противника площадною бранью, какъ дѣлалось тогда и на Западѣ. Сначала полемика была направлена исключительно противъ папистовъ. Вождемъ ея былъ Смотрицкій (§ 192), сочинитель „Ѳриноса (Плача) восточной церкви“, который жадно читался православными. Онъ неутомимо защищался потомъ, когда измѣнилъ православію, противъ цѣлой тучи „Антидотовъ“ (Противоядій), выпущенныхъ на него русскими. Позже полемика обратилась еще противъ евреевъ, магометанъ и язычниковъ. Тутъ прославился преемникъ Могилы

въ кіевской коллегіи, Галятовскій, скромный монахъ, умѣвшій говорить съ народомъ простымъ языкомъ.

Полемикѣ служила и *проповѣдь*, которая процвѣтала не меньше ея. Въ кіевской коллегіи она составляла цѣлую науку— гомилетику, надъ которою трудились съ особеннымъ прилежаніемъ. Каждый старался удостоиться званія „казнодѣя", которое выставлялъ потомъ на своихъ сочиненіяхъ. Города, монастыри, братства тщеславились хорошимъ проповѣдникомъ не меньше, чѣмъ большимъ хоромъ пѣвчихъ или дьякономъ съ голосомъ, отъ котораго трещали стекла. Явились учебники казнодѣйства, гдѣ приводились слова на каждый случай жизни, а также указывалось, какъ дѣлать „эксордіумъ (початокъ) съ пропозиціями, нарацію, конклюзію, 7 циркумстанцій (околичностей)" и т. п. Особенное вниманіе обращалось на толкованіе имени, что́ нерѣдко составляло всю проповѣдь, за недостаткомъ содержанія. При этомъ брали примѣры изъ Эзопа, Овидія, Цицерона и Тасса, изъ хроникъ, физіологовъ и сказокъ. Игра словъ доходила до такихъ примѣровъ: „Упроси о мирѣ, Міръ Ликійскій чудотворче! Сотвори наибольшее чудо— да въ мірѣ миръ будетъ. Самое имя твое проситъ мира. Это казнодѣйство напоминало Кирила Туровскаго (§ 66), только въ немъ было больше знаній и свободы: проявлялись даже чувства проповѣдника, насмѣшка, шутка, бранный задоръ. Но казнодѣи, по примѣру іезуитовъ, вдавались въ смѣшную театральность и напыщенную декламацію. Впослѣдствіи Петръ I запрещалъ ихъ преемникамъ „шататься вельми, будто въ суднѣ весломъ гребетъ, руками сплясквать, въ бока упиратися, подскакивать, смѣяться и рыдать". Во главѣ казнодѣевъ стоялъ тотъ же Галятовскій, издавшій и „Науку казаній", но еще больше славился архіепископъ черниговскій, Барановичъ. Это былъ хитрый честолюбецъ, который добивался мѣста кіевскаго митрополита, то защищая въ Москвѣ права малороссовъ, то дѣлая туда доносы на своихъ гетмановъ. Онъ посылалъ Алексѣю Михайловичу свои сочиненія, съ льстивыми посвященіями и картинками, писалъ стихи на случаи въ его жизни, называлъ его „богомъ". Барановичъ—настоящій риторъ своего времени; и малороссы зачитывались его „Трубами словесъ проповѣдныхъ", какъ романомъ: тамъ было много разсказовъ изъ житій святыхъ, особенно о чудесахъ. Тогда распространились и переводы западныхъ *сборниковъ чудесъ* — Зерцала, Звѣзды, Вѣнцы и т. п. Важнѣйшими изъ нихъ были нѣмецкій

и итальянскій сборникъ 13-го в. — „Разговоры о чудесахъ“ и „Золотая легенда“. Въ подражаніе имъ, Галятовскій издалъ „Небо Новое“, гдѣ главы названы „божественными росами“ — роса любви, роса устрашенія враговъ и т. д. Не менѣе читалась тогда главная назидательная книга — „Подражаніе Христу“ (*С. И.* § 163), которая не разъ была переведена на славянскіе языки.

Свѣтская *наука* находилась въ зародышѣ. Главнымъ источникомъ всевозможныхъ свѣденій, энциклопедіей эпохи былъ напоминающій наши Златоструи (§ 177) переводный сборникъ 13-го вѣка — „Великое Зерцало“. Но благодаря кіевской коллегіи и особенно Могилѣ, уже издавались учебники почти по всѣмъ наукамъ того времени. Наиболѣе посчастливилось словесности. Прежде всего появились *буквари* (азбуки), какъ „лѣствицы“ къ божественному писанію: первый былъ напечатанъ въ Вильнѣ въ годъ уніи. Въ то же время стали издавать печатные *азбуковники* (§ 177), во главѣ которыхъ стоялъ „Лексисъ“ Зизанія — „сирѣчь реченія, изъ славянскаго языка на простой русскій діалектъ истолкованныя“. Затѣмъ печерскій монахъ, молдаванинъ Памва Берында, напечаталъ первый „Славено-русскій лексиконъ“. Начало нашей граматики явилось уже вмѣстѣ съ сочиненіями Іоанна экзарха болгарскаго (§ 17), куда попалъ сербскій переводъ греческой граматики, въ которомъ встрѣчаемъ „имя, причастіе, мѣстоименіе, предлогъ, нарѣчіе, съузъ и паденія (падежи)“. Но на него никто не обратилъ вниманія. Первая настоящая славянская *граматика* была напечатана во Львовѣ (1591): здѣсь есть „правописаніе, правословіе (этимологія), сочиненіе (синтаксисъ), припѣваніе (просодія)“. Затѣмъ появляются „залоги, наклоненія и супружества (спряженія)“. Для русскихъ особенно важна граматика Смотрицкаго (1619), которая была перепечатана въ Москвѣ въ концѣ періода.

Главное богатство всей этой юго-западной прозы начало переходить, къ концу періода, въ сѣверо-восточную Русь. Граматика Смотрицкаго и патріотическій, кудреватый „Синопсисъ“ (русская исторія) Гизеля, виленскій букварь и словарь Берынды, „Наука казаній“ Галятовскаго и катехизисъ Могилы, — все это были руководства, по которымъ училась вся Русь до Ломоносова. Тогда же потянулись въ Москву, сначала для исправленія книгъ, потомъ для борьбы съ расколомъ и со всею древнею Русью, сами творцы русскаго Возрожденія на

югѣ, которымъ непріятно становилось на родинѣ подъ засиліемъ польщизны.

Тѣ же писатели разрабатывали, какъ могли, поэзію. То была жалкая *книжная поэзія*, вѣрнѣе—та же риторическая проза, только въ стихотворномъ видѣ: она и называлась „виршами", т. е. стихами (отъ латинскаго versus). Вирши—одна лирическая „версификація" или стихоплетство, состоящее изъ предисловій, посвященій, эпилоговъ къ богословскимъ сочиненіямъ, изъ полемическихъ „плачей" (элегій) и ругани, да изъ одъ и панегириковъ или словословій на гербы пановъ. Пустые по содержанію, безъ мысли и чувства, онѣ были тяжелы, неуклюжи по формѣ, напоминая александрійскую эпоху (*Д. И.* § 174), съ ея акростихами, стихами, одинаково читающимися справа и слѣва, строфами въ видѣ яйца или треугольника и т. под. Въ нихъ господствовалъ несвойственный русскому языку „силлабическій" или слоговой складъ, т. е. стихъ, долговязый и однообразный, строился по числу слоговъ, а не по „тонамъ" или удареніямъ на словахъ, и неизбѣжно украшался „краесогласіемъ" (риѳмой); да еще въ каждой строкѣ господствовало общее утомительное удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, какъ въ польскомъ языкѣ. Конечно, такая лже-поэзія исчезла безслѣдно и мало дѣйствовала на сѣверо-востокѣ; но тогда ею увлекался всякій, умѣвшій держать перо въ рукѣ. Вирши распѣвались на улицахъ; ими сопровождался каждый семейный праздникъ; онѣ вставлялись въ проповѣди, катехизисы и ариѳметики. Были и акаѳисты въ стихахъ.

Важнѣе зачатки *драмы*. Это — западныя мистеріи (*С. И.* § 173), перешедшія изъ Польши, гдѣ онѣ развились въ 16-мъ в., когда, благодаря іезуитамъ, ихъ стали давать не только въ церквахъ, но и въ школахъ. Впрочемъ, эти „дѣйства" не привились въ Малороссіи: ихъ сочиняли по наряду только учителя піитики, а разыгрывали бурсаки на каникулахъ. Отъ того времени сохранился только переводъ „Страданій Христа", гдѣ многое заимствовано изъ древнихъ трагиковъ, въ томъ числѣ хоръ. Болѣе успѣха имѣли „вертепы" (ясли), занесенные также изъ Польши. Это—ящикъ съ картонными куклами, которыя изображали Богородицу, Христа, ангеловъ, пастуховъ, Ирода и дьявола, избіеніе младенцевъ и рождество Спасителя. Бурсаки ходили съ вертепами, объ Рождествѣ, по селамъ и городамъ, распѣвая вирши и колядки. Впослѣдствіи прибавились потѣшныя куклы—трусливый еврей съ пейсами, упрямый и лѣнивый хо-

холъ, спѣсивый польскій панъ, дьякъ, чортъ, цыгане съ своими плясками и т. под. Отсюда произошелъ „раекъ"—имя, напоминающее, что дѣйства раздѣлялись на три этажа—рай, землю и адъ.

Но и эти намеки на драму—тѣ же вирши, только въ разговорахъ. Истинная поэзія заключалась въ твореніяхъ народнаго вымысла. Здѣсь также было не мало чужаго, именно въ западной Руси. Многія *повѣсти* (§ 178) перешли къ намъ изъ Европы, еще до польскаго вліянія, черезъ бѣлоруссовъ, которые сначала почти-что переписывали польскія книги русскою азбукой, а потомъ, при новыхъ спискахъ, устраняли полонизмы, какъ бы постепенно переводили съ польскаго на русскій языкъ. Таковы „Римскія Дѣянія" — важный средневѣковой сборникъ нравоучительныхъ повѣстей (*С. И.* § 123) Сюда же должно отнести шутки Декамерона (*С. И.* § 168), басни Эзопа и т. под.

Только у малороссовъ блестяще развились самобытныя *народныя пѣсни*, подъ вліяніемъ южно-русскаго Возрожденія. Онѣ соперничаютъ съ перлами народной поэзіи во всемъ мірѣ, по глубинѣ чувства и живости образовъ. Онѣ представляютъ даже небывалое явленіе: это—попреимуществу весьма поздній историческій эпосъ, сложенный участниками или очевидцами событій, подъ прямымъ впечатлѣніемъ вчерашняго дня. Здѣсь нѣтъ ничего миѳологическаго, языческаго; смутны даже воспоминанія о татарскомъ игѣ: все это—пѣсни казачества, которыя посвящены 17-му в. и лишь отчасти захватываютъ 16-е и 18-е столѣтія. Смыслъ украинскихъ пѣсенъ—воспѣваніе лыцарства. Здѣсь вылилась вся душа „вольнаго казака", полная наивной страсти сына природы къ свободѣ, родинѣ и вѣрѣ, но истерзанная пытками татарщины, туретчины и польщизны. Здѣсь безысходная тоска неудавшейся жизни омрачаетъ даже шутку (юморъ): льются „незримыя слезы сквозь видимый смѣхъ". Пріемы, образы, цѣлыя выраженія напоминаютъ „Слово о полку Игоревѣ" (§ 67). Стихосложеніе—тоническое, пѣвучее, чисто-русское: оттого украинскія пѣсни и сейчасъ поются народомъ, хотя, съ исчезновеніемъ Сѣчи, онѣ застыли и только искажались, а теперь и начинаютъ забываться. Въ наше время ихъ тянутъ нищіе слѣпцы: тогда же ихъ запѣвалъ самъ поэтъ, подбренкивая на „бандурѣ" или „кобзѣ" (родъ балалайки), и подхватывалъ удалой хоръ черномазыхъ молодцовъ, съ длиннымъ усомъ и безконечнымъ чубомъ, съ суровымъ лицомъ въ шрамахъ, съ люлькой въ зубахъ, съ шаблюкой на боку.

Народная поэзія Малороссіи распадается на собственно „пѣсни“ и „думы“. Главное различіе между ними заключается во внѣшнемъ строѣ, въ стихѣ; но и по содержанію, однѣ болѣе относятся къ лирикѣ, другія — настоящій эпосъ. *Пѣсни* весьма разнообразны: онѣ, въ свою очередь, распадаются на отдѣлы. Однѣ воспѣваютъ природу (пѣсни купальныя, косарскія, гребецкія, веснянки, колядки), другія — занятія (казацкія, чумацкія, бурлацкія), третьи — житейскія дѣла (колыбельныя, свадебныя и др.). Встрѣчаются и пѣсни назидательныя, въ родѣ духовныхъ стиховъ (§ 178), иногда даже въ разговорахъ. Но главная сила украинской поэзіи въ весьма своеобразныхъ *думахъ*. Такъ какъ это—историческій эпосъ, то онъ естественно распадается по временамъ. 1) Турецко-татарскій отдѣлъ состоитъ попреимуществу изъ „плачей“ или „невольничьихъ“ пѣсенъ. Ихъ основный предметъ—плѣнъ, мученія и смерть казака въ борьбѣ съ „погаными“. Главные герои—Вишневецкій (Байда), Свирговскій, Кушка. 2) Польскій отдѣлъ обнимаетъ „казацкіе мятежи“, т. е. борьбу съ польщизной, въ особенности съ „нечестіемъ“ или уніей. Главные герои — Богданъ Хмельницкій, Наливайко, Сагайдачный. 3) Русскій отдѣлъ посвященъ событіямъ отъ присоединенія Малороссіи къ Москвѣ до уничтоженія Сѣчи. Герои—сынъ Богдана, Юрій Хмельницкій, Дорошенко, Выговскій, въ особенности же Мазепа, въ видѣ измѣнника, и Палій.

Украинскія пѣсни имѣютъ значеніе и въ исторіи *пѣнія*. Ихъ напѣвы богаты и своеобразны, но попреимуществу томны. Въ Малороссіи и церковное пѣніе становилось живѣе, разнообразнѣе и стройнѣе подъ западнымъ вліяніемъ. Въ концѣ періода польская Русь была переполнена книжками и тетрадками по „партесному“ или „мусикійному“ пѣнію, т. е. подчиненному правиламъ гармоніи и съ линейными нотами.

§ 194. **Значеніе древней Руси**. — Четвертымъ періодомъ завершается исторія древней Руси. Она представляетъ незамѣнимое подтвержденіе *историческихъ законовъ* (*Д. И.* Введеніе). Живая природа есть постепенное образованіе новыхъ видовъ существъ путемъ расчлененія первозданнаго зерна, подъ вліяніемъ среды; исторія—такая же неразрывная цѣпь преданій, взаимныхъ вліяній между народами, обусловленная переимчивостью человѣка, этою основой любознательности, науки. Самобытность, своеобразіе народовъ состоятъ въ томъ, что одни изъ нихъ быстрѣе перерабатываютъ преданія и, расчленяя, разно-

образя ихъ, согласно съ средой; создаютъ новые виды гражданственности, служатъ „прогрессу", или движенію человѣчества впередъ; другіе же, дорожа своимъ покоемъ, пугаясь развитія, перемѣнъ, предаются „консерватизму", стараются сохранить старину, что́ легко ведетъ, при неблагопріятныхъ условіяхъ, къ застою и даже къ „регрессу" или попятному движенію. Примѣрами крайностей въ обѣ стороны служатъ крайній западъ и крайній востокъ Стараго Свѣта. Подвижный, необыкновенно переимчивый и перемѣнчивый Западъ нашей части свѣта, который называютъ „Европой" попреимуществу, создалъ душу человѣчества—культуру или бытовое развитіе, какъ идеальное, такъ и матеріальное. Косный, не допускающій чуждыхъ вліяній Китай породилъ одно тѣло исторіи—огромное государство съ безграничною властью богдыхана: около 3.000 л. спитъ онъ непробуднымъ сномъ, погруженный въ свою самобытность невѣжества, не принося никакой пользы ни себѣ, ни человѣчеству.

Древняя Россія находилась посрединѣ между этими крайностями. Она лежала въ Европѣ, но причислялась къ Азіи по своей гражданственности; она была населена арійцами, но въ нихъ было много еще не претворенной крови и чертъ желтой породы, и именно обѣихъ отраслей монгольскаго племени (§ 2). Отсюда и поразительное сходство, и очевидное различіе между нею и Западомъ. Ея исторія, разрѣшающая это противорѣчіе, имѣетъ особую поучительность.

Русь считается многострадальною, потому что у нея *природа*—мачиха. Но ея исторія, какъ вездѣ, началась въ лучшемъ краю: юго-западная украйна была не хуже той почвы, которая встрѣтила другихъ „варваровъ"- арійцевъ (*Д. И.* §§ 261, 262). Да и сѣверо-востокъ Россіи представлялъ много удобствъ для рѣдкаго населенія (§ 149). Съ другой стороны, мачиха-природа не помѣшала широкому развитію скандинавовъ и брандербуржцевъ. Бѣда въ томъ, что Руси суждено было занять именно востокъ Европы, который отличается азіятскими чертами—*громадностью* и *континентальностью* (недостаткомъ морей). По историческому закону, каждый народъ стремится рости до естественныхъ предѣловъ своей земли или до полнаго земельнаго и племеннаго сплоченія. Этотъ внѣшній ростъ — самая тяжелая пора, задерживающая внутреннее развитіе. А онъ-то составлялъ главную задачу древней Руси: ея исторія есть исторія *переселенчества*, колонизаціи попреимуществу. Это — лучшій листокъ въ лавровомъ вѣнкѣ нашего народа за службу чело-

вѣчеству. Но тутъ же потоки крови, струи пота и слезы, слезы безъ конца: здѣсь зародышъ Горя Злосчастія, положенный въ колыбель Руси. Гибельное даже въ личныхъ дѣлахъ разбрасываніе силъ подрываетъ основу общественнаго развитія—духъ единенія: „разбрестись розно“ и кочевать—значитъ поддерживать первобытную одичалость и развивать безволіе (§ 170). А затѣмъ укореняются вредные для бытоваго развитія идеалы—громадность земли, военная слава, безконечное терпѣніе и безграничная власть, безъ которой немыслимо хотя бы прозябаніе разбросанной народности. Такое значеніе ихъ видно на примѣрѣ такихъ имперій, какъ македонская, римская и первая французская, хотя онѣ стояли на высотѣ гражданственности своего времени.

И сходство, и различіе между двумя половинами Европы, въ началѣ ихъ исторіи, не ограничивались одною природой земли. И тамъ, и здѣсь засѣли братья, родные не по одной крови. Германцы Тацита похожи на славянъ Нестора по нравамъ и быту. Образованные наблюдатели даже изумлялись не только переимчивости и предпріимчивости *Руси*, т. е. кіевлянъ, но также податливости этихъ жителей мягкихъ „полей“ (§ 6). Русскій высоко ставилъ женщину, былъ кротокъ съ рабами, не терпѣлъ смертной казни и тѣлесныхъ наказаній. Какъ только его коснулось христіанство, онъ „взялъ своего боженьку за ноженьку да о полъ“, устыдился войны (§ 22) и увлекся незлобивымъ идеаломъ пустынника.

Западный „варваръ“, подобно восточному, долженъ былъ начать съ переселеній, чтò сталкивало его и съ тѣми же финнами-дикарями, и съ міромъ античной гражданственности. Но онъ примкнулъ къ *Риму*, а русскій — къ *Византіи*. Римъ и Византія уже давно представляли два разныхъ вида классицизма, двѣ римскихъ имперіи, которыя недаромъ назывались Западною и Восточною (*Д. И.* § 274). Между ними была лишь слабая связь, благодаря христіанству, да и та порвалась съ раздѣленіемъ церквей: осталась одна ненависть, питаемая соперничествомъ изъ-за власти надъ варварами. Искусный проводникъ классицизма (*Д. И.* § 258), Римъ „романизовалъ“ и „олатинилъ“ варваровъ, которые частью совсѣмъ приняли даже его легкій, развитый языкъ, частью руководились имъ, какъ средствомъ просвѣщенія: латынь сдѣлалась рѣчью интеллигенціи, которую она объединяла во всѣхъ странахъ идеальнымъ интересомъ. Римъ сталъ зерномъ „Запада“, съ его юношескою ожив-

ленностью, племеннымъ разнообразіемъ и богатымъ расчлененіемъ классицизма на новые бытовые виды въ различныхъ средахъ.

Византія же—основа восточной Европы. Она изображала собой старчество, съ его боязнью движенія, стремленій (С. *И.* §§ 82, 110). Здѣсь только хранились сокровища эллинизма, но не употреблялись въ дѣло. Напротивъ, выработался противоположный духъ нетерпимости къ жизни, къ свѣтскости и народности, къ наукѣ и поэзіи, а также пристрастіе къ обширности земель, къ восточному султанату и къ закрѣпощенію массъ. Эти идеалы Азіи, съ которой постоянно воевали греки, соединялись въ Византіи съ плодами разлагавшейся гражданственности—съ роскошью, съ умственнымъ переутомленіемъ и нравственнымъ растлѣніемъ высшихъ классовъ (*С. И.* § 36). Съ такими средствами, Византія не могла такъ глубоко вліять на Востокъ, какъ Римъ вліялъ на Западъ; да и языкъ ея былъ труднѣе для усвоенія, чѣмъ латынь. Она никого не огречила: больше перекрещивала язычниковъ въ одно названіе „православныхъ". Она оставила славянамъ даже ихъ языкъ въ церкви,—вынужденное благодѣяніе, которое, въ ту пору, приносило и свой вредъ, отчуждая восточныхъ варваровъ отъ просвѣщенія Запада. Византія могла развивать въ русскихъ высокомѣріе передъ всѣмъ неправославнымъ, презрѣніе ко всему „тлѣнному" и боязнь науки, названную сначала „темнительствомъ" (§ 174), потомъ—„мракобѣсіемъ".

Такъ, съ самаго начала Востоку Европы суждено было проходить иную школу, чѣмъ Западу. Но на первыхъ порахъ она была необходима, какъ всякія сношенія съ высшею гражданственностью. Прививъ къ русскому міровую религію, Византія освобождала его отъ „звѣринскаго" обычая и помогала ему создать государство, эту основу народнаго сплоченія для борьбы съ „поганою" азіятчиной. А ея духъ нетерпимости не могъ сразу привиться къ гостепріимному полянину. По своей живости, по своимъ передовымъ стремленіямъ, кіевская Русь походила на *Западъ*, съ которымъ она спѣшила слиться. Родство между ними, запечатлѣнное браками дѣтей Ярослава (§ 24), сказывалось во всемъ — отъ Русской Правды, сходной съ законами варваровъ (С. *И.* § 44), до сказки и легенды. На побережьѣ Далмаціи, гдѣ проходило богомильство (§ 17) въ Европу и гдѣ Италія, при Возрожденіи, вліяла на славянскую письменность, совершалась латинизація византійства, которая достигла до насъ черезъ Сербію временъ Нѣманичей (§ 35).

Она проникала къ намъ и черезъ Бѣлоруссію задолго до польскаго вліянія. Оттого кіевская Русь знала „книжное ученіе“ не въ смыслѣ одной грамотности (§§ 65, 193). Уже завелось много туземныхъ переводчиковъ, и начиналось богатое развитіе собственной письменности: лѣтопись Нестора, Слово о полку Игоревѣ и Поученіе Мономаха—лишь случайно уцѣлѣвшіе перлы. Отъ оживленныхъ промысловъ и міровой торговли росли города, съ общиннымъ самоправленіемъ. Кіевъ напоминалъ европейскія столицы: и на весь народъ перешло имя „Руси“, на языкѣ которой заговорили наша церковь и письменность; а на сѣверѣ финскія названія мѣстностей переименовывались въ южно-русскія. Словомъ, кіевская Русь была сестрой и даровитой ученицей Запада: она стремилась идти съ нимъ въ ногу впередъ.

Но вслѣдъ затѣмъ обнаружилась новая разница между Западомъ и Востокомъ Европы, и опять къ невыгодѣ послѣдняго. Все раннее бойкое движеніе пріостановилось надолго, а кое-что и забылось, утратилось. Настало глухое время, когда Русь оторвалась отъ Европы: забравшись въ трущобы сѣверо-востока, подъ бокъ къ желтой породѣ, она стала походить на Азію; ею овладѣлъ китайскій застой. Виной тому были *удѣльныя усобицы* и татары. Жестокія междоусобія были и на Западѣ. Но тамъ феодализмъ служилъ къ образованію мелкихъ государствъ, этихъ узловъ новой гражданственности съ ея романтическою культурой, а также къ ограниченію верховной власти и къ расчлененію сословій; подлѣ могущественнаго духовенства, охраняемаго папствомъ, и сильной знати, у зȧмка и монастыря, выростали богатые города, и короли давали льготы мѣщанамъ и крестьянамъ, которые помогали имъ въ борьбѣ съ феодалами. А на Руси усобицы были тою же первобытною кочевкой; и слѣдствіемъ ихъ была подготовка политической и народной сплоченности, этой основной потребности русскихъ въ ихъ борьбѣ съ окружными „нехристями“, связанной съ переселенчествомъ.

Борьба съ нехристями, наряду съ колонизаціей, была и на Западѣ. Бранденбургъ—суздальская Русь, его Берлинъ—наша Москва. Но германцы одолѣли язычниковъ задолго до начала Руси, которая только въ этомъ смыслѣ должна считаться молодою. Имъ, послѣ своего Карла Великаго, было легко заселить не только свои пустынныя марки (*С. И.* § 56), но и такія заморскія украйны, какъ Скандинавія и Великобританія. Имъ приходилось бороться съ слабосильными литовцами и запад-

ными славянами да съ жалкимъ финномъ, отрѣзаннымъ отъ своего Востока утесами скандинавскаго Кьёлена и Балтикой. А русскому суждено было болѣе 6 вѣковъ вѣдаться съ многочисленнымъ „идолищемъ поганымъ“ (§ 19) и 2 вѣка слишкомъ нести *татарское иго.* Правда, татары не могли имѣть большого прямаго вліянія на народъ съ задатками европеизма. Но они принесли много вреда косвенно, подбавивъ желтой крови и азіятскихъ наклонностей. Въ нравахъ Руси развилась „жесточь“ отъ примѣра сарайскихъ казней и нагаекъ да отъ развитія бродяжничества и укрывательства по лѣсамъ. Усилившаяся потребность въ сплоченіи приводила уже прямо къ восточному султанату: ханы, себѣ на голову, пролагали путь Москвѣ, разгромляя старыя городскія вѣча. Татарщина не давала покоя и досуга русскимъ для бытового развитія и подрывала связи съ европейскимъ просвѣщеніемъ: юго-западная Русь отошла къ Польшѣ.

Подъ описанными условіями среды, уже къ началу четвертаго періода обнаружились коренныя черты древней Руси. Сложилось одно изъ обширнѣйшихъ *государствъ* Европы, съ такимъ земельнымъ и политическимъ сплоченіемъ, какого не видали тогда на Западѣ (§§ 71, 108). Общинно-родовой бытъ уже былъ подорванъ въ корнѣ. „Лѣствичное восхожденіе“ быстро превратилось сначала въ „добываніе“ столовъ, потомъ въ „примыслъ“ вотчинъ, наконецъ въ „собираніе земли русской“, которая уже становится, при Донскомъ, нераздѣльною „отчиной“ великаго князя. Первый хозяинъ-добытчикъ, Андрей Боголюбскій, тотчасъ „ударилъ пятой“ въ Ростовъ Великій, вѣче котораго не было поддержано вѣчемъ Новгорода. Онъ же расправлялся съ боярами, какъ съ холопами. Кіевскій „дружинникъ“ прозѣвалъ свое время. Онъ остался „удалою поленицей“ —степнымъ наѣздникомъ, казакомъ-грабителемъ, который ссорился съ своимъ братомъ и кочевалъ, гордясь своимъ правомъ „отъѣзда“. А князь припалъ къ землѣ въ своей суровой опричнинѣ (§ 97) и началъ набирать себѣ слугъ, приманивая ихъ помѣстьями и кормленіями, замѣнившими грабежи. Кичливому дружиннику пришлось втираться къ его двору, стать его „вольнымъ слугой“: дѣти боярскія уже называются „дворянами“ т. е. дворней (§ 164). Великій князь уже окруженъ большою ратью; только эта рать состоитъ еще изъ удѣльныхъ полковъ или „дворовъ, разрядовъ“, и онъ лишь первый воевода большого полка. Самодержецъ по существу, онъ еще рабъ стараго порядка съ виду и по своимъ

обычаямъ: Русь—его вотчина, дума—его дружина, только съ холопскими повадками. А въ общественномъ отношеніи еще ничего не было. Новое невыгодное своеобразіе древней Руси состояло въ томъ, что она начала съ промыслово-торговаго быта на черноземѣ юга и перешла къ земледѣлію на суглинкѣ и болотахъ сѣвера. Зародыши средняго сословія захирѣли. А за крестьяниномъ оставалось одно только право—свободнаго перехода, да и то подконецъ уже стѣснялось.

Кромѣ государства восточно-византійскаго типа, при татарахъ ничего не было выработано. Въ *бытовомъ* отношеніи Русь того времени представляетъ рѣдкій образецъ *застоя*, отчасти даже попятнаго движенія, особенно въ сравненіи съ Западомъ. Это—бѣлая страница въ исторіи человѣчества. Оставалась только надежда на юго-западную Русь, которая начинала тогда усердно учиться у Запада и могла современемъ возстановить прерванныя связи между нимъ и Москвой.

§ 195. **Москва и новая Россія**. — Четвертый періодъ важенъ не только для нашего народнаго сознанія, но и для исторіи человѣчества: востокъ Европы выработался, какъ своеобразный типъ народной жизни, притомъ съ ясными причинами явленія. Сложился обликъ древней Руси, который иностранцы обозначили именемъ *Московіи*.

Четвертый періодъ, какъ и первые три, обнимаетъ два вѣка. Посрединѣ его стоитъ высокимъ переломомъ личность *Грознаго*, полная не одного художественнаго интереса, но и историческаго смысла. Это — самъ великій народъ неоглядной сѣверо-восточной равнины, съ его широкими порывами и дарованіями, подавленными роковою средой. Это — сама древняя Русь въ наиболѣе тяжелую пору ея жизни. Она доживала въ ужасной грезѣ этой помутившейся души, въ которой отразилась „смута“ или сумракъ борьбы слабыхъ зародышей новаго порядка съ пережитками старины, окрѣпшими, какъ обледенѣлое болото сѣвера. Въ лицѣ Грознаго древняя Русь падала подъ тяжестью сознанія своей гнетущей громадности и необходимости наверстать вѣка въ дѣлѣ внутренняго развитія. Спозаранку онъ почуялъ въ себѣ порывъ засидѣвшагося богатыря къ сильному движенію, а также отвѣтственность за все среди безвольнаго народа. Пылкій, даровитый юноша чуялъ еще, что древняя Русь была ему мачихой: не позаботившись о просвѣтительныхъ средствахъ, чтобы воспитать исполнителя трудной задачи, она готовила въ его лицѣ жертву своихъ поро-

ковъ. Грозный возненавидѣлъ ее съ дикою страстью тогдашняго русскаго: онъ не только смѣло схватился за ея отмѣну путемъ преобразованій, но проклялъ ее передъ лицомъ иностранцевъ и бѣжалъ отъ своего народа. Онъ безсознательно тянулся къ просвѣщенному Западу, мечталъ умереть въ Англіи, до конца считалъ книгопечатаніе перломъ своего царствованія и не могъ оторвать своихъ взоровъ отъ Ливоніи, этой дороги въ Европу.

Но старина, собиравшая тогда свои силы, въ предчувствіи кончины (§ 179), сокрушила властителя: изъ царя-надежи „людей Божіихъ" (§ 122) вышелъ царь-палачъ своего народа; за минутой просвѣтлѣнія надолго сгустился прежній мракъ. Въ утомленную душу Грознаго вселился малодушный страхъ русскаго человѣка,—какъ бы отъ малѣйшаго толчка не развалилась его громадная храмина, построенная на сѣверной трясинѣ. Царь сталъ оплотомъ „Просвѣтителя" (§ 115), а единственный человѣкъ, призывавшій къ наукѣ, Максимъ Грекъ, томился въ узахъ, хотя ихъ „цѣловалъ" Макарій. Грозный разрушалъ плоды своихъ рукъ: онъ душилъ собственныхъ сотрудниковъ по преобразованіямъ, искоренялъ науку, которую манилъ къ себѣ прежде, какъ „хитрость" на пользу власти, не пускалъ на Западъ подданныхъ, которые, по его же примѣру, потянулись-было за просвѣщеніемъ. А рядомъ продолжалась безумная борьба со стариной, въ лицѣ бояръ: царь сочинялъ крамолы и ломился въ открытую дверь. Но въ то же время, предаваясь, въ своей опричнинѣ, однимъ личнымъ похотямъ, онъ оставилъ государство на руки тѣмъ же боярамъ, воскрешая удѣльную пору. Грозный съ особымъ усердіемъ продолжалъ дѣло предковъ—прибираніе къ рукамъ земель и власти, а собственноручно прекращалъ династію и останавливалъ расширеніе границъ: отъ его звѣрства отшатнулась западная Русь, которая собиралась поставить его въ короли Польши. Въ злую пору (§ 126), среди кровей и преступленій сѣялись сѣмена „розрухи", которая прикончила древнюю Русь, породившую грознаго царя.

Въ крупной личности Грознаго отразилось также роковое своеобразіе Руси — жить минутами доброй поры, страстнаго движенія впередъ и цѣлыми періодами злой поры, застоя и даже разрушенія новыхъ началъ, предпринимаемаго ихъ же лелѣявшими руками. Но въ немъ же проявилась сила историческаго народа — неистребимость новыхъ началъ. Грозный — не только

жертва древней Руси, но и кровавая заря будущаго: проблески новой Россіи мерцаютъ по всему его царствованію, особенно во внѣшней политикѣ, которая идетъ обыкновенно болѣе прямымъ путемъ, повинуясь самому строгому историческому закону.

Олицетвореніе древней Руси, Грозный поясняетъ ее самымъ свойствомъ своей болѣзни. Онъ страдалъ жгучею ревностью къ власти, къ этому единственному тогда орудію для удовлетворенія основной потребности народа въ *земельномъ* и *племенномъ сплоченіи.* Въ этомъ сплоченіи и состоитъ положительный смыслъ нашей древней исторіи. Оно уже перестало быть вопросомъ: оно было заявлено міру въ правительственномъ титулѣ (§ 152). Если на дѣлѣ это еще не была „вся" Русь, то на нее указывала наступательная война съ Польшей, которая стала злобой дня, какъ только былъ покончёнъ татарскій вопросъ; и борьба малороссовъ съ польщизной уже подготовляла роковой исходъ для Польши, слабѣвшей подъ гнетомъ шляхты и іезуитовъ. Выяснилось также, что Русь понимала сплоченіе въ смыслѣ естественныхъ, а не народныхъ границъ. До татаръ даже Суздаль считался мѣстомъ ссылки: отправляясь въ Кіевъ или Новгородъ, его князья „ѣздили въ Россію". Теперь же Русь — и Балтика, гдѣ жили финны, нѣмцы да литовцы, и Каспій, Черное море, Тихій океанъ, гдѣ случайно появилась кучка казаковъ среди массъ инородцевъ.

То же самое естественно произошло съ политическимъ сплоченіемъ Руси, или *самодержавіемъ.* Оно развивалось безпрерывно, даже при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Нашъ народъ выдержалъ и опричнину, и даже розруху, чуть не сгубившую все, не усомнившись въ его пригодности. Розруха даже послужила къ его упроченію: съ воцареніемъ Романовыхъ оно перестало быть вопросомъ.

Иностранцы уже съ Василія III представляли Русь примѣромъ невиданной власти (§ 119). Они говорили, что тамъ „все рабствуетъ, кромѣ властелина". А царь выражался съ презрѣніемъ объ ихъ правителяхъ: „что это за государи!" Царь, по понятіямъ народа, былъ божествомъ: какъ источникъ закона, онъ не могъ подчиняться ничему. Верхъ и его царедворцы составляли всю Русь, все ея предопредѣленіе. „Московія" стала окончательно военнымъ лагеремъ, который распадался на строевыхъ и ихъ кормильцевъ—на служилыхъ и тяглецовъ. Розруха утвердила этотъ порядокъ, завѣщавъ польскій и балтійскій вопросы: послѣ нея войско и деньги, служба и

тягло стали жизнью народа. И самодержавіе уже не встрѣчало никакихъ сдержекъ. Общинно-родовой бытъ палъ въ лицѣ Новгорода и удѣльнаго „княжья". А это влекло за собой низложеніе бояръ, которымъ уже некуда было отъѣзжать. Оторванные отъ народа и земли, себялюбивые и сварливые, эти „вольные слуги" великаго князя превратились въ „служилыхъ" царя, проявляя свою спесь только въ мѣстничествѣ: „дворянинъ" сталъ выше „сына боярскаго". Если въ 16-мъ вѣкѣ бояре еще считали себя „столпами" и крамольничали, помня свои права дружинниковъ, то подконецъ это уже были „захудалые" роды. Запоздалыя попытки боярства пріобрѣсти политическое значеніе окончились его крушеніемъ. Подкошенные въ основаніи розрухой столпы отказались отъ властительныхъ грезъ и стали холопами Верха „на посылкахъ" и тиранами народа. А дѣло правленія перешло въ руки „новиковъ"—выслужившихся разночинцевъ, про которыхъ еще Грозный писалъ своему наперснику, Васюткѣ Грязному: „бояре стали намъ измѣнять; и мы васъ, мужиковъ, къ себѣ приблизили, надѣясь отъ васъ службы и правды". Духовенство никогда и не думало о политическомъ значеніи, хотя мало занималось и наставленіемъ своей паствы. Воспитанное въ понятіяхъ Византіи, не связанное съ народомъ, невѣжественное и обремененное семьями, оно служило орудіемъ власти еще до самодержавія, которое поднимало его, какъ своего дядьку, до патріаршества, по мѣрѣ собственнаго возвышенія. Среднему сословію не было мѣста при убожествѣ торговли и промысловъ. Посадскіе — тѣ же черные тяглецы. Города подрывались и взаимною завистью, и казной, а также монастырями и служилыми, которымъ власть дала огромный и почти единственный тогда капиталъ—помѣстья и вотчины съ крестьянами. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ было связано съ прикрѣпленіемъ высшаго класса къ службѣ: оно произошло незамѣтно, путемъ самой жизни, безъ предписаній закона.

Такъ, политическое своеобразіе древней Руси состояло въ томъ, что, послѣ восьми вѣковъ существованія, она представляла нерасчлененную и *безправную массу*. Сословій не оказалось: всякій могъ передвигаться по общественной лѣстницѣ, гдѣ не было гражданъ, а были только обыватели „лучшіе, средніе и меньшіе", по достатку въ окладной росписи казны; только обыкновенно переходили не снизу вверхъ, а наоборотъ — путемъ закладничества и наймитства (§§ 27, 100). Община и городъ, церковь и княжье, земскіе соборы и дума—

все стало нулемъ въ политическомъ смыслѣ, все лишилось первобытной свободы, не пріобрѣтя взамѣнъ болѣе разумныхъ правъ. Все было принесено въ жертву государству, которое должно было взять на себя задачу осѣдлости при всеобщемъ бродяжничествѣ. Поголовное закрѣпощеніе проходитъ красною нитью по исторіи древней Руси (§§ 27, 61, 100, 158), по мѣрѣ развитія власти.

Здѣсь новое различіе между двумя половинами Европы. На Западѣ закрѣпощеніе народа означало господство знати, а его раскрѣпощеніе было задачей монархизма (§ 15, 72, 77, 109), который помогалъ развитію средняго сословія. И подконецъ управленіе принимало стройный видъ, благодаря участію освобожденнаго народа, уже обладавшаго богатыми познаніями и изучившаго римское право. У насъ же государство, создавшее помѣщиковъ, создавало и всеобщее закрѣпощеніе; а при немъ оно должно было взять на себя всѣ заботы. Управленіе особенно затруднительно въ такой громадной, разноплеменной и невѣжественной странѣ, какъ древняя Русь. Сами цари прибѣгали къ помощи земщины; но она призывалась случайно и лишь какъ бездушное орудіе власти. Управленіе оказалось плохимъ, по свидѣтельству нашихъ же лѣтописей, документовъ и сказаній. Въ челобитныхъ земскихъ соборовъ оно рисуется именно въ томъ видѣ, къ которому идутъ слова лѣтописи, при избраніи Михаила: „влодущіе, аки волчцы, насиловаху православныхъ". Древняя Русь завѣщала новой Россіи *приказный духъ*,—это всесильное дьячество и подъячество (§ 156), которое подавляло въ государствѣ зародыши законовъ, лишало народъ даже намековъ на права и, мажно сказать, обращало самодержавіе въ своего раба.

Въ четвертомъ періодѣ выяснилась и другая черта древней Руси—*недостатокъ бытового развитія*, особенно сравнительно съ Европой. Западъ уже пережилъ Возрожденіе, плодами котораго и теперь питается человѣчество. Онъ выработалъ гордую личность и общественный духъ, далъ примѣры кровавой борьбы сословій за свои права. Онъ положилъ начало самоправленію и наукѣ, этимъ стражамъ свободнаго развитія. Онъ выставилъ рядъ геніевъ мысли и фантазіи, у которыхъ и теперь учится міръ. Все это облагораживало нравы и украшало внѣшній бытъ, щеголявшій богатою городскою жизнью.

Оттого иностранцу претила первобытность Московіи даже по *внѣшности*, которая бросалась ему въ глаза. Жалка была

эта безпредѣльная юдоль „сиротъ“, напоминавшихъ изгоевъ (§ 28), съ ея безпутицей и переложнымъ земледѣліемъ, съ ея курными скородомами, полными грязи и лишенными мебели. Жалокъ былъ и ея обитатель, закутанный въ шкуры и азіятскіе халаты, съ грязною бородой и хмѣлемъ въ головѣ. Отъ татаръ и вѣчныхъ войнъ его *нравы* огрубѣли. Онъ жилъ порывами и крайностями дикаря. Раболѣпный предъ властью, онъ былъ самоволенъ и жестокъ съ низшими, лукавъ съ равными. Особенно бросались въ глаза сварливость и завистливость, при страстномъ стремленіи Руси къ внѣшнему сплоченію, точно также какъ бродяжничество, легкій разрывъ даже съ родиной. Единодушіе вызывалось только ненавистью ко всякому проявленію личности и новизны: общинно-родовой бытъ, уничтоженный въ политикѣ, процвѣталъ въ быту (§ 173), какъ нравственное закрѣпощеніе народа. Древняя Русь до конца отличалась оттѣнкомъ сказочной патріархальности. Здѣсь все слито въ общей массѣ: нѣтъ рѣзкихъ чертъ ни въ лицахъ, ни въ жестахъ; всюду „одиночество“ (§ 155), стадность; и безъ всякихъ указовъ всякъ сверчокъ зналъ свой шестокъ. Еще не выдѣлилась и женщина: была только самка, раба да „постница“. Вездѣ безпомощность и дряблость, безконечное терпѣніе да мольбы и ожиданія всего отъ Бога да отъ Верха.

Какъ вездѣ, нравственная несостоятельность была плодомъ *умственной незрѣлости*. Древняя Русь до конца руководствовалась „двоевѣріемъ“; и обѣ вѣры понимались такъ наивно, что вносили только смуту въ умы. Оттого отличіемъ умовъ была первобытная косность, особенно поразительная при невоздержности въ нравахъ. Она одна соотвѣтствовала крайнему сплоченію въ политикѣ. Боялись, что Русь развалится, если даже въ мысли возникнетъ малѣйшее непокорство „пошлинѣ“. Иностранцы удивлялись, какъ московиты „всѣ словно одного возраста“. Такое старовѣрство поддерживалось убѣжденіемъ, что всякая новизна и иноземщина—грѣхъ и преступленіе, противъ котораго нужно кричать „слово и дѣло“, въ огражденіе Богомъ избранной, святой и непорочной Руси. Это „нестерпимое глупое высокомѣріе“ (§ 134) привело къ тому, что чужіе народы считались „черною костью“ въ сравненіи съ нашимъ „бѣлымъ царемъ“, и полагалось, что нѣтъ на свѣтѣ ничего выше и больше, чѣмъ Иванъ Великій, Царь-колоколъ и Царь-пушка. Раболѣпный народъ отстоялъ противъ самого Василія III свою бороду, которая служила такимъ же символомъ святой Руси, какъ татарскій халатъ

и византійское облаченіе. Даже такіе враги старины, какъ Нилъ Сорскій, Максимъ Грекъ и Курбскій, жили по „чиновнику“ и Домострою, этимъ плодамъ Византіи временъ отцовъ церкви. Такое потрясеніе, какъ розруха, въ быту было лишь рябью на поверхности океана: какъ при разгромахъ татаръ, русскіе разбрелись розно, потомъ опять собрались, наплодились—и потянулась старая пѣсня.

Умственная незрѣлость—плодъ *невѣжества*, которое составляетъ главное отличіе древней Руси отъ Запада. Русскому некогда было заниматься наукой, теоріей: самый политическій народъ въ Европѣ, послѣ спартанцевъ, онъ до того былъ увлеченъ своею практической задачей, что считалъ ихъ забавой празднолюбцевъ. А ревнивая къ умственному единообразію церковь внушала ему, сверхъ того, что подобныя занятія — такой же грѣхъ, какъ народная поэзія и свѣтское пѣніе. Оттого письменность древней Руси, за немногими исключеніями ранняго времени, представляетъ какъ бы восточное явленіе, которое отчасти повторилось только въ Византіи. На протяженіи восьми вѣковъ, въ ней почти нѣтъ исторіи, смѣны направленій, да почти нѣтъ и именъ сочинителей, которые замѣнялись „списателями“ и переводчиками. Это—нерасчлененная, смутная масса, въ которой можно начинать хоть съ конца. Съ 10-го до 18-го в. тянется рядъ однѣхъ и тѣхъ же рукописей, которыя укладываются въ нѣсколько сборниковъ, разнообразясь только количествомъ ошибокъ въ разныхъ изводахъ. Если подконецъ сюда проникали отклики Запада, то Коперникъ спокойно помѣщался подлѣ Индикоплова, не нарушая силы трехъ китовъ, на которыхъ покоился пупъ земли.

То была все церковная или навѣянная церковью письменность, и по большей части переводы съ греческаго. Переводили буквально, что̀ вело къ нелѣпицамъ, при разности въ строѣ двухъ языковъ; ктому же брали искусственныя сочиненія, которыя предназначались въ Византіи для утонченной интеллигенціи, а у насъ были „мудростью запечатлѣнною“. Оттого нерѣдко оставляли непонятныя греческія слова или переводили такъ, что не добьешься смысла безъ сличенія съ подлинникомъ. А „книгочія“ поглощалъ все это съ благоговѣніемъ, какъ вкушалъ просвирку, не проронивъ крохи: отсюда *буквоѣдство* нашихъ начетчиковъ. То же происходило съ зачатками свѣтской письменности, какъ видно изъ сличенія судебъ одной и той же повѣсти у насъ и на Западѣ (§ 178). Нашъ читатель не могъ предъявлять къ

своей письменности новыхъ требованій, въ силу своей косности. Между тѣмъ какъ даже въ Польшѣ иные кучера и горничныя говорили полатыни, у насъ былъ весьма ограниченъ самый кругъ грамотныхъ; а о школьной наукѣ не было и помину. Наша сухая, византійская письменность стала только украшаться, подконецъ, подъ вліяніемъ польскаго риторства, „широковѣщательною и многошумящею“ рѣчью, совсѣмъ непостижимою для любителей „книжнаго почитанія“.

Всѣ указанныя отличія древней Руси сводятся къ общей поучительной чертѣ, которая поясняетъ, что̀ можетъ сдѣлать народъ-ребенокъ въ бытовомъ развитіи, на долю котораго выпадаетъ широкая политическая задача. Это—всесторонняя *смута*, хаосъ. Какъ въ само̀мъ православномъ, такъ и въ его святой Руси не было ясныхъ, выпуклыхъ чертъ, не замѣчалось точныхъ опредѣленій, расчлененныхъ разумомъ понятій, строгаго раздѣленія труда: все дѣлала сама жизнь, случайная практика; вездѣ робкіе опыты да примѣры, не сведенные къ правиламъ, къ теоріи.

Самъ государственный „нарядъ“ былъ скорѣе безпорядокъ, засвидѣтельствованный Несторомъ (§ 19). Даже самодержавіе вносило смуту въ жизнь постояннымъ произволомъ (§ 114), не говоря уже про такія глубокія противорѣчія, какъ двѣ поры Грознаго. На Верху все велось на словахъ да по памяти, что̀ способствовало сохраненію пережитковъ. Нерѣдко государь самъ не понималъ своей роли: властелинъ отдѣльныхъ лицъ и минутъ, онъ былъ рабомъ „чина“ своего званія, „пошлаго“ обычая. Онъ проводилъ новый порядокъ полусознательно, „тихимъ московскимъ обычаемъ“, боязливо примѣриваясь. Нерѣдко онъ самъ, также какъ и его дума, „отставляли“ свои приговоры; нерѣдко общество подталкивало его, „радуясь“, напримѣръ, какъ дитя, новому громкому титулу (§ 122). Съ другой стороны, приказные съ трепетомъ поглядывали на Верхъ: они обыкновенно спрашивали думу—рѣшать ли дѣло по закону, или посылать его туда „въ докладъ“? Да и законы-то ограничивались тощимъ Судебникомъ. Управленіе шло по обычаю, по памяти да по заковыкамъ приказовъ, которые сами представляли образецъ путаницы: даже придворное чиноначаліе установилось лишь къ концу древней Руси (§ 162). Всюду проглядывалъ еще вотчинный взглядъ: до самой розрухи встрѣчались пережитки волостей-княженій (§ 161); основою распорядковъ все еще служила дробная мѣстность, а не общегосударственные предметы вѣдомства. Лишенные сословныхъ опредѣленій князья, бояре и церковники, гости, посад-

скіе и крестьяне переплетались между собой въ занятіяхъ. Самъ Верхъ путался въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ. Онъ то спѣшилъ съ закрѣпощеніемъ мужика, то пріостанавливалъ его; сегодня наддавалъ права служилымъ, завтра сокращалъ ихъ; ему хотѣлось отобрать земли у церковниковъ, но ихъ угрозы анаѳемой заставили его преслѣдовать ученіе Нила Сорскаго (§§ 115, 119). Въ угоду этимъ же стражамъ старины, онъ притѣснялъ имъ же призванныхъ иностранцевъ. Оттого-то Грозному пришлось испить горькую чашу переписки съ Курбскимъ. И его же созданіе, первыя печатныя книги на Руси, какъ бы говорили міру за него: „ты побѣдилъ, Галилеянинъ!"

При такой смутѣ въ государствѣ, нечего и говорить про бытъ древней Руси. Въ умахъ трудно отличить, гдѣ кончается одна вѣра и начинается другая, въ письменности — гдѣ кончается Библія и начинается апокрифъ (§ 179), гдѣ поправка владыки или собора и гдѣ ошибка списателя-невѣгласа. Въ нравахъ, въ искусствѣ, не исключая „русскаго" узорочья, во внѣшнемъ быту—всюду смѣшеніе неожиданныхъ крайностей, своенравная путаница заимствованій чуть не со всего свѣта. Древняя Русь, это—ларь скопидома, или кладъ съ монетами разныхъ временъ. Ея символами служатъ Василій Блаженный да кремлевскій дворецъ (§ 181), гдѣ сливались всякіе пошибы въ грудѣ разбросанныхъ зданій и хранились драгоцѣнности татарскія, арабскія, персидскія, византійскія, западныя изъ разныхъ временъ. И ея языкъ кишитъ всякими составами—варяжскимъ, византійскимъ, татарскимъ, польскимъ, латинскимъ, нѣмецкимъ. Немудрено, что еще такъ много смутнаго въ изученіи древней Руси, тѣмъ болѣе, что она, храня дорогія бездѣлушки, частью истребила важнѣйшія свидѣтельства, частью не позаботилась сберечь ихъ. Историкъ не можетъ полагаться даже на точные съ виду термины: въ 16-мъ в. „сокольниками" именовались тѣ, которые „платятъ за соколы оброкъ", а это были сапожники и хлѣбопеки. Такъ, почти вездѣ тогда „св. Пятница бывала на св Прасковью", а аллилуія шла въ „скокъ, перескокъ, недоскокъ" (§§ 178, 181).

Такъ, древняя Русь не даетъ опоръ для „нестерпимаго высокомѣрія". Она *не внесла новыхъ началъ и идеаловъ* въ сокровищницу человѣческаго развитія: питаясь чужимъ добромъ, она не перерабатывала его въ перлы искусства или науки, а зачастую искажала съ высокомѣріемъ невѣгласа. Во многихъ отношеніяхъ, „святая" Русь оказалась святою простотой.

Но древняя Русь явила новый и рѣдкій въ исторіи примѣръ благородной борьбы народа-страдальца съ тяжкими условіями за высшія блага человѣчества. Въ этомъ смыслѣ она, въ свою очередь, не даетъ опоръ ни для отчаянія, ни для самоуничиженія. Древняя Русь подчинена общимъ историческимъ законамъ. Независимость обезпечена великому историческому народу; а своеобразіе, котораго не лишена даже ни одна личность,—дѣло времени, развитія. Древняя Русь во многомъ поражаетъ своимъ *сходствомъ съ Европой* до названій въ мелочахъ. Западъ не только былъ такою же святою простотой въ свое время, но отчасти сохранялъ до конца періода видъ смуты отъ пережитковъ средневѣковья: тамъ были даже свои розрухи и самозванцы въ свою переходную пору (§ 109). Въ своемъ быту Европа также представляла смѣсь всякихъ вліяній, не исключая азіятскихъ; но она успѣла претворить ихъ въ новую, богатую гражданственность и полагала своею гордостью истребленіе пережитковъ старины. И эта разница объясняется не тѣмъ, что на Западѣ жили какіе-то избранники: перенесенные на востокъ, они оказались бы тою же святою Русью. Иностранцы сами сознавали это. Гнушаясь бытовою отсталостью московита, они скорѣе боялись, чѣмъ презирали этого сильнаго „варвара", который, среди самыхъ тяжкихъ условій, собралъ громадную землю, создалъ большое государство и, едва освободившись отъ татарскаго ига, уже протягивался къ пяти морямъ, даже переходилъ въ наступленіе на Западъ. Иностранцы дивились переимчивости русскаго, который своими заимствованіями со всего свѣта готовилъ богатый матеріалъ для своего будущаго творчества. Они понимали, что если Москва—не Аѳины, то и не Спарта, разрушительница прогресса, что это—чернорабочій человѣчества, „богатырская застава" Европы отъ азіятчины. Развивъ, благодаря этой защитѣ, свою гражданственность, Западъ подконецъ несъ ее къ московиту, какъ достойную плату своему брату, арійцу.

Русь также тянулась къ *Западу,* возращаясь къ лучшимъ преданіямъ Кіева, подорваннымъ Византіей, усобицами и татарами. Въ этомъ стремленіи къ старшему, по образованности, брату лежалъ главный залогъ великой будущности. Древняя Русь проявляла его въ каждую счастливую минуту: „ученье—свѣтъ, а неученье—тьма", это было такимъ же непрерывнымъ призывомъ жизни, какъ византійство было преданіемъ застоя. Первообразъ московита, суровый скопидомъ и властодержецъ,

оторванный отъ всего міра въ своей захолустной опричнинѣ, Андрей Боголюбскій призвалъ фрязиновъ—и св. Маркъ изъ Венеціи сталъ гулять, въ суздальскомъ нарядѣ, по всей святой Руси (§ 69). Не успѣла Русь освободиться отъ татаръ, какъ уже горячо, смѣло схватилась за западный вопросъ и за упущенное бытовое развитіе. Тотчасъ ея повелитель выбралъ себѣ подругу на Западѣ (§ 114)—и настала та знаменитая пора, которая считается и настоящею Московіей, и нашимъ первымъ Возрожденіемъ (§ 174). Москва съ жадностью стала брать все съ Запада, отъ свѣтскихъ учителей и типографій до одежды и манеръ: она брала даже черезъ посредство своихъ враговъ — поляковъ и погубленнаго ею Новгорода. Сразу появились и западныя книжки на Верху, и наши выходцы, которые посрамляли своимъ бѣгствомъ запретъ поучиться въ Европѣ и пожить почеловѣчески.

Московія, въ своихъ лучшихъ слояхъ и стремленіяхъ, вдругъ стала походить на татарскую Русь меньше, чѣмъ Россія 18-го вѣка походила на нее самое. Такія явленія, какъ Нилъ Сорскій (§115), этотъ живой протестъ Новаго Завѣта противъ византійства осифлянъ, или какъ возстаніе самого Стоглава противъ старины, не говоря уже про письма Курбскаго, сдѣлали бы честь и Западу: въ нихъ сказалась сила европейскихъ идеаловъ въ пробужденномъ даровитомъ обществѣ. Курбскій и его друзья — уже зрѣлый патріотизмъ: то были питомцы Запада, но съ русскою душой. Сами жертвы древней Руси, они любили „святорусскую землю“ и всю жизнь боролись за ея освобожденіе отъ заматерѣлаго зла. Въ ихъ царственномъ противникѣ воплотился всеобщій расколъ, споръ между азіятчиной и европеизмомъ, между Византіей и Западомъ, борьбадревней Руси съ зачатками новой. Въ этой борьбѣ, достойной великаго народа, помутился умъ царя, какъ, по смерти его, замутилась и вся земля.

Но новая Россія росла, не взирая ни на что. Годуновъ уже былъ западнымъ человѣкомъ, предтечей Лжедимитрія I и Морозова. И русскіе, истребляя поляковъ въ розруху, у нихъ же брали все, отъ языка до брадобритія. Подконецъ уже былъ рѣшенъ вопросъ — суждено ли Руси быть Азіей или Европой? Въ ней дѣлались попытки всестороннихъ преобразованій, отъ постояннаго войска до финансовъ и статистики; бродили новыя понятія; обнаруживались первые проблески личности; появлялись благородные характеры и развитые умы. Москва дѣятельно сносилась дипломатически съ далекимъ Западомъ. Въ

ней самой мелькала даже его обстановка и утверждалась цѣлая колонія его представителей. И уже широкою волной переходила къ ней европейская гражданственность черезъ польскую Русь (§§ 190, 192).

Не мало жизненной крѣпости и идеализма было въ народѣ, который достигъ такихъ успѣховъ человѣчности, при столь тяжкихъ условіяхъ. Вопросъ состоялъ только въ томъ—какъ понимала свою задачу единственная выработанная имъ сила, которой покорялась даже всемогущая въ такія времена церковь? Русь не могла обмануться въ своемъ самодержавіи. При всѣхъ его восточныхъ недостаткахъ, оно шло впереди народа въ силу историческаго закона, по которому въ неразвитомъ обществѣ все идетъ сверху. Оно воспитывало общественное сознаніе, подавляя всеобщую рознь и частныя льготы, облагая тяглецовъ по разрядамъ достатка. Оно смиряло спесь бояръ и сдерживало любостяжаніе церковниковъ и алчность купцовъ, покровительствуя иностраннымъ гостямъ. Оно „нещадно, во всю ивановскую“ било батогами попадавшихся приказныхъ лиходѣевъ. Оно упорно стремилось къ Западу, наперекоръ косной толпѣ и византійствующему духовенству. Съ Верха шли всѣ нововведенія, начиная съ освобожденія женщины изъ терема, съ глобуса, часовъ и театра, кончая брадобритіемъ, розами и табакомъ. Оттого подконецъ уже все предвѣщало великій историческій переворотъ, съ котораго самодержавіе же начнетъ дѣло раскрѣпощенія народа. Древняя Русь была готова принять новый мученическій вѣнецъ, но уже обвитый лаврами, достойными христіанскаго и европейскаго народа.

Древняя Русь завѣщала, съ одной стороны, весь свой сумракъ пережитковъ, съ другой—крѣпкое самодержавіе съ свѣжею династіей и народъ, который, въ своихъ передовыхъ рядахъ, съ юношескимъ пыломъ рвался къ новой жизни, подъ знаменемъ европейскаго просвѣщенія (§ 171). Чтобы настала *пора преобразованій* коренныхъ, небывалыхъ, требовалась особенно крупная личность на Верху. Въ ней должны были воплотиться: безграничная власть и такая же воля, свѣтлая мысль и ясныя желанія, непреодолимая страстность и неусыпное трудолюбіе, любовь къ своей странѣ до самопожертвованія и жажда знанія съ переимчивостью ребенка, съ благоговѣніемъ юноши къ своимъ учителямъ, наконецъ—отвага героя, равная жгучей ненависти къ недостаткамъ старины. Таковъ былъ представитель новой Россіи, — тотъ Петръ, который признанъ Великимъ уже не

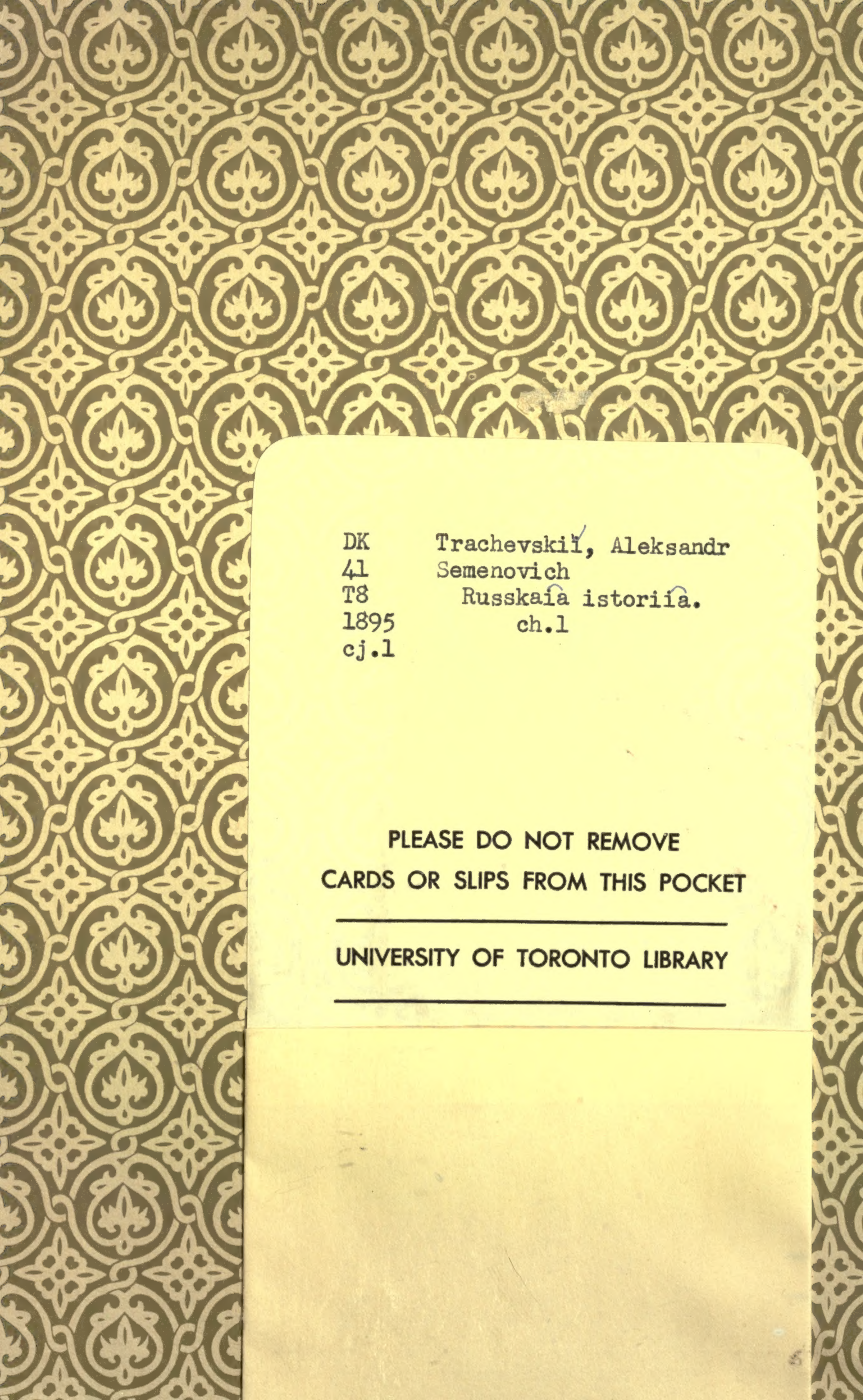
„нестерпимымъ высокомѣріемъ“ своего народа, а голосомъ всего міра,—тотъ небывалый исполинъ исторіи, за порожденіе котораго простятся всѣ грѣхи его матери, древней Руси.

Но переворотъ, произведенный Петромъ, привелъ бы только къ разрушенію востока Европы, а не къ созданію новой Россіи, еслибы нашъ народъ не подготовлялся къ нему раньше „тихимъ московскимъ обычаемъ“. Все, что̀ происходило послѣ перваго Романова, уже носитъ на себѣ иной отпечатокъ, чѣмъ прежде. Вторая половина 17-го в. болѣе походитъ на эпоху Петра, чѣмъ на четвертый періодъ. Она сливается съ нею до того, что ихъ невозможно разъединить: во всѣхъ сторонахъ жизни, сѣмена одной даютъ плодъ въ другой. Новая исторія Россіи начинается около 1650 г.: царствованія Алексѣя и Ѳедора и правленіе Софьи—ея первая, вводная глава.

Конецъ I-й части.

ГЛАВНЫЯ ПОПРАВКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно читать.*
20	9 снизу	золотники	златники
37	18 сверху	*погосты* (§ 11)	*погосты* (§ 11) и *станы*
48	3 „	*Остромíра*	*Остромира*
58	3 снизу	обнесенной	окруженной
75	16 сверху	берендеи	берендѣи
97	10 „	гдѣздами	гнѣздами
127	14 „	Словѣ	Моленіи
138	15 снизу	„палатей“	„полатей“
159	22 сверху	Кейстутъ	Кестутъ
164	9 снизу	поручій	наручей
171	19 сверху	ок. 1450	1395
174	17 „	*колпакъ, копѣйка, сундукъ*	*колпакъ, сундукъ*
175	8 сверху	*Іалицкое*	*Галицкое*
220	5 снизу	*апокриѳы*	*апокрифы*
226	12 сверху	*маковницы*	*маковицы*
227	10 снизу	третьяго	четвертаго
236	2 сверху	Букарештѣ	Бухарестѣ
258	16 и 23 сверху	(§ 114)	(§ 115)
266	3 снизу	(§ 111)	(§ 114)
272	14 сверху	(§ 125)	(§ 122)
338	6 снизу	о отъ	а отъ
378	17 „	„дворцы“	„дворы“
393	8 „	ухажаями	ухожаями
397	1 сверху	рабой	рабомъ
402	19 снизу	станицу	столицу
403	2 сверху	ровно	розно
417	2 „	(карты), кости	(кости), карты
425	22 „	отворъ	отпоръ
495	12 снизу	Вила	Вина
533	3 „	ихъ,	ихъ,—
533	5 сверху	спѣсь	спесь
565	20 „	мира	мира“



DK 41 T8 1895 cj.1
Trachevskiĭ, Aleksandr Semenovich
Russkaia istoriia. ch.1

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY